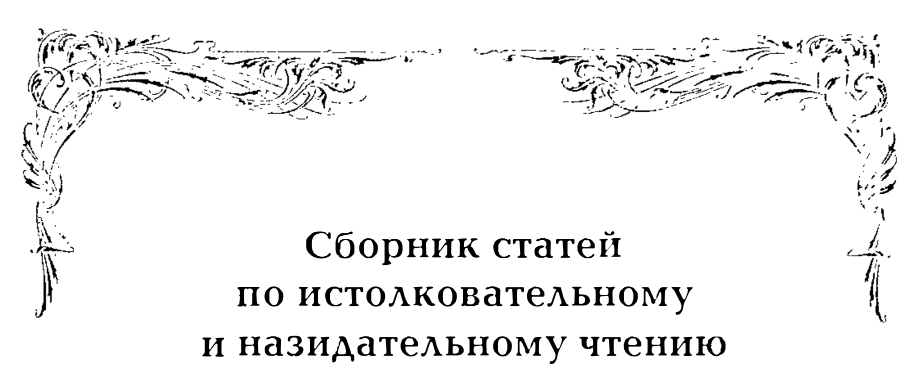

Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению ДЕЯНИЙ святых апостолов

с библиографическим указателем

составил инспектор

Симбирской духовной семинарии

М. Барсов

ТрейдСервис

Москва
Лепта Книга
2006

УДК 27-248.2-277(082)
ББК 86.37я43
С23

**ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ
СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЯ II**

М.В. Барсов
С23 Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых апостолов. — М.: Лепта Книга, 2006. — 720 с.

ISBN 5-91173-020-0

«Сборник» был составлен в 90-х гг. XIX в. инспектором Симбирской духовной семинарии Матвеем Васильевичем Барсовым (1842-1896) с целью собрать в одну книгу замечательные святоотеческие, пастырские и богословские комментарии на Деяния, разбросанные по множеству духовных журналов и книг, малодоступных для читателя как тогда, так и сегодня.

«Сборник» предназначен для всех, кто желает понять и подробнее изучить книгу Деяний святых апостолов. Он также может использоваться преподавателями и студентами духовных учебных заведений в качестве хрестоматии по изучению Священного Писания, может служить основой для подготовки проповедей и бесед.

УДК 27-248.2-277(082)
ББК 86.37я43

ISBN 5-91173-020-0

ВВЕДЕНИЕ

О том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, Главу Церкви, от тела Церкви и, в частности, от святых пророков и апостолов

Никанор, архиепископ Херсонский.
«Беседы и поучения», т. 4, Одесса, 1887

В нашем отечестве появилось ересеучение, которое отделяет Господа Иисуса Христа от апостолов и от Церкви и пустословит, что Иисус Христос провозгласил действительно высочайшее, чистейшее, истинно божественное учение; но это учение будто бы изменили, во-первых, апостолы, а затем апостольские преемники, пастыри и учители церковные; будто исказили его до неузнаваемости, обременяя его с течением веков больше и больше — каждый от себя собственными измышлениями. Оно не ново — это лжеучение. Оно современно самим апостолам. Уже в их пору появилось много лжеапостолов, которые усиливались принимать личину апостолов Христовых, а об истинных апостолах Христовых внушали, что они не чисто проповедуют Слово Христово (2 Кор. 2:17; 12:13). Это лжеучение особенно резко выказалось в писаниях Цельса — язычника, злейшего врага Христовой Церкви — еще во II веке.

Между тем это ересеучение разрушает один из коренных догматов христианства — догмат о том, что нельзя отделять Господа нашего Иисуса Христа, как Главу Церкви, от тела Церкви вообще и, во-вторых, от пророков и апостолов. Такое отделение противно ясному, точному, многократно и многообразно повторенному учению самого Иисуса Христа и всему разуму несомненно подлинного исторического учения святых апостолов.

Если бы кому недостаточными показались евангельские свидетельства в подтверждение истины, что свв. апостолы только продолжали проповедь Самого Иисуса Христа, не придумывая от себя ничего с нею несогласного, то вот целый ряд поразительнейших доказательств той же истины в книге Деяний апостольских, написанной писателем третьего Евангелия, св. евангелистом Лукою. Вот Иисус по воскресении повелевает апо-

столам «от Иерусалима не отлучаться, но ждать исполнения обетования Бога Отца, о котором вы слышали от Меня», — говорил им воскресший Господь пред самым вознесением. «Спустя немного дней вы имете креститься Духом Святым. И когда найдет на вас Святый Дух, вы примете силу и будете для Меня свидетелями во Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии, и даже до концев земли» (Деян. 1: 4–8). Вот один из лика двенадцати, Иуда Искариотский, отпал и погиб; апостолы озабочены восполнением своего священного лика, и первоверховный Петр держит к ним такую речь: «Итак, надобно, чтоб один из тех, которые находились с нами во все время, когда пребывал и обращался с нами Господь Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его. И поставили двоих, Иосифа и Матфия, и помолились и сказали: «Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и апостольства. И бросили о них жребий» (Деян. 1: 21–26). Итак, что значило принять жребий апостольства? Значило принять назначение быть свидетелем, проповедником, на основании личного свидетельства, воскресения Иисуса Христа и всех Его деяний и учения за все время, когда пребывал и обращался Господь Иисус с апостолами, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который вознесся от них пред очами их на Небо. За сим через всю книгу Деяний переходит эта идея, что свв. апостолы были именно свидетелями жизни, деяний и учения Иисуса Христа. В этом звании свидетелей они сами себя признают и постоянно заявляют, что они свидетели, и возвещают то именно, чему сами личные свидетели.

Так, тотчас по сошествии Святого Духа первоверховный Петр, сказав великому собранию народа свою первую проповедь, заключает ее так: «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели. Затем Он, быв вознесен десницею Божиею и приняв от Отца обетование Святого Духа, излил то, что вы ныне видите и слышите» (Деян. 2: 33–44). То же, немного дней спустя, утверждает первоверховный Петр в речи к народу и во храме иерусалимском: «Мужи израильские! Бог отцов ваших прославил Сына Своего Иисуса, Которого вы предали; вы от святого и праведного отреклись, Начальника жизни убили. Сего Бог воскресил из мертвых, чему мы свидетели» (Деян. 3: 12–16). То же выражает первоверховный Петр и в речи перед синедрионом, когда начальники иудейские запрещали им учить о имени Иисусовом. Петр же и Иоанн в ответ сказали им: «Аще праведно есть перед Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати» (Деян. 4: 19–20) — не свидетельствовать о том, чему были очевидцами и свидетелями. «И с великою силою, — заключает дееписатель (Деян. 4:33), — апостолы свидетельствовали о воскресении Господа Иисуса Христа». Когда вторично поставили

апостолов в синедрионе и спросил их первосвященник, говоря: «Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем? И вот вы наполнили Иерусалим учением вашим», Петр и прочие апостолы в ответ сказали: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам. Бог отцов ваших воскресил Иисуса, Которого вы умертвили, повесив на древе. Его возвысил Бог десницею Своею в Начальника и Спасителя. Свидетели Ему в сем мы и Дух Святый, Которого Бог дал повинующимся Ему» (Деян. 5: 27–32). Когда Самария приняла Слово Господне от Филиппа и когда находившиеся в Иерусалиме апостолы после убиения Стефана, услышав, что самаряне приняли Слово Божие, послали к нему Петра и Иоанна, сии апостолы, прибыв в Самарию, засвидетельствовали, как выражается св. дееписатель (Деян. 8:25), и проповедали там Слово Господне, затем обратно пошли в Иерусалим и во многих селениях самарийских проповедали Евангелие. То же первоверховный Петр возвещает и в доме Корнилия сотника: «Бог, – проповедует св. Петр, – послал сынам израилевым Слово, благовествуя миру через Иисуса Христа; Сей есть Господь всех. Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения проповеданного Иоанном, как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благотворя и исцеляя всех обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним. И мы свидетели всего, что сделал Он в стране иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе. Сего Бог воскресил в третий день и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предызбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили по воскресении Его из мертвых, и Он повелел нам проповедовать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых. О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий, верующий в Него, получит прощение грехов именем Его» (Деян. 10: 36–43).

То же самое св. Петр пишет и во втором послании своем (2 Пет. 1: 16–18), что «мы возвещаем вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв очевидцами Его величия». И далее повествует, что Христос Господь от Самого Бога Отца принял честь и славу, когда от велелепной славы принесся к Нему такой глас: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. И этот глас, – прибавляет святой первоверховный апостол, – принесшийся с небес, мы сами слышали, будучи с Ним на святой горе Преображения». И что сами апостолы видели и слышали, то благовествовали Духом Святым, ниспосланным на них с небес. Не только апостолы, но и пророки благовествовали Духом Святым, именно Духом Христовым, в них живущим. «Пророки предсказывали, – пишет св. Петр (Пет. 1: 10–12), – как указывал сущий в них Дух Христов, Который предвозвещал через них страдания Христовы и последующую за ними славу; Им открыто было, что не

им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым (апостолами), посланным с небес. Никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые божие человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1:21). В частности, также о св. Павле св. Петр дал свидетельство, что Павел написал свои послания по данной ему от Бога премудрости (2 Пет. 4:15).

Подобным же образом св. евангелист Иоанн в конце своего Евангелия заявляет, что он только ученик-свидетель того, что творил и чему учил его божественный Учитель (Ин. 21: 24–25), что видевший свидетельствует о сем, и истинно свидетельство его, и он знает, что говорит истину (Ин. 19:35). «Мы свидетельствуем вам о том,— так начинает Иоанн свое первое послание (Ин. 1: 1–3), — что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни (ибо сия жизнь явилась, и мы видели и свидетельствуем и возвещаем вам сию вечную жизнь, которая была у Отца и явилась нам), о том, что мы видели и слышали, возвещаем вам сие и пишем вам. Мы свидетели, и вы знаете, что свидетельство наше истинно», — так заключает Иоанн свое третье послание (3 Ин, ст. 12).

Евангелист Лука тоже свидетельствует, что он пишет свое Евангелие «о совершенно известных между нами событиях» и пишет так, «как предали нам то бывшие с самого начала самовидцами и служителями Слова». А в начале Деяний апостольских св. евангелист Лука так определяет содержание своей книги, то есть Евангелия: «Первую книгу написал я о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием» (Деян. 1: 1–3). Чему мы все точию свидетели есьмы, могли сказать о себе все апостолы, могли сказать и в конце своей апостольской проповеди, как говорили в начале (Деян. 2:32).

Павлу апостолу Сам Господь при самом первом явлении Своем ему сказал: «Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что Я открою тебе» (Деян. 26:16). Тогда же, посылая Ананию к Павлу, Господь Иисус засвидетельствовал о нем, что это — «Мой избранный сосуд, Мое избранное орудие, чтоб возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами израилевыми. И Я покажу ему, сколько он должен подвизаться и пострадать за имя Мое» (Деян. 9: 15–16). Анания же, явившись тогда же Павлу, возвещает ему, что «Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал» (Деян. 22: 14–15). Св. Павел назы-

вает других апостолов также свидетелями Христовыми. Так называет, например, Стефана (Деян. 22:20), говоря в видении к лицу самого Господа Иисуса Христа: «проливалась кровь Стефана, свидетеля Твоего»... Так называет и других апостолов в своей речи к иудеям в Антиохии Писидийской, определяя содержание и характер их проповеди таким образом: «Жители Иерусалима и начальники их, не узнав Иисуса, исполнили слова пророческие. И не нашедши в Нем никакой вины достойной смерти, просили Пилата убить Его. Когда же исполнили все написанное о Нем, то, сняв с древа, положили Его во гроб. Но Бог воскресил Его от мертвых. Он в продолжение многих дней являлся тем, которые вышли с Ним из Галилеи в Иерусалим и которые ныне суть свидетели Его пред народом» (Деян. 13: 27–31). Господь Иисус называет служение Павла свидетельством, говоря ему в видении: «Как свидетельствовал ты о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (Деян. 23:11). Подобным образом и сам Павел называет свое апостольское служение свидетельством же. «Не обинухся, — говорит он пресвитерам ефесским, — научити вас пред людьми и по домам, засвидетельствуя иудеем же и еллином к Богу покаяние и веру в Господа нашего Иисуса Христа, чтобы скончати течение мое с радостию и службу, юже приях от Господа Иисуса — засвидетельствовати Евангелие благодати Божия» (Деян. 20: 20–24). «До сего дня стою, — говорит Павел в речи пред царем Агриппою, — свидетельствуя малому и великому, ничего не говоря кроме того, о чем пророки и Моисей говорили, что это будет, то есть что Христос имел пострадать и, восстав первым из мертвых, возвестил свет народу иудейскому и язычникам» (Деян. 26: 22–23). Также и о последнем времени деятельности св. Павла в Риме св. дееписатель замечает, что он «учил иудеев в Риме, свидетельствуя Царствие Божие и уверяя их, яже о Иисусе (приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе) от закона Моисеева и пророков» (Деян. 28:23).

Общее же отношение апостолов, как и пророков, как и всей Церкви, не только Новозаветной, но и Ветхозаветной, к Господу Иисусу Христу и Святому Духу и к истекающей из Них Божественной Истине св. Павел, как и прочие апостолы, представляет в следующем виде. Все верующие в Иисуса Христа суть члены единого тела Церкви. Церковь земная, новозаветная, современная, воинствующая родственно связана с Церковью прошедших времен, с Церковью Ветхозаветною, с Церковью торжествующею, небесною, даже с миром горних небесных духов. Весь этот великий Собор горних небесных духов и отшедших душ, Церкви торжествующей, небесной и воинствующей, земной, Ветхозаветной и Новозаветной, Церкви прошедших и настоящих времен связуется в едином узле, в лице Богочеловека, божественного Архистратига Сил Небесных, Господа нашего Иисуса, как своего Главы. В Нем и через Него вся совокупность спасен-

ных и спасаемых душ усыновлена Богу Отцу и дерзает называть Его своим Отцом. Вся эта совокупность спасенных и спасаемых душ одухотворяется Духом Святым, Духом Божиим, Духом Христовым. Сей-то Дух наставляет на всякую истину всю совокупность членов Церкви, в частности же, и преимущественно просвещает святых божиих человеков, пророков и апостолов, пастырей и богопоставляемых учителей церковных, так как в живом теле Церкви разные члены имеют от Бога разные служения и назначения, дарования и силы.

Един Дух дышит во едином теле Церкви. Един над нею Господь и един Бог и Отец всех. Все мы единым Духом напоены. Каждому из нас дается благодать Христова. Никто не может даже уверовать в Господа Иисуса и признавать Его Господом, как только через Духа Святого. Всю Церковь просвещает и научает Един Дух Святой. «Все верующие, — по слову Иоанна Богослова (1 Ин. 2: 20–27), — имеют помазание от Святого и знают все необходимое для их спасения. И помазание, которое они получили от Него, в них пребывает, и они (все в совокупности) не имеют нужды, чтобы кто учил их, потому что самое сие помазание учит их всему, и оно истинно и неложно, и им остается только пребывать в том, чему оно научило их». Тем не менее в церкви, хотя и «один и тот же Дух, — как пишет св. Павел к коринфянам, — но дары Его различны. И Господь Иисус Христос — один и тот же, действует вся во всех, но действия различны. Каждому дается разное проявление Духа на общую пользу тела Церкви. Каждому из нас дается благодать, но по разной мере дара Христова. Одному дается Духом слово премудрости, другому — слово знания тем же Духом. Иному — вера тем же Духом, иному — дары исцелений тем же Духом. Иному — чудотворения, иному — пророчество, иному — разные языки. Все же сие производит Один и Тот же Дух, разделяя каждому особо своею властию, как Ему угодно. Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, так и Христос. Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему угодно. Не может глаз сказать руке: ты мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее. И вы — тело Христово, а порознь — члены. И иных Бог поставил в Церкови, вопервых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, разные языки. Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли чудотворцы? Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? Ревнуйте о дарахбольших — о любви, которая есть верх совершенства (1 Кор., гл. 12). И Господь поставил одних апостолами, других — пророками, иных — евангелистами, иных — пастырями и учителями с особою целью, в особых видах, именно: к совершению святых, на дело служения для созидания Тела

Христова, доколе все приидем в единство веры и познания Сына Божия, в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова; дабы мы не были более младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякими ветрами учения по лукавству лукавых человеков, по хитрому искусству обольщения, но истинною любовию все возвращали в Того, Который есть глава — Христос» (Еф. 4: 7–16). Отсюда открывается, что хотя и все верные просвещаются духом Божиим в познании спасительной евангельской истины, однако же Бог нарочито посылал и посылает апостолов, пророков и евангелистов, пастырей и учителей, чтобы верные не были младенцами, которые влаются и скитаются всяким ветром учения во лжи человеческой. Тайна Христова не была возвещена всем поколениям сынов человеческих так, как открыта святым апостолам Христовым и пророкам Духом Святым (Еф. 3:5).

Пусть истинные пророки, как и апостолы, были просвещены Духом Святым и излагали свои писания под Его божественным наитием. Но как отличить истинных пророков от неистинных? Как отличить истинных апостолов от лживых? Как отличить истинные пророческие и апостольские писания от подложных?

Тщательно оберегая чистоту Христова Евангелия, истинные Христовы апостолы указали своими поступками и писаниями множество лиц и общих начал несогласных с Христовым учением. Этими указаниями переполнены как Евангелия, так и Деяния апостольские и все апостольские послания, как и Апокалипсис. Перечислять их нужды нет (напр., Апок., гл. 2 и 3; Тит. 3: 9–10; 2 Тим. 4:14 и т.п.). Стоит прочитать послания Иакова, Петра, Иоанна, Иуды, чтобы видеть, как стойко, бодрственно и неусыпно стояли святые апостолы на страже, оберегая чистоту Христова Евангелия. «Есть лжеапостолы, — предостерегает св. Павел коринфян (2 Кор. 11: 13–15), — лукавые делатели, которые принимают чин апостолов Христовых. И неудивительно, потому что сам сатана принимает вид ангела света; неудивительно, если и служители сатаны принимают вид служителей правды». «Есть люди, смущающие вас, — предостерегает св. Павел галатийцев (Гал. 1: 7–12), — желающие превратить благовествование Христово. Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь опять говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли от нас, да будет анафема. Это потому, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое. Ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа». «Аще кто приходит к вам и сего Христова учения не приносит, не приемлите его в дом и радоватися ему не глаголите», — заповедует и Иоанн Богослов (2 Ин., ст. 10). «Блюдитеся от псов, — предостерегает св. Павел филиппийцев, — блюдитеся от злых делателей,

блюдитеся от разделения. Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас. Ибо многие, о которых я говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают, как враги Креста Христова» (Флп. 3: 2, 17, 18). Святые апостолы даже друг над другом бодрствовали, чтобы предусмотрительное приспособление их к обстоятельствам и к терпимым воззрениям людским, по апостольскому правилу – всем быть вся, да всяко некия спасут – чтобы такое приспособление не причиняло соблазна и вреда немощным (Гал. 6: 11–15; Деян. 21: 15–25); чтобы даже истинная, но таинственная, неудобоуразумеваемая апостольская проповедь не была искажаема и превращаема в пагубное заблуждение (1 Пет. 3: 15–17; Иак. 2: 14–26).

В избрании двенадцати апостолов, которых имена и жизнь исторически известны, которые были непосредственными учениками и свидетелями-очевидцами Иисуса Христа, которые за истину Его учения пожертвовали и жизнью своею, заключается историческое доказательство того, что они не ложные свидетели и проповедники чистого и подлинного Евангелия Христова. Но сверх этого, естественноисторического, имеется еще непреложное и бесспорное сверхъестественное доказательство той же истины. Это последнее заключается во множестве чудес, какие совершались свв. апостолами, какими они сами подтверждали божественное происхождение своего посланничества и проповедания. Так, священный дееписатель повествует, что тотчас по сошествии Святого Духа на апостолов, которое само по себе было уже очевидным чудом, так как сопровождалось явным знамением получения дара языков, много чудес и знамений совершалось через апостолов в Иерусалиме (Деян. 2:42).

Книга Деяний апостольских повествованиями о чудесах свв. апостолов показывает, как неотразимо влияли на современников-очевидцев дела и слова апостолов, их чудотворения и дерзновенное бесстрашие, их указание на источник их силы в Иисусе Христе, Сыне Божием, и на древних пророков, которые предвозвещали о смерти Его и воскресении. Когда Павел с Варнавою сотворили чудо исцеления хромого от рождения в Листре, то и это чудо так поразило очевидцев и прочих, что весь народ возопил: «Боги, уподобившись человекам, сошли к нам», и хотели уже принести им языческую жертву, что и подало повод апостолу Павлу утишить это волнение известною речью к народу: «Мужи! Что вы это делаете? И мы, подобные вам человеки, и благовествуем вам, чтобы вы обратились от сих ложных богов к Богу живому, Который сотворил небо, и землю, и море, и все что в них; Который в прошедших родах попустил было всем народам ходить своими путями, хотя и не переставал свидетельствовать о себе благодеяниями, подавая нам с неба дожди и времена плодоносные и исполняя пищею и веселием сердца наши» (Деян. 14: 6–17). Вообще же, Бог тво-

рил немало чудес руками Павла, как и Петра, так что на больных возлагали платки и опоясания с тела Павлова, и у них прекращались болезни, и злые духи из них выходили. И Слово Божие возрастало и возмогало с великою силою (Деян. 19: 11–20).

Затем праздное дело — ставить вопрос, Павел ли написал то, что ему приписывается, — вообще вопрос о подлинности и неповрежденности книг Нового Завета. Именно насчет подлинности Павловых писаний так называемая отрицательная критика делала возражений всего менее, потому что эти возражения и невозможны. Кто, например, сомневается, что известные письма Плиния, или Сенеки, или Цицерона принадлежат Цицерону, Сенеке, Плинию? Кто сомневается, что известные сочинения Лактанция или Иустина Философа принадлежат этим лицам? На каком же основании позволялось бы сомневаться в подлинности посланий апостола Павла, когда, по свидетельству Тертуллиана, еще в III веке перечитывались и в церквах самые автографы апостольских писаний, когда люди никогда никакими писаниями не дорожили так, как писаниями апостольскими, оберегая не только каждое слово в них, но и каждую букву? Все писания Нового Завета, признанные каноническими, так тесно связаны между собою, что, выдергивая одно звено из этого величественного здания новозаветного канона священных книг, нельзя не разрушить целое здание. В целости же своей это здание совершенно беспримерно в истории. Разрушить подлинность всех этих непосредственных свидетельств основания христианства значило бы разрушить всю историческую достоверность. Это значило бы бесконечно более, чем подвергать сомнению историческое бытие Александра Македонского или Юлия Цезаря, Магомета или даже Наполеона, так как ни одна историческая личность не имела за себя столько свидетелей и свидетельств, сколько божественное лицо Иисуса Христа. Об учении Сократа свидетельствует один ученик его — Платон, а кто же не верит, что Сократ учил так, а не иначе? Кто не верит даже тому, что при кончине Сократа случилось истинное чудесное предсказание о дне его кончины? О божественном же достоинстве Христа, Его жизни и учении, чудесах и пророчествах, смерти и воскресении свидетельствуют все эти тысячи, и сотни тысяч, и миллионы Его непосредственных учеников и учеников учеников Его, которые, исследовав все испытно, признали Его Сыном Божиим и принесли этой вере в жертву всю свою жизнь, а очень многие положили за эту веру и свои головы.

Если же так, если учение Нового Завета имеет подлинно историческое значение, то, несомненно, имеет и божественное достоинство. Если же это так, то как отделять Иисуса Христа, Главу Церкви, оживляющую тело Церкви Своею жизнью, одухотворяющую Своим божественным Духом, как отделять Главу от тела и от первейших членов сего тела — святых

пророков и апостолов? Не говорим о том, что тогда, при таком отделении, все многовековое здание истинной Церкви Божией превратилось бы в мираж, в чудовищное сцепление обольщений, разгаданное вот только в наши дни. Не странно ли это? Не нелепо ли? Как не разгадали этого те миллионы миллионов, которые следовали за Христом в продолжение девятнадцати веков, особенно же те сотни тысяч и миллионы современников Христа и апостолов, которые ради Христа отвергались сродства, дружбы, всех общественных связей, общественных положений и состояний, всех имений и самой жизни?!

Если же невозможно отделять Христа от апостолов и пророков, то нельзя же отделять и от всей Церкви. Если пророки и апостолы были провозвестниками Божественной Христовой Истины, то и Церковь должна быть хранительницей сей Истины. По слову Христову, врата адовы не одолеют Церкви. Он Сам пребывает в Церкви до скончания века. И Дух Утешитель пребывает в Церкви также вовек, наставляя ее на всякую истину. Церковь остается в мире столпом и утверждением истины. Бог дал Церкви не только пророков и апостолов, но и пастырей и учителей, чтобы мы не влались всяким ветром учения во лжи человеческой; дал, и дарует, и будет давать, дондеже достигнем все в полную меру возраста Христова, то есть до кончины веков. Но были же лжеучители и лжеучения в Церкви? Да, были, в среде ересей и расколов. Тем не менее истинно Кафолическая Православная Церковь среди бурного моря заблуждений, вздымаемого бурями ересей и расколов, всегда оставалась и до века пребудет незыблемым столпом, неодолимою твердынею, неподвижным камнем — основою Божественной Истины. Отличительный характер истинно православной Церкви в том и обнаруживается, что она считала своей задачей сохранить учение Христа и апостолов в нерушимой целости не только по духу, но и по букве. Раз приняв канон священных книг от свв. апостолов, Православная Церковь во все века руководилась, в отношении к нему, завещанием св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова в Апокалипсисе (Апок. 22: 18–19): «свидетельствую всякому слышащему словеса пророчества книги сея: аще кто приложит к сим, наложит на него Бог язв, написанных в книзе сей; и аще кто отымет от словес книги пророчествия сего, отымет Бог часть его от книги животныя и от града святого, и написанных в книзе сей». Всему свету известно, что Церковь Христова хранит всякую букву священного канона, яко зеницу ока. Подобным же образом Православная Церковь относилась и к священному Господню и апостольскому преданию по завещанию св. апостола Павла: «Возлюбленные Господом братия, Бог от начала, чрез освещение от Святого Духа и чрез веру Истине Христовой, избрал вас ко спасению, к которому и призывает вас благовествованием нашим для достижения славы Господа нашего Иисуса Хрис-

та. Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим. Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, давший утешение вечное и надежду благую во благодати, да утвердит вас во всяком слове и деле благом. Верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого. Завещаем вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата поступающего бесчинно, а не по преданию, которое вы приняли от нас» (2 Сол. 2: 13–17; 3: 3–6).

Предварительные сведения о книге Деяний апостольских

Герике. «Введение в Новозаветные книги Священного Писания», ч. 1
Перевод с нем. под редакцией архим. Михаила

Содержание и цель. Книга Деяний апостольских, как вторая книга (ὁ δεύτερος λόγος, Деян. 1:1) Евангелия от Луки и всего τετραμόρφου εὐαγγελίου содержит продолжение евангелических исторических повествований о деле Христовом. Но она повествует об истории Христа, уже не пребывающего на земле, но по вознесении восседшего одесную Бога, повествует об основании апостолами Церкви Христианской сначала между иудеями, потом между язычниками; другими словами, она изображает с точною последовательностью распространение Церкви от Иерусалима, главного города иудейского народа и иудейской Церкви, через Антиохию – колыбель Церкви из язычников – до Рима, главного города языческого мира и Церкви из язычников, и таким образом, шаг за шагом следуя за историческим движением христианства на запад, она представляет переход Царства Божия, с его обетованиями и спасением, от иудеев к язычникам. Первые семена Церкви как между иудеями, так и между язычниками посеяны апостолом Петром. Но насаждению и возрастанию Церкви между язычниками особенно способствовали великие апостольские труды Павла, необыкновенным образом призванного к апостольству. Соответственно сему книга состоит из двух главных частей. В первой (гл. 1–12) повествуется преимущественно об апостольской деятельности Петра, именно: в гл. 1–7 говорится о Церкви из иудеев, а в гл. 8–12 изображается переход Церкви от иудеев к язычникам. Во второй части (гл. 13–18) повествуется о деятельности Павла и о Церкви из язычников, об основании христианских из язычников обществ в Сирии, Малой Азии, Македонии, Греции и Риме. В книге Деяний таким образом изложено, как малое общество Иисуса, соответственно Его обетованиям, руководимое Им Самим в духе веры и любви, явилось свидетелем истины об Иисусе пред миром; как потом и языческий мир, вместе с этими начатками верующих, начинал составлять единое стадо под управлением Единого Пастыря, и таким образом, говоря с Павлом (Рим. 1:16),

«Евангелие стало в историческом осуществлении силою Божиею во спасение всякому верующему, иудею же прежде и еллину»; как, наконец, по свидетельству и трудами того же Павла, благодать Евангелия, отвергнутая большинством иудеев, согласно с определением Божиим, основала новое и славное Царство Божие по преимуществу между язычниками, чтобы оттуда, напоследок времен, снова возвратиться к отвергнувшим ее и оставленным ею и привести их снова ко спасению. Этим история Церкви, переданная в канонических книгах Нового Завета, оканчивается. Описание борьбы, которую воинствующая Церковь должна непрерывно вести со своими врагами до своего окончательного торжества, предоставляется уже летописям человеческим. В самой книге изображены лишь начатки того, что в Церкви продолжается и раскрывается даже до сего дня.

Из этого содержания книги Деяний апостольских открывается и цель ее. В книге изображается история первоначального основания Церкви между иудеями и язычниками, переход новозаветного Царства Божия от первых к последним, из Иерусалима в Рим. Таким образом, Лука в Деяниях апостольских хотел из истории первоначального распространения и развития христианства в мире иудейском и языческом и из деятельности особенно способствовавших сему Петра, а потом преимущественно Павла, рассказать о том, что с этой его точки зрения казалось ему особенно важным, причем он частью сам был очевидцем описанного, частью имел от других точные сведения. Между тем в последнее время старались доказать, будто в Деяниях апостольских преследуются особенные, вне указанной прямой цели лежащие «тенденции» и именно – не говоря уже о явно несостоятельных предположениях – или общие, или частные. По одним Лука имел общую цель изобразить, что язычники наравне с иудеями призваны к участию в царстве Мессии и что христианство столь же могущественно обнаруживает свою деятельность между язычниками, как оно действенно в иудеях, и что, следовательно, Лука имел целью оправдать образ действий Павловых, именно – что не должно принуждать язычников к соблюдению обрядового закона, что и им, в силу их веры во Христа, принадлежит такое же право участия в блаженстве Царства Божия, какое принадлежит и иудеям. Но если содержание, книги Деяний несколько, по-видимому, и соответствует этой цели*, то, с другой стороны, такая цель стоит в противоречии с целым содержанием книги Деяний, иное с такою целью не совпада-

* См., напр., обстоятельный рассказ о распре между иудействующими ревнителями и апостолом Павлом; подробное описание Иерусалимского Собора апостолов и старцев, на котором составлены и утверждены относительно предмета этой распри основные правила; многое подобное свидетельствовало бы об этой цели, но все это, впрочем, и без нее так естественно у Луки, спутника апостола Павла.

ет, иное соответственно такой цели, нужно бы прибавить, что, однако же, известно только из Павловых посланий. Очевидно, в этом случае поспешно смешали точку зрения книги с ее целью. По другому, гораздо более несостоятельному, мнению у писателя книги Деяний была цель частная — изобразить апостола Павла так, чтобы все известные нам из Павловых посланий возгласы иудаистов против Павла, против его апостольского достоинства и деятельности опровергнуть с точки зрения самих же иудействующих; другими словами (как выражаются последователи новотюбингенской школы) — примирить Петрову партию с Павловою, показав согласие Петра с Павлом, причем Петр, вопреки истории, (будто бы) представляется с направлением христиан из язычников, как Павел, а Павел — с направлением христиан из иудеев, как Петр. Но не говоря уже о несостоятельности и бездоказательности мнения (которое, однако же, лежит в основании предполагаемой цели — посредства между Петром и Павлом), которое враждебные разделения односторонних партий, иудействующей и язычествующей, переносит на самих апостолов; во-первых, образ Павла, как он представляется в его же собственных, признаваемых подлинными и самою Бауровою школою, посланиях к римлянам, коринфянам и галатам, нисколько не противоречит образу его, начертанному в книге Деяний, а, напротив, содержатся в них указания, которые находят свое истолкование только в Деяниях. Во-вторых, вся эта гипотеза возводит напрасное обвинение на книгу Деяний в искусственности и предумышленности, тогда как против сего громко говорит ее поразительная простота. Наконец, нечего и говорить, что при предположении такой цели под мягким выражением «апологетическая и примирительная тенденция» скрывается обвинение в столь же грубом, сколько и произвольном и неосновательном искажении и извращении исторических фактов, и, следовательно, в уничтожении истории, ибо действующие лица книги Деяний апостольских в этом случае представляются не только лишенными, как простые люди, всякого божественного содействия, но и являются как предводители партий, поддавшиеся своему личному увлечению.

Книга Деяний составляет необходимую связь между евангелиями и апостольскими посланиями и изображает исторически явление Церкви в мире и способ ее принятия миром.

Время и место написания. Книга Деяний апостольских оканчивается сказанием о заключении Павла в узы и беспрепятственной, впрочем, при этом деятельности его в Риме, чем заключалось его апостольское течение от средоточного пункта иудейства и Церкви из иудеев до центра язычества и Церкви из язычников; следовательно, книга оканчивается на втором году Павлова заключения (Деян. 28:30 и далее), так как о его освобождении или смерти не упоминается. Вероятно, книга в это время и была написа-

на. Думали, правда, что книга Деяний апостольских не окончена. Но произвол такого предположения очевиден, ибо и Евангелие от Луки оканчивается сходно с окончанием книги Деяний по самой своей форме. Нет причины также полагать, что книга оканчивается на этом именно потому, что в это время написана. Причина сего та, что дело Павлово в мире в то время окончилось и этим достигнута главная цель писателя — изображение распространия Церкви из Иерусалима до пределов Рима.

Если во время заключения Павла в Риме там находился и сам Лука (Деян. 28: 13–16; Кол. 4:24; Флм. 24), то небезоснователен вывод Иеронима, что Рим и есть место написания книги Деяний апостольских. Но так как Лука едва ли все время был там при Павле, то несомненная правильность такого вывода остается еще не решенною.

Труднее, чем самое время написания книги Деяний апостольских, определить время каждого упоминаемого в ней исторического события, и хронология книги Деяний представляет много трудностей. Издавна делались попытки установить ее, и при этом обращали внимание на следующие пункты, как главные и исторически более определенные: побиение камнями Стефана (Деян. 8:59 и далее), обращение Павла (9:1 и далее, ср. гл. 12:2 и далее и Гал. 2:1), смерть Ирода Агриппы (12:20 и далее), голод в Палестине (11:28 и 12:25), проконсульство Сергия Павла в Кипре (13:7), изгнание иудеев из Рима (18:2), проконсульство Галлиона в Коринфе (18:12), прокураторство в Иудее Феликса (23:24 и 24:10), а за ним — Феста. По этим событиям и устанавливали хронологию книги Деяний апостольских различно. Все положительные и отрицательные результаты в этом отношении были недавно критически разобраны частью Ангером, частью Визлером. Голословные отрицания новотюбингенской школы пред результатами обоих последних оказываются ничтожными.

Подлинность. Что касается подлинности книги Деяний апостольских, то писатель ее часто указывает на себя как на спутника апостола Павла и очевидца (части) событий им описываемых (16: 10–17; 20: 5–15; 21: 1–17; 27:1; 28:16). С этими указаниями, которые беспристрастная и основательная критика должна признавать, очевидно, принадлежащими самому Луке и на основании их заключать обо всем прочем, согласны и внутренние признаки, заключающиеся в книге Деяний: точное знание описываемого времени и обстоятельств, естественность и истинность характера говорящих и действующих лиц, независимость от догматических предубеждений; это же подтверждает и ясный голос исторического предания.

Уже со второй половины II века у Иринея, в послании Лионской и Венской Церкви к азийским и фригийским, относящемся ко второй половине II века, у Тертуллиана, у Климента Алекс., в древнем, так называемом Мураториевом каноне, в древнем Сирском Пешито, у Оригена, у самого Евсе-

вия, который прямо считает Деяния апостолов издавна общепризнанным каноническим писанием Луки, и у всех писателей церковных писателем книги Деяний называется Лука (по Флм. 24; Кол. 4:14; и 2 Тим. 4:11) – верный спутник Павлов, и писание его признается всеми каноническим. Что книга Деяний, приписываемая Луке – сотруднику Павла, а не самому Павлу, с столь раннего времени и бесспорно признана каноническою, это объясняется (кроме самого содержания книги) тем, что первая часть великого труда Луки – Евангелие признавалось подлинным и каноническим по преданию об участии в нем Павла. То же значение и потому же, естественно, должно было простираться и на другую часть великого труда Луки – Деяния апостольские, тем более что и в этой книге нельзя не заметить Павлова влияния.

Но не со второй только половины II века начинает знать Церковь о книге Деяний апостольских. Еще более ранние намеки и ссылки на нее с большей вероятностью можно находить не только у Тациана, но даже у Иустина, еще яснее – у Поликарпа и у Игнатия. Конечно, ранние указания на книгу Деяний апостольских не вполне определены, и вообще, в самые первые времена христианства на нее ссылаются реже и менее определенно, чем на все евангелия и Павловы послания. Но, во-первых, древние указания и на евангелия по большей части не точные цитаты, а только ссылки. Потом книга Деяний, написанная первоначально для частного человека Феофила (Деян. 1:1), могла в столь короткое время не распространиться повсюду, так как распространены были писания апостольские, обращенные к целым христианским обществам. Наконец, и ее содержание, как ни важно и возвышенно само по себе, возбуждало менее потребностей чтения ее для христиан. Поэтому и менее сравнительно с содержанием Евангелий и большей части посланий, представлялось побуждений цитировать ее в апологетико-догматических сочинениях, каковых наиболее являлось в первохристианское время.

И у книги Деяний апостольских, как и у всех новозаветных писаний, в древней Церкви были своего рода враги, именно маркиониты, которые по основным началам своей секты должны были быть против всего того, что говорится в Деяниях апостольских об отношении иудейства и христианства, о приверженности Павла к иудейскому обряду и т.д., и которые в этом случае вместо того, чтобы искажать книгу, как это было сделано ими с Евангелием от Луки и с Павловыми посланиями, охотнее предпочли более легкое средство – прямо отвергнуть ее. Далее, манихеи, критика которых была вообще самая произвольная, должны были враждебно относиться к книге Деяний уже вследствие вражды своей к Ветхому Завету. Затем евионеи весьма естественно стали непримиримыми врагами книги Деяний апостольских как непримиримые враги Павлова учения об участии язычч-

ников в царстве Мессии по вере и враги самого Павла. Наконец, односторонняя аскетика севериан делала и их подобным образом противниками апостола языков и Деяний апостольских. Отрицание этими противниками подлинности книги Деяний основывалось, очевидно, на их предвзятых догматических мнениях и началах и потому совершенно не имеет силы и значения точно так же, как и новейшие нападения на нее, воздвигнутые Бауровой школой, опирающейся на предвзятом мнении (ложь которого очевидна из самой книги Деяний) о непримиримой противоположности между Петровым и Павловым направлениями в век апостольский — мнения, на котором основывается все ложное воззрение этой школы.

Если, кроме того, и еще некоторые критики нового времени, как de Wette и другие, выставляют внутренние основания для сомнения в подлинности книги Деяний апостольских, то односторонняя субъективность их воззрений видна с первого взгляда. Чудесность, необходимая по божественному устроению в истории основания и открытия такого учреждения, какова Христианская Церковь (единственная в мире и по существу своему стоящая выше мира), и при сверхъестественном, так естественная таинственность для этих противников кажется в рассказе книги Деяний мифом или неопределенным и неустановившимся народным сказанием, которое по самой чудесности (будто бы) подозрительно, невероятно и несовместно с мнением о подлинности книги. Экзегетические трудности при этом без дальних рассуждений объявляются за неправильные указания, исторические трудности — за исторические неточности, и при этом нисколько не обращается внимание на то, почему только в первохристианской исторической письменности не может быть того, что есть в каждой древней исторической записи? Кратким и менее подробным повествованием эти противники не довольствуются и между прочим объявляют и такую претензию на Луку, что он мог бы обо всем повествовать обстоятельно, что от него можно бы ожидать таких же точных специальных сведений о жизни Павловой, как от самого Павла в его посланиях и т.д., и т.д. Верх же всей аргументации — это ссылка на предисловие к Евангелию от Луки (1:1), по которому сам Лука основывается на свидетельстве других очевидцев и о себе говорит (будто) только как об исследователе и списателе всего того, что передано другими. Но вся эта враждебная аргументация, как она ни самоуверенна, однако же основывается единственно и всецело на произвольном экзегесе. Этим субъективным мудрованиям всегда будет кстати противопоставить другого рода выводы самой новотюбингенской школы. Недавно в ней же самой доказывалось на основании внутренних признаков, что книга Деяний апостольских есть труд одного писателя, и не только это, но даже и то, что писатель Деяний апостольских есть и 3-го Евангелия. При этом, конечно, сообразно всему воззрению

школы происхождение книги (как труд какого-то приверженца Павлова из Римской Церкви) отнесено к первой половине II века. Последователи школы путаются сами во всех этих доводах, основаниях и результатах и разногласят сами с собою.

Надписание

Протоиерей Полотебнов. «Общедоступное истолковательное чтение на книгу Деяний святых апостолов». Выпуск 1

Деяния святых апостолов. Глубокая древность этого написания книги несомненна: еще учители Церкви второй половины II века и начала III – Ориген, Тертуллиан и св. Ириней нередко упоминали о нем в творениях своих (Tischendorf's Acta App. 1870). Между тем указаний на происхождение этого подписания от самого писателя книги Деяний не было или не сохранилось в памятниках древле-отеческих; как и вообще нет возможности утвердительно говорить о происхождении всех заглавий в Новом Завете от самих богодухновенных писателей, за исключением только слова εὐαγγέλιον в надписях Евангелий. Должно думать, что обязательное навсегда надписание *«Деяния святых апостолов»* единодушно положено было Церковью первых веков и именно в то время, когда представители Церкви, побуждаемые необходимостью защиты священных писаний против развившихся уже ересей, заботились о собрании в один состав и повсюду однообразном каноническом сохранении апостольских писаний – время св. Иринея Лионского, Оригена и Тертуллиана. Книга, так озаглавленная в священном каноне нашем, составляет рассказ или рассказы о том, что сделали апостолы, чтобы образовать и утвердить Церковь Христианскую, – составляет, следовательно, книгу *о Деяниях* (πράξεις, Acta) апостолов святых. Однако ж достойно примечания, что это повествование содержит в себе только деяния Петра и Павла преимущественно. Имена прочих св. апостолов встречаются иногда в книге *Деяний*, но ни об их трудах вне Иудеи, ни о смерти их, исключая апостола Иакова (Деян. 12:2) ничего не повествует священный историк. Апостол Петр получил назначение отворить двери Церкви Христовой всем вообще – иудеям и язычникам (См. Мф. 16: 18, 19), апостол же Павел избран был благовествовать об Иисусе Христе преимущественно в среде мира языческого и нести Евангелие Господа нашего *во все концы вселенной.* Эти два великих из апостолов Христовых трудились с большею славою, нежели другие при создании единой Церкви Вселенской. Поэтому-то Духу Святому и благоугодно было начертать повествование о деяниях собственно этих великих *столпов* Церкви Христовой (Гал. 2:9), «преимущественно же о деяниях Павла, более всех потрудившегося» (Златоуст), и оставить эту историю памяти и научению всей Церкви на все века в священном новозаветном каноне нашем. При

этом же св. Лука, излагая историю Петра и Павла, можно сказать, передает потомству образ и характер деятельности всех апостолов — учения и деяния находились, естественно, в полной зависимости от *деяний* представителей апостолов, избранных на то Господом Самим.

Надписание

Св. Иоанн Златоуст. «Христианское чтение», 1846

Надписание книги *Деяния апостолов* не кажется ли ясным, известным и очевидным для всех? Но вникните хорошенько в слова и вы увидите, какая глубина в этом надписании. Ибо для чего не сказано: *Чудеса апостолов?* Для чего не надписана книга: *знамения апостолов или силы и чудотворения апостолов*, но *Деяния апостолов?* Ибо не одно и то же — деяния и знамения, не одно и то же — деяния и чудеса; между теми и другими большая разность. Деяние есть дело собственного усердия, а чудо есть дар Божественной благодати. Видишь ли, какое расстояние между деяниями и чудесами? Деяние есть плод собственных трудов, а чудо есть явление Божественной щедрости; деяние начало свое получает от нашего намерения, чудо источником своим имеет благодать Божию; последнее есть дело небесной помощи, а первое — человеческого произволения. Деяние слагается из того и другого — из нашего тщания и из Божественной благодати, а чудо являет одну только небесную благодать и нисколько не нуждается в наших трудах. К деяниям относится быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, подвизаться во всякой добродетели. Вот в чем состоит деяние — и труд и пот наш. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, стягивать расслабленные члены, воскрешать мертвых и другое подобное сему совершать сверхъестественно. Видишь ли, какое расстояние между деяниями и чудесами, жизнию и знамениями, нашим тщанием и Божиею благодатию!

Доброе поведение одно само по себе может спасти тех, которые имеют его. По сей-то причине блаженный, доблестный и чудный Лука надписал книгу свою: *Деяния апостолов*, а не *Чудеса апостолов.* Хотя апостолы и чудеса творили, но чудеса имели свое время и прекратились; деяния же во всякое время должны являть в себе все желающие получить спасение. Итак, поелику к нашему соревнованию предполагаются не чудеса, а деяния апостолов, то Лука так и надписал свою книгу. Ибо что бы ты ни сказал, или лучше, что бы ни сказали ленивые, когда мы убеждаем их подражать апостолам и говорим: подражай Петру, поревнуй Павлу, поступай подобно Иоанну, последуй Иакову; чтобы они не сказали: «Не можем, нет у нас сил таких: апостолы мертвых воскрешали, прокаженных очищали»,

обуздывая такое бесстыдное оправдание, умолкни, говорит, онемей: не чудеса, а добрая жизнь вводит в Царствие Небесное. Итак, поревнуй жизни апостолов, и ты будешь иметь нисколько не менее апостолов, ибо не чудеса соделали их апостолами, но чистая жизнь.

Обозрение книги Деяний святых апостолов в порядке глав, составленное по руководству святого Афанасия Александрийского

«Христианское чтение», 1842

Так называется сия книга, потому что содержит деяния апостолов. Повествует об оных Лука евангелист, который и написал сию книгу. Он путешествовал вместе с другими апостолами – и особенно с Павлом – и изложил в сей книге события, о которых имел точные сведения. Содержится в ней следующее.

Глава 1. Иисус Христос, собрав Своих апостолов на гору Масличную, повелевает им ждать в Иерусалиме ниспослания обещанного Им Святого Духа, при помощи Которого они должны свидетельствовать о Нем и в отдаленнейших странах земли. По вознесении Иисуса Христа апостолы от двух ангелов получают повеление возвратиться в Иерусалим и ожидать второго пришествия Его. Они возвращаются и непрестанно пребывают в молитве. Имена их суть следующие: первый – Симон, иначе – Петр, потом Иаков, сын Зеведеев, Иоанн, брат его, Андрей, брат Петра, Филипп, Фома, Варфоломей, Матфей, Иаков Алфеев, Симон Зилот, Иуда Иаковлев, он же и Фаддей, Иуда Искариот и предатель Господа.

Глава 2. Апостолы, исполнившись Святого Духа, начали говорить на разных языках, чем в одних возбуждают удивление, а в других – насмешки над собою. Петр, в опровержение последних, доказывает, что апостолы говорят таким образом по действию Святого Духа, что Иисус воскрес из мертвых, вознесся на небо, излил Святого Духа и есть Мессия – Муж, о Котором свидетельствовал Бог посредством Его действий, чудес и знамений и Который был распят не без Его совета и предведения. После сей проповеди Петр крестит великое число обращенных, которые потом живут благочестиво и в любви. Апостолы совершают многие чудеса – и Бог ежедневно умножает Свою Церковь.

Глава 3. Петр и Иоанн, идя во храм, встречают хромого и исцеляют его; Петр объявляет, что сие исцеление совершено не силою его или Иоанна, но силою Бога и Сына Его Иисуса Христа через веру в Него; укоряя иудеев за распятие Иисуса, он убеждает их раскаянием и верою испрашивать себе прощение грехов и спасения.

Глава 4. Начальники иудейские, раздраженные речью Петра, которою обратил он около 5 000 людей, заключают его вместе с Иоанном в темницу. Потом, когда Петр смело утверждал, что хромой исцелен именем Иисуса и что через одного Иисуса можно получить вечное спасение, они навсегда запрещают ему и Иоанну проповедовать о сем имени и, пригрозив, отпускают их. По сему случаю верные прибегают к молитве, и Бог сотрясением места, где они собрались, показывает, что их молитва услышана: все они исполняются Святого Духа и связуются взаимною любовью.

Глава 5. Анания и Сапфира за свое лицемерие, по обличению от Петра, падают мертвыми; прочие апостолы также совершают чудеса — и число опять верующих возрастает. Апостолов берут под стражу, но ангел освобождает их и повелевает им проповедовать везде открыто. После совокупной проповеди во храме апостолы подвергаются опасности быть убитыми, но по содействию Гамалиила отпускаются живыми, приняв, впрочем, поругание, за которое они прославляют Бога и не перестают проповедовать каждый день.

Глава 6. Апостолы поставляют семь диаконов, которых имена суть: Стефан, Филипп, Прохор, Никанор, Тимон, Пармен и Николай. Стефан, муж исполненный веры и силы творить чудеса, был схвачен теми, которых он своею речью привел в смущение, и ложно обвинен в хуле на закон и храм.

Глава 7. Стефан говорит защитительную речь: перечисляет в ней патриархов, выставляя некоторые события в их жизни; повествует о Моисее, замечая между прочим, что сей-то Моисей предсказывал о Христе и что скиния была сделана по образцу, виденному Моисеем; укоряет иудеев в упорстве и убиении Христа, за что они побивают его камнями. Стефан умирает с молитвою за врагов.

Глава 8. Великое гонение на Церковь в Иерусалиме. Филипп своими чудесами насаждает Церковь в Самарии, где между многими обращает Симона волхва; сюда приходят Петр и Иоанн — и после молитвы, через возложение рук, низводят на верующих Святого Духа. Симон хочет купить у них сию власть; Петр сильно обличает и увещевает его покаяться; вместе с Иоанном, проповедав Слово Господне, возвращается в Иерусалим. Ангел посылает Филиппа на дорогу из Иерусалима в Газу; Филипп встречает здесь евнуха эфиопской царицы, научает и крестит его.

Глава 9. Савл на пути в Дамаск повержен на землю и ослеплен; Анания возвращает ему зрение и крестит его; Савл проповедует Христа. Иудеи хотят убить Савла, но он избегает сей опасности, Петр в Лидде исцеляет Энея, в Иоппии воскрешает Тавифу.

Глава 10. Корнилий, человек богобоязненный, по повелению ангела посылает в Иоппию за Петром; сей видит видение и по внушению Духа

отправляется к Корнилию. Еще во время проповеди Петровой в доме Корнилия Святой Дух нисходит на слушающих – и они крестятся.

Глава 11. Петр, обвиняемый за сообщение с язычниками, защищается. Евангелие распространено по Финикии, Кипру и Антиохии. Варнава посылается в Антиохию для утверждения верующих; сии посылают пособие братиям в Иудею во время голода.

Глава 12. Царь Ирод гонит христиан, убивает Иакова и заключает в темницу Петра, но ангел, по молитве церкви, освобождает его; а Ирод, в своей гордости принимая божескую честь от народа, поражается ангелом и, изъеденный червями, умирает. Слово Божие растет.

Глава 13. Павел и Варнава избраны для проповеди язычникам. Сергий Павел и Елима волхв. Апостол Павел проповедует в Антиохии. Язычники веруют, но иудеи упорствуют; посему Павел и Варнава обращаются к язычникам: из сих многие веруют.

Глава 14. Павла и Варнаву преследуют в Иконии. В Листре Павел исцеляет хромого, за что его и Варнаву почитают богами. Павла бьют камнями и выносят за город. На возвратном пути Павел и Варнава посещают различные церкви; возвратившись в Антиохию, они приносят пособие своим братиям.

Глава 15. Возникает сомнение об обрезании; апостолы составляют Собор и свое определение (δόγματα) посылают по церквам. Возникает несогласие между Павлом и Варнавою, и они отправляются на проповедь порознь.

Глава 16. Павел, по обрезании Тимофея, побуждаемый Духом, посещает различные страны: в Филиппах обращает Лидию; изгоняет из служанки духа прорицательного, за что его и Силу, его спутника, бьют и заключают в темницу; во время их молитвы двери темницы отворяются; обращается темничный страж; апостолы освобождаются.

Глава 17. Павел и Сила проповедуют в Фессалонике, где одни обращаются, а другие преследуют их; проповедуют в Верии; Павел приходит в Афины, благовествует здесь и многих обращает.

Глава 18. Павел проповедует в Коринфе; Господь одобряет его в видении; обвиняемый пред Галлионом проконсулом Павел отпускается – и достигает Ефеса; посещает различные города и утверждает учеников. Аполлос, наставленный Акилою и Прискиллою, успешно проповедует.

Глава 19. Руками Павла низводится на верующих в Ефесе Святой Дух. Иудеи порицают учение Господне; Павел творит чудеса. Иудейские заклинатели, избитые злым духом. Сожжение волшебных книг. Димитрий Серебренник производит возмущение против Павла, которое наконец укрощено одним городским книжником.

Глава 20. Павел приходит в Македонию, совершает Господню вечерю, проповедует до полуночи, воскрешает Евтиха. Призывает в Милете пре-

свитеров ефесских, сказывает им, что в Иерусалиме ожидают его узы и бедствия, поручает им паству Христову, предостерегает их от лжеучителей, поручает их Богу, молится с ними и потом отправляется в путь.

Глава 21. Павла убеждают не ходить в Иерусалим, но безуспешно. Дочери Филиппа, пророчествующие. Павел приходит в Иерусалим; здесь схватывают его и хотят убить, но тысяченачальник полка освобождает Павла – и сей говорит к народу.

Глава 22. Говорит о своем обращении и призвании к апостольству. Лишь только начинает говорить о язычниках, народ поднимает крик; Павла хотят истязывать, но, как римского гражданина, оставляют.

Глава 23. Первосвященник Анания велит бить Павла по устам; между его обвинителями возникает распря; Господь ободряет Павла. Иудеи принимают решительное намерение убить Павла; о сем узнает тысяченачальник и препровождает его к правителю Феликсу.

Глава 24. Павла, обвиняемого Тертуллом, спрашивают о его жизни и учении; Павел проповедует Христа правителю и жене его; правитель надеется получить от него денег, но тщетно; уволенный от своей должности, он оставляет Павла во узах.

Глава 25. Иудеи обвиняют Павла пред Фестом; тот защищается и просит суда кесарева. Фест объявляет о его деле царю Агриппе. Павел пред Агриппою; Фест объявляет его невинным.

Глава 26. Павел в присутствии Агриппы рассказывает свою жизнь с самого детства, свое обращение и призвание к апостольству; Фест называет его сумасшедшим; Павел отвечает ему с христианским смирением. Агриппа почти обращается; все собрание объявляет Павла невинным.

Глава 27. Павел, отправляясь в Рим на корабле, предсказывает об опасности на пути, но ему не верят. Корабль носится бурею, потом садится на мель, но все достигают земли и спасаются.

Глава 28. Павел дружелюбно принят иноплеменниками. Ехидна не причиняет ему вреда. Он исцеляет многих больных на острове, пребывает в Рим; объявляет иудеям о причине своего прибытия и проповедует; одни убеждаются, но другие не веруют; Павел проповедует здесь в продолжение двух лет.

Обозрение книги Деяний святых апостолов в хронологическом порядке

«Христианское чтение», 1842

33-й год по Р.Х. В сороковой день по воскресении *Христос* возводит Своих учеников на *гору Елеонскую*, заповедует им ждать в *Иерусалиме* нисшествия Святого Духа (Деян. 1).

Посылает их учить и крестить все народы и благословляет их; *зрящим же им* возносится на небо, и облак скрывает Его от очию их. По вознесении Его два ангела являются апостолам, возвещая о втором пришествии Христовом. Апостолы возвращаются в Иерусалим и, упражняясь в молитве, избирают *Матфия* во апостола на место Иуды (Мф. 28).

В день Пятидесятницы Дух Святой нисходит на апостолов в виде огненных языков, и апостолы получают дар говорить на всех языках. Петр, в тот же день, проповедует Христа и воскресение, и около 3000 верующих приобщает к Церкви (Деян. 2).

Петр именем Господа Иисуса исцеляет хромого (Деян. 3).

Правители иудейские, досадуя на Симона Петра за то, что он чудным образом исцелил хромого, заключают его и *Иоанна* в темницу. На хитрые допросы иудеев об этом деле апостолы твердо и решительно свидетельствуют, что именно *именем Иисуса* исцелили больного и что тем же Иисусом мы должны получить вечное спасение. Иудеи после сего запрещают им проповедовать более это имя; но апостолы отвечают, что они должны повиноваться Богу паче, нежели людям. Слышат угрозы и отпускаются (Деян. 4).

Анания и Сапфира за свое лицемерие поражаются внезапно смертию. (Деян. 5:1).

Апостолы снова заключаются в темницу первосвященником, но ангел освобождает их и завещает проповедовать Евангелие без страха. Будучи схвачены снова, во время проповеди в храме, апостолы представлены пред *сонмище* иудейское, но по совету Гамалиила, учителя закона, получают свободу (ст. 17).

34 год. Число верующих более и более умножается в Иерусалиме; апостолы поставляют семь диаконов, которые должны разделять вдовам и бедным братиям милостыню, приносимую от всей Церкви (Деян. 6).

Стефан, один из числа диаконов, за то, что посрамил состязавшихся с ним, ложно обвиняется ими в богохульстве и представляется пред сонмище жидовское, где он укоряет иудеев в их беззаконном восстании и убийстве Иисуса Христа. За это они извлекают его из града и побивают камнями; между тем он молится за своих убийц (Деян. 7).

После смерти сего первого мученика Стефана воздвигается великое гонение на Церковь Божию *в Иерусалиме* (Деян. 8).

Филипп, один из семи диаконов, проповедует в *Самарии* и обращает многих, творя чудеса и исцеляя больных (Деян. 8:5).

Симон волхв, видя чудеса, которые творит Филипп, верует и крестится.

Апостолы *в Иерусалиме*, услышав, что Самария уверовала, посылают туда *Петра* и *Иоанна* утвердить и распространить Церковь. Апостолы, посредством молитвы и возложения рук, сообщают всем верующим Духа Святого (Деян. 8:14).

Симон волхв предлагает апостолам серебро, чтобы получить власть сообщать Духа, за какое нечестие жестоко укоряется *Петром.* Исполнив служение свое в сей стране, апостолы возвращаются в Иерусалим.

Ангел посылает *Филиппа* научить и крестить ефиопского евнуха (ст. 27).

35 год. Савл, страшный гонитель всех призывающих имя *Иисусово,* один из соучастников в смерти *Стефана,* идет теперь в *Дамаск* с поручением от первосвященника и всего собора жидовского схватить всех христиан, находившихся в сих странах, и представить их связанными в *Иерусалим.* Но на пути чудесно обращается гласом с неба и верует в Иисуса. Спустя три дня принимает крещение *от Анании в Дамаске* и здесь же проповедует Евангелие *Христово* с большим дерзновением к изумлению тех, которые знали, с каким намерением он послан был и шел в Дамаск (Деян. 9:1).

38 год. *Савл* проповедует долгое время в Дамаске; *иудеи* хотят убить его, но он удаляется отсюда и приходит в *Иерусалим,* где видится с Петром и Иаковом, братом Господним, у которого проживает пятнадцать дней. Здесь он дерзновенно проповедует во имя *Иисуса* и состязается с *еллинами,* или лучше, с *иудеями,* которые говорили еллинским языком. Сии совещаются, как бы убить его (ст. 23. 2 Кор. 11:32; Гал. 1:28).

Но однажды, когда Савл, молясь во храме, пришел в восторг, ему является Сам Господь и повелевает удалиться из Иерусалима, потому что иудеи не примут свидетельства его. Спаситель объявляет, что лучше пошлет его к язычникам (Деян. 22:17).

Оставляя Иерусалим, *Савл* идет в свою отечественную землю — Тарс, а оттуда отправляется в *Сирию* и *Киликию* (Деян. 9:30).

Петр посещает церкви Божии в *Иудее, Галилее* и *Самарии* и проч. В *Лидде* он исцеляет *Энея,* а в Иоппии воскрешает *Тавифу* (ст. 32–36).

41 год. В *Кесарии Корнилий Сотник* молитвою и милостынею приобретает себе благоволение у Бога и получает повеление от ангела послать за *Петром* в *Иоппию;* между тем Петра Бог посредством видения научает не гнушаться язычниками. По зову Корнилия Петр идет и проповедует Христа ему и всем находившимся в доме его. Во время проповеди Дух Святой нисходит на всех слушающих Петра, и апостол тотчас крестит их (Деян. 10).

Петр, по возвращении своем в Иерусалим, укоряется христианами из иудеев за обращение с язычниками, но он объявляет им о своем видении равно как и о всем, что касается до Корнилия. Они прославляют Бога за то, что Он им дал покаяние к жизни (Деян. 11).

Верующие, которые после мученической смерти *Стефана* и после гонения на Церковь, затем следовавшего, рассеялись по всей *Финикии* и *Кипру,* приходят теперь в *Антиохию* и возвещают Евангелие грекам, проповедуя его до сих пор только *одним иудеям.* Церковь в Иерусалиме, узнавши о сем и услышав, что число верующих быстро возрастает, посылает туда *Варнаву*—

утвердить их в вере. Варнава идет в Тарс, берет себе в спутники Савла и, достигнув *Антиохии*, пребывает с ним целый год, многих обращая к вере. Здесь ученики в первый раз стали называться христианами.

44 год. Около сего времени *Иаков*, брат *Иоанна*, обезглавливается по повелению *Ирода Агриппы*. Сей последний заключает в темницу и Петра, но ангел освобождает его по молитве Церкви. Этот же Ирод, спустя несколько времени, говорит речь к народу в *Кесарии*, который возглашает: *глас Божий, а не человечь*, и тотчас после сей речи внезапно поражается Ангелом Божиим, *зане не даде славы Богу:* он изъедается червями и умирает (Деян. 12).

45 год. Варнава и Савл проповедь евангельскую простирают далее: насаждают веру христианскую в *Селевкии*, *Кипре* и других местах. В *Пафосе* проповедуют Евангелие Сергию Павлу, правителю сей страны. Элима волхв, старавшийся отклонить Сергия от принятия сей веры, поражается от Савла слепотою. С сего времени Савл начинает постоянно называться новым именем — *Павел*. Он проповедует в *Антиохии:* язычники веруют, но иудеи противятся и хулят. Посему он вместе со своими спутниками обращается к язычникам и идет в *Иконию* (Деян. 13).

46 год. В *Иконии* воздвигают гонение на них и хотят побить их камнями; они удаляются отсюда в *Листру* и *Дервию*, города Ликаонские. В *Листре* после чуда, совершенного Павлом, народ принимает их за богов, *Варнаву* называет *Юпитером*, а Павла — *Меркурием*, и хочет принести им жертвы; но апостолы останавливают их и уверяют, что они подобострастные им человеки. Скоро после того приходят из Антиохии и Иконии *иудеи*, которые возмущают против них народ. Разъяренная чернь побивает Павла камнями и *извлекает его вне града, мняще уже умерша*. Но пока около него еще стоят его ученики, он востает и в следующий день отправляется с Варнавою в Дервию (Деян. 14).

В этот год, может быть, или около этого самого времени Павел был восхищен до третьего неба и слышал неизреченные глаголы — за четырнадцать лет прежде того, как он писал свое второе Послание к Коринфянам (2 Кор. 12:2).

Около этого времени, будучи еще отроком, *Тимофей* с матерью своею *Евникиею* и бабкою *Лоидою* принимают *христианскую* веру, проповедуемую Павлом (2 Тим. 1: 2–5).

52 год. Некоторые иудействующие христиане приходят из Иудеи в Антиохию и учат, что язычники должны обрезаться и соблюдать закон Моисеев. Павел и Варнава противостоят им. Прение решает Собор, состоявший из апостолов и прочих старцев, в Иерусалиме. Определения Собора посылаются Церквам (Деян. 15).

53 год. Павел и Варнава думают посетить Церкви вместе, но по случаю

несогласия, возникшего между ними, разлучаются: *Варнава с Марком* отправляются в *Кипр*, а *Павел* с *Силою* — в *Сирию* и *Киликию* (Деян. 15:36).

Пришедши в Дервию, Павел находит там Тимофея, обрезывает его, потому что отец его был язычник, а мать — иудеянка, и берет с собою в дальнейший путь (Деян. 16).

В откровении он получает повеление идти в *Македонию*, и, пришедши в *Филиппы*, главный город сей страны, обращает *Лидию;* изгоняет из некоторой служанки духа пытливого, за что господин ее, получавший от того значительные выгоды, представляет Павла и Силу правителям на суд. Сии осуждают их на заключение в темницу, но в полночь, когда Павел и Сила пели псалмы, двери темничные отворились и узы их спали. Темничный страж, который готов был убить себя, верует и в ту же ночь крестится со всем своим семейством. В последний день правители сами приходят к апостолам и просят их удалиться из города.

54 год. Из *Филипп* Павел совершает свое путешествие через *Амфиполь* и *Аполлонию* и достигает *Фессалоники*, где находит синагогу иудейскую и проповедует три дня субботных; здесь некоторые веруют, другие преследуют его. Оставив Фессалонику, идет в *Верию* и скоро после сего приходит в *Афины;* рассуждает с философами и проповедует им *Того неведомого Бога*, Которому они, не зная Его, поклонялись. Обращает здесь *Дионисия Ареопагита* и отправляется в *Коринф* (Деян. 17).

55 год. В Коринфе Павел встречается с *Акилою* и *Прискиллою*, которые незадолго пред тем изгнаны из Рима по определению Клавдия. Живет тут год и шесть месяцев и пишет отсюда Послание к Фессалоникийцам (Деян. 18).

Иудеи приводят Павла пред Галлиона, проконсула Ахаии, обвиняя его в нарушении закона; проконсул отказывается быть судьею в делах, относящихся до веры, и прогоняет их от судейского места (ст. 12–16).

56 год. Из *Коринфа* Павел приходит в *Ефес;* отсюда отправляется в Иерусалим, чтобы побывать на празднике, высаживается в *Кесарии*, ниспускается в *Антиохии* и приходит в области *Галатии* и *Фригии*, утверждая во всех сих местах учеников.

57 год. Павел возвращается в Ефес, ежедневно состязается в школе некоторого тирана и продолжает проповедовать здесь и во всех окрестных местах (Деян. 19).

58 год. Пишет свое Послание к Галатам.

60 год. В *Ефесе Димитрий, сребрковач*, получая *от сего делания довольство к житию немало*, производит возмущение против Павла, которое утишается книжником (Деян. 19).

Около этого времени происходит разделение в Церкви *Коринфской*, которое заставляет Павла в Ефесе или близ него писать свое *первое* Послание к *Коринфянам* (1 Кор. 1:11; 16:8).

Из Ефеса Павел приходит в *Македонию* и собирает милостыню для вспомоществования святым в *Иерусалиме* (Деян. 20; 2 Кор. 8: 1, 2, 6, 19).

Узнавши от Тита об успехе своего первого Послания, Павел пишет теперь *второе* к Коринфянам. Из *Македонии* он отправляется в Грецию и приходит в *Коринф*, откуда пишет свое Послание к *Римлянам* (1 Кор. 6:5).

Намереваясь прямо отсюда отправиться в *Сирию*, чтобы представить собранную милостыню в *Иерусалим*, Павел между тем узнает о наветах на него иудеев и потому находит нужным возвратиться в *Македонию* тем же путем, которым пришел, а оттуда – отправиться в *Азию* (Деян. 20: 3, 4).

После дней опресночных Павел садится на корабль в Филиппах и приходит в *Троаду*, где воскрешает *Евтиха*. Прошедши различные страны Греции, он достигает *Милета*, куда призывает пресвитеров Церкви Ефесской, трогательно убеждает ревностно совершать свое служение (Деян. 20:6).

Павел приходит в *Иерусалим;* его схватывают во храме, но тысячник спиры спасает его. Пользуясь правом римского гражданина, он избегает телесного наказания (Деян. 21).

Павел защищает свое дело пред *Ананиею Первосвященником.* Начальник римской стражи, узнав, что более сорока иудеев поклялись не прикасаться к пище и питию, пока не убьют Павла, отсылает его к *Феликсу*, правителю области, который заключает Павла в темницу в *Кесарии* (Деян. 22:23).

62 год. Павел обвиняется пред Феликсом от *Тертулла* оратора; Феликс выходит из своей должности, но в угодность иудеям оставляет Павла в темнице. Ему наследует в правлении *Порций Фест* (Деян. 26).

Иудеи приходят в *Кесарию* и обвиняют *Павла* пред *Фестом.* Он отвечает за себя и требует суда *Кесарева. Агриппа* приходит в *Кесарию*, и Фест открывает ему дело (Деян. 25).

63 год. Павел защищается в присутствии Агриппы, который почти готов сделаться христианином, и все собрание объявляет его невинным (Деян. 26).

Павел приходит в *Рим* и, будучи узником, проповедует там два года. (Деян. 28).

Здесь оканчивается история деяний апостольских, описанных Лукою, возлюбленным спутником Павла.

Поучительные уроки из книги Деяний апостольских

«Воскресное чтение», 15

Благочестивый читатель книги Деяний святых апостолов без труда может найти в ней много поучительных уроков как для укрепления своей веры, так и для назидания себя в святой жизни по вере. Представим некоторые, более общие из сих уроков.

1). Книга Деяний апостольских представляет нам опытное доказательство непреложности обетования Господа и Спасителя нашего о Церкви Своей: *созижду Церковь Мою, и врата адова не одолеют ей* (Мф. 16:18), и *се Аз с вами во вся дни до скончания века* (Мф. 28:20), давая видеть непреоборимое Божественное содействие к ее поддержанию и распространению. И действительно, судя по естественному ходу вещей, можно ли было ожидать, что значительное число бедных, бесславных, неизвестных по своему роду и происхождению и бессильных по своему положению в свете рыбарей своею проповедью ниспровергли идолов, пред которыми с благоговением преклонялись все – и мудрецы, и невежды! Кто мог думать, чтобы апостолы, *проповедуя Христа распята, Иудеем соблазн, Еллином же безумие* (1 Кор. 1:23), обратили к вере в Сего Распятого тех и других? И притом – при каких неисчислимых препятствиях? Проповедники как сами *терпели беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии* (2 Кор. 11:26), так и последователям своим предрекали в настоящей жизни скорби и напасти (Деян. 14:22; 2 Тим. 3:12). Но для проповеди апостолов как бы вовсе не существовало сих препятствий. Сами проповедники терпят во все дни гонения и напасти, *злостраждут даже до уз, яко злодеи: но Слова Божие не вяжется* (2 Тим. 2:9), как говорит один из них. Даже более – Промысл Божий самые беды и напасти, гонения и преследования их обращает в средства к большему торжеству Евангелия, делает то, что самые *узы их паче во успех благовествования приходят* (Флп. 1:12). Не ясно ли подтверждается сим та непреложная истина, которую высказал еще беспристрастный иудеянин Гамалиил, что *не от человек совет сей или дело сие, но от Бога*, а потому все противоборствовавшие ему *не могли разорить его* (Деян. 5: 38–39).

2). Не менее поучительно и отрадно для верующего остановить внимание на образе жизни христиан первенствующей Церкви. Кратко и большей частью как бы мимоходом замечает святой писатель черты из жизни первых верующих, но и сих кратких указаний достаточно для того, чтобы, с одной стороны, видеть в этом опытное доказательство той отрадной истины, что во Христе Иисусе мы, *врази бывшие, примирихомся Богу смертию Сына Его* (Рим. 5:10), *и вся нам Божественныя силы Его, яже к животу и благочестию, подана* (2 Пет. 1:3), а с другой – чтобы последующим христианам видеть в сих чертах образцы для своей жизни. И действительно, что представляет нам история современного апостолам мира? Рим был в то время средоточием почти всего известного тогда мира, а что было в самом Риме, видим отчасти из первой главы Послания св. апостола Павла к Римлянам. Это было в полном смысле царство князя тьмы и злобы, в котором все – одни более, другие менее – были *отчуждены от жизни Божией* (Еф. 4:18), *жили без Бога, упования не имуще* (2:12), *живи уловлени от князя власти воздуш-*

ныя в свою его волю (2 Тим. 2:26). Но в христианах первенствующей Церкви мы видим царство сынов Божиих среди растленного грехами мира. Самые высокие нравственные совершенства, о которых и не гадали языческие мудрецы, делаются обыкновенными явлениями среди сего общества святых и богоугодных людей. Благочестивый читатель может найти для себя в жизни первых христиан достоподражаемые образцы во всех добродетелях. Нужно ли поучиться терпению среди скорбей и бедствий — неизбежных в настоящей жизни? Первенствующие христиане, несмотря на ежедневные гонения и опасности за самую жизнь, *приимаху пищу в радости и в простоте сердца, хваляще Бога.* Чем же утешали и воодушевляли себя они? *Благочестием,* которое, по слову св. апостола, *на все полезно есть* (1 Тим. 4:3), тем, что *бяху терпяще во учении Апостол, и во общении, и в преломлении хлеба, и в молитвах* (Деян. 1:14; 2: 42, 46). Нужно ли поучиться искренней, братской любви ко всем, даже ко врагам? Тогда *народу веровавшему бе сердце и душа едина* (Деян. 4:32); *Господи, не постави им греха сего, возопи гласом велиим* Стефан, избиваемый камнями от иудеев (7:60). Хочет ли кто поучиться благотворительности нуждающимся братиям своим? Тогда не *бяше нищ ни един в них: елицы бо господие селом или домовом бяху продающе приношаху цены продаемых, и полагаху при ногах Апостол: даяшеся же коемуждо, его же аще кто требоваше* (4: 34–37; 2: 44, 45); тогда о Христе Иисусе не делали различия между нуждающимися братиями, но и еллины, *поелику кто имяше что, посылали кийждо их на службу живущим во Иудеи братиям* (11: 29, 30)...

3). Для пастырей и учителей христианских книга Деяний апостольских драгоценна во многих отношениях. В ней видим мы образец церковного благочиния и управления Церковью, первоначальное учреждение церковной иерархии, пример и основание соборов в Церкви для решения спорных предметов веры и весь круг обязанностей предстоятелей и пастырей Церкви. Преимущественно замечательна в сем отношении последняя прощальная беседа св. апостола Павла с пастырями Ефесской Церкви. При всей краткости сей беседы (Деян. 20: 18–35) в ней содержатся все существенные обязанности пастыря церкви, и истинный пастырь из нее одной может научиться, *како подобает ему в дому Божию жити, яже есть Церковь Бога жива* (1 Тим. 3:15) *и право правити слово истины* (2 Тим. 2:15), тем более, что вся история Деяний апостольских представляет ему живые достоподражаемые образцы, *како подобает ему единому комуждо отвещавати* (Кол. 4:6). В примере самих апостолов он без труда увидит, как должно ему *немощи немощных носити и не себе угождати,* как вразумлять духом кротости заблуждающих по неведению и неопытности и как обличать с силой и властью упорных противников истины, как обращать неверующих к истинной вере и как утверждать колеблющихся в вере словом: *как всем быть вся, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9:22), о *всем,* по примеру свв. апо-

столов, *сам себе подавая образ добрых дел* (Тит. 2:7) *верным словом, житием, любовию, духом, верою, чистотою* (1 Тим. 4:12).

О книге Деяний святых апостолов

Св. Иоанн Златоуст.

«Беседы на Деяния святых апостолов», ч. 1. СПб. 1856

Многие не знают даже и того, что эта книга существует, не знают ни самой книги, ни того, кто ее написал и составил. Посему-то в особенности я и рассудил заняться этим сочинением, дабы и научить незнающих, и не допустить, чтобы такое сокровище таилось и оставалось в неизвестности. Эта книга может принести нам пользы не меньше самого Евангелия: такого она исполнена любомудрия, такой чистоты догматов и такого обилия чудес — в особенности совершенных Духом Святым. Не будем же оставлять ее без внимания, но станем тщательно исследовать. Здесь можно видеть исполнение на деле тех пророчеств, которые Христос возвещает в евангелиях, истину, сияющую в самых событиях, и великую в учениках перемену к лучшему, совершенную Духом Святым. Христос сказал ученикам: *всяк веруяй в мя, дела, яже аз творю, и той сотворит, и больши сих сотворит* (Ин. 14:12) и предсказал им, что они *пред владыки и цари ведени* будут, что их будут бить на *соборищах их* (Мф. 10: 17, 18), что они подвергнутся жесточайшим мукам и над всем восторжествуют и что *евангелие проповестся* во всем мире (Мф. 24:14); все это, равно как и еще многое другое, что Он говорил, обращаясь с учениками, представляется в этой книге исполнившимся со всею точностью. Здесь же увидишь и то, как сами апостолы как бы на крыльях обтекали землю и море, как они, некогда боязливые и немудрые, вдруг сделались другими людьми, стали презирать богатство и славу, были недоступны ни гневу, ни зависти и сделались решительно выше всего; (увидишь), что они имели великое единомыслие и что между ними никогда уже не было, как прежде, ни зависти, ни спора о первенстве, а напротив, в них водворилась всякая совершенная добродетель и в особенности просияла любовь, о которой и (Христос) много заповедовал им, говоря: о *сем разумеют вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13:35). Можно также найти здесь и догматы, которые, если бы не было этой книги, никому не были бы так хорошо известны, да и то, что составляет основание нашего спасения как по отношению к жизни, так и по отношению к догматам — было бы темно и неясно. Но преимущественно здесь описываются деяния Павла более всех потрудившегося, это потому, что составителем книги был его ученик, блаженный Лука, которого добродетель можно видеть как из многого другого, так в особенности из того, что он неразлучно был с учителем и постоянно за ним следовал. Так, когда Димас и Ермоген оставили (Павла) и один пошел в Галатию, а другой — в

Далматику, послушай, что Павел говорит о нем: *Лука един есть со мною* (2 Тим. 4:11). И в Послании к Коринфянам о нем же говорит: *его же похвала по всем церквам* (2 Кор. 8:28). Также, когда повествует, что (Христос) *явися Кифе,* потом двенадцати, и говорит: по благовествованию, *еже приясте* (1 Кор. 15: 1, 3), то разумеет Евангелие Луки. Посему не погрешит тот, кто ему припишет это творение. Если же кто спросит: почему же (Лука) не все описал, оставаясь с Павлом до конца? – то я отвечу, что и этого довольно для тех, которые хотят быть внимательными, что (апостолы) всегда заняты были делами нужнейшими и что главная забота их состояла не в том, чтобы писать книги, так как они много сообщили и посредством неписаного предания. Таким образом, все, что заключается в этой книге, достойно удивления, но в особенности – то снисхождение апостолов, которое внушил им Дух Святой, приготовляя их на служение слову о домостроительстве спасения. Поэтому-то, говоря столько о Христе, они не многое сказали о божестве Его, а больше говорили о Его человечестве, страданиях, воскресении и вознесении. Теперь им прежде всего нужно было удостоверить в том, что Он воскрес и вознесся на небо. Посему, как сам Христос преимущественно старался показать, что Он пришел от Отца, так и Лука (в особенности доказывает), что Он воскрес, и вознесся, и отошел к Отцу, и от Него пришел. Если не верили этому прежде, то тем более теперь, когда присоединилось воскресение и вознесение; все учение (о Христе) казалось иудеям невероятным. Поэтому постепенно и мало-помалу возводит их к высшему. А в Афинах Павел назвал Его даже просто человеком (Деян. 17:31), не сказав ничего больше, и поступил как следовало. Ибо, если (иудеи) часто покушались побить камнями самого Христа, когда Он говорил о равенстве Своем с Отцом и называли Его за то хульником, то едва ли бы приняли слово об этом от рыбарей и особенно тогда, когда предшествовал крест.

Мнение святого Иоанна Златоустого о том, почему книга Деяний апостольских читается от Пасхи до Пятидесятницы

«Воскресное чтение», ч. 1

Спросит кто-нибудь: «Почему так установлено отцами, что, например, в день страдания Христа читается в Церкви Евангелие о страданиях и Кресте, а книга Деяний апостольских читается не в те дни и не в то время, когда совершались сии деяния? Ибо не тотчас по воскресении Христовом апостолы начали творить чудеса, но Христос в продолжение сорока дней сам пребывал с ними на земле, и апостолы в это время не творили никаких чудес до сошествия на них Святого Духа. Почему же не после

2 Зак. 64546

Пятидесятницы, а тотчас после воскресения начинаем читать Деяния апостольские?»

После воспоминания страданий Христовых мы празднуем Его воскресение, но наилучшим доказательством истины воскресения Христова служат чудеса совершенные апостолами, а книга Деяний есть не иное что, как повествование о чудесах апостольских. Итак, что наиболее уверяет нас в истине воскресения Христова, то и заповедали отцы читать тотчас после дней страдания и живоносного воскресения. По сей-то причине, возлюбленные, тотчас после Креста и Воскресения мы и читаем Деяния апостольские, чтобы иметь твердую и несомненную уверенность в истине Воскресения Христова. Ты не видел телесными очами Воскресшего из мертвых? Но созерцаешь Его очами веры. Не видел Воскресшего телесными очами? Но узришь Его в бесчисленных чудесах. К сему-то созерцанию Воскресшего верою руководствует нас повествование о чудесах совершенных апостолами!..

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К ВВЕДЕНИЮ

1) *Св. Иоанна Златоуст.* Пять бесед на надписание Деяний апостольских. Бес. на разные места Писания, т. 2.

2) О книге Деяний свв. апостолов. «Воскр. чт.», 1.

3) О книге Деяний апостольских в ст. «Сведения о св. ев. Луке и его писаниях». «Воскр. чт.», 17.

4) Деяния свв. апостолов. Б. поп. сл. «В. чт.», 1874, 2.

5) Предварительные сведения о книге Деяний свв. апостолов: писатель, цель, время и место написания и проч. «Духов. бес.», 1875, № 39.

6) О книге Деяний апостольских по поводу неправых взглядов на нее некоторых из современных протестантских толковников. Труды К. д. ак., 1866, авг. и окт.

7) Предварительные сведения о книге Деяний ап., см. «Общедоступное истолк. чтение», *прот. Полотебнова.* Вып. 1.

8) *Шарко.* История Апостольской Церкви (из Лютарда). Тр. Киев. д. ак., 1868, 1.

9) *Шафф.* Письменность апостольского века. Книга Деяний апостольских. «Смолен. еп. вед.», 1867, № 8.

10) Краткий очерк истории апостольского века. «Руков. для с. п.», 1877.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
Церковь Христова из иудеев (1–12 главы)

I. Открытие основанной Христом Церкви через сошествие Святого Духа на верующих (1–2 главы)

ГЛАВА 1

Толкование на предисловие к книге Деяний святых апостолов (1: 1–3)

Евсевий, архиепископ Могилевский.
«Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола», ч. 1

1. *Первое убо слово сотворих о всех, о Феофиле, яже начат Иисус творити же и учити, даже до дне, в он же заповеда Апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесеся.*

«Первую книгу написал я тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал».

Первое слово или первая книга: под этим словом или книгою св. апостол Лука разумеет свое Евангелие, или благовестие. Св. Лука, по смирению, не называет своей книги Евангелием, но так именует его книгу апостол Павел, говоря о св. Луке: *его же похвала во Евангелии по всем церквам* (2 Кор. 8:28). О чем же святой Лука написал Феофилу первую книгу?

О всех, яже начат Иисус творити же и учити до дне, в он же вознесеся — о всем, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который вознесся. Так показывает апостол Лука содержание своего Евангелия. Говорит: *о всем, что Иисус делал и чему учил,* — это не то значит, будто Евангелие

от Луки обнимает собою все дела и все учение Иисуса Христа. Это невозможно, как свидетельствует евангелист Иоанн: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити пишемых книг* (Ин. 21:25). Св. Златоуст замечает: «Как же, скажешь, Лука говорит о всем? Но он не сказал все, а – о всех, а это значит то же, что – вообще и сокращенно, или, иначе, он говорит обо всем, что особенно важно и нужно». Апостол напоминает это для того, чтобы Феофил, приступая к чтению новой книги, которую теперь начинает Лука, вспомнил содержание первой книги, или Евангелия, и чтобы таким образом лучше мог понимать силу и важность этой второй книги.

Яже начат Иисус творити же и учити. Иисус Христос, как добрый пастырь, прежде делал – потом учил. Он говорил: *иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5:19). Иисус Христос начал делать с того времени, как Он, Сын Божий, воспринял наше человеческое естество со всеми его немощами, кроме греха. Его Божественное вочеловечение есть величайшее дело Божеской благости к роду человеческому; Его обрезание, принесение в храм иерусалимский для представления пред Господа (Лк. 2:22); Его бегство в Египет и возвращение в Назарет, возрастание в повиновении родителям (Мф. 2: 13, 23), путешествие с ними в Иерусалим на праздник Пасхи (Лк. 2: 42, 52): крещение от Иоанна на Иордане, сорокадневный пост в пустыне (Мф. 4: 1, 2) – все это дела Божеского человеколюбия, которые Господь Спаситель совершил прежде, нежели начал учить о Царстве Божием. Когда же Иисус Христос стал проповедовать Евангелие, Он явил в Себе совершеннейший образец праведника, так что никто не мог обличить Его в каком-нибудь грехе (Ин. 8:46). Иисус Христос есть совершеннейший образец истинных пастырей и учителей: каждый пастырь и учитель прежде должен делать – потом учить; «ибо нет ничего, – говорит Златоустый, – бесполезнее учителя, который любомудрствует только – это свойственно не учителю, а лицемеру. Посему апостолы прежде учили жизнию, а потом – словами».

2. *Даже до дне, в он же заповеда Апостолом Духом Святым, ихже избра, вознесеся.*

Здесь св. Лука показывает предел, которым ограничиваются дела Господа Иисуса, описанные им в первой книге его, то есть в Евангелии. Это – вознесение Господа на небо. То есть Евангелие от Луки говорит о всем, что Иисус Христос делал и чему учил от начала, или от явления Его на земле, «до того дня, в который Он вознесся на небо, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал».

Дух Святой преисполнял человеческое естество Господа Иисуса, как об этом было предсказано пророком: *Помаза Тя, Боже, Бог твой елеем радости паче причастник Твоих* (Пс. 44:8), или, как Сам Господь через пророка

говорил о Себе: *Дух Господень на Мне, Его же помаза Мя, благовестити нищим посла Мя* (Ис. 61:1; Лк. 4:18); Дух Господень действовал в восприятии Сыном Божиим нашего человечества (Лк. 1:31). Дух Божий сошел на Иисуса Христа во время Его крещения на Иордане в виде голубя – *и исполненный Духа Святого, Он возвратился от Иордана и поведен был Духом в пустыню* (Лк. 4:1). Все дела и чудеса, какие совершал Он, совершал Духом Святым (Мф. 12:28). О Своем Божественном учении Господь говорит: *Дух есть, иже оживляет, плоть не пользует ничтоже: глаголы, яже Аз глаголах вам, дух суть и живот суть* (Ин. 6:63). И Своим избранным ученикам и апостолам Иисус Христос неоднократно обещал ниспослать от Отца Святого Духа. Он говорил: *Утешитель же, Дух Святой, Его же послет Отец, во имя Мое, Той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам* (Ин. 14:26). *Егда же приидет Утешитель, Его же Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит, Той свидетельствует о Мне* (15:26). *Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину: не от себе бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит вам. Он Тя прославит, яко от Моего приимет, и возвестит вам* (16: 13, 14).

Теперь, приступая к изображению обещания Господня о ниспослании Святого Духа на апостолов, евангелист Лука показывает и то, что этот обещанный Дух Святой есть Тот Самый, Который преисполнял человечество Господа Иисуса и в Нем действовал; Сим Святым Духом дал Господь повеления апостолам, которых Он избрал; Этого Духа Господь, пред вознесением Своим на небо, обещал вскоре, через несколько дней, ниспослать апостолам; этот Дух, по обещанию Господа, имел их научить всему, что нужно было им знать, напомнить им все, что говорил им Иисус; и в это же время, пред самым вознесением Своим на небо, Господь дал апостолам повеления по отношению к ожиданию сошествия Святого Духа.

3. *Пред ними же и постави себе жива по страдании своем, во мнозех истинных знамениих, деньми четыредесятми являяся им и глаголя, яже о Царствии Божии.*

Сказав о том, что Господь вознесся на небо, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал, св. Лука обращает слово к тому чрезвычайному событию, которое служит основанием всех последующих великих событий, о которых далее говорит, как-то: вознесения Господня на небо, ниспослания Святого Духа, всемирной евангельской проповеди чрез апостолов и их преемников, неисчислимых чудес в мире естественном и нравственном, совершенных и совершаемых силою Святого Духа. По великой важности воскресения Господа Иисуса Христа из мертвых, апостол эту истину снова припоминает как несомненную, утвержденную неопровержимыми доказательствами. Которым, говорит, и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказа-

тельствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием.

Пред ними же и постави себе жива по страдании Своем. По страдании Своем на кресте Иисус Христос умер и погребен был, но в третий день воскрес и явил Себя воскресшим, или *живым*, пред апостолами.

Во многих истинных знамениях, деньми четыредесятми являяся им. И свое воскресение из мертвых, или то, что по смерти опять стал живым, засвидетельствовал Он многими верными доказательствами, каковы: Его многократные явления между учениками, Его беседы с ними; Он показывал им Свои руки и ноги с язвами и бок прободенный (Ин. 20:20). Он давал им осязать себя и говорил: *видите руце Мои и нозе Мои, яко Сам Аз есмь: осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, яко же Мене видите имуща* (Лк. 24:39). Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: *имате ли что снедно зде!* «Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними» (ст. 41–43). Так являлся Господь Своим ученикам многократно в продолжение сорока дней, чтобы тем совершеннее уверить их в истине Своего воскресения и наставить их тайнам спасения.

И глаголя, яже о Царствии Божии. Беседа Иисуса Христа со Своими учениками и по воскресении Его из мертвых была подобна той, какую имел Он с ними до своих страданий и смерти. Он беседовал с ними не о земных предметах, а об истинах духовных – о том, как надобно спасать свою душу и достигать Царствия Небесного. Под *Царствием Божиим* надобно разуметь и вечное царство славы, которое на небесах, и благодатное царство Иисуса Христа, которое распространяется и утверждается на земле посредством евангельской проповеди через веру в Иисуса Христа. Можем с достоверностью полагать, что Иисус Христос, приготовляя избранных Своих учеников к их апостольскому служению, беседовал с ними преимущественно об этом благодатном *Царстве Божием*, о распространении и благоустройстве Христовой Церкви, об установлении и совершении благодатных таинств, о преодолении предстоящих трудностей в подвигах апостольского служения и подобное. Из этих наставлений Господа иные сохранились для нас в апостольских посланиях, а другие – в Священном Предании Святой Вселенской и Апостольской Церкви.

О том же

Протоиерей Полотебнов. «Общедоступное истолковательное чтение на книгу Деяний святых апостолов», выпуск 1

1-й ст. *Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всем, что Иисус делал и чему учил от начала* (Лк. 1:3).

Первую книгу. Первые три стиха Деяний очевидно указывают на первую половину труда писателя – «Евангелие от Луки», см. Лк. 1: 1–4 и 24:

49–52. *Книга* – в славянском тексте – *слово*, в греческом подлиннике – «логос» (λόγος) в означении речи, учения, рассказа, повествования. У евангелиста Иоанна Богослова *логос* (ὁ Λόγος – *слово*, по особенному, бывшему ему Божественному откровению – Апок. 19: 11–13 – употребляется как собственное имя Сына Божия, Иисуса Христа: ев. Иоан. 1 гл., 1 посл. Иоан. 1:1. *Написал я к тебе* – этим напоминанием ап. Лука указывает на теснейшую связь книги Деяний с Евангелием. «Лука напоминает о Евангелии своем» еще «для того, чтобы указать на свое весьма тщательное отношение к делу, потому что и в начале того труда своего говорит: *рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе и не как-нибудь, но так, как передали нам бывшие с самого начала очевидцами»* (блж. Феофилакт), то есть не из 70-ти учеников, каковым был сам Лука, а из 12-ти, и собственно призванные с самого начала проповеди Иисуса Христа и самые первые провозвестники учения Его, каковы, например, Петр, Иаков, Иоанн – апостолы, находившиеся при Иисусе Христе во все время служения Его. (Лк. 1: 3, 2). Прямое соотношение предисловия второй части труда св. евангелиста с первыми стихами Евангелия его дает мысль, что побуждением к написанию книги Деяний служило, между прочим, появление различных апокрифических, или подложных, частных записей, из которых впоследствии составились мало-помалу апокрифические Деяния апостолов, равно как появление отдельных повествований подложноевангельского характера было, между прочим, поводом к написанию Евангелия от Луки (св. Лк. 1: 1, 2). Как *многие предпринимали повествовать* о Христе, что известно между ними по преданию от *самовидцев испeрва*, так же точно, без призвания и руководства Духа Святого, многие из первенствующих христиан записывали тогда по различным побуждениям сказания о служении апостолов по воскресении Господа. Из частных апокрифических записей апостольского времени образовались впоследствии Деяния: Петра и Павла, Павла и Феклы, Андрея и Матфея, Иоанна, Филиппа, Варфоломея, Фаддея, Фомы, Деяния всех апостолов Авдия, «τῶν Ἀποστόλων περίοδοι» некоего Левкия Харина и проч. (Гэр. 1, 211–212). Критического какого-либо исследования апокрифических записей ап. Лука в книгах своих не делает; он только противопоставляет им положительную верную историю после исследования или поверки того, что говорит *устное предание* о проповеданном *самовидцами испeрва* и о самых самовидцах. В предисловии книги Деяний ап. Лука не повторяет мысли предисловия Евангелия своего или потому, что последнее он относил вместе и ко второй части труда, или потому, что в книге Деяний рассказывается много о таких событиях, которых очевидцем был сам Лука как ближайший сотрудник апостола Павла, так что в истории Павловых путешествий приходилось писать: *мы решили отправиться, мы прибыли* и проч. (Деян. 16: 10–17;

20: 5–15; 21: 1–17; 27:1; 28:16), и читатели, знавшие апостола Луку, не нуждались уже в особенном уверении его после евангельского предисловия. *Феофил* – Лк. 1:3. Феофил, которому назначалась прежде всего книга Деяний, равно как и Евангелие от Луки, был христианин (Лк. 1:4) из язычников, именитый (державный – κράτιστος – Лк. 1:3) гражданин Антиохии – родины апостола Луки. Существует предание, что Феофил в доме своем имел церковь для антиохийских христиан. Из того, что Лука не делает никаких географических пояснений местностей Италии, упоминаемых в Деяниях (28: 12–13, 15), а местности палестинские и греческие объясняет (1:12; 16:12; 27: 8, 12. Ср. Лк. 1:26; 4:31; 24:13), должно заключать, что Феофил не жил в Палестине и Греции, а с Италией был хорошо знаком; так что, вероятно, он был каким-нибудь начальником в Антиохии, присланным из Рима, по заведенному тогда порядку римского правления на Востоке. *О всем*, то есть о самом важном. В Новом Завете слово *весь* или *всякий* (πᾶς) довольно часто употребляется для означения дел вообще или большей части важных дел (Деян. 13:10; 1 Тим. 1:16; Иак. 1:2; Мф. 2:3; 3:5; Деян. 2:5; Рим. 11:26; Кол. 1:6 и проч.). Подобный образ выражений со словом *весь* и *всякий* существует во всех языках. *Иисус* – в сирском переводе Библии второй половины второго века (Пешито) читается: «Иисус наш Мессия» или Христос. *Делал* – этим выражением писатель указывает не только на чудеса Господа и различные благодения Его несчастным людям, но и на Его страдание, смерть и воскресение – словом на все, что сделал Иисус для спасения мира. «Не погрешит тот, кто и самое страдание» Иисуса, как бы невольно мучительное состояние души и тела, назовет действием, ибо чрез страдание Он сотворил великое и чудное дело – разрушил смерть и совершил все прочее» (Злат.).

От начала. 2-й ст. До того дня, в который Он вознесся, дав Святым Духом повеления апостолам, которых Он избрал (Лк. 24:49; Мф. 28:18; Ин. 20:21; Лк. 24:51).

До того дня – сороковой день после Воскресения. См. ст. 3-й и ев. Лк. 24:51). *В который Он вознесся* – на небо, образ вознесения см. в 9 ст. *Дав Святым Духом* и проч. Место это по различным чтениям текста толкуется различно. В библиях сирской (второй половины II века) и арабской (первой половины VII века) читается: «давши повеления Свои апостолам, которых Он избрал Духом Святым». У нас, как и в греческом тексте, слова «Духом Святым» отнесены к повелению апостолам, а не к избранию их. Толкование по этомучтению должно признать правильным и точным. «Как и Сам Господь по смирению и приспособительно к слушателям говорил: *Я Духом Божиим изгоняю бесов* (Мф. 12:28), так здесь *заповедав Духом* говорится не потому, что Сын имел нужду в Духе, но потому что там, где творит Сын, там содействует и соприсутствует и Дух как единосущный» (Феофил). *Пове-*

ления — именно повеление идти проповедовать Евангелие спасения всем народам: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28:14. См. Мк. 16: 15–19). *Дав повеления* в славянском тексте согласно с подлинником (ἐντειλάμενος), *заповедав,* или повелев, — причастие единственного числа, так что многих собственно повелений не выражает. Следовательно, из настоящего стиха не должно заключать, что вместе с указанной единой высшей заповедью даны были от Господа другие еще какие-либо и особенные приказания апостолам; они были излишни, если Божественным Наставником их во всем их служении делался Утешитель Дух Святой — чит. Ин. 14:26. Притом же заповедь о проповедании Евангелия *всей твари* совмещает в себе все, чему научил Господь апостолов Своих по воскресении, поэтому-то Лука и говорит здесь о ней одной.

3-й ст. «Которым и явил Себя живым, по страдании Своем, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божием» (Лк. 24:13 и далее 36, и далее Ин. 20:30; 21:14 и проч. Ин. 20:22; Лк. 17:21.).

Которым и явил Себя живым. Воскресение Иисуса Христа было величайшим чудесным делом, на котором вечно должна была покоиться истина Евангелия; отсюда та замечательная заботливость, с которою писатели священных книг Нового Завета часто вспоминают о воскресении Господа и различным образом доказывают непреложность истины его. И началу книги Деяний апостольских вполне соответствует упоминание о воскресении, так что Лука поставляет эту высшую истину пунктом, из которого происходило все, что он рассказывает в книге своей. *По страдании Своем* — претерпевши смерть — понимаемую здесь как совершение и исполнение всех Его страданий. *Со многими верными доказательствами – знамениями* по более точному славянскому переводу; греческое слово подлинника (τεκμήριον), стоящее здесь, не употребляется более нигде в Новом Завете; у древних греческих писателей всегда употреблялось оно для усиленного выражения важности *признака и вместе доказательства,* так что *знамение* в этом смысле имело всегда силу уверения самого неопровержимого, самого высшего, очевидного и окончательного. *Доказательства,* о которых дееписатель говорит здесь, утверждали, что апостолы не могли ни быть обмануты, ни обманываться: Иисус Христос являлся им, говорил с ними, ел и пил с ними, и все это несколько раз и в различных местах; делал чудеса (Ин. 21: 6–7) и бывал с ними в таком же тесном общении, в каком они в продолжение трех лет жили с Ним. Эти *доказательства,* поистине *знамения* для всех веков, очевидно и неопровержимо уверительные: 1) известно, что апостолы после смерти Иисуса Христа не думали с надеждою о воскресении Его — Ин. 20:25; Лк. 24; они, стало быть, не хотели обманывать мир и говорить, что Учитель их воскрес, ни не были наклонны и приготовлены выдавать надежды

свои за несомненную вероятность; 2) невозможно было, чтобы они заблуждались в тожестве одного лица, одного их Божественного Друга (Ин. 15: 14, 15), с Которым они так долго жили, особенно когда видели Его ядущим вместе с ними и слышали говорящим к ним точно так же, как и прежде; 3) их было довольно много, так что они не могли не уклониться от всякой возможности заблуждения. Один человек мог бы ошибиться, и это было бы понятно, но как допустить, чтобы одиннадцать человек, даже не доверявших и сомневавшихся, могли ошибаться в продолжение целых сорока дней? 4) Иисус Христос в самом деле являлся им и показывал Себя не один раз, но несколько, в продолжение времени более месяца, и не на мгновения только одни, но на продолжительное довольно время; 5) Его явления были в различных местах и при различных обстоятельствах таковы, что невозможно было никакое заблуждение. Если бы апостолы говорили, что они видели своими глазами, как воскресал Христос при появлении утренней зари, можно бы было предположить, что или они были игрою какой-либо искусно приготовленной фантасмагории, или в нетерпеливом ожидании увидеть Его, под влиянием собственных своих надежд и своих предубеждений, вообразили, что видят Его. Обманщики не преминули бы уверять, что они видели самое воскресение — в этом никто не усумнится; богодухновенные же писатели не говорят ничего подобного. Следуя рассказам их, они увидели Христа только уже после воскресения Его и притом нечаянно, в минуты, когда не могло влиять на них никакое волнение от ожидания, в минуты, когда они обладали хладнокровием, находясь в Иерусалиме, когда во время тихой молитвы Спаситель благоволил явиться посреди их. Подобного же характера явления Христа — на пути в Эммаус, в Галилее и на Елеонской горе, когда Он вознесся; 6) в Своих отношениях с апостолами после воскресения Господь был таким же, каким был и прежде: близким, другом, благодетелем. Он ел, творил чудо, занимался тем же делом, которым занимался прежде смерти Своей, дал им то же обещание о послании Духа Святого, дал «апостолам», или «посланникам» Своим, повеление относительно цели, для которой Он страдал. Все эти обстоятельства не утверждают ли ясно решительную невозможность быть обманутыми в воскресении Спасителя? *В продолжение сорока дней являясь им.* В книгах Нового Завета упоминаются десять явлений Господа ученикам Своим по воскресении: 1) Ин. 20: 14–18; Мк. 16: 9–11; 2) Мф. 28: 9–10; 3) Лк. 14:34; 1 Кор. 15:5; 4) Лк. 24: 13–35; Мк. 16: 12–13; 5) Мк. 16:14; Лк. 24: 36–44; Ин. 20: 19–25; 6) Ин. 20: 26–29; 7) Ин. 21; 8) 1 Кор. 15:6; Мф. 28: 16–20; 9) 1 Кор. 15:7; 10) 1 Кор. 15:7; Мк. 16: 19–20; Лк. 24: 50–53; Деян. 1: 1–11 — (Филарет Моск.). «Почему же Он являлся не всем, а только апостолам? Потому что многим, не понимавшим этой неизреченной тайны, явление Его казалось бы видением. Если уже и сами ученики сначала не верили и смуща-

лись, даже нуждались в прикосновении рукою и в общей с Ним трапезе, то как должно было поразить явление Его толпу? Поэтому-то доказательство Своего воскресения Он делает несомненным и общим посредством чудес, которые совершили апостолы силою полученной ими благодати, так что воскресение стало очевидным фактом не только для них, которые должны были убедиться в этом собственными глазами, но и для всех людей последующих времен» (Феофил). *И говоря о Царствии Божием* – говоря с ними о тех же истинах, о которых говорил Он прежде смерти Своей, и прямо показывая этим, что Он был Тот же и что сердце Его всегда было предано одному великому делу искупления – и в жизни, и в смерти, и после воскресения. *О Царствии Божием* – об устроении благодатного Царствия Божия, или Небесного, на земле, для вечного царства славы на небесах, Его учением, страданиями, смертью, воскресением и всемирным служением апостолов по сошествии на них Духа Святого в деле образования, распространения и утверждения Церкви Христовой.

Вознесение Господне
(выписка из Священного Писания)

«Воскресное чтение», ч. 7

I. Пророческое изображение вознесения Господня

Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног твоих. С Тобою начало в день силы Твоея, во светлостех святых Твоих: из чрева прежде денницы родих Тя (Пс. 109: 1, 3). Возмите врата князи ваша, и возмитеся врата вечная, и внидеть Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен, Господь силен в брани (Пс. 23: 7–8). Возшел еси на высоту, пленил еси плен, приял еси даяние в человецех (Пс. 67:19). Взыде Бог во воскликновении, Господь во гласе трубне (Пс. 46:6). Пойте Богу нашему, воспойте Господеви, возшедшему на небо небесе (Пс. 67:34). Яко царь всея земли Бог. Воцарися Бог над языки. Бог седит на Престоле святем Своем (Пс. 46: 8, 9). Се день Господень грядет, и станут нозе Его в день он на горе Елеонстей, яже есть прямо Иерусалиму на восток. И изыдет вода жива из Иерусалима, пол ея в море первое, и пол ея в море последнее: и в жатву и весну будет тако. И будет Господь в Царя по всей земли: в день он будет Господь един, и имя его едино (Зах. 14: 4, 8, 9).

II. Евангельское сказание о вознесении Господнем

Воскрес Иисус, явися единомунадесяте, и рече им: шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари (Мк. 16:15). Яко тако подобаше проповедатися во имя Его покаянию, и отпущению грехов во всех языцех, начен-

ше от Иерусалима (Лк. 24:47). Изведже их вон до Вифании, и воздвиг руце свои и благослови их. И бысть, егда благословляше их, отступи от них, и возношашеся на небо (Лк. 24: 50, 51); и облак подъят Его от очию их. И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста пред ними во одежди беле, иже и рекоста: мужие Галилейстии, что стоите, зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо (Деян. 1: 9–11). Тогда возвратишася во Иерусалим от горы, нарицаемые Елеон, яже есть близ Иерусалима (Деян. 1:12); и изшедше проповедаша всюду, Господу поспешствующу, и слово утверждающу последствующими знамении (Мк. 16:20).

III. Апостольское учение о вознесении Господнем

Бог отец наших прослави Отрока своего Иисуса (Деян. 3:13), воскресив Его от мертвых и посадив одесную Себе на небесных, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и вся покори под нозе Его: и тогдададе главу выше всех Церкви (Еф. 1: 20–22). И никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе, Сын человеческий (Ин. 3:13). Иже есть одесную Бога, возшед на небо, покоршимся ему Ангелом и властем и силами (1 Пет. 3:22); Его же Бог положи наследника всем, иже сый сияние славы и образ ипостаси Его, нося же всяческая глаголом силы Своея, Собою очищение сотворив грехов наших, седе одесную престола величествия на высоких, толико лучший быв Ангелов, елико преславнее паче их наследствова имя (Евр. 1: 3, 4). Его же подобает небеси убо прияти даже до лет устроения всех, яже глагола Бог усты всех святых своих Пророк от века (Деян. 3:21). Подобает бо Ему царствовати, дондеже положит вся враги под ногама Своима (1 Кор. 15:25).

И нас с Ним воскреси, и спосади на небесных во Христе Иисусе; зане тем имамы приведение в Дусе ко Отцу (Еф. 2: 6, 18).

Аще убо воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя, горняя мудрствуйте, а не земная: умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе (Кол. 3: 1–4). Наше житие на небесех есть, отонудуже и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа, иже преобразит тело смирения нашего, яко быти ему сообразну телу славы Его, по действу еже возмогати Ему и покорити себе всяческая (Флп. 3: 20–21).

Такова Емамы Первосвященника, иже седе одесную Престола величествия на небесех, святым служитель, и скинии истинней, юже водрузи Господь, а не человек (Евр. 8: 1–2). Архиерей грядущих благ, большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, сиречь, не сея твари, ни кровию козлею, ниже тельчею, но Своею кровию, вниде единою во святая, вечное искупление обретый (9: 11–12). Не в рукотворенная бо святая

вниде, противообразная истинных, но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас (9:24). Едину о гресех принес жертву, всегда седит одесную Бога, прочее ожидая, дондеже положатся враги Его подножие ног Его (10: 12–13). Имуще убо дерзновение, братие, входити во святая кровию Иисус Христовою, путем новым и живым, его же обновил есть нам завесою, сиречь, плотию своею, и Иерея велика над домом Божиим: да приступаем с истинным сердцем во извещение веры, окроплени сердцы от совести лукавыя, и измовени телесы водою чистою, да держим исповедание упования неуклонное: верен бо есть обещавый (Евр. 10: 19–23).

Наставления Иисуса Христа ученикам пред Его вознесением на небо

Св. Иоанн Златоуст.
«Воскресное чтение», г. 1

Господь наш, по воскресении из мертвых многократно являясь ученикам Своим, с любовью обращался с ними, позволял осязать Себя и был с ними в продолжение сорока дней. Наконец Он пришел на гору Елеонскую, против Иерусалима, и там в последний раз повторил им Свои наставления: *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас,* говорил он ученикам Своим. *Идите же по всему миру, научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа,* в оставление грехов. *Больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром и давайте.* (Ин. 20:21; Мк. 16:17; Мф. 28:19; 10:8). Благословляйте гонителей своих, благословляйте, а не проклинайте. Подражайте Учителю вашему. *По тому узнают все, что вы мои ученики* (Ин. 13:25), если вы будете любить ненавидящих вас. Вспомните, сколько зла мне сделали иудеи! Серафимы не смеют взирать на лице Мое и закрывают свои лица, а иудеи били Меня по ланитам. Мои руки образовали человека из земли и создали весь этот прекрасный мир, а иудеи железными гвоздями пригвоздили эти руки к древу. Если Я обращу взор Мой на землю, земля трепещет и трясется, а иудеи смеялись надо Мною, проходя мимо и кивая головами. Все Я терпел от них и не гневался, не мстил им. Думаете ли вы, что Я не мог мстить? Ангелы у Меня стояли готовые к мести, но Я не позволил им, простертый на кресте, Я молил Отца за врагов Моих и говорил: *Отче Мой, прости им; ибо не знают, что делают!* (Лк. 23:34) Я страдал терпеливо, чтобы вам подать пример. Если бы Я только учил, а не делал, в Моем учении была бы несообразность. Нет, сперва Я Сам сделал все, а потом уже вас обязываю делать. Я сказал:

Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец (Ин. 10:11) и не отказался от смерти, будучи бессмертным. Я сказал: *Благословляйте клянущих вас* (Мф. 5:44), а не проклинайте, и, столько вытерпевши от иудеев, никого не про-

клинал. Я все совершил, что предсказали о Мне пророки, и вот теперь *восхожу к Отцу моему* (Ин. 20:17). Но вы не печальтесь, *Я не оставлю вас сиротами* (Ин. 14:18), пошлю к вам Духа Святого, Господа животворящего, единосущного Моему Отцу и Мне. Да и Сам *Я с вами, во все дни до скончания века* (Мф. 28:20). Как древле Я был с Моими пророками, так буду и с вами. Я исторг Моисея из рук египтян, Я избавил Илию от Иезавели, Я спас Давида от бешенства Саулова, Я поднял Иеремию из глубокого рва, Я исхитил Даниила от пасти львиной, Я был с тремя отроками в пещи Вавилонской и сберег их от пламени. Говорю вам: как был Я со всеми ими, так точно буду и с вами. *Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз Я хотел собрать детей твоих, как птица птенцов своих под крылья – и вы не захотели* (Лк. 13:34)! Горе вам, чада Иерусалима! Я пришел к вам именем Отца Моего, но вы не приняли Меня, и потому *оставляется вам дом ваш пуст* (Лк. 13:35); *не останется камень на камени в вашем храме* (Мф. 23:38). Славу храма вашего Я предаю теперь верующим Кресту и воскресению Моему. Горе вам, чада Иерусалима! Я отниму у вас честь вашу и отдам ее народам. Вместо вашего храма Я воздвигну Церковь; вместо ваших пророков, которых вы презрели, Я пошлю теперь в мир учеников Моих проповедовать крещение покаяния во оставление грехов. Вам дал Я скрижали Завета – язычникам даю Евангелие спасения. Вам дал Закон, который вы обесчестили, – язычникам даю Благодать вместо Закона. Вам дал жезл зеленеющий – язычникам даю теперь крест цветущий и произращающий жизнь миру. Вам дал манну, которую вы ели и кланялись тельцу золотому, – язычникам даю хлеб, сходящий с неба, – Плоть Мою. Я дал вам воду из камня, вы пили ее и огорчали Меня – язычникам дам теперь чашу Крови Моей, да пиют себе жизнь вечную. Вот дары, кои даю язычникам, *и восхожу к Отцу моему, а ваш дом оставляется пуст.* А вам, ученикам Моим, еще даю Мой мир. Ведите себя так, как я завещал вам. Не печальтесь, что *Я восхожу к Отцу моему,* ибо если бы Я не возшел, то к вам не пришел бы Утешитель. Но я отхожу от вас и чрез десять дней пошлю вам сего Утешителя, Духа Святого и Животворящего. *Вы получите силу и будете Моими свидетелями в Иерусалиме, и во всей Иудее, и в Самарии, и даже до последнего края земли* (Деян. 1:8). *И сия рек, зрящим им взятся, и облак подъят Его от очию их* (Деян. 1:9).

ВОЗНЕСЕНИЕ ГОСПОДНЕ

О том, как совершалось вознесение Иисуса Христа на небо

«Воскресное чтение», г. 5

Вознесение Господа последовало не вдруг по воскресении Его, а спустя четыредесять дней. Надлежало в продолжение сего времени многими не-

преложными доказательствами засвидетельствовать пред учениками и всем миром истину Его воскресения; надлежало доказать ученикам, *яже о Царствии Божии* то, чего нельзя было открыть им до креста и о чем, однако же, им нужно было услышать от Учителя своего еще до сошествия к ним нового наставника – Духа Святого; надлежало, наконец, может быть, и самому человечеству воскресшего иметь время, дабы просветлеть всею полнотою славы Божественной, ожидавшей Его по вознесении на небо.

Между тем сам воскресший Господь не напрасно в самый первый день и почти первый час по воскресении сказал Магдалине: *восхожу ко Отцу моему и Отцу вашему!* Отселе Он уже, видимо, принадлежал не столько земле, сколько небу: являлся по временам ученикам, беседовал с ними, давал осязать себя, благословлял для них трапезу, даже сам вкушал нечто во уверение их, но это были явления временные, всегда показывавшие, что являющийся таким образом принадлежит миру не нашему, а Высшему.

Среди сего полунебесного состояния наступил четыредесятый день – число издревле по всей священной истории отличенное как время окончания великих подвигов и теперь предназначенное для вознесения Господа на небо. В четыредесятый день по рождении первенцы Израиля, по закону Моисееву, должны были являться в храм пред лицо Иеговы; в четыредесятый день по воскресении, как бы новом рождении, *должен был войти в небесную скинию и первенец из мертвых* (1 Кол. 1:18) всего рода человеческого, дабы явиться лицу Божию и начать свое небесное ходатайство о нас.

Не видно, чтобы ученикам было предварительно известно, что сей день положит конец их видимому обращению с Учителем. Однако же они – по явному повелению, которое могло быть дано среди предшествующего явления, или подобно как некогда Симеон пришел во храм Иерусалимский – движимые духом все собрались к сему дню в Иерусалиме. Как святой град ни полон был врагами их Учителя, но были люди, которые все готовы были представить им мирное и удобное место для собраний. И можно думать, что настоящее собрание было там же, где совершена была Тайная Вечеря, там же, где потом сойдет на апостолов Дух Святой: место известное и теперь под именем горницы Сионской.

Явился и Учитель, без сомнения, так же, как являлся прежде – внезапно, неведомо откуда и как, *священнотайне*. После собеседования и, может быть, таинственного *преломления хлеба* Учитель и ученики оставили Иерусалим и пошли к Вифании тем самым путем, коим шли они некогда из-за Тайной Вечери в вертоград Гефсиманский как бы в показание того, что один и тот же путь ведет к поту кровавому, на крест, и к Елеону – на небо. Путь сей, без сомнения, был пройден не молча, и мы имеем пространную, сохраненную св. Иоанном беседу Господа с учениками на сем пути, когда он проходим был в первый раз. Но сказанное теперь нужно было для все-

мирных учителей, а не для нас, учеников их, посему и не передано нам евангелистами. Об одном только обстоятельстве упоминает ев. Лука, которое, с одной стороны, дает разуметь, что главным предметом последнего собеседования Господа с учениками было благодатное Царствие Божие, с другой – показывает, как свв. писатели для истины и назидания нашего нисколько не скрывают и таких вещей, кои для них самих приятнее было бы предать всемирному не сведению, а забвению. Именно, по свидетельству сего евангелиста, апостолы между прочими вопросами о Царстве Божием предложили Учителю теперь и такой вопрос, который показывал, что прежний предрассудок о земном воцарении их Учителя над Иудеею не был разрушен в их уме самим крестом. *Господи,* вопросили некоторые из них, *аще в лето сие устрояеши царствие Израилево?*

Не перед Гефсиманией и Елеоном слышаться бы такому вопросу!.. но вопрошавшие еще не были *крещены Духом,* который имел их навсегда поднять от земли к небу, устремить к тому, чего око не видало и ухо не слыхало; посему и неудивительно, что мыслили по-человечески – разумели Учителя, даже воскресшего, еще *по плоти.* Божественный Наставник кротко выслушал вопрос, не восхотел опечалить вопрошавших не только упреком, даже прямым отрицанием, а только, обратившись ко всем ученикам, сказал с любовию: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи в своей власти: но приимите силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете ми свидетели в Иерусалиме, во всей Иудее, в Самарии и даже до последних земли* (Деян. 1: 7–8). То есть как бы так вещал Учитель: «Не о царстве и наградах вам должно думать теперь, а о подвигах и терпении до смерти: представьте будущее Тому, в деснице Коего оно находится, и обратите внимание на то, что предстоит вам и над чем должны вы трудиться». Что наставление сие было принято как должно, доказательством тому вся последующая жизнь и вся проповедь апостолов. Из обратившихся потом в христианство иудеев и язычников многие также увлекались мечтательною мыслью о земном, чувственном царстве Спасителя, но апостолы твердо стояли против сей мысли и на вопрос о времени пришествия Господа и Учителя отвечали подобно Ему: «Несть ваше и наше разумети времена и лета: приидет день Господень, яко тать в нощи; сего ради бдите, яко не весте, в кий час Жених приидет».

Среди сих собеседований о Царствии Божием достигли вершины Елеона. Здесь Господь остановился, воззрел на учеников, потом воздвиг руки и благословил их. Уже сие священнодействие показывало, что предстоит нечто важное и необыкновенное. В самом деле, едва только окончилось благословение, Учитель отступил от учеников (как бы для того, чтобы не увлечь их с Собою на небо), потом с лицом обращенным к востоку отделился от земли и начал возноситься на небо. Восхождение сие совершалось так неспешно, что ученики могли вполне насладиться величествен-

ным зрелищем. Когда Возносящийся был уже на такой высоте, что зрению трудно было следовать за Ним, явился облак светлый и сокрыл Его от лица земли. Но ученики и после сего все еще продолжали смотреть на небо, не зная, чем кончится зрелище, а некоторые, думая, может быть, что Учитель если и вознесся, то на время, как сокрывался чудесно в конце каждого из предшествовавших явлений.

Такое нерешительное состояние мыслей и чувств могло продолжаться долго не только на Елеоне, а и по возврате с него, между тем как наступающие дни были весьма драгоценны, долженствуя служить приготовлением к принятию Святого Духа. Надлежало вразумить учеников в тайну того, что они видели, и се, *егда взирающе бяху на небо, мужие два сташа пред ними в одежде беле.* Вид и одежда были человеческие, но взор, глас и величие – ангельские. *Мужие Галилейстии,* так вещали небожители, *что стоите, зрящена небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его, идуща на небо.* То есть небожители преподавали таким образом ученикам урок подобный тому, какой за минуту перед тем они слышали от самого Учителя. *Что стоите, зрящена небо?* Зачем хотите продлить зрелище, коему сама рука Божия положила конец облаком сокрывшим от вас вознесшегося на небо Учителя? Он до времени должен быть сокрыт от взора всех, и вы первые должны покориться сему распоряжению – перейти из области видения в область веры. Учитель кончил свое великое поприще, а ваше еще не начиналось. Если любите Его, то обратитесь к делу им заповеданному, для коего Он уготовлял вас; если жалеете о разлуке с Ним, то ведайте, что Он паки приидет так же, как отшел. В ожидании сего не оставляйте талантов вам преданных, делайте прилежно в вертограде до Его возврата, дабы было с чем предстать перед лицом Его. Вняв гласу небожителей, апостолы немедленно возвратились с Елеона в Иерусалим, в то же место, откуда пошли, и возвратились уже не с печалию, а *с радостию,* как замечает евангелист, *великою.* Радовались славе Учителя, вознесение коего еще более, нежели восстание из гроба, показывало, что Он как от Бога изшел, так и к Богу отшел и что Ему точно дана всякая власть не только на земле, но и на небе. Радовались собственному предназначению, видя, что они призваны на дело Божие, великое и святое, несказанно благотворное для всего рода человеческого. Радовались самому явлению ангелов и вести от них принятой, которая показывала, что отшедший Учитель не прервал с ними общения любви, что в нужных случаях они будут принимать наставления свыше. Благословение вознесшегося Господа, еще до сошествия Духа Святого, уже, можно сказать, подняло всех учеников от земли и устремило души и сердца их горе. Ибо вместо прежних мечтаний о земном царстве Учителя, в продолжение всех последующих дней до самой Пятидесятницы, мы увидим их по-

стоянно занятыми богомыслием, проводящими время в молитве и благочестивых собеседованиях (Деян. 1:14).

Так совершилось вознесение Господа! Как тихий дождь на руно сошел Он в утробу Приснодевы; как фимиам утренний вознесся теперь горе, ко Отцу. Но так тихо и безмолвно разлучился Богочеловек с нашею землею, с местом Своих подвигов и истощания. Не так совершилось вступление Его в мир горний! Еще св. псалмопевец, провидя торжественность сего восхода, восклицал: *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне!* Он же изображает в другом псалме, как хоры ангелов сретают Его, восходящего на небо. В это время, по свидетельству неботаинника Павла, мир ангелов торжественно покорился вознесшемуся Господу и признал в нем своего главу и правителя. Наконец, св. Иоанн в своем дивном Апокалипсисе изображает, как Агнец заколенный приступил к самому престолу Отца, как прежде, нежели возсел одесную Его, принял книгу судеб, разгнул и прочел ее; как двенадесять старцев, сидящих окрест престола Божия, пали пред Ним и положили к ногам Его венцы свои, как потом вслед за ними *всяко создание, еже есть на небеси, на земли, и под землею, и на море, яже суть, и сущия в них, вся глаголаху: достоин есть Агнец заколенный прияти силу, и богатство, и премудрость и крепость, и честь, и славу, и благословение; яко заклался и искупил ны есть Богови нас кровию своею* (Апок. 5:13).

Не нашему слабому языку изъяснять сии таинственные видения. Но и без изъяснения каждый видит, что они выражают собою величайшую славу вознесшегося Господа. В сию-то минуту оказалось во всей силе, что как не было уничижения более того, коим уничижил себя Сын Божий, умерши на кресте смертию преступника; так нет славы выше той, которою Сын Человеческий увенчан за приятие сей смерти. Апостолы Христовы дают уразуметь это во всей силе, говоря, что вознесшийся Господь *воссел одесную Бога Отца*, то есть и по своему человечеству приял могущество, славу и честь вполне божественные.

«Воскресное чтение», ч. 19

В каком виде вознесся на небо Господь наш Иисус Христос? Знаем, что на Голгофе руки и ноги Его были изъязвлены гвоздями, ребра прободены копием. В таком виде явился Он ученикам Своим после воскресения и говорил Фоме: *принеси перст твой семо и виждь руце мои, и не буди неверен, но верен* (Ин. 20:27). В таком же виде вознесся Он и на небеса. Это знак, что Господь Иисус Христос для нас все тот же, каким был и на земле, во время страданий. Что довело Его до позорной смерти? Не любовь ли к людям, привлекшая Его с неба на землю? Но сия любовь осталась неизменною навсегда, вечною, как вечно приобретенное для нас искупление (Евр. 9:12). Язвы на теле Спасителя, которыми *мы исцелехом* (Ис. 53:5), составляют и

будут составлять для Него величайшую почесть, украшение и славу, как знаки победы над диаволом, смертию и грехом. Почему-то все обитатели неба — ангелы и праведники — постоянно, из века в век воспевают Ему хвалу, яко Агнцу закланному: *достоин есть Агнец заколенный прияти силу, и богатство, и премудрость, и крепость, и честь, и славу, и благословение* (Апок. 5:12). Со знаками Своих крестных страданий Сын Божий явится и в день второго славного Своего пришествия на землю. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо,* говорили ангелы апостолам, *такожде приидет, имже образом видестеЕго идуща на небо* (Деян. 1:11). Какое утешение для христиан, в кресте и язвах Иисуса Христа полагающих основание своего спасения! Основания земли поколеблются, встрепещут горы и холмы в день грозного второго пришествия Христова, но верующий не убоится и с дерзновением может воскликнуть: «Вот мой Господь, вот мой Искупитель, вот мой Спаситель за меня пострадавший! Я не трепещу за свою участь». Но для врагов Креста Христова здесь кроется источник неописанного ужаса: они изумятся и вострепещут при виде Иисуса распятого, вострепещут и огласят воплем отчаяния всю землю и весь род человеческий.

«Воскресное чтение», 1879, № 19

Куда же вознесся Сын Человеческий? Туда, откуда пришел Он: на небо. *«Никто не взошел на небо, кроме Сына Человеческого, Который есть на Небе».* Его вознесение, таким образом, есть *возвращение* в обители Отца, которые Он оставил на время, ради спасения людей. В предсмертные минуты Он молился Отцу Своему: *«Отче, Я прославил Тебя; дело, которое Ты дал Мне, совершил, и ныне прославь Меня у Тебя Самого славою, которою Я имел у тебя прежде существования мира».* Теперь он вошел в славу Свою. Но как апостолы по вознесении стояли и смотрели на небо, может быть, желая сквозь облака проникнуть в ту незримую высоту, куда отошел их Божественный Учитель, так и теперь мысленный взор силится проникнуть в ту непроницаемую таинственную область. Слова ангелов к апостолам: *«Мужи галилейские, что стоите и смотрите на небо?»* — и теперь еще имеют значение предостережения против напрасной попытки разгадать тайну неба. Если где, то на Елеонской горе мы видим как через тусклое стекло, гадательно. Можно лишь указать границы, за которые не должно переходить наше гадание, чтобы избежать двух противоположных крайностей. Обыкновенно бывает, что когда взор созерцает небесную твердь с ее чудесами, когда в памяти проносятся слова псалмопевца: *«небеса поведают славу Божию»* и особенно прощальные слова Господа: *«в доме Отца Моего обителей много, и Я иду приготовить место вам»,* благочестивое чувство в этом именно небе, простирающемся над нашими головами, представляет себе сидящим на престоле вознесшегося Господа. Как ни невинно такое представление, особенно для

людей простых, оно несогласно ни со Священным Писанием, ни со здравым разумом. *«Небо и небо небес не вмещает Тебя»,* — так молился Соломон при освящении созданного им храма. Апостол же прямо говорит, что *Иисус Христос взошел превыше всех небес, да исполнит всяческая.* В то же время другой апостол говорит, что все *стихии и не только земля, но и небо прейдут и что мы должны ждать новой земли и нового неба.* Можно ли после этого искать престола вечного Царя в небе, которому суждено уничтожиться! Но, избегая одной опасности, наша вера да не впадет в другую, еще большую! В исповедании веры нашей мы, между прочим, исповедуем веру в *«восшедшаго на небеса и седяща одесную Отца».* Значит, вознесшийся Господь Иисус Христос перешел в область высшего бытия, в высший мир, о котором Он говорил иудеям: *«Я иду и вы будете искать Меня и умрете во грехе вашем: куда Я иду, вы не можете придти; вы от нижних, а Я от вышних; вы от этого мира, а Я от того мира».* И этот мир, цель восшествия Христа, не есть беспредельноеобщее бытие, в котором исчезает всякая личность. Нет, не таким представляет этот мир Священное Писание, с которым вполне соглашается неотразимая потребность сердца нашего. В самом деле, когда апостолы рассказывают нам о граде Бога Живого, они представляют его полным жизни. Иоанн стоял на вершине горы и видел Вознесшегося на небо, Иерусалим у ног Его: однажды был он в день Господень в духе, ангел возвел его на высокую гору, и он увидел над собою другой Иерусалим, сходивший с неба. Он исчислил ворота его, измерил его стены, в Агнце узнал он его храм и его светильники. Но все это не просто образ и подобие! В этом Иерусалиме он видел сонмы ангелов, старцев и мучеников, предстоящих Богу и Агнцу, поклоняющихся Ему и славословящих Его. Не бесформенные образы движутся там, а живые лица, с сознанием своего прошлого и настоящего. В это-то царство живых и возвратился Иисус Христос, чтобы приготовить место для своих верных последователей. Его разлука, Его вознесение на небо, Его возвращение в царство Свое — верная порука за то, что Он некогда соединится со Своими верными учениками. *Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, точно так же придет, как видите Его восходящим на небо,* — возвестили ангелы апостолам. Последние, не колеблясь, верили, что настанет день, когда Господь при гласе Архангела и трубном звуке явится с неба и оставшиеся в живых восхищены будут на облаках, чтобы встретить своего Господа и уже никогда не разлучаться с Ним.

Какое значение имеет в домостроительстве нашего спасения вознесение Господа?

«Воскресное чтение», г. 5

Вознесение Иисуса Христа на небо и седение одесную Отца составляет, в

совершении строительства нашего спасения, одно из тех великих дел Искупителя, на коих утверждается вся наша вера, вся надежда на вечное спасение. Иисус Христос возносится на небо как победитель греха, смерти и ада, как первенец нашей славы и блаженства на небе, как всемощный предстатель о нас у престола Вседержителева. Небо и земля едва не от начала времен разделились великою непроходимою бездною. В 5000 лет только два человека вознеслись от земли с плотию — Илия и Енох, но вознеслись не своею силою, не зная сами как и куда, вознеслись, как сказано в Писании о Илии, *яко на небо*, и не могли обозначить нам своей стези на небо, тем менее — сделать ее проходимою для нас. Иисус Христос возносится Сам; Своею Божественною силою *восхожду*, говорит Он, *к Отцу моему и Отцу вашему, к Богу моему и Богу вашему* — возносится на небо пред глазами учеников Своих, как победители, низложив врагов своих, восходят на торжественную колесницу. Он был в подобии плоти греха, но греха не сотвори, ниже обретеся лесть во устах Его; был во гробе, но воскрес, поправ смерть Своею смертию; сходил во ад, но только для того, чтобы возвестить Свою над ним победу. Итак, средостение между небом и землею не существует уже более. Иисус Христос разрушил его один за всех и для всех, разрушил однажды и навсегда; вознесшись на небо, один проложил для нас удобопроходную стезю. На земле мы теперь на короткое время: Иисус Христос восшел на небо уготовать нам место.

Божество во Иисусе Христе никогда не оставляло неба: Он и тогда был на престоле с Отцом и Духом, когда находился во гробе плотски, во аде — с душою, в раю — с разбойником. Следственно, восходит на небо наше человеческое естество, то, которое во Христе страдало, погребено и воскресло, естество прославленное, обоженное, коему усвоены могущество и господство божественные. Слово, вселившееся во утробу пренепорочной Девы, было — Господь, с плотию вознесшееся на небо — Господь. *Сшедый, той есть и восшедый.* Если же начаток нашего естества обожен, то всем нам приобретено освящение: где глава, там должны быть и члены; глава на небе, в славе — не останутся на земле, в унижении, и члены ее. *Аще вознесен буду от земли,* сказал Господь, *вся привлеку к Себе* (Ин. 12:32). Веруем посему, *яко егда земная наша храмина разорится, создание от Бога имамы, храмину нерукотворенну, вечну на небесех* (2 Кор. 5:1).

За славным вознесением Иисуса Христа на небеса следует седение Его одесную Бога Отца. Сидеть одесную, по нашему понятию, значит, занимать место по правую руку. Но божество во Иисусе Христе не занимает никакого места. Оно беспредельно, невместимо, вездесуще и вся исполняет; следовательно, седение Иисуса Христа одесную Отца значит Его высочайшее прославление по самому человечеству, Его Господство и царство над всем миром. *Бог Господа нашего,* говорит Апостол, *воскресив Его от*

мертвых и посадив одесную себе на небесных, превыше всякаго началъства, и власти, и силы, и господства, и вякаго имене, именуемого не точию в веце сем, но и в грядущем. И вся покори под нозе Его (Еф. 1: 20, 21). *Убо имамы первосвященника, иже седе одесную престола величествия на небесах* (Евр. 8:1).

Господство посреди врагов (Пс. 9:3), повержение их в подножие ног (Тим. 1), священство по чину Мельхиседекову, суд на непокорных суть свойства седящаго одесную Бога человечества. Христос, седя одесную Бога, ходатайствует о нас, но так, как прилично в состоянии прославления. Чего нельзя ожидать от сего ходатайства? Он восприял на себя наше естество, пожил на земле – все наши нужды так Ему известны и близки: о чем же Он не умолит Отца, чего не пошлет, чего не сделает для нас? Он умолил Отца послать нам Утешителя, излил от Духа Своего на всякую плоть. Как глава есть начало всех движений в теле, так и Христос – Глава верных своих – сии таинственные члены оживляет, одушевляет, сообщает им чувство и движение духовные; Церковь – тело свое – защищает от нападений противной власти, врагов ее сокрушает, как сосуды скудельничи. Как прах пред лицом ветра, так враги Иисусовы – нечестивые, еретики, богохульники, князи поднебесные – рассеиваются и исчезают.

О вознесении Иисуса Христа (1: 9–11)

Филарет, митрополит Московский.
Из Слова в день Вознесения Господня, ч. 1

Почему Господь Иисус Христос без свидетелей воскрес, а возносится на небо при свидетелях?

Зрящим им взятся, и облак подъят Его от очию их. (Деян. 1:9).

Зрящим одиннадцати апостолам вознесся Господь. Без свидетелей воскрес – при свидетелях возносится. Каменный запечатанный гроб скрывал славу воскресения во мгновение воскресения – светлый, прозрачный облак являет славу вознесения, когда оно совершается. От чего сия разность? Оттого, может быть, что как воскресение Господа, после сошествия Его во ад, было шествие из ада в рай, то негде было поставить свидетелей, а надлежало свидетелями оного быть отшедшим от земной жизни патриархам и пророкам; вознесение Господа, как шествие от земли на небо, естественно могло иметь свидетелями апостолов, стоящих на земле и взирающих на небо. Притом довольно было видеть Воскресшего после воскресения, чтобы свидетельствовать о самом воскресении, а вознесение с земнородною плотию на небо надобно было видеть в самом действии, чтобы после о том свидетельствовать. Возможно ли, скажет плотский разум, чтобы земнородная плоть вознеслась на небо? Мы от-

ветствуем: нет нужды умствовать о возможности дела, когда само дело видели и засвидетельствовали люди, которые за истину сего свидетельства умереть не отреклись.

Зрящим им взятся. Но только ли для уверения неверующих показал Господь Свое вознесение? Без сомнения, и для поощрения верующих. *Аще убо воскреснусте со Христом,* говорит апостол, если, – скажет еще, – вы видели Его, возносящегося на небо, и в сем новом торжестве Его также участвовать желаете: *вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя: горняя мудрствуйте, а не земная* (из слова в день вознесения Господня, ч. 1).

Для чего ангелы явились апостолам на горе Елеонской тотчас по вознесении Господа Иисуса Христа?

И егда взирающе бяху на небо, идущу Ему, и се мужа два стаста пред ними во одежди беле, иже и рекоста: мужие галилейстии, что стоите зряще на небо? (Деян. 1: 10–11).

А мне удивительным кажется то, что вы, светоносные мужи, вопрошаете сих мужей галилейских, для чего смотрят они на небо. Как им не смотреть на небо, куда вознесся Иисус, куда перенесено их сокровище, куда взята их надежда и радость, где жизнь их скрылась? Если бы теперь смотрели они на землю, тогда надлежало бы спросить их – и надлежит спросить их – и надлежит спросить всех последователей Иисуса Христа, которые пристрастным оком смотрят на землю: что смотрите на землю? Чего вам искать в ней после того, как единственное ваше и ее сокровище, найденное в Вифлееме, рассыпанное по всей Иудее и Самарии, прошедшее через руки разбойников в Гефсимании, в Иерусалиме, на Голгофе, скрытое под камнем в саду Иосифа Аримафейского, взято и отнесено в сокровищницу небесную? Вам сказано, и так должно быть, да *идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6:12): итак, если сокровище ваше на небесах, там должно быть и сердце ваше, туда должны быть устремлены взоры ваши, помышления ваши, желания ваши.

Два мужа во одежди беле, которые тотчас по вознесении Господнем явились апостолам и вопрошали их, для чего смотрят они на небо, без сомнения, сами были небесные жители, потому нельзя думать, чтобы сие было им неприятно и чтобы они куда-нибудь на иное хотели обратить взоры мужей галилейских. Нет! Они хотели только прекратить бездейственное изумление апостолов: *что стоите зряще на небо?* Пробудив их от сего изумления, они вводят в размышление и наставляют апостолов и нас, с какими мыслями должно взирать на небо вослед Господа Иисуса, который туда вознесся. *Сей Иисус,* продолжают они, *вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо.*

Хотя многократно Господь наш по воскресении Своем являлся апостолам и становился невидим, и потому они могли некоторым образом при-

выкнуть к сим чудесным нечаянностям, но, когда, разлучаясь с ними на горе Елеонской, не просто удалился Он или сделался невидим, а, восходя видимо превыше облаков, только по причине безмерной высоты перестал быть видим ими, нет сомнения, что сей новый образ отшествия Его показался им, и после привычки к чудесному, необычайным и знаменательным. Им представилось тогда ясное исполнение слов Его, которые им пересказала Мария Магдалина: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему* (Ин. 20:17). Должно было заключать, что сии поучительные собеседования с Ним, сии ощутительные общения с Его Богочеловечеством, продолжавшиеся четыредесять дней, прекращает настоящая минута. Когда рука и голос не могли уже достигнуть Возносящегося, Его преследовали взорами, желающими удержать Его. *Взирающе бяху на небо, идущу Ему.* Можно вообразить, какое безмерное лишение должны были ощутить апостолы по удалении на небо Иисуса, Который Един был для них все в мире. И сие-то безмерное лишение поспешают исполнить Небесные Силы. *Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, приидет.*

Сопоставление вознесения Господа Иисуса Христа с Его вторым пришествием.

К утешительному и спасительному свидетельству о будущем пришествии Вознесшегося Господа небесные вестники Его присовокупляют некоторое изъяснение того, каким образом последует сие пришествие. Они сказывают, что пришествие Господа подобно будет отшествию Его, или вознесению. *Такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо...* По сему указанию, обращаясь к обстоятельствам отшествия Иисуса Христа на небо, во-первых, можем примечать благословение в то время Им преподанное апостолам: *бысть*, повествует евангелист Лука, *егда благословляше их, отступи от них и вознощашеся на небо* (Лк. 24:51). Сие обстоятельство восшествия Своего на небо и разлучения с избранными Своими Господь Сам приводит им на память, егда приидет во Славе Своей и, вновь сретясь с ними, будет призывать их к действительному обладанию царствием Его: *приидите благословеннии Отца Моего* (Мф. 25:34). Какой бесконечный ток благословения Христова открывается пред вами, христиане! Он посылает благословение и, не окончив оного, возносится. *Бысть, егда благословляше их, – вознощашеся.* Таким образом, и вознесшись, Он еще продолжает невидимо преподавать благословение. Он течет и нисходит непрестанно на апостолов, через них проливается на тех, которых они благословляют во имя Иисуса Христа; получившие Христово благословение через апостолов распространяют оное на других; таким образом, все принадлежащие к Святой Соборной Апостольской Церкви, делаются причастными единого благословения Иисуса Христа и Отца Его, *благословляющего нас всяцем благословением духовным в небесных о Христе* (Еф. 1:3); *как роса Аермонская,*

сходящая на горы Сионские (Пс. 132:3), сходит сие благословение мира на всякую душу, восходящую выше страстей и похотей, выше сует и попечений мира; как неизгладимая печать, знаменует тех, кои Христовы суть, так что в кончину века по сему знамению вызовет он их из среды всего рода человеческого: *приидите, благословеннии!..* Другое обстоятельство вознесения Господня, примечаемое в соображении с ожидаемым пришествием Господним, есть то, что Господь вознесся пред очами учеников Своих явно и торжественно. *Зрящим им взятся, и облак подъят Его от очию их.* Что за облако? Облако света и славы, какой осенял и наполнял некогда скинию Моисееву и храм Соломонов. Там видели славу, но не видели Господа славы; после и Его видели, но не во славе, и потому не узнали Его и не прославили; здесь и слава не скрывает Славимого, и Славимый не скрывает славы. Апостолы зрели славу Вознесшегося Господа, пророк также видел и слышал ее, когда и сам торжественно воскликнул: *взыде Бог в воскликновении, Господь во гласе трубне* (Пс. 46:6). Итак, когда светоносные проповедники возвестили нам, что Он также приидет, как видели Его идущим на небо, через сие они дали нам разуметь, что Он приидет явно и торжественно. Так точно предрек и Господь о Себе, что *приидет Сын Человеческий во славе Своей, и вси святии ангели с Ним* (Мф. 25:31). Так и апостол изъясняет, что Господь в повелении, или по предвозвещении, *во гласе Архангелове и в трубе Божией снидет с небесе* (1 Сол. 4:16).

Но для чего, подумает иной, замечаются сии подробности, по-видимому, более возбуждающие любопытство, нежели подающие наставление, ибо предсказывают для того, чтобы можно было узнать и принять с верою посылаемое от Бога событие; а славного пришествия Христова кто не узнает, хотя бы и не был предварен о его подробностях? Не спеши, возлюбленный, заключать об излишестве сих подробностей. Нет! Апостолы, ангелы, Сам Господь не говорят ничего для любопытства, но все — для наставления. Что пришествие Христово будет явное и торжественное, сие предсказано для того, что будут провозвестники противного сему, когда на недостойных, неверных и развращенных христиан послан будет дух обольщения. *Грядет час*, или время искушения (может быть, и *ныне* есть), когда скажут: *се зде Христос, или онде! Се в пустыни есть! Се в сокровищах!* (Мф. 24: 23, 26) Вот Он у нас, говорят отщепенцы, которые, оставя град Божий, духовный Иерусалим, апостольскую Церковь, убегают не в истинную пустыню мира и тишины, но в запустение духовное и чувственное, где нет ни здравого учения, ни святости таинств, ни добрых правил жизни частной и общественной. Вот Он у нас, говорят скрытно еретичествующие, указуя на свои тайные сборища, как будто солнцу должно светить только под землею, как будто не Он сказал и повелел: *еже глаголю вам во тме, рцыте во свете; и еже во уши слышите, проповедите на кровех* (Мф. 10:27).

Слыша таковые вопли или шептания, вспомните, христиане, ангельский глас и проповедь о Вознесшемся Господе: *такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо,* также явно, также торжественно. И потому, *аще кто речет вам: се зде Христос, или онде, не имите веры.* Ни грубые вопли, ни хитрые шептания не походят на провозвещение Архангела и на трубу Божию. *Не исходите* вослед зовущих вас из града Господня, оставайтесь на месте своем и берегите веру вашу для истинного пришествия Христова – славного и торжественного.

Третье обстоятельство вознесения Господня, примечательное для будущего, есть то, что оное было для учеников Его нечаянно и непредвиденно. Сие произошло, сколько можно узнать из кратких повествований евангельских таким образом, что Он, явясь им в Иерусалиме, как бывало многократно, и отходя, вел их за собою как сопровождающих, беседуя с ними, как обыкновенно, о Царствии Божием, а наипаче – о приближающемся сошествии Святого Духа: *извед же их вон из Иерусалима до Вифании, и воздвиг руце Свои, и благослови их; и бысть егда благословяше их, отступи от них, и возношашеся на небо.* Не только по собственному изволению не предварил Он их о сем великом событии, но даже на вопрос их о временах великих событий царствия Его решительно им отказал в сем познании. *Рече же к ним; несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1:7). Сей отказ в разумении времен, очевидно, простирается и на время будущего пришествия Христова и преимущественно к сему относится. Еще и прежде Он внушал ученикам Своим внезапность сего события, уподобляя оное молнии, которое есть разительнейший в природе образ совершенной внезапности. *Якоже молния исходит от восток и является до запад, тако будет пришествие Сына Человеческого* (Мф. 24:27). Подобно сему и апостол изъясняет: приидет день Господень, яко тать в нощи (Кол. 5:2).

Из сей внезапности будущего Своего пришествия Господь Сам извлекает для нас, христиане, спасительное предостережение: *бдите убо,* глаголет, *яко не весте, в кий час Господь ваш приидет* (Мф. 24:42). Не увлекайтесь любопытством или легковерием, когда христиане, думающие знать более, нежели сколько дано от Христа, будут исчислять вам времена царствия Его: *несть ваше разумити времена и лета;* старайтесь лучше познавать грехи свои, исчислять падения и находить им пределы в покаянии. Наипаче же берегитесь, если услышите, что скажут предсказанные апостолом ругатели: *где есть обетование пришествия Его? Отнеле же бо отцы успоша, вся тако пребывают от начала создания* (2 Пет. 3:4). Берегитесь, чтобы мрачные грозы сынов века сего, смежающих очи от света грядущего века, не омрачили вашего сердца, не ослепили ума, не усыпили духа к тому вожделенному и страшному часу, когда *приидет день Господень, яко тать в нощи.*

О явлении ангелов

Св. Иоанн Златоуст. Из «Беседы на Вознесение Господне». «Воскресное чтение», г. 16

Свв. мужи два стаста пред ними (апостолами) *во одежди беле, иже и рекоста: мужие Галилейстии, что стоите, зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо* (Деян. 1: 10–11).

Свв. ангелы являются с небес при вознесении Господа на небо, потому что спешат видеть новое и дивное оное зрелище – вознесение человека на небо. Для того они являлись при рождении и воскресении Христовом, для того же являются и ныне – при вознесении: *се мужа два*, сказано, *стаста пред ними* (апостолами) *во одежди беле, иже и рекоста: мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо.*

Здесь прошу прилежно внимать: почему так говорят ангелы? Ужели апостолы не имели очей? Разве они не видали случившегося? Не сказал ли евангелист, что *зрящим им взятся!* (Деян. 1:9) Для чего же предстали апостолам ангелы? Для чего говорили, что Господь вознесся на небо? Это было по двум причинам. Во-первых, апостолы скорбели о том, что Христос расстался с ними. А что они скорбели, о том говорит им Господь: *никто же от вас вопрошает Мене: камо идеши? но яко сия глаголах вам, скорби исполних сердца ваша* (Ин. 16: 5–6). Если нам тяжело расставаться с друзьями и родственниками, то могли ли ученики, видя разлучение с ними Спасителя и Учителя попечительного, милосердного, кроткого и преблагого, могли ли, говорю, они не печалиться? могли ли не скорбеть? Посему-то и предстали им ангелы, утешая их в скорби, родившейся при вознесении Господа тем, что Он опять возвратится, ибо говорят: *сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет.* Вы, как бы так говорили ангелы, опечалены тем, что Господь вознесся, но отселе не печальтесь, ибо Он паки приидет. Елисей, увидев своего учителя вземлемым, растерзал ризу свою, ибо никто не мог, представ ему, сказать, что Илия паки приидет. Чтобы того же не сделали апостолы, явились ангелы, утешая их в печали. Итак, вот первая причина явления ангелов. Вторая причина так же важна, как и первая: она побудила ангелов присовокупить – *вознесыйся.* Для чего это? Расстояние от земли до неба не малое, и сила зрения нашего не могла долго видеть тела, возносившегося к небесам. Как птица, высоко возлетающая, более и более скрывается от нашего зрения по мере того, как она подъемлется на высоту, так точно и плоть оная (Иисус-Христова) чем выше восходила, тем более становилась невидимою, поелику глаз, по слабости своей, не мог следовать за нею на столь великое расстояние. Для сего-то явились ангелы, сказуя о вознесении Господа на небо, дабы то есть ученики не подумали, что Он

вознесся только, *яко на небо*, подобно Илии (4 Цар. 2:1), но что вознесся на самое небо. Потому и сказано: *вознесыйся от вас на небо.* Илия взят яко на небо, потому что он раб, а Иисус – на самое небо, ибо он Господь; тот – на колеснице огненной, а сей – на облаке (Деян. 1:9). Когда потребно было позвать раба, тогда послана была колесница, а для призвания Сына послан царский престол и не просто царский, но самый Отчий, ибо об Отце сказал Исаия: *се Господь седит на облаце леще* (Ис. 19:1). Поелику Отец Сам седит на облаце, то и Сыну равным образом послан облак. Притом Илия, вознесшись, оставил милоть свою Елисею, а Иисус, возшедши, ниспослал ученикам дарования соделывавшие не одного Елисея, но бесчисленных пророков и притом несравненно больших и славнейших оного.

О седении Иисуса Христа одесную Бога Отца

Св. Иоанн Златоуст. «Воскресное чтение», г. 14

Рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножие ног твоих (Пс. 109:1). Для чего Господь говорит Христу седеть одесную Его? Для того, чтобы показать, что Он имеет с Ним и равную честь и равную власть, а отнюдь не низшую, ибо слуги не сидят пред господином, но предстоят пред ним. Седение есть признак владычественного достоинства и власти, также как предстояние показывает подчиненное и служебное существо. Посему-то и пророк Даниил говорит: *зрях, дондеже престолы поставишася и Ветхий деньми седе... престол Его пламень огненный, река огненная течаше исходящи пред Ним, тысяща тысящ служаху Ему и тьмы тем предстояху Ему* (Дан. 7: 9–10). Равным образом пророк Исаия говорит: *видех Господа седяща на престоле высоце и превознесение и серафимы стояху окрест Его, шесть крыл единому и шесть крыл другому, и двеми убо покрываху лица своя, двема же покрываху ноги своя и двема летаху и взываху друг ко другу и глаголаху: свят, свят, свят Господь Саваоф, исполнь вся земля славы Его* (Ис. 6: 1–3). Пророк Михей свидетельствует тоже. *Видех*, говорит он, *Господа Бога Израилева, седящаго на престоле Своем и все воинство небесное стоящее окрест Его, одесную Его и ошуюю Его* (3 Цар. 22:19).

Итак, везде в Писании ты находишь, что умные Силы Небесные предстоят, а Господь восседит. Посему, когда слышишь, что и Сын Божий имеет седение одесную Бога Отца, то и Его достоинство должен представлять себе не как служебное, но как господственное достоинство Владыки. Посему-то и блаженный Павел, постигая совершенно и то и другое, то есть что предстояние свойственно существам служебным, а седенение показывает повелителя и владыку, отделяет особо одно от другого и вот каким образом говорит: *и ко ангелом убо глаголет: творяй ангелы своя огнь палящ. К*

сыну же: престол Твой, Боже, в век века, жезл правости, жезл царствия Твоего. Чрез престол он показывает здесь ясно царственное достоинство Сына Божия. Итак, поелику сими местами Писания явно доказывается не служебное, но царственное и владычное достоинство Сына Божия, то мы должны чтить и преклоняться пред Ним, как пред Господом нашим, равночестным и равнопрестольным Отцу.

Гора Елеонская (ст. 12)

«Воскресное чтение», г. 4

Мы часто, по крайней мере, мысленно, посещаем место, любимое другом, благодетелем, отцом, на котором мы в последний раз простились с ними, приняли завещание друга, благословение родителя. Самая печаль при сем посещении бывает радостна, горесть — усладительна. Посетим же мысленно гору Елеонскую, которую любил Господь Спаситель наш, на которой в последний раз простился Он с нами в лице Своих учеников и, благословив их, вознесся на небо. Священное Писание, предание и свидетельства очевидцев изобразят нам гору Божию, приведут на память события совершившиеся на ней, укажут многие места служащие памятниками события.

И изыдет Господь... и станут нозе Его в день он на горе Елеонстий, яже есть прямо Иерусалиму на восток (Зах. 14: 3, 4). *Тогда возвратишася в Иерусалим от горы, нарицаемыя Елеон, яже есть близ Иерусалима* (Деян. 1:12). Вот местность Елеона, по свидетельству свв. очевидцев — пророка и евангелистов. Отделяемая на одну версту от Иерусалима и потоком Кедрским, и долиною Иосафатовою гора Божия возвышается над св. градом, как страж и зритель его. Сюда удалялись из шумной некогда столицы иудейской для молитвы и уединенных бесед люди искавшие единого на потребу; здесь Господь наш изрекал милостивые и грозные суды свои. В глубокой древности времен ветхозаветных у писателей богодухновенных упоминается о горе Елеонской и в таких случаях, кои имели влияние на Церковь Божию. Погибельный сын Давидов Авессалом восстает против отца — и святой Царь Израилев удаляется на средний холм Елеона; с небольшим числом приверженных к нему переходит долину Иосафатову и поток Кедрский с горькими слезами, с непокровенною главою и босыми ногами. Горестное событие предызображало, что сим же путем пройдет некогда божественный потомок Давид, с душою прискорбною даже до смерти, с небольшим числом апостолов, перед наступлением страданий первенца Божия — Израиля. Окрестности Елеона доселе являют следы двух плачевых прехождений: от быстрого, струившего чистую воду потока Кедрского уцелело одно глубокое русло; на роскошной долине Иосафатовой можно видеть только плач безутешный и скорбь — она превратилась в мрачное обширное кладби-

ще. Южный холм Елеона – гора соблазна – оскверненный нечестием языческим, превратился со своими окрестностями в вечное запустение. Средний холм, охраняемый небесным Провидением, назначается для дел благочестивых, для событий великих. Провидя в своих созерцаниях, что Елеон будет любимым местом Спасителя, пророки у самого всхода на гору, с юго-запада от оврага Кедрского, избирали места для святых своих останков, как бы желая хотя ими встретить надежду и утеху Израиля: в глубоких пещерах благочестивым путешественникам указывают гробы пророков. С пришествием Спасителя гора Елеонская облеклась неувядаемою славою. Господь почтил ее частыми Своими посещениями; ее глубокому безмолвию и уединению доверял Свои таинственные со Отцом беседы; там открывал небесные тайны Своим ученикам; там изрекал предвечные небесные определения. В прямом направлении к северу от гробов пророческих видна скала, с которой Спаситель, смотря на Иерусалим, плакал о предстоящей ему гибели: *Иерусалиме, Иерусалиме, избивый Пророки и камением побиваяй посланные к тебе! коль краты восхотех собрати чада твоя, яко же собирает кокош птенцы своя под крыле, и не восхотесте. Се оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23: 37–38). Выше, к вершине Вознесения, от тех же гробов указывают развалины здания, разделенного на несколько келий, которых, говорят, было 12. Здесь, по преданию, апостолы составили Символ Веры в руководство образующейся Церкви. Еще выше, по тому же направлению, стоящий в земле обломок колонны означает то место, где преподал Господь молитву *Отче наш*... Несколько выше и правее Иисус Христос, беседуя в последний раз со Своими учениками, предсказал кончину мира и Свое второе пришествие. Отселе к северу, на скате св. горы, в виду находится сад Гефсиманский и место, где было селение Гефсимания, из которого Пресвятая Богородица любила уединяться на гору Елеонскую, любимую Ее Божественным Сыном, особенно посещать то место, с которого Он вознесся на небо. На пути от Гефсимании на гору Вознесения указывают скалу, где отдыхала Пресвятая Дева, а по святом успении Своем сподобила утешить явлением Своим апостола Фому. Вблизи самой вершины Вознесения, во время молитвы Своей, получила Она от Архангела Гавриила извещение о скором преставлении Своем и ветвь райскую в знамение блаженной кончины, бессмертия и славы Заступницы рода христианского. Памятниками сада гефсиманского остаются восемь широковетвенных вековых масличных дерев – отростков тех дерев, кои скрывали Спасителя, когда он здесь пред наступлением страданий скорбел, тужил и молился до кровавого пота; под которые сошел ангел подкреплять человеческое естество Сына Божия и среди которых Он предан был Иудою. Пещера, где Спаситель молился пред наступлением страданий, отделяется одной стеною от погребального вертепа Пречистой Его Матери. Место, где опочи-

ли апостолы во время духовной предсмертной борьбы Господа, указывается от молитвенного вертепа Спасителя на расстоянии вержения камня (Лк. 22:41). У самой вершины среднего холма была последняя стезя Спасителя на земле, отселе вознесся во славу свою Христос Бог наш. В IV веке равноапостольная Елена, украшая храмами святые места палестинские, соорудила великолепную церковь на месте вознесения. Когда предал Господь во власть агарян землю святую, суеверие магометанское простерлось и на гору Елеонскую: на месте храма Вознесения явилась мечеть; среди двора, в небольшом здании, показывают священный памятник сожития с человеками Сына Божия – след левой стопы, напечатленный на твердой природной скале в минуты вознесения.

Северный холм Елеона называется Горою мужей галилейских. Здесь, когда в глазах апостолов *взятся* Господь и *облак подъят* Его от очию их, явились им два ангела и сказали: *Мужие Галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус, вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща* (Деян. 1:11). На этом месте явления небожителей некогда стояла большая церковь, но ныне там одни развалины с двумя внутри колодцами, а на расстоянии полуверсты мечеть заменила древний монастырь Вознесения.

С горы Елеонской вознесся Господь наш на небеса, на ней предрек второе Свое пришествие в мир; на ней подтвердили слово Его ангелы. Не тою же ли стезею снидет на землю Судия живых и мертвых, по которой вознесся на небеса? Окрестности Елеона, вняв как бы слову Спасителя о втором пришествии, в мертвом молчании ждут этой страшной минуты, и мрачная, унылая долина Иосафатова собрала в свои недра несметные тысячи мертвецов к пришествию Судии живых и мертвых. Евреи доселе со всех концов земли стремятся в Палестину, чтобы между св. градом и Елеоном положить свои останки. В средние века, когда распространилась мысль о приближении дня судного, тысячами отовсюду устремлялись христиане в Землю Святую, чтобы там встретить праведного Судию. Многие думают: «Не будем ли мы там при всемирной кончине? В Палестине исполнились все планы нашего спасения, не там ли последует и окончание всего, что должно совершиться на земле? Не увидим ли и мы все Елеон?»

Размышление в день Вознесения Господня

«Воскресное чтение», г. 9

Перед тем временем, когда Господь наш Иисус Христос хотел вознестися на небо, свв. апостолы, *сошедшеся, вопрошаху Его глаголюще: Господи, аще в лето сие устрояеши царствие Израилево?* (Деян. 1:6), но вопрос любопытства не

удостоен ответа: *несть ваше, сказал им Господь, разумете времена и лета, яже Отец положи во Своей власти* (Деян. 1:7). Не дерзаем, Господи, и мы испытывать, скоро ли и когда окончательно устроится славное Твое Царство, так блистательно начатое воскресением. Но не можем скрыть в себе еще одного вопроса, который сам собою рождается в уме при воспоминании о видимой разлуке с Тобою: для чего благоугодно было Тебе оставить землю и вознестися на небо? Не лучше ли бы было, если бы Ты всегда пребывал с нами видимо? Веруем, Господи, что, по слову Твоему, Ты невидимо, как Бог, пребываешь с нами во вся дни до скончания века, но прости дерзновение рабов Твоих, дерзающих вопросить Тебя, отходящего ко Отцу: почто видимо оставляешь землю, когда есть еще на ней много не ведающих ни Тебя, ни Отца Твоего, которых нужно просветить; много неверных, которых нужно уверить; много заблудших, которых нужно исправить; много грешных, которых должно обратить к покаянию? Кто сделает все это, когда Ты, единый истинный свет и живот наш, вземляешься от земли на небо? «Аще Аз вознесен буду от земли – вся привлеку к Себе», — говорит Господь. Для того-то Он и вознесся на небо, чтобы совознести с Собою нас; для того и возшел на высоту, чтобы оттуда удобнее привлечь к Себе всех, даже и не покоряющихся Ему. И мы видим, как верно сбывается Слово Господне, с какою силою Вознесшийся влечет к Себе всех. Отчего иудеи, испросившие на смерть Иисуса, через несколько дней умиляются сердцем при обличении Петровом и с сокрушением говорят: что сотворим, мужие братие? Отчего гонители Распятого делаются проповедниками слова крестного? Отчего язычники сокрушают идолов, перед которыми преклоняли колена и падали во прахе, и идут поклоняться Распятому? Отчего гордые мудрецы повергают мудрость свою к стопам галилейских рыбарей и от них изучаются буйству креста? Отчего сонмы мучеников спокойно преклоняют под меч голову свою и радуются во страданиях? Отчего лики подвижников оставляют города и веси, оставляют все драгоценное сердцу, разрывают самые нежные узы родства и идут в пустыню – проводить жизнь свою в неимоверных подвигах и трудах — в посте, бдении и молитве? Отчего и мы, слабые христиане, среди всех сует и попечений житейских приходим по временам к подножию алтаря, дабы пред служителем Церкви раскрыть совесть свою, исповедать свои дела и помышления, открыть тайны сердечные, которых не решились бы поведать никому? Ответ один – все это производит Своею силою вознесшийся Господь, это Он влечет к Себе всех: *Аще Аз вознесен буду от земли – вся привлеку к Себе.* Но *Господи, ныне начахом глаголати к Тебе, мы же есмы земля и пепел;* если нужно было вознестись Тебе от земли, дабы привлечь неверующих, то не более ли нужно пребывать Тебе на земли для верующих и с верующими? – почто оставляешь рабов Твоих? Здесь, на земле, им угрожают бедствия и

скорби — без Тебя кто утешит их? Их окружают соблазны мира — без Тебя кто предостережет их? *Аз истину вам глаголю,* ответствует паки Господь, *уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам.* — Доселе вы видели только Меня и во Мне Отца Моего, но кроме Меня и Отца есть и еще небесный Утешитель — Дух истины, податель всех благ, источник дарований духовных; Он так же любит вас, как люблю Я; Он столько благ и так богат дарами, что просящий у Него не отходит тощ; Я иду, чтобы послать Его к вам. Пошел — и послал. И сколько благодетельных чудес произошло в роде человеческом с пришествием в мир сего небесного Утешителя! Кто так чудесно обновляет растленное грехом естество человеческое и из ветхого, греховного человека зиждет человека нового — богоподобного? Какою чудодейственною силою на бесплодном сердце человеческом, произращавшем одни терния грехов и беззаконий, прозябают райские плоды добродетелей: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, вера, кротость, воздержание, милосердие? Кто человека жестокого соделывает милостивым, гневливого — кротким, невоздержанного — целомудренным, сластолюбивого — воздержанным? Кто слабого смертного облекает силою чудотворений, покоряет ему законы естества, и самые бренные останки избранных Божиих среди окружающего их тления хранит нетленными? Кто умягчает ожесточенные сердца грешников слезами умиления и покаяния и исчезающих в беззакониях оживляет несомненною надеждою спасения? *Вся сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет.* Вот каких даров лишились бы мы, если бы Господь наш не послал к нам благого Утешителя! *Уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам.*

Что, Господи, *аще возглаголем еще?* Для нас утешительно пребывание с нами Святого Твоего Духа, но еще было бы утешительнее, если бы и Ты Сам пребывал с нами, подобно как пребывал Ты со святыми учениками Твоими до славного вознесения Своего, разделял нашу *радость о Духе Святом,* исправлял наши недостатки, научал нас пользоваться дарами посланного Тобою Утешителя. Почто, паки вопрошаем, оставляешь нас? Отец Твой пребывал с Тобою и на земле, как Ты пребываешь с Ним на небе; свв. ангелы готовы сами низойти на землю, когда узрят Тебя здесь. *«Да не смущается сердце ваше,* — говорит нам и еще милосердый Господь, — *веруйте в Бога и в Мя веруйте. В дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекл бых вам: иду уготовати место вам».* От самой вечности много обителей на небе уготовано было для вас, но грехи ваши испразднили сии обители и заключили их так, что никто, кроме Меня, не мог и не дерзнул бы отверзть их перед вами; итак, ваше же вечное счастие и блаженство требуют того, чтобы Я оставил вас на время, возшел на небо и уготовал место для вас:

«иду уготовати место вам». Но как же, Господи, взойдем мы и в отверстое Тобою Царство Небесное? Кто возведет нас на небо? *«Аще уготоваю место вам, паки прииду и пойму вы к Себе, да идеже есмь Аз, и вы будете»*.

Но, Господи, прах и пепел дерзает вопросить Тебя еще одно: скоро ли приидешь изъять нас из сей юдоли плача? Ты медлишь, а порок и нечестие торжествуют на земле, а добродетель в тесноте и гонении, а любящие Тебя страдают, умирая на всяк день. Почто коснишь прийти? *Время близ есть*, глаголет паки Господь наш, *обидяй да обидет еще, и скверный да сквернится еще, и праведный правду да творит еще, и святый да святится еще. Се гряду скоро, и мзда моя со мною, воздати коемуждо по делом его.* Для нечестивых уготован вечный огонь; правда требует ожидать исполнения меры грехов, чтобы нечестие соделалось достойным вечной казни; *обидяй да обидит еще, и скверный да сквернится еще.* Это для них же хуже: мнимое торжество их обратится в истинное и вечное бедствие и временные радости – в вечные слезы. Награды небесные бесконечны, почести пред Престолом Божиим многоразличны: чем больше подвигов, тем больше награды; чем величественнее победа, тем блистательнее венец; *праведный правду да творит еще* – это для него же лучше. В Царствие Божие не входит ничтоже скверно, чтобы войти туда, нужно, чтобы и малые пятна грехов, слабости и неведения, от которых не свободен и праведник, были омыты покаянием: *святый да святится еще* – тем беспрепятственнее будет для него вход в Царство Небесное, в сообщество чистых духов. Так, не Господь медлит прийти к нам и взять нас с Собою, а мы медлим очистить себя и приготовить к сретению Его. На небе все готово – и возлюбленный Жених не укоснит прийти: *се гряду скоро и мзда Моя со Мною, воздати коемуждо по делом его.*

Итак, что ни делает Господь наш, все делает для нас и для нашего блага. Нисходит на землю – для нас; возносится на небо – для нас; приидет паки – для нас, за нами; коснит прийти – для нашего же блага. Что мы делаем – не для Него уже, а для себя.

Господь наш вознесся на небо для того, чтобы лучше привлечь нас к Себе и действительно влечет всею силою беспредельной любви Своей, всеми мерами бесконечной премудрости Своей: *се стою при дверех и толку: аще кто услышит глас Мой и отверзет двери, сниду к нему и вечеряю с ним, и той со Мною.* Повинуемся ли мы сему влечению? Слушаем ли призвание на таинственную вечерю со Христом или небрежно отходим, *ов убо на село свое, ов же на купли своя?*

Ниспосланный от Отца Утешитель предлагает нам туне благодатные дары Свои, обильная река благодати струится в чистых потоках церковных таинств. Святилище покаяния отверсто для всех: всяк может свергать с себя иго грехов – у Господа готово прощение и помилование. Пресвятое Тело Господне преломляется по вся дни в насыщение душ наших. Кровь завета

Христова изливается обильно в утоление духовной жажды. Выну слышится глас премудрости Божией: *аще кто жаждет, да приидет и да пиет.* Безответен тот, кто не пользуется сими дарами, еще безответнее – кто употребляет их во зло!..

Господь уже уготовал для нас место в обителях Отца Небесного, готовы ли мы вступить в сии обители? Есть ли у нас та брачная одежда, сотканная из добродетелей христианских: любви и милосердия, воздержания и целомудрия, кротости и незлобия, терпения и великодушия, веры и упования – без которой нельзя взойти в благоукрашенный чертог небесного жениха? Печемся ли, по крайней мере, о том, чтобы запятнанную грехами ризу свою убелить в очистительной крови Агнца, закланного прежде сложения мира.

Господь не навсегда оставил нас, Он приидет паки: итак, утешьтесь, святая братия, *в терпении и скорбях ждущии блаженного упования и явления славы великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа; понеже приобщаетеся Христовым страстем, радуйтеся, яко да и в явление славы Его возрадуетеся веселящеся.* Приидет скоро; итак, да возбудятся беспечные и слабые, которые, подобно девам юродивым, дремлют, не заботясь о том, что светильник веры их угасает от недостатка елея любви и добрых дел; отрясите греховный сон от веждей ваших и уготовьтесь во сретение Господу! Приидет внезапно; итак, да убоятся пришествия Его те, которые, подобно рабу лукавому, говорят в сердце своем: *коснит господин мой приити, и начинают бити клевреты своя, ясти же и пити с пьяницами.* Нет, возлюбленный собрат, *не коснит Господь обетования, якоже нецыи коснение мнят, но долготерпит на нас, да не кто погибнет, но да вси в покаяние приидут. Се грядет со облаки и узрит Его всяко око;* и блажен, кто в совести своей бестрепетно может сказать: *ей, гряди, Господи Иисус!*

Положение апостолов по вознесении Иисуса Христа

«Христианское чтение», 1832, ч. 46

По вознесении Иисуса Христа Его последователи столь ясно увидели небесное величие своего Наставника, что смело могли полагаться на Его помощь. Теперь мысль о собственном бессилии не могла ослаблять их ревности к истине, и робкие не имели причины малодушествовать. Обетования, данные Господом перед вознесением на небо, столь несомненно уверяли их в заступлении Божием, что им и на мысль не приходило составлять какие-либо собственные планы для возвеличения Его имени. Да и можно ли было им думать о каких-либо *собственных* планах! Оставленные самим себе, они не дерзнули бы ничего предпринять для славы своего

Учителя и Его учения, ибо с отшествием Господа они лишились бы всего, в чем вера их находила себе подкрепление. При чудодейственном своем Наставнике они не могли еще так живо чувствовать своего бессилия, как по разлучении с ним. Еще можно понять, что воодушевляло Петра на подвиги геройские при жизни его Учителя: присутствие Того, на Кого он возлагал все свое упование, заставляло его забывать о собственной немощи. Но можно ли объяснить, можно ли понять, чтобы ученики Иисуса Христа, при угрожающей опасности оставившие Его и разбежавшиеся, теперь, когда уже вовсе лишились Его, вдруг нашли в себе столько мужества, что решились, несмотря ни на какие угрозы, противодействовать силам едва не всего иудейского народа? Нет, в их положении всего благоразумнее было, оставив все дальнейшие предприятия, спокойно разойтись по домам, дабы своим сильным врагам, которых ненависть преследовала Мессию в самом Его гробе, не подать и малейшего подозрения в том, что они еще не оставили намерений проповедовать Распятого.

Что же удерживает их от такого малодушия? Вера в Иисуса Христа, ожившая в них с Его отшествием к Отцу, и последнее Его завещание – ожидать в Иерусалиме нисшествия на них силы свыше. Обетование о ниспослании им Утешителя успокаивало их касательно дальнейшего хода их обстоятельств: они не рассуждали о том, каким образом посредством их – столь слабого орудия – может возвеличиться в мире имя Иисусово. Теперь они обращали внимание не столько на себя, на свое положение и на бесчисленные препятствия, которые по человеческому суду долженствовали бы внушить им малодушие, сколько на то, чему надлежало совершиться *через несколько дней* (Деян. 1:5) вследствие столь определенно изреченного обетования. Надежда на невидимого, обитающего на небесах, куда они видели Его отходящим, – вот что было причиною великой радости, с каковою они возвратились во Иерусалим с горы Елеонской (Лк. 24:52).

Между тем Иудейский совет и архиереи со своими многочисленными единомышленниками положили совершенно успокоиться. После повеления, данного бывшей при гробе Иисусове страже и слишком верно ею исполненного, ничего не случилось, что бы заставляло опасаться новых движений со стороны последователей Иисуса. О явлениях воскресшего Праведника они знали только по слуху. О сем обстоятельстве, кажется, не сделано было ими никаких разысканий. Саддукей презирал такой слух, потому что его учение не допускало воскресения мертвых. Фарисея заставляла собственная польза решительно отвергать оный. Кратко сказать, история Назорянина, по-видимому, кончилась так, как хотелось врагам Его: Его единомышленники рассеялись; Его смерть долженствовала токмо служить предостерегательным уроком для всякого, кто бы вздумал ложно назвать себя Мессиею.

Таково было положение дел, предшествовавших тому важному событию, которое вскоре имело совершиться. Последуем сначала за одиннадцатью учениками, которые, возвратясь во Иерусалим с горы Елеонской, снова собрались, вероятно, в том же самом доме, в котором внезапно явился им Господь вечером в день Своего Воскресения (Ин. 20:19). Еще слышался им голос тех двух небесных вестников, которые уверяли их в имеющем некогда последовать втором пришествии их Учителя и Господа на землю (Деян. 1:11). Теперь они опять все вместе как друзья, как члены одного семейства, как чтители, ученики одного Божественного Наставника, столь кротко, столь человеколюбиво поучавшего их небесной мудрости. У всех их одно желание, одни враги, одно ожидание – нисшествие Святого Духа! Рассмотрим ближе сие избранное общество.

Первая чета: *Петр* и *Иаков*. Из Евангельской истории известны опыты мужества и слабости Симона, теперь только долженствовавшего соделаться достойным переименования *Петра*. Его ревность к Учителю после несчастного с ним происшествия во дворе архиерейском не только не ослабела, но еще усилилась: ему памятны были слова: *любишь ли Мене?* и *паси овцы Моя* (Ин. 21: 16, 17). Прочие ученики Иисуса Христа уступали Петру первенство. Петр предварил их исповеданием: *Ты еси Христос*, и по обетованию Спасителя долженствовал первый возвестить сие исповедание во услышание мира и тем положить первый камень при устроении Христовой Церкви (Мф. 16:18). Его соученики знали сие обетование, но не забывали и слышанного ими от Господа: *у вас один Учитель Христос, а вы – все братия* (Мф. 22:8). За Петром следует Иаков, старший сын Заведеев (Мк. 3: 16, 17; Деян. 1:13). Впрочем, при Петре больше находился Иоанн, младший брат Иакова. Они были спутниками друг другу и до воскресения и по воскресении Иисуса Христа (Ин. 20: 2, 3, 6, 7 и 21: 19, 20).

Вторая чета: *Иоанн* и *Андрей*, первый – брат Иакова, а последний – Симона. Оба были прежде учениками Иоанна Крестителя. Первый известен как наперсник Господа и как такой ученик, коего Иисус Христос усыновил Своей Матери. Можно было предвидеть, что *Иоанн, Петр и Иаков* будут самыми ревностными проповедниками Евангелия. Господь неоднократно избирал их одних во свидетели Своих деяний и страданий; Он отличил их знаменательнейшими проименованиями. Из Евангельской истории ничего особенного не известно о св. Андрее. Но нет сомнения, что он, равно как и остальные соученики его, успел не менее первых приготовить себя к званию апостольскому.

Еще двое: *Филипп*, один из самых первых по времени учеников Иисуса Христа (Ин. 1:43), и *Фома* (близнец), уверившийся наконец в том, в чем сначала столь долго сомневался. Кажется, мнительность составляла существенную черту его характера. Можно приметить, что Сам Спаси-

тель снисходил к сей его слабости. При Своем вторичном явлении ученикам (Ин. 20:26) Он, сделав Фоме легкий, почти не к нему одному относящийся упрек в маловерии, вполне удовлетворил его любопытство. Медлительно, путем сомнения и испытания, утвердившаяся вера соделала Фому столько же способным к апостольству, сколько способен был каждый из его соучеников.

Далее следуют *Варфоломей и Матфей*. Что последний есть одно лицо с *Левием* – сие открывается из сличения мест у евангелистов Матфея (9:9), Марка (2:14) и Луки (5:24), где у всех говорится, очевидно, об одном лице и об одних обстоятельствах обращения его: у первого – под именем Матфея, а у последних – Левия. Впрочем, и сии последние там, где у них исчисляются двенадцать избранных апостолов, поставляют его под именем Матфея (Мк. 3:14; Лк. 6:13) так же, как в Деяниях апостольских (1:13) и евангелиста Матфея (10:2), который сам и есть оное лицо. Варфоломея нельзя почитать за одно лицо с *Нафанаилом*, как некоторые предполагают сие, потому единственно, что евангелист Иоанн (21:2), говоря о явлении воскресшего Иисуса семи ученикам на море Тивериадском и не упоминая при сем случае о Варфоломее, упоминает о Нафанаиле как бывшем в это время с апостолами; из апостолов при сем явлении было только шесть, а седьмой – Нафанаил.

Пятая двоица: *Иаков*, сын Алфеев, и *Симон*. Последний, прежде нежели соделался учеником Господним, принадлежал к секте зилотов, ревнителей религии и свободы, которые в жару ревности выходили иногда из пределов умеренности, производили мятежи и ввергали свое отечество в бедствия. Но поелику в неспокойном характере иногда скрываются великие доблести, то нет ничего странного, что Иисус Христос в число Своих учеников принял такого человека, который в обращении с Ним мог облагородить свое рвение к защите религии.

Шестая двоица, по известному отпадению Иуды – предателя, оставалась неполною: к ней, до избрания нового апостола, принадлежал один Иуда, брат Иакова Алфеева. Сей Иуда впоследствии, как кажется, переменил свое имя, чтобы не смешивали Его с предателем, и назвал себя (с удержанием значения прежнего имени) Фадом, по-греческому произношению *Фаддеем*. Что Фаддей и Иуда Иаковль одно и то же лицо, это видно из сличения Мф. 10:3 и Мк. 3:18 с Лк. 6:16 и Деян. 1:13.

В таком, вероятно, порядке, в каком они здесь исчислены, Иисус Христос посылал их прежде по *два* на проповедь о приближении Царствия Божия (Мк. 6:4; Лк. 10:1).

С апостолами пребывали вместе и другие лица, сопутствовавшие Иисусу Христу во время Его земного служения. К числу их можно отнести особенно *семьдесят учеников*, которые были избраны вскоре после двенадца-

ти и подобно им посылаемы были возвещать пришествие Мессии на землю; далее — других последователей Иисуса Христа, особенно облагодетельствованных Им; наконец, жен, следовавших за Иисусом Христом в продолжение Его земной жизни, из коих некоторые известны, по крайней мере, по имени. В сем же обществе находились: *Мария, Матерь Иисуса*, которую Он вверил особенному попечению Иоанна, и *Его братия*, которых св. Лука явственно отличает от одиннадцати (Деян. 1:14). Воскресение Спасителя и вознесение на небо препобедили их неверие в Его Божественность (Ин. 7:5).

Члены сего общества, устраняясь, по возможности, от сношения с чужим для них миром, проводили время в богомыслии и молитве (Деян. 1:18), в часы общественного богослужения посещали храм и назидали себя хвалебными песнопениями Богу (Лк. 24:53).

Все они, особенно же *одиннадцать*, наслаждались духовным веселием: им прилично было не столько сетовать и считать себя осиротевшими, сколько радоваться о славе и величии Иисуса и о собственном высоком назначении.

Об избрании двенадцатого апостола на место Иуды (1: 12–26)

Игнатий, архиепископ Воронежский.
«Чтения о св. первоверховном апостоле Петре». СПб., 1849

По завещанию Иисуса Христа, сказанному перед вознесением, чтобы апостолам не отлучаться от Иерусалима, доколе не облекутся силою свыше, все они возвратились с горы Елеонской во Иерусалим*. Здесь *пребывали* они *единодушно в молитве и молении*** с мироносицами, сама Матерь Иисуса Христа с братиею, или сродниками Его по плоти, украшала собрания! Место, где они были, называется *горницею*. Образ свв. храмов наших, горе возвышающихся! Это должна быть на Сионе та *горница велия*, в которой

* В кн. Деяний 1:12 замечено, что пути их в тот день было столько, сколько можно идти в день субботний. А как день Вознесения Господня, четыредесятый по воскресении, приходится в четверг, то упомянутым замечанием, кажется, дается знать, что день Вознесения с того же самого времени стал праздничным.

** Деян. 1: 12–26. Не упоминается, совершалась ли в те дни Св. Евхаристия, как упомянуто о ней ниже (2:42), по принятии Духа Святого. Таинства совершает Дух Святой, Который посему, при совершении Евхаристий, испрашивается служителям Тайны с воспоминанием именно сошествия Его в день Пятидесятницы в третий час. Примечание служит к разрешению бывшего между христианскими богословами вопроса и поныне существующего между Православною и Западными Церквами разноречия, словами ли только учреждения Тайны: *приимите, ядите* и проч., или по молитве призывания Духа Святого совершается Тайна? Последнее мнение есть мнение Церкви Православной, исторически действенно верно.

учреждена Тайная Вечеря, существенное священнодействие собраний о Христе Иисусе. Горница, начало и образ храмов наших, была *велия:* в ней могло помещаться до ста двадцати лиц с приходящими на молитву в особенные часы молитвы, а может быть, и более.

Впрочем, общество учеников Христовых было тогда самое малое в мире. *Малым стадом* называл оное Сам Иисус Христос, Сам называл стадо Свое *агнцами*, находящимися *посреди волков.* Судя по-человечески, в нынешний раз это было стадо подлинно слабое, пока не облеклось оно силою свыше, ибо чего можно было ждать ему, если бы враги Иисуса Христа, недавно поразившие единого пастыря, устремили теперь внимание на то, что последователи Его снова собираются вкупе в ожидании исполнения каких-то особенных обетований от Него! Воспоминание всего, что было делано или говорено Иисусом Христом, особенно в последние дни Его на земле, повторение священных псалмов, кои воспевались при Нем в известные времена и случаи, составляли, без сомнения, самое утешительное занятие для Христовых последователей.

В один из дней тех, при собрании верующих, простиравшемся до ста двадцати лиц, – полное число лика апостольского удесятиренное, число в полном десятиричном количестве представляющее двенадцать колен народа Божия, долженствующего составиться из всех племен земных, – св. Петр предложил в беседе своей слово Писания, пророчески сказанное о том, что когда один из них вместо *жребия службы апостольской стяжал себе от мзды неправедныя село крове,* лику их подобно пополниться другим лицом, и *епископство его* (звание после апостолов преемственное) *приятъ иному.* «Надобно посему, – говорил апостол, – быть еще одному в лике нашем свидетелю воскресения Христова из числа таких, кто находился бы с нами во все время, как обращался между нами Господь, со времени крещения от Иоанна до дня Вознесения». Поставили среди собрания двух – Иосифа Варсаву и Матфия – помолились все совокупно молитвою приличною случаю, бросили жребий об избираемых и потом причислили Матфия к апостолам. Скоро увидим мы, что первым и особенным предметом апостольской проповеди было воскресение Господа, а Господь благоизволил говорить к ученикам даже в предсмертной Своей беседе, когда обещал *иного,* вместо Себя, *Утешителя,* Духа Святого, что Наставник сей будет свидетельствовать о Нем; *будете же свидетельствоватъ о Мне и вы,* присовокупил Господь, *яко искони со Мною есте.* Священное число двунадесяти учеников, избранное Иисусом Христом, должно быть без ущерба. Рассуждения ли сии, то есть что число лика апостольского должно быть определенное Господом, что свидетелей воскресения должно быть не менее такого числа и что пророчество об убыли в нем и пополнении безотлагательно должно быть приведено в исполнение – такие ли рассуждения расположили

апостолов к избранию соапостола, или было дано *им прямое повеление от Господа* в один из тех дней, как с воскресения до вознесения беседовано было об устройстве Церкви, ясно не сказано в книге Деяний. Наименее, однако же, кажется, полагать можно, чтобы св. Петр решился поступить в таком важном деле по собственным их рассуждениям, каковы бы они ни были, а, вероятно, приводимо было им в исполнение Слово Господа Иисуса Христа. Ему велено, конечно, предварить таким делом сошествие Утешителя, дабы Дух Святой, при снисшествии, имел уже готовую к венчанию главу и для двенадцатого престола в священном лике избранных учеников Христовых. Господу не благоугодно было до вознесения Своего пополнить лик апостольский собственным избранием лица вместо Иуды Искариотского, а предоставить это Церкви Своей, может быть, и для того, дабы дать знать, что Он даровал Церкви Своей право и благодать делать то же, что, быв на земле, делал бы и некогда делал Сам. Настоящий опыт подлинно свидетельствует, что порядок служения в Церкви друг-другоприимательный, каков он после Иисуса Христа доныне, столь важен, что начался еще в апостольском сословии и с такого опыта, который мог бы еще во время земной жизни Господа быть непосредственно от Господа. То же самое сказать надобно и о всем прочем устройстве Новозаветной Церкви: Господь даровал ей только повеление, собственный пример, самые основания и предметы веры в Своей земной жизни, а прочее, как например, подробное устройство иерархии, соединение иудеев и язычников в единое тело верующих, предмет столь великий, и т. д. предоставил уже апостолам Своим, дабы и после них, до конца веков, все в Церкви делалось друг-другоприимательно *через служителей и строителей Таин Его.*

О горнице Сионской и о том, что она была первоначальным образцом святого христианского храма (1: 13–14)

Филарет, митрополит Московский. «Слова и речи», т. 4

Святой евангелист Лука, излагая обстоятельства, предшествовавшие сошествию Святого Духа на апостолов, говорит, что по вознесении Господнем на небо возвратились они от горы Елеона в Иерусалим, *и егда внидоша на горницу, идеже бяху пребывающе;* что потом *сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении, с женами, и Мариею, Материю Иисусовою и с братиею Его* (Деян. 1: 13, 14); что, наконец, *и егда скончавашася дние Пятидесятницы, беша вси апостоли единодушно вкупе* (Деян. 2:1). Что это за горница, в которой пребывала сия первоначальная Церковь Христова? И что значит пребывание апостолов и прочих в сей горнице? Была ли это простая жилая храмина, в которой днюют и ночуют? Так думать не позволяет самое много-

людство тех, которые представляются пребывающими в сей горнице. Двенадцати апостолам, Пресвятой Матери Господней, мироносицам и другим благочестивым женам, прочим ученикам Господним, которых всех евангелист счисляет: *имен народа вкупе яко сто и двадесять* (Деян. 1:16), было ли прилично, было ли удобно, было ли возможно поместиться жительством в одной горнице? Что же это была за горница? Напоминает мне она упоминаемую тем же евангелистом *горницу велию постлану* (Лк. 22:12), о которой Господь сказал Петру и Иоанну: *ту уготовайта Пасху*, и в которой Он установил и в первый раз совершил таинство Тела и Крови Своей. Или это есть одна и та же горница, по самому месту, или, по крайней мере, та и другая одинакова по назначению и достоинству. Ее назначение было не то, чтобы в ней дневать и ночевать, обедать и вечерять, сидеть и почивать, но то, что пребывающие в ней *бяху терпяще единодушно в молитве и молении;* в ней совершалась Тайная Вечеря Господня; в ней произошло избрание Матфия в священное служение и его причтение к лику апостольскому. Это была *горница,* которая возвышалась *горе,* над всем земным и житейским, и благочестивым духом пребывающих в ней касалась небесного и Божественного, почему и возымела, наконец, то высочайшее преимущество, что в ней торжественно и чудесно явилось Небо и Божество. Дух Святой не только Своим всемогущим дыханием одушевил апостолов и огненными языками просветил их умы, воспламенил их сердца, образовал языки для всемирной проповеди спасения, но и самое место их пребывания исполнил Своей святыни и благодати; исполнил *весь дом, идеже бяху седяще* (Деян. 2:2).

Еще раз вопрошаю: что это за горница? И сказанного мною доселе, надеюсь, довольно, чтобы оправдать окончательный ответ, который даю на предложенный вопрос: горница Сионская, апостольская, горница сошествия Святого Духа, есть не иное что, как первоначальный образец святого христианского храма, и взаимно святой христианский храм есть повторенная, возобновленная, размноженная апостольская горница сошествия Святого Духа.

Правда вы не слыхали ныне здесь шума, *яко носиму дыханию бурну* (Деян. 2:2), не видали огненных языков, никто не говорит здесь разными языками разноплеменных народов. Но примите в рассуждение, что и в апостольской горнице, или, иначе сказать, в апостольском святом храме, не каждый день слышалось потрясающее дыхание бурно: только однажды явились огненные языки; однако и в другие времена храм сей не был лишен благодати, которою исполнил его Дух Святой. Без первоначального чудесного движения и блистания огненного святые апостолы продолжали преподавать тот же дар Святого Духа в тихом возложении рук, которое друг-другоприимательно простирается и до нынешних священноначаль-

ственных тайнодействий в наших святилищах. Языцы, говорит апостол Павел, *в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. 14:22), то есть чудесный дар говорить разными неизученными языками ниспослан от Бога для людей еще не уверовавших, дабы через дарованное знание из языка преподать им наставление в вере и в то же время чудесным дарованием удостоверить их в Божественности веры, но для тех, которые уже уверовали, сие знамение не нужно. По той мере, как Божественная вера на земле распространялась, чудесное дарование языков сокращалось, и следственно, сокрытие сего дарования не есть оскудение благодати, но прекращение нужды. Господь не одобряет в верующих искания очевидных, удостоверяющих знамений, но приписывает особенное достоинство вере, которая их не требует. *Блажени,* глаголет, *не видевшии и веровавше* (Ин. 20:29).

Церковные предания о жизни Богоматери по вознесении Иисуса Христа (ст. 14)

Св. Писание упоминает о Пресвятой Богородице в последний раз в повествовании о молитвенном пребывании первых верующих в Сионской горнице (1–14). Но христианское предание повествует о многих событиях из последующей жизни Богоматери. Так, оно говорит, что во исполнение Ее предречения (Лк. 1:48) все концы вселенной вскоре огласились Ее славою; что многие из новопросвещенных христиан приходили в Иерусалим из дальнейших стран, чтобы увидеть Матерь Божию и насладиться Ее святою беседою. Как жаждали отдаленные христиане этого счастия, можно видеть из письма св. Игнатия Богоносца, писанного из Антиохии к Иоанну Богослову: «Многие жены у нас желают посетить Пресвятую Деву, – писал св. Богоносец, – чтобы услышать от Нее о многих и чудных тайнах. У нас пронеслась о ней слава, что эта Дева и Матерь Божия исполнена благодати и всех добродетелей». В другом послании к Иоанну тот же св. Богоносец говорил о себе: «Более же всего желаю увидеть Матерь Иисуса, о Которой говорят, что Она во всех возбуждает к Себе удивление, почтение и любовь, так что все горят желанием увидеть Ее. Да и как не желать увидеть Пресвятую Деву и побеседовать с Тою, которая родила истинного Бога?» Из этих слов видно, как сильно желали мужи апостольские видеть эту одушевленную святыню Божию. Высота святости и величие Богоматери просияли в ней сквозь покров Ее глубочайшего смирения. Кто удостаивался видеть Ее, тот чувствовал высокое счастье и необъяснимое блаженство. В послании св. Дионисия Ареопагита к апостолу Павлу ([1]) Она именуется Богообразною, Святейшею, паче всех духов небесных: один взор на Нее услаждал благочестивую душу так, что с этим чувством не могло сравниться никакое из земных удовольствий.

Когда Ирод Агриппа (44 г. по Р. Х.), начав преследовать христиан, обезглавил Иакова, брата Иоаннова (Деян. 12:2), заключил в темницу Петра и хотел также предать и его смерти (ст. 3–18), тогда апостолы, с соизволения Богоматери, признали за лучшее оставить Иерусалим и положили кинуть между собою жребий, кому в какую сторону отправиться для проповеди евангельской. Исполненная более всех Божественной ревности, Пречистая Матерь Божия также пожелала иметь участие в этом жребии и получить удел для проповеди Евангелия. Ей досталась земля Иверская (нынешняя Грузия). С радостью приняв этот удел, Она стала готовиться к отправлению в Иверию, но ангел, явившийся пред Нею, возвестил Ей, что страна, доставшаяся ей в уделе для проповеди, просветится впоследствии времени; что же касается до Нее Самой, то Она должна остаться теперь в Иерусалиме, ибо ей предназначен труд просвещения другой страны, о Которой воля Сына и Бога ея объявится в свое время. Всегда послушная воле Божией, Пречистая Дева поступила согласно с извещением ангела, и в то время, когда апостолы отправились, куда каждому из них указывал жребий, Она осталась в Иерусалиме с Иоанном и Иаковом, братом Господним (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Предание прибавляет, что некоторые из иудеев, ненавидевших христиан и зорко наблюдавших за всеми их действиями, донесли первосвященникам и книжникам, что Мария, Матерь Иисусова, ходит каждый день на Голгофу и там перед бывшим гробом Иисуса преклоняет колена, плачет и воскуряет фимиам. Первосвященники приставили стражей ко гробу и приказали им строго наблюдать, чтобы никто из христиан не смел приходить к этому месту; если же они увидят там Матерь Иисусову, то немедленно убили бы Ее. Зоркая стража бдительно подстерегала Пресвятую Деву, но сила Божия сокрывала Ее от воинов, не допуская их до лицезрения Благодатной, так что они ни разу не видали Ее, хотя Она, по своему обыкновению, ежедневно продолжала приходить ко гробу. Пробыв таким образом долгое время у гроба, стражи под клятвою донесли, что к гробу никто не приходит и что они во все время никого там не видали (Четьи-Минеи, 15 авг.). Рука Божия чудесно сохраняла Пресвятую Деву от христоненавистного синедриона и книжников и все злобные козни их сокрушила незаметно для них самих. И хотя, живя в Иерусалиме, Матерь Божия была как овца среди волков и как лилия среди терния, но всецело преданная воле Сына Своего, Она проводила жизнь Свою бодрственно, бесстрашно и утешительно, не скрываясь от народа, но действуя для преуспеяния и назидания стада Христова.

То же предание сообщает подробности путешествия Пресвятой Богородицы к Лазарю, чудно воскрешенному Господом и проживавшему на острове Кипр. Лазарь, быв рукоположен апостолом Варнавою во еписко-

па, сердечно сокрушался, что давно лишен счастия лицезреть Матерь Божию, между тем как сам не смел придти во Иерусалим, боясь гонения иудеев, хотевших некогда убить его. Матерь Божия, узнав об этом, написала к нему утешительное послание, прося прислать за Нею корабль. Лазарь несказанно обрадовался, получив это послание, и благоговейно удивлялся великому смирению Благодатной. Корабль был немедленно снаряжен и отправлен к Пресвятой Деве, и Матерь Божия, с Иоанном и некоторыми другими спутниками, отплыла к острову Кипру. Плавание началось благополучно, и корабль понесся по пучинам Средиземного моря. Уже немного осталось пути до Кипра, как вдруг подул сильный противный ветер, и корабельщики, при всех усилиях и искусстве, не могли справиться с кораблем. Ветер, крепчая, перешел в бурю, и корабль, не слушаясь более земного кормчего, отдался указанию перста Божия и понесся в сторону от Кипра. Увлеченный силою бури в Эгейское море, он быстро промчался между многочисленными островами Архипелага и без повреждений и малейших потерь пристал у берегов Афонской горы.

Пресвятая Дева, видя, что в этом неожиданном случае проявляется воля Божия на предреченный ей ангелом жребий, вошла на берег неведомой Ей страны. Гора Афонская, принадлежавшая Македонии, в то время была наполнена идольскими капищами, среди которых выдавался огромный храм Аполлона, где совершались разные гадания, волшебства и другие языческие волхвования. Еллины считали это место избранным святилищем своим, а потому во множестве стекались сюда для поклонения богам и вопрошения их через прорицателей о судьбах своих. Но как только корабль, несший на себе Пречистую Деву, приблизился к берегам Афона, злые духи, находившиеся в идолах, проговорили, принуждаемые Высшею Силою: «Люди, обольщенные Аполлоном! Спешите сойти с горы и идите в Климентову пристань встретить и принять Марию, Матерь великого Бога Иисуса». Народ устремился к берегу моря и там увидел приставший корабль и с него сшедшую боголепную Жену. С благоговением приблизились язычники к Пресвятой Деве и расспрашивали, как Она родила великого Бога, какое имя Его и где Он обретается? Богоматерь возвестила им о тайне воплощения Господа Иисуса Христа, раскрыла силу евангельского учения, истолковала цель пришествия Бога на землю и описала страдания Его и славу воскресения и восшествия Его на небо. Все с трепетом внимали Ей и, прославляя Бога и Матерь Его, пожелали немедленно принять крещение. Святая Проповедница сотворила здесь много чудес, которыми укрепила веру новопросвещенных. Оставив для назидания новобращенных одного из сопутствовавших Ей мужей апостольских, Она, перед отбытием своим с Афона благословляя народ, сказала: «Это место да будет Моим жребием, данным Мне от Сына и Бога Моего! Да почиет благо-

дать Его на этом месте и на живущих здесь с верою и благоговением и сохраняющих заповеди Сына и Бога Моего! Все нужное для земной жизни они будут иметь в изобилии и с малым трудом, и будет уготована им небесная жизнь, и не оскудеет к ним милость Сына Моего до скончания века. Я буду заступница этому месту и теплая о нем ходатайница перед Богом!» После этого Пресвятая Дева села на корабль с Иоанном и прочими спутниками и отплыла к Кипру (Четьи-Минеи, 15 авг.).

Лазарь, получив сведение о времени отбытия Приснодевы из Иерусалима и не имея теперь никаких известий о Ней, сокрушался великою скорбию. Не зная ничего о случившемся на Афоне, он боялся, не потерпела ли Пречистая какого бедствия от бывшей бури, и в душевном страхе и тоске не мог дождаться Ее прибытия. Но вскоре печаль его превратилась в живейшую радость, когда он увидел давно желанную благодатную Посетительницу. Пресвятая Дева привезла ему в дар омофор и поручи, устроенные для него Ее руками; передала ему обо всем происшедшем во время отсутствия его в Иерусалиме и с особенным чувством радости и благодарения Богу рассказала об успехе Своей проповеди на горе Афонской (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Утешив Лазаря ([2]) и благословив тамошнюю Церковь, Матерь Божия возвратилась в Иерусалим([3]), к утешению и радости всех с нетерпением ожидавших Ее верующих. Здесь посетил Ее св. Дионисий Ареопагит, также желавший получить от нее благословение и наставление. Будучи знаменитым гражданином языческих Афин, достигши по рождению, по учености и дарованиям своим высших правительственных степеней, он едва лишь услышал слова жизни из уст св. апостола Павла — всем сердцем и умом усвоил Евангелие. Стремясь со времени обращения к Христовой вере видеть Пречистую Деву, Дионисий предпринял дальнее путешествие. При виде Благодатной он не знал меры восторгу своему и благодарил Бога. И другие верующие по-прежнему во множестве стекались к Богоматери, и Она всех принимала, радовала и наделяла благословением. Немощным Она возвращала здравие, печальных утешала, грешников исправляла и всех утверждала в вере, укрепляла в надежде и проливала в сердце каждого сладость любви Божественной.

Но ублажаемая и прославляемая всеми Приснодева Сама горела желанием, переселясь от земли на небо, наслаждаться вожделенным лицезрением Сына Своего и Бога. Она приносила теплые и слезные молитвы, чтобы Господь благоволил взять Ее из этой земной юдоли в Свои горния селения.

Посещая часто гору Елеонскую, у подножия которой находился сад Заведея, составлявший наследство св. Иоанна Богослова, Пречистая Дева долго там молилась. Здесь так же, как и на Голгофе, все говорило воспоми-

наниям ее сердца: и сад Гефсиманский, сохранявший память последней молитвы и кровавого пота Божественного Сына Ее; и поток Кедрский, поивший Его своими струями; и лежащая далее долина Иосафатова, усеянная могилами Израиля и хранящая в самом названии своем великое значение ([4]); и пещерный склеп Гефсиманский, где покоился прах Ее родителей и праведного обрученника Ее; и над всем этим — гора, с вершины которой вознесся на небо дражайший Сын Ее! На этом месте, как и на Голгофе, чаще всего Она молилась, возведя слезные очи Свои к небу, как бы ожидая оттуда желаемого призыва.

Однажды, во время такой пламенной молитвы о скорейшем отрешении от тела, предстал перед Приснодевою Архангел Гавриил и с сияющим радостью лицом возвестил Ей волю Божию о Ее успении, имеющем совершиться чрез три дня ([5]). В знамение же торжества Благодатной над телесною смертью, которая не будет иметь над Нею власти и от которой Она должна воспрянуть, как от тихого сна, к бессмертной жизни и славе в свете лица Господня, Архангел вручил Ей райскую ветвь от финикового дерева, сияющую небесным светом, сказав, чтобы ветвь эта была несена перед гробом Преблагословенной в день погребения пречистого тела Ее. Пресвятая Дева несказанно обрадовалась этой вести и от всего сердца возблагодарила за нее Творца и Сына Своего.

Примечания:

[1]) Хотя критики отвергают подлинность этого послания, но основательно или нет такое мнение ученых, во всяком случае, это свидетельство о Пресвятой Деве важно как отголосок древнейшего о Ней предания.

[2]) По древнему преданию, Лазарь имел 30 лет от роду по воскрешении его Господом и потом прожил еще 30 лет на острове Кипре, куда удалился по страху гонения со стороны иудеев (Ин. 12:10). В 890 г. по Р. Х. там были обретены св. мощи его.

[3]) Есть древнее предание, сохранившееся в деяниях III Вселенского Ефесского Собора, что Пресвятая Дева посещала, вместе с св. апостолом Иоанном, малоазийский город Ефес. Впоследствии времени там были воздвигнуты храмы в честь Пресвятой Богородицы и св. апостола Иоанна, и в одном из этих храмов, именно Пресвятой Богородицы, происходил III Вселенский Собор, защитивший достоинство Приснодевы против лжеучения Нестория. Так как апостол Иоанн проповедовал в Ефесе лишь в позднее время, уже после 58 г. по Р. Х., когда апостол Павел, посещая Иерусалим, не видал здесь св. Иоанна (Деян. 21:18), то должно думать, что он удалился в Малую Азию для апостольства после успения Богоматери. Но временно посетить Ефес, именно с Пресвятою Богоматерью, мог гораздо ранее, во время путешествия на Афон и Кипр. К этомуже времени приурочивается преданием (*Четьи-Минеи, 15 авг.*) и посещение ими Антиохии.

[4]) У обрывистых скал восточной стороны Иерусалима лежит глубокий овраг, усеянный могилами, — это долина Иосафатова, или Кедрская. Слово Иосафат на еврейском языке значит «Иегова судит», и потому имя этой долины и выражает страшный суд (Иоил. 3:2). Христиане, евреи и даже магометане глядят на эту долину как на торжественное место будущего великого события. Долина эта была с самых отдаленных времен местом народного кладбища, или гробом сынов людских (4 Цар. 23:6). Прах несметных человеческих поколений и столько раз разрушенного Иерусалима, засыпая ее с крутых высот, иссушил стремившийся по ней поток Кедрский, который получил это название от еврейского слова «чернота», потому что вода его всегда казалась черною как от глубины и узкости русла и крутизны берегов его, так и от тени густых маслин, нависших над ним (*А.С. Норов, «Путеш. по св. земле», изд. 3, ч. 1*).

[5]) Повествуют, что Архангел являлся к Богоматери два раза: за пятнадцать и за три дня до Ее успения — и в последний раз вручил Ей райскую финиковую ветвь. На горе Елеонской, неподалеку от вершины Вознесения, показывают то место, где Пресвятая Дева получила это благовестие. Несколько ниже Христос, восседая с учениками, предрек им кончину мира. Здесь видны развалины церкви св. Елены, равно как и на том месте, где Спаситель оплакивал участь Иерусалима. Несколько левее, спускаясь с горы, виднеется обломок колонны, означающий то самое место, где Спаситель преподал апостолам молитву «Отче наш». Еще ниже находятся развалины необыкновенного здания, разделенного как бы ложами (которых, как говорят, было 12) — это, по преданию, дом, где собирались апостолы для составления Символа Веры (*А.С. Норов, «Пут. по св. земле», изд. 3, ч. 1*).

Успение Пресвятой Богородицы

Возвратясь с горы Елеонской, Матерь Божия начала приготовляться к исходу Своему. Прежде всего Она рассказала усыновленному Ей апостолу Иоанну о бывшем благовестии и показала ему ветвь принесенную архангелом, завещавая нести ее при погребении пред Своим гробом. Уведомив всех домашних о Своей предстоящей кончине, Она повелела украсить покой и ложе Свое, воскурить фимиам, зажечь свечи и приготовить все необходимое для погребения. Иоанн немедленно послал к св. Иакову, брату Господню, первому иерусалимскому епископу, и ко всем сродникам и ближним извещение о приближающейся кончине Богоматери с обозначением и самого дня, а св. Иаков предуведомил о том же всех верных не только в Иерусалиме, но и в окрестных городах и селениях. Все родственники Богоматери и множество христиан обоего пола со всех сторон притекли в дом Иоанна (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Пресвятая Владычица всем открыла слышанное Ею от ангела и в под-

тверждение слов Своих показала райскую ветвь, сиявшую небесным светом. Все пришедшие к Ней горько плакали и своими воплями и рыданиями наполнили весь дом, умоляя Владычицу, как общую всех Матерь, не оставлять их сирыми. Пресвятая Дева увещевала их не плакать, а скорее радоваться о Ее исходе, говоря, что, представ престолу Божию и беседуя с Сыном Своим, Она будет умолять Его благость о всех живущих на земле и не только не оставит их сирыми, но еще будет посещать и охранять, равно как и весь мир, всегда помогая бедствующим. Среди утешительных для человечества обетований Матерь Божия не оставила сделать распоряжение относительно Своего имущества и погребения. Она завещала отдать две одежды Ее двум бедным вдовицам, с усердием и любовью служившим ей и имевшим от Нее пропитание, а также объявила волю свою, чтобы тело Ее было погребено в Гефсиманской пещере, где покоились Ее святые родители и праведный обрученник.

В это время, когда Матерь Божия изъявила Свои желания и утешала предстоящих, все услышали шум и увидели облака окружавшие дом. Это были облака, на которых, по повелению Божию, апостолы, восхищенные ангелами из разных стран, где они проповедовали Евангелие, были принесены в Иерусалим, к дому Богоматери, для воздаяния Ей чести при погребении. Это чудо не в первый раз уже совершалось всемогущей силой Божией. Так и апостол Филипп, после крещения на пути из Иерусалима в Газу евнуха ефиопской царицы, был восхищен невидимою силою и поставлен в Азоте (Деян. 8: 39–40), так и пророк Аввакум был поднят ангелом и перенесен в Вавилон – к львиному рву, где сидел Даниил (Дан. 14:36). По отношению к лицу Матери Божией это чудное перенесение апостолов было весьма знаменательно: «иже на облацех светло, – изъясняет Св. Церковь, – от всех конец собравый Свят, божественные апостолы к телу Твоему, чистая, показа Тя всем Богородицу и страшен чертог преукрашен» (*авг. 14, икос*). «Они слетелись, – говорит св. Иоанн Дамаскин, – подобно облакам и орлам, чтобы послужить Матери Божией».

Апостолы, увидев друг друга, радовались, но в недоумении взаимно спрашивали: для чего Господь собрал их в одно место? В это время вышел к ним св. Иоанн Богослов и, с радостными слезами приветствуя их, сказал, что для Пресвятой Богородицы настало время отойти ко Господу. Поняли свв. апостолы, что Господь собрал их для присутствования при блаженной кончине Пречистой Его Матери и для славного погребения Ее пресвятого тела, поняли – и глубокая скорбь объяла их. Во время беседы с Нею предстал и св. апостол Павел, избранный сосуд благодати Божией; он прибыл позже других, хотя и таким же чудесным образом. Вместе со св. апостолом Павлом предстали и ученики его: Дионисий Ареопагит, Иерофей дивный, Тимофей и другие апостолы из числа 70-ти. Всех их со-

брал Святой Дух, да все сподобятся благословения Пречистой Девы Марии, и да благолепнее устроится погребение Матери Господней. Она каждого из них по имени призывала и хвалила веру и труды их в деле проповедания Христова Евангелия, каждому желала вечного блаженства и молилась с ними о мире и благосостоянии всего мира (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Но вот настал 15-й день августа, и тот вожделенный и благословенный третий час дня, в который назначено совершиться преставлению Божией Матери. Множество свеч пылало в храмине, и свв. апостолы, славя в песнопениях Бога, окружали благолепно украшенный одр, на котором возлежала Богоматерь и молилась в ожидании Своего исхода и пришествия вожделенного Сына и Господа Своего. Внезапно облистал неисповедимый свет Божественной славы, пред коим померкли пылавшие свечи. Ужаснулись видевшие это: верх храмины как бы исчез в лучах необъятного света, и сошел Сам Царь славы Христос, окруженный тьмами ангелов, архангелов и других Небесных Сил, и с праведными душами праотцов и пророков, некогда предвозвещавших о Пресвятой Деве, и приблизились к Пречистой Матери Своей. Увидев Сына Своего, Она с радостным восторгом произнесла слова боговдохновенной Своей песни: «Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем, яко призре на смирение рабы Своея!» – и, поднявшись с ложа, как бы для встречи Господа, поклонилась Ему. Он же, взирая на Нее очами, исполненными Божественной любви, сказал Ей: «Прииди, ближняя Моя; прииди, возлюбленная Моя; прииди, дражайший Мой перл, и вниди в обители вечной жизни». «Благословенно славное имя Твое, Господи Боже Мой! – ответствовала, поклонившись Ему, Пресвятая Дева. – Ты благоволил избрать Меня, смиренную рабу Твою, чтобы Я послужила таинству Твоему! Помяни Меня, Царь славы, в бесконечном царствии Твоем! Ты знаешь, что Я возлюбила Тебя всем сердцем Моим и верно сохранила вверенное Мне Тобою сокровище. Приими же теперь дух Мой с миром и огради Меня от области темной, чтобы никакое вражеское устремление не коснулось Меня». Господь сладчайшими словами утешал Ее, чтобы не боялась сатанинской силы, уже попранной ногами Ее, и любезно призывал Ее с дерзновением прейти от земли к небу (*Четьи-Минеи, 15 авг.*). Она, радостно ответив: «Готово сердце Мое, буди мне по глаголу Твоему!» – возлегла на ложе и, взирая на пресветлое лице Господа, дражайшего Сына Своего, без всякого телесного страдания и как бы сладко засыпая, предала в руце Его пресвятую душу Свою ([1]). Тот, Кого Она зачала безмужно и родила без болезни, взял пречистую Ее душу, разрешившуюся от тела без всякого страдания, и святому телу Ее не дал видеть истления. Тогда началось радостное ангельское пение и слышны были часто повторяемые ангелами слова Гавриилова приветствия: «Радуйся, благодати исполненная, Господь с Тобою; благословен-

на Ты в женах!» Так торжественно всеми небесными чинами сопровождаема была пресвятая душа Ее.

Апостолы, сподобившиеся зреть это славное восхождение на небо Божией Матери, в трепете следили за ним очами, как некогда – за возносившимся с Елеонской горы Господом. Пришедши в себя от восторга, они окружили одр и с благоговейным умилением смотрели на пречистое тело Богородицы. Св. Петр – как изображается в церковных песнопениях – вопиял: «О Дево! Вижу Тя ясно простерту, просту – и удивляюся, но, о Пречистая, молися прилежно Сыну и Богу Твоему – спастися стаду Твоему невредиму» (*авг. 15, утр. стихира по 50 пс.*). «Лик апостольский с умилением вещал: удаляясь в небесные чертоги к Сыну, Ты готова всегда спасать, Богородица, Свое наследие» (*«Христианское чтение», 1836, ч. 3*). С нежною любовью Матери всего христианского мира Пресвятая Дева с небесной высоты взирала на оставшихся на земле верующих и «как бы подъявши руки – те руки, которыми носила Бога во плоти, со дерзновением гласом Матери вещала к Рождшемуся от Нее: данных Мне Тобою в удел сохраняй вовеки» (*«Христианское чтение», 1836, ч. 3*).

Благодатное лицо Богоматери, «освященное добротою Божества, сияло славою божественного девства», а от тела разливалось дивное благоухание. Чудна была жизнь Пресвятой Девы, чудно и успение Ее, как и воспевает Св. Церковь: «Бог вселенной показует на Тебе, Царица, чудеса превышающие законы природы: и во время рождения Он сохранил Твое девство, и во гробе соблюл от истления Твое тело» (*«Христианское чтение», 1836, ч. 3*). Благоговейно и со страхом лобызая пречистое тело, апостолы освящались от прикосновения к нему и, ощущая в сердцах своих действие неизреченной благодати, исполнялись духовной радости. Для большего прославления Богоматери не умедлили обнаружиться знамения всемогущей силы Божией в исцелении глухих, немых, слепых, хромых и разных недужных, с верою и любовью прикасавшихся к священному одру (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Господу было угодно, чтобы Пречистая Матерь Его вкусила смерть подобно всем земнородным. «Нужно, – замечает св. Иоанн Дамаскин, – чтобы то, что составлено из земли, и возвратилось в землю, а потом взошло на небо, приняв в земле чистейшую жизнь чрез отложение в ней плоти; нужно, чтобы тело через смерть, как бы через огонь в горниле, подобно злату очистившись от всего мрачного и грубой тяжести брения, восстало из гроба нетленным, чистым и озаренным светом бессмертия» (*«Христианское чтение», 1836, ч. 3*). Оплакав свою потерю на земле, но духовно утешившись приобретением на небе всесильной Заступницы и Молитвенницы к Богу, апостолы приступили к погребению богоприемного тела Пресвятой Девы. Свв. Петр, и Павел, и Иаков с прочими главными апостолами понесли на раменах своих одр, на котором возлежало пречистое тело;

св. Иоанн шел впереди с райскою светозарною ветвью; прочие же святые и множество верных сопровождали одр со свечами и кадилами, воспевая священные песни. Апостол Петр начинал пение псалма: *во исходе Израилеве от Египта* (Пс. 113:1) и других торжественных гимнов, и все согласно сливали с ним голоса свои, повторяя после каждого стиха: «Аллилуиа!» «Но, – говорит древний писатель, – всех священнотаинников превосходил великий Иерофей, как бы вышед из тела и весь изливаясь в песнопениях, так что, видя сочувствие его воспеваемому, все – и знакомые и незнакомые – почитали его боговдохновенным». В таком порядке это величественное шествие тронулось от Сиона, направляясь через Иерусалим в Гефсиманию. При первом движении его над пречистым телом Богоматери и всеми провожавшими Ее внезапно появился обширный и светозарный облачный круг, наподобие венца, и к лику апостолов присоединился лик ангельский: пение Небесных Сил, прославлявших Божию Матерь, слышалось присутствовавшим и согласно вторило земным голосам. Этот круг с небесными певцами и сиянием несся по воздуху и сопровождал шествие до самого места погребения (*авг. 16 на стиховне стихира 3. Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Неверующие жители Иерусалима, пораженные необычайным величием погребального шествия и озлобленные почестями воздаваемыми Матери Иисуса, донесли о том первосвященникам и книжникам, а эти, пылая завистью и мщением ко всему, что напоминало им Христа, послали слуг и воинов своих, чтобы они разогнали провожавших и самое тело Марии сожгли. Возбужденный народ и воины с яростью устремились на христиан, но облачный венец, сопровождавший по воздуху шествие, опустился к земле и как бы стеною оградил его. Преследователи слышали шаги и пение, но никого из провожавших не видели: многие из них, быв поражены слепотою, шли прямо на дома и стены и разбивали себе головы (*там же*). Как древле столб облачный осенял и охранял народ Божий и Ветхозаветную Церковь от преследования египтян, так и теперь светоносное облако, окружая Церковь Новозаветную и святейший храм Божества – тело Богоматери, преградило путь озлобленному неверию.

Когда шествие достигло Гефсимании, там с новым плачем и стенаниями началось последнее целование пречистого тела, лишь к вечеру свв. апостолы могли положить его во гроб и закрыть вход в пещеру большим камнем. Они не отходили три дня от места погребения, совершая непрестанные молитвы и псалмопения, и во все это время по-прежнему слышалось в воздухе ангельское пение, ублажавшее Пренепорочную Деву (там же).

Тому же апостолу Фоме, который своим сомнением содействовал к большему удостоверению славной истины воскресения Христова, суждено было послужить открытию воскресения и Пресвятой Богородицы. По премуд-

рому смотрению Божию, Фома не был при успении и погребении Божией Матери. Пришедши на третий день в Гефсиманию, этот пытливый ученик Христов с воплем и отчаянием повергся перед гробовою пещерою и громко выражал свое сожаление о том, что не удостоился последнего благословения Божией Матери и прощания с Нею. Апостолы, в сердечной жалости о нем, решились, открыв пещеру, доставить ему утешение — поклониться святым останкам Приснодевы. Но каково же было удивление их, когда они увидели, что там уже не было пречистого тела Богородицы, а лежали только одни погребальные пелены Ее, от которых разливалось чудное благоухание ([2])! Облобызав с благоговением оставшуюся во гробе святую плащаницу, они молили Господа открыть им волю Его относительно пречистого тела Богородицы ([3]). И вот в тот день вечером, когда апостолы и бывшие с ними собрались для подкрепления себя пищею, Сама Царица Небесная разрешила недоумение их. За трапезою апостолов оставалось незанятым одно место, и на нем полагалась часть хлеба, в память Иисуса Христа, называвшаяся «частью Господа». По окончании трапезы все участвовавшие в ней вставали, благодарили Бога за насыщение и, подняв часть Господню, славили великое имя Пресвятой Троицы, произнося в конце молитвенные слова: «Господи Иисусе Христе, помогай нам»! — и потом съедали часть Господню, приемля ее как благословение Божие. В продолжение Гефсиманской трапезы апостолы думали и беседовали лишь о том, как не нашлось в пещере святого тела Божией Матери, и подняв, по обыкновению, часть Господа, стали воспевать хвалы Пресвятой Троице. Вдруг послышалось ангельское пение, и когда они возвели очи свои вверх, то увидели Пречистую Деву, стоящую в воздухе, окруженную Небесными Силами и сияющую неизреченною славою. Она сказала им: «Радуйтесь! Я с вами есмь во вся дни!» Это явление так обрадовало апостолов и всех бывших с ними, что все они воскликнули: «Пресвятая Богородица, помогай нам!» (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

После этого не оставалось никакого сомнения, что гроб Пресвятой Девы сделался «лестницею к небеси» (*авг. 15. Вел. веч. стих. 1 на «Господи воззв.»*) и что самое тело Ее — как выражается Св. Церковь — «возвысив на небеса возведе Иисус Сын Ея и Спас душ наших» (*авг. 16, на стиховне стихира 3*). Все уверились, что Матерь Божия в третий день воскрешена Господом и вознесена с пречистым телом в славу небесную. Взяв оставленную в гробе святую плащаницу для удостоверения отсутствовавших и утешения скорбящих, свв. апостолы возвратились с радостною вестью в Иерусалим, после чего они опять рассеялись по разным странам мира для проповеди Евангелия (*Четьи-Минеи, 15 авг.*).

Кончину Божией Матери Св. Церковь называет «успением», а не смертью, потому что смерть, как возвращение земле ее персти, а духа — Богу «Иже даде его», не коснулась благодатной. «Побеждены законы природы в

Тебе, Дева чистая, – воспевает Св. Церковь, – в рождении сохраняется девство и со смертию сочетается жизнь: пребывая по рождении Девою и по смерти живою, ты спасаешь всегда, Богородица, наследие Твое» (*авг. 15. Кан. 1, п. 9 и ирмос в рус. перев.*). Она лишь уснула, чтобы в то же мгновение пробудиться для жизни вечно блаженной и после трех дней с нетленным телом, как «небо земное, вселиться в небесное жилище» (Там же, п. 4). Она опочила сладким сном после тяжкого бодрствования Ее многоскорбной жизни и «преставилася к животу», то есть Источнику жизни, как «Матерь жизни, избавляя молитвами Своими от смерти души» (Тропарь праздника Успения Богородицы) земнородных, вселяя в них успением Своим живое предощущение жизни вечной. Поистине «в молитвах неусыпающую Богородицу и в предстательствах непреложное упование, гроб и умерщвление не удержаста» (*кондак праздника*). «Пречистая Богородица, – как говорит св. Димитрий Ростовский, – была дивна в преставлении, ибо гробом Своим не в землю нисходит, но в небо восходит и лествица к небеси гроб бывает» (*Сочин. св. Димитрия Ростов., ч. 3*).

Примечания:

[1]) Сколько лет было земной жизни Божией Матери? Св. Андрей Критский говорит вообще, что Она дожила «до последней старости», и при этом ссылается на повествования других. Никифор Каллист, основываясь на словах Еводия, следующим образом распределяет лета земной жизни Ее: 44 года от Рождества Христова до успения Ее, и 59 лет всей жизни. «Трех лет, – замечает этот историк, – Она была введена в храм и провела здесь, во Святом Святых, одиннадцать лет. Потом врученная от священников на сохранение Иосифу, через четыре месяца получила радостное благовестие от Архангела Гавриила и родила Свет всего мира 25 декабря, имея пятнадцать лет. Затем прожила тридцать три года – время земной жизни Сына Своего. По распятии же Его провела в доме Иоанна одиннадцать лет, так что лет жизни Ее, сложенных вместе, пятьдесят девять» (*Eccles. Hist, lib. 1, cap. 3*).

[2]) Все чудные события, окружившие успение Пресвятой Богородицы, св. Иоанн Дамаскин возводит к древнейшему преданию Иерусалимской Церкви. В Слове II на праздник Успения Божией Матери он говорит, что император Маркиан и императрица Пульхерия просили иерусалимского епископа Ювеналия и отцов Халкидонского IV Вселенского Собора сообщить им сведения относительно честного успения Приснодевы, что и было сделано им. Св. Андрей Критский указывает на многие обстоятельства Успения Богородицы как на события известные в Церкви: например, на собрание апостолов и ангелов (*Слова 1 и 3 на Успение Божией Матери*), на погребение в Гефсимании (*Слово 1*), на преложение на небо тела Богоматери (*Слово 2*) и т.д.

[3]) Устное местное предание говорит, что когда апостол Фома вышел из погребального вертепа Матери Божией, то для утешения его в скорби Она благоволила ниспослать ему с неба пояс Своей ризы (*А.С. Норов, «Путеш. по св. земле», изд. 3, ч. 1*).

Внешний вид и нравственная высота Пресвятой Богородицы

Се еси добра, ближняя Моя, се еси добра (Песн. 4:1)

Церковный историк Никифор Каллист сохранил для нас предание о внешнем виде Пресвятой Богородицы. «Она была, — читаем у него, — роста среднего, или, как иные говорят, несколько более среднего; волосы златовидные; глаза быстрые, с зрачками как бы цвета маслины; брови дугообразные и умеренно черные, нос продолговатый; губы цветущие, исполненные сладких речей; лицо не круглое и не острое, но несколько продолговатое; руки и пальцы длинные» (*«Церк. ист.», кн. 2, гл. 23*).

«Но, — скажем вместе со св. отцом, — поистине в Пресвятой Деве изумляет нас не только непорочная и чистая лепота телесная, но особенно — совершенства Ее души» (*«Слово на Благовещение» св. Григория Неокесарийского. «Христ. Чт.», 1837, ч. 1*). И может ли быть иначе, когда «в Ее лице сосредоточено все сокровище благодати», и Она была «свята телом и духом»? «Одежда скромная, чуждая роскоши и неги; поступь степенная, твердая; взгляд строгий, соединенный с приятностью; тиха и покорна родителям; речь кроткая, льющаяся из незлобивого сердца», — так говорит св. Иоанн Дамаскин (*«Христ. Чт.», 1828, ч. 31*). «У Нее ум — Богом управляемый и к одному Богу направленный; все желание устремлено к единому, достойному желания и любви; ненависть только ко греху и виновнику его. Все помышления Ее душеполезны, свободны от всего излишнего, удаляющиеся от всего душепагубного; очи Ее всегда устремлены к Господу, созерцая вечный и неприступный свет; уши настроены к слушанию Слова Божия, услаждаются сладкогласною певницею Духа; уста восхваляют Господа; язык рассуждает о Слове Божием и изливает Божественную сладость; сердце Ее чисто и непорочно, зрящее и вожделеющее чистейшего Бога. Вся — чертог Духа; вся — град Бога живого; вся — добра; вся — перед очами Божиими, ибо восшедши превыше херувимов и будучи превознесена над серафимами, Она соединилась с Богом» (*там же*). «Она была девою, — говорит св. Амвросий, — не телом только, но и душою: смиренна сердцем, осмотрительна в словах, благоразумна, немногоречива, любительница чтения... трудолюбива, целомудренна в речи, почитая не человека, но Бога судьею Своих мыслей; правилом Ее было никого не оскорблять, всем благожелать, почитать старших, не завидовать равным, избегать хвастовства, быть здравомысленною, любить добродетель. Когда Она хотя бы выражением лица

обидела родителей? Когда была в несогласии с родными, погордилась перед человеком скромным, посмеялась над слабым, уклонилась от неимущего? У Нее не было ничего сурового в очах, ничего неосмотрительного в словах, ничего неприличного в действиях: телодвижения скромные, поступь тихая, голос ровный, так что телесный вид Ее был выражением души, олицетворением чистоты» (*«De virginibus», lib. 11, c. 2*). Церковный историк Никифор Каллист так дополняет нравственный образ Пресвятой Девы: «Она в беседе с другими сохраняла благоприличие, не смеялась, не возмущалась, особенно же не гневалась; совершенно безыскусственная, простая, Она нимало о Себе не думала, и далекая от изнеженности, отличалась полным смирением. Относительно одежд, которые носила, Она довольствовалась естественным цветом их, что еще и теперь доказывает священный головной покров Ее. Коротко сказать: во всех Ее действиях обнаруживалась особенная благодать» (*«Церк. ист.», кн. 2, гл. 23*). «У нас все знают, — писал св. Игнатий Богоносец, — что Приснодевственная Матерь Божия исполнена благодати и всех добродетелей. Рассказывают, что Она в гонениях и бедах всегда бывала весела; в нуждах и нищете не огорчалась; на оскорбляющих Ее не только не гневалась, но даже благодетельствовала им; в благополучии кротка; к бедным милостива и помогала им как и чем могла; в благочестии — учительница и на всякое доброе дело наставница. Она особенно любила смиренных, потому что Сама исполнена была смирения. Много похвал воздают ей видевшие Ее. О ней рассказывали нам люди, достойные всякого вероятия, что по Ее святости, видимо в ней соединились естество ангельское с человеческим (*Четьи-Минеи, 15 авг.*). Св. Дионисий Ареопагит, через три года после его обращения в христианство сподобившийся видеть в Иерусалиме лицом к лицу Пресвятую Деву Марию, так описывает это свидание: «Когда я введен был перед лицом Богообразной, светлейшей Девы, меня облистал извне и внутри столь великий и безмерный свет Божественный и разлилось окрест меня такое дивное благоухание различных ароматов, что ни немощное тело мое, ни самый дух не в силах были вынести столь великих и обильных знамений и начатков вечного блаженства и славы. Изнемогло сердце мое, изнемог дух во мне от Ее славы и Божественной благодати! Человеческий ум не может представить себе никакой славы и чести (даже в состоянии людей прославленных Богом) выше того блаженства, какое вкусил тогда я, недостойный, но удостоенный по милосердию и блаженный выше всякого понятия» (*там же*).

Добродетели Пресвятой Богородицы и благодать Святого Духа, предочистившая Ее для великого дела быть Матерью Божией, поставили Ее выше всех праведных и святых людей и даже Сил Небесных. Ее усердие к молитве и благочестивым занятиям, приснодевственная чистота и целомудрие, вера в обетования Божии, всегдашняя внимательность к путям

Промысла Божия, преданность воле Божией, благодушное перенесение трудных житейских обстоятельств, непоколебимое мужество среди величайших искушений и скорбей, материнская заботливость, сердечная теплота к сродникам, а главное, безусловное во всем смирение – вот нравственные совершенства, постоянно проявлявшиеся в Ней от младенчества до успения.

Об избрании двенадцатого апостола на место Иуды и о том, что утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для христианства

Филарет, митрополит Московский. «Слова и речи», т. 5

По вознесении Господа нашего Иисуса Христа на небо первым делом первенствующего между апостолами Петра было дополнить двунадесятое число апостолов, из которого, как они скромно выразились, *испаде Иуда ити в место свое* (Деян. 1:25). Святой Петр предложил о сем собранию церковному, в котором находилось около ста двадцати мужей. Собрание наименовало двух достойных, а из них, по молитве, посредством жребия, решительно избран Матфий *и причтен бысть ко единонадесяти апостолом* (26).

Вероятно, для сего священного действия святым Петром избран был и день священный – день, который в книге Деяний апостольских, по иудейскому счислению времени, называется *единою от суббот*, то есть первым днем недели, и в который, как праздничный, *собирались* христиане *преломити хлеб* (Деян. 20:7), то есть совершать таинство причащения Тела и Крови Христовой, словом – день воскресный. Сей день надлежало избрать и для того, чтобы иметь более полное собрание церковное, которое не могло быть одинаково полно во дни непраздничные.

Слова, которыми апостол Петр предложил об избрании двенадцатого апостола, возбуждают особенное внимание и размышление. Он говорил: *подобает убо от сходившихся с нами мужей во всяко лето, в неже вниде и изыде в нас Господь Иисус, начен от крещения Иоаннова даже до дне, в онъже вознесеся на небо от нас, свидетелю воскресения Его быти с нами единому от сих* (Деян. 1: 21, 22).

Требуется человек, который вместе с апостолами следовал за Господом Иисусом во все годы торжественного на земле служения Его спасению рода человеческого от дня крещения Его во Иордане до дня вознесения Его на небо. Такой человек назначается вместе с прочими апостолами быть *свидетелем*. Чего? Не того ли, что он видел во все сии годы? Крещения, в котором Иисус Богочеловек открыт и свидетельствован небесным гласом Бога Отца и сошествием Святого Духа? Учения, которое Он потом преподал? Чудес, которые Он сотворил? Пророчеств, которыми проявил Свое Бо-

жие всеведение? Царского входа в Иерусалим? Его страданий и смерти? Его славного вознесения на небо? Не то говорит св. Петр. Он требует очевидца всех сих дел и событий, но помимо сих дел и событий назначает избираемому, равно как и себе и прочим апостолам, один только предмет свидетельства: *свидетелю воскресения Его быти с нами.*

Здесь размышляющему представляется вопрос: почему святой Петр поставляет себя и прочих апостолов свидетелями только воскресения Христова, когда они могли и должны были свидетельствовать не о сем только, но и о всем житии, деяниях и учении Христа Спасителя, без чего и не могло быть полно и удостоверительно свидетельство о Его воскресении? Это не вопрос любопытства, но путь к наставлению.

Святой Петр признает потребность апостольского свидетельства не об одном воскресении Христа Спасителя, но и о всем Его житии, деяниях и учении. Сие видно из того, что он для апостольского служения ищет очевидца Христова жития от крещения до вознесения на небо. Из сего надлежит заключить, что святой Петр, называя апостолов *свидетелями воскресения* Христова, не думал устранить другие предметы апостольского свидетельства, но только для краткости наименовал один из них, подразумевая и другие, с ним связанные, преимущественно же указал он на воскресение Христово, конечно, потому, что свидетельство о сем было для апостолов предметом особенного внимания и подвига.

Утверждение веры в воскресение Христово есть дело великой важности для христианства и для христианина.

Главная сила христианства состоит в том, чтобы признать Господа Иисуса Спасителем мира, согрешившего против Бога и Богом осужденного на смерть. А чтобы с полною надеждою признать в Нем сие могущественное качество, для сего нужно совершенное удостоверение, что Он есть Единородный Сын Божий и истинный Бог, потому что хорошо сказано, хотя и нехорошими людьми сказано: *кто может оставляти грехи, токмо един Бог?* (Лк. 5:21). Только милосердие Бога Сына может представить достойное удовлетворение оскорбленному величеству и правосудию Бога Отца, только Бог может возвратить жизнь осужденным на смерть Богом.

Но сильнейшее удостоверение о Божестве Иисуса Христа заключается в Его воскресении. Сию мысль подал Он Сам. Когда иудеи, удивленные необычайной властью, которую показал Он, изгоняя из храма продающих и покупающих, спросили Его: *кое знамение являеши нам, яко сия твориши?* — то есть каким чудом докажешь, что Бог дал тебе власть над храмом Своим? Тогда он, преимущественно перед другими чудесами Своими, указал на чудо Своего воскресения. И рече им: *разорите церковь сию, и треми денми воздвигну ю* (Ин 11: 18, 19), то есть в третий день воскресну. В самом деле, чудеса, которые творил Господь Иисус во время земной жизни Своей над други-

ми, даже и самое дивное из них – воскрешение мертвых, творили и пророки, хотя не с таким полномочием, как Он. Так, Илия молился: *Господи Боже мой, да возвратится убо душа отрочища сего в он* (3 Цар. 17:21), но Иисус повелел: *Лазаре, гряди вон* (Ин. 11:43) из гроба. Однако сего различия иные могли не приметить и потому могли познать в Иисусе Пророка и Посланника Божия и еще не познать в Нем Единородного Сына Божия. Но никогда не было и не можно представить возможным того, чтобы человек воскресил сам себя, и потому самовоскресением Господа Иисуса дано совершеннейшее удостоверение в том, что Он есть истинный Бог, владычествующий жизнью и смертью, и Божественный Спаситель, имеющий могущество воскресить всех человеков умерщвленных прегрешениями.

Жизнь святого апостола Матфея

И. Крылов. «Жития 12-ти апостолов»

Святой апостол Матфей родился в Вифлееме и происходил от племени Иудова. С детских лет он учился Закону Божию в Иерусалиме у св. Симеона Богоприимца, который научил его добродетельной жизни, и св. Матфей жил богоугодно. Когда минуло тридцать лет Господу нашему Иисусу Христу, Он крестился от Иоанна во Иордане и, явив себя миру, собрал учеников, проповедовал приблизившееся Царствие Божие, учил народ и творил множество знамений и чудес. Тогда Матфей, слыша проповедь и учение Христовы и видя Его чудеса, воспылал к нему любовью, презрел всю суету мира сего, последовал за Христом с учениками Его и с народом и наслаждался лицезрением воплощенного Господа и слышанием глаголов Его. Господь, видящий все тайны сердца человеческого, видел усердие к Себе св. Матфея и его чистую совесть и избрал его не только в ученики Свои, но и в апостолы. Св. Матфей был в числе семидесяти меньших апостолов, о которых пишется в Св. Евангелии следующее: «Избрал Господь и других семьдесят учеников и послал их по два перед лицом Своим» (Лк. 10:1). После же вольного страдания, воскресения и вознесения на небо Господа нашего Иисуса Христа св. Матфей причислен был к двенадцати главным апостолам Христовым.

По приятии Святого Духа, когда апостолы бросили жребий, кому в какую страну идти проповедовать Христа, св. апостолу Матфею выпал жребий проповедовать в Иудее. И трудился он там, обходил города и селения, благовествуя иудеям явившееся спасение миру. Как избранный сосуд Христов, он проповедовал имя Христово не в одной только Иудее, но и у язычников. Говорят, что он благовествовал Св. Евангелие и во внешней Ефиопии и претерпел там многие муки: его влачили по земле, били, вешали,

строгали ребра острым железом, жгли на огне, но все эти муки еще более укрепляли его в вере Христовой; он с радостью принимал их и переносил с мужеством.

Повествуют о св. апостоле Матфее, что он проповедовал Христа в Македонии, что там взяли его идолопоклонники греки и, желая испытать силу проповедуемой им веры, дали ему выпить отраву, от которой тотчас делались слепыми. Св. Матфей выпил ее во имя Христа и остался невредим. Но этого еще мало: и всех ослепленных тою отравою, числом более двухсот пятидесяти человек, он исцелил, возлагая свои руки на них и призывая имя Христа Спасителя. Не мог стерпеть этого диавол и, явясь язычникам в образе малого отрока, приказывал им убить ев. Матфея за то, что уничтожает богов их. Язычники хотели взять под стражу св. апостола, но не могли видеть его, хотя он ходил между ними, почему искали его три дня и не могли найти. Но потом св. апостол Матфей сам отдался в руки народу, тогда связали его и заключили в темницу. Там явились ему бесы, с яростью скрежеща зубами. Но в следующую ночь снисшел Сам Господь, окруженный неизреченным светом и, еще более утвердив дух его, освободил его от цепей, отворил двери темницы и дал ему свободу. Наступил день, и св. апостол снова предстал открыто среди народа и смело проповедовал Христа. Некоторые жестокосердые люди не только не уверовали по проповеди св. Матфея, но, озлобясь на него, хотели своими руками убить его, но внезапно разверзлась земля и пожрала их; оставшийся народ убоялся, уверовал во Христа и крестился.

После этого св. апостол Матфей снова возвратился в назначенную ему жребием Иудею и, проповедуя в ней Слово Божие, обратил многих израильтян к Иисусу Христу, уверив их знамениями и чудесами: именем Христовым исцеляя слепых и хромых, снова оживляя иссохшие члены, очищая прокаженных, изгоняя злых духов и возвращая к жизни умирающих. Св. Матфей, называя пророка Моисея святым, повелевая исполнять закон Богом данный на скрижалях Моисею, учил же вере во Христа, так как Его сам Моисей прообразовал знамениями, предвещали пророки и Бог Отец послал на землю воплощенного от Пречистой и Пренепорочной Девы Марии. Св. апостол при этом толковал израильтянам все пророчества о Мессии, уже сбывшиеся на Христе. В то время в Иудее был главным архиереем Анан, ненавидевший Иисуса Христа и гнавший христиан. Его-то повелением и св. Иаков, брат Божий, был сброшен с крыши церковной и убит. Когда св. Матфей проходил страну Галилейскую и, входя в сонмища иудейские, проповедовал Христа Сына Божия, ослепленные неверием иудеи, озлобясь на св. апостола, схватили его и привели в Иерусалим к этому самому архиерею Анану. Архиерей собрал лукавый совет иудейский и, представя на него св. апостола Матфея для допроса, так начал говорить собравшимся:

«И собрание это, и вся вселенная знают, до какого бесславия дошел род наш, но не мы причиною тому, а развращение некоторых людей, отпадших от нас, и лихоимство римских игемонов, а еще более — их жестокое обращение с нами. Недостойны и воспоминания люди, вводившие у нас новые ереси, которыми прельщалось столько тысяч народа: вы сами знаете, как они были убиты римскими воинами. С великим уничижением для рода нашего погибли прельстители и прельщенные. Такие ересеначальники были: Иуда Галилеянин и Февда волхв. Но когда они погибли, с ними погибла и память о них. Но больший всех их восстал ересеначальник — Иисус Назарянин, Который, называя себя Сыном Божиим и Богом, многих людей удивил Своими волшебными знамениями и чудесами и тем вполне привлек к Себе сердца их, уничтожил исполнение закона, но сам осужден по закону Им хулимому. Напрасно было бы и говорить об известном всякому из нас, что Сам Бог дал закон святому Моисею, и закон тот соблюдали патриархи и пророки, которым Бог подавал силу творить такие чудеса, каких не мог творить Иисус. Кто не знает, что Моисей говорил с Богом как с человеком; кому не известен Илия, взятый огненною колесницею в рай; кто не слыхал, что мертвый, положенный на Елисеевы кости, воскрес, и кто не знает, сколько чудес творили другие святые? Однако же ни один из них не дерзнул присвоить себе Божескую честь или выдумывать новый закон, как отважился Иисус. Пророки, научаемые Святым Духом, говорили смиренно; Иисус же говорил о Себе горделиво и укорял бесчестными словами князей и первосвященников, книжников и фарисеев называл лицемерами. Кто из пророков осмеливался на это? Но за гордость Свою Иисус обрел достойный конец, принял должное воздаяние за дела Свои. О, когда бы погибла с Ним и память о Нем и никто бы не восстановлял учения Его, с Ним умершего! Но как это больно для нас, что когда храм Божий, святой град и отеческие законы под игом римлян, никто не обращает внимания на участь нашу, никто не только не старается облегчить ее, но даже и не соболезнует о ней! Нас безвинно влекут на суд — и мы терпим; нас обольщают — и мы соглашаемся; нас грабят — и мы молчим, а галилеяне еще более предают нас в руки римлян, не стыдясь налагать на нас и на род наш Кровь Иисуса, будто бы безвинно нами осужденного. Поэтому пусть лучше погибнет невеликое число галилеян, а не это святое место и не весь род наш будет истреблен римлянами. Из двух зол, когда нельзя избавиться от обоих, надобно избирать легчайшее, и потому предстоящий перед нами ученик Иисусов достоин смерти; однако же пусть он прежде размыслит об этом: даем ему на это время, желая не погибели его, но исправления; пусть выберет он что-либо одно: или последует Закону, Богом данному чрез Моисея, и останется жив, или пребудет христианином и умрет». Св. апостол Матфей, воздев руки горе, сказал: «О той вине,

которую вы, братия, налагаете на меня, не надобно много и говорить, что я христианин, то не вина, но слава. Сам Господь говорит в пророчестве: «В последние дни *работающим Мне наречется имя новое*» (Ис. 65:15). Архиерей Анан возразил ему: «Как же не вина – ни во что ставить святой Закон, не почитать Бога, а слушать волшебные и пустые басни?» Святой апостол сказал: «Ежели выслушаете речь мою, то объясню вам, что проповедуемое нами – не басни и не волшебство, но сама истина, от века засвидетельствованная законом». Архиерей согласился выслушать. Тогда св. Матфей начал им из Ветхого Завета приводить те места, в которых многое преобразовательно предвещалось об Иисусе Христе и ясно было сказуемо, как обещался Бог праотцам Аврааму, Исааку и Иакову воздвигнуть от семени их такого Мужа, Которым благословятся все племена; это свидетельствовал и Давид, говоря: «Благословятся в Нем вся колена земная, и вси языцы ублажат Его» (Пс. 71:17). Как несгораемая купина прообразовала воплощение Его от чистой Девы, о которой пророчествовал Исаия: «Се Дева во чреве зачнет и родит сына, и наречется имя ему Эммануил, что значит: с нами Бог» (Ис. 7:14). Моисей же ясно предрек, говоря: «Пророка от братии твоея, якоже мене, восставит тебе Господь Бог твой, того послушайте во всем, что вам скажет» (Втор. 18:15). И тот же Моисей прообразовал вольное страдание Его вознесенным на древо змием в пустыне, а Исаия сказал: «Яко овча на заколение ведеся» и еще: «И со беззаконными вменися» (Ис. 53:12). Образом же трехдневного воскресения Его был Иона, невредимо исшедший из чрева китова. Так, св. апостол Матфей пространно изъяснил им сказанное об Иисусе Христе в их же еврейских книгах. Архиерей Анан не вытерпел сего, сильно разгневался на апостола и с яростью воскликнул: «Так-то дерзаешь разорять Закон? разве не знаешь, что говорит Писание: "Аще же востанет в тебе пророк, или видяй сон, и даст тебе знамение или чудо, и приидет знамение или чудо, еже рече к тебе, глаголя: идем да послужим богом иным, их же не весте: и пророк той, или видяй сон, да умрет"» (Втор. 13: 1–5). Св. Матфей отвечал на это: «Тот, о Ком говорим, не только Пророк, но и Господь пророков, Бог, сын Божий. Божество Его доказывается истинными знамениями, потому-то я уверовал в Него и надеюсь всегда непоколебимо исповедовать Его». Архиерей спросил св. Матфея: «Если дастся тебе время для размышления, покаешься ли ты?» Св. апостол отвечал: «Я не отступлю от истины, которую обрел однажды. Верую сердцем и исповедую устами, что Иисус Назарянин, Которого вы отверглись и предали на смерть, есть истинный Сын Божий, равен Отцу, с Ним соестествен и предвечен, и говорю смело: – Я раб Христов!» Тогда архиерей, зажав уши свои и заскрежетав зубами, яростно воскликнул: «Богохульствует, богохульствует! Пускай он услышит Закон!» Тотчас открыли книгу Закона и прочли то место, где написано:

«Человек, иже аще проклянет Бога своего, грех приимет: нарицай же имя Господне, смертию да умрет: камением да побиют его весь сонм израильский, да не пощадит его око ваше, яко да отымите злое от Израиля» (Лев. 24: 15–16). Когда прочли это, архиерей сказал св. апостолу Христову: «Ты сам свидетельствовал себя: кровь твоя будет на главе твоей». Сказав то, архиерей осудил св. Матфея побить каменьями. И был взят св. апостол и поведен на побиение. Когда привели его на место называемое Вефлаекила, то есть *дом побиенных каменьями,* то св. Матфей сказал ведшим его иудеям: «Лицемеры, как хорошо предрек об вас Давид: "Уловят на душу праведничу, и кровь неповинную осудят"» (Пс. 73:21). А Иезекииль говорит: «Умерщвляете души, *им же не подобаше умрети»* (Иез. 13:19). Когда проговорил это св. апостол, два свидетеля по закону положили свои руки на главу его и, засвидетельствовав, что он хулил Бога, Моисея и Закон, первые бросили в него каменьями. Св. Матфей просил их, чтобы брошенные ими два первых камня положили с ним в гроб – во свидетельство его страдания за Христа. После этого весь народ начал бросать каменьями в св. апостола, и он, воздев руки к небу, предал дух свой Господу. Когда св. Матфей уже был мертв, мучители, угождая римлянам, по римскому обычаю отрубили ему голову. Так, подвизавшись добрым подвигом, окончил свою земную жизнь св. апостол Христов Матфей. Христиане взяли честное тело его и похоронили с подобающей честью, славя Господа нашего Иисуса Христа .

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 1-й ГЛАВЕ

1) *Св. Иоанн Златоуст.* Беседа на начало Деяний апостольск. «Христ. Чт.», 1839, 2.

2) *Его же.* Из Беседы на Вознесение Господне. «Воскр. Чт.», 16.

3) *Прот. Полотебнов.* Общедоступноеистолковательное чтение. «Чт. в Общ.», 1873, апр. и дек.

4) Апостольское чтение в праздник Вознесения Христова (ст. 1–12). «Воскр. Чт.», 26.

5) Две Четыредесятницы Господни. «Воскр. Чт.», 19.

6) *Сион.* Воскр. Чт., 11.

7) *Акелдам* (ст. 19). Библ. поп. сл. «Воскр. Чт.», 1874, 1. О том же, *архиеп. Никифора.* «Чт. в Общ.», 1890, 1.

8) *Матфей* (ст. 23). Б. п. сл. «Воскр. Чт.», 1876, 2.

9) *Иннокентий, архиеп. Херсон.* О событиях на горе Елеонский (в слове на день Вознесения). Сочинения, т. 1.

10) Свод преданий об Успении Божией Матери. «Воскр. Чт.», 1.

11) Апостолы от Вознесения Господа на небо до сошествия на них Духа. *Св. прот. Горского.* Ев. история и история апостольской Церкви.

12) 1: 9–12. *Евсевий, архиеп. Могилевский.* Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола, ч. 1.

13) Ст. 12–26. *Его же.*

ГЛАВА 2

Свод текстов Священного Писания на День сошествия Святого Духа

«Воскресное чтение», г. 2

Пророчество:

И будет по сих, и излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят, и юноты ваши видения увидят. Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя во дни оны излию от Духа Моего (Иоил. 2: 28, 29).

Се аз послю обетование Отца Моего на вы: вы же сидите во граде Иерусалимсте, дондеже облечетеся силою свыше (Лк. 24:49).

Яко Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститеся Духом Святым, не по мнозех сих днех (Деян. 1:5).

Исполнение:

Сии вси бяху терпяще, единодушно в молитве и молении, с женами и Мариею, материю Иисусовою, и с братиею Его. И егда скончавашася дние Пядесятницы, беша вси апостоли единодушно вкупе. И бысть внезапу с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху седяще, и явишася им разделени языцы яко огненни, седе же на едином коемждо их. И исполнишася вси Духа Свята, и начашася глаголати иными языки, яко же Дух даяше им провещавати. Сие есть реченное пророком Иоилем (Деян. 1:14; 2: 1–4, 17).

Десницею убо Божиею вознесеся (И. Хр.), *и обетование Святаго Духа прием от Отца, излия сие, еже вы ныне видите и слышите* (Деян. 2:35).

Действия Духа Святого в сердцах апостолов

Аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будем с вами в век. Утешитель Дух Святый, его же послет Отец во имя Мое, Той вы научит всему и вспомянет вам вся, яже рех вам (Ин. 14: 16, 26).

Егда же приидет Утешитель, его же Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит, той свидетельствует о Мне (15:26).

Егда приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину: не от себе бо глаголати имать, но елика аще услышит, глаголати имать, и грядущая возвестит вам (16:13).

Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа иже от Бога, да вемы, яже от Бога дарованная нам. Яже и глаголем не в наученых человеческие премудрости словесех, но в наученых Духа Святаго (1 Кор. 2: 12, 13).

Кто бо разуме ум Господень, иже изъяснит и? мы же ум Христов имамы (2:16).

Яже (тайна Христова) *во иных родех не сказася Сыном Человеческим, якоже ныне открыся святым Его апостолом и пророком Духом Святым* (Еф. 3:5).

Глаголем премудрость Божию, в тайне сокровенную, юже предустави Бог прежде век в славу нашу, юже никтоже от князей века сего разуме. Нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует, и глубины Божия (1 Кор. 2: 7, 8, 10).

Действия Духа Святого в сердцах всех истинно верующих

«Воскресное чтение», г. 2

Пророчество:

Аз дам воду в жажду ходящим в безводней, наложу Дух мой на семя твое, и благословение мое на чады твоя, и прозябнет аки трава посреде воды, и яко верба при воде текущей. Сей речет: Божий есмь, и сей возопиет о имени Иаковли (Ис. 44: 3–5).

Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. (*Сие же рече о Дусе, его же хотяху приимати верующий во имя Его. Не убо бе сошел Дух Святый, яко Иисус не убе прославлен.*) (Ин. 7: 38, 39).

По днех онех, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу я, и буду им в Бога, и тии будут ми в люди. И не научит кийждо брата своего, глаголя: познай Господа; яко вси познают Мя от мала даже и до велика их (Иер. 31: 33, 34).

Исполнение:

Спасите нас банею паки бытия и обновления Духа Святаго, его же излия на нас обильно Иисусом Христом, Спасителем нашим (Тит. 5: 5, 6).

Иже и запечатле нас и даде обручение Духа в сердца наша (2 Кор. 1:22).

Не весте ли яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас (1 Кор. 3:16)?

Славы и Божий Дух на вас почивает (1 Пет. 4:14).

И вы помазание имате от Святаго, и весте вся. И не требуете, да кто учит вы: но яко то само помазание учит вы о всем, и истинно есть, и несть ложно: и якоже научи вас, пребывайте в нем (Ин. 2: 20, 77).

Дух способствует нам в немощех наших: о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанными (Рим. 8:26).

Цель и плоды сошествия Св. Духа

I. Для апостолов

И аз умолю Отца, и иного Утешителя даст вам, да будет с вами в век (Ин. 14:16).

Утешитель же, Дух Святый, его же послет Отец во имя Мое, той вы научит всему и воспомянет вам вся, яже рех вам (14:26); *наставит вы на вcяку истину: не от себе бо глаголати имать, но елика аще услышит глаголати имать, и гряду-*

щая возвестит вам. Он Мя прославит, яко от Моего приимет, и возвестит вам (Ин. 16: 13, 14).

Яко Иоанн убо крестил есть водою, вы же имате креститися Духом Святым, не по мнозех сих днех (Деян. 1:5); *приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели во Иерусалиме же и во всей Иудее и Самарии, и даже до последних земли* (1:8).

И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати (2:4).

II. Для всей Церкви

Возшед на высоту, пленил еси плен, и даде даяния человеком. Сшедый, той есть и возшедый превыше всех небес, да исполнит всяческая. И той дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учители, к совершению святых, в дело служения, в созидание Тела Христова (Еф. 4: 8, 10–12).

Комуждо же дается явление Духа на пользу. Овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума о том же Духе; другому же вера тем же Духом; иному же дарования исцелений о том же Духе; другому же действия сил, иному же пророчество, другому же рассуждения духовом, иному же роди языков, другому же сказания языков. Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якожехощет (1 Кор. 12: 7–11).

III. Для каждого верующего

Знаменастеся Духом обетования Святым иже есть обручение наследия нашего, во избавление снабдения, в похвалу славы Его (Еф. 1: 13, 14).

Или не весте, яко телеса ваша храм живущего в вас Святаго Духа суть, егоже имате от Бога, и несте свои (1 Кор. 6:19)? Созидаетеся в жилище Божие Духом (Еф. 2:22).

О сем разумеем, яко пребывает в нас Бог, от Духа, егоже дал есть нам (1 Ин 3:24).

Общение Святого Духа со всеми вами (2 Кор. 13:13); вси единем Духом напоихомся (1 Кор. 12:13).

Не приясте Духа работы паки в боязнь; но приясте Духа сыноположения, о немже вопием: Авва Отче! Самый Дух спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия. Начаток Духа имуще, и мы сами в себе воздыхаем, всыновления чающе избавления тела нашему. И Дух способствует нам в немощех наших: о чесом бо помолимся, якоже подобает не вемы, но сам Дух ходатайствует о нас, воздыхании неизглаголанными. Испытаяй же сердца весть, что есть мудрование Духа, яко по Богу ходатайствует о святых (Рим. 8: 15, 16; 23: 26, 27).

IV. Для мира

И пришед Он (Дух Св.) *обличит мир о гресе, и о правде, и о суде. О гресе убо, яко не*

веруют в Мя; о правде же, яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене; о суде же, яко князь мира сего осужден бысть (Ин. 16: 8–11).

Егда же приидет Утешитель, его же Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит. Той свидетельствует о Мне (Ин. 15:26).

Учение о сошествии Св. Духа
(из богослужебных песней Пятидесятницы)

«Воскресное чтение», г. 16

I. Призывание к торжеству:

Попразднственный вернии, и конечный праздник празднуим светло: сей есть Пятидесятница, обещания исполнение и предложения *(утр. праздн. седал.)*.

Яко на некасаемую превосходяще гору, не боящеся огня страшаща, приидите и станем на горе Сионстей, во граде живаго Бога, духоносным учеником ныне сликующе *(кан. празд. п. 8)*.

Пятидесятницу празднуем и Духа силу, и истинную радость, божественныя надежды совершение, и таинства еже от века явившагося нам *(стихир. веч. праздн. и в среду)*.

II. Пророчество о сошествии Святого Духа:

Пояху Пророк, духонасыщенная уста, твое телесное, о Царю, пришествие, и Дух от недр Отчих произшедший, несозданный, зданнодетелен, сопрестолен Тебе *(кан. п. 8)*.

Божественное учение возгреме видяй видения божественный Иоиль, богоначальнейшаго излию, рек, якоже Слово, Духа моего *(там же, п. 7)*.

На палящей древле огненной колеснице, ревнитель и огнедохновенный радуяся носим, еже ныне возсиявшее дохновение свыше апостолом являше *(там же, п. 9)*.

III. Исполнение пророчества:

Духа божественный дар излияся на всяку веровавшую плоть, якоже древле пророк зрительне радуяся предвозвести *(четв. блажен., п. 9)*.

Преславная днесь видеша вси языцы во граде Давидове, егда Дух сниде Святый во огненных языцех: собранным учеником Христовым, бысть шум, якоже носиму дыханию бурну и исполни дом, идеже бяху седяще, и вси начаша глаголати странными глаголы (*утр. хвалитн.*).

Тогда еврейския дети зряще, ужасахуся ужасом, слышаху бо я вещающа иными странными языки, якоже Дух подаяше им *(стих. на литии)*.

Не разумеюще языцы, Господи, Пресвятаго Духа на апостолы Твоя

бывшия силы, изменение язык пиянство быти мняху *(утр. стиховн.)*; языки бо глаголящих огненными свою кийждо беседу слышаше *(понед. утр. седал.)*.

IV. Божественные свойства и сила Святого Духа

Дух Святый свет и живот, и живый источник умный: Дух премудрости, Дух разума, благий, правый, умный, обладаяй, очищаяй прегрешения, Бог и боготворяй, огнь и от огня происходяй, глаголяй, деяй, разделяй дарования, имже пророцы вси и божественнии апостоли с мученики венчашася *(стих. хвалитн.)*. Господь животворящ есть Дух, самодвижим, самовластен, разделяя, якоже хощет даров раздаяния, самовладычен, самоповелителен, безначален *(повечер. 50-цы, п. 8)*.

Действовал еси первее во ангельских воинствах, священие даруя и просвещая Божества молниями, Душе Святый – пророки показал еси могущия прозрети будущих предведение *(суббот. блажен, п. 6)*.

Непостижим есть Дух Всесвятый, преходит всяк ум и смысла скорость, яко веков всех древнейший – присно сый, пучина богатства неизмеримая, всесильный *(четв. блажен., п. 4)*. Имже и носятся и держатся вся, животом содержатся, и живут, и пребывают, и спасаются *(сред. веч. стиховн.)*.

V. Отношение Святого Духа ко Отцу и Сыну

Дух Святый бе убо присно и есть и будет, ниже начинаем, ниже престаяй, но присно Отцу и Сыну счинен и счисляем – имже Отец познавается и Сын прославляется *(ст. хвалитн.)*.

Бяше исходен от нерожденна Света всесильный сияющий Свет, егоже Сыном отеческия власти ныне являет сраслленое озарение *(кан. праздн., п. 3)*; Дух благий, дух премудрости Божия, Дух от Отца исходяй и Сыном верным нам явлейся подавателен *(там же, п. 5)*.

Дух Святый Бог, сраслен и сопрестолен Отцу и Слову познавается, Свет пресовершенный от Света просиявый от безначальнаго совершеннаго Отца *(сред. веч. стиховн.)*. Исходящаго от безначальнаго Отца несомненно, на Сыне же почивающаго Пресвятаго Духа вернии славословим *(пят. блажен., п. 5)*.

VI. Действие Святого Духа в апостолах

Ангельские лики освящаяй и сих чины окормляяй, яко благ, сей ныне с небесе сошед, божественными блистанми премудры апостолы упремудрив, вселенней посла *(вторн. блажен., п. 9)*.

Ныне облачатся державою Христовою с высоты апостоли; обновляет бо их Утешитель, в них обновляяся таинственным обновлением разума *(вечер, в нед. 50-цы Стиховн.)*. Языками инородных обновил еси, Христе,

Твоя ученики, да теми Тя проповедят бессмертнаго Слова и Бога *(вечер. праздн. стихир.)*. Чистыя приятелища божественныя благодати и божественныя зари нескверная зерцала мудрыя Твоя ученики показал еси боголачальным Духа сиянием *(суббот. блажен., п. 2)*, исполняя их блаженнаго учения Твоего *(вторн. веч. стиховн.)*.

Апостолы вся божественнаго Утешителя сила премудры и богословцы показа *(понед. веч. стиховн.)*. Спасовы рачителие радости исполнишася, и дерзновение прияша прежде боящийся *(сед. по 3-й песни)*. Дух Святый на сия пришед видом огненным огнедохновенныя сия показа, вещании тайными учения тройческая витийствующия *(вторн. веч. стих.)*. Огнь чистительный учеников ороси сердца. Духа сходящая роса с небеси, Слова самовидцы просвети *(четв. блажен., п. 9)*. Глаголавый во пророцех иногда, Утешителю, соделал еси ныне небеса, вещающия Слову Божию, божественныя апостолы *(четв. утр. стиховн.)*.

VII. Плоды сошествия Святого Духа для всего мира

Духа источник, пришед на землю, – апостолы орошаше, просвещая, – имиже мы прияхом благодать огнем же и водою. Свет прииде Утешителя и мир просвети *(утр. седал.)*. Небеса одушевленная поведают днесь Спасова величия и весь мир проидоша, ясно проповедати Утешителеву божественную силу и просветиша всю тварь ученми *(сред. веч. стих.)*. Тем же землю освятиша Богу Творцу, несвященная посекше, яко исчезнути оружием лукаваго и спастися душам *(вторн. веч. стих.)*.

Егда снизшед языки слия, разделяше языки Вышний, егда же огненные языки раздаяше, в соединение вся призва *(конд. праздн.)*.

Начаток Божества ныне дарует естеству перстному Дух Отчий и Единородному неотчужденный *(пят. блажен., п. 9)*. Днесь излиял еси, Спасе, Утешителя Твоего Духа дарования, подав человеческому естеству пророчествовати и Троице поклонятися *(вторн. веч. стиховн.)*. Утешителя послал еси миру всех грехи божественным огнем попалити и дати нам еже к Нему общение истинное *(понед. веч. стихир.)*.

VIII. Молитва к Святому Духу

Царю небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны, и спаси, Блаже, души наша *(стиховн. праздн.)*. О Душе премудрости и страха Божия, истины, совета и разума, мир подаваяй, вселися в ны – подаждь святьбу нам и просвещение – покажи достойны Твоего осияния и светом Твоим боговиднейшим сотвори нескверны зерцала *(повеч. 50-цы, п. 5, 6)*.

Душе правый, на пути правый настави Тебе богословящия *(вторн. блажен.)*.

Хотением твоим дарования раздаваяй ниже хощеши, Утешителю, Тебе

Бога знающим Твою благодать подаждь *(четв. блажен., п. 8)*. Свыше нам, Утешителю, пришед, яко прежде ко апостолом, освяти и спаси, Тебе Бога проповедающия *(веч. мал. 50-цы)*.

Сошествие Святого Духа на апостолов

Иннокентий, архиепископ Херсонский.
Сочинения, т. 1, 1872

1. Когда мы говорим, что Дух Святой сошел на апостолов, то первее всего должно помнить, что сошествие Его не должно представлять подобным *сошествию* или *пришествию* человеческому. Дух Святой, как Бог, есть вездесущ: Ему неоткуда нисходить и некуда приходить, Он и без того везде есть и все наполняет. Сходить, приходить – могут только существа ограниченные, а не Бог. Все эти выражения, как замечает св. Златоуст, употребляются о Боге по нужде, ибо на языке человеческом нет слов к выражению Божеских действий, как они суть сами в себе, и все эти выражения означают не что другое, как новое явление силы Божией, особенное откровение Его присутствия. Где сила Божия открывается, где Он ощутительно являет Свое присутствие, туда, по нашему слабому понятию и еще слабейшему выражению, Бог как бы приходит.

Итак, сошествие Святого Духа на апостолов, собственно говоря, есть не сошествие к ним Бога Духа, а явление силы Его в них, открытие в них Его особенного присутствия.

Равным образом, когда мы говорим, что Дух Святой сошел на апостолов и начал в них действовать, то не должно думать, чтобы Он не действовал прежде в роде человеческом. Дух Святой, как премудро воспевает Церковь, *бе присно, есть и будет.* Он был в ветхозаветных патриархах – Адаме, Ное, Аврааме и других, был в пророках, был во всякой душе чистой; всякий праведник имел Его; без Него никогда не совершилось ни одного истинно доброго дела.

Несмотря, однако же, на такое всегдашнее пребывание Духа Божия в святых Божиих человеках, не должно думать, чтобы по тому самому сошествие Его на апостолов не было что-либо особенно важное. Нет, оно чрезвычайно важно, чрезвычайно благодетельно для всего рода человеческого по следующим причинам.

В предвечном совете Божием о спасении погубленного грехом рода человеческого положено, чтобы Сын Божий, явившись в определенное время на земле, искупил Своею смертию людей от вечной погибели и по совершении сего величайшего дела вознесся на небо, дабы там наслаждаться славою Божественною. Почему Промысл не благоволил, чтобы Сын Божий оставался до самого скончания времен на земле, дабы видимо управ-

лять Своею Церковью, коей Он есть Глава и Господь, – о том мы за совершенно верное не можем сказать ничего, ибо сам апостол говорит только, что *небо должно было принять* Спасителя *до времени совершения всего* (Деян. 3:21), а почему так, не говорит ничего. Для нас в этом отношении довольно помнить слова Спасителя к ученикам, скорбевшим об Его отшествии: *лучше, дабы Я отшел от вас,* и, помня их, верить, что действительно лучше, дабы Спаситель наш был на небе, а на земле с нами был Дух Святой.

Итак, поелику пребывание Спасителя на земле долженствовало быть кратко, то в том же предвечном совете Божием положено, чтобы по отшествии Спасителя на небо, пришел Дух Святой, дабы, так сказать, заняв Его место, совершить то, что Им начато, соделать апостолов способными к проповеданию Евангелия всему миру, расположить сердца людей к принятию их проповеди, научить их живой вере в заслуги Искупителя, сообщить им новые духовные силы к исполнению нового закона благодати; кратко: усвоить роду человеческому те божественные дары, кои приобретены для него страданиями Сына Божия. Посему сошествие Святого Духа на апостолов есть как бы торжественное вступление Его в высокую должность Освятителя грешного рода человеческого, есть торжественное освящение новой, всемирной, вечной Церкви, такое освящение, после коего Освятитель уже начал в ней действовать видимо и постоянно.

А из сего само собою откроется, как важно и благодетельно для всего рода человеческого сошествие Святого Духа на апостолов. Если бы Он не сошел на них, то дело Спасителя рода человеческого осталось бы несовершенным; апостолы пребыли бы неспособными проповедать Его всему миру; мир не знал бы о своем Спасителе; не было бы в мире христианской веры, и праотцы наши и мы все остались бы во тьме идолопоклонства.

2. Как все важнейшие события в царстве благодати были предварительно предсказаны пророками, дабы люди, зная, чего надеяться, тем тверже надеялись, так и сошествие Святого Духа было предсказано неоднократно.

Так, еще за 600 лет Бог, утешая, по случаю глада, народ израильский через пророка Иоиля, говорил, что Он не только подаст им хлеб насущный, но и в последние дни, то есть во дни пришествия Мессии, излиет Духа Святого на всякую плоть (Иоил. 2: 28–29). Подобное сему говорил Бог и через пророка Иезекииля (Иез. 36:26).

Но современники сих пророков, алкая хлеба телесного, мало заботились о пище духовной, и утешительное предсказание не тронуло сердец преданных страстям.

Иоанн Предтеча, по долгу звания своего приготовляя иудеев к сретению Мессии, приготовлял их и к принятию Духа Святого. Неоднократно объявлял он, что после его крещения водою вскоре откроется крещение Духом Святым и что последнее крещение несказанно важнее первого (Мф.

3:11). Но и это возглашение не произвело в сердцах, иссохших от страстей, жажды Духа Святого. Никто и не спросил, что это за крещение, где и как обрести Его.

Сам Спаситель по временам указывал на будущее пришествие Святого Духа. Так. Он Никодиму, приходившему к нему ночью для научения, прямо сказал, что для получения Царства Божия непременно должно возродиться от Святого Духа (Ин. 3:3). Но сей учитель израилев так мало знал о Святом Духе, что, как известно, подумал, якобы ему говорят о новом рождении из утробы матерней.

Потом Спаситель в последний день праздника кущей (в который между прочими обрядами возливалась на алтарь вода из Силоамского источника) всенародно в храме проповедовал, чтобы всякий, кто жаждет, шел к Нему, потому что верующий в Него соделается сам источником воды живой (Ин. 7: 47–49). Это, как замечает евангелист Иоанн, говорил Он о Святом Духе. Но едва ли кто истинно понял Его, ибо между слушателями произошел спор о Его лице — и больше ничего.

Самые апостолы, питая надежду земного царства Мессии, мало думали (если только думали) о Святом Духе. И Спаситель, видя их неспособность, не говорил им о Нем или говорил весьма мало.

Но когда наступило время разлучиться Ему с учениками, Он в последней беседе, в навечерие Своей смерти, для утешения их не только открыл, что они вскоре получат Святого Духа, но и раскрыл благотворные свойства будущего Утешителя. «А оттого, — говорил Он, — что Мне должно оставить вас, сердце ваше исполнилось печалию, но Я истинно говорю вам, что лучше, дабы Я отошел от вас, ибо если Я не пойду, то Утешитель не приидет — Дух истины иже от Отца исходит. Правда Я еще имею много сказать вам, но вы не можете вмещать теперь. Когда же Он приидет, то наставит вас на всякую истину: Он научит вас всему, откроет вам самое будущее, напомнит все, о чем Я говорил с вами. Он уже не оставит вас, а пребудет с вами в век».

Ничего не может быть яснее сего предсказания, и ученики, по-видимому, успокоились. Но ужасная смерть Иисуса Христа, коей они при всех предсказаниях никак не могли согласить со своею надеждою Его земного царства, совершенно затмила в уме их обещание Спасителя: никто не думал о Утешителе, все только плакали и сокрушались!

Воскресение Иисуса Христа рассеяло облако печали, но не оживило желания пришествия Святого Духа. Ученики снова начали мечтать о земном царстве: *Господи*, вопрошали они его, *аще в лето сие устрояеши царствие Израилево* (Деян. 1:6), а аще в лето сие приидет Дух Святой, о том никто и не думал спрашивать.

Спаситель, видя крайнюю невнимательность учеников, снова обратил

их мысли и желание на Святого Духа, а чтобы они тем усерднее ожидали Его, предсказал, что Он придет спустя немного дней (Деян. 1:5); наконец, перед самым вознесением на небо запретил им и отлучаться из Иерусалима до Его пришествия – привязал их, так сказать, как малых детей, к тому месту, где должен был сойти на них Дух Святой.

3. В самом деле, благословение, коим Господь осенил учеников Своих, возносясь на небо, как будто сообщило совершенно новое направление их уму и сердцу. Утешитель, которого прежде так мало ожидали, соделался единственным предметом их мыслей и желаний. Никто и не думал оставлять Иерусалим, даже по домам не расходились, а пребывали все вместе. Всех было 120 человек (в том числе и Пресвятая Дева), но душа была одна, сердце одно. К крепкому единодушию присоединилась крепчайшая молитва. Несмотря на обещание Спасителя послать вскоре Святого Духа, непрестанно молились о Его сошествии; молились, потому что не почитали себя достойными столь великого дара; молились, ибо познали, что без молитвы не бывает ничего важного; молились, поелику самое стремление души к Святому Духу было уже чистейшею молитвою.

Когда апостолы таким образом, посредством единодушия и молитвы, неприметно для них самих приближались и возвышались к Святому Духу, наступил пятидесятый день после иудейской пасхи, день весьма торжественный, для празднования коего многие из набожных иудеев стекались в Иерусалим со всего света. Предметом празднества было воспоминание синайского законодательства, ибо в пятидесятый день по исходе израильтян из Египта дан был им закон на горе Синайской, дан, как известно, среди громов, молний и бурь. Сверх сего, в этот же самый день по закону приносились в жертву Богу начатки от жатвы, которая в Палестине оканчивается во время нашей весны.

Все иудеи по закону и усердию спешили во храм, но апостолы не почли нужным идти во храм, оставленный навсегда самим Господом храма, – пребывали в своем домашнем храме. Но священный день не мог не возбудить в их сердце еще святейших чувствований. Воспоминание сошествия Божия на гору Синайскую невольно возбуждало надежду, не сойдет ли в сей же самый день и обещанный Утешитель. А таковая надежда еще более распаляла сердца молитвою. 120 чистейших гласов неслись к небу! 120 чистейших сердец отверзлись для Утешителя! Огонь божественный уже начинал возгораться в их внутренности; Дух Святой уже подвигся в основании их существа, не мог далее сокрывать невидимого Своего присутствия – и сила благодати, через молитву, проторгалась сквозь силы видимой природы.

Вдруг услышали шум, какой бывает во время бури от сильного порыва ветра. Шум происходил с неба – с верхних частей воздуха, но вскоре про-

ник и наполния чистейшим веянием всю храмину, в коей находились ученики. В то же мгновение среди храмины, в воздухе, появилось множество языков огненного цвета: носясь над главами учеников, они опустились на них и опочили. «Если бы, — говорит святой Кирилл Иерусалимский, — кто увидел апостолов в это мгновение, то мог бы подумать, что на их главах огненные венцы» (Катих. 17).

Бурное дыхание было ближайшим предвестием, а явление огнецветных языков — видимым знамением пришествия Святого Духа. Будучи Дух чистейший, бестелесный, Он избрал чувственное знамение сие, дабы тем ощутительнее явить Свое присутствие. «Ибо, — рассуждает св. Григорий Богослов, — как Сын Божий явился на земле видимо, то и Духу Святому надлежало явиться видимо» (Беседа 44). Так и прежде, когда Он сходил на Иисуса Христа в Иордане, то избрал знамением Своего явления вид голубицы.

Нет сомнения, что Дух Святой не напрасно избрал теперь эти, а не другие знамения: у Премудрого ничего не бывает без цели. Какая же была цель? Огонь, по изъяснению отцов Церкви, выражал то действие, которое Дух Святой имел произвести и в апостолах, соделав их пламенными ревнителями веры и в целом мире попалив терние нечестия. Языки выражали дар слова, сообщенный провозвестникам Евангелия. Огонь и буря показали, что законодательство Нового Завета ничем не хуже Ветхого, которое дано было среди огня и бури, а кротость огня, почивавшего на апостолах, в сравнении с лютостью огня синайского — последний умерщвлял — являла, что Новый Завет исполнен милости и благодати, недостававших Ветхому.

Бурное дыхание и видение огненных языков продолжалось недолго, может быть, несколько мгновений, но Дух Святой навсегда наполнил собою души и сердца апостолов. О, кто изобразит, какое дыхание, какой огонь был в этих сердцах! Как они очищались, претворялись, обожались! Это было истинно новое, лучшее творение! В это мгновение сделано более, нежели во все пребывание учеников со Иисусом Христом, — более дано, более принято. Можно сказать, что весь мир, сам Иисус Христос действием Духа Святого как бы преобразился теперь в уме апостолов, ибо отселе они уже *не разумели никого по плоти*, между тем как прежде Самого Иисуса Христа разумели по плоти (2 Кор. 5:16) Может быть, если бы вопросить самих апостолов о сем состоянии, то они сказали бы не более того, что сказал св. Павел о своем пребывании в раю: *аще в теле, не вем, аще ли кроме тела, не вем: Бог весть* (2 Кор. 12:2)!

За первым чудом последовало другое, большее. Умея доселе говорить только на одном природном языке — еврейском и притом на самом простом наречии его, галилейском, апостолы и прочие верующие вдруг начали говорить теперь на всех тогда известных языках. Еще некому было слу-

шать их, но они все говорили и не могли не говорить: Дух Святой двигал уста, а слова лились сами собою, как вода льется из источника. Так и у св. Давида, когда на него сходил Дух Святой, сердце само собою *отрыгало слово благо, язык делался тростию книжника скорописца* (Пс. 44). Каждый говорил то, что Дух Святой давал ему провещавать; Податель был один, а дары различны: море благодати, так сказать, разлилось на источники, смотря по качеству сердец, — быстрые, медленные, шумные, тихие — более или менее глубокие, но во всех сердцах живые, светлые!

Апостолы вещали *величия Божия* (Деян. 2:11), то есть бесприкладные совершенства Божии, чудные дела Промысла, кои открылись теперь для них во всей полноте и свете. Кто бы не желал знать, что именно и как они вещали? Видеть, так сказать, первые опыты огненного вещания их. Но Промысл сокрыл от нас сие. Это было вещание для них самих, их благодарственная молитва. Для нас они начали вещать после, и вещание их пронеслось по всей вселенной.

О клевете неверовавших и о речи святого апостола Петра (ст. 12–41)

Иннокентий, архиепископ Херсонский.
Сочинения, т. 1, 1872

Мы видели действие Духа Божия, слышали гласы людей духовных, посмотрим теперь на действия мира, вслушаемся в голоса людей плотских.

Шум бурного дыхания, вероятно, слышан был не одними верующими; слышны были, конечно, на некоторое расстояние и гласы 120 человек, кои гремели во славу Божию. Потому многие из иностранных иудеев, пришедших на праздник, немедленно стеклись к храмине апостольской,

Все изумлялись! Во-первых, тому, что слышали апостолов, славословящих Бога на языках иноземных, между тем как молитвы обыкновенно совершались на священном языке еврейском; во-вторых — тому, что никогда не слыхали о столь высоких истинах, о столь святых чувствах, но всего более изумлялись оттого, что каждый римлянин, грек, африканец, индиянин — слышал свой природный язык, тогда как каждому было известно, что говорившие были все галилеяне, люди совсем незнакомые с иностранными языками. От удивления переходили к ужасу, ибо все видели необыкновенное, слышали чудесное, а никто не мог изъяснить того, что видел и слышал. *Ужасахуся же вси, и недоумевахуся, глаголюще: что убо хощет сие быти?*

Но скоро нашлись люди, кои вздумали (как и ныне нередко бывает) изъяснить другим то, чего сами совершенно не понимали. «Что тут, — говорили, — удивительного? Это действие вина заставило их забыть при-

личие – и вот они вольнодумствуют, молятся на простонародных языках, тщеславятся их знанием». *Инии же ругающеся глаголаху, яко вином исполнены суть.*

При всей нелепости этой клеветы в ней есть нечто стоящее благочестивого внимания. И ап. Павел противополагает Святому Духу, когда говорит: *не упивайтеся вином, но паче исполняйтеся Духом* (Еф. 5:18). Не напрасно сие противоположение. И Давид говорит, что праведники *упиваются от тука дома Божия* (Пс. 39:9). Не напрасно и это выражение. А невеста – верующая душа, описываемая Соломоном, говорит, что она *введена* была даже *в дом вина,* и призывает других *пить оное и упиваться* (Песн. 2:4; 5:1). Тут еще более тайны. Что же все это значит? Вероятно, то, что кто исполнен Святым Духом, кому Он *по достоянию дхнет,* тот бывает сам вне себя, и в действиях его, и в самом виде открывается нечто странное, выходящее из обыкновенного порядка, подходящее к тому, что усматривается в человеке в состоянии шумного веселья. Так, св. Давид, исполненный Духа Божия, с царским венцом на главе, подобно младенцу, скакал всенародно перед ковчегом завета (2 Цар. 6:16).

Но плотские люди не знают другого восторга, кроме чувственного; упоение Святым Духом, святое глумление от преизбытка благодати чуждо для них; они судят по своему опыту и – богохульствуют! *Ругающеся глаголаху, яко вином исполнены суть.*

Так и всегда мир заблуждается, когда берется судить о действиях святых Божиих человеков, когда подводит их под свои правила, под свой так называемый порядок, а в самом деле беспорядок вещей. Прочтите жизнеописания святых и вы увидите, что многие из них почитались людьми странными, лишенными если не ума, то благоразумия. Уже смерть открывала общее заблуждение и показывала всем, что их – *не бе достоин весь мир* (Евр. 11:38).

Таким образом, при самом сошествии Святого Духа снова подтвердилось слово Спасителя, что *мир не знает Его* (Ин. 14:17) (Он и никогда не узнает Его). Но вместе с сим оправдалось и то, что Дух Святой, *пришед, обличит мир о грехе* (16:8).

Слыша хулу иудеев, Петр с прочими апостолами стал пред ними и произнес обличительное слово. Кратко и просто было это обличение, но поелику устами Петра вещал Дух Святой, то слова его проникали сердца слышавших и победили их упорство. «Выслушав его, – повествует св. Лука, – они *умилились сердцем и сказали: братия, что же нам делать?»* (Деян. 2:37).

«Покайтесь, – отвечал святой Петр, – *и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа, и вы* не только будете прощены, но и сами *получите дар Святого Духа; ибо обетование Святого Духа дано не нам одним, а и вам, и чадам вашим, и всем дальним, кого ни призовет Господь Бог наш* (Деян. 2: 38–39).

После сего иудеи немедленно покаялись, уверовали, окрестились – и новая Церковь из 120 выросла до 3000 человек. Так окончилось событие нами празднуемое – полным торжеством Святого Духа над неверовавшими!

Сошествие Святого Духа на апостолов

Фаррар. «Жизнь и труды святого апостола Павла», т. 1

Было раннее утро. Прежде чем «третий час дня» вызвал всех в храм на утреннюю молитву (то есть 9-й час утра (ср. Лк. 24:53; Деян. 2:46; 3:1), верующие, в числе ста двадцати человек, собрались еще раз, по обычаю, в «верхней горнице». Некоторые из писателей воображают, что великое событие первой Пятидесятницы совершилось в храме. Слово οἶκος, в переводе «дом» (Деян. 2:2), может означать и «комнату», так что Иосиф употребляет его для означения каждой из тридцати небольших комнат, пристроенных к Соломонову храму, и тридцати других, расположенных над первыми. Но нет никакой возможности представить себе, чтобы бедные и подозрительные ученики презираемой секты получали право располагать этими комнатами для своих религиозных собраний, да и ни одна из комнат при Иродовом храме, если они были не более тех, какие находились при храме Соломоновом, не могла вместить всего количества собравшихся верующих. Одновременность празднования в храме и готовившегося вне его события имела великое нравственное значение, потому что совершение такого торжественного события не в храме, а в обыкновенном доме служило видимым предзнаменованием тех дней, когда не на Сионе и не на Гаризине только «будут люди поклоняться Ему в духе и истине» (Ин. 4: 21–23).

Когда сердца собравшихся пылали горячею ревностью и сияли какою-то неопределенною надеждою – внезапно среди восторженного собрания явилось желанное знамение. Во вдохновенных сердцах своих они восчувствовали обещанное Спасителем крещение Духом Святым и огнем, высшие побуждения Духа и Силы – вечное доказательство для них и, по непрерывному преемству от них, для всех, кто примет их слово, что тот, Кто взят был от них на небо, будет с ними всегда до конца мира.

С небес послышался шум как бы от несущегося сильного ветра, который наполнил весь дом, где они находились. И явились разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили на каждом из них (Деян. 2: 2–3). Это был не ветер, а только шум ветра в его бурном стремлении; это был не огонь, а нечто подобное колеблющимся языкам пламени, которые светились, но не жгли – верный символ Святого Духа, веющего, как ветер, там, где восхощет, хотя неизвестно, откуда приходит и куда уходит, возжигающего огонь любви на святом алтаре каждого верующего сердца и высказывающего нередко через косные уста невежд жгучие слова вдохновения.

Кто уразумел ясно рассказ об этом событии в Деяниях апостольских,

тот никогда не дозволит себе отрицать ту истину, что эта первая Пятидесятница была вечнопамятным моментом в судьбах человечества. С той поры в каждом веке встречаем мы сынов Божиих, удостоившихся благодати Всесвятого Духа в размерах дотоле неведомых. С той поры, как нам известно, живет в нас Дух Христов, посредством Которого мы вступаем в общение с Богом более близкое, чем то, какое даровано было святым ветхозаветным, – видим дни, которые желали видеть и не видали цари и пророки, слышим истины, которые бы они желали слышать и не слыхали. С этого великого дня восприняли всю свою силу новозаветные установления. Ибо в этот великий день сообщена была Божественная благодать и предоставлено апостольское звание не отдельно какой-либо личности, но преподаны дары Святого Духа всей вообще Церкви – с ее мужами, женами и детьми, чтобы все ее члены были «избранным родом, царственным священством, народом святым, людьми взятыми в удел» (1 Пет. 2:9); одним словом, духовные дары сделались достоянием всего человечества.

Но если мы от этих таинственных явлений обратимся к действию ими производимому, то будем иметь дело с предметами более знакомыми и убедимся, что наружный символ состоит в полной зависимости от внутреннего значения. Для более же верного понимания ближайших и отдаленных результатов этого явления возобновим в памяти то, что передается в Деяниях апостольских.

«И исполнились все Духа Святого, – говорит повествователь, – и начали говорить на других языках, как Дух давал им провещавать» (Деян. 2:4).

Ввиду, во-первых, того, что хотя св. Павел «более других говорил языками» (1 Кор. 14:18), однако в самую тяжкую для него минуту не понял языка ликаонского (Деян. 14: 12–14); во-вторых, того, что по древним преданиям св. Петру сопутствовал Марк в качестве «толмача» (ἑρμηνευτής), а Тит был полезен св. Павлу знанием греческого языка, многие из новейших западных богословов вместе с Оригеном предполагают, что речи произносились на одном языке, чудо же состояло в том, что каждый из слушателей слышал их на своем собственном, или толкуют так, что энтузиазм апостолов увлекал толпу, хотя они говорили на языке ей непонятном. Но нельзя не согласиться с мнением св. Златоуста, что наитие Святого Духа не сопровождается явлениями экстатическими, а если допустить толкование Оригена, то, по словам св. Григория Богослова, придется изъяснить слова деяний в совершенно превратном смысле. Ибо толкуя, что апостолы произносили речи на родном им языке, а каждый слышал их на своем собственном, надо допустить и то, что Дух Святой снизошел не на апостолов, а на слушателей, которые получили дар разуметь произносимое на языке незнакомом.

Не описаны речи, которые были произнесены учениками, но, судя по

их воздействию на народ, надо думать, что голос их был внушителен по его тону и модуляциям, по его поразительной, проникающей до глубины сердца и потрясающей душу силе. Произносимые ими слова были могучи, восторженны, исполнены таинственного значения и произносились не на природном языке, а на том, который кому внушен был свыше. Мысли их дышали умилением, благодарственною молитвою и изливались как бы в трогательном псалме или торжественном гимне. Речи их не были обращены к какой-либо личности, а уподоблялись вдохновенной беседе умиленной души с Богом. Сами говорившие, произнося внушенные им слова, чувствовали, что они говорят под влиянием одного общего восторга, служат отголоском пробужденным в разных личностях одним и тем же необъятым душевным волнением.

Как ни важно само по себе это видимое проявление Божественной благодати, однако же далеко уступает в силе и значении тому внутреннему воздействию, которое с этой поры упрочилось навеки. Ибо первое поразило толпу — последнее постоянно дает жизнь миру; первое привело в христианство многих, а последнее доселе сообщает каждому христианину силу для святой жизни; первое было новым, изумительным, странным душевным волнением нескольких личностей — постоянное влияние последнего дает крылья всякой верующей и любящей душе бесстрашно возноситься от земли к небу.

Иерусалим в это время наводняли толпы евреев и прозелитов. Само собою разумеется, что «шум» (Деян. 2:6) не мог не привлечь внимания мимоходящих. Век, который был веком сильного ожидания какого-то необыкновенного Божественного события; день, который был днем годовщины Пятидесятницы и воспоминаний о событиях на Синае; час, в который весь народ ходил по улицам, направляясь к службе в храм, — все это вместе способно было увеличить толпу и произвести в ней смятение.

Церковь, при самом начальном ее основании, увидела себе противника в мире, который громко заявлял свое недоумение открытой ненавистью и злобой. Лучшая часть толпы сознавала, что эти «галилеяне» прославляли странными языками благодеяния и силу Божии. Небольшая часть зрителей почувствовала презрение к тому, что казалось ей диким фанатизмом. Такие, глумясь, восклицали из толпы: «Эти люди слишком свободно предались празднованию Пятидесятницы» (ср. Втор. 16:11). «Они напились сладкого вина» (Деян. 2:13).

Колкость такой насмешки указывает нам причины внушившие апостолам необходимость немедленного объяснения (Деян. 2:15). «И духи пророческие, — как говорит св. Павел с тою практическою мудростью, которая в нем соединялась с пламенным энтузиазмом, — и духи пророческие послушны пророкам» (1 Кор. 14:32). Апостолы были способны не только

сдержать свой собственный восторг, но в это важное мгновение – водворить полное молчание среди восторженных братий. Они ясно видели, что погибало все, если хотя часть их богослужения даже в насмешку будет объяснена оргиастическими проявлениями беспорядочного разгорячения. Необходимо было с первого же раза доказать, что христианский ученик чужд всякого фанатизма. Апостолы выступили вперед, и св. Петр произнес слово. Стоя на возвышении и говоря таким тоном, который повелительно требовал молчания (Деян. 2:14), он прежде всего просил полного внимания и рассказал толпе, что ее грубое подозрение опровергается уже тем, что теперь только девятый час. Затем он напомнил ей пророчество Иоиля, что между прочими чудесами и знамениями последних дней будет наитие Святого Духа. «Ныне, – говорил Он, – это пророчество исполнилось и народ является свидетелем. Дух Святой действительно теперь ниспослан тем самым Иисусом Назореем (Деян. 2:22), Которого они пригвоздили к кресту, но Которого воскресение и освобождение от уз смерти предсказал в псалмах Его знаменитый предок».

Могучее слово проникло в сердца слушателей. Сила и бесстрашие, с каким произнес речь тот, кто так недавно при ничтожном вопросе любопытной служанки почувствовал страх, заставивший его отречься от своего Господа, вразумительное изъяснение Писания людьми, которые так недавно показали себя «несмысленными и медлительными сердцем» для уразумения того, что говорилось относительно Христа (Лк. 24:25), три тысячи крещенных тогда же во исповедание новой веры – все это представляло само собою доказательство, что теперь исполнилось обетование о ниспослании Утешителя и что начался новый век в отношениях Бога с миром. Нельзя не согласиться и с тем, что это доказательство было не менее убедительно, чем «шум как бы от несущегося ветра, разделяющиеся, как бы огненные, языки» и произносимые «на других языках» речи.

Сошествие Святого Духа

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1873

Сошествие Святого Духа есть первый вздох человечества Божественным Духом. Припомните пророчества Иезекииля о поле полном костей человеческих. Помните, как по слову его, совокуплялись кости с костями, как они покрывались потом жилами, плотию и кожею – но духа еще не было в них. И сказано было пророку: *прорцы о Духе – и прорекох*, говорит, и все ожило. Это поле костей есть образ падшего человечества, которое, в удалении от Бога, не имело в себе жизни и было без духа, как говорит апостол. Но Господь не оставлял его и приготовлял к принятию оживления разнообразными промыслительными действиями. Ко времени явления Христа Спасителя оно, можно сказать, совсем было готово принять но-

вую жизнь, походило на труп цельный, в котором кости совокуплены к костям и покрыты жилами, плотию и кожею — только духа не было в нем. В Евангелии говорится ясно, что время оживления его уже настало; оставалось немногое: *не у бе Дух Свят* — отчего? — *яко Иисус не у бе прославлен*. Но вот Господь воскрес, вознесся на небеса во славе; Божественный Дух сошел, и человечество ожило, дохнув Им. Апостолы, или вся собравшаяся в Сионской горнице Церковь, были только устами, которыми приняло человечество это первое вдыхание Духа.

Принятый в дыхании воздух обыкновенно проходит в легкие из большего канала все в более и более меньшие, пока дойдет до последних пределов. Таким образом, приемники живительных стихий воздуха суть легкие, а способ сообщения его живительности есть самое действие дыхания, совершающееся колебанием груди, или вдыхание и выдыхание. Так и по отношению к Духу Святому: дохнув однажды Божественным Духом, род человеческий дышит Им с тех пор непрестанно. Легкие, в которых это совершается, есть Св. Церковь; каналы в легких — это Божественные таинства ее и другие освятительные действия; колебание груди — это годовое движение всех священнодействий Церкви, например, Великий пост со всем чином своим, потом пятидесятидневные празднества, потом опять пост, и опять светлые дни, и так далее — точь-в-точь колебание груди. Так дышит Христова Церковь, или все и повсюду верующие христиане. А так как христианство — в человечестве, то все человечество и дышит в нем, хоть и не все причастно животворным действиям сего Божественного дыхания.

Причина этому та, что в одной части человечества повреждены органы дыхания, другая, большая часть, не подвергает себя влиянию этого благотворного дыхания, ибо как для того, чтобы дыхание производило полное свое действие в теле, необходимо, чтобы каналы легких не были повреждены и засорены, так и для того, чтобы Божественный Дух оказывал полное Свое действие, необходимо, чтобы органы, Им Самим учрежденные для сообщения Себя, были целы, то есть чтобы все Божественные таинства и священнодействия сохранялись в том виде, как они установлены свв. апостолами по внушению Духа Божия. Где учреждения эти повреждены, там дыхание Божественным Духом не полно и, следовательно, не имеет полного действия. Так, у папистов все таинства повреждены и многие спасительные священнодействия искажены; папство — это гноящееся легкое. У лютеран большая часть таинств отвергнута, оставшаяся — искажена и в смысле, и в форме. Лютеране походят на тех, у коих три четверти легких сгнило, а остальная дотлевает. Близки к ним, но еще поврежденнее, наши раскольники, хлыстовцы, молокане, вздыханцы и проч. Все они и подобные им не дышат или не полно дышат, потому суть тлеющие трупы или чахнущие, как чахнет тот, у кого расстроена грудь.

Однако не будем обольщать и себя тем, что мы обладаем здравыми орудиями дыхания Божественным Духом, то есть истинными священными таинствами и настоящим устроением Церкви. Без дыхания Божественным Духом нет жизни. Церковь дышит этим Духом, и мы все должны дышать Им. Уста, которыми приемлется Божественный Дух или отверзается сердце для принятия Его, есть живая вера; соприкосновение с Ним есть участвование в таинствах и священнодействиях по уставу Св. Церкви; усвоение Его есть действование по Его внушению, выражаемому в требованиях совести и в заповедях евангельских. Кто живет так — тот дышит Духом и оживляется Им. Верное же свидетельство одуховления есть молитва, которую справедливо называют дыханием Духа. Кто хорошо, собранно и тепло молится в церкви и дома — тот дышит Духом.

Сошествие Святого Духа на апостолов (2: 1–11)

Н. У-ский. «Воскресное чтение», 1864–65, № 8

По заповеди Иисуса Христа (Деян. 1:4), апостолы, а вероятно, и все те, которые по особенному смотрению Божию удостоились быть свидетелями Его вознесения на небо, ожидали обещанного Иисусом Христом обетования Отча в Иерусалиме, ежедневно собираясь в одном доме, сделавшемся известным после под именем *горней церкви* св. апостолов, и приготовляли себя молитвою к принятию великого дара (ст. 14). Нисшествие на них Святого Духа последовало в третий час (гл. 2, ст. 15) пятидесятого дня от воскресения Господня. И час и день в этом случае должны иметь свое значение. Дух Святой сходит днем во образ просвещения всех неверующих в Иисуса Христа, которые блуждали во тьме неведения об истинном Боге и истинном богослужении, как в ночи, а отселе, вследствие проповеди свв. апостолов, наученных Духом Святым (Ин. 16: 13, 25), настает для них день и свет полного боговедения; сходит в третий час дня да покажет тем, как выражено в песне церковной, три лица Св. Троицы; сходит в день Пятидесятницы, во-первых, для того чтобы показать, что закон Моисеев хотя дан был Триипостасным Богом, но что он тем же Триипостасным Богом и потому в тот же день заменяется новым законом благодати и, следовательно, перестает иметь силу окончательно и невозвратно; во-вторых, для того чтобы свидетельством самих иудеев, в тот день собравшихся в Иерусалим в великом множестве, утвердить для людей, не видевших сего события, и для времен последующих достоверность его, и, в-третьих, для того чтобы доставить апостолам удобный случай тотчас же явить силу приятого ими Духа и начать с успехом для собравшегося в Иерусалим народа порученное им от Господа великое дело благовестия.

Сошествие на апостолов Святого Духа предваряется некоторыми внешними явлениями. Внезапно, повествует св. Лука, сделался шум с небеси, яко *носиму дыханию бурну*, и наполнил весь дом, где они находились. Найти точное подобие этому явлению, как и всему сверхъестественному, невозможно, потому-то и св. повествователь не просто говорит: *бысть шум носиму дыханию бурну, но яко носиму*, опасаясь, чтобы кто-нибудь не смешал сего, поистине чудесного, явления с обыкновенным явлением природы. Слово *внезапу* здесь равносильно выражению: «в час, которого предусмотреть никто из них не мог». *Шум* должен был возбудить внимание учеников Господних к предстоящему событию и выражал самое присутствие и величие сходящего Бога Духа Святого. Шум сходит с *неба* в напоминание того, что Дух Святой нисходит по ходатайству Господа, вознесшегося на небо. Шум сей ощущался *яко бурное дыхание* ветра, потому что *Духу* Святому принадлежит это действие как внешнее выражение Его таинственного присутствия: Он, *Идеже хощет, дышит*, сказано в Евангелии (Ин. 3:8); *яко дыхание бурно* – это в знаменование величия ниспосылаемого дара. Шум сей *наполняет весь дом* и обнимает всех находящихся в нем, чтобы сотрясением внешних чувств им более раскрыть для приятия дара чувства их духовные. В эти минуты над апостолами совершалось таинство духовного возрождения их по обетованию Господа: *вы же имате креститися Духом Святым, не по мнозех сих днех* (Деян. 1:5).

Стою же, как и прежде, осторожностью в выражении говорит священный повествователь и об образе сошествия на апостолов Св. Духа, именно: не говорит *явишася им языки огненни, но яко огненни*, чтобы словом *яко*, с одной стороны, устранить всякую мысль о сходстве существа Святого Духа с существом огня, с другой – выражая действие Его подобием огня, обозначить ту таинственную и превосходящую всякое понимание силу Святого Духа, которою и тело и душа человека очищаются и перерождаются столько, что в этом отношении очистительная сила огня не может идти ни в какое сравнение. В каком же виде сошел Дух Святой? В виде *языков* – приспособительно к тому дару языков, который столько необходим был апостолам, имевшим проповедовать веру в Иисуса Христа *всему* роду человеческому, говорящему многоразличными языками; сошел в подобии *языков огненных* во образ того, что их проповедь будет полна благодати, то есть силы всеубеждающей, и что этою проповедью, как огнем, пожгут они плевелы ложных учений; сошел *в разделении – на каждого особо*, для убеждения их самих, что каждому из них даны от Бога все те средства, какие потребует от них их будущее служение.

Человеку облагодатствованному столько же естественно выражать своими действиями живущую в нем благодать Святого Духа, сколько естественно человеку живому дышать, двигаться и говорить. Поэтому и святые апостолы тотчас же, как Дух Святой сошел на них, стали иными людьми и

заговорили языками совершенно неизвестными им до того времени. Это не значит, что апостолы получили только дар говорить разными неизвестными им языками; нет, апостолы получили все дары Святого Духа, а обнаруживают теперь те только дары, которым нужно было открыться в них сообразно обстоятельствам окружавшим их. Так как необыкновенные явления, предшествовавшие сошествию на них Святого Духа, были замечены многими иудеями и пришельцами (прозелитами) из других наций, собиравшихся в Иерусалим из различных стран, то Духу Святому подобало открыть Себя через апостолов тем даром, которым они могли беседовать с ними, чтобы объяснить всем им значение настоящего события и обратить их ко Господу. Заметнее и поразительнее всех обнаружился при этом дар языков. Говорили же они так, *якоже Дух даяше им провещавати,* то есть произносили то, что влагал им в душу и уста Дух Святой. Слушающим беседы апостолов нельзя было и подумать, что слова их были словами обыкновенного разговора; нет, *их слышали глаголящими величия Божия,* то есть проповедующими великие дела Божии.

По закону Моисееву во время праздников Пасхи, Пятидесятницы и Кущей иудеи обязаны были для празднования их собираться в Иерусалим, ко храму Господню. Для иудеев Палестины это было легко, но для иудеев рассеяния, живущих в разных странах света, равно и для пришельцев (прозелитов) из разных стран, далеких от Иерусалима, исполнение этого требования было делом большой трудности; только по любви к Иерусалиму и храму и по ревности законной они презирают все трудности далекого путешествия и собираются теперь в Иерусалим на праздник Пятидесятницы. Поэтому они справедливо называются людьми *благоговейными.* За искреннюю их набожность они, по особому о них Промышлению Божию, удостаиваются быть свидетелями законоположения Завета Нового и в числе нескольких тысяч первыми присоединяются к Христовой Церкви. Иудеи и пришельцы эти называются собравшимися *от всего языка, иже под небесем,* в том смысле, что их было очень много и из многих стран, по которым рассеяны они были царями ассирийскими, вавилонскими, египетскими и римлянами. Называются же они мидянами, еламитами и др., потому что одни из них жили между этими народами, другие были пришельцами (прозелитами) из этих народов.

Почему Дух Святой сошел на апостолов в день Пятидесятницы?

Арсений, митрополит Киевский. Собрание слов и бесед, ч. 1

Почему именно в сей день, а не в другой какой-либо благоугодно было Богу ниспослать Пресвятого Духа на апостолов? Причина того заключается в

таинственном сближении преобразования с истиною прообразуемою. Закон Моисеев был, по намерению Божию, преобразовательною сенью закона духовного, христианского: *сень бо имый*, говорит апостол, *закон грядущих благ, а не самый образ вещей* (Евр. 10:1).

О даровании человеческому роду сего второго совершительного закона ясно и неоднократно предсказано было через пророков – Иеремию (31:33), Иезекииля (11:20) и Захарию (8:7), о чем вспоминая, апостол Павел в Послании к Евреям пишет: *укоряя бо их глаголет: се дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Израилев и на дом Иудов завет нов: не по завету, егоже сотворих отцем их, яко сей завет, егоже завещаю дому израилеву по оных днех, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их и на сердцах их напишу их: и буду им Бог, и тии будут Мне людие. Зане милостив буду неправдам их, и грехов их и беззаконий их не имам помянути ктому. Внегда же глаголет, нов*, объясняя сии пророческие слова, прибавляет апостол, *обветши перваго: а обветшавающее и состаревающееся, близ есть истления* (Евр. 8: 8–13). Значит, существенное отличие сего нового закона от прежнего будет состоять в том, что он свойства совершенно примирительного между Богом и человеком, ибо Бог обещает в нем забыть все их неправды и беззакония и стать для них Отцом, а их *нарещи* своими людьми, между тем как прежний закон был свойства обличительного и обвинительного: *Вемы же*, говорит апостол, *яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет: да всяка уста заградятся, и повинен будет весь мир Богови. Зане от дел закона не оправдится всяка плоть пред Ним: законом бо познание греха* (Рим. 3: 19, 20); во-вторых – в том, что он, по выражению апостола, *написан не чернилами и не на скрижалех каменных*, как прежний, *но Духом Бога жива, и на скрижалех сердца плотяных* (2 Кор. 3:3), – в самых мыслях и чувствах, ибо в пророческом слове Господь глаголет: *по днех онех сей завет дому израилеву дая законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу я, и буду им в Бога, и тии будут Ми в люди* (Иер. 31:33).

Когда же приличнее можно было написать сей новый закон в мыслях и сердцах человеков, как не в тот самый день, который ознаменован был изречением древнего законодательства, дабы показать и взаимное отношение сих двух законов между собою, и относительную их разность, и влияние на судьбу человечества? Так именно премудрый и всеблагий Бог и поступил, ниспослав в сей день Духа Своего Всесвятого на апостолов и в лице их – на всех верующих во Христа, которые уготовят себя в сосуд благопотребен для приятия сей высокой святости. И как при древнем законодательстве видны были на горе Синайской, ради схождения Божия, *огнь разгоревшийся, и облак, и сумрак, и буря* (Исх. 19: 16–20, слич. Евр. 12:18), так и при изглаголании нового закона Духом Святым сначала ощущено было внезапно бурное дыхание, потрясшее и исполнившее весь дом, *идеже бяху седяще* апостолы, а вслед за тем явились нисходящие с неба огненные язы-

ки, которые и воссели на каждом из них (Деян. 2: 1–3) и сообщили им способность говорить разными, доселе неведомыми им языками. Таким образом, древняя пятидесятница освятилась и утвердилась новым явлением силы и славы Божией и чрез то представила в себе новый случай и побуждение высокое – почтить и благоукрасить ее новым благолепным празднеством.

О том, почему Дух Святой сошел в десятый день по вознесении Господа

Прп. Максим Исповедник. «Воскр. чтение», г. 9

Знающие Св. Писание говорят, что так как, по свидетельству Дионисия Ареопагита, девять чинов ангельских, то Господь, восходя на небо человеческим естеством (по Божеству Он вездесущ), каждому чину уделил особый день, потому что и они нуждались в пришествии Господа, ибо, по словам апостола, *о Христе возглавлена всяческая, яже на небесех, и яже на земли* (Еф. 1:10), а после сего явился Богу Отцу, после чего и сошел Святой Дух.

Этот же вопрос можно решить и другим образом. Поелику Слово Божие сокрыто в десяти заповедях, то, когда оно осуществляется в нас, снисходя на нас посредством исполнения заповедей, он возвышает нас, возводя на высоту до тех пор, пока мы достигнем главнейшей заповеди, которая так гласит: *Господь Бог наш. Господь един есть* (Втор. 6:4). А когда ум наш, отрешившись от всего, или лучше, отвергнувшись всего, достигнет Бога, тогда, обожившись по благодати, получит огненные языки.

О том, почему Дух Святой сошел не тотчас по вознесении Иисуса Христа и почему Он явился в виде огненных языков

Св. Иоанн Златоуст. «Воскр. чтение», г. 14

Надлежит объяснить любви вашей, почему Христос не тотчас после своего вознесения даровал нам Св. Духа, но попустил ученикам ждать несколько дней и быть одним, а потом уже ниспослал благодать Духа. Не без причины и не без цели так сделано. Господь ведал, что люди не оценивают надлежащим образом и не считают великими благ, которые имеют, – сколько бы ни были велики и приятны сии блага – если наперед не испытали лишения их. Например (ибо сие нужно пояснить), здоровый не сознает и знать не может, какое благо для него здоровье, если наперед не испытал недуга. Кто видит свет дневной, тот не так бы удивлялся свету, если бы не наступала тьма ночью. Лишения всегда научают нас яснее понимать цену вещей, которые мы прежде имели. С сею же целью Господь действовал и в то время.

Ученики наслаждались бесчисленными благами в присутствии Его и благоденствовали, пребывая с Ним вместе, ибо все жители Палестины смотрели на них как на некие светила, за то что они воскрешали мертвых, очищали прокаженных, прогоняли бесов, исцеляли болезни и творили многие другие чудеса. Итак, поелику они вошли в столь великую славу, то (Господь) на малое время оставил их одних без содействующей силы, чтобы, оставшись одни, они дознали опытом, сколько благ они получали от благодати Господа в Его присутствии и — помня блага прежде бывшие — с большею охотою принимали дарование Утешителя. Поелику же они слышали сии слова Господа: *шедше научите вся языки* (Мф. 29:19), но недоумевали и не знали, куда кому нужно идти и какой стране проповедовать Слово, то Дух Святой сошел в виде языков, чтобы каждому отделить часть мира для проповеди и чтобы данным языком, как бы на некоей дщице, показать каждому пределы порученного ему начальства и учительства. Но не для сего только Дух Святой сошел в виде языков, а вместе и для того, чтобы напомнить нам древнюю повесть. Как в древности Бог, разделив языки, разрушил пагубный союз людей, которые в крайнем безумии захотели построить столп, достигающий неба, так теперь Дух Святой нисходит в виде огненных языков для того, чтобы соединить разделившуюся вселенную. И совершилось новое, необычайное дело: как в те древние времена посредством разделения языков мир разделился и беззаконный совет рассыпался, так и теперь, посредством разделения языков, вселенная соединилась и разделенные приведены в общение. Итак, вот для чего Дух Святой сошел в виде языков. В подобии же огня явились языки для того, чтобы попалить возросшее в нас греховное терние. Как влажная и тучная, но не возделанная земля произращает множество терний, так и наше естество, премудро сотворенное Богом, было способно к принесению плода добродетелей, но не взоранное ралом благочестия и не засеянное семенем богопознания, оно произрастило злочестие как некое терние и другую непотребную траву. Как лицо земли часто бывает покрыто множеством терний и других непотребных трав, так благородство и чистота нашей души были омрачены до тех пор, пока делатель человеческого естества, пришедши и ниспославши огонь Духа, не очистил его и не сделал способным к принятию небесного семени.

Об огненных языках и бурном дыхании ветра

Св. Иоанн Златоуст. «Воскр. чтение», г. 1

Егда скончавашася дние пятьдесятницы, беша вси Апостоли единодушно вкупе, и явишася им разделены языцы, яко огненны, седе же на едином коемждо их (Деян. 2: 1, 3). Это не были действительно огненные языки, но имевшие только вид огня. Я замечаю это для того, чтобы удалить от вас всякую мысль о том,

будто бы в явлениях Св. Духа есть что-либо чувственное. Как во время крещения Спасителя Дух Святой сходил на Него в виде голубя, хотя не был это действительно голубь, так и ныне Он сошел на апостолов только в виде огня, но не самым огнем, подобно как и шум дыхания бурного, предшествовавший появлению огненных языков, имел только сходство с дуновением ветра. И Иезекиилю сообщен был некогда дар пророчества, однако не в виде огня, но в виде свитка. Отчего такое различие? Оттого, что в свитке, данном Иезекиилю, *писана бѣша предняя и задняя и вписано бяше в нем рыдание, и жалость, и горе* против народа израильского (Иез. 2:10). А огонь, почивший на апостолах, долженствовал истребить грехи мира и обновить вселенную. Он должен был совершить над сердцами их то, что огонь производит на поле: падая на терние, он пожигает, уничтожает его и очищает поле!

Но иудеи вместо того, чтоб уступать свету, воссиявшему перед очами их, упорствуют в неверии и обвиняют свв. апостолов в нетрезвости. Какое различие неба от земли? Там ангелы, в минуту вознесения на небо, восклицали: *возмите врата князи ваша, возмитеся врата вечныя, и внидет Царь славы!* (Пс. 23:9), а люди при сошествии Св. Духа на землю принимают благодатные действия Его на сердца апостолов за действие вина!

Об огненных языках

Прп. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 1

Как закон в начале своем имел нужду в страхе, который бы побудил слушающих к хранению заповедей, и Бог вещал из среды огня, так и по воскресении Владыки и Спасителя нашего Дух Святой дан был апостолам в огне и предшествующем бурном дыхании, чтобы в обоих заветах познаваем был единый Бог, хотя и велико различие завета второго с первым, потому что первый довольствовался предписаниями преобразовательными, а последний просиял истиною вещей и догматов.

Почему Дух Святой сошел на апостолов в бурном дыхании ветра и в виде огненных языков?

Св. Димитрий Ростовский. «Воскр. чт.», г. 6

Дух Св. явился в бурном дыхании ветра. Ветер имеет силу отделять плевелы, то есть грешников, от праведных, которые именуются чистою пшеницей. Добрая пшеница был Ной и его семейство, а все современники их были плевелы, и Дух Св. отделил плевелы от пшеницы, то есть спас Ноя с семейством его и погрузил всех прочих в волны потопа; добрая пшеница был Лот, а содомляне были плевелы, и Дух Св. отделил плевелы от доброго семени, извел из Содома Лота и его семейство, а содомлян погубил огнем

жупельным. Опять ветер имеет такую силу, что не только отделяет плевелы от пшеницы, но искореняет высокие деревья: финики цветущие, кипарисы благовонные, дубы васанские и кедры ливанские; подобно сему Дух Св. ниспровергает и искореняет напыщенных, горделивых и высокомерных людей, которых пророк уподобляет высоким деревьям: *видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры ливанские, и мимо идох и се не бе, и взысках его, и не обретеся место его* (Пс. 36:35). Наконец, ветер имеет еще и такую силу, что проникает в расселины и пещеры подземные, очищает в них воздух от тлетворных паров, и — иногда, не находя выхода, движет и колеблет землю; так Дух Св., проникая в сердце человеческое, очищает его благодатным веянием своим от губительных страстей, воздвигает его от греховного сна и обновляет дух правый во утробе человека (Пс. 50:12).

Наконец, Дух Св. явился в виде огненных языков для того, чтобы дать апостолам слова огненные, ибо Слово Божие именуется в Писании огнем (Апок. 11:5). Еще же для того, дабы показать, что Он есть тот же самый Бог, Который в Ветхом Завете показался Моисею в купине огненной, изводил Израиля из Египта столпом огненным, являлся ему на дымящемся Синае, и Даниилу — на престоле огненном. Равным образом, через сие явление в виде огненных языков, Дух Св. показал свое единосущее со Христом Сыном Божиим, Который приидет некогда на землю, также в огне, судить живых и мертвых, как предсказал псалмопевец: *огнь пред Ним возгорится и окрест его буря зельна, призовет небо свыше и землю рассудити люди своя* (Пс. 49:3), и так свидетельствует апостол Петр: *небеса с шумом мимоидут, стихии же сжигаеми разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят* (2 Пет. 3:10).

Огненные языки

Протоиерей Нечаев, ныне епископ Виссарион
«Сборник для любителей духовного чтения». М., 1884

И явишася им разделени языцы яко огненни: седе же на едином коемуждо их (Деян. 2:3).

Явление Божества или Его силы в огне и пламени бывало и во времена ветхозаветные. Так, Господь явился Моисею в объятой огнем, но несгоравшей купине. Гора Синайская, когда сошел на нее Господь для провозглашения десяти заповедей, пламенела огнем (Исх. 19:18; Евр. 12:8). В том и другом случае явление Бога в огне свидетельствовало о Его неприступном величии и святости и располагало зрителей к благоговению и страху. Огнем Господь казнил жителей Содома и Гоморы (Быт. 19:24) — Надава и Авиуда, положивших в кадильницу огонь чуждый, не с жертвенника, вопреки повелению Господню (Лев. 10:2); Корея и его соумышленников (Чис. 16:35) и роптавших в пустыне израильтян (11:1). Во всех подобных случаях смертоносная сила огня свидетельствовала, что нельзя безнаказанно оскорблять

Бога нечестием, неповиновением Его святой воле и гордостью, что Он есть огонь поядающий (недостойных и грешных), Бог ревнитель (Втор. 4:24), не оставляющий без отмщения уничижающих Его, что страшно впасть в руки Бога живого (Евр. 10:31). Во время странствования евреев в пустыне Господь по ночам шел впереди их в столпе огненном и светом столпа указывал им путь (Исх. 13:21). Огонь чудесный нисходил от Бога на жертвы Аарона (Лев. 9:24), Давида (1 Пар. 21:26), Соломона (2 Пар. 7:1), Илии (3 Цар. 18:38). Прикосновением огня к устам Исаии Господь очистил его и соделал его способным очищенными устами возвещать народу израильскому грозные суды Божии и утешительные обетования (Ис. гл. 6). Во всех сих случаях огонь служил знамением и проводником благодати Божией, просвещающей, милующей, освящающей, очищающей.

Нельзя не признать некоторого соответствия между огненными явлениями силы Божией в Ветхом Завете и сошествием Святого Духа в виде огней. Подобно сим явлениям оно свидетельствовало о страшной и вместе благотворной силе Святого Духа.

Огни, сошедше на апостолов, не попалили, не убили их — они безвредно опустились на них и опочили; тем не менее они были знамением той страшной силы Св. Духа, орудием которой явились теперь апостолы. Господь Иисус Христос в одном из своих явлений апостолам по воскресении дунул на них и сказал: *приимите Дух Свят, имже отпустите грехи, отпустятся им, и имже держите, держатся* (Ин. 20: 22, 23). Не страшная ли сила сообщена апостолам в полномочии удержать грехи? Удерживать грехи — значит объявлять их непрощенными и, следственно, заслуживающими осуждения от Бога, а что не прощено на земле, то не прощается и на небесах: приговор о грешнике, произнесенный земным судиею человеческой совести, утверждается Судиею Небесным. Отчего же приговор этот получает столь страшную силу? Оттого, что произносящий его облечен силою Святого Духа: *приимите Дух Свят.* И вот сей самый Дух, которого лишь начатки сообщены апостолам дуновением Христовым, торжественно сходит на них в виде огненном и творит их орудием не только благотворной, но и страшной своей силы. Хотите ли видеть опыты этой страшной силы? Вспомните пример Анании и Сапфиры, дерзнувших солгать в лице апостолов самому Св. Духу; сей грех не прощен был им апостолом Петром, и суд Петра явно был судом Божиим: грешники тотчас пали бездыханными, и это страшное приключение навело ужас на всех верующих, ибо служило для всех видимым знамением страшной силы Св. Духа (Деян. 5: 1-11).

Поистине, Дух Святой есть огонь поедающий, но Он же есть огонь обладающий животворной силою. Не столько на страшную, сколько на животворную, благодатную силу Его указывает сошествие Его в виде огней. Мы можем судить о ней по сравнению с действиями вещественного

огня. Вещественный огонь светит и освещает предметы. И Дух Святой озаряет людей светом истины и ведения, ибо Он есть Дух истины, Дух премудрости и разума. Он или непосредственно открывает истину тем, которые прияли помазание от Святого, то есть от Него Самого, и потому знают все, что нужно для спасения (1 Ин. 2:20), и не дадут себя в обман сеятелям лжи, или научает истине через писаное Слово Божие, изглаголанное по Его же внушению святыми Божиими человеками (2 Пет. 1:21). Огонь согревает, и Дух Святой согревает Своею благодатию холодные к добру сердца человеческие. Им всякая душа, согретая Его благодатью, живится и духовную жизнь свою проявляет в чувстве любви к Богу, ибо любовь Божия излияся в сердца наши Духом Святым (Рим. 5:5), в теплой молитве к Богу с неизглаголанными воздыханиями, производимыми в ней Духом Святым (Рим. 8:25), в слезах умиления (Зах. 12:10), в любви, радости, мире, долготерпении, милосердии и проч., ибо все это есть плод Духа (Гал. 5:22). Без Духа Святого, без Его теплотворной силы мы были бы мертвы духовно. Огонь проникает во внутренность вещества, и Дух Святой нисходит в глубину человеческого сердца и обновляет его Своею благодатью. Он творит в нас сердце плотяное, мягкое (Иез. 36: 26–27), и в самом сердце начертывает законы для нашей деятельности (Иер. 31:33), а не предписывает их только внешним образом и через то делает их гораздо более удобными к исполнению, чем какими были для ветхозаветных верующих начертанные на скрижалях каменных. Огонь очищает благородный металл, отделяя его от несродных с ним неблагородных примесей. И Дух Святой попаляет в человеке все нечистое и восстановляет в нем чистый образ Божий. Все силы духа Он *переплавляет как сребро и злато* (Мал. 3:3). Как же Он делает сие? Он или ввергает человека в пещь внешних скорбей и испытаний, или проводит его через внутренние искушения – и в том и другом случае воспитывает в нем дух смирения и самоотвержения, способный противостоять всем внушениям духа злобы и ветхого человека. Огонь имеет свойство стремиться кверху, и Святым Духом воспламененная душа чистотою возвышается, то есть очищенная от всех земных пристрастий, она легко и свободно своими помышлениями и расположениями возвышается горе, к своему Небесному Отцу, в Нем едином ищет для себя света, радости и успокоения от тревог греха и житейской суеты.

Таковы благотворные действия Святого Духа, сколько можно судить о них по сравнению с действиями вещественного огня, в виде которого он сошел на учеников Христовых. И смотрите, как этот вещественный огонь просветил, очистил, освятил апостолов и укрепил их к прохождению их великого служения. До сошествия Святого Духа апостолам недоставало ясного знания тех великих истин, о которых они должны были проповедовать. Сколько ни наставлял их Спаситель, они многого не понимали в Его

учении; так, они не вмещали учения Спасителя о духовном Его царстве, не хотели верить словам Его, что Ему надлежит пострадать и умереть для спасения людей. Они были уверены, что Он пришел на землю не страдать и умирать, а устроить славное земное царство; не почитали грехом желать истребления самарян огнем небесным. Но озарившись светом невещественного огня – Духа Святого, они стали распространять понятия о Мессии и Его царстве такие, чище и возвышеннее которых быть не могло; преподавать правила нравственности, бесконечно превышающие все когда-либо бывшие нравоучения человеческие, и вообще явились столь сильными в разумении истины и в слове, что перед ними преклонилась вселенная. На этих простых и некнижных людях (Деян. 4:13) сбылись слова Христовы: «Я дам вам и премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам (Лк. 21:15). Огонь Святого Духа обновил и преобразил апостолов и в нравственном отношении. И до сошествия Св. Духа они имели достолюбезные и нравственные качества – они были простосердечны, чужды лукавства и лицемерия, с отверстою душою внимали учению Спасителя, из любви к Нему оставили все и последовали за Ним. Но при всем том им еще многого недоставало в нравственном отношении: сердца их были доступны честолюбию и своекорыстию – между апостолами возможны были споры о первенстве (Мк. 9:34; 10: 35–37); им недоставало мужества и самоотвержения, потребных для распространения Евангелия и для перенесения скорбей и гонений со стороны враждебного Христу мира; все они, несмотря на любовь к своему Учителю и Господу, оставили Его и разбежались, когда наступила опасность, а один из них даже отрекся от знакомства с Ним. Совсем иными являются апостолы по сошествии Святого Духа. Огонь Св. Духа попалил в их сердцах остатки ветхого человека, истребил в них всякое самолюбие и воспламенил их столь великою любовью ко Христу и ревностью о спасении ближних, что для славы имени Христова и для спасения ближних они решаются на все пожертвования и скорби: *«и алчут, и жаждут, и наготуют, и страждут, и скитаются, и труждаются, делающе своими руками; укоряеми благословляют; гоними терпят; хулими молят;* (становятся) *якоже отреби миру и попрание всем»* (1 Кор. 4: 12–13). И за все сии необыкновенные страдания и труды они не ждут себе награды на земле: они живут упованием одного мздовоздаяния на небесах. Таково могущественное действие Св. Духа над умами и сердцами апостолов. Огни, в виде которых Он сошел на них, были знамением озарения их умов светом истинной веры, возжения в их сердцах крепкой любви и надежды.

Знаменательно самое очертание, в виде которого явились над учениками Христовыми таинственные огни. Это были языки огненные. Что они знаменовали? Знаменовали дарованную ученикам Христовым способность говорить на разных, дотоле неведомых им, иностранных языках. Евреи

по племени, галилеяне по месту рождения, апостолы умели говорить только на языке еврейском и притом на худшем наречии его — галилейском. Теперь же эти евреи стали возвещать великие дела Божии (Деян. 2:11) на многочисленных языках и наречиях. Для чего это чудо? Для того, чтобы торжественным образом засвидетельствовать, что истина евангельская должна быть проповедана всем народам, всему человечеству. До сих пор только один народ был хранителем истинного богопочтения, и язык еврейский, пока с него не переведены были священные книги на греческий, был один языком истинной веры, на нем одном прославилось величие истинного Бога, хотя Бог сей есть Бог всей земли, всей вселенной. И вот наступило время призвания к истинной вере всех народов, к освящению всех языков словами Евангелия Царствия Божия, исповеданием Святой Троицы. «Шедше научите вся языци, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», — заповедал Господь Иисус апостолам. Началом сей всемирной проповеди послужил день Пятидесятницы. Это был один из трех праздников, когда в Иерусалим собирались богомольцы из иудеев и прозелитов (обращенных из язычников) со всех сторон. Тут были, кроме жителей Иудеи, пришельцы с Дальнего Востока (парфяне, мидяне, еламиты и месопотамцы), из Малой Азии (фригийцы, памфилийцы, каппадокийцы и понтийцы), из Южной Аравии, из Африки (египтяне, ливийцы и киринейцы), из Европы (римляне). И вот на языках всех этих стран раздалось из уст апостолов благовестие Царствия Божия, исповедание чудных дел Божиих, и раздалось не бесплодно, Его не поняли иудеи туземцы, незнакомые с иностранными языками, и над ним глумились, но в иудеях, пришедших на праздник из языческих стран, и прозелитах оно возбудило благоговейное изумление. Нет сомнения, что многие из них тут же обратились ко Христу; теперь они пойдут обратно на родину и здесь слышанное и виденное ими в Иерусалиме возвестят не одним единоверцам, а также язычникам и таким образом первые положат основание церкви из язычников и подготовят успехи проповеди самих апостолов среди язычников.

Почему Дух Святой является в виде огненных, разделенных и седших языков? Почему является в горнице? Как понимать глаголание на разных языках? Как иудеи слушали апостолов, когда те стали говорить разными языками?

Св. Григорий Богослов. Творения, ч. 4

Дух Святой является в виде языков по сродству со Словом и в виде огнен-

ных языков (почему, думаешь?) или по причине очищения (ибо по Писанию известен и огонь очистительный, что желающие везде могут увидеть), или по существу своему, ибо *Бог наш огнь и огнь поядаяй* (Евр. 12:29) нечестие. Но ты опять негодуешь, недовольный словом *Единосущен*! Является в виде *разделенных* языков, по причине разных дарований; в виде языков *седших* – в означение Царского достоинства и почивания в святых, ибо и херувимы суть Божий престол. Является в горнице (если только не почтут меня пытливым через меру) в означение восхождения и вознощения от земли тех, которые приимут Духа, ибо и *водами* Божиими *покрываются* какие-то *превыспренняя* (горницы), которыми песнословится Бог (Пс. 103:3). И Сам Иисус посвящаемых в высшее служение приобщает таинству в горнице, показывая тем, что нужно и Богу снисходить к нам, (как, сколько – известно, и снисходил к Моисею), и нам восходить к Нему, и что таким образом, при срастворении достоинства, должно происходить общение Бога с человеками. Доколе же пребывают они в собственном достоинстве, Бог в достоинстве высоты, а человек – низости, дотоле благость несоединима, человеколюбие несообщимо, и посреди – великая и непроходимая пропасть, которая отделяет не богатого только от Лазаря и от вожделенных недр Авраамовых, но сотворенное и преходящее естество от несотворенного и постоянного.

Апостолы стали говорить на чужих языках, а не на отечественных, и, что особенно чудно, стали говорить не учившись. Это знамение для неверных, а не для верующих, и оно долженствовало послужить к обвинению неверных, как написано: *иными языки, и усты иными, возглаголю людем сим, и ни тако послушают Мене, глаголет Господь* (1 Кор. 14:21; Ис. 28:11).

Слышаху же (Деян. 2:6). Остановись здесь ненадолго и подумай, как разделить речь. Ибо в речении есть ободность, устраняемая знаком препинания. Так ли слышали, каждый на своем наречии, что, так сказать, глас исходил один, а слышаны были многие гласы по причине такого сотрясения в воздухе, или, яснее скажу, из одного гласа происходили многие? Или, остановившись на слове *слышаху*, слова *глаголющих своими гласами* отнести должно к последующему, чтобы вышел смысл; произносящих гласы, которые были свои для слушающих, а сие значит – гласы иноязычные. С последним я более согласен, потому что первое было бы чудом, которое относилось бы более к слушающим, нежели к говорящим, а последнее относится прямо к говорящим, которых и укоряют, что они пьяны, из чего видно, что по действию Духа сами они чудодействовали в произнесении гласов.

Правда достохвально было и древнее разделение гласов, когда строили столп злонамеренно и безбожно единогласные (на что и ныне дерзают некоторые), ибо единомыслие, нарушенное различием гласов, разрушило и предприятие. Но гораздо достохвальнее разделение совершенное

чудесно ныне, ибо, от единого Духа излившись на многих, опять возводится к единому согласию. И есть различие дарований, требующее нового дарования, чтобы уметь отличить превосходнейшие из них, потому что все имеют нечто похвальное. Можно бы назвать прекрасным и то разделение, о котором говорит Давид: *потопи, Господи, и раздели языки их* (Пс. 54:10). За что же? За то, что возлюбили *вся глаголы потопные, язык льстив* (Пс. 51:6). Почти явно обличает здесь Давид те языки, которые рассекают Божество. Но о сем довольно.

Поелику же языки вещали живущим в Иерусалиме благоговейным иудеям, парфянам, мидянам, еламитам, египтянам, критянам, жителям Ливии, Аравии, Месопотамии и моим каппадокийцам и от *всего языка, иже под небесем*, иудеям (если кому угодно так представить), собранным в Иерусалиме, то достоин внимания вопрос: какие это были иудеи и которого пленения? Ибо пленение египетское и вавилонское было временное и давно окончилось возвращением плененных; пленения же римского еще не было, а имело оно только быть в наказание за дерзость против Спасителя. Остается разуметь пленение бывшее при Антиохе, случившееся незадолго до сих времен. Если кто не соглашается на такое толкование как не на естественное (потому что пленение сие не древнее, а иудеи рассеяны в оном не по многим странам вселенной), но ищет толкования более вероятного, то, может быть, лучше принять следующее. Поелику народ иудейский, как повествуется у Ездры, многократно и многими был переселяем, то иные племена возвратились в отечество, а другие остались в пленении, и, вероятно, некоторые из сих последних, рассеянных по многим народам, пришли тогда в Иерусалим и были участниками чуда.

О всегдашнем пребывании Святого Духа в Церкви и о том, почему ныне не бывает чудес

Св. Иоанн Златоуст. «Воскр. чтение», г. 8

За десять дней перед сим естество наше взошло на Царский престол, а ныне Дух Святой сошел к нашему естеству. Господь вознес начаток наш и ниспослал нам Святого Духа, который есть другой Господь, разделяющий дары свои, ибо и Дух есть Господь – и бывшее о нас строение совершили купно Отец, и Сын, и Дух Святой... «Но где теперь, – скажешь, – пребывает Дух Святой? О тогдашнем времени (апостольском) хорошо говорится, что Дух Святой *бе* с ними, когда бывали чудеса, восставали мертвые, очищались прокаженные, а ныне чем доказать, что Дух Святой присутствует с нами?» Не опасайтесь, я докажу, что и теперь Дух Святой присутствует с нами. Как и каким образом? Если бы в нас не было Духа Святого, то как люди просвещенные (Св. Крещением) избавились бы от грехов? Ибо от грехов невоз-

можно освободиться без благодати Духа, о чем послушайте Павла, который говорит: *Бехом иногда и мы несмысленни, непокориви, прельщени, работающе похотем различным. Егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, их же сотворихом мы, но по своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго* (1 Тим. 3: 3–5). И в другом месте продолжает апостол: *но омыстеся, но освятистеся, оправдистеся.* Каким образом? *Именем Господа Иисуса и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6:9). Видишь ли, что Дух Святой очистил весь грех оный (новокрещенных)?

Если бы не было у нас Духа Святого, мы не могли бы называть Иисуса Господом своим: *никтоже бо может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12:3). Если бы не было Духа Святого между нами, то мы, верные, не могли бы молиться Богу. Мы говорим: *Отче наш, иже еси на небесех.* Но как Христа не могли мы назвать нашим Господом, так и Бога не могли бы именовать Отцом нашим. Откуда это видно? Из слов того же апостола: *и понеже есте сынове, посла Бог Духа Сына Своего в сердца наша, вопиюща: Авва, Отче* (Гал. 4:6). Посему, когда назовешь Бога Отцом своим, помяни, что это Дух возбудил душу твою, удостоив тебя такого признания. Если бы не было Духа с нами, не было бы в Церкви премудрости, ни слова разума, ибо *овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума* (1 Кор. 12:8). Если бы не был с нами Дух Святой, то Церковь не имела бы пастырей и учителей, ибо они производятся Духом, как и Павел говорит: *в нем же вас Дух Святый постави пастыри и епископы* (Деян. 20:28)... Если бы не присутствовал с нами Дух Святой, Церковь не существовала бы, а как Церковь существует, то, очевидно, присутствует Дух.

«Но почему, – говорят некоторые, – ныне чудес не бывает?» Здесь, прошу вас, выслушайте меня со вниманием. Я слышу, многие говорят сие часто и почти всегда предлагают нам такой вопрос: для чего тогда все крещаемые говорили разными языками, а ныне уже не так? По какой, в самом деле, причине теперь пресеклась и отнялась от людей благодать сия? Не для того, чтобы Бог восхотел обесчестить нас, но для того, что Он благоволил нас весьма почтить. Каким образом? Тогдашние люди были очень неразумны как люди, недавно освободившиеся от идольского служения; мысль их была так груба и нечувствительна, что они совершенно были привязаны к одним плотским предметам и, желая вещественного, ничего не понимали касательно даров духовных, ничего не знали, что то есть благодать духовная, благодать единою верою созерцаемая. Для сего и бывали тогда чудеса... А ныне я не имею нужды в знамениях – почему? Потому что и без чудес научился веровать Господу. Залога требует тот, кто не верит, а я, как верующий, не требую ни залога, ни чудес. Положим, я не говорю разными языками, но я знаю, что я очищен от грехов. Они тогда не веровали сему без явления чудес, затем и являемы были чудеса как залог веры

ими приемлемой. Поэтому им давались знамения не как верным, но как неверным, дабы они уверовали. Таким образом, и св. Павел говорит: *знамения суть не верующим, но неверным* (1 Кор. 14:22).

Видите, что не для бесчестия нашего, но паче для большей почести Господь сократил явление чудес своих. Он творит так, желая открыть нашу веру, что мы веруем Ему без залогов и без всяких чудес. Те люди, не получив предварительно видимых знаков и залога, не поверили бы Ему касательно предметов невидимых, а я и без того показываю Ему всю веру. Вот причина, почему теперь не бывает чудес.

Почему ныне никто не говорит языками всех народов, как говорил тогда всякий, кто исполнялся Духом Святым?

Блаженный Августин. «Воскр. чт.», г. 12

Ныне торжествуем пришествие Святого Духа. Господь послал с небес, Кого обещал Он, быв на земле. Обещал же послать Св. Духа с небес, сказав так: «Не может Он прийти, если я не отойду, *аще ли же иду, послю Его к вам»* (Ин. 16:7). Посему и пострадал, умер, воскрес, вознесся на небо, затем оставалось исполнить обещание. В ожидании сего ученики Его, *имен,* как написано, *яко сто двадесять* — число апостолов в десять раз взятое, ибо двенадцать избрал, а ста двадцати послал Духа — все в одном доме пребывали и молились, потому что желали уже самою верою, о чем молились, к чему устремлялись духом. Это были новые мехи, которые ожидали нового вина с небес, и оно пришло. Ибо великий Виноград был уже истоптан и прославлен, а в Евангелии сказано: *не у бо бы Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен* (Ин. 7:39).

Вы слышали, какое последовало великое чудо. Все присутствовавшие знали один язык. Но пришел Св. Дух, исполнились и начали говорить разными языками всех народов, каким не учились: он вошел в них, они исполнились и произошло излияние. Тогда это было постоянным знамением: кто получил Св. Духа, тотчас исполнялся Духом, и всякий говорил языками всех, а не одни сии сто двадцать. Так свидетельствует само Писание, то есть что когда и после веровали люди, крестились, получали Святого Духа, тогда говорили и языками всех народов. Ужаснулись бывшие при том, одни удивляясь, другие насмехаясь и говоря: *вином исполнени суть* (Деян. 2:13). Это говорили в насмешку, но не совсем ложно. Ибо точно это были мехи, исполненные вином новым. Вы слышали в Евангелии: *не вливают вина нова в мехи ветхи* (Мф. 9:17), духовного не приемлет плотский. Плотское есть ветхое, а благодать — новое. Чем более обновляется человек на лучшее, тем более вмещает то, что как истину уразумевает. Вино кипело, и при кипении его изливались языки народов.

5 Зак. 64546

Ужели ныне не подается Святой Дух? Кто так думает, тот недостоин получить Его. Подается и ныне. Почему же никто не говорит языками всех народов, как говорил тогда всякий, кто исполнялся Святым Духом? Почему? Потому, что исполнилось уже то, что тем означалось. Что же это? Когда мы праздновали четыредесятый день, припомните, что говорили мы вам о Господе Иисусе Христе, как Он поручил (апостолам) свою Церковь и вознесся, учсники вопрошали: когда будет конец века? Он сказал: *несть ваше разумети времена и лета, яже Отец положи во Своей власти.* Притом обещал то, что ныне исполнил: *но приимете силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидетели во Иерусалиме же, и во всей Иудее и Самарии, и даже до последних земли* (Деян. 1: 7, 8); Церковь тогда была в одном доме, когда прияли Святого Духа, была в числе невеликом, а имела языки всего мира. И вот видно, что она образовала: Церковь малая, говорившая языками всех народов, не то ли означала, что ныне Церковь великая повсюду, от востока солнца до запада, говорит языками всех народов? Теперь исполняется, что тогда было обещано. Мы слышали и видим. *Слыши, дщи и вииждь* (Пс. 44:1), сказано самой Царице. *Слыши, дщи и вижд*ь — слыши обещание, виждь исполнение. Верен Бог твой, верен Жених твой, верен тот, кто Своею кровью одарил тебя, кто сотворил тебя из безобразной прекрасною, из нечистой – девою. Ты обещана тебе самой, но обещана в немногих — исполнена во многих.

Итак, пусть никто не говорит: я получил Святого Духа, почему же не говорю языками всех народов? Если желаете иметь Святого Духа, то внимайте: Дух наш, которым живет каждый человек, называется душою, и вы видите, что делает душа в теле. Всем членам она дает силу, посредством очей видит, посредством ушей слышит, посредством ноздрей обоняет, языком говорит, руками действует, ногами ходит; всем и в одно время присуща членам для оживления их: всем дает жизнь, всем распределяет должности. Не слышит око, не видит ухо, не видит язык, не говорит ухо и око, но все живет: живет ухо, живет и язык; должности их различны, а жизнь всем обща. Так и Церковь Божия: в одних святых производит чудеса, в других – говорит истину, в иных — хранит девство, опять в иных — сохраняет супружескую чистоту – словом, в одних то, в других другое: каждый действует свое, но все равно живут. Но что для тела человеческого душа, то для тела Христова, то есть Церкви, Святой Дух; Он так же действует во всех членах единого тела. Смотрите, однако, чего вам остерегаться, что наблюдать, чего бояться должно. Бывает, что от тела отсекается какой-либо член, например, рука, перст, нога, следует ли за отсеченным душа? Когда он был в теле — жил, а отсеченный теряет жизнь. Так и христианин православный живет, когда находится в теле, а когда делается через отделение еретиком, то за отсеченным членом не следует Святой Дух. Если

убо хотите жить Святым Духом, держитесь любви, любите истину, желайте единства да достигнете блаженства.

О даре языков в апостольское время и о том, что богопросвещенным мужам говорить иными языками свойственно и в нынешнее время

Исидор, митрополит Новгородский. «Слова и речи»

Дар языков в апостольской Церкви был вначале почти общим для христиан и, по их понятию, служил первым и самым верным признаком, по которому можно было узнавать чад Божиих, рожденных от Духа. Когда он сделался редким, некоторые из учеников св. Павла приходили даже в уныние, думая в простоте сердца, что благодать Божия оставила их. По сему случаю апостол писал к коринфянам, что дарование языков хотя составляет несомненный признак присутствия Св. Духа в душе говорящего, но, по намерению Божию, долженствовало служить средством к убеждению только неверующих и то на время, что в христианской Церкви его место заступил дар пророчества, или взаимного наставления, вразумления и утешения, по которому столь же легко и безошибочно можно познавать, кто сделался причастником благодати, и даже заключать о внутренних переменах, какие Дух производит в душе верующего (1 Кор. 14: 21–25).

Итак, дар языков совершенно не прекратился, но принял только другой вид, более естественный и сообразный с нуждами и пользами Церкви. Рожденные от Духа и ныне говорят иным языком. «Как носящий аромат познается через запах, так имеющий в себе Духа познается через слово», — говорит св. Иоанн Лествичник.

На чем основывается достоверность сего признака? и чем отличается язык людей облагодатствованных от языка обыкновенного? Разрешение сих вопросов заслуживает нашего внимания.

Слово человеческое и по намерению Творца, и по свойству существа нашего должно служить орудием для сообщения другим своих мыслей, чувствований и желаний. Посему-то св. Василий Великий называет оное отблеском, или образом души, ее состояний и перемен, происходящих в уме и сердце. Как о свете солнца мы заключаем по свету лучей его, так о свойстве духа можно судить по внешнему слову. *В словеси познана будет премудрость, и наказание в глаголех языках,* говорит Премудрый (Сир. 4:28).

Теперь если кто будет замечать, о чем говорит человек духовный, как говорит и для чего говорит, то легко узнает, чем отличается язык его от обыкновенного, и удостоверится, что в человеке сем обитает Дух Божий.

Кто что любит о том всегда и мыслит, о том и говорит. Чада Божии, в

сердца коих Дух Святой излил живую веру и любовь Божию, о ком и думать, о ком и говорить могут, как не о Боге? Как дитя прежде всего научается произносить сладкое имя отца и матери, так рожденные от Духа с первым ощущением Божественной жизни восклицают: *Авва Отче* (Рим. 8:15)!

Вся жизнь их есть ничто иное, как повторение того же многозначительного восклицания. При непрестанном размышлении о Боге они повсюду видят славу Его – и в делах творения, и в чудесах Провидения, и в благодати искупления грешников через Единородного Сына Его, Господа Иисуса Христа, и вне себя – в красоте, величии и порядке природы, и внутри себя – в собственном разуме, возносящемся к единому, бесконечному Отцу светов, и в своем сердце, стремящемся к добру, дышащем единою любовью к Господу Иисусу Христу – *Богу сердца* нашего (Пс. 72:26). Куда ни посмотрят – все говорит им о всемогуществе, премудрости, благости и любви Отца Небесного, все возбуждает в них живейшие чувствования любви и благодарности, доверия и преданности, довольства и радости, все заставляет неумолкно проповедовать *величия Божия*.

Они любят говорить о Законе Божием, потому что в нем изображается святая и совершенная воля Его, прославляют добродетели, потому что в каждой отражается свет Божественного свойства, восхваляют великие подвиги благочестивых братий своих, потому что видят в них благолепие образа Божия; сетуют, вразумляют, обличают, умоляют немощных, чтобы в них не бесславилось святое имя Творца и Господа. *О Тебе пение мое выну*, восклицает Давид. *Радуются уста мои, когда я пою Тебе, и язык мой всякий день возвещает правду Твою* (Пс. 70: 23, 24). Вот первая отличительная черта в языке чад Божиих!

О том ли говорит человек, не просвещенный Духом Божиим? О нет! *Сый от земли, от земли и глаголет* (Ин. 3:31). Ему противно даже слышать слово о Боге и предметах духовных – до того, что *Христово благоухание* становится для него *запахом смертоносным на смерть*, тогда как *для других* оно – *запах живительный на жизнь* (2 Кор. 2: 15, 16). Ладаном пахнет, – говорит он насмешливо и невольно сознается, что боится ладана! Как худое дерево приносит и плоды худые, так сердцу, непривитому к животворной лозе, необновленному благодатью Духа Святого, естественно износить от сокровища своего только злое (Мф. 12:35). Им управляет самолюбие, и слово его всегда склоняется к тому, что питает или раздражает самолюбие.

Различны склонности сынов века сего, различны страсти господствующие в них, но все они суть отрасли одного корня.

Трудно представить, сколь разнообразны предметы разговоров в светских кругах, где это самое разнообразие считается совершенством и знаком образованности, но если вслушаемся внимательно – во всем этом разнообразии предмет один. В мире каждый неумолкно говорит только о себе.

Это составляет отличительную черту его языка. Алчный к корысти говорит об убытках, о бедности своей, о планах обогащения и препятствиях к тому – с завистью рассказывает, как другие богаты и какие употребляли для того происки и обманы, и заключает тем, что он хотя и беднее, но зато и честнее других. У людей праздных, преданных рассеянности и суетным удовольствиям, трудно даже уловить определенный предмет слова. Это, по выражению апостола Иуды, *облацы безводни, от ветр приносими. Это волны свирепыя моря, воспеняюще своя стыдения* (ст. 12:13). В неудержимом потоке пустословия только и слышны рассказы, что кто видел или слышал, как провел время, что доставило удовольствие или неприятность, где надеется найти новое развлечение и убить время. Здесь-то обилие всякого злословия, клеветы, кощунства, колкостей, насмешек. Каждый восхваляет то, что ему нравится и топчет в грязь того, кто не похож на него, чтобы самому казаться белее. Послушайте честолюбца – *уста его глаголют прегордая* (Иуд. 16); он везде говорит о почестях и отличиях, о пороках людей пользующихся общим уважением, о преступных мерах возвышения их, о невнимательности к истинным и важным заслугам, разумеется, к его заслугам. Не правда ли, что язык их совсем отличен от языка людей исполненных Духа Божия?

Если бы они вздумали даже притворствовать или по какому бы то ни было побуждению стали рассуждать о предметах высоких, духовных, и тогда сие отличие будет приметно в самом образе речи.

Духовный человек, проникнутый чувством истины и добра, когда говорит о предметах высоких, Божественных, в самых словах выражает особенную важность, твердость, основательность, совершенную уверенность и живое убеждение в истине того, о чем рассуждает; душевный, напротив, или плотский, – если иногда и коснется тех же истин или при каждом слове запинается, или старается прикрыть свое неведение обычною изворотливостью и бездушным многословием. Тот в каждом звуке голоса выражает глубочайшее благоговение к Богу и всему Божественному, а сей хотя бы и желал казаться благочестивым, своею холодностью и равнодушием невольно открывает, что его сердце занято другим и не слушает его слова. Премудрый сын Сирахов замечает между ними еще то различие, что у плотского человека сердце бывает в устах, а у духовного – уста в сердце: *Воустех буих сердце их, в сердцы же премудрых уста их* (21:28). Естественный порядок требует, чтобы каждое слово зачиналось в сердце и потом уже рождалось в устах, чтобы оно выражало какую-либо мысль или чувствование. А закон благоразумия предписывает, чтобы мы не всякое помышление сердца передавали языку, но если оно начало добрую мысль, то позволяли бы ей родиться в слове; если же худую – не отверзали бы для нее уст своих – пусть это исчадие умрет в глубине сердца. Глупый и рассе-

янный не знает ни порядка природы, ни правил благоразумия. У него слова зачинаются и рождаются только в устах, часто не выражают никакой мысли – бьют воздух подобно звуку бездушного металла (1 Кор. 9:26; 3:1), а еще чаще он высказывает такие помышления, о которых лучше было бы ему молчать, а другим не слышать. *У него сердце в устах.* Мудрый, напротив, хотя всегда откровенен и прямодушен, прежде обдумывает мысль свою и каждое слово несколько времени обращает в сердце своем: если найдет его достойным и полезным, вынимает из сердца и передает языку. *У него уста в сердце.*

Есть еще особенное свойство в слове праведника, которое понятно и ощутительно для души, но не может быть выражено словом. Учит ли он или увещает – его слово, при всей простоте своей, невольно привлекает душу и возбуждает в ней сладкое умиление и безусловную покорность. Еще ум не успеет обнять и сообразить сказанного, *а сердце* уже *горит*, как горело у эммауских учеников при разговоре с не узнанным ими Божественным Учителем (Лк. 24:32). Ни искусство, ни наука не могут дать этой силы человеческому слову. Эта власть и благоухание слова на священном языке называются *помазанием от Духа Святого* (1 Ин. 1:20). *Слово* святых, по учению св. Павла (Кол. 4:6), *бывает всегда во благодати*, само исполнено и других исполняет благодатию, *растворено солию*, которая предохраняет и врачует душу от всякой гнилости греховной и возбуждает в ней вкус к наслаждениям высшим, небесным. Беседовавшие с истинными рабами Господа знают, как внятно и близко сердцу, как сладко и властительно слово их и как оно отлично от языка людей работающих для мира и плоти.

Самая цель, для которой говорит человек духовный, отлична от цели, какую имеет в виду человек плотской.

Так *исполненные Духа Святого* и ныне говорят *иными языками*, и хотя сей небесный дар является ныне в другом виде, но внимательный легко может по одному языку узнать Духоносца.

Рассмотрение вопроса о даре языков

Протоиерей Горский.

«История евангельская и Церкви апостольской»

Раскрывши обстоятельства дела, коим начинается бытие Церкви Христовой, особенное внимание *надобно обратить* на то дарование, которое было *сообщено апостолам в день Пятидесятницы.* Дарование апостолам языков *многие из ученых богословов принимают* в несобственном смысле, именно – *что дар языков есть не иное что, как ниспослание способности и силы говорить с народом одушевленным* указательным образом. Толкуют, что λαλεῖν ἑτέραις γλώσσαις (Деян. 2:4) значит то же, что Мк. 16:17, γλώσσαις

καιναῖς, а это — то же, что Мф. 10: 19–21 или Лк. 21:15, то есть говорить языком воодушевленным, с неодолимою увлекательною силою. При этом предполагают, что между так называемыми *галилеянами* были и такие, которые не говорили галилейским наречием, а с другой стороны, что между иностранными языками, какие здесь слышались, не должно искать языков всех тех народов, которые у св. Луки исчисляются, потому что несколько смежных народов могли говорить одним языком: разумели греческий или римский. Наконец, прибавляют, когда евангелист замечает удивление слышавших проповедание апостолов, то этим Лука хочет заметить только то, что плотские иудеи, вместо того чтобы обратить внимание на проповедь благовествователей, дивились только, откуда в галилеянах такая ученость, что они могут говорить на иностранных языках, а некоторые — еще хуже — издевались над речами апостолов, которых не понимали.

Но надлежит заметить, что говорящие все вообще были из учеников Иисуса Христа и притом долговременным обращением с Ним удостоившиеся наименования *верующих*, а это все были иудеи палестинские. Только в конце служения Иисуса Христа стали приходить и эллины (Ин. 12:21), но эти эллины не настолько сблизились с Ним, чтобы получить наименование верующих и вступить в число учеников Его. Если так, то, по всей вероятности, ученики могли знать только свой природный язык, некоторые и греческий, другие, может быть, и финикийский, но не более. Между тем удивление разнородных иноземцев показывает, что несравненно более было слышно при этом случае разнородных языков. То предположение ни на чем не основывается, что «*не всех* поименованных у Луки народов языки были слышны между апостолами». Напротив, все эти народы слышали *«кийждо свой язык»* (Деян. 2:8). Слова Марка (16:17) не объясняются словами Луки (21:15) или Матфея (10: 19–21) — это не параллельные места; у Марка Господь говорит об *общих знамениях*, какие будут сопровождать верующих; у Матфея и Луки — о вспомоществовании *апостолам в случае их суда пред начальством.* Говорят:

1) Апостолы пользовались истолкователями, или толмачами, напр. Петр — Марком.

2) Апостолы Павел и Варнава не знали языка ликаонцев (Деян. 14:11).

3) Язык греческих новозаветных писателей весьма много содержит в себе еврейского; в образе выражения апостолов видно, что они по еврейскому или сиро-халдейскому учились греческому: у них греческий не чистый язык.

4) Им не нужно было знание многих языков: а) потому что проповедь их ограничивалась пределами Римской империи, многих — только Палестиною или вообще иудеями. В Римской империи довольно успешно можно было действовать и со знанием одного господствовавшего языка; б) пото-

му что этот дар открывался и сообщался только для молитвы (1 Кор. 14: 13-17).

5) Места Деяний 10, 46, 19, 6 и 1 Кор. 14:13 заставляют разуметь под γλώσσαις λαλεῖν что-нибудь отличное от внезапно возбуждаемой способности говорить на иностранных языках.

6) Наконец, только с III века, со времен Оригена, начали учить, что апостолы в день Пятидесятницы получили видение незнакомых им языков. Ириней, Тертуллиан, говоря о даровании языков, как существующем еще в их время и как существовавшем прежде, сближают его с дарованием προφητεία.

Но против первого отвечаем: ἑρμηνευτής может означать и не толмача; Марк мог быть даже толмачом на таком языке, который не был известен апостолу Петру. Ибо Петр, конечно, не все языки знал. И апостол Павел говорит коринфянам, что он более говорит языками, но не говорит, что может говорить всеми.

Против второго идет последнее замечание. Против третьего довольно сказать, что апостолы, получая способность говорить новым языком, не лишались всех прежних своих понятий, которые проистекали из еврейского источника, поэтому естественно находить в речи их много еврейского.

Против четвертого а) заметим, что если бы пределы проповеди апостольской и действительно ограничивались Римской империей, то и тогда бы нельзя было сказать, что им довольно было знания одного господствующего языка, потому что этот господствующий язык весьма во многих местах был недоступен простому народу, с которым по большей части первоначально они должны были иметь дело. В одной Малой Азии было много различных языков по уверению Страбона. Митридат, царь понтийский, окончивший поприще свое с небольшим за шестьдесят лет до Р. Х., знал 23 языка подданных ему народов. Но если дать полный смысл словам Спасителя *шедше научите вся языки*, то не останется никакого сомнения, что с обыкновенными способами изучения языков апостолы слишком недалеко бы простерли свою проповедь, б) апостол осуждает употребление дара языка в молитвословиях без истолкования, но это не значит, что он только при этом случае раскрывался. Иначе апостол осуждал бы самого Духа, раздающего сии дары. Но он научает, как обращаться с этим даром в церкви. А этим отнюдь не исключается возможность употреблять оный и при других случаях, и для других целей.

Против пятого. Здравая филология требует определять значение слова или выражения неоднократно встречающегося в каком-либо сочинении, если можно, по первоначальному его употреблению. Теперь выражение γλώσσαις λαλεῖν в 10 и 19 главах книги Деяний само себя не дает разу-

меть; это выражение, очевидно, взято из истории 2-й главы той же книги. Там и здесь действие одно и то же. Во 2-й главе нельзя разуметь под γλώσσαις λαλεῖν одного воодушевленного языка, как мы выше видели. Ап. Петр (Деян. 11:15) говорит, что с домом Корнилия в сем случае последовало то же, что с апостолами в день Пятидесятницы. (Видно, что эти случаи бывали редко). Итак, не этими-то местами, а тем эти должно объяснить. Что касается до 1 Кор. 14 гл., то и там нельзя разуметь одного языка экстатического, нельзя разуметь такого выражения славословий, которое бы было понятно только одному произносящему их, но надлежит разуметь дар говорить на иностранных языках: а) если дать в этой главе выражению γλώσσαις λαλεῖν первое значение, то нельзя сказать, чтобы оно было одно и то же с γλώσσαις ἑτέραις λαλεῖν (Деян. 2:4), потому что слушавшие апостолов понимали, что они говорили (ст. 11); напротив, в обоих местах – и 1 Кор. 14 гл., и Деян. 2 гл. – предполагаются одинаковые обстоятельства, то есть и глаголание языками, и присутствие иностранцев, которые разумеют те языки (сл. 1 Кор. 14:23); б) апостол говорит: *языцы в знамение суть не верующим, но неверным* (1 Кор. 14:22). Краткие непонятные изречения и для неверного не могут быть сами по себе знамением; напротив, из несвязных слов, не имеющих ясного смысла, слышащий мог заключить о невежестве говорящего. Языки будут тогда знамением и для неверующих, когда человек, не знавший прежде никакого языка, вдруг говорит новым языком; в) в стихе 21 апостол приводит слова Исаии (28:13), в которых говорится именно о иностранных, незнакомых языках и прилагает эти слова без всякого ограничения к материи своего рассуждения о языках. У Исаии Господь говорит Своему народу, что он будет говорить на языке иностранном, на языке пленивших Его; как там нельзя разуметь какого-нибудь другого смысла слова *язык*, так и здесь; г) наконец, только в смысле собственных языков могут иметь значение и эти слова апостола: *иному же роди языков* (1 Кор. 12:10), как понимал это и Златоуст.

Против свидетельств отвечаем: ни одно не говорит ничего в пользу сказанного предположения прямо. Напротив,Ириней, когда говорит о себе, что он сам не имел дара языков, что, приехав в Галлию, должен был учиться туземному языку, а между тем пишет, что в его время были такие, которые имели дарования пророческие и всякими (παντοδαπαῖς) говорили языками и тайны человеческие обнаруживали, замечая, что этих людей, приявших Духа Божия и говорящих на всех языках Духом Божиим, апостол и разумеет там, где говорит: *премудрость же глаголем не совершенным*, то этим ясно показывает, что языки этих людей «совершенных» надлежит понимать в собственном смысле за иностранные языки. Из слов апостола *благодарю Бога моего...* можно заключить, что способность эта могла зависеть и от нравственных качеств лица. Следы древности таково-

го разумения события Пятидесятницы и дара языков Церкви апостольской и позднейшее вообще можно видеть и в том, что Филострат, описывая жизнь Аполлония Тианского, которого хотел противоставить Иисусу Христу, заметил о нем, что он знал не только все языки человеческие, но и язык животных. В церковной истории встречаются позднее примеры чудесного разумения иностранных языков, например в Ефреме Сирине.

О том же

Шафф. «Православный собеседник», 1863, ч. 1

Речь на *других* или *новых* языках, вместе с даром чудес ясно обещанная Господом ученикам перед вознесением Его на небо (Мк. 16:17), при первом своем появлении означает такое творческое действие Духа Святого, которым Он впервые разрушил преграды природы, так сказать сам стал управлять человеческим духом и человеческую речь торжественно освятил в орудие для проповеди Евангелия. Новый дух сотворил себе и новый язык, так как вообще внутреннее и внешнее, душа и тело, мысль и ее проявление тесно связаны между собою. Но речь на различных языках не ограничилась одним только праздником Пятидесятницы, а продолжалась (хотя, конечно, в измененном виде) в Церкви апостольской вместе с другими чрезвычайными духовными дарованиями, отличающими это время от позднейших периодов более естественного развития. Отголоски ее находятся еще во втором и третьем столетиях* и дальнейших.

В истории о речи апостолов в день Пятидесятницы нужно различать то, что составляет, собственно, *сущность* речи на иностранных языках как дара апостольской Церкви вообще и *особенную форму*, в которой он высказывается при первом своем появлении в праздник Пятидесятницы. Для определения сущности речи полезно обратиться к более подробному и наглядному описанию, предложенному св. Павлом в первом Послании к Коринфянам.

Что касается *сущности* речи на иностранных языках, то она есть невольный вдохновенный говор в одушевленном состоянии усиленной молитвы, когда человек, правда, не выходит из себя, но все-таки погружается в самую глубину своего духа, в таком состоянии вступающего в общение с Божественным существом, но при этом вседневное самосознание и ми-

* Ириней († 202) говорит о многих, еще в его время живших, христианах, которые имеют «пророческие дарования, говорят на разных языках (παντοδαπαῖς γλώσσαις), открывают тайны сердца человеческого в назидание и объясняют тайны Божии» (adv. haer. 5, 6). См. несколько темное место у Тертуллиана в сочинении его против Маркиана V, 8. В собеседованиях о жизни италийских отцов – творении Григория Двоеслова – упоминается об одном отроке Арментарии, который говорил на иноземных языках не учившись им.

росозерцание, а вместе с тем и обыкновенный образ речи отступают на задний план, а говорящий вполне бывает одержим сознанием божественным и становится только органом наполняющего его Духа Божия. Потому-то и сказано (Деян. 2:4): «Исполнились все Духа Святого и начали говорить на других языках, как Дух давал им провещавать». Это вдохновение должно относить и к содержанию, и к форме, и к мыслям, и к слогу. Апостол Павел речь на разных языках называет молитвою и пением «в духе» (πνεῦμα); этим он означает высшую способность созерцания, непосредственное ведение Бога независимо и в отличие от «ума» (νοῦς), то есть от рассудочного сознания, от мышления (1 Кор. 14: 14, 15). *Содержанием* бесед на разных языках было прославление великих дел искупительной любви Божией (Деян. 2: 11, 10, 46; 1 Кор. 14: 14–16), в форме молитвы, благодарения и песнопения (Деян. 10:46; 1 Кор. 14: 14–18). Дар языков всего ближе стоит к дару пророчества, который также имеет основу в прямом внутреннем откровении таин Божиих, и в книге Деяний апостольских (19:6) непосредственно соединен с первым, но при этом отличается от него двояко: во-первых, тем что говорящий на языках беседует с Богом, а пророк – с обществом, а во-вторых, тем что последний говорит языком понятным даже для неверных, между тем как первого, по крайней мере в коринфском обществе, не могли понимать без переводчика (1 Кор. 14:2 и д.). Оттого-то Павел и отдает преимущество дару пророчества (1 Кор. 14:5) и дар языков уподобляет звуку колокола (1 Кор. 13:1), неопределенному тону инструмента (1 Кор. 14: 7, 8), иностранному наречию, которого никто не понимает (1 Кор. 14:11) и которое неверующему кажется сумасшествием (ст. 23). Таким образом, речь на языках была беседою восхищенной души с Богом, делом самоназидания; такая беседа делалась назидательною и для других только посредством дара истолкования и перевода на язык общеупотребительный. Но в последнем отношении находится различие между даром языков, описываемым у апостола Павла, и даром языков, снисшедшим в праздник Пятидесятницы. Это приводит нас ко второму пункту.

Что касается *собственно формы*, в какой этот дар проявился в первый раз, то слушателям он, кажется, был до известной степени понятен без перевода, по крайней мере, в повествовании Деяний апостольских не сделано никакого замечания о нем. Конечно, и здесь нужна была внутренняя восприимчивость, потому что иные из столпившегося народа смеялись над говором получивших дар Св. Духа и явление это объясняли нетрезвенным состоянием (Деян. 2:13), что совершенно согласно с тем впечатлением, какое речь на разных языках, по описанию Павла, производила на неверного (1 Кор. 14:23). Затем нужно припомнить еще и то, что обыкновенно совершенно упускают из вида, именно – что иноязычная речь и в этом случае была беседою с Богом, а не с людьми, богослужебным дей-

ствием учеников, восторженным выражением их хвалебной и благодарственной молитвы, следовательно, принадлежала к внутренней жизни самой Церкви, потому что такая жизнь началась прежде, чем собрался народ (см. ст. 4 и 6)*, слушателей же такая речь могла только изумить и поразить происшедшим по воле Божией чудом и возбудить в них желание яснее и точнее уразуметь его. А уразумели они его вслед за тем не при помощи нового действия дара языков, но посредством ясной, сказанной на общеупотребительном языке проповеди Петровой (ст. 14 и д.), которая имела целью распространить в других с силою высказавшееся в даре языков начало новой по вере жизни. Что касается отношения дара языков к говорящим и слушающим, то сказания об этом св. Луки и св. Павла расходятся между собою не так далеко, как кажется с первого взгляда. Второе и более важное различие состоит в следующем. Св. Павел нисколько не объясняет того, что дар языков был речью на совершенно чуждых языках – не сродных с языком народным. По описанию Павла нужно, как кажется, представлять себе эту речь совершенно новым вдохновенным языком, речью на ангельских языках (1 Кор. 13:1), отличающеюся от всех обыкновенных языков в такой же мере, в какой состояние духа, одаренного языками выше вседневного сознания и обыкновенной рассудочной деятельности. Внутреннее восхищение, необыкновенное парение невластного над собою духа к жизни божественной невольно выражалось в способе и роде передачи мыслей, хотя в существе-то такая речь, без сомнения, примыкала к природному языку говорящего. Оттого-то она и была непонятна всем тем, которые сами не бывали в таком состоянии торжественного вдохновения. Деяния же апостольские дар языков нам описывают, очевидно, как речь на языках иностранцев присутствовавших на празднике Пятидесятницы. Этим-то и объясняется их изумление, что неученые галилеяне говорили на тех языках, которых нельзя было подозревать в них и которые овладели ими вдруг чудесным образом (2: 6–11). Что таков прямой, неоспоримый, буквальный смысл сказания – это признают сами рационалисты-экзегеты.

Изумление восприимчивых слушателей чудесным событием и насмешливый упрек неверных, производивших дар языков из нетрезвенного состояния, делали необходимым защищение; и это первое самостоятельное апостольское свидетельство, сходящее от полноты духа, было действительным воззванием проповедников к собранию начатков нового духовного творения. Таким образом, проповедническое служение, послужившее главным органом к распространению Царства Божия, было современно основанию Церкви. Свидетельство Духа Святого продолжается в свидетельстве

* См. Васил. селевк. Oratio 37; Кипр. Sermo de Spir. Sancto.

его органов (Ин. 15: 26–27). Оно есть плод веры и вместе — средство к ее распространению. За даром языков следовало *истолкование* языков и понятное рассудительное *пророчество;* напряженным в самой основе и сущности религиозным силам дан определенный ход исторического развития.

Вполне верный своему изображенному в евангелиях характеру, от лица остальных апостолов перед всем обществом выступил пламенный апостол Петр и тем фактически показал в себе камень, на вероисповедании которого Господь обещал основать Свою Церковь. Его речь к столпившемуся народу, сказанная на еврейском языке, крайне проста и вполне соответствует дню. Она не есть ни прямая полемика против иудейства, ни догматический спор, но есть собственно и исключительно объяснение исторических явлений, а прежде всех — воскресения Христова, взятое прямо из жизни, простое, но сильное свидетельство о весьма известном событии, раскрытие еще раньше высказанного Петром основного вероисповедания об Иисусе, Сыне Бога живого, Спасителе грешников; одним словом — речь апостола Петра есть истая миссионерная проповедь. Замечательна при этом разность между высшим вдохновением, под влиянием которого заговорили свв. апостолы на разных языках, и спокойным исследованием и ясностью изложения того предмета, о котором говорил св. Петр к народу. Гармоническое соединение того и другого составляет характеристический признак апостолов.

Петр снисходительно опровергает грубый упрек в нетрезвости очень скромным и, по-видимому, простым, но на самом-то деле народным и убедительным доказательством, именно тем, что теперь только третий час дня (9-й час утра), в который обыкновенно иудеи ничего не вкушали и даже нетрезвые в такую пору воздерживались от вина. Нет, событие это, продолжает апостол, есть не что иное, как славное исполнение пророчества Иоилева об имеющем последовать в сопровождении разных событий в природе излиянии Святого Духа и притом не на некоторых только чрезвычайных посланников Божиих, как в Ветхом Завете, но на всех, даже самых незнатных, неученых людей. Такое сообщение Святого Духа совершилось через Иисуса Назарянина, обетованного Мессию, который свое послание с силою пред всеми засвидетельствовал делами и чудесами. Вы, правду сказать, по вечным планам и предведению Божию, предали Его* и руками язычников римлян пригвоздили ко кресту; Бог согласно с пророчеством, заключенным в 15 псалме, воскресил Его из мертвых, чему все мы живые свидетели. Вознесшись на небо и воссевши одесную Бога, Воскресший послал нам Духа Святого, как вы сами здесь видите. Поэтому знайте, что Сам Бог об этом распятом вами Иисусе посредством неопровержимых действий засвидетельствовал как о Мессии, от которого вы, истые израильтяне, ждете своего избавления.

Очевидно, здесь было кстати в немногих, но сильных словах доказать служение Иисуса Христа Мессии на основании настоящих событий в связи с ясными, признаваемыми самими слушателями ветхозаветными пророчествами, и вместе с тем через напоминание о крестной смерти, в которой были виноваты иудеи, вести их к покаянию. Проповедь апостола произвела впечатление, как и следовало ожидать. Слушатели, тронувшись ею, с жаждою спасения спрашивали: «Что нам делать?» Петр увещевал их переменить настроение духа и креститься во имя Иисуса Христа, во оставление грехов; таким образом они сподобятся того же Святого Духа, чудесные действия которого замечают в апостолах. Потому что обетование должно относиться к ним, к их детям и даже ко всем** язычникам, которых Господь приведет. Таким образом, покаяние веры, отвращение сердца от мира и греха и обращение к Богу через Христа здесь выставляются, как и вообще во всем Священном Писании, главными условиями наследия в Царствии Божием и в благах спасения, именно — в прощении грехов, даруемом и запечатлеваемом через христианское крещение, а также и через дар Духа Святого как нового, положительного жизненного начала.

После нескольких других увещаний к покаянию глубоко внимавшие проповеди решились креститься, и в первый этот праздник жатвы Нового Завета около трех тысяч душ собрано было в житницу Царствия Божия. Здесь впервые исполнились слова Господа, что Его ученики вследствие и в силу Его отшествия к Отцу совершат большие дела, чем какие совершил Он Сам во дни Своего уничижения (Ин. 14:12). Сильное свидетельство Петрово и необычайное веяние Духа Божия имели своим следствием торжественное действие крещения, которое здесь происходило по искреннему убеждению сердца. Но молодое растение нуждалось в подкреплении и уходе. Верующие постоянно укрепляли и оживляли себя четырьмя основными стихиями всей истинно христианской общественной

---

* Смерть Иисуса Христа со стороны Бога Отца была исполнением вечного плана об искуплении; со стороны Иисуса Христа — добровольным действием любви, со стороны иудеев — достойною наказания виною, довершением их грехов против Иеговы. В проповеди апостола Петра изложено только первое и последнее отношение. Петр обвиняет всех присутствующих в убийстве Иисуса, во-первых, потому что дело тогдашней верховной власти есть действие всего народа, которого она служила представительницею, который, впрочем, и сам прямо при этом участвовал и кричал: «Распни, распни Его»; во-вторых, потому что смерть Иисуса, по причине всеобщей греховности, есть общее дело и общая вина всего рода человеческого.

** Так мы понимаем выражение τοῖς εἰς μακρὰν (Деян. 2:39 сл. Зах. 6:15), потому что о призвании язычников ко спасению Петр уже знал, только он думал, что им нужно сперва обратиться в иудейство. Таких мыслей он держался до тех пор, пока его не просветило видение пред крещением Корнилия и самое крещение с его последствиями (Деян., гл. 10).

жизни: а) наставлением апостольским, б) братским общением, деятельною, всем жертвующею любовью, в) преломлением хлеба, то есть совершением Святой Евхаристии, соединявшейся с каждодневными вечерями любви, и г) молитвою (Деян. 2:42). Иисус Христос Богочеловек, исполнитель всего Ветхого Завета, был средоточием их веры, и христианство проявило себя не простою только теорией, или чувствованием, или суммою нравственных предписаний и действий, но жизнию в самом глубоком и обширном смысле, силою Божией, спасающей всех верующих в Бога. «Господь же ежедневно присоединял спасаемых к Церкви» (Деян. 2:47).

Это первенствующее молодое общество верующих со всеми своими последователями должно было сделаться солью земли, для того чтобы обуявшую массу человечества сохранить от гнилости, и в образовавшемся в настоящий день обществе положено начало всякому истинному усовершенствованию в нравственности, науке, искусстве, общественной жизни, равно как здесь же получили начало и все великие события новозаветной истории. Прежде апостолы были боязливы и робки, а с этого дня мы видим их неустрашимыми, непреклонными свидетелями. Прежде их не знали или мало ценили, а теперь сразу они сделались главными деятелями и с этого дня скоро привлекли к себе внимание всего мира далеко за пределами Палестины. Несколько честных простых рыбаков галилейских удостоены чести быть органами Духа Святого, из неученых людей сделались непреложными проповедниками Спасителя мира и вселенскими учителями на все века — так это, действительно, величайшее чудо.

О дарах благодати (2:4)

Филарет, митрополит Московский. «Слова и речи», т. 1

Мы должны взирать на сошествие Святого Духа не только как на чудо прославившее апостольскую Церковь, но и как на событие существенно сопряженное с делом нашего спасения. Настоящее торжество не есть простое воспоминание прошедшего, но продолжение апостольского приготовления к принятию оного *Духа*, непрестанно *дышащего, идеже хощет*. Апостолы, как повествует книга их деяний, после постоянных и единодушных молитв *исполнишася Духа Свята* и не только апостолы, но, по изъяснению Златоуста, и пребывавшие с Ним ученики, *имен народа вкупе яко сто и двадесять* (Деян. 1:16), *исполнишася вси*.

Что такое *исполниться Духа Свята*?

Что такое Дух Святой в первоначальных дарах Своих, сие изъясняет Сам Он Своими *огненными языками*. Он есть невещественный *огнь*, который действует двумя силами: светом и теплотою — светом веры, теплотою любви. Сей небесный свет, по выражению Соломона, *предходит и просвещает, дондеже исправится день* (Притч. 4:18). «Разгоняет мглу неведения и

сомнений, открывает обман призраков», которые погрязший в чувственности разум принимает нередко за истины; дает человеку видеть себя самого в наготе растленной природы, познать мир в отношении к душе и ощутить присутствие Бога яко источника света; сообщает *уповаемых извещение вещей, обличение невидимых* (Евр. 11:1). По той мере, как свет от Солнца правды умножается в уме, согревается и воспламеняется сердце. Любовь божественная изгоняет из него самолюбие, попаляет в нем терние плотских пожеланий, очищает, упраздняет его и взаимно привлекает в душу новый свет. Слияние сих неточных даров духовных образует *огненный язык*, изрекающий *Закон Бога* Слова *в сердце* (Пс. 36:31) человека, *вообразающий в нем Христа* (Гал. 4:19), совершающий «возрождение» в жизнь духовную.

Исполненный Духа Свята человек не потемненному предрассудками оку представляет такой образ совершенства, перед которым, как тень, исчезает все, что мир называет прекрасным и высоким. Его оценил апостол, когда о некоторых подвижниках веры сказал, что их *не бе достоин весь мир* (Евр. 11:38). Благодать превращает в бесценное сокровище все, к чему ни коснется в человеке ей преданном. В его уме сияет дух премудрости – не той, которою сыны века сего преимуществуют, по словам Спасителя, *в роде своем* (Лк. 16:8), то есть которая научает их быть изобретательными в способах и ловкими в случаях к снисканию выгодных времен и умножать свое достоинство не столько в себе, сколько во мнении других, но премудрости *духовно востязующей вся* (1 Кор. 11:15), дабы все обратить в средства к единому вечному благу души. Его волю движет дух свободы, ибо *закон Духа жизни о Христе Иисусе его свободил от закона греховного и смерти*, который дает своим рабам столько тяжких владык, сколько есть нужд и прихотей, страстей и привычек. Во глубине сердца его почивает дух утешения и *мира, всяк ум превосходящаго* (Флп. 4:7), который *Иисус Христос дает* ученикам Своим, *не якоже мир дает* (Ин. 14:27), ибо мир мира есть краткая дремота под шумом опасной бури – безопасность, основанная на неведении, так что радостные восклицания – *мир и утверждение!* – иногда прерывает *внезапу нападающее всегубительство* (1 Сол. 5:3); напротив того, «мир, даруемый Христом», утверждается на непоколебимой уверенности в примирении с Богом, «так что христианин в самых искушениях, скорбях и опасностях *не стужает си*, но *и в смерть предается* мирно, в уверении», что *еже ныне легкое печали по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает* (2 Кор. 4: 8–17). В нем обитает дух величия, которое не есть ни слепая отважность, ни гордость, покрытая пышностью, ни блеск естественных добродетелей, нечистых в своем источнике, но истинная возвышенность мыслей, занятых Богом, обширность видов ограничивающихся одною вечностью, благородство чувствований, рожденных и воспитанных Словом

Божиим, — дух смирения, которое среди богатства благодати Божией усматривает в себе одну бедность и недостоинство, дабы тем более *величить Господа;* между тем как «не возрожденные» Духом Божиим в самых недостатках своих стараются находить нечто великое, самым унижением просить себе почтения, «пресмыкаются, чтобы подавлять других», — дух силы, с которым христианин не есть более оный человек «бессильный», пленник собственных чувств, со всех сторон открытый нападениям врага, побежденный прежде сражения и, дабы усмирить одну страсть, покарающийся другой; но добрый воин, *облеченный во вся оружия Божия* (Еф. 6:11), *могущий вся о укрепляющем его Иисусе Христе* (Флп. 4:13), *силою восхищающий Царствие Божие* (Мф. 11:12). Что сказать о тех чрезвычайных дарованиях, о тех явлениях Духа, которые избранным Божиим даются на пользу (1 Кор. 12: 4, 7) других, в созидание всей Церкви.

Когда Божественный дар Духа кажется нам редким явлением, не заключим из сего, что он не для всех. Он для всех, как скоро все для него. Если не примечают более следов Его, то или имеют очи — и не видят, или в самом деле вопрос: *егда приидет Сын Человеческий, обрящет ли веру на земли?* (Лк. 18:8) — приближается к разрешению, и самый мир находится при последнем издыхании. Вселенная знает, что случилось с нею тогда, когда рек раздраженный Бог: *не имать дух Мой пребывати в человецех сих вовек, зане суть плоть* (Быт. 6:3). Тогда не только беззаконный род человеческий, но и тварь, *повинувшаяся суете неволею,* потребились мстительными волнами. Еще подобное прещение — и наступит огненный потоп суда последнего!

О необходимости благодати Божией для человека в его естественном состоянии

Арсений, митрополит Киевский. Собрание слов и бесед, ч. 1

Ужасахуся вси и недоумевахуся, друг ко другу глаголюще: что убо хощет сие быти? Инии же ругающеся глаголаху, яко вином исполнени суть (Деян. 2: 12, 13).

В то время, как исполнилось пророчество Иоилево: *излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши и юноши ваши;* в то время, как Божественные апостолы по предсказанию своего небесного Учителя, исполнившись Духа Святого, начали говорить разными языками, *якоже Дух даяше им провещавати: тогда бывшу гласу сему, снидеся народ и смятеся.* Некоторые, бывшие очевидными свидетелями сего необычного события, но не приявшие Духа Божия, будучи поражены страхом, по ограниченности своего естественного разума, только недоумевали: *что хощет сие быти?* — говорили они. Но многие, судя по-человечески о великом и святом действии, дошли до такой дерзости и ожесточения, что, видя апостолов, говорящих иными языками, не устыдились приписать сего их нетрезвости, между тем

как они, яко чистейшие и многоценнейшие сосуды, удостоились быть жилищем Духа Святого; *инии же глаголаху, яко вином исполнени суть.* Таково было суждение различных народов о действии Духа Святого.

Итак, *душевный человек не приемлет яже суть Духа Божия* (1 Кор. 2:14); оставленный самому себе, без непосредственного руководства благодати Божией, он несовершен в самом себе и не может быть совершенным, доколе не обратится к сей самой благодати. Раскроем сию истину.

Хотя Иисус Христос предлагал нам возможность сделаться совершенными, как всесовершен есть Отец Небесный, но возможность сия не заключается в собственной нашей силе, но в силе *Духа* Святого, *ходатайствующего о нас воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8:26); в силе Божественной благодати, без которой разум и воля, составляющие все величие человека и долженствующие возвышать его во славу Бога живого, не показывают ни малейшего своего достоинства. Единственный разум со всеми своими силами так уклонился от подлежащей ему и единой на потребу цели, что почти *по рвению противится истине, покоряется же неправде* (Рим. 2:8), и что самое понятие о Боге, в заключении его превратного умствования, превращается в невежество даже до *изменения славы* Божией *во образе тленна человека, и птиц, и четвероног, и гад* (Рим. 1:23). Несмотря на то, что из созерцания природы и Св. Писания легко можно познать, что есть Бог и какие обязанности человека в отношении к Нему, естественный разум нередко ослабляет силу своих суждений нечистыми сомнениями, при которых самая совесть, поставленная судьею всех человеческих действий, колеблется и теряет правоту свою. Так, вместо того чтобы блуждающего по распутиям мира сего воззвать на путь правый, совесть своим неблаговременным молчанием способствует только к вящему умножению беззаконий и к усугублению невежества; вместо того чтобы обвинить разум в неправоте суждений и в дерзком лжемудровании, она нередко соглашается на оправдания его и часто с таким усилием и даже с борьбою против истины, что различные виды худых поступков не приписывает ожесточению неистового человека, но – премудрому Виновнику всех благ Богу.

При таковом молчании совести и слепоте разума естественный человек, если когда и слышит глас Господа, повелевающий ему хотя несколько попещися о жалкой судьбе своей, то он отвращает от него слух свой и, как бы всем изобилующий, презирает все средства благодати к соединению с Господом. Сверх того, если кто иногда и остановится на священной мысли о своем несовершенстве, если живое представление слабости естественного человека займет кого-либо, если сильное и поразительное ощущение гласа Божественного воззовет на путь правый, то совесть, обремененная житейскими попечениями, разум, являющийся с превратными суждениями, воображение со своими очаровательными представлениями не

дают ему времени посмотреть на утрату своего блаженства, но с беспрестанным усилием побуждают его к крайнему ожесточению, а через оное ускоряют совершенную погибель.

Вот каково состояние естественного человека и вот видимая слабость и ощутительная слепота разума не озаренного светом Божественной благодати.

Но если обратить внимание на свойство действий и желаний воли человеческой, руководствующейся только естественными побуждениями, без содействия благодати, то и в ней столько же, или еще более, усмотрим несовершенств, нежели сколько в естественном разуме.

Воля в естественном человеке, долженствующая быть источником всех благих желаний, является исходищем всех зол. Со времени падения явились в человеке, как три составные части, три противоборствующие воле Божественной похоти: *похоть плоти, похоть очес и гордость житейская* (1 Ин. 2:16), которые с продолжением времени такусилились в нем, что он в духовном своем состоянии соделался плотью враждующей на Бога – плотью, которая тройственною силою похотения прекратила в нем чистое и живое дыхание любви к Вдохнувшему в него дыхание жизни.

Похоть плоти так занимает все мысли и желания человека естественного, что нередко самое сердце его приводит в состояние бесчувствия, и, не помышляя о том, что тело его есть жилище Духа Святого, решается на всякую скверну и нечистоту, притом с таким ущербом в силах душевных и телесных, что, расточив все земное и небесное наследие, уже теряет способность и возможность победить самого себя.

Суетные заботы о попечении мира сего часто останавливают благое стремление духа, так что в то время, как неповрежденная совесть показывает еще грешнику открытые пути ко спасению, а Божественная благодать различными средствами возбуждает его от сна греховного, мир со всеми своими прелестями и очарованиями, восстав против своего отшельника, преклоняет его под иго собственного владычества и, возбуждая в свою очередь в его сердце, растленном по естеству, различные чувственные похотения, довершает, наконец, над ним победу свою. Ибо сии похотения, заключив слабый и немощный дух его в пределах бренной плоти, делают его совершенно неспособным к парению в горняя. Они до того простирают над ним насильственную власть свою, что, вытеснив из сердца его все святое и Божественное, часто делают его непроницаемым для самого огня Божественной любви, имущей согреть и оплодотворить безводную пустыню сердца нашего.

Наконец, гордость житейская, сие семя сатанинское, еще со времени прародителей зароненное и вкоренившееся в сердце человеческом, произращая мало-помалу непотребные терния, беспрестанно заглушает

возникающее жито правды и не дает места действию благодати. Малое и ничтожное творение — человек, упоенный гордостью, — часто при самом падении не сознает себя падшим и, пытаясь суетною надеждою, при всех своих слабостях, рано или поздно возвратить потерянное блаженство, нередко доходит до такого самозабвения, что даже мечтает взойти на небо и выше звезд небесных утвердить престол своего благополучия, не обращая внимания на то, что под ногами его уже разверста алчная беседа, готовая поглотить его со всеми безрассудными надеждами и беззакониями.

Итак, все, что только Троичным Советом Предвечного ни дано человеку в отличие от прочих тварей, в короткое время разрушено и уничтожено тройственною силою похотения, обитающего в нас доныне, и если бы, по ходатайству Иисуса Христа, благодать Божественная, всегда немощное врачующая и оскудевающее восполняющая, своею всемогущею силою не способствовала нам в немощах наших и не очищала беззаконий наших, то *Дух* Божий *не имел бы пребывать во всех человецех: зане суть плоть* (Быт. 6:3).

Посему все наше утешение и все упование о спасении заключаются в содействии нам всемощной благодати Божией. Она-то есть надежнейший руководитель ведущий нас к живому и вечному; ее только святым огнем сожигается в нас все нечистое и скверное и возжигается свет разума и благочестия, свет славы Божией, сиявшей некогда, яко полудне, в душе человека созданного по образу Божию. Божественные апостолы, когда исполнились Духа Святого, испытали на себе все действия благодати. Ибо, получив дар языков, соделались премудрыми, чудотворцами, прозорливцами, во всем сильными и неустрашимыми и столь славными по всей вселенной, что, будучи рыбарями и не наученными человеческой премудрости, проповедовали Слово Божие с толикою мудростью и успехом, что самые ученые и мудрые книжники не могли *противустати их мудрости и Духу, имже глаголаху* (Деян. 6:9).

О необходимости для христианина возгревать в себе дары благодати и о средствах к тому

Павел, архиепископ Казанский. Слова и речи., т. 1

Самый сильный пламень вещественный погасает, когда не встречает родной ему пищи — сгораемого вещества, а тем больше, когда стараются погасить его веществами, останавливающими его распространение и усиление. Напротив, и слабая искра разгорается в сильный пламень, когда ей дают сродную пищу — горючее вещество. Дерево, сено, солома (1 Кор. 3:12), если огонь находит их в обилии, обращают в сильный пламень искру; вода, земля погашают и разлившийся на необъятное пространство пламень. По-

добному же закону подчинено и угасание или возгревание в нас благодатного огня — того благодатного дара, который каждому из нас дарован Господом для попаления в нас терния грехов наших, для озарения нашего ума светом истины и для очищения нашего духа и тела подобно очищенному огнем сребру и злату. При пище обильной дар Божий возгревается — при недостатке ее дух благодатный угасает. Потому для возгревания его мы должны в обилии питать его сродною пищею. Какою же пищею? Род ее определяется самым существом и свойствами даров Духа Святого в нас живущих. Нам дарован от Господа дух *премудрости и разума* — и мы будем давать сему духу сродную пищу, полагать твердые основания, верные залоги для его развития, усиления и возвышения, когда будем обогащать себя разнообразными познаниями и особенно приобретать ясные и основательные знания в учении Христовом. Знания сии, если только будут благоприятствовать тому и другие условия, будут постоянно возбуждать, поддерживать и питать возвышенную умственную деятельность нашего духа, а через нее и деятельность благодатной силы, и таким образом соединять и благодать, и свободу нашу для совокупной непрерывной деятельности во благо наше, содействовать умудрению нас во спасение. Нам дарован *дух совета и крепости* для царственно-мудрого и царственно-твердого управления своими силами душевными и телесными, и мы будем давать сему духу сродную пищу, полагать твердое основание для его усиления, укрепления, когда с надлежащею основательностью будем изучать и постоянно помнить возвышенные правила, определяющие христианскую жизнь; в сих правилах и наш дух, и присущая нам благодатная сила будут иметь и постоянные побуждения, и постоянное руководство к спасительной деятельности. Нам дарован *дух благочестия и страха Божия для* благоговейного служения Богу, для постоянного хождения во страхе Божием, и мы будем давать твердую и обильную пищу сему духу, полагать верные залоги для его развития и укрепления, когда будем постоянно яснее и яснее изучать основания и истинный характер благочестия, познавать величие, всемогущество, благость Творца, великие и спасительные дела Его, а наше — ничтожество, недостоинство. Вот та пища духовная, которою мы должны возгревать живущие в нас дары Божии — это спасительные знания. Но как скоро дух человека служит вместилищем только суетных, неустойчивых, как вода, знаний и мнений; как скоро он предан земным, подобно земле давящим своею тяжестью дух заботам, попечениям и стремлениям — тогда человек, естественно, не возгревает, а угашает в себе Духа Божия.

Для поддержания и усиления огня вещественного необходима сродная ему пища — без нее пламень погасает. Но и при избытке горючих веществ пламень не только не усиливается, но и погасает, когда нет других условий, необходимых для горения. В безвоздушном пространстве или

воздухе, наполненном препятствующими горению составными началами, и сильный огонь при обилии даже удобосгораемых веществ гореть не может. То же самое нужно сказать и о возгревании даров Духа Святого. Самое основательное, многостороннее, глубокое знание истин веры Христовой и правил жизни христианской не возгревает в человеке даров Божиих, когда человек окружен нравственным, духовным воздухом, неблагоприятствующим сему возгреванию. Если этот воздух тлетворный составляют хульные думы и беседы, нечистые, преступные помыслы и похотения, дух холодности к делу своего спасения, дух намеренного устранения от себя тревожащих и нарушающих нравственную дремоту или даже нравственный сон мыслей о Боге – то в этом случае самые обширные и основательные знания в делах веры и благочестия не сделают ничего для оживления нашей нравственной, духовной жизни и останутся одним бесплодным, безжизненным знанием. Для того чтобы благодать Божия спасительно действовала в нас, мы должны быть окружены благоприятствующим тому нравственным, духовным воздухом. Обстоятельства, среди которых жили свв. апостолы пред сошествием и по сошествии на них Духа Святого и которые так благоприятствовали исполнению их Духом Святым, ясно указывают нам этот нравственный воздух. *Сии вси бяху терпяще единодушно в молитве и молении* (Деян. 1:14) – так изображает св. дееписатель образ жизни свв. апостолов перед сошествием на них Св. Духа. *По вся дни терпяще единодушно в церкви и ломяще по домом хлебе, приимаху пищу в радости и простоте сердца, хваляще Бога* (Деян. 2: 46–47), говорит он об образе жизни свв. апостолов по сошествии на них Духа Святого. Итак, молитва к Богу, постоянное молитвенное настроение духа, радость о Господе, благоговейные размышления и собеседования о Боге и делах Его, чистота помыслов и желаний – такова была духовная, нравственная атмосфера, которою постоянно окружены были свв. апостолы и которая благоприятствовала исполнению их Духом Святым, постоянно возгревала в них дары Его. Молитвенным же настроением, усердными молитвами, благоговейными размышлениями и собеседованиями, чистотою помыслов и желаний должны и мы все возгревать живущие в нас дары Божии.

При обилии веществ легко воспламеняющихся в воздухе, состоящем из благоприятствующих горению составных частей, и слабая искра обращается в сильный пламень, но только тогда, когда она раздувается сильным, правильно направленным ветром. Как же скоро ветер слаб, или, получая направление неправильное, устремляет огонь в ту сторону, где нет для него сродной пищи, огонь или вовсе не разгорается, или разгорается слабо, или и после сильного горения погасает. Так не разгорается и гаснет огонь печный, наполняя храмину дымом, когда неправильно бывает направление ветра; так потухает пожар, когда ветер направляется в сторону

от жилищ человеческих. То же самое бывает и с огнем благодатным – с дарами Духа Святого, живущими в нас. Хотя бы обширны и основательны были знания человека, хотя бы хороша была и настроенность его – эти дары остаются недейственными, не приносят плода, если человек бездействует, не старается прилагать свои спасительные знания к жизни, обращать их в дело и таким образом приводить в движение свой дух и дар благодатный, или когда он дает неправильное, превратное направление своей деятельности. Что обыкновенно бывает с человеком в этих случаях? Самое жалкое зрелище обыкновенно представляет тогда духовная жизнь его. При бездействии его и при неразлучном с тем противодействии возгреванию благодатного дара, храмина его духа наполняется едким дымом и смрадом самопрельщения, духовной гордости, фарисейского лицемерия; в нем проявляется проникнутое духом нетерпимости пристрастие к букве учения и закона без проникновения в дух их; он пристращается к пустому, холодному, не оживленному верою мертвящему дух мудрованию и разглагольствованию об истинах самых животворных и благотворных – таковы естественные и необходимые порождения кичащего дух знания, когда оно не сопровождается усиленною доброю деятельностью. При направлении деятельности неправильном, духовная жизнь человека совершенно угасает, и остается один пепел жизни плотской, греховной, лишенной благодатного огня. Необходимы усиленные труды, необходима постоянная добрая деятельность, для того чтобы дары Духа могли возгреваться, воспламеняться – и при такой деятельности они действительно возгреваются, воспламеняются. Когда обыкновенно возрастают в человеке мудрость и разумение тайн спасения? Когда крепнет, усиливается *дух премудрости и разума?* Тогда, когда различные опыты и случаи жизни, предлагаемые жизнью вопросы и недоумения побуждают человека глубже вдумываться в христианские истины и правила и многостороннее и основательнее изучать их; когда по мере опытного знакомства с жизнью и ее добрыми и дурными сторонами, с ее волнениями, заблуждениями и увлечениями, с ее необъятным разнообразием, расширяется и просветляется кругозор ума его. Когда преуспевает он в благоразумии, твердости правил? Когда развивается и усиливается в нем *дух совета и крепости?* Тогда, когда он путем упражнения в разнообразных делах добрых, в борьбе со страстями и соблазнами обращает в привычку добрые действия и проникается постоянно большею и большею любовию к добродетели. Когда возгревается и крепнет в нем *дух благочестия и страха Божия?* Тогда, когда он преуспевает в делах благочестия, познает сладость их и всею душою прикрепляется к ним. Трудом и потом дары благодатные возгреваются, и в тружениках, подвижниках добродетели произрастают плоды духа: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5: 22–23). Свв. апостолы непрерыв-

ною усиленною деятельностью возбуждали и возвышали в себе благодатные дары, и с поразительною силою проявилась в них сила Божия.

Речи святых апостолов в книге Деяний вообще, как образцы для исповедников Слова Божия, и речь святого апостола Петра по сошествии Святого Духа (2: 14–40)

В. Певницкий.
«Руководство для сельского пастыря», 1874, № 42

Не широко и не разнообразно содержание апостольской проповеди, сколько можно судить по речам апостолов, до нас дошедшим, да и не могло быть раскрыто во всей полноте и со всею подробностью все христианское учение в немногих записанных речах, апостолы и не стремились к тому. Их главною целью было выставить существенные элементы новой веры, в которых содержатся все частные положения христианского вероучения и нравоучения. Они не входят в обсуждение и опровержение заблуждений тогда господствовавших в обществе человеческом, не представляют теоретических соображений направленных к разрешению отвлеченных вопросов знания, а сосредоточивают все внимание, как свое, так и своих слушателей, на деле искупления падшего человечества страданиями и смертью Христа, обетованного Мессии. Этим они на деле показывают всем последующим деятелям церковного проповедничества, где коренная, исходная и конечная точка для их наставлений, от которой должны получать начало и силу и к которой должны возвращаться их разъяснения; в какие бы частные вопросы они ни входили, у них не должна теряться из вида существенная идея христианского учения, и от центральной точки, следуя примеру апостолов, они постепенно должны переходить к разбору частнейших разветвлений одной – главной – христианской истины. Указание на факт искупления силою распятого и воскресшего Иисуса Христа, составлявшее сущность проповеди апостольской, было зерном горушечным, возросшим впоследствии в великое древо. При всей простоте своей это дело искупления так широко и многознаменательно, что усвоение его сознанием переменяло убеждение людей и давало новый оборот расшатавшейся жизни. С ним связано представление о Боге, полном милосердия и щедрот, всегда близком к нам и любовью Своею ведущем нас из жизни греха и страданий к блаженству и счастью; с другой стороны – представление о нашем ненормальном, греховном состоянии, сознание внутренней потребности очищения и заглаживания вины нашей перед Богом и необходимости нравственного исправления своей жизни. То и другое намечало

точки, по которым должно было начаться и совершиться преобразование человеческой жизни в теоретической и нравственной области.

Во внешней стороне апостольских речей, составлявшихся не по правилам искусства, а бывших делом минутного вдохновения, мы не найдем нарочитого выражения тех законов, уяснением которых занимается наука о церковном ораторстве. Но есть здесь черты, обращающие на себя внимание проповедника, долженствующего разъяснить народу то же слово о Христе, какое возвещали и апостолы. Такою чертою служит приспособление их к содержанию сознания их слушателей и употребление ими таких средств убеждения, какие имели значение в глазах тех, перед которыми говорилось слово. В большинстве случаев слушателями апостольских речей были иудеи воспитанные в законе и пророках, хранившие предание предков и гордившиеся своею историей как историей богоизбранного народа, состоявшего под особенным попечением Промыслителя. Перед ними апостолы ссылаются на ветхозаветное писание, многократно берут из него свидетельства в разъяснение или защиту проповедуемой ими истины, припоминают обетования Божии, пользуются примерами из отечественной истории и мудрою мыслию все направляют к оправданию своего свидетельства о Христе как обетованном Избавителе народа. Отсюда в их речах священный библеизм, при котором слово их стоит в самом близком и непосредственном соприкосновении с божественной книгой Завета, на нее опирается и к ней возвращается внимание слушателей. С этой стороны оно является достойным предметом всегдашнего подражания для проповедников божественного слова, имеющих дело с христианскими слушателями. Возникая из Слова Божия и будучи его продолжением и разъяснением, церковная проповедь не может оставлять без внимания тот божественный источник своей веры и своего содержания, который стоит перед глазами верующих с силою божественного авторитета.

К людям, верующим в Откровение и Писание, реже приходилось говорить апостолам; по крайней мере, речей обращенных апостолами к язычникам, дошло до нас гораздо меньше, чем речей сказанных перед иудеями. Собственно говоря, одна речь апостола Павла в Афинах может быть рассматриваема здесь как образец назидательных апостольских собеседований с неверующими. Судя по ней, апостолы в случаях сношений с язычниками не уклонялись от библейских оснований и не скрывали положительных истин, данных Откровением, но путь к вере в истины Откровения пролагали обращением к естественному религиозному чувству слушателей, к их разуму и совести, отыскивая в их сознании пункты соприкосновения с истинами, данными в Откровении, и приводя в созвучие с собою голос их авторитетов. Вместо Библии, не признаваемой язычниками и требующей предварительного приготовления для понимания, они ста-

рались облегчать понимание божественного учения через указание на чудеса природы, и удивительный ход человеческой истории, и на нередкие проблески истины в учении и изречениях мудрецов языческих.

Все речи апостолов, записанные в Деяниях апостольских, сказаны были по случаю, то есть вызваны были известным сплетением временных обстоятельств, давших возбуждение мысли говорящих. Случай был внешней исходной точкой для них, и случай связывал их с течением мироисторических событий. Вызванные запросом минуты, не повторяющейся в другой раз со всей своей частной особенностью, и отвечая на нее, они получили отсюда свою характерную индивидуальность и во всей своей целости были речами собственно только для своей минуты. Но руководимые Духом Божиим святые апостолы, приспособляясь к настроению минуты, каждый раз перед сознанием слушателей выставляли общее высокое содержание, и оно являлось в их устах со значением насущного материала, могущего питать души, требующие истины, и падало, как семя, на жизненное историческое поприще. Мы видим в этом один из существенных признаков истинного достоинства учительного слова, имеющего значение слова исторического. Таким бывает только то слово, которое не рождается от прихоти учителя, а с одушевлением отвечает на горячий запрос дня и пользуется настроением минуты для проведения вечных начал истины и правды. Частные сменяющиеся явления, действующие на личную волю человека, и общие начала высшей правды постоянно переплетаются в истории, и кто работает над их сочетанием с полным вниманием к запросам обеих сторон – тот только приобретает значение исторического деятеля. Так стоит дело как в жизни вообще, так и в сфере церковного учительства, в частности.

Первые речи, записанные в Деяниях апостольских, принадлежат апостолу Петру, который являлся в небольшом обществе верующих после смерти, воскресения Спасителя как бы представителем сонма единонадесяти апостолов. Представительное значение не в силу какого-либо внешнего особого полномочия, а в силу своего характера. Это был характер сильный и энергический, созданный для практической деятельности, а не теоретической мысли. Его отличала от других решительность и быстрая, смелая готовность на всякий подвиг без долгого обсуждения средств к исполнению этого подвига. При каждом возбуждении со стороны ли внешних обстоятельств или со стороны лица стоящего к нему в близком отношении напрягалась его энергическая натура и поспешно отзывалась соответственной деятельностью по запросу, обращенному к нему вместе с другими. Какая-либо знаменательная минута увлекала собою всю полноту его души, и он с увлечением предавался иногда такому делу, перед которым теоретическая натура сдержала бы свою волю. Эту энергию и кре-

пость в нем провидел Господь и Спаситель наш при первой встрече с Симоном Петром и в ознаменование сего к его прежнему имени Симона присоединил имя Петра, означающее *камень*, оставшееся за ним навеки. Эта энергия и решительность Петра служат причиною того, что при Спасителе в собрании учеников чаще других действует и говорит Петр, когда открывается дело или высказывается вопрос одинаково обращенный и к прочим ученикам (Мф. 16:16; 19:27; 17:4). Это же быстрое стремление к делу, упреждающее часто мысль, увлекало его к таким предприятиям, которые не были соображены с его силами, и было причиною многих его преткновений, заслуживавших ему упреки Спасителя и заставлявших его раскаиваться в поспешных, необдуманных поступках (Мф. 26: 33–35; 51–54; 69–75; Мк. 8: 32–33; Мф. 14: 28–31). Рядом с Петром Деяния апостольские поставляют апостола Иоанна Богослова, приписывая его совокупному действию многое случившееся в первое время после сошествия Св. Духа (3: 1, 3–6, 11; 4: 13–23). И этот возлюбленный ученик Спасителя стал после смерти и вознесения Спасителя на верху общества верующих опять не в силу внешнего полномочия, а в силу внутреннего обилия духа его наполнявшего. Это была натура сосредоточенная и глубокая, способная к восприятию самых возвышенных учений. Одаренная глубоко чувствующей душою, она вся предавалась лицу привлекшему ее расположение и за свою преимущественную любовь Иоанн удостоился особенной близости к небесному Сердцеведцу. Он не отличался такой быстрой решительностью и таким стремлением к деятельности практической, какие видны у апостола Петра: он жил более внутренним, чем внешним миром, но при сильных возбуждениях его душа способна была открыть все богатство своего внутреннего мира и произвести такие великие дела, к каким способны только сосредоточенные натуры.

Первая речь, имеющая значение открытого возвещения имени Христова и стоящая во главе всех позднейших проповедей, слышанных из уст свидетелей Христовых, сказана была апостолом Петром при необычайных обстоятельствах — тотчас после сошествия Св. Духа на апостолов, при обнаружившемся тогда чудесном действии Его в апостолах, изумившем всех бывших свидетелями чуда. При виде необычайного явления, произведенного Духом Божиим, одни ужасались, другие ругались над апостолами и говорили, что они вином исполнены. Апостол Петр воспользовался впечатлением, произведенным на народ проявлениями даров необычайных Св. Духа в апостолах, и, пригласив всех выслушать его, в своей речи выяснил, во-первых, ту смуту, какую чувствовали люди, не знавшие, что подумать при виде необычайного одушевления апостолов, проявившегося их речами на разных языках, заметив им, что это одушевление не есть какое-либо естественное возбуждение и что виденное ими есть не что иное, как исполне-

ние пророчества Иоилева об излиянии в последние дни от Духа Божия на всякую плоть; во-вторых, призвав снова к вниманию мужей израильских, открывает перед ними проповедь об Иисусе Назорее. Назвав Его мужем всем известным, засвидетельствованным от Бога силами, и чудесами, и знамениями, сотворенными среди народа, апостол припоминает, что Его по определенному совету и проразумению Божию они убили, пригвоздив руками беззаконных, и свидетельствует о его воскресении, вознесении на небо и излиянии Им от Отца Св. Духа, произведшего ныне виденное и слышанное. Главное, на чем останавливает апостол внимание слушателей, — это факт воскресения. В доказательство этого факта он ссылается на свидетельство всего своего общества и на пророчество о нем Давида. Факт воскресения показывал в воскресшем Иисусе Назорее не простого смертного человека, а Господа и Христа, давно обетованного Мессию. Чтобы утвердить веру в необычайное посланничество Иисуса Христа, Петр сопоставляет с Ним перед иудеями чтимого пророка Давида и говорит при этом, что Давид и умер, и погребен, и гроб его у нас до сего дня, и он не взошел на небеса, но, будучи пророком, знал, что, по обетованию Божию, от чресл его воздвигнется Христос по плоти, Которого душа не останется во аде и плоть Которого не будет видеть истления, и Который будет сидеть одесную Бога. Народ умилился сердцем, слыша проповедь Петра, и спрашивал его и других апостолов, что ему делать. Тогда Петр обращает нравственное увещание к своим слушателям (и это составляет третью и последнюю часть его речи), призывая всех к покаянию и крещению во имя Иисуса Христа для прощения грехов и к принятию дара Св. Духа, и при этом напоминает израильтянам, что им и детям их принадлежит обетование Божие, а потом — всем дальним, кого не призовет Господь Бог наш (Деян. 2: 14–39).

Самую замечательную черту в речи апостола Петра составляет постоянное обращение его к словам Св. Писания Ветхого Завета, авторитет которого имел непреложное значение в глазах его слушателей: через это он делает приспособление к понятиям слушателей и открывает таким путем доступ к их сознанию проповедуемой им истины, и новый свет проливает на нее. Необычайные великие события своего времени, не понимаемые или не признаваемые народом, окружающим апостолов, апостол Петр сближает с пророчествами о них и обетованиями, известными каждому израильтянину, и люди начинают веровать в то, чего не понимали или чего не признавали, и для них уясняется великое значение тех событий, о которых говорил боговдохновенный учитель. Другая черта, обращающая внимание на себя в речи апостола, — это мягкость слова, старание сгладить все жестокое и неприятное, что имел в себе предмет затрагиваемый речью апостола. Апостолу приходилось говорить о таком факте, который тяготеет неизгладимою виною на народе израильском, именно — о неправедном

осуждении им Того, Кого Бог Отец послал в мир Спасителем человеков и Кто представлял из себя высшую благодеющую, олицетворенную любовь. Выставляя этот факт, апостол Петр не поражает словом грозного обличения виновных, а старается по возможности извинить их преступление, указывая на то, что это совершилось во исполнение предопределенного совета Божия, как бы помимо прямой воли их. Противоположный образ представления мог бы ожесточить слушателей и оттолкнуть их как от говорящего, так и от веры в то, о чем говорит он, но тот, какой употребил апостол Петр, вносит примирение и умиление в души слушателей и в состоянии расположить их — как и действительно расположил многих — к искреннему и сердечному покаянию и вере в проповедуемого Мессию. В конце речи, желая более и сильнее расположить к вере во Христа умиленные сердца израильтян, апостол напоминает им об особенных обетованиях Божиих, им данных, о том, что они и дети их представляют богоизбранный народ, долженствующий предупреждать других в путях Царствия Божия, и тем, приспособляясь к их естественному национальному чувству, усиливает средства к тому, чтобы склонять их к вере в Господа Иисуса Христа.

О достопримечательностях речи святого апостола Петра по сошествии Святого Духа

Ф. Яковлев. «Апостолы». Вып. 1, М., 1849

1. По этой одной речи можем судить безошибочно, что в ап. Петре совершилась решительная и чудная перемена. Это не тот совсем, который испугался слов какой-то ничего не значащей женщины. Мы видим его с благородною смелостью как истинного посланника Божия, вступающего в шумную и бурную многолюдность: громкий его голос выражал уверенность в словах и силах. Это не тот, который говорил: *не знаю Его,* но полный убеждения в самом себе, гремел как труба Божия, что он знает Его и желал бы, чтобы целый мир узнал Его, как он знает: *твердо убо да разумеет весь дом Израилев,* говорит он всему народу, *яко и Господа и Христа Его Бога сотворил есть, сего Иисуса, Его же вы распясте* (Деян. 2:36), *сего Иисуса воскреси Бог, Ему же мы вси есми свидетели* (ст. 32). Он уже не отрекается, а первый вызывается свидетельствовать и перед кем? перед убийцами, распявшими Господа.

2. Речь ап. Петра не блистает цветами светского красноречия, но отличается своего рода красотою истины и убеждения. Она тронула сердца каменные, тронула тех, которые недавно с истовой яростью просили у Пилата смерти Иисуса Христа. И землетрясение, и затмение солнца не сделали того, что сделал воодушевленный силою Божественною голос апостола. Победоносное действие этой речи не заставило задуматься, а врезалось прямо в сердце: *умилишася сердцем,* говорит св. историк (ст. 37).

3. Слова апостола были просты и немудры. В них открылась новость, непримечаемая дотоле ни в Петре, ни в одном из учеников Христовых, а именно: глубокое знание Св. Писания. До воскресения Господа все они оказывались более несведущими, нежели знающими Писание. Без сомнения, они читали законные книги, но читали с таким же разумением, с каким книжники иудейские, – не углубляясь в их смысл. А теперь ап. Петр вдруг развивает высокие познания, вдруг, как просвещенный наблюдатель законных писаний, обращается к пророчествам, проникает в их тайны, приводит их в свидетельство с понятием соответственным, основательным, превосходящим все толкования тогдашних законников. Преобразование поистине изумительное и неизъяснимое! Явные признаки воодушевления сверхъестественного.

4. Апостол говорил иудеям об Иисусе Христе с некоторою осторожностью, приноравливаясь к их верованию. Он не говорит еще явственно, что Иисус Христос – Сын Божий, Слово Божие, но называет Его Мужем, засвидетельствованным от Бога чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди них; одним словом, поступает с ними, как с детьми, которым до известного времени их возраста не дают крепкой пищи. Это – светлые черты высокого его благоразумия, прозорливости и знания человеческого сердца.

5. Он открыто укоряет иудеев как убийц: вы, взяв *Его руками беззаконных, пригвождше убисте.* Но, имея в виду привлечь их к раскаянию, смягчает речь свою, объясняя, что Иисус Христос предан был им *нарекованным советом Божиим и проразумением.* Вот он – простой, неученый рыбак, движимый Духом Святым, – становится мудрецом, искуснейшим и благонамеренным ловцом людей; на нем исполняется предречение Спасителя: *отселе будеши человеки ловя* (Лк. 5:10).

Наконец 6. Ап. Петр обращает их внимание на себя, на смелость свою, мудрость и способность говорить иностранными языками и, как верный служитель Деяний Божиих, ничего себе не присвояя, уверяет, что все, что они видят и слышат, есть дело Духа Святого, которого Иисус Христос, вознесенный рукою Божией, приняв от Отца, излил на них по своему обещанию. Употребив здесь слова *от Отца,* делает первый шаг к вразумлению, что Иисус Христос – Сын Божий.

Изъяснение беседы, которую имел святой апостол Петр в день Пятидесятницы по принятии Духа Святого (2: 14–40)

Игнатий, архиепископ Воронежский. «Чтения о святом апостоле Петре»

При описании деяний св. апостола Петра, несколько подробном, нельзя

миновать нам без особливого обозрения первой беседы его, говоренной по принятии Духа Св. в день Пятидесятницы. Мы видели уже успех его речи. Речь, исполненная Духа и силы из самого источника их, из самых первых струй его, должна быть всегда, если можно так сказать, чудотворным образом Слова для служителей Евангелия в Церкви Христовой. Хотя мы и не в состоянии вполне представить сей св. образ, ни указать с подробностью на все черты его, но не можем, однако ж, не поговорить о нем, сколько можем, с некоторым изъяснением.

Ст. 14. *Мужие Иудейстии и живущии в Иерусалиме вси,* — начал Петр. *Вси* — слово простирается ко всему миру, *начав от Иерусалима до последних земли.* Оно по Духу, истинно, Божию, прежде всего дышит кротостью, хотя предлагается людям, которые сейчас ругались над апостолами и недавно убили Иисуса Христа, ими проповедуемого.

«Сие (как сказано ниже полнее, *что вы ныне видите и слышите* — теперь не нужно было пояснение: предмет мог быть показан рукою) *вам разумно да будет,* должно быть вам известно, *и внушите глаголы Моя».*

Часть слова, называемая в правилах витийства вступлением. Духоносный проповедник называет своим только *глаголы,* одну вещественность слова: прочее все — не его, а Духа Святого.

«Событие столь важно, как бы так говорил Петр, и достойно вашего внимания, а не укоризны или недоумений только, ни даже одного простого удивления; событие столь важно, что всем вам должно знать о нем как о предмете, который давно можно и надлежало знать вам».

Ст. 15. *Не бо, якоже вы непщуете, сии пияни суть.* При сих словах проповедник указал, представляется мне, на себя и собратий. *Есть бо час третий дне,* — прибавил он.

Слово обращается, прежде всего, против предубеждения, которое обращало все настоящее дело в позор по легкомыслию некоторых. Наставник говорит о людях, к числу которых принадлежит и сам, как будто о других, так как говорит не от себя, а от Духа Божия, подобно как выражался о себе и евангелист Иоанн. Нынешнего проповедника, впрочем, все видели; говорить ему о себе было бы излишне. Он не выставляет, в устранение нарекания, ни себя собственно, ни собратий; выставляет опровержение в другом виде, сколько простое, краткое, естественное, столько же и уважительное к слушателям, — время всем общее. Час третий дня считается по-палестински с восхода солнечного.

«Что люди сии не пьяны, — как бы так говорил теперь апостол, — в том ручается собственный ваш, иудеи, слушатели наши, общий обычай (Петр стоял со всеми апостолами). Праздник Пятидесятницы все обыкновенно препровождают с особливым благоговением и вниманием; ссылаемся на вас, на известную строгость в соблюдении Закона народа нашего. Кто упи-

вается у нас в простое время так рано? (На Востоке, по причине жары, значило бы это крайнюю нелепость.) *Упивающиеся в нощи упиваются,* – писал св. Павел.

Далее следует часть слова положительная: предложение, чем служит здесь слово Писания, верное основание всему.

Ст. 16–21. *«Но сие есть реченное пророком Иоилем».* Естественно, надобно иудеям знать пророчества, и благоговеть к ним, а не смеяться над исполнением их или оставаться с праздным только удивлением, с недоумениями. Что же сказано там?

«И будет в последние дни, глаголет Господь, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша, и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония видят: ибо на рабы Моя и на рабыни Моя, во дни оны излию от Духа Моего, и прорекут. И дам чудеса на небеси горе, и знамения на земли низу: кровь и огнь и курение дыма. Солнце преложится в тьму, и луна в кровь, прежде даже не прийти дню Господню, великому и просвещенному. И будет всяк, иже еще призовет имя Господне, спасется».

При напоминании пророчества, и пророчества столь дивного, к общему спасению людей относящегося, могли ли слушатели иерусалимские отказать во внимании проповеднику? Ему оставалось далее сделать только приложение к слову, что настоящее событие есть, действительно, исполнение Слова Божия. В том и состоит далее вся речь Петрова, причем возобновляется приветствие или воззвание к слушателям как бы с новым приглашением их к большему, если можно еще, вниманию.

Ст. 22–23. *«Мужие Израильстии!»*

Приветствие новое. Оно было более почетно и приятно народу, нежели первое – *Иудеи!* Первое напоминало более о настоящем состоянии народа; другое обращает его к тем первоначальным временам счастия народного, когда не только не сокращался он, как теперь, почти в одно из двенадцати колен Израиля по наименованию, и в два только по самой вещи, но и был в особенном Завете с Богом Авраама, Исаака и Иакова, равно и со своей стороны с полным ведением и любовью к Нему. Такое понятие о наименовании евреев *израильтянами* дает св. апостол Павел, когда говорит в похвалу иудеев: *иже суть Израилите, их же всыновление, и слава, и завети, и законоположение, и служение, и обетования.* В другом месте то же наименование выставляет св. Павел в преимущество, как отличное от общего звания евреев: *Евреи ли суть? – и аз: Израилите ли суть? – и аз.* Итак, св. Петр, воззванием своим вызывая слушателей к обращению внимания их на древнее пророчество и на настоящее дело Божие, хочет внушить им таким образом, чтобы народ вникнул в них как должно истинно народу Божию, *иудеям не по наружности, но в тайне и обрезанию сердца духом.*

«Послушайте словес сих» – словес пророчества, исполнения его в собы-

тии. В пророчестве заключается не один предмет, а многие, и именно: а) излияние Духа Божия на всех людей; б) знамения, имеющие предшествовать некоторому особенному дню Господню; в) наступление дня сего; г) всеобщность спасения для всех народов. Изъяснение пророчества в слове проповедника представляется в порядке частью обратном: а) знамения как свидетельства для всех поразительные и ясные; б) великий день Господень; в) излияние Духа Святого и г) всеобщность спасения.

Сперва знамения.

«Иисуса Назорея, мужа от Бога извествованна в вас силами и чудесы и знамении, яже сотвори Тем Бог посреде вас, якоже и сами весте. Сего нарекованным советом и проразумением Божиим предана приемше, руками беззаконных пригвождше, убисте».

Какой подлинно ряд чудес, явлений и знамений должен был представиться теперь слушателям апостола — чудес, явлений, знамений пятьдесять только дней назад занимавших весь Иерусалим, когда Иисус (Христос) Назорянин был на кресте! В пророчестве сказано о трех в особенности знамениях — о крови, огне и курении дыма: они именно и исполнились в день распятия Иисусова; луна прилагалась в кровь, солнце (огонь) померкало, тьма была по всей земле, тьма с дымом, так как в тот же день было и землетрясение, при котором из трещин земли обыкновенно исторгается особенно пахучий дым. Вместе с сим сами собою в особенности приводились теперь слушателям на мысль те чудеса, кои сотворил Иисус среди израильтян и которые как бы забыты были в день распятия, — многоразличное исцеление больных неисцелимых, очищение прокаженных, просвещение слепых, спасение грешных, воскрешение мертвых. Неоднократные свидетельства Божии в гласе с небес, ко Иисусу нисходившем среди собраний народа, также должны причисляться сюда как явления *на небеси горе*.

«Все такие знамения долго и непрерывно были среди вас, слушатели наши, — как бы так говорил Петр, — вы сами все сие знаете. И не свидетельства ли это Божественные, что Иисус от Бога? Не многие ли из вас сами говорили, *что не мог бы человек сицева знамения творити, аще не бы Бог был с ним?* Судя по тому, как Иисус свидетельствовал свыше и какие благодеяния сделал Он вам, нельзя бы, казалось, и случиться сему, что с ним сталось, но человеческие соображения все исчезли в глубине совета Божия о Нем! Вы его взяли как бы не собственною своею волею; Он Вам предан, вы убили Его — не сами, а руками беззаконных язычников. Все же то сделано с Ним по предопределенному намерению и предведению Божию».

Какими между тем утешительными мыслями, по возможности, обставлено здесь самое тяжкое слово для израильтян: *убили Иисуса Назорея, мужа от Бога извествованна в вас силами, чудесами и знамениями, яже сотвори Тем Бог*

посреде вас, якоже и сами весте! А какой-то язык и есть, истинно, язык беспредельной любви Самого Иисуса Христа, тотчас по воскресении переданный апостолам для сообщения ее всем без изъятия, не исключая никого! Апостол теперь сообщает им и сообщает ее *не в словеси ласкания* – со своей стороны называя все, как есть: «Вы убили Иисуса, – говорит он прямо, – но такой поступок исчезает в бездне любви Божией и предопределений, если вы того хотите!» – как бы так изъясняется с тем вместе.

Далее богопроповедник изъясняет тот великий и славный день Господень, о котором упоминается в приведенном пророчестве и прежде наступления которого должны быть явления на небе и знамения на земле, упоминаемые в пророчестве. Они в самом деле были, только за день пред самым наступлением дня Господня.

Ст. 24. *«Его же Бог воскреси, разрешив болезни смертные, якоже не бяше мощно держиму быти Ему от нея»,* – продолжал апостол.

Как речь идет здесь о человеческой природе Господа Иисуса Христа, соединенной с Божеством в лице Его, то и говорит апостол соответственно сему понятию, что Иисус воскрешен, воскрешен как бы не собственно (то есть не человеческою) силою, – говорит притом сообразно понятию слушателей, еще не наставленных в истинном богословии о трех лицах Божества и о воплощении. Впрочем, когда сразу же прибавляется, что и не возможно Иисусу было оставаться мертвым, то сим самым сказывается уже, что воскрешение Его Богом не есть действие Божие внешнее, как воскрешение других людей, но сила воскресения заключалась в собственном Божеском существе Самого Иисуса Христа. Знамения и чудеса производил Сам Иисус; тою же силою и воскрес Он. *В Нем обитает всяко исполнение Божества телесне,* а Богом Словом *вся быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть.* Посему и выражение, что Бог воскресил Иисуса, значит не иное что, как природа Божеская во Иисусе возвратила человеческой природе Его жизнь собственною своею силою.

Так было для того, чтобы общая природа наша в лице Иисуса Христа получила нужное ей по смерти вооживление. Посему-то болезни смерти, кои уничтожены во Христе Иисусе и коим нельзя было удержать Его во Гробе, по отношению к нам называются на подлинном языке *болезнями рождения* (ὠδῖνες). Он, как сказует в одном месте Слово Божие, – *перворожден из мертвых.* Смерть о Нем есть уже возрождение наше, способ прехождения в жизнь истинную и вечную.

Ст. 25–28. Впрочем, изъяснение таинства смерти Иисуса Христа, по соединению в нем естества Божеского и человеческого, было теперь еще не по слушателям и не в пору. Почему апостол, в изъяснение воскресения Иисусова, обращает внимание своих слушателей опять на слова Св. Писания, которому не могли они не верить, и далее говорит как бы так:

«Не думайте, впрочем, что воскресение Иисуса Христа, нами возвещаемое, есть новость и случайность неожиданная, о которой, посему, можно рассуждать еще и с той стороны, возможно ли оно. Обратитесь к известным для всех вас и столь часто повторяемых, *по вся субботы чтомых в синагогах ваших*, псалмам: в них давно уже Давид предсказал, что надобно некогда быть такому воскресению.

«Давид бо глаголет о Нем (о Иисусе глаголет), *предзрех Господа предо Мною выну: яко одесную Мене есть, да не подвижуся. Сего ради возвеселися сердце Мое, и возрадовася язык мой: еще же и плоть Моя веселится на уповании: яко не оставиши души Моея во аде, ниже даси преподобному Твоему видети истления. Сказал ми еси пути живота: исполниши мя веселия с лицем Твоим»*.

Слова *предзрех Господа предо Мною выну; Ты дал мне познать пути жизни; Ты исполнишь Меня радостию с лицем Твоим* ясно показывают притом, что говорившему таким образом о воскресении плоти Своей известен Самому переход от смерти к жизни, и — он имеет общение с Господом непрерывное и близкое, как одно лицо с другим равным лицом.

Ст. 29–31. «О Иисусе ли говорит таким образом Давид, а не о себе самом — желаете вы знать, израильтяне?» — продолжал апостол с новым чувством расположения к ним и любви.

«Мужие братия! достоит рещи с дерзновением к вам о патриарсе Давиде, яко и умре и погребене бысть, и гроб его есть в нас даже до дне сего.

«Это все известно, и такое слово не может быть сочтено за неуважение к великому нашему предку», — продолжал апостол.

«Как же, — думаете вы, — говорил Давид таким образом о воскресении другого, как бы о собственном своем?»

«Пророк убо сый, и ведый, яко клятвою клятся ему Бог от плода чресл его по плоти воздвигнути Христа и посадити Его на престоле Его предвидев глагола о Воскресении Христове, яко не оставися душа Его во аде, ни плоть Его виде истления».

«Он мог говорить таким образом от лица своего: Иисус Назорей — потомок его по плоти и наследник вечного в доме Израилеве престола. И могло ли, в самом деле, такое слово Давидово остаться напрасным? А когда оно не исполнилось в лице Давида, вот исполнилось в лице одного из его потомков по плоти!»

Ст. 32. *«Сего Иисуса воскреси Бог, Емуже вси мы есмы свидетели.*

«И в законе же вашем написано есть, яко двою человек свидетельство истинно - есть», — казалось, говорил теперь Петр самым видом своим с соапостолами — вот стоят пред вами двенадцать свидетелей — число священное, положенное в самых основаниях народного бытия нашего, избранное Иисусом Христом как бы представительно от всего народа израильского и всех племен земных!»

Слово апостольское о воскресении Иисусовом относится к изъяснению той части пророчества, где говорится о наступлении особенного, великого и славного *дня Господня.* Апостол, значит, показывает, что сей день Господень (день *Иеговы* – еврейское имя Бога истинного) есть день Воскресения Иисуса Христа. Такой день следовал, в самом деле, сряду за днями знамений, бывших на небеси и на земли. Известно, что днем *Господа* (днем *Иеговы*) называлась издревле Суббота, день седьмый, освященный покоем Господа по сотворении мира. Особенно был велик день *тоя субботы,* перед которою распят был Иисус, по тому самому, что праздновалась тогда по Закону и Суббота, и Пасха иудейская, воспоминание прехождения народа из Египта в землю обетованную, но по *благодати и истине,* которая явилась миру для спасения всего мира, проведения всех от смерти к вечной жизни, был день тоя Субботы еще более велик, по превосходству *велик и славен.* Изъясняет это Церковь в одном из своих догматиков – в догматике Великой Субботы, на вечерни перед Пасхою. «Днешний день тайно великий Моисей прообразоваше глаголя, – поет Церковь, – и благослови Бог день седьмый, сия бо есть благословенная Суббота, сей есть упокоения день, в он же почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий, смотрением еже на смерть плотию субботствовав, и, во еже бе паки обращься воскресением, дарова нам живот вечный». Не суббота, впрочем, ветхозаветная составляет о Иисусе Христе *день Господа,* по слову богопроповедника (подвиг Господа в день собственно субботний еще продолжался, болезни смерти держали его по плоти во гробе), но следующий за нею день. Сей день – день Воскресения Господня – есть день истинной Пасхи, или приведения рода человеческого от смерти к жизни. Он-то стал днем Господним (ἡμέρα κυριακῆ). Так называется день недельный в самом начале Церкви апостольской, как видим в Откровении. Св. Павел в Послании своем к Евреям со всею подробностью раскрыл, что понятие о *дне Господнем,* по пророчеству Давидову, должно быть перенесено с Субботы, собственно так называемой, на день нового *покоя* о Иисусе Христе. В самом деле, оба дни сии – день Субботы и день *единый,* так сказать, слились тогда в один. Воскресение Господа последовало на самой черте между ними, как видно из Истории евангельской, где и упоминается частью в начале следующего дня. В самую Субботу, когда Тело Господа почивало во гробе, душою, яко Бог, сходил Господь во ад и там явил славу Свою ветхозаветным верующим так же, как *минувшей Субботе* восстал и телом для утверждения на земле благодатного царства Своего.

В такой же день – в день воскресный, или недельный, – явилось и то, о чем, собственно, говорено было теперь апостолом, – излияние Духа Божия – день *великий и славный,* или ясный, просвещенный, день, в который, по слову пророка, дары ведения Божественного должны излиться на вся-

кую плоть, так что и пророчества, и видения, и откровения должны составить достояние всех верующих без различия народов, пола и возраста. В самом деле, св. Петр в другой своей проповеди вместо одного дня упоминает о всех тогдашних днях. *Вси пророцы*, говорят, *предвозвестиша дни сия.* Почему под именем *дня Господня*, предвозвещенного пророком Иоилем, можно разуметь, по апостольскому слову, и все время наставшее во Христе Иисусе, с Его воскресением; но день Воскресения есть как бы утро полного, великого дня благодати, *инаго жития вечного начало*, как поем мы о Христове дне. И вообще, всякий день праздников наших, праздников о Господе может справедливо называться одним из дней *Господних*, так как все праздники и в Ветхозаветной Церкви назывались *Субботами Господними*, а пророки предвозвещали о днях спасения нашего тот — о таком, другой — о другом; один, например, о Вознесении, другой — о Рождестве, о Крещении Христовом в особенности; однако ж день Воскресения Христова между ними есть «един Суббот Царь и Господь», по выражению Церкви.

Нет сомнения, что *день света и откровения* должен быть *днем Господним великим и просвещенным*, но точно ли настал он по пророчеству? — вот что в особенности должно быть изъяснено теперь иерусалимским слушателям апостолов. Что распят Иисус Христос, это было известно, но что Он и воскрес, чему не веровали иудеи, — в том состояла теперь главным образом нужда изъяснения о дне Господнем. И то доказано теперь даже пророчествами — не только свидетелями.

Где же воскресший Иисус? — само собою представлялось теперь иудеям. Почему апостол продолжал:

Ст. 33. *«Десницею убо Божиею вознесеся, и обетование Святого Духа прием от Отца излия сие, еже вы ныне видите и слышите».*

Когда несомненно то, что Иисус воскрес, не может уже казаться дивным, что не видим Его ныне. Он вознесся на небеса тою же силою Божества, которою и воскрес. И тому, что Он вознесся, мы — свидетели. Кто не мог быть удержан во гробе смертью, Тот не остался уже среди тления настоящей жизни. А пред разлучением с нами, сперва на смерть, говорил Он нам, что ею от Бога Отца исходатайствует Духа Святого для нас, и потом, перед вознесением и при самом вознесении Своем, сказал определенно, чтобы мы вскоре ждали исполнения обетования Его, не выходя из Иерусалима. Пятьдесят дней назад как воскрес Иисус, десять — как вознесся; очевидно, Он принял от Отца то, что обещал нам, и исполнил то, *что вы видите и слышите.* Пророчество Иоиля в точности исполнилось. Дух Святой *излит на всяку плоть*. Слышите — неученые галилеяне сии говорят разными языками! Собрание наше составляют и *рабы, и рабыни* Господни (Пресвятая Дева и равноапостольные жены, о коих было прежде сказано, что они были в собраниях апостольских по вознесении Господ-

нем, без сомнения, были в собрании и в день сошествия Духа). Вот, в нем есть и *юноши, и старцы.* (Из самых апостолов были некоторые, например, Иоанн и Филипп, в юношеском возрасте). Не ясно ли открылся на всех нас первый из даров Духа, упоминаемых в слове пророческом, — дух пророчества?

И о том, что не Давид, а некто из потомков его должен был взойти на небеса, сказано также им самим, Давидом.

Ст. 34. *«Не бо Давид взыде на небеса: глаголет бо сам: рече Господь Господеви Моему: седи одесную Мене».*

Слова сии предлагал некогда иудеям и Господь Иисус. Он спросил однажды, чей сын должен быть, по их понятию, Мессия? И когда иудеи сказали, что Давидов, то Господь присовокупил: как же Давид Духом называет его Господом и как Господь (по-еврейски *Иегова,* имя Божие) может быть сыном Давиду? Рассуждение вело к тому, что хотя Мессия и действительно должен быть сыном Давидовым, но только — *по плоти,* и что должно быть в нем и другое естество, по которому Он Господь, Иегова, Сын Божий.

Ст. 35. *«Дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих»,* продолжал пророк Давид и теперь — апостол Петр. Слова, по разуму их, как изъясняет в других местах св. Павел, значат то, что и смерть есть враг Господа *(ее не сотвоил Бог)* и что она также должна быть в свое время покорена Им — Им, собственным Его лицом. По отношению к другим, чтобы то есть и все люди о Христе Иисусе освобождены были от смерти и тления через общее воскресение, она и называется в Писании врагом *последним.*

Ст. 36. *«Твердо убо да разумеет весь дом Израилев, яко и Господа и Христа Его Бог сотворил есть, Сего Иисуса, Его же вы распясте».*

Обращается, наконец, слово апостольское ко *всякому дому Израилеву.* Сперва называло оно слушателей своих иудеями, потом — израильтянами, далее — братиями, ныне, наконец, — *всяким домом Израилевым,* давая последним воззванием разуметь, что всякий в собственном кругу своем должен знать для себя проповедуемую истину, и, если бы кто не принял ее из соотечественников или даже из родственников, отделиться для нее от других. Господь давно предназначил уже в Евангелии Своем такое разделение о Нем в семействах — разделение сына от отца, матери от дочери, невесты от свекрови и проч.

Заключение слова о Иисусе, как Господе и Христе или Мессии (Избавителе), относится ко всей сказанной беседе и частнее, или ближе, — к словам Писания в ней: *рече Господь Господеви Моему, седи одесную Мене.* А что такое лицо, и Господь и Христос есть Иисус распятый, тому доказательством служит все, что сказано было выше во всей апостольской беседе.

«Яко и Господа и Христа Бог сотворил есть Его», — говорит апостол. Само собою разумеется, сотворение здесь не такое, какое надобно разуметь о

создании тварей. Пусть таким образом и можно было бы (говорим предположительно) сказать о Мессии, Избавителе, что Богу угодно было устроить Его в каком-либо, особенными дарованиями одаренном, разумном создании Своем, но сотворить Господа, Иегову, нельзя. Если Мессия просто сын Давида, то как Давид, по вдохновению Божественному, нарицает Его Господом, Иеговою, — говорил Христос? В каком же, посему, разуме говорится, что *и Господем и Мессиею Бог сотворил Иисуса,* изъяснением тому служит довольно часто употребляющийся в Писании оборот речи, выражающий такую мысль, что все делается свыше, Богом. Оборот сей заключается, например, в следующих выражениях: *Аз ожесточу сердце фараоново,* говорит в одном месте Бог, и *послет пронареченного вам Христа Иисуса,* говорит в книге же Деяний св. Петр к иудеям. Можно ли, собственно, разуметь, что Сам Бог ожесточал сердце фараоново, тогда как Бог принимал все средства к смягчению сего сердца, а иначе Сам был бы причиною фараонова ожесточения? Можно ли просто сказать, что Бог пошлет иудеям Мессию, тогда как Мессия был уже послан? Не ясно ли, что таким образом приводится только Богом в явление то, что скрыто от людей? Да, упомянутые выражения имеют значение такое же, как сказано было: *я покажу, сколько жестоко сердце фараоново; Бог откроет вам, что Мессия послан уже к вам.* Так и здесь, в речи апостольской, выраженис *и Господем и Христом Бог сотворил Иисуса* значит по библейскому наречию то же самое, как бы сказано было: Бог явил, или как выше сказано, *засвидетельствовал,* что Иисус есть и Господь и Христос, явил таким образом, как сказано выше, то есть показал через знамения, чудеса, пророчества и самые дела.

Ст. 37. *«Сего Иисуса, Его же вы распясте»,* — сказал апостол иудеям. После всего того, что перед сим сказано было, какою тяжестью должны были пасть такие слова на совесть его слушателей! Так, слушатели апостола Петра, выслушав речи, умилились сердцем, тотчас начали говорить как Петру, так и прочим апостолам: *что сотворим, мужие братия?*

Петр продолжал заключение речи своей:

Ст. 38. *«Покайтеся, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа во оставление грехов: и приимите дар Святаго Духа».*

«Покайтеся» (то же слово, которым начиналось благовестие и Предтечево, и Христово, но уже в совершенном исполнении). Надобно вам не только переменить образ жизни и мыслей, но и сделать это не иначе, как во Христе Иисусе, распятом за грехи наши и восставшем *за оправдание наше;* без того нет истинного покаяния. *Креститесь,* и тот же дар Духа Святого, какой видите теперь на нас или у нас, получите и вы. Надобно *излиться Ему на всяку плоть;* надобно получить его всем, кто призовет Господа Иисуса. Но вам, братия израильтяне, надобно принять Духа, призвать имя Господне прежде всех иных народов.

Ст. 39. *«Вам бо есть обетование и чадам вашим и всем дальним, елики аще призовет Господь Бог наш».*

«Обещание о том, что сказано в пророчестве Иоиля о дне Господнем. Благодать столь обильно излилась с неба, что не ограничится нами или вами одними, но и все народы будут призваны во благодать сию».

Ст. 40. Заключение беседы апостольской состоит из заключения пророчества. Заключение поистине назидательнейшее: оно состоит в указании средств к исполнению или приобретению того, о чем было поучение. *И иными словесы множайшими*, присовокупляет дееписатель, *засвидетельствоваше и моляше их, глаголя: спаситеся от рода строптиваго сего.* Таким образом склонял он слово от общих созерцательных истин спасения к тому наипаче, чтобы действительно воспользовались ими люди, слушающие об них; достойная особливого также примечания для слушателей Слова черта поучения – указание средств к исполнению.

Некоторые из мудрых века сего, вероятно, подумают, какого бы превыспреннего витийства надобно было ожидать от того, кто стал говорить в состоянии вдохновения свыше? Каких непостижимых мыслей, какого велеречия, какого искусства в изобретении, в расположении слова! Но как, напротив, просто слово от Духа Божия! Предмет его один – Бог, чертеж слова – расположение слова из Откровения Божия; основание или доводы – опять Откровение и опыт, изложение – истинность, украшение – простота, дух – искренняя любовь к Богу и ближним; цель – спасение всех, заключение – указание средств к тому. Не это ли и есть, что св. Павел называет *в Слове явлением духа и силы на пользу*, – на пользу? Конечно, мы, обыкновенные служители Слова Божия, никогда не можем возноситься до высоты даров Духа обитавших в апостолах, но по мере сил непременно должны держаться и мы святых примеров служения нашего, призывая на дело свое *Духа истины*, единого всех Наставника.

Изъяснение пророчества Иоиля (2: 17–21)

Блаженный Феофилакт.

«Толкование на Деяния святых апостолов». Казань, 1871

И будет в последние дни, глаголет Господь, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша: и юноши ваши видения узрят, и старцы ваши сония увидят (ст. 17). *Ибо на рабы Моя и на рабыни Моя, во дни оны излию от Духа Моего, и прорекут* (ст. 18).

Не сказано: *излию Духа Моего*, но *от Духа Моего.* Не Дух, но дар Духа изливается на всяку плоть и именно на уверовавшую, то есть на язычников. Но он еще не открывает им этого, а слова *на всяку плоть* подают им и добрые надежды и не позволяют ожидаемые блага присваивать себе одним;

через это самое он подсекает и зависть в самом ее корне. Обрати же внимание на то, как разнообразно Откровение Святого Духа. Один, имея благодать Духа, пророчествует; другой, неспособный на это служение, получает дар видений: так Петр в шестом часу дня видит сосуд; так Корнилий в девятом часу видит ангела. Видение сердцем не называется взглядом или взором (ὅραμα), но видением (ὅρασις). Иначе видят видение: так видевший говорит «иди»; иначе видит теорему, когда видят уже не глазами; иначе поучаются образами, какие представляются во сне.

И дам чудеса на небеси горе, и знамения на земли низу, кровъ, и огнъ, и курение дыма (ст. 19). *Солнце преложится во тму, и луна в кровъ, прежде даже не прийти дню Господню, великому и просвещенному* (ст. 20). *И будет всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется* (ст. 21).

Этими словами пророк наперед ясно предсказывает и о будущем Суде, и об Иерусалиме, и о плене иудеев, и о событиях, имевших быть при Кресте Христовом, и наконец, о том, что случилось с иудеями вследствие римской войны, когда в Иудее проливалось римлянами множество крови, когда развевался дым от сожигаемых городов и селений. Через это иудеи несли наказание за свою дерзость против Христа – за дерзость, которой не перенесло и самое солнце и смежило свое око, световую силу, и луна свой сребровидный образ изменила в красный свет. Говорят, однако же, будто много подобных явлений было на небе и во время разрушения Иерусалима; так свидетельствует Иосиф (Флавий). Впрочем, словами *луна преложится в кровъ* пророк указывает и на чрезмерную жестокость заклания (т.е. распятия Господа). Но почему происходит это в третьем часу? Чтобы показать чудесность этого явления: блеск огня виден среди светлого дня, когда все на площади! Впрочем, составитель (богослужебных) песней понимает сказанное пророком так: кровь – воплощение, огонь – Божество, курение дыма – Святой Дух, осенивший наитием Деву и исполнивший мир благовонием, а под днем Господним разумеет день воскресения. Но Господь говорит: *излию от Духа Моего, прежде неже приити дню Господню.* Скажи иудею: если одно лицо и одно имя у Божества и если Бог говорит Сам о Себе, то почему не сказал: прежде нежели прийти дню Моему? Если, говорит (Петр), вы согрешаете теперь безнаказанно, так на это не надейтесь, потому что это только начало того великого и трудного дня. Подвигнув этим и устрашив сердца их, он успокаивает их и дозволяет им питать добрые надежды. *И будет всяк, иже аще призовет имя Господне, спасется.* Но не просто призовет, потому что говорится: не всяк, глаголяй Ми: Господи, Господи; нет, всяк, кто призовет с расположением и с доброй жизнью. Включив теперь в свою речь слово о вере (о необходимости веры), потому что спасение зависит от призывания, он делает (свою) речь удобопонятною. Имя Господне, по объяснению Павла, при-

зывается во имя Христа, но Петр на этот раз не решился открыть это своим слушателям.

Об исполнении пророчества Иоиля над иудейством и язычеством (ст. 19–20)

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Сочинения, т. 1, изд. 1872 г.

И дам чудеса на небеси горе и знамения на земли низу, кровь, и огнь, и курение дыма. Солнце преложится во тму и луна в кровь, прежде неже прийти дню Господню великому и просвещенному. Читая с благоговением сие пророчество, я всякий раз невольно вопрошал сам себя: что бы это за чудеса на небеси и знамения на земли, что бы это за огнь, и кровь, и курение дыма, за помрачение солнца и преложение луны в кровь, предвозвещаемые пророком? Правда, в горнице Сионской, где были собраны апостолы в день Пятидесятницы, бысть шум, *яко носимую дыханию бурну,* но это дыхание никому не вредило, а только привлекало собою общее внимание на апостолов. Правда, что при сем явились и *языцы разделены, яко огненни,* но эти языцы никого не опаляли собою, а в мире и тишине почили на главах апостолов. Где же огнь, и кровь, и курение дыма? Где помрачение солнца? Где преложение луны в кровь?

Таким образом, можно подумать, что пророчество не исполнилось, но возможно ли, чтобы не оправдалось на деле то, что предвозвещено Духом Святым? Нет, провещенное пророком не могло не исполниться и исполнилось, только не в один, так сказать, день, а в продолжение целого пространства времени, ибо это пророчество, хотя собственно идет к преславному сошествию Св. Духа на апостолов, яко началу Нового Завета, но вместе с тем обнимает собою не одно это событие и начало, а и дальнейшую судьбу и утверждение всего Нового Завета.

И дам завет нов. Как решительно все это исполнилось, спустя несколько лет, при разрушении Иерусалима и падении Иудеи! Сколько тут крови, огня и дыму! Сколько раз за этою мглою и огнем не видно было на горизонте Иерусалима ни солнца, ни луны! И все эти грозные события служили ни к чему другому, как и к упразднению Ветхого, и к утверждению в силе Нового Завета и, следовательно, были как бы сопровождением его явления.

Подобное можно сказать и о некоторых последующих временах, например Диоклитиановом, когда скончалась последняя борьба христианства с иудейством и язычеством. Не пламенели ли тогда все жители Империи (что почти то же, что весь свет) лютым гонением на последователей Христовых? Не всюду ли текли потоки крови мучеников и исповедников? Не давало ли небо особенных знамений? И не происходило ли на

земле страшного события? И все это к чему послужило, как не к окончательному утверждению новозаветной религии и к уничтожению иудейства и язычества?

Примечание: Во время Крымской войны были замечены чрезвычайные знамения на небе и на земле: Германия видела на своем небе целые воинства с всеоружием; в наших поволжских странах с видом луны произошли необыкновенные превращения; землетрясение в Бруссе, под глазами самого Константинополя, произвело сильное опустошение. Преосвященный Иннокентий видит в этом знамения, которые предвещали торжество христианства в ослаблении перед ним магометанства и, следовательно, как бы новое излияние Духа истины и благодати свыше на землю.

Богослужение апостольского времени (2: 42–47)

Ф. Смирнов, ныне епископ Христофор.
Труды Киевской духовной академии, 1873, т. 1

Как скоро после сошествия Св. Духа и следовавшей затем проповеди апостола Петра возникло первое христианское общество крещеных верующих, имеющих одно сердце и одну душу, в сознании их общения со Христом и между собою через союз одного духа, одной веры и одного крещения, общество это естественно должно было открыться и внешним образом в своей жизни. Эту жизнь общества в ее первоначальной свежести, в единстве и полноте веры и любви изображает нам книга Деяний в непосредственной связи с событием Пятидесятницы и крещения трех тысяч иудеев – в гл. 2: 42–47 и особенно в ст. 42. *И они постоянно пребывали в учении апостолов* (τῇ διδαχῇ τῶν ἀποστόλων), *в общении* (τῇ κοινωνίᾳ), *в преломлении хлеба* (τῇ κλάσει τοῦ ἄρτου) *и в молитвах* (ταῖς προσευχαῖς).

Некоторые ученые хотят видеть в этом стихе нарочитое описание богослужения первобытного христианского общества и относиться к нему исключительно, как, между прочими, Мосгейм и Ольсгаузен. Но против этого говорит уже перечисляемое в стихе между другими явлениями κοινωνία, которое не составляет и не может составлять какой-нибудь особой части богослужения, и потом то обстоятельство, что в 46 стихе снова говорится о богослужении.

Вообще, в основании мнения названных ученых лежит такое разделение общественной жизни и общественного богослужения, от которого еще далеко было только что зарождавшееся общество христианское.

Скорее, согласно с Гарнаком, нужно признать, что во всем отделе книги Деяний от 42 до 47 стиха (2-й главы) Лука изображает общинную жизнь первых христиан в ее главных отношениях: так, в 43 стихе он указывает

на деятельность апостолов, в 44 и 45 говорит о взаимном общении всех членов общества, выражающемся в деятельной и самоотверженной любви братской и в 46 – о богослужении. Все эти моменты обнимает вступительный 42 стих, по отношению к которому все другие служат дополнением и пояснением и который, следовательно, может быть понимаем как известие о совокупном явлении христианской общественной жизни, которая представляется в нем как со стороны зависимого отношения верующих к апостолам, которым они свободно подчинялись, так со стороны их внутреннего отношения между собою, их постоянного братского общения, выражавшегося особенно в общественной молитве и преломлении хлеба. Христианская жизнь первоначального общества представляется, таким образом, как продолжительное или постоянное общественное богослужение, и в этом смысле рассматриваемый стих (42) может и должен быть относим и к богослужению. На основании этого стиха, но лишь в связи с дополняющими его следующими стихами, можно составить приблизительное понятие об основных частях и свойствах первоначального богослужения иерусалимского общества.

При этом нужно остерегаться, однако, рассматривать это бесформенное и семейное, почти не выделяющееся от обыденного образа жизни верующих, первобытное богослужение как самостоятельный институт, правильно организованный и получивший определенную форму. Правда с самого начала уже дают себя заметить главные составные части христианского богослужения, но они не успели еще выделиться из общей связи жизни юного общества, в которой все отдельные нити переплетаются между собой; богослужение является непосредственным выражением общественного духа и, по мере потребности веры, является то отдельно, то в связи с общей жизнью. Несомненно во всяком случае, что в самом начале христианской общественной жизни даны зародыши позднейшего чина общественного богослужения, даже различных видов его.

1) При чтении 42-го стиха мы замечаем, прежде всего, существующее в первобытном христианском обществе *различие,* даже некоторую противоположность между *апостолами и верующими.* Первые – руководители и учители, последние – ученики. *«Они* (верующие) *постоянно пребывали в учении апостолов»* (τῇ διδαχῇ τῶν ἀποστόλων). Такое отношение между апостолами и обществом установилось естественно, само собою, независимо от сознания апостолами своего авторитета и своих прав, в силу религиозной и нравственной зависимости общества. Апостольской проповеди общество обязано своим происхождением; оно должно было поэтому постоянно находиться под руководством апостолов, пребывать в учении их или иначе – оно должно было созидаться на основании апостолов: оно не могло ни продолжать своего существования, ни распространяться, не утвержда-

ясь непоколебимо на этом основании. Этот принцип свободно подчиненного отношения общества к апостолам должен был высказаться, прежде всего, в богослужебной жизни, в частности, *в учении*. Последнее, сообразно с назначением общества, должно было принять двоякое направление: внешнее (экстенсивное) – через исполнение миссионерского призвания общества среди Израиля посредством открытого исповедания веры Христовой, и внутреннее (интенсивное) – через взаимное назидание в частных собраниях. То и другое назначение исполняли преимущественно сами апостолы, открыто проповедуя Иисуса Христа людям и согласно Его заповеди уча соблюдать то, что Он заповедал им. Служение Слову апостолы считали своим первым долгом (Деян. 6:4), но не присвояли себе исключительно. Рядом с апостолами правом общественного слова пользовались уже и другие, как напр., диакон Стефан, который избран был лишь на экономическую общественную должность, но, исполненный силы и духа, проповедовал Христа и открыто вел спор с представителями синагог. И апостолы не лишали этого права никого, хотя апостол Иаков предостерегает от учительства тех, кои пользовались этим правом непризванно, из одного тщеславия, и вообще советует благоразумно пользоваться даром слова; право на общественное учительство, по апостолу, дает внутреннее достоинство человека, мудрость и добрая жизнь (Иак. 3). Со временем при поставлении пресвитеров к обязанностям их относили не только надзор, но и учительскую деятельность, как справедливо заключает Роте на основании 7 и 17 стихов 13 главы Послания к Евреям.

Так как с одной стороны *«учение апостолов»*, как видно из их писаний, непосредственно примыкало к священным писаниям Ветхого Завета, особенно к пророческим частям их, и так как с другой стороны новое общество состояло из иудеев и даже не порвало своей связи с храмом и синагогой (Деян. 3:46), то естественно думать, что в богослужении иерусалимских христиан удержано было обычное употребление *библейских чтений*, которые предполагали апостольское учение и с которыми, по всей вероятности, стояло в непосредственной связи, так что пророки, наряду с апостолами, являлись учителями общества и идея единства двух Заветов фактически осуществлялась в богослужении.

Было бы несправедливо, конечно, думать, что оба эти элемента богослужения – учение и чтение писаний – были расположены в известном порядке или системе и были приурочены к известным лицам как теперь. Чтение и учение сливались еще как бы в один акт и являлись в форме непринужденной семейной беседы членов общества, в которой предпочтительно перед другими принимали участие лица более способные, обладающие благодатными дарами, под председательством и руководством апостолов. На это указывает и древнейшее название этой части богослужения – ὁμιλία.

2) Другое выражение в нашем стихе — *общение* (κοινωνία) — по самой общности и неопределенности приводило в затруднение ученых, особенно тех, которые стих этот относят исключительно к богослужению, и подало повод к разным мнениям и предположениям.

Стихи 44 и 45, равно как соподчиненное положение «κοινωνία» в отношении к διδαχῇ и «κλάσις τοῦ ἄρτου», дают возможность определить настоящий смысл его. Оно означает взаимное братское общение верующих, как нравственное, так и имущественное. Они как братья составляли одну семью, каждый член которой принадлежал всецело обществу и добровольно отказывался от личной собственности, которой общество располагало сообразно с нуждами каждого. С другой стороны, каждый смотрел на другого как на своего собрата во Христе и оказывал ему должную любовь и братское расположение. Это братское отношение друг к другу и взаимная материальная поддержка (Ср. 2 Кор. 9), оказываемая взаимно, самым наглядным образом выражалась в общественном богослужении. Потому-то апостол и поставил «κοινωνία» рядом с другими актами богослужения. Позднейшее употребление в книгах новозаветных слов κοινωνία оправдывает высказанное нами соображение относительно его смысла. Κοινωνία и κοινωνεῖν часто употребляются для обозначения дел христианской благотворительности и милосердия (Рим. 12:13; 2 Кор. 8:4; 9:13; 1 Тим. 6:18) и иногда в связи εὐποιΐα (Евр. 13:16).

Мы увидим также, что «κοινωνία» удержано в общественном богослужении после апостольского времени не только в смысле «εἶναι ἐπὶ τὸ αὐτὸ», но и ἔχειν ἅπαντα κοινά. Оно обнаруживалось в общих вечерях, или агапах, для которых каждый уделял сколько мог. Благодаря тесной связи своей с молитвой и Евхаристией агапы получили специфически богослужебный характер, а вместе с тем и это обнаружение κοινωνία, добровольное приношение нужных даров, образовало богослужебный акт, хотя больше приготовительного и подчиненного рода.

Поэтому, если мы и не можем с Мосгеймом и Ольсгаузеном признать κοινωνία приношения в позднейшем смысле этого слова, во всяком случае, так как κοινωνία обнаруживалось, между прочим, и в добровольных пожертвованиях в пользу общества, которые поступали в распоряжение апостолов и на счет которых устроялись вечери, то в κοινωνία можно видеть, кажется, первоначальное возникновение позднейших приношений (oblatio = προσφορά) и смотреть на этот обычай как на установление апостольское, с постепенным выделением богослужения из общей жизни, принявшее другую форму, но, в сущности, выражающее тоже апостольское κοινωνία.

3) Средоточие общественной жизни первых христиан иерусалимских и высшее выражение κοινωνία, понимаемого в широком смысле, составляло *преломление хлеба* (κλάσις τοῦ ἄρτου). По-видимому, едва ли может быть

вопрос, разуметь ли под κλάσις τοῦ ἄρτου в рассматриваемом месте обыкновенные вечери или исключительно Евхаристию, если всегда иметь в виду то, что в обществе иерусалимском первоначально еще не были разделены богослужение и обыденная жизнь христиан. И словоупотребление не говорит за себя ничего решительного. Правда κλᾶν ἄρτον во многих местах новозаветных писаний употребляется для обозначения Евхаристии (Мф. 26:26; 1 Кор. 10:16), но оно не может быть принимаемо всегда исключительно в этом значении, как предполагает Роте. Этого не допускают многие места Писания (Мф. 14:19; Лк. 24: 30, 35; Деян. 27:35). Напротив, из 46 стиха рассматриваемого места мы узнаем, что у христиан иерусалимских были ежедневные домашние обеды τράπεζαι (Деян. 6:2), на которых тоже преломляли хлеб. Поэтому под κλάσις τοῦ ἄρτου нужно разуметь священные вечери вообще.

Спрашивается, какое *значение* имели эти вечери и откуда получили они свое *начало*? Есть ли это явление чисто христианское или же привнесенное отвне?

Бесспорно, подобные вечери существовали как в иудействе, так и в язычестве, и новообращенные христиане иудейские вечери могли знать по опыту, так как сами участвовали в них до своего обращения, языческие – по слуху. Но одна аналогия, и притом чисто внешняя аналогия вечерей христианских с дохристианскими, не дает права ставить их в исторически причинную связь и первые производить из последних. Мы должны вникать в сущность исторического явления, как представляется оно само в себе, в своей объективной действительности, и на основании положительных данных объяснять его происхождение.

Из книги Деяний, гл. 2, ст. 46, мы видим, что христианские вечери получили свое начало естественно и независимо от сторонних влияний, с первым зарождением христианского общества, которое в них именно впервые открылось как собственно христианское общество, в отличие от общества иудейского. Отделившиеся от «рода развращенного» (Деян. 2:40), соединенные крещением, исполненные Духом Святым христиане образовали одну семью и имели все общее (Деян. 2: 44–45 и 4: 34–35), даже ежедневные вечери. К такой тесно сплоченной общинной жизни совне располагала опасность грозившая им со стороны их соплеменников, изнутри, – тот дух братства и свободной любви друг к другу, какой породило христианство. Сам Спаситель Своим отношением к ученикам представил первообраз истинно христианской жизни. Сам Он считал Себя отцом и обращался с ними как со Своими детьми (Мф. 10:25; 20:1; Лк. 13:25). Его малое стадо, или малый кружок учеников, лично принимал в них участие. Правда название (ἀγάπαι) указывает на то, что они обязаны своим происхождением главным образом христианской братской любви (ἀγάπη)

или, лучше, общению (κοινωνία) , которое нашло в них соответствующее выражение своего существа. Тертуллиан противополагает характер христианских агап характеру языческих обедов, к которым допускались и бедные, и в этом отношении указывает существенную разницу между теми и другими. В то время, как там бедные допускались к столу только в качестве шутов, христиане принимали их как братьев, чисто из любви к ним; на эту-то любовь указывает самое название ἀγάπαι... В этой-то любви, в этом общении исключительно и полагают источник или начало происхождения агап, по примеру Златоуста, который называет агапы ἀπόῤῥοια τῆς κοινωνίας ἐκείνης... Как ни неоспоримо это, все-таки остается необъясненным, почему христианская братская любовь и общение в общей именно трапезе искали своего осуществления, а не проявились в другой какой-нибудь форме.

Вполне удовлетворительный ответ на этот вопрос мы получим лишь тогда, когда рядом с этим, так сказать, субъективным началом происхождения агап поставим объективное начало; такова последняя предсмертная вечеря Господа и следовавшее затем повеление совершать благословение и преломление хлеба и принимать чашу, затем — образовавшаяся на основании этой вечери последующая форма Евхаристии, нераздельной со вкушением пищи, — форма, в которой общество христианское после сошествия Св. Духа впервые проявило себя. Имея в виду эти положительные основы общинной христианской жизни, нет надобности искать причин происхождения агап вне христианства. Христианская любовь, возникшая из особого источника, совершенно противоположного иудейскому и языческому принципу, не имела нужды ни заимствовать, ни изобретать формы для своего проявления и осуществления; такая форма уже дана была, стоило только воспользоваться этой готовой формой, и она воспользовалась. Агапы, таким образом, образовались весьма естественно из вышеуказанных первоначальных вечерей первобытного общества и представляют лишь к изменившимся обстоятельствам приноровленное видоизменение их. Первая, как и последняя, имела собственно христианское, объективно обусловливаемое, происхождение. Они в одно и то же время *и вечери Господни, и вечери братской любви* христиан. Одну сторону их выражает название «δεῖπνον κυριακόν», другую — «ἀγάπαι»; ту и другую обнимает древнейшее название «κλάσις τοῦ ἄρτου». Агапы, как и первоначальные вечери, находились в тесной связи с Евхаристией. В этом они имели свое оправдание, свою опору и свою цель; только в связи с Евхаристией они имели неоспоримое значение. Отделенные от нее, они стали делом второстепенным и потому должны были мало-помалу выходить из употребления, как показывает история, и, наконец, исчезнуть совсем.

Вопрос: прежде ли Евхаристии или после совершались агапы? – обращал на себя большое внимание ученых. Бинтерим с большим остроумием силился доказать, что агапы всегда, и уже в апостольское время, совершаемы были после Евхаристии. Люфт признает за несомненное, что сначала агапы предшествовали Евхаристии. В пользу этого мнения он указывает на аналогию их с первоначальной вечерей Господа, которой следовали, конечно, и в этом отношении апостолы, как во всем другом, и затем – на первое Послание к Коринфянам. Впоследствии, по причине беспорядков, агапы стали совершать, по его мнению, после Евхаристии, и это случилось, вероятно, уже в апостольское время. Дремер также различает древний и последующий обычай в этом отношении. Последний (обычай) основывался, по его мнению, на аскетическом предположении, что Евхаристия должна быть принимаема натощак. О практике после апостольского времени совершать агапы после Евхаристии свидетельствуют Киприан, Тертуллиан, Василий В., Златоуст, Иероним. Августин в письме к Ианнуарию обычай совершать Евхаристию натощак называет апостольским учреждением.

4) Наконец, в рассматриваемом месте, в ряду фактов, из коих слагалась жизнь христианского общества, называются *молитвы* (προσευχαί). И это выражение, по справедливому замечанию Гарнака, всего естественнее объяснять по аналогии с другими, уже рассмотренными выше, и разуметь под ним как ежедневные часы молитвы, которые соблюдаемы были и первыми христианами (Деян. 3: 1–10; 9: 22, 17), так особенно общественные молитвы и песнопения, которыми сопровождались агапы с преломлением хлеба (Ср. Мф. 26: 26, 27, 30; Деян. 2:46). Молитвы эти в связи с διακονία τοῦ λόγου, в противоположность διακονεῖν τραπέζαις (Деян. 6: 2, 4), придавали вечерям характер священный и возводили на степень богослужебного акта согласно учению апостола (1 Тим. 4:5).

Нет сомнения, что апостолы как председатели общества, заправлявшие ходом вечерей вообще, были главными *совершителями* молитв: им принадлежало начало в этом деле; и προσευχαί, как и διακονία τοῦ λόγου, они считали своим священным долгом, для которого отказывались от διακονεῖν τραπέζαις. Но и общество не пассивно относилось к этому акту, как это было обыкновенно в храмовом и синагогальном культе, а принимало деятельное участие (Деян. 1:14). В какой *форме* выражалось это участие вообще в постоянных молитвенных собраниях – через произношение ли перед молитвою и после молитвы утвердительной формулы *аминь*, или в форме антифонной, или в форме ипофонной (т.е. в форме подпевания) – на этот счет нет известий в писаниях новозаветных. Известен только один, особенный, впрочем, случай, ясно показывающий, что общество не стеснялось какой-нибудь формой в этом отношении и громко произносило мо-

литву. Когда Петр и Иоанн, отпущенные первосвященниками, возвратились к обществу христиан, последние «единодушно возвысили голос к Богу и сказали» и проч. (Деян. 4:24).

По *содержанию* своему молитвы первых христиан представляли частью изречения взятые из ветхозаветных псалмов, частью — свободное излияние молящегося, славословящего и благодарящего сердца — излияние тех чувств, какие овладевали обществом в данную минуту. В том и другом случае молитва являлась импровизацией, порождаемой вдохновением. Образец такой свободной, но в то же время к псалму 2 главным образом приноровленной молитвы сохранила нам книга Деяний: *«Владыко Боже, сотворивший небо, и землю, и море, и все, что в них. Ты устами отца нашего Давида, раба Твоего, сказал – Духом Святым: что мятутся язычники и народы замышляют тщетное? Восстали цари земные и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его* (Ис. 2: 1–2). *Ибо поистине собрались в городе сем на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтий Пилат с язычниками и народом израильским, чтобы сделать то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. И ныне, Господи, воззри на угрозы их, и дай рабам Твоим со всею смелостию говорить Слово Твое, тогда как Ты простираешь руку Твою на исцеление и на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса»* (Деян. 4: 24–30). Другой образчик чисто свободной, безыскусственной молитвы представляет молитва апостолов при рукоположении Матфея, избранного в число 12 апостолов, которая должна считаться первообразом всех последующих молитв, так называемых посвятительных: *«Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место»* (Деян. 1:24). Вообще, молитвы первобытного христианского общества, сколько можно судить по сохранившимся образцам, отличаясь богатством, полнотою и глубиною внутреннего содержания, в то же время полны пламенного одушевления, священно-поэтического настроения и по форме представляют прекрасное сочетание простоты и достоинства.

При угнетенном состоянии первых христиан, при постоянных опасностях, угрожавших им со всех сторон, молитва была единственным утешением их, так сказать, спутницей жизни; молитвенное настроение было обычным настроением, которое высказывалось при всяком удобном случае. Молитвы составляли существенную и едва ли не самую обширную часть богослужения апостольского времени. Из книги Деяний мы видим, что ни одно собрание, частное или общее, не обходилось без молитвы, а часто молитва составляла исключительное занятие известного, большего или меньшего, кружка верующих (Деян. 1:14; 2:1; 4:31; 12:12).

5) Рядом с молитвой в состав богослужения иерусалимских христиан апостольского времени входило, без сомнения, и пение, которое есть не

что иное, как та же молитва выраженная нараспев. Ольсгаузен не находит в рассматриваемом отделе книги Деяний указания на пение. Но Гарнак справедливо ставит ему на вид, что он или упускает из виду, или узко понимает выражение 47 стиха αἰνοῦντες τὸν Θεόν. Правда под этим выражением, при широком его значении, можно разуметь не только хвалебные песни и доксологии, но и молитвы, и одушевленные речи. Во всяком случае, исключать первые мы тем меньше имеем основания, что пением закончил свою вечерю Иисус Христос, и употребление его должно быть для христиан делом не только естественным, но в некоторой степени обязательным и священным. Что касается внутреннего условия, внутренней настроенности к пению, то мы должны предполагать в этом обществе особенную полноту мира и радости с Богом примиренного сердца, которое свое естественное и необходимое выражение могло найти в пении, если бы даже нам и не сказано было, что первые христиане были исполнены Св. Духа, Который их утешал (Деян. 2:4; 9:31), и что они принимали пищу в веселии и простоте сердца (Деян. 2:46). Наконец, апостол Иаков смотрит на пение как естественное выражение радости и советует к нему обращаться в минуты веселого расположения, между тем как в скорби рекомендует молитву. «Злостраждет ли кто в вас — пусть молится; весел ли кто — пусть поет псалмы». Такой взгляд апостола на пение не мог остаться без влияния на богослужебное его употребление.

Псалмы, по всей вероятности, и были первоначально петы иерусалимскими христианами в их собраниях. На песни собственно христианские еще нет никакого намека, хотя можно с вероятностью полагать, что христианское творчество и в эту раннюю пору проявлялось, по крайней мере, в такой же степени и форме и относительно пения, как относительно молитв: на основании псалмов и в связи с ними оно должно было созидать и собственную поэзию, собственные гимны, и это тем скорее, что самые псалмы располагали к этому.

После того, что мы сказали отдельно о каждом из элементов, входивших в состав богослужения иерусалимского общества и поименованных в рассматриваемом месте Деяний, мы можем легко определить взаимное *отношение* этих элементов. Первые два — διδαχῇ τῶν ἀποστόλων и κοινωνία — согласно с Неандером мы принимаем за общее организующее начало или принцип, в двух последних — в κλάσις τοῦ ἄρτου и προσευχαί — согласно с Гарнаком признаем частные проявления указанного общего принципа, главные составные части зарождающегося собственно христианского богослужения. Διδαχῇ τῶν ἀποστόλων указывает на различие, κοινωνία — на равенство членов общества; первое обозначает единственную норму, последнее — общественную форму жизни общества. То и другое составляют существенно необходимое предположение, основу, фундамент, истори-

ческую почву, из которой и на которой богослужебная жизнь общества созидалась с внутренней необходимостью. Из учения апостолов богослужение почерпало *объективное*, на воле и установлениях Господа основанное, оправдание и истинность, в то время как свое *субъективное* происхождение оно имело в обществе верующих, которое в нем преимущественно осуществлялось и сохранялось. Отсюда вытекают два главных, основных принципа, непосредственно и всесторонне проникавших первобытное богослужение: принцип *истинности*, в силу которого ни один акт богослужения не находился в противоречии с апостольским учением, и принцип *общественности*, вследствие которого богослужение было действительным выражением общества, истинно общественным богослужением, в котором не только все члены соединены были в одном духе, но и внешним образом все принимали деятельное участие, служили Богу сообща.

Эти два элемента — διδαχὴ τῶν ἀποστόλων и κοινωνία — не только обусловливали происхождение и образование богослужения, но и сами входили в состав его: διδαχή — как фактическая проповедь, κοινωνία — как общественная вечеря.

Итак, в первоначально христианском общественном богослужении три главных элемента: *учение, преломление хлеба* и *молитва* или *евангельско- и гомилетическо-дидактический, общественно-сакраментальный и песненно-молитвенный*. Спрашивается теперь, как эти отдельные элементы соединялись в одно целое — в одно богослужение?

Ответ на вопрос о том, как соединялись главные элементы богослужения в одно целое в апостольский век дает нам стих 46 второй главы Деяний: «*И каждый день единодушно пребывали* (христиане) *в храме* (ἐν τῷ ἱερῷ) *и, преломляя* (κλῶντες) *по домам* (κατ᾽ οἶκον) *хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога* (Деян. 2: 46–47). Здесь различаются собрания двоякого рода: *обширное, общественное собрание в храме* и более *местное, частное собрание в домах.*

Сам Господь часто посещал храм Иерусалимский, учил здесь, словом — пользовался им как самым удобным местом для проповеди, где все давало Ему повод к раскрытию учения о Себе, как Мессии, хотя предсказал окончательное разрушение его (Ин. 2:19; 7: 14, 28; 8:2; 10:23).

По примеру своего Учителя и первое христианское общество сохранило общение с храмом Иерусалимским и соблюдало освященные законом богослужебные действия и времена не противоречившие началам христианства. *Каждый день единодушно пребывали в храме*, говорится о первых христианах иерусалимских. Апостолы Петр и Иоанн ходили в храм в известные часы молитвы и учили в храме; особенно местом христианских собраний была зала, называемая притвором Соломоновым, освя-

щенная присутствием Самого Спасителя (Деян. 3: 1, 11; 5:12; 20:42; Ин. 10:23).

Побуждение к собранию в храме было двоякого рода. Прежде всего, как истинный Израиль по духу, христиане сами принимали участие в иудейском богослужении, особенно в чтении и молитве. Но, несмотря на это, они составляли, как мы уже заметили выше, свой особый, тесно сплоченный кружок, сознававший свое отличие от остальных – некрещенных и неверующих – соплеменников. *Из посторонних же никто не смел пристать к ним* (Деян. 5:13). Участие в богослужении не было единственной целью христианских собраний в храме; оно служило скорее лишь средством для выполнения другой, высшей цели – миссии христианского общества среди Израиля. И мы видим действительно, что собрания их не ограничивались одним участием в богослужении, а всегда непременно сопровождались проповедью о Христе и проявлением тех сил, которыми наделено христианское общество. Потому-то, несмотря на отвращение и вражду, какую питали к апостолам и христианам люди книжные, предвидевшие неминуемое падение иудейства, первые были еще обеспечены от гонений: народ прославлял апостолов за чудеса и любил христиан за их хорошую жизнь (Деян. 2:47; 5:13; 4:21; 18:4). Таким образом, благодаря участию в богослужении храма, юное общество назидалось само и в то же время исполняло свое миссионерское призвание среди Израиля. Эта часть их богослужебной жизни была преимущественно *экзотерической, миссионерской,* главный элемент которой составляло возвещение Слова Божия во услышание всего Израиля (Ibid. 4: 20, 29, 33; 5: 20–21).

Если иерусалимские христиане принимали еще участие в храмовом богослужении, особенно в праздники и даже в жертвоприношениях (Деян. 18:21; 20:16; 21:26; 24: 11, 18), из этого отнюдь не следует, будто им не было еще известно значение жертвы и священства Христова, которое будто бы впервые открыто им лишь за несколько дней до разрушения храма через Послание к Евреям. Что оно могло совмещаться с идеей жертвы и священства Христова – самое ясное доказательство этого представляет поведение апостола Павла (Деян. гл. 21). Но не все христиане так отчетливо сознавали отношение христианства к Ветхому Завету, как апостол. Многие из иудео-христиан так сживались со своими прежними обрядами, что упускали из виду значение жертвы Христовой, и, при охлаждении первого пламени веры и любви и при возрастающей силе гонений, иудео-христианам угрожала опасность остаться при ветхозаветном порядке в той форме, которая равнялась отрицанию христианства или, по крайней мере, естественно должна была бы привести к этому отрицанию. Против такой фактически существовавшей тенденции в обществе направлено послание, которое утешает христиан в бедствиях обрушившихся на них, но в то же

время весьма сильно обличается пристрастие к обрядовому закону как отпадение от благодати, как неуважение единой, всесовершенной и вечной жертвы Христовой, которая уничтожила собою все жертвы как ее прообразы (Евр. 6 и 10).

Идея всеудовлетворяющей жертвы Христовой не в первый раз возвещена в Послании к Евреям как новое Откровение. Она с самого начала жила в сознании иудео-христиан и только постепенно, путем опыта, достигла большой ясности и зрелости, особенно с ее отрицательной стороны, уничтожающей Ветхий Завет. Самое Послание указывает на нее, как на одну из самых первоначальных истин христианского вероучения (Евр. 5:2), предполагает ее уже известной своим читателям и обличает их за то, что они, которые должны быть учителями других, сами еще нуждаются в учении. И в самом деле, есть прямые и косвенные свидетельства, что понятие о жертве Христовой, принесенной раз навсегда за человечество и уничтожившей необходимость всякой другой жертвы, с самого начала существовало в иерусалимском обществе. Не только апостол Петр проповедовал отпущение грехов во имя Распятого — Стефан уже открыто объявлял уничтожение Ветхого Завета с его храмом и заменение его Новым Заветом (Деян. 6: 11-14; 7: 48-50). Жестокие гонения на христиан со стороны иудеев ясно доказывают, как хорошо знали они, что в борьбе с христианством для них шел вопрос о жизни и смерти — быть или не быть (Деян. 21:28). Рассуждения на Иерусалимском Соборе (Деян. 15) показывают, что иудео-христиане смотрели на соблюдение закона не как на существенное нечто в деле спасения, но как на иго, и иго тяжелое, возлагаемое на них лишь их национальным происхождением, и, вопреки тем, кои проповедовали необходимость обрезания и соблюдения закона для языческих христиан, апостолы писали последним, что они освобождают их от этого бремени (Деян. 15:19).

Притом, как мы не раз уже замечали, иерусалимское общество с первой минуты своего бытия имело определенное сознание о себе как собственно христианском обществе. Хотя оно существовало внутри Израиля и находилось в тесной жизненной связи с ним, оно было, однако, достаточно сильно, чтобы представить противовес указанному юдаизированию христианства, к которому стремились некоторые христиане обратившиеся из фарисейской секты. Таким сознанием о себе как особом, самостоятельном обществе, сознанием своего отличия от иудейского общества общество христианское обязано своим частным домашним собраниям, в которых христиане не только внутренне, но и внешне отделялись от Израиля и представляли из себя исключительно общество исповедников Христовых. В этих-то собраниях мы должны искать центр тяготения всей жизни иерусалимских христиан. В них скрывались с самого начала заро

дыши к постепенному отделению от храма и его культа, которое составляет историю этого общества и которое все определеннее и серьезнее возбуждало в христианине из иудеев неизбежную дилемму – оставить или Моисея, или Христа, то есть или храм, или эти собрания (Деян. гл. 12 и 15). Пренебрегать последними – значило бы попирать Сына Божия, не почитать за святыню кровь Завета и оскорблять Духа благодати, за что угрожает несравненно тягчайшее наказание, чем за отречение от Моисея (Евр. 10:29).

6) Участие в храмовом богослужении, какое принимали христиане частью по старой привязанности к отечественной религии, частью – для исполнения своей миссии среди Израиля, не могло удовлетворять их. В таких общих, смешанных собраниях, где их окружал народ, отчасти подозрительно и враждебно относившийся к ним, они не могли совершать тех действий, в которых должна была воплотиться их новая вера и новая жизнь и которые могли быть понятны лишь верующему. Потому-то первые иерусалимские христиане собирались не только в храме открыто, но и частным образом, в домах. *«Каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога»*. Что здесь указывается на многие частные поместительные дома, это понятно само собою, если принять во внимание постоянное возрастание числа верующих, которые не могли уже помещаться в одном месте (Деян. 2: 41, 44; 6:7). Для нас важнее вопрос: в чем состояли эти собственно христианские собрания?

Отчасти мы уже познакомились с этого рода собраниями при рассмотрении 42 стиха. Соображая с этим стихом стих 46, мы с несомненностью можем полагать, что эти собрания имели богослужебный характер и соединяли в себе все составные части богослужения, указанные в стихе 42: *учение, общение, молитву и пение*, средоточие коих составляло *преломление хлеба*, или *Евхаристия*.

Совершение Евхаристии по существу своему должно было составлять главный, средоточный акт собственно христианского богослужения, рассматривать ли ее со стороны ее божественного установления и сакраментального достоинства или со стороны общественно жизненного значения. В ней, как ни в каком другом акте, собственно христианский элемент находит непосредственное и совершенное выражение. Такое именно значение и придавали ей первые христиане, ибо не только все общество христианское участвовало в совершении Евхаристии, но для этой цели специально и предназначались частные ежедневные собрания.

Все другие акты – учение, молитва, пение – лишь обставляли акт преломления хлеба, имели значение приготовительных, сопровождающих и заключительных актов. Это, между прочим, видно из Деян. 20:7, где гово-

рится о собрании в первый день недели *для преломления хлеба*, хотя в то же время упоминается о продолжительной беседе апостола Павла накануне разлуки своей с верующими. Если учение в этом случае заняло большую часть времени, перед преломлением и после преломления хлеба, и продолжалось до полуночи, это объясняется особенным обстоятельством, и оно не может быть названо целью собрания, главным актом его — целью собрания было преломление хлеба.

Учение было связующим звеном обоих собраний — общественного и частного; оно происходило как *в храме* (ἐν τῷ ἱερῷ), так *и по домам* (κατ᾽ οἶκον) (Деян. 4:42). Но в этом и другом месте оно имело различное значение, различную цель и потому и различную форму. В то время, как при храмовых собраниях оно составляло главный предмет, в собраниях частных оно было хотя существенным, но подчиненным в отношении к преломлению хлеба, так сказать, вспомогательным элементом. Там является оно как миссионерская проповедь для приготовления и обращения их к крещению (Деян. 5:42; 4:33; 2: 7, 11). Для этой цели испрашивали себе у Бога смелость верующие (ibid, 4:29); к этому возбуждаемы были апостолы Ангелом Господним (ibid. 5:20); к этому направлены и их речи (ibid. 2:14; 5:11). Здесь, в домах, назидались уже крещенные верующие, слушали предание самовидцев о речах и делах Господа, восходили от знания к знанию, утешались и вдохновлялись святейшими истинами и обетованиями их веры, и таким образом, через свободный взаимный обмен мыслей, утверждались больше и прочнее в апостольском учении. Поэтому там апостольское слово имело вид священно-ораторской речи, здесь оно является в форме обыкновенной непринужденной домашней беседы. Коротко: в одном случае проповедь была μαρτυρία εὐαγγελίου и составляла главную цель и средоточие собрания; в другом — была она διδάσκειν, διαλέγεσθαι, ὁμιλεῖν (ibid. 5:42; 4:33; 2: 7–11) и сопровождала преломление хлеба.

В частных собраниях, таким образом, мы должны полагать средоточие богослужебной жизни первоначального иерусалимского общества и историческое начало христианского богослужения вообще. Евхаристия, как справедливо замечает Höfling, в первоначальном христианском обществе составляла высший акт общения, внутреннейшее ядро, цель и вершину общественного богослужения, средоточие всех других актов. А мнение Nitsch'a (Pract. Theolog. 11, 2. Bonn. 1851. § 267), что она приобрела такое центральное значение лишь постепенно в послеапостольское время, исторически несостоятельно и противоречит истинному понятию о христианском богослужении.

Понятие христианского богослужения, как воплощения или выражения христианства, заключает в себе внутреннейшее соединение божественного и человеческого, и Евхаристия, согласно ее божественному ус-

тановлению, есть высший, завершительный акт этого соединения, высшее выражение общения верующих с Господом и между собою. Поэтому она не могла существовать изолированно, вне связи с остальными актами богослужения. Напротив, как установление Евхаристии составляет заключительный акт новозаветных учреждений и предписаний, который имеет своим необходимым предположением и как в фокусе сосредоточивает все домостроительство спасения, так совершение ее должно составлять и составляло с самого начала средоточие общественной жизни и, как необходимое условие достойного совершения и принятия, предполагало воспоминающую и познающую веру, просвещенную через учение и пламенную молитву. Потому-то первое общество Христово не могло собираться около трапезы Господней, не назидаясь пророческим и апостольским словом, не испрашивая благодатного общения с Богом — Спасителем и не изъявляя своей искренней благодарности за Его благодеяния; равно как, с другой стороны, оно не могло совершать все это, не совершая в то же время Евхаристии как единственного средства личного усвоения спасительных заслуг Христовых, как святейшей жертвы, которая одна угодна Богу и которая должна быть венцом и украшением всего христианского богослужения. Все акты богослужения первоначального христианского общества так естественно и необходимо соединились в одно органическое целое, что разъединять их значило бы насильственно расторгать юную, здоровую жизнь общества вопреки и здоровому смыслу.

Состояние богослужения при апостолах

«Воскресное чтение», 1876, т. 1

Основанная Иисусом Христом Церковь Христианская уже во времена свв. апостолов имела собственное богослужение, хотя и очень несложное. В это новое богослужение вошли некоторые обычаи еврейской синагоги и получили здесь новый характер — духовный, будучи освещены светом новозаветной Христовой благодати: все богослужение христианское, сообразно с заповедью Спасителя (Ин. 4:24), было служением Богу в Духе и истине. Рассмотрим составные части христианского богослужения при апостолах и сделаем несколько замечаний относительно места и порядка его.

По отношению к составным частям христианское богослужение в первое время приближалось к еврейскому. Первое, что было заимствовано из богослужебной практики иудейской церкви, было чтение Св. Писания. В иудейских синагогах, еще со времени вавилонского плена, каждую субботу читалось Священное Писание, именно — Закон и Пророки (Деян. 13:15), разделенные для богослужебного употребления: первый — на 54

отдела, или парасоси, второй – на гафтары. Употребление ветхозаветных книг Св. Писания для богослужения христианского было особенно нужно тогда, когда еще не было собственно христианских писаний. С течением времени в богослужебное употребление вошли и появившиеся апостольские писания, которые передавались из одной церкви в другую для прочтения. Так, ап. Павел пишет к колоссянам, чтобы они, прочитав его послание, передали Церкви Лаодикийской, *да и в Лаодикийской Церкви прочтено будет* (Кол. 4:16).

За чтением Св. Писания в христианских богослужебных собраниях следовало его объяснение, в чем некоторые западные ученые видят подражание обычаям еврейской синагоги, где происходило чтение и объяснение Св. Писания (напр. Лк. 4:16 и сл.); (первые следы объяснения Писания у евреев находим в книге Неемии (8:2 и сл.), где рассказывается, что левиты объясняли прочитанный Ездрою закон). Это объяснение Писания имело характер слова, наставления (Деян. 13:15) и предлагалось преимущественно апостолами, *бяху же* (верующие) *терпяще во учении апостолов*, говорится в книге Деяний апостольских (2:42), причем апостолы останавливались на местах Св. Писания, имеющих отношение к Новому Завету. Так, ап. Петр (Деян. 1:15 и сл.) объяснял псалмы: 41:10; 69:26; 109:8. Кроме апостолов, верующих поучали и другие лица, обладавшие особенным даром Св. Духа, – даром учения; таковы были пророки и евангелисты, пастыри и учители (1 Кор. 12: 28–29; Еф. 4:11). Таким учителем был, например, левит Иосия, названный апостолами Варнавою, что по переводу с еврейского означает «сын пророчества» или «сын утешения» (Деян. 4:36). Кроме того, для поучения говорились речи на незнакомых языках (γλώσσαις λαλεῖν), которые пояснялись особыми лицами (1 Кор. 14:27). Выше глаголания языками ап. Павел поставлял другой способ поучения – пророчество, созидающее, по его словам, Церковь (1 Кор. 14:5). Впоследствии в некоторых церквах стали учить и непризванные, за что упрекает христиан в своем послании ап. Иаков.

Далее, в состав апостольского богослужения входили молитвословия. Христиане в своих богослужебных собраниях творили молитвы частью взятые из Ветхого Завета, частью собственные (Деян. 2:42). Большая часть толковников соглашается, что в 1 Тим. 2:1 и сл. речь идет об открытом богослужении, каковому мнению благоприятствует и сама цель послания, и в таком случае молитвы богослужебных собраний были следующие:

1) Δεήσεις – молитвы преимущественно об отвращении зла и опасности.

2) Προσευχαί – прославление Бога и молитва о продолжении временной и достижения вечной жизни.

3) Εντεύξεις – молитва о доставлении другим того, чего мы им желаем или в чем они нуждаются.

4) Εὐχαριστίαι — благодарение за благодеяния, полученные нами и нашими ближними.

Эти молитвы творились за всех людей и особенно за царей и *за иже во власти суть* (1 Тим. 2: 1–2). По времени их можно разделить: 1) на ежедневные (Деян. 3:1), совершавшиеся в храме и частных домах и 2) особенные, при чрезвычайных собраниях (Деян. 1:24; 20:36); были также в употреблении особенные благословения в известных формулах, каковы Рим. 1:7; 1 Кор. 1:3 и др. Молитвы произносили чувствовавшие в себе присутствие Духа Божия (1 Кор. 14:16).

Другим выражением религиозных чувствований христиан были священные песнопения частью взятые из ветхозаветных книг, частью оригинальные, новозаветные, каковые, при обилии даров духовных, без труда могли быть слагаемы верующими (1 Кор. 14:26). О богослужебном употреблении песнопений говорит ап. Павел в послании: *и не упивайтеся вином, в нем же есть блуд: но паче исполняйтеся духом глаголюще себе во псалмах и пениих и песнех духовных* (Еф. 4: 18, 19). В этом случае под псалмами ψαλμοί можно разуметь псалмы, заключающиеся в псалтири и употреблявшиеся у иудеев при богослужении. Но в псалтири были помещены не все ветхозаветные песни, там не было, например, песней Моисея и др. Эти последние песнопения, как думают некоторые ученые, при синагогальном богослужении и называются в вышеприведенном месте у Павла *пениями* (ὕμνοι). Третий род песнопений — песни духовные (ᾠδαί πνευματικαί), под которыми разумеются песнопения, слагавшиеся верующими, одушевленными Духом Божиим, для назидания своих собратий*. Следы таких песнопений находят в некоторых местах Нового Завета. Так, думают, что место Еф. 5:14 содержит отрывок древнехристианской песни, где слова разделяются так:

Восстани спяй
И воскресни от мертвых,
И освятит тя Христос.

Далее находят следы стихотворного метра в 1 Послании к Тим. 3:16:

Бог явися во плоти,
Оправдася в дусе,
Показася Ангелом,
Проповедан бысть во языцех,
Веровася в мире,
Вознесеся во славе.

---

* У греков под именем ᾠδαί разумелись песнопения развязные, свободные, употреблявшиеся преимущественно на языческих вакханалиях. Ὠιδαί πνευματικαί христиан, по мнению некоторых ученых, и были противодействием этим вакхическим песням.

И в 3 гл., 1 ст.:

Верно слово:
Аще кто епископства хощет, —
Добра дела желает.

Отрывок из древнехристианской песни находят еще во 2 Послании к Тим. 2: 11, 12:

Верно слово:
Аще бо с Ним умрохом,
То с Ним и оживем:
Аще терпим,
С Ним воцаримся.
Аще отвержемся,
И Той отвержется нас:
Аще не веруем,
Он верен пребывает:
Отрещися бо Себе не может.

К разряду же ᾠδαὶ πνευματικαί относят и песнопения, перешедшие в богослужебное употребление из Св. Писания Нового Завета, какова, например, песнь Богородицы (Лк. 1:46 и сл.), песнь ангелов (Лк. 2:14 и сл.) и др. Все эти песнопения служили выражением радости, как об этом говорит ап. Иаков: весел ли кто? Пусть поет псалмы (Иак. 5:15) выражением хваления, как хвалили Бога Павел и Сила в темнице города Филипп (Деян. 16:26). Заключались они особою богослужебной формулой, употреблявшейся и при еврейском богослужении, — «аминь» (2 Кор. 1:20) и др.

Чтение Св. Писания с изъяснением и наставлением, молитва, пение — все это, сходное с богослужением еврейских синагог, образовало первую часть апостольского богослужения. Вторая и главная его часть состояла в совершении таинства Евхаристии по вечери любви (ἀγάπη). Таинство это называлось κυριακὸν δεῖπνον (1 Кор. 9: 20–21), τράπεζα κυρίου (1 Кор. 10:21). На существование вечери любви с Евхаристией, как на обычай уже установившийся, указывают слова апостола в первом Послании к Коринфянам 10: 20–22, равно как и увещание, которое делает ап. Павел коринфянам, у которых часто происходили беспорядки на вечери любви, как например, некоторые дозволяли себе неумеренность в пище и питии (1 Кор. 11:21). В чем же состояла эта Евхаристия? В книге Деяний апостольских говорится, что верующие пребывали в общении и преломлении хлеба (2: 42–46), какое действие полнее описывается в 1 Кор. 11: 24-25. Из последнего места видно, что Евхаристия состояла в отделении хлеба и вина для таинства благодарения Богу Отцу за искупление, почему и само таинство было названо Евхаристией (благодарение), благословении хлеба и вина, раздроблении освященных даров и преподавании

их верующим. Других подробностей совершения этого таинства в Новом Завете не встречается.

Что касается до места богослужения, то Христос, а с Ним, разумеется, и апостолы, учили, что не местом освящается богослужение, а богослужением место (Ин. 4:21), и потому всякое место считали удобным для поклонения Богу. Но после вознесения Христа преимущественным местом богослужения сделались дома, с которыми связаны были воспоминания о Вознесшемся, дома, где Он являлся апостолам по воскресении. Скоро утвердился также обычай, чтобы богатые христиане отдавали свои дома для общественного богослужения. Такова была, например, церковь Акилы и Прискиллы (Рим. 16: 3, 4). Но, имея свои собственные места для богослужения, христиане не покидали ни храма, ни синагоги. Так, Петр и Иоанн ходили в храм на молитву (Деян. 3:1), где и проповедали о Христе (Деян. 5:20). Особенным любимым местом христиан в храме был притвор Соломонов, в котором могли предаваться уединенной молитве (Деян. 5:12). Синагоги же апостолы посещали преимущественно из целей миссионерских.

Между действиями, сопровождающими богослужение апостольского времени, из Нового Завета мы знаем о преклонении колен при молитве (Деян. 9:40; 21:5; Еф. 3:14 и др.), воздеянии рук (1 Тим. 2:8), о братском поцелуе φίλημα ἀγάπης (1 Пет. 5:14); φίλημα ἅγιον (1 Кор. 16:20). Относительно украшения мест богослужебных собраний известно только, что там возжигались многие светильники, как например это было сделано в Троаде, в той горнице, где ап. Павел совершал Евхаристию (Деян. 20:8).

Что касается до порядка богослужения, то он, с одной стороны, исключал мертвенность иудейского синагогального богослужения, с другой – устранял дикий энтузиазм языческого культа. Ап. Павел (1 Кор. 14:27 и д.) требует, чтобы в собраниях богослужебных говорящие на незнакомых языках говорили не все вместе, а поочередно, и то только в том случае, если будет истолкователь. В противном же случае говорящий языками *да молчит в церкви*. Точно так же и пророки должны поучать верующих по порядку. Женам в церкви учить ап. Павел не повелевает. В церкви христианские имели доступ и неверующие, от которых скрывалось только совершение таинства Евхаристии (1 Кор. 14:23).

Относительно времени богослужения нужно заметить, что хотя ап. Павел заповедовал христианам молиться непрестанно (1 Сол. 5:16), однако для верующих, не имевших возможности по своим занятиям исполнять заповедь апостола, нужно было назначить определенные часы для богослужения, и апостолы установили определенные времена богослужения, частью применяясь в этом случае ко временам еврейского богослужения, но сообщая им христианское значение, частью же определяя новые. В

апостольское время молитва падала на третий (Деян. 2:15), шестой (10:9) и девятый часы (31). Временем же для совершения таинства Евхаристии была преимущественно ночь (Деян. 20:11), когда было менее опасности от гонителей.

Вот те зародыши, семена христианского богослужения, которые в течение веков развились и стали ветвистым деревом. Апостолы положили твердое основание богослужению, на котором их преемники, руководясь Духом Божиим, воздвигли то великолепное здание, которое представляется нашим взорам и ныне.

Общение имуществ (мнимый коммунизм) в древней Иерусалимской Церкви

С. П-ий. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1880, ч. 1

Известно, что в новое время появились люди, с точки зрения какой-то недоведомой правды утверждающие, что всякое владение имуществом на правах личной собственности есть не что иное, как воровство, что поэтому все имения и всякое личное приобретение должны подлежать разделу между всеми и так как многие добровольно не согласятся на такой раздел, то должны быть принуждены к нему силой, вопреки их воле должны быть лишены определенного излишка их имуществ в пользу малоимущих или вовсе неимущих. Эти непризнанные правдолюбцы, вообще мало обращающие внимания на Библию и еще менее — на отдельные ее места, однако, в вопросе об обязательном имущественном разделе с особенной настойчивостью указывают на свое мнимое согласие с Новым Заветом и тем неопытных в понимании смысла отдельных новозаветных изречений или выражений легко могут ввести в заблуждение или, по крайней мере, некоторого рода колебание.

Рассмотрим все места в книге Деяний апостолов, относящиеся к общению имуществ в первой Церкви Иерусалимской, дабы вывести из них общее понимание истинного характера этого общения.

Прежде чем перейдем к изложению отдельных выражений означенной книги об имущественном общении в первохристианском иерусалимском обществе, считаем нужным указать предположительно, в каких формах могло иметь место общение имуществ в древней церкви в Иерусалиме. Нам представляются в настоящем случае следующие возможности: 1) Члены общества, вступая в Христианскую Церковь, обязательно должны были жертвовать своим имуществом в пользу Церкви или общества; таким образом, здесь господствовала принудительность или необходимость имущественной жертвы по отношению к вступающим в Церковь. Эта об-

щая форма имущественного общения могла иметь два различных вида: а) или каждый член должен был безусловно жертвовать всем своим имуществом в пользу общества, а апостолы, как предстоятели общества, должны были разделить принесенную жертву равномерно между всеми членами общества; б) или, напротив, только люди, владеющие определенным излишком имущества, обязаны были отдать этот излишек на пользу общества, а апостолы, как предстоятели общества, разделяли эту жертву между нуждающимися членами. 2) Никто по безусловной обязанности или принуждению, но каждый по собственному произволению или благожелательности жертвовал или всем своим имуществом, или определенной частью его, или же просто временными и неопределенными взносами на пользу общества, а апостолы разделяли это общественное имущество в той или иной мере разным членам общества, смотря по их нуждам.

Рассматривая внимательно обе указанные нами возможные формы общения имуществ в древней Иерусалимской Церкви, мы находим, что если в действительной жизни первых христиан Иерусалима имела место вторая форма имущественного общения, в которой каждый жертвовал обществу из своего достояния по свободному расположению сердца и, следовательно, никто другой не в праве был заявлять притязание на имущество своего сочлена, то, значит, в строгом, буквальном смысле слова в общении имуществ (так называемом коммунизме, по современному его понятию) в Иерусалиме не может быть и речи. Далее – если в предполагаемой первой форме общения имуществ исторически практиковался в Иерусалимской Церкви собственно второй вид ее, то и в этом случае мы нашли бы в Иерусалиме общение имуществ лишь в условном смысле (не строгий коммунизм). Наконец, только при допущении существования в первохристианском иерусалимском обществе первого вида указанной первой формы общения имуществ, то есть если все члены общества обязательно или принудительно должны были жертвовать обществу всем своим имуществом, которое затем делилось между всеми ними вполне равномерно, мы должны признать, что в Иерусалимской Церкви со времен апостолов господствовал строгий, безусловный коммунизм.

Весьма интересным становится теперь вопрос: в какой форме и в каком именно виде в первенствующей Церкви Христианской в Иерусалиме существовало действительно, жизненно, исторически общение имуществ между ее членами?

Думаем, что уже простые, но неотразимые соображения разума должны привести каждого к убеждению, что первый вид первой из указанных форм общения имуществ никак не мог существовать в древней церкви в Иерусалиме. Это по простой причине: он слишком с большим трудом мог быть осуществлен, чтобы не сказать вовсе неосуществим. При таком чис-

том коммунизме, вследствие постоянного притока в Апостольско-Иерусалимскую Церковь новых членов сотнями и даже тысячами зараз, вся деятельность апостолов поглощалась бы непрерывными приемами имуществ или денежных сумм от новопоступавших в Церковь членов и столь же непрерывными разделами этих имуществ или сумм между всеми членами Церкви. Это занятие апостолов еще более усложнялось бы в случае вступления в Церковь какого-нибудь голого бедняка, ничего не имущего, а таких бедняков в Церкви Иерусалимской, без сомнения, было довольно много. Последовательным образом при принятии бедняка в Церковь нужно было производить имущественный передел между прежними членами Церкви, чтобы из их общего имущества выделить совершенно равную с ними часть новопринятому члену. Нельзя забывать здесь и того, что какой-либо отдельный член общества доставшуюся ему часть мог собственным трудом приумножить новой частью, а другой, наоборот, мог потерять данную ему часть, и тогда, по требованию строгого имущественного равенства, необходим был бы новый раздел или передел между членами. Очевидно, какая бесконечная и неблагодарная работа по отношению к разделу имуществ должна была бы занимать первую Иерусалимскую Церковь, если бы в ней действительно властвовали начала строгого коммунизма или если бы в ней существовал первый вид первой формы общения имуществ! Немного менее было бы занятия в разделении имуществ даже и при существовании второго вида той же формы имущественного общения (см. выше). К счастию, для древней Иерусалимской Церкви ни тот, ни другой вид принудительного разделения имуществ, как увидим скоро, вовсе не были известны.

Для подтверждения этого положения перейдем теперь к указанию и изъяснению мест книги Деяний апостолов, в которых сообщается об имущественном общении в Церкви Иерусалимской.

Прежде всего обращает на себя внимание выражение в 4:34: *не было между ними никого нуждающегося.* При совершенно равномерном владении имуществом это выражение представляется весьма странным по своей неуместности: какой смысл могут иметь слова об отсутствии нуждающихся в обществе, если все члены его были равны в имущественном отношении, или равно богаты, или равно бедны? В объяснение того, почему не было никого нуждающегося, в том же месте говорится далее: *ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду.* Последние слова решительно говорят против совершенного равенства членов Церкви в общении имуществ, потому что при равномерном разделении имущества каждый член общества был бы так же богат, как и другой, поэтому об особенной нужде или потребности какого-либо члена не могло быть и

речи. К рассмотренному месту должно присоединить также и другое — (6:1): *вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей.* Ежедневное вспомоществование нуждающимся, очевидно, могло лишь быть в обществе, члены которого не владели совершенно равными долями имущества. Таким образом, оба приведенных места решительно подрывают мысль о существовании в древней Иерусалимской Церкви обозначенного нами под буквой а) вида общения имуществ или строго коммунистического общения.

Не свидетельствуют ли, по крайней мере, Деяния апостолов об указанном нами под буквой б) виде общения имуществ в Иерусалиме, то есть если не все, то во всяком случае люди богатые, вступая в Церковь, не должны были обязательно излишек своего имущества представить Церкви в пользу бедных? Для разрешения этого вопроса особенно важное значение имеет место в 5: 1–11. Здесь мы видим, что строгая кара постигла Ананию и его жену за ложь: *для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли?.. Ты солгал не человекам, а Богу... Что это вы согласились искусить Духа Господня?* Не за то собственно, что супруги принесли не всю цену проданного, но за свою ложь пред Духом Святым, за искушение Духа Святого понесли они в урок другим строгое, но справедливое наказание. Это видно из прямых слов ап. Петра, ст. 4: *чем ты владел, не твое ли было и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось?* Здесь с ясностью, не допускающей никакого перетолкования, говорится, что Анания имел полное право не продавать своего имения, а удержать при себе как свою собственность и, продавши имение, мог свободно распорядиться вырученными деньгами — пожертвовать Церкви все сполна, или ничего не пожертвовать, или отдать только известную часть их в пользу Церкви. Можно было сделать так или иначе, но только прямо, открыто, честно, не кривя душой, не выдавая части приобретенных от продажи денег за всю цену проданного. За нарушение этой честности, могшее подать гибельный соблазн другим членам Церкви, за лицемерную благотворительность, столь противную духу христианства, и наказаны были Анания и Сапфира. Итак, рассмотренное нами теперь место исключает даже указанный и под буквой б) вид общения имуществ в Церкви Иерусалимской, потому что оно прямо удостоверяет нас, что в этом общении не было места ни принуждению, ни безусловному обязательству жертвовать обществу всем своим достоянием или определенной частью ее, но только действовала свободно-честная благотворительность членов общества.

Что такой именно свободный характер принадлежал общению имуществ в первохристианском обществе Иерусалима — в этом убеждают нас еще следующие основания: 1) каждый христианин, по своем вступлении

в Церковь, оставался в своем прежнем звании, что при совершенном слиянии имуществ в Церкви было бы уже невозможно. 2) Во всем Св. Писании не находится указания, чтобы в какой-либо другой местной Церкви Христианской господствовало общение имуществ, покоящееся на принуждении или безусловной обязательности, и только места, относящиеся к Церкви Иерусалимской, обыкновенно служат в руках коммунистов доказательством коммунизма в первой Церкви Христианской. 3) Напротив, ясным свидетельством решительного незнакомства первой Церкви с коммунизмом служит то обстоятельство, что при каждой новой потребности вспомоществования другим Церквам всегда снова призывались христиане имущей Церкви в собрание для рассуждения. В обществе чисто коммунистического характера такие нарочитые соборные рассуждения были бы излишни: оно могло бы оказать помощь другому обществу или просто из своей общественной кассы, или путем равной раскладки требуемой жертвы на своих членов. 4) Среди самих членов Иерусалимской Церкви мы находим некоторых, по той же книге Деяний апостольских, владеющими частной собственностью и, как кажется, немаловажной. Так, Мария, мать Иоанна, *имела дом, в котором многие собирались и молились* (12:12). 5) Предполагая обязанностью каждого христианина жертвовать всем своим имуществом в пользу общества, мы находим странным особенное упоминание в Деяниях апостолов (4:37) о пожертвовании Варнавой всего имущества Церкви как о деле, очевидно по взгляду писателя книги, заслуживающем особенной похвалы и памяти. Но к чему было бы упоминать о добром поступке одного, когда все христиане обязательно делали то же самое?

Так до сего времени мы не нашли в Деяниях апостолов никакого намека на обязательное или строго коммунистическое общение имуществ в древней Иерусалимской Церкви.

Но, по-видимому, другие места в рассматриваемой книге прямо подтверждают коммунистические начала первохристианского общества в Иерусалиме. Обратимся теперь к ним и посмотрим, согласуются они или разногласят с исследованными нами выше.

Эти места следующие: 1) 2:44: *все верующие были вместе и имели* (εἶχον) *все общее*. Смысл этих слов не выражает ничего более, как то, что христиане все были проникнуты столь возвышенным чувством любви, что никто из них не считал своего имущества своей исключительной собственностью, напротив, только даром уделенным Богом для того, чтобы помогать ближним, делить с ними все свое достояние. Это толкование приведенного места нимало не искусственно, но вполне правильно. Слово «εἶχον – имели», конечно, значит владеть (habere, possidere), но в то же время употребляется иногда в Новом Завете в смысле – считать чем, полагать, ду-

мать, как например (Мк. 11:32), *все полагали, что Иоанн* (ἅπαντες εἶχον τὸν Ἰωάννην) *точно был пророк* или (Флп. 2:29) *и таких имейте в уважении* (ἐντίμους ἔχετε), то есть признавайте достоуважаемыми. Истинный смысл слов (Деян. 2:44) совершенно выясняется параллельным ему местом той же книги (4:32), *никто ничего из имения своего не называл* (ἔλεγεν) своим, *но все у них было общее.* Здесь слово «ἔλεγεν – называл» прямо указывает на внутреннее свободное расположение христиан в деле взаимной помощи их друг другу личным достоянием, но отнюдь не выражает безусловной обязанности одного жертвовать своим имуществом в пользу другому.

2) Деян. 2:45, *продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого.* Здесь не говорится ни того, что все христиане обязательно продавали все свое имение, ни того, что всю цену проданного должны были отдать обществу, ни, наконец, того, что приобретенное от продажи разделялось между всеми, но лишь указывается, что ревнители благочестия вырученное от продажи своих имений (всего или части их) разделяли между нуждающимися, смотря по их нуждам. Братская любовь христиан в иерусалимском обществе была так сильна и действенна, что ввиду нужд неимущих братьев побуждала лиц, владевших состоянием, продавать свои имения и вырученные деньги приносить апостолам для раздачи братьям не имеющим собственных средств жизни.

Деян. 4: 34, 35: *все, которые* (ὅσοι) *владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду.* Говорят, что ὅσοι, хотя бы даже и не предшествовало ему сл. Πάντες всегда обозначает «всех без исключения». Если бы даже это было и верно, с чем мы не можем согласиться, то все же в данном месте мы не находим речи о принуждении, по которому требовалось бы от всех владельцев земель или домов, чтобы они продали свои имения и цену проданного приносили апостолам. Мысль стиха, при указанном понимании ὅσοι, выражала бы, что любовь к ближним так равномерно обнимала всех состоятельных христиан, что никто из них не желал более владеть своим достоянием на исключительных правах. Между тем значение ὅσοι в смысле «все без исключения» еще очень сомнительно. В Деян. 9:39 говорится: когда он (Петр) прибыл, ввели его *в горницу, и все вдовицы со слезами предстали перед ним, показывая ему рубашки и платья, какие делала Серна, живя с ними.* Здесь под словом ὅσοι разумеется, очевидно, не то, что не осталось ни одного лоскутка работы Серны не показанным Петру, но то, как много вообще рубашек и платьев наработала Серна. Точно так же и в рассматриваемом нами месте (Деян, 4:34) ὅσα указывает не на всех без исключения, но вообще на неопределенное множество жертвователей в пользу Церкви; в таком именно значении неопределенного множества мы встречаем ὅσοι у Ин. 2:25; Апок. 1:2 и др.

После изъяснения всех мест в Деяниях апостолов, относящихся к общению имуществ в первохристианской церкви в Иерусалиме, остается нам рассмотреть, не опровергают ли наше толкование всех прежде исследованных мест изречения или выражения других книг Нового Завета. Разберем здесь два главных изречения Господа с их параллельными местами, именно: 1) Лк. 18:22. *Услышав это, Иисус сказал ему: еще одного недостает тебе; все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мной.* Ср. Мф. 19:21. Известно, что это изречение богословы обыкновенно толкуют в смысле так называемых евангельских советов (consilia evangelica) или предписаний для отдельных лиц способных к высшим подвигам самоотвержения и милосердия (*могий вместити, да вместит*, Мф. 19:12). Соглашаясь с этим толкованием, как вполне правильным, мы, очевидно, не можем найти в данном месте даже намека на принудительное предписание Христа. Правда есть еще другое толкование упомянутого места, но и оно ничего не говорит о безусловной обязанности христиан, налагаемой Христом, отрекаться от всего своего имущества в пользу бедных. Именно объясняют: Господь как не мог признать буквально истинными слова юноши, что он все заповеди исполнил (ст. 21), точно так же не в буквальном смысле требует от юноши, чтобы он продал все свое имущество и роздал нищим, как необходимого условия следования за Ним и приобретения сокровища на небесах. Слова Христа служат выражением мудрой педагогической цели — довести самонадеянного юношу до внутреннего понимания заповедей и истинного самопознания. Господь никогда не полагал главной цели для Своих последователей в чисто внешнем исполнении закона, но всегда обращался к первоисточнику всякого дела, к чувству сердца, и его старался возвысить, очистить, просветить. Ту же самую цель имел в виду Христос и в настоящем случае: юноша, как видно, считал себя безукоризненным исполнителем закона, праведным перед законом ввиду соответствия его дел букве закона; для того чтобы привести его к сознанию противного, то есть внутреннего несовершенства, Господь указывает на исполнение наивысшей внешней заповеди и тем открывает перед его собственной совестью и перед другими главнейший недуг его сердца — корыстолюбие, или, вообще, самолюбие. Это толкование нашего места, с которым можно не соглашаться, но против которого нельзя возразить ничего особенно важного, еще менее, чем предыдущее, дает места в словах Христа безусловно-обязательному предписанию для всех христиан продавать свои имущества в пользу неимущих ближних.

Лк. 12:33: *Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища не ветшающие, сокровище не оскудевающее на небесах.* Паралл. Мф. 6:19: *не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где*

воры подкапывают и крадут. Эти изречения отнюдь не заключают в себе формальных предписаний христианско-нравственного законодательства, но только выражают собой идеальные требования высшего нравственного совершенства в новом, благодатном Царстве Божием. В противоположность внешнему благочестию фарисеев, полагавших все дело добра в точном исполнении закона перед народом, Спаситель имеет целью раскрыть перед апостолами и народом самое существо благочестия, пробудить в них внутреннее, сердечное участие в благочестии, вызвать в них стремление прежде и главнее всего к Царству Небесному, сравнительно с которым все другое должно казаться малозначащим, и эту основную цель и мысль выражает в ярких чертах идеального самоотречения от всего земного в пользу Царства Небесного или сокровищ на небесах. Но данные места совсем не говорят, чтобы волею Господа было такое устройство Его Церкви, и специально Церкви Иерусалимской, по которому все члены Церкви обязательно должны продавать все свое имение, или только часть его, и цену проданного вносить в общую кассу. В этом убеждении укрепляют нас следующие основания: а) Господь нигде и никогда не говорил, что в Его Церкви должно быть уничтожено различие между богатыми и бедными, и в особенности каким-нибудь насильственным или принудительным способом. б) Напротив, Он прямо признает это различие постоянным, имеющим продолжиться во все времена: *нищих всегда имеете с собой, а Меня не всегда* (Ин. 12:8). в) Христос пришел *не нарушить закон или пророков, но исполнить* (Мф. 5:17). Но в законе прямо находятся специальные предписания богатым и бедным (Лев. 19: 9, 10; Втор. 24: 12, 14; Лев. 25:35; Исх. 23: 3, 6); эти предписания потеряли бы силу и смысл, были бы нарушены, если бы уничтожено было Христом всякое отличие между богатым и бедным. Исполнение закона, то есть возведение его до надлежащей высоты Христом, в настоящем случае состоит в том, что Он внушает богатым, *как только хранителям врученного им Богом,* уделять из своих имуществ неимущим братьям.

После всего исследования до сего времени какой же общий взгляд мы получаем на общение имуществ в древней Церкви Иерусалимской?

Мы хотим изложить ответ в наивозможно обстоятельном виде.

По вознесении Иисуса Христа на небо ученики и другие последователи Его оставались в Иерусалиме в ожидании обещанного сошествия Св. Духа. Пока Сам Христос обитал и действовал на земле, была общая касса, из которой Он Сам и ближайшие последователи Его удовлетворяли своим потребностям. Вполне вероятно, что установленным способом удовлетворение нужд кружка апостолов и других немногих еще христиан совершалось и во время от воскресения Христа до дня Пятидесятницы. Это было время, в которое ученики едва ли могли приобретать себе содержа-

ние какими-либо сродными им трудами. Но когда по исполнении обещания о сошествии Св. Духа Церковь Христианская начала постепенно разрастаться из небольшой семьи или дома в значительное общество (уже первая проповедь Петра привлекла к Христу 3000 душ, Деян. 2:41, а затем мы видим вскоре приращение Церкви до 5000 душ, Деян. 4:4), тогда положение дела должно было несколько измениться. Теперь новообращенные большей частью оставались в своем раннем звании и состоянии; между тем значительная часть христиан в Иерусалиме была крайне бедна и поэтому нуждалась в помощи. И вот движимые любовью к Христу, Основателю, Главе и пастыреначальнику Церкви имущие классы пожелали оказывать из своего достатка — много ли, мало ли, кто сколько мог — помощь неимущим. Но кому естественнее было вверить приносимое для раздаяния бедным, как не апостолам, предстоятелям Церкви, которым ближе известны были нужды бедняков и степень нужды каждого из них? Так как, по свидетельству апостольской истории, Церковь Иерусалимская по большинству своих членов была в особенности Церковью бедных, неимущих, то нет ничего удивительного, что при первоначальной свежести и силе любви христианской многие или даже, может быть, все более или менее достаточные люди приносили в жертву всей Церкви или все сполна свое имение, или часть его, смотря по благоизволению каждого. Так состоялось в Иерусалимской Церкви общение имуществ на чисто братских началах святой любви имущих сочленов к неимущим. Таким образом, мы видим, что столь справедливо прославленное, чтимое, хотя по-своему, даже врагами христианства общение имуществ в Иерусалиме вовсе не требовало от членов Церкви продажи всего имущества и внесения в общественную кассу всего приобретенного от продажи, и еще менее — насильственного принуждения членов к продаже целого или только части имущества в пользу Церкви; напротив, исключительно покоилось на свободной любви сочленов, побуждавшей их продавать свои имения или часть их, и цену проданного, всю или опять известную часть, полагать к ногам апостолов для раздаяния бедным, смотря по нужде каждого. Вот в каком виде, на основании строгого исследования вышеуказанных мест в кн. Деяний апостолов, представляется нам первохристианское иерусалимское общение имуществ.

Как далеко оно от пресловутого коммунизма, порожденного мечтательными головами нашего времени, не постыдившимися прикрываться высоким авторитетом неизвестной им древней Церкви Иерусалимской! Может ли быть какое-либо сравнение между иерусалимским общением имуществ и современным коммунизмом? *Что общего у света с тьмою* (2 Кор. 6:14)? Там — глубокая братская любовь, созерцая Первообраз любви, радостно и охотно приносит в жертву тленные земные сокровища неимущим

братиям; здесь, напротив, зависть и ненависть к благосостоянию ближнего, прикрываясь требованиями справедливости и равенства, стремится насильственным путем, всеми ужасами варварских злодеяний уравнять жизненные средства труженика с тунеядцем, даровитого — с бездарным, расточителя — с бережливым. Какой глубокий контраст между этими двумя формами имущественного общения! И, однако, находятся люди, утверждающие между ними полное согласие! Безумное кощунство над первохристианской Церковью!

В заключение скажем: мы отнюдь не отвергаем, напротив, всеми силами своей души желаем, чтобы иерусалимское общение имуществ сохранялось образцом для всех родов Христианской Церкви, чтобы состоятельные классы христиан никогда не забывали от избытка своих земных средств уделять бедным братиям, дабы молитвами их к Богу получить нетленное сокровище на небесах. *Ныне вам избыток в восполнение их недостатка, а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтобы была равномерность* (2 Кор. 8:14).

Апостольская Церковь по изображению ее в книге Деяний апостольских

Игнатий, архиепископ Воронежский.
«Чтения о святом первоверховном апостоле Петре»

1. Общий состав Церкви

Все вообще члены, составляющие Церковь, именуемую, как сказано в Символе Веры, между прочим апостольской, назывались внутри своего общества *верующими**, *святыми***, *учениками****, *избранными*****, *братиями******, *христианами*******, а вне общества сторонними называемы были по большей части *христианами* и изредка — *назореями********.

Они составили Царство Божие на земле не из одного только народа, не из иудеев только, но из всех народов, без всякого различия племен, полов, возрастов.

---

* Деян. 2:44.

** Деян. 9:32.

*** Деян. 9: 36, 38.

**** 1 Пет. 1:1.

***** Деян. 15: 23, 22.

****** Деян. 11:26; 1 Пет. 4:26.

******* Остатки сего проименования замечены в странах нынешнего Египта по «Путешествию» *Г. Норова.*

Такому духовному союзу, или званию всех народов, служит основанием единство веры, общий для всех способ Богоугождения, единство Божие, единство *Святителя исповедания нашего, Иисуса Христа**, единство способа оправдания, единство упования**.

Впрочем, все сие, чем сделалась Церковь Христова, не есть какое-либо учреждение новое, неожиданное, но древнее, предопределенное свыше, предсказанное пророками, началом своим касающееся самого начала мира и оттуда, сквозь весь ряд древних Божественных учреждений Богоугождения, дошедшее до своего времени как истина, заключавшаяся в образах. (См. *«Беседы апостола Петра, в Иерусалиме и Кесарии бывшия»*).

По таким-то понятиям Церковь в Символе Веры именуется *единою, Святою, Соборною, Апостольскою.*

II. Священноначалие

Особое сословие в общем составе Церкви представляют священные служители ее. Вся жизнь апостола Петра – свидетельством тому. Здесь особо упомянуть должно о том только, что такое служение сделалось передаваемым и способ сообщения оного, друг-другоприимательный или преемственный, вполне раскрыт в самом обществе апостольском, как то видно в нем избрание в апостольство***, рукоположение в епископство****, рукоположение в диаконство*****, рукоположение в пресвитерство******.

Полный состав служителей Церкви апостольской представляется в лице а) апостолов, потом епископов, б) пресвитеров и в) диаконов, сперва только *юношей,* по-гречески νεώτεροι, по соответствию с именем пресвитеров*******. Это три различные степени священноначалия, в порядке друг-другоприимательном. Об апостольской не говорим – она была чрезвычайна. Называем звания степенями по ясным словам Писания и по самой действительности, из которой видно, что не все священнодействия равно предоставлены были всем служителям Церкви, но некоторые из священнодействий были исключительно совершаемы только высшими служителями, сперва самими апостолами, а после – епископами********.

Высшая степень священноначалия, апостольство в друг-другоприимательном порядке, стала называться епископством. *И епископство его да при-*

* Евр. 3:1.

** Деян. 10: 34–43; Еф. 4: 3–6.

*** Деян. 1: 20, 24, 26; 5:88.

**** Деян. 13:3.

***** Деян. 6:6.

****** Деян. 14: 2, 3.

******* Деян. 15:23; 5:6; 7:35.

******** 1 Тим. 3:13; Деян. 8: 14–17.

имет ин, сказано при избрании Матфия на место отпадшего апостола*. Называемые *иные* 70 учеников Христовых по истории апостольской называются везде епископами, быв поставляемы к известному округу церквей. Св. Иаков (младший, праведный) был первый епископ Иерусалима из числа их, и на Соборе апостольском участвовал как апостол, наравне с прочими из двунадесяти**.

Подобным образом и епископы именовали себя иногда пресвитерами, и наоборот, пресвитеры были называемы иногда епископами. Апостол Петр именует себя в послании своем пресвитером (1: 5, 1). Св. Павел — себя диаконом***, пресвитеров — епископами****. Служение всех — одно, по одному и тому же делу Божию, и должно быть одушевляемо духом смиренномудрия, в котором *друг друга честию больша себя творить* должно.

Собственно, степень низшая, или третья, сначала была известна под именем *юношей******. Но к ней в первый же год апостольской Церкви присоединился разряд лиц, который назван именем диаконов и получал рукоположение******. Так и ныне. Посвящаемые в причетники, обыкновенно в молодых летах, именуются в так называемых ставленнических граматах *отроками*.

К ней принадлежал еще чин и из женского пола — под именем диаконисс, или *вдовиц* церковных*******.

Обязанности третьей степени состояли в исполнении поручений апостольских и епископских, в служении при совершении ими и пресвитерами крещения, литургии, обедов, погребений и прочих обрядов.

Долг пресвитеров — в назидании паствы и совершении таинств, кроме возложения рук для низведения даров Святого Духа по крещении и для преподаяния священства, ограничивался теми только местами, к которым кто был из них поставляем********.

Должность высшей степени, как показывает и самое имя *епископов*, была окружная, обнимавшая нескольких поместных церквей. Имя значит *посетитель*, или *блюститель**********. Особенно состояла она: а) в совершении молитв и благовествовании Евангелия**********, б) в возложении рук

* Деян. 1:20.

** Деян. 15: 13, 19.

*** Кол. 1: 23, 25.

**** Деян. 20: 17, 28.

***** Деян. 5:6.

****** Деян. 6:6.

******* Деян. 9:39; Рим. 16:1; 1 Тим. 5, 9; 11: 3, 5.

******** Деян. 14:23; 1 Пет. 5: 2, 3.

********* 1 Пет. 5:2; 2:25.

********** Деян. 6:4.

на крещенных, что стало совершаться потом миропомазанием, поручаемым и пресвитерам*; в) в рукоположении служителей для всех трех степеней**; г) в обозрении и посещении церквей***; д) в разрешении недоумений**** и е) в совещаниях, или соборах*****.

Как между апостолами были избраннейшие, *почетные* и так называемые столпы******, так и между епископами одни перед другими имели преимущества чести и некоторым образом власти, что зависело впоследствии между ними от гражданской знаменитости мест. Впрочем, власть местных епископов имела особую уважительность перед всеми*******.

Наиболее всего к поступлению в священный чин какой бы то ни было степени требовалось избрание, а не искательство, кольми паче не святокупство********.

III. Священнодействия

Под сим именем разумеется:

1. *Богослужение* вообще, к чему принадлежат:

а. Собрания (Деян. 2: 42, 46).

б. Чтение в них Св. Писания.

в. Учение, или изъяснение читанного.

г. Молитвы,

а) Кои составлялись вновь по требованию времени (Деян. 4: 24–31).

б) Чему, впрочем, основанием служили ветхозаветные псалмы и песни (Кол. 3:16).

в) Иногда были петы 24.

г) О служителях веры предлагались в Церкви особые молитвы (Деян. 12:5).

д) Литургия: ее, сверх сказанного выше, составляли:

а) Проскомидия (Деян. 4:35).

б) Благословение, или освящение видов Евхаристии.

в) Причащение, или преломление хлеба (Деян. 2:42).

2. *Таинства:*

а. Крещение, причем, надобно заметить, необходимость его видна (Деян. 10: 44, 45, 47, 48).

---

* Деян. 8: 14–17.

** Деян. 6:6; 14:23.

*** Деян. 9:32.

**** Деян. 9:26; Сн. Гал. 2:2.

***** Деян. 15:2; 7:13.

****** Гал. 2: 6, 9.

******* Деян. 15:13.

******** Деян. 8: 19, 22.

б. Дарование Духа Святого рукоположением, как ныне миропомазанием, причем нужно видеть необходимость сего тайнодействия (Деян. 8: 14, 15, 16).

в. Священство через рукоположение (Деян. 6:6; 14:23).

г. Руковозложение вместо елеопомазания (Деян. 3:7; 9:17).

д. Покаяние (8:22).

е. Супружество (1 Пет. 3: 1, 5, 7).

Об Евхаристии сказано выше особо.

3. *Обряды*, в них примечается особливо:

а. Основание знаменательности их — знаменательный образ действий Самого Иисуса Христа (Ин. 21: 1–22).

б. Тройственность священных действий во имя Пресвятой Троицы (Ин. 21: 14, 17, 19; Деян. 9:16).

в. Погребение или провод усопших (Деян. 9:38).

г. Лишение провода (Деян. 5: 6, 10).

4. *Образ жизни о Господе.*

а. Посты. (Деян. 10:30; 13:3; 14:23).

б. Всегдашнее воспрещение употребления крови и удавленины (Деян. 15:29).

в. Общительность (Деян. 2: 44, 45; 4: 32, 34).

г. Благоговение (44).

д. Степенность (47: 5, 13).

IV. Священные времена

Они разделяются по суткам и годам.

1. *В сутках* такие времена суть:

а. Час третий (Деян. 2:12).

б. Шестый, или обедница (Деян. 10:9).

в. Час девятый (Деян. 3:1).

г. Полнощный, или всенощная (Деян. 12:12).

д. Час первый, или начало дня (Деян. 5: 20, 21).

2. *В году:*

а. День Воскресный, начало и основание всех праздников Господних (Деян. 2: 20, 24; 3:24).

б. День Пятидесятницы (Деян. 2:1).

в. Вознесения Господня (Деян. 1:12).

г. Другие праздники о Христе (Деян. 3:24).

V. Священные места

Святые апостолы начали свои священные собрания в горнице*, соверша-

* Деян. 1:13; 5:86.

ли иногда молитвы свои и поучения в притворе храма Соломонова*. Из апостольских путешествий св. Петра видно, что у верующих были также и в других местах вне Иерусалима отдельные места для священнодействий, называемые также горницами**, и что он и другие апостолы имели обычай собираться на Пятидесятницу во св. град Иерусалим из других мест***.

Вечери любви у древних христиан

В. Л-н. «Православное обозрение», 1870, 1-е полуг.

Совокупляя вместе все отрывочные известия, в которых упоминается о вечерях любви в первые времена Церкви, мы получаем следующие сведения об образе их совершения. В книге Деяний апостольских, между прочим, говорится о первенствующих христианах, что они *бяху... по вся дни... ломяще по домом хлеб, приимаху пищу в радости* (2:46), и в другом месте (20:7, 11), что в *едину от суббот, собравшимся учеником преломити хлеб,* Павел *беседоваше к ним,* и после воскрешения юноши, упавшего из окна и убившегося до смерти, *возшед и преломъ хлеб и вкушъ, довольно же беседовав даже до зари, и так изыде.* Из этих слов священного дееписателя можно заключить, что в самые первые времена христианства были *двоякого* рода вечери любви: такие, которые совершались *в разных домах* и, следовательно, *отдельными* обществами верующих (по преимуществу в Иерусалиме), и такие, которые в *известные* дни, именно в *воскресные,* совершались *всем* собранием верующих. Яства для вечерей любви *готовились* или в том *месте,* где происходила вечеря, или же *доставлялись* туда в готовом виде богатыми. Они состояли из *овощей, рыбы, мясных* и *мучных* кушаний; *вино* тоже не исключалось. Все эти яства, преимущественно вино и хлеб, долженствовали быть предварительно *освящены* за богослужением. За столом господствовали *умеренность, скромность* и *порядок.* Епископы, пресвитеры и диаконы занимали *высшие места* и руководили всем. Вечеря *открывалась и завершалась молитвою и омовением рук.* Во время вечери *пелись псалмы и другие священные песни, читались и толковались* отрывки *из Священного Писания.* Тут же верующие *сообщали* друг другу различные церковные *известия,* так что все постоянно могли знать, в каком положении находится Христианская Церковь. Кроме того, *прочитывались послания* епископов и других представителей Церкви и *деяния мучеников,* чтобы укрепить себя в вере на случай гонения. При окончании вечери делался *сбор* для бедных, вдов, заключенных, по-

---

* Деян. 3:11; 5: 12, 25.

** Деян. 9:37; 39: 10, 9.

*** Деян. 20:16.

терпевших кораблекрушение. После всего *расставались* с уверениями братской любви и с лобзаниями. Нужно заметить, что явные *грешники* и те, которые подвергались *публичному покаянию,* также *оглашенные* и все еще *не принадлежавшие к Церкви* не допускались к вечерям любви.

Вечери любви, по крайней мере вначале, были очень распространены. Сами по себе они не в такой степени составляли необходимую принадлежность Евхаристии, чтобы не могли быть опущены. Известно, что уже в первые века христианства были Церкви, в которых мы не видим и следов этих вечерей. Так, Иустин Мученик, говоря о совершении Евхаристии и о богослужении у римских христиан своего времени, не упоминает об агапах. У св. Иринея о них тоже ничего не говорится. Причина этого, главным образом, заключается в том, что в Риме и ближайших к нему местах тайные собрания и ночные пиршества были запрещены, а по словам Плиния, общие вечери христиан были запрещены эдиктом императора Траяна. Вдали от центра государства могло быть, конечно, иначе, и вот почему мы находим упоминание о вечерях любви в других местах.

Из тех мест Св. Писания, где говорится о существовании подобных собраний в Иерусалиме, Коринфе и Троаде, видим, что в первые века христианства именно в Иерусалиме верующие собирались весьма *часто* и даже *ежедневно* для совершения Евхаристии и вечери любви. Так как это явление очень естественно объясняется состоянием первых общин, именно немногочисленностью христиан, точно так же естественно и то, что этот обычай не был в общем употреблении или, по крайней мере, употреблялся недолго. Потому мы скоро находим, что для празднования агап назначались собственно *воскресные дни* (Деян. 20: 7, 11), хотя из этого были исключения, и воскресные вечери в одних местах происходили реже – в других чаще.

При самом начале христианства, доколе Церковь Христова не получила еще определенного устройства, агапы *предшествовали* Евхаристии. К этому располагало *сходство* этих вечерей с тайной вечерей Самого Господа, которую, как в других отношениях, так и в этом, брали за образец. Некоторые места Св. Писания, например слова апостола Павла в 1 Послании к Коринфянам, указывают на это (11: 20–27)*. Позднее же, напротив того, вследствие различных причин, как в коринфской общине, так и во всей Восточной и Западной Церкви, еще во времена апостольские, агапы

---

* Блж. Августин утверждал, что в Коринфе Евхаристия совершалась post coenam sive convivium, что и было там причиною беспорядков и злоупотребления. Он же думает, что именно ап. Павел отменил этот обычай совершения Евхаристии *после* вечерни в то время, когда пришел в Коринф сам, по обещанию своему, с целью устроить тамошние дела (Ер. 118 ad Ian. c. 6 и 7. *Катанский.* Очерк истор. литург. Прав. Церкви).

происходили *после причащения* Св. Тайн и потому, обыкновенно, после Евхаристии*. По окончании богослужения верующие оставались в храме для общей братской вечери... С течением времени, по этому самому, только вначале вечери стояли в связи с Евхаристией, позднее же совершенно отделились от нее. Только в Великий Четверг некоторые африканские общины совершали вечерю раньше причащения для живейшего воспоминания о тайной вечери Господа, положившей им начало. Что касается собственно времени, в которое происходили вечери любви, то так как время богослужения в первые века христианства, при стесненном положении Церкви, было неодинаково, посему и агапы не могли совершаться в *определенное* время. Вообще, можно принять за верное, что они происходили *вечером* и *ночью;* в позднейшие же времена они совершались после утреннего богослужения – в полдень или около этого времени. Но несомненно, что место, где происходили вечери любви, было то же самое, где совершалась и Евхаристия, то есть Церкви, если христиане владели ими, или дома, в которых они собирались.

Особый род священных вечерей представляют в первые времена христианства те *вечери,* которые совершались *в память мучеников.*

При ежегодном воспоминании тех дней, в которые мученики претерпели христиански геройскую смерть, верующие собирались на их могилах, а позднее – в церквах, посвященных их имени, и по окончании богослужения устроялась общая вечеря, под руководством священников. Вечери сего рода известны были во втором веке и долго сохранялись в Православной Церкви. При погребении людей достаточных устроялись вечери погребальные: бедным предлагали пищу в церкви или около нее, прося через это их молитв за умершего и считая милостыню спасительной для усопшего.

Христианские братские вечери, известные под именем агап, издавна некоторые старались объяснить подобными же явлениями *в состоянии богослужений* иудеев и язычников. Так, Исаак, в знак мира и дружелюбия с оскорблявшими его Авимелехом и его союзниками, *сотвори им пир, и ядоша, и пиша; и восставше заутра клятся кийждо ближнему* (Быт. 26: 30, 31); Иаков *пожре жертву на горе, и возва братии, ядоша же и пиша,* по восстановлении добрых, родственных отношений с тестем его Лаваном и по взаимном уверении и клятве в искренности благожелательных чувств и намерений в отношении друг к другу (31:54). Так, завет, заключенный между Иего-

---

* О совершении вечери любви после Евхаристии свидетельствуют Киприан, Тертуллиан, Василий Великий, Златоуст, блж. Иероним, блж. Феодорит и др. О том же свидетельствует (Злат. Бес. на 1 Посл. к Кор., т. 2) рано сделавшийся господствующим обычай причащаться Св. Таин натощак. По мнению *Бунзена,* это произошло в 65 г. по Р. Х. (*Катанский.* Очерк ист. литург. Прав. Церкви).

вою и израильским народом, сопровождался пиршеством: *ядоша и пиша* (Исх. 24:11). Этот обычай встречается и во времена царей (1 Цар. 9:12), а по свидетельству *Иосифа Флавия*, общие трапезы продолжались даже и до времен христианских. Филон оставил нам даже подробное описание религиозных трапез ессеев, которые, с первого взгляда, имели большое сходство с христианскими агапами.

Точно так же в языческом богослужении был очень распространен обычай устроять в храмах, после жертвоприношений, из остатков общие трапезы. Персы, афиняне, аркадцы, навкратиты соединяли с общественным богослужением общие пиршества. У жителей острова Крита, лакедемонян и римлян, как известно, были общие трапезы.

Но христианские вечери любви ничего общего не имеют с ветхозаветными пиршествами, которые устроялись по тем или другим обстоятельствам, ни тем более пиршества языческие ни в каком отношении не могли быть первообразами для христианских вечерей любви.

Христианские вечери любви ближайшим образом *явились в подражание тайной вечери* Господа Иисуса Христа и суть не что иное, как живейшее ее воспроизведение для большего возбуждения в верующих тех чувств, которыми были проникнуты ученики Христовы в священные минуты последней прощальной беседы с ними возлюбленного их Учителя. Начало их коренится *в самом духе христианства*, которое возвещает людям одного Бога любви и один союз священной любви и братского единения. Уже употребление в христианстве слова ἀγάπαι в смысле совершенно новом доказывает, что христианские братские вечери представляли нечто особенное, существенно отличное от всех известных пиршеств. Кто не знает, каким пламенным воодушевлением к Божественному проникнуты были первенствующие христиане и до какой степени вся их жизнь со всеми материальными ее отношениями была исполнена религиозно-христианского сознания? Удивительно ли, что вкушение пищи — один из тех видов житейских отношений — имело характер не простого, обыденного действия, а служило также, в известной мере, отображением целого христианского мировоззрения верующих? Как Божественное, как бы снисходя с неба, проникало собою все земные отношения в жизни христиан, так и человеческое, земное, со своей стороны, проникнутое Божественным, как бы одухотворялось им и являло собою как бы непрерывное, живое служение Богу.

К этому религиозному настроению первенствующих христиан присоединились и нравственные побуждения — братское общение и любовь. Любовь своей могущественной силой связывала всех в один кружок любящих братьев: все чувствовали себя соединенными в одном средоточии живого братства, воодушевленного и вдохновленного духом братской любви и единства. Никто не хотел иметь своей отдельной собственнос-

ти – все долженствовало быть общим. А где это чувство с большей полнотой могло выразиться, как не в общей братской трапезе? Таким образом, в первенствующей Церкви вечери любви существенно были связаны с церковной жизнью христиан, проникнутых духовным чувством единства и общности достояния каждого, – были, так сказать, только завершением их, а отсюда понятно, как могло принятие пищи и пития – дело материальное – так тесно соединиться с самым высоким, чисто духовным богослужением – Евхаристией.

Распространению вечерей любви могли немало способствовать самая *необходимость и обстоятельства времени.* Христиане, гонимые извне, должны были теснее соединиться между собою и в этом тесном общении искать опоры, утешения и ободрения. Религиозные собрания первенствующих христиан происходили в *частных домах:* устроению вечерей благоприятствовала самая *малочисленность* христиан. Было немало и других причин в первоначальном положении христиан, которые способствовали распространению этого обычая.

Но времена переменялись. С распространением христианства первоначальная жизнь христиан, имевшая семейный характер, более и более принимала обширные размеры жизни общественной, *церковно-народной,* поэтому первоначальные агапы должны были постепенно выйти из употребления сами собою. В конце третьего века начинают они праздноваться только в особенные дни, преимущественно в память мучеников и именно как пиршества *для бедных.* Уничтожению вечерей любви много способствовали *злоупотребления и беспорядки* примешавшиеся к ним.

Язычники по поводу такого непонятного для них учреждения, каковы были вечери любви, осыпали христиан злыми и нелепыми клеветами. Эти клеветы стали нам известны из защитительных речей христианских апологетов. Язычники называли вечери любви *Фиестовыми пиршествами**, по причине соединенной с ними и непонятной для язычников Евхаристии, и обвиняли христиан в том, будто они предавались самому грубому распутству. Как ни ложны были эти клеветы – все-таки агапы не были чужды некоторых злоупотреблений. Уже ап. Павел осуждает за эти злоупотребления коринфскую общину, именно за разобщение богатых от бедных и их неумеренность (сн. 2 Пет. 2:13; Иуд. 12). Конечно, хорошая сторона вечерей любви долгое время одерживала верх и все данные в первые три века, за немногими исключениями, говорят о том высоконравственном духе, которым были проникнуты христиане на вечерях любви, о том ре-

* *Фиест* – Θυέστης – мифологическая личность, считающаяся между потомками Тантала. О нем говорят, что ему был предложен за трапезой собственный его убитый сын от враждовавшего против него брата Атрея (*Гомера* Илиада, 2, 106. *Эсхил.* 1253. *Еврип.* Ор., 1608).

лигиозном благоговении, с которым относились к ним христиане, о том порядке, который господствовал на этих вечерях. Об этом свидетельствует один из злейших врагов христианства Юлиан, благоприятно отзывавшийся о вечерях любви, устроявшихся в его время.

Позже, с увеличением числа лиц вступавших в христианскую общину, вечери любви постепенно утрачивали свой первоначальный характер во многих отношениях; появились и с течением времени усилились разного рода злоупотребления и беспорядки, против которых восставали уже Климент Александрийский, св. Григорий Назианзин, св. Златоуст, блж. Августин и другие. Собор Лаодикийский в половине IV века издал запрещение справлять агапы в церквах: «Не подобает в храмах Господних, или в церквах, совершати так именуемые трапезы любви и в доме Божием ясти и возлежание творити», читаем мы в 28 пр. сего Собора. Хотя несколько лет ранее этого Собор Гангрский, в Памфлагонии, и принял агапы под свою защиту против евстафиан, но это произошло только потому, что они, еретики, в своем гордом воздержании, считали агапы непозволительными и постились даже в воскресенье... По причине злоупотреблений, вечери любви отменены были и в Милане св. Амвросием. Скоро и в остальной Италии стали прекращать их. Блж. Августин советовал карфагенскому епископу Аврелию отменить их в Африке, но вместе советовал приняться за это дело с благоразумием. Третий Собор, Карфагенский (391 г.), запретил духовенству принимать участие в агапах и повелел, по возможности, удерживать от них и народ. Долгое время еще сохранялся в некоторых местах обычай справлять эти пиршества в церквах, и потому запрещение этого обычая было снова повторено на Константинопольском Соборе в 692 году. Как трудно было совершенно отменить этот обычай и как к нему привык народ, можно заключить из того, что еще папа Евгений в 826 г. жаловался на беспорядки при агапах. Долее всего сохранились эти церковные празднества в Англии, Галлии и Германии. Григорий I позволял новообращенным англичанам, которые особенно любили религиозные торжества, совершать пиршества у церквей в праздничные дни. Точно так же первые проповедники германские допускали их преимущественно у бриттов и скоттов. В праздники Господские и в честь мучеников собирались они или в церкви, украшенной зелеными ветвями, или перед церковью под деревьями, или, наконец, в палатках, сплетенных из древесных ветвей; там закалывали животных и под звуки музыки и религиозных песен совершали праздничный пир. Подобные праздники происходили и в Галлии. Но здесь они так изменились, что почти преобразились в языческие вакханалии: в церквах затевалась пляска, происходили беспорядки и бесчинства всякого рода; даже, по древнеязыческому обычаю, закалали животных в жертву святым. Подобное извращение вечерей любви и смешение языческих обы-

чаев с христианскими проявлялось и в Германии. Многие соборы, именно Собор Орлеанский в 533 г., Собор Оксерский в 584 г. и соборы, собранные деятельностью Бонифация, особенно Собор в Лютгихе 743 г. и германский Собор около 746 г., решительно восстали против злоупотреблений вкравшихся в древние вечери любви. Однако ж еще почти сто лет спустя Собор в Ахене принужден был возобновить запрещение Собора Лаодикийского против агап, и все-таки по местам они продолжали сохраняться: так привык к ним простой народ в Германии и Франции.

У абиссинских христиан еще и теперь существуют вечери любви в связи с таинством причащения. В других странах напрасно стали бы мы искать этого древнего учреждения, но нередко можно встречать различные обычаи не столько церковные, сколько народные, в которых так или иначе сказывается память древних преданий. Думают, что обычай, сохранившийся в некоторых местах, по большим праздникам разбивать палатки вокруг церкви и продавать в них яства и пития, равно как предложение трапезы бедным, соединенное с омовением их ног, в Великий Четверг (как это делается в Риме, Австрии, Баварии и других местах), суть остатки древних вечерей любви. Так же смотрят и на те пиршества, которые у греков и даже у русских устрояются богатыми для бедных по случаю погребения или по какому-нибудь другому случаю под открытым небом или в частных домах. Нечто похожее на агапы видят в пиршествах, совершающихся в известные дни у гернгутеров, в молельне перед принятием Св. Тайн. У них, кроме того, есть особенные, так называемые домашние вечери любви.

Отношения фарисеев и саддукеев к первоначальной проповеди апостолов (гл. 2–5)

А. Никитин. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1890, март

Иудейские партии думали, что со смертью Иисуса Христа погибнет и основанное Им общество, что кружок учеников, веривших в мессианское достоинство своего учителя, безвозвратно рассеется. По меньшей мере, саддукейская партия имела тот повод оставаться спокойной, что Анна и Каиафа умертвили Мессию, проповедь Которого для них казалась знамением мятежа и беспорядка. Но общество последователей Христовых далеко не рассеялось, далеко не погибло бесследно – оно, по вознесении на небо Иисуса Христа, ждало лишь исполнения обетования о ниспослании Духа истины. Сошествие Св. Духа в 10-й день по вознесении Иисуса Христа обозначает в истории Христианской Церкви новую эпоху. Исполнение обетования Иисуса Христа, давая верующим сильнейшее доказательство

Божественности своего Учителя, давало вместе с тем новую задачу Церкви. Теперь последняя, по словам Прессансе, должна была усвоять дарованную истину, извлекать из нее все следствия и через освобождение от оков иудейства известным образом достигать нравственного совершенства. Такое значение сошествия Св. Духа ясно понимали свв. апостолы: они увидели теперь, что христианство с этого момента должно сделаться универсальной религией; это ясно выразил ап. Петр в своей речи, произнесенной к народу для объяснения тех странных и непонятных перемен, какие совершил в апостолах Св. Дух. Называя Иисуса Христа распятым Господом, он призывал присутствующих ко крещению без различия звания, возраста и национальности (Деян. 2: 36–39). Довольно трудно сказать, почему эта проповедь осталась незамеченной со стороны фарисеев и саддукеев, особенно если принять во внимание то сильное движение народа в пользу христианства, которое выразилось в присоединении трех тысяч народа. Быть может, продолжительное время, в течение которого христиане не заявляли о своем существовании, настолько усыпило бдительность и подозрительность виновников смерти Иисуса Христа, что они были вправе думать, что ученики Христовы рассеялись, убедившись в дерзкой мечтательности своего Учителя. С другой стороны, обращение в христианство трех тысяч народа могло остаться не замеченным фарисеями и саддукеями, если мы обратим внимание на то многолюдство, каким отличался Иерусалим во время праздника Пятидесятницы, когда сюда стекались многочисленные толпы иудеев из всех стран. Наконец, можно предположить, что во время проповеди ап. Петра саддукеи, как иерархические лица при иерусалимском храме, были заняты исполнением лежавших на них обязанностей по отправлению общественного богослужения. Фарисеи же, если и слышали речь апостола, то не могли отнестись к ней враждебно, потому что в ней излагалось на основании пророчеств учение о воскресении мертвых, учение, составлявшее центр тяжести фарисейской догмы. На упоминание же в проповеди имени Иисуса Христа как Господа фарисеи могли не обратить никакого внимания, потому что крестная смерть Его совершилась на глазах народа и потому, с их точки зрения, не могла располагать массы к вере в Иисуса Христа как Мессию. Как бы то ни было, но проповедь Петра прошла совершенно незамеченной ни фарисеями, ни саддукеями.

Христианство встречает оппозицию со стороны иудейства вслед за чудесным исцелением хромого от рождения апостолами Петром и Иоанном. Исцеление хромого перед глазами всего народа произвело неотразимое впечатление на последний; это обстоятельство дает ап. Петру повод обратиться к народу с речью о Мессии, отверженном со стороны народа в лице Иисуса Христа, Который, однако, воскрес и дает силу верующим в

Него совершать чудеса. Напомнив о древних пророчествах, говорящих о том, что Иисус Христос должен был пострадать, он увещавал присутствующих обратиться ко Христу, чтобы загладить свою вину и получить вечное спасение. Но, судя по повествованию Деяний апостольских, проповедь Петра еще не была окончена, как к нему «приступили священники, начальники стражи при храме и саддукеи». Эти последние делаются душой враждебной христианству партии, «досадуя на то, что апостолы учат народ и проповедуют во Иисусе воскресение мертвых» (Деян. 4: 1–2). Пользуясь своей внешней силой и могуществом, саддукеи теперь схватывают апостолов, заключают их в темницу и подвергают строжайшему допросу в тайной надежде, что так открыто проповедуемое ими учение о воскресении мертвых будет решительно опровергнуто в торжественном заседании Синедриона. Такую надежду они могли питать потому, что в Синедрионе в то время саддукеи составляли большинство; отсюда опровержение в Синедрионе учения о воскресении мертвых могло бы рассматриваться со стороны саддукеев полным торжеством их принципов и публичным унижением фарисейской доктрины. И вот двух бедных галилеян ставят посредине блестящего собрания и спрашивают, каким именем и какой силой они творят чудеса. Если судьи надеялись такой тактикой совершенно подавить дух этих людей, говорит Ланге, то этому нам не следует удивляться, потому что они хорошо знали, как одиннадцать учеников обратились в бегство при первом появлении римского отряда в Гефсиманском саду. Но саддукеи не знали, какая перемена произошла теперь в галилеянах... Оказалось, что саддукеи не были подготовлены к борьбе с апостолами, потому что мужество не оставило их среди той торжественной обстановки, какую они увидели в этом многолюдном заседании Синедриона. Саддукеи, заранее уверенные в своей победе над ненавистным им учением, встречают со стороны апостолов такие аргументы, на которые они ничего не могли возразить, поэтому они в гневе и смущении удаляют апостолов из залы суда, чтобы сделать совещание о том, как им следует поступить с ними. Совещания, однако, ни к чему не привели. Принимая во внимание, с одной стороны, очевидность чуда, а с другой — общее сочувствие народа к совершителям его (Деян. 4: 4, 16), саддукеи не могли подвергнуть апостолов каким-либо наказаниям, не подвергая опасности свой собственный авторитет. Посему они ограничиваются одним запрещением проповеди об Иисусе Христе. Во всяком случае для нас теперь ясно, какое положение заняли саддукеи по отношению к христианству. Они надеялись подавить проповедь апостольскую своей грубой силой, обаянием своего блеска и величия, но если не успели в этом, то причины лежали в самих обстоятельствах: в препятствиях намерениям их со стороны народа, в неимении легальной почвы для насильственных мер по отношению к апосто-

лам и происшедшая в характере последних перемена, в силу которой они являются смелыми и убедительными проповедниками учения о Христе.

Каково же было отношение фарисеев к христианству при данном случае? Ответить положительно на этот вопрос за неимением точных данных довольно трудно. Но на решение этого вопроса бросает некоторый свет повествование св. Луки о ходе совещаний членов Синедриона по удалении из залы заседания свв. апостолов Петра и Иоанна (Деян. 4: 15–17). Сам деенисатель, не присутствовавший при этом, а равно и апостолы, выведенные из заседания, не могли знать о том, как и что рассуждали о них члены Синедриона. Поэтому нужно думать, что известие это почерпнуто от лиц принимавших участие в заседании и во всяком случае – не от саддукеев, которые ни в каком случае не могли рассказывать о своих совещаниях, потому что это могло бы обнаружить если не бессилие их, то во всяком случае снисходительность и потворство по отношению к пропаганде пунктов фарисейского вероучения, а это не входило в интересы их партии. Отсюда можно с вероятностью предполагать, что обстоятельства совещания были переданы апостолам одним из фарисеев. Вероятность этого предположения усиливается тем обстоятельством, что в Синедрионе имел Своих почитателей Иисус Христос и что эти почитатели остались с прежними чувствами к Нему не только при последних днях земной жизни Иисуса Христа, но и даже по смерти Его*. С другой стороны, фарисеи, принадлежавшие к школе Гиллела, во имя своих принципов не могли отнестись к христианству с той ненавистью и фанатизмом, с какими отнеслись саддукеи, потому что в проповеди о Христе они могли видеть проповедь тех нравственных начал, которые проповедовал Гиллел. Кроме того, до сих пор ничто не давало фарисеям права рассматривать христиан как особую религиозную секту с учением существенно отличным от их собственного. Наконец, не нужно забывать и того, что если бы разница в религиозных воззрениях и была замечена фарисеями, то эта разница заключалась только в вере во Христа как уже пришедшего Мессию. Если даже эта вера не была в глазах фарисеев простой мечтательностью, то проповедь о Христе получила теперь другое значение для фарисеев. Христос, говорит Ланге, провозглашался теперь не как бедный выходец из Назарета, но как воскресший в ослепительном свете и окруженный небесным величием. И если они прямо не могли относиться с расположением к вере в воскресение мертвых, то на этот раз они могли отнестись к ней благосклонно, чтобы таким образом заставить саддукеев молчать о несостоятельности учения о воскресении. Итак, проповедь апостолов в данном случае затрагивала только принципы саддукейского вероучения; отсюда

* См. Ин. 7: 50–52; Лк. 23: 50–53; Ин. 19: 38–42.

фарисеи могли рассматривать эту проповедь как такую, которая, нанося, с одной стороны, удар саддукейству и, с другой стороны, распространяя фарисейские верования, оставляла в тени самих фарисеев, а такая проповедь не могла возбудить ненависти в фарисеях.

Надеждам саддукейской партии не суждено было осуществиться. В апостолах допрос не только не подавил мужества, но возбудил твердую и непоколебимую решимость проповедовать о Христе. Укрепленные Св. Духом, апостолы решаются теперь перенести все пытки и мучения, чтобы «сделать то, чему быть предопределила рука Господня» (Деян. 4: 28-31). И действительно, апостолы начинают с этого времени, по свидетельству св. Луки, с великой силой проповедовать о воскресении Иисуса Христа. Эта горячая проповедь свв. апостолов, тихая и сосредоточенная в себе жизнь христиан, наконец, обильные явления чрезвычайных даров Св. Духа — все это в совокупности производило настолько сильное впечатление на народ, что число верующих увеличивалось с каждым днем. Такое сильное влияние апостолов на народ, такое сильное распространение учения о воскресении Христа не могли не обратить на себя внимания саддукейской партии. Саддукеи теперь увидели, что религиозное самосознание народа пробуждается и что это пробуждение сознания склоняется далеко не к принципам их секты; они с ужасом теперь заметили, что их собственным религиозным убеждениям угрожает сильная опасность со стороны проповедников о распятом Христе. Деяния апостольские дают право думать, что саддукеи теперь опасались не одного только внутреннего подрыва своего авторитета в смысле возможности окончательного неверия народа саддукейским принципам; можно думать, что они опасались теперь со стороны массы оскорбительных для них демонстраций. Саддукеи могли думать, что христианская партия, умножившаяся в числе своих последователей, так сильно воодушевленная верой в Иисуса Христа и тесно сплотившаяся благодаря общению имуществ, захочет теперь встать в открытую борьбу с ними, чтобы отомстить за позорную смерть своего основателя. Все это ясно видно из того тревожного упрека, с которым саддукеи обращаются к апостолам: «Вы хотите, — говорят они, — навести на нас кровь Того Человека» (Деян. 5:28). Таким образом, обстоятельства теперь требовали от саддукеев применения к апостолам скорейших и решительных мер, которыми они могли бы предотвратить угрожающую им опасность. И вот они прибегают к мерам репрессивным в той надежде, что такие меры если совершенно не подавят дальнейшего распространения христианства, то, по крайней мере, неблагоприятно повлияют на внутреннюю жизнь общества и ослабят до некоторой степени силу христианства. В этих видах саддукеи схватывают апостолов и заключают их в народную темницу. Чудесно освобожденные из темницы, апостолы на дру-

гой день приводятся под конвоем в заседание Синедриона, где их обвиняют в нарушении запрещения проповедовать о распятом Христе и хотят вынудить из их уст признание в замышляемом христианами мятеже. Скромные и вместе с тем полные глубокого смысла слова апостолов: «Богу должно более повиноваться, чем людям», — вызывают в членах Синедриона чувства оскорбленного самолюбия и мелкого тщеславия. В этих словах саддукеи увидели, что авторитет их решительно не признается апостолами; указание же на желание Израилю спастись и на дарование прощения за вину по отношению к распятому Христу, как на цели проповеди христианства, возбуждает положительный гнев саддукеев. В этом ответе заключалось и обвинение их в неправосудии по отношению к невинному Страдальцу и снова дерзко высказывалось противоречие галилеян саддукейским религиозным воззрениям. Неудивительно, что саддукеи замышляют теперь убить апостолов (Деян. 5:33); это тем более неудивительно, что апостолы, эти простые рыбаки, присвоили теперь себе права публичной проповеди и заботы о спасении Израиля — права исключительно принадлежавшие аристократии иудейской крови — саддукеям.

Между тем интересы фарисейской партии почти не затрагивались настоящим положением христианства, ибо и до сего времени апостольская община стояла на почве закона Моисеева. Члены ее, как и прежде, проводили большую часть времени в притворе Соломоновом и исполняли все обрядовые предписания (Деян. 5: 12–13) закона, держались, одним словом, всего того, что фарисеи могли ценить в каждом верующем иудее. Но фарисеи, несомненно, подозревали в христианах стремление произвести возмущение против саддукейско-ненациональной партии; это сильно сказывается в сопоставлении Гамалиилом пробудившегося христианского движения с лжемессианскими возмущениями, поднятыми Февдой и Иудой галилеянином. Но противиться возникновению и осуществлению этого стремления фарисеям не было цели ввиду того, что они могли извлечь отсюда выгоды для своей партии. Саддукеи, как мы выше заметили, находились во враждебных отношениях к фарисеям, но привилегии и выгоды их положения были предметом сильной зависти со стороны фарисеев, а потому свержение этой партии какими бы то ни было средствами с высоты величия и возвышение сторонников своего толка было заветной мечтой фарисеев. В данном же случае христианство своей борьбой с саддукейством могло послужить осуществлению этой мечты. Но становиться открыто на сторону христианства фарисеи не решились, рискуя, в случае неудачного исхода борьбы, окончательно потерять свое и без того начинавшее падать влияние и не желая подвергнуться строгой ответственности за участие в возмущении перед римлянами. Отсюда своим заступничеством за апостолов (Деян. 5: 34–39) фарисеи, может быть,

хотели только усыпить саддукейские опасения, навеянные им возраставшим религиозным движением, и таким путем подготовить саддукеям ту серьезную оппозицию, став на сторону которой, они могли бы не сомневаться в благоприятном исходе борьбы. Такие надежды могли возлагать фарисеи на христианское движение, если бы оно в самом деле окончилось возмущением против саддукеев как своих преследователей. Полагать, что фарисеи именно в таких видах заступались за христианство, мы могли бы в том случае, если бы можно было доказать, что Гамалиил был в настоящем случае выразителем общефарисейского мнения, если он своими устами выразил желания всей своей партии. Мы можем с вероятностью утверждать последнее на том основании, что Гамалиил был в Синедрионе представителем фарисейской партии; такое значение Гамалиила, как главы партии, открывается из того действия, какое произвела его речь на саддукеев, именно— Синедрион не решается казнить апостолов, а ограничивается только бичеванием их. С другой стороны, Деян. 5:34; 20:3 дают знать, что Гамалиил был одним из самых уважаемых раввинов, а 26:5 — что он был строжайшим фарисеем, каковое направление сообщил своему ученику Савлу. Если это так, то интересы его партии были в высшей степени близки его сердцу и в данном случае он мог легко прикрыть замыслы своей партии своей принадлежностью к снисходительной партии Гиллела. Но если бы это было иначе, то, по меньшей мере, было бы странно, что устами строгого фарисея, устами вождя фарисейской партии высказана была такая снисходительность по отношению к христианству. Если сам Гиллел учил не отделяться от своего общества, если отличительной чертой фарисейства было единодушие, то не было ли бы со стороны Гамалиила (внука Гиллела) изменой своему обществу такая беспричинная снисходительность к христианству, не было ли бы со стороны Гамалиила отречением от фарисейства, если бы он не воспользовался благоприятно сложившимися обстоятельствами для осуществления существенной цели фарисейства?! Мы думаем, что в данном случае в Гамалииле именно сказался фарисей, который, прикрываясь маской терпимости и упования на Бога, думал усыпить и уничтожить все опасения саддукеев относительно успешности предполагаемого христианского возмущения. Но если Гамалиил был выразителем общефарисейских надежд на христианское движение, то, как отдельное лицо, он имел другие мотивы противиться кровавым преследованиям проповеди о Христе — эти мотивы заключались в его личной терпимости и благоразумии. Внук знаменитого Гиллела, усвоивший те симпатичные черты, которыми отличался его дед, Гамалиил не мог стать на сторону оппозиции христианству, этические принципы которого близко подходили к его собственным. Кроме того, как человек набожный, религиозный и благоразумный, Гамалиил не мог не понимать той

истины, что исключительно человеческое дело не может быть прочным; с другой стороны, благоразумие подсказывало ему, что иерархия не должна наказывать гражданским порядком за проступки против религии. Климентины заступничество Гамалиила за христианство объясняют тем, что он будто бы был тайным христианином (1:65), но это опровергается фактами: 1) что он был учителем Савла, но не спас его от ненависти к христианству и 2) он до конца своей жизни принадлежал к фарисейской партии*.

Итак, до сего времени различие в отношениях саддукеев и фарисеев к христианству сказывается довольно рельефным образом. Саддукеи представляют открытую оппозицию христианству и выражают желание насильственным образом подавить распространение ненавистного им учения о Христе, дабы подавить возможность всякого возмущения против их положения и авторитета. Между тем фарисеи, не замечая в христианстве протеста своим религиозным убеждениям и нарушения отеческих преданий, не заявляют по отношению к христианам неприязненных чувств в тайных надеждах воспользоваться христианским движением для возвышения своей партии. Но, несомненно, постоянно возраставшее влияние христиан, этих последователей строгого обличителя фарисейского направления, в сущности, не могло быть приятным для фарисеев явлением; с другой стороны, учение о Христе, как о Мессии, противоречило их тщеславным надеждам на будущее их партии; отсюда можно предположить, что фарисеи, в сущности, недружелюбно смотрели на христианство, но до сего времени это недружелюбие скрывается под маской фарисейского ханжества и терпимости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ КО 2-й ГЛАВЕ

1) *Св. Иоанн Златоуст.* Из Беседы в неделю Пятидесятницы. «Воскр. чт.», 20; Деян. 2: 22–24; 12: 2–8.

2) *Блж. Августин.* О пришествии Св. Духа и даре языков. «Воскр. чт.», 1845–46 (9).

3) *Его же.* Сл. в день Пятидесятницы. «Воскр. чт.», 8.

4) *Св. Амвросий Медиоланский.* Слово в день Св. Пятидесятницы. «Воскр. чт.», 19.

5) Письмо о празднике Св. Троицы. «Воскр. чт.», 22.

6) *М. Голубев.* Первый праздник Пятидесятницы в Апостольском веке (Деян., 2 гл.). «Духов. бес.», 1859, 6.

7) *А. Павлов.* Праздник Пятидесятницы. «Духов. бес.», 1861, 13.

8) Праздник Пятидесятницы. «Воскр. чт.», 34, 1. 1876, 2.

9) *А. В.* Праздник Пятидесятницы или Сошествия Св. Духа на апостолов. «Воскр. чт.», 29, 1.

10) Сошествие Св. Духа. «Воскр. чт.», 1879, № 21.

---

* Lange 1, с. S, 70.

11) *А. Л.* Сошествие Св. Духа на апостолов. «Церков. вестн.», 1879, № 20.

12) Размышление в день Св. Духа (Деян., 2 гл.). «Хр. чт.», 1849, 1.

13) Сошествие Св. Духа. Первая проповедь ап. Петра и последствия сей проповеди. «Хр. чт.», 1832, 46.

14) Жизнь первенствующих христиан. «Воскр. чт.», 1872, № 9.

15) Апостольские времена. «Воскр. чт.», 1877 г., 2.

16) Беседы к простому народу об апостолах. «Воскр. чт.», 28, 2.

17) *Прот. Н. Протопопов.* Первые проповедники Евангелия. «Прав. обозр.», 1861, 5.

18) Первые опыты миссионерской деятельности апостолов от сошествия на них Св. Духа до смерти Стефана (см. в ст. «Очерки из истории миссионерства пастырей церкви Христовой». «Руков. для с. п.», 1871).

19) Агапы, или вечери любви, у древних христиан. «Воскр. чт.», 11.

20) *П. П.* Агапы, или вечери любви, у древних христиан. «Руков. для с. п.» 1872, 1.

21) Парфяне, (ст. 9). «Библ. п. сл.», «Воскр. чт.», 1877, 1.

22) Понт. (ст. 9). «Библ. п. сл.», «Воскр. чт.», 1877, 1.

23) Памфилий. (ст. 10). «Библ. п. сл.», «Воскр. чт.», 1877, 1.

24) Рим (ст. 10). «Библ. п. сл.», «Воскр. чт.», 1877, 2.

25) *Прот. Полотебнов.* Общедоступное истолковательное чтение на книгу Деян. «Чт. в Общ.», 1874, март и апр.

26) *Архиеп. Иннокентий.* Сошествие Св. Духа на апостолов в день Пятидесятницы («Стран.», 1868, май).

27) *В. Певницкий.* Проповедь в первенствующей Церкви Христианской. Тр. Киев. д. ак., 1875, ч. 2, июнь.

28) *Свящ. Н. Розанов.* Дар языков. «Духов. бес.», 1867, т. 1.

29) *Иннокентий, архиеп. Херсон.* О совершенной необходимости даров Духа Св. для всякого христианина. Сочинения. Т. 1. Как стяжать благодать Св. Духа? Там же. По каким признакам можно узнать о присутствии в человеке Духа Божия? Там же. О том, что не должно скорбеть о прекращении в Церкви Христовой чудесных дарований. Там же.

30) *Н. Невзоров.* Состав богослужения в 1-м христианском веке. «Стран.», 1875, 1.

31) О времени учреждения иерархии в Церкви Христовой. Пензен. *Еп. В.* 1890, 3, Обз. журналов.

32) Ст. 44–45, 5: 32–35. *А. Лебедев.* О благотворительности в век апостольский. «Прав. обозр.», 1862, 9.

33) Сошествие Св. Духа и проповедь ап. Петра. *Прот. Горский.* Еванг. история апостольской Церкви.

34) Ст. 1–11. *Евсевий, архиеп. Могилевский.* Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола, ч. 1.

35) *Фаррар.* Богослужение первенствующих христиан. См. «Первые дни христианства».

36) *Его же.* Вечери любви. Первые дни христианства.

II. Церковь Христова в Иерусалиме (3–7 главы)

ГЛАВА 3

Исцеление хромого (3: 1–11)

«Христианское чтение», 1832, ч. 47

Важное событие, совершившееся в праздник Пятидесятницы, уже обратило внимание Иудейского совета на апостолов. Членам его нельзя было не опасаться, что дело, которое они почитали конченным, готово возобновиться, несмотря на все предосторожности, какие ими приняты были в день воскресения Господа. Ни одно чудо Спасителя не приобрело Ему столько последователей, сколько проповедь Богодухновенного Петра!

В течение первых дней, следовавших за Пятидесятницей, вожди народа оставались, кажется, только зрителями, наблюдая с беспокойством, чем дело кончится. Но вскоре поразило их другое событие, не менее важное по своим последствиям и подавшее повод к первому гонению на апостолов.

В один день Петр и Иоанн шли в храм на молитву, это было около вечерней жертвы, то есть в третьем часу пополудни. При так называемых, *красных* дверях храма (которые из двора язычников вели во двор именуемый женским) у них попросил милостыни человек, которого жалкое положение обратило на себя их внимание. Будучи от роду хром, он не имел другого способа к своему пропитанию, кроме милостыни, для собирания коей сажали его при вратах храма: святость места усугубляла в проходящих сострадание к нему. Он ожидал подаяния и от ап. Петра с Иоанном, заметив, что они с участием посмотрели на него. «Взгляни на нас, — сказал ему Петр, — только не ожидай от нас подаяния: серебра и золота нет у меня, а что имею, то и даю тебе: встань и ходи! Иисус Назорей — Мессия исцеляет тебя». Сказав сие, Петр простирает руки и поднимает хромого. Ощутив крепость в своих ступнях и коленах, хромой вскакивает на ноги, стоит, ходит свободно и скоро. Между тем Петр и Иоанн удаляются в притвор Соломонов. Подражая смирению своего Учителя, они не думали раз-

глашать о соделанном ими чуде, но исцеленный, непререкаемый свидетель оного, не отходит от своих благодетелей. Вознося хвалу и благодарение Богу Израилеву, он обращается к удивляющемуся народу, указывает на Петра и Иоанна и – продолжает восхвалять Бога. С первого взгляда каждый узнает в нем того хромого, который столь долгое время прежде, и даже сегодня, сидел и просил милостыню при красных дверях храма. Изумленные зрители ищут виновников сего чуда и узнают их в Петре и Иоанне; исцеленный безотлучно находится при них, на них одних устремлены его взоры. Народ со всех сторон стекается к апостолам – и они опять окружены почти таким же множеством изумленных зрителей, как и в праздник Пятидесятницы. Слово Крестное долженствовало огласить и сие многолюдное собрание.

Толкование на 1-й стих 3-й главы Деяний апостольских

Св. Иоанн Златоуст.
«Христианское чтение», 1846, 2

Петр и Иоанн восхождаста во святилище. Но завеса раздралась. Святое Святых опустело, поклонение, ограниченное одним местом, более не существует, почему и Павел громогласно проповедует: *на всяком месте воздевайте преподобныя руки* (1 Тим. 2:8). Что же? Для чего спешат они на молитву во святилище? Ужели опять обратились к иудейской немощи? Никак. Они только снисходят понятию немощных, исполняя слово Павлово: *бых Иудеем, яко Иудей* (1 Кор. 9:20). Снисходят немощным для того, чтобы они уже не оставались немощными. Кроме того, во храм собирался весь город. Посему, как искусные рыболовы свои поиски в реках устремляют на заводи (κόλπος), в которые собирается вся рыба, для того чтобы с меньшим трудом получить добычу – так точно и апостолы, как духовные рыбари, спешили к оной заводи – храму, в который собирался весь город, дабы, распростерши там сеть Евангелия, с большей легкостью изловить добычу. Так поступали они, подражая своему Учителю, Который говорил: *по вся дни при вас седех, уча в церкви* (Мф. 26:55). Для чего же в церкви? Дабы взять из церкви. Так и апостолы пошли как будто на молитву, а в самом деле намеревались сеять там учение. *В святилище на молитву в час девятый.* И время обозначено не без причины. Я уже не один раз говорил вам, что в девятый час и рай отверзся, и разбойник вошел в него; в девятый час потреблено проклятие, принесена жертва за вселенную, мрак рассеялся и воссиял свет, как чувственный, так и мысленный. В час девятый, когда другие спят глубоким сном после обеденного насыщения и хмеля, апостолы, трезвые и бодрые, согретые многою любовию, спешили на молит-

ву. Если же и они имели нужду в молитве, в молитве столь напряженной, столь точной, они, имевшие столько дерзновения к Богу, то что сделаем мы, когда, имея такое множество ран, не прилагаем к ним врачевства молитвы? Молитва есть великое оружие. Хочешь ли знать, как велико оружие — молитва? Апостолы оставляли попечение о бедных для того только, чтобы тем более иметь времени на упражнение в молитве. *Поставите*, сказано, *мужи от вас свидетельствовани седмъ: мы же в молитве и служении слова пребудем* (Деян. 6:3).

Толкование на 1-й стих 3-й главы

Филарет, митрополит Московский. «Слова и речи», т. 4

В книге Деяний апостольских написано: *вкупе же Петр и Иоанн восхождаста во святилище на молитву в час девятый.* Что это значит? Апостолы слышали повеление Господне о молитве в уединенной храмине, почему же не довольствуются такой молитвой? Почему идут на молитву во святилище, то есть в Иерусалимский храм, еще святой, хотя долженствовавший вскоре уступить святость храмам христианским? Почему это? Потому что, кроме молитвы домашней и уединенной, нужна еще молитва общественная, церковная, во святилище, во храме, получившем особенное, Божественное освящение, и сей род молитвы также основан на повелении Божием. Сие повеление в книге Моисеевой читается так: *токмо на месте, идеже изберет Господь Бог ваш во едином от колен ваших, нарещи имя Его тамо, и призвати, и взыщете, и видите тамо.* То есть Богу не угодно, чтобы общественное призывание имени Его или, иначе сказать, церковное богослужение совершаемо было на каком-либо простом, неосвященном месте, а должно сие делать только на том месте, которое Бог для сего изберет и освятит; и на сие Богом избранное и освященное место все должны приходить и там призывать Бога.

Храм Иерусалимский, как ветхозаветный и преобразовательный, упразднен явлением Преобразованной Истины, то есть Христа Спасителя, и устроением Нового Завета. От Христа Спасителя получили апостолы и предали своим преемникам власть созидать храмы христианские во всяком граде и селении. И апостолы пользовались ветхозаветным храмом только по нужде и на время. Поелику же многое в нем христианству не соответствовало, и надлежало его непременно перестроить применительно к Новому Завету, ту грубую работу разорить старое Провидение Божие поручило язычникам римлянам, а Христовым апостолам и богомудрым их преемникам Дух Святой преподал высокое искусство не зодчества вещественного, но духовного и Богодейственного устроения новых, собственно христианских, храмов.

Вторая проповедь апостола Петра (3: 11–26)

«Христианскоечтение», 1832, ч. 47

«Израильтяне, — говорит Петр, — что вы смотрите на нас с изумлением? Не думаете ли, что мы своею силою исцелили сего человека или что Бог сделал нас чудотворцами ради нашего благочестия? Бог отцов наших, Бог Авраама, Исаака и Иакова, сим исцелением прославил не нас, но возлюбленного Своего Сына Иисуса, Того Самого, Которого вы предали в руки римскому правителю и от Которого отреклись перед Пилатом, когда сам судия ваш признал Его невинным и полагал освободить. Вы отвергли Святого и Праведного, испросили убийцу, а Начальника жизни, своего Спасителя, — распяли! Вы Его умертвили, но Бог воскресил Его из мертвых — мы тому свидетели! Токмо ради веры в Иисуса, Подателя жизни, человек сей получил исцеление: вера в Него совершила сие чудо, которого вы сами свидетели».

«Знаю, братия, что вы, равно как и начальники ваши, распяли своего Мессию по неведению. Но ваше неведение не разрушило мудрых предначертаний Божиих. Бог предвозвестил устами всех Своих пророков, что Христос пострадает и умрет. Как было предсказано, так и исполнилось. Вам остается теперь раскаяться в своем преступлении, в своем заблуждении и обратиться к Богу и Его Христу: тогда грехи ваши изгладятся; тогда наступят и блаженные времена, обещанные Израилю; Бог опять пошлет вам Сего Иисуса, Которого Он поставил Царем вашим и Который теперь вознесся на небо, где пребудет до времен совершения всего, что говорил Бог устами всех святых пророков Своих от начала мира».

«Вспомните, что говорит великий пророк Моисей: Господь Бог ваш воздвигнет вам из среды братии вашей пророка, как меня; слушайтесь Его во всем, что Он ни будет говорить вам. Всякая душа, которая не послушается Пророка того, истребится из народа. Сего Пророка, нашего Спасителя, предвозвещали все пророки, сколько их ни было со времен Самуила. Вы сыны оных пророков, вы наследники всех данных им обетований по силе того Завета, который постановил Бог с отцами вашими, сказав Аврааму: семенем твоим благословятся все племена земные. Время исполнения сего обетования наступило; Бог отцов ваших, воскресив Сына Своего Иисуса, вам первым ниспосылает Свое благословение; каждый из вас может получить оное, отрекшись от злых дел своих».

Такая проповедь в другое время едва ли была бы принята благосклонно: упрек «Вы отвергли Мессию» был слишком разителен. Но святой Петр говорил слушателям, перед глазами коих находилось такое доказательство проповедуемой истины, которого не могли отвергать самые злонамеренные и самые упорные из них: подле проповедника стоял исцеленный. Сила

Божественная, возвратившая здравие хромому, непререкаемо свидетельствовала о истине воскресения Господа и Его вознесения на небо. Соделанное чудо апостол производит от распятого Иисуса, называет плодом спасительной веры в Него, следственно, Он жив, следственно, Он воскрес! Не было также места вопросу и о настоящем Его местопребывании: опыты силы незримого Мессии, видимо являющей себя при одном произнесении имени Его, были неоспоримым доказательством Его небесного прославления.

Свидетельство апостола Петра, подтвержденное столь ясно исцелением хромого, имело и само по себе такую убедительность, что люди беспристрастные не могли не признать его истинным. В нем все события, относящиеся к Иисусу Христу, представлены в такой связи, соглашены одно с другим так верно, что не оставалось места ни малейшему разногласию, которое могло бы породить сомнение в слушателях. Жизнь, смерть, глубокое уничижение, Божественное величие и сила, знамения и чудеса, каковых никогда прежде не бывало, составляют одно стройное целое — царственное достоинство Христа, которое, несмотря на Его земное смирение не принимавшее славы от людей, является неотъемлемым Его достоянием, как предвозвещено было древними пророками. На сие согласие всех обстоятельств жизни Спасителя с древними предречениями до сего времени не обращено было надлежащего внимания ни одним иудеянином, ни даже учениками Господа до Его воскресения (Лк. 24:25). «Господь наш и Царь воскрес из мертвых, вознесся на небо, принял участие в мироправлении Божием и опять приидет на землю. Теперь наступило время, в которое должно исполниться все, что пророки некогда предсказали о Царстве Мессии. Он жив для Своего Израиля. Страдание и смерть Иисуса были путем к Его прославлению. Что Он жив, что Он воскрес — тому свидетели мы, тому свидетель Он Сам: Он исцелил сего недужного».

Таким образом, пути Божии, до сего времени недоведомые премудрым и разумным, раскрыты, сделались понятны самому недальновидному израильтянину!

Проповедь апостола обратила ко Христу около пяти тысяч душ — столь велико было ее действие! Можно полагать, что уверовавшие не все в то же самое время, но после, при первом удобном случае, были крещены и присоединены к обществу чтителей Иисуса Христа.

О речи ап. Петра по исцелении хромого

Ф. Яковлев. «Апостолы». М., 1849, вып. 1

Прежде всего апостол позаботился отстранить всякое ложное понятие и толки о себе и своем спутнике; объявил всем, что чудо сделано не их си-

лою или благочестием, но всемогущим именем Иисуса Христа. Тут же с большей свободой и ясностью, нежели в первой своей речи, назвал Иисуса Христа не Мужем, засвидетельствованным от Бога, но прямо Отроком, то есть Сыном Божиим, Сыном Бога отцов их, Бога Авраама, Исаака и Иакова. Неустрашимо высказал им горькую истину, что они от Сего-то Святого и Праведного Сына Божия отреклись и, когда Пилат хотел Его освободить, просили даровать им убийцу, а Начальника жизни убили. Слова громовые, сокрушительные! При таком напоминании в какой трепет и ужас должен придти каждый из слушавших, представляя себе всю черноту, гнусность и вероломство свое против такого священного Лица, Которого одно имя исцеляет неисцелимое! Многие с тоскою и содроганием должны сознаваться в душе своей: «и я подавал голос на Его умерщвление, и я кричал: возьми, возьми, распни Его, и я безумно призывал кровь Его на себя и детей своих, а это Сын Бога отцов моих, это Начальник моей жизни, Которого я променял на гнусного убийцу, испрашивая помилование Варавве».

Могли ли укрыться от зорких глаз ап. Петра такие или тому подобные скорбные чувства? Переполненный благодатью Святого Духа, он их видел и, дорожа спасением своих соплеменников, тотчас переменил грозный голос свой: сильные его укоризны тотчас заместились словами отрадными – это роса, падающая на иссохшую землю, это веяние ветра, освежающее от палящего зноя. «Знаю, – продолжал апостол, – вы и начальники ваши сделали все это по неведению, все это предопределено Богом, предсказано пророками, а вы только жалкие и несчастные исполнители пророчеств Божиих. Итак, покайтесь и обратитесь загладить грехи свои». Потом апостол простирает еще далее свой привет и снисходительность – удовлетворяет ожиданию их Мессии, предвещая будущее явление Иисуса Христа, которое последует после исполнения всех пророчеств, заверяет, что Иисус Христос есть Обетованный Божий, о Котором предсказывали Моисей и все пророки, ласкает их, называя сынами пророков и завета, и утешает, что к ним первым послан Богом воскресший Сын Божий Иисус благословить их на всякое доброе дело.

Какая же речь могла подействовать на душу убедительнее, нежели эта – простая, но сильная и неизъяснимо трогательная? Помилование всегда вожделенно преступнику. А тут предлагается не только помилование, но и благоволение – и каким преступникам! – за какую цену, за какие жертвы и возмездия? За одно только искреннее раскаяние и признание своих заблуждений. Чье же сердце будет упорствовать в своем ожесточении против такой благости. Ее и почувствовали около пяти тысяч сердец обратившихся к Иисусу Христу в незабвенный тот день. Так совершил и второй свой подвиг апостол Петр!

Толкование на стихи 17–18

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

«Впрочем, я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали сие по неведению. Бог как предвозвестил устами всех своих пророков пострадать Христу, так и исполнил». Представив пред глаза слушателей иудеев всю вину их в отношении к Господу Иисусу и Богу Отцу и имея в виду склонить сердца их к покаянию и обращению ко Христу, апостол смягчает речь свою (что выражается и дружеским «братия»), представляя дело убиения ими Иисуса как дело неведения с их стороны (ст. 17) и смерть Господа представляя как необходимое исполнение предвечного совета Божия, возвещенное всеми пророками (ст. 18). Вместе с сим в рассматриваемых словах содержится указание возможности для иудеев покаяния и обращения ко Христу как со стороны их самих (ст. 17), так и со стороны Бога (ст. 18). Как ни тяжек грех их, но он может быть прощен им при покаянии их, ибо они, равно как и начальники их, сделали сей грех по неведению. Со стороны Бога возможность отпущения им сего греха условливается тем, что смерть Мессии есть дело предопределенное в вечном совете Божием и предсказанное пророками. *Вы* — то есть слушатели апостола, в лице которых разумеется целая иудейская нация, предавшая в лице своих начальников Господа на смерть. *Сделали сие по неведению* — так как в Господе Иисусе они не узнали Мессии своего и не признали Его таковым. И Сам Господь, молясь на кресте за распинателей Своих, говорил, что они не знают, что делают (Лк. 23:34). Апостол Павел, говоря о том же, выражается, что если бы они познали Божию премудрость в лице Иисуса Христа, то не распяли бы Господа славы (1 Кор. 2:8). Конечно, это неведение не извиняет их, так как они имели все средства узнать в Иисусе из Назарета Мессию своего, тем не менее, при покаянии их, этот тяжкий грех их мог быть прощен им всемилостивым Богом. Апостол дает им возможность отречься и раскаяться в том, что они сделали, и даже представляет за них благовидное оправдание и говорит: «что вы убили невинного — это вы знали, но что убили начальника жизни — этого, может быть, не знали». И таким образом не их только оправдывает от преступления, но и главных виновников зла. А если бы он обратил речь в обвинение, он сделал бы их более упорными (Злат.). *Устами всех своих пророков* апостол говорит, что все пророки предвозвещали о страданиях Христовых, в том общем смысле, что основной средоточный пункт пророчества еврейского вообще, а следовательно, и в частных его представителях был Христос и совершенное Его смертью дело искупления рода человеческого, хотя бы и не осталось в истории сведений о том, что тот или другой пророк пророчествовал именно о страданиях Христовых. Это — общая идея пророчества, в ней, как в

фокусе, сосредоточивается оно, и в смысле этой общей идеи говорит здесь апостол о пророках. *Так и исполнил* – в этом деле иудеев – предании Мессии на страдания и смерть исполнилась воля и определение Божие относительно искупления человечества страданиями и смертью Мессии. Враги Христовы, будучи самостоятельными и ответственными историческими деятелями, были и в сем, как и в других, случае орудиями исполнения воли Божией (ср. Злат.).

О том же

Протоиерей Полотебнов.
«Общедоступное истолков. чтение на книгу Деяний свв. ап.»

17 ст. *Впрочем, я знаю, братия,* – несмотря на великую тяжесть преступления иудеев, Петр называет их братьями не потому только, что они с апостолами одной нации, а потому, главным образом, чтобы успокоить их несколько утешительным словом, «чтобы дать им возможность одуматься» (Феофил) и тем склонить их к чувству сознания и раскаяния. Замечательный пример оборота речи в беседах с грешниками, замечательный пример любви к падшим! Дух Св. внушил великому апостолу высокую истину: главным образом любовью и нежным сердцем всегда можно тронуть виновного, а не горькими упреками, с досадою, с возмущением духа и проч. *Что вы, как и начальники ваши, сделали сие по неведению.* Предсказанное Исаией (6: 9, 10) *ослепление* всего народа иудейского, конечно, может назваться и состоянием неведения. Хотя ослепление и понимается собственно как состояние, в котором действие противоположно знанию, но, кажется нам, здесь другая мысль. Петр возводит слушателей к признанию, что, несмотря на все усилия свои против Христа, не они все-таки победили, а распятый ими Праведник, пришедший спасти их, что они, совершив ужасное злодеяние, оказались теперь поистине жалкими, ничтожными существами; они не знали тайны путей Промысла, по которому в распятии Мессии, как царя духовного, неземного, они должны были снискать себе и чадам своим только *кровь*, вопль и слезы. Не человеки ругались тогда Божию Величеству – Божий Промысел посмевался буйству человеческому, без нарушения свободы заставляя его служить высочайшей Своей премудрости. Не лукавые рабы перехитряли Господа – Всеблагий Отец не щадил Сына, дабы не погубить рабов лукавых. Не вражда земная уязвляла любовь небесную – небесная любовь скрывалась во вражду земную, дабы смертью любви убить вражду и распространить свет и жизнь любви сквозь тьму и сень смертную. *Бог возлюбил мир, и Сына Своего Единородного предал, да всяк веруяй* в Него *не погибнет, но имать живот вечный* – Ин. 3:16 (Филарет Моск., Слово, 1821 г., в изд. 2). В незнании всего этого иудеи не могут быть обвиняемы как достойные одного проклятия и решительного отвержения.

Указанная великая тайна путей Промысла *неведома* была им *в неверии их* (ср. 1 Тим. 1:13), поэтому-то им все-таки всегда открыты двери милосердия Божия к падшим кающимся грешникам. И Сам Господь просил Отца Своего о прощении иудеев, убийц Своих, и просил именно словами: *Отче, прости им, не ведят бо, что творят* (Лк. 23:34).

18 ст. *Всех своих пророков – всех* вместо *многих* – обычный простой образ выражения, например Мк. 1:37; Ин. 3:26 и проч. Вероятно, дееписатель опустил здесь приведенные Петром пророчества о Христе как общеизвестные христианам читателям своим. Потому следующий стих прямо представляет вывод из доказательства и свидетельств верховного апостола.

Мысли на 19-й стих 3-й главы

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 15

Покайтеся и обратитеся ко Господу, да очиститеся от грех ваших, яко да приидут времена прохладна от лица Господня. Так говорил св. апостол Петр распявшим Господа иудеям, утешая их, что они сделали это по неведению. Мы же не по неведению распинаем в себе вторично Господа грехами своими, но Многомилостивый и нас принимает, когда каемся и обращаемся к Нему от всего сердца своего. Это и сделали мы в Великий пост. Всякий прибегал ко Господу в слезах покаяния о грехах своих, и чем искреннее кто это делал, тем сильнее ощущал прохладу помилования, исходящего от лица Господа через руки и разрешительное слово иерея Божия. Теперь что нам остается делать? Беречься от новых падений, чтобы опять не впасть в вину распинания Господа. Апостол говорит, что Господа Иисуса небо прияло только до лет устроения всех. Потом Он опять приидет и сотворит суд. Какими глазами воззрят на Него те, кои Его прободоша? А ведь и нам придется стоять в ряду их, если перестанем приносить плоды покаяния и возвратимся на старое.

Толкование на стихи 20–21

Еп. Михаил. «Толковый Апостол»

Да приидут времена отрады и да пошлет и пр. – одно из затруднительных для толкования мест, в объяснение которого составилось довольно мнений. Вероятнейшее из них то, что здесь вообще разумеется Царство Христово на земле до скончания века. Быстрым взором апостол обнимает здесь все время царства Мессии на земле до второго Его пришествия, указывая в кратких чертах его отличительный характер сравнительно с царством мирским вообще. По всему воззрению Нового Завета, как и Ветхого, жизнь в греховном мире, в отчуждении от Бога, есть время борьбы, бед и несчастий; жизнь в Царстве Божием, в Царстве Христовом, в примирении с

Богом есть время успокоения, время отрады. Это время духовного мира или отрады начинается для человека или общества со времени его обращения ко Христу и продолжается, в общем, постоянно. Это-то идеальное успокоение в Царстве Христовом или, по характеристичному выражению, *субботствование* (Евр. 4: 1-11) в Царстве Христовом и разумеется здесь под выражением — *времена отрады*. Эти *времена отрады* ораторски представляются как бы присущими перед лицом Господа и от лица Его приходящими на землю. Под *Господом* разумеется здесь Бог Отец, как видно из дальнейшей связи речи. *Да пошлет Он* и проч. — речь о втором пришествии Господа Иисуса при кончине мира, как видно из дальнейших слов апостола. О сем *послании* Его от Бога Отца говорится в том же смысле, в каком говорится о послании Его для вочеловечения (Ин. 5: 23, 24). *Предназначенного* — греческое слово означает определение, решение, предназначение; в приложении ко Христу выражение значит: да пошлет предназначенного вам (то есть всему народу иудейскому) Мессию. Не исключаются из сего и язычники, но к иудеям первым послан был Мессия (ср. ст. 26). *Небо должно было принять* — выражение, означающее пребывание Господа Иисуса с прославленною плотию на небе со дня вознесения до указываемого в сем стихе второго пришествия Его на земле. *До времен совершения всего* и пр. — собственно до времен *восстановления всего;* греческое слово означает восстановление правильных, истинных отношений, нарушенных чем-либо. Что значит это восстановление всего? Объяснением сего может служить пророческое созерцание апостолом Павлом обращения всего Израиля ко Христу после обращения язычников, изложенное в Послании к Римлянам (гл. 11). Отвергнув Мессию своего, иудеи тем разорвали завет свой с Богом, но будет некогда, по пророческому созерцанию ап. Павла, будет некогда время, когда народ иудейский, в своей массе как нация, обратится к вере в Мессию, Иисуса из Назарета, и Бог *помилует* народ Свой. Об этом обращении Израиля предсказывал Бог через пророков Своих, как указывает то ап. Павел в помянутом месте, приводя важнейшие из таковых пророчеств. Это-то время и это событие ап. Петр и называет в рассматриваемом месте *восстановлением* всего, что говорил Бог устами святых Своих пророков от века. Апостол созерцает это время как время перед кончиною мира, после чего Бог пошлет предназначенного им Мессию, то есть последует второе пришествие Господа Иисуса. Апостол говорит, что о сем Бог говорит *устами всех пророков от века*, в том же смысле, в каком говорил выше (ст. 18), что все пророки предвозвещали о страданиях Христовых. Таким образом, в рассматриваемых стихах характеризуется все время царства Христова на земле до самого второго пришествия Его как время духовной отрады для верующих иудеев (как и язычников) и под конец — время восстановления истинных отношений между Богом и народом избран-

ным, когда и последует второе славное пришествие Господа Иисуса на землю для окончательного суда над всем миром. Для уразумения силы такого апостольского увещания к покаянию и обращению иудеев — слушателей апостола ко Христу — надобно помнить, что апостолы, побуждая верующих к добродетельной жизни, нередко внушали им иметь в мысли близкое пришествие Христово второе, так как день сего пришествия неизвестен, состоит в воле Божией и придет как тать в нощи (1 Сол. 4:15 и д., 5:1 и д.; 1 Кор. 7:29 и д. и парал.). Общий же «смысл этого текста тот, что многое из предсказанного пророками еще не исполнилось, но исполняется и имеет исполняться до скончания мира, потому что вознесшийся на небеса Христос пребудет там до скончания мира и придет с силою тогда, когда исполнится, наконец, все, что предсказали пророки» (Феофил.).

Почему Господу и Спасителю нашему не благоугодно было по воскресении Своем из мертвых остаться на земле, дабы видимо управлять Своею Церковью (3:21)?

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Сочинения, т. 1

Ап. Петр, по исцелении слепого, в слух всех иудеев утверждал, что *небеси подобает прияти Христа Иисуса до лет устроения всех,* то есть до скончания мира.

Точно, подобает! Ибо время уничижения Господа навсегда окончилось Его крестом и гробом; по воскресении и принятии Им всякой власти на земле и на небе (Мф. 28:18), естественно, наступило для Него время прославления. Но грубая, растленная грехами, тяготеющая под проклятием земля наша явно есть место не покоя и прославления, а искушений и странствования. Почему-то Спаситель в самый первый день воскресения Своего объявил Магдалине, что Он уже восходит (Ин. 20:17) к Отцу, хотя еще и оставался на земле в продолжение четыредесяти дней. Знак, что пречистое человечество Его, онебесенное крестом, тотчас по воскресении из мертвых стремилось уже ввыспрь, в мир пренебесный, к Отцу, и если Он оставался еще на земле, то по особенной любви к ученикам и по нужде продолжить с ними беседы, *яже о Царствии Божием* (Деян. 1:3). А когда и сия потребность была удовлетворена, когда и сии святые узы перестали иметь силу, то прославляемое за крестный подвиг человечество Спасителя, подобно благовонному фимиаму, само собою устремилось с Елеона к вечному Солнцу — туда, где все сообразно Его чистоте и славе и где Ему надлежит быть до того времени, как Его же действием и силою все очистится и просветится и долу, и самая земля, совлекшись грубости и проклятия, соделается способною быть местом видимого всегдашнего вселения

Божия с человеками (Апок. 21:3). Сего самого требовало и новое, великое предназначение Сына Человеческого по Его воскресении. Как в состоянии уничижения Он долженствовал быть жертвою за всех, так в состоянии прославления Ему надлежало соделаться распорядителем и главою всяческих. Но где обыкновенно место главе? Не вверху ли всего тела? По сему же самому закону (если закон нужен и для Законодателя) поступлено и теперь: как Глава и Правитель всего мира, Богочеловек посажден *одесную Бога Отца на небесах, превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства* (Еф. 1: 20, 21), дабы, по выражению св. Павла, *возглавить собою всяческая, яже на небесех, и яже на земли* (Еф. 1:10).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 3-й ГЛАВЕ

1) *В. Певницкий.* Проповедь в первенствующей Церкви Христианской. Труды Киев. д. ак., 1875, 2. Июнь.

2) *Прот. Полотебнов.* Общедоступное истолков. чт. 3-й гл. «Чт. в Общ.». 1874, окт.

3) О характере речей ап. Петра (во 2 и 3-й гл.) в статье *Ранинского:* Пастыреначальник Господь Иисус Христос и Его апостолы. «Стран.», 1890, 3.

4) Иерусалимский храм времен апостольских. См. «Общедоступное истолков. чтение». *Прот. Полотебнова.*

5) Исцеление хромого и гонение на апостолов. *Прот. Горский.* Евангельская история и история апостольской Церкви.

6) «Жизнь св. ап. Петра». *Леонида, еп. Дмитровского.*

7) Чтение о св. первоверховном ап. Петре. *Игнатия, архиеп. Воронежского.* «О деяниях св. апостола после Пятидесятницы до первого открытого гонения на Церковь Христову от иудеев».

8) Беседы *Евсевия, архиеп. Могилевского.*

ГЛАВА 4

Первый допрос апостолов в Синедрионе (4: 1–31)

«Христианское чтение», 1832, ч. 47

Вскоре весь Иерусалим узнал, что проповедь апостола Петра и исцеление хромого приобрели вновь Иисусу Христу несколько тысяч последователей. Происшествие, случившееся в притворе храма, не могло остаться в неизвестности. В тот же день первосвященник и Совет иудейский узнали об оном от начальника стражи при храме, на котором лежала обязанность наблюдать за благочинием при богослужении. Стечение народа в притворе Соломоновом было столь многочисленно, и случай к оному столь необыкновенен, что надлежало немедленно довести о сем происшествии до

сведения Синедриона. Тотчас дано приказание взять под стражу обоих апостолов вместе с исцеленным ими человеком: делать допрос было уже поздно. Легко понять, до какой степени проповедь апостолов долженствовала встревожить иудейское правительство. Упрек старейшинам Израиля, что они не только не узнали своего столь сильно и давно всеми ожиданного Мессию, но и предали Его смерти позорной, обвинял их не только в преступлении государственном, но и в противлении Божиим советам! И как будет теперь смотреть народ на своих вождей? Он должен почитать их людьми или самыми маломысленными, или самыми нечестивыми: их обвинят или в самом грубом невежестве, или в самом преступном убийстве.

Взятие Петра и Иоанна под стражу имело и другую причину. В то время главную партию в Синедрионе составляли саддукеи. И они, подобно фарисеям, не могли равнодушно слышать и видеть, что число последователей Назаретского Пророка со дня на день увеличивается, но свидетельство апостолов о воскресении Иисуса Христа для саддукеев имело еще особенную важность. «Иисус Христос в самом собственном смысле слова воскрес из мертвых», — следовательно, мертвые воскресают! Это такая мысль, которою ниспровергалась вся саддукейская школа, ибо она, отвергая бессмертие души, не допускала никакой жизни по смерти, никакого воскресения. Так как до сего времени прочие школы, фарисейская и эссейская, в опровержение учения саддукеев приводили только изречения Священного Писания, то сии могли еще разными изворотами защищаться от своих противников; могли, например, ссылаться на неопределенность, неясность пророческих сказаний о будущей жизни. Но теперь им противопоставляют самое событие, событие такое, которого нельзя ни отвергнуть, ни перетолковать: им говорят, что Иисус воскрес, что же значит их учение? Одно суемудрие, одно ослепление!

Таким образом, саддукеи имели особенную причину вооружаться против апостолов. Но еще не обнаруживая вполне сей пружины, усиливавшей их ревность к преследованию учеников Иисуса Христа, они вместе с прочими членами верховного совета требуют только настоятельно, чтобы проповедники Распятого немедленно взяты были под стражу.

В следующее утро не замедлил собраться Синедрион — то самое судилище, которое за несколько недель осудило Иисуса Христа на смерть. Председательствовал тот же первосвященник Каиафа. В собрании находился и тесть его, прежний первосвященник Анна (Анан). Из прочих членов Совета замечательны Иоанн и Александр (вероятно, Александр Лисимах, брат знаменитого иудейского ученого Филона). Сии и другие важнейшие в целом народе лица, происходившие от рода первосвященнического, собрались, дабы общими силами положить конец столь ненавистному для них делу. Приводят апостолов и исцеленного. Первосвященник

начинает допрос: «Скажите, – говорит он, обращаясь к апостолам, – какою силою и каким именем вы это сделали? Если вы приписываете это высшей силе, то какая то сила?»

Апостолы теперь находились в том самом положении, о котором Иисус Христос давно уже предсказал им (Мф. 10: 17, 18). Петр и Иоанн, два галилейских рыбаря, могли ль без содействия Духа Истины, без вдохновения свыше, дать ответ достойный их звания и приличный как месту, так и обстоятельствам? Но Петру не нужно было заботиться *как* или *что говорить*: он спокойно отвечает: «Начальники народа и старейшины израилевы! Ежели от нас вы требуете ответа в благодеянии, оказанном человеку немощному, и признания в том, какою силою он исцелен, то да будет известно всем и всему народу израильскому, что сей человек, стоящий перед вами, исцелен именем Иисуса Назорея, Мессии, Которого вы распяли, но Которого Бог воскресил из мертвых. Он есть камень, пренебреженный вами, зиждущими, но сделавшийся главою угла (основанием здания). Кроме Его, нет ни в ком ином спасения – нет другого имени, данного человекам, которым бы надлежало спастися!»

Так говорит теперь перед Верховным Судилищем тот, который за несколько недель при вопросе ничтожной рабыни троекратно и с клятвою отвергся Господа своего. Ответ апостола не мог не казаться Верховному Совету слишком смелым, тем более что они слышали его из уст людей необразованных, не учившихся ни у одного знаменитого раввина (ибо ученик Иисусов никак не мог, во мнении Синедриона, равняться с учениками раввинскими. Притом все знали, что Иисус Христос не любил раввинской мудрости). Иоанна мог узнать первосвященник (Ин. 18:15); может быть, и Петр был известен некоторым членам Совета как последователь Пророка Назаретского. С такими незначительными людьми можно было легко и скоро управиться, но исцеленный хромой, которого вся вина состояла в том, что он был безмолвным свидетелем полученного им исцеления? но голос народа, который громко вопиял в пользу апостолов? Отвергать подлинность сделанного чуда невозможно; назвать оное обманом не было вовсе никакого основания; сказать, что не Иисус Назорей виновник сего исцеления, также нельзя было, ибо противное сему утверждали те самые, которые именем Его совершали оное. Приказав Петру и Иоанну выйти из Совета, они стали рассуждать между собою, как им поступить в сем случае, как предотвратить дальнейшие последствия сего происшествия, ие вооружив против себя народа. «Что нам делать с сими людьми? Исцеление хромого – явное чудо, оно сделано всенародно, весь Иерусалим знает о нем. Должно опасаться, что с дальнейшим распространением молвы о сем происшествии распространится еще более слава о Назарянине, Его воскресение из мертвых еще более разгласится в народе. Дабы

сколько можно предотвратить такие невыгодные для чести Синедриона последствия, должно строго запретить сим людям проповедовать Иисуса». Определение сие, вероятно, одобряли и благомыслящие члены Совета, ибо оно было довольно снисходительно. Призвали Петра и Иоанна, от имени Верховного Совета объявили им, чтобы они впредь не смели говорить и учить о Иисусе.

Свидетелям истины нетрудно было найти ответ на сие определение. «Рассудите сами, – говорят, – правы ли мы будем перед Богом, если более будем слушаться вас, нежели Его? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали».

Заметно было, что их нельзя устрашить и более строгими мерами. Впрочем, сочли не излишним присоединить и угрозы. Наказать их не было никакого предлога. Притом надлежало опасаться народа, который принимал живое участие в судьбе их, ибо все прославляли Бога за совершившееся чудо. Исцеленному хромому было более сорока лет от роду, и потому нельзя было предполагать естественного исцеления – обстоятельство важное, поставлявшее соделанное апостолами чудо выше всякого сомнения!

Таким образом, апостолы теперь на самом деле испытали то, что по предсказанию Господа ожидало их на служении. Но они видели также и первый опыт той помощи, которая долженствовала содействовать им в преодолении таких препятствий. В продолжение немногих дней общество их получило необыкновенное приращение. Самый приговор Синедриона, на них произнесенный, не столько ослаблял их мужество, сколько свидетельствовал о замешательстве судей. Петр и Иоанн, получив свободу, поспешают к своим соапостолам, с нетерпением ожидавшим их; рассказывают, что говорили им первосвященники и старейшины и что они отвечали. Все видели в сем событии десницу Божию, защищающую проповедников истины. В столь неравной, по человеческому суду, борьбе могли ль они получить победу, если бы были оставлены самим себе? С одной стороны, неславные, неученые галилеяне, с другой – не только все раздраженное против них сословие священников, но и Верховный Совет, коего сильное, в противность всякой справедливости, влияние на областеначальников и народ еще недавно в осуждении их Учителя так ясно обнаружилось. Они, по всем соображениям человеческим, были неотъемлемой добычей сильных врагов своих и, однако, оставались безопасны. Иисус, искушенный по всяческим, пребывает с ними, по обетованию Своему, *во вся дни* и готов всегда помогать искушаемым. Движимые чувством благодарности и сознанием собственной немощи, апостолы взывают к Богу и сердцем и устами:

«Владыко Боже, сотворивший небо, и землю, и море, и все что в них. Ты устами раба Твоего Давида сказал: что мятутся язычники и народы за-

мышляют тщетное? Восстали цари земные и князи собрались вместе на Господа и на Христа Его! Поистине, собрались в сем городе на Святого Сына Твоего Иисуса, помазанного Тобою, Ирод и Понтийский Пилат с язычниками и народом израильским, но – все их усилия противу Истины совершат только то, чему быть предопределила рука Твоя и совет Твой. Господи, воззри и ныне на угрозы их и дай рабам Твоим смелость говорить повеленное Тобою. Простирай руку Твою на исцеления, на соделание знамений и чудес именем Святого Сына Твоего Иисуса».

Молитва сия услышана Господом. Все место, где было их собрание, поколебалось в основаниях своих. Воодушевленные через сие новыми чувствованиями ревности к проповеданию истины и исполненные Духа Святого, они со смелостью продолжают свидетельствовать о воскресении Христа Спасителя. Во Храме и вне Храма, везде, где собирались израильтяне, они возвещают Иисуса и о имени Его совершают во множестве знамения столь же необычные, как и исцеление хромого.

О суде Синедриона над апостолами

Ф. Яковлев. «Апостолы». М., 1849

На другой день собрался весь совет властей иудейских. Привели апостолов. Зрелище занимательное в высочайшей степени. С одной стороны, видим ряд знаменитостей иудейских, со всем строгим приличием занимающих свои места. Лица их поникнуты, руки приложены к персям, поднимающиеся по временам глаза как бы ищут неба. Но в то же время в этих глазах иногда тусклых, иногда сверкающих проглядывает душа или изнуренная насилием страстей, или пылающая огнем самомнения, гордости и ожесточения. Все они имеют вид смиренный, постный; их нельзя не назвать праведниками, если только не заглянешь в их сердце, переполненное лицемерием и разного рода беззакониями (Мф. 23:28). Слова набожные не сходят с их языка – никто тверже их не знает закона Моисеева; они знают, сколько находится стихов в книгах Моисея, знают, сколько строчек на каждой странице, сколько слов в каждой строчке; особенно они без запинки скажут, сколько раз в каком отделении книги повторяется Иегова – им известны тысячи подобных мелочей. Они облеплены законом: на лбу у них филактеры длиннее и шире, нежели у простонародья, исписанные текстами из книг Исхода и Второзакония; на руках такого же рода браслеты. Одежда на них, небрежно накинутая, живописно драпируется многочисленными густыми складками, у которой полы длиннее обыкновенного (там, ст. 5). Как все это величаво и ослепительно для простого народа! Народу всячески сделалось известным, что это самые богомольные люди; их видал он часто очень молящихся на больших улицах, площадях и перекрестках – молитвы их всегда громки, длинны и красноречивы,

жертвоприношения часты — они со строгим счетом и весом приносят в дар Богу десятую часть со всех доходных статей своего хозяйства, не исключая огородных растений и трав. Они все делают для Бога, но зато позволяют себе ничего не делать для ближнего, но зато не ищите в них правосудия, и милости, и веры (там, ст. 23), зато они не скажут богачу: употреби часть своего богатства для поддержания безбедной и покойной жизни твоих родителей, а научат его кричать: корван! нет им ничего! все это отдано Богу (Мк. 7:11)! Зато не попадайся к ним беззащитная вдова, которую оберут и доведут до крайности тем охотнее, чем легче это сделать (Мф. 23:14). Перед такими судьями поставлены были апостолы.

С другой стороны, в двух апостолах взор не встретит по наружности ничего особенного и любопытного. Одежда их простая и бедная, телодвижения не изысканные, не приметишь в них ни угрюмой важности, ни поддельной благовидности. Но увидишь тут нечто такое, чему и тени не сыщешь в их противниках, — увидишь их душу, высокую, чистую, доброжелательную, не возмущенную никакими мирскими чувствами и пожеланиями, всю вылитую на покойном и светлом их лице. Особенно остановишься поневоле на их взоре, выражающем что-то Божественное, вещее, проникающее в потаенные мысли человеческие; одним словом, в лице апостолов увидишь лицо ангельское, как видели потом в лице Стефана те же судьи (Деян. 6:15).

Зачем апостолы приведены были в судилище? Затем, что они сделали благодеяние такое, которого никто из смертных не в силах сделать. Чем же начали судьи свое исследование? Спросили апостолов, какою силою произвели они чудесное исцеление? Нельзя не похвалить вопроса. Можно подумать, что им, как и всякому при том случае, любопытно было знать главный источник такого редкого и отрадного добра, чтобы почтить ту силу, которая ознаменовалась в столь необыкновенном проявлении. Совсем не то! Гордецы окаменели в ожесточении. Они сделали вопрос свой, кажется, оттого, что не нашли другого. Когда ап. Петр смело отвечал, что чудо совершено именем Иисуса Христа Назорея, того Иисуса, Которого они распяли и, как безрассудные домостроители, отвергли этот краеугольный камень, на котором зиждется спасение каждого человека (Деян. 4: 10, 11), то они, вместо того чтобы сознаться в ужасном своем преступлении, как сделал накануне простой народ, вместо того чтобы благословить это могущественное и святое имя, оглушенные самомнением и загрубевшие в своих предрассудках, с угрозами и бессознательно запретили апостолам не только учить об этом имени, но даже и произносить его — с тем и отпустили их. Вот и весь суд. Лицемерам не того хотелось, они бы не замедлили броситься на жертвы своей ненависти. Но лицемеры сколько надменны и дерзки, столько же бездушны и трусливы. Как напасть открытою си-

лою на таких людей, которые в глазах всего народа сотворили благодетельное чудо! Исцеленный хромой тут же стоял как живое и неопровергаемое возражение против всякого вымысла. Апостолы ни на шаг не поддались от их угроз и с решительной твердостью отвечали, что не могут не говорить того, что видели и слышали (там, ст. 19, 20), и что они действуют по повелению Божию, и потому их повеление ничего не значит в сравнении с Божиим. Опытное убеждение людей непорочных в сердце, просвещенных в вере всегда поступает решительно – истина становится для них святыней, от которой отказаться не принудят никакие угрозы.

Несть иного имени под небесем, данного в человецех, о нем же подобает спастися нам (4:12)

«Христианское чтение», 1858, ч. 2

Сколько успокоения нашему сердцу представляют слова первоверховного апостола о спасительном имени *Иисуса Назорея* распятого, когда внимательно наблюдаешь над тою *суетой сует ствий*, какая сопровождает всякий *труд* человека, *имже трудится* он *под солнцем* (Еккл. 1:3)!

Все принадлежащее времени, как бы ни казалось прочным, роскошно цветущим и непрестанно возрастающим, носит в себе семена изменяемости и начало смерти. Как переменчивы мнения и понятия людей! Люди некогда превозносившиеся своими познаниями и громко выставлявшие себя испытателями всякой истины, постигшими самые тайные ее сокровища, – что сталось с ними, с их гордыми мечтами, с их огромными планами и обещаниями, с их хваленою мудростью? Пронеслись как легкий ветер над великой рекой, едва возмутив ее поверхность. Из множества взглядов, добытых с таким трудом, едва уцелели немногие. О вопросах, казавшихся решенными, возникли новые сомнения и противоречия, смущающие душу более, чем самое неведение. Как переменчивы также нравы и стремления людские! О чем много заботились отцы, то часто служит смехом для детей. Многого, к чему первые стремились как к удовольствию, последние избегают как скуки. Многое, без чего первые не могли жить, последними оставлено без внимания или совершенно забыто.

Меняются люди, потребности, направление и обращение человека; меняются и предметы его желаний, страстей и расположения. Да, изменчиво все, что произошло во времени, изменчива и судьба смертных. На зыбкой волне колеблется всякое счастие земное. Жалок тот, кто всем сердцем своим пристрастился к земле: неожиданно наступает для него час разлуки с земными сокровищами – и тогда он тщетно усиливается удержать их дрожащими руками, тщетно призывает к себе с слезными мольбами то, что неудержимо летит от него и невозвратно исчезает. Изменя-

емся, наконец, и мы сами с земною храминой нашего тела! Не постоянно ли высказывается в нем то энергия сил, то их упадок, то приращение, то умаление? Беззаботно и игриво течет жизнь наша в детстве; сильна и порывиста юность; спокойно и приятно уравновешены силы зрелого возраста – и менее ясным и быстрым становится взор наш, медленнее обращается кровь наша, слабее все движения наши, более пустоты и суеты замечаем во всем, что окружает нас, по мере приближения к крайнему пределу жизни — к закату старческих дней наших.

Какое же благо нам, что при этом неудержимо несущемся потоке времени есть у нас одна незыблемая скала, на которой можем стоять незыблемо, – сладчайший *Иисус, о имени* Которого *подобает спастися нам* (Деян. 4:12)! Пусть изменяется и преходит мудрость мира сего: глаголы Его – *глаголы живота вечного* (Ин. 6:68), и *не прейдут* они, когда прейдут самые *небо и земля* (Мф. 24:35). Пусть тысячу раз изменяются и преобразуются нравы и обычаи людские – неизменной пребудет всякая мысль, возжженная от Божественного огня – истины Христовой; неизменно всякое чувство, воспитанное в любви к Господу; неизменно всякое действие, основанное на святой воле Господа. Пусть мир дает нам от благ своих или отнимает их; пусть жизнь улыбается нам или омрачается; пусть люди любят или ненавидят нас – мы всегда пребудем и покойны душою, и сильны, и блаженны, если пребудем верными благодати Божией. Наконец наступит время, когда последний враг будет для нас обезоружен и низложен Им же – Спасителем нашим: *пожерта бысть смерть победою. Где ти, смерте, жало? Где ти, аде, победа? Богу же благодарение, давшему нам победу Господем нашим Иисусом Христом* (1 Кор. 15: 55, 57). *И веруяй в Он имать живот вечный* (Ин. 3:16).

Мысли на стихи 19–20

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 15

Аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите. Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати. Так говорили властям свв. апостолы Петр и Иоанн, когда им запрещали говорить о Господе Иисусе воскресшем после того, когда они именем Его исцелили хромого от детства. Не побоялись они угроз, ибо очевидность истины не позволяла им молчать: мы видели и слышали, говорили они, и руки наши осязали – как после прибавил св. Иоанн. Они очевидцы: очевидцы же, по началам человеческого познания, суть первые надежные свидетели истины. В этом отношении ни одна область человеческих знаний не имеет подобных свидетелей. Оттого, что с того времени прошло около 19 веков, сила свидетельства их не умалилась нисколько, а следовательно, не умалилась и очевидность истины ими свидетельствуемой. Если отпадают в неверие – а ныне отпадающих очень

много – то отпадают ни по чему другому, как по недостатку здравомыслия. Не хотят обсудить и увлекаются призраками, которым лесть сердца порочного охотно придает некоторую вероятность. Бедные души! Гибнут, воображая, что попали наконец на должный след, и радуясь тому особенно, что первые вступили в эту колею и стали для других передовыми вожаками. Но невелика радость сидеть на седалище губителей.

О свидетельстве, какое воздавали святые апостолы воскресению Иисуса Христа и какое может давать всякий христианин (4:33)

«Воскресное чтение», г. 21

«Не словом только, – замечает св. Златоуст, – но и силою апостолы засвидетельствовали о воскресении, как и Павел говорит: *и проповедь моя не в препретельных человеческия премудрости словесех, но в явлении Духа и силы* (1 Кор. 2:4). И не просто: силою, но – *велиею силою*». И действительно, об этой велией силе свидетельствует вся книга Деяний апостольских, свидетельствуют и все послания их.

Тотчас по сошествии Святого Духа, когда все *ужасахуся и недоумевали, друг ко другу глаголюще, что убо хощет сие быти?* – Петр со единонадесятьми небоязненно перед лицом всех засвидетельствовал, что *Иисуса Назорея,* Которого они *предана приемше, руками беззаконных пригвоздше убили, Бог воскреси, разрешив болезни смертныя, яко не бяше мощно держиму быти Ему от нея.* Сила свидетельства так была велика, что *приложишася в день той* к числу верующих *душ яко три тысящи* (Деян. гл. 2). В другой раз, вслед за исцелением хромого от рождения, апостолы, не обинуясь, говорили народу: *вы святаго и праведнаго отвергостеся, и испросисте мужа убийцу дати вам, Начальника же жизни убисте, Егоже Бог воскреси от мертвых, Ему же мы свидетели есмы,* – и опять свидетельство сие было так сильно, что *мнози от слышавших слово вероваша, и бысть число мужей яко тысящ пять.* Наутрие подобное дерзновенное свидетельство перед лицом целого Синедриона приводит в удивление всех членов его, так что они не знают, что делать с ними, и только *призававше их, заповедаша има отнюд не провещавати, ниже учити о имени Иисусове* (Деян. гл. 4:18).

Настало время свидетельствовать о воскресении Господа Иисуса не словом только, но и делом: воздают и сие свидетельство апостолы, и воздают также силою велиею. Архиерей и вси, иже с ним, возлагают руки на них и посылают их, как преступников, в соблюдение общее, но изведенные чудесным образом из темницы, они снова свидетельствуют перед народом о воскресении Господа Иисуса и, представленные на сонмище, опять небоязнен-

но говорят: *Бог отец наших воздвиже Иисуса, Егоже вы убисте, повесивше на древе.* Их бьют, запрещая говорить о имени Иисусове, а они *идут радующеся отлица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти, – и по вся дни в Церкви и в домах не престают учаще и благовествующе Иисуса Христа* (гл. 5).

Когда наступило время засвидетельствовать о воскресении Господа Иисуса не пред сынми только израилевыми, но и пред языки и царьми — без трепета воздают и сие свидетельство, с мужеством и твердостью переносят за сие *беды в реках, беды от разбойник, беды от сродник, беды от язык, беды во градех, беды в пустыни, беды в мори, беды во лжебратии* (2 Кор. 11:26), *и алчут, и жаждут, и наготуют, и страждут, и скитаются, и труждаются делающе своими руками; становятся как бы отребием миру,* у всех в поношении и бесчестии (1 Кор. 4: 10–12); *вменяют вся тщету и уметы быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа; яко разумети Его и силу воскресения Его* (Флп. 3: 8, 10). И это продолжалось во всю земную жизнь их дотоле, пока почти все они не запечатлели сего свидетельства мученической смертью.

Простирается ли и на нас обязанность воздавать велиею силою свидетельство воскресению Господа Иисуса, или это было долгом только апостолов и первых благовестников?

Евангелист Лука, повествуя о свидетельстве апостолов, дает разуметь, что и все верующие служили видимым удостоверением в истине воскресения Христа Спасителя. Безукоризненная, чистая и богобоязненная жизнь их невольно располагала к ним сердца всех и служила самым лучшим удостоверением в истине воскресения Иисуса Христа (Деян. 2: 44–47; 4: 32–33), потому что не смежавшие намеренно очей своих не могли не видеть, что в них живет и действует дух воскресшего Господа Иисуса. Такое свидетельство о воскресении Христа Спасителя составляет обязанность всех христиан, когда бы и где бы они ни жили; его вменяют в обязанность всем и святые апостолы.

Мы не только веруем во Христа Иисуса, распятого за нас и воскресшего ради нас, но и таинственно сраспинаемся и спогребаемся Ему и совоскресаем с Ним. *Или неразумеете,* пишет св. апостол, *яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть: да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем... Еже бо умре, греху умре единою, а еже живет, Богови живет. Такожде и вы помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Иисусе Христе, Господе нашем* (Рим. 6:3; 4: 10, 11). Вот самое лучшее и непререкаемое свидетельство воскресения Иисуса Христа. Все другие свидетельства, без него, не могут вполне уверить неверующего, потому что в таком случае собственная жизнь наша будет стоять в противоречии с нашими уверениями и опровергать их собою.

В чем именно должна состоять сия перемена жизни — св. апостол ука-

зывает в другом месте: *аще воскреснуте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога седя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе: егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитеся в славе* (Кол. 3: 1–4). При таком настроении жизни достаточно будет только взглянуть на нас, чтобы убедиться (кто хочет убеждаться), что мы действительно ученики и последователи воскресшего Господа Иисуса и что Он действительно воскрес, ибо каждый увидит, что *дух воскресившего Иисуса от мертвых живет в нас* (Рим. 8:11).

Только при таком свидетельстве с нашей стороны о воскресении Иисуса Христа мы можем надеяться быть сонаследниками Христу и участвовать в славе, хотящей явитися в нас (Рим. 8: 17, 18). А одна вера (хотя бы и твердая) в воскресение Христово не спасет нас. Стражи, приставленные ю гробу Спасителя, конечно, твердо убеждены были в Его воскресении; члены Синедриона, выпросившие у Пилата стражу, точно так же не сомневались в Его воскресении (иначе для чего бы им давать страже сребренники довольны?) А к чему привела твердая уверенность тех и других?..

Общение имуществ (4: 32–34)

«Христианское чтение», 1832, ч. 47

Единодушие и готовность первенствующих христиан жертвовать всем для славы Господа яснейшим образом усматривается в общении стяжаний. «Никто ничего из имения своего не называл своим – все было у них общее». Такое бескорыстное общение их заслуживает особенного внимания.

Сам Господь наш, во время земной Своей жизни, содержал Себя добровольными вспоможениями Своих почитателей. Лица обязанные ему своим исцелением или просто уважавшие в Нем великого Наставника усердствовали Ему незначительными приношениями, нужными для содержания Его самого и малочисленного общества учеников Его. Ибо они не имели другого способа сыскивать себе пропитание без ущерба важнейшим обязанностям. Посему общение имуществ, введенное в апостольской Церкви, было только продолжением общения, бывшего при земной жизни Иисуса Христа. Вся разность состояла в том, что переменившиеся обстоятельства и новые потребности дали ему новый вид. Прежде для содержания малого общества достаточно было и того, чтобы дома благочестивых израильтян в тех местах, в которых проходили члены оного или в которых они на несколько времени останавливались, открыты были для их принятия и угощения, или – чтобы от времени до времени кое-что было подаваемо в общую кассу. Но теперь общество умножилось до нескольких тысяч и, однако ж, все еще оставалось особым обществом и надолго долженствовало оставаться даже при гораздо большем приращении своем, потому что от единодушия членов его зависел отчас-

ти успех апостольской проповеди. О приобретении пропитания трудами рук своих апостолы могли думать теперь менее, нежели когда-либо, потому что почти все время должны были посвящать новому своему служению. Бедные сочлены общества, навлекшие на себя вступлением в него ненависть неверующих своих соотечественников, тем более подвергались опасности остаться без пропитания, что сильная рука Совета и первосвященников легко могла отнять у них и последнее – средство к содержанию, чтобы принудить их возвратиться к господствующей Церкви. Сия опасность, угрожавшая бедным членам Христова общества, не могла укрыться от взора прочих братий, решившихся делить с ними все беды и скорби, все радости и блага.

Вообще, должно полагать, что новое многочисленное общество последователей Иисуса Христа, подобно прежнему малочисленнейшему, состояло большей частью из людей неимущих. Если присоединялись к нему и зажиточные, то число их, без сомнения, было невелико. Обладание богатством и любовь к богатству – почти неразлучные сопутники – издавна были сильными преградами на пути к истине и правде. Учение о Мессии, уничижившем Себя до принятия смерти крестной, никому не могло нравиться так мало, как людям богатым и знатным, саддукеям и фарисеям.

Могло и следующее обстоятельство содействовать введению общения имуществ. Верующие предвидели, что в иудейской Церкви и государстве скоро произойдут горестные перемены. Сам Иисус Христос предрек о сем некоторым из учеников Своих (Мф. гл. 24), а эти, без сомнения, не преминули сообщить своим соученикам о сомнительном положении дел иудейского народа. При таком ожидании они не могли дорожить своими стяжаниями и поместиями, находившимися в Иерусалиме и его окрестностях. «Если не нам самим, то нашим детям должно же будет лишиться стяжаний. Не лучше ли, не благоразумнее ли употребить их с большей пользой в славу Мессии, на вспоможения Его исповедникам? Судьбы Промысла неизменны: государству, столице и храму суждено погибнуть!» Вера в Иисуса Христа очистила от предрассудков ум Его почитателей: об иудейской религии они не так думали, как фарисеи и саддукеи. Эти все еще ожидали освободителя Иудеи от римской власти, восстановителя Богоправления, от которого они надеялись получить себе одним славу и блаженство. Напротив, истинные ученики Иисуса Христа знали, что Иерусалиму нечего было ожидать, кроме того, что предсказал ему Господь на Масличной горе и еще прежде того (Лк. 19: 43–44). Эта мысль делала их равнодушными ко всем временным, ненадежным благам. Посему имевшие поместья или дом и тому подобное без сожаления продавали их. Вырученные деньги отдавали апостолам, чтобы они по своему усмотрению употребляли их на нужды верующих. Из значительных сумм, ежедневно вносимых (поелику каждый

новый пример служил поощрением для других подобных приношений), составилась касса, из которой каждое семейство или члены его получали столько ежедневно деньгами или припасами на свое содержание, сколько требовали их нужды.

Введение общения стяжаний имело самые благодетельные последствия. Во-первых, этим укрепились узы единодушия; общество, соединенное столь тесно, не могло рассеяться, и по *внешнему* своему устройству оно так же почти было неразрывно, как и по *внутреннему*. Далее, теперь ни один член его не был беднее другого. Неимущий так же не был отвлекаем от дел нового своего звания заботой о своем пропитании, как и богатый своим богатством. Наконец, этим распоряжением устранены многие неприятности, которых можно было ожидать от иудейского правительства, например, предотвращен повод к тяжбам и спорам, которые могли возникнуть между почитателями Иисуса Христа и их неверующими соотечественниками. При решении этих споров приговоры иудейского суда всегда были бы благоприятнее для правоверного израильтянина.

Но продажа домов, такое совершенное отчуждение собственности в пользу общества, не могла ли произвести беспорядков? Не могло ли, например, случиться, что не все домашние, дети, родственники соглашались на продажу имуществ, на которые и они имели некоторые права? Такие и подобные вопросы легко могут быть сделаны. Но, во-первых, можно утвердительно сказать, что никто не производил этих продаж, кроме отцов или других законных владетелей домов, полей и т.п., а владельцы могли, по иудейским правам, располагать своим имуществом как хотели. Кто находился под опекой или зависел от лиц не соглашавшихся на продажу, тот и не продавал ничего.

Далее, владельцы продавали свои имущества добровольно, без всякого принуждения. Требований не было, тем более продажа имуществ не была условием, под которым только и можно было вступить в общество. Всякий имел право жертвовать или всей своей собственностью, или только частью ее, или совершенно ничем. Сообразовались с своим усердием и с обстоятельствами. И если муж и жена, отец и дети или одинокие и независимые лица решались отказаться от прав на свою собственность и передать оные обществу (к которому сами принадлежали и которого выгодами могли также пользоваться), то мог ли кто законным образом воспрепятствовать им сделать такое пожертвование?

Не должно также представлять себе, будто верующие через общение имуществ разрывали все свои общественные связи, отказывались от всех прав и обязанностей гражданских и учреждали государство в государстве (status in statu). Они все оставались израильтянами, и их собственность была собственностью народа израильского; только теперь она принадле-

жала обществу, а не частным лицам. Государство ничего не теряло: вступившие в апостольское общество оставались такими же добрыми и верными гражданами, как и прежде. Они не отрекались от государственных повинностей, они так же, как и прежде, исполняли всякое справедливое и законное требование Синедриона и первосвященников. И римский наместник имел в них столь же хороших, а часто и гораздо лучших подданных, нежели в прочих иудеях. Могли ли быть нарушителями общественного спокойствия ученики Того, Кто Сам, несмотря на Свое царственное и Божественное достоинство, подчинялся законной власти и не подавал ей ни малейшего повода к какому-либо основательному опасению? Не видно, чтобы и Верховный совет или римский наместник когда-либо обвинял их в неповиновении. Они не участвовали в возмущении и тогда, когда весь почти иудейский народ восстал против римского областеправителя.

Нельзя также полагать, чтобы присоединявшиеся к обществу верующих оставляли все житейские занятия и все свое время посвящали на слушание и проповедание учения Христова. Одни апостолы и разве еще семьдесят учеников, или некоторые из них, занимались проповедью. Прочие, которые в известные только дни и часы собирались в одно место, а в другое время рассеяны были по городу и все еще находились в известных сношениях с остальными жителями, не могли и не должны были оставлять своих обыкновенных занятий, хотя получаемые выгоды назначали не для себя только или домашних своих, но для общества. Таким образом, из общения имуществ не могло происходить ни семейственных, ни, тем менее, гражданских неустройств.

Итак, чем внимательнее рассматриваем мы общество первенствующих христиан, тем более находим в нем все соответствующим цели его основания. Собрания для взаимного назидания и утешения, беседы об успехах апостольской проповеди, принятие новых членов, братолюбные трапезы, совершение Господней вечери все более и более укрепляли союз, соединяющий его членов, и потому нимало не удивительно, что общество, руководимое такими наставниками и состоящее из таких членов, в коих каждый мог узнать учеников Иисуса (Ин. 13:35), пользовалось в столице иудейской большим уважением, которое делало тщетным всякое покушение Синедриона рассеять его в самом начале.

Дух любви древних христиан (4:32)

«Воскресное чтение», г. 5

Дух святой любви, сообщенный Церкви апостолами, оставался почти неизменным в продолжение трех веков. *Народу же веровавшу,* сказано о Церкви Иерусалимской, *бе сердце и душа едина* (Деян. 4:32). Эта любовь, излиянная в сердца верующих Духом Святым, отличала христиан во всем мире

от язычников, как Церковь апостольскую в Иерусалиме от иудейской. Опыты сего соединения были чрезвычайные. Уже Церковь Христианская равнялась пределам целого мира, но рассеянные по всем концам христиане были повсюду как одно семейство. Из разных племен, разного звания и воспитания, никогда не знавшие и не видавшие друг друга христиане при первой встрече по тайному внушению сердца узнавали себя взаимно, являлись братьями, пожизненными друзьями, точно так же, как некогда известный из писаний сын царев узнал родную душу в бедном пастухе, когда только посмотрел на сего последнего и выслушал несколько слов его. Посмотри, – говорили с изумлением язычники, – как они понимают себя взаимно, как любят друг друга, как готовы на смерть один за другого! Христиане одного города или селения везде сводили между собою тесное дружество; в собраниях, назначенных для молитвы и других благочестивых упражнений, они виделись почти каждый день; здесь имели частые беседы друг с другом и тем скрепляли взаимный союз. Радость и горе у них были общими. Если кто из них получал от Бога какую-либо особенную милость, все другие принимали в том участие как в собственном благе; если кто находился в состоянии покаяния, все молились за него, все испрашивали ему прощение. Они обращались между собою как родные, называя один другого отцом или сыном, братом или сестрою, смотря по полу и возрасту. Имя отца или сына, брата или сестры дорого было для них. Они хотели жить и умереть, *да вси едино будут во Христе;* они ни за что не хотели заменить тех имен громкими титулами, означающими сословие, личность, знатность и силу в обществе. Сии последние названия, происходящие тогда или от гордости языческой, или от самолюбия иудейского и знаменующие деления, не слышны были в братском союзном обществе христиан. Свидетельство общего всех единения во Христе и со Христом христиане оставили в некоторых обычаях. Таков обычай взаимного лобзания при каждом богослужебном собрании, особенно же перед причащением животворящих Христовых Таинств. Это была не простая форма или знак без всякого значения. Это было доказательство любви чистейшей, высокой, какая могла только быть совместною с принятием пречистых страшных Тайн и какую могло заменить во времена последующее лобзание икон святых или креста животворящего. Подобное значение имело и древнее постановление апостольское – вечеря известная под именем вечери любви. По причащении всех единого Тела Христова, все верующие – богатые и бедные, знатные и не знатные – садились за одну трапезу, вкушали одной пищи во славу единого Бога.

Более видимое и общее свидетельство любви христианской было, в Иерусалимской Церкви, общение имуществ. *Не бяше нищ ни един в них, ни*

един что от имений своих глаголаше быти свое, но бяху им вся обща. Сколько придумано и предпринято было в разные времена средств для уравнения в обществах частных выгод, препятствующих взаимной любви и общему счастью, и все напрасно, но благодать Иисуса Христа, претворяя сердца, в короткое время исполнила то, чего не сделано во все века. Взаимная любовь древних христиан, делавшая всех братьями, всех соединяла во единое как бы семейство, где дети пользуются одними благами под надзором отца, который, питая ко всем равную любовь, не допускает, чтобы кто из них терпел нужду.

Дух деятельной любви в общении имений от Церкви апостольской излился на весь мир христианский. От каждого, кто только мог и кто хотел, каждая Христианская Церковь принимала подаяние, считая его, по усердию и намерению приносящего, залогом благочестия. Любовь принимала сии жертвы, любовь и раздавала. Пастыри в каждой Церкви были главными распорядителями сих приношений. Путешествующие христиане, беспомощные старцы, вдовицы и сироты имели приют, пищу и одежду на счет сих даров любви. Частная какая-нибудь Церковь имела иногда на своем попечении около 2000 одних вдовиц, бедных и больных. Другие, не довольствуясь обычными приношениями, продавали все имение и деньги, за него взятые, отдавали бедным; не имевшие стяжаний жертвовали нуждающимся трудами своих рук, продавая для них изделия, или посвящали сами себя на принятие странных, на служение больным. Скорбные события — голод, язвы, войны, пожары, землетрясения, особенно гонения — были временами светлого торжества христианской любви. В сих обстоятельствах не только каждый порознь с радостью готов был заботиться о ближайших страждущих братиях, но целые Церкви предпринимали деятельные меры к облегчению скорбей отдаленных братий; не только христиане, даже язычники, оставленные язычниками, получали от христиан пособие. Во времена гонений вдовицы и сироты, оставшиеся после мученической кончины супруга и отца, повсюду имели покровителей отцов. Каждый, кто только мог, считал знаком благоволения Божия к себе, если только успевал их призреть и успокоить. Не было стран, назначенных для заточения христиан, столько неприступных и отдаленных, куда бы ни проникала сострадательная любовь христианская; не было уз, столько тяжких, которых бы она не облегчала. Какое превращение открылось в наши времена! — взывали христиане позднейшие. Бедные люди, вдовицы, сироты истаивают от голода, а богач не знает меры в прихотях сластолюбия! Те — в ветхих, разодранных рубищах, в полуразваленных хижинах, а сей думает о новых великолепных чертогах, о богатых, модных одеждах, и — хорошо, если он, встречаясь с убогим, бросит ему лепту, которую он должен отыскать в пыли!..

Святой апостол Варнава
(4: 36–37)

«Воскресное чтение», г. 8

Сын утешения, самим Духом Святым определенный на служение Евангелию, постоянный спутник св. ап. Павла, святой апостол Варнава происходил от колена Левиина и родился на острове Кипре (Деян. 4: 36, 37). Прежнее имя его было Иосия. Св. Писание не говорит, когда именно Варнава обратился в христианство и какова была жизнь его до присоединения к лику апостолов, но древние писатели христианские – Климент Александрийский, св. Епифаний – повествуют, что юный Иосия еще в младых летах отправлен своими родителями из Кипра в Иерусалим, к знаменитому Гамалиилу, и у него воспитывался вместе с св. апостолом Павлом, тогда еще Савлом. Пылкие юноши, лучшие ученики первого в свое время раввина, одаренные великими способностями душевными, ревностно ищущие просвещения, часто сидя рука об руку у ног Гамалиила, не могли не свести самой тесной дружбы между собою. Но до известного времени Промыслу Божию угодно было вести их разными путями к одной и той же цели – к принятию веры Христовой.

Савл долго оставался *излиха ревнителем отеческих преданий*, по премногу гнал Церковь Божию и разрушал ее, по собственному его признанию (Гал. 1: 13, 14), Напротив, об Иосии есть предание, что он гораздо ранее Савла познал Господа Иисуса и уверовал в Него. Каждое утро и вечер, посещая храм Иерусалимский, Иосия имел случай видеть там Искупителя, слышал Его Божественные поучения, видел чудеса – и глубоко трогался и умилялся душою и сердцем. Однажды он, подобно Филиппу (Ин. 1: 45, 46), сказал тетке своей Марии, матери Иоанна Марка (Деян. 12:12): «В храме учит некий пророк Иисус, творит великие чудеса, и многие думают, что сей Пророк есть ожидаемый Мессия. Прииди и виждь». Узревши Господа Иисуса, добрая женщина поверглась к ногам Его и умоляла посетить дом ее и благословить домашних. Господь не отрекся – и с сей поры дом Марии соделался пристанищем Спасителя всякий раз, когда Он бывал в Иерусалиме. Юный Иосия, виденный Искупителем уже в храме и теперь снова благословленный в доме тетки, еще пламеннее прилепился к Господу, и как скоро Господь из Иерусалима возвратился в Галилею, он последовал за Ним и потом избран в число 70 учеников, почему и Церковь наша причисляет его к лику семидесяти апостолов (4 янв.).

По вознесении Господа на небо и по сошествии Святого Духа на апостолов, когда вера Христова быстро начала распространяться, тысячами приобретая последователей Евангелия; когда верующие образовали общество единой души и единого сердца, тогда Иосия первый показал собою

пример совершенного нестяжания. Он продал свою наследственную землю и цену за нее положил к ногам апостолов, ничего себе не оставив. В это, вероятно, время он получил от апостолов название *Варнавы*, сына утешения, или, по Иерониму, сына пророчества – название вполне выражающее характер его. Он был сын утешения, то есть человек утешитель, потому что в высшей степени способен был утешать всех, кто только знал его: утешал делом, жертвуя и собою и своим имуществом для других; утешал словом, потому что имел необыкновенно приятный дар проповедничества; утешал даже видом своим, потому что имел величественную и кроткую наружность.

Говорят, что св. Варнава, часто видаясь с Савлом в Иерусалиме, всячески убеждал его обратиться к Евангелию, но Савл упорно отвергал убеждения своего друга и в свою очередь считал его заблудшим. Говорят также, что св. Варнава горько плакал о жестокости друга своего, дышавшего прещением и убийством на христиан, и пламенно молился об его обращении. Ничему не противно думать, что усердная молитва дружеская, не препятствуя свободному действию благодати Божией, со своей стороны споспешествовала скорейшему обращению юноши Савла и что сие чудесное обращение впоследствии несказанно обрадовало св. Варнаву.

Спустя три года по своем обращении к Господу св. Павел пришел в Иерусалим, и здесь было первое свидание друзей, уже не разлучаемых различием законов, но совершенно соединенных единой верой во Христа Иисуса Распятого. Св. Павел подробно рассказал св. Варнаве о явлении Господа на пути в Дамаск и о своих проповеднических подвигах в Аравии (Деян. 9:27). Ученики Господа не хотели принять Павла в свое общение, потому что боялись его, *не верующе, яко есть ученик*, но св. Варнава от своего лица представил его апостолам, и с этого времени св. *Павел бяше с ними, входя и исходя во Иерусалиме, и дерзая о имени Господа Иисуса* (Деян. 9: 20, 28; Гал. 1: 17, 18). Но Павел пробыл в Иерусалиме с другом своим только пятнадцать дней (Гал. 1:18) и, по случаю покушения неверных еллинистов на его жизнь, удалился через Кесарию в Тарс, родину свою (Деян. 9: 29, 30). Варнава же оставался в Иерусалиме, вместе с апостолом Петром и другими подвизаясь в проповеди евангельской и в устроении общества верующих.

Услышав, что в Антиохии число верующих со дня на день умножается, Церковь Иерусалимская отправила туда св. Варнаву, *яко бе муж благ*, – замечает св. евангелист Лука, – *и исполнь Духа Свята и веры* (Деян. 11: 22–24), дабы он споспешествовал распространению и благоустроению Церкви Антиохийской. На пути св. Варнава зашел в Тарс и, взявши там св. Павла, привел его в Антиохию (ст. 25). С этого времени начинается длинный ряд совокупных подвигов и путешествий Варнавы и Павла, продолжавшийся несколько лет. Два друга апостола целый год провели в Антиохии; ежеднев-

но собирались в церковь, учили народ и последователей Евангелия в первый раз нарекли христианами. Наступил голод, предсказанный пророком Агавом, поэтому антиохийские христиане, собрав милостыню, — *поелику кто имеяше что,* — отправили с нею Павла и Варнаву в Иерусалим (ст. 26–30). Гонение, воздвигнутое Иродом на Церковь Иерусалимскую, не коснулось Варнавы и Павла: совершив свое служение, они благополучно возвратились в Антиохию и привели с собою юного Иоанна Марка, двоюродного брата Варнавы (Деян. гл. 12), сына прежде упомянутой Марии.

Главными деятелями — *пророцы и учителие* — в Церкви Антиохийской были Варнава, Симеон Нигер, Люций Киринеянин, Мануил — совоспитанники Ирода тетрарха и Павел. В одно время, как они служили Господу и постились, Дух Святой сказал им: *отделите ми Варнаву и Савла на дело, на неже призвах их* (Деян. 13: 1–3). Рукоположенные вследствие сего повеления Божия в *апостолы язычников,* Варнава и Павел отправились в Селевкию; оттуда поплыли в Кипр, родину Варнавы, из Кипра — в Саламину, везде проповедуя Слово Божие и приобретая учеников. Бывши на острове Пафосе, они обратили ко Христу тамошнего проконсула Сергия-Павла. Из Пафоса отправились они в Пергию Памфилийскую, из Пергии — в Антиохию Писидийскую, где почти весь город собирался слушать их. Из Антиохии пришедши в Иконию, они проповедовали здесь с такой силой и убедительностью, *яко веровати Иудеев и Еллинов множеству многу* (Деян. 14:1), свидетельствует св. евангелист Лука. Но такова участь проповедников Евангелия, что их везде гонят и преследуют. В Дамаске собирались св. Павла убить, в Иерусалиме тоже; из Антиохии Писидийской его с Варнавою выгнали, а в Иконии опять хотели обоих побить камнями. По сей причине апостолы-чудотворцы (14:3), пробыв довольно долго в Иконии, пошли оттуда в города Ликаонии — Листру, Дервию — и в окрестности сих городов. В Листре между слушателями Варнавы и Павла был один хромой от рождения; видя расположенность к вере этого несчастливца, св. Павел именем Господа Иисуса Христа исцелил его совершенно; больной вдруг вскочил и пошел как бы отроду не болевший. Изумленный народ поднял крик и говорил по-ликаонски: *бози уподоблъшеся человеком к нам снидоша.* Величественная наружность, вид степенный и важный, коим отличался Варнава, подали народу повод назвать его Зевесом, или Юпитером, — верховным божеством языческим; красноречие св. Павла заставило наименовать его Меркурием, потому что Меркурий почитался у язычников богом красноречия. Апостолам Господа Иисуса идольский жрец и народ приготовились уже приносить языческие жертвы и венки, но Варнава и Павел, хотя с трудом, однако, уже успели сильною речью образумить толпу и убедили разойтись по домам без идольского жертвоприношения. Между тем как апостолы продолжали обращать народ к Евангелию, подоспели из Ико-

нии и Антиохии Писидийской иудеи, враги учеников Христовых, повсюду преследовавшие апостолов, как тени, и возмутили листрян против благовестников. Нетрудно было слепую чернь языческую уверить, что Варнава и Павел не только не боги, но самые безбожники, когда они учат, что Зевес, Меркурий и прочие боги суть боги ложные, поэтому св. Павел, неоднократно избегавший смерти, в Листре первый раз подвергся биению и ранам за имя Господа Иисуса; избитый камнями, он замертво был вынесен из города. Очень замечательно, что чернь не осмелилась поднять руки на св. Варнаву, а они оба были вместе и всенародно проповедовали (14: 7–19). На другой день свв. апостолы пошли в Дервию и, приобретши там довольно учеников, предприняли обратный путь. Снова посетили Листру, Иконию, Антиохию Писидийскую, или Фригийскую, везде утверждая души учеников своих и для каждой Церкви рукополагая пресвитеров. Прошли через Писидию и Памфилию, проповедали в другой раз слово в Пергии и из Атталии, города Памфилийского, лежавшего на границах Ликии, отплыли в Антиохию, из которой первоначально вышли и которая была столичным городом Сирии.

Велики были подвиги друзей – апостолов; зато велика была и радость христиан антиохийских, когда Варнава и Павел, собравши Церковь, возвестили подробно все, что Бог сотворил с ними во время трудного и святого их странствования в городах и весях языческих и как Он отверз дверь веры язычникам. Во время пребывания апостолов в Антиохии открылось между верными недоумение: исполнять ли христианам обрядовый закон Моисеев или нет; Варнава и Павел утверждали, что не нужно, однако Церковь Антиохийская сама собою не осмелилась решить вопроса, поэтому двое друзей отправлены в Иерусалим узнать, как должно думать об обрядовом законе. Когда на первом Соборе апостольском, под председательством свв. Петра и Иакова, вопрос о законе был решен согласно рассуждению Варнавы и Павла, тогда Варнава и Павел опять возвратились в Антиохию с соборным определением, которое всех обрадовало и успокоило. По некотором времени, уча и благовествуя в Антиохии, Павел сказал Варнаве: пойдем опять, посетим братию по всем городам, в которых мы проповедовали Слово Господне. Варнава был готов, но Промысл Божий устроил иначе: начав совокупно действовать и путешествовать около 47 года по Рождестве Христовом, Варнава расстался с Павлом около 51 года и, взяв с собою Иоанна Марка, отплыл в Кипр (Деян. 15).

Разлучившись навсегда телом, святые апостолы никогда не разлучались духом и не прерывали дружеской тесной связи своей. Спустя лет шесть, или более, после разлуки св. Павел писал в Коринф и защищал св. Варнаву как себя самого (1 Кор. 9:6). Даже об Иоанне Марке, который отчасти был причиной разлуки, впоследствии Павел заботился как о своем кровном,

как о человеке, необходимом для себя, и как об одном из лучших сотрудников своих в деле благовестия (Кол. 4:10; 2 Тим. 4:11; Фил. 24).

Известием об отплытии в Кипр оканчивается повествование священного писателя о дальнейших подвигах св. Варнавы, но здесь мы с полной доверенностью можем обратиться к преданиям. Быть не может, чтобы первый друг и сотрудник Павла в устроении столь многих Церквей остался без верных о нем преданий; невозможно, чтобы св. имя Варнавы не переходило из уст в уста у верующих современников и от них не перешло к потомкам вместе с деяниями апостола.

Прибыв в Кипр, св. Варнава, по сказанию Дорофея Тирского, долго подвизался в обращении своей родины к вере Христовой и основал там Церковь. Из Кипра отправился он в Италию и в Риме был первым проповедником Христа Спасителя; он проходил с благовестием Ломбардию и Лигурию; основал епископский престол в Медиолане, нынешнем Милане, и опять воротился в Кипр; наконец, в Саламине получил мученический венец, быв побит камнями. Бездыханное тело апостола было брошено в огонь, но осталось невредимым; св. Иоанн Марк похоронил его за городом и положил в гробницу Евангелие Матфея, переписанное собственной рукой св. Варнавы. Неизвестно, в каком году последовала кончина св. апостола Христова, но из его собственного послания видно, что он пережил конечное падение своего несчастного отечества — Иудеи и разорение Иерусалима Титом. Нетленные мощи св. Варнавы чудесным указанием Анфиму, епископу Саламинскому, обретены в 488 году по Р. Х. при греческом императоре Зеноне; найдено также и Евангелие на груди апостола невредимым. С этого времени установлено празднование в память св. апостола Варнавы и как нашей Православной Церковью, так и Римской совершается июня 11 дня. Сирская Церковь издревле чтила св. Варнаву как мученика; во Франции праздник ему установлен в девятом веке; Англия во все времена почитала и почитает память св. Варнавы с особенной набожностью; Лигурия и Милан признают его первым епископом и апостолом своим. Если справедливо мнение наших отечественных искателей славянской древности, что Милан исстари населен был славянами и был городом славянским, то мы можем св. Варнаву почитать и славянским апостолом наравне с св. ап. Андреем Первозванным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 4-й ГЛАВЕ

1) *В. Михайловский.* Об Иерусалимской общине в ст. «Общественная жизнь» (из *Шаффа*). «Духовн. вести.», 1863, 6.

2) Единодушие первых христиан. «Воскр. чт.», 1876, 1.

3) Ст. 12. О необходимости положительной Богооткровенной религии. «Духовн. беседа», 1867, т. 1.

4) Ст. 36–37. Историческое сведение о св. апостоле Варнаве. «Хр. чт.», 1839, 2.

5) Кипр (ст. 36). Б. п. сл., «Воскр. чт.», 1876, 1.

6) Варнава. Б. п. сл., «Воскр. чт.», 1874, 1.

7) О нравах первенствующих христиан. «Воскр. чт.», 22.

8) *Ст. О-в.* Обзор истории христианства первых веков. Устройство христианский общины в апостольское время. «Чт. в Общ.», 1889, июль и авг.

9) *Прот. Горский.* Нравы Церкви апостольской. Евангельская история и история апостольской Церкви.

10) *Леонид, еп. Дмитровский.* Жизнь св. ап. Петра.

11) *Игнатий, архиеп. Воронежский.* Чтение о св. первоверховном ап. Петре. О деяниях св. апостола после Пятидесятницы до первого открытого гонения на Церковь Христову от иудеев.

ГЛАВА 5

Наказанное лицемерие Анании и Сапфиры (5: 1–11)

Игнатий, архиеп. Воронежский. «Чтения о святом апостоле Петре»

В какой внутренней особенно чистоте содержалось общество верующих в Господа или какой искренний страх оно должно было иметь перед лицом священных своих руководителей, тому свидетельством записан в книге Деяний апостольских один поистине поразительный случай. Мы видели уже, что взаимная общительность верующих простиралась до самоотвержения: некоторые продавали села, дома, дабы иметь способы к благотворению бедным. К сему надобно присовокупить, что и самое раздаяние значительной собственности предоставлялось распоряжению апостолов. Кто что получал за проданное имение — все приносили в церковь и полагали к ногам апостолов с поклонением, как жертву Богу, повергаемую перед служителями Его. В книге Деяний упомянуто в особенности об одном из левитов, Варнаве Киприянине, славном впоследствии по истории апостола Павла участием в апостольских трудах с ним, потому, вероятно, что он первый, притом из чина священного прежнего, подал пример сему. Записан сряду другой случай пожертвований, но уже показывающий, что в таких приношениях более требовалось сердечное расположение, нежели просто вещи. Некто Анания с женой Сапфирой, быв увлечен трогательными примерами соучеников, продал также имение в пользу Церкви; не быв, однако ж, чист, или от тщеславия, или от скупости, либо иного ветхого кваса лукавства, он принес только некоторую часть цены, с ведома жены, и положил к ногам апостолов с изъяснением, что принес всю. Видно, полагал он, что и в таком обществе можно быть без полной искренности. Но Петр *просвещенными* свыше *очесами сердца* проникает душу Анании и говорит вдруг: «Ана-

ния! Почто исполнил сатана сердце твое, чтобы солгать тебе против Духа Святого и утаить из цены имения? Будучи твоим, не тебе ли принадлежало оно и, быв продано, не в твоей ли власти находилось? Зачем положил ты в сердце своем такое дело? Солгал ты не человекам, но Богу». Слушая слова эти, Анания пал и испустил дух. Ужасный страх объял всех слышащих. Дело совершилось так скоро, что, казалось, апостол начинал только говорить, а Анания и присутствующие – слушать. Между тем юноши (νεώτεροι), или церковнослужители* – имя соотносительное с именем пресвитеров, или старцев, встали – приготовили тело к погребению и, вынесши, похоронили. Часа через три (так продолжительны были тогда собрания!) вошла в собрание и жена его, не зная о происшествии! Петр вступил в речь с нею и спросил: «Скажи мне, за столько ли отдали вы имение?» Она сказала: «Да, за столько». На то Петр сказал ей: «Зачем это согласились вы искусить Духа Божия? Вот идут погребавшие мужа твоего и вынесут тебя». Вдруг она пала у ног его и испустила дух. Юноши лишь взошли, нашли ее мертвою и, вынесши, похоронили подле мужа ее. Необыкновенный страх объял всю Церковь и всех, кто ни слышал об этом из сторонних. Все было всенародно, в главном общественном месте. Из сторонних никто не смел примешиваться к ним, но все до единого превозносили их. Между тем верующих присоединялось к Господу более и более – множество мужчин и женщин. Если же кого из совопросников века сего упомянутое теперь событие с Ананией и Сапфирой приводит в такой страх, что казнь представляется им чрезмерно строгой, то пусть всякий такой приведет себе на мысль, что это та самая казнь, которою заранее угрожал Господь Иисус за хулу на Духа Святого, что непростительно было лукавить в таком деле, которое зависело от собственной воли каждого, и лукавить в такое время, когда Дух Божий проникал всякое сердце спасительным Своим страхом, в таком притом обществе, где общие чувства благочестия могли устыдить всякую бессовестную душу. Лучше сказать, что опыт сей должен во всякое время приводить в спасительный страх каждого из нас за ложь, особливо перед лицом собратий своих, и тем паче, когда бы сатана искушал кого-либо к призыванию имени Божия ложно перед судом, в присягах. Чудесные действия бывают, конечно, в известные только времена, особливо в начале каких-либо особенных Божиих учреждений, когда Бог непосредственно дает им Свое утверждение и первое Свое движение, но, тем не менее, во всякое время

---

* Очевидно из Писания, что так называемые *юноши* тотчас, лишь только пал Анания, встали с мест своих без всякого приглашения к тому и, как по долгу звания своего, начали делать, что делать надобно приставникам. До диаконов звание юношей (νεώτεροι) составляло всю третью степень Иерархии. О таких именно юношах (νεώτεροι) и старцах (πρεσβύτεροι) упоминается в 1 Послании апостола Петра (5:5). О таких же говорится и у апостола Павла в Послании к Тимофею.

надобно чувствовать, что Господь мало терпит, в особенности ложь бессовестную, произвольную или еще и клятвенную, как дело самого сатаны, который и называется в Евангелии именно *отцем лжи* (Ин. 8:44).

Анания как первообраз современных европейских коммунистов

«Воскресное чтение», 1876, т. 1

Анания, еще не возвысившийся до сознания того, что общение имуществ условливается нравственным единением и любовью друг к другу первых христиан, увлекся этим неизвестным древнему миру духом вспомоществования, духом коллективной силы, направленной на улучшение материального благосостояния общества. Ему хотелось пристать к этому новому обществу, принять участие в общении имуществ, но в то же время ему жаль было расстаться со своим собственным имуществом, и вот он продает свое имущество и вручает вырученные за продажу деньги представителям первых христиан, тайно удерживая у себя часть денег. Мотивы, какими в данном случае руководился Анания, были самые нечестные, безнравственные, они прямо шли вразрез по духу братской любви, какой одушевлял других членов общества; Анания свою личную страсть ставит выше блага общего. Он своекорыстен и это старается прикрыть маской лицемерия, выдавая себя готовым жертвовать собою для блага общества. Это нравственное безобразие могло омрачить собою нравственную чистоту других членов общества, и поэтому Анания за свой своекорыстный поступок наказывается смертью не за то, что не отдал всех денег, вырученных за продажу своего имущества, как это представляется при поверхностном чтении кн. Деяний, аза то, что, омраченный своекорыстием, думал обмануть Самого Бога. Весьма поучительна судьба Анании. Анания представляет собою прообраз современных европейских коммунистов. Подобно Анании и они увлекаются внешней стороной общения имуществ. Им хочется не помогать друг другу, а жить на чужой счет. Их берет зависть, что известные лица имеют большое состояние, а у них нет ни имущества, ни желания трудиться для приобретения его, и вот они, провозглашая собственность воровством, сами воруют и грабят других. Такие лица стоят на одном нравственном уровне с Ананией и вполне справедливо заслуживают одинаковой судьбы.

О том, что гнев апостола Петра на Ананию и Сапфиру был не жесток, но в начале проповеди полезен

Прп. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 1

Наказание согрешивших смертью было делом не жестокости премудрого

Петра, но учения предведущего, наперед исцеляющего многие грехи людские. Ибо, начав тогда посевать семена Евангелия и вскоре увидев возникшие плевелы, премудро исторгли их без замедления, чтобы, умножившись с пшеницей, не соблюлись будущему огню на сожжение. Так и богомудрый Моисей, видя закон нарушенным, в самом начале и за самый грех повелел побить камнями собирающего дрова в субботу, написав, что так определил Бог (Чис. 15:35), потому что преступление и в малой и великой вине судится, как и первые праотцы рода нашего за вкушение древесного плода осуждены на многобедственную и жизнь и смерть.

О страшных последствиях клятвопреступной лжи

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Да удалится от нас помысл неверности клятве! Но чтобы он вернее был удален, поражайте его, как стрелой, грозным Словом Божиим: *не очистит Господь приемлющего имя Его всуе* (Исх. 20:7). Если *не очистит Господь приемлющего имя Его всуе,* напрасно, легкомысленно, без нужды, то чего должен ожидать тот, кто, давая клятву перед Богом, употребил бы имя Божие неблагонамеренно, святотатственно, чтобы Его святостью покрыть нечистоту своей неверности? *Погубиши вся глаголящие лжу* (Пс. 5:7), но не прежде ли прочих погубиши, Господи, глаголящие лжу перед именем Твоим, и перед лицом Твоим, лжущих, как Анания и Сапфира, не человеком, но Тебе, Богу? Когда апостол Петр обличил Ананию сими точно словами: *Не человеком солгал еси, но Богу,* слышав Анания словеса сия, пад издше, а потом и Сапфира, после подобного обличения, *паде абие пред ногами его, и издше* (Деян. 5: 4, 5, 10). Сей пример и многие примеры вне священной истории показывают, что ложь перед именем Божиим и перед лицом Божиим – ложь клятвопреступная – как бы в нетерпение приводит Небесное Правосудие и привлекает грозные и внезапные удары судьбы.

Мысли о всеведении и вездеприсутствии Божием

Свт. Феофан

Отчего так согрешили Анания и Сапфира? Оттого, что забыли, что Бог видит их дела и помышления. Если б содержали они в мысли, что Бог все видит, и вне и внутрь, и яснее, чем все люди и даже они сами, не пришло бы им в голову так покривить душой перед апостолами. Оттого же происходят и наши все грехи и грешные замыслы. Ухитряемся все прикрыть от взоров человеческих и думаем, что все – ничего. Люди точно не видят ничего и отдают нам цену как исправным, но это не изменяет нашей суще-

ственной ничтожности. Ведая сие, тверди всяк себе: почто сатана исполняет мое сердце лгать в лицо Богу? Очи Его светлее солнца видят в сокровенных тайниках сердца; ни ночь, ни море, ни подземелье не укрывают от Него. Помни это и потому устрояй свое внутреннее и внешнее, хотя и невидное, поведение. Если бы Всевидящий был чужд для нас — можно бы еще равнодушно относиться к Его всеведению, а то Он же есть и Судия, и суд Свой, в силу всеведения произносит нередко прежде, чем чаем. Может быть, там у Него уже положено тотчас произнесть суд и над нами, когда только мы еще думаем укрыться с своими грехами в темной лжи: «Не видит, дескать, Бог!»

Кто из христиан подражает Анании и Сапфире (5: 3–4)

Прот. В. Нечаев, ныне еп. Виссарион
«Душеспасительное чтение», 1875, ч. 2

Пример Анании и Сапфиры, обличенных и наказанных за двоедушие и лицемерие, содержит вразумление для всех. Если нельзя не признать справедливым суда Божия, покаравшего этих несчастных супругов, то да устрашится каждый из нас подражать им в преступлении, за которое они подверглись сему суду. Пусть каждый из нас спросит совесть, не виновен ли он в грехе подобном тому, за который заслужили обличение и наказание Анания и Сапфира, не подражаем ли мы их примеру? Ах, как много среди нас найдется таких подражателей!

Есть люди благочестивые только по видимому, постники и богомольцы только напоказ: они заботятся не о том, чтобы другие прославляли Отца Небесного, видя свет их благочестия, а о том, собственно, чтобы другие любовались зрелищем их благочестия и прославляли не Отца Небесного, а их одних. Они подражают Анании и Сапфире.

Есть люди, которые или по ложному стыду, или по отсутствию страха Божия дерзают лицемерить на самой исповеди, когда или совсем утаивают и отрицают свои грехи, или легкомысленно извиняют их, уменьшают их важность, несмотря на то, что Сам Христос невидимо стоит перед ними в сии священные минуты и приемлет исповедание их, несмотря на то, что утаением и извинением своих грехов они усугубляют свою виновность перед Богом. Они подражают Анании и Сапфире.

Есть любители благотворений, которые расточают огромные суммы на построение и украшение храмов, на устроение и поддержание школ, больниц, богоделен, не скупятся на пожертвования на нужды общественные, особенно в крайних случаях, например, во время неурожая, войны, повальной болезни, но которые, к сожалению, все это делают не по ревности к славе Божией, не по христианскому состраданию к ближним, а по

своекорыстным расчетам, с целью чтобы про них все говорили, с надеждой получить награду в виде, например, высокого чина, ордена и т.п., а иногда с целью отвести глаза от своих нечистых дел (например, благотворители – скопцы). Они подражают Анании и Сапфире.

Есть люди лицемерные в обращении с ближним. Они словами и наружными знаками изъявляют ему преданность, любовь и уважение, а в душе или совсем не питают этих расположений в отношении к нему, или питают одно недоброжелательство к нему и тайно стараются вредить ему или достигнуть какой-нибудь выгоды со вредом для него. Они, с целью выслужиться у сильного или богатого человека, льстят ему самым бессовестным образом: приписывают ему добрые качества, которых он не имеет, хвалят его дела и предприятия, недостойные похвалы, а недобрые дела называют добрыми или извиняют их, не обращая внимания на то, что такая бесстыдная лесть, оказываемая ближнему, может сделать его гордым и неспособным видеть свои недостатки и исправлять их. Такие лицемеры подражают Анании и Сапфире.

Есть люди притворно объявляющие себя бедными, ничего не имущими для того, чтобы через это объявление избавить себя от всяких обязательств по отношению к заимодавцам, продавцам, работникам и другим. Они подражают Анании и Сапфире притворившимся, будто не имеют никакой собственности. Вообще, мало ли между нами таких подражателей? Мало ли между нами Ананий и Сапфир? Мало ли людей с тем душевным расположением и поведением, которое обличено и наказано в лице Анании и Сапфиры? И какая страшная сила заключается в словах апостольского обличения!

Обличая грех Анании, ап. Петр участие в сем грехе приписывает сатане, *почто сатана исполни сердце твое солгати Духу Святому?* Открытие страшное, но истина, на которую оно указывает, к сожалению, выше всяких пререканий. По слову Спасителя, сатана, или дьявол, есть человекоубийца искони, и как сам есть лжец, так есть отец или виновник лжи в других (Ин. 8:44). Что удивительного, если Анания действовал по внушению того же злого существа, которое Спаситель нарек отцом лицемерных фарисеев и который вложил в сердце одного из ближайших учеников Спасителя мысль предать Его и помог таить эту преступную мысль под видом лицемерной преданности Спасителю? Отцу лжи и всякого лукавства неприятно было чистое общество членов апостольской Церкви, где, по свидетельству книги Деяний апостольских, было одно сердце и душа, господствовало чистейшее братолюбие и непритворное благочестие. Во что бы то ни стало сатане захотелось на ниве Божией, насеянной чистою пшеницею, насадить плевелы в общество одушевленное чистым духом любви, внести дух своекорыстия там, где водворилась искренность, чистосердечие, правдолюбие

во взаимных отношениях, — поселить дух двоедушия и лукавства, самое благочестие осквернить фарисейским лицемерием, то есть в самом корне повредить христианскую жизнь. В лице Анании сатане удалось найти послушное орудие для своих, враждебных христианству, замыслов. Анания не устоял против сатанинского искушения — путем двоедушия и лицемерия стяжать славу человека бескорыстного и нестяжательного, готового ко всякому подвигу самоотвержения из любви к Богу и ближним. Анания мог не приметить, в чьи сети он уловлен, с кем вступил в пагубный союз. Сатана вообще любит действовать на людей так, чтоб люди его не примечали; ему даже нравится, если некоторые самое существование его отвергают. Чем неприметнее враг, чем меньше подозревают его близость, тем он опаснее, тем удобнее приводит он в исполнение свои замыслы. Что удивительного, если и Анания был неосторожной жертвой тайных козней не замеченного им врага? Одно обличительное слово благопросвещенного апостола могло раскрыть глаза Анании, указать невидимую руку, которая влекла его в бездну погибели. Неизвестно, успел ли Анания воспользоваться этим обличением и раскаяться, по крайней мере, в нем заключается спасительный для всех нас урок, которым мы можем воспользоваться. Если теперь для нас не тайна, что посредством двоедушия и лицемерия допускается в сердце наше сатана, то какое сильное побуждение имеем мы удаляться двоедушия и лицемерия! Как потребно с нашей стороны трезвиться и бодрствовать, чтобы не пропустить в сердце наше дьавола, который, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити! Ужели кому приятно быть игралищем сатаны, быть в союзе с ним, действовать по его внушению?

Но насколько грех, наказанный в лице Анании и Сапфиры, угоден сатане, настолько оскорбителен он для Бога Духа Святого. Ибо, кто двоедушничает и лицемерит, тот является лжецом перед Духом Святым, как и тот, кому сказаны сии слова: *Анание, почто исполни сатана сердце твое солгати Духу Святому?* Фарисейское желание человеческой славы так сильно было в Анании, что заглушало в нем голос высших побуждений, долженствовавших руководить его поступками, заставило его покривить душою в объявлении цены с проданного имения. От сей лжи не удержала его мысль о всеведении Божием, страх вездеприсутствия Божия. Пусть известны Богу, мог рассуждать он, мои тайные нечистые мысли, лишь бы в очах людей я казался человеком добродетельным. Несчастному лицемеру не пришло в голову даже того, что и самые люди, перед которыми ему надлежало давать отчет в своих действиях, могли обличить его в лицемерии, ибо это были не простые смертные, а духоносные апостолы, причастники чрезвычайных даров Св. Духа. Между нами, христиане, может быть, не найдутся люди с апостольским ведением, которые бы стали обличать лицемеров, как обличен Анания. Но от лицемерия мы должны удерживаться не страхом открытого

человеческого обличения, но страхом вездеприсутствия и всеведения Божия, мыслью о страшной ответственности перед Духом Святым, «все проницающим и глубины Божии» (1 Кор. 2:10). Пусть мы успеем скрыть от людей под лицемерной наружностью неблагородные мысли и чувствования, но мы не укроемся от Духа Божия, всеведущего. Страх Его всеведения должен удерживать нас от всякой лжи. Пусть иногда выгодно бывает для нас лицемерить перед людьми, пусть это нравится им, но, изменяя истине из угождения людям, из пристрастия к их мнению, мы подвергаемся опасности прогневать Духа Святого, который есть Дух Истины и любит только истину, а всякую ложь и лукавство ненавидит.

Анания, оскорбивший Духа Святого двоедушием и лицемерием, не остался без наказания. Наказание, какому подвергся он, без сомнения, есть чрезвычайное, и в обыкновенной жизни не случается видеть примеры подобного наказания за двоедушие и лицемерие. Но это бывает не потому, чтобы нынешние лицемеры были виновны менее Анании, а единственно по милосердию Божию, ожидающему от них исправления и покаяния. И горе им, если не воспользуются сим милосердием! Наступит время воздаяния, когда «Господь осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1 Кор, 4:5), когда за всякое слово праздное, тем паче за слово и дело лицемерное, люди подпадут строжайшей ответственности перед Богом. Посему пусть каждый ограждает себя страхом суда Божия, чтобы хранить себя и в слове и в деле от лицемерия и двоедушия. Пусть, по крайней мере, страх удерживает нас от греха, от которого бессильны удержать нас другие, более сильные, побуждения.

Дальнейшее распространение Церкви Христовой в Иерусалиме и новое нападение Синедриона на апостолов (5: 12–42)

Евсевий, архиепископ Могилевский.
«Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола», ч. 1

Сказав о наказании Анании и Сапфиры за лицемерие, св. Лука о состоянии первенствующей Церкви повествует следующее: «Руками же апостолов совершались в народе многие знамения и чудеса», — говорит он, показывая через это, что он описывает только некоторые чудесные дела апостолов, а их было много.

«И все единодушно пребывали в притворе Соломоновом» (ст. 12), то есть все верующие в Иисуса Христа собирались в притворе Соломоновом для молитв и для слушания апостольского учения и для причащения Святых Таин Тела и Крови Христовой, после чего, обыкновенно, предлага-

лась трапеза любви из общих приношений. В этих собраниях господствовал мир и согласие, или единодушие, питаемое общей живой верой в Иисуса Христа и взаимной любовью одних к другим по заповеди Христовой.

«Из посторонних же никто не смел пристать к ним» (ст. 13). Посторонними называются здесь иудеи, не верующие в Иисуса Христа и потому не принадлежащие к Церкви Христовой. Такие люди не осмеливались приставать к обществу верующих или потому, что совершаемые апостолами знамения и чудеса возбуждали в неверующих невольное уважение к христианам, или потому, что, видя ненависть первосвященников и старейшин иудейских к христианам, боялись приближаться к ним, чтобы не подвергнуться негодованию и мщению своих начальников.

«А народ прославлял их», потому что видел их благочестие и добродетели, и особенно Божие к ним благоволение, силою которого апостолы совершали такие дивные дела.

«Верующих же более и более присоединялось к Господу, множество мужей и жен» (ст. 14). И сила евангельской проповеди, и великие чудеса, совершаемые апостолами, и благочестивая добродетельная жизнь верующих во Христа, и примеры столь многих обращающихся ко Христу – все эти обстоятельства располагали многих мужей и жен к принятию веры в Иисуса Христа, и верующие присоединялись к Церкви Христовой.

«Так, что выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хотя тень проходящего Петра осенила кого-нибудь из них» (ст. 15). Такую веру приобрели апостолы совершаемыми во имя Господа Иисуса чудесами! Без сомнения, это делали потому, что видели чудодейственную силу, от апостолов распространяющуюся на больных даже и в то время, когда кого осеняла тень апостола. Этим также объясняется и то, почему народ прославлял верующих, и особенно апостолов, и почему множество мужей и жен присоединялось к обществу верующих в Иисуса Христа.

Слух о дивных делах, совершаемых апостолами, то есть о том, что они исцеляют больных всякого рода, распространился и по селам и городам, окружающим Иерусалим. Поэтому «сходились также в Иерусалим многие из окрестных городов, неся больных и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все» (ст. 16). Как в то время, когда Господь Иисус проповедовал на земле Евангелие, со всех сторон приносили к Нему больных и одержимых нечистыми духами, и Он исцелял их, так теперь к апостолам приносят больных и одержимых нечистыми духами и апостолы исцеляют их. В этом обилии чудес, совершаемых апостолами, мы видим исполнение слов Господа Спасителя: *Аминь, аминь глаголю вам: веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит: яко Аз ко Отцу Моему гряду* (Ин. 14:12).

«Первосвященник же и с ним все принадлежавшие к ереси саддукейской исполнились зависти, и наложили руки свои на апостолов, и заключили их в народную темницу» (ст. 17, 18). Слава о дивных делах апостолов и чрезвычайное умножение верующих в Иисуса Христа тяжелы были для врагов имени Христова. Вражда против Иисуса Назорея в сердцах первосвященников, может быть, не умирала с того времени, как первосвященники и старейшины иудейские искали погибели Его и, наконец, передали Его Пилату на распятие. Когда апостол Петр сказал второе слово к народу, апостолов взяли под стражу, а на другой день старейшины и первосвященники призывали их в Синедрион и приказали им отнюдь не говорить и не учить о имени Иисуса (Деян. 4: 1–18). Строже этого поступить с ними не находили они возможности по причине уважения к ним народа, потому что все прославляли Бога за исцеление хромого (ст. 21). Теперь первосвященник и приверженные к нему решились опять наложить свои руки на апостолов и заключили их в народную темницу.

Полагают, что первосвященник, заключивший апостолов в темницу, был Каиафа. А из того, что с первосвященником упоминаются все принадлежавшие к ереси саддукейской, видно, что и сам первосвященник принадлежал также к секте саддукейской, которая отвергала воскресение мертвых.

«Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал: идите и, став во храме, говорите народу все сии слова жизни» (ст. 19:20).

В первый раз первосвященники и начальники иудейские взяли апостолов и отпустили их на свободу, опасаясь народа, потому что все прославляли их, видя исцеление хромого от рождения, а теперь дерзость первосвященников и старейшин иудейских усилилась, поэтому, когда в другой раз апостолы заключены были в темницу, Господь употребил к освобождению их послание небесного служителя, одного из тех, которые, как говорит апостол, «посылаются на служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр. 1:14). Ангел Господень отворил двери темницы ночью, а не днем, может быть, для того, чтобы апостолы, когда стражи спали, могли беспрепятственнее выйти на свободу, а также и для того, чтобы чудо освобождения было очевиднее, ибо на ночь темницы обыкновенно заключаются с большим тщанием, чем днем. Освобождение их из темницы днем могло быть незамеченным, а освобождение ночью должно было в утреннее время обратить общее внимание. Поутру, когда послали в темницу из Синедриона привесть апостолов, служители, пришедши, не нашли их в темнице и, возвратившись, донесли, говоря: «Темницу мы нашли запертою со всею предосторожностию и стражей — стоящими перед дверьми, но, отворив, не нашли в ней никого» (ст. 21–22).

Ангел, выведши апостолов из темницы, сказал: «Идите и, став во храме, говорите народу все сии слова жизни». Ангел ободряет апостолов и утверждает их в непоколебимом служении евангельской проповеди. Евангельское учение есть учение о жизни. Это учение возвещает об Иисусе Христе, Который есть вечная самосущая жизнь и вместе – источник жизни и истинного счастья и блаженства для всех верующих в Него и последующих Его Божественному учению. «Слово о кресте», то есть учение об Иисусе Христе, распятом на кресте, учит апостол: «Для погибающих есть безумие, а для нас, спасаемых, сила Божия». И далее говорит: «Мы проповедуем Христа распятого, для иудеев соблазн, а для еллинов безумие, для самих же призванных, иудеев и еллинов, Христа, Божию силу и Божию премудрость (1 Кор. 1: 18, 23, 24). Иисус Христос говорит: *«Аз есмь путь и истина и живот: никто же приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин. 14:6).

Апостолы были верны наставлению ангела: они пошли во храм и учили народ. Их опять привели в Синедрион и говорили им: «Не запретили ли мы вам накрепко учить о имени сем?» Петр же и другие апостолы сказали им в ответ: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (ст. 29). В этот раз в Синедрионе вступился за апостолов некто фарисей именем Гамалиил, законоучитель уважаемый всем народом. Он приказал вывести из Синедриона апостолов, а первосвященникам и старейшинам сказал: «Мужи израильские! Подумайте сами с собою о людях сих, что вам с ними делать. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около четырехсот человек, но он убит, и все, которые слушались его, рассеялись и исчезли. После него во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек с собою довольно народа, но и он погиб, и все, которые слушались его, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их, ибо если сие предприятие и сие дело от человеков, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его, берегитесь, чтобы вам не оказаться и богопротивниками» (Деян. 5: 34–39). Начальники иудейские вняли благоразумному совету Гамалиила. «Они послушались его и, призвав апостолов, били их и, запретив им говорить о имени Иисуса, отпустили их. Апостолы пошли из Синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день во храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе (34–42).

О видимом неравенстве награды, даруемой святым (ст. 15)

Филарет, митрополит Московский, т. 2

Поелику сила Христова всемогуща, то с естеством ее согласно и то, что

она через святых чудодействует, когда то благоугодно Господу, подобно как некогда чудодействовала через *главотяжи и убрусцы*, которые были на *теле* святого апостола Павла, и приняли в себя *пот* его (Деян. 19:12), и через одно *осенениетению* святого апостола Петра (Деян. 5:15).

Какое дивное воздаяние за благочестие, что им не только дух человеческий возводится к благодатному общению со Христом, но и самое тело, которым совершаем сии малые подвиги пощения, молитвенного коленопреклонения, братолюбного служения, соделывается через то причастным благодатной силы Христовой, животворящей и чудодейственной! И если сие на земли еще, то на небеси какая жизнь, какое могущество, какая слава ожидает благочестивых!

Между тем примечать можем, что не все благочестивые и даже не все святые участвуют в сем *первом*, так сказать, *воскресении* (Апок. 20:6), которое состоит в чудесном на земли нетлении освященных телес их; подобно как и в первоначальном явлении сего первого воскресения *многа телеса усопших святых восташа*, но не все телеса святых усопших. Что значит сие? Неужели не правосуден Бог ко святым Своим – одним увеличивая меру благодати, а другим уменьшая, одним бессмертие приближая, а других отдаляя, одних прославляя, а других сокрывая? Без сомнения, никто знающий Бога не может сего помыслить. Итак, что значит видимое неравенство видимой награды, даруемой святым? Может быть, она некоторым образом соответствует степеням внутреннего их освящения, по которому – скажем словами апостола – как *звезда от звезды разнствует во славе, такожде и воскресение мертвых* (1 Кор. 15: 41–42), и последнее, совершительное, и первое, начинательное, но с большею основательностью из неравенства сей предварительной награды святым заключить можем, что сия награда им даруется не столько в воздаяние собственно им, сколько для другой, с премудростью и благостью Божиею сообразной, цели. В самом деле, для тех, которые не ищут славы человеческой и которые уверены, что вечно будут царствовать во славе Божией со Христом, велико ли то, чтобы иметь или не иметь временных начатков сея славы на земли? Но как с воскресением Христовым *много телеса усопших святых восташа* для того, чтобы *по воскресении Его внити во святый град и явитися мнозем* живущим для удостоверения их об открывшейся силе воскресения, так и доныне телеса усопших святых являются в нетлении, с силою чудодейственною и живоносною, для нас живущих, для удостоверения – если, к стыду времени, есть и такие между нами неверующие – для удостоверения в воскресении Христовом и в нашем будущем воскресении, для укрепления немощных в подвигах противу греха и смерти, для возбуждения невнимательных и нерадивых к подвигам благочестия.

О близости к нам ангелов и причинах, почему мы их не замечаем (ст. 19)

Филарет, митрополит Московский, т. 2

Сам Царь провозглашает, чему быть надлежит: *отселе узрите небо отверсто, и Ангелы Божия восходяща и нисходяща к Сыну Человеческому* (Ин. 1:51): и действительно, мы видим ангелов, сопровождающих Его вознесение и возвещающих Его паки пришествие (Деян. 1: 10, 11), ангелов, разрешающих узы (Деян. 12:7) и отверзающих темницы для апостолов (Деян. 5:19); наконец, ангела, только еще возникающему от тьмы язычества Корнелию явившегося для того, чтобы указать ему вход в Церковь Христианскую (Деян. 10: 3–6).

Иисус Христос, по изречению Иоанна Богослова, есть *Святый, истинный, имеяй ключ Давидов, отверзаяй, и никто же затворит* (Апок. 3:7). Итак, если Он отверз небо, кто же смеет затворить его? Или кто смеет сказать, что теперь уже не время видеть ангелов Божиих, восходящих и нисходящих по воле Сына Человеческого? *Не вси ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение?* Кто же и ныне может утверждать, что они уже без дела и мы без помощи?

Но чем несомненнее удостоверяемся мы о близости к нам святых ангелов и о их готовности на помощь нам, тем с большею заботливостью мы должны помыслить о том, отчего в наши дни так мало слышат о сей помощи, а еще менее верят слышанному о том. Или нет при нас ангелов, или мы не примечаем их, или удаляем их от себя? Что их нет, то неправда, как мы видели. Следственно, правда то, что мы или не примечаем их, или даже удаляем от себя.

Как в видимых своих явлениях святые ангелы нередко принимаемы были человеками за подобных человеков, так легко случиться может, что и невидимые их действия человек примет за собственные человеческие или обыкновенные, естественные действия. Не случается ли, например, что среди недоумения или некоего бездействия ума вдруг, как молния, просиявает чистая, святая и спасительная мысль; что в обуреваемом или хладном сердце мгновенно водворяется тишина или возгорается небесный пламень любви к Богу? Если всякое явление по роду своему свидетельствует о присутствии действующей силы, то сии внутренние явления души нашей не свидетельствуют ли о присутствии Небесных Сил, по человеколюбию бросающих лучи свои в наш ум и искры в наше сердце? Не суть ли это действия ангелов, по изречению пророка Захарии, *глаголющих в нас?* Как достойно сожаления, если мы не примечаем сей ангельской помощи! Ибо, не примечая, не приемлем ее как должно и не пользуемся ею; не пользуясь, остаемся неблагодарными и виновными и не приготов-

ляем себя к другим подобным посещениям и таким образом даже удаляем от себя хранителей наших.

Если мы, люди, удаляемся от людей, которых расположения противны нашим расположениям, если наставник отрекается от ученика, не внемлющего наставлениям, или пестун от – воспитанника, отвергающего руководство, если самый отец удаляет от себя непокорливого сына, то как не удалиться, наконец, от нас святым ангелам, когда мы не следуем их спасительным внушениям и оставляем бесплодным для нас их служение? Как не удалиться от нас Небесным Силам, когда мы предаемся токмо земному? Как не удалиться чистым духам, когда мы живем в нечистотах плоти? Как не удалиться ангелам Божиим, когда мы непрестанно имеем в мыслях и желаниях не Бога и Христа Его, но мир и самих себя?

Мысли на стихи 29–32

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 15

Что прежде Петр и Иоанн говорили властям, то же потом сказали им и все апостолы: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком. Бог отец наших воздвиже Иисуса, Его же вы убисте, повесивше на древе. Сего Бог начальника и Спаса возвыси десницею Своею, дати покаяние Израилеви и оставление грехов. И мы есмы того свидетели глагол сих, и Дух Святый, Его же даде Бог повинующимся Ему.* Какая искренность, полнота, определенность и ясность исповедания! Бог так устроил, чтобы Распятому быть Спасителем нашим через оставление грехов в покаянии. Свидетели – апостолы-очевидцы и Дух Святой, явно действовавший в них и во всех верующих. Те же свидетели и до наших дней пребывают в силе. Что свв. апостолы говорят – это то же, как бы мы сами видели и слышали то своими очами и ушами. И Дух благодати действует непрерывно в Св. Церкви, в чудотворениях, в обращении грешников и особенно в претворении прилежно работающих Господу, в их освящении и исполнении очевидными благодатными дарами. Последнее придает большую силу первому, и оба вместе сильны образовать крепкое убеждение в истине Христовой, во всех душах истиннолюбивых. Благодарение Богу истины, истину Свою так ясно нам являющему!

Как проходили святые апостолы путь Христов (ст. 41)

Филарет, митрополит Московский, т. 2

Ужас и скорбь если не совсем отъяты от пути Христова, то много уменьшены тем самым, что Он уже совершил путь сей и проложил его для нас. Посему и апостолы не всегда, как вначале, боялись идти за Христом, но пришло после время, когда они тем же страшным и скорбным путем проходили с

радостью. Они, пишет повествователь их деяний, *идяху радующеся, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. 5:41). Как могло статься, что те же люди, на том же пути, сперва боялись, а потом радовались? Боялись, когда Иисус Христос еще не совершил сего пути и не привел его в безопасность; радовались, когда Он прошел путем сим и на Себе унес трудности его. Боялись, когда взирали только на сии трудности, не проникая далее; не возрадовались, когда ясно усмотрели конец пути Христова. Ибо куда, наконец, приводит путь сей? Он приводит на небеса, к Самому Богу Отцу, как Сам Иисус Христос, изображая весь путь Свой, от начала до конца, сказует: *изыдох от Отца, и приидох в мир, и паки оставляю мир, и иду ко Отцу* (Ин. 16:28). Сей путь вводит в славу Божественную: *подобаше пострадати Христу, и внити в славу Свою* (Лк. 24:26). Но если Господь наш идет к Богу Отцу Своему, то приведет к Нему с Собою и нас. Если Христос входит в Свою Божественную славу, то введет с Собою и христиан и соделает, как изъясняет апостол, *причастниками Божественного естества* (2 Пет. 1:4).

ГЛАВЫ 6–7

Избрание семи диаконов (6: 1–7)

Евсевий, архиеп. Могилевский

«Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола», ч. 1

Ст. 1. «В сии дни, когда умножились ученики, произошел у еллинистов ропот на евреев за то, что вдовицы их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей».

Еллинами или *еллинистами* называются здесь те иудеи, которые, выросши в чужих странах, вне Иудеи, говорили языком греческим как бы родным. Таких иудеев было тогда очень много. Они жили в Египте, Сирии, Малой Азии, на островах греческих и в других местах. Очень многие из них жили в Иерусалиме; они или некоторое время, или всю остальную жизнь решались провести близ храма, чтобы тем удобнее было служить Богу. К таким принадлежали и прозелиты, или из язычества обратившиеся к иудейской вере. А евреями у апостола называются иудеи, говорящие своим языком или арамейским, которые жили преимущественно в Палестине и Вавилонии. Те и другие разумеются принявшие веру во Иисуса Христа. Еллинисты, как жившие среди язычников, от которых заняли греческий язык, не строго исполняли закон Моисеев и удерживали многие обычаи тех стран, в которых они жили, а евреи, говорившие отечественным еврейским языком, строже исполняли закон Моисеев и соблюдали народные обычаи. Поэтому евреи имели предубеждение против еллинистов и присвояли себе предпочтение перед ними.

Читаем в книге Деяний святых апостолов: «Не было между ними (первенствующими христианами) никого нуждающегося, ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов, и каждому давалось, в чем кто имел нужду (Деян. 4: 34, 35).

Когда число верующих с каждым днем умножалось и Церковь Христова состояла уже из многих тысяч членов, тогда удовлетворение нуждающихся постепенно более должно затруднять апостолов при быстром увеличении числа нуждающихся. Поставленные распорядители общественными средствами, по всей вероятности, были преимущественно из евреев, так как большая часть членов первенствующей Церкви состояла из них, посему неудивительно, если эти распорядители, не чуждые народных предубеждений против еллинистов, и в удовлетворении нуждающихся вдов их показывали некоторое неуравнение с прочими вдовами.

Ст. 2. «Тогда двенадцать апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив Слово Божие, пещись о столах». Из апостольских слов можно заключать, что происшедший у еллинистов ропот против евреев касался некоторым образом и самих апостолов, будто они не имели столько попечения об удовлетворении нуждающихся вдовиц, чтобы не было пренебрежения к некоторым из них. Слышав об этом, апостолы созывают множество учеников. Под именем *учеников* разумеются вообще верующие в Иисуса Христа; этим именем назывались верующие до тех пор, пока не вошло в общее употребление название *христиан*.

Нехорошо или неприлично нам, говорят апостолы, оставив служение евангельской проповеди, много времени уделять на попечение о столах, или об удовлетворении нуждающихся в жизненных потребностях. Этот апостольский пример показывает, как низшие добродетели должны быть иногда оставляемы для высших, то есть чтобы время и силы или средства употреблять для достижения высших добродетелей, или высшие обязанности должны быть предпочитаемы низшим. Апостолы, по своему апостольскому званию, преимущественно призывались к проповедованию Евангелия, потому они исполнение этой обязанности и предпочитают другой обязанности – попечению о бедных. Как душа превосходнее тела, так и попечение о душе превосходнее попечения о теле.

Ст. 3. «Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святого Духа и мудрости – их поставим на сию службу». Для устранения возникших неудовольствий апостолы предлагают собранию верующих для попечения о столах избрать семь мужей таких, которые соответствовали бы вполне своему назначению. Апостолы требуют от избираемых таких качеств, которые делали бы их способными и к высшему служению, а не к тому только, чтобы они заботились о безобид-

ном удовлетворении нуждающихся в житейских потребностях. Избираемые семь мужей, *во-первых*, должны быть *свидетельствованы*, изведаны или, как пишет апостол Павел в послании к Тимофею, должны *иметь доброе свидетельство* (1 Тим. 3:7). Это нужно для того, чтобы избранные пользовались доверием общества верующих. А доверие весьма важно, потому что оно предотвращает все невыгоды недоверия и подозрений и располагает других к содействию общему делу. *Во-вторых*, избираемые мужи должны быть *исполнены Святого Духа*. Как могли быть узнаны такие мужи? Без сомнения, по плодам действующего в них Святого Духа, таковы: постоянное благочестие и непоколебимая ревность к прославлению Бога, искренняя любовь к ближним, по заповеди Господней выражаемая добрыми делами на пользу ближних, постоянная честность, жизнь целомудренная и другие свойства и добродетели, вытекающие, как из своего источника, из любви к Богу и ближним. *В-третьих*, избираемые мужи должны быть исполнены *мудрости*. Слово *мудрость*, в устах апостола, не могло означать только уменье распоряжаться внешними вещами или удовлетворительно раздавать потребное нуждающимся, но оно в учении Слова Божия вообще означает как глубокое познание истин Божественных, и особенно тайн спасения, так и силу и готовность возвещать истины спасения к назиданию других. Такие свойства, требуемые от избираемых мужей, предуказывали на высшее назначение сих мужей – быть служителями Слова Божия и спасительных таинств, как это в скором времени показали события. Так, исполненный веры и Духа Святого (ст. 5) Стефан проповедал Евангелие перед Синедрионом и за исповедание веры побит камнями (Деян. 7: 1–60); так Филипп огласил, или наставил вере в Иисуса Христа, и крестил ефиопского евнуха, вельможу ефиопской царицы, и благовествовал во многих местах (Деян. 8: 26–40). В Послании к Филиппийцам апостол Павел приветствует диаконов вместе с епископами (Флп. 1:1), а в первом Послании к Тимофею изображает свойства диаконов как священнослужителей (1 Тим. 3: 8–12).

«Их же поставим над службою сею». Избрание семи достойных мужей апостолы возложили на общество верующих, а поставление избранных на дело служения предоставили себе как дело апостольского служения.

Ст. 4. «А мы постоянно пребудем в молитве и служении Слова». Мы постоянно будем делать то, что преимущественно соответствует нашему призванию: будем молиться и проповедовать Слово Божие. Так апостолы высоко ценили пребывание в молитве и проповедании Слова Божия! Молитвы приближали самих апостолов к Богу и ходатайствовали через них о других, а проповедание Слова Божия призывало и привлекало других на путь спасения, к единению с Богом. Апостолы не могли оставаться без молитвы, потому что они пребывали в Боге и все получали от Бога; молит-

ва для них была ключом к сокровищнице всех благодатных даров, которыми пользовались они в прохождении апостольского служения. И служение Слову, или проповедание Евангелия, не могло быть без молитвы, или без духовного единения с Богом, посредством благоговейного возношения ума и сердца к Богу. По учению апостола Павла *никто не может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12:3); никто не может назвать Иисуса Господом, то есть с живою верою в Его Божественное величие, как только при содействии Святого Духа.

Ст. 5. «И одобрено было сие предложение всем собранием». Всем было понятно, что апостолам, по их званию, невозможно было взять на себя попечение об удовлетворении нуждающихся житейскими потребностями; всем также было понятно и то, что апостолы указывали наилучший способ к отклонению возникших неудовольствий, потому все и одобрили апостольское предложение. «И избрали Стефана, мужа исполненного веры и Духа Святого, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников». Из семи мужей святой Лука отличает Стефана, называя его мужем исполненным веры и Духа Святого, без сомнения, потому что его дела и подвиги свидетельствовали о постоянстве и силе веры его и об обилии даров присутствующего в нем Святого Духа. Для показания высокого достоинства Стефана апостол далее раскрывает доблестный апостольский подвиг его, увенчавший его мученичеством и приобретший ему наименование первомученика (Деян. 6: 8, 15; 7: 1–60).

Примечание:

На основании греческих имен семи избранных мужей делают не лишенную вероятия догадку, что избранные принадлежали к еллинистам. Об одном из них, Николае Антиохийце, прямо сказано, что он был не только еллинистом, но даже обращенный из язычника, то есть прежде принадлежавший к иудейству в качестве прозелита. Но если и некоторые из избранных принадлежали к еллинистам, то это привлечение их к участию в распоряжении общественной казной сделано, можно думать, с той целью, чтобы у роптавших отнять основание к пререканиям. Определенного наименования должности этих избранных мужей пока не было: они назывались просто *семь* (21:8) по греческому тексту.

Ст. 6. «Их поставили перед апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки». Так апостолы через молитву и рукоположение низвели на избранных благодать Святого Духа соответствующую степени их служения. Святой Златоуст, объясняя слова апостола, говорит: «Заметь, как писатель не говорит ничего лишнего, он не объясняет, каким образом, но просто говорит, что они рукоположены были молитвою, ибо так совершается рукоположение. Возлагается рука на человека, но все совершает

Бог и Его десница касается главы рукополагаемого, если рукоположение совершается как должно». И ниже говорит: «они были рукоположены на это служение и не просто были назначены, но о них молились, чтобы им была сообщена сила (благодати)».

Ст. 7. «И Слово Божие росло, и число учеников весьма умножилось в Иерусалиме, и из священников очень многие покорились вере». «Слово Божие росло», то есть Слово Божие, или евангельская проповедь, распространялась далее и далее.

«И число учеников весьма умножилось в Иерусалиме». То есть число верующих в Иисуса Христа, или число христиан, с каждым днем увеличивалось в Иерусалиме. Теперь повествователь не обозначает, сколько именно прибавилось верующих к тем числам, которые прежде два раза были означены, потому что при постоянном умножении верующих это сделалось невозможным.

«И из священников очень многие покорились вере». Очень многие уверовали в Иисуса Христа и из священников или вообще служащих при храме Иерусалимском. Это показывало торжество апостольской проповеди и над теми, которые более других могли противиться евангельскому учению. Это также могло содействовать к умножению верующих из простого народа: пример ветхозаветных священников и вообще служивших при храме мог сильно действовать на простой народ и располагать его к принятию евангельского учения.

Другие служения в Церкви Христовой в век апостольский

В.Я. Михайловский. «Духовный вестник», 1865, октябрь

Из книги Деяний и посланий свв. апостолов видно, что одни служения в Церкви в век апостольский имели характер вселенски-церковный, а другие относились к частным Церквам и имели частный характер. К служениям первого рода принадлежали прежде всего апостолы, потом пророки и, наконец, евангелисты; священнослужителями второго рода были епископы пресвитеры и диаконы.

Апостолы. Они занимают в истории христианской совершенно особое положение, в котором никто не может с ними равняться и которого никто не может от них присвоить, потому что они: 1) призваны *лично* Самим Христом, без всякого человеческого посредничества; 2) суть *боговдохновенные и непогрешимые* органы христианского откровения; 3) служат *основателями* Церкви и 4) по отношению ко всему христианскому миру (а не только к иудеям или к Церкви своего времени) стоят *предстоятелями.* Как Сам Господь избрал только двенадцать апостолов и обещал им посадить их

некогда судьями над коленами израилевыми на двенадцати местах (Мф. 19:28), так и последняя книга Священного Писания знает только «двенадцать апостолов Агнца», имена которых написаны на двенадцати основных камнях Небесного Иерусалима (Апок. 21:14; сн. 12:1, двенадцать звезд в венце невесты Христовой). В этом отношении их служение несообщимо и непереходно. Оттого-то мы и не находим того, чтобы по смерти одного какого-нибудь апостола, например Иакова старшего (Деян. 12:1), было восполнено их число, и в последние десятилетия первого века оставался в живых из первобытного сонма апостолов только один Иоанн. Но, с другой стороны, очень можно говорить *о непрерывном продолжении* апостольского служения. Потому, во-первых, что первоначально Господом поставленные апостолы *продолжают жить и действовать* не только в Высшей (Небесной) Церкви, которая имеет таинственную связь с Церковью воинствующей, но *и через свое истинное учение* и свой дух в Церкви воинствующей: они постоянно научают ее, ободряют, увещавают, укрепляют и утешают ее; во-вторых, каждое законно поставленное духовное лицо (а не одни только епископы, как учат католики и англиканцы), по существенному признаку своего учения, в обширном смысле есть преемник апостолов, так как и оно тоже – посланник от имени Христова и во имя Его, как Его орган, через таинство подает кающимся грешникам все благодатные дары спасения, которые еще доселе служат животворным благоуханием к жизни и смертоносным запахом на погибель. Наконец, по временам Господь воздвигает особенных проповедников Евангелия между народами, не знавшими Его, которые в таком случае верно представляют в себе служение апостолов-миссионеров и называются равноапостольными.

Пророки. Под ними мы должны разуметь вдохновенных учителей и проповедников тайн Божиих. Они не были привязаны к какому-нибудь одному месту и являлись в разных Церквах с учением, увещанием и утешением там, где указывало им деятельность высшее влечение Духа. И при выборе священнослужителей они, кажется, имели особенное влияние, так как они склоняли общее внимание на те личности, о которых они после молитвы и поста по откровению узнавали как об отличных органах для какого-нибудь другого служения в Царстве Божием (Деян. 13:1 и д.; 16:2; сн. 1 Тим. 1:18; 4:14). Пророками в Деяниях апостольских поименованы: Агав, впервые встречающийся нам в Антиохии (Деян. 11:28), далее в Кесарии (21:10); затем проповедник Евангелия Варнава (сн. 4:36), Симеон, Люций (которого не нужно смешивать с Лукою), Манаил и Савл (апостол) в Антиохии (13:1), Иуда и спутник Павла, известный проповедник Евангелия, Сила (15:32). Но прежде всех пророками должно считать самих апостолов, потому что, когда говорится (Еф. 2:20) о христианах, что они утверждены *на основании апостол и пророк* (τῶν ἀποστόλων καὶ προφητῶν), *то уже отсутствие*

члена перед вторым словом указывает на то, что оба эти понятия (подобно как в 5-м ст. 3-й главы) должно сопоставлять между собою и объяснять их так: «Апостолы, которые в то же время и пророки». Да и действительно, апостолы, как органы Духа Святого, приявши христианское откровение (сн. Гал. 1:12), сообщили весь план спасения и открыли то, что прежде было тайной. Поэтому-то и их проповедь, и их писания суть пророческие в более высоком смысле, чем ветхозаветные писания.

Евангелисты (благовестники). Уже самое имя намекает на то, что их занятие главным образом состояло в проповедовании радостного спасительного учения, собственно, между нехристианскими народами, но, впрочем, и не среди только их, потому что и верующим постоянно нужно повторять и напоминать евангельское учение. Проповеди их были исторического содержания и имели предметом преимущественно главные события из жизни Иисуса, особенно Его воскресение. Этим легко объясняется позднейшее словоупотребление, по которому название это перенесено было на писателей известных у нас евангелий. Благовестников мы обыкновенно встречаем в непосредственном общении с апостолами или, по крайней мере, в услужении при них, их помощниками и сотрудниками. Павел, при своем обширном круге деятельности, больше всех других апостолов имел в них нужду, и в последнее свое путешествие в Иерусалим он имел около себя даже семерых спутников (Деян. 20: 4, 5). К этому классу служителей Церкви принадлежат: *Филипп,* один из семи диаконов иерусалимских, но впоследствии проповедовавший о Мессии сперва самарянам, затем крестивший ефиоплянина на пути из Иерусалима в Газу и, наконец, действовавший в Кесарии (Деян. 8:5 и д. 26 и д. 21:8, где он назван «евангелистом»); *Тимофей* (сн. 2 Тим. 4:5), особенно любимый апостолом Павлом и в надписях многих его посланий упоминаемый об нем рядом с самим апостолом; *Тит,* христианин из язычников, родом, может быть, из Коринфа (Гал. 2:1; 2 Кор. 8:23; 7: 6, 14; 12:18; Тит. 1:5); *Силаили Силуан,* пророк из Иерусалимской Церкви (Деян. 15: 22, 32), сопровождавший апостола язычников во время второго его проповеднического пути (Деян. 15:40; 16: 19, 25; 17:4; 18:5); *Лука,* писатель третьего Евангелия и деяний апостольских (в которых он хоть прямо не называет себя, но виден в тех местах, где рассказывает в первом лице множественного числа), вместе с тем врач (по Кол. 4:14) и один из самых верных спутников Павла, которого не покинул даже во время последних уз (Флм. 24; 2 Тим. 4:10); *Иоанн-Марк* из Иерусалима, сотрудник в проповеди сперва Павлу, затем Варнаве, своему двоюродному брату, после опять в общении с Павлом и наконец (хотя по времени и раньше) с Петром, которому он, вероятно, был обязан своим обращением, и служил при нем переводчиком (Деян. 12:25; 13: 5, 13; 15:39; Кол. 4:10; Флп. 24:2; Тим. 4:11) и другие апостольские сотрудники.

Из этих примеров достаточно видно, что и благовестники не были служителями какой-нибудь частной Церкви и не имели, как епископы и пресвитеры, какого-нибудь определенного места, но, смотря по нуждам, свободно странствовали всюду. Апостолы рассылали их с разными целями во все места своей обширной деятельности то для дальнейшего распространения Евангелия, то для передачи посланий, то для обозрения, охранения и утверждения уже основанных Церквей, так чтобы они, подобно самим апостолам, вместе с тем служили живыми посредствующими членами и споспешниками братского единства между разными частями Церкви. Одним словом, они были некоторым образом местоблюстителями апостолов и действовали под их распорядительностью и с их дозволения как посланники какого-нибудь царя. Так, Тимофея вскоре после его обращения мы видим на проповеди (Деян. 16:2 и д.), затем в Ефесе – для дальнейшего устройства Церкви и во время отсутствия Павла для обличения возникающих ересей (1 Тим. 1:3; 3: 14, 15; 4:13); потом он посылается Павлом в Коринф (Деян. 19:22; 1 Кор. 4:17 и д. 16:10), встречается с Павлом в Македонии (2 Кор. 1:1), сопровождает апостола во время его последнего пути в Иерусалим (Деян. 20:4), при нем находится во время его римских уз (Кол. 1:1; Флм. 1; Флп. 1:1), отправляется им с письмом к Церкви Филиппийской, для того чтобы разобрать все дела (Флп. 2: 1–23), и, во время написания Павлом второго Послания к Тимофею, Тимофей был, вероятно, неподалеку от Ефеса и оттуда вызван Павлом незадолго до его смерти в Риме (2 Тим. 4: 19, 21); наконец, в Послании к Евреям говорится о его освобождении из уз и его намерении отправиться на восток (13:23). Точно в таких же отношениях к апостолу находится Тит, с которым мы встречаемся то в Иерусалиме (Гал. 2:1), то в Ефесе, то в Коринфе (2 Кор. 7: 6, 14), то в Крите (Тит. 1:5), затем в Никополе (Тит. 3:12), наконец в Далмации (2 Тим. 4:10).

Епископы и пресвитеры. Имя *«пресвитер», старейший* – старшина, набольший – без сомнения, получило начало у христиан от иудеев, и оно составляет буквальный перевод еврейского слова *зекеним,* употреблявшегося в приложении к начальникам синагог, на которых лежала обязанность заведовать религиозными делами. Это слово выражает собственно понятие о старости и соединенном с нею личном уважении; затем уже в производном смысле – понятие *о служебном достоинстве* и начальстве, так как в высшие начальники обыкновенно избирались пожилые и опытные лица. Слово *епископ,* то есть надзиратель, по всей вероятности, заимствовано от гражданских отношений греков, таким образом, только после внесено в церковный язык и притом между христианами из язычников (как он действительно встречается в Новом Завете только у ап. Павла и его ученика Луки) и буквально означает служебную должность и деятельность предстоятелей Церкви.

В самом начале эти два слова – «пресвитер и епископ» – прилагались к одному и тому же лицу. Это совершенно ясно видно из тех мест, где встречается это последнее слово. Так, в Деяниях (20:28) Павел обращается с речью как к епископам, к тем самым предстоятелям Ефесской Церкви, которые несколько выше (ст. 17) названы были пресвитерами. Далее, в надписи на Послании к Филиппийцам (1:1) он приветствует святых в Филиппах вместе с епископами и диаконами, не упоминая о пресвитерах, что, конечно, можно объяснить безразличным употреблением слова ἐπίσκοπος в приложении к пресвитерам. В пользу этого говорит, как заметил еще Иероним, множественное число, так как в одной Церкви не может быть многих епископов в позднейшем смысле слова. Третье свидетельство представляет слововыражение в Павловых посланиях к пастырям. В Послании к Титу (1:5) апостол предписывает своему ученику поставлять «пресвитеров» в критских церквах и затем излагает качества, на которые Тит должен обращать внимание при выборе, и при этом вдруг вставляет слово «епископ», где, очевидно, идет речь еще о прежнем лице, как показывает причинный союз «потому что», ст. 7. Наконец, ап. Петр (1 Пет. 5: 1, 2) в послании своем обращается с речью к пресвитерам Церкви как «сопресвитер» и их должностью считает пасение стада Божия и надзор над ним.

Но из этого заменения слов одного другим нельзя выводить того, будто бы сан епископа и пресвитера – один и тот же. Сам апостол Павел очень хорошо различает их, когда, например, своим ученикам-пресвитерам поручает право поставлять пресвитеров, надзирать за ними, судить, награждать и наказывать их (сн. 1 Тим. 5: 17, 19; Тит. 1:5).

О времени, способе и роде избрания в сан епископа и пресвитера, к сожалению, не имеем известий даже вроде тех, какие даны об учреждении диаконского служения (Деян. 6). Нужда к тому открылась, конечно, слишком рано, так как, несмотря на распространение необходимо соединенных с саном сверхъестественных даров, нужно было позаботиться о нормальном и обыкновенном научении и управлении быстро размножавшихся церквей. Исторический образец на то дан в иудейских синагогах, именно – в совете старейшин (πρεσβύτεροι – Лк. 7:3. ἀρχισυνάγωγοι – Мк. 5:22; Деян. 13:15), которые занимались отправлением богослужения, совершением молитв, чтением и объяснением Писания. В первый раз христианские пресвитеры встречаются (Деян. 11:30) в Иерусалиме, по случаю пересылки пожертвований Антиохийской Церкви в пользу своих братьев в Иудее. Оттуда учреждение это распространилось не только по всем церквам, составившимся из иудеев, но и в церквах основанных Павлом. Из примера семьи Стефановой в Коринфе (1 Кор. 16:15) видно, что в этот сан избирались первые обращенцы (ἀπαρχαί), о чем прямо говорит и *Климент Римский*.

По образцу синагог, равно как и гражданского управления городами, которое находилось в руках сонма стариков (senatus), коллегиума декурионов (decuriones), следовательно, имело аристократическую форму, в каждой церкви было *много* пресвитеров. Мы повсюду читаем рассказы об их множестве как о каком-то товариществе, корпорации: в Иерусалиме (Деян. 11:30; 15: 4, 6, 23; 21:18), в Ефесе (Деян. 20: 17, 28), в Филиппах (Флп. 1:1), при посвящении Тимофея (1 Тим. 4:14), где речь идет о возложении рук *священничества* и в тех церквах, к которым писал Иаков (Иак. 5:14): «Болен ли кто из вас, пусть призовет *пресвитеров Церкви*, чтобы они помолились над ним и пр.» К этой же мысли приводит рассказ Деяний апостольских (14:23) о том, что Павел и Варнавадля каждой церкви избрали и рукоположили *пресвитеров*, – значит, не одного, а многих; и еще яснее говорит наставление Титу в каждом городе критском образовывать сонм пресвитеров (Тит. 1:5). Правда некоторые ученые так представляют дело, что будто бы в больших городах было много церквей, и в каждой церкви по одному священнику и епископу, и что, следовательно, в устройстве частных церквей с самого начала был принцип не демократический или аристократический, но монархический. Но против такого мнения о множестве самостоятельных церквей говорят только что приведенные места, в которых пресвитеры изображаются как совет (комитет), а также направление к образованию братств, товариществ, какое одушевляло христиан с самых первых времен. *Домашние* церкви (ἐκκλησίαι κατ᾽ οἶκον), о которых упоминается довольно нередко и к которым в посланиях встречается немало приветствий (Рим. 16: 4, 5, 14, 15; 1 Кор. 16:19; Кол. 4:15; Флм. 2), указывают только на то, что христиане там, где их было очень много и где они жили вдалеке друг от друга, как например, особенно в Риме (который по народонаселению тогда превышал нынешний Париж), собирались на молитву во многих местах, и вовсе не исключают органической связи с целым обществом и их управления собором пастырей. Оттого послания апостолов никогда не были писаны к какой-нибудь отдельной части Церкви (ecclesiola in ecclesia), к какому-нибудь частному собранию, но всегда – ко всему обществу христиан в Риме, Коринфе, в Ефесе, Филиппах, Солуни и т.п. и обращаются к ним как к одному нравственному лицу (сн. 1 Сол. 1:1; 2 Сол. 1:1; 1 Кор, 1:2; 5:1 и д.; 2 Кор. 1: 1, 32; 2:1 и д.; Кол. 4:16; Флм. 1:1 и пр.).

Но полное ли равенство господствовало между членами этого собора пресвитеров, или один, положим, самый старший, всегда председательствовал, или, наконец, каждый из них один за другим поочередно, как primus inter paris (первый между равными), заведовал делами и имел верховную власть в своих руках – об этом нет ясных решительных данных в Новом Завете. Без сомнения, председательство какого бы то ни было рода в благоустроенном управлении и для правильного хода дел необходимо, а поэто-

муи в первых христианских сонмах пресвитеров оно, вероятно, было, только мы не можем частнее определить его свойств и особенностей, так как о нем не говорят решительно ни Деяния апостольские, ни Павловы, ни соборные послания. Свойство дел требует также и того, чтобы различные служебные занятия были разделены так, чтобы не произошло беспорядочного вмешательства в чужой круг занятий. Обязанность этих священнослужителей заключается в *управлении* паствой. На это указывают уже многие имена, которыми обозначаются они и их должности: именно пастыри (Еф. 4:11), которые должны «пасти» стадо Божие (Деян. 20:28; 1 Пет. 5:2), «надзиратели» (1 Пет. 5:2 и д.), «предстоятели» (1 Сол. 5:12; Рим. 12:8; 1 Тим. 3: 4, 5, 12; 1 Тим. 5:17; сн. 1 Кор. 12:28), «наставники» (Евр. 13: 7, 17, 24). Это церковное правительство имело в своей власти не только наблюдение над богослужением, сохранение в чистоте нравственного религиозного состояния, одним словом, всю область попечения о душах и суде, но простирало свою власть и на имущества церковные, и на все движимые денежные дела, доходы, как можно заключать из того, что пожертвования, собранные антиохийскими христианами в пользу своих братьев в Иудее, были отправлены в Иерусалим, к собору пресвитеров иерусалимских (Деян. 11:30).

Далее, епископы и пресвитеры были и законными *учителями* в Церкви, на которых лежала обязанность объяснять Священное Писание, проповедовать Евангелие и совершать таинства. Что эта обязанность тесно была связана с другой, это видно уже из сопоставления слов «пастыри и учители» (Еф. 4:11), под которыми должно разуметь одни и те же лица. Такое же соединение пастырства и учительства находится в Послании к Евреям (гл. 13:7): «Поминайте руководителей (ἡγούμενοι) ваших, которые проповедовали вам Слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» (сн. ст. 17). Особенно решительны наставления, заключенные в пастырских посланиях, в которых Павел, кроме беспорочной жизни и способности к управлению паствой, помещает, как необходимую часть иерархической должности, и *способность к научению* (1 Тим. 3:2): епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв и целомудрен, благочинен, страннолюбив, *назидателен* и т. д.; также в Послании к Титу (1:9), где от епископа требуется держаться истинного учения, ревностно заниматься (сн. 2 Тим. 3:14) преподанием поучений согласно с истиной, для того чтобы он был в состоянии как наставить в здравом учении, так обличить и посрамить противников.

Архидиакон Стефан

«Воскресное чтение», г. 2

В первенствующей апостольской Церкви, члены которой не имели ничего собственного, а что имели, полагали к ногам апостолов и питались от

одной трапезы, однажды произошел ропот: вдовицы еллино-евреев, по небрежению о них евреями, не получали себе должного при ежедневном раздаянии потребностей. Апостолам ли прилично и досужно было разбирать подобные неудовольствия, которые могли случаться весьма часто? Посему советом их положено было для предотвращения беспорядков в трапезе на будущее время избрать семь мужей, изведанных по жизни и исполненных Св. Духа и мудрости, и поставить их для присмотра за этим делом. Избрание состоялось: избранные рукоположены и наименованы диаконами (служителями), и Стефан был первым между ними. Впоследствии все диаконы получили право участвовать в служении и при совершении таинств, а некоторые – и проповедовать.

Такому светильнику, каков Стефан, мало было светить при одних трапезах. Господу Богу угодно было воззвать его на высший свещник – проповедания Слова Божия и чудотворения. Стефан проповедал и делал великие чудеса и знамения в народе. Это важное обстоятельство поставило его наряду с апостолами и прославило так, как только могут быть прославлены верующие на земле и на небе.

Закоренелые в своем неверии иудеи (из либертинцев, александрийцев, киликиан и азийцев), без сомнения, по случаю проповеди Стефана вступили с ним в спор, но не могли противостоять мудрости и духу, с которыми он говорил. Злоба, особенно пристыженная, мстительна – она, для удовлетворения себе, употребляет все возможное. Что же нужно было сделать, чтобы в самом начале попрать служителя Слова столь сильного в слове? Оклеветать или уличить его – хотя против своей совести – в хуле на Моисея и на Бога и в неуважении ко святому храму. Это средство, последнее и сильнейшее, употреблено было для обвинения Самого Иисуса! Его же употребили теперь и против св. Стефана: он взят и приведен в Синедрион (еврейское судилище) как враг Бога и народа еврейского. Здесь, уничижаемый от людей, он удостоивается видимой славы от Бога: члены Синедриона, *воззревше нань, видеша лице его, яко лице Ангела Божия* (Деян. 6:15). Кажется, этого одного достаточно было бы к заграждению уст сопротивным. Но ожесточение готово судить и осуждать самих ангелов!

Стефана, как обыкновенно подсудимого, спрашивают. Невинный, но ищущий оправдания себе одному, защищал бы себя в таком случае просто, ссылаясь только на свои слова и поступки. Но ангелоподобная душа Стефана в оправдание себя перед людьми искала оправдания своим гонителям перед Богом. Речь, в которой защищает себя невинный проповедник (Деян. 7: 2–53), вся направлена к вразумлению противников и к обращению их на путь истины для собственного их спасения. Содержание ее – история евреев от Авраама до Соломона; направление ее к цели – защищение и вразумление слушателей – судей. Ее можно сократить и предста-

вить, с некоторым только изменением внешнего вида, более приспособляясь к общему духу ее, следующим образом:

«Бог, еще в лице Авраама, особенною любовью возлюбил нас – евреев, умножил народ наш в Египте, избавил его от притеснений фараоновых, оградил его законами, ввел в землю обетованную, позволил ему соорудить храм для призывания святейшего Своего имени – так думать и говорить о Боге значит ли хулить Его? Моисей, еще с младенчества удостоенный особенного избрания Божия, творил чудеса, был путеводителем предков наших в пустыне, принес нам откровенный закон Бога нашего с Синая – что в таких мыслях и словах о Моисее хульного против Моисея? У отцов наших в пустыне была скиния свидетельства; впоследствии заменил ее храм, построенный Соломоном, но Всевышний живет не в рукотворенных храмах – небо, как говорит пророк, престол Ему, земля – подножие ног Его; думая и говоря таким образом о храме, я выражаю ли какое-либо неуважение к нему? Но не быть послушным ни Богу, ни Моисею, без сомнения, значит не хвалить, а хулить Бога и Моисея, а отцы наши в этом согрешили, когда были в пустыне слив тельца и веселясь перед делом рук своих! Не внимать истинным проповедникам истинной славы храма, даже преследовать и убивать их – значит, вовсе не уважать храма а предки наши кого из пророков – проповедников будущей славы храма – не гнали? Много ли спаслось от их неистовства из предвозвестивших пришествие Праведника? Да и вы, люди жестоковыйные и с необрезанным сердцем и ушами! и вы не всегда ли упорствуете против Св. Духа подобно отцам вашим? Что вы сделали? Вы предали и убили *Праведника*, Которого Бог издавна обетовал роду нашему, Которого слушать, как пророка, заповедал вам сам Моисей, Который есть солнце нашего храма, славного доселе одними только тенями прообразований. Итак, не я, а вы – хулители Бога и Моисея, вы не чтите храма столь теперь славного, не чтите так, как бы надлежало чтить его!»

От таких слов Стефана раздиралось сердце у гонителей его, и они скрежетали на него зубами. Чтобы подкрепить юного подвижника для тягчайшего подвига, который уже предстоял ему, а вместе чтобы сильнее подействовать на совесть гонителей, Стефану, в духе ревности Илииной воззревшему на небо, является в отверстых небесах слава Божия и Иисус, стоящий одесную Бога (Деян. 7:5). Явление важнейшее, которого никто доселе не удостаивался! Тайновидец указывает на него врагам своим как на последний способ к их убеждению. Надежда напрасная! Жестоковыйные кричат, затыкают свои уши и единодушно устремляются на предстоящую им жертву. Отселе взор благоговейного наблюдателя, взирая на Стефана, встречает то, чему подобное, в отношении к жестокости, он мог видеть на одной Голгофе, – слух его благоговейно поражается тем, что мог слышать разве только со Креста от великого Страдальца Голгофско-

го. Святого диакона и апостола изводят вне града и побивают камнями. Усилие погубить простирается до того, что губители, для большей удобности, снимают с себя одежды и полагают их у ног Савла. Савла! Это тот Савл, который после будет величайшим учителем языков... Последняя минута настала – и страдалец Стефан, еще побиваемый, предает дух свой Господу Иисусу, как сей предавал Свой дух Отцу Небесному на Голгофе: *Господи Иисусе,* взывал Стефан, *приими дух мой!* Наконец, *преклонь колена, возопи гласом велиим: Господи, не постави им* (убийцам) *греха сего. И сия рек успе.* Душа ангельская! Как она сходна с душою Богочеловека, молившегося на кресте за Своих распинателей!

Кровь первенца из мучеников новозаветных была росою небесною для семени Слова Евангельского. Проповедники Евангелия, хотя были рассеяны смертью Стефана, но еще с большим успехом начали проносить Слово Христово по всей Иудее и далее. Так *Стефан* (имя его значит *венец*), сделавшись новым украшением подобного венца Христовой Церкви, сделался и новою силою ее против неверия и нечестия.

Речь первомученика Стефана и ее отличительные особенности

В. Певницкий. «Руководство для сельского пастыря», 1874, № 44

После речей апостола Петра в Деяниях апостольских обращает на себя внимание длинная речь первомученика и архидиакона Стефана, сказанная им перед Синедрионом и израильтянами, когда его привели на сонмище и обвиняли в хульных словах на Моисея и на Бога. Особенное значение придает ей сила внутреннего духа, коим запечатлено в ней каждое слово, и ее содержание, в котором с большей ясностью, чем прежде, раскрыта сущность новой веры в ее отношении к вере ветхозаветной. В речах Петра проповедовалось воскресение Иисуса Христа и указывался в Нем начальник жизни и Спаситель; у Стефана в основании всего лежит та же общая мысль, но при раскрытии ее он входит в более частные определения и, сравнивая два Завета, Ветхий и Новый, прямее, чем другие, показывает подчиненное, временное положение первого и вечное значение второго. Обстоятельства, какими сопровождалась эта речь, еще более усилили впечатление, какое она и сама по себе сильна была произвести на других.

Стефан был эллинист по происхождению и образованию, то есть еврей, родившийся и воспитавшийся в странах языческих. Деяния апостольские дают понять, что он в сонме верующих отличался перед другими и мудростью, и силой духа. Когда апостолы, по поводу споров эллинистов с палестинскими евреями из-за пособий вдовицам, сделали распоряжение о

выборе семи опытных людей, исполненных Духа Святого и мудрости, для надзора над трапезами, первым из семи выбранных явился Стефан. Каждый раз, как только упоминают о нем Деяния апостольские, к его имени присоединяют особенную похвалу, называя его то мужем исполненным веры и Духа Святого (6:5), то мужем исполненным веры и силы (6:8). С ним вступали в спор многие из пришельцев в Иерусалим, но никто не мог противостоять премудрости и Духу, с которым он говорил. Дело, в котором Стефан был непобедимым защитником, было дело новой веры, дело спасения, принесенного Иисусом Христом. Из обвинений, на него возведенных, видно, около какого пункта вращались его споры и беседы: из тесной ограды ветхозаветного храма он призывал всех в широкую область Церкви Новозаветной и при этом старался исправить узкие, исключительные воззрения на свой завет с Богом потомков Израиля, доказывая временное значение этого завета и более широкое, вечное значение завета нового, к которому первый был только приготовлением и в котором он должен был найти свое завершение. Это раздражало иудеев, слепо привязанных к своему закону, но не могших опровергнуть справедливых толкований Стефана, и они в ослеплении, не понимая дела, стали обвинять его, что он не перестает говорить хульные слова на Моисея и на Бога, на храм и на закон (Деян. 6: 11–13) и предрекает, что Иисус Назорей разрушит храм и изменит обычаи, преданные Моисеем (6:14). Раскрывая существо Нового Завета, Стефан первый открыто противопоставил его Ветхому Завету и пошел вразрез с иудейскими предубеждениями, которые внушали им гордое самомнение о своей исключительной угодности перед Богом и при которых они утратили истинное понимание назначения закона Моисеева.

Речь Стефана, сохраненная для нас в Деяниях апостольских, не была одной из тех речей, с какими он обращался к верующим и неверным, проповедуя новые времена и опровергая защитников ветхозаветного обряда. Она сказана была в исключительных обстоятельствах, перед самой смертью его, и служит торжественным заключением его сильного служения слову истины, ознаменованного великими знамениями и чудесами; в ней совмещена сущность того, о чем частнее и подробнее говорил Стефан в обыкновенных беседах с людьми входившими с ним в соприкосновение. Стефана привели в Синедрион на суд за то, что он якобы произносил хулу на Моисея и на Бога; явились ложные свидетели, перетолковывающие его слова. Он знал, какое тяжкое обвинение в глазах иудеев взведено на него, и предчувствовал последствия его для себя. Но полный сознания своей правоты, полагаясь на силу Духа, его укрепляющую, он перед судом поражал всех совершенным спокойствием и выражением достоинства на его лице, так что, по словам книги Деяний апостольских, все сидящие в Синедрионе, смотря на него, видели лицо его как лицо ангела (6:15). После

того как первосвященник спросил его, правда ли то, что говорят на него обвиняющие его в хуле на Моисея, на храм и закон, он, сделав обращение ко всем присутствовавшим и попросив внимания, начал слово самозащищения. Это слово должно было явиться у него объяснением той веры, которой он держится, которую проповедует и которая многим показалась соблазнительной. Он излагает историю домостроительства, явленного в народе израильском, начиная с Авраама, выставляет обетования Божии избранному племени, останавливается долго на Моисее, в хуле на которого обвиняли его, и представляет его избранным посланником Божиим, сотворившим многие знамения и чудеса; говорит далее, как о деле богоугодном, о построении храма, на который будто, по наговорам лжесвидетелей, он произносил хульные слова. Таким образом, он показывает себя верным израильтянином, чтущим обетования и установления Божии и всех служителей завета Божия, но он хочет расширить взор своих единоплеменников, привязанных к старым преданиям, не вполне отвечавшим широкому смыслу закона и Писания, и от старого указать путь к новому, путь, намеченный же в Писании богоизбранными служителями завета Божия. Так, при слове о Моисее он припоминает предсказания Моисея о новом пророке, которого Бог воздвигнет из братии его, и приказание его своему народу слушать этого нового пророка (Втор. 18:15). Говоря о храме Соломонове, он приводит слово Исаии о том, что Всевышний не в рукотворенных храмах живет, что небо — престол Его и земля — подножие ног Его (Ис. 66: 1–2), и дает понять, что нельзя создать довлеющего дома величию Бога, сотворившего все Своею рукою, и что, кроме храма Соломонова, могут быть вместилищем славы Божией и другие места и в других странах. К слову самозащищения, к слову учения или разъяснения исповедуемой им истины Стефан присоединяет слово обличения евреям, его слушавшим, в том упорстве, с каким они отвергают предлагаемое им спасение, к которому Бог готовил их Своими промыслительными попечениями об избранном народе. Повод к этому обличению представляла Стефану обозреваемая им история богоизбранного народа, полная отступлений его от Бога и Его закона и противлений Его посланникам, и достаточно определившееся отношение его потомков к новозаветному учению о спасении. Мысль об этом ожесточении и противлении Богу своих единоплеменников Стефан не сразу выставляет на вид в своей речи. Но она составляет у него заднее основание всех представлений, какие являются у него при обозрении событий ветхозаветной истории, и ослепление своих современников, перед которыми он должен защищать себя от несправедливых нареканий при виде непонимания ими нового учения о спасении, он ставит в связь с ослеплением и противлением Богу и Его пророкам их предков. Под влиянием этой мысли Стефан, говоря о Моисее, авторитет кото-

рого в глазах его слушателей, по их мнению, нарушен или унижен Стефаном, поминает о том, что этого Моисея отринули евреи в Египте, когда он явился к ним по повелению Божию из земли мадиамской, что его не послушали они, когда были около Синая, заставив Аарона сотворить вместо Бога изваянного тельца и принести жертву делам рук человеческих, и приводит обличение на евреев за это, высказанное от лица Божия в книге пророка Амоса (Ам. 5:29). Речь Стефана текла сначала медленно и спокойно: он очень подробно начал обозревать пути Промысла Божия в истории избранного народа от дней явления Бога Аврааму. Но это подробное и спокойное обозрение путей Божиих не доведено Стефаном до конца. Может быть, слушатели его, злобно настроенные против него, выказывали нетерпение и как-нибудь заявляли ему, чтобы он без долгих распространений скорее переходил к концу и говорил о себе, а не о других; или чувство самого проповедника, по мере того как он переходил от лет древних к временам новым, при обозрении иудейской истории приходило в большее и большее волнение при виде той неблагодарности, какою ознаменовали себя вожди народа израильского и сам этот народ. Только Стефан, дошедши до времен Соломона и приведши выражение Исаии о значении рукотворенных храмов и о небе, как жилище Божием, вдруг прерывает нить исторического изложения и изменяет прежний ровный и спокойный тон своей речи. Сильным и жестоким словом обличения, обращенным к своим слушателям, он заканчивает прерванную нить исторического обозрения, совмещая в одной картине аналогичные явления из истории пророков и из жизни ему современной. *Жестоковыйнии и необрезании сердцы и ушесы* (говорит он), *вы присно духу Святому противитеся, якоже отцы ваша, тако и вы. Кого от пророк не изгнаша отцы ваши? И убиша предвозвестившия о пришествии Праведного, Его же вы предатели и убийцы бысте. Иже приясте закон, устроением ангельским и не сохранисте* (7: 51–53). Такое прямое и резкое обличение не могло смягчить сердца людей, видевших в Стефане человека не уважающего веры и закона отцов, и они явным образом выразили свое негодование обличителю, который стоял перед ними как виновник перед Богом и законом, по их узкому и ослепленному суждению, и должен бы только защищаться от тяжких обвинений. По словам книги Деяний апостольских, евреи, слыша обличения Стефановы, *распыхахуся сердцы своими и скрежетаху зубы нань* (7:54). При виде такого ожесточения слушателей Стефан, по движению Духа его наполнявшего, обратил взоры свои к небу и, увидев славу Божию и Иисуса, сидящего одесную Бога, указал на это всем стоящим вокруг него как на свидетельство Божественного величия Господа Иисуса Христа и как на предвозвестие будущего утверждения и распространения Его царства. Такую речь иудеи сочли богохульством, затыкали от нее уши свои и, выведши смелого исповедника веры

во Христа за город, побили его камнями. А свидетель веры в Божественное величие Иисуса Христа, побиваемый камнями, молился за своих мучителей и умер с молитвою на устах о том, чтобы Господь не поставил им греха сего (7:60).

Это был первый пример мученичества за исповедание Христа Сына Божия, произведший сильное впечатление на всех видевших это кровавое свидетельство истины, повергший в скорбь общество последователей новой веры и в то же время удаливший их от иудеев, слепо державшихся ветхозаветных преданий, и утвердивший их в сознании своего особенного призвания и служения Богу. От гонения на Церковь, последовавшего за смертью Стефана, все уверовавшие во Христа, за исключением апостолов, рассеялись по странам иудейским и самарийским и проносили всюду слово благовестия.

Отношение фарисеев и саддукеев к проповеди святого Стефана

А. Никитин. «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения», 1890, март

Христианство, имевшее получить универсальный характер, не могло долго оставаться на почве иудейства, с течением времени оно должно было стать на место Ветхого Завета как имевшего временное и условное значение. Начало такого поворота в развитии христианства отмечено мученической кровью св. архидиакона Стефана. Сведения наши об этом муже скудны, для того чтобы составить себе ясное представление об его личности. Но несомненно, что он был истинным христианином, свободным от всех иудейских тенденций и готовым на бескорыстное служение Церкви. Он, по-видимому, не ограничивался исполнением обязанностей, для которых он был избран (Деян. 6:3), но помогал апостолам в деле проповеди, проявляя на этом поприще черты истинно христианского проповедника. Проповедь его производила сильное впечатление на слушателей, но в среде их нашлись завистники, желавшие ослабить влияние, которое с каждым днем приобретал св. Стефан. Такими завистниками были эллинисты – иудеи, гордившиеся своей мнимой образованностью и усвоившие от греков любовь к разного рода диалектическим спорам. Что было предметом первого спора Стефана с киринейцами и либертинцами, определенно сказать довольно трудно, но на основании 14 ст. VI гл. можно думать, что этим предметом был вопрос о значении Ветхого Завета после пришествия Иисуса Христа, причем св. Стефан высказал мысль о временном значении иудейского закона. Побежденные в споре эллинисты возбуждают народ, старейшин и книжников против Стефана, обвиняя его в

богохульстве: «Мы слышали, – клеветали они, – как Стефан говорил, что Иисус Назорей разрушит храм и переменит обычаи преданные Моисеем». В речи, сказанной Стефаном по поводу этого обвинения, содержатся две главные мысли апологетико-полемического характера: 1) Величие Божие открылось в Его избранниках совершенно независимо от священных мест и служения закону. Так называемые священные места и служение закону устанавливаются очень поздно, недостаточность первых Сам Бог засвидетельствовал, а недостаточность второго доказал сам народ. 2) В народе иудейском история неверия развивается рука об руку с историей веры. Большинство иудейского народа отвергло тех избранников, через которых оно могло спастись. Иудеи противятся Св. Духу и потому не служат закону и храму в Духе Истины, но разрушают тот и другой. История неверия иудейского народа заканчивается распятием Христа, почему иудеи теперь являются народом отверженным. Эта речь, сказанная с тою неумолимой логикой, которой не могли противостоять противники, с тем пафосом, с каким св. Стефан бичевал заблуждение иудеев и защищал дела Иисуса Христа, должна была произвести в высшей степени сильное впечатление на слушателей. С одной стороны, она давала понять саддукеям, что гонимое и подавляемое ими учение о воскресении не только не искореняется из умов христиан, но становится одним из основных пунктов их вероучения; с другой стороны, речь давала понять, что движение, возбужденное галилейскими рыбаками, не только не прекращает своего существования, но, разрастаясь все более и более, в своих рядах теперь имеет таких людей, перед которыми бессильны их собственная мудрость, их знание закона, их образованность. Наконец, в речи св. Стефана они усмотрели, что христиане становятся теперь решительно вне их влияния, так как обязательное исполнение народом Моисеева закона, приносившее им, как служителям храма, громадные выгоды, теперь отвергается Стефаном. Кроме того, им в высшей степени было досадно, что люди незнатные и малоученые, какими они представляли христиан, теперь с каждым днем завоевывают симпатии народа и подрывают их собственный авторитет. Всего этого было вполне достаточно, чтобы в саддукеях пробудилось безумное ожесточение против смелого проповедника христианства. Без всякого суда над св. Стефаном и без всякого рассмотрения его вины производят они теперь свою кровавую расправу...

Не могли теперь остаться равнодушными и пассивными и фарисеи. Если они прежде не обнаруживали своей ненависти к христианам, то причинами этого было уважение последних к закону Моисееву и тайные надежды фарисеев на возможность воспользоваться христианским движением для достижения честолюбивых планов своей партии. Но вот теперь фарисеи слышат, что те самые традиции, которые они считали по своему значе-

нию равными закону, которые приписывали самому Моисею (Мф. 15:2; Гал. 1:14) и которые они, как строго ортодоксальная и национальная партия, должны были хранить неприкосновенными, — эти традиции отрицаются теперь Стефаном как нелепые и уже отжившие свой век. Мало того, в проповеди Стефана отрицалось значение не одних традиций, не одного предания, но всего ветхозаветного откровения, всего закона Моисеева. Отсюда основные мысли проповеди св. архидиакона были в глазах фарисеев высшей степенью богохульства, ибо в них отвергалось исполнение предписаний закона — это единственное и вернейшее средство спасения... С другой стороны, обрядность, в сфере которой только и проявлялась фарисейская набожность, строгое служение букве закона, внешнее механическое богопочтение, составлявшие предмет гордости и тщеславия фарисеев, признавались в проповеди Стефана не только недостаточными для спасения, не только неугодными Богу, но выражающими всецелое непонимание ими Божественного Закона и всецелое пренебрежение к духу Откровения. Не значило ли все это для фарисеев, что христианство бросает открытый вызов их верованиям, могло ли это показаться им чем иным, как не коренным разрушением отечественной религии, коренным подрывом всего того, что было дорого сердцу фарисеев? Вся проповедь св. Стефана давала теперь понять, что новая секта характеризуется теперь не одной только мечтательностью, но что в христианстве заключается самый энергический протест против всех религиозно-иудейских идей. Фарисеи поняли теперь, что разница между их собственным направлением и христианством не какая-нибудь незначительная и случайная, но принципиальная и решительная, что христиане отличаются не одной лишь верой в Иисуса Христа как Мессию, но что на почве этой веры в христианстве коренится решительное стремление порвать всякие связи с национальной религией. А такое стремление, помимо того, что оно, с точки зрения фарисеев, грозило уничтожением национального духа, в котором заключалось одно из главнейших условий политического благосостояния иудеев, грозило также подрывом для партии фарисеев. В самом деле, если люди неученые, мало знакомые с законом и преданиями отцов, являются проповедниками христианства, если, далее, к этим лицам народ относится сочувственно, то в лице этих проповедников у народа являются и новые вожди. Но так как эти вожди высказывают идеи диаметрально противоположные фарисейским и к тому же обвиняют их самих в неверии и непонимании закона, то фарисейскому влиянию в народе наносится решительное поражение. Фарисеи прекрасно понимали, что в народных симпатиях заключается вся сила, дававшая им возможность бороться с саддукеями, и что с падением этих симпатий в народе фарисейству придется отказаться от своих честолюбивых и властолюбивых замыслов и что оно со

временем должно погибнуть навсегда. При сознании такой опасности фарисейской партии приходилось оставить свою выжидательную политику, свою лицемерную снисходительность к христианству, а действовать исключительно в интересах охранения религии и собственного авторитета. Неудивительно для нас теперь, что фарисеи становятся на сторону саддукеев, которым, как мы видели выше, угрожала неменьшая опасность со стороны христианства. Фарисеи и саддукеи теперь единодушно устремляются на св. Стефана и в порыве слепого фанатизма и дикой ненависти побивают его вне города камнями. Что фарисеи теперь действуют заодно с саддукеями, это видно уже из того, что в толпе врагов св. Стефана мы находим юношу Савла, впоследствии св. ап. Павла, который был, несомненно фарисеем, ибо он сам называет себя учеником фарисея, тщательно наставленным в отеческом законе (23:6; 26:5). Правда Савл не принимал активного участия в побиении камнями святого первомученика, но он был хранителем одежд его убийц (Деян. 6:58) и горячо сочувствовал совершавшемуся перед его глазами убийству (Деян. 8:1). Убиение св. Стефана совершилось без всякой санкции римского правительства, хотя по вопросам о жизни и смерти преступников иудеи были обязаны сноситься с Римом, но это обстоятельство, по мнению некоторых, объясняется ослаблением римской власти в Палестине. Но гораздо естественнее предположить, что иудеи вовсе не думали о законности своего поступка, потому что он был следствием крайней аффектации, при которой нет места голосу рассудка и благоразумия, Между тем Неандер, рассматривая этот факт, находит в нем строго выдержанную иудейскую тенденцию. Факт убиения и обстановка его, полагает Неандер, свидетельствует о том, что убиение было совершено не как гражданское наказание, но именно религиозное. Форма наказания – побиение камнями вне Иерусалима – должна была внешним образом доказать Стефану и его единомышленникам несостоятельность их воззрений на Ветхий Завет. Враги Стефана показывают теперь христианам, вопреки высказанным в речи св. первомученика положениям, что и закон Моисеев, по силе которого он наказывается как богохульник, а равно и священное место – Иерусалим, которое они не хотят осквернить кровью грешника, высоко ценятся и уважаются народом. Но такое толкование, по нашему мнению, очень натянуто и игнорирует то страшное ожесточение, которое произвела речь Стефана на иудеев.

Толкование на стихи 45–48 7-й главы

Филарет, митрополит Московский, т. 3

Иже обрете благодать пред Богом, и испроси обрести селение Богу Иаковлю. Сие говорит Стефан о царе Давиде, который, как повествует вторая книга Царств (7:2), через пророка Нафана просил от Бога позволения вместо

подвижной и, вероятно, уже ветхой скинии, создать новый, неподвижный храм. Должно заметить, что богодухновенный проповедник, прежде нежели сказал о намерении Давида создать храм, предварительно упомянул о благодати Божией к Давиду: *иже обрете благодать пред Богом.* Через сие Дух Святой, глаголавший устами Стефана, дает разуметь, что самое намерение или желание создать храм Божий, самая мысль о сем родилась не просто, подобно многим человеческим помышлениям и желаниям, но в человеке облагодатствованном под осенением Духа Божия. Следственно, можно сказать, что первоначальная мысль создать храм Божий была мысль Божия в человеке.

Соломон же созда Ему храм, продолжает святой Стефан. Если намерение создать храм был дар благодати в Давиде, то нет сомнения, что исполнение сего намерения – создание храма – было также дело благодати в Соломоне. Сам Бог предназначил Соломона к сему делу и сказал о нем через Нафана: *той созиждет дом имени Моему* (2 Цар. 7:13). И дабы показать, что сие назначение и назначенное дело было в высшей степени благодатное, Бог сказал о Соломоне в то же время через того же пророка: *Аз буду ему во отца, и той будет Ми в сына* (ст. 14).

Не усомнимся присовокупить к сему и еще заключение, что если создание храма Божия было действие благодати, если началом его была благодать, то и концом его должно быть распространение благодати в человеках. Ибо не можно и подумать, чтобы благодать Божия употребила свое действие на то, что ее недостойно или несообразно с ее намерениями о человеках.

Между храмом иудейским, к которому первоначально относятся предыдущие размышления по руководству слов святого Стефана, и между храмом христианским разность та, что храм иудейский, во дни неплодства Церкви, был один во вселенной, а храмы христианские, во времена многочадия Церкви, разродились повсюду во множестве, и что сокрывавшееся во храме иудейском под покровом сеней обрядовых и гаданий пророческих в христианских храмах является во свете откровенного Слова Божия, в силе и могущественном действии Святого Духа через Божественные Таинства. Посему благодать храма иудейского по превосходству принадлежит храму христианскому.

Возвратимся к рассуждению святого Стефана. *Соломон же созда храм Ему,* сказал он и тотчас присовокупляет: *но Вышний не в рукотворенных церквах живет.* Какой внезапный оборот мыслей! Что глаголеши, проповедниче Божий? Как можем мы разуметь тебя или как согласить тебя самого с собой? Если же Вышний не живет в рукотворенных церквах, на что же созидал ему рукотворенную церковь Соломон, на что желал сего Давид, на что благодать вдохнула Давиду желание сего, на что Сам Вышний назначил

Соломона для исполнения оного? Правда и Соломон — создатель храма — с неким недоумением говорит к Богу: *аще истинно вселится Бог с человеки на земли? Аще небо, и небо небесе не довлеют Ти, кольми паче храм сей, его же создах имени Твоему* (3 Цар. 8:27). Почему просил он не обитания Божия во храме, но благодатного призрения на храм: *да будут очи Твои отверсты на храм сей день и нощ* (ст. 29). Но не больше ли того, на что дерзала смиренная молитва, даровал Бог, когда *исполни слава Господня храм* (ст. 11) и когда Бог изрек о нем сие обетование: *будут очи Мои ту, и сердце Мое во вся дни* (9:3)? Там ли не живет Бог, где сердце Его во все дни?

Для разрешения сих недоумений и для правильного уразумения слов святого Стефана вспомним, что речь его, как выше сказано, клонилась к обличению иудеев. Они, видев чудесный облак, который осенил храм во время освящения его, слышав обетование, по которому Бог *сердце Свое* положил во храме, подумали, что храм Иерусалимский соделался не только твердым и постоянным на предопределенное время, но и непременным навеки селением Божиим; что и город Иерусалим, и народ иудейский, имея у себя святой храм, по сему самому также святы, неприкосновенны, не подвержены оставлению от Бога. Сии неосновательные и грубые, но набожностью прикрытые мысли сделались у иудеев пищею нечестия и беззакония. Бог живет у нас во храме, говорили они и не заботились о том, что нет Бога пред очами их. Надеясь на место святое, язык грешный, по выражению пророка Исаии, *людие, исполненные грехов,* бесстрашно, *прилагали беззаконие к беззаконию* (Ис. 1:4). Когда им угрожали, что умножившиеся между ними грехи погубят их, они либо не внимали сему, либо гневались на сие, прельщая себя надеждою, что святое место спасет их. Святые мужи Церкви Иудейской давно усмотрели сие заблуждение своего народа и неоднократно с ревностью обличали оное. Тот Исаия, которого и приводил во свидетельство святой Стефан, опровергая дерзкую надежду беззаконников на святой храм, говорит от лица Самого Бога: *Небо престол Мой, земля же подножие ног Моих: кий дом созиждете Ми? и кое место покоища Моего?* (Ис. 66:1). И вместо ложной надежды на одну видимую и чуждую святыню, внушая истинное упование на благодать Божию, в послушании приемлемую человеком и соделывающую его самого храмом Божиим, пророк присовокупляет также от лица Божия: *на кого воззрю? токмо на кроткого и молчаливого, и трепещущего словес Моих* (ст. 2). Так и через Иеремию говорит Бог: *не надейтеся на себе в словесех лживых, понеже весьма не упользуют вас, глаголюще: храм Господен, храм Господен, храм Господен есть* (7:4).

В таком духе обличения сказал и святой Стефан, что *Вышний не в рукотворенных церквах живет* (Деян. 7:48), то есть не заключается вездесущее Божие существо во храмах, хотя в них благодать присутствует; не привязано благодатное присутствие Божие ко храмам, хотя им даровано; не в

том, собственно, живет благодать, что есть рукотворенное во храмах, но, будучи сама духовна, проходит она сквозь рукотворенное и сокровенное, ищет оживить собою также духовное, то есть внутреннего человека. Если человек жестоковыен, невнимателен, нечувствителен, упорен против Духа Святого, то и в отверстом рукотворенном храме благодатное жилище Божие для него заперто; рукотворенная церковь не освящает и не спасает того, кто со своей стороны не подвизается, чтобы соделать себя живою церковью живого Бога.

Но перестанем изъяснять слова Стефана. Довольно сказать: чему он учил, тому же его и наш Божественный и единственный Наставник научает в следующих словах: *грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною: ибо Отец таковых ищет поклоняющихся Ему* (Ин. 4:23).

Что же скажем на сие? Скажем ли с некоторыми: на что же нам и церковь рукотворенная? Не довольно ли знать одну церковь нерукотворенную в сердце? Остережемся. Сие значило бы метаться из одной крайности в другую; сие значило бы на место грубой жестоковыйности плотской поставить гордое упорство духовное. Сам Основатель духовной Церкви – Христос и Его апостолы не посещали рукотворенного храма?

Не рукотворенные ли виды хлеба и вина предал Он для совершения Божественного и благотворного Таинства тела и крови Его? Не будьте так грубы, чтобы останавливаться на одном рукотворенном, но и не будьте так горды, чтобы пренебрегать рукотворенное, через которое Бог творит чудеса благодати.

Мысли на стихи 48–49 7-й главы

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 16

Св. Стефан говорит: *Вышний не в рукотворенных храмах живет. Кий храм созиждете Ми, глаголет Господь, или кое место покоищу Моему?* Только нерукотворенный храм сердца боговместим, как сказал Господь: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет; и Отец Мой возлюбит Его, и к нему приидем и обитель у него сотворим.* Как это совершается – непостижимо для нас, но оно так есть, ибо очевидно бывает, что тогда *Бог есть действуяй в нас и еже хотети, и еже деяти.* Не рассуждай, а только отдай Господу сердце свое, и Он Сам устроит из него храм Себе, но отдай нераздельно. Если будут части неотданные, то из него нельзя будет устроить цельного храма, ибо одно будет гнило, другое разбито – и выйдет, если только выйдет, храм с дырами, или без крыши, или без дверей. А в таком жить нельзя – Господа в нем и не будет. Только казаться будет, что это храм, а на самом деле – какое-то нагромождение.

О вере и видении (ст. 55)

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Иное дело, при достаточных основаниях к верованию требовать видения как бы в задаток, чтобы потом веровать. Это не сообразно с самым существом и с достоинством веры, подобно как и между людьми худо верят, когда требуют задатка. Это дерзость. Это почти неверие, хотя, может быть, не совсем чуждое желания веровать. Сие не одобрено в Фоме. Иное дело – веровать без видения и вследствие послушания веры; как дар, как награду, как подкрепление, как живительное врачество, получить видение. Так первомученик Стефан веровал, исповедал веру перед гонителями, предал себя смертной опасности за веру, и тогда *виде славу Божию, и Иисуса, стояща одесную Бога* (Деян. 7:55). Есть же и такие видения, которых не искало желание, не призывала вера, но посредством которых Божие предведение и милосердие ищет будущего сына веры. Так Господь явился в отверстых небесах, чтобы светом видения ослепить Савла-гонителя и переродить его в Павла-апостола.

Пример молитвы за врагов (ст. 60)

Филарет, митрополит Московский, т. 5

Святой Павел написал наставление о молитве за царя и за сущих во власти тогда, когда во всем мире не было ни одного царя христианского; когда цари и власти были иудейские, не верующие во Христа, и языческие, погруженные в заблуждения и пороки идолопоклонства, которые, приходя в соприкосновение с христианством, большей частью являлись врагами его и гонителями, с намерением совершенно истребить оное. Разум естественный, конечно, сказал бы: это несообразность – молиться за людей, которые хотят вас истребить. Но любовь христианская говорит: молитесь и за сих, желайте и просите им всякого блага; может быть, в благодеяниях познают они благодетеля Бога, познав – уверуют в Него, уверовав – умиротворятся в отношении к другим верующим в Него; если же и не так, по заповеди возлюбленного Спасителя *молитеся за творящия вам напасть и изгонящия вы* (Мф. 5:44). Так, действительно, первомученик Стефан за членов Синедриона, определивших побить его камнями, умирая, молился: *Господи, не постави им греха сего* (Деян. 7:60).

О любви ко врагам

Блж. Августин. «Воскресное чтение», г. 16

Чтобы кто-либо из вас не подумал, братия, что нам – человекам – не по силам подражать Господу в любви ко врагам, хотя Он, *пострадав по нас,*

образ оставил нам, да последуем стопам Его (1 Пет. 2:21) — посмотрим на Стефана, сослужителя вашего. Он был подобострастный нам человек: так же в беззакониях зачат и во гресех рожден, как и мы; тою же ценою крови Спасителя искуплен, что и мы. Был диаконом, читал Св. Евангелие, которое читает или слышит и каждый из нас. Там он начитал: *любите враги ваша* (Мф. 5:44), и эту заповедь не только познал, но самым делом исполнил. Ибо, когда иудеи *камением побивали его,* неповинный страдалец не только не враждовал против них, но, напротив того, умолял Господа о помиловании их: *и преклонь колена, возопи гласом велиим: Господи, не постави им греха сего* (Деян. 7: 58–60). Они побивали его камнями, а он молился; они с неистовством преследовали его, а он с кротостью подражал Христу; они слеплялись злобою, а он, созерцая *небеса отверста и Сына Человеча одесную стояща Бога* (Деян. 7: 55, 56), озарялся премудростью свыше.

А чтобы видеть, как действительна была молитва святого мученика Стефана, обратимся мыслью к тому *юноше, нарицаемому Савлу, при ногу коего,* когда побивали камением Стефана, *положиша ризы своя* убийцы. *Стрегий ризы убивающих Стефана и соизволяя убийству его* (Деян. 7:58; 8:1; 22:20), он как бы руками всехубийц побивал мученика. И после того, как известно вам, юноша сей, *дыша прещением и убийством на ученики Господни, испросил* себе *послания* от старейшин иудейских, *да аще некия обрящет, мужи же и жены, связаны приведет во Иерусалим на истязания и мучения. Внегда же ити, бысть ему приближитися к Дамаску, и внезапу облиста его свет с небесе. И пад на землю, слыша глас, глаголющ ему: Савле, Савле, что Мя гониши? Рече же: кто еси Господи? Господь же рече: Аз есмь Иисус, его же ты гониши: жестоко ти есть противу рожну прати* (9: 1–5). Давно Мне следовало бы истребить тебя с лица земли, но Стефан, раб мой, молился за тебя. Тогда павший с злобою восстал с верою; пал как волк, а встал как агнец; пал гонитель Церкви Божией — восстал проповедник ее. Скажу яснее: пал сын погибели — восстал сосуд избран; пал Савл — восстал Павел. И если бы св. Стефан не молился таким образом, то Церковь, быть может, не имела бы ныне сего Павла. Потому Павел восстал от земли, что Стефан, преклонявший на земле колена, был услышан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 5–7 ГЛАВАМ

1) Гл. 5, ст. 1. Ананий. Библ. поп. сл. В. ч., 1874, 1.

2) Ст. 3–4. *Прот. В. Нечаев.* Обличенное и наказанное лицемерие. «Душесп. чт.», 1875, 2, июнь.

3) Ст. 34–40. Гамалиил. Б. п. сл. «В. ч.», 1874, 2.

4) Ст. 37. Иуда Галилеянин. Б. п. сл. «В. ч.», 1876, 1.

5) Гл. 6. *В. Михайловский.* Устройство христианской Церкви при апостолах. «Духов. вестн.», 1865, 11.

6) Ст. 9. Киликия. Б. п. сл. «В. ч.», 1876, 1.

7) Либертинцы. Б. п. сл. «В. ч.», 1876, 2.

8) Азия. Б. п. сл. «В. ч.», 1874, 1.

9) Александрийцы. Там же.

10) *Никанор.* Б. п. сл., «В. ч.», 1877, 1.

11) Пармен. Там же.

12) Гл. 6 и 7. Первомученик христианский Стефан. «Воскр. чт.», 1874, 1.

13) Первомученик Стефан. «Хр. чт.», 1835, 1.

14) *Кестлин.* Апостольская община. Первое насаждение ее в Иерусалиме и дальнейшее развитие. Происхождение христианских церковных должностей в кн. Существо Церкви по учению и истории Нового Завета. Перев. с нем. *Суворова.*

15) *Прот. Горский.* Умерщвление св. Стефана. Еванг. история и история апостольской Церкви.

16) *Прот. Горский.* Внешнее устроение Церкви апостольской в отношении иерархическом. Там же.

17) Дело и мученическая смерть св. Стефана. *Фаррар.* Жизнь и труды св. ап. Павла, т. 1.

18) *Леонид, еп. Дмитровский.* Жизнь св. ап. Петра.

19) *Игнатий, архиеп. Воронежский.* Чтения о св. первоверховном ап. Петре. О деяниях св. апостола пред исшествием и после исшествия из Иерусалима для посещения верующих в первый и второй раз.

III. Церковь Христова во всей Иудее и Самарии и в переходе к язычникам (8–12 главы)

ГЛАВА 8

Обращение самарян (8: 1–25)

«Христианское чтение», 1834, ч. 2

Верующие, омыв слезами любви святые останки первого христианского мученика, вскоре познали, что дням плача их положено только начало. Воздвигнутое на них гонение не прекратилось с умерщвлением Стефана — напротив, успех насильственной сей меры усугубил дерзость гонителей. Враги христианства не опасались теперь дать полную волю своему неистовству. До сего времени многих из них могло еще удерживать то уважение, которое приобрели апостолы своими чудотворениями, но когда уже Стефан, муж равноапостольный, осужден и всенародно побит камнями, изуверство гонителей не находило более преград своей злобе.

Буйная ревность зилотов, которая неистовствовала против Господа, не умедлила воспользоваться случаем, чтобы сильнее возжечь пламень гонения. Им казалось, что религия Моисеева и святость самого храма подвергнутся большей опасности, если далее будут терпимы ученики Иисусовы, проповедь коих преклонила уже к исповеданию новой веры значительную часть народонаселения столицы и немалое также число жителей окрестных селений. Важным орудием в сем гонении был тот юноша, который стерег одежды убийц Стефана, именем Савл, еврей от колена Вениаминова, родом тарсянин, из Киликии, проживавший в Иерусалиме для приобретения основательнейших сведений в фарисейском учении и слушавший уроки знаменитого раввина Гамалиила. Пылая ненавистью к галилеянам, он почитал смерть Стефана торжеством правого дела и в душе своей обрек на погибель всех почитателей Иисуса. Покровительствуемый

верховным судилищем, Савл смело вторгался во все домы, вносил в них ужас и стенания, стараясь всюду открывать людей подозрительных, коих немедленно отводил в темницы, не различая ни пола, ни возраста. До какой степени жестокости доведено было гонение Савлом и его сообщниками, можно видеть из того, что, исключая апостолов, все члены Христовой Церкви, жившие в Иерусалиме, принуждены были оставить столицу и искать убежища в других местах. Кто не успел спастись бегством, тот подвергался опасности испытать на себе все ужасы изуверства. Таким образом, тяжкие удары бедствий рассыпали величественное здание дома Божия, одни столпы его стояли неподвижно.

Но как дивны дела нашего Господа! Отягченная толиким крестом Церковь Его не изнемогала под тяжестью оного. Лишь только ясные дни ее стали на святой земле омрачаться тучами зол, Он не медлит устремлять вдоль богосветлые лучи ее и осиявать ими мрак неверия. Попустив врагам действовать против нее преследованием, Промысл Его дает такое направление течению событий, что гонение только тверже скрепляет союз верующих, сообщает им большее мужество и посредством рассеяния гонимых в Иудее исповедников святой веры полагает основание Церкви в странах иноверных. До сего времени учение о Иисусе Христе, можно сказать, заключалось в стенах Иерусалима и если где-либо распространялось, то разве в самых близких к нему местах. Намерение Божие преподать язычникам истину Евангельского Боговедения еще не ясно открыто было самим апостолам, так что сии, без высшего внушения, не скоро бы могли решиться проповедовать учение о Иисусе Христе вне Иудеи. Теперь сам перст Божий указует им новое поприще.

Между тем как рассеянные гонением члены Иерусалимской Церкви, проходя Палестину, при каждом удобном случае проповедовали слово крестное, и когда некоторые из них, проникнув даже в Сирию, Финнкию и Кипр, наставляли там иудеев и прозелитов, Филипп, один из первых семи диаконов, также избрал для себя на сей раз учительское поприще вне Иудеи, решившись ближе ознакомить самарян с учением Христовым.

Из Евангельской истории известно, что Сам Иисус Христос обратил первое внимание самарян на Свое учение. Когда немногие из самых иудеев признавали в Нем Мессию, Он благоволил открыть Божественное достоинство Свое тому народу, который не хотел прикасаться к иудейскому хлебу и иудейской воде и которого имя в Иерусалиме сделалось презрительным (Ин. 8:48). Но Христос не проповедовал жителям Самарии о приближении Царствия Божия так ясно, как иудеям, ибо не они, а иудеи были тот народ, которому прежде всех, по сказанию пророков, должен был явить Себя Мессия. По сей же причине Божественный Учитель, невзирая на успех Своей беседы с самарянкой, не только не посылал учеников Своих в

Самарию, но даже возбранял им входить с проповедью в пределы земли самарянской (Мф. 10:5). Следственно, семя учения Христова еще не могло быть между самарянами столь плодоносно, чтобы новая проповедь оказывалась не нужной для сего народа.

Велика была ненависть, которую иудеи и самаряне взаимно питали друг к другу, но Филипп не мог почитать ее преградой делу Божию. Он, без сомнения, знал слова Господа: *вы будете моими свидетелями в Иерусалиме, во всей Иудее и в Самарии* (Деян. 1:8), знал, конечно, и то обетование обильной жатвы, о коей предрек небесный Сеятель вскоре после беседы Своей с женой самарянской (Ин. 4: 35–38). Посему не столько местная близость и надежда найти мирное убежище в стране, принимавшей не раз под свою защиту гонимых иудеев, располагала Филиппа сделаться проповедником Евангелия среди самарян, сколько свидетельство его духа, что сие предприятие приятно Господу. Кроме одной опасности, что дружественное его обращение с самарянами усилит гнев иудейского Синедриона, ничто не могло уклонять его от избранного пути служения. Самаряне, без сомнения, казались ему более достойными слышать евангельскую проповедь, нежели язычники. Ибо первые были народ обрезанный, жили на святой земле, соблюдали закон Моисеев и неоднократно обнаруживали в себе более расположения к вере в Иисуса Христа, чем самые иудеи.

Немалым подкреплением надежды на успех благовествования могло служить для Филиппа то, что самаряне давно разделяли с народом Божиим ожидание Мессии и плодов Его пришествия не относили к одним иудеям, но почитали обетованное Семя жены Спасителем всего мира (Ин. 4:42). Самаряне не мечтали также, подобно иудеям, что во дни пришествия Мессии они возобладают всеми народами, будут непобедимы в своем могуществе и свободны от римского порабощения. Они не соблазнялись тем, что Иисуса называли Галилеянином. Для них не важны были и те причины, по каким отвергали Его фарисеи и саддукеи: самаряне не держались ни преданий первых, ни неверия последних. Правда их богослужение, подобно иудейскому, было привязано к известному времени и месту, однако они не совсем оказались неспособными к принятию учения об истинном богопоклонении (Ин. 4: 21, 22). К сему надлежит присовокупить и то, что слух о чудных делах Иисуса Христа, равно как и о других происшествиях иерусалимских, следовавших за осуждением Его на поносную смерть, конечно, прежде пребытия Благовестника уже достиг Самарии. Итак, очень вероятно, что Филипп нашел самарян довольно приготовленными к его проповеди.

По мнению некоторых, жители Сихара (древнего Сихема) первые услышали проповедь Филиппа. Проповедник, без сомнения, сообщил самарянам высокое понятие об Иисусе Христе и указал на те события в Его

жизни, которые свидетельствовали о Божественном Его величии и спасительной цели пришествия в мир. Одно простое повествование могло уже обратить внимание самарян на Филиппа, но повествование его сопровождалось еще чудотворениями. Благовестник призыванием имени Иисусова изгонял бесов, которые, с великим воплем оставляя свои жертвы, делали через то очевидным не только самое исцеление, но и Божественную силу, совершавшую оное. Хромые и расслабленные не отходили от него без помощи, то же могущественное слово, произносимое устами Филиппа, служило для них спасительным врачевством. Таковые чудотворения до того усилили впечатление, произведенное учением Филиппа, что народ отвсюду стекался слушать его. Любопытство, влекшее самарян к чудотворцу, скоро заменялось в них искренним желанием вступить через открытую дверь крещения в Церковь Христову. Присутствие Филиппа, с каждым днем умножая торжество веры, разливало великую радость по всей Самарии.

Действие Филипповой проповеди, соединенной с необоримой силой чудес, было для самарян столь решительно, что они тотчас познали заблуждение, в котором держало их суеверие века. В те времена вера в магию была господствующей болезнью на Востоке и часто препятствовала распространению небесного учения. Из Евангельской истории видно, что самые чудеса Господа нашего злонамеренность книжников и фарисеев производила из знания магии, приписывая Ему тайное сношение с духами злобы (Мф. 12:24; Мк. 3:22). По образу мыслей того века магия была наукой, посредством коей человек мог приходить в общение с миром духов и в светлой или темной области их получать чрезвычайные познания и силы. В таком понятии о сей науке суеверие всегда находило для себя обильную пищу. О магах думали, что они способны предугадывать будущее, открывать сокровенное, производить чудесное и по течению небесных светил определять судьбу каждого человека. В самом деле, им нельзя отказать в таких познаниях, которые человеку простому, не знакомому с силами природы, могли казаться удивительными. Сведения, приобретаемые магами тщательным изучением философии, медицины и астрономии, коим они преимущественно посвящали свои занятия, доставляли им возможность производить то, чему невежественный ум не мог найти изъяснения в обыкновенном порядке вещей. Слепое суеверие, обращая в пользу их различные предрассудки, усиливало оказываемое им уважение и доверенность, так что народ не сомневался видеть в магах людей посвященных во все таинства религии и знавших сокровенные силы вещей, которые были предметом обожания. Самария, в которой религия Моисеева издревле не имела первобытной чистоты своей, но соединялась со множеством иноземных поверий, Самария, в которой

даже и теперь истинное богопочитание оставалось тайной, более прочих стран способна была увлекаться доверием к магам. Чем искуснее хитрость мага умела пользоваться религиозными понятиями самарян и силой господствующих предрассудков поддерживать приобретенное от них уважение, тем могущественнее оказывалось влияние его на ум народа. Таков, по крайней мере, был Симон, коего молва, незадолго до пришествия Филиппа в Самарию, обогатила познаниями и силами высшими человеческих. Знакомый с притворством и магическими обаяниями, он легко овладел вниманием народа и посредством своих волхвований сделался предметом всеобщего удивления. Национальная ненависть, питаемая самарянами к иудеям, без сомнения, представляла учение и дела Симона тем более удивительными, что в нем думали видеть человека имеющего такие же права на достоинства Божественного Посланника, какие усвояли иудеи своим пророкам. Сверх того, мысль о Мессии, преданная самарянам религией Моисея и теперь сильнее возбужденная распространившимся по всему Востоку ожиданием великой перемены, которую произведет на земле явление необычайного человека, удобно могла, при виде Симона, приводить самарян к убеждению, что он есть тот самый Сын неба и Законоположник, которого ожидают народы. Симон, со своей стороны, не только почитал излишним выводить кого-нибудь из сего заблуждения, но старался более питать и укреплять оное. Старый и малый знали и твердили о чудесах его. Чего не умели изъяснить, то немедленно называли делом Божиим. По сказаниям древних писателей о Симоне и помощнице его Селене, дерзость первого простиралась до того, что он называл себя Богом. Он учил, что мир создан ангелами, что он, Симон, явился на горе Синае в лице Отца, во времена Тиверия – в образе Сына и сошел на апостолов под видом Святого Духа. Последователи его предавались разврату и изображение его и Селены чтили поклонением, жертвами и каждением. Но мрак суеверия не затмил света небесной истины: могущество волхва не устояло перед победоносной силой Божественной Веры.

Симон, пораженный необычайностью чудес, совершаемых Филиппом, не только признал в них высокую руку Божию, но и сделал гораздо более. Внимая живому и действенному слову Благовестника, он принял в сердце свое семя Веры и вместе с другими крестился во имя Господа Иисуса. Но, омывшись крещением, Симон не предался, однако ж, заботе о приумножении в себе спасительной веры – изумлявший его великий дар чудодействий, которым обладал Филипп, был верховной потребностью для души его. Со дня крещения он не отходил от Филиппа и прежней своей славой охотно пожертвовал в надежде получить от него чудотворную силу.

Обращение самарян неожиданно открыло для всех верующих чистую

струю радости и усладило скорбь, которую носили иерусалимские чтители Иисуса, рассеянные гонением Савловым. Теперь самый опыт показывал им, что Церковь Божия, основанная на краеугольном камне, не может быть ниспровергнута никакими орудиями ада; теперь становилось для них ясным, что усилия злобы пролагают и расширяют только путь шествию Божественной Веры; теперь они видели, что враждебное преследование учеников Иисусовых свободнее открывает им вход даже в те места, где иудеи редко находили себе дружественный прием. Обращение самарян было таким событием, которое обнаруживало дивный план благодатного домостроительства и показало начало той богатой жатвы, которую, по словам Господа, ученики Его должны были собрать некогда (Ин. 4: 36–38).

Весть о сем важном приращении Церкви Христовой, достигшая Иерусалима, заставила желать апостолов, чтобы самаряне, омытые банею водною, получили дары Святого Духа. Сообщение сих даров было печатью, которой Иисус Христос знаменовал и усвоял себе вошедших в Церковь Его дверию крещения. В Ветхом Завете немногие получали Духа Святого, но в плане новозаветного домостроительства Бог положил изливать Дух Свой на всякую плоть (Деян. 2:17). Посему дары духовные во всякое время составляли существенную принадлежность чад Нового Завета, так что каждый из верующих, без различия пола и возраста, непременно должен быть причастным оных.

Апостолы, нимало не сомневаясь, что крестившимся самарянам, наравне с другими верующими, надлежит теперь преподать *залог Духа* (2 Кор. 1:22), послали в Самарию *Петра* и *Иоанна*, дабы они совершили там рукоположение. Ибо в то время сим апостольским действием низводим был на крещаемых Дух Святой, который при таковых случаях нередко открывал присутствие свое в видимых знамениях, что произошло с самими апостолами в праздник Пятидесятницы. Нетрудно понять, почему самаряне должны были ожидать возложения рук апостольских для принятия даров Духа Святого. Самарянам, равно как и иудеям, надлежало показать, что апостолы суть уполномоченные посланники Иисуса Христа, орган Его славы, те лица, которым Он вверил ключи Своего Царствия; им надлежало внушить, что Он на все, что ни делают апостолы во имя Его, полагает печать Своего утверждения, а сего нельзя было яснее показать и убедительнее внушить как сообщением Духа Святого, тотчас следовавшим за возложением рук апостольских. Петр и Иоанн, пришедши в Самарию, исполнили данное им поручение. После благоговейной молитвы они возложили руки свои на новокрещенных, и сии немедленно ощутили в себе благодатное присутствие Духа Святого.

Нельзя сомневаться, что действие апостольского рукоположения было

зрелищем самым поразительным. При виде оного волхв Симон, бывший немалое время свидетелем чудотворений, совершаемых Филиппом, не мог удержаться от изумления. «Какое завидное преимущество, — думал он, — через одно возложение рук сообщать такую необыкновенную силу! Как я буду безрассуден, если не воспользуюсь случаем купить себе это чудесное сокровище!» Не видев до сего времени необычайнее дел производимых Филиппом, он домогался одного только этого дара, дабы удовлетворить страсти возмущавшей его душу, но теперь несравненно превосходнейшее могущество апостолов воспламеняет в нем желание обладать дарованной им властью и столь досточудно действовавшей в них силой. Симон! Счастье принадлежать обществу последователей Христовых было для него драгоценно только потому, что он думал найти здесь путь ведущий на высшую степень волхвования!

Порываемый страстью нечистого сердца, Симон действительно является к апостолам с мыслью святокупства и приносит им серебро. «Дайте и мне, — говорит он, — эту чудную власть, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Святого Духа». Петр, в жару праведного негодования, не медлит ответствовать ему обличительным словом. «Погибни ты со своими деньгами, нечестивец, дерзнувший помыслить, что высочайший дар, туне приемлемый от Бога, можно приобресть куплею! Нет для тебя части в царствии благодати; лукавством сердца ты удаляешь от себя милость Божию. Раскайся в своем гнусном поступке и молись Богу, может быть, неистощимое милосердие Его простит тебе сей помысл души твоей. Ибо я вижу, что ты исполнен горькой ненависти к истине и находишься в узах неправды». Симон чувствует могущество истины, удивляется бескорыстию апостолов, ясно видит свое заблуждение, которое заставляло его подозревать в них знание высшего искусства, нежели каким обладал он в делах магии. Страх наказания побуждает его обратиться с просьбой к апостолам: «Так я виновен, окажите же вы мне милость — помолитесь Господу, Которому вы служите, чтобы не постигло меня то, чем теперь вы угрожаете мне». Однако ж страх сей и показанный вид раскаяния не истребил в Симоне охоты продолжать прежние занятия магией. Писатели первенствующей Церкви упоминают о вторичном посрамлении, которое было сделано Симону тем же апостолом.

Пример самарян удостоверил апостолов, что Божественный Промысл разрушает теперь преграду отделявшую наследников обетований Божиих от прочих народов. На обратном пути в Иерусалим Петр и Иоанн сами уже заходили во многие самарийские селения и в них проповедовали Слово Господне. Успех благовествования доставил им случай принести своим собратиям новое подтвердительное известие, что Христово учение далеко простерлось за пределы земли иудейской.

Симон волхв

Св. Епифаний Кипрский. Творения святых отцов, т. 48
Творения св. Епифания Кипрского, ч. 1

Первой ересью, из бывших со времени Христа доселе, является ересь Симона волхва. Она принадлежит носящим на себе имя Христово, но не правильно, и нечисто, и по растлению ими произведенному причиняет ужасные действия. Этот Симон был обманщик, а происходил из Гитфов – города, а ныне селения в Самарии. Он принимал на себя разные виды, обольщая и уловляя волхвованиями народ самарянский. Говорил о себе, что он великая Божия сила и снисшел свыше. Самарянам называл себя «Отцом», а иудеям говорил, что он «Сын», и хотя страдал, но не действительно, а только по видимости. Домогался благосклонности апостолов и сам, подобно другим, в числе многих крещен Филиппом. Но все, которые без него приступали к крещению в пришествие великих апостолов, по их рукоположению принимали Святого Духа. Поелику Филипп, будучи диаконом, не имел власти на рукоположение, чтобы крещенным преподавать Святого Духа, то Симон, не имея ни сердца, ни помысла правого, но одержимый каким-то корыстолюбием и любостяжательностью и никак не оставляя дурного своего предначинания, апостолу Петру принес деньги, чтобы он дал ему власть возложением рук сообщать многим, хотя бы за малость, и за сообщение другим Духа собрать множество денег и обогатиться.

Итак, Симон, имея разумение, расстроенное демонской прелестью магии, и сделавшись мечтательным, будучи всегда готов своим чародейством показывать варварские дела своей демонской злобы, исшедши на среду и через прикровение именем Христовым, как бы мед примешивая к чемерице, уловленным в злотворное его заблуждение подав отраву, достоинством имени Христова причинил смерть поверившим. Будучи же по природе похотлив и по причине своих обещаний уязвляемый стыдом, обманщик сей в обольщаемых им старался вселить дурную мысль. Ибо, нашедши себе какую-то женщину-побродягу, по имени Елену, по происхождению тирянку, водит ее с собою, не показывая вида, что имеет с нею связь, но втайне срамно живя с этой женщиной, обманщик рассказывал ученикам своим некую забавную басню, именно же, называя себя «великой Божией силой», осмеливается утверждать, что сия блудная сожительница есть «Дух Святой» и ради ее – то, говорил он о себе самом, сошел и он. «Но на каждом небе, – продолжал он, – преображался я по образу Того, Кто на этом небе, чтобы утаиться мне от ангельских сил и низойти к Мысли, которая есть эта так называемая и Дух Святой и Пруник, и при посредстве которой сотворил я ангелов, ангелы же сотворили мир и людей. Она же есть та древняя Елена, из-за которой трояне и эллины вступали в брань».

И сказывал на это какую-то басню, что сходящая свыше сила сама себя преображала, стихотворцы же говорили о сем иносказательно. «Ибо силою свыше, которую называют Пруник и которая в других ересях называется *Варвиро* или *Варвило*, являемая красота ее привела их в воспламенение и тем послала на расхищение князей, творивших сей мир. Сами ангелы вступили за нее в войну; она же нисколько не пострадала, страстию же, какую возбудила в них к себе, довела до того, что производят они взаимноеубийство себя самих. И удерживая ее, чтобы не могла взойти в высоту, каждый пребывал с нею в каждом принимаемом ею на себя теле женского и женственного вида, между тем как она переливается из тел женских в разные тела и естества человеческого и животных и другие, чтобы они тем самым, в чем оказывают свое действие, убивая и будучи убиваемы, сим пролитием крови производили умаление себя самих, а она, собирая силы, могла потом опять взойти на небо.

Она же была и тогда при эллинах и троянах, гораздо прежде создания мира, а по сотворении мира невидимыми силами производит подобное и подобообразно. Она же и теперь со мною, и для нее низшел я, и она ожидала моего пришествия, потому что она есть Мысль, у Омира называемая Еленою. И поэтому-то Омир принужден был описать, как стоит она на столпе и при светильнике показывает эллинам злоумышление против фригиян; светильником же, как сказал я, давал разуметь указание света свыше. Посему о вымышленном у Омира деревянном коне, о котором эллины полагают, что сделан был нарочито, обманщик сей опять говорил, что это невежество народов. И как фригияне, ввезя его по невежеству, привлекли собственную свою гибель, так и народы, то есть род человеческий, без моего ведения, по невежеству сами на себя навлекают погибель».

Но и об Афине говорил Симон, что она есть та же, так именуемая у них Мысль; претворяя истину в свою ложь, пользуется этот лжец словами святого апостола Павла: облекитесь в броню веры, и шлем спасения, и обувь, и меч, и щит (Еф. 6: 14–17); все сие, сказанное апостолом с твердым помыслом по вере чистого обращения и по силе Божия и небесного Слова, сей обманщик с лицедейственным искусством Филистиона превращает в смех и ни во что более. Ибо что говорит? Все сие таинственно представлял в образах Афины. Почему, говорил я прежде, указывая на бывшую при нем женщину, взятую им из Тира, соименную древней Елене, опять повторял свои рассказы, называя ее всякими именами — и Мыслию, и Афиною, и Еленою, и иначе. «Для нее, — говорил он, — и сошел я, ибо это написанная в Евангелии заблудшая овца» (Мф. 18:12). Да и некое изображение передал он своим последователям, как будто бы оно было его собственное, и в образе Дия поклоняются ему, а также другое изображение Елены передал своим в виде Афины, и обольщенные им поклоняются оным.

И то называл таинствами жизни, ведения и притом совершеннейшего, что наипаче приобретшему разумение от Бога свойственно признавать скорее мерзостью и смертью, нежели жизнью. Сам придает какие-то имена началам и властям, говорит и о разных небесах; на каждой тверди и на каждом небе описывает какие-то силы и придает им варварские имена. Утверждает, что невозможно кому-либо спастись иначе, если не дознает сколько-нибудь сего тайноводства и не обучится приносить таковые жертвы Отцу всяческих при посредстве сих начал и властей. И настоящий век, по словам его, началами и властями зла устроен с недостатками. Допускает же нетление и погибель только плоти, но очищение душ, и именно если души состояли в тайноводстве, при помощи погрешительного его ведения. И таким образом полагается начало так называемым гностикам. О законе сем он утверждал, что он не от Бога, но от недоброй силы и что пророки бывают не от благого Бога, но от той и другой силы, и как ему угодно определяет каждому, закон приписывает одной силе, Давида отдает другой, Исаию еще иной, Иезекииля опять иной и каждого из пророков – какому-либо одному началу. Все же они от недоброй силы и вне полноты, а всякий верующий в Ветхий Завет подлежит смерти.

Симон волхв и его время

А. Гассиев. Труды Киевской духовной академии, 1869, т. 4; 1870, т. 1

Откуда происходит Симон? Климентины служат главным источником сведений о Симоне волхве и его деятельности. Во время написания этого исторического романа еще ходила молва в народе о чудесных делах волхва Симона, и автор Климентин воспользовался тем, что передавалось о нем. Много сообщено о Симоне и церковными писателями, даже языческими историками. Симон родился в самарянской деревне Китта или Кета, близ Сихема, резиденции самарянского первосвященника. Родители его назывались Антоний и Рахиль. В молодости Симон изучал греческий язык, знал науки, упражнялся в словопрениях; из Самарии путешествовал в Египет для изучения магии. В главном городе Нижнего Египта, цветущей Александрии, много жило иудеев и самарян; завистливое и враждебное отношение между теми и другими доходило здесь до открытого раздора. Симон познакомился тут с сочинениями Филона и с александрийским ученым Апионом. Направление философии Филона давно указывало строгому иудейству пункты примирения как с языческой философией, так и с самарянством. Апион считался одним из первоклассных ученых того времени. В царствование Тиверия он приобрел себе большую славу в грекоримском мире сочинениями по истории и философии. Ему принадлежит, между прочим, сочинение о Троянской войне – род поясненного издания Илиады с комментариями. По своему направлению Апион принадлежал к

партии враждебной иудейству. Известно, что он принимал (в 38–40 г.) участие в жалобе александрийских жителей против здешних иудеев императору Калигуле; известно, что он даже написал сочинение против иудеев, на которое тогда же ответил Иосиф Флавий известной книгой «Против Апиона» — в защиту своих земляков. Лучшего знакомства не нужно было Симону, как знакомство с таким человеком. Симон питал национальную антипатию к иудеям — Апион не любил их за их гордость и замкнутость. Влияние такого ученого мужа не осталось бесплодным для Симона. Климентины представляют Апиона дозволяющим свободную половую любовь вне брака. Это же было, как увидим после, одним из существенных заблуждений Симона, правилом его и его последователей. С другой стороны, мифологические образы Гомера, усвоенные Симоном из занятий с Апионом, вызывали волхва к другим выдумкам. Тут прекрасная богиня луны, чарующая Елена, стоит у ворот Илиона и беседует с обвороженными ею старцами. Там она посылает троянцам чудесный напиток ночью приготовленный ею из разных трав. В целой древности, особенно в передней Азии, богиня луны была представляема не иначе, как в виде прекрасной женщины, обладающей тайнами чародейства, отсюда и луна сделалась предметом магии; в магии существовали заговоры, которыми чародеи думали низводить на землю богиню. По мифологическому представлению поэтов и сагистов, богиня в состоянии была превращаться в земную женщину. Еще за 700 лет до Апиона и Симона лирик Стезихор выдумал такую сказку, будто сын Приама Парис похитил не обыкновенную женщину, а призрак, или привидение, заимствовавший образ у богини луны Елены. У других поэтов сага шла еще дальше, будто по возвращении из Трои Менелай снова нашел свою жену в Египте, чудесно перенесшуюся туда. Вместе с подобным представлением о богине луны Елене Симон, нет сомнения, познакомился с египетским, иудейским и Филоновым мировоззрением. Языческим египтянам тогдашнего времени матерью вселенной представлялась богиня луны; философствующим иудеям Александрии — мудрость; для Филона мудрость была не только матерью и промыслительницей мира, но даже дочерью «Неисследимого», супругой, с которой «Неисследимый» произвел мир как сына. В таком духе и тоне появлялось немало сочинений в период религиозной мечтательности в Александрии, где сталкивались религиозные мировоззрения — восточное, римское, греческое, иудейское и египетское. Вот как, например, парила к небу «книга мудрости», написанная и пущенная в ход здесь ок. 39–40 г. по Р. Х. Цель ее — иудеомессианская. В ней новый Соломон, мессианский царь, помощницей себе выбирает саму божественную мудрость. «Я звал, и пришел ко мне дух премудрости (так начинает новый Соломон); он есть дыхание силы Божией и обнаружение величия Божия. Все, в чем не обитает мудрость, презирает

Бог. Ее любил и искал я от юности моей; ее думал торжественно провожать на брак как невесту, ибо приятно общение с нею, веселие и радость от нее и бессмертие в ее дружбе. Помышления смертных ничтожны перед нею, их презирает она; достойных себя ища, ходит она кругом и на всех путях дает себя видеть, и при каждом появлении встречают ее!

Под влиянием такого религиозного брожения в Александрии и вследствие знакомства с Апионом сложилось мировоззрение Симона волхва. Он занялся мыслью выступить с мессианской ролью между своими соотечественниками, сыграть роль воплотившегося Бога в языческом мире, воспользовавшись религиозным настроением века и склонностями людей. И самую Иудею, где на Голгофе иже была принесена великая жертва, волхв также мог включить в программу своей деятельности. Израиль не переставал ждать политического Мессии. Еще с самых дней Иоанна Крестителя, в последней трети правления Августа Тиверия, вся Иорданская страна, от окрестностей Генисаретского озера в Галилее до Мертвого моря в самой Иудее, оглашалась, вместе с долинами Самарии, зовом, что близок Мессия Израиля. Вся почва народной жизни, от источников Иордана и подножия Ливана до Газы и границ Аравии, взрывается сильным пламенем мессианских ожиданий в духе национального понимания иудеев, и «несчастный народ позволял себя надувать обманщикам, которые лгали именем Божиим, и в то же время презирал и не верил явным знамениям» (Иосиф Флавий). Это нетерпеливое ожидание Мессии как нельзя более благоприятствовало бредням человека обладавшего необыкновенной возбуждаемостью духа, с мечтательной напыщенностью соединявшего трезвые расчеты обманщика.

Таков был именно Симон волхв, таким изображают его древнейшие известия церковных писателей; с признанием его блестящих умственных способностей и богатого образования они говорят о его магических занятиях, которые, конечно, не обходились без обмана и ослепления. Климентины свидетельствуют о его чрезмерном честолюбии и надувательстве народа. Другой историк ересей (3 в.) передает, что Симон был человек смелого и дерзкого ума, выдававший многое за лучшее. Другие церковные писатели приписывают ему много зла.

Никто не пророк в отечестве своем, напротив, волхв Симон захотел сделаться пророком — мессией в своем отечестве. Из Египта он возвращается в Самарию и становится учеником *Досифея*, а потом занимает его место в школе. Кто такой Досифей и какие обстоятельства связаны с этой личностью?

Как между иудеями, так и между самарянами явились расколы. Историки расходятся во мнении о лице Досифея. Несомненно то, что имя Досифей греческого происхождения: оно встречается по Р. Х., когда гречес-

кий язык стал более употребительным между иудеями; под этим именем известны некоторые раввины первых веков христианства. Вероятно, Досифей принадлежал к первым годам нашего летосчисления. Это и необходимо допустить по связи с ним Симона волхва. От имени Досифея получила свое название известная секта досифеян в Самарии. Досифеяне то же, что самарянские саддукеи. О них говорят многие историки. Арабский писатель Мизуда, живший в 10 веке, упоминает о двух самарянских сектах: *кушанах*, или кушанитянах, *и досфанах*, или дустанах. Досфане утверждали, по известию арабской хроники Абулфеда, жившего в 14 веке, что прощение и наказание следуют в этом мире, что нет будущей жизни; тогда как, замечает хроника, кушанитяне признавали загробную жизнь. Ясно, что досфане то же, что самарянские саддукеи; название кушанитян указывает на остальных самарян в древнем искаженном их имени куфены или кутеаны. Эта же хроника прибавляет, что секта досфан называлась еще именем *Фани*. Что саддукейская секта далеко распространилась в Самарии под именем досифеян, об этом свидетельствует писатель «опровержения всех ересей», современник Оригена (вероятно, св. Ипполит), который сочинение свое начал досифеянами. О самарянских саддукеях упоминает Кирилл Иерусалимский; Епифаний Кипрский считает Досифея основателем саддукейской секты в Самарии и передает, что по происхождению Досифей был александрийский иудей, в молодости отличался в законе и знанием иудейских преданий, что честолюбие побудило его из ученика фарисеев сделаться основателем саддукейства между самарянами. К этому Епифаний прибавляет, что Досифей кончил жизнь свою голодной смертью в пещере, где сам себя уморил голодом, желая показаться мудрецом. Александрийский патриарх Евлогий (6 в.), лично знавший досифеян, передает, что между ними и остальными самарянами происходил спор о таком предмете: первые Мессией, о котором пророчествовал Моисей, считали своего учителя, а последние – Иисуса. Евлогий же свидетельствует, что Досифей отрицал воскресение мертвых, будущий суд, бытие добрых и злых ангелов; душу считал смертною, преходящею, а мир – бессмертным, непреходящим.

И в Климентинах есть общее указание на Досифея вместе с Симоном как на приверженцев саддукейства: о них сказано, что они хулили Бога, отвергали воскресение мертвых и религиозное значение Иерусалима переносили на Хоразин.

Началом выступления Досифея в роли мессии Климентины считают год смерти Иоанна Крестителя; тогда, замечает автор, злой враг, дьявол, узнал из древних пророчеств, что наступило время для него произвести смуты, чтобы задержать распространение веры в грядущего Мессию (то есть Иисуса Христа). Начало своему расколу Досифей положил избрани-

ем 30 учеников и женщины названной Еленою. В одной самарянской хронике, на арабском языке, сказано, что досфане бросили астрономические таблицы сихемского первосвященника и каждый месяц стали считать в 30 дней. Тридцать учеников Досифея изображали это именно число лунного обращения. Какое значение имело присоединение Досифеем к ученикам своим еще женщины? Как образ богини луны Астарты, имевшей обширный храм в Сидоне, на финикийских монетах изображалось полнолуние. Царице неба Астарте, во время пророка Иеремии, израильтяне приносили жертвы. В виде прекрасной женщины эта самая богиня луны, или царица неба, перешла в народное представление. Поэтому Досифей нашел в женщине живой образ богини луны.

В числе тридцати учеников Досифея находился и Симон. Вот как представляют Климентины его поступление в ученики к Досифею. Когда Досифей стоял во главе своих тридцати учеников с Еленою, приходит к нему Симон и умоляет его, в случае смерти кого-нибудь из 30 учеников, принять его, Симона, к себе в ученики. Случай представляется, и Симон вступает в общество учеников Досифея. Скоро, однако же, добрые отношения между учителем и новым учеником изменяются. Симон начал унижать Досифея в глазах других, говоря, будто он не учит истине не потому, что не хочет другим давать то, что сам имеет, но потому, что он не знает лучшего. Услышал об этом Досифей и для восстановления к себе уважения взялся за палку, но в ту самую минуту, когда палка должна была пройти по спине непочтительного ученика, он превращается в приведение. Изумленный учитель спрашивает: «В призрачном ли теле вижу тебя? скажи, чтобы почтить мне тебя!» — «Да, это я, стоящий перед тобой как призрак!» Тогда пал ниц Досифей, поклонился и уступил место свое Симону, а сам сделался его учеником. Все-таки хладнокровно не мог Досифей перенести такого позора — из учителя стать учеником — и скоро умер.

Что бы ни лежало в основании этого рассказа Климентин, все равно. Дело в том, что Симон был признан за Мессию, как стоящий или предстоящий, потому что выражение это указывает на мессианское достоинство великого пророка, предсказанного Моисеем. Выражение «стоять, предстоять пред Богом» часто встречается в книгах Моисея; оно употреблено и в самом пророчестве о имеющем явиться пророке: *пророка от братии твоея яко же мене восставит тебе Господь*. В псалмах Мессия представляется сидящим одесную Бога, у пророков — так же; в целом Новом Завете только один раз употреблено «стоять», именно — в книге Деяний апостольских сказано о Стефане, что он увидел небо отверстым и Иисуса, стоящим одесную Бога. В иудео-христианской теософии и у Филона особенно Логос, Сын Божий, называется стоящим, то есть выше других божеских сил. У самарян пророческие книги и псалмы не признавались богодухновенны-

ми, и потому о мессианском достоинстве Симона волхва в кругу ближайших его приверженцев сказано, что он стал «стоящим», — выражение, заимствованное из книг Моисея и иудейской теософии, которую изучил Симон в Александрии.

Симон, став во главе тридцати учеников Досифея (так продолжают рассказ Климентины), влюбился в женщину, изображавшую в обществе учеников Досифея богиню луны Елену и называвшуюся этим же именем.

Заняв место Досифея, Симон взял Елену к себе и жил с нею, а чернь уверял, что Елена — праматерь мудрости, нисшедшая на землю в виде женщины, — та самая Елена, за образ которой некогда дрались троянцы и греки и которая очаровала старцев у ворот Трои; сам же Симон — высочайшая сила Божия, превосходящая достоинством иудейского Бога, Творца мира.

Эти два положения составляли основу Симоновой ереси. Предосудительное отношение свое к Елене он возвел на степень догмата. Немало нужно было умения, чтобы таким мечтательным представлением завоевать силу господства над человеческим смыслом. Симон хорошо понимал, на кого он действует, чем и как действует. Суеверие и ожидающее настроение религиозного чувства потомков Иакова служили главной пружиной, через которую он думал действовать, чтобы завоевать себе мессианское достоинство; склонность к александрийской мечтательности избавляла его от насмешек, а магическое искусство во всех его разветвлениях представляло ему как бы сеть для ловления людей.

Когда Симон волхв выступил в роли мессии? Время открытого выступления его приходится между 31–46 годами по Р. Х., когда Спаситель уже вышел на общественное служение. От времени выхода Спасителя и до времени открытого гонения на апостолов в Иерусалиме Симон, по известию Климентин, находился в Самарии; здесь он приготовлялся к мессианской деятельности между своими соотечественниками. Из книги Деяний видно, что еще до прихода Филиппа, Иоанна и Петра в Самарию Симон слыл «великою силою Божию» между своими соотечественниками. Более точно определяет это время Иосиф Флавий. «Весною 36 года или зимою 36–37, — говорит иудейский историк, — вышел между самарянами фокусник, который увлек за собою народ; он просил показать ему пещеру на горе, где первоначально Моисей закопал Книгу закона. Положено было в определенный день выкопать и объявить народу эту книгу, чтобы под предводительством пророка, или мессии, предсказанного Моисеем, он начал новую жизнь. У деревни Тирифана или Тирибафа, при подошве горы, уже собрались народные массы, когда правитель страны Пилат, живо помнивший печальную судьбу мнимого иудейского царя в Иерусалиме (то есть Спасителя), со всех сторон окружил гору войсками. Бунтовщики против власти кесаря были строго наказаны; многие легли на месте, многие рассеялись, а

самые жаркие приверженцы бунта поплатились жизнью, были казнены». Может статься, что лжепророк, имени которого не упоминает Иосиф Флавий, содержался в числе пленных, а потом получил свободу, когда народное волнение успокоилось. Таким образом, патриотическая затея самарянского мессии кончилась тем же, чем кончилось восстание известного Февды при апостолах и Бар-Кохбы (прежде раввина) при Адриане, или египетского лжепророка, который (Деян. 21: 38–39) с четырьмя тысячами человек занял Масличную гору, чтобы идти на Иерусалим и взять священный город отцов. О самарянском бунтовщике известно далее, что он еще в год смерти Спасителя выдавал себя за самарянского пророка. По мнению одного современного историка иудейства, этот лжепророк и мессия — одно лицо с Симоном волхвом. Первая его мессианская попытка (в год смерти Спасителя) будет, таким образом, совпадать с ближайшим временем возвращения его из Египта в Самарию; обстоятельства же его отношения к Досифею и досифеевой школе приходятся между этим возвращением и несчастным случаем, на который указано выше со слов Иосифа Флавия.

Главное действующее лицо в этих событиях называется двумя именами: волхвом-фокусником и лжепророком-лжемессией. Оба эти названия одинаково хорошо идут к Симону. Цель его деятельности была чисто мессианская. Магия имела в его руках, как сказано выше, значение средства или орудия опутывать людей. Утвердить свое мессианство между обольщенными — в этом заключалось его искусство. Нельзя не согласиться, что волхв близко изучил наклонности людей, на которых думал действовать. Вера в магическое искусство царствовала тогда не в одной черни, в силу его верили даже образованные люди того времени. Плиний Старший, говоря в своей естественной истории о магии, что она возникла из наблюдения над внешней природой, астрологии и из врачебной науки, в которой дано значение врачебного средства и силе религиозных понятий, нимало не сомневается в возможности магической силы. Люди вполне верили магии, потому что она гармонирует с желанием человека стать выше границ указанных ему в знании и в действиях, освободиться от строгой подчиненности общей мировой жизни, даже приобрести силу над обыкновенным порядком вещей в природе. К этому стремилась и магия. Этой цели надеялась она достигнуть силой так называемого магического камня, растений и растительных корней, целительными и проклинательными формулами, поясами, венцами, кольцами, амулетами, магическими узлами, прикосновением тела и пр. Сила магии простиралась на природу, на людей не только живых, но и мертвых и, наконец, даже на самих богов. Павзаний и Афиней рассказывают о магических превращениях воды в вино; магики в состоянии были даже образовать горящую воду. Дыханием отворять двери, освобождаться из уз, делаться невиди-

мым, летать по воздуху, ходить по морю, представлять говорящие статуи, танцующие корзины – все это входило в программу тогдашней магии и всем этим занимались магики при чародейке Медее при Приптоломосе, Аполлонии Тианском, Лукиане, лживом философе, и др. Особенную славу магического искусства составляло лечение больных, для этого магики прибегали к натиранию больного маслом, таинственному дуновению на глаза, к заговорам и пр. Лечили магики также слепых, и рассказывают, что во время Веспасиана и Адриана многим они возвращали зрение. В область магии входило и вызывание духов мертвых. Известный Апион заклинал Гомера, и когда явилась тень старика, он спрашивал ее о древней Греции. Аполлоний Тианский вызывал тень Ахиллеса на его могиле. Убийца родителей Нерон, также император Каракалла спрашивали – первый – душу своей матери, этот – брата. Духозаклинанием с жертвами и заговорами занимались в Риме Аппий и Фитиний и др. Венцом магического искусства считалось заклинание богов и демонов, к которым принадлежат будто бы и души умерших людей. Иосиф Флавий рассказывает, что видел собственными глазами, как один иудейский чародей во время иудейской войны изгнал из бесноватого, в глазах императора Веспасиана, нечистого духа. К этому роду магического занятия относится и мнимое воскрешение мертвых. Эмпедокл пользовался славою бога за воскрешение одной женщины. Прославлены за это же бог здравия Эскулап, чародейка Канидия (при Горации) в Солуни и особенно Аполлоний Тианский во втором веке по Р. Х. Центром греко-римской магии во время апостолов был Ефес. Магия существовала и в народе Божием. Это видно из примера аэндорской волшебницы, вызвавшей тень Самуила. Это же самое подтверждают и некоторые языческие писатели. Плиний и Ювенал передают, что в их время между иудеями были магики, которые происхождение своего искусства относили к Моисею, изучившему магию будто в Египте. Волшебница аэндорская, чародей Бар-Иешуа в Пафосе, побежденный ап. Павлом, сыновья Скефы первосвященника (Деян. 19: 13–16) были, конечно, не единственные лица занимавшиеся чародейством. Евангельская история свидетельствует, что именем Господа Спасителя некоторые пользовались для изгнания бесов – такие, которые, однако же, не принадлежали к числу учеников Господа. Клевета фарисеев на Христа, что Он изгоняет бесов силою князя бесовского, указывает на существовавший тогда способ заклинания именем Вельзевула. Сами фарисеи занимались чародейством; им занимались даже богобоязненные ессеи; последние во время болезней прибегали не к врачебным пособиям, а большей частью к заклинаниям по формулам славной магической книги *Сефер Рефуод*, которую приписывали царю Соломону, считавшемуся в народном представлении специалистом по этой части. Иустин мученик передает, что ессеи ис-

целяли даже таких бесноватых, которых не в силах были исцелить языческие духозаклинатели.

При такой распространенности магического искусства и веры в него даже образованных людей тогдашнего времени Симону волхву не составляло большой трудности объявить себя и пророком и мессией, стяжав сначала славу в народе своими магическими занятиями. Если в греко-римском обществе это было возможно, то тем более — между самарянами, народом менее образованным и притом чаявшим политического мессии и пророка.

Мы сказали, что магия служила для Симона средством к достижению цели, которую он предначертал себе, — сделаться всемирным мессией. Он знал слабую сторону современного человечества. Суеверному, потерявшему религию и философию обществу не могли казаться богохульными и дерзкими сумасбродные заявления шарлатанов подобных Симону волхву. По известию Климентин, Симон уверял, что он может делаться невидимым в случае опасности и снова являться в видимом образе; может прорываться через горы и скалы, бросаться с высоты, поддерживаемый на воздухе небесными силами, чудесно освобождаться из уз, из заключенной темницы; может бездушные истуканы превращать в живых людей, вызывать чародейством из земли цветущие деревья и кустарники; далее — проходить через огонь, совершенно изменять физиономию, удвоивать ее, даже превращаться в овцу, в козла, с козлиной бородой и мордой, на отроке заставить расти бороду, летать по воздуху, делать золото и пр.

Совершал ли Симон что-нибудь похожее на это? Отцы Церкви — св. Ипполит, Иустин мученик, св. Ириней, также Ориген, Тертуллиан, блж. Иероним и др. не сомневаются в том, что он много совершал чудесного, но совершал нечистою силою. Впрочем, надо думать, что если Симон приобрел себе приверженцев и стал слыть за «великую Божию силу», если он успешно мог разыгрывать свою роль в греко-римском мире, то он умел делать свое дело. С другой стороны, нельзя же отрицать возможность совершения чудесных действий и волхвом, судя с богословской точки зрения, и действительность таких действий, если верить истории. Спаситель предостерегал своих последователей, что явятся многие лжехристы, которые совершат *знамения велия*. Почему же Симон не мог быть одним из таких лжехристов, избранным сосудом дьявола, по выражению ап. Петра?

Где действовал Симон? На это дает ответ книга Деяний апостольских: здесь говорится, что Симон приобрел себе славу «во граде Самарии» (то есть, вероятно, в Кесарии), где случай свел его с апостолами. По рассказу Климентии, это обстоятельство представляется в связи с враждебным отношением иудеев к юной Церкви Христа в Иерусалиме. Дело происходило так: иерусалимские книжники укоряли апостолов, будто их учитель

все что делал чудесного, делал как волхв, а не как пророк. Между ними один «враждебный муж» ворвался в храм и начал сильно укорять иудеев, что они позволили обольщать себя этим несчастным людям, которые (указывает на последователей Спасителя) обольщены магией. Укор, сделанный резко, имел свое следствие. В народе поднялся ропот и бунт против бедных назорян, их стали везде преследовать и убивать. Кто такой этот «враждебный муж»? Очевидно, Савл, молодой и фанатичный фарисей, который стерег одежды убийц первомученика Стефана. Когда вслед за казнью Стефана апостолы и верующие удалились из Иерусалима, этот Савл с письмом первосвященника, уполномочившим его на преследование всех назорян, поспешно направился по дороге к Дамаску, но ошибся: Петр с прочими апостолами находился в Иерихоне (пальмовом городе), несколькими милями севернее Иерусалима. Во время пребывания их здесь в посте и молитве приходит известие, что Симон волхв соблазняет на свою сторону многих из недавно обратившихся последователей Христа, выдавая себя за мессию и обольщая ложными чудесами. Петр отправляется в Кесарию, чтобы противодействовать лжемессии. Плодом апостольской проповеди здесь было обращение многих ко Христу. И сам волхв захотел за денежную плату получить от Петра благодатный дар — руковозложением низводить Св. Духа, но вместо этого услышал слово укора из уст апостола. Симон затронул больное место, где уязвлена была честь честных галилеян; наученные евангельской бедности, они меньше всего пускались на стяжание золота. Это столкновение апостола Петра с Симоном волхвом описывается и в книге Деяний апостолов (Деян. 8: 20–30). Симон встретил неудачу в своем намерении. Благодатный дар ему казался магическим секретом, и он досадовал, что не знает того, что известно галилейским рыбарям. Но хитрый волхв настолько владел сдержанностью характера, что мог свою неудачу перенести с благодушной улыбкой. Несчастье ожидало Симона и с другой стороны: двое учеников его, Никита и Акила, оставляют его и переходят к апостолам. Эти два ученика — товарищи его молодости, воспитанные вместе с ним в горах Самарии и думавшие очень высоко о своем учителе; тем не менее их беспокоило любопытство: они недоумевали, какой силой учитель их совершает магические действия... Симон признается им, что он убил ребенка, образ которого теперь находится в его доме, и его-то душою творит он все что ему угодно; заколдованная душа является каждый раз по его требованию. Это объяснение не удовлетворило, однако, учеников. Один из них спросил: да как же может действовать душа, оставившая тело, когда, по Симону, душа сама безлична, смертна и исчезает по отделению от тела? Вмиг (так рассказывали Никита и Акила Петру) изменился, побледнел обманщик... Скоро, однако же, он снова собрался духом, стал как бы надменнее сознанием своей мнимой

божественности и в ответ на пытливый вопрос сказал: «Ужели думаете, что я человек подобный вам?.. Собственно, я не чародей, не любовник Елены, не сын Антония, нет, я – сила вечная, безначальная, сын Божий, вечный, нисшедший во утробу моей матери прежде, чем она имела супружеское общение с Антонием; по вочеловечении стало в моей власти быть великим и малым и обращаться между людьми; вас избрал я в друзья себе, чтобы испытать вас и ввести в небесные обители, если окажетесь достойными; только для этого я казался человеком в жизни. Силой своей я в состоянии превращать воздух в воду, а воду – в кровь и плоть; могу снова вызвать к жизни и убитого мной ребенка». В этом свидетельстве видно заимствование волхва из верования тогдашней христианской общины или проповеди апостолов о лице Христа Спасителя. Так смотрели на это место Климентин отцы Церкви и христианские писатели. Вера в распятого Богочеловека, в Божественное достоинство Христа Спасителя, засвидетельствованное чудесами и ясно исповеданное Его последователями, в распространяющейся общине переходила из уст в уста. Христианская община существовала и в Самарии. Симон провозгласил свое мессианство близко к тем понятиям, которые имелись в этой общине. Поэтому в полемике отцов и учителей в Церкви 2–5 вв. против симониан третье слово их есть укор еретикам за то, что они задерживают распространение веры в истинного Мессию, присвоив себе ложно имя христиан и перенесши Божественное достоинство нашего Искупителя на волхва Симона, который был сосуд сатаны, первенец диавола, а не Божий Сын. Поэтому и св. Ириней справедливо мог сказать, что все те, которые извращают веру в распятого Сына Божия, суть последователи самарянского волхва.

После признания Симона ученики его, знавшие своего учителя товарищем своего детства и юности, знавшие его происхождение, воспитанные вместе с ним в горах Самарии, вдруг оставляют его: им ясно стало их заблуждение относительно сына Рахили и Антония, мечтательного Симона.

С таким признанием приходят Никита и Акила к апостолу Петру и руковозложением его и низведением Св. Духа возрождаются в новую веру – истинного Мессии. Апостол Петр объясняет им различие истинных чудес от ложных: первые служат ко благу и душевному спасению людей, а вторые – ко вреду и пагубе души; первые совершаются силою Божиею, а вторые – силою бесовскою.

Перед двумя учениками своими Симон изложил только часть своего учения и притом то только, что ложно перенес на свое лицо из устного вероучения последователей Спасителя. Но учение его заключалось не в этом одном; придерживаясь свидетельства Климентин и христианских полемистов четырех первых веков, мы можем представить его в таких чертах. Неисследимый, никем не познаваемый живет Бог втайне. Ни творец мира,

иудейский Бог, ни тот, который дал закон Моисею и Иисусу, никакая созданная тварь не видели бесконечного света, ибо он наполняет премирное место. Высочайшая же сила и могущество Св. Духа, начало всякой мудрости, обе вначале бывшие у неведомого Бога, ниспосланы с неба и явились в лице Симона и Елены. Симон – первая божественная сила, создавшая ангелов и архангелов как существ миротворящих. Елена – первоидея, праматерь мудрости. Пророки древности были только слугами ангелов; тот же, кто в него уверует, сделается сыном Божиим, нетленным, вечным: тело его пребудет нетленно. Без такой веры глупо думать, что душа бессмертна. Только тем, кто в него верует, оказывает Бог благодать; такие не должны бояться угроз закона, ибо Бог избавил их суда и наказания. Поэтому они могут поступать и делать что хотят и как хотят. Все у друзей (то есть последователей) должно быть общее, общение полов должно также совершаться вне брачного союза: полная любовь та, которая всех касается.

Таким образом, учение о парном вочеловечении Бога составляло основной пункт ереси Симона. Нет сомнения, это учение послужило зародышем всей гностической системы, явившейся два века спустя, с ее парными порядками божественных мужских-женских сил (сизигий), или двоицами. Недаром поэтому отцы Церкви считали Симона отцом 32 партий гностицизма. Конечно, теперь уже трудно определить, что в гностических сектах принадлежало ересиархам и что – их последователям. Ереси Керинфа, Маркиона, Сатурнина, Кердона, Карпократа, Валентина и др. представляются как бы ветвями одного дерева, выросшего из зерна, посеянного Симоном – первым по времени гностиком.

Симон возвестил миру свое евангелие; честолюбие тянуло его стать выше распятого истинного Мессии и сыграть роль воплотившегося Бога; галилейские рыбари ему казались слишком бедными по образованию и уму, чтобы противодействовать ему. Он знал рычаг, которым нужно было действовать, чтобы покорить воображение людей и занять надежды их; он не сомневался, что сделает для черни из себя все что захочет. Обманами он успел покорить воображение людей и стать богом в их сознании. Он не человек вовсе – так выходило по самосвидетельству обманщика, хотя являлся в человеческом образе; в Иудее он являлся в призрачном теле, чтобы пострадать, хотя на самом деле он вовсе не страдал; там он известен за Сына Божия, здесь (в Самарии) – как сам Отец, а у остальных народов – как Св. Дух.

Мы уже сказали, что первый раз столкнулся волхв с апостолами в Кесарии. Начиная отсюда и до берегов Оронта, в цветущих городах сиро-финикийского прибрежья Птоломаисе, Тире, Сидоне, Лаодикии, Антиохии и др. он выступает везде в качестве мессии. Его преследует ап. Петр, вследствие чего он останавливается в этих городах только на малое время. Так

выходит по рассказу Климентин. К какому времени относятся события эти? По рассказу книги Деяний, по обращении своем ап. Павел отправился на малое время в Сирию с проповедью о Христе, потом воротился домой через Кесарию. Это было между 43 и 44 гг. «Пятьдесят дней прежде, — рассказывает Павел, — посетил я Петра во Иерусалиме...» Значит, преследование волхва Симона Петром относится ко времени не раньше 44 года, так как до этого времени Петр еще не оставлял Палестины.

Посетив города сиро-финикийского приморья, Симон отправляется затем в Рим. Сюда стекались магики, астрологи, прорицатели и обманщики всех сортов; прием делали им тут хороший, награждали также щедро. В разврате и роскоши утопал гордый Рим, в высших кругах общества со времени императора Августа господствовала страсть к астрологии. Не один молодой Тиверий посвятил себя в таинства астрологического искусства и принял к себе домашнего астролога Фразилия, который был его неразлучным спутником. Каждый знатный римлянин свою славу поставлял в домашнем астрологе. Магией занимался Нерон, думая найти в ней средство управлять и над самими богами. Обманщики всюду встречали радушный прием; Сенат издавал указы об изгнании магиков и подобных шарлатанов, но указы эти исполнялись мало, так как шли вразрез с общими наклонностями; за одним изгнанным в Рим являлось их десять других. Теперь обстоятельства еще более благоприятствовали Симону. С 41 года на императорский престол после Калигулы, который, несмотря на свои 50 лет, отличался детским характером, слабодушным и слабоумным, вступил Клавдий — этот ублюдок природы, как назвала его собственная мать. Империей за него управляла развратная Мессалина. Впрочем, римское общество не отрезвилось и после. По свидетельству Лукиана, спустя 100 лет здесь разыгрывал роль самого наглого обманщика некто Александр пафлагонец, выдававший себя за бога Гликона. Знаменитые римлянки открыто хвалились, что имеют детей от этого бога. Рим же посещал два раза, при Нероне и Веспасиане, Аполлоний Тианский, от Клавдия до Домициана пользовавшийся такой громадной славой в целом греко-римском мире.

Что Симон посещал Рим — это не должно подлежать сомнению. Блаженный Феодорит говорит, что хотя волхв этот имел три раза неудачу в столкновении с апостолом Петром, но все-таки не послушался истины, пока в царствование Клавдия не отправился в Рим. Св. Ириней свидетельствует, что Симон при Клавдии в такое изумление приводил римлян, что они почтили его статуей. Блаженный Иероним передает, что Симон во второй год царствования Клавдия (42–43 гг.) был побежден Петром в Риме. Если заподозрить последнее свидетельство, все-таки не должно быть заподозрено пребывание Симона в Риме. Обыкновенно говорят, что посещение так рано апостолом Петром Рима придумано для того, чтобы осно-

вание христианской общины в Риме или Церкви отнести к какому-нибудь из 12 апостолов, как и для того, чтобы дать возможность ученику Христа в виду вечного города посрамить волхва. Но известно, что уже при императоре Клавдии в Риме существовала христианская община, стало быть, ок. 42–44 гг., то есть в то время, когда апостол Петр находился еще в Палестине. Светоний в «Жизни Клавдия» рассказывает, что этот государь издал указ об изгнании иудеев из Рима за то, что они производили смуту между последователями Христа. Впрочем, вопрос: посещал ли Петр Рим раньше этого времени и он ли первый основал христианскую общину здесь? – не может быть решен окончательно. Известие о пребывании Петра в Риме не связано ни с каким событием или лицом, кроме сказания о победе его над Симоном в Риме и мученичестве во время Неронова гонения (ок. 64–67 гг.). Важнейшее свидетельство о пребывании нашего волхва в Риме принадлежит Иустину мученику. В царствование Клавдия, так рассказывает Иустин, Симон показывал свое искусство в Риме и сенат и народ приводил в такое изумление, что почтили его наравне с другими богами, даже поставили ему статую на одном из островов Тибра, с надписью «Священному богу Симону».

Из Рима деятельность свою Симон переносит в Антиохию, где сходились многие народы – греки, римляне, иудеи, самаряне – и откуда апостол Павел предпринимал свое первое и второе путешествие с Варнавой. Здесь самарянский волхв также приобрел себе последователей: фокусы его состояли в изменении лица, так что его нельзя было будто узнать. Климентины рассказывают, что он мог изменять и физиономии другого, без его ведома и желания. В чем состоял секрет последнего рода, трудно решить. Из Антиохии Симон, ночью и изменив лицо, удалился в Лаодикию, а подругим – в Иудею. Причиной удаления послужил указ римского градоначальника о его изгнании. Это составляет заключительный эпизод истории Симона по Климентинам.

Около времени удаления Симона из Антиохии апостол Павел с Варнавою путешествовал на остров Кипр, где в г. Пафосе встретил лжепророка и волхва, который называл себя иудеем Бар-Иешуа, то есть сыном Иисуса, и изъяснял это имя другим именем – Елимас, то есть коробка или покрывало. По рассказу книги Деяний этот Бар-Иешуа при правителе Сергии (ок. 43–53 гг.) в Пафосе развращал народ. Нельзя не подумать, что под именем Бар-Иешуа (ученик Иисуса, подобно названию учеников пророков сынами пророческими) или Елимас *скрывается* волхв Симон, захотевший испробовать свое счастье под новым именем – ученика или апостола Иисуса. Апостол Павел коротко изъяснил, что это не сын, не апостол Христа, а сын сатаны, извращающий путь Господень, который и получит достойное наказание от руки Господа. Апостол Петр называет (по Клименти-

нам) Симона, подобно этому, «злым, облекшимся в сияние света». Некоторые историки нимало не сомневаются в том, что киприянин Симон – одно лицо с Симоном волхвом в книге Деяний, чего нельзя, кажется, отрицать, судя по сходству умения и личных черт обоих. По указанию посланий св. ап. Павла к Коринфянам и к Солунянам, а также Апокалипсиса и другим известиям деятельность Симона продолжалась в Коринфе, Фессалониках, Ефесе и закончилась при императоре Нероне в Риме.

Как Нерон благоприятствовал занятиям магией и сам занимался вызыванием мертвых при помощи магического искусства, так и жена его, императрица Поппа Сабина, прежде супруга префекта Руфа Кристия, потом Оттона, была расположена к чародейству и к волхвам. Об этой черте поведения Нерона свидетельствуют Плиний Старший, Светоний и Дий-Кассий. О Поппе Сабине Иосиф Флавий говорит, что это была женщина набожная, а Тацит передает, она даже прислуживала на таинствах волхвов. Когда на императорском престоле восседали такие особы, Симон мог вполне верно рассчитывать на успех при римском дворе. Светоний в «Жизни Нерона» и (Дион) Хризостом в своих «Речах» передают об одном волхве, который в глазах Нерона хотел представить свое искусство летания, но которого опыт не удался; новый Икар полетел на землю и обрызгал своей кровью вблизи стоявшего императора. Ни Светоний, ни Хризостом не называют имени этого волхва. Но, судя по тому, что такие опыты входили в программу Симоновых чудес, далее – на основании свидетельства других историков, в этом фокуснике должно видеть Симона волхва. Самое важное известие об этом находится в «Апостольских постановлениях», где действующим лицом является также ап. Петр. В день, назначенный для опыта, говорится здесь, с прочими приходит в театр и ап. Петр. Между тем как жители находились в напряженном ожидании, апостол молился в душе, чтобы Господь посрамил врага Своего имени. Вот уже поднялся волхв своими летательными крыльями; Петр с распростертыми руками зовет к нему вослед: «Если я апостол Иисуса Христа и человек Божий повелеваю нечистой силе отстать от него, чтобы он полетел оттуда и сделался предметом насмешек для тех, которых теперь обольщает». Едва выговорил это Петр, как с шумом и в сильном дыму падает на землю волхв с разбитыми коленами и ногами. Увидев такое чудо, многие из приверженцев бросили его. Кирилл Александрийский, св. Амвросий и Феодорит принимают этот рассказ на веру. Об этой же неудаче Симона волхва повествует в «Жизни ап. Петра» Маркел, сын префекта римского, будто из учеников Симона сделавшийся последователем ап. Петра; только у него победа Петра над Симоном представлена обстоятельнее, именно – он рассказывает, что происходили длинные переговоры, с одной стороны, между императором Нероном и ап. Петром и с другой – между Симоном и его

последователями, кончившиеся победой над волхвом и окончательным разоблачением его обманов. К этому известию известный Авдий присовокупляет, что Симон лишился и дара воскрешения мертвых, так что даже сам разбитый и искалеченный должен был кончить дни свои, как ни старался натиранием масла вылечить свою болезнь. В старости к этой болезни мог присоединиться, естественно, упадок сил духа с мрачным настроением при воспоминании о лучшем прошедшем. Старик все-таки нашелся, выдержал характер и кончил роль свою тем, чем и начал — надувательством. Писатель «опровержения всех ересей» (как думают, св. Ипполит) так рассказывает о его смерти: Симон уверял своих учеников, что он воскреснет через три дня, как и Иисус Христос, и просил их похоронить его живого. Но, прибавляет Ипполит, ученики хотя и сделали то, что просил учитель (который прежде назывался «стоящим», а теперь хромой и увечный сидел под чинаром, уча своих учеников), но он остался там, где был, ибо не был он Христос. Бедному волхву хотелось, по крайней мере, на три дня оставить учеников в прежней уверенности, что он не простой человек, а Бог, нисшедший на землю.

Симон кончил деятельность свою, дав толчок умственному движению в кругу людей сделавшихся его приверженцами. Судя с нашей отрешенной точки зрения, нам нелегко понять, как такое учение, как учение Симона, проповедовавшее разнузданность воли, воспламенявшее нечистые страсти и уходившее в область фантазии, могло найти почитателей. Но если стать на историческую точку зрения, то надо признать, что успех его ереси необходимо вытекал из гармонического отношения ее к духу времени, такими яркими красками изображенного и осмеянного Тацитом, Ювеналом и Лукианом. Как учение времени, оно должно было потерять кредит с переменой времени, с возникновением других стремлений и интересов религиозной мысли, с созданием иных идеалов жизни. Не веку, не обществу, умиравшему от внутреннего гниения, выработать было их. Для этого нужно было воздействие особенной нравственной силы — человеческой и вместе божеской. Такой нравственной силой, создавшей дух в тогдашнем человеке и сообщавшей ему другие стремления и идеалы, явилось христианство. Но его победа не вдруг совершилась: из факта или явления внешнего оно долженствовало сделаться внутренним голосом сознания или внутренней образующей силой. Учение Господа, простое по внешности, возвышенное по идее и глубокое по жизненному содержанию, уже огласило страны языков и «людей, ходивших во тьме». Не прошло и полстолетия, как сошли с исторической сцены апостолы, и уже христианское учение является определенным в общих чертах. Подлинник этого учения мы имеем в известном древнейшем символе, так называемом «апостольском», который служил формулой оглашения в апостольский и пос-

ледующие два века. Он предлагает веру в Единого Бога Отца и Творца мира и всех человеков, веру во Христа Иисуса, Сына Божия, явившегося во плоти для спасения людей, рожденного от Девы и Духа Святого, претерпевшего смерть крестную, вознесшегося на небо плотью и имеющего снова явиться для суда и воскрешения плоти; веру, наконец, в Св. Духа, говорившего в пророках, во всей полноте обитавшего во Иисусе Христе и ведущего людей ко спасению. Нравственные начала, которые новая вера проводила в жизнь, видны были в слове и в жизни ее приверженцев; братство всех во имя Искупителя Богочеловека, всеобщая любовь в смысле тесных нравственных отношений, взаимная помощь и чистота духа составляли нравственные начала, которые имели перейти в общую историческую жизнь из бедного и незначительного круга галилеян. Это долженствовало совершиться вместе с победой христианства отчасти как факт подготовительный, а более – как последующий. Кто же были его враги? Толпы лжеучителей, которыми так изобиловали первые два века христианства, лжеучителей всех сортов, враждебных друг другу и ведших общую войну против общего врага – христианства. Самыми сильными и опасными были гностики, надменные знанием тайного, настроившие столько фантастических теорий, фундаментом для которых послужило открытие Симона волхва – мысль о парном вочеловечении Бога. Как христианская богословская наука последующих трех веков служила только рассеянием и подробным раскрытием истин – «апостольского символа», так и гностические системы II–IV веков все выходили и имели в основании мысль Симона волхва; одни более приближались к ней, а другие менее.

Мысли на стихи 13, 21, 22

Свт. Феофан

Симон (волхв) *и сам верова, и крещся бе пребывая у Филиппа.* И веровал, и крестился, а ничего не вышло из него. Надо думать, что в строе веры его было что-либо недолжное. Вера искренняя есть отрицание своего ума. Надо ум оголить и, как чистую доску, представить вере, чтоб она начертала себя на нем как есть, без всякой примеси сторонних речений и положений. Когда в уме остаются свои положения, тогда, по написании на нем положений веры, окажется в нем смесь положений и сознание будет путаться, встречая между действиями веры и мудрствования ума. Таков и был Симон – образчик для всех еретиков; таковы и все со своими мудрствованиями вступающие в область веры, как прежде, так и теперь. Они путаются в вере, и ничего из них не выходит, кроме вреда для себя, когда они остаются безгласными, для других – когда не удерживается в них одних эта путаница, а прорывается наружу по их жажде быть учителями. Отсюда всегда выхо-

дит партия лиц более или менее погрешающих в вере с несчастной уверенностью в непогрешимости и бедственным позывом всех переделать на свой лад.

Св. Петр говорит Симону: *несть ти части, ни жребия в словеси сем: ибо сердце твое несть право пред Богом. Покайся убо о злобе твоей сей, и молися Богу, аще убо отпустит ти помышление сердца твоего.* Нет части, а Симон и думать не думал, что зашел так далеко, и, делав внешне, ничего не делал безобразного, а только подумал неправо – и помышление сердца его сделало то, что апостол недоумевал, отпустится ли оно ему, если даже он покается и молиться будет Богу. Вот что значит строй сердца и помышление из него исходящее по известному строю. Судя по нему, человек совне бывает одно, а изнутри – совсем другое. И это внутреннее видит только один Бог и те, кому откроет Дух Божий, испытующий сердца. С каким же страхом и трепетом должно содевать свое спасение! И как искренне и усердно нужно молить Бога: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!* И на суде будет нечто страшное и изумительное. Скажет Господь: *не вем вас* тем, которые не только были уверены сами, что суть Божии, но и в очию всех являлись таковыми. Что же остается нам? Только взывать: «Ими же веси судьбами спаси нас, Господи!» Сам, как знаешь, дай спасительный строй сердцу нашему!

Мысли на стихи 30–31

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 16

Св. Филипп спрашивает каженика: *разумееши ли, яко чтеши?* Тот ответил: *како могу разумети, аще не кто наставит мя?* Как часто испытывают то же читающие Слово Божие и отеческие писания! Читаемое не вмещается в голове; ум не может внять тому и обнять то, словно речь идет о чем-то чуждом ему, о предметах из неведомой области. Вот тут и нужен толковник, знакомый с тем, о чем слово. У св. Филиппа был тот же дух, который давал и пророчества, и ему нетрудно было растолковать, что затрудняло каженика. Так и для нас теперь: надобно найти человека, который стоял бы на той степени жизни и ведения, какой касается затрудняющее нас Писание, и они растолкуют то без затруднения, потому что кругозоры духовные у каждой степени свои. Стоящий на низшей степени не все видит, что видит стоящий на высшей, и только может гадать о том. Случись, что невместимое для нас писание касается предметов высшей степени, а встреченный нами толковник стоит на низшей, то он нам не разъяснит того, как следует, а будет все применять к кругозору, и дело останется для нас по-прежнему темным. Дивиться надобно, как берутся толковать о предметах Писания люди совсем чуждые той области, к которой принадлежат те

предметы. И выходит у них все не как следует; выситься же своими толкованиями они не забывают.

Обращение евнуха (8: 26–40)

«Христианское чтение», 1834, ч. 3

Учение об Иисусе Христе едва успело распространиться от Иудеи до Самарии, как Промысл Божий благоволил предпослать луч небесного света, если не до последнего, то до весьма отдаленного края земли. Исполнителем воли Его был тот же Благовестник, который принес проповедь о кресте в землю Самарийскую.

Когда Петр и Иоанн, засвидетельствовав в Самарии Слово Божие, обратно пошли в Иерусалим, Ангел Господень сказал Филиппу: «Встань и поди на полдень на пустынную дорогу, ведущую из Иерусалима в Газу». Филипп повинуется гласу Небожителя и, проходя указанным путем, видит едущего путника. То был один из вельмож эфиопской царицы Кондакии, евнух, хранитель всех ее сокровищ, приезжавший для поклонения в Иерусалим из отдаленного Меро, куда, как и в другие страны, давно достиг слух о величии Бога Израилева.

Временем пребывания сего евнуха в столице иудейской были дни гонения, воздвигнутого на почитателей распятого Иисуса. В продолжение сего бедствия Иерусалим не оглашался всенародной проповедью апостолов, и потому эфиопский вельможа не имел благоприятного случая слышать наставления в спасительном учении из уст первых самовидцев и служителей Слова. Но, как наблюдательный путешественник, он не преминул, конечно, собрать сведения о недавних событиях иерусалимских, особенно когда заметил волнение умов, произведенное проповедниками нового учения, и усмотрел меры, принятые правительством против его распространителей. Естественно, ему хотелось бы подробнее узнать сущность сего учения, но продолжавшееся гонение заставило его отправиться в отечество с неудовлетворенным любопытством. Перед отъездом своим он достал список с пророческой книги, составлявшей важную часть Ветхозаветного Писания, надеясь, вероятно, найти в ней вразумление касательно современных происшествий в царстве истинной религии, которого, может быть, тщетно он искал у иудейских книжников. Итак, проезжая теперь пустынным местом, он берет сей список и читает его с вниманием.

Филипп, который уже стоял на дороге, видит приближающуюся колесницу и в ней иностранца со свитком в руках. По внушению Духа Божия, он немедленно подходит к колеснице, вслушивается в произносимые путешественником слова и узнает, что читаемый свиток есть книга пророка Исаии. Эфиоплянин, заметив приближение Филиппа, прерывает свое

чтение, и тогда сей последний обращается к нему с вопросом: «Разумеет ли он, что читает?»

Наблюдатель дивных путей Промысла не может довольно надивиться, какие благоприятные минуты избирает верховный Податель мудрости и Отец светов, когда благоволит просветить кого-либо учением Своей истины. Если человек не отвык еще от размышления и не совершенно пристрастился к мирской суете, то уединение наиболее располагает его к беседе с Богом и своей совестью. Под открытым небом, среди окружающего нас безмолвия, вдалеке от городского шума, который мы оставляем за собой, душа наша имеет более готовности к принятию небесных впечатлений, столь редко посещающих ее в другое время. И сими-то минутами пользуется Сердцеведец, чтобы сообщить познание истины эфиопскому царедворцу!

На предложенный Филиппом вопрос касательно разумения пророческих слов царедворец отвечал: «Как мне разуметь без наставника?» — и, вероятно, почтя Филиппа иудейским раввином, каких он много видел в Иерусалиме, тотчас пригласил его сесть подле себя в колеснице. Надменный фарисей, конечно, не скоро решился бы сопутствовать необрезанному иноплеменнику; напротив того, Филипп, который перед сим только оставил Самарию, нимало не колеблясь, исполняет желание эфиоплянина и просит его показать место из Пророка, которое он читал. То были следующие слова Исаии: *как овца веден Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзает уст Своих. В уничижении Его совершился суд Его. Но род Его кто изъяснит?* (Ис. 53: 7, 8).

«К кому это относится? — спрашивает Филиппа евнух, ищущий разумения пророческого слова, — о себе или о ком-либо другом говорит сие пророк?»

Место из Пророка ясно сказывало Филиппу, как и что он должен говорить своему спутнику. Он имел намерение благовествовать ему об Иисусе Христе, и вот не только представляется удобность завести разговор о всемирном Искупителе, но и самые слова пророка прямо открывают предмет преднамеренной беседы! Филипп с радостью поспешает ознакомить иностранца с учением евангельским: рассказывает ему о пострадавшем в Иерусалиме великом Праведнике; объясняет, каким образом в лице недавно воскресшего Иисуса (эфиоплянин, без сомнения, слышал это имя еще в Иерусалиме) совмещаются то уничижение и та слава, о которых говорит пророк; показывает ему плоды смерти Богочеловека и живо изображает перед ним величие Его яко Царя и Судии всех человеков.

Царедворец отверстым слухом внемлет слову Благовестника. Свет небесной истины осиял ум его, и сила веры полагает в то же время зерно благодатной жизни в его сердце. Теперь понятны для него слова Исаии;

он убеждается, что тот великий Праведник и великий Страдалец, Царь и Отец всего есть Богочеловек Иисус; он разумеет всю важность звания ученика Христова.

Между тем Филипп и евнух приблизились к потоку. Первый в своей проповеди, конечно, не забыл сообщить последнему ведение о таинственной двери, посредством коей отверзается вход верующим в Церковь Христову, и о тех чудесных дарах, кои подаются им от Святого Духа. При виде потока евнух спешит обнаружить пламенное желание души принадлежать Иисусу. «Вот вода, – восклицает он, – что препятствует мне креститься?» «Можно, – ответствует Филипп, – если ты веруешь от всего сердца». «Верую, – говорит ефиоплянин, – что Иисус Христос сеть Сын Божий» – и тотчас приказывает остановить колесницу. Поток делается купелью для евнуха, и он от руки Филиппа немедленно принимает благодать крещения.

Крещение иноземца и притом в такое время, когда еще в самой Иудее предстояла проповедникам Слова богатая жатва, было так необыкновенно, что не могло совершиться без непосредственного внушения Божия. Посему нельзя сомневаться и в том, что после крещения евнух получил Духа Святого, хотя без рукоположения апостольского.

По совершении крещения Ангел Господень взял Филиппа, и евнух уже не видал его более. Радость о сделанном им великом приобретении, мысль о том влиянии, какое будет иметь настоящее событие на всю его жизнь, надежда осчастливить свое отечество через озарение его небесным учением наполняли всю его душу и успокоивали касательно внезапного удаления учителя. Промысл, так чудно устроивший обращение евнуха, действительно имел в сем муже избранное орудие к распространению Божественной веры в его отечестве. По свидетельству древних христианских писателей, доныне продолжающееся в Абиссинии христианство ведетсвое начало от обращения евнуха.

Филипп, породив таким образом нового сына в наследие Царству Христову, является потом в *Азоте.* Движимый тою же ревностью к распространению Божественного учения, которая до сего времени одушевляла его, он возвещает слово спасения в пограничных с Иудеей городах и селениях и, наконец, с сей же проповедью приходит в *Кесарию.*

Как на востоке читают книги

«Воскресное чтение», 1874, ч. 1

Кто путешествовал по Востоку, тот, конечно, часто встречал где-нибудь на площади, на улице писца с чернильницей при поясе и тростью для письма в руке, пишущего письма для женщин, которые на востоке вообще редко умеют писать. Правда и там многие мальчики посещают школу, но что ка-

сается девочек, то немногие из них умеют даже читать. Матери не занимаются да и не могут научить детей чтению и приохотить их к книгам и, таким образом, обрекают их на невежество, особенно девочек. Что касается мальчиков, то они выучиваются читать и писать в школе. Каждый мальчик, посещающий школу, имеет письменные таблицы — складные, деревянные или каменные. Такие таблицы, похожие на наши грифельные доски, были в употреблении у евреев, римлян и доселе существуют в Персии, Палестине, Аравии и Греции. На этих табличках ученик записывает урок учителя, который дается на следующий день, и тут же заучивает. При этом учитель требует от детей, чтобы они учили урок не про себя, но громко повторяли написанное на их таблицах. Урок заучивается нараспев, причем ученик раскачивается своим телом туда и сюда, как маятник, как бы выбивая такт, подобно солдатам во время похода. Если ученик не исполняет требования относительно заучивания урока, учитель бьет его палкой или ставит на колени на камнях.

Таким образом, еще в школе дети привыкают читать громко, и эта привычка навсегда остается в них. Посему в восточных странах каждый читает громко, что бы ни пришлось читать ему — книгу ли или письмо от друга, и этой привычки он не изменяет нигде, читает ли он у себя дома, на улице ли или на базаре. И все так привыкли к этому, что, проходя мимо читающего, никто не остановится подслушать его, а потому и секретные письма читаются там громко, без опасения быть подслушанным. Как в школе, так и везде все читается нараспев и с раскачиванием тела взад и вперед, как будто без того читающий не может понять читаемого. Этим обычаем легко объяснить то обстоятельство, каким образом диакон Филипп услышал, что эфиоплянин евнух читал, сидя на колеснице. В Деяниях апостольских говорится, что ангел Господень приказал Филиппу идти на полдень в пустыню, лежащую между Иерусалимом и Газою. Идя по дороге, Филипп увидел эфиоплянина. «И вот муж эфиоплянин, евнух, вельможа Кандакии, царицы эфиопской, хранитель всех сокровищ ее, приезжавший в Иерусалим для поклонения, возвращался и, сидя на колеснице своей, читал пророка Исаию» (8: 27, 28). Филипп, имевший в сердце любовь к Богу и желание помочь другим, подошел к колеснице и услышал, «что он читает пророка Исаию», услышал, потому что евнух, по восточному обычаю, читал громко. Эфиоплянин читал следующее прекрасное место из 53 главы пророка Исаии: «Яко овча на заклание ведеся и яко агнец пред стригущим его безгласен, тако не отверзает уст своих» (53:7). На вопрос Филиппа: «Понимаешь ли, что читаешь?» Он отвечал: «Как могу разуметь, если кто не наставит меня?» (Деян. 8: 30, 31). Видя, что Филипп иудей, он попросил его взойти и сесть с ним. Филипп тогда сказал ему, что за несколько сот лет назад пророк Исаия писал об Иисусе, Агнце Божием,

Который после пришел в мир и понес на Себе грехи мира. Говорил Филипп и о том, что Бог так возлюбил мир, что послал Сына Своего Единородного, чтобы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Эфиоплянин уверовал и был крещен Филиппом на дороге.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 8-й ГЛАВЕ

1) Ст. 9–11. Волхвование. Библ. поп. сл. «Воскр. чт.», 1874, 2.

2) Ст. 26–9. Желанная встреча. «Душ. чт.», 1881, 1, янв.

3) Ст. 27. *Кандакий.* Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 1.

4) Ст. 40. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 1.

5) Начало ересей в Церкви Христианской (из *Шаффа*), *Митропольского.* «Прав. об.», 1861, 6.

6) *Фаррар.* Самаряне. Симон волхв. Евнух. Жизнь и труды св. ап. Павла. Т. 1. Первые дни христианства. Симон волхв – легенда о его споре с ап. Петром.

7) *Леонид, еп. Дмитровский.* Жизнь св. ап. Петра.

8) *Евсевий, архиеп. Воронежский.* Чтения о св. первоверховном ап. Петре. О деяниях св. апостола перед исшествием и по исшествии из Иерусалима.

9) *Евсевий, архиеп. Могилевский.* Ст. 32–42. Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола, ч. 1.

ГЛАВА 9

Краткое начертание жизни святого апостола Павла

«Воскресное чтение», г. 2

Павел по происхождению еврей от колена Вениаминова (Флп. 3:5); римский гражданин по праву рождения в Тарсе Киликийском (Деян. 22: 3, 25–28); по закону, или по особливому *толку*, фарисей (Флп. 3:5), к чему приготовлен воспитанием в Иерусалиме у славного законоучителя Гамалиила (Деян. 5:34); художеством *скинотворец* (делатель палаток) (Деян. 18:3); по предопределению – *сосуд избран* (Деян. 9:15); по духовному служению – проповедник, *апостол и учитель языков* (1 Тим. 2:7); по смирению – *мний апостолов* (1 Кор. 15:9); по трудам – *паче всех их* (1 Кор. 15:10).

Вскоре по вознесении Господнем Павел сделался известен как гонитель Церкви Христовой. Во время побиения камением Стефана он, как участник, стерег одежду побивающих (Деян. 7:58; 8:3).

В том же духе, идя в Дамаск, Павел был ослеплен светом и обращен гласом Христовым с небеси, а в самом Дамаске приял от Анании прозрение и крещение и соделался исповедником (Деян. 9: 1–22).

Отселе был в Аравии (Гал. 1: 15–17), после чего опять в Дамаске, где

испытал первую опасность от иудеев и князя языческого (Деян. 9: 23–25; 2 Кор. 11:32).

По сему случаю придя в Иерусалим, вошел в общение с Петром и Иаковом, братом Господним, но и здесь, раздражив проповедью эллинов, отправился в Кесарию, а потом в Тарс (Деян. 9: 26–30; Гал. 1: 18–21).

Когда основалась Церковь Антиохийская, Павел приглашен был Варнавой для ее утверждения. По случаю голода, оба они были посланы от нее в Иерусалим с милостыней (Деян. 11: 25–30).

После сего, по торжественному воззванию от Св. Духа, Павел предпринял из Антиохии с Варнавой *первое апостольское путешествие*, в котором посещены:

Селевкия,

Кипр, где Павел ослепил волхва Вар-Иисуса, обратил к вере проконсула Сергия Павла;

Антиохия Писидийская, где язычники приняли проповедь, а иудеи воздвигли гонение на проповедников;

Икония, откуда также междоусобие жителей препроводило их далее;

Листра, где Павел, исцелив хроморожденного, принят был за Меркурия язычниками, а от иудеев побит камением;

Дервия с окрестностями.

Путешествие кончилось обратным посещением новоучредившихся Церквей (Деян., гл. 13 и 14).

Распря о свободе христиан от закона обрядового и по сему случаю бывшее Павлу откровение вновь привели его из Антиохии в Иерусалим. Апостолы утвердили его учение Собором и признали его *Богоизбранным апостолом язычников* (Деян. 15: 1–33; Гал. 2: 1–10).

По некотором времени следовало *второе путешествие апостольское* Павла, в котором, кроме прежде утвердившихся Церквей, посещены:

Фригия;

Галатия;

Мисия;

Троада, откуда апостол видением воззван в Македонию;

Неаполь;

Филиппы, где он за изгнание *духа пытливого* (прорицательного) вместе с сопутником своим Силою биен и ввержен в темницу, но только для того, чтобы чудом молитвы привести к Богу темничного стража;

Амфиполь;

Аполлония;

Солунь, или Фессалоники, где хотя некоторые из иудеев и многие из язычников уверовали, но непокорившиеся иудеи огласили проповедников возмутителями;

Берия, где они приняты жителями со всем усердием, но преследованы от фессалоникских иудеев;

Афины, где Павел проповедовал в самом Ареопаге и между прочими приобрел Дионисия Ареопагита;

Коринф, где Павел, огорченный упорством иудеев, но и обнадеженный в успехе видением, проповедовал полтора года и где он вступил в новое служение – священного писателя, написав Послание к Солунянам (1 Сол. 3:6; Деян. 18:5);

Кенхрей;

Ефес.

Путешествие сие окончилось посещением Церкви Кесарийской, празднованием праздника в Иерусалиме и некоторым отдохновением в Антиохии (Деян. 15:36; 18:22).

В *третьем*, от Антиохии же начавшемся, *апостольско-мученическом путешествии* Павлом посещены:

Галатия;

Фригия;

Ефес, где Павел преподает крещение и Св. Духа ученикам Иоанновым, учит и чудодействует более двух лет и распространяет славу Евангелия по всей Азии проконсульской и где дерзновенное употребление имени Иисуса Христа иудейскими заклинателями приводит в раскаяние многих чародеев, а корыстолюбие Димитрия среброковача производит нелепое против христиан возмущение;

Македония и **Эллада**, даже до **Иллирика** (Рим. 15:19), и возвратно;

Троада, где Павел воскрешает падшего из окна Евтиха;

Ассон;

Митилин;

Хиос;

Самос;

Милет, где апостол как бы навсегда прощается с пастырями Ефесской Церкви;

Кос;

Родос;

Патара;

Тир, где Павел получает первое известие об узах, ожидающих его в Иерусалиме;

Птолемаида;

Кесария, где предвестие об узах с большей ясностью повторяется пророком Агавом, однако не колеблет Павла;

Иерусалим, где Павел, некогда в *лице противуставший Петру* за иудейские обряды (Гал. 2: 11–14), сам принужден совершать их и однако подвер-

гается навету иудеев и опасности жизни как враг закона и осквернитель храма, но, несмотря на то, в узах свидетельствует об Иисусе и явлением Его призывается к подобному свидетельству в Рим. А на сем новом пути видят Павла;

Кесария, куда быв препровожден для сохранения от иерусалимлян, заклявшихся умертвить его, несколько раз изъясняет он свою невинность и свою веру областным правителям Феликсу и Фесту, и царю Агриппе, но производит в них впечатление почти только одним *наречением кесаря* (апелляцией к кесарю);

Сидон;

Кипр;

Миры Ликийские;

Мелит, где он и, по его предсказанию и совету, все его спутники обрели спасение с потонувшего корабля и где пребывание его ознаменовано безвредным угрызением от ехидны и целением недужных;

Сиракузы;

Ригия;

Потиолы;

Рим, где Павел уже сретается христианами, впрочем, два года проповедует за домашней от правительства стражей в надежде совершенной свободы (Флп. 1: 25, 26) и вносит Евангелие в самый дом кесаря (Флп. 4:22; Деян. 18:23; гл. 28).

От Рима можно полагать начало *четвертого апостольского путешествия Павлова – темного* в его истории. По сказанию Климента (в Посл. к Коринф.), он был в сие время на Западе, так как и верно намеревался быть в Испании (Рим. 15:24). По признакам, находящимся в его посланиях, догадываются, что он посетил вновь некоторые восточные Церкви (Флм. 22; 2 Тим. 4: 13, 20) и основал новую в Крите (Тит. 1:5). Возвратясь же в Рим к суду, всеми оставлен, но укреплен явлением Господа (2 Тим. 4: 16–18). В сие время пиша к Тимофею, он предсказывал близость кончины своей (2 Тим. 4:6), которая последовала от меча, в гонение Нероново, не ранее 64-го года по Р. Х.

Автобиография апостола Павла

«Воскресное чтение», г. 1

«Жизнь мою от юности моей, которую сначала проводил я среди народа моего в Иерусалиме, знают все иудеи.

Знают *также* обо мне издавна (ежели захотят свидетельствовать), что я жил по учению фарисейскому – строжайшему в нашем вероисповедании (Деян. 26: 4, 5).

Я иудеянин, родившийся в Киликии, в Тарсе, воспитанный в сем городе при ногах Гамалиила, тщательно наставленный в отеческом законе (Деян. 22:3).

Если кто думает на плоть надеяться, то я более: обрезан в осьмой день, от рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по закону фарисей, по ревности гонитель Церкви Божией, по правде законной непорочен (Флп. 3: 4–6).

Я думал, что мне должно сильно действовать против имени Иисуса Назорея, и я делал это во Иерусалиме.

Получив от первосвященников власть, я многих святых заключал в темницы, и когда убивали их, я подавал на то голос.

И по всем синагогам многократно мучил их и принуждал хулить *Иисуса* и в чрезмерной ярости на них преследовал их даже и в чужих городах (Деян. 26: 9–11).

Несмотря на сие, я помилован, потому что так поступал по неведению, не будучи в вере.

Помилован *для того,* чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной (1 Тим. 1: 13, 16).

Идучи в Дамаск со властью и препоручением от первосвященников, среди дня на дороге я увидел свет с неба, превосходящий солнечное сияние, который осиял меня и шедших со мною.

Все мы упали на землю, и я слышал голос ко мне, говорящий на еврейском языке: Савл, Савл! что ты Меня гонишь? трудно тебе идти против рожна.

Я сказал: кто Ты, Господи?

Он сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои, ибо Я для того явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем тому, что ты видел и что Я открою тебе, избавляя тебя от народа иудейского и от язычников, к которым ныне посылаю тебя открыть им глаза, дабы они обратились от тьмы к свету и из-под власти сатаны — к Богу и верою в Меня получили прощение во грехах и часть наследия с освященными.

Посему я не воспротивился небесному явлению.

Но сперва жителям Дамаска и Иерусалима, *потом* по всей земле иудейской и у язычников проповедовал, чтобы покаялись и обратились к Богу и делали дела достойные покаяния (Деян. 26: 12–20).

Потом, через три года, ходил я в Иерусалим видеться с Петром и пробыл у него пятнадцать дней.

Другого же *никого* из апостолов я не видал, кроме Иакова, брата Господня.

После сего ходил я в страны Сирские и Киликийские.

Потом, спустя четырнадцать лет, я опять ходил в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита.

А ходил по откровению. Там особенно знаменитым предложил я благовествование, проповедуемое мною язычникам, *из предосторожности,* не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался. Но и знаменитые ничего не возложили на меня более.

Напротив того, видя, что мне вверено Евангелие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо тот, кто содействовал Петру в апостольстве к обрезанным, содействовал и мне к язычникам).

И узнав о дарованной мне благодати, Иаков, и Кифа, и Иоанн, почитаемые столпами, *в знак согласия* подали руку мне и Варнаве, чтобы нам *идти* к язычникам, а им – к обрезанным, только чтобы мы помнили нищих, что и старался я исполнить в точности (Гал. 1: 18, 19, 21; 2: 1, 2, 6, 7, 8, 9, 10).

Я наименьший из апостолов и недостоин называться апостолом, потому что гнал Церковь Божию. Но благодатию Божию я то, что есть, и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился; не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною (1 Кор. 15: 9–10).

Я гораздо более был в трудах, более в ранах, более в темницах и многократно – при смерти.

От иудеев пять раз дано мне было по сорока *ударов* без одного.

Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл в глубине *морской.*

Много раз *был* в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от *других* народов, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратьями.

В труде и в изнурении, часто во бдении, в гладе и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе.

Кроме посторонних *приключений,* ежедневное ко мне стечение *людей,* забота о всех Церквах.

Кто немощен, с которым бы и я *не чувствовал* немощи? Кто соблазняется, за которого бы я не воспламенялся?

Ежели должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощию моей.

Я знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли, не знаю, вне ли тела, *также не знаю,* Бог знает) восхищен был даже до третьего неба.

Так знаю о сем человеке (*только* не знаю, в теле или вне тела, Бог знает).

Что он восхищен был в рай и слышал неизреченные слова, которых человек пересказать не может.

Таким *человеком* могу хвалиться, собою же не хвалюся, разве только немощами своими.

Впрочем, ежели я и захочу хвалиться, не буду безрассуден, потому что скажу истину, но я опасаюсь, чтобы кто не подумал обо мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня.

И чтоб я не превозносился чрезвычайными откровениями, дано мне жало в плоть, ангел сатаны мучит меня, чтобы я не превозносился.

Трижды молил я Господа о том, чтобы удалил его от меня.

Но *Господь* сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя в немощи совершенна. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами, дабы обитала во мне сила Христова.

Посему я нахожу удовольствие в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа, ибо когда я немощен, тогда силен (2 Кор. 11: 23–30; 12: 2–10).

Все, что было для меня приобретением, я почел ради Христа потерею.

Все почитаю потерею для познания Христа Иисуса, Господа моего, которое *все* превосходит. Для Него я от всего отказался и все почитаю пометом, чтобы приобресть Христа.

И найтись в Нем не с своею праведностию, которая от закона, *но с* праведностию, которая верою Христовою, которая от Бога по вере (Флп. 3: 7–9).

Подвигом добрым я подвизался, поприще кончил, веру сохранил.

Теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в оный день и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его (2 Тим. 4: 7–8).

Подражайте мне, как я Христу (1 Кор. 11:1). Будьте как я, ибо и я как вы» (Гал. 4:12).

Сказание о святом апостоле Павле

Блж. Иероним. «Воскресное чтение», г. 20

Павел (а прежде Савл), апостол не из числа двенадцати, происходил от колена Вениаминова. Родился в иудейском городе Гишалах, а по покорении сего города римлянами с родителями, переселился в Тарс Киликийский. Отсюда для образования послан в Иерусалим, где и учился у мужа ученейшего — Гамалиила, о коем упоминает Лука в книге Деяний. После того как он присутствовал при убиении мученика Стефана, отправился с письмами от первосвященника в Дамаск, чтобы преследовать веровавших во Христа, но на пути, посредством откровения, обращен и из гонителя претворен в избранный сосуд. Когда, вследствие проповеди его, уверовал проконсул кипрский Сергий Павел, он, по случаю этого торжества веры

Христовой, принял имя Павла и с Варнавою обошел многие города, а по возвращении в Иерусалим поставлен от Петра, Иакова и Иоанна апостолом язычников.

В двадцать пятом году по страдании Господа, а царствования Нерона на втором году, когда иудейский прокуратор Фест заступил место Феликса, он в узах был препровожден в Рим и здесь, находясь под стражею, целые два года ежедневно доказывал иудеям, что Мессия уже пришел. По первом ответе, когда Нерон еще не вдавался в те злодеяния, о которых говорит история, был отпущен Нероном для проповеди Евангелия на запад, как об этом он сам засвидетельствовал во втором Послании к Тимофею, которое писано в узах: *В первый мой ответ никто же бысть со мною, но вси мя оставиша: да не вменится им. Господь же мне предста и укрепи мя, да мною проповедание известно будет, и услышат вси языцы и избавлен бых от уст львовых* (2 Тим. 4: 16, 17).

Здесь под именем льва он разумеет Нерона по причине его жестокосердия, а чувствуя скорое свое мученичество, он присовокупил: *и избавит мя Господь от всякого дела лукава и спасет в царствие Свое небесное,* ибо прежде сего сказал: *аз уже жрен бываю, и время моего отшествия наста.* В тридцать седьмом году по страдании Христовом за Христа усечен во главу в Риме, в тот же самый день, в который скончался Петр, и погребен при дороге Остийской. Написал девять посланий к семи Церквам: по одному — к Римлянам, Галатам, Ефесеям, Филипписеям, Колоссянам; по два — к Коринфянам и к Солунянам; сверх сего, ученикам своим — Тимофею два, Титу одно и Филимону одно. Что же касается до Послания к Евреям, то некоторые думают, что его писал не Павел, поелику оно по слогу отлично от посланий его, но или Варнава, какого мнения держится Тертуллиан, или Лука евангелист, или Климент, епископ Римский, который, по мнению некоторых, как спутник Павлу, изложил мысли его своею речью. Вернее полагать то, что это послание писал сам Павел и в начале его умолчал о своем имени, потому что евреи ненавидели его, писал на еврейском языке с соблюдением всех красот сего языка, почему оно и в переводе явилось более красноречивым и разнится от прочих его посланий.

Апостол Павел до своего обращения ко Христу

Протоиерей Горский. «История евангельская и Церкви апостольской»

Савл, или Павел (первое имя еврейское, второе — римское), был из колена Вениаминова, родом из Тарса Киликийского. Что он там родился — это видно из собственных слов его в книге Деяний 21:39; 22:3 (противоречащее сему предание у Иеронима de viv. ill. c. 5, что Павел родился в Гискале,

городе галилейском, не заслуживает вероятия, хотя и оно может иметь сколько-нибудь в себе истины: может быть, его предки когда-нибудь жили в этом городке). Так как мы не знаем, долго ли Павел жил в отеческом доме, то и не можем определить, как велико влияние на его образование имело его рождение в главном городе киликийском, который в ученом отношении равнялся в это время Афинам и Александрии (по свидетельству Страбона). Конечно, его раннее знакомство с греческим языком и жизнью греков не осталось без влияния на образование из него учителя еллинов (языков). Но немногие места из греческих стихотворцев в его речи афинской и посланиях еще не доказывают, чтобы он воспитанию своему был одолжен знакомством с греческой литературой (1 Кор. 15:33 из Менандра, к Титу 1:12 из Епименида, Деян. 17:28 из Арата).

Первые два изречения могли ходить в народе как пословицы. Последнее замечательно своею точностью, удержано даже γάρ: τοῦ γὰρ καὶ γένος ἐσμέν. Но Арат был родом киликиянин, следовательно, соотечественник Павла; следовательно, его стихотворения могли быть ему известны и из школы. Притом сам апостол говорит, что он воспитывался не в Тарсе, а в Иерусалиме (Деян. 22:3) (ἀνατεθραμμένος). После образования раввинского ревностный фарисей, каким Павел был до обращения, не позволил бы себе входить в такое близкое общение с язычниками, чтобы учиться в их академии. Он предназначался отцом своим фарисеем, как видно, в раввины и для того отправлен был в Иерусалим, чтобы в школе фарисейской сделаться ученым толкователем Писания и преданий. Он воспитывался у Гамалиила, законоучителя фарисейской секты, который, по выражению книги Деяний (5:34), *был честен всем людем**. Образование в сих школах состояло в толковании Св. Писания. Иудеи, пишет Иосиф Флавий (Antiquit. I. XX c. XL), всю мудрость поставляют в том, чтобы а) ясно разуметь свои законы (τὰ νόμιμα σαφῶς ἐπιστάμενοι) и б) истолковывать силу священных книг (τὴν τῶν ἱερῶν γραμμάτων δύναμιν ἑρμηνεῦσαι). Изучение закона (по талмуду in Pirke Aroth. c. 5, 521) начиналось с пяти лет, с десяти – изучение мишны, с тринадцати лет юноша обязывался уже к строгому исполнению закона (Tholuck. Stud. u. Kritik., 1835. S. 366). Обстоятельное изучение закона Павлом можно видеть из множества приводимых им мест из Писания в его посланиях. До 50 мест приводится в них на память, то есть не с точным удержанием слов перевода. Наставник Павлов отличался умеренностью взгляда на разномыслящих (Деян. 5:34), он знаком был даже с греческой литературой. В талмуде пишется, что он позволял себе ходить даже в бани языческие, украшенные статуями богов. Когда это возбудило удивление в язычниках, то

* Согласно с сим и в Талмуде пишется: *с той поры, как умер Гамалиил, окончилась и слава Божия.*

Гамалиил отвечал: баня устроена прежде статуи, не она поставлена для богини (Венеры), но богиня поставлена для украшения бани (Tholuck. ibid. S. 378). Такая свобода в деле могла иметь благоприятное влияние на его учеников. Но юноша с пламенной и сильной душой, каков был Павел, если за что брался, то не иначе как со всем жаром; его сердце и само по себе было наклонно к ревности самой неумеренной – и фарисейство давало много пищи такому направлению. Из личных свойств его характера, равно как из собственных его свидетельств, мы можем заключить, что он старался превзойти всех своих современников в законной праведности, как понимали ее жаркие фарисеи. И это было не без намерения Промысла. Чем ревностнее было его стремление к святости, чем более он должен был бороться с некоторыми влечениями своей пламенной и сильной натуры, тем более имел случаев доказывать, что есть в человеке зло, которого нельзя укротить одной уздой закона; что человек может знать доброе, но не может всегда творить доброе, что он невольно, при всем добром расположении, увлекается силою богопротивных влечений от добра ко злу. Павел, конечно, никогда бы так живо, так точно не описал такого состояния в седьмой главе Послания к Римлянам, если бы не знал его по собственному опыту. И то, что он перешел к христианству из такой секты, в которой употребляли все предосторожности, поставляли всякие преграды против силы пожеланий и страстей, всеми мерами старались принудить себя к добру, – было весьма важно для Павла. Испытав все эти меры сам собою и узнав их слабость, он мог, как представитель всех людей с ревностными нравственными стремлениями, свидетельствоваться *собственным опытом* в том, как глубоко в человеческой природе лежит чувство потребности искупления. После этого, также по собственному опыту, он мог определить отношение внутренней свободы, проистекающей из веры в искупление, к рабству законному. Хотя Павел был верным и ревностным учеником Гамалиила, однако отсюда нельзя заключать, что перешел в него и дух умеренности, которым Гамалиил отличался в отношении к христианству. Ученик, и особенно ученик с таким сильным оригинальным духом, подчиняется духовному влиянию своего учителя только в такой мере, в которой оно соответствует его собственному расположению духа. Непреклонность его характера, огонь природы, огонь юношества делали его сильным, склонным к гонениям, ревнителем против всего, что противоречило системе почитаемой им святою. И когда Стефан восстал против фарисеев, то Павел, бывший тогда в Иерусалиме, стал с сего времени сильнейшим гонителем христианства. Он входил в дома христиан, влачил мужчин и женщин на суд Синедриона и заключал их в темницы (Деян. 8:3), принуждал их хулить Христа (26:11). После мученической кончины Стефана, когда многие последователи Евангелия искали себе убежища в других городах, он считал своим призванием преследовать

их в знатном сирийском городе Дамаске, куда довольно их удалилось. И спешил туда, быв уполномочен своим верховным судилищем по делам церковным (которому сами римляне предоставили право употреблять всякие меры против нарушителей их закона), истреблять всех христиан. Известно, что последовало с Павлом на пути в Дамаск.

Апостол Павел до обращения и после обращения своего ко Христу

Архимандрит Феодор.
«Несколько статей о святом апостоле Павле». СПб, 1860

Сам апостол Павел свидетельствует о себе, что Бог благоволил избрать его от чрева матери его: *Благоволи Бог, избравый мя от чрева матери моея.* (Гал. 1:15). Посему самые природные свойства прежде бывшего Савла и все обстоятельства его от самого рождения уже должны быть, по намерению Промысла, в некоторой сообразности с его избранием.

В самом деле, по самой природе своего духа Савл является необыкновенно великим и многовместительным сосудом, которому нужно было только предаться Христу и через это очиститься от греха и исполниться Св. Духа, чтобы он явился избранным сосудом Христовым – Павлом. Так, крайне неверна мысль, что Савл до обращения ко Христу водился преимущественно воображением и чувством. Напротив, из всего известного нам о нем до его обращения виден в нем ум твердый, отчетливый. Если он жестоко гнал христиан, то это произошло у него не от слепого движения пламенеющего ревностью сердца, но от ложного убеждения разума и совести, что того требовал самый долг. *Аз мнех*, говорил он впоследствии, с сокрушением жалуясь не на слепое чувство, а на ошибку ума и совести, *аз мнех, яко подобает ми много сопротивна противу имене Иисуса Назорея сотворити* (Деян. 26:9). Но из сих же слов видно и то, что Савл, действительно, не умом только хотел жить, но и сердцем столько же глубоким, как и восприимчивым; признанное и одобренное умом он принимал и в глубину своего сердца. А потому одарен был он и волей сильной и решительной на то, чтобы определения ума и движения сердца выражать и исполнять в соответственной им внешней деятельности.

Замечательно и важно, что с великими природными дарованиями Савл произошел и принял первые впечатления жизни не в Иерусалиме или Иудее, но среди язычников – в Тарсе. Когда он родился (Деян. 22:28), родители его были уже римскими гражданами. Видно, они были внимательны к тому, что из языческого быта могло быть полезно для израильтян. Отсюда всего проще объясняется то, как Савл познакомился с некоторыми языческими писателями (что видно из мест приводимых им из греческих поэтов).

И вообще, языческий мир для уроженца Тарса было открытие, нежели для иерусалимляна; быть не могло, или, по крайней мере, невероятно, чтобы Савл, с его дарованиями, вовсе упустил из виду особенно примечательное и важное в окружающей его среде язычества. Так Промысл самыми ранними обстоятельствами жизни Савла предуказывал и предуготовлял для него поприще, именно – в языческом мире. Но родители его твердо внушили ему и, следоватсльно, сами высоко ценили то, что они – чисто еврейского происхождения и именно из колена Вениаминова. Посему Савл и в языческом Тарсе был под влиянием духа природно иудейского.

Для воспитания Савл был послан в Иерусалим, где было столько иудейской святыни, столько видимых залогов великого назначения иудеев, где дух народный представлялся в полном и свободном раскрытии. Воспитатель его был знаменитый законоучитель и, по Талмуду, начальник над фарисейским училищем; Гамалиил – муж, как видно из книги Деяний, благонамеренный и здравомыслящий. И это – очень важное обстоятельство. Ибо, когда иудейство не примечало и не ощущало благодатного духа ветхозаветного устройства и закона, то отсюда не только происходило желание стоять за внешнюю законность как за самое существенное в деле спасения, но и была возможность под прикрытием наружных обрядов и дел закона иметь глубоко развращенное сердце, что и обличал Господь в фарисеях. Савл от Гамалиила перенял, по крайней мере, только превратные воззрения иудейства, но был свободен от искушения бесстыдного лицемерия, зависти, пустосвятства и подобных пороков чуждых Гамалиилу.

При изучении Закона Божия и разнообразных постановлений и преданий отеческих ум Савла, под руководством учителя-фарисея, не мог проникать далее мертвого письмени ветхозаветных откровений и внешности обрядов и потому убедился, как в истине, в мечте достигнуть совершенства духовного, или праведности, через строгое, преимущественно внешнее исполнение законных предписаний и преданий. Превосходство дарований и прилежания сего юноши послужило только к тому, что он стал *по закону фарисей, преуспевавший паче многих сверстников своих в роде своем* (Флп. 3:5; Гал. 1:14). Переводя такое убеждение и направление ума в самое чувство и жизнь свою, он был *по правде законной непорочен* (Флп. 3:6). И действуя с силою по этому правилу жизни, он явился *излиха жарким ревнителем отеческих преданий* (Гал. 1:14).

Когда Савл выступил на поприще самостоятельной деятельности, христианство уже неудержимо распространялось в Иерусалиме и всей Иудее. Савл чем с большей отчетливостью убежден был в иудействе (с известным характером оного), тем решительнее – при всей высоте учения христианского и поразительности апостольских чудес – оставался в неведении Божественности христианства; чем проницательнейший имел ум, тем яснее видел пря-

мую противоположность христианства тогдашнему иудейству и потому чем более любил закон отеческий и род свой с его высоким избранием, тем более разгорался негодованием на христиан и тем менее расположен был равнодушно смотреть на размножение их среди избранного народа. И вот о сем-то самом расположении своем и сказал апостол следующее: *аз мнех, яко подобает ми многая сопротивна противу имене Иисуса Назорея сотворити. Иже и сотворих*, продолжал он, *во Иерусалиме и многи от святых аз в темницах затворях, власть от архиерей прием: убиваемых же им прилагах совет* (речь, конечно, о Стефане) *и на всех сонмищах множицею муча их, принуждах хулити: преизлиха же враждуя на них, гонях даже и до внешних градов* (Деян. 26: 9–11). Казалось, что с отчетливостью в мыслях, с искренностью в чувстве и с силою на деле занятый враждою против христианства за иудейство, не имеющее жизни, дух Савла должен был остаться неприступным для благодати, и его участь, казалось, решена была им самим навсегда. Но он *творил* все это *по неведению*, по предзанявшим его ум, и сердце, и волю ложным понятиям, с слепой и Боговраждебной, но чистосердечной (Деян. 23:1) ревностью о мнимой правде – это и привлекало к нему благодать. *Помилован бых, яко неведый сотворих в неверствии* (2 Тим. 1:13). Благодать дала до всей крайности раскрыться в нем иудейству, чтобы тем вернее и решительнее в нем ниспровергнуть это иудейство и, исполнив собою его ум, сердце и волю, явить его благопотребным сосудом своим против иудейства для обращения язычников.

Как же это совершилось?

Враждуя всей душой против Бога и, однако, в совести, а не по внушению страстей, убежденный, что он поборает по Боге, он должен был или погибнуть, или же каким-либо образом быть вразумленным от Самого Бога, ибо его дух, мнящийся утверждаться в Самом Боге и притом при свидетельстве самой совести о своей непорочности перед Ним, не мог быть доступен ни для какого другого вразумления; всякое другое вразумление было далеко слабее внутренней опоры его заблуждения. Так произошло, что Павел призван был *не человеками, не чрез человека*, как он сам говорит, *но Иисусом Христом и Богом Отцом, воскресившим его из мертвых* (Гал. 1:1), *Савл... дыхая прещением и убийством на ученики Господни... испроси послания в Дамаск... Бысть ему приближитися, и... слыша глас глаголющ ему: Савле! Савле! что мя гониши? Рече же: кто еси, Господи? Господь же рече: Аз есмь Иисус, Его же ты гониши* (Деян. 9: 1–5)... И теперь все, что доселе направляло Савла против христианства за иудейство, должно было послужить только к тому, чтобы тем совершеннее обратиться ему от иудейства ко Христу и предаться Его истине и благодати.

Так, если Савл всей душой предан был и заблуждению, принимаемому им (по заблуждающей, но не зазирающей себя совести) за истину Божию, то по явлении ему непосредственно и лично самой истины и премудрости Божией – Христа, тем паче свойственно было ему с полным самопожерт-

вованием предаться сей самосущей истине — Христу. *Господи, что мя хощеши творити* (Деян. 9:6)? — с трепетом отозвался он на глас Господа тотчас же, как узнал, Кого он гнал в лице христиан. *Яже ми бяху приобретения,* — говорил он впоследствии, — *сия в миних Христа ради тщету. Но убо вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Христа Иисуса Господа моего, Его же ради всех отщетихся и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, яко разумети Его, и силу воскресения Его, и сообщение страстей Его, сообразуясь смерти Его* (Флп. 3: 7–10).

Если Савл, принимая ложь мертвого иудейства за живую истину Божию, был недоступен для вразумления ни словом, ни подвигами, ни чудесами учеников Христовых, никем и ничем, кроме Самого Бога — Христа, то такой душе, по непосредственном дознании или видении самого лица Божественной истины, свойственно было тем паче не знать уже никаких других правил и внушений, кроме света истины Божией, кроме водительства Христова и внушений Св. Духа. А это привлекало к нему в преизобилии новые непосредственные озарения небесной истины, новые откровения Христовы в непрестающем вдохновении от Св. Духа. Так произошло то, что *егда благоволи Бог явити сына Своего в Павле,* он с того времени «не советовался с плотью и кровью» и, таким образом, истину Христову принял и изучил не от человек, но по откровению Иисуса Христа (Гал. 1: 12, 15, 16). Не то сие значит, чтобы Павел уже не брал во внимание и в руководство свое ничего слышанного от очевидцев Христовых, проповеданного другими апостолами. Напротив, он же сам говорит о себе: «особенно же знаменитых, то есть из апостолов, *предложих благовествование, иже проповедую... да не како вотще текох, или трудихся»* (Там же, 2:2). Известно также, что он сам предъявил Антиохийской Церкви решение апостольского Собора касательно того, обрезывать или не обрезывать язычников, и тщательно выполнял желание других апостолов о собрании милостыни для нищих; *мнимии столпи быти десницы даша мне и Варнаве общения... нищих точию да помним: еже и потщахся сие истое творити* (Там же, ст. 9:10). Но дело в том, что Павел ничем и слышанным или принятым от других не пользовался и не руководился без удостоверения от непосредственного откровения. Так, если ходил апостол Павел в Иерусалим предложить свое учение на некоторое рассмотрение другим, то ходил именно по откровению; *взыдох же по откровению* (там же, 2:2). И решение апостольского Собора он уже упредил проповедью о решенной здесь истине, подтверждая Боговдохновенность своей проповеди знамениями и чудесами. Но вот яснейший пример на то, что и в слышанном от других он удостоверяем был непосредственным откровением. Быть не могло, чтобы он ничего не слышал от других об обстоятельствах учреждения Евхаристии, когда в апостольской Церкви ежедневно преломляли таинственный хлеб. Но Павел так говорит об Евхаристии: *аз*

приях от Господа, еже и предах вам, яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб и пр. (1 Кор. 11:23). Таким образом, если и слушал Павел то и другое у других апостолов, если и сам искал у них подтверждения своему учению, из предосторожности да не всуе трудится; тем не менее, однако ж, непреложно и в строгом смысле должно быть понимаемо то, что Павел не от человек приял благовестие или научился тому, но через откровение Иисуса Христа, как сам он говорит.

Если Савл столько ревновал об утверждении только призрака или безжизненного облика истины (каковым стало иудейство), что не удовлетворялся действованием за иудейство в Иерусалиме или в Иудее, но устремился и в чужие города, в языческий Дамаск, то тем паче свойственно было ему, непосредственно озаряясь светом самой истины Божией, сделаться избранным сосудом, готовым к разнесению сего небесного света всюду, где только можно было, с воспламененною и управляемою от Духа Святого ревностью. Господь нашел его таким сосудом уже при самом обращении его, когда сказал ему: *на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидетеля, яже видел еси и яже явлю тебе: изимая тя от людей Иудейских и язык, к ним же Аз ныне посылаю тебя отверсти очи их, да обратятся от тьмы в свет* (Деян. 26: 16–18); то же засвидетельствовал о нем другому, который назначался крестить Савла: *иди, яко сосуд избран Ми есть сей пронести имя Мое пред языки и царьми и сынми Израилевыми* (Там же, 9:15).

Так совершилось то, что Павел и призван был непосредственно от Бога и вступил в незаходимый для него свет непосредственных откровений Божиих с назначением просвещать мир сим светом – сказать кратко – из гонителя соделался боговдохновенным апостолом. Живое и скорбное сознание богопротивных дел доапостольской его жизни упрочивало в нем смирение – это внутреннее основание духовного совершенства – и усиливало ревность его в прохождении апостольского поприща силою Св. Духа. То и другое трогательно выражается в следующих словах апостола: *последи всех, яко некоему извергу, явися (Христос) и мне. Аз бо есмь мний Апостолов: иже несмь достоин нарещися Апостол, зане гоних Церковь Божию. Благодатию же Божиею есмь, еже есмь, и благодать Его, яже во мне, не тща бысть, но паче всех их потрудихся: не аз же но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15: 3–10. Подоб. 1 Тим. 1: 12–16).

Мало сего, самые прежние заблуждения Савла, по озарении души его светом Христовой благодати и истины, превратились для Павла, по премудрому устроению Промысла, уже как бы в некоторое предуготовление к главным предметам и делам апостольского его служения. Так, ложь правды законной, или поставляемой от самого человека вместо правды Божией, попущено было Савлу развить до последней крайности – до гонения на Христа и Его Церковь, и тогда-то открылась и дарована ему от Христа

истинная правда единственно по милости, покрывающей и заглаждающей все вины и притом поставляющей гонителя в апостола. Через это самое он и оказался готовым к полному вразумлению от Духа Святого в той истине, что человек оправдывается не законом, не через внешне буквальное исполнение законного долга, но благодатью, приемлемой через деятельное послушание живой веры. Действительно, в первом же апостольском путешествии он ясно и определенно изрекает эту истину: *от всех, от нихже не возмогосте в законе Моисееве оправдитися*, говорит он иудеям, *о сем всяк веруяй оправдается* (Деян. 13:39).

Савл, ратуя за ветхозаветные постановления, оказался враждебным существенному предмету откровений ветхозаветных — Христу, Который, впрочем, наконец во всем свете открылся ему. Так устроилась в его духе полная готовность к восприятию от духа истины тех откровений, что ветхозаветные образные учреждения и обряды, совершенно затемненные в своем существенном значении, уже стали негодны и что они должны быть отменены, когда явилась сама предызображаемая ими спасительная истина, что в Богоуправленных обстоятельствах и Богоданных откровениях и учреждениях Ветхого Завета предызображена тайна Христова. Посему уже в первых речах к иудеям, для убеждения их в вере во Христа, апостол излагает кратко самую историю Ветхого Завета и предостерегает: *да не приидет на них реченное во пророцех* (Деян. 13: 16–41), и является постоянным поборником того учения против иудействующих, чтобы не отягощать обращающихся язычников внешне законным игом иудейства.

Савл на себе самом испытал, сколь нелепы и гибельны гордые мечты избранного народа — иудеев — о своем превосходстве; он сам некоторое время разделял упорство сего народа, тогда как язычники начали оказывать послушание благодати спасения, которая, однако ж, обрела и его. Можно ли было после сего смотреть на свой народ с гордостью, как на необходимую принадлежность Церкви, и на язычников — с отвращением, как на врагов и отверженцев? Посему-то Господь и нашел его верным и способным к тому, чтобы вверить ему благовествование именно язычникам и для сего открыть во всем свете тайну призвания *языков*.

И как духовно велик и боголепен является святой Павел в возрожденном состоянии, в достоинстве и на поприще своего апостольства!

О чудесном обращении святого апостола Павла

Блаженный Августин.
«Воскресное чтение», г. 10

Мы слышали слова апостола, или лучше, слова Самого Христа, говорящего в апостоле, которого сделал Он проповедником из гонителя, — Он, по-

ражающий и исцеляющий, умерщвляющий и животворящий, Агнец, умерщвленный волками и волков претворящий в агнцев. Исполнилось на Павле то, что предсказано было в славном пророчестве Иакова, когда сей святой патриарх благословлял сыновей своих, касаясь присутствующих и провидя будущее. Ибо Павел, как сам свидетельствует, был от колена Вениаминова. А когда Иаков, благословляя детей, дошел до Вениамина, чтобы благословить его, то сказал об нем: *Вениамин волк хищник.* Но этот волк хищный всегда ли таков? Никак. Он *рано яст еще* (похитит), *и на вечер дает пищу* (Быт. 49:27). Сие-то исполнилось на апостоле Павле. Посмотрим на него, если угодно, рано похищающего и на вечер раздающего пищу. Послушайте о похищающем: *Савл,* как свидетельствуют Деяния апостольские, испроси послания от архиерея, *яко да аще некия обрящет того пути сущия, связаны приведет,* разумеется, для наказания, *и шел дыхая прещением и убийством* (Деян. 9: 1, 2). Вот он – рано похищающий! Савл явно присутствовал и тогда, как первомученик Стефан был побит камнями за имя Христово, и так присутствовал побивающим, что недостаточно было для него побивать только своими руками, но, желая быть орудием в руках всех побивающих, он хранил одежды всех, являя более свирепства в этом вспоможении, нежели в своеручном побиении. Таким образом, мы слышали: *рано похитит;* теперь посмотрим, как на *вечер разделит* пищу. Вот, пораженный гласом Христовым с неба, слышит он запрещение свирепствовать и падает на лицо свое, ибо надлежало быть прежде повержению его – потом восстанию, прежде поражению – потом исцелению. И не жил в нем после Христос, если б не предано было смерти то, что прежде в нем худо жило. Что же услышал низверженный? *Савле, Савле, что Мя гониши? Жестоко ти есть противу рожна прати* (Деян. 9: 4, 5)? А на вопрос его: *кто еси, Господи?* – тот же голос свыше ответствовал: *Аз есмь Иисус, Его же ты гониши.* Глава членов, еще на земле обретающихся, вопиет на небе и не говорит: что гонишь Моих служителей, но *что Мя гониши?* Савл говорит: что *мя хощеши творити?* Уже готовит себя на повиновение тот, кто прежде производил лютое гонение. Уже начинает образовываться из гонителя проповедник, из волка – овца, из врага – воин. Возвещено ему, что он должен делать. Правда он сделался слеп, но свет внешний отнят у него для того, чтобы сердце его озарилось внутренним светом; отнят свет у гонителя, чтобы даровался благовестителю. Но и тогда как не видел других предметов, видел Савл Иисуса. Так, в самой слепоте его образовалось таинство верующих, ибо верующий во Христа должен взирать на Него, а прочее считать как бы не сущим, да сознает в твари ее тленное, а в Творце – свое благосовершенное.

Теперь смотрите. Приведен он к Анании, а Анания значит овца. Вот хищный волк приводится к овце для последования ей, а не для хищения;

но дабы овца не ужаснулась при ужасном явлении волка, Сам Пастырь с неба, все сие устроявший, известил овцу, что волк хотя придет, но злости в нем уже нет. И при всем том такая страшная молва предшествовала сему волку, что овца, услышав его имя, не могла не смутиться. Ибо когда Господь Иисус возвестил Анании, что Павел пришел уже с тем, чтобы веровать, и Анания должен идти к нему, то сей сказал: *Господи, слышах от многих о муже сем, колика зла сотвори святым Твоим во Иерусалиме, и зде имать власть от Архиерей связати вся нарицающия имя Твое* (Деян. 9: 13, 14). Тогда Господь к Анании: *иди, Аз бо скажу ему, елика подобает ему о имени Моем пострадати* (15:16). Дивное и великое дело совершается. Свирепость волка обуздывается, волк пленником приводится к овце. И слух о хищном волке так был велик, что овца, услышав имя сего волка, боялась даже под рукою Пастыря. Но она укрепляется, да не помышляет уже о его злости и не боится его наглости. Так Агнец, умерший за овец, привел овцу в безопасность от волка.

Не премолчи, сказано, *ниже укротися Боже* (Пс. 82:2). И вот он не умолчал, воззвал с неба: *Савле, Савле, что мя гониши?* Исполнил первое — *не премолчи*, явит и второе — *не укротися*. Во-первых, не пощадил его заблуждения и лютости, гласом Своим низложил жаждущего убийств, отнял свет у свирепствующего, пленником привел его к Анании, которого он же, гонитель, искал. Вот не кротость, а гнев; гнев не против человека, но против порока. Мало сего, еще да не премолчит, да не укротится. Когда Анания боялся и трепетал, услышав имя столь известного всем волка, Господь говорит: *Аз скажу ему.* Вот уже угроза, вот гнев. *Не премолчи, ниже укротися, Боже.* Покажи гонителю не только благость, но и строгость Твою. Покажи, да научится и терпеть, что делал, да почувствует сам, что наносил другим. *Аз*, говорит, *скажу ему, елика имать пострадати.* Так явил Ты страх, но помоги, чтоб, страдая, не погиб тот, кого ты сотворил, кого обрел. *Аз скажу ему, елика имать пострадати о имени Моем.* Где страх — там и спасение. Кто действовал против имени, да потерпит за имя. О гнев милосердый! Видишь, как готовит меч, но для очищения, а не для погибели, для уврачевания, а не для убиения. Христос сказал: *Аз скажу ему, елика имать пострадати о имени Моем.* С какой целью? Внимай самому тому, кто страдал. *Недостойны*, говорит, *страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8:18). Пусть свирепствует, пусть скрежещет мир, пусть изрыгает ругательства, поднимает оружие: что сделает он тому благу, которое мы получим? Взвешиваю то, что терплю, против того, чего надеюсь. Первое чувствую, второму верую. И однако больше значит то, чему верую, нежели, что терплю. Какое бы ни было зло за имя Христово, если можно жить — оно сносно, если нельзя — преселит отсюда. Не упраздняет, а ускоряет. Что ускоряет? Награду, наслаждение, которое, когда настанет, никогда не престанет. Труд имеет конец, а награда бесконечна.

Обращение Савла (9: 1–31)

Бахметева. «Рассказы из истории Христианской Церкви». М., 1884

Между тем как в Иерусалиме, по убиении Стефана, продолжалось сильнейшее гонение на верующих, особенно ревностно действовал против них молодой Савл. Он принадлежал к секте фарисеев, которые ненавидели учение Христово, считая Христа разорителем закона Моисеева. Савл был искренно убежден, что ему следует всеми силами действовать против имени Иисуса Назорея. Одаренный умом, непоколебимой силой воли, духом пылким и отважным, он употреблял все эти дары против учения Христова и был одним из главных гонителей Христовой Церкви. Он входил в дома, брал верующих, предавал их суду, заключал в темницы, мучил их. Он принуждал их хулить имя Христово — то святое имя, которое скоро должно было сделаться его единственной надеждой. Когда убивали верующих, он подавал на то голос.

Мало того, Савл испросил еще у первосвященника письмо к синагогам в Дамаске, в Сирии, чтобы и там иметь право брать верующих и приводить их в Иерусалим. Он знал, конечно, что верующие, рассеявшись по разным городам, везде распространяли учение Христово. Первосвященник, вполне доверяя Савлу, дал ему письмо к синагогам в Дамаск, и Савл, дыша злобой и ненавистью к последователям Христа, отправился в путь. Но не успел он дойти до Дамаска, как, по милости Божией, произошла в нем чудесная перемена.

Он подходил уже к Дамаску, как вдруг, около полудня, большой свет с небеси осиял его и бывших с ним, так что все в страхе пали ниц. Затем голос с небеси сказал: «Савл, Савл, что ты Меня гонишь?» «Кто ты, Господи?» — спросил изумленный Савл. «Я Иисус, Которого ты гонишь», — сказал тот же голос.

В трепете и ужасе Савл воскликнул: «Господи, что повелишь мне делать?»

Все спутники Савла были в оцепенении, не понимая, что делается, ибо слышали голос, но не видали никого. Он же встал, но от славы света лишился зрения, хотя глаза его были открыты; его за руку повели в Дамаск. Три дня он пробыл в постоянной молитве, не вкушая пищи.

В Дамаске жил человек, верующий во Христа, по имени Анания. Господь в видении сказал ему: «Иди на улицу, называемую Прямой, и отыщи в Иудином доме тарсянина по имени Савл. Он теперь молится и видит в видении, что человек, которого зовут Ананиею, возложив на него руку, возвратит ему зрение».

– Господи! – сказал Анания, я от многих слышал об этом человеке, сколько он сделал зла святым Твоим в Иерусалиме, и теперь он имеет власть от первосвященника вязать всех призывающих имя Твое.

– Иди, – сказал Господь, – ибо сей человек есть Мой сосуд избранный и понесет имя Мое к народам, и царям, и сынам израилевым. И Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое.

Тогда Анания пошел и, найдя Савла, возложил на него руки и сказал: «Брат Савл, Господь Иисус, явившийся тебе на дороге, послал меня, чтобы ты прозрел и получил Духа Святого».

При этих словах, как будто чешуя спала с глаз Савла, он принял крещение и стал проповедовать в синагогах, что Иисус есть Сын Божий. Удивлялись все знавшие, что он был самый ревностный гонитель учения Христа. Иудеи, в ярости на него, решились его убить, но верующие, узнав об этом, помогли ему удалиться из города Дамаска: они спустили его ночью в корзинке из дома его. Савл некоторое время пробыл в Аравии и через три года после своего обращения пришел в Иерусалим. Он захотел пристать к ученикам, но они чуждались его, помня, как он гнал Церковь Христову. Наконец, один из учеников, Варнава, давно знавший Савла, потому что, как полагают, учился вместе с ним у Гамалиила, рассказал всем о чудесном обращении Савла и о том, как он проповедовал в Дамаске. Тогда ученики приняли его с любовию. Он везде безбоязненно говорил о Христе и много состязался с еллино-евреями. Понятно, что иудеи возненавидели его, теряя в нем сильного и ревностного союзника; они и тут покушались убить его. Тогда ученики проводили его в Тарс. Сам Господь повелел Савлу удалиться из Иерусалима; Он явился ему и сказал, что здешние не примут свидетельства его. «Поди, – прибавил Господь, – Я пошлю тебя далеко к язычникам».

Впрочем, в это время Церкви по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое, назидаясь и ходя в страхе Господнем, и при утешении от Святого Духа умножались.

Обращение Павла (37-й год)

В. Михайловский (перев. Шаффа).
«Святой апостол Павел». Перевод и издание. СПб., 1863

На пути в Дамаск случилось то самое чудо благости, вследствие которого дышащий гневом Савл стал молящимся Павлом, самонадеянный фарисей превратился в смиренного христианина, самый опасный враг Церкви сделался самым деятельным и сильным Ее апостолом и к своим богатым природным дарованиям воспринял обильные дары Святого Духа. Павел много раз в своих посланиях приводит это послужившее началом новой его деятельности событие в защиту своего апостольского служения, отвергаемого иудействующими его противниками, причем, однако ж, не вдается в подробное изложение обстоятельств, которые он считал известными, так как он их уже описывал верующим и знакомым. В Послании к Галатам он с особенной ясностью выставлял то, что он призван к апостольскому

служению не через посредство человеческое (как, например, некогда избранный по жребию на место Иуды Матфий), но прямо — воскресшим Христом (1:1), и что евангельское учение, назначенное для возвещения язычникам, получил независимо от человеческого наставления, по откровению от Иисуса Христа (ст. 11–16). Согласно с этим он говорит и в 6 ст. 4 гл. 2-го Послания к Коринфянам, где познание Христовой веры приписывает творческому действию Божию, которое он уподобляет появлению естественного физического света из хаотического мрака. Возникает вопрос: было ли это озарение, о коем упоминается в вышеприведенном месте, только внутренним делом (актом) в нем или вместе с тем сопровождалось и внешним явлением? По крайней мере, в 1-м ст. 9 гл. 1-го Послания к Коринфянам сказано прямо, что Павел «видел Иисуса Христа». А что он считает это действительным, внешним явлением, это видно из 1 Кор. 15:8, где ставит оное наряду с другими явлениями Воскресшего ученикам; «а после всех явился и мне, как извергу какому», — говорит апостол.

Что же касается рода и способа обращения Павла, то об том мы имеем три довольно подробных рассказа в Деяниях апостольских, именно: одно вышло из-под пера Луки (гл. 9: 1–19) и два — из уст Павла, именно — в его речи к иудейскому народу в Иерусалиме (гл. 22: 3–16) и в его апологии перед царем Агриппой и прокуратором Фестом во время темничного заключения апостола в Кесарии (гл. 26: 9–20). Все они согласны в главном, именно — в том, что обращение совершилось при посредстве личного явления прославившегося Искупителя. По рассказу Деяний апостольских Павел подходил однажды в полдень к Дамаску — этому богатому водою оазису и саду в пустыне; вдруг озарил его и его спутников необыкновенный свет с неба, который был ослепительнее самого солнца (26:13). В этом свете Павел увидел прославленного Господа Христа (9: 17, 27; Сн. 1 Кор. 9:1 и 15:8) и слышал Его голос, говорящий ему на еврейском языке (26:14): «Савл, Савл, что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна*». На вопрос Павла, упавшего на землю вследствие сильного впечатления от такого явления: «Кто Ты, Господи?» — Спаситель, по силе жизненного общения со Своими учениками каждое гонение против них считающий гонением против Себя Самого, сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь;

* Этот употребляемый о лошадях и буйволах оборот речи: πρὸς κέντρα λακτίζειν (adversus stimulum calcitare — лягать ногами в то время, когда кнутом стегают) — может означать или субъективную невозможность противодействия силе внедряющейся благодати и в таком случае содержал бы доказательство в пользу Августинова учения о неотразимой благодати (gratia irresistibilis), или, что нам кажется более вероятным, выражает бесполезность объективного (внешнего) противодействия стоящей на незыблемом основании Церкви Христовой. Это объяснение подтверждается сличением с речью Гамалиила (гл. 5:39): *а ежели дело это – от Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь же, чтобы вам не сделаться противниками Самому Богу.*

встань и поди в город; там тебе будет сказано, что надобно тебе делать». При этом видении Савлу несколько уяснилась тайна Божественного всесильного могущества Христова – единение Господа с Церковью – Своим телом, а также совершенная безуспешность всех нападок на нее. Прежняя его деятельность и гонения были осуждены; естественный человек его уничиженным и пораженным лежал на земле – в прахе. Когда Павел встал, то уже никого не видал, надземный блеск ослепил его очи. Как младенца, привели его в Дамаск, где он в течение трех суток оставался слепым и все это время провел в посте, размышлении и смиренной молитве о вышнем свете благодати и веры. Не мог ли он, среди таких скорбей рождения в новую жизнь, прочувствовать все бедственное положение естественного человека и несносное рабство закона и от всей души взывать: «Бедный я человек! Кто избавит меня от тела сей смерти» (Рим. 7:24)! После такого приготовления он внутренне был уверен в приближающейся помощи*, и ему был указан человек, который должен быть посредником и органом его телесного и духовного исцеления и имел привести его в братское общение с Церковью. Анания, уважаемый в Дамаске ученик, которого Господь предуведомил о том так же, как Петра насчет обращения Корнелия, по высшему повелению возвратил телесное зрение молящемуся Савлу через возложение на него рук, преподал ему крещение в оставление грехов и дар Святого Духа и познакомил его с Божественным его назначением, объявив, что он, как избранный сосуд, должен пронести имя Иисуса Христа к язычникам и иудеям и среди множества страданий за это имя удостоиться прославления**.

Оставляем в стороне те воззрения на такую богатую последствиями перемену, которые выступают из области библейско-христианского пони-

* Савл, *трепеща и ужасаяся, глагола: Господи, что мя хощеши творити* (Деян. 9:6)?

** Известные всем разноречия, какие находятся в трех рассказах и которым недавно Баур, по своему мифизму (стр. 60 и д.), придал чрезмерное значение, касаются только маловажных, побочных обстоятельств и для каждого беспристрастного человека служат только подтверждением достоверности и опровержением Баурова предположения о последовательно проведенной преднамеренности и рассчитанности писателя Деяний апостольских. *Во-первых*, по ст. 7, 9 гл. Деяний апостольских спутники Павла слышали говорящий ему голос, а в 9 ст. 22 гл. не слыхали. Это просто можно примирить тем, что спутники, хотя слышали звуки голоса, но не понимали членораздельных слов, которые назначались собственно для Савла. *Во-вторых*, по ст. 9, гл. 22. (сн. 26:13) спутники видели охвативший Павла свет, а по 7 ст. 9 гл. они никого (μηδένα) не видали, то есть никакого определенного образа в ярком свете, что нисколько не противоречит первому свидетельству и изображению. *В-третьих*, по 15–18 ст. 26 гл. Сам Иисус открыл Павлу об избрании его в апостолы, междутем как по двум другим рассказам оно происходит при посредстве Анании. Это объясняется тем, что Павел перед Агриппой для краткости рассказывает о деле в общих словах, но и первое повествование вполне верно, так как сообщение Ананией о служении произошло по поручению Господа и Павел еще дорогою был о том предуведомлен.

мания*; но все-таки нужно рассмотреть вопрос: при совершенной уверенности в историческом характере события и в Божественной деятельности нельзя ли допустить и психологической подготовки в душе Павла, потому что ведь Бог не действует же на человека насильно магически. В этом отношении обыкновенно указывали на отголосок мудрого совета его учителя Гамалиила (Деян. 5: 38, 39) и еще более — на то впечатление, которое должна была произвести на него речь Стефана и просветлевшее во время страданий лицо Стефана и других христиан, впечатление, от которого он, быть может, и думал освободиться еще более сильным преследованием. Но о таких предшествовавших состояниях в Деяниях апостольских и посланиях Павловых столь же мало сказано, сколько и о громе и молнии, а между тем Деяния апостольские ясно говорят, что он одобрял убиение Стефана (ἦν συνευδοκῶν 8:1; 22:20); да, такие предварительные состояния совершенно противоречат сильному, решительному характеру апостола, который, в своей ревности о законе, был твердо убежден, что преследованием христиан он угождает Богу и содевает спасение своей душе, и который, кажется, только и мог быть обращен или внезапно, или никак и никогда. На такие натуры Дух Божий действует через землетрясения, молнии и бури, а не в тихом дыхании ветерка. Да, именно внезапное превращение ревностного (зилота) иудея в искренно и пламенно преданного вере

* Сюда относится уже давно опровергнутое *рационалистическое* объяснение *Аммона* и других, которые совершенно против ясного смысла текста неземной яркий свет прославленного Богочеловека считают молнией, по-еврейски говорящий голос Его — громом, а во всем прочем видят дополнение разгоряченной восточной фантазии. Нисколько не лучше этого недавно предложенное Бауром *мифическое* понимание, по которому мы не должны бы видеть в рассказе никакого объективного явления — ни естественного, ни сверхъестественного, но только просто субъективное приключение, психологический процесс. «Свет, — говорит Баур, — есть не что иное, как символическо-мифическое выражение сознательности действительного и непосредственного присутствия прославившегося до небесных почестей Иисуса». (Pavlus, стр. 68). Такой взгляд нисколько не основывается на исторических данных, но — на бездоказательных философских предположениях, например о невозможности чуда, особенно на отвержении воскресения Христова и, сверх того, Павла — этот ум светлый, строго логический и глубоко испытующий — считает слепым и упорным мечтателем, тогда как и Баур не мог же отвергать того, что Павел (даже помимо рассказов из Деяний апостольских) по 1 Кор. 9:1 и 15 гл. 8 ст. действительно видел Господа, что воскресение Христово представлялось ему самым сильным и важным из всех событий и что без него он свои проповеди и всю веру считал пустой и бесполезной, а христиан — самыми жалкими людьми (1 Кор. 15: 14–19). Что же благоразумнее? Поверить ли в простоте сердца ясным и подтверждённым самыми блестящими успехами изречениям такого человека и свою философию исправлять историей в тех местах, где она противоречит последней, вместо того чтобы ее совсем отвергать, или из угождения коекаким раньше составленным мнениям самую деятельную и благодатную жизнь, служащую вместе с жизнью Спасителя предметом истории, жизнь, еще доселе проводимую миллионами лиц в каждодневном научении, утверждении и утешении, производить из чистейших призраков фантазии и самообольщения? Чтобы решить это, не много нужно здравого смысла.

Иисусовой христианина объясняет нам и особенность его положения как апостола язычников и представителя самого свободного и в высшей степени евангельского понимания христианства. При этом его ветхозаветное вероисповедание, ревность и энергия его воли, его искреннее, хотя неправильное, стремление к славе Божией, к оправданию, без сомнения, составляли точку соприкосновения для благодати, потому что если бы он преследовал христиан не по неведению (как он сам говорит, 1 Тим. 13), но по злости и своеволию, подобно Нерону, если бы он был просто легкомысленным человеком, подобно Каиафе и Ироду, или лицемером, подобно Иуде, тогда никакое явление из мира духов не могло бы преобразовать его нравственный строй (сн. Лк. 16:31).

Но в каких отношениях стоял Павел к первобытному кружку апостолов? То обстоятельство, что он прямо Христом был призван, без всякого человеческого посредства, и сам по себе, по-своему, мог проповедовать о Воскресшем, равно как блестящий успех его деятельности, ставят его апостольское достоинство выше всякого сомнения. Но при этом или выбор Матфия на место предателя (Деян. 1:15 и д.) нужно считать недействительным, или должно опустить и отвергнуть необходимость и символическое значение числа двенадцати, или, наконец, здесь нужно принять недостаточно уясненною особенность и независимость божественного домостроительства. Символическое значение в числе «двенадцать» ни в каком случае нельзя и не следует отвергать, потому что оно ясно выставленоСамим Христом (Мф. 19:28 и Лк. 22:30), еще и потому, что и в Апокалипсисе (21:14) упоминаются только двенадцать апостолов Агнца. Но если сказать, что число двенадцать обнимает собственно только апостолов для проповеди иудеям, а Павел есть тринадцатый, как самостоятельный апостол, предназначенный на деятельность в мире языческом, то это уже и потому не совсем основательно, что, с одной стороны, Павел действовал также и между иудеями (сн. Деян. 9:15), а с другой — Петр и Иоанн впоследствии времени действовали также между язычниками, как Павел. Да вообще-то, двенадцать колен Израилевых представляют тип не одной какой-нибудь части, но всей Христовой Церкви. Оттого-то другие решились на несколько смелое и резкое предположение, именно: в выборе Матфия видеть благовидную торопливость. В пользу этого можно привести 1) то, что выбор этот совершился до сошествия или излияния Святого Духа на апостолов, следовательно, прежде их озарения и боговдохновенности; 2) то, что он происходил без всякого повеления Христова, только по предложению Петра и при чисто человеческом посредстве; 3) что Матфий впоследствии нигде ни разу не упоминается, между тем как Павел — этот призванный непосредственно Самим Господом, без ведома или не по мысли учеников, орган потрудился более всех других апостолов (1 Кор. 15:10;

2 Кор. 11:23). Но, с другой стороны, против этого включения Павла в число двенадцати говорит то, что он сам свое апостольское достоинство нигде не основывает на открывшейся в первенствующем сонме апостолов вакансии вследствие предательства Иуды или вследствие мученической кончины Иакова Старшего, но производит его прямо от Христа и особенно в Послании к Галатам противопоставляет его как самостоятельное и однородное авторитету старших апостолов. Во всяком случае, так ли дело было или иначе, а весь ход призвания, положение и деятельность апостола Павла имеют нечто необыкновенное, чего нельзя ввести в механизм установленного порядка. Оттого-то он всегда и был главным авторитетом и представителем проявлений более свободного воззрения на Церковь, ее учение и жизнь.

Наконец, что касается хронологии, то из всех определений времени обращения апостола Павла, имеющих разницу в десяти годах (от 31, как *Бенгель*, до 41, как принимает *Вурм*), нам кажется, больше всех имеет за себя то, которое относит это событие к 37 году по Р. Х.

О том, что обращение апостола Павла нельзя объяснить естественным образом

Иннокентий, архиепископ Херсонский.
Полное собрание сочинений. Изд. Вольфа, т. 9

Обращение Павла есть одно из необыкновеннейших событий, коими прославилась Церковь апостольская, посему-то свв. отцы столь часто воспоминали о нем и с таким удовольствием углублялись в него размышлением. Оно служит утешительным примером для всех грешников, особенно тех, кои имели несчастие питать ревность по Боге без рассуждения, и в то же время есть одно из самых ощутительных доказательств божественности христианской религии.

Тем прискорбнее для сердца христианина, когда он находит, что в наши времена некоторые из так называемых христианских философов покушаются чудесное обращение апостола Павла изъяснить естественным образом. И пусть изъяснения их были бы действительно естественны, напротив, они столько принужденны, изысканны, нелепы, что едва ли бы могли заслужить одобрение от самых врагов Павловых — иудеев. Весьма вероятно, так думают те, кои *мудрствуют паче, нежели подобает мудрствовати,* что Савл после смерти Стефана начал сомневаться в справедливости гонения воздвигнутого на христиан. На пути в Дамаск сие сомнение еще более усилилось. «Что, — размышлял он, — если христиане невинны; если правда все то, что они повествуют о Иисусе Христе, если сей Иисус, мною гонимый, есть действительно Мессия? Чего должны ожидать враги Его,

чего должен ожидать я? О, если бы Он явился мне и уверил меня в Своей божественности! Я немедленно сделался бы христианином». Когда душа Павла наполнена была сими мыслями, вдруг нашло облако, ударил гром, и Савл, ослепленный молнией, повергся на землю. Поелику же иудеи почитали гром за некоторый вид божественного откровения, коего смысл изъясняли сообразно состоянию своего духа, то сие естественное происшествие было почтено Савлом за божественное откровение. Ему показалось, что он видит Самого Иисуса Христа и беседует с Ним, между тем как сия беседа была не что иное, как разглагольствование его с собственной совестью. Решившись вследствие сего явления обратиться ко Христу, он достигает Дамаска, вступает в сообщество с христианами и, узнав основательнее святость и чистоту их учения, принимает крещение.

Изъяснение сие, сколько ни стараются придать ему вид правдоподобия, никак не может быть соглашено с историческими сказаниями о Павловом обращении, основывается на недоказанных предположениях и опровергает само себя.

1. *Несогласно с историческими сказаниями.* а) Павел говорит (Деян. 26:14), что он слышал голос, говорящий на языке еврейском, – это непререкаемая черта действительного разговора с действительным лицом, ибо гром не может говорить ни по-еврейски, ни на другом каком-либо языке – это нелепость! С другой стороны, нельзя сказать, чтобы *Павел размышлял* сам с собою на еврейском языке – это также нелепость! б) Павел сказывает (Деян. 9:7), что спутники его голос слышали, но никого не видали. Если под голосом разумеется гром, то слова *никого не видали* будут совершенно лишние, ибо кто, слыша гром, будет говорить, что это говорит какое-либо лицо? Если же голос, слышанный Павлом, был такого свойства, что в спутниках его должен был возбудить понятие о лице говорящем, то это верный знак, что сей голос был членораздельный, сходный с голосом человеческим. в) Павел весьма подробно описывает явление Иисуса Христа, замечает место и время, в которое оно случилось; как бы не упомянуть ему и о том, что голос (Деян. 9:3; 22:6), говорящий с ним, выходил из облака? Напротив, он утверждает, что это случилось внезапно (ἐξαίφνης) в полуденное время, когда, то есть, небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобного явления с неба. г) Когда удары громовые упадают близко к человеку, то в таком случае звук следует непосредственно за светом, но Павел увидел сначала свет, потом уже, павши на землю, услышал голос. Если же удар пал в довольном расстоянии от Савла, то не мог повредить его зрения. д) В 9:7 Деяний говорится, что спутники Павловы голос слышали, а в 12:9 написано, что они не слыхали слов Того, Кто говорил с Савлом. Таковое противоречие останется неразъяснимым, если под голосом будем разуметь гром. Ибо в таком случае *не слыхать* значит просто не слы-

шать, не ощущать слухом, но можно ли вместе и слышать и не слышать? Но сие противоречие исчезает само собою, когда голос, слышанный Павлом, принимаем за голос членораздельный, ибо спутники могли слышать звук слов и не понимать их значения: таким образом, о них можно было сказать, что они и слышали голос и не слыхали.

2. *Основывается на недоказанных предложениях.* Мысль, что Савл перед путешествием в Дамаск начал колебаться в своей приверженности к иудейству, раскаиваться в жестокостях, оказанных христианам, есть произвольная догадка, противоречащая истории. Ибо в каком расположении духа он отправился в Дамаск? Дыша угрозами и убийством на учеников Господних (Деян. 9:1). Это ли признак человека, начинающего приходить в раскаяние? В продолжение путешествия не было случая переменить ему свой образ мыслей. Из вопроса, сделанного им Иисусу Христу: *кто ты, Господи?* — видно, что он непосредственно перед сим совсем не думал, как предполагается, о Иисусе Христе. Иначе упрек Спасителя: *что ты Меня гонишь?* — тотчас пробудил бы в душе его мысль, что это Иисус, им гонимый.

Не более силы имеет и то предположение, что иудеи во времена Иисуса Христа почитали гром за некоторый вид божественного откровения. Изобретатели и защитники его, вместо убедительных доказательств, ссылаются на 12:26 Иоанна, но место сие, без явного насилия составу речи, не может быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Флавия, но у него громы суть только признак присутствия Божия — мнение, по всей вероятности, происшедшее от воспоминания синайского законодательства, в коем присутствие Божие обнаружилось громами.

3. *Опровергает само себя.* Предполагается, что Савл был ослеплен и повержен на землю молнией, и в то же время предполагается, что он, поверженный на землю, мог спокойно размышлять сам с собою, давать вопросы, ответы, осуждать прежние деяния свои, решиться на перемену своей веры. Не истребляют ли сами себя сии два противоположения? Человек, пораженный молнией, способен ли к размышлениям? Итак, надлежит утверждать, что разговор Павла со своей совестью происходил не во время грома, а при дальнейшем продолжении пути или в Дамаске. Но если так, то мог ли Павел представлять его в виде разговора с Самим Иисусом Христом во время грома? Это мог сделать стихотворец, а не апостол.

Кроме сего, надобно заметить: а) что Павел неоднократно поставлял явление (1 Кор. 9:1; 15:8; Гал. 1: 1–16) ему Иисуса Христа наряду с действительным явлением Его прочим апостолам и производит из него истину и божественность своего апостольства, но все сие не иначе можно согласить с прямотой Павлова характера, как под условием, что ему действительно явился Иисус Христос; б) прочие апостолы и все христиане, без сомнения, не прежде приняли Савла в свое сообщество, как по строгом

исследовании всех обстоятельств его чудесного обращения, совершенно уверившись, что он не был обманут собственным воображением. Что они не были легковерны к прежнему гонителю своему, ясно из апостольских Деяний (Деян. 9: 27, 28).

Приготовление Павла к апостольской деятельности

В. Михайловский (перев. Шаффа)
«Святой апостол Павел». Перевод и издание. СПб., 1863

Апостол Павел уже дошел до того состояния, в котором, не советуясь с плотью и кровью, безусловно, и с радостью на всю жизнь обрек себя этому служению; все, что прежде было его гордостью и славою, он считал ничего не стоящим, сравнительно с весьма высоким познанием Иисуса Христа – своего Господа (Флп. 3: 4–9). Еще во время видения на пути в Дамаск был к нему зов: «Я посылаю тебя в среду язычников» (Деян. 26:17 и д. сн. 9:15), но впервые-то, вследствие еще более ясного откровения в храме (22: 17–21) он выступил семью годами позже, в 44 году – формально, как апостол язычников, с самостоятельной властью и авторитетом. В этот промежуток времени он служил Господу частью посредством скромного приготовления, частью во второстепенном положении как простой «пророк» и «учитель» (13 гл. 1). После такого сильного потрясения его самой внутренней основы и жизни он должен был еще сильнее ощутить потребность в тихой переработке воспринятых впечатлений. Поэтому, когда в течение нескольких дней укрепился (Деян. 9:19) через обращение с христианами в Дамаске, он отправился в пограничную часть Аравии пустой, вероятно, в ту страну, которая ныне называется Сирийской пустыней, и прожил там довольно немало времени. Целью этого упомянутого самим Павлом (Гал. 1:17) путешествия была вовсе не проповедь Евангелия между тамошними иудеями; по крайней мере, до нас не дошло ни малейших следов такой деятельности, – но не развлекаемое ничем приготовление его к высокому и святому служению. Таким образом, пребывание это принадлежит более ко внутренней, частной жизни апостола. Этим-то и объясняется всего проще молчание Деяний апостольских. Уединение было для него чем-то вроде вознаграждения за трехлетнее личное обращение других апостолов с Самим Господом. Без сомнения, Павел посвящал себя там молитве и размышлению, изучению христианского предания и Ветхого Завета, на который он стал смотреть совершенно другими глазами – как на всегдашнее и ясное свидетельство об Иисусе Христе – и через внутреннее откровение получал более и более глубокое решение на вопрос о сущности и связи евангельского учения о спасении с ветхозаветным учением.

Из Аравии он возвратился в Дамаск (Гал. 1:17), для того чтобы засвидетельствовать об Ииусе как о Мессии и именно на том самом месте, где его впервые объял необычайный свет, и чтобы основать Церковь там, где хотел искоренить ее до основания. Его проповедь возбудила сильное негодование в иудеях, которые потеряли в нем самого даровитого и ревностного поборника. Они раздражили против него наместника Арефы, царя аравийского, так что этот поставил стражу у ворот города с целью схватить Павла. Но верные спасли жизнь апостола, который только что предназначался к самой важной служебной деятельности и так же далек был от мечтательного презрения смертью, как и от боязни смерти; они ночью в корзине спустили его сквозь какое-то отверстие в стене, вероятно, через окно пристроенного к городской стене дома*.

Вот в это-то время Павел в *первый раз* явился *христианином* в Иерусалиме к первому по времени христианскому обществу, и притом, как он сам же говорит**, спустя три года по своем обращении, следовательно, по нашему летосчислению, в 40 году. Его главной целью было лично познакомиться с ап. Петром, представителем миссии между иудеями и всего церковного устройства. Он хотел войти в дружеские отношения и доверие у братьев, но те с самого начала отвратились от него и сомневались в искренности обращения (Деян. 9:26). Не нужно удивляться сему, потому что его гонение на Церковь было еще в свежей памяти, а что случилось с ним после того, это, вероятно, еще мало было известно в Иерусалиме, так как он, по обращении своем, весьма немало времени провел в Аравии. Насчет его апостольского служения должны были возникнуть еще особенные сомнения, так как сами апостолы число двенадцать уже восполнили избранием Матфия, и только особое откровение или короткое личное знаком-

---

* Сн. 9 гл. 23–25 стихи Деян. апост. с согласным с ними собственным замечанием Павла (2 Кор. 11: 32, 33), где встречаются, впрочем, очень легко примиримые разности – именно в том, что, по словам Луки, иудеи, а по свидетельству Павла, Эфнарх (т.е. оба заодно друг с другом), взялись караулить у ворот города. Этот и другие случаи ненамеренного несогласия Луки с Павловыми посланиями в рассказах незначительных исторических обстоятельств, равно как весьма сильные следы его точных сведений о тогдашних современных ему отношениях, делают решительно невозможной Баурову гипотезу о позднем составлении Деяний апостольских во втором столетии.

** Гал. 1:18. Лука имеет в пользу этого (Деян. 9:23), конечно, не довольно определенное, но нисколько не противоречащее выражение ἡμέραι ἱκαναί, немало времени, по какому поводу Баур в Тюбингене (стр. 106) при чтении разражается остротами! Если бы Деяния апостольские были составлены, как принимает Баур, в начале второго века, тогда писателю их, для своей собственной пользы, было бы весьма легко обезопасить себя от таких упреков, так как тогда у него перед глазами уже было точное показание Послания к Галатам. В пользу преднамеренного искажения, которым этот критик хотел заклеймить эти и подобные, ничего не говорящие разности, здесь решительно нельзя представить себе никакого основания.

ство, а особенно чрезвычайный успех его дальнейшей деятельности, могли убедить их в том, что этот прежде бывший враг христиан избран был на такое видное служение*. Это подозрение братии должно было быть для апостола строгим испытанием, но терпеливым перенесением он и доказал действительность своего обращения. Варнава, свободно мыслящий эллинист, быть может, еще прежде познакомившийся с ним, взялся быть посредником, представил его Петру и Иакову, брату Господню, и рассказал им о бывшем ему явлении Христа и его откровенном исповедании Иисуса в Дамаске. Кроме этих, Павел тогда никого не видал из апостолов**. Быть может, другие отлучились на проповедь по стране. Он прожил у Петра пятнадцать дней (Гал. 1:18), до тех пор пока заговор против него эллинистов, с которыми он вступал в рассуждения (Деян. 9:29), как делал прежде него Стефан, не заставил его для безопасности удалиться оттуда. Без сомнения, ап. Павел говорил с ап. Петром о жизни и учении Иисуса, об отношении Евангелия к закону и о распространении Церкви. Но неизвестно, в какой мере они уже тогда объяснились насчет своих основоположений. Может быть, это свидание, по воле Промысла, послужило к тому, чтобы некоторым образом настроить Петра на более свободное воззрение о призвании язычников, потому что обращение Корнелия последовало несколько позднее этого свидания. Петр с своей стороны мог быть полезен Павлу насчет того, что касалось исторического предания Христовой веры. Впрочем, Павлу это, в сущности, было, конечно, известно еще раньше – частью из бесед с Ананией и другими христианами, частью по откровению свыше***. Что же касается понимания Евангелия, обнаруживающегося в посланиях и убеждения в его призвании в *апостолы язычников*, то это нужно представлять себе нимало не зависящим от какого-нибудь человеческого наставления, потому что он ясно говорит в Послании к Галатам (1: 11, 12, 16), что он получил учение не от человека, но по непосредственному откровению от Иисуса Христа, для того чтобы проповедовать его язычникам. Это внутреннее озарение и просвещение от Духа Святого мы должны представлять себе в Павле, равно как и в прочих

---

* С самого начала в Деяниях апостольских, где Павел и Варнава упоминаются вместе, имя Варнавы ставится напереди имени Павла (11:30; 13:2), и даже на Соборе апостольском (15:12). Но междутемуже в той главе, ст. 2 и 22 и еще 13 гл. 43, 46, 50, встречается обратная расстановка имен.

** Как он ясно замечает, Гал. 1:19, этим местом можно определить довольно неточное показание Деяний апостольских 9:27 πρὸς τοὺς ἀποστόλους «к апостолам».

*** Так например, свои сведения об установлении Евхаристии он производит (1 Кор. 11:23) от Господа, при этом предлог ἀπό, конечно, не должен подобно παρά означать непосредственного источника, но может указывать только на источник посредственный (через Предание).

апостолах, в Пятидесятницу – *центральным и начальным*, которое на первый раз заключало для него общее, опытное уразумение христианской истины, особенно учения об Иисусе как Мессии, как живом Источнике спасения, и сообщало ему новое воззрение на мир и жизнь. Этим, конечно, не исключались дальнейшие особые откровения Духа касательно отдельных пунктов христианского вероучения и практики, потому что вдохновение апостолов вообще нужно представлять себе не только однократным действием, но и постоянным состоянием, с различными степенями силы, определяемыми нуждою и потребностью. Ап. Павел ясно говорит о многих бывших ему откровениях (2 Кор 12: 1, 7) и умеет отличать от этого собственное свое мнение, которое он образовал себе путем размышлений и умозаключений (1 Кор. 7: 6, 25). Так, во время первого, по обращении его, посещения Иерусалима он за молитвою в храме был восхищен Духом и ему было Господом заповедано немедленно оставить Иерусалим и проповедовать Евангелие дальним языческим народам (Деян. 22: 17–21).

После этого двухнедельного пребывания ап. Павел в сопровождении братии отправился в Кесарию, а оттуда – в Сирию и на свою родину – в город Тарс (Деян. 9:30; Гал. 1:21). Без сомнения, он проповедовал Евангелие в Киликии, потому что, по Деяниям 15: 23, 41, там уже были христианские общины, когда он снова пришел туда во второе свое путешествие с проповедью, хотя в первое миссионерское путешествие не посетил ее. После того, как он несколько (около двух или трех) лет трудился на своей родине, Варнава вызвал его в Антиохию (11:26), где в это время составлялась первая из обратившихся язычников и иудеев Церковь и открылось новое славное поприще для распространения Царства Божия. В этой первой между язычниками христианской общине ап. Павел нашел центр для своей деятельности, которую только теперь он начал открыто в громадных и обширных размерах.

Церковные обстоятельства и нужды времени, когда апостол Павел проходил свое служение и писал послания

Архимандрит Феодор. «Несколько статей о св. ап. Павле». СПб., 1860

В период апостольского служения св. Павла и особенно написания его посланий совершилось то, что Церковь, вместо исключительной до Христа области своей в избранном своем народе, водворилась в мире языческом и в сей новой своей области была уже в силах принять и понести крест гонения от языческой верховной, государственной власти.

Чтобы понять, как велика была сия благодатная перемена в составе Церкви и что в особенности требовалось для нее, обратим внимание на

отношение новосозданной Христианской Церкви как к языческому миру, так к ветхозаветному церковному устройству и к иудейству того времени.

Языческий мир представлял приготовленную премудрым Промыслом *жатву многу* для *делателей* – благовестников. Свободный вход в Церковь для язычников открыт был Самим Христом, Который Своими страданиями и смертию с преизбытком удовлетворил Божественному правосудию за грехи всего человеческого рода и заслужил благодать спасения для каждого человека. Противление же Евангелию со стороны иудеев было поводом и побуждением для проповедников Христовой истины обращаться со словом спасения от иудеев к язычникам. А состав Римской империи, обнимавшей почти весь тогдашний гражданский мир, давал внешнее удобство для беспрепятственного перехода проповедникам Евангелия из одного города или страны, или даже части света, в другую часть света, в другую страну, в другой город.

Что касается до внутреннего, или духовного, состояния языческого мира, оно без слов вопияло о помощи от служителей Христовой благодати. Язычник являлся блудным сыном уже изжившим все остатки имущества, вынесенного им из отеческого дома. Это может быть объяснено тем, что чем ближе был человек ко времени первобытного состояния и началу мира, тем, естественно, более для него были видимы и ощутительны отображенные в мире *невидимая Божия – присносущная Его сила и Божество* (Рим. 1:20). Посему в первые времена того заблуждения, по которому мечтательные и страстные языки приняли за самое Божество отображавшие Его создания, могло еще быть у них хотя слепое, но искреннее, благоговейное чувство Божества, удовлетворявшее отчасти духовной потребности и стремлению к Божественному. Впоследствии искусство, пришедшее на помощь внешней природе к обольщению духа человеческого призраками Божественного (идолами), продолжило очарование и увлечение видимым, как бы Божественным. Но далее все видимое, показывающее *невидимая Божия*, и язычников, по их своеволию и неразумию увлекавшее только *к служению не по естеству сущим Богом* (Гал. 4:8), до того уже утратило в себе для язычников некогда даже ослепительное для их неразумия выражение Божественного, что они теперь ходили *ко идолом безгласным, яко ведоми* (1 Кор. 12:2) не по свободному влечению живого чувства и искреннего усердия, но как связанные невольники древних обычаев, преданий, политических учреждений и расчетов – вообще духовной слепоты. Какое уже могло быть в язычестве благоговение, когда боги были осмеиваемы даже на народных зрелищах? Правда наилучшие из мудрецов иногда возвышались над заблуждением язычества до некоторых чистых понятий (Сократ, Платон), но большая часть самых мудрых заботилась или только о том, чтобы ни при каких тяжких обстоятельствах не уничтожать

во мнении других и своем собственного достоинства (стоики), или о том, чтобы жизнь провести как можно беззаботнее и веселее (эпикурейцы); иные же занимались бесплодною игрою мыслей и слов (софисты); другие проводили время только в том, что говорили или слушали что-либо новое (например в Афинах, Деян. 27:21); иные искали удовлетворения духу в темных тайнах магии (например в Ефесе), в сношениях с волхвами (например, Павел проконсул с Элимой); озабоченные деловой жизнью только по временам, и то в особенно важных случаях, задавали себе вопрос: *что есть истина?* что такое и к чему все существующее? — не останавливаясь, впрочем, на сем вопросе (Пилат). Не говорим уже о крайней нравственной растленности греко-римского мира, о которой с негодованием свидетельствует языческий историк-самовидец (Тацит).

Но при таком взгляде на духовное распадение языческого мира не должно терять из вида и того, что потребности в Божественном, стремление к истине и добру бесконечному существенно свойственны духу человеческому и что потому среди господствующего нравственного растления тем безотраднее и тягостнее должно быть состояние душ не сочувствующих оному, но не могущих и освободиться от него. Посему отношение лучших душ языческого мира к открывавшейся благодати спасения было истинно таково, как оно выражено было откровением, данным именно апостолу языков перед вступлением его из Азии в Европу, где был центр и престол языческого мира: *видение в нощи явися Павлу: муж некий бе... стоя, моля его и глаголя: пришед... помози нам* (Деян. 16: 9, 10). И в самом деле, если даже высшие из апостолов, Петр, Иаков и Иоанн, назначались идти с проповедью собственно *во обрезание,* или к обрезанным (Гал. 2:9) (не переставая, впрочем, проповедовать и язычникам), то для этого столь необъятно обширного, нуждавшегося в Христовых *делателях* поля — для мира языческого самым настоятельным образом потребовался великий апостол, собственно к нему назначенный и посланный от Господа, готовый во Христе обнять и наполнить благовестием, по возможности, весь языческий мир (не оставляя, впрочем, и иудеев).

В особенности для вразумления или посрамления эллинской мудрости, которая могла признавать и признавала Христову тайну спасения в кресте, орудии позорной казни, за безумие, нужно было раскрыть истину Христову так, чтобы званые очами веры удобно могли в распятом Христе созерцать всеобъемлющую Божественную Премудрость и во свете Христовом ясно усмотреть безумие мудрости сего мира. Для испровержения языческих верований, в которых и младенчествовала, и развивалась, и устроялась общественная и частная жизнь язычников, нужно было даже самый земной порядок общественной и частной жизни утвердить на началах Христовой истины.

Теперь обратим внимание на отношение новонасажденного христианства к ветхозаветному церковному устройству и к иудейству, и для нас объяснятся новые потребности Церкви апостольского времени.

Ветхозаветная Церковь, от первых времен своего странствования, держалась обыкновенно и постоянно (хотя и не исключительно) одного известного рода*, как своего средоточия и в месте своей области, и отдалялась от других родов. Так шла она через род Сифа, Сима, Евера, пока, наконец, не утвердилась в избранном потомстве Авраама, которое было решительно отделено от языческих племен и народов. И сей избранный род был наследником и обладателем заветов, обетований, заветных учреждений и залогов спасения. Преграда, разделявшая законно избранный народ и язычников, сделалась непроходимою особенно в последнее время. Все прещения Ветхого Завета против язычества, или идолопоклонства, некогда столь обольстительного и для избранного народа, по уничтожении этой обольстительной и соблазнительной силы язычества естественно обратились уже лично против самих язычников. Так, выражение: *буди тебе, якоже язычник* – значило для иудея – разорви с ним все связи, не имей ничего с ним общего. Посему иудеи, не понимая и не чувствуя живого духовного значения принятых ими заветов и обетований как откровения любви Божией, обнимающей и спасающей всех, до излишества уважали свое плотское происхождение и только гордились своим избранием и питали отвращение к язычникам как отверженным. Так, они не могли и слышать, чтобы язычники удостоились равного с ними попечения и призвания от Бога (Деян. 22: 21, 22). Но такой, столь много веков хранившийся порядок церковный в продолжение двух-трех десятков лет изменился так, что наследниками заветных сокровищ спасения и обетований, притом уже исполнившихся, теперь являются отверженные дотоле язычники; большинство избранного народа оказывается вне ограды Церкви, и самый остаток спасаемых из сего народа мог принять участие в дарах спасения уже отнюдь не по праву плотского рождения, но вообще без всякого различия и разделения от язычников. Как могло это совершиться? Сам Христос Своим учением и делами постановил и совершил такой порядок для Своей Церкви, чтобы и язычников призывать и принимать в Церковь, если они уверуют, и самому избранному народу быть отвергнутым за неверие и противление. Но при открытии и осуществлении на деле такого порядка необходимо было прояснить как вообще тайну Христову, так, в особенности, тайну призвания языков прояснить так, чтобы всем понятно было, что в Христовой Церкви ни иудеи, ни язычники не имеют преимущества, и чтобы притом новый порядок отнюдь не представлялся противоречащим и враждебным

* Это – род, от которого, по обетованиям, надлежало произойти Христу.

древнему богоучрежденному порядку. Нужно было так раскрыть тайну Христову, чтоб и сами новообращенные язычники вступили во владение доселе чуждыми для них заветными сокровищами как законным своим наследием, и уверовавшие иудеи видели в них истинных своих братий, чад Авраама по духу, не смущаясь отвержением *братий и сродников по плоти*, то есть прочих иудеев. Без такого разъяснения тайны Христовой, и в особенности тайны призвания языков, новый порядок испровергался бы всем *прошедшим* в Церкви делами и откровениями Божиими, явленными в течение тысячелетий, и новообращенные язычники и иудеи оставались бы в составе Церкви как взаимно враждебные стихии.

С тайною призвания язычников внутренним и неразделенным образом соединен *вопрос об оправдании человека* и о значении для христиан закона и вообще Ветхого Завета. Рассмотрим, как возник этот вопрос, и увидим, как он был велик и труден.

Ветхозаветные законоположения и учреждения предызображали и предъявляли в различных отношениях единую тайну спасения нашего во Христе; только выражали ее (не исключая даже евангельски ясных пророчеств о Христе как внутренне соединенных с образными откровениями) не во всей ясности, а более или менее под образами, взятыми от *стихий* (вещественных начал) *мира*, по выражению апостола (то есть вообще от чувственного и земного). Ко времени появления христианства эти естественные начала, или стихии мира, оказались уже, по свидетельству и выражению того же апостола, *немощными и худыми** (Гал. 6: 3, 9; Кол. 2: 19, 20) до того, что сквозь их покров иудеи большей частью совсем не проникали в спасительный дух тайны Христовой. Отсюда, естественно, происходило, во-первых, то, что все *преобразовательное* в Ветхом Завете, все, что имело важность и спасительную силу, только как образ и *сень грядущих* духовных *благ*, иудеи стали почитать существенно важным и само по себе спасительным. И во-вторых, когда живой и животворный дух тайны Христовой закрывался для мысли или для предощущения веры большинства, то все *обязательное* по Ветхому Завету, что ни предписывалось законом и пророками, стали понимать уже только в смысле таких предписаний долга, с исполнением которых человек оправдывается сам собою, без Христа. Как превратно и гибельно то и другое воззрение, это видно и само по себе, и особенно поразительным образом открылось в том, что Израиль, в своем большинстве, не признавал Христа и воспротивился благовестию о спасении именно по закоренелости и упорству в этих понятиях. *Не разумеюще Божия правды*, свидетельствует апостол об иудеях, *и свою правду* (ко-

* Спросят: «А разве прежде не были таковы»? — не совсем таковы (см. Евр. 11 гл.). Прямо немощного и худого Господь и не установлял бы в Своем законе через Моисея.

торая, то есть, основана на соблюдении своими силами закона) *ищуще поставити правде Божией* (которая основана во Христе) *не повинушася* (Рим. 10:2). Но как ни превратны и ложны были такие понятия, буква *закона и пророков* (казалось иудействующим) положительно их оправдывала*. Так, например, об оправдании через исполнение законных обязанностей прямо писано: *сотворивый та человек жив будет в них.* Притом показанные воззрения иудейства во время появления христианства только *окончательно* выразились, а начало и развитие оных – вековые. Ибо *вещественные начала мира,* или все образно чувственное и земное, по самой природе будучи подвержено влиянию греха, должно было постоянно и постепенно затемняться в своем духовном значении, но всякий раз, когда в какой-либо черте затемнялось духовное значение *вещественных начал мира,* смысл и сила образов; в этой черте образное учреждение казалось иудейству важным и священным уже только само по себе, и тогда закон являлся одною мертвою буквою строгого долга. Посему еще в ветхозаветные времена Слово Божие следило и обнажало развивавшуюся ложь, будто исполнение сеновных учреждений, не оживленное проникновением веры в спасительный их дух, благоугодно Богу и оправдательно для человека: *что и множество жертв ваших, глаголет Господь: исполнен есмь всесожжений овних, и тука агнцев, и юнцов, и козлов не хощу. Ниже приходите явитися Ми: кто бы изыска сия из рук ваших? ходити по двору Моему не приложите. И аще принесете Ми семидал, всуе; кадило, мерзость Ми есть* (Ис. 1: 11–13).

Сии-то омертвевшие верования иудейства проникли и в область христианства. Проникли они незаметно, но открылись со всею гибельною превратностью своею, потому что извращали смысл самого закона, или всего Ветхого Завета, и сущность спасительного оправдания – равно со всею дерзостью и упорством, потому что опирались на букву самого Писания и притом были воспитаны и приготовлены всем временем постепенного затемнения ветхозаветных образов. Неправые понятия иудеев прокрались в Церковь Христианскую вместе с обращением ко Христу обрезанных, а оказались гибельным и упорным заблуждением при обращении язычников. Новообращенные из иудеев, конечно, не вдруг могли освободиться от пристрастия к привычным образным постановлениям и вообще к букве закона, но это было не опасно и сносно вначале, пока вступали в Христову Церковь одни или почти одни обрезанные. С укреплением их в вере и возрастанием в духе христианства иудейское пристрастие должно было отпадать само собою. И потому апостолы обрезанных, как Петр и Иаков, заботились наиболее о том, чтобы новообращенных утвердить

* Говоря так, мы не обвиняем Писания, ибо говорим: казалось иудействующим. На самом же деле дух и сила самого закона есть Христос.

во Христе и Его духе, а пристрастие их к закону снисходительно терпели*. Когда же, при оказавшемся решительном противлении большей части иудеев, спасительная дверь веры отверзлась для язычников, то новообращенным иудеям, которые и в христианстве оставались еще пристрастными к букве закона, открылся случай проявить свою ревность тем, чтобы иго закона возлагать и на обращающихся язычников. И действительно, в первой же Церкви, составившейся из язычников (в Антиохии), христиане из иудеев настоятельно требовали, *яко подобает обрезати язычников, завещавати же им блюсти закон Моисеев* (Деян. 15:5). *Аще не обрежетеся*, говорили пришедшие из Иудеи христианам антиохийским, *аще не обрежетеся по закону Моисееву, не можете спастися* (Деян. 15:1). Снисхождение в сем случае уже не могло иметь места, потому что это значило бы пожертвовать неразумию спасительною истиною и верующих язычников сделать вместо христиан иудейскими прозелитами. И Собор апостольский твердо постановил истину, чтобы не отягощать сеновным законом христиан из язычников. Но противопоставить неразумной ревности по закону истину значило раздражить и еще более возбудить в иудействующих христианах эту неразумную ревность, ибо она могла, конечно, по своей слепоте, опираться на букву Писания.

И таким образом, то самое, что было сначала извинительною немощию новообращенных иудеев, явилось упорным и пагубным заблуждением и лжеучением *иудействующих:* превратные воззрения современного иудейства, по которым образное признавалось спасительным само по себе, и *оправдание* представлялось возможным только через соблюдение законного долга — эти воззрения лжеучители иудействующие стали с жаром распространять в христианстве. Лжеучители не думали уступать апостольскому внушению, напротив, сами выдавали себя за апостолов: *лживии апостолы*, говорит о них апостол (2 Кор. 11:13, слич. 22). Гордость побуждала их искать себе последователей: *хотят вам обрезоватися*, говорит он, *да в вашей плоти похвалятся* (Гал. 6:13). Они появлялись и в самых знаменитых церквах, как — в римской, коринфской; колебали и даже увлекали к своему лжеучению целые церкви, как галатийская. Итак, против сих лжеучителей необходимо требовалось раскрыть и утвердить непонимаемую и ниспровергаемую ими истину Христову — раскрыть и утвердить с тех сторон, с каких она была затемняема и подрываема. Поелику лжеучители, не разумея спасительного духа и смысла ветхозаветных учреждений и постановлений, усиливались утвердить непреложность и неизменность их в христианстве, как будто они были важны и спасительны сами по себе, то тре-

* Такая снисходительность Петра и Иакова в отношении к верующим из иудеев обнаруживалась и впоследствии (См. Гал. 2: 11–13; Деян. 21: 18–25).

бовалось раскрыть, что в них предызображалась, собственно, тайна Христова, которая и давала им важность, и что потому эти преобразовательные учреждения, с полным открытием самой тайны Христовой, необходимо лишаются своей важности и силы или, что то же, отменяются. Поелику лжеучение поставляло оправдание в исполнении закона и, следовательно, *в заслуге собственных дел,* а не во Христе, то нужно было разъяснить и доказать, что без Христа предлежат человеку гибель и проклятие с самым законом и что для оправдания и спасения человек должен усвоять себе через живую веру правду собственно Христову.

Наконец, во время этого великого переворота, когда Церковь водворялась в языках, удержав в себе только избранный остаток Израиля, неизбежны были и многие другие затруднения и недоумения для христиан. Если и всякое нововведение не вдруг всеми должным образом бывает понято и применено к делу, то тем паче столь чрезвычайный и для всех новый порядок новозаветный, открывающийся притом среди явной вражды против него иудейства и язычества. Некоторые из обрезанных, не разделяя, впрочем, заблуждения иудействующих, еще не имели достаточной крепости веры, чтобы почитать безразличными для веры ветхозаветные постановления, и потому легко соблазнялись и затруднялись и в различении дней, и в употреблении пищи, не отвыкнув еще от буквального разумения и исполнения законных постановлений (См. Рим. 14 гл.) о сих предметах. Обращенные из язычников также уязвлялись и *осквернялись* в совести, входя в общение с язычниками или видя других христиан, принимающих участие в трапезах языческих (См. 1 Кор. 8 гл.). Браки с неверными, суды у неверных, вторгавшиеся в Церковь пороки неверных, взаимные столкновения и недоразумения между самыми верными – все это требовало особых постановлений, предостережений и внушений. Сверх того, случалось недоразумение или перетолкование самых истин веры. *Сотворим злая, да приидут благая,* говорили злонамеренные исказители учения о славе Божией, проявляющейся через самую ложь и греховность человеческую (Рим. 3:8). Они думали, что уже настает день второго пришествия Христова (См. 2 Посл. к Солун.); другие полагали, что воскресения мертвых не будет или уже было оно во Христе (1 Кор. 15:12 и дал. 2 Тим. 2:18) и пр. Самый чин новой Церкви, распространявшейся всюду, нужно было еще устроить и образовать из оснований и духа истины Христовой. Именно: как и где собираться для богослужения? как должны возносить молитвы и вести себя в Церкви мужчины и женщины? какие обязанности и права иерархии?.. Все это, известное и обычное для нас, составляло живые вопросы того времени неотступно требовавшие разрешения Словом Божиим.

Правда в сем состоянии новообразуемой Церкви необыкновенно обильны и разнообразны были чрезвычайные дарования Св. Духа. Но и

при сем рождались затруднения и даже беспорядки: не всегда ко всеобщему назиданию и с строгим благочинием пользовались сими дарованиями. Было сильно и деятельно вообще усердие христиан служить благовестию или непосредственным участием в нем, или помощию проходящим это поприще. Но и через это, с другой стороны, открывалось удобство к успехам лжеучителей (2 Кор. 11:20), и, кроме того, иногда брались за дело учительства люди, еще водившиеся страстями, каковы, например, были *проповедующие Христа не с чистою совестию,* о которых упоминает апостол в Послании в Филиппийцам (Флп. 1:16). Нужно было во все это войти истине Христовой и все привести в должный порядок.

Скажем вообще, обстоятельства Церкви были, по устроению самого Промысла, таковы, что требовалось раскрытие тайны призвания язычников, полное изложение учения об оправдании верою, а не делами закона, также – об отменении законных ветхозаветных постановлений с разъяснением* притом их духа и внутреннего значения и, наконец, разрешение всех разнообразных вопросов и затруднений, касавшихся и внешних отношений членов Церкви, и внутреннего ее чина, и разных частных истин веры, и проявлений христианской жизни. Все это раскрыть потребно было так, чтобы истина Христова явилась для вразумления эллинов и посрамления их суетной мудрости светом всеобъемлющей премудрости Божией, основанием самого даже земного благоустройства людей, а для научения иудеев – силой или духовной сущностью всего Ветхого Завета. Только Христову уму, Христову сердцу, Христовой всемощной благодати свойственно удовлетворить сим великим потребностям Христовой Церкви.

В сосуд Христова ума, сердца и силы для удовлетворения показанных потребностей Св. Церкви и был избран от Господа и Св. Духом *совершен* св. апостол Павел. *Мы ум Христов имамы,* говорит он (1 Кор. 2:16). *Свидетель ми есть Бог, яко люблю всех вас утробою Иисус Христовою* (сердцем Иисуса Христа (Флп. 1:8). *Паче всех их* (других апостолов) *потрудихся, не аз же, но благодать Божия, яже со мною* (1 Кор. 15:10).

Проповедническая деятельность святого апостола Павла среди иудеев, по Деяниям апостольским

П. Виноградов. «Христианское чтение», 1874, ч. 2

1) Снисходительное отношение святого апостола Павла к иудеям. Ложный

---

* Спросят: неужели это нужно только по обстоятельствам? Отвечаем: апостольское учение об оправдании и др. предметах существенно нужно вере христианской как откровение вечной истины Божией, но обстоятельства дали вере сознать нужду в раскрытии этого учения, а апостолу – случай и побуждение изложить и раскрыть его в Писании.

взгляд некоторых писателей на такое отношение. Характер первоначальной проповеднической деятельности святого апостола Павла в синагогах. Обрезание Тимофея и обряд собственного очищения в Иерусалиме.

Бросив иудейство, святой апостол Павел не вдруг, однако ж, стал указывать на несостоятельность его в сравнении с христианством, хотя красноречивее всего и говорил уже об этом своим собственным обращением. Вместо того он оказывал иудеям заметное снисхождение, особенно в первое время своей апостольской деятельности. Те гнали его из города в город, а он, невзирая ни на какие преследования, снова шел к ним со своею проповедью. Те считали его нарушителем закона (Деян. 18:13; 21:21), а он часто не выказывал и одного слова против веры своих отцов, по собственному усмотрению обрезал спутника своего Тимофея и даже над самим собою допустил обряд очищения по обычаю иудейскому. В Иерусалиме перед лицом проконсула Феликса, в присутствии множества иудеев, он признавался, что его учение во всем согласно с законом и пророками, что перед Синедрионом он не виноват ни в чем, как разве только в том, что произнес слово о воскресении мертвых, за которое теперь и судится (Деян. 24: 12–21). К большому удивлению, по-видимому, он разделял партикуляристические мнения иудеев о преимуществе их перед всеми другими народами. Это выразил он, например, в своей проповеди к иудеям в Антиохии Писидийской, когда прямо сказал им *вам слово спасения сего послася* (Деян. 13:26). В Послании своем к Римлянам он так восхваляет иудеев: быть иудеем — великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено Слово Божие. Если некоторые и неверны были, неверность их уничтожит ли верность Божию (Рим. 3: 1–3)? Израильтянам принадлежит усыновление, и слава, и заветы, и законоположение, и богослужение, и обетования; их и отцы, и от них Христос по плоти, сущий над всеми Бог, благословенный во веки, аминь (Рим. 9: 4–5). Еще больше апостол превозносит иудеев в следующих выражениях: если начаток свят, то и целое, и если корень свят, то и ветви. Если же некоторые из ветвей отломились, а ты, дикая маслина (язычники), привилась на место их и стала общником корня и сока маслины, то не превозносись перед ветвями. Если же превозносишься, то вспомни, что не ты корень держишь, но корень тебя (Рим. 11: 16–18). Словом, в таком отзыве апостола Павла об иудеях слышатся слова пророка Иеремии: *Свят Израиль Господеви, начаток плодов его: вси поядающии его согрешат: злая приидет на них,* (Иер. 2:3) — слова чисто ветхозаветного теократического характера.

Некоторые писатели видят в этом отношении святого апостола Павла к иудеям разные недобрые мысли. Говорят, будто он не вдруг пришел к сознанию чистых христианских истин, а постепенно развивался в познании их, только со временем, после нескольких фазисов христианского раз-

вития, выработал себе понятие о христианском универсализме и старался как-нибудь помирить с ним иудейский партикуляризм. Такой взгляд на святого апостола Павла имеют, между прочим, разные последователи так называемой новой тюбингенской школы (Штраусс, Целлер, Швеглер и другие). Эти же писатели высказали и такой решительный взгляд на апостола Павла, будто он на развалинах иудейства создал христианство, на месте синагоги воздвиг новое здание Христианской Церкви, будто до него христианство было только иудейскою сектою. Вот как рассуждает об этом Швеглер. «Видно, — говорит он, — что христианство никогда бы не отделилось от иудейства, если бы осталось на той степени развития, на которую поставили его апостолы. Несомненно, оно осталось бы иудейскою сектою... оно бы никогда не было тою победоносною силою, какою видим мы его в истории... Какими же обстоятельствами и личностями отделено оно от иудейства? Как случилось, что его приняли за новую и самостоятельную религию, хотя органически и связанную с древнейшей историей? Кто довел до всеобщего признания идеи автономии и универсализма христианства? Кто вместе с тем перевел во всеобщее сознание те воззрения, которые наполняли внутреннюю духовную жизнь Иисуса Христа и которые оставались сокрыты для Его учеников? Ответ простой: все это историческое дело апостола Павла». Баур говорит, что «начинающееся развитие христианства, по смерти Христа, имеет в Павле исходный пункт», и далее доказывает, что им впервые высказан христианский универсализм. Еще решительнее выражается Планк. «До Павла, — пишет он в своей „Церковной Истории“, — христианство было только иудейскою сектою, а через него сделалось универсальною религиею». Между французскими писателями в таком же решительном тоне выражается об апостоле Павле Лоран. «Для основания истинного христианства, по его словам, Бог воздвиг нового апостола». В другом месте говорится у него: «Богу угодно было призвать нового ученика: это был святой Павел, основавший христианство». «Это как бы второе откровение, пришедшее восполнить откровение Христа». Но ни с одним из всех этих взглядов нельзя согласиться. Нужно признать за несомненное то, что перемена убеждений апостола Павла была совершенно крутая, неожиданная и всецелая. Пока был иудеем, он мыслил строго по-иудейски. Но со времени чудесного обращения ко Христу он сделался христианином в полном смысле этого слова и вместе апостолом с одними и теми же убеждениями, с какими принял и мученическую кончину. Напрасно Ренан, на основании 2 Кор. 5:16 и Гал. 5:11, делает заключение, будто «в первый период своей проповеди Павел учил об обрезании». В первом месте апостол высказывает ту мысль, что, как апостолы до дня Пятидесятницы, так и он, до обращения ко Христу, питали плотские надежды на Мессию. Во втором месте он жалуется на преследование

против себя со стороны врагов и говорит в предположительном тоне, что оно не прекратилось бы и тогда, когда бы он стал проповедовать обрезание. Нет, в развитии святого апостола Павла или, вернее, и положении его христианских убеждений не было и не могло быть никаких фаз, никаких изменений. Еще несправедливее по отношению к нему та мысль, будто он есть основатель христианства, какие бы предложения мы ни сделали в оправдание такого названия. Пусть апостол Павел — виновник христианства или потому, что из ложного направления иудейства он выработал христианство, или потому, что он один правильно понял закон Моисея и пророков и от такого понимания последовательно пришел к истинной христианской проповеди, или же потому, что христианство было чистым продуктом его духа. Но мы уже знаем, что иудейство со своим ложным направлением было радикально противоположно христианству и, следовательно, никаким образом не могло перероднться в непобедимой душе Савла в систему универсальной христианской религии. По второму предположению верно то, что апостол Павел, после чудесного обращения ко Христу, просветил свое понимание разумением Писания; от понимания сени закона естественно пришел к созерцанию и самого образа вещей, к усвоению домостроительства спасения. Но как избранный сосуд благодати Христовой, по одному этому, он не может быть назван виновником христианства. Первоисточником его учения необходимо предполагается ветхозаветное откровение, концом которого был Сам Иисус Христос. Сам апостол Павел величает себя только рабом Иисуса Христа, призванным апостолом и избранным ко благовестию Божию (Рим. 1:1; сн. 1 Кор. 1:1; Гал. 1:1; Еф. 1:1; 2 Кор. 1:1 и др.), служителем Божиим (2 Кор. 6:4), служителем Христовым и домостроителем таин Божиих (1 Кор. 4:1). Что же касается до третьего предположения, то оно не оправдывается ничем. Прежде всего, христианство предызображено было в разных пророчествах и ветхозаветных учреждениях. Все учение апостола Павла есть развитое учение Иисуса Христа, которое знали все другие апостолы, которое перед всеми исповедал и прославил своею мученическою смертию архидиакон Стефан; Лоран, считающий святого апостола Павла основателем христианства, усвояет этому первомученику исповедание истинного христианства, когда выражается о нем: «Стефан — предтеча Павла». Швеглер, признающий христианство историческим делом Павла, первоисточником его системы, а следовательно, и виновником христианства ставит Иисуса Христа. Когда в Коринфской Церкви возникли споры, когда там стали говорить: я Павлов, я Аполлосов, я Кифин, а я Христов (1 Кор. 1: 11–12), с огорчением сердца апостол писал к ней в своем послании: «Разве разделился Христос? разве Павел распялся за нас? или во имя Павла вы крестились» (1 Кор. 1:13)? Итак, ни в каком отношении нельзя назвать апостола

Павла основателем христианства. Павел – основатель христианства – это не больше как неосторожное выражение, неуместная игра словами. Реусс, как ни высоко ставит апостола Павла, приписывает ему, однако ж, одну систематизацию христианского учения и только в этом отношении смотрит на него как на автора своей системы.

Как же, спрашивается, надобно понимать упомянутое сочувственное отношение апостола Павла к иудеям? Оно было самое искреннее и в то же время чисто христианское, ничего не говорившее в пользу обязательности иудейского догматизма. Объясняется оно очень просто. С горячим чувством любви и веры принял апостол Павел Святое Крещение (Деян. 9:18). С ужасом озирался он на прошедшую жизнь свою и с благоговейным трепетом готовился к благодатному общению с Богом в таинстве крещения: целых три дня перед тем он ничего не ел и не пил (Деян. 9:9). Это были для него дни смирения и покаянного сокрушения. Сделавшись же общником благодати Христовой, он почувствовал в себе не испытанный доселе избыток новых сил к исповеданию веры и к прославлению имени Христа. А вместо прежней религиозной нетерпимости у него родилась теперь неудержимая любовь ко всем людям, без всякого различия народностей и вероисповеданий, так как душа его прониклась любовью к Искупителю всего человечества. Любовь эта, прежде всего, остановилась у апостола на иудеях, единоплеменниках его, как и естественно было ожидать. С ними хотел он поделиться теперь приобретенным сокровищем благодатного обновления своего, им положил он вдохнуть святую веру в Искупителя как единственный источник своего собственного духовного успокоения и наслаждения. К тому же это согласно было со словами Самого Спасителя: *идите же паче к погибшим овцам дому Израилева* (Мф. 10:6; сн. Деян. 13:46; Рим. 1:16). Видя, что иудеи не принимают Иисуса Христа за своего Искупителя, Которого так долго и сильно ждали, апостол находит братьев своих, родных по плоти, то есть израильтян, которым принадлежат усыновление, и слава, и заветы (Рим. 9:4), действительно погибающими овцами и желает сам быть отлученным за них от Христа (Рим. 9:3). Ему становилось больно при одной мысли о том, что эти избранные хранители обетований об Искупителе, владевшие всеми средствами к достойному принятию Его, вдруг не узнают, не принимают Его и остаются вне Его благодатного царства, когда самые язычники, не знавшие путей Божиих, удостаиваются этого царства. После этого нет ничего удивительного, если апостол всегда и везде проповедовал иудеям о Христе Иисусе, всячески снисходя, насколько это было возможно, к их тупому упрямству и немощам. Приняв Святое Крещение, он прямо начал проповедовать в синагоге об Иисусе Христе, *яко Сей есть Сын Божий* (Деян. 9:20). Когда иудеи возмутились против этой проповеди и хотели убить апостола Павла, он тайно

вышел из Дамаска и отправился в Иерусалим, в столицу всего тогдашнего иудейского мира, в коренное местопребывание книжников и архиереев и саддукеев. Но, несомненно, и сюда пришел он не за тем, чтобы укрыться от преследований, а для новой проповеди своим единоплеменникам, для нового вразумления их, для возбуждения вместе с тем новых против себя преследований. Несмотря ни на что, он смело проповедовал здесь *во имя Господа Иисуса* (Деян. 9:28). Как и следовало ожидать, иудеи не дали ему покоя и в Иерусалиме. Поэтому верные отправили его в Кесарию и препроводили в Тарс. Надобно удивляться великодушию апостола. Спасаясь от руки иудеев, он идет в другой иудейский город — Тарс, в котором были его родные и знакомые, давно, наверное, ждавшие счастливого случая отомстить своему вероотступнику... С таким живым участием и великодушием проповедовал апостол Павел иудеям везде, где только заставал их и находил у них синагоги, потому что спасение их сделалось постоянным и пламенным желанием его сердца (Рим. 10:1). Что всего замечательнее, он думал подействовать на них положительным, а не отрицательным путем, считал достаточным изложить им домостроительство нашего спасения по ветхозаветному откровению и таким образом утвердить перед ними дело искупления как непоколебимую историческую истину. Его проповедь к иудеям, как и проповедь апостола Петра (Деян. 2: 22–36; 3: 24–25), была последовательным историческим назиданием. Как наглядный пример, можно привести проповедь его в Антиохии Писидийской (Деян. 13: 16–41). Речь об Иисусе Христе начинается в ней не прямо. Апостол подходит к ней издалека и ставит ее в связи с судьбою израильского народа и пророческих обетований. Сперва он говорил о том, как Бог благоволил избрать израильтян Своим возлюбленным народом, как Он возвысил и облагодетельствовал их. *Бог людей сих,* — так начинается проповедь, — *избра отцы наша: и люди вознесе в пришельствии в земли Египетстей.* Исчисливши, затем, все благодеяния Божии к иудеям, он дает понять, что Бог не без цели ниспосылал их израильтянам, что в этом видны были следы руководительного Промысла Его к принятию Искупителя Иисуса, Которого действительно Он и послал Израилю из его собственного рода, в потомстве Давида, и на Которого указал Иоанн, когда сказал народу: вот, идет за мною Тот, у Которого я не достоин развязать обувь на ногах. Доведя, таким образом, внимание своих слушателей до лица Иисуса Христа, он начинает говорить теперь о деле самого искупления, о Его смерти и воскресении, но опять — в связи с пророчествами об этом Давида и Исаии. Как ни просто составлена была вся эта речь, иудеи не могли понять ее в истинном свете, потому что не имели верного взгляда на Мессию и свое избрание. Как нам уже известно, не без гордости смотрели они на особенное внимание Божие к себе и любили рассуждать о своем будущем величии в царстве Мессии.

Чтобы тем лучше утвердить свои права на это царство и, так сказать, обязать Бога, они с ревностью не по разуму привязались к делам закона. По их понятиям выходило: потому придет Мессия и устроит Свое царство на земле, что они исполняют закон, что они готовятся к тому, а не потому направляет Господь судьбу их, что приидет Искупитель. Таким образом, с делами закона они хотели явиться в Царство Христово, чтобы за них получить себе большие или меньшие награды, и думали, что собственная заслуга их здесь необходима. Направляя свою речь против этого последнего заблуждения, в заключение апостол прибавляет, что настало время спасения именно ради распятого и воскресшего Иисуса; что Израиль в чем (иначе — ни в чем) не мог оправдаться делами закона Моисеева, в том оправдывается заслугами Христа при посредстве одной веры в Него. Чтобы придать больше убедительности своим словам, он замечает, что проповедует дело Божие, презирать которое весьма опасно (Деян. 13:41).

Из этого примера видно, что апостол Павел не отрицал иудейства, а только раскрывал его приготовительное значение к христианству. Тем более не обличал он здесь ложного направления иудеев, а показывал, что рассуждал с ними как с настоящими чадами Авраама, вел речь об иудействе в чистом его виде и предоставлял собственному сознанию каждого исправиться в своем заблуждении о Мессии. Но, как увидим ниже, иудеи не сумели вывести из проповеди апостола верное понятие об Иисусе Христе и остались при своих заблуждениях. В существе же дела апостол Павел отвергает иудейство, если указывал на него как на приготовительную ступень к христианству. Само собою вытекала из его проповеди, по крайней мере, та мысль, что исполнение закона стало делом необязательным и безразличным, как скоро пришел Искупитель. Только эта мысль, обращенная к неверовавшим иудеям, не разъяснялась и следовала не более как вывод. На первых порах апостол желал от своих единоплеменников одной веры в Иисуса Христа, ее старался возбудить и утвердить в своих слушателях и ради этого не входил с ними в полемику, а еще оказывал им всевозможное снисхождение. Этим снисхождением объясняются два его поступка: обрезание Тимофея и обряд собственного очищения в Иерусалиме.

Тимофей был одним из лучших иудеев, воспитанный благочестивой матерью в страхе Божием. Своим умом и набожностью он заслужил большое доверие не только в городе Листре, но и в целой Иконии (Деян. 16:2; 1 Тим. 4:14). Именно поэтому он мог оказать апостолу Павлу большую услугу в его проповеди к иудеям, с хорошим успехом мог вразумлять своих единоплеменников. Но набожные иудеи не хотели не только слушать, но и принимать его в синагогу за то, что был он не обрезан. Св. апостол Павел, не придававший никакого значения плотскому обрезанию и, что требовалось еще в Ветхом Завете (Лев. 26:41; Иер. 4:4), полагавший спасение в обреза-

нии духа и сердца (Рим. 2: 25, 29; 1 Кор. 7:19; Гал. 5:6; 6:15; Кол. 2:11), сделал иудеям уступку и, по словам Златоуста, «обрезал Тимофея, дабы упразднить обрезание, ибо понимал, что обрезанный будет проповедовать учение апостола о том, что не нужно обрезание». Тимофей, действительно, оказался впоследствии самым верным спутником и сотрудником апостола Павла. Так, например, он совершил его проповедь к иудеям в Верии (Деян. 17:14) и своим прибытием в Коринф как бы подкрепил его на проповедь к тамошним иудеям (Деян. 28:5). Вообще, он служил апостолу Павлу в благовествовании как сын отцу (Флп. 2:22; сн. 1 Кор. 16:10; 2 Кор. 1:19).

Не иначе как на мудрую меру, в видах успокоить кропотливое благочестие иудеев, нужно смотреть и на обряд собственного очищения апостола Павла в Иерусалиме. Чтобы понять это, стоит всмотреться в тогдашнее положение дел. Ко времени последнего посещения Иерусалима апостолом Павлом иудео-христиане были крайне предубеждены против него. Иудейские сплетники, везде старавшиеся повредить апостолу и помешать делу его проповеди, наговорили здесь, как он освобождает язычников от исполнения закона, как, кроме того, воспрещает обрезывать своих детей самим иудеям, живущим среди язычников, и соблюдать постановления Моисея. Эти доносы были небезопасны как для самого апостола Павла, так, в особенности, для Церкви. Они грозили ей прямым расколом, потому что возбуждали большой соблазн среди самых набожных христиан из иудеев. Очень могло быть, что, в случае личного сопротивления апостола языков, ревнители закона произвели бы совершенное разделение между иудео-христианскою Церковью и языческо-христианскою. «Видишь, брат, – простосердечно говорил апостолу Павлу апостол Иаков, – сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона» (Деян. 21:20), то есть люди с большим благочестием, хотя и с ветхозаветным, ошибочным взглядом на свою набожность. При этих словах стало больно апостолу Павлу. Мысль, что он сам может быть виною крайнего ожесточения иудеев, этих возлюбленных братий, и опасного разделения между верными, склонила его принять предложение апостола Иакова и согласиться на очищение себя ради одного успокоения тревожной совести своих врагов. Нечего и говорить о том, что сам апостол Павел смотрел на свой обряд очищения как на вещь совершенно безразличную. Такой же взгляд на его очищение имел и апостол Иаков. Выслушав, что сотворил Бог у язычников служением Павла, вместе с другими пресвитерами он прославил Бога и если внушал ему принять обряд очищения, то единственно для успокоения иудеев и в мудрых видах отклонить угрожающее разделение между двумя Церквами – Иерусалимскою и Антиохийскою (Деян. 21: 10–20); во всяком случае, он признавал письменное утверждение Иерусалимского Собора о христианской свободе (Деян. 21:25).

Таково в общих чертах снисходительное отношение св. апостола Павла к иудеям. В нем ясно была выражена одна мысль: не оставаться иудейству рядом с христианством. Дальнейшая форма развития этой мысли объясняется тем, как отнеслись иудеи сами к содержанию проповеди св. апостола Павла.

*2) **Перемена отношений св. апостола Павла к иудеям. Строго обличительный тон его проповеди в Антиохии Писидийской, Коринфе и Риме. Строго отрицательный характер его деятельности против иудаистов. Распри в Антиохии из-за обрезания. Живое участие апостола Павла в решении этого вопроса. Апостольский Собор в Иерусалиме. Единодушное утверждение в нем христианской свободы. Ближайшие и дальнейшие последствия этого утверждения. Обличение апостола Петра апостолом Павлом в Антиохии.***

Мы уже знаем, что одни из иудеев с ожесточением отталкивали от себя христианство, а другие, из принявших спасительную веру Христову, не усвоили себе истинного ее значения и по-прежнему оставались при своих иудейских убеждениях и привязанностях. Когда ни те, ни другие не только не сделались лучшими в своих отношениях к христианству, а еще восстали против него, мало-помалу и св. апостол Павел стал изменять к ним свои отношения, нашелся вынужденным обличить неверие одних и восстать против заблуждений других. Книга Деяний апостольских представляет нам три случая обличений в этом роде.

Первый случай был в Антиохии Писидийской. Проповедь апостола Павла в этом месте имела большой успех. Почти целый город собрался к нему слушать Слово Божие (Деян. 13:44). Многие уверовали в Иисуса Христа. В том числе значительную часть составляли язычники. Между тем неверовавшие иудеи злобно раздражились этим обстоятельством. Св. дееписатель замечает, что *видевшие иудее, исполнишася зависти и вопреки глаголаху глаголемым от Павла, сопротив глаголюще и хулящe* (Деян. 13:45). Апостол Павел не выдержал такой дерзости против Евангелия Христова и сказал вместе с Варнавою: *вам бе лепо первые глаголати Слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки. Тако бо заповеда нам Господь: положих тя во свет языком, еже быти тебе во спасение даже до последних земли* (Деян. 13: 46–47). Без всякого сомнения, слова эти были весьма оскорбительны для честолюбивых иудеев. К большему их посрамлению и негодованию, язычники, услышавшие от апостолов о благоволении Божием к себе, радовались, прославляли Слово Господне и уверовали в Иисуса Христа в большом количестве. Иудеи, действительно, еще больше ожесточились и изгнали Варнаву и Павла из пределов своих, но этим навлекли на себя еще большее осуждение. Выходя из города, Павел и Варнава отрясли на них прах от ног своих (Деян. 13:51). Этим выразили они призвание страшного гнева Божия, потому что поступили по

заповеди Спасителя: *иже аще не приимет вас, ниже, послушает словес ваших, исходяще из дому, или из града того, оттрясите прах ног ваших. Аминь, глаголю вам, отраднее будет земли Содомстей и Гоморстей в день судный, неже граду тому* (Мф. 10: 14–15). В последних словах Спасителя виден весь смысл настоящего апостольского обличения, которое заслужили своим неверием антиохио-писидийские иудеи.

Еще многознаменательнее был второй случай. Дело было в Коринфе. Когда, по обычаю своему, иудеи противились проповеди и даже осмелились ругаться над самым учением Христовым, апостол Павел отгряс тогда одежды свои и сказал: *кровь ваша на главах ваших: чист аз отныне во языки иду* (Деян. 18: 6–7). И тут же, на их глазах, он, действительно, пошел в соседний дом к одному набожному язычнику. *Кровь ваша на главах ваших* — это была формула страшного проклятия, по своему внутреннему смыслу равнявшаяся смертному приговору. Она известна была грекам и римлянам. Hocin caput tuum, говорили римляне. Di capiti ipsius generique reservent, читаем у Виргилия. Вообще, что по-гречески — αἷμα — кровь, убийство, смерть, то по латыни — caput. Еще лучше понятна была эта формула проклятия самим иудеям, потому что и свое начало она получила чуть ли не у них. В первой главе книги Левит говорится, что священник возлагал руки на главу приносимого в жертву животного и таким образом переносил на него грехи народа. Обряд этот освящен был особым предписанием. Да и все, вообще, ветхозаветные жертвы были жертвы кровавые. Кровь была символом очищения от грехов, возлияние крови заменяло покаяние. Призвать ее на кого-нибудь значило возложить тяжесть преступления и затем смертную ответственность. Одним словом, *кровь ваша на главах ваших* — это было проклятие, которое призвали на себя сами иудеи, когда в пылу злобного неистовства и слепого увлечения кричали перед лицом Пилата: *Кровь Его* (Иисуса Христа) *на нас и на чадех наших* (Мф. 27:25). Это самое проклятие напомнил и повторил коринфским иудеям и св. апостол Павел.

Третий случай апостольской строгости против иудеев был в Риме. По собственному желанию иудеев, целый день, от утра до вечера, апостол Павел излагал им учение о Царствии Божием, приводя свидетельства об Иисусе Христе из закона Моисеева и пророков (Деян. 28:23). Ему хотелось как-нибудь вдохнуть искру евангельского света в черствые сердца своих единоплеменников. Но, к крайнему его огорчению, как и прежде, проповедь не имела должного успеха. Дееписатель замечает, что одни из них убеждались словами апостола, а другие не верили. Когда удалялись эти жестоковыйные люди, св. апостол Павел со скорбию напомнил и сказал им вслед обличительные слова пророка Исаии: *добре Дух Святый глагола Исаием пророком ко отцем нашим, глаголя: иди к людем сим и рцы: слухом услышите, и не имате разумети: и видяще узрите, и не имате видети. Одебеле бо сердце*

людей сих, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидят очима и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и исцелю их. Ведомо убо да будет вам, яко языком послася спасение Божие, сии и услышат (Деян. 28: 25–28). Эта речь, замечательная по своему обличительному характеру, получает для нас особенную важность в устах апостола Павла. Иудей по крови, сам питавший в иудействе ревность по правде законной, теперь на эту ревность в иудеях он смотрит как на глупое упрямство, обнаруживающее одну грубость и умственно-нравственное ослепление. К большей обиде иудея, превосходство его рода, которое когда-то в духе фарисейском считалось безусловным, теперь он ставит ни во что, обходит молчанием как дар без веры во Христа, не существующий для них, и только в этой вере, как Иоанн Предтеча (Мф. 3:9), как сам Спаситель (Мф. 8:11; сн. 28:19; Мк. 16:15), ставит для всех условие спасения.

С неменьшею строгостью отнесся св. апостол Павел и к уверовавшим иудеям — к тем из них, которые, по принятии христианской веры, не только сами жили по-иудейски, но и других побуждали к тому. О чем не распространялся он в своей проповеди к неверовавшим иудеям, то передал со всей ясностью и полнотой иудео-христианам. С силой и властью апостола он прямо высказал им и то, что иудейство свою задачу отслужило и более не нужно, и то, что язычники и иудеи равны между собой, так как те и другие, прежде виновные перед Богом, примирились с Ним жертвою Христа и стали перед Ним одинаково приятны. Эти последние вопросы были раскрыты и утверждены апостолом Павлом фактически и последовательно при деятельном участии других апостолов.

Пока св. апостол Павел проповедовал одним иудеям в Тарсе, в судьбе Христианской Церкви совершилось новое событие, не совсем приятное иудео-христианам. Апостол Петр крестил *во имя Иисус Христово* язычника Корнилия сотника со всем его домом (Деян. 10:48). После рассеяния верных от гонения, бывшего при Стефане, язычники стали принимать христианскую веру в большом количестве, особенно в Антиохии (Деян. 11: 20–21) и даже первые удостоились здесь названия христиан (Деян. 11:26). По поводу хороших успехов евангельской проповеди между язычниками Варнава отправился в Тарс, нашел здесь Савла, привел его в Антиохию. Целый год сходились они в Церкви и учили немалое число людей. С этого времени Савлу суждено было выступить на проповедь язычникам, *пронести имя Христово пред языки и царьми* (Деян. 9:15). На это была теперь прямая воля Божия. Антиохия, подобно Иерусалиму — иудео-христианской митрополии, сделалась митрополией христиан из язычников. Чем для одной был апостол Петр, тем для другой стал апостол Павел. Когда пророки и учители Антиохийской Церкви служили Господу и постились, Дух Святой сказал: отделите мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал

их. Тогда они, совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их (Деян. 13: 1–3). Таким образом, сделано было торжественное избрание апостола Павла на проповедь язычникам. С выражением воли Божией на это соединялось теперь и единодушное согласие Церкви. С настоящей священной минуты апостол Павел весь стал принадлежать язычникам. С этого дня он всецело выступал на служение им и, по судьбам Промысла Божия, должен был пронести Евангельское Слово до отдаленного Рима и Испании. С иудеями, по-видимому, прерывались у него всякие отношения. На самом же деле вышло иначе. Торжественное избрание на проповедь язычникам поставило апостола Павла еще ближе к иудеям и послужило поводом к еще большим столкновениям его с ними. Явясь между язычниками, как отец среди семейства, как между овцами пастырь, он должен был не только напитать их хлебом животным, но и охранять от всякого учения приходившего извне, блюсти чистоту их веры и нравственности и ко всему этому – защищать их христианское достоинство. Но все это не могло обойтись для него без жаркой борьбы с иудеями, стоявшими против тайны призвания язычников и против всякой христианской свободы. Рассеянные по всем городам и местностям, они не давали язычникам покоя своими честолюбивыми против них замыслами и не переставали смотреть на них как на народ недостойный любви Божией. С этими чувствами вошли они и в Церковь Христову, а потому и здесь не иначе хотели сойтись с христианами из язычников, как возложив на них иго закона, навязав им соблюдение разных произвольных постановлений. Таким образом, не дух христианской любви и братства питали они к язычникам, а видимую вражду как до, так и после обращения их ко Христу. Тогда и теперь они унижали их нравственное достоинство, возбраняли и затрудняли им вход в Царствие Божие, сделавшийся на самом деле доступным всем и каждому во имя одной веры в Искупителя, по силе действия одной Его благодати. Что всего богопротивнее, иудеи, требовавшие от христиан из язычников исполнения закона, ставили в этом исполнении необходимое условие спасения и, следовательно, упраздняли и веру и благодать – все вообще заслуги Иисуса Христа, если не сказать, самое христианство. Но всем этим заблуждениям не суждено было не только развиться, к прямому ущербу ничем непобедимой Церкви Христовой, но и остаться при свете христианства. Если когда, так именно теперь, они должны были встретить прямое обличение от всех апостолов, которые научены были *блюсти вся, елика заповедал им Христос* (Мф. 28:20), которым послан был Утешитель Дух Святой (Ин. 14:16; сн. Деян. 2: 1–21), которые наставлены Им были на всякую истину (Ин. 16:13), облечены силою свыше (Лк. 24:49), силою Святого Духа (Деян. 1:8), которые имели ум Христов (1 Кор. 2:16), устами коих глаголал Дух Божий (Мф. 10:20). Такие благовестники не могли не всту-

пать на защиту вселенского значения и свободы христианства, когда Господь поставил их свидетелями Своими *до последних земли* (Деян. 1:8), внушил им проповедовать *во имя Свое покаяние и отпущение грехов во всех языцех* (Лк. 24:47), когда дал им прямую заповедь *учить вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28:19), идти *в мир весь* и проповедовать Евангелие *всей твари* (Мк. 16:15) и когда прямо сказал им: *иже веру имет и крестится, спасен будет; а иже не имет веры, осужден будет* (Мк. 16:16). Свою готовность и богодухновенность в служении делу Христову, действительно, показали они все на Иерусалимском Соборе и на всей вообще апостольской своей деятельности. Но по преимуществу избранный сосуд Христов (Деян. 9:15), апостол языков (Деян. 9:15; 22:21; Рим. 11:13; 15:19; Гал. 1:16; 2:7; Ефес. 3:8; 1 Тим. 2:7; 2 Тим. 1:11) выступил обличителем противохристианских иудейских заблуждений. Со дня крещения своего, раз навсегда, он почел тщетою все свои преимущества (Флп. 3: 7–9). С этого дня он сознал, что в состоянии иудейства был извергом и получил спасение единственно по благодати Божией (1 Кор. 15:8). Испытав на самом себе всю меру и силу помилования Божия, он крепко остановился на мысли о спасении туне единственно одними заслугами Спасителя и не опускал ни одного случая свидетельствовать это иудеям. Тем более не мог он остаться равнодушным, когда иудеи стали навязывать христианам из язычников свои заблуждения и сделались крайне дерзки в заявлении своих исключительных прав на Царство Христово к концу его первого апостольского путешествия. Прежде иудео-христиане легко успокоились оправданием апостола Петра (Деян. 11:18), крестившего язычника Корнилия сотника, и не выразили грубого неудовольствия при первых успехах евангельской проповеди в Антиохии, потому что там и здесь видели простое и неважное исключение, в котором притом находили случай выразить язычникам свое гордое снисхождение и на которое, что очень вероятно, посмотрели как на распространение прозелитизма. Но вот апостол Павел оканчивал уже свое первое путешествие и нигде не сказал ни одного слова в пользу оправдания делами закона и воображаемых преимуществ иудеев перед язычниками. Везде, напротив, он проповедовал спасение верою и с особенным вниманием относился к язычникам, даже еще к неуверовавшим. Надобно сказать, что иудеи делили тогда язычников на три разряда: на язычников-прозелитов, на языко-христиан и язычников в собственном смысле, или идолопоклонников. Первых они держали у себя в подчинении, надеялись утвердить свою власть и над вторыми, по отношению же к последним считали нечистым всякое прикосновение. Между тем апостол Павел всенародно учил, что все язычники, без малейшего исключения, равны перед Богом и ничем не хуже иудеев. Такое учение показалось невыносимым иудеохристианам, и особенно вышедшим из фарисейской секты. Теперь они

увидели, что проповедь апостола Павла среди язычников и расширение христианства между ними на началах христианского универсализма и свободы – дело для них опасное. Иудео-христиане поняли, что этим оскорбляется и даже уничтожается их национальное честолюбие, искусно обставленное дотоле чисто религиозными основаниями. Чувство оскорбленной гордости живо пробудилось в них при таком положении дела и достаточно показало, что доселе они были христианами только по имени. Теперь они снова выразили всю свою привязанность к иудейству и под предлогом благочестия и ревности о законе восстали на защиту лично себя самих, своей собственной народности, подняв в Антиохии распри из-за обрезания – распри, по поводу которых составился апостольский Собор в Иерусалиме. Апостол Павел не принимал особого участия на этом Соборе, тем не менее стоял к нему в самом близком отношении. Апостольский Собор, как мы только что сказали, созван был по случаю распрей в Антиохии, созревших под влиянием проповеди апостола Павла, составился, как увидим, по его собственному желанию и имел громадное значение для его последующей деятельности против иудейства. Что же это были за распри в Антиохии и чем они кончились для апостола Павла?

Дело было таким образом. Некоторые из иерусалимских иудео-христиан пришли в Антиохию и стали внушать здешним христианам необходимость обрезания. Если не обрежетесь по закону Моисееву, говорили они, не можете спастись (Деян. 15:1). Другими словами, пришельцы учили, что спасение зависит от обрезания, а не от Иисуса Христа, что благодатный закон есть живой образ закона Моисеева, что Иисус Христос явился на землю затем только, чтобы утвердить важность закона Моисеева. По свидетельству блаженного Епифания, виновником этого заблуждения был Керинф. По всей вероятности, это были задушевные мысли всей массы иудействующих, и преимущественно фарисеев, обратившихся в христианство, но все еще державшихся одного наружного благочестия и не покидавших мысли о своем безусловном господстве в царстве Мессии. И по обращении ко Христу во что бы то ни стало они хотели удержать свои мнимые права перед язычниками, внушая им строгое подчинение закону как своему обязательному юридическому акту. Ко времени такого сильного соблазна апостол Павел уже возвратился в Антиохию и принял самое живое участие в обличении его. Между ним и виновниками соблазна произошло сперва, замечает деепisатель, немалое состязание. Потом в сопровождении Варнавы и других христиан он отправился за решением дела в Иерусалим, к тамошним апостолам и пресвитерам. Нельзя думать того, будто апостол Павел сомневался в решении спорного вопроса и не мог решить его сам собою. На это не дают нам права и собственные слова апостола Павла: μή πως εἰς κενὸν τρέχω ἢ ἔδραμον – «не напрасно ли я подвиза-

юсь или подвизался» (Гал. 2:2), которые он предложил особо знаменитейшим, прийдя в Иерусалим. Гильгенфельд считает их тождественными с 1 Сол. 3:5 и не придает им особенного значения. Положим, замечание Гильгенфельда неверно и потому нимало не объясняет дела. Смысл указанного им будто бы параллельного места 1 Сол. 3:5 совсем не тот, что в Послании к Галатам (2:2). В 1 Сол. 3:5, которому параллельно Флп. 2:16, апостол выражает опасение, чтобы какой-нибудь искуситель не совратил его верных с правого пути и чтобы от этого не пропал его апостольский труд. В Послании же к Галатам 2:2 он прямо ставит вопрос о том, уместна ли была и есть его проповедь к язычникам и верна ли она. Несомненно, так или иначе, апостол выражает в этом месте сомнение в пользе и верности, вообще, в уместности своей проповеди среди язычников, но только совершенно не свое сомнение. Он выставлял здесь на вид сомнение или, вернее, отрицательное убеждение иудео-христиан, вместе с ними нес его на соборный суд апостолов и не сомневался в правом его решении на этой, так сказать, личной ставке с врагами вселенского значения и свободы христианства. Данный вопрос был столько же важен, как и его соборное решение. Он поставлен был святым апостолом языков с верной целью обличить иудео-христиан в неправоте против себя, как и в наглой лжи на апостолов «очевидцев», на языке апостола Павла «предшествовавших ему апостолов» (Гал. 1:17), или, как выражаются со своей точки зрения немецкие ученые, «первоапостол» – Urapostel. «Не какое-нибудь сомнение в собственной проповеди, – говорит Райтмейер, – не чувствительная нужда в приобретении авторитета, не какая-нибудь недоверчивость к успеху своей проповеди руководили Павлом и, по откровению, заставили его отправиться в Иерусалим, а единственно стремление вопреки некоторым разномыслящим вызвать и выхлопотать от первоапостолов открытое признание его Евангелия, не содержащего проповеди об обрезании». Нет, нам остается сказать, что, отправляясь в Иерусалим, святой апостол Павел имел в виду утвердить безусловное вселенское значение христианства, подрываемое доселе иудео-христианскими заблуждениями, перед лицом всей Церкви, в сознании всех христиан, и тем положить конец всякому соблазну и недоумению среди верующих из иудеев и язычников. Во время своего первого путешествия он хорошо присмотрелся, что заблуждения иудеев выходят из всяких границ и везде грозят неминуемым соблазном и разделением. Он хорошо понял, что все его единичные попытки подавить это зло, привести иудеев в полное послушание вере Христовой и спасти верных от их пагубного влияния остаются напрасными. Появление иудаистов в Антиохии окончательно убедило его в нужде добиться их усмирения, по крайней мере, при взаимном участии всех апостолов и, главным образом, Петра и Иакова как лиц более для них авторитетных. Короче,

идя в Иерусалим, апостол Павел задумал составить там апостольский Собор и на нем единодушно решить вопросы необходимо связанные с его проповедью язычникам и составлявшие предмет существенной христианской важности, но оспариваемые иудаистами. Собор этот, в некотором роде, был выражением его воли, решение на нем — делом его мысли, вполне согласной с мыслями других апостолов. Задумав такое великое дело, апостол Павел положил себе за правило действовать решительнее и в наглядное доказательство христианской свободы взял с собою в Иерусалим своего истинного сына по вере (Тит. 1:4) и брата (2 Кор. 2:13) Тита, обращенного им в первое путешествие из язычников и остававшегося необрезанным. Как и следовало ожидать, в Иерусалиме поднялась против него еще большая буря, чем в Антиохии. Здесь «восстали некоторые из фарисейской ереси уверовавшие и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедовать соблюдать закон Моисея (Деян. 15:5)». Но апостол Павел вместе с другими апостолами ни на один шаг не уступил и не покорился своим врагам, дабы сохранить истину благовествования своего у язычников (Гал. 2: 4–5). Во избежание, однако, всякого подозрения, на Соборе он держал себя в стороне. Главными деятелями на нем были Петр и Иаков — лица, по представлению самих иудео-христиан, более авторитетные. Но тот и другой, как и следовало ожидать, решили дело совершенно в пользу апостола Павла, защитника христианской свободы. *Ныне убо что искушаете Бога,* взывал апостол Петр, *хотяще возложити иго на выи учеником, его же ни отцы наша, ни мы возмогохом понести. Но благодатию Господа Иисуса Христа веруем спастися, яко же и они* (Деян. 15: 10–11). Кто не признает в этих словах всегдашнего учения святого апостола Павла? Но в то же время кто не узнает в них и того Петра, просветившего дом Корнилиев, который говорит: *аще убо равен дар даде им Бог, якоже и нам, веровавшим в Господа нашего Иисуса Христа, аз же кто бех, могий возбранити Бога* (Деян. 11:17)? Простая и успокоительная речь Петра, апостола обрезания (Гал. 2:7), произвела самое успокоительное действие на всех присутствовавших, несмотря на то, что так оправдывала апостола языков (Гал. 2:7) перед его врагами. Все хранили глубокое молчание, когда апостолы Павел и Варнава в подтверждение его слов передавали о тех знамениях и чудесах, какие Бог сотворил через них среди язычников и какие красноречивее и убедительнее всего говорили о видимом благоволении Божием к ним. Согласно с мыслями апостола Петра и к большему оправданию благовестия необрезания (Гал. 2:7) решил дело и другой представитель Собора — апостол Иаков (Деян. 15: 14–19). В успокоение мнительных иудеев он предложил только некоторые правила воздержания относительно идоложертвенного мяса, крови, удавленины и блуда — правила, согласные с общими требованиями христианского благочестия, хотя и стоявшие в числе ветхозавет-

ных иудейских постановлений (Быт. 9:4; Исх. 34:15; Лев. 3:17; 17: 10–14; Втор. 12: 23–25). Особенно не излишне было правило относительно последнего греха, имевшего самую тесную связь с запрещением вкушать идоложертвенное. Известно, что у язычников блудодеяние нередко соединялось с идольскими жертвами и считалось здесь если не обязательным, то совершенно позволительным. Едва ли не этот факт отразился и под обличительным пером пророков, называвших блудом самое идолослужение (Иер., гл. 3). Очень может быть, что предостережение от блуда, сделанное на апостольском Соборе, было и делом необходимости. Известно, что первенствующая Церковь не была безопасна от этого порока. С одной стороны, ей грозили еретики Симон волхв, Менандр и другие, проводившие в народ чистый разврат, а с другой — язычники, переходившие в христианство и с трудом покидавшие привычку к старому своему образу жизни. Этим только объясняется и то обстоятельство, что сам апостол Павел необыкновенно часто предостерегал слабых христиан от блуда (1 Кор. 5:9; Еф. 5: 3–5; 1 Сол. 4:3; Кол. 3:5 и др.). Правила, предложенные Иаковом, не были, следовательно, какой-нибудь невыгодной для Павла уступкой иудеям, а составляли необходимую заповедь в духе и требованиях христианского благочестия. Потому-то они приняты были единодушно и утверждены для надлежащего соблюдения между всеми христианами. Таким образом, были достаточно удовлетворены обе стороны — иудео-христиане и христиане из язычников, и первые были успокоены в своей мнительной совести, и права последних получили должное уважение и обеспечение. «Весьма справедливо в этом отношении, — говорит один немецкий ученый Гесс, — что апостолы сделались через это всем для всех, для всех иудеев — иудеями, а для язычников — язычниками: первым дали возможность без оскорбления своей совести обращаться с язычниками и успокоили последних в их христианской свободе, что именно и хотелось апостолу Павлу, о чем больше всего и хлопотал он в борьбе с иудеями».

Первым следствием соборного решения дела в Иерусалиме было успокоение верных в Антиохии (Деян. 15:32) и распространение веры во многих других местах (Деян. 16: 4–5). Казалось, иудеи помирились теперь с язычниками. Со времени Иерусалимского Собора, по-видимому, должны были прекратиться враждебные отношения иудео-христиан и к самому апостолу Павлу. На деле же вышло далеко не так. Братское христианское единение между иудео-христианами и языко-христианами оказалось совсем невозможным делом. Это зависело от того, что соборное апостольское определение не успело и не могло привиться к иудео-христианам в должной мере. Большинство их осталось довольно соборным постановлением совершенно безотчетно. Враги христианской свободы по-прежнему остались врагами и при первой проповеди апостола языков явились его упор-

ными противниками. Чем больше распространялось христианство между язычниками, тем настоятельнее проводили они в каждом новопросвещенном крае христиан идеи своего иудейского благочестия. Чем шире раздвигались пределы Христианской Церкви, тем больше изыскивали и находили они для себя случаев нарушать покой правоверных. Стоя ближе к превратному пониманию народного благочестия в иудейском духе, они ловили малейшее отсутствие апостола Павла и везде распространяли нелепые лжеучения. Лжеучения эти становились тем опаснее, что по своему внутреннему характеру разжигали вражду между иудеями и язычниками и что те и другие, по принятии христианской веры в значительном числе, далеко не могли похвалиться на первых порах ни силою веры, ни постоянством добродетели. Одним словом, и после Иерусалимского Собора закваска иудейская производила в Церкви слишком много зла, поэтому постоянно озабочивала и беспокоила апостола Павла. Замечательным примером его борьбы за христианскую свободу после апостольского Собора служит обличение им апостола Петра в Антиохии. Дело было так. Немного после Иерусалимского Собора апостол Петр посетил Антиохию. Здешние верные приняли его с должной честью и христианским радушием. Со своей стороны и апостол обрезания обращался с ними в духе христианской любви и свободы, быть может, не раз разделял с ними братскую трапезу. Но случилось, что по его следам пришли сюда и некоторые из иерусалимских иудео-христиан. Крайне несправедливо Ренан называет их «лазутчиками Иакова» и позволяет себе утверждать, будто этот последний стоял во главе иудейских партизан. Кажется, он делает это из подражания таким немецким ученым, как Баур, который ставит апостола языков в резкой противоположности с апостолами обрезания — Иаковом и Петром. Но нужно сказать, что Гильгенфельд, последователь Баура, признается, что взгляд этого последнего неверен и недостаточно выяснен. Гофман доказывает положительно, что апостол Павел жил в братском согласии с двенадцатью апостолами. Иерусалимский Собор достаточно показал, что апостолы «очевидцы» не имели ничего общего с иудео-христианами, в своих убеждениях были совершенно согласны с апостолом Павлом и, по выражению этого последнего, дали ему и Варнаве руку общения (Гал. 2:9). С этим согласны новейшие ученые Вомель и Маттей. «Несправедливо, — говорит Ользгаузен, — некоторые заключают из Гал. 2:12, будто апостол Иаков сам мог быть главою суровой иудейской партии и прибавляет к этому: — τινὲς ἀπὸ Ἰακώβου представляются не как вестники или поверенные, а только как члены его епархии. Они произвели в Антиохии возмущение без его воли. Это те же, что τινὲς ἐξ ἡμῶν в Деян. 15:24». Итак, иудео-христиане, пришедшие по следам Петра в Антиохию, — это были обычные ревнители закона по имени христиане, а по духу — иудео-фарисеи. Без всяко-

го сомнения, они слишком нехорошо посмотрели на поведение апостола Петра и были не прочь произвести в Антиохии второе возмущение, нарушить мир только что утвердившийся здесь после Иерусалимского Собора. Хорошо знакомый с характером мнительных ревнителей закона из всегдашнего обращения с ними апостол Петр, по всей вероятности, вздумал успокоить их, чтобы только отклонить угрожающую опасность. Для этого он неожиданно изменил свои отношения к язычникам-христианам. Ибо до прибытия «некоторых от Иакова» ел вместе с язычниками, а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием (Гал. 2: 12–13). Увидя, что они не прямо поступают по истине евангельской, св. апостол Павел не выдержал соблазна. Как всегдашний защитник христианской свободы, он вступился за своих христиан из язычников, обиженных таким гнушательством со стороны целой иудео-христианской Церкви в лице апостола Петра. Давно ли утвердилось христианское общение между Иерусалимской Церковью и Антиохийской? Давно ли, в присутствии той и другой, из уст Петра и Иакова слышались неподдельные слова христианской любви к язычникам? Давно ли во имя этой любви проповедано было по всем поместным церквам слово христианской свободы и братства? В минуту горячей ревности апостолу языков представилась вся несправедливость такой обиды. Потому при всех иудеях он не преминул обличить апостола Петра. *Аще ты иудей сый,* сказал он ему тоном обиженной справедливости, *язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жительствовати* (Гал. 2:14). Другими словами: «Если ты, иудей по природе, не признаешь оправдания делами закона, не ставишь в заслугу обрезания, а ждешь спасения от веры в Иисуса Христа, то зачем лицемеришь, поступаешь против собственного своего убеждения, зачем язычникам подаешь пример иудейской жизни?» Блаженный Иероним думает, что это столкновение между апостолами сделано было притворно, по предварительному взаимному соглашению их с целью обличить иудеев в их слепой привязанности к закону и в необщительности с язычниками. Но блж. Августин решительно отвергает такое толкование. Оно в самом деле не оправдывается ничем: ни достоинством первоверховных апостолов, ни целью, с которою передает апостол Павел случившееся событие, ни важностью самого предмета, из-за которого вышло столкновение. Притворство двух апостолов, недостойное их нигде, тем более было недостойно перед лицом целой Христианской Церкви. Апостол Павел говорит об обличении Петра в защиту своего апостольского достоинства. Но, очевидно, в таком важном деле он не мог сослаться на обстоятельство притворно разыгранное. Еще менее мог он допустить ложную историю в деле утверждения христианской свободы, в открытой борьбе из-за такой высо-

кой истины со своими бдительными и злобными врагами. *Я же пишу вам, се пред Богом, яко не лгу* (Гал. 1:20), – вот с какою клятвою он уверяет своих читателей в истинности преподанного им учения и достоверности своего повествования! Нет, обличение апостола Петра Павлом было истинное обличение, высказанное от глубокого сердца, с горячей ревностью по правде евангельской. Но вместе с тем оно, действительно, было направлено против пришельцев – иудеев, против их опасной мнительности, которую апостол Петр вздумал только подавить из желания сохранить мир в Церкви, но этим ненамеренно обидел антиохийских христиан. Уважая мнительность иудеев, апостол Петр упустил из внимания мнительность христиан-язычников, у которых постоянно оспаривали христианскую свободу. Зато мнительность этих последних, оказалось, справедливо уважил апостол необрезания. Тот и другой, таким образом, были одинаково правы. В обличении Петра остались виновны одни пришельцы иудеи со своим самоуверенным благочестием; на них только, согласно с мнением блж. Иеронима, и пало обличение, высказанное св. апостолом Павлом. Порфирий, известный враг христианства, и богоотступник Юлиан смеялись над поведением апостола Павла, видели в его поступке выражение гордости и мелочности вместе с притязательностью на первенство. Нечего и говорить о том, что они сделали это, как закоренелые враги христианства, просто из дикого желания посмеяться над апостолом Павлом и очернить его. За всем тем настоящим мотивом, к которому нашли они придраться, действительно, были гордость и мелочность только не в апостоле Павле, а в самонадеянных ревнителях ветхозаветного благочестия – иудеях. Прежде всего, в поведении этих последних подметили они мелочность, рассчитанную на преимущество перед язычниками и от этой-то стороны дела непоследовательно заключали о мелочности и гордости якобы апостола Павла, ввязавшегося будто бы в дело не стоящее внимания. Вместе с тем они не поняли или не хотели понять того, какая опасность для первенствующей Церкви соединялась тогда с мелочностью иудеев. Достаточно было вникнуть в смысл этой мелочности, в пагубное влияние оной на юное общество правоверных, чтобы признать ее вместе с апостолом Павлом стоящей внимания и обличения.

Свидания святых апостолов Петра и Павла

«Воскресное чтение», г. 7

Св. история не показывает нам, чтобы Павел до обращения ко Христу был знаем Петру, едва ли даже они видели друг друга. *Первое* свидание их случилось через три года по обращении Павла (Гал. 1:18; Деян. 9: 26–50). Приняв

Св. Крещение от Анании в Дамаске, Павел тотчас с дерзновением начал проповедовать имя Христово и между тем ходил в Аравию, откуда опять возвратился в Дамаск. Потом он отправился в Иерусалим и покушался пристать к ученикам Христовым, но все боялись его, не веря, что он ученик Христов и перестал гнать верующих во имя Христово. Варнава, известный Церкви Иерусалимской своей ревностью по вере и удостоверившийся в искренности обращения Павлова, представил его апостолам и рассказал им, как на дороге явился ему Господь и как он в Дамаске небоязненно проповедовал имя Иисусово. С сего времени Павел постоянно обращался с апостолами в Иерусалиме и свою проповедь соединил с их проповедью. Такое общение с апостолами было весьма утешительно для Павла и полезно для будущего его служения Евангелию Христову. По слову самого Павла, целью путешествия его в Иерусалим, между прочим, было — *соглядати Петра* (1:18), увидеться и познакомиться с ревностнейшим из апостолов. Первым и самым естественным побуждением к свиданию должно почитать непреодолимое влечение благочестивой души Павловой к святому общению с ближайшими учениками — самовидцами Слова, слышавшими радостную весть о спасении от Самого Спасителя, видевшими боголепное лицо Господа Иисуса — такое общение есть потребность святых душ. Павел пробыл у Петра *пятнадцать дней* — очень довольно для того, чтобы удовлетворить святому желанию видеть друг друга и утешить друг друга взаимной беседой. Хотелось бы знать, о чем они беседовали? О том, конечно, что более всего любили, — о Господе Иисусе, Которого оба любили пламеннейшей, чистейшей, истинно апостольской любовью. Естественно, Петр должен был говорить более, а Павел — более слушать; какой повествователь и какой слушатель! какая беседа и какие собеседники! Враги Креста Христова в Иерусалиме вооружились против Павла и искали убить его; христиане, узнав о сем, препроводили его в Кесарию и потом в Тарс (Деян. 9: 29, 30). Так кончилось первое свидание апостолов Петра и Павла.

Второе свидание верховных апостолов можно относить к тому времени, когда антиохийские христиане, по случаю голода в Иерусалиме, отправили св. Павла в Иерусалим с милостыней для тамошних христиан, но подробности сего пребывания Павлова в Иерусалиме не описаны Лукой (Деян., гл. 11).

При *третьем* свидании святые апостолы Петр и Павел являются преимущественно как апостолы — служители и основатели Церкви. Частных их бесед мы не знаем, но св. Лука передает нам историю апостольского Собора, где действовали вместе с другими свв. Петр и Павел и где решен был вопрос, должно ли обращающимся ко Христу язычникам обрезываться и соблюдать прочие постановления обрядового Моисеева закона? Св. Петр первый подал свой голос; вразумленный видением (Деян., гл. 10), он

утверждал, что должно освободить христиан из язычников от соблюдения ветхозаветных обрядов. За ним Варнава и Павел рассказали, какие чудеса произвел Бог через них у язычников, и сим подтвердили положение Петра. Св. Иаков, епископ Иерусалимский, заключил дело соборное приведением древних пророчеств и своим согласием на мнение Петра и Павла. Другой предмет беседы Павла с апостолами и, следовательно, с Петром была проповедь самого Павла, желавшего иметь и внешнее свидетельство об истине своего учения, и подтверждение со стороны апостолов для предотвращения и погашения всякого соблазна и для успеха своей проповеди, о чем и предложил он апостолам, бывшим в Иерусалиме, наедине. Оказалось, что учение Павлово совершенно согласно с учением прочих апостолов, которые, вполне уверенные в данной Павлу благодати апостольства, дали руки Павлу и Варнаве в знак согласия, чтобы им идти к язычникам, а Петру с другими – к обрезанным, к иудеям. Свидание – важное, имеющее большое влияние на все общество верующих (Деян., гл. 15, Гал.)!

Четвертое свидание случилось в Антиохии и описано самим Павлом (Гал. 2: 11–26). Петр, придя в Антиохию, сначала ел с христианами из язычников и свободно с ними обращался. Но по прибытии некоторых иерусалимских иудеев от Иакова стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Его примеру последовали и прочие иудеи, и даже Варнава, сподвижник Павлов. Св. Павел, ежеминутно готовый умереть ради истины, видя, что они не прямо поступают по истине евангельской, сказал Петру при всех: *аще ты иудей сый, язычески, а не иудейски живеши, почто языки нудиши иудейски жительствовати?* Таким явным обличением исправлен явный соблазн. Велик Павел в обличении Петра, велик и Петр, выслушавший обличение! Велика ревность и дерзновение Павла, велико смирение и послушание Петра!

Виделись ли еще, и где именно, святые первоверховные апостолы, неизвестно из книг Св. Писания, которое говорит только о последнем путешествии св. Павла во Иерусалиме, не упоминая о свидании его с Петром (Деян., гл. 20, 21). Предание свидетельствует, что святые апостолы Петр и Павел виделись еще раз на земле, в последнее время своей подвижническо-апостольской жизни и в один день, именно 29-го июня, в одном городе – Риме, пострадали за имя Иисуса, возлюбленного Учителя, Господа и Спасителя. Это *свидание предсмертное*, знаменательнейшее, утешительное для самих апостолов и поучительное для всех верных! Но благочестивый христианин может только сожалеть, что Предание не сохранило подробных сведений о предсмертном свидании и беседах свв. апостолов, и должен, по необходимости, ограничиться тем, что дошло до нас. Нерон, первый и жесточайший из гонителей христианства, для своего зверского удовольствия сам сжег свою столицу и сложил вину гибели Рима

на невинных христиан, которые по сему случаю подверглись страшным мучениям. Св. Павел, любивший и возлюбивший своих учеников до смерти, поспешил к развалинам столицы Римской империи утешить их общением любви своей и разделить с ними мученический венец. Видимо, наступало время, когда надлежало исполниться желанию апостола – разрешиться от смертного тела и со Христом быти. По той же, вероятно, причине прибыл туда и св. Петр. Нерон много замучил людей, умертвил даже мать свою, недоставало в его злосчастной и нечестивой жизни одного преступления – убиения первоверховных апостолов – и оно совершено им. Много потрудились святые апостолы ради Христа Спасителя, недоставало в их богоугодной и страдальческой жизни одного последнего подвига – смерти за имя Христово, и сей подвиг совершен; апостольское учение запечатлено кровью и подтверждено мученической кончиной первых основателей и распространителей Церкви Христовой. Можно заметить, на основании последней главы второго послания Павлова к Тимофею, что Петр прибыл в Рим и начал разделять узы Павловы незадолго до их общей кончины, а прежде Павлово пребывание в темнице было уединенное. Димас, прежде сотрудник апостола (Флм. 23), оставил его, возлюбив нынешний век, и ушел из Рима в Фессалонику; Крискент отправился в Галатию, Тит – в Далматию, Тихика апостол послал в Ефес, Ераст остался в Коринфе, Трофим, больной, – в Милите. При первом ответе перед мучителями никого не было с Павлом – все оставили его, кроме Господа, видимо и невидимо пребывавшего с ним; из земных друзей и постоянных сотрудников не отлучался от апостола один Лука. Понятно после сего, почему апостол умоляет Тимофея придти к нему скорее и как могло обрадовать его посещение возлюбленного ученика его – Тимофея (2 Тим. 1:4). Но Господь даровал ему радость, какой он и не ожидал в последние скорбные минуты земной жизни, – радость свидания с ап. Петром, с коим всю жизнь подвизались единодушно в проповедании Евангелия Христова.

Наружный вид апостола Павла, его природные дарования и характер

Иннокентий, архиепископ Херсонский. Сочинения, т. 9

Из 2 Кор. 10:20 заключают, что апостол Павел был весьма не замечателен по виду и мал ростом. Св. Златоуст в одной беседе называет его человеком в три локтя (ἄνθρωπον τρίπηχυν). Думают, что сочинитель Филопатриды (Луциан или кто другой) имел в уме Павла, когда выводил на зрелище Галилея, у коего на верхней части головы нет волос, с орлиным носом, по воздуху восходившего до третьего неба. Но никто не оставил нам такого

описания Павла по внешнему виду, как Никифор Каллист. «Павел, — говорит он, — был ростом мал, непрям и несколько согбен; лицо у него было чистое и являло признаки долгих лет; голова плешива; в глазах его усматривалось весьма много приятности; брови — поднятые вверх и как бы разбегающиеся; нос продолговат, с приятною неровностью; борода густая и довольно длинная, по местам с сединой, так же как и голова». Портрет весьма выразительный, жаль только, что он писан спустя 13 веков по смерти апостола и неизвестно — с какого подлинника!

Если в самом деле апостол Павел был мал ростом, то на нем оправдалось мнение, что в малом теле нередко бывает душа истинно великая, благодать, без сомнения, преобразовала и усовершила в нем дары природы, но сии дары сами по себе были весьма велики. Нет ни одного качества, потребного для великих умов и характеров, коего не усматривалось бы в Павле. Св. Златоуст равнял его по естественным дарованиям к любомудрию с Платоном — сравнение неопределенное, ибо тот и другой действовали при совершенно различных обстоятельствах: один во свете Духа Божия, другой при слабом светильнике разума, но то несомненно, что гений Павла, если бы Промысл судил ему явиться под небом Греции, не потерялся бы в толпе последователей Платоновых, и к списку мудрецов греческих прибавилось бы еще одно великое имя.

Характер Павла есть характер вселенского учителя, характер посланника Божия к роду человеческому. У него все служит в пользу Евангелия, к славе Божией — и довольство, и нищета, и похвала, и поругания, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Перед ним, как перед Богом, Коего он посланник, нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужского пола, ни женского — все едино во Христе Иисусе. С язычником — он язычник, беседует о естественной религии, ссылаясь на поэтов, извиняет лета их неведения об истинном Боге; с иудеем — иудей, рассуждает о знаменовании обрядового закона, совершает обеты, наблюдает различие яств, предписанное законом; со слабым совестью — слаб, умеряет свободу христианскую, воздерживается от идоложертвенных, хотя совершенно уверен, что идол есть ничто. Но во всех случаях виден учитель истины, образец чистоты нравственной, сосуд благодати.

О том же

Фаррар. «Жизнь и труды св. ап. Павла», т. 1

Некоторые предания и древнейшие попытки изобразить апостола дают возможность судить об его наружном виде. Перед вами человек небольшого роста и, вследствие болезней телесных, непредставительной наружности, как апостол изображается на древних иконах и по некоторым преданиям. Но когда вы заговорите с ним, когда предвзятая мысль, внуше-

мая его видом, исчезнет, когда в минуты небесного вдохновения и сердечной христианской любви в этом мертвенном, изможденном теле заблестит светлая душа, когда человек с пламенным энтузиазмом, открывая все величие своей могучей внутренней силы, заставляет вас забывать об его наружности, когда, торжествуя над своей телесной слабостью, он поражает своих врагов ужасными обличениями или распускает пророческие крылья, чтобы вознести к Небесному Отцу души тех, которых любит, то вы видите человека, каков был св. Павел. Это — Павел, который предает сатане дерзкого оскорбителя Церкви, осуждает с твердостью претензии ложных умствователей и умствований, мечет гром нравственного негодования на подпольные замыслы иудействующих, поражает слепотою глаза Елимы, повелительно распоряжается двумястами душ в разбитой и лишенной парусов лодке, дает, на основании только природного превосходства, приказание центуриону и римским солдатам, которые были его стражами. Это — Павел, который мановением руки отодвигает чернь от Антониевой лестницы, обращается с требованием к Феликсу, говорит, как равный, с правителями и царями, борется с дикими зверями в Ефесе, встречается лицом к лицу со львом в Риме. Когда вы увидите и услышите его — вы забудете, что такое сокровище заключено в сосуде глиняном. Через непрозрачную глину будет светиться скрытая лампада, которая блещет ужасом для врагов и светит путеводной звездой друзьям.

Таким образом, допуская все эти невыгоды — непредставительную наружность, страх и трепет, болезненность, сознание принадлежности к ненавистной секте, проповедь о Распятом Искупителе — мы увидим, что они с избытком искупаются обладанием несравненно высших дарований. Он находит себе некоторую помощь в полном изучении веры своего народа, в знании ремесла, которое служило поддержкой его жизни, в знакомстве с нравами и обычаями людей всякого состояния и племени вследствие своей долгой жизни в городах еврейских и языческих. Как бездетный вдовец, он не связан был домашними узами и переносил скорби в одиночестве, не рискуя спокойствием и жизнью тех, которые бы от него зависели. Обладание правами римского гражданина, хотя не защищавшими его против тревог в провинциях, хотя он и сам уклонялся от заявления таких преимуществ перед своими соотечественниками, воспользовало его при многих наиболее опасных обстоятельствах. Но все это было ничто в сравнении с другими, более высшими дарами, каковы: изумительная стойкость, которую не могли истощить никакие пытки; глубокое убеждение, что Господь призвал его на апостольство, чтобы «покорить язычников вере словом и делом»; любовь к человечеству, поселявшая в нем готовность войти в общение ради спасения души как с бывшими прежде грабителями и пьяницами, так и с кроткими, невинными, скромными женщинами; бла-

говоспитанность, которая давала ему возможность быть равно уважаемым между властителями и рабами; могучее слово, которое гремело или звучало тихо, смотря по надобности, то возвышаясь до восторженного красноречия, то ниспадая до глубочайшего смирения; ясность взгляда, с которою он, жертвуя неважными обстоятельствами, стремился постоянно к достижению одной конечной цели; полная свобода от рабской мелочности, составляющей характеристическую черту невысоких умов; дух уступчивости; уменье обходиться с каждым человеком; довольство меньшим против того, что должно. Но, кроме всего этого, в жизни и творениях св. Павла выразились ясно и другие, более драгоценные качества. В них ярко блещет любовь к обращенным им в христианство, которая звучит в его словах как бы прерывающимися рыданиями, когда он размышляет, с одной стороны, об их привязанности, с другой — о неблагодарности; убеждение, что проповедует истину до сознания за собою права сказать: «Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема»; миссионерская неутомимость, которая влечет его из города в город, из страны в страну для дела Божия; горячность стремления, которая приводит его в восторг при виде основанных между язычниками церквей, где он был первым послом Бога мира, и наконец, совершенная вера, которая делает его способным с охотою или, лучше сказать, с радостью жертвовать всей своей жизнью, подвергаться пересылкам из города в город в качестве раба и заключенника.

Что ты Меня гонишь (9:4)?

«Христианское чтение», 1824, ч. 15

В те дни, когда *Павел*, называемый *Савлом*, был жесточайшим гонителем христиан, ни один из иудеев не мог равняться с ним в ревности к истреблению нового учения. Он проникал во все самые тайные собрания христиан, предавал их мучителям и даже сам поступал с ними бесчеловечно.

Все, что Савл ни предпринимал против христиан, предпринимал в полной уверенности, что он поступает справедливо. Он почитал их не иным чем, как отступниками от прежней религии; людьми отвергающими Моисея и пророков, нарушителями закона, данного Богом на Синайской горе.

Когда он был на пути к Дамаску, дабы открыть там поклонников Иисусовых и, связав, привести на суд в Иерусалим, тогда осиял его свет с небес, и он, в трепете повергшись на землю, услышал голос: *Савл! Савл! что ты Меня гонишь?*

Сие явление произвело в нем действие на всю последующую жизнь его. Он переменил свои мысли. Он познал Божество Иисуса Искупителя, Ко-

торого преследовал, и с того самого часа сделался вернейшим Его последователем. С того часа он сам решился подвергнуться гонениям, которые недавно воздвигал на других. Он сам претерпел за Иисуса обиды, узы темницы, которые прежде давал другим за Иисуса. Он крестился, не удержал ничего из прежнего состояния своего и отложил даже самое имя, под которым был столько страшен для первых христиан.

И ныне каждый человек, подобно Павлу, слышит голос Божества. Сей голос часто вещает человеку в решительные минуты его жизни: *Что ты Меня гонишь?*

Каждый человек, подобно Савлу, имеет какое-либо сильное желание, к достижению которого он стремится с великим рвением, с напряжением всех сил своих. Не всегда цель его бывает благородна, редко намерение его бывает и столько извинительно, сколько намерение Савла; и однако он стремится к избранному однажды предмету. Его покушения не удаются, но каждая неудача тем сильнее подстрекает его к достижению своих желаний. Среди усилий своих он познает, что в плане Провидения находится нечто совершенно отличное от его намерений: он видит, что обманывается в своих желаниях, надеждах, ожиданиях; он видит, что его воля противна воле Правителя вселенной. Однако он противоборствует, напрягается, как будто бы слабая рука его могла остановить сильное, все ниспровергающее течение судьбы. Таким образом, он приготовляет только собственное несчастие, которое наконец страшно поражает его. Тогда он слышит предостерегающий его голос: *Что ты меня гонишь?* Но тщетно: он столько горд, что не хочет переменить своих намерений и обратиться на путь правый. Жестокость страсти влечет его к падению. Он видит бездну, к которой приблизился, но не перестает обольщать себя и по упорству своего самовольства силится невозможное сделать возможным. Тогда настает конец его поприща: Бог судит его и он погибает в полноте своего развращения.

Каждый, рано или поздно, слышит в сердце своем голос Божий, иногда кроткий и дружелюбный, иногда строгий и страшный.

Когда мы с сердцем, исполненным забот и низких страстей, с сознанием наших слабостей и пороков, рассматриваем летнее великолепие природы, в которой все – от капли росы, дрожащей на стебле, до звездного неба, от червя, пресмыкающегося в пыли, до орла, парящего в облаках, – все возвещает нам благость, любовь и святость Творца; когда взор наш с восторгом усматривает величие и славу Бога во всех Его делах; когда тихое умиление наполняет душу нашу и внутреннее чувство вещает, как благ Бог и как мы злы, как чисто все происходящее из руки Его и как нечисты наши мысли и желания, то это есть тихий, исполненный любви голос, который говорит нашему сердцу: *Что ты Меня гонишь?*

Когда осень осыпает нас всеми дарами Божия благословения; когда поля, луга и леса покрываются плодами, дабы люди и звери изобильно находили пищу свою; когда мы, неблагодарные, помыслим в сие время, сколько страждущих отвергли мы жестокосердечно без всякого утешения, сколько плачущих оставили с неосушенными слезами; когда мы сравним, как много даровал нам Бог и как мало сделали мы ко благу ближних, несмотря на то, что Господь дал нам великие к тому средства, то не должно ли внутреннее чувство укорять нас в наших поступках? Сие чувство есть голос Бога, Который с кротостью и любовью говорит: *Что ты Меня гонишь?*

Когда кровавая война обращает в пепел города и села, опустошает поля, отнимает у детей отца и у матери сына, то это страшный голос Бога, Который говорит человеческому роду: *Что ты Меня гонишь?*

Когда из черной тучи раздается треск грома, когда сверкающая молния воспламеняет чертоги сластолюбца или хижину нищего, когда язва опустошает целые страны, когда свирепая буря исторгает дубы, опровергает домы, погружает корабли в морских безднах, то это есть страшный голос Всемогущего, Который говорит человеку: *Что ты Меня гонишь?*

Часто среди сладкого шума земного блаженства постигает нас тяжкая судьба; часто исторгается у нас то, к чему сердце наше более всего прилеплено было, что мы делали своим идолом; часто теряет все свое имущество тот, кто жил только для собирания сокровищ на земле; часто лишается всей своей чести тот, кто для достижения славы перед человеками забывал все обязанности свои; часто лишается нежно любимого друга, отца, сына тот, кто в такой любви забывал, что в жизни сей нет ничего продолжительного, что не земное, но вечное, обитающее в земном, достойно истинной любви. И в разрушенном счастье сластолюбца, в нищете любостяжателя, в поношении честолюбивого, в горести плачущего над гробом строго вещает ему голос Божий: *Что ты Меня гонишь?*

Но как смертный может гнать Вечного? Как может гнать Иисуса? Мы не можем гнать Его, как гнали иудеи, когда схватили Его как разбойника, покрыли ругательствами и ранами и пригвоздили ко кресту. Да и самый Павел не мог гнать лично Иисуса, воскресшего и восшедшего на небо, и, однако, он слышал голос с небес: *Савл! Савл! Что ты Меня гонишь?*

Кто с завистью и недоброжелательством унижает своего ближнего, посмеивается над ним, старается омрачить его имя, тот гонит Иисуса; кто во гневе за мнимую или действительную обиду дышит мщением и не успокаивается, пока не отяготит противника своего бедствием, тот гонит Иисуса; кто обременяет нищету лихвою, утаивает чужое добро, обманывает неопытного, тот гонит Иисуса; кто дары благословения Божия корыстолюбиво употребляет для одного себя и изобилие свое охотнее расточает на роскошные пиршества, великолепные одежды и дорогостоящие заба-

вы, нежели на облегчение участи страждущего болезнью и нищетой, на содействие к общему благу, тот гонит Иисуса. Кто по сластолюбивым замыслам разрушает чистоту и спокойствие невинности, погубляет телесные и душевные силы неопытной юности, тот гонит Иисуса. Ибо Иисус говорит: *Поелику вы сделали сие одному из братьев Моих меньших, то Мне сделали* (Мф. 25:40).

Мы гоним Бога пренебрежением святых заповедей Его. Так гонят дети своих родителей, когда не исполняют их приказаний и советов, когда совершенно их забывают или даже с гордостью отрекаются от них перед миром. Так и человек отрекается от Бога ежели не устами, то, по крайней мере, сердцем, когда он поступает так, как будто бы не было всеведущего Мздовоздаятеля.

Есть Бог! — вопиет совесть грешника. Нет Бога! — вопиют дела грешника. Он носит в груди своей вечные законы правды и истины и совершает дела неправды и лжи. Вот отречение от Бога! Он вступает в храм высочайшего существа, видит множество христиан, погруженных в благоговение и молитву, слышит благовествование святого слова, слышит напоминание о своих обязанностях — и выходит из храма, не помышляя о своем исправлении, даже не имея желания отложить свои пороки. Вот презрение Бога и Его законов! Являются торжественные минуты, в которые сердце его становится чувствительнее и мягче, когда он счастливо избегает великой опасности, или получает неожиданную радость, или простерт на мучительном одре болезни, или проливает слезы на гроб любимого человека, — тогда он чувствует могущество и силу Божию, чувствует свое недостоинство перед Всевышним, и голос Божий говорит в его сердце: *Что ты Меня гонишь!* Он входит в себя, раскаивается, усматривает ничтожность всего земного, усматривает необходимость прилепиться к Богу, к добродетели; он молится и дает торжественный обет переменить себя. Но торжественная минута проходит и все предается забвению. Он нарушает обеты, в которых клялся перед Всеведущим. Мир снова становится ему дороже вечности. Вот презрение величия Всевышнего! Он, может быть, сохранил бы слово данное всякому человеку, но нарушает обеты данные Богу. Он хочет казаться честным перед очами тленного человека, но не перед очами вечного Бога. Он страшится наказания и укоризны человеков, но не боится воздаяния праведного Судии.

Самое непостоянство, по которому мы в известную минуту намереваемся творить добро, но в следующую за нею творим зло, есть нарушение того глубокого почитания, которым мы обязаны Виновнику нашего бытия. Легкомыслие, с каковым мы предаемся скоропреходящим впечатлениям внешних обстоятельств и никогда не поступаем так, как заповедал Иисус, но как нам приятнее, — сие легкомыслие есть оскорбление велико-

го Бога, Которому мы отказываем в каждом пожертвовании, требующем самопобеждения, между тем как чувственным похотям нашим приносим столь тяжкие жертвы.

Посему-то так часто голос Божий взывает к грешному человеческому сердцу: *Что ты Меня гонишь!*

За что гнать Того, Который простирает к нам бесконечную любовь Свою? За что презирать Того, Который нас хранит и ограждает? За что отрекаться Того, Который нам являет Себя в великолепии всей вселенной, в дарах природы, в самых плачевных приключениях жизни, о Котором совесть дает нам вечное свидетельство?

Обратись, кто понимает сей голос Божий! Обратись, раскайся, подобно Павлу, и из гонителя Иисусова сделайся верным Его свидетелем, живым Его образом в делах, словах и помышлениях. Обратись, и чешуя грехов твоих отпадет от глаз души твоей, и ты увидишь свет, просвещающий тебя на всяком шагу жизни твоей!

Мнимые разности в повествовании об обращении апостола Павла

1. Слышали и не слышали

«Воскресное чтение», 1876, т. 2

«Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя» (Деян. 9:7).

«Бывшие же со мною свет видели и пришли в страх, *но голоса, говорившего мне, не слыхали»* (Деян. 22:9).

Совершенно естественно и весьма легко объяснимо, если при неоднократном повествовании об одном и том же событии разными лицами, как здесь, евангелистом Лукою и самим ап. Павлом, встречаются в этих различных повествованиях некоторые разности. Часто эти разности, как мы неоднократно замечаем, у четырех евангелистов составляют только взаимные восполнения или же кажущееся различие, и противоречие имеет свое основание в поверхностном, недостаточном нашем знании обстоятельств сказанного, между тем как внимательнейшее изучение дает нам видеть все в совершеннейшем свете и полнейшей гармонии. Это нужно сказать и о вышеприведенных двух текстах.

В первом из них (Деян. 9:7) евангелист Лука главным образом упоминает о *великом удивлении* спутников Савла, когда они слышали какой-то голос, кого-то говорящего, но никого не видели. Другими словами, они слышали голоса, но не слышали отдельных слов и не понимали то, что говорилось, а также и никого не видели.

В другом же месте (Деян. 22:9) сам апостол говорит о различных *действиях*, какое произвело явление на него *самого* и на его *спутников*. Спутники видели свет и пришли в страх, «голоса же, – говорит ап. Павел, – говорившего мне, не слыхали»; они не понимали, что говорил Господь Иисус, между тем как Павел ясно слышал не только голос, но и узнал, Кто говорил с ним. Спутники же слышали только непонятные для них звуки голоса, но не слышали раздельных слов; следовательно, они и слышали и не слышали. Они были подобны тем людям, о которых говорит Иисус Христос: «Они видя не видят и слыша не слышат и не разумеют» (Мф. 13:13, ср. Дан. 10:7).

Другой подобный случай слышания и непонимания, или неслышания, в Ин. 12: 28, 29, где говорится: «Тогда пришел с неба глас: и прославил, и еще прославлю». Народ, стоявший и слышавший то, говорил: «Это гром, а другие говорили: – ангел говорил ему». Этот голос с неба был не только гром, шум или звук, но словесное объявление, ответ Небесного Отца, совершенно ясно понятый Господом Иисусом и евангелистом Иоанном: «И прославил, и еще прославлю». Но народ, стоявший при этом, хотя «слышал» голос, как очень громкий, и пришел от него в ужас, но слов его не понимал. Следовательно, и здесь так же могло быть сказано, что народ слышал и не слышал, так как он слышал, конечно, звуки голоса, а не известные, определенные слова его.

Между слушанием и слышанием часто может быть большое различие, иногда оно значит только одно внешнее восприятие звуков, а иногда – внимательное слушание и понимание, как например в Мф. 18:15: «Если послушает тебя, то приобрел ты брата своего». В приведенном уже месте это слово имеет то и другое значения – и слышание и неслышание. То же нужно сказать и о словах в Деян. 9:7 и 22:9. И это объяснение слова дает основание к полному соглашению указанных мест книги Деяний апостольских. Ежедневная жизнь каждого из нас подтверждает также это объяснение, потому что нередко случается, что слышишь издали голос, и даже очень громкий, и, однако, не слышишь его, потому что не понимаешь его и слов его.

Мы здесь говорили о слышании и неслышании. Это имеет отношение и к *слушанию Евангелия*. Многие слушают Евангелие, но о них можно сказать, что они слушают его, не понимая и не принимая к сердцу; они слышат только как бы звук Евангелия, а не голос Духа Божия в нем. Так слышали спутники Павла, и о них неизвестно, чтобы они обратились ко Христу. Другие же, напротив, слушают Евангелие, как голос Божий, понимают, Кто с ними говорит, и разумеют слышимое; они слушают не только слухом, но и сердцем, и это приводит их, как некогда Савла, ко спасению. Поэтому Господь Иисус говорит: «Итак, наблюдайте, как вы слушаете» (Лк. 8:18).

2. *Стояли и упали на землю*

«Воскресное чтение», 1876, т. 2

«Люди же, шедшие с ним, *стояли* в оцепенении, слыша голос, а никого не видя» (Деян. 9:7).

«Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший мне на еврейском языке: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 26:14).

В повествовании об избрании Савла есть еще одна разность, на которую указывают как на противоречие. Необходимым находим выяснить и это мнимое противоречие. В Деян. 9:7 сказано, что спутники Павла «стояли в оцепенении», между тем как в Деян. 26:14 говорится, что «все упали на землю».

Дело происходило, можно предполагать, таким образом. *В первую минуту* явления и ужаса, когда свет внезапно осиял их и когда послышались первые слова к Павлу, все бывшие с ним упали на землю. Ужас и при этом падение всех на землю совершенно понятны. Но спустя немного времени, когда прошел первый страх, спутники Павла встали, между тем как сам Павел оставался в том же положении и в трепете и ужасе спрашивал: «Господи! что повелишь мне делать?» Во время же дальнейшего разговора Господа с Павлом спутники его «стояли» как бы в оцепенении от происходившего, и только уже после разговора, как ясно замечено, «Савл встал с земли» (ст. 8), *а прежде* чем он встал, о спутниках его сказано, что они стояли (ст. 7). Следовательно, сказанное в Деян. 26:14 случилось в первую минуту события, а в 9:7 дееписатель повествует о происходившем *позже*, именно: когда Господь говорил с Савлом, они поднялись с земли и смотрели на все с удивлением.

О слепоте Павла и о том, почему с неба беседует с ним Бог (ст. 8)

Прп. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Как шерсть, приготовляемую к принятию ею в себя багряной краски по драгоценности будущего из нее одеяния, кладут под весьма сильный гнет, так велемудрый Павел, отсеченный от иудейского неразумия, был под гнетом трехдневной слепоты, чтобы и самому стать Божиею багряницею и побуждать всех людей сделаться тем же.

На сказанное об апостоле: *сосуд избран Ми есть сей* (ст. 15)

Прп. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Сосуд избран Ми есть сей, сказал Христос о Павле, когда вручал ему апос-

тольскую проповедь. Ибо Церкви Своей, за которую излиял драгоценную кровь Свою, не предал бы такому учителю, который бы впоследствии не привнес от себя добродетель соразмерную благодати. Не произнес бы и сего свидетельства, не усматривая в нем усердия соответствующего величию дела. Ему угодно было, чтобы проповедь пронеслась повсюду, усиливаемая не только словом, но и нравственностию проповедующих. Чудеса могут дать место лукавому подозрению, а правая жизнь заграждает уста самому дьяволу. Посему намеревающиеся не прилагать никакого попечения о правой жизни да не думают, что проповедь преодолевала только чудесами, потому что всему, что совершали и говорили проповедующие, содействовала и их жизнь, не представлявшая никакого повода к укоризне. Если бы и ныне наставники в жизни своей соревновали апостольскому житию, то, может быть, совершались бы чудеса, а если бы и не совершались, то жизни их было бы достаточно к просвещению видящих.

Мысли на 21-й стих

Свт. Феофан. «Домашняя беседа», 1871, вып. 16

Когда св. Павел стал проповедовать в Дамаске, все дивились, говоря: *не сей ли есть гонивый?* И всегда так бывает, что те, среди которых кто-либо обращается от неверия к вере, или от греха к добродетели, дивятся, что сделалось с этим обращенным? Все, дескать, шло у него по-нашему, а тут вдруг все стало иначе – и речь, и взор, и поступь, и мысли не те, и начинания иные, и места посещения другие. Тут то же бывает, как если б шел кто на запад и вдруг повернул на восток. Обе эти жизни противоположны и одна другую исключают. Кто захотел бы совместить их или составить цельную жизнь частью из того, частью из другого, тот потратит и время и труды, а успеха никакого не будет. Кое общение! Только не понимающие дела могут говорить: «Зачем так круто?»

Апостол Петр в Лидде и Иоппии (9: 31–43)

«Христианское чтение», 1834, г. 3

Когда Савл, сделавшись избранным сосудом благодати, пребывал в Аравии, в это время утихло в Иудее гонение, коего первоначально он был важным орудием. Церковь Иерусалимская если и теперь не могла еще собрать рассеянных чад своих, то, по крайней мере, начала через них успешнее действовать в других местах.

Гонение, доставив случай верующим, жившим вне Иерусалима, оказать страннолриимство преследуемым чтителям Иисуса, без сомнения, способствовало к большему их сближению. Оно могло еще оживить во многих

семена веры, которые были посеяны частью Самим Господом во время многократных Его путешествий по Иудее и Галилее, а частью — апостолами, когда они по Его повелению проповедовали Царствие Небесное *погибшим овцам дома Израилева* (Мф. 10:6). Таким образом, в пределах Палестины или возникали теперь новые церкви, или прежде основанные получали большее укрепление, взирая на пример твердости, с какой гонимые исповедники переносили свои бедствия. Для преследуемых, равно как и для тех, которые давали им убежище, утешительно было слышать, что Евангелие не только проповедано и принято уже в Иоппии, Лидде, Кесарии, но и достигло Финикии, Кипра и проникло даже в Антиохию, столицу Сирии.

Известия, получаемые в Иерусалиме, о распространении Царства Христова побудили апостола Петра оставить на время Иерусалим и предпринять путешествие по Иудее для обозрения новоустроенных Церквей. Посещения такого рода во многих отношениях были полезны. Новокрещенные более утверждались в вере, когда один из самовидцев Слова личною проповедью свидетельствовал о чистоте преподанного им учения и в то же время через возложение рук запечатлел их печатью Святого Духа. Сверх сего, апостолы в таком случае могли давать верующим благие наставления касательно христианского образа жизни и церковного благочиния.

Обходя Церкви, Петр посетил и братию, жившую в Лидде — многолюдном иудейском селении. Надобно думать, что в сем месте положил основание Церкви благовестник Филипп, следуя по пути в Кесарию после поучительной беседы своей с эфиоплянином. В Лидде Петр нашел некоего иудеянина именем Эней, который в продолжение восьми лет страдал расслаблением членов. Апостол не умедлил обратить сей случай к славе своего Господа, явив на страдальце опыт чудодейственной силы. «Эней! — сказал ему Петр. – Иисус Христос исцеляет тебя: встань и перестели постель свою». Едва произнесены были слова сии, как Эней почувствовал себя здоровым и тут же встал с постели – чудо, во всех своих обстоятельствах, даже самых малейших, достойное посланника Иисуса! Чем необыкновеннее было такое событие в Лидде (ибо Господь, как известно, не посещал оной), тем большее оно обращало на себя внимание. Жители Лидды и соседнего Сарона* удостоверялись собственными глазами в исцелении Энея и через то усердие принимали апостольское слово и искреннее обращались к Господу.

Невдалеке от Лидды, на берегу Средиземного моря, лежала Иоппия – древнейший город с гаванью**. Здесь также были христиане, обращенные к вере, конечно, тем же благовестником, который проповедовал Евангелие во многих иудейских селениях и городах от Азота до Кесарии. В то

* Страна славнвшаяся богатыми пастбищами.

** Это нынешняя Яффа.

время, как Петр исцелил Энея в Лидде, Церковь Иоппийская, и в особенности беднейшие члены ее, понесли важную потерю, причиненную им смертью одной христианки именем Тавифа. Благочестие снискало ей общее уважение, а благотворительность — особенную любовь бедных. Ее кончина поразила скорбью сердца верующих. Обмыв ее тело, они положили ее в горнице и готовились уже погребсти с честью. Между тем в сетующих христианах возникло святое желание пригласить в Иоппию неподалеку находившегося апостола, дабы, по крайней мере, утешиться его присутствием. И можно ли было не ожидать чего-нибудь большего от такого могущественного мужа, который столь великое чудо совершил над Энеем? Тотчас послали двух человек с приглашением к Петру, и он вместе с посланными не замедлил прибыть в Иоппию. Лишь только явился Петр, верующие поспешают ввести его в горницу, где лежала усопшая. Снова начинается плач; бедные вдовицы, более всех неутешные, восхваляют перед апостолом милосердие и сострадательность Тавифы и в доказательство важности своей потери показывают ему платье, которое умершая их благотворительница делала своими руками и дарила им.

Петр повинуется мановению Промысла, Который в настоящем событии открывал ему средство к утверждению и славе проповедуемой им веры. Готовясь творить дело Божие, он высылает плачущих из горницы, дабы дух его в безмолвии и тишине беспрепятственно мог исполниться силою веры и молитвы. Плач и рыдание неуместны там, где требуется вся твердость упования на Бога. Оставшись один, муж Божий преклоняет колена перед Господом, столь видимо и неоднократно являвшим ему Свою благодать, а потом, обратясь к телу, взывает: «Тавифа! Встань». Сила сего слова вводит дух жизни в умершую, и Тавифа открывает глаза свои. Петр поднимает ее со смертного одра и в то же время, призвав верующих и бедных вдовиц, представляет им воскресшую их благодетельницу. Слух о сем чрезвычайном событии мгновенно распространился по всей Иоппии и окрестным местам. Настоящее чудодействие подобно совершенному в Лидде открыло также в сердцах людей свободный вход Божественной Вере.

Утешенная и облагодетельствованная Церковь Иоппийская, естественно, желала долее наслаждаться лицезрением апостола. Верующие умолили его продлить у них свое пребывание, и Петр тем с большею готовностью исполнил их желание, что оно сообразно было с целью его путешествия. Полезно было провести несколько времени среди жителей Иоппии, дабы, с одной стороны, незыблемее утвердить вновь устроившуюся Церковь, а с другой — сильнее возбудить души, не освященные верою, к принятию Божественной истины. Местом своего жительства апостол избрал дом кожевника именем Симон.

Рассматривая обстоятельства того и другого чуда, нельзя не заметить,

что апостолы, подобно небесному Учителю своему, пользовались полученным от Него даром чудотворения только в важных случаях и для важных целей. Сострадание и уважение к просьбам несчастного отца, матери или сестер нередко располагало Спасителя явить Свою всемогущую силу, но совершаемое Им чудо, имея ближайшее отношение ко благу какого-либо частного лица или семейства, в то же время клонилось к тому, дабы оно благотворно действовало на всех обитателей какого-либо города или места, дабы заставило их размыслить о Его небесном посланничестве и об истинно Божественном Его могуществе. Равным образом и чудеса, производимые рукою апостолов, будучи частными благотворениями, были вместе такими *явлениями Духа и силы* (1 Кор. 2:4), посредством коих дивные строители Церкви Христовой в своих слушателях или укрепляли, или возбуждали веру в Сына Божия, истинного Творца чудес и Спасителя рода человеческого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 9-й ГЛАВЕ

1) Ст. 4:6. Назидательн. размышления. «Христ. чт.», 1838, 2. «Христ. чт.», 1827, 25.

2) Ст. 10. Анания. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1874, 1.

3) Ст. 11. Дамаск. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1874, 2.

4) Ст. 15. *М. Петров.* Евангелие как образовательная сила в истории нового мира. «Духов. Вестн.», 1863, 6.

5) Видение Савла. «Воскр. чт.», 1874. 1.

6) Ст. 32. Лидда. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 2. Еней. Б. п. с. В. ч. 1875, 1.

7) Иоппия, или Яффа. Б. п. с. «Воскр. чт.», 1876, 1.

8) Очерки из истории миссионерства пастырей Церкви Христовой (Призвание язычников в Церковь Христову). «Рук. для с. п.». 1871, 2.

9) *Св. Иоанн Златоуст.* Похвала ап. Павлу. «В. ч.», 21.

10) Характер св. ап. Павла. «Воскр. чт.», 2.

11) Чем объяснить ожесточение Савла против христианства — в статье *Никитина:* Об отношениях фарисеев и саддукеев к христианству. «Чт. в Общ.», 1890, 1.

12) *Пр. Михайловский.* Павел до своего обращения в христианство. Св. ап. Павел.

13) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Жизнь Павла в иудействе. Жизнь св. ап. Павла. Сочинения, т. 9.

14) *Прот. Горский.* Признание и образование Павла и апостола язычников. Еванг. история и история апостольской Церкви.

15) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Время обращения Павла и первые подвиги его по обращении. Жизнь св. ап. Павла. Сочинения, т. 9.

16) *Фаррар.* Обращение Савла. Жизнь и труды св. ап. Павла, т. 1.

ГЛАВА 10

Начаток Церкви из язычников

Соединение верующих язычников во едино тело Церкви, вместе с израильтянами, было прежде так невероятно и неожиданно, что апостол Па-

вел называет это *тайною, яже во инех роднех не сказася сыном человеческим,* но которая *ныне,* говорит, *открыся святым апостолом и пророком* (Нового Завета) *Духом Святым* (Еф. 3: 3–5). Правда еще в Ветхом Завете были обращения язычников, но обращенные не иначе входили в состав Церкви, как посредством обрезания и под условием хранения всего закона Моисеева. Древние пророки говорили о некоем будущем великом обращении иноплеменников (см. Ис. 56:6; Амос. 9:12), но какого рода будет это обращение? Какие будут права обращенных и какие отношения к древнему народу Божию? Это нигде ясно не определено у пророков, а потому евреи могли думать и думали, что без обращения и без закона Моисеева никому невозможно спасение. В самом деле, очень трудно было представить, чтобы те, на которых тяготела вековая, даже тысячелетняя тьма многобожия, отчужденные от жития Израилева, чуждые от заветов обетования, упования не имущие, безбожные в мире (Еф. 2:12), некогда могли сравняться в благодатных правах с древним народом избранным, быть, и не приняв закона иудейского, *снаследниками, и стелесниками, и спричастниками обетования Божия о Христе Иисусе* (Еф. 3:6). Кто мог дать им это высокое право? Кто мог и предвидеть, что это право дается им? Мог дать и даровал Один Тот, Кто *есть мир наш,* Господь Иисус Христос: Он сотворил *обоя* — иудеев и язычников верующих — *едино* и разорил *средостение ограды,* разделявшее их между собою (Еф. 2:14). Он же и раскрыл, наконец, *тайну, сокрытую от век и родов* (Кол. 1:26).

Спаситель мира открывал постепенно спасительную тайну. Еще до креста и воскресения Своего указывал Он на принятие верующих из всех народов под благодатный покров Свой то благотворениями своими некоторым вне народа еврейского (например, сотнику в Капернауме и сирофиникиянке), то предсказаниями о едином стаде под единым пастырем (Ин. 16:15) и о собрании верующих от всех концов земли, к небесной радости Авраама и других патриархов (Мф. 8:11). По воскресении полнее открыл Господь Свою Божественную волю. Тогда заповедал Он апостолам: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мф. 28:19), *и будете Ми свидетели, во Иерусалиме же и во всей Иудеи и Самарии, и даже до последних земли* (Деян. 1:8). Но все сие как ни много раскрывало тайну, не открывало еще всего. Когда именно начать проповедание язычникам? Как обходиться с обращенными в отношении к верующим из древнего народа Божия? Должно ли все или нечто из закона Моисеева удержать в обязанность обращенным из язычников или не должно? По всему ли равны благодатные права обрезанных и необрезанных? Все это и многое другое, что нужно для благоустройства Церкви Вселенской, долженствовало открыться в свое время после, действием Божественного Параклита, Который и дарован апостолам, *да наставит их на всяку истину* (Ин. 16:13). И как пре-

мудро, как благоплодно было действие Божие, когда пришло время отверсть пространнее двери благодати язычникам! Это можем видеть, читая всю десятую главу Деяний апостольских. Рассмотрим.

I. Откровение Корнилию сотнику и вследствие того посольство Корнилия к ап. Петру (Деян. 10: 1–8).

II. Откровение ап. Петру и вследствие того путешествие апостола к Корнилию (9–23).

III. События в доме Корнилия в присутствии апостола и других верных братий (24–48).

1. Откровение Корнилию (10: 1–8)

Здесь замечательно: а) кто сподобляется быть первенцем Церкви из язычников (ст. 1 и 2), б) какое употребляет Господь средство для просвещения Корнилия (ст. 3–6) и в) как пользуется сим средством Корнилий (ст. 7 и 8).

а) Готовность Корнилия к вере (1, 2 ст.)

Муж некий бе в Кесарии, именем Корнилий, сотник от спиры нарицающияся Италийския, благоговеин и бояйся Бога со всем домом своим, творяй милостыни многи людем, и моляйся Богу всегда.

Таков был муж, которого Промысл Божий не только в тысячах Кесарии (главном тогда месте правления римского для Палестины), но и в миллионах всего мира языческого избрал быть первенцем Церкви из язычников. Как сотник итальянского легиона, он, без сомнения, был родом из Италии и, следовательно, получил воспитание языческое; кто же научил его знать Бога истинного и отвергнуть лесть многобожия? Тогда как другие римляне на востоке старались только обогащаться или утопали в наслаждениях чувственных, Корнилий собирал сокровища духовные, помышлял о едином на потребу и все благо свое поставлял в Боге, к Которому устремлялся всей душой, стараясь благоугождать Ему постом (см. ст. 30), милостынями и молитвами. Что произвело в нем столь благотворную перемену? То великое движение духовное, которое происходило тогда в Иудее, то есть благодать Божия, в преизбытке разливавшая в то время свои чудодейственные силы. Известно, по крайней мере, то, что Корнилий немалое время жил на востоке, знал *глагол, бывший по всей Иудее,* со времени крещения Иоаннова, слышал и об *Иисусе,* великом помазаннике Божием и чудотворце (сн. ст. 37). Не помог ли ему и естественный разум или учение древних мудрецов познать суету язычества? Неизвестно, известно только то, что не в Риме и не в Афинах, а в Палестине, стране пророков и апостолов, судил римскому сотнику Промысл Божий познать истинное благочестие в показание того, что один разум и мудрость человеческая не могут совершенно наставить человека на путь спасения. Господь Сам, предвидя в Корнилии достойный сосуд Своей благодати, привел его в Свое

училище благодатное и Сам приготовлял его к Св. Крещению. Потому еще до явления ангела Корнилий был уже не только *оглашенным*, но и готовящимся *к просвещению*. За оглашением ангельским скоро последовало последнее оглашение – апостольское и в то же самое время – крещение Духом и водою. Словом, благоговейный сотник, служивший Богу со всем домом своим, был, так сказать, новоустроенным и готовым храмом Богу, и только оставалось освятить сей храм посредством священноначальника Церкви.

б) Явление и наставление ангельское (3–6 ст.)

Ст. 3. *Виде в видении яве.* Откровение искавшему спасения язычнику было не во сне и не во исступлении, чтобы не осталось для него никакой тени сомнения.

Яко в час девятый дне, или около 3-го часа (по нашему счислению пополудни). В это время Корнилий не принимал еще пищи (см. ст. 30).

Ангела Божия, который явился в виде мужа облеченного одеждою светлою (ст. 30). Корнилий не мог подумать, что это человек обыкновенный; невольный трепет объял его при виде существа горняго мира (*престрашен быв*, ст. 4).

Ст. 4. *Что есть, Господи?* – И это есть еще мужество души – спросить так ангела. Душа слабая могла при сем лишиться чувства.

Молитвы твоя и милостыни твоя. Удивительно! Еврею Савлу напоминается его гонение против верующих (9:5), а язычнику вспоминаются его добродетели; Сердцеведец знал, что первому нужно более смирение, а последнему – ободрение.

Взыдоша на память пред Бога. Значит, они не были из числа тех тщеславных добродетелей, которые совершаются только на память людям и падают на землю, а не восходят на небо. Здесь видим, что и от язычника не без благоволения приемлются Богом дела добрые; они сами по себе недостаточны ко спасению без веры и благодатного освящения, но, происходя от сердца ищущего Бога, привлекают благодать Божию.

Ст. 5 и 6. Откровение с подробностью означает все, что и как нужно сделать Корнилию.

Посли во Иоппию. Там уже *мнози вероваша в Господа* (5:42), а в знаменитой Кесарии не нашлось ни одного достойного наставника Корнилию.

Мужей. Ни одного, потому и посылаются три (ст. 7)

Призови Симона-Петра. Почему не Корнилий посылается к Петру? Потому, что явление ап. Петра в Кесарии благотворно будет не для одного Корнилия; притом это нужно было и для показания равенства благодатных прав для язычников и для иудеев: к последним сами апостолы приходили с проповедью. Почему не сам ангел совершил все то, что после совершил апостол? Потому, что ангелы только помощники священнослужи-

телей и пастырей и не присваивают себе той должности, какая поручена последним в Церкви Божьей на земле. Притом здесь нужен был пример обращения язычников для всей Церкви и для всех времен, который и мог показать только апостол.

У некоего Симона усмаря (кожевника), *ему же есть дом при мори.* Указывается само местоположение дома, равно как имя и звание хозяина, у которого *странствовал* (пользовался странноприимством) апостол. Немаловажно и это пред Богом, где находят пристанище Его верные служители (см. Мф. 10: 40–42).

Той речет тебе глаголы, в них же спасешися ты и весь дом твой. Такова цель посольства, таково, без сомнения, было и желание Корнилия. Это для него было выше всех сокровищ и достоинств. Возблагодарим Господа за то, что сии драгоценные *глаголы* сохранены и для нас св. Лукою (см. ст. 34–43).

***в) Посольство к св. Петру** (7, 8 ст.)*

И якоже отыде Ангел глаголяй Корнилию, пригласив два от рабов своих и воина благочестива от служащих ему, и сказав им вся, посла их в Иоппию.

Очевидно, и домашние Корнилия, и близкие к нему воины подражали ему в добродетельной жизни. Не мог ли сотник и без объяснений послать подчиненных своих в Иоппию? Но он обращается с ними как с друзьями, зная, что и они жаждут спасения. Так, не быв чадом Авраама по плоти, Корнилий уже подражал Аврааму не только благотворительностью, но и благотворным действием на домашних (Быт. 18:19). Объяснение было самым лучшим напутствием для посланных к тому, кто имел ключи Царствия Небесного. Повеление ангела исполнено было немедленно (*абие* ст. 33).

2. **Откровение апостолу Петру** (10: 9–23)

Рассматривая откровение о язычниках, данное ап. Петру, не забудем того, что это наставление Божественное нужно было не столько для самого апостола, сколько для тех верующих иудеев, которые гнушались язычниками, нужно в руководство всей Церкви и на все времена ее (для одного Петра довольно было бы внутреннего просвещения или гласа ангельского, как для Филиппа, 8:26). Смотря с этой точки зрения на видение Петрово, мы можем лучше уразуметь его значение и познать, почему именно такой, а не другой образ откровения употреблен в настоящем случае. Обратим внимание: а) на обстоятельства предшествующие видению, б) на само видение и в) на обстоятельства за ним следующие.

***а) Обстоятельства предшествующие видению** (8–10 ст.)*

Воутрие же путешествующим им и ко граду приближающимся, взыде Петр на горницу помолитися, о часе шестом. Бысть же приалчен и хотяше вкусити; готовящым же онем, нападе нань ужас.

Видению предшествуют: приближение посланных Корнилием к апос-

толу, молитвенное положение апостола и чувство в нем голода. Все это, ни порознь, ни вместе, не могло быть естественной причиной видения. Между тем премудрость Божия ко всем сим обстоятельствам, очевидно, приспособляет свои символы. Вот те, которых апостол должен принять в Церковь, уже близки к нему — это язычники, от которых иудеи отвращались как от нечистых животных, потому Петру и покажется образ язычников в видении таких животных. Апостол был тогда на горнице, или горнем месте (собственно, на плоской кровле дома), под открытым небом, в состоянии молитвенном; сообразно с тем и плащаница с животными представится ему ниспускаемою с неба. С ощущением, наконец, телесного голода будет соображено повеление о духовном питании: *заколи и яждь*. Как приведен был св. Петр в состояние видения? Внезапно. *Нападе нань*, сказано, *ужас*, или исступление (extasis), то есть с ним случилось, по изъяснению Златоуста, «духовное созерцание» и как бы *выступление* души из тела. Это состояние подобно тому, в каком бывали пророки и о котором говорили: *бысть на мне рука Господня* (Иез. 7:3), *бых в дусе* (Апок. 1:10). Так избранные рабы Божии, предавшие себя один раз навсегда Богу добровольно, иногда невольно и внезапно увлекаются Духом Божиим! Настоящее видение Петрово не ниже видений пророческих: оно также большей частью относится к будущему, изображая великую Церковь из язычников.

***б) Видение плащаницы** (11–16 ст.)*

Ст. 11. *И виде небо отверсто.* Уже это одно показывает великую важность видения. В отверстом небе являются очам избранных предметы чрезвычайной важности (См. напр. Мф. 3:16; Деян. 7:55; Апок. 4: 1, 2 и дал.). Что же видит апостол?

Сходящ нань сосуд некий яко плащаницу велию. Это хотя не был *Иерусалим нов сходящ от Бога с небесе* (Апок. 21:2), но было изображение также Церкви, только Церкви земной и состоящей из язычников. Какое значение того, что сей сосуд *по четырем краем привязан, и низу спущаем на землю?* То, что Церковь собирается от всех стран мира, собирается рукою Всевышнего и Его же силою поддерживается.

Ст. 12. *В немже бяху вся четвероногая земли, и зверие, и гади, и птицы небесныя.* Нет нужды в таком видении искать под каждым родом исчисляемых здесь животных знаменование особое. Довольно того, что здесь должно разуметь все роды животных нечистых (см. ст. 14), тех, о которых писал закон (Лев. гл. 11), а подразумевать язычников, которые в небесном совете предведения Божия уже приняты в лоно Св. Церкви. Животных сих пасет Агнец Божий как тот народ мног, о котором говорит тайновидец (Апок. 7:9).

Ст. 13. *И бысть глас с небесе: востав, Петре, заколи и яждь.* Что значит здесь ядение? Блж. Августин изъясняет так (Serm 149): «Петр представляет лицо

всей Церкви, а Церковь есть Тело Христово. Да примет же Церковь язычников уже очищенных (благодатию) от грехов, да войдут они в тело Церкви, в Тело Христово, как чистая пища». В таком случае и заклание животных может иметь значение таинственное, то есть указывать на таинственную смерть в крещении (Рим. 6:4).

Ст. 14. *Петр же рече: никако же, Господи: яко николиже ядох всяко скверно или нечисто.* Не разумея еще видения, Петр следует своему обычному чувству и отвращается от того, что запрещено законом. Он как бы подражал пророку Иезекиилю (Иез. 4:14 и дал.) и мог думать, что Господь сделает снисхождение и его естественному чувству отвращения. Но здесь точность символа не должна терять нисколько своей силы.

Ст. 15. *И се глас паки к нему вторицею: яже Бог очистил есть, ты не скверни* (не называй скверным). Бог может сделать чистым и то, что прежде было очень нечисто, и перед Ним и перед людьми Его. Таковы были прежде все язычники, все не имевшие законного обрезания. Но когда прошло время закона, тогда и эллины сравнились с иудеями, ибо те и другие уже не обрезанием очищаются, *а верою оправдываются без дел закона* (Рим. 3:28). Теперь *един Бог, Иже оправдит обрезание от веры, и необрезание верою* (30).

Ст. 16. *Сие же бысть трищи.* То есть и ниспущение и возвышение плащаницы, и повеление Петру: *заколи и яждь*, повторялись троекратно. Вероятно, впрочем, что отрицание Петрово не было при сем троекратное: апостол, выразив как бы невольно чувство отвращения, мог после только в молчании внимать небесному гласу. Для чего было это повторение? В означение того, *яко истинно будет слово еже, от Бога, и ускорит Бог сотворити оно* (Быт. 41:32), то есть для показания непреложности и твердости намерения Божия; с тем вместе в троекратном понижении и возвышении плащаницы можно видеть с древними отцами Церкви и образ Св. Крещения как духовного возрождения народов.

И паки взяся сосуд на небо. Видение кончилось, и небо заключилось пред очами апостола. Теперь осталось ему, как имеющему ключи Царства Небесного, самому отверзать небо для верующих язычников — увидим далее, как св. Петр уразумеет притчу и в точности исполнит явленную в ней благую волю Господню.

в) Обстоятельства последующие за видением (17–24 ст.)

Здесь видим, как Божественное видение, только что сокрывшееся от апостола, начинает открываться в самых действиях и событиях. Оно много объясняется еще в иоппийской гостинице Петра, а вполне осуществляется в доме Корнилия, в Кесарии.

Ст. 17 и 18. *Якоже в себе недоумевашеся Петр, что бы было видение, еже виде, и се мужие, посланнии от Корнилиа, сташа пред враты,* и проч.

Это самое недоумение есть уже начало объяснения притчи. Оно пока-

зывает, что внимание Петра все обратилось к видению бывшему, и он, без сомнения, вопрошал в это время Духа Святого, как некогда Иисуса Христа: *что есть притча сия* (Лк. 8:9)? Тогда же, по устроению Промысла, явились перед вратами дома одни из тех, которых образ видел апостол в животных плащаницы небесной.

Ст. 19 и 20. *Петру же размышляющу о видении, рече ему Дух: се мужие трие ищут тебе; но востав сниди, и иди с ними*, и проч.

Дух Божий ответствует на тайный вопрос Петра (не ум или дух Петров, ибо только Дух Божий мог сказать: *Аз послах их*). Здесь есть частью объяснение притчи. Ибо повеление *иди с ними,* то есть с язычниками, *ничтоже рассуждая,* есть уже часть повеления *заколи и яждь* животных, коих ты почитаешь нечистыми; слова же *зане Аз послах их* имеют внутреннюю связь с прежним изречением *яже Бог очистил есть, ты не скверни* (ст. 15). Так изъяснит это впоследствии и сам апостол (см. ст. 28).

Ст. 21 и 22. *Сошед же Петр к мужем, посланным к нему от Корнилиа, рече: се аз есмь, его же ищете... Они же рекоша: Корнилий сотник, увещен есть от ангела свята, призвати тя в дом свой и слышати глаголы от тебе.*

Не дивно ли все это слышать из уст язычников? Самые слова сии показывают уже чистоту приятную для апостола Христова: он слышит о таких добродетелях в язычнике, которые сделали бы честь и иудею, ревнителю закона, слышит еще более — о явлении *ангела свята* Корнилию. При сем он мог не только вспомнить о сказанном ему очищении Божием, но и рассуждать так: «Как не идти мне к язычнику, когда сам Бог удостоил его посещения ангельского? И глас, бывший ко мне с неба, и глас во мне Св. Духа, и те слова, которые слышу теперь от язычников — все — один глас, выражающий одну волю Божию. Пойду и увижу, что устроит там Господь».

Ст. 23. *Призвав же их учреди* (угостил). Так начал уже св. Петр исполнять волю Божию о язычниках. Вероятно, здесь же он разрешил себе и вкушать с язычниками, в чем после укоряют его верующие, и *иже от обрезания* (11:3). Вскоре напитает апостол язычников и хлебом духовным (ст. 34 и дал.).

Наутрие же Петр востав иде с ними, и нецыи от братий, иже от Иоппии идоша с ним.

Это новое сближение иудеев с язычниками, что с Петром идут к Корнилию и *нецыи от братии,* переставшие чуждаться необрезанных. Братий сих было *шесть* (11:12). Они, по устроению Промысла, нужны были как свидетели чудных действий благодати над язычниками в дому Корнилия. Их удивление (ст. 45) послужит к большему прославлению славы Господней, а свидетельство подкрепит свидетельство Петрово и заставит многих славить Бога и говорить: *убо и языком Бог покаяние даде в живот* (11:18).

3. **Устроение церкви в доме Корнилия** (10: 24–48)

Дом Корнилиев, уже ознаменованный явлением ангельским, делается, наконец, совершенным храмом Божиим. В нем как во храме:

1) Является священноначальник, вносящий в него сокровищницу благодати (ст. 24–33);

2) Возвещается Слово Божие в проповеди апостольской (ст. 34–43);

3) Совершается таинственное священнодействие при чудесном явлении Св. Духа (ст. 44–48).

Вот важнейшие события, которые теперь предлежат нашему вниманию.

Явление апостола в собрании язычников *(24–33).*

Событие весьма важное, всемирное в Царстве Божием! Никогда еще язычники не сподоблялись такой благодати. Приходили ль к ним когда посланники Божии? Приходили, как Иона, с проповедью грозной и видели одни временные плоды покаяния. Были ль у них свои просветители и как бы *пророки* (Тит. 1:12)? Они являлись между ними, как метеоры в ночи, и оставляли по себе больший мрак. Но теперь вот сам верховный апостол Христов является в собрании язычников, неся им слово жизни и спасения, *свет в откровение языков,* и раскрывая перед ними все дары Благодати новозаветной. И как чувствовали это великое счастье язычники? Чувствовали так хорошо, так полно, что нельзя не удивляться прекрасному настроению душ их. Один Корнилий представляется высшим всех древних Платонов и Сократов, ибо не выше ли всякой мудрости так познать необходимость веры и так всем сердцем искать небесной премудрости, как познал и искал он?

Ст. 24. *И наутрие внидоша в Кесарию; Корнилий же бе чая их, созвав сродники своя и любезныя други.* Дивная душа: она оставляет все другие занятия, чтобы заняться *единым на потребу*— обресть единый бесценный бисер (Мф. 13:46). *Бечая их.* И одна ли она хотела воспользоваться сокровищем? Нет, Корнилий окружил себя другими подобно ему жаждущим и спасения, многими сродниками своими и многими друзьями (ибо как не иметь многих друзей столь благодетельному мужу?) — всеми теми, в которых он умел и своим примером, и словесным убеждением поселить отвращение от язычества и желание веры истинной. Каково же должно быть *чаяние* Корнилия? И какую радость почувствовал он, когда вышел в сретение того, кого ожидал с нетерпением души пламенной!

Ст. 25. *Якоже бысть внити Петру, срете его Корнилий, и пад на ногу его поклонися.* Это радость и вместе благоговение. Высокое понятие о св. Петре составил себе Корнилий: он видит в нем как бы существо небесное, принимает его (как после галатяне Павла), *яко Ангела Божия, яко Христа Иисуса*

(Гал. 4:14). Зато и Петр как обращается с язычником, исполненным такой веры и такого смирения!

Ст. 26 и 27. *Петр же воздвиже его глаголя: востани, и аз сам человек есмь; и с ним беседуя, вниде.* Здесь Петр прикоснулся не только руками к язычнику, но и душой своей к душе его. Здесь сретается смирение учителя с смирением ученика, страх Божий, воздающий одному Господу всю честь и славу, со страхом же Божиим, почитающим Господа во святых Его, любовь отеческая с любовью возвращающегося от заблуждения сына. *Востани,* говорит апостол — значит, Корнилий лежал в ногах его. И *воздвиже* лежавшего — руками собственными уже приемля его в свои объятия. Когда же Корнилий был воздвижен, ободрен, апостол начинает беседовать с ним, как с другом, и входит в дом, в котором открывается для Петра еще большая радость.

И обрете собравшаяся многи, не самое ли приятное для сердца апостольского зрелище? Не прекрасная ли жатва для жателя Христова? Видя такое собрание, жаждущее одного, — слышать Слово Божие, апостол, без сомнения, возрадовался той радостью, которую чувствовал Сам Господь его, когда увидел грядущих к нему самарян, и говорил ученикам: *возведите очи ваша, и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Ин. 4:35). Св. Петр мог вспомнить при сем, как Господь называл обращение грешников Своим *брашном* (там же, 32), для которого забывал всякую пищу земную, и вместе с тем уразуметь, что такое же вожделенное брашно и ему предлагалось в видении плащаницы *(заколи и яждь),* а теперь предлагается на самом деле в доме Корнилия. *Блажени,* сказано, *алчущии и жаждущии правды* (Мф. 5:6), каково же блаженство тех, которые видят целый собор сих алчущих и сами алчут и жаждут напитать их словом правды!

Обозревая собрание, богодухновенный муж мог видеть на лицах присутствующих вместе с радостью страх и некий стыд, какой свойствен кающимся грешникам в присутствии святых. «Не проникает ли человек Божий сердца наши? — так думали, конечно, сии язычники, жаждущие спасения, — не видит ли он всех нечистот наших? и как без омерзения может смотреть на нас?» Посему-то апостол прежде всего старается отнять у них излишний страх, препятствующий сердечной искренности и сближению душ, ободряет дух собрания, показывая ту лучшую точку зрения, с которой смотрит он теперь на язычников.

Ст. 28. *Рече же к ним: вы весте, яко нелепо есть мужу Иудеанину прилеплятися или приходити ко иноплеменнику: и мне Бог показа ни единого скверна или нечиста глаголати человека.* Здесь явно видно, что апостол совершенно уже выразумел значение показанной ему плащаницы. Собрание язычников, самим Богом призванных к спасению, живо представляло ему прежнее видение. О нем-то помышлял он в это время, хотя, щадя чувство Корни-

лия и сообщников его веры, не объяснил им, под какими отвратительными образами (зверей и гадов) показаны они ему были Богом. Он хочет упразднить в них всякое сомнение, открывая перед ними, что и в нем нет уже никакого сомнения.

Ст. 29. *Темже и без сумнения приидох призван. Воспрошаю вы убо, коея ради вины посласте по мене?* Требую, говорит, искренности и откровенности сердечной. Говорите все, что у вас на сердце. Я готов служить вам, готов все сделать для вас, что делал доселе для иудеев. *Мне Бог показал* в вас готовые сосуды для благодати.

На вопрос ответствует за всех старейший между ними верою Корнилий.

Ст. 30 и 31. *И Корнилий рече: от четвертого дне даже до сего часа* (то есть в четвертый пред сим день, который усматривается из ст. 24, 23, 9 и 8) *бех постяся, и в девятый час моляся в дому моем: и се муж ста предо мною,* и проч. Обстоятельства видения раскрывает со всеми подробностями. Не умалчивает о своем посте, о молитве и милостынях, для чего? Не с тем, чтоб похвалиться, а чтобы ничего не сокрыть от апостола, желающего видеть отверстое сердце, и дабы дать ему верное понятие о видении. Он опасается притом что-нибудь прибавить от своего разума, а потому и ангела, которого прежде сам называл так своим домашним (см. ст. 22), называет только, как он представлялся, *мужем во одежде светле.* Все видение отдает, как оно было, на суд Петра.

Ст. 32. *Посли убо во Иоппию, и призови Симона, иже нарицается Петр; иже пришед возглаголет тебе,* и это рассказывает со всей точностью, одного только недостает в словах его – того замечания ангельского, что Петр *речет тебе глаголы* именно такие, в которых *спасешися ты и весь дом твой* (ст. 6), замечание, которое, вероятно, после открыл апостолу Корнилий (сравни 11, 13, 14). Почему не все договорили уста, что было на сердце? Потому, полагаем, что благочестивый сотник, по вере своей, только таких глаголов и ожидал от великого посланника Христова, и потому слова *Петр возглаголет тебе* значили у него то же самое, как и *речет глаголы, в нихже спасешися ты и весь дом твой.* Не мог забыть он этих слов ангельских, душа его все три дня повторяла их себе непрестанно, но сия ревностная душа спешила теперь, при виде апостола, от языка вся переселиться в слух. Потому и говорит:

Ст. 33. *Абие убо послах к тебе; ты же добре сотворил еси пришед: ныне убо вси мы пред Богом предстоим слышати вся повеленная тебе от Бога.* С первых минут после явления ангельского доселе душа блаженного Корнилия стремилась к благовестнику Христову. Теперь, собрав друзей, домашних и родных своих, она торжествует в присутствии апостола, подобно Закхею, принявшему в дом свой Спасителя мира (Лк. 19:6). Не прилично ли и здесь сказать: *днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть?* (Там же, 9). Мало сего, видя такое усердие к вере в язычнике и слыша столь благо-

честивые слова его, Петр мог в душе своей повторить и слова Господа, сказанные о другом сотнике: *ни во Израили толики веры обретох* (Мф. 8:10)! В самом деле, какое это великое слово в устах и сердце язычника: *вси мы пред Богом предстоим!* Так говорили пророки (3 Цар. 17:1). И если действительно, все тогда собравшиеся у Корнилия были одного духа с ним (в чем и нельзя сомневаться, когда на всех их так скоро сходит Дух Святой, см. ст. 44), то необходимо полагать, что в сем собрании язычников началось тогда уже богослужение, и все в этом новом храме Божии *имели горе сердца свои.* Прекрасное расположение душ для слышания Слова Божия и для принятия Божественных таинств?

Проповедь апостола Петра (10: 34–43)

Се пред Богом предстоим слышати слово апостольское. Будем же искать у богодухновенного учителя не мудрости человеческой, а премудрости Божией, не удовольствий любопытства, а пользы для души и не силы разума, а силы благодати Св. Духа. Сам Дух Божий говорит устами апостола к верующим из язычников и говорит немного, потому что в то же время говорит Он несравненно более в сердцах слушателей и говорит с такою силою, что совершает внутреннюю проповедь тогда, когда внешняя не совершилась и вполовину. Посему и полноты внешней не найдем мы в апостольской проповеди – она, по словам самого апостола, есть только начало слова его (см. 11:15), но будем искать в ней полноты внутренней, по руководству того учения веры, какое известно нам в Св. Церкви.

В Церкви с особенной полнотой изложены главные истины спасения в Символе Веры, указывается, во-первых, высочайший источник жизни и спасения (чл. 1), потом Божественный Совершитель спасения нашего, Богочеловек Иисус Христос (чл. 2–7), далее Божественный Освятитель с Божественными силами и средствами спасения (чл. 8–10) и напоследок – конец или совершение всей экономии спасения (чл. 11 и 12). Не то же ли найдем и в проповеди апостола нам предлежащей? Действительно, св. Петр первее всего открывает язычникам в Едином Боге источник спасения для всех (ст. 34 и 35); потом дает понятие о Совершителе спасения, *Господе всех*, в особенности свидетельствует о смерти и воскресении Его (ст. 36–41); наконец, раскрывает средства спасения, указывая и на конец всего, или всеобщий суд Христов (ст. 42, 43). Сии-то истины только что указанные апостолом, действием Св. Духа так скоро утвердились и раскрылись в сердцах слушателей, что в одну почти минуту приготовили их к таинственному *просвещению.*

а) Указание на всеобщий источник спасения в Боге (34–35)

Отверз же Петр уста, рече: по истине разумеваю, яко не на лица зрит Бог; но во всяком языце бояйся Его и делаяй правду приятен Ему есть.

Апостол поучает здесь слушателей собственной верой, исповедуя перед ними то, что он теперь поистине (то есть на самом деле в примере их) разумевает о Боге (хотя и прежде известна была ему сия истина). «Бог, – говорит, – смотрит не на внешние наши отличия – ни преимущества рода, ни знаменитость состояний земных не привлекают особенного благоволения Его. Как Сердцеведец, обращает Он внимание на расположение наше внутреннее и, как всесвятый и всеблагий, любит только тех, которые благоговеют перед Ним и совершают дела правды, кто бы и где бы они ни были, иудеи или язычники, в Иерусалиме или в Кесарии, в образованных народах или у варваров». Все это, как ни кратко сказано, сколько открывает высочайших свойств Божиих! Эта вера апостола поучает язычников вере в Бога как бы так: «Веруйте же и вы в Единого Бога Вседержителя, Владыку и Промыслителя всех; уразумейте и благость Его, простирающуюся на всех, и высочайшую правду, любящую и в нас едину правду; благоговейте перед всеведением и вездеприсутствием Того, перед Кем открыты не лица, а сердца наши; возблагодарите особенно Его всесильную благодать, ниспосылающую вам те же средства спасения, как и народу избранному»». Заметим, что здесь усвояется некоторая правда лучшим из язычников, подобно как прежде (см. ст. 2 и 7) приписано благочестие и добродетель Корнилию и его служителям. Из примера Корнилия видно, что правда сия вне закона Моисеева (естественная, по ап. Павлу, Рим. 2:14), так же как и правда по закону, облегчает только путь к совершенной правде Христовой. Св. Златоуст при сем замечает: «Кто же таков, кто имеет истинный (вне народа Божия) страх Божий? Бог Один знает». Посему Один Бог знает и то, кто из язычников имеет всю готовность к принятию освященной благодати Его. Такой, хотя бы он терялся между миллионами слепотствующих идолопоклонников, непременно будет, подобно Корнилию, взыскан и спасен.

б) Учение о Спасителе человеков (36–43 ст.)

Ст. 36. *Слово, еже посла сыном Израилевым, благовествуя мир Иисус Христом, Сей есть всем Господь.*

Это как бы ответ на возражение: как же Бог отличил преимуществом израильтян, послав к ним одним Спасителя с благовестием мира? Мысль апостола можно выразить так: «Что касается до *слова,* или того спасительного учения, которое послал Бог сынам Израиля, благовествуя им через Иисуса Христа мир, то есть примирение человеков со Своим правосудием, то должно знать и веровать: сей Примиритель, Иисус Христос, есть *Господь всем,* не для одного народа иудейского». Вот сокращенное учение и 2-го члена Символа Веры. Несмотря на преимущества иудеев, допущенные на время, веруйте и вы, язычники, в Иисуса Христа, Господа всех, Господа и вашего. Вот высокая истина, которую Сам Дух Святой полагает в основание всего учения о Спасителе!

Ст. 37 и 38. *Вы весте глагол, бывший по всей Иудее, наченшийся от Галилеи, по крещении, еже проповеда Иоанн: Иисуса* (весте) *иже от Назарета, яко помаза Его Бог Духом Святым и силою.*

С мыслью о *Господе всех* апостол обращает внимание слушателей на деяния сего Господа на земле, но не земные, а небесные. Они были известны им, как соседям Галилеи, где начались спасительные дела Христовы еще так недавно — не более десятилетия перед сим. *Глагол,* начавшийся от Галилеи, как глагол Божий, могущественно действовал и распространился повсюду! Веруйте, говорит, в сего Господа Иисуса, иже от бедного Назарета, веруйте как в Того Мессию истинного, Который, как вы слыхали или сами читали в пророчестве (см. ст. 43), свидетельствует о Себе: *Дух Господень на Мне, егоже ради помаза Мя, благовестити нищим, посла Мя, исцелити и сокрушенныя сердцем* и пр. (Ис. 61:1).

Иже пройде благодетельствуя и исцеляя вся насилованныя от диавола, яко Бог бяше с Ним.

Он был весь любовь и милосердие к человекам. И учение Его спасительно, и чудеса все благодетельны. Он грозен был только против врага нашего — дьявола и, отгоняя его от бесноватых, являл всем, что *сего ради явися Сын Божий, да разрушит дела диавола* (1 Ин. 3:8). Нельзя не видеть, *яко Бог бяше с Ним;* это видели и признавали даже в первый раз видевшие чудеса Его (Ин. 3:2), а мы знаем и свидетельствуем, что Он *Господь всех,* и потому *Бог бяше с Ним* не как с пророком или другим святым, но как со святейшим всех святых, имеющим Божество соединенное с человечеством в единение личное. Таким образом, здесь можно находить и учение 3-го члена Символа Веры — о Сыне Божием, нас ради человек и нашего ради спасения сшедшем с небес и воплотившемся от Духа Свята.

Ст. 39. *И мы есмы свидетели всех, яже сотвори во стране Иудейстей и во Иерусалиме: его же и убиша, повесше на древе.*

Это учение о Христе, *распятом за ны и страдавшем* (чл. 4-й). После того как в сердцах слушателей запечатлелся образ любви и милосердия Христова, они должны были и в этом неповинном убиении Господа на кресте сознать Его любовь и благость. А какое отношение сей крестной смерти к нашему спасению — это открывал им внутренне Дух Святой, возбуждая в них благоговение перед спасительной тайной креста.

Ст. 40 и 41. *Сего Бог воскреси в третий день, и даде Ему явлену быти, не всем людем, но нам, свидетелем, преднареченным от Бога,* и проч.

Здесь ясное учение 5-го члена Символа Веры. Выражение *сего Бог воскреси* должно понимать, без сомнения, так же, как и прежде употребленное *Бог бяше с Ним* (ст. 38). Отрицается всякая посредствующая сила в воскресении Господа всех (не пророк и не ангел воскресил Его): одна Божественная сила, обитавшая во Христе, непосредственно воскресила Его

человечество. Сию-то истину, как важнейшее свидетельство о Божественном достоинстве Сына Божия (Рим. 1:4), более всего хочет внушить апостол ищущим спасения, но для того требует веры, потому и говорит о явлении Воскресшего *не всем людем.* Вместо всех доказательств для слушателей был тогда сам св. Петр, один из *преднареченных от Бога* свидетелей, тот Петр, который был прежде простым рыбарем, а теперь являет в себе Богомудрого учителя небесных истин, являет мужа, имеющего власть словом убивать и воскрешать (см. 5:9; 9:40) и посредством одного руковозложения низводить на верующих чрезвычайные дары Св. Духа (8:17).

После сего апостол как бы обходит учение о вознесении и втором пришествии Господнем (чл. 6 и 7-й), но скоро и возвращается он к сему учению, когда говорит об Иисусе Христе как *судии живым и мертвым* (ст. 42).

***в) Указание средств спасения** (42–43 ст.)*

Здесь, прежде всего, надлежало, кажется, сказать о первой силе, совершающей в нас спасение, – о Боге Духе Святом (учение 8-го члена Символа). Но нужно ли было говорить там о Св. Духе, где Сам Он говорил в собрании? Притом апостол упомянул уже о помазании Св. Духа в лице Искупителя (ст. 38), а сверх того, начиналась самая минута, в которую сей Дух благоволит открыться в чудесных знамениях (ст. 44).

Ст. 42. *И повеле нам проповедати людем, и засвидестельствовати, яко той есть нареченный от Бога Судия живым и мертвым.*

При благоговении к Св. Духу нужна для спасения еще вера в Св. Церковь и ее таинства (по 9 и 10-му чл. Символа). Сию веру внушает апостол, тем что требует послушания *преднареченным от Бога* свидетелям Господним, которые имеют божественное полномочие проповедать людям о Христе, которым сказано: *шедши научите вся языки* и пр. (Мф. 28: 19, 20). Сии свидетели суть представители Св. Церкви Вселенской и строители тайн Божиих (1 Кор. 4:1).

Еще более указано истин в изображении Иисуса Христа как *нареченного* Богом *Судии живым и мертвым.* В самом деле, такое понятие о Спасителе необходимо предполагает следующие истины: 1) новую жизнь не только душ, но и тел человеческих, или воскресение мертвых, 2) распределение вечной участи людей на суде всеобщем, 3) второе пришествие Христово во славе, 4) настоящую славу Богочеловека на небесах как уже приявшего силу и власть над всем миром. Чувство, какое возбуждается сим учением в слушателях, есть чувство *покаяния* (ср. Деян. 17: 30, 31).

Ст. 43. *О сем вси пророцы свидетельствуют, оставление грехов прияти именем Его всякому верующему в онь.*

В сих словах можно усматривать переход к дальнейшему слову, в котором, вероятно, апостол привел бы самые слова пророков, свидетельствующих о спасении посредством веры во Христа (ср. 2:14 и дал.), но, по уст-

роению Св. Духа, этот переход к другой части слова стал концом слова и вступлением в новую область чрезвычайных и видимых действий Божиих. Не высокая ли эта минута в богослужении, совершавшемся в доме Корнилия? Сообразно с величием сей минуты должно предположить и высокое расположение сердец во всем тогдашнем собрании. Душа каждого слушателя открылась тогда совершенно для действий благодати. Кто же может изобразить нам это состояние собрания внутреннее? Думаем, что лучшего, приличнейшего выражения для чувств каждого члена в сем собрании нельзя найти, кроме следующей молитвы церковной: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живого, пришедый в мир грешныя спасти, от них же первый есмь аз». При таком расположении душ открылось внезапно то торжественное явление Св. Духа, какое увидим далее.

Совершение таинств в доме Корнилия (10: 44–48)

«Воскресное чтение», 12, 1848

Ст. 44. ***Еще же глаголющу Петру глаголы сия, нападе Дух Святый на вся слышащия слово.***

В новоустроенной церкви в доме Корнилия, когда она едва только огласилась Словом Божиим, приготовила духовные жертвы Богу, воскурила фимиам молитвы, вдруг открывается величественное явление, не менее чудесное, как при освящении храма Соломонова: тогда *огнь сниде с небесе и пояде всесожжения и жертвы, и слава Господня исполни дом* (2 Пар. 7:1); теперь *Дух Святый нападе на вся слышащия слово* и открылся в них чудесным даром языков. Не большая ли здесь слава Господня древней? Но чем она больше, тем удивительнее то, что слава сия открылась среди язычников недавно приступивших к вере и притом открылась прежде крещения. Почему или для чего так? Можно бы отвечать на сие так: здесь действовал Тот, Кто раздает *духовные дарования властию коемуждо якоже хощет* (1 Кор. 12:11) и не подлежит законам предписанным для нас, потому мог Он как после (8:39), так и прежде крещения подавать чрезвычайные дары Свои – когда находил то нужным по Своему Божественному усмотрению. Но в настоящем случае нельзя и нам не видеть особенной цели, для которой Дух Божий открылся в дому Корнилия таким, а не другим образом. Последствия и особенно объяснение ап. Петра (11: 15–17) показывают, что Господь хотел при сем отнять всякое недоумение у верующих из иудеев относительно прав язычников в Царстве Христовом и потому предварил чрезвычайным Богоявлением самое священнодействие крещения, дабы показать, что верующие язычники имеют право не только на крещение, но и на при-

ятие чрезвычайных дарований Св. Духа. Иначе сомневавшиеся крестить язычников без обрезания усомнились бы употреблять над ними, по крещении, и руковозложение, коим низводился на крещенных Дух Святой (Деян. 8:17). Здесь, можно сказать, Небесный Царь наперед приложил Свою печать (*печать дара Духа Святого* – 2 Кор. 1:22) к хартии, чтобы без всякого сомнения написано было на ней рукописание завета Христова.

Ст. 45 и 46. *И ужасошася, иже от обрезания вернии, елицы приидоша с Петром, яко и на языки дар Святого Духа излияся; слышаху бо их глаголющих языки и величающих Бога.*

Событие было для иудейских христиан столь неожиданно и столь важно, что они пришли в такое же изумление, как те, которые были свидетелями действий Св. Духа в день Пятидесятницы, и подобно им могли вопрошать: *что убо хощет сие быти* (Деян. 2:12)? Это сошествие Св. Духа и было сходно с первым сошествием на апостолов, как свидетельствует сам св. Петр в собрании апостолов и других братий. *Нападе*, говорит, *Дух Святый на них, якоже и на ны вначале*, то есть в день Пятидесятницы. Апостол видит здесь *крещение Святым Духом* и дар, данный веровавшим язычникам, называет *равным* тому, который дан первенцам Христовой Церкви (Деян. 11: 15–17). То же свидетельствовал он на Соборе Иерусалимском, когда говорил: *Сердцеведец Бог – ничтоже разсуди между нами и онеми, верою очищ сердца их* (Деян. 15: 8, 9). *Что убо хощет сие быти?* Отвечаем словами апостола: *сие есть реченное пророком Иоилем: и будет в последния дни, глаголет Господь: излию от Духа Моего на всяку плоть* (Деян. 2: 16, 17). Это слово пророческое еще более поясняется событием в Кесарии: здесь видим, что излияние Святого Духа в полном смысле простирается *на всяку плоть* не только обрезанных, но и необрезанных. *Что хощет сие быти?* Дом Корнилия, исполнясь верующих и огласясь славословиями на разных языках, изобразил то же самое, что и горница Сионская с собранием 120 первенцев новозаветного царства благодати, – изобразил Вселенскую Церковь, к которой отныне еще более и скорее прежнего будут собираться верующие от всех стран и от всех народов мира. *Что хощет сие быти?* В настоящем случае объяснит это сам апостол Петр, обратясь к братьям из иудеев пришедшим с ним в дом Корнилия, а в лице их и ко всей Церкви Иудейской.

Ст. 47 и 48. *Тогда отвеща Петр: еда воду возбранити может кто, еже не креститися сим, иже Дух Святой прияша якоже и мы? Повеле убо им креститися во имя Иисус Христово.*

«Вот что значит сие, – как бы так ответствует на предполагаемый вопрос св. Петр, – воля Самого Господа нашего Иисуса Христа, очевидно, та, чтобы мы язычников верующих, по одной вере их, сподобляли Святого Крещения и всех даров благодатных. Нет более различия между нами, иудеями и язычниками верующими. Дух Святой подает те же дарования

как одним, так и другим». Познав таким образом волю Господню о язычниках, апостол нимало не медлит и тот же час преподает крещение Корнилию и всем собранным здесь сообщникам его веры.

При сем заметим:

1. Необходимость Святого Крещения. Апостол преподает крещение водою и после того, как сошел на собрание верующих Св. Дух, то есть совершилось *крещение Духом* (См. 11:16). Почему так? Потому, без сомнения, что заповедь Иисуса Христа о крещении не терпит исключения: *аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие* (Ин. 3:5). И чудесное действие Божие не исключает в таинствах узаконенного действия священнослужителей Церкви.

2. Неизменность богоучрежденного порядка таинств. Чрезвычайный случай в доме Корнилия не изменил того порядка в Церкви, по которому крещение всегда есть таинство первое и дверь вводящая всякого верующего в Царство Христово. Во всей церковной истории мы не видим, чтоб сказанный случай повторялся когда-либо еще. Здесь дарование Св. Духа прежде крещения было единственным исключением из правила и не могло быть обращено в правило для Церкви.

Что касается выражения — *креститься во имя Иисус Христово,* то само собою разумеется, что оно не исключает, а только предполагает как весьма известную форму крещения — *во имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28:19); о сей форме, как единственной, говорят древнейшие отцы (например, св. Иустин мч. в апологии 2-й). Выражения *креститься во имя Иисуса Христа* (см. еще Деян. 2:38), также во имя *Господа Иисуса* (Деян. 8:16) или, короче, *во Христа* (Рим. 6:3) — 1) отличают крещение Христово от крещения Иоаннова (см. Деян. 19: 3–5), 2) и показывают то, что вся сила крещения зависит от искупительной смерти *Господа Иисуса Христа* (см. Рим. 6:3 и Деян. 22:16).

Тогда молиша его пребыти у них дни некия.

Сии дни были златым временем для новой Церкви из язычников. В это время апостол, без сомнения, сделал все для утверждения новых христиан, например, поставил для них священнослужителей, напитал их таинством Тела и Крови Господней, молился с ними, не переставал их учить словом и примером своим. Быть может, и все семь таинств совершены тогда в доме Корнилия. Здесь же, кроме дара языков, могли открыться и другие чрезвычайные дарования Св. Духа (1 Кор. 12:7 и д.), могли быть избраны из среды самих новообращенных великие орудия для распространения Царства Господня. Не тогда ли и Корнилий, который по преданию был епископом и спутником ап. Петра, сподобился первого сана священнослужительского?

Так, в короткое время основана, сооружена, освящена и благоустроена Церковь из язычников и сравнена во всех правах с Церковью из иуде-

ев. Что после сего верующие иудеи могли усвоять одним себе как преимущество перед верующими из язычников? Последние получили все то же, что и первые, – получили и чрезвычайные откровения Божии, и явление ангела, и проповедь апостольскую, и излияние Св. Духа, таинства и все священнослужение новозаветное. Обрезанием ли одним могли хвалиться христиане иудейские? Но Сам Бог показал, что и без обрезания, по одной вере, можно получать Св. Духа и все дарования духовные. После сего будут еще некоторые споры между теми и другими христианами, но на Соборе Иерусалимском, апостольском, сей же самый пример дома Корнилиева воспомянется и будет одним из первых оснований мира церковного, а потом и упразднения всего древнего закона обрядового для всей Христианской Церкви (См. Деян. гл. 1:5). Между тем Церковь из язычников будет возрастать все более и более, в Антиохии примет название *христиан* (Деян. 11:26), там же познает своего нового апостола (*апостола языков*, св. Павла. 2 Тим 1:11. Ср. Гал. 2:7) и потом, украсясь многими подвижниками веры и великими светильниками Благодати, распространит жизнь и свет во все страны мира. *Во всю землю изыдут вещания* ее проповедников *и в концы вселенныя глаголы их* (Рим. 10:18). Таким образом, будет исполняться пророческое благословение Ноя: *да распространит Бог Иафета, и вселится в селениях Симовых* (Быт. 9:27). Исполнится и пророческое слово великого Даниила: *возставит Бог небесный царство, еже вовеки не рассыплется, и царство Его людем инем не останется, истнит и развеет вся царства* (неверных); *тое же станет вовеки* (Дан. 2:44). *И будет едино стадо и един Пастырь* (Ин. 10:16).

О предваряющей благодати
(на ст. 3)

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Ангел сказал Корнилию сотнику, также природному язычнику: *молитвы твоя и милостынитвоя взыдоша на память пред Бога* (Деян. 10:4). Если милостыни Корнилия взошли на память пред Бога, то есть приняты в благоволение Божие, то они должны быть чистые, потому что нечистое не может приблизиться к Богу. Но есть ли что чистое человеколюбие вне пределов чистой веры? Нет. Из слов ангела видно, что молитвы Корнилия восходили к Богу впереди его милостыней, а молитвы восходят к Богу не иначе, как предводимые верой. Искреннее хотение волю Божию творить сделалось в его душе приятелищем предворящей благодати Божией, и сия ускорила посеять в нем зерно веры сперва нераскрытое, погребенное в естественном неведении, а дабы оно раскрылось и прозябло, для того послала потом ангела и, наконец, апостола Петра. Что проповедь апостола, как

солнечный луч, упала на готовое уже, хотя закрытое зерно веры в душе Корнилия, сие можно приметить из того, как быстро вера его раскрылась и как высоко возросла в немногие часы. Она достигла уже до причастия Святого Духа прежде крещения водою.

О послушании заповедям Христовым (ст. 20)

«Воскресное чтение», ч. 18

Востав сниди, и иди с ними, ничтоже рассуждая, зане Аз послах их.

Хотя одно из лучших правил жизни – прежде начатия дела обсуживать его со всех сторон, как и Премудрый заповедует, говоря: *без совета ничесоже твори* (Сир. 32:21); однако есть случаи, когда нет нужды взвешивать предварительно то, к чему приступаем, и даже совершенство дела требует того, чтобы оно исполнено было без всякого недоумения и размышления. Таковы дела предписываемые нам верховным Законодателем нашим!

Между тем у нас бывает не так. К исполнению собственных своих желаний и намерений мы чаще всего приступаем без предварительного размышления и здравого обсуждения дела, но когда касается исполнения определенных, безусловных заповедей Божиих, тогда является у нас неуместная рассудительность: можно ли сделать то или другое при нашем положении, состоянии и отношении к другим? В таком случае вся сила рассудительности нашей обращается, конечно, на тот пункт, нельзя ли совсем уволить себя от обязанности, возлагаемой на нас Богом, так, однако же, чтобы мы являлись в этом случае совершенно правыми перед совестью и перед Самим Господом. Например: бедный просит посильной от нас помощи... Закон Божий говорит прямо: *просящему у тебя дай и хотящего от тебе заяти не отврати* (Мф. 5:42). Но нам, прежде исполнения заповеди Христовой, приходит на мысль многое, что, по-видимому, может сделать самое безусловное повеление Христово необязательным для нас. «Могу ли я для других жертвовать тем, что самому мне стоит таких трудов и попечений, да и достоин ли помощи просящий, не употребит ли он во зло самого благодеяния, не располагают ли его самые подаяния к жизни праздной, на счет ближних своих и пр.? Другой пример: мы обижены и потерпели нечто от ближнего... Закон Божий говорит: *любите враги ваша, благословите клянущия вы, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5:44). Но мы, не отвергая высоты евангельской заповеди, стараемся так обсудить наше положение, чтоб именно к нам одним не имела она безусловного приложения; если стерплю обиду, говорим, то признаю себя как бы достойным оной, а мои отношения к другим таковы, что показаться мне достойно униженным — значит отвратить от себя всех и ввести других в заблужде-

ние касательно моей чести, а себя самого – в положение самое трудное и неудобовыносимое в обществе...

Каковы бы ни были сии и подобные суждения (впрочем, никакого сомнения нет, что они ложны как произведения нашего своекорыстия и самолюбия), но не дерзко ли судить то, что, так сказать, обсуждено уже Самим Богом? *Аще закон осуждаеши, неси творец закона, но судия. Един же есть Законоположник и Судия, могий спасти и погубити: а ты кто еси, осуждаяй* не только *друга*, но и самые веления Божии (Иак. 4: 11–12)?

Вникнем в положение св. апостола Петра, к которому были сказаны сии слова: *востав сниди, и иди с ними, ничтоже разсуждая, зане Аз послах их*. Куда идти и что делать повелевается апостолу? Идти к язычнику и вступить с ним в общение. Но *весте, яко нелепо* было *мужу Иудеянину прилеплятися или* даже *приходити к иноплеменнику* (Деян. 10:28). Поэтому какую основательную причину мог бы представить св. апостол Петр для того, чтобы не исполнить данного ему повеления!.. Но так как ему сказано было: иди с ними, *Аз послах их*, то он не показал и тени сомнения или нерешительности в исполнении повеления Господня.

И пред каждой заповедью евангельскою есть слово Самого Господа Законодателя: *Аз глаголю вам*. Для чего же *лукавая помышления входят в сердца наша*, когда предлежит нам исполнение сих заповедей? Для чего дерзаем казаться предусмотрительнее Самого Господа, подвергая сомнению то, что Он повелевает нам делать несомнительно? Некоторые из подвижников до того усовершали послушание свое воле других опытнейших подвижников, что не позволяли себе ни малейшего сомнения или колебания в исполнении всякого приказания их – и потому, где можно было, по-видимому, опасаться за их неразборчивость, там они совершали чудеса... А мы не хотим безусловно покориться воле Божией! *Господи! открый очи наша, и уразумеем чудеса от закона Твоего!* (Пс. 118:18).

О сошествии Духа Святого на язычников до крещения (ст. 44–46)

Св. Иоанн Златоуст. Беседа 24

Посмотри на домостроительство Божие. Петр еще не успел окончить речи, и крещение (Корнилия и бывших у него) не совершилось по его повелению, но так как они явили чудное расположение души своей, приняли начало учения и несомненно уверовали, что в крещении подается прощение грехов, то и сошел (на них) Дух. Это совершает Бог с тем намерением, чтобы доставить Петру сильное оправдание. Они не только получили Духа, но и стали говорить (разными языками), что и изумило пришедших с Петром. Для чего же устрояется так это дело? Для иудеев, ибо они весь

ма ненавистно смотрели на это. Так везде все совершается Богом, а Петр почти только присутствует здесь, вразумляясь, что им (апостолам) следует уже обращать язычников и что это должно через них совершиться. И не удивляйся. Ибо если после таких событий и в Кесарии, и в Иерусалиме было негодование, то чего не было бы, если бы их не случилось? Посему-то они и совершаются чрезвычайным образом.

О том же

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Каким образом сошел Дух Св. на собравшихся в доме Корнилия – в видимых ли знаках, как на верующих в день Пятидесятницы, или о сошествии Его присутствующие заключали только по необычайным действиям Духа – дару языков (ст. 46), который, несомненно, означал принятие Св. Духа слушавшими Петра (ср. 2:4), – из повествования не видно. Вероятнее последнее, ибо дееписатель, кажется, упомянул бы яснее, если бы в видимых каких-либо знаках (как в день Пятидесятницы – в виде огненных языков) сошел Дух Св. Выражения ап. Петра, *как и мы* (ст. 47), *как и на нас вначале* (11:15) указывают не на внешний способ сошествия Св. Духа тогда и теперь, а на само сошествие, или дар, в каком выразилось тогда и теперь принятие Св. Духа верующими (11:17). На прибывших с Петром из Иоппии верующих *из обрезанных* (ср. ст. 23), то есть из иудеев, это сошествие Св. Духа на собравшихся в дом Корнилия произвело особенно сильное впечатление: они *изумились*, в высшей степени удивились, что дар *Св. Духа излился и на язычников* – для них это было и неожиданно, и необъяснимо. Доселе особого откровения о принятии язычников в Церковь Христову без посредства иудейства не было, и – как особенно выразилось после (ср. 11:1 и дал., и особ. гл. 15) – было убеждение, что язычники должны быть принимаемы в Церковь Христову как прозелиты иудейства, и этим объясняется изумление пришедших с Петром христиан из иудеев, тем более что они изумляются не тому, что Дух Св. сошел теперь на обращавшихся до крещения их, а потому, что Он сошел на язычников (ср. 11:18) – не иудеев и прозелитов, а прямо на язычников.

Почему Господь наш по воскресении своем не являлся между иудеями общенародно (ст. 41–42)

«Воскресное чтение», 19

Сего (Иисуса) *Бог воскреси в третий день и даде ему явлену быти не всем людем, но нам, свидетелем преднареченным от Бога.*

1) Не было никакой уважительной необходимости, которая бы, так сказать, могла побуждать к явлению Его между иудеями по воскресении общенародно. В самом деле, кому являться Ему в Иерусалиме? Этому ли слабодушному прокуратору который, вопреки собственному своему убеждению и совести осудил Его на смерть? Легкомысленному ли и сладострастному Ироду, осмеявшему Праведника, приведенного на суд к нему и не принявшему никакого участия в Его судьбе и страданиях? Этим ли архиереям и книжникам, которые во все земное служение Спасителя роду человеческому неутомимо теснили, гнали и преследовали Его и, наконец, клеветою и кознями довели до смерти крестной, которые, прибавим еще, получив несомненное известие от стражей гроба о воскресении Распятого, вместо того чтобы уверовать в Него или, по крайней мере, благоразумно обследовать это важное известие, занялись тотчас же сплетением новых лжей? Иерусалимской ли черни, которая, быв осыпана Его благодеяниями и столько раз будучи свидетельницей Его чудес, тем не менее продолжительными криками требовала смерти Его у Пилата и даже нагло приняла на себя и потомство свое ответственность перед небом за кровь Праведника?.. Чем все эти преступные люди заслуживали благодеяние явления Его? Не сделал ли Спаситель уже довольно, или лучше, всего для их обращения, и справедливо ли желать, чтобы Бог умножал и, так сказать, расточал благодать Свою по той мере, как люди становятся более и более недостойными ее, чтобы Он умножал знамения там, где неверие со всем ожесточением готово противиться истине? При том кто может утверждать, что явление воскресшего Господа архиереям и книжникам или и всему Иерусалиму не было бы истолковано первыми или как мечта и призрак, или же приписано действию темных сил, как это не раз они делали уже, вопреки всякой сообразности, в то время, как Он Божественной силой изгонял бесов?

Правда не одна пытливость, но и неразумная ревность и усердие к славе Спасителя желали бы, чтобы Он торжественным явлением Своим по воскресении сомкнул уста клеветников и заставил их, так сказать, уверовать в Себя. Но сего-то Он и не хотел! Если благоугодно Ему по временам являть необыкновенные знамения в утверждение основанной Им на земле веры, то Он также хочет, чтобы вера в Него была следствием свободного убеждения, а не принуждения и очевидной необходимости, потому что в сем последнем случае она ненадежна, теряет цену заслуги и не может быть увенчаема как подвиг. По сей-то причине Спаситель усвояет высшее блаженство только той вере, которая *не видит и верует* (Ин. 20:29).

2) Далее, скажем со святым Златоустом, что «появление воскресшего Господа было бесполезно для иудеев и что если бы только сим способом можно было обратить их, то, без сомнения, Господь не отказал бы в нем

иудеям, но последствия воскрешения Им Лазаря доказывают совсем противное. В самом деле, чудо столь разительное, как воскрешение четверодневного мертвеца со всеми признаками начавшегося уже тления, изведение его, связанного по рукам и ногам, из углубленной пещеры пред очи всего народа — вместо того чтобы обратить иудеев и побудить их к вере в Спасителя — только более усилило их злобу и было одной из главных причин, по которой они решились умертвить Его. Они не простили Ему воскрешения другого — простили ли бы Его собственное? Конечно, они были уже не в силах сделать что-либо лично Ему, но неумолимая ненависть их, без всякого сомнения, не оскудела бы в новых кознях и в покушении тем или другим способом на новое богоубийство. Их обращение с апостолами доказывет это: они преследуют, подвергают разным истязаниям и — когда можно — предают их смерти. Если же так они поступили с учениками, то пощадили ли бы Учителя?.. Незачем было наводить их на новое злодеяние — и без того наказания, заслуженные ими, были очень тяжки. Спаситель пощадил их от новых, скрывшись по воскресении от взоров их*.

К словам св. Златоуста прибавим еще, что появление воскресшего Господа среди народа не могло бы обойтись без смут и волнений в нем: народ разделился во мнениях, *овии глаголали бы* опять, *яко благ есть*, другие, принадлежавшие к стороне Синедриона, говорили бы: *ни, но льстит народы* (Ин. 7:12); с тем вместе воскресли бы в умах учеников Христовых мечты о земном царстве Мессии, рассеянные голгофскими событиями; подозрительные владыки Иудеи, римляне, не преминули бы употребить строгие меры к подавлению волнения в народе, кровопролития начались бы, и притом во имя Того, Который есть любовь. Иисус Христос дорожил земным покоем и счастьем людей, даже и врагов своих, и не хотел подавать повода к таким плачевным событиям. Царство Его было не от мира сего!

3) Впрочем, хотя воскресший Господь и не являлся в мире среди народа, однако, достаточно явил и засвидетельствовал Свое воскресение через учеников Своих. В самом деле, свидетельство апостолов, сопровождаемое очевидными чудесами, служило непреоборимым доказательством воскресения Распятого. Эти чудеса, совершаемые во имя Иисуса, изумлявшие весь народ и не раз приводившие в замешательство злобный Синедрион, не ясно ли говорили, что Тот, *иже бысть мертв, жив есть* (Апок. 2:8)? Не были ли они самой лучшей проповедью о воскресении? Воскресший Спаситель не являлся ли, так сказать, пред очи всего народа всякий раз, как апостолы, именем Его совершая необыкновенные знамения, говорили не обинуясь и Синедриону, и иудеям: *разумно буди всем вам и всем людем израиле-*

* Biblioth. choisie des Peres. Cuillon. m. XIV pag. 464. Chrysostom. Cur in pentecoste Acta leguntur.

вым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав (Деян. 4:10)? Через сии-то знамения и чудеса и восхотел явиться иудеям Спаситель по воскресении; через них Он явил Себя Спасителем и Господом всего мира, через них уверовали все народы! Почему же иудеям не подражать им? Чего, каких еще доказательств требуется для них?..

Итак, *не несвидетельствована Себе остави* (Деян. 14:17) Господь наш по воскресении Своем и перед неверием и ожесточением иудеев; только сии люди, как предсказал о них за тысячу лет пророк Исаия, *ослепили очи свои и окаменили сердца, да не видят очима, ни разумеют сердцем* (Ин. 12:40)!

ГЛАВА 11

Как отнеслась Иерусалимская Церковь к событию в доме Корнилия (11: 1–18)?

Весть о событии в доме Корнилия быстро распространилась среди христиан и достигла, между прочим, Иерусалимской Церкви. Весть эта здесь возбудила сильные недоразумения. Христиане из обрезанных недоумевали и даже возмущались тем, прежде всего, что ап. Петр дозволил себе ходить в дом к людям необрезанным и есть с ними. Поэтому, когда Петр пришел в Иерусалим, они упрекали его за такое, по их мнению, осквернение себя общением с язычниками. Но обстоятельный рассказ ап. Петра о всех чрезвычайных обстоятельствах, в которых в данном случае выразилась воля Божия о язычниках, совершенно успокоил умы, и все христиане славили Бога, говоря: «Видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь».

Обращение язычников к вере Христовой в Антиохии (11: 19–30)

«Воскресное чтение», 1872

Во время пребывания ап. Павла в Тарсе пришел туда из Антиохии его иерусалимский друг — Варнава и принес ему великую весть, что благовествование для всех, апостольство по мысли Павла, уже открылось в Антиохии и что требуется его собственное участие в этом великом и близком его сердцу деле. Нужно заметить, виновником этого движения был сам Савл — враг Евангелия. Смерть Стефана была началом того преследования, которое изгнало из Иерусалима множество христиан, рассеявшихся с проповедью Евангелия сначала по Иудее и Самарии (Деян. 8), а потом доходивших до Финикии, Кипра и *Антиохии* (Деян. 11). В Антиохии они явились также с проповеданием веры, но одни из них — из Иудеи — обращались к

одним только иудеям, а другие, уроженцы Кипра и киринейцы, говорили также и к эллинам: «И была рука Господня с ними, и великое число, уверовав, обратилось ко Господу». Слух об этом достиг Иерусалима, это было только немного позже обращения ап. Петром Корнилия сотника и спора его с иерусалимскими христианами, кончившегося признанием, что «видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь». При таких известиях из Антиохии Иерусалимская Церковь поручила Варнаве идти и увидеть это дело, которое она признавала теперь законным и святым, по которому она, может быть, еще немного беспокоилась. Варнава, увидев благодать Божию, открывающуюся в юной Антиохийской Церкви, мог только «убеждать всех держаться Господа искренним сердцем». Но вместо того чтобы возвратиться в Иерусалим для рассказа о виденном им, он почел за лучшее идти в Тарс за человеком, который наилучшим образом мог бы направлять и установлять это начавшееся великое дело.

Итак, ап. Павел отправился с Варнавой в Антиохию. Открывающееся перед ними поле деятельности был громадно. Антиохия была одним из главных пунктов языческой цивилизации: древняя резиденция сирийских царей, средоточие плодородной страны, она со своими зданиями, народонаселением, торговлей, любовью к наукам и искусствам представлялась Цицерону и потом Иосифу Флавию третьей столицей Римской империи. Здесь христианство предстало впервые пред язычеством просвещенным, ученым, склонным с пренебрежением относиться ко всему религиозному верованию — новому или старому. Но, с другой стороны, язычество не имело здесь еще ни времени, ни силы приготовить против христианства те оружия, арсеналом которых стала потом Александрия: оно еще не одухотворило своих догматов, не очистило и не символизировало своего культа – словом, не смягчило той противоположности, которая была между его детскими верованиями и возвышенной верой христиан, между его культом грубых суеверий и новой религией духа и жизни. Понятно отсюда, что манило к христианству каждого, кто только сохранил какие-либо религиозные и нравственные потребности. Неудивительно, что апп. Павел и Варнава ежедневно увеличивали число своих учеников, которые впервые здесь стали называться *христианами*. Сами ли они стали так называть себя? Дано ли было им это имя? Дело не в том. Важно было то, что в настоящем случае христианство настолько выделило себя от иудейского вероисповедания и отождествилось с Иисусом Христом, что от Него взяло название для своих последователей, и это название значило более, чем слово «ученик Христа», – оно было символом того внутреннего единения со Христом, которое одно делает человека христианином и которое выразил ап. Павел в словах: «Живет во мне Христос».

Таким образом, в то время, как Иерусалим оставался средоточием хри-

стианства только постепенно отрешавшегося от единства с исповедавшими иудейство, Антиохия сразу стала средоточием христиан не имевших связи с отжившим иудейством. Тем не менее между обоими городами были частые сношения: так, книга Деяний упоминает (11–27) о многих *пророках*, приходивших из Иерусалима в Антиохию, вероятно, с намерением подобно Варнаве увидеть новое христианское общество. Так как Иерусалимская Церковь была бедна материальными средствами, то более богатая Церковь Антиохийская определила послать ей некоторое пособие, может быть, с целью засвидетельствовать этим, что образ мыслей, преобладавший в Антиохии, нисколько не мешает чувству братской любви, и отправила с этим пособием Варнаву и Павла. Год этого путешествия определяется временем голода, бывшего, по словам Иосифа Флавия, в четвертом году правления Клавдия, то есть в 44 или 45 году нашей эры. Во время этого путешествия апп. Павел и Варнава не могли ничего особенного совершить в Иерусалиме – там было воздвигнуто гонение на христиан царем иудейским Иродом Агриппой, желавшим угодить этим иудеям; во время этого гонения пострадал ап. Иаков, и такую же участь испытал бы и ап. Петр без чудесного освобождения. Застав в таком состоянии Иерусалим, Павел и Варнава возвратились в Антиохию, и ниоткуда не видно, что их пребывание в Иерусалиме было продолжительно.

О новом наименовании верующих христианами (ст. 26)

Игнатий, архиепископ Воронежский.
«Чтения о святом первоверховном апостоле Петре»
(Ср. еп. Михаила «Толковый Ап.» и Иннокентия, архиеп. Херсонского, т. 9)

Καὶ διδάξαι ὄχλον ἱκανὸν, χρηματίσαι τε πρῶτον τοὺς μαθητὰς Χριστιανοὺς и пр. Ученики сами себя назвать никаким новым именем не могли: кто же назвал их? Наставники? Если бы наставники, то имя *христиане* обыкновеннее и употреблялось бы после, по крайней мере, ими; между тем св. Павел ни разу нигде в посланиях не употребил его, а продолжал именовать верующих везде *верующими, Учениками, Святыми, Избранными, Братиями* и пр. Имя само по себе, казалось бы, совершенно выражает то, что мы не иные чьи ученики, как Христовы (Мф. 23:8), люди облекшиеся во Христа (Гал. 3:27), имеющие помазание (χρῖσμα) от Святого (Ин. 1: 2, 27), почему, казалось бы, должно быть ему в самом частом употреблении в апостольских писаниях, особливо в писаниях св. Павла, который строго преследовал всегда мысль о разных наставниках, кроме единого, Иисуса Христа (Кор. 1: 1, 12, 13, 14). Между тем, сверх настоящего случая, оно употреблено во всем Новом Завете только два раза. В один раз (Деян. 26:28) Агриппа царь,

выслушав апостола Павла, сказал: *ты едва не убедил меня стать христианином;* в другой раз св. Петр в послании своем (1: 4, 16) написал: *да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель; аще ли же яко христианин, да не стыдится.* Из обоих случаев видно, что верующим во Христа имя христиан давали сторонние и что оно считалось тогда укоризненным или поносительным. Так точно упоминали о верующих писатели языческие первых веков, именуя их *так называемыми христианами;* так точно имя сие употребляется в апологиях христианских, где объяснения были с язычниками; так, обыкновенно, встречается оно в описаниях мученичеств. *Христианин есмь, христианин есмь,* ответствовал каждый исповедник Христов на первый вопрос мучителей: «Кто он или не христианин ли он?» *И будете ненавидими от всех имене Моего ради,* предсказывал Господь ученикам Своим. Но со славою страданий за Христа и с распространением веры между всеми народами славою нашею сделалось имя христиан подобно тому, как и крест, древо клятвы, орудие казни. Посему-то писатель Деяний апостольских заметил при описании основания Церкви апостольской, когда именно началось имя *христиан*столь впоследствии времени известное и для язычников, но не бывшее сперва в употреблении между верующими. Именем сим на языке гонителей наших заменены другие имена, коими дотоле называли нас в укоризну: дотоле называли нас назореями или назорянами и галилеянами, как называли и Господа нашего Иисуса Христа Назорянином. Но такие названия могли иметь укоризненный смысл наиболее между иудеями, где Галилея и Назарет находились в презрении. В странах языческих потребовалось имя для нас другое, и вот оно в первый раз дано нам в Антиохии. Впрочем, таким образом исполнено предназначение Божие через пророка сказанное: *работающим Мне наречется имя новое, еже благословится на земли, благословят бо Бога истиннаго* (Ис. 65: 15, 16); исполнено пророчество через неверных подобно тому, как и о Самом Иисусе Христе совет Божий исполнен руками беззаконных (Деян. 2:23; 3:15). Что и в Церкви Христовой имя христиан первоначально давалось новообращенным, тому доказательством служит 7-е правило второго Вселенского Собора, где пишется касательно порядка введения язычников в Церковь так: «В первый день делаем их христианами (ποιοῦμεν Χριστιανούς), во второй — оглашенными, в третий заклинаем их и тако оглашаем их и заставляем пребывати в Церкви и слушати писания и тогда уже крещаем их». Тому, что называется здесь *делать христианами,* в обрядах Церкви соответствует у нас так называемое «молитвование» младенцев, или наречение имен им. Имя тотчас вносится в списки Церкви, называемые у древних «диптихами», у нас — метрическими книгами.

Χρηματίσαι, сказано. Слово, по употреблению библейскому (Деян. 10:22; Лк. 2:26; Рим. 11:4), заключает в себе понятие об откровении свыше. Но

как действовали в настоящем случае люди, то по общему употреблению оно должно значить особое некоторое определение — закон или, по крайней мере, общий голос народа, как и употребляется слово сие (Рим. 7:3). Достойно замечания, что в грамоте, которой Август давал разные преимущества Антиохии, около того же самого времени, как произошло там и имя христиан, выражено повеление его или определение словом ἐχρημάτισεν, то есть *постановил, определил, повелел* и т.д. Посему, можно думать, не было ли даже и правительственного распоряжения, чтобы антиохиане, исповедовавшие Иисуса Христа, имели прозвание, в отличие от других вероисповедников, по имени Христову.

О том же

Протоиерей Горский. «Евангельская история и история апостольской Церкви»

Думают, что христиане приняли сие название не сами собою, но от других – не от иудеев, а от язычников. Иудеи дали бы им такое наименование, которое бы выражало презрение: они, конечно, не назвали бы их последователями Мессии. Язычники, доселе видя, что они наблюдают обрядовый иудейский закон, не умели их различать от иудеев. Но теперь, когда начало распространяться между язычниками христианство без соблюдения обрядового закона, оно показалось им совершенно новой религиозной сектой (genus tertium, как называли потом христиан, то есть ни иудеи, ни язычники), и так как имя Христос они принимали за собственное, то для означения последователей нового Вероучителя составили из него наименование по той же форме, по какой обыкновенно называли последователей какого-нибудь учителя учреждавшего особую школу. Но почему не допустить и той мысли, что сами христиане приняли такое прекрасное наименование? Ученики, братия, верующие — не было определенным по отношению к посторонним. Ученик Господа Христа — название не односложное, напротив, Χριστιανοί – и выражало сущность различия их от последователей других исповеданий, важно и в домашнем церковном употреблении. Римская форма в окончании ανοί показывает только то, что в этом случае верующие следовали форме принятой в империи.

Толкование на стихи 27–30

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Ст. 27. *В те дни* (когда Варнава и Павел продолжали свою деятельность в Антиохии как учители в собраниях Церкви, ср. ст. 30) *пришли из Иерусалима в Антиохию пророки;* почему пришли, по собственному ли побуждению от Духа, посланные ли от общества христианского в Иерусалиме или рас-

сеявшиеся из Иерусалима в числе прочих – не говорится. *Пророки* – между разнообразными дарованиями духовными, которыми так богата была первенствующая Церковь Христова, сообщался в обилии некоторым дар пророчества в тесном значении слова как дар предсказания будущих событий недоступных для естественного человеческого ведения (1 Кор. 12:10). Таким даром обладали пришедшие в Антиохию из Иерусалима пророки, как видно из пророчества одного из них, – Агава. Это тот же *Агав*, о котором упоминается еще раз после (21:10).

Ст. 28. Этот Агав, *встав*, как можно думать, во время одного из богослужебных общественных собраний (ст. 26), *предвозвестил Духом*, точнее *означил* (*назнаменоваше* слав.), в соединении с каким-либо внешним образным действием предсказал, как и после он в соединении с образным же действием предсказал узы св. ап. Павла (21:10): *что по всей вселенной будет голод*, предсказал он сие *Духом*, то есть по особенному откровению Св. Духа. Так как он был пророк, то сие откровение, вероятно, было ему даровано под употребительнейшим из тех способов, какими сообщались откровения ветхозаветным и новозаветным (Иоанну в Апокалипсисе) пророкам, то есть в видении, под покровом образов и символов. В числе свойств пророческих созерцаний, зависящих от способа откровений им в видениях, замечается то, что у них что-либо великое и необычайное представляется под видом всеобщего, причем употребляются усиленные выражения, и – еще созерцая будущие события, разделенные временем, на одной картине, как бы в перспективе, пророки не отделяют иногда событий разделенных некоторыми промежутками времени, а представляют их как бы одновременными (оба эти свойства пророческих речей с особенною выразительностью обнаруживаются, например, во второй части кн. прор. Исаии 40–66). Оба эти свойства пророчества отразились и в пророчестве Агава о голоде, об исполнении которого (пророчества) сообщает краткое замечание дееписатель. Исполнение пророчества, указанное дееписателем, поясняет вполне смысл, или, точнее, способ выражения самого пророчества соответственно способу откровения. Агав пророчествует, что голод будет *по всей вселенной* – усиленное выражение великого голода в разных странах мира (а не во всех) и притом не одновременно во многих странах, а сперва в одной, через некоторый промежуток времени – в другой, там – в третьей и т.д. Дееписатель замечает, что таковой голод *был при кесаре Клавдии*. Клавдий *Кесарь*, или римский император, преемник Кая Калигулы, занимал римский императорский престол с 41 по 54 г. по Р. Х. В продолжение этого времени голод не раз свирепствовал в разных областях Римской империи: так, около 44 г. был великий голод по всей Палестине; около 50 г. голод был в самой Италии и в др. провинциях. Все это и представляется в пророческом созерцании, как *великий голод по всей вселенной*. Кн. Деяний, несомнен-

но, написана после этого голода, и писатель сам пережил это время, а потому, как свидетель вполне достоверный, указывает в голоде, бывшем в царствование Клавдия, исполнение пророчества Агава.

Ст. 29. *Тогда ученики* (точнее — *ученики же*) *положили* и проч.: когда ученики, то есть христиане антиохийские, положили послать милостыню христианам в Иудее — тотчас ли по произнесении пророчества о голоде Агавом, еще до наступления голода или, по крайней мере, первых признаков его — из текста не видно, но вероятнее последнее. *Братиям в Иудее:* следовательно, не иерусалимским только христианам, но христианским обществам в разных местах Иудеи, где только они были и где обнаружились признаки голода. Так в первый раз торжественно выразилась в подаянии милостыни братская любовь и единение обширной Церкви Христовой из язычников с Церквами из иудеев, запечатлевшие и внешним знаком свое внутреннее единство по духу и вере.

Ст. 30. Собранное послали через Варнаву и Савла *пресвитерам*. В первый раз в апостольской истории встречается здесь слово *пресвитеры*. Как видно из дальнейших сказаний (15: 2, 4, 6, 22, 23; 20:17 и др.) и из посланий апостола (Тит. 1:4; Тим. 5: 17, 19 и др.), это были должностные лица в апостольской Церкви, руководители отдельных христианских общин, пастыри и учители и совершители тайн (ср. 20: 17, 28; Еф. 4:11; 1 Пет. 5:1 и парал.; Иак. 5: 14–15). Посвящаемы были они в свое служение через возложение рук от апостолов (14:23) и епископов (1 Тим. 5:22). В некоторых городах, где многочисленны были христианские общества, например в Иерусалиме, в Ефесе, пресвитеров было несколько (15: 1, 4 и д. 20:17). О первоначальном учреждении этой должности в церкви нет такого прямого известия, как например, об учреждении диаконов (6:1 и д.), но обычай рукополагать пресвитеров в новоучрежденные общества христианские или частные Церкви видим установившимся в апостольской Церкви очень рано (14:27), и надобно полагать, что учреждение этой должности относится к самому началу апостольской Церкви, так как необходимость требовала при учреждении частных христианских обществ сначала в разных местах Палестины, а потом и вне Палестины, не оставлять этих новоустроявшихся обществ без должностных руководителей во всех христианских потребностях обществ. Таковыми руководителями и поставлялись, кроме епископов, пресвитеры, которые и были пастырями, и учителями, и совершителями таин, предстоятелями и представителями отдельных общин. Варнава и Савл, вероятно, непосредственно и отдавали по частям пособие предстоятелям частных христианских обществ в Палестине, чтобы те сами уже или через посредство дьяконов раздавали пособия нуждающимся, не обременяя этой заботой апостолов, устранивших от себя подобные заботы (6:1 и д.), чтобы беспрепятственно предаться высшему служению.

Что значит: *терпети о Господе* (ст. 22–23)?

Филарет, митр. Московский, т. 2

И послаша Варнаву прейти даже до Антиохии: иже пришед и видев благодать Божию, возрадовася и моляше всех изволением сердца терпети о Господе (22, 23 ст.).

Когда святые апостолы, находясь в Иерусалиме, услышали, что в Антиохии не только иудеи, но и язычники начали принимать веру во Иисуса Христа, тогда они для удостоверения, как должно полагать, в сем вожделенном событии, а в случае подлинности оного и для утверждения верующих, из среды себя *послаша Варнаву прейти даже до Антиохии.*

Святой Варнава, пришед в Антиохию *и видев благодать Божию,* то есть по благодати Божией принятую и содержимую антиохиянами веру Христову, *возрадовася.* Велика была радость святого Варнавы особенно потому, что, сверх чаяния, вновь приняли веру Христову и язычники; великая и то радость, когда вера, давно принятая, верно сохраняется, ибо как есть препятствия насаждению вновь веры Христовой, так есть препятствия и сохранению ее в первоначальной чистоте и силе, хотя, впрочем, она может победить и те и другие.

Посему и святой Варнава не совершенно предался радости верующих, но и заботился о них, *и моляше всех изволением сердца терпети о Господе.*

Что значит *терпети о Господе?* С мыслью о терпении всего сроднее мысль о бедствиях и страданиях. Посему *терпети о Господе* значит великодушно переносить бедствия и страдания за веру в Господа. Подлинно, сей род терпения заповедует Господь наш, когда говорит Своим последователям: *предаст брат брата на смерть, и отец чадо: и востанут чада на родители, и убиют их. И будете ненавидимы всеми имене Моего ради: претерпевый же до конца той спасен будет.* (Мф. 10: 21, 22). Так *терпели о Господе* святые мученики!

Но как Господь обещает спасение только претерпевшему до конца, мученичества же прекращаются, почему и терпение сего рода престает, то нужно далее изыскивать, что значит *терпеть о Господе,* хотя бы не было бедствий и страданий испытующих терпение. В Слове Божием находим, что *терпеть Господа* иногда значит прилежно и неослабно молиться, доколе не умилостивим Бога и не будем услышаны. Сие видим в Псалмопевце, который говорит: *терпя потерпех Господа, внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39:1). Еще же и вообще люди мужественные и постоянные в подвигах благочестия называются *терпящии Господа,* что можно видеть в следующем изречении: *терпящии Господа изменят крепость, окрилатеют аки орли, потекут и неутрудятся* (Ис. 11:31). Все сии роды благочестивого терпения, или, одним словом, постоянство в вере, заповедовал святой Варнава христианам антиохийским, когда молил их не только по нужде, по требованию обстоятельств, но *изволением сердца терпети о Господе.*

Если и не воздвигаются ныне на последователей Христовых гонения, производящие мученичество, и ныне, однако, как и всегда, *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14:22). Итак, посылаются ли на тебя бедствие и скорбь, и при тщательном испытании своей совести ты познаешь в сем наказание за грехи твои: *терпи о Господе*, и говори со псалмопевцем: *праведен еси, Господи, и прави суди Твои: благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118: 137, 71). Если же и не примечаешь того, чтобы твоей виной привлечено было на тебя бедствие, которое постигает тебя, и тогда *терпи о Господе* и говори с Иовом: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословено* (Иов. 1:21).

Научает тебя благодать Божия молиться Богу об избавлении от бед, просить Его помощи в нуждах, а наипаче духовных, относящихся ко спасению души твоей и к вечному блаженству твоему, — берегись и в сем святом упражнении непостоянства и нетерпеливости. Господь заповедал нам *молитися и не стужати* (Лк. 18:1), то есть не тяготиться, не скучать молитвою, но пребывать в ней неслабно. Видишь ли плод твоей молитвы? Усугубь ее благодарением Богу, *исполняющему во благих желание твое* (Пс. 102:5). Не получаешь ли просимого? Признавай несовершенство молитвы твоей и продолжай ее с новым усердием, помышляя, что всеблагий Отец Небесный, если видимо не исполняет твоего желания, то, без сомнения, невидимо печется о благе твоем более, нежели ты познать и вообразить можешь. Так и в молитве *терпи о Господе.*

Какой бы ты ни предпринял благочестивый подвиг, в какой бы ни начал упражняться добродетели – не изменяй принятому однажды благому намерению, и хотя бы предстояли тебе препятствия, хотя бы казалось тебе, что успех не соответствует ожиданию твоему, не отчаивайся, не малодушествуй, а напротив того, хотя бы показалось тебе, что ты довольно успел в добром деле и подвиге, не обленяйся, не будь беспечен, признавая себя *рабом неключимым,* когда б и *все повеленное сотворил,* ибо и в сем последнем случае ты *сделал* бы *только должное* (Лк. 17:10) и потому не имел бы еще права остаться без дела. Таким образом, в трудности подвига уповай на Господа *и терпи о Господе;* в успехе дела не полагайся на себя и паки *терпи о Господе.*

ГЛАВА 12

Гонение на Церковь Христову Ирода Агриппы. Мученическая смерть апостола Иакова (12: 1–2)

Ф. Яковлев. «Апостолы»

Ап. Иаков по царскому повелению взят был под стражу и предан суду верховного иудейского совета. Он взят первый из апостолов и за ним ап. Петр,

очевидно, потому, что был одним из первых и ревностнейших проповедников имени Христова, а Ироду и хотелось потрясти новую веру в главных вождях ее. Безумный народ иудейский не переставал ожесточаться против всего, что носило имя Христово; злочестивые его правители дышали все еще той же злобой, с которой произнесли приговор распять Спасителя. Жаждующие крови, они рады были уголить убийственную свою жажду смертью апостола. Но, лукавые блюстители букв, они ничего не делают без форм закона, вот и составляют совет, призывают апостола, допрашивают, слушают покойные ответы подсудимого, едва прикрывая судейской важностью кипящую ярость ненависти. Ап. Иаков смело защищал себя, веру свою в Господа Иисуса Христа и учение. Хотя Предание сообщает об этом коротко, но мы можем быть в полной уверенности, что слова его были Божественны, истина говорила его устами, — последствие нам это покажет. А между тем что происходило в сердцах судей? Не проникла ли туда светоносная истина апостольского вразумления? Да как ей проникнуть сквозь непроницаемый мрак их злобы? Они совсем не слушают апостола, слух их занят воплем страстей наперед его осудивших, вот и осуждают его на казнь смертную. Они его не слушают — не слушают законники, не выпускающие из рук книг Моисеевых и пророческих, а был же тут один слушатель, и не законник, не книгочтец едва ли хорошо знакомый с главными уставами веры, — это простой воин, который взял апостола под стражу, и он же привел его пред судилище. Сперва, может быть из любопытства, ему хотелось послушать, что будет говорить подсудимый, такой благообразный и почтенный по наружности, а может быть, он знал что-нибудь из народных рассказов о необыкновенных делах и учении учителей новой веры; может быть, заронилась в душу его мысль узнать об этом от кого-нибудь повернее — и от кого вернее узнать как не от одного из главных тех учителей? Как бы то ни было, а он слушал, что говорил апостол, слушал внимательно, видел, с какой покойной твердостью благолепный муж стоял за истину, объяснял ее кротко, но с силою увлекательного убеждения; свет небесный мелькнул в его душе — он и объявил тут же перед судилищем, что и он христианин. И его осудили на смерть. Судьи такого рода рассуждали коротко: христианин ты? А! Так ты преступник, хотя бы был самый добродетельный и честнейший человек! Дух изуверства слишком нередко доводил судей иудейских, а потом и языческих, до такого нечеловеческого, зверского судопроизводства.

На место казни ведены были вместе ап. Иаков и воин. Этот последний был грустен и уныл, какая-то едкая скорбь грызла его сердце. Можно бы подумать, что страх преждевременной смерти поколебал его отважность, но в душе его происходило совсем другое: он и не думал о себе, а думал об апостоле, на которого смотрел с растерзанной душой; он почитал себя

убийцею этого величественного человека Божия – вот что его ужасало. С чувствами сердечного сокрушения и раскаяния обратился он к апостолу, исповедал перед ним свою вину и умолял простить его. Несколько минут безмолвен был апостол – как бы в раздумьи каком-нибудь – потом вдруг обнял воина и сказал: *мир с тобой!* Оба они потом усекнуты были мечом. Эту превосходную черту христианской любви ап. Иакова и товарища славной его смерти сохранил и передал потомству Климент Александрийский. Так святой апостол совершил свое служение Господу – не многолетнее, но многоплодное последствиями! Так увенчал свою веру и апостольство! Так он охотно и небоязненно принял смерть, последуя своему Учителю и Господу! Тут невольно вспоминается вопрос Иисуса Христа Иакову и брату его и их ответ: *Можете ли пити чашу, юже Аз пию, и крещением, имже Аз крещаюся, креститися,* спросил их Господь (Мк. 10:38)? Они отвечали Ему: *можем*. Это *можем* отозвалось потом в делах того и другого апостола; оно громко выразилось в смерти апостола Иакова, которая уподобляется крещению, которым крестился Сам Господь, то есть смертью крестной. Святой апостол, радостно преклоняя главу свою под меч, как бы повторил ответ свой, как бы и тут сказал: *могу,* Господи, душу мою положить за Тебя, как Ты душу Свою положил за всех.

Церковные историки называют ап. Иакова *большим* или *старшим* в различие от другого апостола Иакова, называемого *меньшим* или *младшим*, о котором предложено будет повествование в своем месте.

Заключение апостола Петра в темницу и чудесное освобождение его (12 гл.)

Леонид, епископ Дмитровский
«Жизнь святого апостола Петра»

В 41-м году по Р. Х. на престол всемирной империи восшел Клавдий. Считая себя обязанным* любимцу своего предшественника Калигулы, внуку Ирода великого** , новый император не послал в Иудею прокуратора на место отозванного Марилла, а подчинил сию область Ироду Агриппе. Таким образом, вся Палестина соединилась под скипетром сего Иродова внука, ибо еще от Калигулы получил он в управление область Итурейскую, с титулом царя, и потом Галилейскую. Перемена сия не могла благоприятствовать Церквам. Хитрый Агриппа издавна привык угождать все-

* Иосиф Флавий говорит, что по смерти Калигулы, убитого телохранителями, Агриппа ревностно заботился склонить двор и гвардию на сторону Клавдия, дяди убитого императора. За это он и назывался впоследствии Philo-Clavdius.

** Чрез Аристовула, сына Ирода от Мариамы. Аристовул вместе с братом своим Александром казнен по воле подозрительного Ирода.

ми средствами народу иудейскому, желая снискать любовь его. Его подданные, члены Синедриона, умели воспользоваться его готовностью исполнять их желания, а истребление, по крайней мере, подавление ненавистной для них назорейской ереси, как называли они Церковь Христову, было одно из их пламеннейших желаний. Агриппа, искренне или притворно, был усердным чтителем и поборником веры отцов – ему внушали, как опасно для нее новое учение. В самые дни пасхи (в 44 г. по Р. Х.) по повелению Агриппы схватили Петра, но до окончания праздников его заключили в темницу. Необыкновенный случай избавления Петра и прочих апостолов из темницы был памятен, и посему на этот раз взяты все предосторожности к сбережению пленника. Апостола ввели под своды крепкой тюрьмы; двумя цепями, наложенными на руки, он был прикован к двоим стражам своим по-римски, и 4 четверицы (16) воинов составляли караул.

Опечаленные христиане понимали опасность своего положения. Но они помнили обещание Спасителя, что и врата адовы не одолеют Церкви, созидаемой на исповедании Петра, и прилежно молились не о спасении Церкви, а только об избавлении Петра, как любимого брата, как человека, жизнь которого весьма нужна для Церкви. Избавление могло быть только сверхъестественное, ибо намерение врагов было решительно; верующие не имели никаких средств, но для силы Божией нет ничего невозможного.

В ночь накануне того дня, в который Агриппа готовился отнять у Церкви ее светильник, Петр спокойно уснул, лежа между двумя воинами, к которым был привязан цепями. Стражи со всей исправностью стерегли темницу у дверей. Вдруг в темнице явился Ангел Господень, и свет осиял здание. Ангел, толкнув Петра в бок, пробудил его и сказал: «Встань скорее». С этим словом цепи упали с рук апостола, Ангел опять сказал ему: «Опояшься и обуйся». Петр сделал это. «Надень одежду твою и иди за мной». Петр повиновался. Но внезапно пробужденный от глубокого сна и тотчас пораженный чудесным явлением, он не мог еще привести в порядок свои мысли, не понимал, что с ним делается, – сон это или действительность?

В таком состоянии он выведен небесным проводником из темницы, мимо первой и второй стражи, в железные ворота, которые сами собою отворились, и проведен по улице города. Тут ангел исчез, Петр пришел в себя и сказал: «Теперь я вижу воистину, что Господь послал ангела Своего и избавил меня из руки Ирода и от всего, чего ждал народ иудейский». Отсюда Петр направил шаги свои к дому Марии, матери Иоанна, прозываемого Марком. Там надеялся он найти некоторых верующих, ибо в доме сей благочестивой женщины, вероятно, часто происходили молитвенные собрания братий. Он не ошибся. На эту ночь к Марии собрались многие верующие и неусыпно пребывали в молитве. Между тем, как они моли-

лись, послышался стук в двери. Служанка тотчас вышла послушать и, не отворяя дверей, узнать, кто этот поздний посетитель: друзья заключенного могли всего опасаться со стороны врагов. Служанка услышала знакомый голос, голос Петра. Исполненная внезапной радости, она вместо того, чтобы отпереть дверь, бросилась в комнаты и уведомила, что Петр стоит у дверей. Все с недоумением смотрели на вестницу и никак не хотели верить. Стук у дверей продолжался, решились отворить и с изумлением увидели перед собою спасенного Петра. Все толпились около него; он рассказал, каким образом Господь вывел его из темницы. В заключение он велел уведомить об этом Иакова, брата Господня, который был епископ Церкви Иерусалимской, и прочих братий (ибо только некоторые из братии слушали теперь рассказ Петра). Петр оставил братию, чтобы на некоторое время укрыться в какое-нибудь более безопасное место.

С наступлением дня в темнице между воинами сделалась большая тревога: все было в порядке, а узник пропал. Искали, но нигде не могли найти. Агриппа, приписывая это оплошности воинов и желая над кем-нибудь излить свою злобу, велел казнить стражей. Дальнейших розысков не было, потому что царь спешил в Кесарию, куда призывали его игры в честь кесаря, которые каждое пятилетие отправлялись в этом городе, а равно увлекал и гнев, которым кипело сердце Ирода на жителей Тира и Сидона. Из этого путешествия Агриппа уже не возвращался – его поразил ангел внезапной болезнью, и через четыре дня он умер среди ужаснейших мучений. Его смерть успокоила Церковь.

Толкование на сказанное народом Ироду: *глас Божий, а не человеч* (ст. 22)

Св. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Поелику писал ты (диакон Евтоний), по какой причине, когда иные льстили Ироду сверх его достоинства и говорили: глас Божий, *а не человеч*, он был наказан? – то сказываю: по той причине, что не сделал он выговора и не отверг нечестивой и безумной лести, ибо тем самым, что принял лесть, обучил их большему нечестию. Вероятно же, что и они, если не тотчас, то впоследствии были наказаны, а если и избегли наказания здесь, то не избегнут там.

Возвращение Варнавы и Савла в Антиохию (24–25)

Слово же Божие росло и распространялось (ст. 24). Прерванное рассказом о смерти гонителя повествование снова возвращается к событиям в Церкви Христовой. Несмотря на гонение Иродово, число обращающихся ко

Христу увеличивалось, особенно же, конечно, со смертью гонителя, в которой так ясно для взора веры выразилась казнь Божия за гонения на Церковь Христову. *Варнава и Савл возвратились из Иерусалима, взяв с собою и Иоанна, прозваннаго Марком* (Ст. 25). Они получили поручение от антиохийского общества отнести пособие, собранное членами оного, в Иудею вообще, а не собственно в Иерусалим только (11: 29–30). Очень может быть, что они во все время гонения Иродова, непродолжительного, как видно, и ограничивавшегося только Иерусалимом, не были собственно в Иерусалиме и путешествовали по Иудее, раздавая через пресвитеров собранные пособия, в Иерусалим же прибыли после отъезда Ирода оттуда в Кесарию или даже после его смерти. Затем, исполнив и здесь возложенное на них поручение, снова возвратились в Антиохию, хотя и неизвестно, скоро ли по смерти Ирода. Во всяком случае, впрочем, сказание о смерти Ирода, в связи с обстоятельствами отправления Варнавы и Савла из Антиохии и возвращении туда, дает определенное хронологическое указание — важное для летосчисления книги Деяний: смерть Ирода, по достоверному счислению, относится к 44 г. по Р. Х., следовательно, и упомянутые события в Церкви Христовой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 10–12 ГЛАВАМ

1) Гл. 10. Обращение Корнилия сотника. «Хр. чт.», 1835.

2) Гл. 11. Чтения о св. Павле: Иерусалим — Антиохия. «Воскр. чт.», 1872, 1.

3) *Н. Малинин.* Средства содержания духовенства в первенствующей Церкви. «Духов. Вестн.», 1865, 10.

4) *Евсевий Кесарийский.* О том, каким образом учение о Христе в краткое время распространилось по всему миру. Отрывок из Церков. истории. Кн. 2, гл. 3, «Христ. чт.», 1838, 2. О голоде, бывшем в царствование Клавдия. Там же.

5) Ст. 19–26, 29, 30. *Евсевий, архиеп. Могилевский.* Беседы на воскр. и праздн. чт. из Апостола, ч. 1.

6) Ст. 19–30. Антиохия. Библ. поп. сл., 1874, 1.

7) Ст. 28. Агав. Там же, ст. 32.

8) Клавдий. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 1.

9) Гл. 12. 1 ст. Ирод. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1875, 2.

10) Ст. 12. Мария. Марк Иоанн. Б. п. сл., 1876, 2.

11) *Евсевий еп. Кесарийский.* Мученичество ап. Иакова. Отрывок из Церков. ист., кн. 2. «Христ. чт.», 1838, 2 (10–12 гл.).

12) *Леонид, еп. Дмитровский.* Жизнь св. ап. Петра. М., 1860.

13) *Игнатий, архиеп. Воронежский.* Чтение о св. первоверховном ап. Петре, о введении язычников в Церковь Христову.

14) *Ф. Яковлев.* Апостолы, вып. 1. О событиях в 10–12 гл.

15) Гл. 10–11. *Фаррар.* Обращение Корнилия сотника. Жизнь и тр. св. ап. Павла, т. 1.

16) Гл. 11–12. Антиохийская церковь. Распространение христианства в Антиохии. *Прот. Горский.* Еванг. истор. и история апостольской Церкви.

17) О том же. *Фаррар.* Жизнь и труды св. ап. Павла, т. 1.

18) *Фаррар.* Антиохия и происхождение названия «христианин». Первые дни христианства.

19) *Прот. Михайловский.* Второе путешествие Павла в Иерусалим. Гонение на тамошнюю церковь. Св. апостол Павел.

20) *Фаррар.* Первые дни христианства. Ирод Агриппа и убийца апостола Иакова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Церковь Христова в странах языческих (13–28 главы)

I. Первое апостольское путешествие Павла и Варнавы (13–15 главы)

ГЛАВА 13

Путешествие в Кипр и обращение проконсула Сергия Павла (13: 1–12)

Бахметева. Рассказы из истории Христианской Церкви, ч. 1

Савл и Варнава, пробыв некоторое время в Иерусалиме, возвратились в Антиохию и привели с собой молодого ученика по имени Иоанн – Марка, родственника Варнавы. Благодать Божия была на Церкви Антиохийской – она быстро умножалась и считала между членами своими много людей святых и угодных Богу. Писание называет пророками и учителями Варнаву, Савла, Симеона, называемого Нигером, Луция Киринеянина, Манаила. Когда они служили Господу и постились, Дух Святой повелел им отделить от себя Варнаву и Савла на дело особенно предназначенное для них, и тогда братья, совершив пост и молитву, возложили на них руки и отпустили их. Варнава и Савл предназначались для благовествования в других странах.

Заметим здесь порядок правления, соблюдаемый в древней Церкви. Варнава и Савл, избранные Самим Духом Божиим, однако, *принимают рукоположение* от Церкви. Возложение рук есть вместе благословение и посвящение. Они готовятся к делу своему молитвой и постом. В память как этого поста, так и других подобных установлен у нас *Апостольский пост*, более известный под именем Петровского поста – название не совсем правильное.

Следуя внушению Духа Святого, Варнава и Савл отправились в путь, с ними был и Иоанн – Марк и служил им. Прежде всего они посетили ост-

ров Кипр, родину Варнавы. Жители этого острова были ревностные язычники, однако же, правитель острова Сергий Павел очень желал услышать новое учение и призвал к себе апостолов. Но один иудеянин, по имени Вариисус, выдававший себя за волшебника, старался отвратить его от этого. Вероятно, он приобрел влияние над народом и правителем и опасался, что потеряет это влияние, когда им будет известна сила Божия. Савл строго укорил лжеца за то, что он совращает людей с прямых путей Господних. «И ныне, – прибавил он, – се рука Господня на тебе: ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени». И внезапно лжеучитель ослеп и стал ощупью искать провожатого. Это чудо поразило всех, и правитель уверовал в Господа Иисуса.

Отсюда евангелист Лука в своем повествовании о путешествиях апостола постоянно называет его *Павлом*, между тем как до сего времени всегда называл его Савлом. Такая перемена заставляет думать, что апостол около сего времени переменил прежнее свое имя на новое. Иероним решительно полагал, что Савл называл себя Павлом по случаю обращения проконсула Павла, дабы в новом имени своем иметь как бы некоторый знак столь славной победы над знаменитым римлянином, подобно как римские военачальники получали прозвания от имени городов и областей ими покоренных. Но таковой знак, очевидно, несовместен со смирением апостола, который весь успех своей проповеди всегда приписывал не себе, а благодати. Посему многие отцы Церкви (Златоуст, Амвросий и др.) держались мнения, что апостол переменил свое имя еще при крещении. В подтверждение этого указывают на обыкновение иудеев означать важные события в своей жизни переменою имени. Но если так, то почему св. Лука начал употреблять имя Павла не прежде, как по обращении проконсула? Нельзя не признать, что эти два события (обращение проконсула и перемена имени) находятся в связи, итак, в чем состоит сия связь? Вероятно, проконсул из любви и уважения к Павлу предложил ему свое имя, как то делывали и другие знаменитые римляне с людьми ими любимыми и уважаемыми, а Павел не отрекся принять предложенного имени, которое по своему значению совершенно соответствовало его смирению, вследствие коего он называл себя меньшим из апостолов. Впрочем, обращение проконсула могло иметь влияние на употребление имени Павла и в том случае, если Савл принял это имя еще при крещении. Доселе оно, как еще малоизвестное, оставалось без употребления, но с сего времени апостол из уважения к вере проконсула и, может быть, по его просьбе начал постоянно употреблять оное, а таким образом прежнее имя Савла вышло из употребления. Всего невероятнее мнение тех, кои догадываются, что апостол переменил имя для того, дабы не узнали в нем прежнего гонителя христианства. С этим намерением он не избрал бы имени *Павел*, которое по сходству звуков невольно приво-

дило на память имя *Савл.* Равным образом неважно мнение и тех, кои говорят, что апостол еще при обрезании получил два имени. Иудеи иногда давали при обрезании по два имени, но всегда избирали не сходные по звуку.

О важности и необходимости епископского рукоположения (13:3)

Филарет, митрополит Московский, т. 5

Святой апостол Павел в чудесном откровении видел Господа Иисуса Христа и от Него непосредственно принял призвание к вере Христовой и к служению апостольскому, но когда пришло время действительно приступить ему к устроению Церквей и в них священства, тогда он с Варнавою принял для сего рукоположение от Симеона, Лукия и Манаила. *Тогда* (говорит книга Деяний апостольских) *постившеся и помолившеся, и возложше руки на них, отпустиша их* (Деян. 13:3). Так необходимо и так важно священнотаинственное рукоположение!

Потом, когда он рукоположенных им поучал обязанностям их служения, тогда говорит им: *вас Дух Святый постави епископы* (Деян. 20:28). Так высоко начало священнотаинственного рукоположения!

О волхве, которого Павел ослепил своим приговором

Св. Исидор Пелусиот, Творения, ч. 1

Поступок апостола с волхвом не противен Божию Закону, повелевающему любить врагов. Но поелику волхв *развращал пути* проповеди (Деян. 13:10) и удержал от веры Антипата, при содействии которого весь народ удобно мог быть приведен ко спасению, то Павел уцеломудривает хулителя тою же мерою, какая употреблена была с ним для вразумления его самого, наложив слепоту, которою и сам приведен к тому, что стал учеником Христовым. Ибо научился врачевать неверие тем же врачевством, каким сам исцелен от прекословия по привязанности к закону. Сказал же апостол: *до времене* (11), предоставив воле волхва сделать от себя самого зависящим возвращение света через исправление нравов.

Путешествие в Пергию и Антиохию Писидийскую и речь Павла в Антиохийской синагоге (13: 13–41)

Из Пафа проповедники отплыли на твердую землю, в Малую Азию.

Примечание: Малой Азией называлась страна, простирающаяся к югу от Черного моря до моря Средиземного. Теперь, под именем Анатолии,

это составляет часть Турции. Малая Азия находилась под владычеством римлян, но господствующий в ней язык был греческий, ибо часть народонаселения была греческого происхождения. Она состояла из 15 областей, имена которых часто встречаются в истории Христианской Церкви, ибо тут совершались с первых времен важнейшие события церковной истории. Потому мы считаем нужным поименовать за раз области и главные города Малой Азии. Область *Вифиния:* главные города – Никея, Халкидон и Никомидия; *Понт:* главный город Амасия; *Пафлагония* – Синоп; *Мисия* – Троада и Пергам; *Лидия* – Фиатира, Сардика и Филадельфия; *Иония* – Смирна, Ефес и Милет; *Кария* – Книд; *Ликия* – Патера и Мира; *Памфилия* – Атталия и Перга; *Писидия* – Антиохия Писидийская; *Киликия* – Тарс; *Каппадокия* – Кесария; *Ликаония* – Икония, Листра и Дервия; *Фригия* – Колоссы, Лаодикия, Иераполь; *Галатия* – Анкира; *Лидия и Иония* вместе назывались иногда *Асией.* Это название встречается в Деяниях (19: 26 и 27).

Здесь Марк отстал от них (Деян. 13:13; сл. 15:38) и возвратился в Иерусалим вопреки желанию Павла и Варнавы. Последние через Пергию Памфилийскую достигли Антиохии Писидийской. В следующую субботу апостол со своими спутниками явился в тамошней синагоге. После обыкновенного чтения из закона начальник ее предложил посетителям сказать что-нибудь в назидание и утешение братий. Нельзя было ожидать лучшего случая для проповеди. Обширная нива представлялась сама собою, и Павел начал щедрой рукой бросать семена благовестия. Напомнив о благодеяниях, коими Бог ущедрял народ еврейский, как Он извел его из Египта, питал чудесным образом в пустыне, даровал им судей для управления и защищения, наконец, избрал на царство прежде Саула, а потом Давида, мужа по сердцу Своему, Павел утверждал, что обетование, данное Давиду об имеющем произойти из потомства его Мессии, сбылось на Иисусе, Который перед появлением Своим был возвещен Иоанном Крестителем, но, не узнанный первосвященниками, осужден на смерть и распят сообразно предсказаниям о Нем пророков. Впрочем, Бог воскресил Его из мертвых, и Он явился по воскресении многим из учеников, что также предвозвещено было пророками и самим Давидом. Во имя сего-то воскресшего Мессии возвещается верующим в Него отпущение грехов и оправдание, коего не мог доставить закон. А посему иудеям должно быть осторожными, дабы, по примеру первосвященников, отвергнув Иисуса Христа, не подвергнуться ужасной казни, коей Бог угрожает презрителям Сына Своего.

Влияние речи на язычников и иудеев, гонение на Варнаву и Павла и отшествие их в Иконию (13: 42–52). Речь эта произвела сильное впечатление в слушателях. Многие из иудеев и прозелитов последовали за апостолом,

дабы получить от него обстоятельнейшее наставление в вере. В следующую субботу почти *весъ город собрался слушать Слово Божие.* Но столь счастливому началу не соответствовал конец. Иудейские раввины не могли снести равнодушно, видя, что бедные пришельцы сделались предметом уважения для всего города; может быть, соблазняла их и свобода, с которой апостолы, вопреки обыкновению иудеев, обращались с язычниками. Исполнившись зависти и злобы, они, вместо того чтобы примером своим располагать других в пользу нового учения, начали противоречить проповедникам и злословить. «Вам, — отвечал при сем случае Павел со всей важностью Божественного посланника, — Вам, во-первых, надлежало быть проповедану Слову Божию, но как вы отвергаете оное и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то мы теперь обращаемся к язычникам, ибо так нам повелел Господь». Слова сии тем более расположили в пользу Евангелия язычников, кои никогда не замечали подобного беспристрастия в иудейских раввинах, ибо последние всегда полагали великое различие между иудеем и эллином. Но тем более возрастала и ненависть иудеев. Не имея возможности действовать против апостолов собственными силами, они возбудили против них некоторых женщин, славившихся набожностью и знаменитостью рода (любимое орудие фанатизма!) Влияние последних на городских правителей сделало то, что Павел и его спутники, отрясши прах от ног своих, оставили Антиохию (Деян. 13: 44–52).

О речах святого апостола Павла вообще и о речи в Антиохии Писидийской в частности (13: 16–41)

В. Певницкий. «Руководство для сельского пастыря», 1874, № 46

Касательно достоинства и внешних принадлежностей публичного слова апостола Павла, как общественного учителя, существовали и заявлялись в разные времена неодинаковые представления. Многими поддерживалось в этом отношении мнение неблагоприятное для ораторской славы апостола, будто речь его была слишком проста и безыскусственна, будто слово его не имело в себе ничего внушительного, что язык его полон солецизмов, варваризмов и странных оборотов и что, вообще, он не владел тем, что может сделать из человека сильного и влиятельного оратора. Поводом к этому мнению могли служить собственные признания апостола Павла. В Послании к Коринфянам он не раз с настойчивостью выставляет то, что проповедь его чужда премудрости слова. «Христос послал меня, — говорит он, — не крестить, а благовествовать, *не в премудрости слова,* чтобы не упразднить Креста Христова (1 Кор. 1:17). Ибо когда

мир своею мудростию не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу *безумием проповеди* спасти верующих (1:21)... Когда я приходил к вам, братия, приходил возвещать вам свидетельство Божие *не в превосходстве слова или премудрости.* Ибо я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого. И был я у вас в немощи, и в страхе, и в великом трепете. И слово мое, и проповедь моя *не в убедительных словах человеческой премудрости,* но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась *не на мудрости человеческой,* но на силе Божией (2: 1–5). Мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем *не от человеческой мудрости изученными словами,* но изученными от Духа Святого (2: 12, 13)». В другом послании к тем же коринфянам апостол Павел напоминает толки, какие ходили о нем тогда между коринфянами: сравнивали энергический язык его посланий с устным его словом и находили между тем и другим большую разницу. «Некто говорит, – пишет апостол Павел, – в посланиях он строг и силен, а в личном присутствии слаб и речь его незначительна» (2 Кор. 10:10). И апостол как бы утверждает силу таких толков, говоря: «Я Павел, который лично между вами скромен, а заочно против вас отважен, убеждаю вас кротостию и снисхождением Христовым (2 Кор. 10:1)... О если бы вы несколько были снисходительны к моему неразумению (11:1)... Хотя я и невежда в слове, но не в познании. Впрочем, мы во всем совершенно известны вам (11:6). Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощию моею» (11:30).

Такие признания апостола Павла не были словом без основания. Их вызвали споры бывшие в коринфской общине. Там был некто Аполлос, иудей александрийского образования, который прежде оглашен был пути Господню иоаннитами, последователями Иоанна Крестителя, а потом от Акилы и Прискиллы точнее узнал проповедь о Мессии Спасителе и, крещенный вместе с другими апостолом Павлом во имя Господа Иисуса, сделался ревностным сподвижником апостолов (Деян. 18: 24–26; 19: 4–6). Деяния апостольские называют его *мужем словеснъим, силънъим в книгах* (Деян. 18:24). Ему приходилось говорить в синагогах и спорить с иудеями в тех местах, где возвещал Слово Божие апостол Павел, – в Ефесе, Коринфе и других местах. Его речь была более учена и красноречива, чем речь апостола Павла, и любители человеческой мудрости и художественного красноречия, когда после проповеди апостола Павла услышали речь Аполлоса, отнеслись к ней с большим сочувствием и даже брезговали простой речью Павла. В Коринфе даже образовалась особая партия Аполлоса, которая противополагала себя тем, кои считали себя учениками то Павла, то Кифы, то Христа (1 Кор. 1: 11–13). Она состояла из приверженцев греческой мудрости и чтителей греческого красноречия, и в ней слышались

неодобрительные отзывы о простой безыскусственной проповеди о Христе распятом, какая слышалась из уст Павла, и Павел, узнавши об этих распрях и рвениях, должен был разъяснить коринфянам, что в деле Божием естественная человеческая премудрость не много значит и что спасти верующих может и сильна та проповедь, которая кажется буйством людям обольщенным внешней мудростью (1 Кор. 1:2).

В церковной письменности коринфские толки нашли отражение у блж. Иеронима. В своих комментариях на послания апостола Павла и в некоторых письмах он несколько раз касается вопроса о внешнем ораторском достоинстве речи апостола и дает на него ответ отрицательного свойства, не думая тем умалять его апостольский авторитет. Так, в комментарии на послание к Титу Иероним замечает, что апостол «не по смирению, как очень многие думают, но истинно сказал: *аще (аз) и невежда словом, но не разумом* (2 Кор. 11:6). Еврей из евреев, по закону фарисей, он не изъясняет надлежащим образом глубоких мыслей греческой речью и что думает, то едва выражает в словах». В толковании на Послание к Ефесянам Иероним сознается, что он не в видах оскорбления апостола, как обвиняют его недоброжелатели, а в видах утверждения апостольского авторитета, сильного благодатью, несколько раз замечал у него солецизмы и тому подобное и доказывает, что апостол Павел не был совершенен в слове и впадал в погрешности против искусства грамматического, что он, еврей из евреев, без блеска ораторской речи, без стройного течения слов и без красоты выражения никогда не мог бы привести весь мир к вере во Христа, если бы не благовествовал Его не в премудрости слова, но в силе Божией, как и сам он это признает в Послании к Коринфянам... Иной раз отзывы блаженного Иеронима о манере речи апостола Павла принимают форму очень резкую, не совсем приличную по отношению к великому и святому имени, хотя Иероним к таким отзывам обращался не с тем, чтобы унизить апостола, а чтобы разъяснить его метод учения. Так, в толковании на Послание к Галатам он говорит: «Апостол, который всем был вся, чтобы всех приобресть приспособлявшийся к грекам и варварам, мудрым и неразумным, по отношению к галатам, которых немного выше назвал глупыми, и сам сделался глупым. Ибо по отношению к ним он не употреблял таких доказательств, какие употреблял перед римлянами, а употреблял гораздо более простые, такие, какие могли бы понимать и глупые — почти тривиальные. Но делал он это не по неопытности и неискусству», — замечает далее Иероним.

Подобные представления могут и должны быть принимаемы с самым строгим ограничением. В них справедливо то, что апостол Павел не имел греческого риторического образования и не владел публичной речью так, как владели ею другие, знакомые с искусством риторическим по гречес-

ким школам. Притом греческий язык, на котором часто приходилось ему писать и говорить, был для него язык чужой: он не мог изъясняться на нем с такой свободой, с таким безупречным изяществом, как природный грек, прошедший риторическую школу. Блж. Иероним, чаще других касавшийся этого предмета и называвший апостола неискусным в слове, разумеет в этом случае именно то, что апостол затруднялся выражать свои мысли на греческом языке, который ему не так хорошо был знаком, как еврейский, и готов допустить, что на своем отечественном языке он мог быть человеком очень красноречивым. Во всяком случае, не будучи оратором по природному расположению и образованию, апостол Павел был великим общественным учителем. Ученая партия в Коринфе могла брезговать его неаттическим выражением и словом чуждым всякого блеска и художественности, могла не придавать никакой цены его простой, безыскусственной проповеди о Христе распятом, с какой он явился в Коринфе. Но мог он говорить и действительно говорил и ученые речи, приноровленные к потребностям образованного общества, сильные по мысли и тонко соображенные по своему составу, как доказывает его речь, сказанная в Афинах (Деян. 17: 19–33). В Коринфе апостол Павел оставил всякую заботу о естественной художественности слова и старался говорить как можно проще, но это потому, что ученая манера речи здесь была нецелесообразна, так как слушателями его были, за немногими исключениями, люди простые и некнижные. *Видите звание ваше, братие*, говорит апостол в 1-й главе 1-го Послания к Коринфянам, объясняя свойство своей проповеди, *яко немнози премудри по плоти, не мнози сильны, не мнози благородни: но буяя мира избра Бог, да премудрыя посрамит, и немощная мира избра Бог, да посрамит крепкая, и худородная мира и уничиженная избра Бог, и не сущая, да сущая упразднит* (1: 26–28). В Коринф явился Павел прямо из Афин (Деян. 18:1). А в Афинах опыт показал ему, что от ученых доказательств и искусственных приемов речи нельзя ожидать особенных успехов в деле проповеди евангельской: здесь, перед учеными и философами афинскими, апостол показал свою мудрость, но плода отсюда почти не было никакого, а или заметно было у слушателей холодное равнодушие к предмету проповеди, или слышались оскорбительные насмешки над нею. В сознании бессилия человеческой мудрости он тем с большим доверием обратился к благодати Божией и простым словом стал возвещать Христа распята, что служило безумием для эллинов (1 Кор. 1:23).

В Деяниях апостольских есть несколько указаний на то, что апостол Павел обладал *внушительным* словом, и если не внешним искусством, то внутреннею силой речи. Когда он являлся в синагоги, то начальники синагоги, например в Антиохии Писидийской, предлагают ему, по чтении закона и пророков, открыть слово, конечно, во внимание к авторитету

его как человека учительного (13:13). После его речи в одну субботу увлеченные его учением просят его придти в другую субботу и подробнее разъяснить то, что он говорил, и в эту другую субботу едва ли не весь город собрался слушать его (13: 42–44). Конечно, здесь притягательной силой служило святое и спасительное учение им возвещаемое, но помимо этого и мудрый образ его разъяснения был далеко не без значения в этом деле. В Листре его сочли Ермием слышавшие его речи, потому что он был начальник слова (Деян. 14:12). Когда он, будучи в узах, с увлечением говорил о вере во Христа и деле своего апостольства перед царем Агриппою, бывший при этом римский правитель Иудеи Фест получил впечатление от его речи как от речи человека ученого и сказал ему: беснуешися ли, Павле? Многия тя книги в неистовство прелагают (Деян. 26:24). И Сам Агриппа, выслушав Павла, признался, что Павел едва не сделал его христианином (Деян. 26:28).

Характеристические свойства, которые обращают на себя внимание в деятельности Павла как общественного учителя, и дают значение его слову даже перед взыскательным судом, преследующим внешнее ораторское достоинство; это 1) гибкость и удобоподвижность его мысли, умевшей приноровиться ко всякому кругу слушателей. Это свойство сам апостол указывает в себе, когда говорит, что он всем был *вся, да всяко некия спасет,* с иудеями как иудей, с подзаконными как подзаконный, с беззаконными как беззаконный, не сый беззаконник Богу, но законник Христу, с немощными как немощный (1 Кор. 9: 20–22). В видах большего действия своего слова иных он, как сам говорит, поил млеком, других питал брашном; людям плотяным, младенцам о Христе, он сообщал самое простое учение о Христе и спасении; с людьми же духовными, способными к восприятию высших тайн, он беседовал как человек посвященный в высшие тайны веры (1 Кор. 3: 1–2). Из его речей, сохраненных для нас в Деяниях апостольских, мы видим, что он в синагоге умеет говорить от Писания и затронуть национальные чувства и ожидания иудеев; в Афинах, среди язычников и философов, он обращается к естественному богопознанию человека и в нем находит пункты соприкосновения с откровенным учением им проповедуемым. Другое свойство, отличающее апостола Павла как общественного учителя, – его диалектическая сила, видная в его посланиях и речах и засвидетельствованная священными историками. В Деяниях апостольских постоянно говорится о нем, что он состязался и препирался с людьми не верующими тому, что он проповедовал (9: 22–29; 15:2; 17: 17–18; 18:4; 19:9). Мысль его заметно крепка была в спорах и любила разбирать возражения противников и при этом разлагать их на частности, подмечать их ошибки и слабые стороны, едва уловимые, доводить их до заключений явно несообразных с истиной и идти

к предположенной цели путем длинных посылок и выводов иногда довольно искусственных, как например, при доказательстве истинности воскресения мертвых (1 Кор. 15: 12–28), или при раскрытии учения об оправдании верой (Рим. 5: 6–21), или при стремлении довести афинян до понятия о Боге как существе духовном (Деян. 17: 22–29). Природа апостола Павла была богатая, быстрая и стремительная, отсюда у него порывистое течение мыслей, не следующее прямому преднамеренному пути раскрытия предмета; отсюда повороты от одной стороны предмета к другой, усложняющие план его рассуждений; отсюда перестановки слов, затемняющие его речь; отсюда плодовитость его языка. В этом случае он отличается от других апостолов, говорящих обыкновенно прямо и коротко. Есть у св. Иринея Лионского замечание об оригинальности стиля апостола Павла. В седьмой главе третьей книги против ересей он указывает не совсем обычную перестановку слов, допускаемую в речи апостолом Павлом, вводившую многих в заблуждение, и свидетельствует, что в ином, не дошедшем до нас сочинении он подробнее уяснил этот обычай Павла. Это перемещение в словах, уклоняющееся от правильной фразы, св. Ириней объясняет в речах св. апостола Павла *быстротою речи и стремительностию находящегося в нем духа.*

Из речей ап. Павла, записанных в Деяниях апостольских, для истории возвещения христианского учения имеют значение собственно три речи: 1) речь, сказанная им в синагоге в Антиохии Писидийской (13: 16–41), которая может служить образцом его наставлений, обращенных к иудеям; 2) речь, сказанная в афинском ареопаге (18: 22–31), на которую можно смотреть как на образец изложения апостолом учения христианского перед образованными греками-язычниками, и 3) речь, сказанная в Милете пресвитерам ефесским (20: 18–36), — образец наставлений, обращенных к людям соединенным с ним единством веры и призванным к особенному служению в Церкви.

Речь в Антиохии Писидийской сказана апостолом Павлом в синагоге в день субботний, когда по чтении закона и пророков начальники синагоги по обычаю, соблюдавшемуся у иудеев, предложили пришедшим в синагогу чужестранцам сказать слово утешения народу. Апостол Павел после этого предложения встал и, сделав знак, или движение рукой (обычный жест апостола и других его современников, которым перед началом речи как бы приглашали общество ко внимательности), начал свою проповедь. Эта проповедь по своему характеру и содержанию имеет большое сходство с речами ап. Петра, сказанными иудеям. Причиной сходства между речами двух апостолов было единство в направлении и воззрениях слушателей, которым они хотели раскрыть проповедь о Христе и к которым приспособлялись в своем слове. Подобно ап. Петру и архидьякону Стефа-

ну ап. Павел припоминает слушателям историю особенного попечения Божия о народе израильском, избравшего отцов их в наследие Себе, припоминает далее проповедь Иоанна Крестителя и его свидетельство о Мессии, грядущем по нем, и затем возвещает слово спасения, посланное сынам рода Авраамова, обетованное отцам и исполненное чадам их, — слово о Христе, Которого живущие в Иерусалиме и князи их не признали и, не разумея что делали, осудили и убили, исполнив через то все пророчества, о Нем бывшие, но Которого Бог воскресил из мертвых. Указав на необычайное событие, служившее исполнением прежних пророчеств, ап. Павел поясняет его пророческими изречениями Давида и других пророков и посредством сближения события с предсказаниями хочет проложить путь вере в воскресшего Спасителя. Новое, что здесь ближе напоминает учение ап. Павла, с особенной силой раскрытое в его посланиях, — это слово о вере спасающей и оправдывающей, дающей то, чего не мог дать закон Моисеев. Речи заканчиваются предостережением от неверия, которое апостол выражает словами пророка Аввакума: *Блюдите убо,* говорит он, *да не приидет на вас реченное во пророцех. Видите нерадивии и чудитеся, и узрите и исчезнете: яко дело аз соделаю во дни ваша, ему же не имате веровати, аще кто повесть вам* (Деян. 13: 16–41).

В этой речи видно такое же приспособление к воззрениям слушателей, как и апп. Петра и Стефана. Приспособляясь к слушателям в развитии мыслей, ап. Павел опирается на ветхозаветный закон и пророческие изречения; снося с пророчествами тяжелое событие обвинения и смерти Иисуса Христа и извиняя неведением совершенное иудеями, живущими в Иерусалиме, он старается внушить слушателям доверие к своему слову и расположить к предмету речи. Пример немногих лет внушал апостолу опасение, что иудеи писидийские отнесутся к проповеди о Христе с такой же холодностью, как и иудеи иерусалимские. Это опасение заставило его заключить свою речь предостережением, обращенным к их отцам. Апостол это предостережение выражает не своими словами, а словами пророка, для того чтобы устранить от себя его жестокость и чтобы придать ему больше силы и авторитета в глазах иудеев.

Опасение апостола сбылось. Впечатление от его речи было очень сильное: многие после этой речи просили Павла и Варнаву придти в синагогу в другую субботу и продолжать проповедь; в течение недели многие иудеи и прозелиты приходили к Павлу и Варнаве, и они их учили и обращали к вере. Но когда в другую субботу почти весь город сошелся в синагогу слушать Павла, иудеи, по зависти, воспротивились проповеди апостола и не дали ему свободы речи. Тогда Павел и Варнава, обратившись к ним, сказали: *вам бе лепо первее глаголати Слово Божие: а понеже отвергосте е, и недостойны творите сами себе вечному животу, се обращаемся во языки* (Деян. 13:46).

ГЛАВА 14

Проповедь Павла и Варнавы в Иконии, потом в Листре и Дервии (14: 1–7)

Сочинения Иннокентия Херсонского, т. 9;
«Рассказы из истории Христианской Церкви» Бахметевой, ч. 1

Подобные плоды принесла проповедь Павла в Иконии. Великое число язычников и иудеев признало над собою победу Евангелия, но некоторые из последних были столь упорны, что отвращали от веры и других. Постоянство апостолов, которые, несмотря на опасность, продолжали трудиться над обращением заблудших, дало время созреть злобе врагов их. Дошло до открытого возмущения: весь город разделился на две части, из коих одна почитала Павла и Варнаву за посланников Божиих, другая обвиняла их как врагов отечественной религии. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слепыми вождями, текла для умерщвления свидетелей истины, но они, быв заблаговременно предварены об угрожающей им опасности, удалились в ликаонские города – Листру и Дервию (Деян. 1–7).

Есть предание, что во время пребывания своего в Иконии святой апостол Павел обратил ко Христу молодую язычницу по имени Фекла. Уверовав всем сердцем, девица отказалась от брака с язычником, которому она была обручена, и подверглась страшным гонениям от семьи своей. Сама мать обвинила ее перед начальством, и девицу осудили на смерть. Она должна была погибнуть в огне, но Господь чудесным образом спас ее, и Фекла посвятила всю жизнь свою служению Богу, ревностно проповедовала Евангелие, не страшась никаких угроз и гонений, была вторично осуждена на смерть в Антиохии и вновь спасена силой Господа. Она скончалась в глубокой старости близ Селевкии, благовествованием и примером святой жизни обратив ко Христу множество язычников. Святая Церковь называет ее первомученицей и равноапостольной и чтит ее память 24 сентября.

Исцеление хромого в Листре и попытка тамошних христиан принести им жертву (14: 8–18)

В Листре чудодейственная сила Павла оказала самое необыкновенное действие на сердца жителей; доказательством сему служит следующий случай: между слушателями Павла находился один нищий, который не владел ногами от самого рождения. Сила слова, а может быть, и слух о необыкновенных деяниях новых проповедников столько расположили его к христианству, что он в духе живой веры ожидал от них себе исцеления.

Павел прочел его сердце на его лице и именем Иисуса Христа велел ему встать на ноги и ходить; хромой вскочил как бы никогда не был хром. Такое чудо должно было уверить всякого в непосредственном содействии Божием тому человеку, который произвел его, но в глазах ликаонцев-идолопоклонников оно казалось признаком непосредственного присутствия самих богов. «Боги, — говорили они, — в человеческом образе сошли к нам». Варнава, как старший летами, был почтен за Юпитера, а Павел, отличавшийся даром слова, — за Меркурия*. Весть о явлении богов немедленно распространилась по всему городу. Жрец Юпитера спешил приготовить жертву и вывел за город (где было произведено чудо) волов, увенчанных венками, дабы вместе с народом совершить жертвоприношение.

Чудотворцы не менее ликаонцев поражены были изумлением, когда узнали, что им приготовляется Божеская почесть. Раздрав одежды свои, они бросились в середину народа (который, вероятно, несколько удалился от них из благоговения), восклицая: «Братия! Что вы делаете? Мы не боги, а люди вам подобные. Мы проповедуем, чтобы вы оставили ложных богов, вами почитаемых, и обратились к единому истинному Богу, Который есть Творец неба и земли. Он попустил язычникам ходить до времени своими путями, следовать своему нечистому образу мыслей о Боге, впрочем, никогда не оставлял их без свидетельства о своем бытии. Блага, коими вы наслаждаетесь, дожди, упадающие с неба, благорастворение воздуха, плодоносие полей и виноградов ваших — все сие есть дар Его отеческой десницы». Сии разительные слова едва убедили суеверный народ оставить свое безумное намерение.

Гонение там на апостолов, обратное путешествие по новообращенным обществам и возвращение в Антиохию Сирскую (14: 19–28)

Иннокентий, архиепископ Херсонский. Сочинения, т. 9

Неимоверное уважение ликаонцев к Павлу и Варнаве заставляло ожидать, что весь город их обратится ко Христу. Так, конечно, и было бы, но иудеи

* Почему ликаонцы почли апостолов за Юпитера и Меркурия, а не за других каких-либо богов? 1) Древние язычники верили, что боги посещают иногда города им посвященные, а в Листрах был храм Юпитера (Деян. 14:3). Вероятно также, что и Меркурий, как бог торговли, уважаемый особенно всеми жителями Малой Азии, имел храм в сем граде. 2) Из мифологии известно, что Меркурий имел обыкновение сопровождать Юпитера во время его нисшествия на землю. Каждый ликаонец содержал в свежей памяти басню о посещении Филемона и Бавкиды Юпитером и Меркурием, что случилось во Фригии, смежной с Листрами.

прекратили все дело. Воспрепятствовав успехам Евангелия в Антиохии и Иконии, они не могли равнодушно слышать об успехах апостолов между ликаонцами, пришли в Листру и клеветами своими до того довели бессмысленный народ, что он побил камнями того самого человека, который недавно почитаем был за Меркурия. Изнемогший под ударами, Павел пал на землю и, почитаемый за мертвого, был вытащен за город как злодей недостойный погребения. Какое торжество для злобных врагов его! Но истина бессмертна. Те из листрян, кои остались верными Христу, собрались вокруг своего полумертвого учителя. Подкрепляемый благодатью и чистой совестью, он собрал силы свои, встал и в сопровождении их возвратился в город. Поелику нельзя было ожидать успеха проповеди над ожесточенным народом, то Павел удалился из Листры в Дервию. Бедствие, претерпенное им в первой, вознаграждено было духовным утешением в последней: здесь многие со всем усердием присовокупились к числу учеников Господа (Деян. 14).

Нельзя при сем случае не заметить, что между противниками христианской религии всегда почти первые и упорнейшие были иудеи, — замечание, оправдываемое не только историей апостольского служения Павла, но и всей историей христианства первых веков. Закоренелый предрассудок, что они одни, вследствие завета Божия с Авраамом, имеют право на благодеяния Божии, ниспосланные в лице Мессии, ложные мнения, что исполнения обрядового закона достаточно для оправдания себя перед судом Божиим, и другие предрассудки, питаемые гордостью и корыстолюбием, преграждали путь к сердцам иудеев благотворному учению о вере в Иисуса Христа. Им нужна была не такая религия, которая сравнивала бы их с язычниками ими презираемыми, а такая, которая еще более возвышала бы их мнимые права и преимущества. Не таково было состояние язычников. Им нечем было хвалиться по плоти, они не считали между своими предками Авраамов и Давидов, *не участвовали в заветах обетования, не имели надежды и были как бы без Бога в мире* (Еф. 2:12). Приверженность к бездушным идолам, ослабляемая философией и здравым смыслом, уже давно погасла во многих; потребность новой, лучшей религии давно пробудилась и соделалась почти всеобщей потребностью времени, посему-то многие из язычников уже тайно или явно держались иудейства, которое, при всех несовершенствах своих, привлекало сердца служением единому Богу. Но иудеи, позволяя язычникам участвовать в своих благочестивых собраниях и разделяя с ними надежду жизни вечной, не переставали, однако же, выставлять перед ними свое преимущество; не стыдились твердить, что язычник не иначе может войти в рай, как под ризой иудея. Итак, могли ли язычники равнодушно слушать провозвестников Евангелия, которые отверзали для них врата Царствия Небесного, затворяемые равви-

нами; могли ли не прославлять благость Божию (Деян. 13:48), которая простерла и на них отеческий взор свой, даруя им религию, коей давно искало их сердце? Естественно, что они охотнее иудеев преклонялись под легкое иго Евангелия и постояннее носили оное.

На возвратном пути в Антиохию Павел снова посетил учеников в Листре, Иконии и Антиохии Писидийской. В его отсутствие они должны были потерпеть много озлоблений как от иудеев, так и от язычников, оставшихся во тьме идолопоклонства, а посему присутствие его было для них присутствием ангела-утешителя. Земные утешения не могли иметь места в сем случае: вера питается не землей, а небом. Павел старался открыть для них неисчерпаемый источник утешения в самом существе принятой ими религии, вразумляя их, что Царствие Божие, внутреннее соединение с Богом в духе, не иначе может быть достигаемо, как путем скорбей и искушений. Для устроения внешнего порядка между новообращенными и для распространения истинной веры и святой деятельности он рукоположил к каждой церкви пресвитеров и, препоручив их Господу, отправился в дальнейший путь. Прошед через Пергию, в коей проповедали Слово Божие, путешественники достигли Атталии, из коей отплыли обратно в Антиохию. По прибытии их немедленно собрались все верующие – каждый желал слышать об успехах проповеди. Повествование Павла исполнило сердца всех радостью и благодарением Промыслу, Который отверз дверь веры для язычников.

В апостольских деяниях не сказано, как долго продолжалось первое путешествие Павла для обращения язычников. Надобно полагать, что в продолжение его протекло около двух лет. Надлежало употреблять время и на путешествие, и на проповеди, и на устроение новосозидаемых Церквей. О пребывании Павла в Иконии именно сказано (Деян. 14:3), что оно продолжалось довольно долго. Притом апостолы, как можно заключать из 14:6, проповедовали и в некоторых других городах, о коих не упоминает св. Лука.

О необходимости скорбей для достижения Царства Небесного (14: 21–22)

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Возвратишася в Листру и Иконию и Антиохию, утверждающе души учеников, моляще пребыти в вере и яко многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие. Сие сказание святого евангелиста Луки о проповеди святых апостолов Павла и Варнавы представляет способ наставления довольно необыкновенный. Цель наставления, как вы видите из самого сказания, была

та, чтобы утвердить души учеников в вере. Какое же средство употребляют для сего богомудрые наставники? Они предсказывают верующим скорби, и скорби необходимые, потому что через них надобно достигать Царствия Божия. *Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие.* Не надлежало ли опасаться, что сия истина грозная поколеблет веру, а не утвердит? Не лучше ли было бы скрыть опасное предусмотрение опасностей? Но нет! Апостолы не скрывают учения о скорбях предстоящих на пути к Царствию Божию – видно, нужно сие учение. Они предлагают сие учение, желая утвердить души учеников в вере – видно, есть в сем учении сила для утверждения веры.

Многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие. Апостолы не говорят: многими познаниями подобает внити в Царствие Божие, хотя сие, по-видимому, было бы сообразно с *сокровищами премудрости и разума* (Кол. 2:3) сокровенными во Христе. Видно, многие познания полезны, но не совсем необходимы для достижения Царствия Божия. В самом деле, мытарь достиг оправдания не многими познаниями, не многим смирением, не высокими созерцаниями, но очень простой молитвой: *Боже, милостив будимне грешному* (Лк. 18:13).

Не говорят: многим временем подобает внити в Царствие Божие, хотя и на земле многое достигается не скоро, а небо, кажется, далее земли. Видно, продолжительность времени не есть строгое условие приближения к Царствию Небесному. В самом деле, разбойник на кресте в несколько часов и даже, может быть, в несколько минут совершил путь от врат адовых до дверей рая.

Не говорят: многими трудами и подвигами подобает внити в Царствие Божие, хотя то правда, по слову Самого Иисуса Христа, что *Царствие Небесное нудится* (Мф. 11:12). Видно, успех усилий, которыми достают Царствие Небесное, не всегда определяется тягостью трудов и числом подвигов. Перстень сына царствия дан блудному сыну скорее, нежели он окончил труд договорить покаянную речь оскорбленному отцу. Он едва успел изобразить свое недостоинство: *Отче, согреших на небо и пред Тобою, и уже несмь достоин нарещися сын Твой* (Лк. 15:21), а не успел еще принести просьбы, как ему даровано более, нежели он смел желать и надеяться.

Не многими познаниями, не многим временем, не многими трудами, но – говорят апостолы – *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие.* Видно, скорби паче других средств и пособий нужны и полезны для достижения Царствия Божия.

Разум, не довольно покоренный вере, не довольно ею просвещенный, не вдруг усмотреть может, подлинно ли и почему путь к Царствию Божию должен лежать непременно через скорби. Что, кажется, за необходимость заставлять человека страдать, чтобы потом сделать его блаженным? От-

сюда может родиться догадка, не относится ли учение о скорбях ради Царствия Божия только до первенствующих христиан, которым надлежало вытерпеть гонения от иудеев и язычников, до утверждения христианства во вселенной. Сим подлинно христианам и в сих обстоятельствах апостолы Павел и Варнава говорили о *многих скорбях* ради Царствия Божия и притом вскоре после того, как Павел перед их глазами, в Листре, едва не до смерти побит был камнями за проповедование христианства. Но что учение о скорбях ради Царствия Небесного есть не временное только и частное, а всегдашнее и всеобщее в христианстве – в сем нетрудно удостовериться из наставлений Самого Иисуса Христа, не случайных и примененных к особенным обстоятельствам, но коренных и всеобщих.

Почему Царствие Божие достигается не иначе, как многими скорбями (14:22)?

Никанор, архиепископ Херсонский. «Беседы и поучения», т. 4

Бог есть потребность скорбящего сердца, – говорилось в старой философии. Эта истина основана на психологическом, на душевном опыте. Известно, что в счастье человек легко забывает Бога, в несчастье же, наоборот, вспоминает Бога и забывший Его. Самый стон скорбящей души, самый вопль боли ею испускаемый, самое чувство беспомощности, естественно рождающееся в минуты невзгоды внешней и неисходной тоски внутренней – все это невольно обращает очи страждущего к небу с верой ли, без веры ли. Само безверие тогда естественно стремится переродиться в веру, сама безнадежность невольно окрыляется хотя слабой надеждой, увлекаясь естественным и невольным желанием выбиться из тоски и отчаяния, избавиться от душевно-телесной боли, устранить от себя грозу смерти, отвратить от себя, как наиболее противный и возмутительный, безысходный мрак смерти вечной, понимать ли ее как муку вечную или же как вечное уничтожение. Бывает, что люди накликают на себя смерть, даже причиняют ее себе, но это преступное движение чувства и воли, а иногда и самоубийственной руки, всегда, по крайней мере в самой большей части случаев, бывает порывом отчаяния и малодушия. Глядеть же всегда или же слишком часто в лицо смерти и смертной или посмертной муке слишком противоестественно – тогда человеку непременно захочется жить для света и радостей, просто даже для ощущения жизни; захочется опереться на высшую силу, способную отвратить смерть и смертную муку, как и всякое страдание; захочется прибегнуть к Богу, Владыке жизни и смерти, Богу, Подателю всех благ и Спасителю от всех зол. Частые скорби и страдания, постоянные же опасности, а особенно опасности смертные, держат душу в постоянном напряжении, в постоянном обра-

щении и стремлении к Богу Спасителю. А сохраняя и поддерживая душу в этом направлении, соблюдают ее, по возможности, от всякой скверны плоти и духа и, действительно, приближают к Богу, приближают не одним только обращением и стремлением к Богу, но и очищением и усовершенствованием, соблюдением заповедей Божиих и богоугождением. Так и достигает человек Царствия Божия многими скорбями.

Потому-то его же любит Господь, наказует; бьет же всякого сына, его же приемлет за сына с любовью Отца. Потому-то, когда человек не погибельный забывается, Бог насылает на него скорби, ввергает его в пещь искушения, в которой человек и искушается, яко злато в горниле. Когда забывается и народ благоверный, Бог ввергает его в пещь или войны, или заразы, или голода и других всенародных бедствий. И смотрите, вспомните, как в годину всенародного искушения дух народа возвышается, как вера крепнет, как теплота народного благочестия возрастает, народные молитвы множатся, становятся неотступнее, доблестные подвиги терпения и самоотвержения, веры и верности, человеколюбия и милосердия учащаются, становясь даже заурядными и обычными, — и общество, в другие поры даже легкомысленное и во многих отношениях несовершенное, в годину народного бедствия больше и больше уподобляется Царствию Божию на земле. Посмотрите, подумайте, как воины на войне, как моряки на море, которым смерть так часто и упорно глядит в глаза, как они, тайно ли, явно ли, но почти всегда и почти все в душе бывают невольно и естественно обращены к Богу, и как иные потрясения в бурях ли морских, в бурях ли сражений отражаются сильными и более или менее благотворными потрясениями в сердцах — нередко на всю жизнь до гроба — провожая и за гробовую доску.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 13–14 ГЛАВАМ

1) Чтения о св. ап. Павле: Кипр, Антиохия Писидийская. «Воскр. чт.», 1872, 1.
2) Ст. 1. Манаил. Библ. поп. сл. «Воскр. чт.», 1876, 2.
3) Ст. 6–13. Пафос. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1877, 1.
4) Ст. 7. Проконсул. Там же.
5) Ст. 9. Павел или Савл. Там же.
6) Ст. 13. Пергия. Там же.
7) Ст. 14. Писидия. Там же, 223. Антиохия Писидийская. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.
8) Ст. 21. Икония. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1875, 2.
9) 14 гл., ст. 22. Объяснение. «Воскр. чт.», 7.
10) О необходимости скорбей на пути к Царствию Божию. «Христ. чт.», 1839, 1.
11) Чтения о св. ап. Павле: Икония и Листра. «Воскр. чт.», 1872, 1.
12) Ст. 6. Дервия. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1874, 2. Ликаония. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 2. Листра. Там же.

13) Ст. 12. Меркурий или Ермий. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1876, 2.

14) Ст. 25. Атталия. Б. п. сл. «Воскр. чт.», 1874, 2.

15) 13 гл.; 14–41 ст. Ранинского. О речи св. ап. Павла в Антиохии Писидийской. «Стран.», 1890, 3.

16) 13–14 гл. *Прот. Михайловский.* Первое миссионерское путешествие Павла и Варнавы (45 г.). Св. ап. Павел, 21-26.

17) *Иннокентий, архиеп. Херсон.* Первое апостольское путешествие св. Павла, т. 9.

18) О том же. *Фаррар.* Жизнь и труды св. ап. Павла, 1.

ГЛАВА 15

Спор между христианами из иудеев и христианами из язычников и апостольский Собор в Иерусалиме (15: 1–35)

Протоиерей Горский. «История евангельская и Церкви апостольской»

Тогда как христианство все более и более распространялось между язычниками в Антиохии, а отсюда в Сирии и Киликии – угрожало возникнуть между новыми Церквами несогласие, или раскол, который мог вести за собой и постоянную вражду двух главных составных частей Христианской Церкви. Пришли в Антиохию из Иерусалима державшиеся строгого фарисейства христиане, которые говорили язычникам, что они без обрезания не могут иметь части в Царстве Божием, и спорили с Павлом и Варнавой относительно проповедуемого ими учения. Церковь Иерусалимская, по всей вероятности, состояла из одних обращенных иудеев. Обращаясь ко Христу, они, как иудеи, еще продолжали соблюдать уважение к своему иудейскому закону не только в делах гражданских, но и в церковных, так как те и другие тесно были соединены между собой. Таким образом, верующие иудеи соблюдали, как и прежде, праздники и другие обряды иудейской религии подобно тому, как Сам Спаситель во время земной жизни подчинялся закону (Деян. 21: 20, 21). В этом они оказывали более ревности, нежели обратившиеся иудеи из рассеяния или эллино-евреи.

Жившие вне Иерусалима иудеи и прежде не так тесно были привязаны и к храму, и к жертвам. Они только от времени до времени посещали Иерусалим на праздники или довольствовались и тем, что посылали деньги на содержание храма и на жертвы, между тем собирались в синагогах для чтения священных книг и наблюдали иудейские законы о пище и очищениях. Теперь, когда обращались они в христианство, то или совсем оставляли закон, или, по крайней мере, еще слабее были привержены к нему; им не стоило большого труда войти в общение с обращающимися язычниками, от которых не требовалось соблюдение закона иудейского. Сна-

чала они, может быть, не оставляли своих синагог, но с течением времени, не находя в них такого назидания для себя, как в собраниях христианских, и не видя надежды подействовать благоприятно в пользу христианства на своих единоплеменников, оставляли мертвые училища; сближаясь с обращенными язычниками в церковной и домашней жизни, с ними вместе принимали пищу, оттого и правила иудейские о пище и очищениях мало-помалу приходили в забвение. Через несколько лет (лет через 10) некоторые иудеи, обращенные в христианство вне Палестины, перестали совершать обрезание и над своими детьми — последний решительный признак того, что они совсем отказывались от иудейства.

Так было между обращенными иудеями вне Палестины. Но не так – в Иерусалиме. Хотя и иерусалимские христиане имели свои собрания для совершения таинств своей веры и взаимного назидания, но не оставляли посещать и храм и исполнять другие обязанности верного иудея. Само собою разумеется, что апостолы и другие богопросвещенные мужи не поставляли в этом никакой особенной святости и потому согласились признать своим братом о Христе и Корнилия, обращенного язычника, хотя он не был из числа обрезанных, потому не требовали, чтобы и впредь язычники, обращающиеся в христианство, обязываемы были к соблюдению иудейского закона. Но не все так рассуждали. Многие ревнители закона (Деян. 21:20) думали, что и для язычников закон необходим к оправданию и наследию Царствия Божия (Деян. 15:1), поэтому не хотели допускать их в Церковь прежде, нежели совершено будет над ними обрезание, как над прозелитами. Таким образом, неудивительно, что им не нравились распоряжения Павла и его сотрудников.

Христиане антиохийские для разрешения сего спора положили отправить нарочитых мужей в Иерусалим; естественно, выбор пал на Павла и Варнаву, так как они всех деятельнее занимались проповедью между язычниками. Павел имел и свои на то причины, которые и без общественного поручения побуждали его предпринять такое путешествие. Теперь представлялось ему самым необходимым делом объясниться с апостолами об отличительном образе своего проповедания между язычниками, чтобы при разности способов, необходимой по разности места действования, соблюсти единство духа и отвратить все несогласия, которые бы могли возмутить сознание этого существенного единства. Божественным *откровением* он был уверен, что точно такое объяснение теперь для блага Церкви необходимо (Гал. 2:2). И таким образом, в 14 г. по своем обращении, как сам говорит в Послании к Галатам, он отправился в Иерусалим с намерением предложить там наиболее уважаемым апостолам образ своего проповедания Евангелия между язычниками, чтобы они не подумали, что все его действия напрасны, но узнали, что он проповедовал то же самое Еван-

гелие, какое и они, и что это Евангелие с такой же Божественной силой действовало между язычниками, как между иудеями. Чтобы представить живой пример действия Евангелия между язычниками, Павел взял с собой одного обращенного им юношу языческого происхождения — Тита, который потом был особенным его сотрудником в проповедании. В Иерусалиме прежде, нежели приступлено было к общественному исследованию, были произведены частные сношения*. Павел представил апостолам Петру, Иоанну и Иакову (Гал. 2:9) подробный отчет об образе своего проповедания Евангелия язычникам и плодах своей деятельности. Они признали божественность его призвания и были слишком далеки от того, чтобы учить его; согласились с ним, чтобы он продолжал действовать независимо между язычниками и только бы не забывал внушать новообращающимся церквам, чтобы они помогали в телесных нуждах Церкви Иерусалимской (Гал. 2: 1–10).

Даже в отдельных обществах, где Павел и Варнава рассказывали о том, что Бог сделал через посредство их проповеди между язычниками, их известия были принимаемы с радостным участием. Но некоторые из обращенных фарисеев начали настаивать, чтобы язычники вместе с Евангелием принимали и обрезание, и только под этим условием соглашались признать их своими братьями (а потому даже требовали, чтобы Тит был обрезан). Павел защищал равенство прав язычников в Царстве Божием с обрезанными на основании одной веры в Искупителя (и потому не уступал даже и относительно Тита, потому что его уступка была бы сочтена за знак согласия на утверждаемое ими учение). Эта неуступчивость повела к дальнейшим спорам. Стало необходимо рассмотреть это дело целой Церковью. Собраны были избранные члены ее**. В этом собрании много было прений с той и другой стороны. Наконец выступил апостол Петр со своим предложением, которое основывал на собственном опыте. «Вы знаете, — говорил он к собравшимся, — что задолго пред сим*** меня самого избрал Бог на то, чтобы возвестить в первый раз язычникам Евангелие. И когда Бог, Который взирает на сердце, сообщил им Духа Своего Свято-

* Так как Павел в Послании к Галатам говорит только о частных сношениях (κατ' ἰδίαν), то с первого взгляда это кажется противоречащим с повествованием Деяний апостольских. Но это противоречие доказывает только то, что в двух этих повествованиях не об одном и том же идет дело. Но сперва могли быть частные сношения, потом — общее рассуждение. Следовательно, то и другое повествования могут относиться к одному и тому же предмету.

** Πᾶν τὸ πλῆθος Деян. 15:12 σὺν ὅλῃ τῇ ἐκκλησίᾳ 22. Но по своей многочисленности едва ли могла быть собрана вся Церковь.

*** Ἀφ' ἡμερῶν ἀρχαίων — это показывает, что от обращения Корнилия до Собора много прошло времени.

го так же, как верующим из иудеев, то этим засвидетельствовал, что язычники более не имеют никакой нечистоты в глазах Его; что, очистив сердца верою в Искупителя, они стали столько же чисты, как и верующие иудеи. Как же можно быть столь дерзким, чтобы сомневаться во всемогуществе и благости Божией и утверждать, что Бог не может допустить язычников к участию в благах Царства Небесного без закона? Зачем вы хотите положить на верующих то, чего ни сами, ни отцы ваши не могли снести?» Под этим игом Петр разумел, конечно, не внешнее соблюдение обрядов само по себе, так как и сам их соблюдал и не хотел, чтобы не соблюдали их иудеи, но понимал такое их соблюдение, которое происходило от внутреннего господства закона над совестью, с которым соединялась мысль, что от него зависит оправдание и блаженство, отчего страшились за малейшее уклонение от закона лишиться спасения, отчего рождалось мучительное беспокойство, измыслявшее различные предосторожности против всякого нарушения закона. Понимая таким образом свое положение, Петр мог присовокупить: но и мы верою в Искупителя нашего освобождаемся от ига закона — он не составляет для нас более средства оправдания, и мы вместе с язычниками веруем, что спасемся благодатью Господа нашего Иисуса Христа.

Слова Петра произвели глубокое впечатление на многих. За Петром восстал Варнава, пользовавшийся еще прежде великим уважением в этой церкви, потом Павел. Оба прибавили к событиям, указанным Петром, новые из своего собственного опыта, которыми подтверждалась мысль Петра, и рассказывали о чудесах, коими Бог подкреплял их в их действиях. Когда, таким образом, сердца всех были приготовлены, начал говорить апостол Иаков, брат Господень, который за строгое соблюдение закона находился в великом уважении даже между иудеями и которого голос тем более мог найти доверенности в этом случае. Он заключил совещание предложением, которое имело целью войти в посредство между спорящими сторонами. Опираясь на речь Петра, он говорил: «Уже показано было, как Бог в первый раз принял язычников, чтобы образовать Себе из них Священное Царство. С этим согласовались и предсказания пророков, которые возвещали, что в то время, когда падший престол Давидов восстановится, тогда почитание Бога истинного распространится и между язычниками. Поэтому ничего нет странного в том, что теперь совершается у язычников. Бог, Который все это творит, исполняет только Свой вечный совет, и так как вследствие этого вечного совета и язычники имеют войти в Царство Мессии, то никто да не дерзает останавливать или затруднять течение этого дела. Поэтому не должно налагать на язычников никакой излишней тяжести. Нет нужды ни к чему их обязывать, кроме только того, чтобы они воздерживались от ядения мяса идо-

доженртвенных, мяса животных удавленных, крови убитых животных и от блуда. Этого достаточно для обращающихся язычников*, потому что везде, где живут иудеи, закон Моисеев через еженедельное чтение в синагогах укоренился глубоко в сердцах их, и неуступчивость даже в этом может рождать только волнения». (Но что касается до верующих из иудеев, то они не требуют особых правил. Они знают, что они, как иудеи, должны соблюдать; в каждом городе, где есть иудеи, там читается в каждую субботу в синагогах закон).

Это предложение имело целью содействовать прекращению возникшего спора между христианами из иудеев и христианами из язычников взаимным сближением той и другой стороны. Соблюдение этих заповедей христианами из язычников могло служить к тому, чтобы смягчить и мало-помалу истребить то отвращение, с каким природные иудеи смотрели на христиан из язычников — нечистых, из владычества идолопоклонства вышедших людей. Если верующие иудеи не могли победить своего предрассудка против верующих язычников по причине необрезанности, то тем труднее бы было их сблизить между собою, когда бы язычники не согласились соблюдать и того, что требовалось от обыкновенных прозелитов; если бы не отреклись от того, что по иудейскому понятию тесно было соединено с идолопоклонством и нечистой идолопоклоннической жизнью. Содействуя, таким образом, сближению христиан из язычников с христианами из иудеев, эти заповеди, с другой стороны, служили к большому отдалению первых от обыкновенного языческого образа жизни, к предостережению их от соблазнов окружающего язычества и языческих пороков. При этом странным могло бы показаться, что наряду с обрядовыми, только для определенной цели положенными заповедями, поставлено запрещение прелюбодеяния — запрещение, имеющее силу во все времена, основывающееся на чисто нравственном начале. Но связь, в какой это запрещение здесь встречается, дает и разрешение о причине и цели такого особенного напоминания. Πορνεία здесь упоминается только в том отношении, в каком и предыдущие части, то есть по причине связи с идолослужением, как казалось это иудеям; еще из книг ветхозаветных они научились идолопоклонство и прелюбодеяние представлять между собой неразрывно соединенными; кроме того, пороки этого рода действительно были соединены с некоторыми отраслями идолослужения, и, вообще, строгое понятие о целомудрии далеко от начал натуральной религии. Здесь идет дело не об особом нравственном правиле христианства —

* Большая часть этих запрещений считается между семью заповедями, к которым люди были обязаны прежде закона Моисеева, которые Бог дал сынам Ноевым и которые соблюдать должны были прозелиты врат.

в этом случае запрещение не было бы поставлено так отдельно, как чисто положительное, напротив, было бы выведено из целой системы христианского вероучения и нравоучения, как это делается в посланиях. Здесь идет дело только о старом иудейском отвращении ко всему, что имеет какую-нибудь связь с язычеством, и это отвращение теперь переносится на некоторые части в Церковь Христианскую.

Когда это предложение всеми было принято, то от всей Церкви написано было послание (первое апостольское послание) к церквам из язычников в Сирии и Киликии, которое имело целью положить предел произведенным иудаистами возмущениям. В нем ясно было сказано, что эти люди, действуя самовольно, совсем не были уполномочиваемы так поступать ни апостолами, ни пресвитерами иерусалимскими. А Варнава и Павел, которых иудаисты, вероятно, выдавали за повредителей учения Христова, представлены истинными и ревностными проповедниками Евангелия, людьми предавшими души свои о имени Господа Иисуса Христа. И чтобы придать этому определению более действительности и ясности, из среды самой Церкви Иерусалимской избрали двух почтенных мужей – Иуду и Силу – которые могли дать Церкви наставления и утверждение*.

Определение апостольского Собора в Иерусалиме составляет важную эпоху в истории Церкви апостольской. Первое несогласие, возникшее в христианстве, было немедленно предано общественному рассуждению и приведено в ясность; вместе с тем было признано, что это несогласие должно разрушать единство Христианской Церкви. Хотя в развитии Церкви между иудеями и язычниками должна была оставаться очень важная и поразительная разность по внешности, но притом должно быть сохраняемо и существенное единство Церкви, основывающееся на внутреннем общении веры и жизни. Это единство независимо от внешних разностей. Пусть одни наблюдают такие внешние обряды, другие нет, но те и другие по силе общей веры в Иисуса, как Искупителя, имеют Духа Святого верным споручником их участия в Царстве Божием. Впрочем, эта разность простиралась и не на одну только внешность, но, как можно было заключать из особенности иудейского взгляда на христианство, с нею соединились и другие догматические разноречия, которых теперь только не высказали и которые после, если не будут побеждены силой глубже и глубже водворяющегося Духа, восстанут тем с большей силой. Самое посредство,

* В определении апостольского Собора (Деян. 15: 20, 29) в некоторых списках и в переводе читается прибавление: *и елика не угодна себе суть, инъм не творити*. Что это позднейшее пополнение, можно видеть из самого определения; по греч. тексту ἐξ ὧν διατηροῦντες нельзя перевести: *соблюдая сие*, но *удерживаясь от сего*, а это можно отнести только к ἀπέχεσθαι τῶν εἰδωλοθύτων.

сколько оно ни было благоразумно, не могло уничтожить глубоко основанного раздвоения, если не уничтожится оно действием того же Духа, от которого произошло это посредство. Так как христиане, фарисейски мыслящие, издавна привыкли считать только то христианство подлинным и совершенным, единственно дающим право на обладание всеми преимуществами членов Царства Божия, которое тесно соединено, сплавлено с иудейством, то меры апостольского Собора были еще не совсем сильны произвести переворот в их образе мыслей. Они могли или совсем не смотреть на определение Собора Иерусалимского, как бы его вовсе не существовало, или толковать его по своему разумению и в свою пользу, то есть соглашаясь, что наблюдение закона не поставлено в обязанность христианам из язычников, но отсюда еще не должно выводить того, чтобы язычники не делали лучше, если бы добровольно, из любви к Иегове, соблюдали весь закон. И как прежде этого Собора они не стыдились ссылаться на авторитет апостолов, хоти они, как сами ясно говорят, отнюдь не давали полномочия так поступать, так могли и впоследствии делать то же и еще более — употреблять к тому местную отдаленность Церквей языческих от иерусалимской.

Однако в первый раз важность апостольского посредства заставила умолкнуть крики иудаистов, и разделение было примирено. Уже впоследствии оно опять вспыхнуло.

Апостольский Собор в Иерусалиме

Фаррар. «Жизнь и труды святого апостола Павла», т. 1

За Павлом и Варнавою восстал Иаков. Каждый из присутствовавших чувствовал, что окончательное решение Церкви будет зависеть от того, что скажет этот древний летами апостол. К его личности, его словам, его действиям каждый из братьев чувствовал особое благоговение. Таинственно и высоко было носимое им имя «брата Господня». Такими же таинственностью и величием исполнены были его положение в Церкви, его одежда, его образ жизни и вся вообще наружность. Предание, содержащееся в евионитском рассказе, помещенном у Егезиппа, говорит, что он никогда не надевал шерстяной одежды, а был облачен с головы до ног в белую льняную и, по принадлежности ли к священническому роду или по званию епископа Иерусалимского, носил на груди petalon, или золотую доску, которую возлагали на себя одни первосвященники. Рассказывают, что он был настолько свят и так высоко уважаем всем иудейским народом, что ему одному дозволялось наравне с первосвященником входить во Святая, что он не был женат и вел жизнь аскетическую, что он проводил в храме целые часы один в молитве за народ, так что кожа на

коленях огрубела и ожестела, как кожа верблюда, что он обладал властью творить чудеса, что низводил молитвой дождь, что только по его заслугам Господь отвратил гнев Свой на иудеев, что он получил прозвания Праведный и Obliah, или оплот народа, что он провозвещен был пророками. Может быть, что часть этого рассказа принадлежит к древним легендам, но ведь и легенды, как кто-то хорошо выразился, похожи на собирающиеся над высокими горами облака, которые окутывают гору и принимают вид ее вершины.

Таков был человек, который поднялся со своего места, чтобы держать слово, и которого строгий вид характеризовал твердость его убеждений, неумытность его судов и резкость его речи. Мнение его важно было потому, что оно не могло было не быть принятым общиной, в которой он пользовался властью, хотя чисто местной и ограниченной, но более широкой, чем даже власть св. Петра. Самые фанатичные ханжи не считали себя вправе не подчиняться суду человека, который был до глубины своего существа христианином, а вместе с тем и иудеем. На него не обращенные в христианство евреи смотрели с почтением, потому что он, хотя высоко ценил учение евангельское (Иак. 1:25; 2:12), но, тем не менее, как видно из его послания, питал ко всему древнему закону высокое уважение и, по преданиям, был точным исполнителем всей его обрядности.

Речь его доказывает, что личные беседы с апостолом Павлом оставили глубокие следы в душе этого замечательного святого человека, который отказался от борьбы против того, что совершено под руководством Святого Духа. Св. Петр широко изложил принцип о необходимости обрядового закона для язычников. Но если бы поступил таким же образом и св. Иаков, то он не остался бы верен ни самому себе, ни тому, что мы о нем знаем, ни тому, что написано в его Послании. Впрочем, если речь его и различна от слова св. Петра, то в конце концов признает, что обрезание и обрядовые законы, в полном их составе, не существенны для язычников.

Прося собрание о внимании, он напоминает, что Симон рассказал уже, как «Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое», и доказал согласие этого с пророчеством (Ам. 9: 11, 12), а следовательно, и с Божественным предназначением. Но ясно, как известно всем иудеям, что язычники не примут всего Моисеева закона. Поэтому он полагает (как первый между равными, см. Деян. 15:6; 21:25) «не затруднять обращающихся к Богу из язычников», а внушать им соблюдение правил Ноева откровения (Быт. 9:4), «чтобы они воздерживались от оскверненного идолами, от блуда, удавленины и крови», а затем «чтобы не делали другим того, чего не хотят себе». «Ибо, — прибавляет он, — закон Моисеев от древних родов по всем городам имеет проповедующих его и читается в синагогах каждую субботу». То есть мы, иудеи, не имеем

никакого желания освобождать их от исполнения того закона, повеления которого они слушают каждую субботу.

В речи св. Иакова в особенности замечательно доказательство, выведенное из пророчества Амоса. В пророчестве говорится об освобождении Израиля от плена, но св. Иаков, с более широким взглядом на обнимающие всегда больший горизонт пророчества, применяет это к идеальному освобождению, к принятию Иеговы за общего Отца великой семьей всего рода человеческого. В возобновлении разрушенной скинии Давида он видит возникающую Церковь Христову как идеальный храм, к которому должны присоединиться язычники. Нельзя не подивиться и тому, что пророчества цитирует он не из перевода семидесяти толковников, между тем как разница эта слишком велика.

У семидесяти толковников: «чтобы взыскали Господа прочие человеки и все народы, между которыми возвестится имя Мое, говорит Господь».

В еврейском тексте: «чтобы они овладели остатком Едома и всеми народами, которым возвестится имя Мое, говорит Господь».

Такое применение пророчества св. Иаковом доказывает положительно, что еврейский текст читался у евреев так, как говорит перевод (70), что подтверждается и другими местами Священного Писания (ср. Пс. 85:9; 21:31; 101:18; Ис. 43:7).

Спорный предмет был окончательно разъяснен начальствовавшими над Церковью. Возражения уже не повторялись: голос старейшего произнес решение, которое оставалось только передать тем, до кого это относилось непосредственно. Апостолы, старейшины и Церковь утвердили решение и избрали Иуду Варсаву и Силу, «мужей начальствующих между братиями», чтобы сопутствовать основателям Антиохийской Церкви на возвратном пути и быть как бы живым залогом подлинности письменного сообщения.

За подлинность этого послания ручается его естественность. Никогда не было так благовременно, как в этот период, внушение обращенным из язычников, чтобы они воздержались от идоложертвенного, удавленины, крови и блуда. Первое из этих запрещений совершенно понятно, потому что христианам из язычников необходимо было доказать братьям из иудеев, что они действительно покинули навсегда «отвратительное идолопоклонство», от которого отреклись так недавно. Два следующих запрещения были желательны как уступка, потому что иудеи и многие другие восточные народы с невыразимым ужасом глядели на употребление в пищу крови как «души всякого тела». Никогда не было так своевременно, как в этот период, внушать христианам из язычников воздержание от блуда, потому что никогда развращение языческих нравов не доходило до такой низкой степени, как в этот период. Евреи, нельзя не сказать правды, из всех племен людских могли считаться народом чистейшей нравственнос-

ти, но и они глядели на этот грех не как на преступление против нравственности, потому что этот последний взгляд установлен был только христианством. Что же касается до язычников, то даже Сократ не считал блуда предосудительным, а Цицерон утверждал, что ни один из моралистов и не думал налагать на это дело запрещения. Взгляд на чувственность древнего человека изменился в новом, вследствие той чистоты, которой дышит и которую вселяет каждая страница Нового Завета. Основой для такого изменения взгляда служат высочайшие нравственные истины, преподанные миру в учении Законоположника и Господа. Но долг справедливости требует воздать благодарность и тому, чье учение было широким разъяснением этих великих истин. Если безумную растрату драгоценных даров жизни следует считать страшным бедствием для личностей и народов; если разврат есть проклятие и позор, подъедающие под корень человеческое счастье гораздо быстрее, чем все другие пороки, и если, напротив того, румянец скромности на молодых щеках считается одной из драгоценнейших принадлежностей юности, то истинным благодетелем, под влиянием духовно-нравственных поучений которого посеяны и возросли эти истины в сердцах юношей всякой христианской страны, следует признать того, кто под наитием благодати Всесвятого Духа с большой ясностью, с большим спокойствием, с большим убеждением, чем кто бы то ни было, разъяснил гнусность, унизительность, заразительность греха через тело предающего и распространяющего свой яд по душе, имеющего еще то особенное свойство, что губит душу не одного человека, но становит его в ответственность перед Богом за преграждение пути к спасению другим личностям, которые, при преступном влиянии грешника, могут остаться нераскаянными, между тем как Христос пострадал и умер как за них, так и за их развратителя.

Примирение кажущегося противоречия между апостольскими писаниями относительно формы иерусалимских совещаний (Деян. гл. 15 и Гал. гл. 2)

Н. Комаров. «Православное обозрение», 1872, 1-е полугодие

По Деяниям (15 гл.) рассуждения ап. Павла с иерусалимским обществом о значении закона Моисеева имеют форму собора и с самых древних времен принимаются за первый христианский Собор — здесь собирается вся Церковь (16: 6, 12, 22), происходят прения о предложенном вопросе, произносятся речи, место председателя собрания занимает предстоятель Иерусалимской Церкви – апостол Иаков, определение Собора записывается в особый акт и рассылается с уполномоченными от Собора лицами в Анти-

охию, Сирию и Киликию, где и возникли споры вызвавшие Собор. Между тем сам ап. Павел в Послании к Галатам — по Бауру — не только ничего не знает обо всем этом, но даже говорит так, как будто бы он наперед хотел противоречить такому представлению дела: я предложил им благовествование, проповедуемое мною язычникам, особенно знаменитейшим ἀνεθέμην αὐτοῖς τὸ εὐαγγέλιον ὃ κηρύσσω ἐν τοῖς ἔθνεσιν, κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσιν (2:2). По мнению Баура, здесь находится решительное противоречие. Неандер это противоречие примиряет тем, что ап. Павел в Послании к Галатам говорит только о частных рассуждениях с апостолами (κατ' ἰδίαν), а в Деяниях говорится об общих соборных совещаниях. Но на это Баур, со своей стороны, замечает, и справедливо, что при таком понимании текста Послания к Галатам нет основания для примирения, если там ничего не сказано о соборных рассуждениях, которые собственно и решили дело, то и само примирение будет произвольно. В приведенных словах ап. Павла видят указание и частных — наедине с апостолами, и соборных — в присутствии всего иерусалимского общества — рассуждений апостола; именно словами *предложил им Евангелие* (ἀνεθέμην αὐτοῖς τὸ εὐαγγέλιον) указывает на Собор Иерусалимский. Но и такое объяснение, по мнению Баура, несправедливо. Прежде всего, эти слова вовсе не соответствуют тому описанию Собора, какое находится в Деяниях, и не указывают на него, а главное затруднение в том, что при таком понимании этого места главные, соборные рассуждения, при которых должны также присутствовать и апостолы, совершенно отступают на задний план, а эти, частные, становятся главными. Поэтому единственно верное объяснение этого места, по его мнению, такое: здесь разумеется только одно совещание апостола Павла, и именно частное — со *знаменитыми* апостолами Иаковом, Петром и Иоанном — слова *предложил им Евангелие* указывают на них, хотя и не совсем определенно, а особо *знаменитейшим* (κατ' ἰδίαν, praecipue, speciell — переводит Баур) относятся также к ним и только точнее определяют их — поясняют, кому именно *им*. Апостол как бы так говорит: я путешествовал в Иерусалим для того, чтобы предложить членам тамошней церкви свое благовествование, и обратился специально (κατ' ἰδίαν) к знаменитейшим не для того, чтобы решить дело путем частных рассуждений, а потому, что это был самый прямой и непосредственный путь для его решения. Апостолы потому и названы знаменитейшими (δοκοῦντες), что они в глазах иерусалимского общества христиан были самые высшие авторитеты (но не с точки зрения Павла, оговаривается Баур), и потому после их решения были уже излишни всякие другие рассуждения. Только об этих переговорах со знаменитейшими, то есть с Иаковом, предстоятелем иерусалимского общества, и с апп. Петром и Иоанном, во всем этом месте и идет речь. Отсюда Баур делает такое общее заключение: если бы иерусалимские рассужде-

ния были общественные, соборные, именно такие, какими описываются они в Деяниях, то Павел о них, как о самом главном и существенном деле, не мог умолчать, если же он молчит, то из этого можно заключить, что вовсе не были такими на самом деле, и только автор Деяний в своем собственном интересе и ради своих особых целей впервые придал им характер общественных соборных совещаний – словом, из частных переговоров Павла со знаменитыми сделался церковный Собор.

Но уже по одной только чисто формальной стороне такое заключение Баура не может быть признано основательным: оно, очевидно, не выходит из предыдущих его замечаний. Заключение о несуществовании факта из одного только молчания писателя об этом факте может быть основательно (и то, впрочем, до известной степени, потому что у писателя всегда могут быть чисто случайные, неизвестные и непредвидимые для читателей причины, препятствовавшие ему говорить об известном факте; вообще, argumentum e silentio – несильный аргумент) только в таком случае, когда для писателя есть настоятельная, неотразимая, очевидная нужда говорить об этом факте, и пока не указана и не доказана эта необходимость, есть полное основание не придавать такому заключению никакого значения. Притом Баур забывает здесь возражение, которое он сам сделал против Неандера. Но этого мало. Само молчание ап. Павла во 2 гл. Гал. об апостольском Соборе выдумано Бауром, напротив, в тексте послания есть прямые и положительные указания на этот Собор. Во 2 ст. 2 гл. Послания к Галатам, как это видно уже из прямого смысла речи, несомненно, говорится не об одном, а о двух различных совещаниях ап. Павла в Иерусалиме – Ἀνεθέμην αὐτοῖς, говорит он, τὸ εὐαγγέλιον ὃ κηρύσσω ἐν τοῖς ἔθνεσι, κατ' ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσι (предложил им, особо же знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам). Здесь Павел различает два предложения Евангелия *им* (αὐτοῖς) и знаменитейшим (τοῖς δοκοῦσι). Кому же первоначально предложил он свое Евангелие, на кого он указывает местоимением *им*? По связи речи и по новозаветному словоупотреблению это местоимение поставлено здесь вместо собственного названия жителей страны или города, где происходило описываемое событие – а оно происходит, как видно из 1 ст., в Иерусалиме (εἰς Ἱεροσόλυμα) – следовательно, и под первоначальными слушателями, которым ап. Павел предложил свое Евангелие, надобно разуметь иерусалимлян, то есть вообще христиан Иерусалимской Церкви (ср. Деян. 17:16; 2 Пет. 3:4; Ин. 15:6). Потом, когда он говорит особо же знаменитейшим, под которыми разумеются апостолы Иаков, Петр и Иоанн, как это видно из следующих стихов, то здесь он, очевидно, говорит о другом (δέ), отличном от первого, *предложении* своего Евангелия, в частности, апостолам. Баур, стараясь найти в самом тексте основание для своего мнения, непра-

вильно переводит κατ᾽ ἰδίαν δέ — предложил им — *именно специально* знаменитейшим. Κατ᾽ ἰδίαν по новозаветному словоупотреблению никогда не значит *именно, специально*, а *особо от других, наедине*, и противополагается всегда κοινῇ или δημοσίᾳ, и потому не может иметь того смысла, какой придает этому слову Баур (см. Мф. 14: 13, 23; 17: 1, 19; 20:17; 24:3; Мк. 4:34; 6: 31, 32; 7:33; 9: 2, 28; 13:3; Лк. 9:10; 10:23; Деян. 23:19). Союз δέ также никогда не служит подтверждением сказанного уже прежде — *правда, именно;* напротив, эта частица весьма часто выражает противоположение или же просто употребляется как частица соединительная. Следовательно, Гал. 2:2 по прямому смыслу и правильному словоупотреблению заключает в себе два разных понятия и обозначает различные факты. Отсюда ясно, что здесь ап. Павел говорит о двух различных совещаниях — публичном соборном, участники которого были αὐτοί, то есть вся Иерусалимская Церковь, и частном — наедине с апостолами (δοκοῦντες). Таким образом, воззрение Баура против подлинности соборной формы иерусалимских рассуждений в этом случае основывается на экзегетической ошибке — на произвольном и неправильном понимании 2 ст. 2 гл. к Гал.

Но и этого мало. В Послании к Галатам есть прямое и совершенно достаточное для цели апостола указание на содержание и результат соборных рассуждений. Пример необрезанного Тита, спутника ап. Павла (ст. 3), которого в Иерусалиме не принуждали к обрезанию, достаточно ясно характеризует взгляд Иерусалимской Церкви на обрезание и закон и выражает сущность соборного определения, как оно представлено в Деяниях апостольских. Так это выглядит и по связи речи. В ст. 6 апостол снова возвращается к знаменитейшим, то есть старейшим его апостолам и рассуждениям с ними, о которых он упоминал уже во 2 ст.; между тем в ст. 4–5 говорит о лжебратиях и их вражде против свободы христианской, которые, очевидно, не апостолы; таким образом, события, содержащиеся в ст. 3–5, не могут никаким образом относиться к частным совещаниям ап. Павла и указывают на соборные совещания и обстоятельства, предшествовавшие и сопровождавшие их (ср. Деян. 15: 5–7). Отсюда ясно, что ап. Павел не только упомянул о соборных совещаниях в Иерусалиме (ст. 2) касательно спорного вопроса, но и показал, что он, при полном согласии прочих апостолов и христиан, так победоносно противостал требованиям обрезывать язычников, заявленным лжебратиями (ст. 4), что они не посмели принуждать к обрезанию даже Тита (ἀλλ᾽ οὐδέ ст. 3). Таким образом, Тит, известный сотрудник ап. Павла в деле евангельской проповеди, служил для галатян живым доказательством, что требование обрезания от язычников в Иерусалиме было отвергнуто и христианская свобода сохранена. Отсюда мы имеем право заключить, что текст Послания к Галатам не только не исключает соборных совещаний, о которых говорится в 15 гл. Деяний, но и указывает на них.

В свою пользу обращает Баур то обстоятельство, что ап. Павел в Послании к Галатам не говорит определенно о соборном решении, не пользуется им для своей защиты, а между тем оно-то одно и могло решить дело – «он не мог умолчать о соборных совещаниях, если бы они были». Совершенно справедливо, что ап. Павел упоминает о соборных совещаниях только мимоходом, косвенно; он не пользуется ими как оружием против своих противников, и вообще в посланиях к галатам он придает гораздо больше значения своим частным сношениям с апостолами, чем соборным рассуждениям. Но это совершенно естественно, и иначе и быть не могло по самому ходу дела.

Нет никакого сомнения, что Послание к Галатам, особенно же первые две главы его, написано апостолом в защиту своего апостольского достоинства – есть личная его апология против взведенных на него иудействующими лжеучителями клевет. Эти лжеучители, чтобы вернее и удобнее распространить свое лжеучение, начали не с опровержения ненавистного им учения ап. Павла, не с полемики с ним в области вероучения, а старались уронить в глазах христиан его апостольский авторитет, поколебать доверие и уважение к нему лично. «Не должно слушать Павла, – говорили они, – ибо он только вчера или даже ныне явился; Петр же и сущие с ним суть первейшие апостолы. Притом он апостольский ученик, а те – Христовы; он один, а тех много, и еще столпы Церкви». Иудействующие учили в Галатии, «что должно обрезываться... и не должно принимать Павла, все это отвергающего, потому что этого не запрещают, говорили они, Петр, Иаков и Иоанн – первоверховные апостолы и бывшие со Христом». Не признавая Павла апостолом Христовым, равным по достоинству с другими апостолами, лжеучители говорили, что и учение его не божественное, а самим им измышленное, поэтому не следует слушать и принимать его. Понятно, что и апостол Павел должен был вести свою защиту сообразно с таким ходом аргументации своих противников, иначе он не достиг бы своей цели. Так именно он и делает. Он прежде всего доказывает и утверждает свое апостольство, свою независимость от других апостолов и самостоятельность, указывая сначала на его происхождение и потом – на свои отношения к другим, старейшим его апостолам и отсюда уже выводит истину и божественность своего учения. Он призван к апостольству Самим Иисусом Христом и от Него получил учение, которое проповедует, и потому оно, как учение Божественное, истинно и непреложно (Гал. 1: 1, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 16). Обращая внимание на свои отношения к другим апостолам, ап. Павел показывает, что он никогда не был в подчиненном, зависимом от них положении и не только не заимствовал от них своего учения, но даже редко виделся с ними (1: 17–20), и, несмотря на все это, когда он предложил им свое учение, они признали

его истинным и не нашли нужным что-нибудь прибавить и изменить в нем, живым доказательством чего служит необрезанный Тит, вместе с ним путешествовавший в Иерусалим (2: 2–3, 6–9). Даже более, он до такой степени был независим от других апостолов и так мало нуждался в подтверждении своего апостольского авторитета с их стороны, что сам восстал против верховного из них — Петра и обличил его, когда тот поступал неправо (2: 11–21). Таким образом, он совершенно опроверг и уничтожил все нарекания и клеветы, взведенные на него лжеучителями, и вполне защитил свое апостольское достоинство и учение, и для его цели вовсе не было надобности подробно приводить для этого соборные совещания и решение. Его апостольский авторитет был уже совершенно восстановлен признанием его и его учения прочими апостолами — и соборное решение не могло прибавить к этому ничего. Столь важный для всей Церкви вопрос об отношении закона Моисеева и обрезания к христианству, решенный на Соборе апостольском, здесь становится *чисто личным вопросом ап. Павла* — а потому должен решиться с другой, так сказать, *личной* точки зрения. Учение Павла о свободе христианской от закона Моисеева отвергалось иудействующими как произвольное, не имеющее за себя высшего авторитета, потому, как скоро доказано апостольское достоинство Павла (а оно доказано, как мы видели выше), доказана и истина его учения; тогда апостол имел полное основание ожидать со стороны галилейских христиан безусловной веры своему слову — его слово для них теперь должно быть так же важно и обязательно, как и «соборное определение». Следовательно, ап. Павел не имел причины придавать особенное значение Иерусалимскому Собору и его решению — выставлять его на вид и рассказывать о нем подробно — он только упомянул о нем вообще и мимоходом, для него гораздо важнее были его частные отношения к апостолам. Даже, напротив, ап. Павел имел прямые побуждения говорить об Иерусалимском Соборе осторожно, не вдаваясь в его подробности и не выставляя его на вид как сильное доказательство против своих противников, потому что они легко могли перетолковать его и обратить в свою пользу. Сошлись он в подтверждение своего учения прямо на Собор и соборное определение — враги его могли представить дело так, что он испугался их, не посмел лично взять на себя ответственность за свое учение, а пошел посоветоваться со старшими его апостолами, признавал зависимость своего учения от них, между тем как перед этим он настойчиво и горячо отстаивал свою самостоятельность и свое равенство с ними. С другой стороны, не упомяни апостол прямо и открыто о своих частных, дружеских переговорах с апостолами, враги его соборное определение могли мотивировать тем, что Павел заранее принял на себя по требованию других апостолов известные угодные им условия или признал их авторитет — и

вот поэтому-то и они со своей стороны согласились сделать уступку в пользу его учения и произнесли на Соборе решение благоприятное ему.

Да наконец и само по себе невероятно, чтобы ап. Павел, пришедши в Иерусалим для решения столь великого и важного вопроса, волновавшего тогда всю Церковь, прежде чем предложить его на соборное рассмотрение, не поговорил о нем с апостолами наедине — не видевшись с ними столь много времени, он, естественно, теперь постоянно общался с ними, делился теми мыслями и чувствами, которые тогда наполняли его душу, рассказывал о тех великих успехах, которыми Бог благословил его апостольские труды, и о тех трудностях, которые он испытал в своем великом подвиге. А с другой стороны, для пользы всех христиан, всей Церкви, чтобы предупредить опасность разделения церковного, необходимо было придать решению этого спора характер соборного определения — определения вышедшего от лица всей Церкви.

Таким образом, Баур, прежде всего, несправедливо утверждает, будто ап. Павел говорит об одних частных своих рассуждениях с апостолами, а о соборных не только не говорит, но даже исключает их. По буквальному смыслу речи апостол в Послании к Галатам говорил о тех и других. Нисколько неудивительно и то, что Павел не пользуется соборным решением для своей защиты и не говорит о Соборе обстоятельно — сообразно с его целью; для него важнее его частные отношения к апостолам, которые он обстоятельно и излагает.

«Напротив, св. Лука (автор Деян. ап.) смотрел на этот факт совершенно с другой точки зрения. Он пишет не биографию и апологию Павла, а историю всей Церкви, поэтому ему нет никакой надобности подробно и точно отмечать и рассказывать каждое событие из жизни апостола, если оно не важно для истории всей Церкви и не имеет прямого влияния на ее ход и развитие — нигде и никогда не касается исключительно личных обстоятельств ап. Павла, потому что он всюду смотрит на него как на орудие избранное Господом, вознесшимся на небо для управления Церковью и для распространения ее до концов земли», — справедливо замечает Баумгартен. Поэтому и факт апостольского Собора важен был для него по его всеобщему значению для Церкви, потому что он установил норму отношения закона Моисеева к христианам из язычников и норму именно как закон, как неизменное правило, исходящее от лица всей Церкви, следовательно, обязательное для всех христиан. Поэтому и его описание Собора чисто объективное — он и изображает в своей книге, так сказать, официальную сторону Собора — бывшие на нем рассуждения и постановленное на нем определение. До частных рассуждений ему нет дела.

Из всего сказанного выходит то заключение, что рассказ ап. Павла во 2 гл. Послания к Галатам о форме иерусалимских совещаний не только не

противоречит и не исключает рассказа Деян. 15 гл., но положительно указывает на него и вполне согласуется с ним. Каждый из них как нельзя более целесообразно и взаимно дополняет другой.

Апостольский Собор в Иерусалиме

В. Михайловский. «Святой апостол Павел». СПб, 1863

Важное путешествие в Иерусалим, упоминаемое Павлом во 2-й гл. Послания к Галатам и бывшее спустя 14 лет после его обращения, – одно ли то же с путешествием на апостольский Собор (Деян. 15) или с четвертым путешествием (Деян. 18: 21, 22), предпринятым четырьмя годами после того и приходившимся в 54 году?

Самое важное основание против тождества путешествия, упомянутого в Послании к Галатам (2 гл.), с путешествием на апостольский Собор – то, что Павел в приведенном месте ни слова не говорит о *соборных* рассуждениях, а Лука, напротив, о *частных* собеседованиях между апостолами. Д. Баур, предполагающий, впрочем, тождество этих двух путешествий, старается доказать, что между рассказом ап. Павла (Гал. 2) и повествованием Луки (Деян. 15) существует неразрешимое противоречие, которым он далее и пользуется как оружием против достоверности Деяний апостольских. Визелер, напротив, и справедливо, не видит никакого противоречия; мало того, его хронологическое сочинение даже есть общее и притом победоносное оправдание исторической верности Деяний апостольских; при этом он думает совершенно избежать значения Баурова доказательства только тем, что переговоры, описанные в Послании к Галатам (2 гл.), относит к позднейшему времени. Но если вникнуть хорошенько, то Визелер для своей собственной мысли не приобретает ничего, и упомянутая разность, как она дальше подробнее раскрывается, говорит не против, но в пользу тождества обоих путешествий. Потому что Павел рядом со своими частными собеседованиями со столпами-апостолами – словами ἀνεθέμην αὐτοῖς (предложил им) в отличие от κατ᾽ ἰδίαν δὲ τοῖς δοκοῦσιν (наедине же рассуждающим) – указывает на общее рассуждение с иерусалимскими братьями, хотя о нем он и не говорит подробно, так как мог предполагать его уже известным галатам, после того как он раньше того объявил своим малоазийским общинам решение апостольского Собора и увещевал их исполнять его (Деян. 16:4). Главным предметом для Павла, наперекор галатским лжеучителям, ложно ссылавшимся на Петра и Иакова и ни за что не соглашавшимся его считать за истинного апостола, был результат его частных рассуждений с самими апостолами для иудеев и уведомление о его признанном последними самостоятельном апостольском достоинстве. Лука со своей стороны имел в виду не личные отношения Павла к его противникам, а вообще права христиан из язычни-

ков, но этим нисколько не исключает предшествовавших частных переговоров. А что он рассказывает о публичных собеседованиях, это легко видно из всего догматического характера и цели его рассказа. Притом он умалчивает о многом таком, что касается собственно только частной жизни, как например о пребывании в Аравии св. Павла, о его внутренней борьбе, видениях и т.п. Если здесь нет никакого достаточного основания в пользу Визелерова мнения, зато, с другой стороны, говорят против него решительные доказательства. Упоминаемое в Послании к Галатам путешествие в Иерусалим (2:1) нельзя считать четвертым (Деян. 18:22), во-первых, потому что Павел, по свидетельству Луки, только приветствовал тамошнюю Церковь, что, очевидно, указывает на какое-то кратковременное посещение, в которое не было времени для таких важных рассуждений, каковы упомянутые в Послании к Галатам (2 гл.); во-вторых, потому что в Деяниях апостольских (18 гл.) не упоминается о Варнаве, который еще при тех переговорах (Гал. 2 гл.) вместе с Павлом заметно выдается (см. Деян. 15). Кроме того, нельзя вполне доказать, да и невероятно, что Варнава, недолго спустя после апостольского Собора отделившийся от Павла и предпринявший самостоятельное миссионерское путешествие с Марком заодно (Деян. 15:39), уже опять в 54 году соединился с ним.

Наконец, главное основание, почему мы посещение Иерусалима, описанное в Послании к Галатам (2:1), считаем за одно с тем, о котором речь в Деяниях апостольских (15 гл.), — это то, что Павел в Послании к Галатам никак не мог пройти молчанием о своем путешествии на Собор апостольский. Даже если он намеренно не хотел перечислять о всех своих путешествиях в Иерусалим, так как он умалчивает о втором, упомянутом в Деян. 11:30 и 12:35 ст., когда оно имело целью только доставку милостыни и, по всей вероятности, было кратковременно, то все-таки всего менее он мог пропустить именно третье путешествие, так как оно было важнее всех по цели, какую имел Павел в виду в Послании к Галатам, именно — доказать независимость своего апостольского служения от человеческого авторитета, а вместе с тем — признание его собственного воззрения самими апостолами иудеев.

Таким образом, отрицательными и положительными доводами мы принуждены примкнуть к тому мнению, которое высказано еще св. Иринеем и защищено знаменитейшими хронологами и толкователями. По этому мнению, мы должны смотреть на рассказ Павла (2 гл.) как на лучшее дополнение к рассказу Деяний апостольских (15 гл.) о том же предмете и должны ставить его в понятии наперед, так как частные совещания с самими апостолами, изложенные Павлом сообразно довольно подробно, по ходу дела были, конечно, прежде публичных рассуждений и окончательного решения.

Частные совещания *(Гал. 2:1 и др.)*

Таким образом, Павел явился в Иерусалим в сопровождении Варнавы и только что обратившегося из язычников Тита, которого он взял с собою как живое доказательство его успешной миссионерской деятельности, как печать его апостольского служения. Прежде всего, естественно, ему нужно было частным образом и лично переговорить со знаменитыми представителями общества и всей христианской из иудеев части столпами — апостолами Иаковом, Петром и Иоанном — и побудить их к формальному признанию в нем апостольского достоинства, его основоположений и благодатной деятельности между язычниками. Когда он привлек их на свою сторону, особенно Иакова, который за свое исполнение Моисеева закона и свое служение в одном Иерусалиме у иудаистов пользовался особенным уважением, между тем как Петр со времени своего обращения с Корнилием у них подвергся подозрению, тогда вкравшиеся ложные братья, как он называет фарисейски мыслящих лжеучителей, лишились своего мнимого главного авторитета, а в то же время восстановилось и освятилось братское общение его христианских, составившихся из язычников, обществ с христианами из иудеев, следовательно, восстановилось единство Церкви, о котором он так много заботился (Еф. 4 и 1 Кор. 12–14). Его повествование о больших успехах своей проповеди между язычниками должно было по правилу «от плодов их познаете их» произвести сильное впечатление на апостолов веропроповедников между иудеями. Да уже вследствие обращения Корнилия, приявшего Духа Святого помимо обрезания, они приходили к более свободному воззрению и подготовлены были к примирению с Павловым учением. Павел, со своей стороны, нисколько не отвергал того, что Бог предопределил Петра на дело обращения иудеев и руководил его в том своей благодатью, а и они, со своей стороны, признали, что Павел Самим Богом был избран на такое служение среди язычников (ст. 7,8). Мало того, три столпа — апостолы, в доказательство признания полученных Павлом и Варнавою даров благодати, братски подали им руки и согласились с ними на то, чтоб без ущерба друг другу действовать заодно, каждому — на указанном ему Господом месте, тем — между иудеями, а этим — между язычниками, с тем только условием, чтобы последние любвеобильно, посредством сборов милостыни между христианами из язычников, помнили о множестве бедных иерусалимских христиан и таким образом свидетельствовали о своем духовном общении и благодарности к Матери Церкви (9:10), о чем и Павел ревностно заботился (сн. Деян. 24:17; 1 Кор. 16:1 и д. 2 Кор. 8:1 и д.; Рим. 15:15 и д.).

Таким образом, через эти совещания сохранились права обеих сторон. Павел вовсе не требовал от христиан из иудеев насильственного разрыва с их исторической почвой и с истинной свободой духа, признал право их

собственного особенного призвания. Апостолы иудеев, со своей стороны, согласились с его важным началом, что вера в Иисуса Христа составляет единственно необходимое условие спасения; они не налагали на язычников никакого ига и не принуждали св. Павла к обращению его спутника Тита (Гал. 2:3), между тем как ложные-то братья настойчиво требовали того, как можно заключать из тотчас следующих стихов в связи с 5 стихом 15 гл. Деяний апостольских. Во-первых, здесь идет речь не о легких условиях вроде, например, соблюдения Ноевых заповедей, каковые условия вслед за тем Собор вообще предписал христианам из язычников. Далее, конечно, не могли идти палестинские апостолы, взгляд которых для тогдашних отношений и последнего успеха Царства Божия был столь же справедлив и необходим, как и воззрение Павла и Варнавы. Одним словом, эти частные переговоры носят на себе характер христианской мудрости, самоотвержения и братского общения. Кто читает беспристрастно Послание к Галатам, тот должен согласиться, что недавно высказанное с такой благовидностью предположение о непримиримой противоположности между Павлом и Петром не имеет в нем ни малейшего основания, что, наоборот, апостолы иудеев в этих частных беседах снизошли к Павлу еще больше, чем на описанном в Деяниях апостольских (гл. 15) Соборе, где имелись в виду отношения к целому обществу и нужно было проложить средний путь. В этом-то и заключается, как выше показано, причина, почему Павел в борьбе с галатийскими лжеучителями ссылается на частные беседы, которые для его цели имели больше силы и доказательности, чем решение Собора. Потому что эти иудаисты отвергали его апостольское достоинство (Гал. 1: 1, 15 и др.), которое вполне было признано за ним на частных собеседованиях, и, вероятно, ссылались не на публичное решение, которого не могли отвергнуть, но на практику апостолов среди иудеев, причем из соблюдения апостолами Моисеева закона (который Иаков соблюдал весьма строго и точно) они делали несправедливый догматический вывод, как делается еще и доселе в интересах партий. Когда же Павел свое вполне самостоятельное апостольское достоинство доказал поведением самих апостолов, для иудеев тогда его собственного слова уже было достаточно и ссылка на чужое уверение тем менее нужна была, после того как это удостоверение уже было раньше сообщено и известно обществам.

Публичные рассуждения и постановления Собора (Деян. гл. 15)

Так как спор об отношении язычников к Евангелию нарушил мир во всей Церкви, то естественно было и разрешить его публично. По этому случаю апостолы и старейшины и много других христиан, интересовавшихся этим спором и имевших жилище здесь, в Иерусалиме (Деян. 15:1; 12:22), собрались для общественного рассуждения. Здесь дело шло не столько о личных

отношениях апостолов друг к другу и об апостольском достоинстве Павла, сколько о *правах и обязанностях христиан из язычников.* После того как обеими сторонами много было высказано и *за* и *против,* встал ап. *Петр,* который был, вероятно, председателем на Соборе и занимал середину между Иаковом и Павлом и по деятельности, и по учению; он собственным своим опытом в истории Корнилия засвидетельствовал об успехе, какой имело Евангелие между язычниками, и о духовных дарах, какие Бог сообщил им помимо иудейства. При этом ап. Петр высказал чисто Павлово основоположение, что и они, то есть христиане из иудеев, наравне с необрезанными братьями спасутся не посредством неудобоносимого ига закона, но единственно по благодати Господа Иисуса и живой верой в Него. При этом он ссылался на общеизвестный факт – на обращение и возрождение Корнилия – первенца между язычниками, обратившегося в христианство, и на нем основывал свое учение о правах язычников на свободную благодать Евангелия. Такие речи из уст знаменитейшего апостола не могли не произвести впечатления, которое высказалось в торжественном молчании собрания. Затем выступили *Варнава,* еще издавна пользовавшийся в Иерусалиме большим уважением, и *Павел* и рассказали о знамениях и чудесах, которыми Бог сопровождал и запечатлевал их деятельность между язычниками.

До сих пор рассуждения, кажется, хотели доставить Павлу полное торжество и подтвердить частные совещания апостолов. Но так как тут присутствовали также христиане из иудеев, вообще еще несовершенные в вере, то и нужно было несколько снисходить их мнительной набожности, их немощной совести, для того чтобы вполне восстановить мир во всей Церкви. Это и делает теперь *Иаков,* который по своему настроению и жизни был весьма близок к ним и оттого-то имел на них огромное влияние. Он высказался посредником между интересами обеих сторон и обнаружил при этом большую практическую мудрость и благоразумие. Именно: он отдал полную справедливость Петрову основоположению, что Бог и из язычников приготовлял для Себя народ в наследие, и видел в этом исполнение пророчества (Ам. 9:11 и д.) о славном восстановлении и распространении феократии между языческими народами – осуществление вечного божественного домостроительства. Такой ссылкой на Ветхий Завет дан был делу другой оборот, через который оно могло заслужить одобрение от христиан из иудеев. Чтобы вполне их удовлетворить, он сделал предложение, что хотя обратившиеся язычники не подлежат обрезанию, потому что иначе это было бы поблажкой еретическому освобождению «ложных братьев», все-таки они должны воздерживаться от тех обычаев, которые были особенно соблазнительны для совестливых и сомнительных и с которыми нельзя согласить истинного благочестия, именно: должны воздерживаться от вкушения *идоложертвенного мяса, крови* и содержащего ее *удавленного*

животногои, наконец, от *блуда* (Деян. 15:20). Эти же определения находятся и в Ноевых (то есть по преданию еще будто бы Ноем данных) заповедях, соблюдать которые обязаны были пришельцы врат.

Странным, правда, кажется то, что наряду с вещами, которые, по-видимому, безразличны сами по себе и только относительно безнравственны, запрещается и нечто безусловно безнравственное. Но нужно при этом вспомнить, что блудодеяние очень часто соединялось с идольскими жертвами и язычниками считалось за дело безразличное, так как у них вовсе не было более глубокого взгляда на блуд. Идолослужение, которое в Ветхом Завете так часто называется духовным блудом, имело необходимым следствием телесное осквернение. Оттого-то Павел так часто и предостерегает язычников именно от этого греха (1 Кор. 5:9; Евр. 5: 3, 5; Сол. 4:3; Кол. 3:5). Во-вторых, это выражение нужно понимать, вероятно, в более обширном смысле, именно: здесь разумеются супружества с необрезанными язычниками (Исх. 34:16) и браки в таких степенях родства, которые запрещены не только иудеям в пятикнижии, но и пришельцам врат – заповедями Ноевыми – и казались кровосмешением (1 Кор. 5:1, где πορνεία стоит вместо кровосмешения), между тем как язычники не имели об этом никакого понятия.

Такое предложение Иакова, если исключить лишь лжеучителей, которые этим, конечно, как показывают их дальнейшие козни, не могли быть довольны или по временам объясняли в своем смысле, встретило общее одобрение и было принято Собором за решение. Оно было и в самом деле для тогдашних отношений как нельзя более исполнимым и как нельзя лучше способным восстановить равновесие между спорящими сторонами и мало-помалу примирить их совершенно, так как оно, с одной стороны, ближе ставит иудеев к язычникам, а с другой – отклоняет последних на будущее время от их прежнего образа жизни, равно как от увлечений и соблазнов в идолопоклоннических беседах. Справедливо говорит Гесс, что апостолы сделались через это всем для всех – для иудеев иудеями, для язычников язычниками, доставляя первым случай без оскорбления своей совести обращаться с иноплеменниками христианами, а последних уверяя в их свободе. Иаков и Павел здесь с различных точек зрения высказывают одинаковую практическую мудрость и сдержанность: первый – в том что свою привязанность к иудейству подчиняет общим христианским интересам, а последний – в том что для христиан из язычников, из снисхождения к их немощной совести и ради братского единодушия, не противореча себе, согласился на то ограничение, которое в тогдашних обстоятельствах, правда, было необходимо и весьма полезно, но, что касается одной части его, то есть воздержания от идоложертвенного мяса, крови и удавленины, должно было утрачивать

свою обязательную силу в той мере, в какой исчезала национальная разобщенность между христианами из иудеев и христианами из язычников. Впрочем, и в настоящее время могут случиться такие отношения, в которых воздержание от этих и им подобных предметов, не безнравственных самих по себе, а считаем обыкновенно безразличными, составляет долг христианской любви. Апостол Павел предлагает нам на этот раз прекрасное правило: «Все мне позволено, но не все полезно; все мне позволено, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый – пользы другого» (1 Кор. 10: 23, 24). Истинно христианская свобода здесь обнаруживается в снисхождении к немощному, в самоограничении и в нежной осторожности. Так, он с силой советует коринфским христианам из язычников воздерживаться от вкушения идоложертвенного мяса, чтобы не оскорбить совесть немощных братий, за которых тоже Христос умер (1 Кор. 8: 7–13; 10: 14, 24–29); между тем как в то же время, с другой стороны, утверждает, что земля со всем, что на ней, принадлежит Господу и что каждая пища сама по себе добра, если мы принимаем ее с благодарностью (1 Кор. 10: 25, 26; 8: 4, 8; 1 Тим. 4:4). Точно такой же мудрый и истинно свободный взгляд высказывает ап. Павел в споре, возникшем между римскими христианами о вкушении известной пищи и о соблюдении иудейских праздников (Рим. гл. 14 и 15). Такое примирительное решение от лица Собора и в коротком послании, составителем которого был, вероятно, Иаков, было сообщено христианским, образовавшимся из язычников, обществам в Сирии и Киликии двумя знаменитыми мужами Церкви, вероятно, из пресвитеров иерусалимских, именно – Иудою, Варнавою и Силою. Официальный документ должен был послужить для них основанием для более точного и подробного ознакомления с евангельским учением при посредстве живой речи. Посланные с таким поручением в этот раз до самой Антиохии были спутниками Павла и Варнавы, который опять взял с собою своего двоюродного брата Марка. Таким образом, первое важное и серьезное разногласие в Христианской Церкви было высказано, но в то же время и публично было признано, что разность воззрения у христиан из иудеев и у христиан из язычников, пока они держат себя в должных границах, не касается сущности христианского благочестия и может существовать при единстве Церкви. Конечно, противодействие не исчезло и продолжалось еще немало времени до тех пор, пока не упразднилась совсем древняя фарисейская закваска.

К вопросу о главенстве апостола Петра

Епископ Иустин. «Догматическое богословие», т. 2

В доказательство учения о главенстве папы римские богословы с особенной любовью ссылаются на место в книге Деяний, где описывается апос-

тольский Собор. При рассмотрении этого места они останавливаются на том факте, что ап. Петр говорил на Соборе *первый*, а отсюда выводят заключение, что, следовательно, он был лицом, от которого зависело решение Собора. Но если что, так это место служит самым разительным опровержением католического учения о княжестве Петра. Из текста его мы усматриваем целый ряд признаков говорящих против учения католиков. Во-первых, если бы ап. Петр считался главой и князем апостолов, то Варнава и Павел, отрицавшие нужду обрезания (что было поводом к созванию Собора), отправлены были бы из Антиохии для решения сего вопроса только к одному ап. Петру, а между тем они посылаются ко всем апостолам и старцам (пресвитерам), и при этом, замечательно, имя Петра даже не упоминается (ст. 2, 4); следовательно, ап. Петр не был князем апостолов. Во-вторых, самые прения на Соборе показывают равно несправедливость мысли римских богословов. Так мы читаем: *по долгом рассуждении Петр, встав, сказал...* и затем: *тогда умолкло все собрание и слушало Варнаву и Павла.* Из этого ясно видно, что вопрос подлежал строго общему обсуждению Собора, и потому, если ап. Петр первый говорил на Соборе, то не как апостольский князь, а как первый, через которого Богу было угодно открыть доступ язычникам в Царство Небесное в лице Корнилия (см. Деян. гл. 10). Неприложимость же княжеского достоинства к ап. Петру видна, наконец, и из заключительного действия Собора. Завершение дела на Соборе принадлежит ап. Иакову: словами Иакова заканчивается решение Собора, и с его слов пишется послание, а не со слов Петра. Так что если бы было позволительно из Деяний апостольского Собора выводить какие-либо заключения о *княжестве* в среде апостолов, то княжество сие скорее бы следовало относить к ап. Иакову.

Вопрос Верцелиуса и ответ на него (*кто послал апостолов Павла и Варнаву?*). Толкование на стих 2-й и 4-й главы 15

«Душеполезное чтение», 1868, ч. 3

Из книги Деяний апостольских (15: 2, 4) видно, что во время недоумения в Церкви для разрешения некоторых вопросов отряжены были апп. Варнава и Павел и посланы в Иерусалим. Спрашивается, кто же мог послать апостолов? Неужели простые, так сказать, рядовые христиане, ученики их и последователи? Ведь в Писании сказано, что *«несть ученик над учителя своего, ни посланник болий пославшаго его*, и что *меньший посылается от большего»*. Конечно, апостолы действовали по внушению Св. Духа, но тут речь идет и о наружном поручении и не сказано, чтоб это поручение дано было Варнаве и Павлу Собором апо-

столов, да Собора тогда и не было, ибо он только еще собирался в Иерусалиме.

Слишком много сказано: *«отряжены были* Павел и Варнава». Это было бы чисто демократическим преобладанием «простых, или рядовых христиан» над предстоятелями церковными, и притом апостолами. Такого преобладания также не было в апостольской Церкви, как не было и иерархического преобладания над Церковью. По сказанию книги Деяний апостольских дело было так, что по случаю появления в Антиохийской Церкви иудействующих лжеучителей и состязания с ними апостолов Павла и Варнавы *учиниша взыти Павлу и Варнаве и неким, другим от них ко апостолом и старцем во Иерусалим о вопрошении сем* (Деян. 15: 1, 2). Это значит, что по общецерковному в Антиохии затруднению Павел и Варнава отправились в Иерусалим, следуя по внушению именно Духа Святого (см. Гал. 2: 1, 2), по общецерковному же желанию и решению, а не своему только личному. Так и на Соборе апостольском разбирали и решали всецерковный вопрос не одни только сами апостолы, но и пресвитеры, да и не одно только церковное пастырство, но вместе *со всею Церковию* или со всецерковным *братством* (Деян. 15: 22–23), единодушно внимая и соизволяя одушевляющему Церковь Духу Святому (25 и 28 ст.). Такова норма истинно апостольской Церкви на все времена в отношениях между иерархией и прочим составом церковным по делам и вопросам общецерковным.

Толкование на 21-й стих

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Ибо закон *Моисеев* (Пятикнижие Моисеево) *от древних родов* (в смысле – с незапамятных времен, исстари), *по всем городам* (в которых живут евреи среди языческого мира) *имеет проповедующих его,* так как *читается в синагогах* (вместе с пророками), *каждую субботу.* Связь этого изречения со всем предшествующим не довольно ясна. Частица «ибо» указывает, что оно составляет основание для предшествующего, но какая мысль обосновывается им – не довольно ясно. Или оно составляет основание для мысли о необходимости обращающимся в христианство из язычников воздерживаться от указанного выше (ст. 20), и в этом случае смысл сего изречения будет таков: надобно, чтобы они воздерживались от указанного, ибо иначе же субботнее чтение в синагогах закона Моисеева будет постоянно и все более и более питать и поддерживать в христианах из иудеев нерасположение к христианам из язычников, как к нечистым, и поселять и усиливать взаимное раздражение между ними. Или рассматриваемое изучение составляет основание для мысли о необходимости освободить христиан из язычников от ига закона Моисеева (ст. 19), и в этом случае смысл его будет таков: несмотря на то, что Моисеев закон всюду читается

в синагогах каждую субботу, немногие из язычников (прозелиты) располагаются к его принятию и немногими он принимается, а это показывает, что при принятии язычниками христианства он будет только затруднением, препятствием к благоуспешному распространению христианства между язычниками, следовательно, нужно обращающихся ко Христу язычников освободить от ига его. Или, наконец, это изречение составляет основание для всего воззрения Иакова, выраженного в его речи, и служит ответом на предполагаемое возражение, что в случае освобождения христиан от исполнения закона Моисеева самый этот божественный закон придет в забвение и в этом случае смысл изречения будет таков: христиане из язычников должны быть свободны от соблюдения закона Моисеева, кроме воздержания от вышеуказанного, и при этом напрасно опасение, что этот богодарованный закон придет в забвение, потому что он всюду еженедельно читается в синагогах. Какое бы из этих объяснений ни принять, сущность дела от сего не изменяется. «Таким образом, он (Иаков) разрешил все. По-видимому, он заповедует соблюдать закон, потому что из него заимствует эти предписания, но и освобождает от него, заимствуя только это» (Злат.).

Толкование на 28-й стих

Св. Василий Великий. Творения, ч. 3

Апостолы говорят: *изволися же Святому Духу и нам,* не наряду себя ставя со властью Духа, но подчиняя себя Духу, как Им тогда наставленные. Они выражают сим, что как бы одно видение, одна мысль и одна власть у них с Духом. А ты (еретик) усиливаешься низвести Духа в число тварей. Это значит то же, как если бы слыша, что *вероваша людие Богу и Моисею, угоднику Его* (Исх. 14:3), стал бы утверждать, что Бог сравнен с Моисеем. Но очевидна разность между Владыкой и рабом, на которую и писатель, указывая, сказал: *Моисею, угоднику Его.* Ибо веруют Богу как Владыке и как пославшему Моисея; Моисею же веруют как посланному служителю. Так и Духу *изволися* владычественно данное Церкви узаконение. Апостолам же *изволися* служебно провозглашенное ими постановление.

Толкование на 29-й стих

Игнатий, архиепископ Воронежский. Чтения о святом апостоле Петре

Особливого примечания достойны части соборного определения об удавлениние и крови. Закон о крови, повторяем, был в правилах церковных всегда (Всел. 6 Собора прав. 67) и стал теряться на самом деле с тех только пор, как на место правил Церкви стали возвышаться правила так называемой гастрономии, которая нашла в крови животных особенный

вкус, как и во всяком нарушении закона есть своя *временная греха сладость* (Евр. 11:25); но закон столь важен, что введен был в самые первые и, как сказано на Соборе, необходимые правила Церкви апостольской. Надобно сказать притом, что закон сей, закон о неупотреблении крови животных, был не только в законе Моисеевом, но еще гораздо ранее того, в законе патриархальном, в одно время как только по исходе обновляемого мира из ковчега дано Богом дозволение употреблять в пищу и животных. Закон о крови, как душе животных, основан там на уважении к жизни вообще.

Что же касается до идоложертвенного, то вопрос о нем повторен был впоследствии коринфскими христианами и разрешен снова в послании к ним апостолом Павлом. На разрешение Павлово надо смотреть там не как на некоторую отмену правила, постановленного на Иерусалимском Соборе, где из числа первых был сам Павел, но как только на изъяснение, в каком разуме постановлено было правило в Иерусалиме. Запрещалась не вещь, а понятие соединяемое с вещью, когда бы кто стал считать идоложертвенное за вещь, посвященную идолам, с уважением к ней или употреблять идоложертвенное в пищу с соблазном для других. Иначе не было бы то и идоложертвенным, что нимало не считалось бы таким.

О том же

Н. Комаров. «Православное обозрение», 1872, т. 2

Апостольский Собор, поставивший своею задачей дать норму отношения христианства к иудейству и примирить и соединить обе половины Церкви в одно целое, должен был отнестись с возможной терпимостью к иудейству, а следовательно, и к иудейской обрядности; крутое и решительное отменение ее могло раздражить иудеев и заградить им вход в Христианскую Церковь. С другой стороны, и полное пренебрежение со стороны христиан из язычников к иудейскому обряду, явное нарушение его могло также еще больше усиливать и без того уже существовавший между ними антагонизм и весьма затруднять желаемый мир и единство Церкви. Таким образом, историческое положение вещей требовало, чтобы иудейскому закону и обряду оказано было внимание, и Собор апостольский вполне признал это; задача его в этом отношении состояла, следовательно, только в том, чтобы из множества иудейских предписаний выбрать более нужное и целесообразное, и Собор в этом отношении выполнил свою задачу как нельзя лучше.

1) Первая заповедь, возложенная на христиан из язычников – воздержание от *оскверненного идолами или идоложертвенного* (ἀπὸ τῶν ἀλισγημάτων τῶν εἰδώλων, εἰδωλοθύτων – Деян. 15: 20, 29; 21:45; ср. 1 Кор. 8:1), то есть от пищи (по большей части мяса), которая составляет остаток идольской

жертвы*. Иудеи за то именно и презирали язычников и отказывались от всякого общения с ними, что они были идолопоклонники — служили своим богам, а не единому живому Богу; главный же обряд, символ религии, в котором яснее всего выражалось служение Богу, — по понятию как иудеев, так и язычников — было жертвоприношение. Жертва служила для иудеев знаком их общения с Иеговою (Исх. 29:28), поэтому и на участие в идольской жертве они, естественно, смотрели как на общение с идолами, потому и ап. Павел идоложертвенное называет *оскверненным идолами*. Закон Моисеев весьма строго судил за подобное участие и виновных в нем наказывал смертью (Втор. 17: 2–13). В свою очередь, и язычники всегда непременно требовали, чтобы иудеи отступление от своего Бога и закона — когда это случалось — свидетельствовали принесением идольской жертвы (напр. 1 Мак. 1: 41–48; 2: 23–26 и много подобных примеров в той же книге). Отсюда хорошо понятно, какое омерзение внушала иудею идольская жертва и какой великий соблазн для них был — свободное отношение христиан из язычников к идольским жертвам: оно напоминало им ненавистное язычество, от которого так грозно предостерегал их богодарованный закон, и участники идольской жертвы были в их глазах почти те же язычники. Потому, в видах примирения и единения Церкви, весьма важно и необходимо было заповедать христианам из язычников более осторожное и благоразумное отношение к идоложертвенному, особенно там, где были соблазнявшиеся им иудеи, пока последние не достигли полного сознания и ясного понимания христианской свободы. С другой стороны, и для самих новообращенных христиан из язычников, еще недостаточно утвердившихся в вере Христовой, идоложертвенное представляло немало опасностей, потому что и они легко могли принять участие в невоздержании всякого рода, которым непременно и даже обязательно сопровождались все почти идольские жертвоприношения и праздники. Таким образом, Иерусалимский Собор имел полное основание — и именно историческое — заповедать христианам из язычников воздерживаться от употребления идоложертвенного.

---

* Εἰδωλοθύτων — значит: 1) вообще все то, что закаляется в жертву идолам; 2) мясо, остающееся от этой жертвы. 1) 1 Кор. 8: 7, 10; 10: 19, 28. Ап. 2: 14, 20. сн. κρέα — 1 Кор. 8, 13). Известно, что из животных, приносимых в жертву идолам, сожигалась только небольшая часть, а остальное или отдавалось жрецам, или возвращалось приносящим; эти остатки или продавались на рынке (1 Кор. 10:25), или из них устроялись пиршества. В обычае язычников также было почти каждое домашнее пиршество начинать и освящать идольской жертвой, остатки которой также подавались гостям, в числе которых могли быть и христиане-родственники, друзья и т.п. У иудеев также устроялась трапеза из остатков жертвы спасения (Втор. 27:7). Таким образом, и христиане из язычников имели много случаев употреблять идоложертвенное.

2) Далее Собор предписывает воздержание от *крови и удавленины* (πνικτοῦ καὶ αἵματος (15:29), то есть от употребления в пищу крови животного, в каком бы ни было виде, а равно и мяса животного, убитого через удавление, в котором осталась кровь животного, следовательно, основание обоих предписаний одинаково, и, в сущности, оба они запрещают употребление крови (Лев. 17: 10–14). Запрещение употреблять в пищу кровь относится к самой глубокой древности и потом очень определенно и не один раз повторено в законе Моисеевом с сильными угрозами (Быт. 9:4; Лев. 3:17; 7:26; 17: 10–14; Втор. 12: 16, 23 и след. 15:23). Здесь же указаны и основания этого запрещения: кровь есть основной элемент животной природы, носитель жизни животного — *душа всякия плоти кровь его есть*; поэтому кровь животного, как самая существенная часть его, составляет, собственно, и сущность животной жертвы, приносимой Богу и *Аз дах ю (кровь) вам у алтаря умоляти о душах ваших, кровь бо его вместо души умолит* (Лев. 17:11); поэтому кровь жертвенных животных и имеет такое важное значение в иудейской религии (кропление, помазание кровью и т. п.; Евр. 9:22). Таким образом, *кровь* была священным предметом для иудея, к которому он относился с величайшим благоговением и ни в каком случае не мог употреблять ее в пищу — того, что *собственно* приносилось Богу, еврей не смел есть. Если употребление и вообще нечистой пищи казалось соблазнительным для иудея, то можно себе представить, как возмутительно было для него видеть нарушение самого существенного в этом отношении закона! В безразличном употреблении в пищу крови христианами из язычников иудеи могли видеть мало того, что нарушение весьма важного законного постановления, но оскорбление всей своей религии, неуважение к самому великому и важнейшему ее обряду, можно сказать, даже ветхозаветному таинству, жертве (Евр. 9:22). Наконец, пренебрежение и нарушение столь существенной заповеди, прямо касающейся истинной жертвы, могло напоминать иудеям о прежнем идолослужении христиан из язычников – о их ложных, омерзительных идольских жертвах. Таким образом, и для этого постановления были у Собора прямые и вполне достаточные исторические основания.

3) Наконец, последняя заповедь Собора— воздержание *от блуда* (πορνεία, Деян. 15:29). Эта заповедь возбуждает больше всего недоумений и разногласий между толкователями Св. Писания. Причина этого главным образом заключается в самом характере этой заповеди, которым она отличается от других, предыдущих: она одна из всех них имеет положительно нравственное значение, потому что запрещает такой проступок, который никогда и ни в каком случае не может быть терпим в христианине, тогда как предыдущие сами по себе безразличны, касаются больше обряда, зависят от временных условий, а потому имеют и временное значение. Отсюда существует много объяснений πορνεία, употребленного в соборном акте — и

справедливость требует сказать, что в числе их объяснение Баура, который видит здесь запрещение второго брака, принадлежит к числу самых неосновательных и искусственно-натянутых. Единственно правильное понимание этого слова, конечно, то, которое основывается на буквальном смысле текста и подтверждается историей того времени. В соборном определении поставлено слово πορνεία без всякого дополнения и объяснения, следовательно, и понимать его нужно в том общем значении и смысле, как оно обыкновенно везде употребляется; очевидно, всякие прибавки к нему, ограничения его будут произвольны и ни на чем не основаны. Тем больше, что здесь, как и вообще во всяком законодательном акте, предназначавшемся для точного исполнения и практического применения, должна быть соблюдена точность в выражениях и определениях — иначе неизбежны недоумения и перетолкования; притом различные и несобственные значения, которые стараются придать πορνεία (например, образное запрещение идолопоклонства и идольских жертв, потому что в Ветхом Завете блуд служит их образом публичного разврата (проституции) и т.п.), очевидно, не могли быть понятны и доступны христианам из язычников, для которых, собственно, и назначалось соборное послание. Слово πορνεία в Новом Завете везде употребляется в смысле *блуда вообще, всякого непозволительного и незаконного удовлетворения половых влечений, всякого нарушения 7 заповеди*, за исключением разве Апокалипсиса, где блуд служит образом идолослужения (14:8; 17: 2, 4; 18:3; 19:2), но здесь, при общем характере символической речи, это само собою очевидно (Рим. 1:29; 1 Кор. 5: 1, 6, 13, 18; 7:2 и мн. др.); в том же смысле оно употреблено и здесь. Блуд, конечно, такой порок, который прямо и положительно запрещается христианством, и христиане из язычников, без сомнения, знали это и без соборного определения, но были особые причины, по которым Собор нашел нужным снова и торжественно напомнить им о воздержании от блуда. Едва ли нужно говорить о том невероятном разврате, который господствовал повсюду в языческом мире в эпоху явления и первоначального распространения христианства; этим пороком едва ли не лучше и ярче всего характеризуется состояние тогдашнего язычества, и недаром ап. Павел всюду в своих посланиях блуд считает самым характеристическим и распространенным пороком языческим и всюду в своих посланиях настоятельно предостерегает от него христиан (Например, Рим. 1: 24, 26–29; 1 Кор. 5: 1, 13–20 и многие другие места). Писатели того времени, и христианские и языческие, оставили нам яркое описание тогдашнего разврата, которое нельзя читать без содрогания и омерзения, — это была какая-то безумная и исступленная оргия сладострастия, в которой было забыто все — и религия, и человеческое достоинство, и самая природа человеческая, и естественные чувства, и узы самого близкого родства, и мало того, что все делалось публично, открыто, без

всякого стыда, — разврат освящен был языческой религией, составлял часто часть, необходимую принадлежность языческого богослужения и обряда. Таким образом, разврат господствовал во всей наготе, не имея даже внешнего прикрытия, хотя бы даже только для благопристойности и приличия; в глазах язычников он не считался чем-нибудь особенно позорным и непозволительным, напротив, к нему относились не только терпимо и равнодушно, но даже и благосклонно. Нет ничего удивительного, если язычники и по обращении в христианство смотрели на этот порок легко, по крайней мере, не с христианской строгостью, и сами не соблюдали в жизни той чистоты, какая свойственна христианам; в Послании ап. Павла к Коринфянам есть поразительный факт, вполне подтверждающий это предположение (1 Кор. 5: 1–2): один христианин впал в такое *блужение, яково же ни во языцех именуется - он открыто жил со своею мачехою* (Златоуст, Орр. Т. X., р. 125), и прочие христиане смотрели на это равнодушно. Ввиду таких обстоятельств Собор апостольский имел настоятельную нужду напомнить христианам из язычников об их непременной обязанности — воздерживаться *от блуда,* избегать всяких поводов к этому греху и вообще относиться к нему строже. В заключение Собор апостольский заповедует христианам из язычников — *не делать другим того, чего они не хотят себе,* то есть в своих отношениях к христианам из иудеев руководиться всегда чувством правды, любви и терпимости христианской. Таким образом, и происхождение заповеди о воздержании от блуда исторически объясняется также легко и естественно.

Апостол Иаков, брат Господень

Протоиерей Горский
«История евангельская и Церкви апостольской»

В Церкви Иерусалимской после Иакова, брата Иоанна Богослова, скончавшегося в гонение Ирода Агриппы, около 44 года, когда апостол Павел во второй раз был в Иерусалиме, является другое важное лицо, тоже Иаков. Его видим на Соборе Иерусалимском. К нему являлся Павел в последнее прибытие в Иерусалим. Кто же был этот второй Иаков? В книгах Нового Завета, кроме Иакова Заведеева, упоминается еще Иаков Алфеев. У Матфея и Марка упоминается еще Иаков, брат Господень. Но это одно лицо с Иаковом Алфеевым, а не другое. Представим доказательства. В истории страданий Иисуса Христа встречаются следующие жены, о которых говорится, что они стояли при кресте Иисуса и находились при Его погребении (Мф. 27:56): стояла Мария Магдалина и Мария Иакова и Иосии мати, и мати сыну Заведееву; при положении во гроб (ст. 61) Мария Магдалина и другая Мария. Марк пишет (15:40): Мария Магдалина и Мария Иакова мало-

го и Иосии мати и Соломиа. Иоанн говорит (19:25), что стояли при кресте Иисуса Мати Его, и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина. Из этого исчисления открывается, что сестра Матери Божией, Мария Клеопова, была одно лицо с материю Иакова и Иосии. Исчисляются одни и те же лица, только с некоторыми разнообразиями. Если теперь эта Мария – сестра Матери Божией, то ее сыны – двоюродные братья Господа. Если она называется еще Клеоповою – то или по отцу, или по мужу. Мы увидим далее, что Клеопа был отец Иакова и Иосии, следовательно, муж Марии.

В исчислении апостолов (Мф. 10: 2–4; Мк. 3: 16–19; Лк. 6: 14–16 и Деян. 1:13) встречается Иаков Алфеев Ἰάκωβος ὁ τοῦ Ἀλφαίου и Ἰάκωβος Ἀλφαίου. Алфей и Клеопа – два произношения одного и того же имени, как Хаггай – еврейское и Аггей – греческое. Следовательно, когда Марк называет его малым, младшим, то называет его только в отличие от старшего Иакова Заведеева. Употребление сего прозвания – «малый», а другого «Заведеев» (хотя и Иоанн был также Заведеев, но нигде он так не называется) – показывает, что было два имени Иаков в одном и том же обществе.

Что брат Господень Иаков действительно был апостолом – это видно из слов апостола Павла: *иного же от Апостол не видех, токмо Иакова, брата Господня* (Гал. 1:19). Что хочет доказать Павел в рассматриваемом месте? Что ни от кого из апостолов он не заимствовал своего учения, но прямо от Иисуса Христа. Что же он приводит в доказательство? Что в начале своего озарения светом христианства не имел обращения ни с одним апостолом. Был в Иерусалиме, но апостолов никого не видал, исключая Петра, у которого пробыл только две недели, и Иакова, брата Господня. Очевидно, за кого считает Павел сего Иакова. К чему говорить о нем здесь, когда он не апостол, хотя бы и был уважаемым лицом в Церкви Иерусалимской, епископом. Утверждать учение – дело апостола. Прибавление *брат Господень* Павел делает только для того, что в то время, когда он был в Иерусалиме, был еще жив и другой Иаков, Заведеев. А вот когда дело идет о позднейших событиях, в том же Послании к Галатам (2: 9–12; сл. Деян. 15:13), он называет его просто Иаковом.

Иаков апостол и брат Господень есть единственное лицо известное в Церкви апостольской с сим именем. Лука, сказав (Деян. 12:2) о кончине Иакова Заведеева, говорит потом об Иакове том самом, о котором у нас дело, просто не прибавляя ничего к его имени, как о лице всем известном (Деян. 15:13 и 21:18).

По-видимому, «братья Господни» исключаются из числа апостолов (1 Кор. 9:5; Мф. 12: 48, 49; Мк. 3: 31–34; Ин. 7: 5, 10), где μαθηταί и ἀδελφοί различаются: *братья не вероваху* (Ин. 7:5), а в книге Деяний (1:14) братья Иисуса прямо отличаются от Его апостолов. Но во всех случаях стоит только внимательнее присмотреться к словам и смыслу речи, чтобы не было

противоречия в выводах из тех ясных мест. Из братьев Господних, кроме Иакова, только Иуда еще принадлежал к лику апостолов, как это видно из того, что и сам он себя называет братом Иакова (Иуд. ст. 1; Лк. 6:16; Деян. 1:13). Прочие евангелисты, именно Матфей, называют его Левий, глаголемый Фаддей (10:3), а Марк – просто Фаддеем (3:8).

Кроме книг священных находим и посторонние исторические свидетельства, что Иаков был брат Господень и апостол. Егезипп (у Евсев. 4:22) пишет: «После мученической кончины Иакова праведного, епископом поставлен Симеон, которого предложили все: он был второй двоюродный брат Господа». Кто же первый двоюродный брат? Очевидно, Иаков. Иосиф Флавий, приписывая разрушение Иерусалима, между прочим, умерщвлению Иакова праведного, того именно брата Господня, сына Алфеева, выражается о нем так: «Иакова праведнаго, который был брат Иисуса, глаголемаго Христа». (Это место приводится у Оригена Contr. Cels. 1, 11. uum. 13. Lib. 1, 47; у Иеронима Catalog. Script. Eccl. c. 2, 13, но в известном ныне сочинении Флавия не встречается).

Климент Александрийский говорит, что по воскресении Спасителя Петр, Иаков и Иоанн, хотя и предпочтенные от Господа, не стали спорить о чести, но избрали Иакова праведного епископом Иерусалимским. Иероним пишет, что Иаков 30 лет был епископом.

Иаков, по свидетельству Егезиппа, был назореем от самого рождения, был усердным молитвенником и в народе именовался Sedek (праведный) и Oblias (стена, крепость города). В чертах жизни Иакова, как ее описывает Егезипп, можно замечать прикрасы эфиопские, но его свидетельства о жизни апостола Иакова подтверждаются Иосифом Флавием, который также Иакова называет праведным.

Когда Фест, прокуратор иудейский, умер, а Альбин еще не бывал, Иаков был умерщвлен иудеями. В его смерти особенное участие принимал первосвященник Анания, который был недоволен тем, что Павел был исхищен Иаковом из рук иудеев. Причиной его смерти, по свидетельству Егезиппа, было то, что он не хотел публично перед всеми отказаться от Иисуса Христа, ими распятого.

Черты сходства между отношением апостолов к ревнителям Моисеева закона из христиан и нашей Православной Церкви к старообрядцам из раскольников

Никанор, архиепископ Херсонский. «Беседы и поучения», т. 3

Первоверховный апостол Петр, по повелению Божию, пошел к необрезанному язычнику Корнилию и крестил его со всем домом его. *Верующие из*

обрезанных (сопоставьте их с нашими ревнителями старины), *пришедшие с Петром, ужаснулись, изумившись, что дар Св. Духа излился и на язычников* (Деян. 10:45). *Когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними*, то есть нарушил закон Моисеев (Деян. 11: 2, 3). И первоверховный апостол Петр оправдывался перед этими ревнителями иудейской старины. Когда *Бог отверз* широкую *дверь веры язычникам* по разным городам и, между прочим, в Антиохии, то *некоторые, пришедшие туда из Иудеи, учили братьев: если не обрежетесь по обряду Моисееву* (не будете соблюдать старую букву ветхого закона), *не можете спастись*. На них похожи наши ревнители старины, которые учили и учат братию, что если не будете молиться по старопечатным книгам, не можете спастись. *Когда же в Антиохии произошло разногласие и немалое состязание у апостолов Павла и Варнавы, с ними-то положили Павлу и Варнаве и некоторым другим из них отправиться по сему делу к апостолам и пресвитерам в Иерусалим.* На эти препирания в первой апостольской Церкви похожи препирательства в нашей российской Церкви относительно то неприкосновенного хранения, то нужды исправления старопечатных книг и старых обрядов. *По прибытии в Иерусалим Павел и Варнава были приняты церковию, апостолами и пресвитерами.* На Варнаву и Павла похожи греческие святители, посещавшие Москву и зазиравшие некоторое погрешение в наших старых обрядах. *Тогда восстали против апостолов Павла и Варнавы некоторые, из фарисейской ереси уверовавшие, и говорили, что должно обрезывать язычников и заповедовать им соблюдать закон Моисеев.* На этих фарисеев похожи первые наши расколоучители, каковы: Неронов, Аввакум, Никита и другие, которые учили, что должно соблюдать старый обряд – иначе нельзя никому и спастись. *Тогда апостолы и пресвитеры собрались на Собор для рассмотрения.* Так и святители греко-российской Церкви собирались на Соборы и, наконец, на Великий Московский Собор для рассмотрения дела по исправлению старопечатных, в то время пока еще новопечатных книг. *Многу взысканию бывшу, восстав Петр сказал, что по вере нашей мы, обрезанные иудеи, как и они,* необрезанные язычники, *спасемся благодатию Господа Иисуса Христа, без дел* Моисеева закона. Сие многое взыскание, долгое рассуждение апостольского Собора напоминает собой многое же взыскание на московских Соборах по вопросу об исправлении книг. Тогда по окончательному заключению председателя апостольского Собора, апостола Иакова, *апостолы, пресвитеры и братия написали* соборное определение в свитке, где пишут братьям из язычников, *находящимся в Антиохии, Сирии и Киликии, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас своими речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и соблюдать закон Моисеев, чего мы им не поручали. Почему мы, собравшись, единодушно рассудили: изволися Святому Духу и нам не влагать на вас бремени Моисеева закона, кроме необходимого* (Деян. 15: 1–29). По сему священ-

ному апостольскому примеру действовали и московские Соборы, и завершительный между ними Великий Московский Собор, которому изволися, по изволению Святого Духа, изменить в некоторых погрешениях так называемый старый обряд и утвердить исправление церковных книг.

Но так как и после определения апостольского Собора некоторые из фарисействующих иудеев, уверовавших во Христа, имеющих ревность Божию, но не по разуму, упорствовали не только сами соблюдать старую, мертвую и убивающую букву Моисеева закона, но и навязывать ее всем верным из язычников, то великий апостол языков Павел, в опровержение этих слепых и упорных ревнителей, писал несколько посланий, и, главным образом, Послание к Галатам, в котором на упорных противников прямо изрекает анафему. *Чуждуся*, – писал он (Гал. 1: 6–9), – *удивляюсь, что вы от призвавшаго вас благодатию Христовою* (от апостола, который учил, что мы спасаемся верою и благодатию Христовою, а не делами по старой букве Моисеева закона) *так скоро переходите к иному благовествованию, которое, впрочем, не есть иное. А только есть люди, смущающие вас и желающие превратить благовествование Христово*, – это фарисействующие верные из иудеев, которые учат, что для спасения необходимо соблюдать и старую, убивающую букву Моисеева закона. *Но если бы даже мы или ангел с Неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема. Как прежде мы сказали, так и теперь еще говорю: кто благовествует вам не то, что вы приняли от нас, да будет анафема.* На эту апостольскую анафему, изреченную и повторенную на ревнителей мертвой, старой буквы Моисеева закона, похожи изреченные и повторенные московскими Соборами анафемы на упорных ревнителей старой, мертвой буквы старопечатных книг.

Тем не менее, несмотря на определение великого апостольского Собора, несмотря на эту анафему, изреченную и повторенную апостолом Павлом, сам же он ради немощных совестью христиан из иудеев, неразумных ревнителей иудейской старины, сам он, апостол Павел, первый в апостольской Церкви учредил тогдашнее единоверие, буквально единоверие, при разности обряда. Так, скоро после апостольского Собора, *прибыв в Дервию и Листру, взял с собою туда ученика Тимофея, которого мать была иудеянка, уверовавшая во Христа, а отец – еллин* язычник, почему Тимофей был и не обрезан, *апостол Павел взял и обрезал его ради иудеев, находившихся в тех местах. Ибо все знали об отце его, что он был еллин.* Однако же, несмотря на это началоположение единоверия, апостол языков вовсе не думал распространять его на всех веровавших, на всю Христову Церковь. Напротив, *проходя по городам, апостол Павел предавал верным соблюдать определения, постановленные апостолами и пресвитерами* на Соборе в Иерусалиме (Деян. 16: 1–4). А следующее обстоятельство покажет еще яснее, что сами апостолы учредили в Иерусалиме своего рода единоверие, так что даже они сами

подчинялись требованиям этого единоверия, соблюдая его уставы. Так, уже много лет спустя после апостольского Собора, в последнее посещение Иерусалима апостолом Павлом со спутниками, между которыми находился и священный апостольский дееписатель и евангелист Лука, иерусалимская *братия радушно приняли их. На другой день Павел,* со своими спутниками и Лукой, *пришел* представиться предстоятелю Иерусалимской Церкви, апостолу *Иакову,* тому самому, который во дни оны председательствовал на апостольском Иерусалимском Соборе. *Явились туда к Иакову и все иерусалимские пресвитеры. Приветствовав их, Павел рассказывал подробности, что сотворил Бог у язычников служением его. Они, выслушав, прославляли Бога. Однако же сказали ему: видишь, брат, сколько тысяч уверовавших иудеев, и все они ревнители закона Моисеева* (в своем роде то же, что наши единоверцы). *А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея,* проповедуя необязательность старой буквы Моисеева закона, отмененной апостольским Собором, *и говоришь, чтоб они не обрезывали детей своих и не поступали по старым иудейским обычаям. Итак, что же делать? Верно, соберется народ, ибо услышат, что ты прибыл. Да не соблазним их, брате. Сделай же, что мы скажем тебе.* Заметьте, это говорит апостол Иаков, брат Господень, с иерусалимскими пресвитерами апостолу языков Павлу. *Сделай, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, соверши* вместе с ними иудейское *очищение* по закону Моисееву, *и узнают все, что слышанное ими о тебе несправедливо, но что и сам ты продолжаешь соблюдать* старый Моисеев *закон.* Так Иаков с пресвитерами приглашают Павла, чтоб он сам исполнил обряды тогдашнего единоверия. Тем не менее они весьма далеки были от мысли упразднить обязательность определения Великого апостольского Собора. *А об уверовавших язычниках,* — продолжает бывший председатель апостольского Собора Иаков, — *мы писали,* как и положили тогда на Соборе, *чтобы они ничего такого не наблюдали,* то есть чтоб спасались верой и благодатью Христовой, а не делали по старой, умершей теперь букве Моисеева закона. Так апостол Павел и поступил — исполнил предложенные ему обряды тогдашнего единоверия, ходил в иудейский иерусалимский храм, семь дней соблюдал иудейский устав очищения (от соприкосновения с необрезанными) и приносил во храме иудейскую жертву очищения (Деян. 21: 17-26).

Подобным же образом и сам первоверховный апостол Петр долго соблюдал обряды тогдашнего единоверия; тот самый Петр, который первый, по повелению Господню, вступил в общение веры с необрезанными; тот самый Петр, который на апостольском Соборе первый подал решительный голос за отмену старой буквы Моисеева закона. Но за это, простертое дальше благопотребного, благоснисхождение к требованиям тогдашнего фарисействующего единоверия, смущавшего юность других ис-

тинно верующих, первоверховный апостол Петр сам удостоил подвергнуться, для благоустроения и мира Церкви, нелегкому личному перед народом укору от апостола языков Павла, о чем сам же Павел, на память и в назидание Церкви не только своего времени, но Церкви и всех времен, и записал в Послании к Галатам (Гал. 2: 11–18). Так, он повествует, что *когда Петр прибыл в Антиохию,* где были христиане как из иудеев, так и язычников, откуда и послано было на апостольский Собор в Иерусалим вопрошение, должно ли христианам из язычников соблюдать старый Моисеев закон, то в этот раз здесь, в Антиохии, апостол Павел нашел благопотребным *лично противостать ему, Петру, потому что Петр подвергался нареканию. Ибо до прибытия в Антиохию некоторых от апостола Иакова,* тогдашних иерусалимских единоверцев, *Петр имел общение в пище вместе с язычниками. А когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных* — тогдашних единоверцев. *Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что* даже спутник и сотрудник Павла, апостол *Варнава, был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел,* — пишет апостол Павел, — *что они не прямо поступают по истине евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи иудеем, живешь,* как жил доселе, *по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски,* лицемерно показывая вид, как будто необходимо для спасения соблюдать всем старую букву Моисеева закона. *Мы по природе иудеи, а не из язычников грешники. Однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою во Христа Иисуса, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона. Если же я,* снова придерживаясь буквы Моисеева закона, буквы, отмененной всем апостольским Собором, буквы убитой и убивающей, мертвой и мертвящей, *снова созидаю то, что сам же разрушил, то сам себя делаю преступником.*

Таким образом, в священно-историческом раскрытии этого обстоятельства разъяснен весь смысл единоверия, как тогдашнего, допущенного самими апостолами в апостольской Церкви, так и современного нам, допущенного Святой Соборной и апостольской Церковью Всероссийской. По указанию Божию, первоверховный апостол Петр усмотрел, что ни обрезание, ни вообще соблюдение старой буквы ветхозаветного Моисеева закона не обязательно для спасения. *Многу взысканию бывшу,* Иерусалимский апостольский Собор также не признал необходимым для спасения соблюдение буквы Моисеева закона, и главенствующие голоса посему на Соборе подали апостолы Павел, Петр и председатель Собора, брат Господень, апостол Иаков. Тем не менее первый апостол языков Павел признал нужным допустить в апостольской Церкви единоверие, попуская немощным соблюдать отмененную букву Моисеева закона. Даже сами апостолы, даже те же Павел, Иаков и Петр по нужде, *желая всем быть вся, да всяко некия спасут, да не соблазнят ни единого от малых сих, немощных совестию,* сами по

временам соблюдали требования и обряды допущенного ими единоверия. Тем не менее никто из них – ни Иаков, ни Петр, ни Павел – не думал отменять свое собственное апостольское постановление, состоявшееся, наконец, и на Великом апостольском Соборе. Тем не менее апостол Павел весьма далек был от мысли снять анафему, изреченную и повторенную им на тех, которые благовествуют всеобщую обязательность исполнения старой буквы Моисеева закона и необходимость ее для спасения. Он нашел нужным даже противостать самому первоверховному апостолу Петру, который, впадая сам, и других увлекал в лицемерие, к смущению других, к нареканию на себя, и в лицо ему обратил упрек, что *если я снова созидаю то, что разрушил, то сам себя делаю преступником,* а к галатам по сему поводу с упреком писал: *како возвращаетеся паки на немощныя и худыя стихии, имже паки еще служити хощете* (Гал. 4:9)? Таким образом, временно допущенное святыми апостолами единоверие само собою с течением времени исчезло, а истинная Церковь Христова пошла своим царским путем к своему преуспеянию, к исполнению своих горних судеб, вперед, а не назад.

О деяниях и обстоятельствах жизни святого апостола Петра после Собора святых апостолов

Леонид, епископ Дмитровский. «Жизнь св. апостола Петра»

Вскоре после Собора свв. апостолов случилось происшествие, которое Петра, сего первого провозвестника евангельской свободы, подвергает, по-видимому, нареканию за неверность своему правилу. Когда Павел находился в Антиохии, где он обыкновенно пребывал во время свободное от путешествий, туда пришел апостол Петр. Сначала Петр, по своему правилу, свободно обращался с антиохийскими христианами из язычников и участвовал в их трапезе. Когда же пришли некоторые из христиан иерусалимских, то Павел заметил, что Петр стал удаляться от верующих из язычников и что его пример увлекал многих, даже Варнаву. Павел восстал против сего и при всех сказал Петру: «Ежели ты, будучи иудей, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2: 11–14)

Как объяснить сей поступок апостола Петра? Наилучшим образом разрешает сие затруднение св. Златоуст. Он находит, что апостол Петр переменил образ своего обращения по двум причинам: во-первых, чтобы не привести в соблазн верующих из иудеев, которых невозможно было вдруг приучить к свободе от обрядового закона, и, во-вторых, чтобы Павлу доставить благоприятный предлог к обличению. «Если бы Петр, который проповедовал в Иерусалиме, не отвергая обрезания, стал теперь перед глазами иеруса-

лимских братий из иудеев поступать иначе, то они подумали бы, что он действует так, опасаясь Павла, и таким образом осудили бы его за удобопреклонность, а это произвело бы немалый соблазн. Между тем Павлу намерение Петра было вполне известно, и Павел никак не мог подозревать Петра, потому что он знал цель, с которою было сие сделано. Вот почему и Павел обличает, и Петр терпит. После сего ученики, видя, что учитель их подвергается обличению, но молчит, и сами удобнее могли вразумиться. Если бы ничего этого не было и Павел ограничился бы одними увещаниями, то не произвел бы великого действия. Но теперь, пользуясь случаем к сильнейшему обличению, Павел тем сильнейший страх навел на учеников Петровых». Таким образом, между апостолами Петром и Павлом, собственно, никакого не было разногласия в учении: апостол Петр, для большего обличения иудействующих братий, принял вид единомышленного с ними, и благодушно, в смирении, принято сие обличение, которое, собственно, относилось к увлеченным слепой привязанностью к закону Моисееву. Что же касается того, что Павел называет поступок Петра лицемерием и говорит, что Петр ходил не во истине благовествования, то св. Златоуст примечает в этом желание Павла скрыть прямое намерение свое, чтобы удобнее исправить иудействующих христиан и дать словам своим такой вид, чтобы они были сноснее для слуха тех, кого хотел он вразумить обличением Петра.

Здесь для истории апостола Петра богодухновенные источники прекращаются. Нам остается обратиться к преданиям и известным памятникам, более или менее близким к священному повествованию апостольскому. Сии предания знакомят нас со многими замечательными обстоятельствами жизни апостола, не упомянутыми в Св. Писании.

Мы уже знаем, что апостол Петр пребывал некоторое время в Антиохии Сирийской. Простираясь далее и далее на север, он возвещал силу и пришествие Господа нашего пришельцам, рассеянным по северовосточным, в Малой Азии, областям империи, именно – был в Понте, проходил область Галатийскую, где Церковь основана Павлом во время второго его путешествия; посещал обширную Каппадокию. Склоняясь отсюда к западу, апостол благовествовал в Асийской провинции и наконец в Вифании, куда Дух Св. до времени не допустил Павла и Силу. Следы апостола Петра видим также и на европейском берегу Эгейского моря (архипелага). По крайней мере, когда в Церкви Коринфской, вследствие разногласия, разделились было христиане на общества, так что одни называли себя последователями Павла, другие Аполлоса – основателей Коринфской Церкви, то появились и такие, которые называли себя последователями Кифы. Во втором столетии Дионисий, епископ Коринфский, прямо свидетельствует о пребывании апостола Петра в Коринфе. Первое соборное послание апостола Петра служит памятником пребывания его в Египте, ибо написа-

но в египетском городе Вавилоне. Нам, впрочем, достоверно неизвестны обстоятельства пребывания и деятельности апостола Петра в сих странах.

Теперь обращаемся к Риму. Первые семена христианства принесены в Рим, вероятно, иудеями, свободно проживавшими в сем городе при первых императорах. Еще в первый христианский день Пятидесятницы были в Иерусалиме из Рима чтители Иеговы, которые вместе с прочими внимали первой проповеди апостола Петра. Очень вероятно, что некоторые из них были тогда же уловлены мрежею богодухновенного слова апостольского, а другие впоследствии, когда являлись в Иерусалим на праздники. Что успехи христианства в Риме были весьма быстры — об этом свидетельствует апостол Павел. Он говорит в своем Послании к Римлянам, которое писано около 58 года, что христианство не только утвердилось в Риме, но что вера христиан римских уже прославляется во всем мире. Но еще гораздо прежде благие начатки сей веры обратили на себя внимание другого верховного апостола.

Хотя не Петру определено было сделаться основателем Церкви в столице язычества, однако ревность о славе Божией скоро направила туда его стопы, и около 45 года он прибыл в Рим. Как продолжительно было пребывание его в сем городе, совершенно неизвестно, но не могло оно продолжаться долее 49 года, ибо в этом году иудеи, и вместе с ними христиане, были изгнаны императорским указом из Рима и вообще из Италии. Клавдий благоволил к иудеям по любви к Ироду Агриппе. Со смертью любимца кончились и милости к народу. Сие пребывание св. Петра в столице цесарей не осталось бесплодным: оно способствовало к преспеянию веры в римлянах, которые, как свидетельствует предание древней Церкви, не ограничиваясь в своей ревности слушанием известной проповеди апостола, просили ученика апостольского Марка, чтобы он составил для всегдашнего употребления верующих письменный памятник всего, чему учил ап. Петр о Иисусе Христе. Таким образом, написано и с одобрения ап. Петра предано Церкви Евангелие, занимающее второе по порядку место между книгами Нового Завета. К этому же времени предание относит и другие события жизни Петровой: а) отправление назначенного Петром для проповеди в Александрию того же евангелиста Марка; б) новую встречу и прение апостола с самарянским волхвом Симоном, который, как мы уже знаем, принял вместе с прочими уверовавшими крещение от руки ап. Филиппа и потом обличен был Петром за свое нечестие. Сей-то Симон, устрашенный тогда угрозами апостола, но не сокрушенный сердцем, обратился на прежний путь. Уже не находя удовлетворения своему тщеславию в отечестве, он, как говорит предание, пришел в Рим испытать счастье. Известно, что во времена императоров Рим наполнен был подобными людьми. Надежды волхва оправдались: не только суеверная чернь, но и легкомыс-

ленный двор приведен был в изумление его искусством. Вероятно, и в Риме, как прежде в Самарии, *глаголя некоего быти себе велика,* Симон приобрел себе не только зрителей, но и учеников и почитателей усердных. Только с прибытием апостола Петра в столицу империи менее стали обращать внимания на волхва. Петр проповедовал свободно; его слово, полное духа и силы, легко привлекало к нему народ, который недавно удивлялся, а теперь начал посмеиваться Симону. Оскорбленный волхв, напрасно истощив все средства к помрачению славы святого Петра, объявил толпе слепых суеверов, еще не отстававших от него, что хочет оставить неблагодарный город, вознестись на небо и оттуда излить свое мщение. В назначенный день собралась толпа любопытных. Симон после грозной речи стал действительно отделяться от земли. В числе зрителей был и Петр. Вероятно, намерение посрамить обманщика для общего блага и привело его сюда. Он выступил из толпы и силой молитвы низверг волхва. Совершенно разбитый в своем падении, Симон, нераскаянный, испустил дух вскоре после своей неудачи. Толпы с новым усердием потекли к апостолу Петру.

О событиях последующей жизни апостола до последнего путешествия его в Рим свидетельства предания скудны и неопределенны. Повествуют, что, поставив Лина епископом Рима, святой Петр пошел в Террачину, был в Испании, в Карфагене (африканском), в Египте и в Иерусалиме, оттуда снова пришел в Африку, побывал в Риме, отправился в Британию, пробыл там довольно долго и по повелению Божию, объявленному через ангела, возвратился в Рим. Когда был апостол в той или другой стороне, определить нельзя.

Обращаемся к повествованию о последнем пришествии апостола Петра в Рим и о последней судьбе его. Прошло около пяти лет после издания указа об изгнании иудеев и с ними христиан. В это время (именно в 54 году) правление сменилось, изгнанники начали опять поселяться в Риме, Слово Божие стало проникать во все сословия. Двухлетнее пребывание апостола Павла в сей столице чрезвычайно способствовало распространению веры: он обратил даже некоторых придворных императорских. Правительство заметило усиление нового религиозного общества и стало отличать его от иудеев, с которыми прежде смешивало. Уклонение христиан от празднеств и зрелищ народных, тайные ночные собрания, темные, сбивчивые слухи о догматах и пророчествах христиан возбудили против них подозрительность языческого правительства и приготовили им бедствие гонения. Следующий случай ускорил его. В 10-й год царствования Нерона вспыхнул пожар в Риме. В течение шести дней огонь, волнуемый сильным ветром, быстро разливался по зданиям и садам и превратил в пепел пять седьмых частей города, храмы, дворец императорский. Во многих местах пожар усилила рука грабителей, которые, желая усугубить

народное смятение, кричали, что действуют так по воле правительства. Народ, в отчаянии, верил зловещему крику. Император старался отклонить от себя страшное подозрение, но когда ни благодеяния бедствующим, ни всенародные жертвоприношения богам не могли успокоить общее негодование, тогда измыслил Нерон другое средство для цели своей – сложить вину пожара на христиан. Гонение воспылало. Весть о гонении, сильно распространившемся, достигла до апостола Петра, когда он находился на востоке. Почитая необходимым свое личное пребывание в Риме, он немедленно отправился в Европу и, по свидетельству весьма древнего предания, вместе с апостолом Павлом прибыл в Италию из Коринфа.

Прибытие знаменитых проповедников гонимого учения в столицу не скрылось от языческого правительства, и, следовательно, апостолам предстояла верная смерть. Но они спокойно ожидали своей участи, ревностно исполняя долг своего призвания. Апостол Петр, прежде собственного страдания, должен был, по свидетельству Климента Александрийского, увидеть мученическую кончину своей супруги, вероятно, также немало потрудившейся во славу имени Христова. Петр укреплял ее среди мученических подвигов напоминанием имени Божия. Апостол был извещен о близости своей кончины особенным откровением. Когда до верных дошел слух о намерении римского правительства схватить Петра, то они стали уговаривать апостола скрыться в уединенное место от преследователей. Петр долго не соглашался. Наконец сильные убеждения склонили его принять совет. Ночью он вышел из города, но внезапно, еще у самых ворот, видит он Господа Иисуса Христа, идущего в город. На вопрос изумленного Петра: куда идешь? Господь ответствовал: «Иду в Рим, чтобы снова быть распятым». Сие видение заставило Петра возвратиться. Он понял, что настало ему время своей смертью прославить Бога, что Христос, «страждай в рабех своих, якоже во истиннех Своих чудесех, хощет и в его теле пострадати в Риме».

Смерть апостола Петра была предварена девятимесячным заключением в мамертинской темнице, которая находилась у подножия холма Капитолийского. Вероятно, ближайшим поводом к обречению его на смерть были сведения о нем как о старейшем и ревностнейшем учителе христианства и обращение некоторых придворных и преторианцев. Нерон определил его казнь перед отправлением своим в Грецию, и она последовала 29 июня 67 года. Петр кончил свою жизнь на кресте. Так исполнилось пророчество Иисуса Христа, сказанное ему в ночь страданий Богочеловека: *не можеши ныне по Мне ити, последи же по Мне идеши*, и другое пророчество, во время утренней трапезы подле Геннисаретского озера: *егда состарешися, воздежиши руце твои, и ин тя поящет, и ведет, аможе не хощеши.* Есть древнее предание, что Петр просил своих распинателей, чтобы они распяли его в обратном положении, ибо он считал себя недостойным уме-

реть в том именно виде, как благоволил умереть Сам Господь. Его желание исполнили: его пригвоздили ко кресту стремглав, и тем еще более увеличили мучения и без того ужаснейшей из казней. Так оставил свою телесную темницу дух первоверховного Петра.

По соображению преданий с изречением евангельским* можно заключить, что апостол Петр скончался в старости, на 7-м десятилетии жизни своей, на 37-м году апостольствования.

Путешествие святого апостола Петра в Рим и его мученическая смерть. Был ли он епископом Рима?

«Воскресное чтение», 1864, № 13

Что ап. Петр был в Риме, это не подлежит никакому сомнению, но вопрос в том, когда именно прибыл туда апостол? Римские христиане, думая авторитетом апостола Петра возвысить свою Церковь перед всеми другими Церквами, и особенно своего первосвященника перед всеми другими, с особенным усердием защищают мнение, будто св. Петр пришел в Рим еще во второй год царствования римского императора Клавдия и управлял там Церковью сряду *двадцать пять лет*. Но из Священного Писания мы достоверно знаем, что в указанное время и даже несколько позже ап. Петр был в Иерусалиме в узах наложенных на него Иродом, а смерть Ирода, последовавшая скоро по освобождении св. Петра из заключения, совпадает с четвертым годом царствования Клавдия. Кроме того, и после, спустя несколько лет, мы видели св. Петра в Иерусалиме на Соборе и потом – в Антиохии при встрече с Павлом. Явно, что Петр не мог быть в Риме во втором году царствования Клавдия, тем более не мог управлять там Церковью двадцать пять лет. Если был ап. Петр в Риме во время царствования императора Клавдия, то он был, разумеется, позже второго года его царствования. Повод к сему путешествию и обстоятельства пребывания св. Петра в Риме, по объяснению Евсевия, были следующие: некто Симон волхв, родом из Самарии, быть может, тот самый, который встречался там с апостолом Петром при первом обращении им самарян, начал возмущать народ своими волхвованиями. Достигши Рима, он увлек там за собою многих и пользовался уважением и славой почти божеской. Но, к счастию верных, «благое Провидение привело туда же и Петра. Будучи подкрепляем Божественною силою, св. апостол разрушил все то, что сделал соблазнитель, и, рассеяв-

* Ин. 21: 18–19; 1 Пет. 5:13. Соображения о том, что здесь разумеется Вавилон Египетский, а не Рим, как думают некоторые, и не Вавилон на реке Ефрате в Азии, изложены в Христ. чтении, 1852 г., ч. 2.

ши тьму ложного учения, разлил свет истины». Благоразумные из римлян увидели преимущества истинного божественного учителя перед ложным, слушали проповедь Петра об Иисусе Христе, и плодом сего было то, что некоторые из воинов императорского войска, обратившись к вере Христовой, просили Марка, сотрудника Петрова, передать им письменно то, что апостол проповедовал устно. Марк исполнил их просьбу — написал Евангелие, которое читал и одобрил сам ап. Петр для употребления христианам римским. Сколько времени св. Петр был в этот раз в Риме, неизвестно, но то достоверно, что он не оставался там долго, потому что св. апостол Павел, прибыв в Рим, не нашел его там и после в посланиях своих, писанных из Рима, не упоминает о Петре, а говорит в одном из них, что с ним был только Лука, а в другом – что Аристарх и Марк и Иисус, нареченный Иуст, *сии едини были ему споспешниками в Царство Божие* (Кол. 4: 11, 12).

Путешествие ап. Петра в Рим, о котором не может быть и сомнения, это – путешествие его при императоре римском Нероне. Свидетельства на это находим у Оригена и Лактанция. Первый говорит, что св. Петр пришел в Рим под конец своей жизни, а последний свидетельствует прямо, что это было уже тогда, когда царствовал Нерон. Известно, что этот тиран, первый из языческих государей, поднял убийственную руку свою на Церковь Христову. Юным чадам ее предстояла великая опасность, и нужно было необыкновенное мужество, чтобы не поколебаться в борьбе с ужасными мучениями, каким они были подвергаемы от бесчеловечного гонителя. Ужас этого гонения если не тяжестью мучений, то страхом и молвой распространился в отдаленнейших областях Римской империи. Услышав об опасном состоянии Церкви в Риме, ап. Петр поспешил туда на подкрепление верных, на разделение с ними страданий. Гонение Нероново на христиан в той сильной степени, в какой началось, продолжалось недолго, именно: в ноябре и декабре месяцах 64 года по рождестве Христовом, но совсем оно не прекращалось до самой смерти гонителя. Поэтому для укрепления верных апостолы Петр и Павел, оставаясь в Риме, занялись внутренним устройством Римской Церкви и поручили, как говорит св. Ириней, епископство для управления этой Церковью *Лину*. Поэтому тот же св. отец называет Римскую Церковь «основанною и утвержденною *двумя* славнейшими *апостолами – Петром и Павлом*».

Частным епископом какой-либо Церкви св. Петр, как апостол и вселенский учитель, не мог быть, ибо ап. Павел полагает резкое различие между апостолом и епископом, когда говорит: *Той (И. Х.) дал есть овы убо апостолы, овы же пророки, овы же благовестники, овы же пастыри и учители* (Еф. 4:11). И для чего бы св. Петру поставлять при жизни своей епископом римским *Лина* или кого-либо другого, если бы он сам там был епископом? Что же касается до преемства в епископстве после Петра, на основании которого римские

папы думают утвердить свою вселенскую власть над Церковью, то оно ничем не возвышает их кафедры перед кафедрой иерусалимской, александрийской, где епископы могут хвалиться таким же преемством, потому что первые из них рукоположены самими апостолами, а *Еводий*, первый епископ Антиохийский, был рукоположен именно апостолом Петром. Преемство апостольства ни к кому не перешло и не могло быть передано от апостолов, потому что апостолов поставляли не апостолы, а Сам Господь, как это ясно видно из примеров избрания Матфия и призвания Павла.

Между тем, утверждая уверовавших, св. Петр не переставал учить и неверных. По свидетельству одного древнего христианского писателя (Лактанция), проповедь Петра, подкрепляемая чудесами, которые он творил во имя Иисуса Христа, была так успешна, что не только из Рима, но и из окрестных мест народ в великом множестве с каждым днем отставал от идолопоклонства и обращался к истинной религии. Римское правительство, заботившееся издревле о неприкосновенности старой религии, конечно, не могло равнодушно смотреть на чрезвычайный успех новой религии, и это заставило Нерона, как говорит тот же писатель, «устремиться на разрушение небесного храма и попрание правды». Для достижения этой цели он решается погубить святых апостолов, как виновников распространения Церкви Христианской, и с этим намерением заключает их в темницу. Но верные, как гласит древнее предание, узнав об опасности, угрожавшей св. Петру, просили его и дали ему средство удалиться из Рима. Амвросий св. пересказывает, что Петр, выходя из Рима, увидел Господа, идущего к нему навстречу, и с простодушным любопытством спросил: «Куда Ты, Господи, идешь»? «Иду в Рим опять страдать», — отвечал Господь, объясняя тем волю Свою пострадать в учениках Своих. Святой Петр понял эту волю Господню и возвратился в Рим. В это-то время писал он к малоазийским христианам второе свое послание, в котором как бы наводит мысль нашу на только что рассказанный случай, когда говорит: *скоро есть отложение телесе моего, якоже и Господь наш Иисус Христос сказа мне* (2 Пет. 1:14). Это послание есть последнее апостольское завещание св. Петра верным. В нем апостол увещевает христиан преуспевать в познании веры, умоляет остерегаться лжеучителей и, опровергая ложное мнение ругателей, представляющих обетования Божии несбыточными, научает, как должно вести себя в ожидании скорого пришествия Христова.

Единогласное свидетельство древних утверждает, что св. Петр, когда узнал, что осудили его на крестную смерть, просил мучителей своих, чтобы они распяли его на кресте головою вниз, потому что почитал себя недостойным страдать и умереть так, как страдал и умер Богочеловек. Усердные христиане заметили место погребения св. Петра. На этом месте теперь в честь св. апостола возвышается один из великолепнейших храмов в мире.

Приматство апостола Петра

Фаррар. «Первые дни христианства»

Что ап. Петр был в некоторых отношениях главным руководящим апостолом, этого никто не будет оспаривать, но что он никогда не имел главенства, приписываемого ему римско-католическими писателями, это можно доказать даже на основании Нового Завета. Всякий, кто исследует список двадцати восьми прерогатив ап. Петра, исчисляемых Баронием, увидит в их крайней натянутости лучшее опровержение притязаний римского приматства. Ап. Петр имел, так сказать, первенство в порядке, но не первенство во власти. Такое первенство Спаситель выразительно отрицал (Мф. 20: 25–27; Лк. 22: 24–26). В своем послании ап. Петр не принимает титул апостола, а только называет себя сопресвитером и порицает все попытки «господствовать над наследием Божиим». Другие апостолы посылают его в Самарию. Церковь Иерусалимская с негодованием требует его к ответу за тот смелый шаг, который он сделал в отношении Корнилия сотника. Ап. Павел в Антиохии противодействует ему лично и заявляет притязания быть отнюдь не ниже самого главного апостола, присваивая апостольство необрезания, то есть всего языческого мира, как исключительно свое собственное. Ап. Петр не был специально «учеником, которого любил Иисус», и хотя он получил от Спасителя некоторые из высочайших похвал, он в то же время навлек на себя и самые жестокие укоры. Даже когда мы обратимся к отцам Церкви, то найдем, что св. Киприан говорит, «что остальные апостолы были то же, что был и ап. Петр, – одаренные равным участием как в чести, так и во власти». Пресвитер Исихий называет не ап. Петра, а св. Иакова «князем священников, вождем апостолов и венцем среди глав, светлейшим среди звезд». Он называет ап. Андрея «Петром прежде Петра». Св. Кирилл Иерусалимский говорит, что Петр и Иоанн были равночестны. Обетование дано было одинаково всем апостолам (Мф. 18: 17, 18; Ин. 20: 21–23), и в Апокалипсисе не делается различия между Кифой и остальными из двенадцати (Апок. 21:14). Он был знаменитейший среди апостолов, но *верховным* он никогда не был.

Наружный вид апостола Петра. Основные черты его характера и деятельности до возрождения и по возрождении Святым Духом

«Воскресное чтение», 1864–65, № 14

Святой апостол Петр был среднего роста и стройного сложения тела. Лицо у него было бледное и особой белизны; волосы на голове и на боро-

де – кудрявые и густые, но не очень длинные; глаза – черные и покрасневшие, как бы от плача; брови – высокие, нос – довольно длинный, тонкий и немного поднятый на конце. Так описал нам, по древнему преданию, изображение его Никифор Каллист. Прибавим еще к этому, что Петр, по замечанию блаженного Иеронима, под старость не имел волос на верхней части головы – и мы будем иметь понятие о наружном виде святого апостола очень сходное с тем, какое дают нам изображения его, встречающиеся обыкновенно в наших святых храмах. Тем ли остался ап. Петр по внутренним чертам характера и души своей, чем он является нам в первое время по призвании в апостолы? Сравнивая в этом отношении жизнь ап. Петра до просвещения его Духом Святым с жизнью его после того, не можем не видеть, что тот же ап. Петр является тем же и по вознесении Иисуса Христа на небо, но не таким – тайна благодатного возрождения положила видимую печать на всех чертах души апостола Петра. Поучительно и назидательно всмотреться в основные черты характера и деятельности святого апостола до возрождения и после возрождения его.

Мы видели, что в св. ап. Петре, до возрождения его Духом Святым, все являлось неустойчивым, нерешительным, двойственным. Он иногда обнаруживал недоумение в понимании истин довольно простых и ясных, иногда же проявлял способность легко и скоро уразумевать самые высокие тайны. Сердце Петрово, которое св. Иоанн Дамаскин по основным чертам называет твердым и жестоким, могло, однако ж, любить Господа Иисуса Христа так пламенно, что в этом отношении св. Златоуст называет ап. Петра «горячим любителем Христовым». Мы видели, что тот человек, который своей неудержимой горячностью часто оскорблял Иисуса Христа, заслуживает при всем том у Него преимущество доверия перед другими апостолами. Такую же двойственность и неустойчивость видели мы в намерениях и действиях Петра. Он оставляет семейство, дом, занятия свои, для того чтобы последовать за Христом, и вместе с тем не может отстать от некоторых ложных мнений и видов честолюбивых; послушен в таких случаях, когда разум имел бы прекословить, и – непреклонен в некоторых случаях до того, что вместо слов его нужно было вразумлять делом; имел веру твердую, как камень, но иногда обличаем был в маловерии; решителен и мужествен в намерениях, но часто малодушен в действиях, горяч и ревностен, как юноша, и в то же время простодушен, как дитя; незлобив, когда его называют сатаною, и огорчается, когда замечает легкий упрек в погрешности. Посмотрим и сравним, чем является апостол Петр после воспитания и приготовления его к званию апостольскому Самим Иисусом Христом и – после возрождения и просвещения его Духом Святым. Не более как через 50 дней по смерти Иисуса Христа апостол Петр является всенародным обличителем этого убийства и, несмотря на то, что мог и должен был опа-

саться той же участи, какую испытал его Учитель, не боится главнейшим виновникам смерти Иисуса Христа говорить: *вы убили Его, повесивши на древе, но Он воскрес.* Ему запрещают, под страшной угрозой, проповедовать о имени Иисусове, но он пренебрегает угрозою и говорит, что *не может* не свидетельствовать того, что видел и слышал; его подвергают биению за дерзновение проповеди, а он благодарит Бога, что сподобился потерпеть ругание за имя Христово; его заключают в темницу — он благодушествует и в заключении; наконец, осуждают его на мучительную смерть — и он просит мучителей усугубить свои страдания. Это тот самый апостол Петр, который прежде устрашился вопроса служанки о его сообществе с Иисусом Христом и отрекся от Него с клятвой при другом вопросе слуги!.. Но готовый вступить в борьбу с целым миром за имя Христово святой Петр был, однако, до всецелого самоотвержения послушен теперь воле Божией: *повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком* (Деян. 5:29) — вот правило св. Петра и в деле апостольского служения его, и во всей жизни его.

Но это все свойства св. Петра, которые и прежде принятия им Духа Святого замечаемы были в его душе и теперь являются только усовершенными силой Святого Духа. А вот в нем дарования — чисто благодатные. Это – дар языков, дар помазанного слова и проповедания. На что лучше похвалы, как похвала врагов, а они, как известно, удивлялись дерзновению слова и силе проповеди ап. Петра. Удивление внезапное и необходимое, потому что они знали, что Петр был человеком неученым и простым. Но можно ли было узнать в нем некнижного рыбаря, видя, как благодатной силой своей проповеди увлекал он тысячи слушателей, то сообразуясь, где нужно, с их понятиями, то внушая им истины новые. Перед иудеями он является человеком, который глубоко уважает их боговдохновенное писание, еще глубже понимает смысл пророчеств его и с очевидной верностью сводит их с событиями; на язычников действует иным способом – возводя их неприметно от чувства и разума к духу и вере; тех и других непреобоdo уверяет, что нет под небом другого имени, кроме имени Иисуса, о *Котором подобает спастися,* и все истины своей проповеди излагает с такой трогательной простотой и силой, которая одинаково доступна и убедительна и для людей простых и неграмотных, и для великих мудрецов и философов. Кроме речей, записанных к книге *Деяний апостольских,* и двух посланий св. Петра не осталось нам более письменных памятников от его апостольской проповеди. Это оттого, что апостолы вообще не писали без особенной нужды, а больше хотели *глаголати усты ко устом,* чтобы радость и слушающих и говорящих была совершеннее (2 Ин. 1:12; 1 Ин. 1: 13, 14). Но дар слова и проповеди на разных языках в св. Петре могли почесть неестественным даром только те, которые знали, что Петр не имел его в такой мере от природы и не приобрел наукой.

Между тем Петру нужно было непререкаемое свидетельство того, что он проповедовал истину не свою, а Божию, и не силами своими собственными, а благодатными. Этим свидетельством служил для него дар чудотворений. Исцеление хромых, расслабленных и всякого рода недужных, а особенно воскрешение умерших, совершенные св. Петром, — это такие дела, которые не только превышают человеческие силы, но возвышают св. Петра над многими из посланников Божиих и дают всякому разуметь, что чудотворец действовал силой не своей, а Божией.

Это лучше всех знал апостол Петр и поэтому, несмотря на то, что даже апостолы почитали его одним из столпов Церкви Христовой, желал лучше именоваться по отношению к другим пастырям стада Христова не более как сопастырем (1 Пет. 5:1), а не главой Церкви, как впоследствии римские богословы злоумышленно и, так сказать, в обиду для апостола называли его. Он именовал себя не преемником Иисуса Христа, каким ни он, ни другой кто-либо не был, а *рабом* Господа и не ставил себя выше не только перед апостолами, но и перед *всеми получившими*, по его собственному выражению, *равночестную с ним веру в правде Бога и Спаса нашего Иисуса Христа* (2 Пет. 1:1).

Православная Церковь названием апостолов Петра и Павла первоверховными отличила их этим перед другими апостолами. Это потому, что они больше, чем другие апостолы, потрудились в распространении Царства Христова на земле. Св. Иоанн Златоуст в свое время не знал, кого из них предпочесть, и сказал, что они лучше друг друга и большие всея вкупе твари.

Древняя православная Церковь *одинаково* чтила память, и доблести, и заслуги двух первоверховных апостолов, в честь *обоих* установила *пост* и *в один день* празднует память их *одинаковым* торжеством.

Апостол Петр

«Воскресное чтение», г. 1

До преобразования его благодатию

1. *Мыслит не о том, что Божие, но что человеческое.*

Оттоле начат Иисус сказовати учеником Своим, яко подобает ему ити во Иерусалим и много пострадати от старец и архиерей и книжник, и убиену быти, и в третий день востати. И поем Его Петр, начат пререцати Ему, глаголя: милосерд Ты, Господи: не имать быти Тебе сие. Он же обращся, рече Петрови: иди за Мною, сатано, соблазн Ми еси: яко не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая Мф. 16: 21–23).

2. *Говорит, не зная что, и оказывается непонятным.*

И бысть, егда разлучистася (Моисей и Илия) от Него (И. Х.), рече Петр ко Иисусу: Наставниче, добро есть нам зде быти: и сотворим сени три, едину Тебе, и едину Моисеови, и едину Илии, неведый, еже глаголаше (Лк. 9:33).

Отвещав, Петр рече ему: скажи нам притчу сию. Иисус же рече им: еще ли и вы без разума есте? (Мф. 15: 15, 16).

3. *Водится преданиями человеческими.*

И вопросиша Его ученицы его, глаголюще: что убо книжницы глаголют, яко Илии подобает приити прежде? (Мф. 17:10). Сошедшеся вопрошаху Его, глаголюще: Господи, аще в лето сие устрояеши царствие Израилево? (Деян. 1:6).

4. *Страждет маловерием и утопает.*

Излез из корабля Петр, хождаше по водам, приити ко Иисусови. Видя же ветр крепок, убояся: и начен утопати, возопи, глаголя: Господи, спаси мя! И абие Иисус простер руку, ят его и глагола ему: маловере, почто усумнелся еси? (Мф. 14: 29–31).

5. *Самонадеян и всего ожидает от себя самого.*

Отвещав, Петр рече Ему (Иисусу Христу): аще и вси соблазнятся о Тебе, аз никогдаже соблажнюся. Аще ми есть и умрети с Тобою, не отвергуся Тебе (Мф. 26: 33, 35).

6. *Ищет награды за свои пожертвования.*

Тогда отвещав, Петр рече Ему (Иисусу Христу): се мы оставихом вся, и вслед Тебе идохом: что убо будет нам? (Мф. 19:27).

7. *Предается сну на Фаворе и в саду Гефсиманском.*

Петр же и сущии с ним бяху отягчени сном (Лк. 9:32). И пришед ко ученику, и обрете их спящих, и глагола Петрови: тако ли невозмогосте единаго часа побдети со Мною? (Мф. 26:40).

8. *Находится в опасности соделаться игралищем диавола.*

Рече Господь: Симоне, Симоне, се сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу: Аз же молихся о тебе, да не оскудеет вера твоя (Лк. 22: 31, 32).

9. *Не может терпеть креста Христова и не разумеет силы его.*

И поем Его Петр, начат пререцати Ему, глаголя: милосерд Ты, Господи, не имать быти Тебе сие! (Мф. 16:22). И тии ничесоже от сих разумеша: и бе глагол сей сокровен от них, и не разумеваху глаголемых. (Лк. 18:34).

10. *Трекратно отвергается Господа своего пред слугами архиерейскими.*

Отвержеся пред всеми, глаголя: не вем, что глаголеши! И паки отвержеся с клятвою, яко не знаю человека. Начат ротитися и клятися, яко не знаю человека (Мф. 26: 70, 72, 74).

11. *В любви к ближним не тверд.*

Приступил к нему Петр, рече: Господи, колькраты аще согрешит в мя брат мой, и отпущу ли ему до седмь крат? Глагола ему Иисус: не глаголю тебе до седмь крат, но до седмьдесят крат седмерицею (Мф. 18: 21, 22).

12. *Готов отражать силу силою.*

Симон Петр, имый нож, извлече его и удари архиереова раба, и уреза ему ухо десное (Ин. 18:10).

По преобразовании его благодатию

1. *Мыслит единственно о том, что Божие.*

Призвавше их (апостолов, начальники иудейские), заповедаша има: отнюдь провещавати, ниже учити о имени Иисусове. Петр же и Иоанн отвещавше к ним реста: аще праведно есть пред Богом вас послушати паче, нежели Бога, судите! (Деян. 4: 18–19). Повиноватися подобает Богови паче, нежели человеком (5:29).

Яко камение живо зиждитеся в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови Иисус Христом (1 Пет. 2:5). Господа Бога осветите в сердцах ваших (3:15). Тому слава, и держава во веки веков (5:11).

2. *Является мудрым и поучает мудрости.*

Видяще Петрово дерзновение и Иоанново, и разумевше, яко человека некнижна еста и проста, дивляхуся; знаху же их, яко со Иисусом беста (Деян. 4:13).

Подадите в вере вашей добродетель, в добродетели же — разум, в разуме же — воздержание. Сия бо сущая в вас, и множащаяся, не праздных, ниже бесплодных сотворят вы в Господа нашего Иисуса Христа познание (2 Пет. 1: 5–8).

3. *Слушается одного гласа Божия.*

Не ухищренным баснем последовавше, сказахом вам силу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, но самовидцы бывше величествия онаго (2 Пет. 1:16). Не можем бо мы, яже видехом и слышахом, не глаголати (Деян. 4:20).

4. *Силен верою и чудодействует.*

Рече Петр *(хромому):* сребра и злата несть у мене: но еже имам, сие ти даю: во имя Иисуса Христа Назорея, востани и ходи! И ем его за десную руку, воздвиже; абие же утвердистеся его плесне и глезне, и вскочив ста, и хождаше (Деян. 3: 6–8. См. еще 5: 3–10; 9:34; 39:41).

5. *Смирен и все относит к силе Божией.*

Мужие израильтяне, что чудитеся, или наны что взираете, яко своею ли силою или благочестием сотворихом его *(хромого)* ходити? (Деян. 3:12). Симон Петр, раб и посланник Иисус Христов, равночестную нам получившим Благодать (2 Пет. 1:1). Старцы иже в вас молю, яко старец сый (1 Пет. 5:1). Возлюбленнии, молю, яко пришельцев и странников (2:11), друг другу повинующеся, смиренномудрие стяжите: зане Бог гордым противится, смиренным же дает Благодать (5:5). Да о всем славится Бог ИисусХристом (4:11).

6. *Страдать за Господа почитает радостию.*

Идяху (апостолы) радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася бесчестие прияти (Деян. 5:41). Аще добро творяще и страждуще терпите, сие угодно пред Богом. Аще и страждете правды ради, блажени есте (1 Пет. 2:20; 3:14).

7. *Бодрствует духом и учит бодрствованию.*

Сего ради не обленюся воспоминати присно вам о сих, аще и ведите, и утверждени есте в настоящей истине (2 Пет. 1:12). Трезвитеся в молитвах и бодрствуйте (1 Пет. 4:7; 5:8). Хранитеся, да не лестию беззаконных сведени бывше, отпадете своего утверждения (2 Пет. 5:17).

8. *Провидит козни диавола и поражает его.*

Супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский, кого поглотити: ему же противитеся тверди верою (1 Пет. 5: 8, 9). Рече Петр: Анание, почто исполни сатана сердце твое солгати Духа Святому? (Деян. 5:3).

9. *Любит крест Христов и исповедует силу его.*

О немже спасении взыскаша и испыташа пророцы, иже о вашей благодати пререкоша: испытающе, в каково или в кое время являше в них Дух Христов, прежде свидетельствуя о Христовых страстех, и о словах, яже по сих (1 Пет. 1: 10, 11).

Неистленным сребром или златом избавистеся от суетнаго вашего жития, отцы преданнаго, но честною кровию, яко Агнца непорочна и пречиста, Христа (1: 18, 19; см. еще Деян. 2:36; 3:18; 1 Пет. 2: 6–8).

Христу пострадавшу за ны плотию, и вы в ту же мысль вооружитеся (1 Пет. 4:1; 2: 21–24; 4:12 и дал.).

10. *Небоязненно свидетельствует о имени Распятого Иисуса пред всем Синедрионом.*

Разумно буди всем вам, и всем людем израилевым, яко во имя Иисуса Христа Назорея, Его же вы распясте, Его же Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав! Сей есть камень, укоренный от вас зиждущих, бывый во главу угла, и пр. Видяще же Петрово дерзновение и Иоанново, дивляхуся (Деян. 4: 10–13; см. и еще 18:19; 5: 17–21, 29–33).

11. *В любви постоянен и утверждает других.*

Прежде же всех друг ко другу любовь прилежну имейте, зане любовь покрывает множество грехов и пр. (1 Пет. 4: 8–10; см. еще 2 Пет. 1: 5–7).

12. *Готов все терпеть для Христа.*

Не воздающе зла за зло, или досаждения за досаждение: супротивное же благословяще, ведяще, яко на сие звани бысте, да благословение наследите (1 Пет. 3:9).

Сказание о поклонении веригам св. ап. Петра и обретение честной его главы

И. Крылов. «Жития 12 апостолов». М., 1869

Здесь присовокупим сказание о веригах св. Петра, в которые он был закован при заключении в темницу по повелению Ирода во время первого гонения на христиан.

Когда распространилась по всему Иерусалиму весть о чудном и славном освобождении св. апостола Петра из темницы ангелом Божиим, тогда некоторые из христиан узы сии, спадшие со св. Петра в темнице, тайно взяли и хранили у себя усердно, как бы имея пред очами самого св. апостола, который по исшествии из темницы в скором времени оставил Иерусалим. К таковому хранению сих уз побуждала верующих целебная и чудодейственная их сила, полученная ими от прикосновения к святому апостольскому телу. Ибо как платки и полотенца, наполнившиеся потом апостола Павла, исцеляли болящих, так и вериги св. первоверховного апостола Петра, врезавшиеся некогда в его тело, исцеляли болезни и прогоняли нечистых духов. Посему христиане благоговейно почитали узы те, поклонялись им и, тщательно сберегая, передавали из рода в род, извещая притом, какого узника касались, чьим телом освящены они. Переходя таким образом от одного поколения к другому, вериги св. апостола Петра соделались достоянием святейшего патриарха иерусалимского Ювеналия. И когда супруга греческого царя Феодосия Младшего, благочестивая царица Евдокия, посетив Иерусалим, создав там многие церкви и украсив на свое иждивение святые места, собиралась уже возвратиться в Царьград, патриарх Ювеналий, видя ее великое благочестие и любовь к Богу, одарил ее многими священными сокровищами, а в том числе дал ей и чудотворные вериги св. первоверховного апостола Петра. Привезя святыню сию в Царьград, царица Евдокия одну из вериг положила в храме святого апостола Петра, а другую послала в Рим своей дочери Евдоксии, бывшей в замужестве за римским императором Валентианом III. Евдоксия, подражая благочестию матери своей, с радостью приняла это бесценное сокровище и, создав храм во имя св. апостола Петра на горе Ексквилинской, положила в нем присланный матерью дар. Тогда найдена и третья верига, которою св. апостол был скован, по повелению мучителя императора Нерона, и она была также положена в храме том. А при сем установлен и праздник Поклонения честным веригам святого и всехвального апостола Петра в шестнадцатый день января месяца.

Честное тело св. апостола Петра оставалось почивающим в Риме, но глава его перенесена была в Царьград, и в истории упоминается, что во время пятого Крестового похода, когда крестоносцы овладели Царьградом, тогда со множеством другой святыни найдена там и честная глава апостола. Когда же венгерский король Андрей II возвращался из шестого Крестового похода, в котором принимал деятельное участие, тогда, проезжая Царьградом, принадлежавшим в сие время латынам, взял с другою святынею и главу св. Петра и привез ее в Венгрию, где как от нее, так и от другой привезенной им из Царьграда святыни совершались многие чудеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 15-й ГЛАВЕ

1) Начало ересей в Церкви Христовой (из *Шаффа*) *Митропольского.* «Прав. об.», 1861, 6.

2) Чтения о св. ап. Павле. Апостольский Собор. «Воскр. чт.», 1872, № 20.

3) *К. Пер-ов.* Беседа об апостольском Соборе в Иерусалиме, в применении к современному положению Св. Церкви Христовой. «Воскр. чт.», 1892, № 46.

4) Об апостольском Соборе. «Руков. для с. п.», 1877, 2.

5) О том же, *Иннокентия, архиеп. Херс.* Св. ап. Павел. Сочин., т. 9.

6) Ст. 36–41. Гал. 2:11 и дал. *Прот. Михайловский.* Размолвка у Павла с Петром и Варнавою. Св. ап. Павел, 40–42.

7) О том же, *Фаррара.* Жизнь и труды св. ап. Павла, 1.

8) *Прот. Горский.* Второе путешествие ап. Павла. Размолвка между Павлом и Варнавою. Еванг. история и история апостольской Церкви.

9) О том же, *Иннокентия, архиеп. Херс.* Сочин., т. 9.

10) *Игнатий, архиеп. Воронежский.* Чтения о св. первоверховном ап. Петре. О деяниях св. апостола после двух первых апостольских путешествий его до конца сказаний о нем в кн. Деян. О дальнейших путешествиях его и о кончине.

11) *Леонид, еп. Дмитровский.* Жизнь св. ап. Петра.

12) *Ф. Яковлев.* Апостолы. Вып. 1.

II. Второе путешествие апостола Павла (15: 36–41; 16–18:22)

Огорчение между апостолами Павлом и Варнавою (15: 36–41)

Св. Иоанн Златоуст. «Беседы на Деяния апостол.», ч. 2

По-видимому (между Павлом и Варнавою), произошло некоторое огорчение, но все это происходит по устроению (Божию), чтобы каждый из них занял соответственное себе место. С другой стороны, нужно, чтобы не все были в равной чести, но один начальствовал, а другой подчинялся, и это по устроению (Божию). Притом кипряне ничего такого не показали, что — бывшие в Антиохии и другие; для одних нужен был нрав более мягкосердечный, а для других — напротив. *Варнава же восхоте пояти с собою Иоанна, нарицаемого Марка. Павел же глаголаше отступльшаго от нас в Памфилии и не шедшаго с нами на дело, на неже посланы быхом, не пояти сего с собою. Бысть убо распря, яко отлучитися има от себе. Варнава убо, поем Марка, отплы в Кипр: Павел же, избрав Силу, изыде предан благодати Божией от братий* (ст. 37–40). И в пророках мы видим различные характеры и различные нравы, например: Илья строг, Моисей кроток. Так и здесь — Павел более тверд. Но смотри, как и при этом он кроток. Он просил, говорит (писатель) *отступльшаго от них в Памфилии не пояти с собою.* Как военачальник не желал бы иметь при себе оруженосца постоянно небрежного, так (поступает) и апостол. Это и других вразумляло, и того самого исправляло. Итак, скажешь, Варнава был не хорошего нрава? Отнюдь нет — думать так о нем весьма нелепо. Ибо не нелепо ли считать его дурным за такое маловажное дело. И смотри, во-первых, от того не произошло никакого зла, что они разлучились друг с другом, сделавшись, таким образом, достаточными для всех язычников, а напротив — великое благо; во-вторых, если бы этого не случилось, то они не легко решились бы отделиться друг от друга. Подивись лучше тому, что (писатель) не умолчал об этом. Но скажешь, если следовало разделиться, то можно было и без распри? Но здесь особенно и обнаруживались челове-

ческие свойства их. Ибо если этому следовало быть во Христе, то тем более — в них. С другой стороны, распрю нельзя называть предосудительной, когда каждый препирается о таких предметах и с такой справедливостью. Если бы кто из них огорчался, домогаясь собственной пользы и собственной чести, то, действительно, было бы неодобрительно; если же каждый из них, желая учить и наставлять, отправляется один одним, а другой другим путем, что здесь предосудительного? Многое они делали и по человеческому рассуждению, ибо не были камнями или деревами. И смотри, Павел выражает неудовольствие (на Марка), но приводит и причину. Он уважал Варнаву за великое смирение, за то что он находился при нем, разделял с ним столько трудов, но уважал не так, чтобы пренебрегать долгом. Кто из них советовал лучше, не наше дело исследовать; по крайней мере, великое было смотрение (Божие), что одни (из верующих) удостоились вторичного их посещения, а другие — ни одного. В Антиохии они не просто пребывали, а учили. Чему учили? Что проповедовали? Что нужно было как для верующих, так и еще не верующих. Было множество соблазнов, и потому присутствие их было необходимо. А что касается их распри, то мы должны смотреть не на то, в чем они были не согласны, а на то, в чем они согласились между собой. Разделение их послужило к большему благу, которое произошло по этому поводу. И врагами ли они расстались? Нисколько. Ибо и после того Павел в посланиях своих упоминает о Варнаве с великими похвалами (2 Кор. 8:18). Распря бысть, говорит (писатель), но не вражда, не раздор. Распря сделала то, что они разделились — и хорошо. Ибо что после каждый из них порознь предпринял полезного, того не сделал бы по тому самому, что были бы вместе.

Мне кажется даже, что и разделение произошло у них по согласию и что они сказали друг другу: так как я не желаю этого, а ты желаешь, то, чтобы нам не ссориться, разделимся по разным местам. Таким образом, они сделали это, совершенно уступая друг другу. Варнава хотел, чтобы оставалось мнение Павла, и потому отделился; также и Павел хотел, чтобы оставалось мнение Варнавы, и потому делает то же и отделяется. А Марку эта распря принесла большую пользу. Строгость Павла вразумила его, а доброта Варнавы сделала, что он не остался; так распря, бывшая между ними, достигает одной цели — пользы. Видя, что Павел решается оставить его, Марк весьма устрашился и осудил себя, а видя, что Варнава столько расположен к нему, он весьма возлюбил его; таким образом, распря учителей исправила ученика — так он далек был от того, чтобы соблазняться ею. Ибо если бы они делали это для собственной чести, то, конечно, он мог бы соблазниться, но так как они препирались для его спасения и единственно для того, чтобы показать, как премудры советы (Бога), удостоившего его такой чести, то что здесь предосудительного?

ГЛАВА 16

Путешествие апостола Павла до Фессалин (1–40)

Иннокентий, архиепископ Херсонский. Сочинения, т. 9

Гл. 16, ст. 1–3. Он посетил церкви в Сирии, Киликии, в Дервии и Листре. В сем последнем городе он взял с собой молодого ученика по имени Тимофей. То был иудей по матери, по отцу язычник. Еще до пришествия апостола он уже знал Христа и своим поведением (вероятно, и проповедью) снискал себе всеобщее одобрение не только в Листре, но и в Иконии. Павел, обладая даром проникать в души и сердца, тотчас заметил редкие способности юного Тимофея и сделал его своим спутником. Поелику подлежало опасаться, что Тимофей, как необрезанный*, будет соблазном для христиан из иудеев, коим всем известно было его происхождение от язычника, то апостол совершил над ним обряд обрезания. Он, бывши в Иерусалиме, не согласился обрезать Тита (Гал. 2:3), потому что сей и по отцу и по матери был язычник, а посему обрезание его было соблазнительным нарушением свободы христианской; но Тимофей, происходя от матери иудеянки, мог быть обрезан без нарушения сей свободы, ибо тогда еще все почти верили, что обрезание нужно для иудея в христианстве. Учитель язычников и здесь, как и в других случаях, смотрел на обрезание как на вещь безразличную и поступил сообразно своему мнению об употреблении безразличных вещей – употреблять их так, чтобы из них выходило как можно более пользы. «Павел, – говорит Златоуст (Толк. на Деян.), – обрезал Тимофея, дабы упразднить обрезание, ибо обрезанный будет проповедовать учение апостола о том, что не нужно обрезание». Таковой поступок, по замечанию того же отца Церкви, обнаруживает, что Павел был совершенно свободен от предрассудков, что он, при всей ревности по свободе христианской, не был, однако же, предубежден против обрезания, знал его цену и умел делать из него употребление.

Ст. 4–7. Взяв Тимофея, Павел проходил прежние города, извещая учеников об определении Иерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся язычников от обрядового закона. Извещение сие было тем нужнее, что из Палестины уже готовились выйти безрассудные ревнители сени законной, дабы прекращать труды и успехи апостола. Павел скоро проходил те места, в коих проповедовал Евангелие, конечно, потому, что посеянные семена жизни сами собой давали вожделенные плоды. Впрочем, и краткое посещение прежнего учителя сопровождаемо было видимым ум-

---

* Сын иудеянки от язычника не мог быть обрезан без согласия отца, как видно из Талмуда, а отец Тимофея, вероятно, не хотел видеть его обрезанным. Теперь его не было в живых.

ножением верующих и утверждением в вере слабых (Деян. 16: 4–6). В сие время основана Павлом Церковь Галатская, которая сначала принесла весьма много духовной радости, а потом еще более сердечной печали своему основателю. Несмотря на бедность внешнего состояния Павла и на гонения, коим он всюду подвергался, галаты приняли его со всем уважением, приличным посланнику Божию, и слушали Его, как ангела Божия, как самого Иисуса Христа. Любовь к его учению, преданность к его лицу вскоре возросли в сердцах их до того, что они, если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему. Столь благословенное сеяние, без сомнения, принесло бы богатейшую жатву, если бы плевелы иудейства, посеянные руками палестинских выходцев, не прозябли на сей удобренной благодатью ниве, как увидим впоследствии (Гал. 2:3).

Из Галатии апостол хотел идти на проповедь в Азию*, но был удержан Духом Святым. Подобным образом Провидение остановило его, когда он из Мисии думал перейти в Вифинию**. Очевиднейшее доказательство, как все великое дело распространения христианской религии зависело от невидимого управления Духа Божия! Один только сей Водитель, испытующий сердца и утробы, мог безошибочно видеть, где труды проповедников Евангелия не останутся без плода. Азия и Вифиния, конечно, еще не были способны к тому, чтобы для них воссиял свет славного благовествования о Христе.

Ст. 8–15. Итак, вместо Вифинии Павел пошел в Троаду, город, лежавший недалеко от древней Трои, на восточном берегу Эгейского моря. Здесь в ночном видении предстал ему некоторый муж*** и молил его придти к ним в Македонию для подания духовной помощи. Апостол заключил из сего, что сам Промысл призывает его проповедовать Евангелие македонцам. Вследствие сего проповедники отплыли на остров Самофракию, а на другой день пристали в Неаполе – одном из приморских городов Македонии. Не останавливаясь в сем городе, Павел поспешил в Филиппы****.

---

* Поелику и прочие города, через которые проходил апостол, и сама Галатия принадлежали к Малой Азии, то под Азией должно разуметь здесь Ионию, которая в древности известна была под сим именем.

** Каким именно образом Павел был остановлен Духом Святым, чтобы не идти в Азию и Вифинию, нельзя определить при молчании Св. Писания.

*** Кто был сей муж? Некто в образе македонца. Сей образ мог принять ангел, или он мог быть произведен в воображении Павла высшей силой.

**** Св. Лука называет Филиппы первым городом сей части Македонии: Деян. 16:12. Но главные города Македонии, разделенной на 4 части, были: Амфиполь, Фессалоники, Пелла и Пафлагония. Несогласие сие примиряется тем, что название πρώτη (первый), как явствует из древних монет, иногда давалось не одним главным, но и знаменитейшим городам. Поелику св. Лука при повествовании о путешествиях Павла с сих пор третье лицо переменяет на первое (Деян. 16:11), то вообще полагают, что он в сие время сделался спутником Павловым, но где именно и по какому случаю соединились сии два великие мужа, неизвестно.

здешние иудеи имели за городом молитвенницу. Апостол, придя к ней в следующую субботу, вступил в разговор с женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую землю; особенно тронута была одна богатая и набожная женщина из Фиатира, торговавшая багряницею, именем Лидия. Окрестившись со всеми своими домашними, она убедила проповедников избрать дом ее своим жилищем.

Ст. 16–24. После сей утешительной встречи ожидала апостола новая, весьма неприятная. В городе одна служанка была одержима духом прорицания. Верили, что она может предсказывать будущее, и сия вера доставляла господам ее большой доход. Принуждаемая духом злобы или собственной совестью, сия несчастная сопровождала Павла всякий раз, когда он шел на молитву, и кричала в слух всех: «Эти люди – рабы Бога Всевышняго, которые возвещают нам путь спасения». Павел, который, подобно великому Учителю своему, Иисусу Христу, не хотел, чтобы божественность его учения получила свидетельство из таких уст, кои разверзлись для пророчества по любостяжанию, именем Господа Иисуса повелел нечистому духу выйти из нее. Прорицательные уста служанки сомкнулись, вместе с сим исчезли и корыстолюбивые виды господ ее. Нечистый дух, вышедший из первой, как бы перешел в последних. Они напали на Павла и его спутников и повлекли их на судилище. Если не совесть, то благоприличие не позволяло открыть истинную причину их негодования на добродетельных и миролюбивых странников, и корыстолюбие, по обыкновению, прикрылось личиной любви к отечеству и религии. Говорили: «Сии люди, которые суть иудеи, возмущают наш город, проповедуя богослужение, которого нам, римлянам, принимать и исполнять не следует». Обвинение подействовало: мятежный народ толпами бросился на невинных проповедников Евангелия; самые судьи, забыв свое достоинство, осыпали их ударами. Изъязвленные, они ввержены были в темницу; страже приказано было усугубить надзор; для большей безопасности ноги узников забиты были в колоду.

Ст. 25–34. Но для Слова Божия нет уз (2 Тим. 2:9). В полночь, когда земные судьи совершенно не думали об узниках, Павел воззвал к Судии небесному – не для того, чтобы молить Его об отомщении, но чтобы в духе веры и святой преданности излить перед Ним чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая воплями ропота и отчаяния темница, может быть, в первый раз огласилась звуками чистой равноевангельской молитвы – зрелище умилительное для всякого, кто не совершенно закоснел в грехе, способное пробудить совесть самого упорного грешника! Узники слушали апостолов с безмолвным вниманием, слышал и Тот, перед Коим не таится ни одна слеза невинности, ни один вздох правды. Землетрясение вдруг с такой силой поколебало основания темницы, что все двери ее растворились сами собою. Между прочим, произошло то, чего обыкновенное явле-

ние в сем роде никогда произвести не может, — с заключенных спали все узы. За умилительным явлением непоколебимой преданности Промыслу последовало явление отчаянного малодушия. Отверстые двери темницы не позволяли сомневаться, что узники воспользуются сим случаем для своего спасения, тем более надлежало опасаться за Павла и его спутников, отданных под особенное смотрение. Посему темничный начальник извлек меч и хотел вслед за мнимыми беглецами бежать из сего мира. Он не знал Бога Павлова, не знал, что на апостолах были другие узы, коих не могло расторгнуть никакое потрясение не только земли, но и неба, что они были связаны Духом (Деян. 20:22). «Не делай себе никакого зла, — воскликнул Павел, — мы все здесь!» При сих словах гибельное смятение отчаяния уступило место новому смятению чувств в душе римлянина. Он с трепетом входит в темницу, не видит более уз на заключенных, но видит, что никто из них не помышлял о бегстве. Можно ли было не повергнуться с благоговением перед сим явлением торжествующей непорочности? Римлянин пал к ногам Павла и Силы и молил разрешить собственные его узы — узы душевного ослепления, в коих содержало его идолослужение. Такова сила добра над сердцем человеческим! Когда ужас римских законов и казней не мог исправить сердца преступные, одно молитвенное излияние сердечных чувств, сделанное узником, так сильно подействовало на преступников, что они явили пример повиновения законам достойный времен Регула! Но сей узник был — Павел! Проникнутый страхом Божиим, начальник темничных стражей не думал более о страхе человеческом. Проповедники взяты были к нему в дом, их раны омыты, а ему преподано крещение.

Ст. 35–40. Когда таким образом усердствовала к Павлу и его сотрудникам сердечная признательность новых чад его по вере, самая злоба врагов должна была преклониться перед их кротостью и невинностью. Пораженные ужасом необыкновенного землетрясения, которое могли представлять наказанием за оказанную несправедливость, рассмотрев дело и свою опрометчивость или, наконец, узнав о случившемся в темнице, градоправители прислали к темничному начальнику приказание отпустить апостолов. Начальник с удовольствием спешил исполнить оное, но напрасно. «Как? — возразил Павел. — Нас, граждан римских, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают! Нет, пусть придут сами (судии) и освободят нас». В самом деле, наказать римского гражданина розгами и притом без суда (как был наказан Павел) значило оскорбить величие Рима и кесаря. Наказанный таким образом мог подвергнуть судей своих строжайшей ответственности. Но не того хотел Павел. Он желал только отклонить соблазн могший произойти оттого, если бы он тайно удалился из Филипп: враги его не преминули бы разгласить, что проповедники Евангелия спаслись постыдным бегством, воспользовавшись землетрясением

разрушившим темницу. Посему, когда градоначальники явились и, признавая свою несправедливость перед Павлом, смиренно молили его оставить город, он беспрекословно повиновался их желанию. Одно только могло еще удерживать проповедников в Филиппах — потребность утвердить в вере новообращенных, но чудо землетрясения, как справедливо замечает св. Златоуст, еще сильнее должно было располагать в пользу Евангелия филиппийцев по отшествии тех, для коих оно произведено Промыслом, притом вместо проповедника оставался обращенный начальник темницы. Из того, что апостолы не решились, хотя имели полное право, вопреки просьбам градоначальников, остаться в городе, видно, как тщательно избегали они всех случаев быть поводом к народным беспокойствам.

Видение святого апостола Павла

«Духов. бес.», 1876, 1, № 17

Когда сошли они в Троаду, было ночью видение Павлу: предстал некий муж, македонянин, прося его и говоря: «Прийди в Македонию и помоги нам». После сего видения тотчас мы положили отправиться в Македонию, заключая, что призывал насГосподь благовествовать там» (Деян. 16: 9, 10).

Нельзя без особенного чувства представить себе ту минуту, когда святой Павел, достигнув морского берега в Троаде, остановился в виду Европы, и когда в первый раз она явилась взорам его по ту сторону голубых волн Геллеспонта. Здесь предел родной ему Азии, а там неизвестная Европа. Что должен он был почувствовать, завидев вдали землю яфетидов? Вот он с светильником веры обошел всю *переднюю,* или прилежащую к восточному берегу Средиземного моря, Азию и возвестил повсюду имя Иисуса Христа. Довольно, казалось бы, всех перенесенных им опасностей и подъятых трудов. Для другого достаточно было бы нести духовное бремя столь многих основанных им Церквей, столь многих тысяч душ, обращенных им к Богу живому. Но сердце апостола расширяется вместе с успехами его проповеди, усердие растет по мере препятствий; Европа близко и влечет его к себе. За морем, расстилающимся у ног его, он видит Грецию, с ее блестящими искусствами и жалкими божествами; очами ума он видит Рим, этот царственный город, с коленопреклоненными перед ним народами; он обнимает мир неизмеримым взглядом своих апостольских стремлений... И вот в нем зарождается странная, несбыточная, по-видимому, мечта — покорить этот гордый языческий мир под державу Иисуса Христа.

«Тогда, — говорит св. Лука, — по наступлении ночи было видение Павлу. Предстал муж пред ним, и звал его, и говорил: „Перейди море и помоги нам“. Итак, Бог внял молитве апостола, пламенное желание сердца его освятил Своим повелением».

«Помоги нам!» Таков был вопль древнего мира, вопль гибнущего, крик отчаянного. Итак, вот заключительное слово блестящей цивилизации, многовекового развития человечества! Столько было мыслителей и мудрецов, столько лицеев и академий, столько рассуждений и исследований, столько законоположений и государственных учреждений, столько витий и гениальных писателей – и все это для того только, чтобы прийти, напоследок, к необходимости взывать: «Приди и помоги нам». Сомнение терзает нас, и, игралище всех возможных волн человеческой мысли, мы, наконец, потерпели крушение и выброшены на зыбучие пески безотрадного сомнения. «Помоги нам», ибо растление снедает нас, зараза проникла до мозга костей наших, мы не знаем уже, что такое правда и невинность; перед развратом нашим содрогается сама природа. «Помоги нам», потому что мы все – в неволе, все у ног того, кто обольстил и погубил первого человека. «Помоги нам», потому что боги наши мертвы, хромы, безмолвны, и жрецы наши смеются над собственными обрядами и жертвоприношениями. «Приди» – мы страждем, и для нас нет ниоткуда надежды. Итак, апостол, уверенный видением, готов предпринять это необычайное дело – идти спасать страждущее язычество. Через море, которое ему предстоит переплыть, не раз уже переходили завоеватели с своими многочисленными полчищами: Ксеркс, Александр и Кесарь – при виде их грозных полчищ с распущенными знаменами и громадными обозами говорили обыкновенно: «Мир перейдет скоро в руки другого властелина». Теперь с одного берега на другой утлый челн переносит четырех неизвестных мужей: Павла – тарсянина и учеников его – Луку, Силу и Тимофея; никто, конечно, и не заметил их плавания, никто не знал, кто они, куда и зачем плывут. Однако же эти люди предпринимают войну своего рода: хотят завоевать мир, основать негиблющее царство. И – чудное дело: они достигают своей цели, и мы, потомки народов, которым они принесли глаголы жизни и спасения, через осьмнадцать веков прославляем и благословляем их память!..

Итак, пусть эта замечательная страница из истории апостольских времен послужит к нашему назиданию. То, что было в Троаде, повторяется во все века Церкви и в событиях жизни каждого христианина. Всем, кто еще может внимать голосу веры, случалось слышать подобный призыв, вопль крайности и нужды, материальной или духовной, и голос этот звал нас и умолял о помощи. Внимаете ли вы этому голосу? Исполняете ли призвание ваше? – вопросы, на которые должна отвечать совесть каждого из нас.

Бывший Савл, иудей из секты фарисеев, тронулся воплем погибавшего древнего мира, потому что он был тогда уже апостолом Иисуса Христа, служителем Того, Кто сжалился над бедствиями погибавшего человека и Кто предал Самого Себя, чтобы спасти его. В Иисусе Христе видит теперь Павел Царя своего. Но какая же отличительная черта Его царства?

Оно все исполнено любви и самоотвержения. Все цари прежде Него и после Него имели в виду свое «возвышение». Он, Царь земли и неба, Один восхотел «смирить Себя». Все думали о себе: «Мы должны властвовать». Он один сказал: «Я пришел послужить и отдать душу Свою за спасение мира». Иисус Христос преклонил с высоты престола Своего взор Свой долу, услышал вопли и стоны преступного человечества – и для спасения его сошел в глубину бездны наших зол и нашего осуждения.

Каков Наставник, таковы должны быть и ученики. Иисус Христос и словом и примером Своим заповедал нам любить ближних, заботиться о меньшей братии Его. Он постоянно упоминал о тех, кого, казалось, никто дотоле не замечал. На них-то хочет Он обратить участие и заботы Своих учеников. Блаженными назовет Он в последний день и введет в славу Свою тех, кто помогал бедным, странным, болящим и страждущим. Сам Он ставит Себя на их место и делается в некотором роде представителем их. Кто помогает им, тот оказывает помощь и милосердие Ему Самому. Чтобы показать ученикам, до какой степени должно простираться служение их меньшей братии Его, Он, готовясь возвратиться на небо, опоясывается лентием, становится перед ними на колени и умывает ноги им, приняв, таким образом, самое положение и обязанности последнего из рабов и прибавив: «То, что Я делаю, делайте и вы».

Повсюду в учении Его проявляется эта заповедь о смирении, о любви к бедным. «Когда делаешь обед или ужин, не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни сродников, ни соседей богатых (из опасения), чтобы и они когда-нибудь тебя не позвали, и не получил бы ты воздаяния (опасаться, чтобы не получить воздаяние!.. Многие ли из нас знакомы с подобным опасением?). Но когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых – и блажен будешь, что они не могут воздать тебе» (Лк. 14: 12–14). Предположим, что мир усвоил бы себе дух этой заповеди и проникнулся им, – что тогда явилось бы перед нами? Мы увидели бы, что всякое преимущество, природное ли, приобретенное ли – богатство, власть, дарования, гений – налагают на человека обязанность – служить тем, кои не имеют этих даров. Силы эти, из которых грех так часто делает орудия своеволия и гордости, стали бы орудиями духовного возрождения и общего постепенного совершенствования. Стоящие на высоте помогали бы тем, кто внизу, восходить к свету и достигать своего назначения. Вместо редких подаяний, небрежно бросаемых в пучину людских нужд, вместо немногих добрых дел, совершаемых для того лишь, чтобы заставить молчать нашу совесть, и которыми мы скоро начинаем тяготиться, явилось бы постоянное попечение, устремленное на пользу бедных и страждущих. Мы увидели бы еще, что нации, образованные и просвещенные верой Христовой, вместо того чтобы из умственного превосходства своего над народами, еще погружен-

ными в уничижение идолопоклонства, делать орудие корысти и властолюбия, стали бы, напротив, снисходить к ним и говорили бы им словами Спасителя: *приидите, обедуйте* (Ин. 21:12). Тогда тот, кто обладает наукой, вместо того чтобы замкнуться в вельможное пренебрежение ко всем, сказал бы невежде: «Прииди и садись за трапезу познаний и возьми принадлежащую тебе на ней долю». И тот, кто имеет достаток, вместо того чтобы считать богатство подножием для эгоизма и средством выказывать обидную для других пышность, служащую притом не в пользу, а, напротив, во вред его собственному счастью, понял бы, что Бог вручает ему истинное и разумное попечительство над всеми теми, кто не пользуется благами земли, кто подавлен ежедневными заботами и тяжестью беспрерывного труда. Да, предположите, что все общество проникнуто этим духом и, побуждаемое его постоянным и могущественным воздействием, старается проводить свет, и жизнь, и преуспеяние в свои самые низшие слои, – не переменился ли бы вид человечества, не улучшились ли бы взаимные отношения народов, сословий и состояний? Не исчезла ли бы надобность бороться вооруженною силою против лютого недуга всеобщего равенства – сословной ненависти? Говорю об этих язвах, потому что они составляют коренное зло и опасность новейшей цивилизации.

Для истребления этого зла, для отвращения этой опасности требуется, прежде всего, чтобы любовь христианская господствовала в наших душах, чтобы, настроенные в духе Божественного Учителя, мы подражали примеру Его, служили ближним нашим всеми данными нам силами, чтобы, как святому Павлу, нам являлись в видениях страждущие и погибающие и чтобы, как он, мы были внимательны к голосу их, взывающему о помощи.

То ли мы видим на самом деле? Не случалось ли нам иногда, глядя на генеральную карту всех стран и народов и замечая на ней ограниченное пространство, какое занимает христианское народонаселение, почувствовать в душе глубокую печаль? Правда, много великого и геройского совершено христианскими миссионерами в Сибири, на Кавказе, в Японии, Китае, Тибете, Сирии и Африке. Но разве могут удовлетворить нас эти успехи? Можем ли мы удовольствоваться ими? Не так же ли и ныне языческий мир обращает к христианству свои взоры и говорит ему: «Приди и помоги нам?»

Еще большая часть земного шара погружена во мрак. В меньшей из частей мира – Европе – видим цивилизацию, со всем ее блеском, науками, удобствами путей сообщения, мягкостью нравов, утонченностью образа жизни, наслаждениями всякого рода. А там, в большей части Азии и Африки, дикое варварство, необузданный деспотизм, народы постепенно вымирающие от невежества, грубости, от голода, периодически посе-

щающего, например, Индию и Персию. Не надлежало ли бы ожидать, что такое безмерное неравенство должно год от года исчезать; что народы, освещаемые и согреваемые европейским христианским образованием, соединятся в общих усилиях – дать и остальным народам немного образования, немного правосудия, немного человечности? И, кроме того, до сих пор некоторые образованные народы пользовались своим умственным превосходством и своей силой лишь для того, чтобы притеснять и унижать слабейших и извлекать из них для себя выгоду; политика сильных по отношению к слабым была в продолжение целых веков лишь длинной цепью несправедливостей и угнетений, как, например, в Турции, и потому самое естественное чувство справедливости должно бы внушить им долг воздаяния и умиротворения. Мы хотели бы этого, но знаете ли, каким делом озабочены теперь христианские народы? Они наблюдают один за другим, подстерегают друг друга, пополняют свои арсеналы, и неизвестно еще – не ринутся ли опять завтра же друг против друга для взаимного истребления? Да, люди эти, которых вы встречали во всех частях света, которые разделяли одни и те же благородные труды, занимались одними и теми же возвышенными изысканиями в области науки, восхищались одними и теми же красотами искусства и природы, потрясались одними и теми же чувствами, более того, склоняли голову перед одним и тем же Богом, призывали одного и того же Искупителя – люди эти в день международной борьбы встречались как враги, истребляли друг друга как звери. Еще не зажили раны этих народов – и они как будто готовятся к новой войне, на новом поле битвы, на котором должен пасть, может быть, ваш единственный сын. Вот до чего мы дошли, вот как образованные народы исполняют свое назначение по отношению к остальному миру!

О, если бы хотя пастыри понимали свое призвание! Если бы они слышали голос страждущих и отзывались на него! Конечно, немало трудятся и они в наше время, но есть ли тут что-либо похожее на энергический великодушный порыв? Перед лицом этих двух третей наших ближних, коснеющих еще в язычестве, при виде разливающегося потока неверия и заблуждения не чувствуем ли мы с содроганием угрызения совести? Не слышим ли и мы голоса, который потряс душу святого Павла? Когда вы проходите через наши большие города и видите эту беззаботную и легкомысленную толпу, когда мимоходом наталкиваетесь на низость и порок, то в изящном, то в грубом виде, когда в глубине столь многих душ гнездится бесстыдное безбожие и на дне стольких огорчений таится отчаяние – находите ли вы, что пастыри Церкви могут оставаться спокойными и сказать: «Мы исполнили свое назначение, совершили дело, которое Бог вручил нам?» И как не скорбеть душой, когда подумаем о всех пустых спорах и междоусобных препирательствах, поглощающих наши живые силы,

наши способности и наше время? Для такой борьбы пища всегда найдется, первого встретившегося обстоятельства достаточно будет, чтобы раздуть пламя спора и отвлечь от своих прямых обязанностей тех, кому бы следовало делать свое ближайшее дело. Скажут, что необходимо защищать истину от нападений. Конечно, было бы преступлением под предлогом любви к ближнему проповедовать холодность к истинам откровения, которых мы должны быть блюстителями и проповедниками. Притом, делясь с другими истиной, мы тем лучше всего выражаем и доказываем любовь свою к ним, а оставить истину в пренебрежении значило бы истощить самые источники любви к ближнему.

Да, будем защищать истину или, лучше и вернее, засвидетельствуем ее сами своей преданностью и уважением к ней. Будем сами, первые, глубоко и искренне веровать в нее, доверимся ее могуществу более, чем доказательствам, которыми мы стараемся поддержать ее; исследуем глубину ее богатства, будем служителями и поклонниками святыни более, чем ее стражами; будем чаще находиться внутри святилища, а не около внешней его ограды. Будем не столько защитниками Евангелия, сколько исполнителями и свидетелями его; позаботимся прежде о том, чтобы самим быть верными истине и потом уже о том, чтобы торжествовать над нашими противниками. Иная победа в полемике не более как обман, мало удовлетворяющий рассудку и оставляющий юность в смущении. Доставлять торжество истине при посредстве наших страстей, наших вспышек и насмешек друг над другом, спускаться на почву личностей, наслаждаться злобной радостью, доставляемой уничижением наших пререкателей, — значит предаваться занятию бесплодному, бросать семена в песок и, еще хуже, унижать значение того дела, которому мы желаем успеха, возводить клевету на него. Нет сомнения, что без борьбы нам не обойтись, но дело в том, в каком духе мы будем к ней относиться и будет ли наша любовь к Богу, к ближнему и даже к врагам нашим достаточно сильна, чтобы изгнать из наших сердец всякие личные стремления. Св. Павел защищал христианскую истину с величайшей ревностью, с неотразимой силой. Но посмотрите, как он избегает напрасных словопрений и спешит туда, где он более нужен и где можно привлечь сердца людей к Господу!

Представив иудейству упражняться в ученых спорах, он прислушался к стонам язычников и как бы так сказал себе: «Пришло время, пойдем и приведем Богу народ новый». И он, ученик Гамалиила и сам законоучитель, прежний фарисей, прежний сектант, почувствовал в себе сердце способное неизмеримой любовью своей обнять весь мир — как иудеев, так и язычников.

Скажут, может быть, что вопль, слышанный святым Павлом, теперь не раздается вокруг нас и что когда нет призыва, то не на что и откликаться.

Правда, в наше время громче всего слышится крик материальной нужды, вопль о хлебе. Но не думаете ли вы, что и при Павле не было того же самого? Не думаете ли вы, что в Антиохии и в Афинах совесть в большинстве людей была менее притуплена, чем в наше время? Не полагаете ли, что ложная тишина, плотская беспечность не была тогда как бы нормальным состоянием грешников? Не думаете ли, что если бы святой Павел остановил свои взоры на одной внешности тогдашних греков и римлян, на их свободных нравах и самодовольных пиршествах, то он услышал бы голос заставивший его пуститься в Европу? Конечно, нет. Голос этот услышала, и угадала, и поняла его любовь к ближнему; внешние покровы были ею расторгнуты, и он услышал вопль душ целого народа и увидел, что они были в печальном и безнадежном состоянии. Но не ошибайтесь, и теперь все то же. Невзирая на горделивые притязания известного рода учености, несмотря на спокойствие духа, высказываемое многими людьми, во всякой душе, не погрязшей еще в чувственности и не обратившейся еще в плоть, как у людей допотопных, есть скрытая скорбь, требующая утешения, есть взволнованная совесть, взывающая о мире и о успокоении, есть остатки часто, увы, разбитые и оскверненные, но все же – остатки того алтаря, который святой Павел видел в Афинах и который был посвящен «неведомому Богу», но назначался Богу праведному, живому и истинному – Тому, Кто один может подавать нам прощение и помилование.

Я до сих пор говорил о людях вообще, но нет ничего бесплоднее обобщений. Теперь обращаюсь к каждому из вас, братья, искупленные Иисусом Христом. Слышите ли вы голос звавший святого Павла? являлись ли вам в видениях люди погибающие от незнания своего Спасителя?

Видения ваши! Знаете ли, какого они рода? Я скажу вам про это, ибо и вас преследуют видения – даже в безмолвии ночном.

Вот молодая и богатая особа, слушающая или читающая слова мои. Что видит она в своих снах? Грезились ли ей когда-либо некоторые из бедствий этого дольнего мира? Помыслила ли она когда, что в то время, когда все вокруг нее спешит угождать ее желаниям, предупреждать их, услаждать и украшать ее жизнь, – другие, также молодые, девицы растут при лишениях, в нищете, может быть, в пороке? Говорила ли она себе, что вера, пролившая на ее детство столько чистоты и сладостного небесного спокойствия, неведома в других семействах или находится там в жестоком поругании? Печалилась ли она о том, понимала ли свою обязанность и то счастье, когда подобные бедствия она могла бы облегчить своим участием и утешениями? Привиделось ли ей когда, что она сама идет по суровому, но благородному пути самоотвержения из любви к ближнему? Но едва ли я ошибусь, если скажу, что мечты и сны этой молодой особы обращены к удовольствиям света, к его похвалам, к его обольщениям... Она видит себя

даже и во сне прелестной, нарядной и грациозной; она слышит за собой шепот восхищения. Если этот сон назавтра повторится, если всегда в мечтах ее призрак этот будет манить и прельщать ее, если жизнь ее будет состоять в том одном счастьи, которое дает свет и упоение светом, то пусть ею любуются и носят ее на руках, пусть даже те, кого Бог дал ей в покровители и руководители и которые обязаны были говорить ей правду, пусть и они примешивают свои ласкательства к удивлению света. Но надобно разорвать завесу мешающую ей видеть, надобно сказать ей, что в сердце ее, под всей этой милой внешностью, нет ничего, кроме эгоизма во всем его безобразии... Какая же ожидает ее будущность? Какой ответ даст она в последний час? Какой неизбежный приговор будетуделом этой жизни без Бога и без земных скорбей!

Отмечу здесь одно мнение – весьма распространенное и излюбленное в свете. Нередко удается слышать, будто самопожертвование и дела благотворительности могут совмещаться с распутством и с увлечениями пылкого темперамента. Многие любят приводить удивительные черты некоторых полусветских женщин и с лукавым злорадством противопоставляют им прикрытый эгоизм тех, жизнь которых не подвергается нареканию.

Надо сознаться, что нередко встречаются примеры внезапного самоотвержения, неожиданной благотворительности, истинного великодушия среди людей весьма рассеянной и даже открыто преступной жизни. Понятно, что при терзаниях совести и тревогах сердца, вследствие безумных поступков, находят иногда на человека как бы припадки добрых дел – самоотречения и даже самопожертвования; он чувствует по временам потребность в пристанище, в убежище, в чем-либо таком, что хоть на минуту успокоило и умиротворило бы душу. Но что же в подобных порывах есть прочного и постоянного? Могут ли они искупить позор бессмысленной жизни, удаленной от Бога? Могут ли уничтожить пагубное действие примера? К тому же неужели вы верите в искренность таких порывов?

Обыкновенно люди, ведущие распутную жизнь, подмечают смешную сторону ложной набожности, но разве фальшивая монета водится в одной лишь нравственной области? Разве в свете нет ложной чувствительности, добродетели напоказ, льстивой приверженности – фарисейства, одним словом? За то только, что какая-нибудь легкомысленная женщина вздумает раз совершить одно из тех добрых дел, на которые христианка смотрит как на свои самые обыкновенные обязанности, на нее сыплются похвалы, щедрость ее превозносят до небес – разве это справедливо? Мимолетное движение души изменит ли жизнь этой женщины в ее основании? Что, если для нее целью существования останется по-прежнему одно удовольствие, то есть на самом деле эгоизм или отрицание истинной любви к ближнему?

Бывает, что эгоизм иногда мирится и с правильными убеждениями, полным приличием в поступках. При весьма похвальном образе жизни можно быть совершенно неспособным жертвовать собою для других. Можно иметь добродетели уважаемые в свете – привязанность к семейной жизни, уважение к своему долгу. Следствием этого бывает отвращение от шумных удовольствий и некоторая условная степенность, которая внушает довольство собою и внутреннее о себе хорошее мнение и даже уважение от знакомых. Отличающиеся этими добродетелями выражают ужас при одной мысли о неприличии или об огласке; они не сознают, что все делают для собственных своих интересов, из видов сословной гордости, из любви к комфорту, к богатству; они воображают себя христианами, хотя и не подчиняют себя заботам о ближних, ни лишениям, ни жертвам. Светские люди это очень хорошо примечают и про себя смеются. Но я отниму у них их злорадное веселье, когда скажу им: знаете ли, откуда проистекает такое чрезмерное ослепление? От вас. Да, от вас, ибо если бы вы не подавали примера рассеянной и порочной жизни, то никто не стал бы ставить себе в заслугу того, что он не развратен, не вор, не лишен чести. Это вы понижаете нравственный уровень, вы причиною того, что женщина спокойна в своей совести и считает себя безупречной, если только не нарушила обязанностей супруги. Если бы не вы, то она искала бы своего идеала выше и вместо того, чтобы воображать себя добродетельной потому только, что избегла падений, она узнала бы, что сверх обязанностей семейных существует бесконечный мир самоотречения и благотворительности. Если бы не вы, то эгоизм этот, которого мы не одобряем, остался бы без всякого прикрытия – он ужаснулся бы самого себя и своего преступного бездействия. Это вы усыпляете его. Не дозволим же долее укореняться тому лжемудрованию, будто рассеяние светской жизни не убивает любви к ближнему. Оно, напротив, самый лютый враг ее – оно отнимает принадлежащее ей время, а затем иссушает и искореняет способность любить и жертвовать собою для других.

Да, если вы проходите мимо страждущих, не замечая их, или слышите стоны нуждающихся и не обращаете на них внимания, то это потому, что светская суета помутила ваше зрение, сделала глухим ваше сердце и затыкает вам уши. Если голос бедного досаждает вам и напоминание о застое в делах благотворительности кажется вам докучливым, так это потому, что удовлетворение гордости, удовольствиям и всякой суетности бесстыдно поглотило долю нуждающихся в нашей помощи. Не заблуждайтесь: здесь решается вопрос о жизни вечной и о спасении. На пути, по которому вы идете, вы погубите вашу душу, вы погубите ее, невзирая на ваши православные верования, на ваше исправное хождение в церковь и ежегодную исповедь, потому что Бог требует от человека сердца – ваше же принад-

лежит миру и суете, сокровище ваше на земле, далеко от Бога, так и удел ваш в вечности будет не с ним.

А твоим внутренним очам, брат мой, какие являются видения? Когда ты смотришь в будущность, что в ней тебя манит и влечет? Помышляешь ли ты, что тебе не раз придется, может быть, постоять за правое и святое дело? Готовишься ли ты к борьбе? Заботишься ли о том, чтобы приобрести твердость ума и характера для противоборства злу и для борьбы со всем тем, что держит нас в рабстве, – и прежде всего – с плотью и с грехом? Проходят ли перед твоим воображением те нуждающиеся и страждущие, на пользу которых ты посвятишь твои телесные силы и твои душевные способности? Слышатся ли тебе голоса, взывающие как к святому Павлу: «Приди, помоги нам»? Но кто уверит меня, что ты не мечтаешь о суетных почестях? Может быть, идол твой – слава писателя. Тебе снится знаменитое имя, повторяемое тысячами уст, или богатство, со своим могуществом и влиянием, или высокое положение, быстро достигнутое... Может быть, выше всего этого видишь ты науку с ее благородными приобретениями и чистыми наслаждениями? Таковы ли твои мечты? Талант, богатство, знание – вот прекрасные средства, когда они посвящены на служение Богу, на усовершенствование человечества и на вспомоществование ему, но в противном случае они суть не более как орудия эгоизма и блестящие кумиры, отвлекающие от Бога наше поклонение и наше сердце.

Где в наше время люди, перед глазами которых проходят видения, подобные видениям святого Павла? Где те, чье сердце слышит страдания и нужды своего поколения и понимает, что следует помочь ему хотя бы ценою своей жизни? Святой Павел видел, что древний мир погибает, – и пошел к нему на помощь с проповедью Евангелия. Так ли поступаете вы, величающие св. апостола своим учителем? Вы думаете и говорите, что все эти великодушные порывы, заботы о благе общем не более как мечты, сновидение, грезы? Но вот еще за двадцать веков до рождества Христова один молодой пастырь из племени Авраамова рассказывал своим братьям свои сны. Эти сны в далеком будущем предвещали ему необычайную власть и славу, но братья слушали его с улыбкой презрения и ненависти и говорили, когда он шел к ним: «Вот идет сновидец!» И что же? Предчувствия его сбылись: сны стали действительностью. И о Самом Иисусе Христе даже близкие к Нему люди говорили: «неистов есть», а фарисеи уверяли: «беса имать»; неверующий же Пилат только пожал плечами и сказал: «Что есть истина?» Правитель Иудеи, римский военачальник Фест, выслушав мудрую, многосодержательную речь св. Павла, сделал одно замечание: «Твоя большая ученость, Павел, доводит тебя до безумия» (Деян. 26:24). Апостол показался ученому римлянину, без сомнения, *мечтателем*. Так смотрят на дело многие и нынешние *ученые*. «Мечтатель!» Но в том-то

и заключается обвинение миру, что любовь к ближнему, самоотвержение кажутся ему *мечтою*, а крест — *безумием!*

«Мечта, безумие!» А между тем Евангелие победило мир с мудрецами его. Если и ныне христиане будут стыдиться евангельского *безумия*, то мир отвергнет их, как угасший светильник, как *соль обуявшую*. Отдайте Евангелие в руки мирских мудрецов — они тысячу раз уронят его. Так называемые миром *мечтатели* тысячу раз доставляли ему торжество; *юроды о Христе* отдавали с радостью жизнь свою, любили Иисуса Христа не по расчету, не по ученым исследованиям, а всеми силами души, до самоотречения. Святой Павел, получив рассказанное выше видение, отправился немедленно в путь. Можно и теперь удостоиться самых возвышенных видений, можно почувствовать в сердце живой отголосок на самые трогательные призывы, можно испытать трепет благоговения перед христианскими идеалами — и тем не менее остаться жалким эгоистом, одним из бесполезных существ, которых Господь отвергнет в последний день и скажет им: *не вем вас*. Что же делать? Надобно отправиться в путь, то есть разорвать все узы, привязывающие нас к мирской суете, к чувственности, к превозношению; надобно пуститься в путь, то есть устремиться к своей задаче и исполнить ее до конца.

Аще сия весте, - сказал Господь ученикам Своим на тайной вечери, — *блажени есте, аще творите я* (Ин. 13:17).

Об изгнании духа нечистого из некоторой служанки в Филиппах (16: 16–21)

Блж. Феофилакт. «Толкование на Деяния свв. апостолов»

Бысть же идущим на молитву, отроковица некая, имущая дух пытлив, срете нас, яже стяжание много даяше господем своим, волхвующи (ст. 16). *Та последовавши Павлу и нам, взываше глаголюще: сии человецы раби Бога вышняго суть, иже возвещают нам путь спасения* (ст. 17). *Се же творяще на многи дни: стужив же си Павел, и обрящся, духови рече: запрещаю ти именем Иисуса Христа, изыди из нея, и изыде в том часе* (ст. 18). *Видевше же господие ея, яко изыде надежда стяжания их, поемше Павла и Силу, влекоша на торг ко князем* (ст. 19). *И приведши их к воеводам, реша; сии человецы возмущают град наш, иудее суще* (ст. 20). *И завещают обычаи, яже недостоит нам ни приимати, ни творити, римляном сущим* (ст. 21).

Имущая дух... Что это за демон? Называют его по месту богом Пифоном. Он хотел ввести апостолов в искушение. Иначе, это та женщина — Пифия, о которой говорят, что она садилась на треножник Аполлона, раздвинув ноги, и что злой дух, поднимаясь из углубления, находившегося под треножником, проникал в нее и приводил ее в исступление; тогда она приходила в бешенство, испуская изо рта пену, и в состоянии такого исступле-

ния произносила бессвязные слова. *Сии человецы раби Бога вышняго суть.* О дух нечистый! Если ты знаешь, что они возвещают путь спасения, то почему не удаляешься их? *Стужив же си Павел,* то есть быв возбужден и взволнован. Заградив ей уста, хотя она говорила и истину, он научает нас не допускать к себе демонов, хотя бы они принимали вид, что защищают истину, но преграждать им всякий повод к соблазну и не слушать ничего, что они говорят. Если бы Павел обратил внимание на свидетельство этого духа, то последний обольстил бы многих и верующих. Поэтому Павел на первый раз только не принял, а отверг его свидетельство, не желая увеличивать числа своих знамений. Но когда дух упорствовал, тогда повелел ему выйти из отроковицы. Итак, дух действовал коварно, Павел же — разумно. *Видевше же господие ея, яко изыде надежда стяжания их.* Везде виною зла — деньги. В видах обогащения господа отроковицы желали, чтобы она держима была бесом. Посмотри: они и демона не хотят знать, но поглощены одной своей страстью — сребролюбием. Демон говорил, что *человеце сии раби Бога вышняго суть,* а они говорят, что *человецы возмущают град наш;* демон говорил, что они *возвещают нам путь спасения,* а господа отроковицы говорят, что они *завещают обычаи, яже не достоит нам приимати.*

Об изгнании духа прорицательного из некоторой служанки и пребывании апостолов в темнице (16: 16–34)

Евсевий, архиепископ Могилевский

«Беседы на воскресные и праздничные чтения из Апостола», ч. 1

Ст. 16. «Случилось, — говорит Лука, — что, когда мы шли в молитвенный дом, встретилась нам одна служанка, одержимая духом прорицательным, которая чрез прорицание доставляла своим господам большой доход».

Это событие, о котором говорит повествование, было в городе Филиппах, в Македонии. Служанка, упоминаемая в повествовании, была одержима духом нечистым. Этот дух называется *пытливым* или *прорицательным,* потому что при его помощи служанка делала некоторые предсказания. Верно ли исполнялись эти предсказания, в повествовании Луки не сказано. Но можно предполагать что некоторые предсказания, основанные на усмотрении законов природы, исполнялись, и тем поддерживалось доверие к предсказательнице. Можно это предполагать потому, что дух, не стесняемый телом, яснее видит законы природы и последствия естественных сил, действующих по определенным законам, что он может предсказывать и в то время, когда обыкновенный взор человеческий или взор людей необразованных совсем еще не видит тех последствий. Прорицания служанки продавались за деньги и тем доставляли господам ее

большой доход. Этот промысел по влиянию злого духа направляем был к целям соответствующим его злобе.

17. «Идя за Павлом и за нами, она кричала, говоря: «сии человеки – рабы Бога всевышняго, которые возвещают нам путь спасения».

«Идя за Павлом и за нами». Отселе видно, что повествователь, св. Лука, при этом случае был с Павлом, хотя потом скоро расстался с ним и стал говорить о Павле и Силе (ст. 20) в третьем лице.

Служанка, одержимая духом прорицательным, кричала: «сии человеки – рабы Бога всевышняго, которые возвещают нам путь спасения». Такие слова истины, по-видимому, не свойственны злому духу, но они, имея вид истины, не имели силы, или духа истины; злой дух, по свойству своему, не мог желать спасения людям. Злые духи исповедовали Господа Иисуса и поклонялись Ему, когда Он изгонял их, но они искали только того, чтобы как-нибудь продолжать злое свое владычество над людьми (Мк. 5: 6–10). Так и дух, обладавший служанкою, прославляя проповедников истины, или хотел поддержать свою власть ложью, будто он не враг истины, или хотел льстить проповедникам, чтобы они не преследовали его – он знал могущество имени Иисусова.

18. «Это делала она (служанка) много дней. Павел, вознегодовав, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нея. И дух вышел в тот же час».

Действие Павла показывает, что прорицательный дух, говоривший устами служанки, говорил не с доброй целью. Апостол много дней терпел духа, говорившего в служанке, может быть, для того, чтобы тем более обличилось его бессилие, потому что он в эти многие дни мог бы делать с проповедниками истины, что замышлял, но ничего не сделал. Наконец, Павел, «вознегодовав или прервав свое терпение, обратился и сказал духу: именем Иисуса Христа повелеваю тебе выйти из нее. И дух вышел в тот же час». Дух не мог противиться повелению во имя Христово, он тотчас оставил служанку, и она перестала *прорицать*, что видно из последующих обстоятельств. Теперь все увидели, что прорицательный дух, действовавший в служанке, есть дух неприязненный, враждебный Христу Спасителю; что этот прорицательный дух бессилен и ничтожен перед могуществом Иисуса Христа; что Павел и Сила суть истинные поклонники Божии, проповедующие путь спасения через веру в Иисуса Христа и именем Христовым поражающие врагов спасения.

19. «Тогда господа ея (служанки), видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам».

Отселе видно, что прорицавшая служанка предсказывала не сама собою, а по влиянию прорицательного злого духа. А как только этот дух именем Господа Иисуса Христа изгнан был из нее, она тотчас перестала

прорицать, или предсказывать. Господа ее тотчас увидели это и восстали против виновников избавления служанки от нечистого духа. Явно, что господа служанки, блуждая во тьме язычества, и сами находились во власти духов злобы. Не помышляя о благах своей бессмертной души, они заботились только о земных выгодах. Одержимая прорицательным духом, служанка служила им средством к получению этих выгод, потому проповедники спасения, освободившие служанку их от злого духа, показывались им врагами их благополучия. Они, схватив Павла и Силу, повлекли их к местным начальникам.

20. «И приведши их к воеводам, сказали: сии люди, будучи иудеями, возмущают наш город.

21. И проповедуют обычаи, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять».

Обвинители Павла и Силы о настоящей причине вражды их против обвиняемых совсем не упоминают; видно, не считали это достаточным к обвинению проповедников истины, а может быть, сами сознавали, что дело Павла служит не к обвинению его, а к прославлению; может быть, и промысел господ, пользовавшихся доходом от прорицаний служанки, не делал им чести. Что же говорят к обвинению Павла и Силы эти обвинители? Они как бы так говорят перед воеводами римскими и начальниками города: вот эти люди, будучи иудеями, достойными презрения и уничижения, осмеливаются возмущать наш римский город и проповедуют обычаи или обряды веры, которых мы, римляне, не должны ни принимать, ни исполнять. Такая дерзкая клевета на Павла и Силу, как возмутителей города, объясняется тем, что иудеи были презираемы римлянами, как народ суеверный и возмутительный, и иудеи не пользовались покровительством римских законов: с ними римляне могли поступать как хотели. На это апостол Павел ниже указывает, когда говорит: «Нас, римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу» (ст. 37); то есть с Павлом и Силою римские начальники поступили не как с римскими гражданами, а как с рабами, которых римляне могли наказывать и мучить до смерти, не подвергаясь преследованию законов. Говорят обвинители: «Проповедуют обычаи, то есть обряды веры или богопочтения, которых нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять». Это потому, что по языческим законам римским никто из римлян не должен был вводить новую веру; нарушители сего подвергались смертной казни*. Чествование нового бога могло быть введено только по определению сената.

22. «Народ также восстал на них, а воеводы, сорвав с них одежды, велели бить их палками.

---

* Cicero de legibus, ibid. 11, 8.

23. И дав им много ударов, ввергли в темницу, приказав темничному стражу крепко стеречь их».

Народ восстал, без сомнения, возбужденный клеветами господ, раздраженных потерей бесчестных выгод, а воеводы, или римские начальники города, по своей надменной дерзости и презрительности к иудеям, как беззащитным, и по привычке к жестокости, сорвав с них одежды, то есть обнажив их, велели бить их палками. Били сколько вздумалось. Дав много ударов, ввергли в темницу, повелев темничному стражу, чтобы сии узники сохраняемы были строго. Павел, как римский гражданин, имел право требовать защиты законов, потому что римский гражданин законами освобождался от телесного наказания, но он не защищался законами, а вместе с Силою кротко перенес тяжкие истязания или потому, что при необузданном возмущении народа нельзя было ожидать внимания к законам, или потому, что Павел хотел вместе с Силою страдать за имя Христово как *сораспявшийся Христу* (Гал. 2:19).

24. «Получи в такое приказание, он (темничный страж) ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду».

Страж исполнил, что было ему приказано. Темница разделялась на комнаты. Чтобы узники вернее были сбережены и каким-нибудь образом не ушли из темницы, он заключил их во внутреннюю комнату, а чтобы лишить их самой возможности уйти, забил ноги их в колоду.

25. «Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их.

26. Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы: тотчас отворились все двери и у всех узы ослабели».

Павел и Сила – избитые, окровавленные, в ранах, повергаются в темницу, и в темнице ноги их забиваются в колоду; они страдают от изнеможения и ран, но не унывают духом: они молятся Богу и духовными песнями восхваляют Его. Заключенные в той же темнице узники слушают их. Так и сами они духом возвышались над своими болезнями и страданиями, возносясь сердцами к Богу, и других побуждали к прославлению Бога. Это великодушие, это бодрствование духа показывали в Павле и Силе необыкновенное могущество духа их, или явление в их немощи силы Божией. Обыкновенные узники не могли понять, как эти страдальцы, избитые, израненные, в своем положении могли сохранять такую бодрость духа. Но что видят затем? Вопль молитвы праведников достиг до слуха Вседержителя, и Он изрек слово в защиту их. Это – чудесное событие, описываемое Лукою: «Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы: тотчас отворились все двери и у всех узы ослабели». Узники, слышавшие необыкновенное песнопение во славу Божию, через это были приготовлены к чудесному явлению: они могли думать, что Бог, Которого бла-

гочестивые узники прославляют, вступается за них и хочет освободить их. Для этого потряслась земля, поколебались основания темницы, отворились все темничные двери, и узы заключенных ослабели. О том, какое действие на них произвело это чрезвычайное событие, повествователь не говорит, но, без сомнения, они должны были потом объяснить стражу темницы, как Павел и Сила перед самым чудесным событием прославляли Бога.

27. «Темничный же страж, пробудившись и увидев, что двери темницы отворены, извлек меч и хотел умертвить себя, думая, что узники убежали».

Этот страж, заключив узников, оставил их и не знал, как они проводили ночь в молитве, воспевая Бога. Он спал, когда потряслась земля и поколебалось основание темницы, но это разбудило его; он, увидев, что двери темницы отворены, подумал, что узники убежали. А за побег узников страж темницы по римским законам подвергался тому же наказанию, какому должны были подвергнуться бежавшие узники. Потому страж темничный, представив свою неминуемую погибель, решился сам умертвить себя, когда подумал, что узники убежали.

28. «Но Павел возгласил громким голосом, говоря: не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь».

Голос Павла для стража темницы равнялся голосу, освобождающему узника от смерти, страж решился погубить себя по необходимости погибнуть, а Павел говорит, что нет этой необходимости, что, хотя все двери отворены, но узники на своих местах, потому не предстоит ему никакой опасности со стороны начальства.

29. «Он потребовал огня, вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе,

30. и выведши их вон, сказал: Государи мои! что мне делать, чтобы спастись?»

Между тем, как требовалось огня и подали ему, он мог узнать о том, как отворились двери темницы и что предшествовало великому землетрясению; мог убедиться, что виновники того чудесного события — узники Павел и Сила. Потому в трепете повергается он перед Павлом и Силою, выводит их из внутренней комнаты в более свободное место, где удобнее могли они дышать свежим воздухом, и говорит: Государи мои! Что мне делать, чтобы спастись? Можно предполагать, что этот страж прежде был предрасположен в пользу евангельского учения или слышал о том, что Павел проповедует о пути ко спасению. Настоящее происшествие до очевидности раскрыло перед ним ту истину, что Павел и Сила — посланники Божии, и расположило верить им как проповедникам небесной истины, показывающей путь ко спасению. Последствия показывают, что страж, говоря о спасении, не помышлял о каком-нибудь спасении по своему язы-

ческому разумению, но питал готовность внимать и последовать наставлению сих учителей небесной истины.

31. «Они же сказали: веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты и весь дом твой.

32. И проповедали Слово Господне ему и всем бывшим в доме его».

Павел и Сила возвестили стражу темницы путь спасения через веру в Иисуса Христа; он внимал сему учению, и не только он, но и все члены его семейства. Потому Павел и Сила, возвестив стражу о том, что он и семейство его могут спастись, если уверуют в Господа Иисуса Христа, продолжали раскрывать это учение в слух сего стража и всех бывших в его доме.

33. «И взяв их в тот час ночи, он омыл раны их и немедленно крестился сам и все домашние его».

В то же время, как Павел и Сила возвещали стражу и домашним его учение о спасении через веру в Иисуса Христа, страж со своей стороны прилагал попечение о сих дивных узниках: он немедленно *омыл раны их*. Отселе видно, как тяжело были биты Павел и Сила: от побоев образовались на теле раны, которые теперь были омыты стражем. Выслушав наставление от проповедников Евангелия, и сам страж и все домашние его принимают крещение. Такое было благодетельное последствие чудесного потрясения земли и колебания темницы! Так скоро страж темницы и домашние его убедились в истине евангельского учения и уверовали в Господа Иисуса Христа! Что же сделал страж в знак своей признательности к апостолам?

34. «И приведши их в дом свой, предложил трапезу и возрадовался со всем семейством своим, что уверовал в Бога».

Страж приводит Павла и Силу в свой дом. Явно, что после того страха, в котором решился было он наложить на себя руки, теперь совсем иначе был расположен в душе своей: он не боится вывести узников из темницы и привести их в свой дом; он не боится показывать узникам все свое уважение и утешать их трапезой; предложил им трапезу, конечно, потому что видел их давно не евшими и изнемогающими от лишения пищи. Страж и все семейные его поняли великую важность того благодатного дара, который они получили через апостолов, потому страж возрадовался со всеми своими домашними о том, что он и домашние его познали истинного Бога, познали истинный путь к спасению через веру в Иисуса Христа.

Суд над апостолами в Филиппах
(16: 19–40)

Фаррар. «Жизнь и труды св. апостола Павла», т. 1

Лишение дохода, получаемого без труда и усилий, привело хозяев служанки в бешенство. Не прибегая к жалобе градоначальнику за изгнание тако-

го сильного духа, господа решились избрать другой путь к отмщению. В римской колонии, образовавшейся первоначально из отставных антониевых солдат и теперь состоявшей отчасти из их потомков, отчасти из прибывших из Италии освобожденных рабов, легко было возбудить неприязнь против одного или двух беззащитных иудеев. Тем более, что до филиппийцев могли уже дойти слухи о смятении и бунтах в Риме, вызванных декретом Клавдия об изгнании из столицы всех иудеев. Они решились воспользоваться этим случаем: «схватили Павла и Силу и повлекли на площадь к начальникам» во время их заседания. Эти последние передали дело «воеводам», по-видимому, дуумвирам (duumviri), главным правителям колонии, которые, подражая манерам и титулам императорского Рима, имели дерзость называть себя «преторами». Отведя своих пленных к «преторам», хозяева служанки объявили, что «сии люди, будучи иудеями, возмущают ваш народ и проповедуют обычаи, которые нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять». Чернь знала последнее положение дел и сочувствовала хозяевам служанки, питавшим к проповедникам те же чувства, как и гадаринцы к Тому, Кто исцелением беснующего вторгся в их интересы. В сердцах греков и римлян всегда, как мы видели, таилась искра отвращения к иудеям. Обвинители успели поднять всю эту грязь в черни, и провинциальные дуумвиры — тем более опасные, что нарядили себя в чужую преторскую тогу, — согласились, что чернь права или, по крайней мере, что иудеи не могут быть невиновными.

Преторы захотели подражать божественному Клавдию и заставить странствующих израильтян вынести те наказания, которые заслужили своими преступными делами их соотечественники в Риме. Голоса апостолов заглушены были криками колонистов, и, прежде чем они успели произнести слово в свою защиту, произнесено было решение: Summovete, lictores, despoliate, verberate (подойдите, ликторы, разденьте, секите). Апостолы были схвачены, одежды с них — сорваны, руки — привязаны к площадному столбу (palus). Взывали ли они к своим взбешенным врагам: «мы римские граждане», или, что скорее всего, переносили страшное наказание в совершенном молчании, которое в минуты высоких духовных увлечений всякую боль делает нечувствительной, но на этой площади, развалины которой сохранились и доселе, в виду гнуснейшей грязи провинциальных подонков, в виду томившихся тоской друзей апостолы подверглись от рук ничтожных ликторов оскорблениям, ударам, мучениям, терзаниям, пыткам — позор и несправедливость которых не мог описывать без негодования и ужаса ни один жестокосердый язычник. Это было первое из трех перенесенных св. Павлом сечений розгами через римских ликторов. Но не будем останавливаться на такой страшной, мучительной пытке: в нынешние времена кровь стынет в жилах, когда при-

ходится читать о телесном наказании, примененном к какому-нибудь зверскому убийце, а между тем эти ужасы встречаются восемь раз в истории того, телесный состав которого, вследствие продолжительных годов страданий, был гораздо слабее, чем у всякого из миссионеров, и встречаются в таком виде, что перед ними все страдания новейших миссионеров кажутся каплей в океане мучений восемь раз испытанных св. Павлом.

Это не все. Видя, что самое жестокое «битье палками» было вынесено с терпением, дуумвиры еще раз, чудовищным образом нарушая законы, «ввергли Павла и Силу в темницу» и поставили стражу стеречь их. Получив приказ, темничный сторож был вполне уверен, что узники виновны в каком-нибудь тяжком преступлении и ради собственного спокойствия не только ввергнул апостолов в сырые, мрачные, омерзительные помещения «внутренней тюрьмы», «но и забил ноги их в колодки». А «колодка» была таким орудием пытки, которое употреблялось во всех почти странах и представляло вид столба с пятью отверстиями для рук, ног и шеи. И если мы попытаемся представить себе, что бедный страдалец – сознавая в душе всю несправедливость поступка с ним – должен был чувствовать, когда, едва очнувшись после тяжкой болезни, после продолжительного ужасного битья палками, после озлобленных насмешек черни, был заключен в душную и мрачную тюрьму и просидел там целую ночь с колодками на теле, не имея возможности избрать какое-либо удобное положение, чтобы, хотя распростершись на жестком полу, успокоить свои утомленные члены, то не будем удивляться, что пытка эта в течение долгих лет не могла выйти из памяти апостола.

Но из всех этих страшных бедствий проповедники вышли победителями. С геройской бодростью сокращали они темные часы ночи молитвой и пением. Для каждого иудея точно так же, как для каждого христианина, псалмы Давида представляют неисчерпаемый источник утешительных песней. Вся ночь проведена была проповедниками в бодрствовании. «Узники же слушали» пение двух их сотоварищей, которые незаслуженно вынесли более, нежели злейшие преступники. Когда же они пели, а прочие узники слушали стихи, в которых слышалась сердечная молитва к Богу или торжественная песнь о том, как Господь сокрушил врата медные и раздробил надвое засовы железные, страдальцы внезапно почувствовали подземный удар, который поколебал основание темницы. «Тотчас отворились все двери и у всех узы ослабели», отошли от вделанных в стену скоб. Пробудясь от сна и увидев двери темницы отворенными, темничный сторож мгновенно схватился за оружие и готов был тотчас же убить самого себя, полагая, что узники бежали, и зная, что за несохранение их он должен отвечать жизнью. В те времена общим убежищем от всякого бедствия было самоубийство, на которое в Филиппах могли смотреть как

на поступок не только натуральный, но геройский. Св. Павел заметил намерение стража и, всегда, даже во время опасности, вполне обладая собою, возгласил громким голосом, говоря: «Не делай себе никакого зла, ибо все мы здесь». Землетрясение, внезапный ужас, порыв радости, остановивший от самоубийства, смиренное терпение и кроткое прошение со стороны узников умилили закаленное в боях сердце воина. «Потребовав огня, он вбежал в темницу и в трепете припал к Павлу и Силе», а потом, освободя ноги их от колодок и выведя их вон, сказал: «Государи мои (κύριοι)! Что мне делать, чтобы спастись?» Такое обращение выказывало глубочайшее почтение. Вопрос его походил на выражение бесноватой. Апостолы по своему обыкновению отвечали ему: «Веруй в Господа Иисуса Христа и спасешься ты и весь дом твой». «Взяв их в тот час ночи», глубоко взволнованный страж собрал всех своих домочадцев, а истомленные летами, болезнями и пытками св. Павел и Сила высказали им слово о Том, в Ком найдут спасение. Тогда страж, сжалившись над их положением, омыл их израненные спины и «немедленно крестился сам и все домашние его». Все это происходило, по-видимому, в стенах тюрьмы, потому что они до сего времени не думали о пище и покое. А «приведши их в дом свой, он предложил трапезу» и в этот великий час, в который посетил его Господь, хотя только на словах был обнадежен Его пришествием, «возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога».

«Когда же настал день, воеводы» пришли в смущение. Вследствие ли бывшего землетрясения или вследствие той мысли, что эти «рабы Бога вышняго» были более значительные, чем бедные евреи-странники, какими они казались, или вследствие того, что слух о ночном событии к утру уже распространился по городу, — они устыдились своей возмутительной несправедливости. Поэтому они послали своих ликторов сказать темничному стражу: «Отпусти тех людей». Страж поспешил к св. Павлу объявить ему об освобождении с уверенностью, что оно принято будет с радостью. Но св. Павел находил, что надо было сделать некоторое внушение за невыносимую несправедливость и что если не для него лично, то для других эти провинциальные судьи должны получить урок не злоупотреблять своей властью ради криков черни. Апостол через городских слуг внушительно передал воеводам свое решение, в котором имело свой вес каждое слово: «Нас, римских граждан, без суда, всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпускают? Нет, пусть придут и сами выведут нас». Слуги «пересказали сии слова воеводам, и те испугались», потому что своей невежественностью, своими предрассудками, своей надменностью они явным образом нарушили римский закон, осудив без суда римских граждан и присудив их, в нарушение прирожденного права и гражданских привилегий, к закованию в цепи и к бичеванию. Страх их, вероятно, усили-

вался тем, что этот Порциев закон нарушен был ими в присутствии всей площадной черни и в виду, может быть, таких личностей, которые постараются передать об их поступке высшим лицам. Они публично надругались над законом и верховной властью Рима. У них не было охоты быть позванными ко двору проконсула для дачи ответа за совершение такого явного противозакония, поэтому, веря в миролюбие иудейского характера по отношению к личным обидам, они пришли в темницу в сопровождении, как говорит один манускрипт, многих друзей. Испрашивая прощение у своих узников, они убеждали их оставить город, извиняя себя перед ними, что ошиблись в их звании, и скорбя за них, что если останутся, легко может произойти новый взрыв общественного озлобления. Но Павел и Сила были люди со смелым духом и не имели никакого желания быстрым оставлением города придать оттенок справедливости беззаконным распоряжениям градоначальников. «Вышедши из темницы, они пришли к Лидии», где повидались с братией и дали им последнее увещание. Тогда только покинули они местность, где подававшее столько надежд дело грубо прервано первым опытом языческого гонения. Но св. Павел не отступил от своего обычая, оставил там св. Луку поддерживать филиппийцев в вере. Может быть, Филиппы были благоприятным местом для врачебной практики последнего, при которой он мог в то же время руководить и укреплять малое стадо, которому вскоре предстояли дни и годы жестоких гонений.

О силе духа заключенных в темницу апостолов (на ст. 24–25, гл. 16)

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Есть в христианстве сила и в самих осужденных, и в самих заключенных в темнице или странствующих в изгнании или заточении – открыть способность к благополучию, которого и темница не помрачит, которое и на пути в изгнание назади не останется. Источник сей победоносно благотворной силы есть благодать Божия; хранилища благодати суть Слово Божие, Церковь и ее таинства; средства привлекать и приобретать оную суть сердечная молитва, поучение Слова Божия, благоговейное участие в церковном богослужении и в установленном порядке общение таинств с верою и любовью.

Апостолы Павел и Сила в городе Филиппах за проповедь Евангелия и за изгнание духа пытливого, возмутившимся народом битые, израненные, отданы в темницу под крепкую стражу. Темничный страж, не довольствуясь заключением их во внутреннюю темницу, *ноги их заби в кладе*. Что же они делают – изнуренные биением, страждующие от ран, не могущие дать удобного положения телу от стесняющей ноги обоих колоды – что делают

они тогда – как и неизнуренные уступают немощи тела? *Полунощи Павел и Сила молящеся пояху Бога.* Может быть, вы думаете, что апостольский только дух мог быть так возвышен и непреодолеваем ни бедствием, ни немощью. Не совсем так. По гласу молитвы апостольской, а прочие заключенные в той же темнице не только не апостолы, но, по всей вероятности, даже не христиане (потому что это было в языческом городе), возвысились духом и над бедствием, и над немощью плоти, не предались сну в полунощи: *послушаху их, юзницы.* И, видно, сильно их объял восторг молитвы апостольской, потому что и чудо над ними совершилось: *всем юзы ослабеша.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 16-й ГЛАВЕ

1) *Прот. Михайловский.* Второе миссионерское путешествие Павла в Галатию. Явление македонянина. Христианство в Филиппах. Св. ап. Павел.

2) О том же, *прот. Горского.* Еванг. история и история апостольской Церкви.

3) *Фаррар.* Начало второго путешествия. Св. Павел в Галатии. Филиппы. Жизнь и труды св. ап. Павла, 1.

4) Чтения о св. ап. Павле: Тимофей и Епафраст. «Воскр. чт.», 1872, 2.

5) Филиппы. Там же.

6) Ст. 6. Галатия. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 2.

7) Ст. 7. Вифиния. Там же.

8) Мизия. «В. чт.», 1876, 2.

9) Ст. 9—10. Видение св. ап. Павла (из Берсье). «Прав. об.», 1890, янв.

10) Ст. 10. Македония. Б. п. сл. «В. чт.», 1876, 2.

11) Ст. 11. Неаполь. Там же.

12) Самофракия. Б. п. сл. 1877, 2.

13) Ст. 13. Лиддия. Б. п. сл. 1876, 2.

ГЛАВА 17

Пребыванне святого Павла в Фессалониках и Верни (17: 1–15)

Протоиерей Горский. «История евангельская и Церкви апостольской»

Павел и Сила направили путь свой, отстоящий на двадцать миль от Филипп, в город Фессалоники – самый большой из городов македонских, где, как в большом торговом городе, много жило иудеев. Потому здесь можно было найти и синагогу. В продолжение трех недель посещал ее Павел по субботам; обратил своей проповедью многих прозелитов, и через них отверзлась дверь проповеди и язычникам. Сколько видно из 1 Послания к Солунянам 2: 10, 11, он не удовольствовался проповедовать только в синагоге и, следовательно, только по субботам, то есть один раз

в неделю. Если бы так, то он должен бы был ограничиться только немногим числом прозелитов, посещавших синагогу. Для своих поучений в синагоге он всегда избирал такую форму, какая особенно была ближе к понятиям иудеев. В таком случае многое он мог предполагать, многое оставлять без подробного раскрытия, что для язычников надлежало раскрыть и прежде всего, и обстоятельнее. Однако мы знаем из некоторых примеров, он умел очень хорошо различать точку зрения и потребности иудея и язычника и, без сомнения, пользовался случаем обращать на то особенное внимание. Конечно, и язычники, изъявившие внимание к его проповеди, стали собираться в особых местах слушать его, и из сих-то язычников, самим Павлом обращенных к вере в Единого живого Бога и Искупителя, образовалась по большей части Церковь Фессалоникская.

Согласно со словами Иисуса Христа (Мф. 10:10) Павел считал справедливым, чтобы проповедники Евангелия получали себе содержание, которого не могли сами себе снискивать от тех, коим они преподают несравненно высшие блага (1 Кор. 9:14). Но сам не хотел пользоваться этим правом и таким пожертвованием собственного права хотел только более содействовать успехам апостольской деятельности между язычниками. Такая совершенно бескорыстная любовь, всем жертвовавшая для блага других, переносившая все труды и лишения без возмездия, должна была приобрести ему доверенность многих и таких людей, которые, видя его ревность в трудах для них непонятную, могли подозревать его в корыстных побуждениях. И ему тем нужнее было удалить от себя всякий повод к таким подозрениям, что некоторые иудейские прозелитотворцы, действительно, их оправдывали. Его прежнее образование помогло ему везде находить себе средства для содержания. Павел, хотя назначался в иудейские богословы, но по господствовавшим в школах правилам вместе с изучением закона занимался плетением палаток, и это ремесло, по причине особого рода путешествования на востоке и других различных употреблений палаток, могло иметь хороший сбыт. Итак, днем занятый попечением о духовных потребностях язычников и новых христиан, ночью должен был трудиться, чтобы доставить себе и спутникам своим содержание (1 Сол. 2: 1–9), доколе не получил из Филипп себе вспоможения (Флп. 4:14). Однако и в таких случаях он более находил удовольствия в том, чтобы давать, нежели в том, чтобы принимать.

Но великое участие, принимаемое язычниками в проповеди евангельской, возбудило тем сильнейший фанатизм и ревность в многочисленных иудеях, для которых горько было слышать и то, что предлагалось в синагогах, а еще более такого могло найтись в частных беседах апостола с верующими. Они успели произвести возмущение в народе, и часть его устремилась в дом христианина Иасона, где жил Павел. Самого апостола здесь

не нашли, но Иасон и некоторые другие из христиан были представлены судилищу (так как гонение происходило от иудеев, а язычники здесь были только орудием, то против апостолов были представлены другие обвинения, нежели какие в Филиппах) (Деян. 16: 20, 21). Здесь нельзя было обвинять их в том, как это бывало в других случаях, что они нарушают спокойствие иудеев, которым представлено законами свободное отправление своей религии, возбуждая между ними разделения. К таким обвинениям они не имели повода, потому что Павел большей частью действовал между язычниками, да и мало бы они успели сделать с этим обвинением у такого начальства, которое не было к ним особенным образом расположено. Всего более могло иметь силу обвинение политическое, crimen majestatis, так как впоследствии враги христианства в самом деле часто им действовали против христиан. Так как Павел много говорил в Фессалониках о предстоящем Царстве Христовом, то это и послужило поводом к клевете против него, будто он учит признавать государем не царствующего в Риме государя, а какого-то Иисуса (Деян. 17: 6, 7). Однако начальники сами скоро увидели несправедливость таких обвинений, и когда Иасон и друзья его поручились, что никакого возмущения со стороны проповедников ожидать нельзя и что Павел со своим спутником скоро сами оставят город, то немедленно были отпущены.

И еще в ночь, которая следовала за днем возмущения, Павел и Сила оставили город после трех- или четырехнедельного пребывания. Так как Павел по этим обстоятельствам должен был удалиться отсюда ранее, нежели как позволяло состояние Церкви, то он очень озабочивался, особенно предвидя, что новые христиане будут и впоследствии немало терпеть от раздражаемых иудеями язычников. Поэтому он имел намерение, как только волнение поутихнет, опять идти туда (1 Сол. 2:18). Но это намерение осталось без исполнения.

В Верии, отстоящей от Фессалоник около десяти миль, их лучше приняли иудеи, много обратилось и язычников. Но возбужденное фессалоникскими иудеями возмущение понудило Павла оставить этот город. Сопровождаемый некоторыми из верующих, он взял путь в Афины, Сила и Тимофей остались в Верии.

Святой апостол Павел в Афинах
(17: 16–34)

Никанор, архиепископ Херсонский. «Беседы и поучения», т. 3

Совершая одно, именно четвертое по счету, из своих апостольских путешествий, великий апостол языков должен был посетить и Афины. Афины, некогда метрополия, по нашему, столица самой славной из республик

древней поэтической Эллады, в эту пору покоренная грозным Римом, оставалась пока столицей просвещения и как бы главным святым городом для всего тогдашнего языческого мира. Там была колыбель, там главное пристанище эллинского многобожия, воспетого поэтами, прославленного философами и ораторами, огражденного древними законами, жреческими учреждениями, привычной привязанностью всего эллинского, да и других народов, и водворенного в самых великолепных художественных и дорогих языческому сердцу храмах и других святилищах. Там родились, процвели и теперь доцветали все философские школы, над которыми в это время господствовали школы стоическая, эпикурейская и неоплатоническая (сия последняя имела, однако же, главное седалище в Александрии). А во дни оны там, в Афинах, водворялась академия Платона, по афинским площадям спорили софисты, расхаживали перипатетики Аристотеля; там Диоген ходил со своим фонарем, ища человека, качался в своей бочке, подсмеиваясь над самим Александром Македонским. Сюда стекалась вся мудрость языческая или доучиваться, или поделиться с другими, или просто других посмотреть и себя показать. К этой поре в Афины проникло уже немало и иудеев, вероятно, более образованных среди образованнейшего эллинского общества. Иудеи имели здесь уже и прозелитов — новообращенных из язычества, которые, уведав еврейскую веру в единого высочайшего Бога, принимали ее, однако же, не вполне, не со всеми обязательствами ее обрядовой стороны, а только в главной догматической части, обращаясь от явно неразумного многобожия к единому истинному Богу, почему и носили прозвище чтителей Бога.

Сюда-то прибыл апостол Павел и возмущался духом при виде этого города, полного идолов и капищ. Начиная всюду свою проповедь с родичей своих — иудеев, апостол и в Афинах начал с посещения синагоги и с рассуждений с иудеями и иудейскими прозелитами, чтущими единого Бога. А затем выступил и на афинские площади, ежедневно рассуждая с встречающимися людьми. В Афинах искони вся общественная жизнь кипела на площадях: там философы учили, там Сократ предавал посмеянию пресловутых софистов, там ораторы произносили речи, судьи судили; народ, слушая своих правителей и судей, произносил там же свои верховные решения по общественным делам и приговоры смерти или остракизма. Сюда-то выступил с проповедью и апостол Христов. За разными встречными заметили этого чужестранного и странного учителя и философы, стоики и эпикурейцы и удостоили, конечно, не поучиться у него, а только поспорить с ним. Видя, что этот новоявленный учитель осмеливается даже спорить с философами, одни говорили: что хочет сказать этот суеслов? Кто же мог, по мнению афинян, сказать что-либо более умное, чем философы, эпикурейцы и стоики? Поэтому всякий, кто осмеливался оспаривать

философов, должен быть не кто иной, как суеслов. А другие, поверхностно вслушиваясь в его речи, пренебрежительно замечали, что он, кажется, проповедует о чужих каких-то божествах, потому что Павел благовествовал им Иисуса и воскресение мертвых.

И вот, взяв Павла, повели в ареопаг. Ареопаг – это было высшее собрание именитейших афинян. В старые годы, когда Афинская республика была независимой, ареопаг был высшее судилище, в котором заседали самые именитые и мудрые из афинян, изрекая приговоры о важнейших общественных делах. Теперь же, когда всякая политическая власть у афинян была отнята, ареопаг оставался старой почтенной формой, из которой действительная сила отлетела, – старинным почтенным собранием обессиленных величий, которые занимались всего больше разговорами о новостях дня. Должно быть, более именитые из афинян, которым проталкиваться сквозь толпу к Павлу на площадях было неуместно, приведя его в главное место своего собрания – в ареопаг, говорят: можем ли мы знать, что это за новое учение, которое ты проповедуешь? Ибо что-то странное ты влагаешь в уши наши. Посему желательно знать, что это такое? Вопрос свой предлагают они несерьезно – не в том серьезном смысле, что они хотели бы вникнуть в новое учение Павлово, взвесить его основательность и покориться истине. Причина их вопроса была даже не любознательность, а только самое обыденное любопытство – выслушать новость. Ибо афиняне все и живущие у них иностранцы, замечает священный дееписатель, ничем иным не занимались, как только тем, чтобы сказать или выслушать что-либо новое.

И став Павел среди ареопага, в лице которого председала здесь вся препрославленная мудрость древнего языческого мира, сказал... Все, что вышло из уст и из-под пера великого апостола, носит на себе печать не только богопросвещенного, но, кроме того, печать и образованного и глубокомысленнейшего ума. А речь, произнесенная в афинском ареопаге, была цветом на величавом древе мысли и слова самого апостола. Эта речь во всех отношениях – и как произведение мудрости богопросвещенной и естественной, и как плод ораторского искусства – есть нечто высочайшее. Христос Спаситель говорил апостолам, что когда поведут вас к царям и владыкам и на соборища их, ваших врагов, вы *не пецытеся, како или что отвещаваете или что возглаголете: даст бо вся вам в той час, что возглаголете. Не вы бо будете глаголющие, но Дух Отца вашего глаголет в вас* (Мф. 10: 19–20). Без сомнения, когда апостола Павла вели в ареопаг, он не готовил свою речь – она вдохнута была ему Духом Божиим. Тем не менее, или вернее, по этому самому она вылилась из души апостола как раз в таком виде, в каком могла быть наиболее уместной именно в собрании афинских мудрецов. Она представляет в себе речь наиболее художествен-

ную как по глубочайшему философско-христианскому содержанию, так и по образцовой ораторской форме. И трудно передать ее со всеми ораторскими оттенками, с какими вылилась она на языке древних афинян, — на эллинском языке. Святой апостол начинает ораторским приемом, располагая своих слушателей к благосклонности, почему и говорит им сперва мягкие слова, но с тем чтобы сряду же высказать им и горькую правду.

Павел начинает: «Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя по граду вашему и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу»...

Уже три-четыре века назад греческие философы пришли к выводу, что старинная эллинская религия есть собрание старинных сказаний, которые не имеют никакой достоверности, а часто и доброго, похвального смысла; что идолы — не боги; что признаваемые эллинами боги не существовали и не существуют в том виде, в каком изображались народными мифами, и что над всеми богами существует Бог высочайший, Которого никто не знает, но и знать не может, — *Бог неведомый*. Сему-то *неведомому Богу* афиняне и поставили жертвенник. Впрочем, в этом философском смысле разумели Его только образованнейшие эллины. Для простых же афинян этот Бог был один из множества богов — таких же ограниченных и несовершенных, как и другие эллинские боги, только неизвестный им. Так чтоб и этого неизвестного им Бога не обделить своим почитанием, афиняне и Ему поставили жертвенник. Что же касается апостола, то, приспособляясь к понятиям слушателей, Павел разумеет сего бога в обоих смыслах — как в философском, так и в общенародном, однако же возводит своих слушателей к совершеннейшему понятию о Боге как существе высочайшем и непостижимом.

«Сего-то Бога, Которого вы, не ведая, чтите, я и проповедую вам, — продолжал св. апостол, — не чужого Бога, а вашего, вами самими почитаемого, Которого вы не ведаете, однако же, явно ведать желаете. Сей Бог, сотворивший мир и все, что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, о чем вы и сами догадываетесь, хотя и не отваживаетесь исповедать, сей Бог живет не в рукотворенных храмах, которые составляют гордость и славу Афин, и не требует сей Бог служения рук человеческих, как бы имеющий в чем-либо нужду, вроде ваших жертвоприношений и возлияний и курений, Сам даруя всему жизнь, дыхание и все. Он произвел весь род человеческий от единой крови для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы обитанию их, так что каждый народ должен жить на земле там и столько, где и сколько предопределил Бог, дабы народы в назначенных пределах и периодах своего существования искали Бога, не осяжут ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас. Ибо мы Им живем, и движемся, и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: „Мы Его и род"».

Таким образом, опершись не только на общечеловеческий смысл, на врожденную идею о Существе высочайшем, но и на понятие о Нем даже эллинских поэтов-мудрецов, которые, отчасти постигая Бога высочайшего, а человека представляя высшим из сотворенных существ, понимали, что мы произошли от Бога, даже порождены Богом, — на этом основании св. апостол приступает теперь к отважному слову о нелепости эллинского идолопоклонства, вообще — о суетности языческой религии.

«Итак, будучи родом Божиим, — продолжает апостол, — не должны мы думать, что божество подобно золоту, которое ниже нас и не сродно нам, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого». Что это за божество, которое мы выделываем из грубых веществ собственным искусством и вымыслом? Такие низкие понятия о божестве возросли и держались во времена человеческого неведения. Ныне же, когда всякий понимает тщету прежней низменной религии, ныне оставляя, презирая, прощая времена неведения, Бог повелевает людям всем всюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную через предопределенного Им Мужа, подав о Нем, о Его Божественном посланничестве удостоверение всем, воскресив Его из мертвых».

Конец речи св. апостола. В этих немногих, но возвышеннейших, боговдохновенных словах св. апостол Павел изложил всю сущность учения о религии, как языческой, так и христианской, а сопоставив их рядом, показал всю нелепость идолопоклонства, как и истинно Божественное происхождение христианства. Божественность христианства он указывает, с одной стороны, в недосягаемой высоте и чистоте христианского учения о Существе высочайшем, о близости к Богу человеческой природы, порожденной самим Божеством, как и о падении человека, об упадке его смысла до того, что он вообразил было божествами собственные изделия своих рук, своего искусства и вымысла из низких веществ, а с другой стороны, указывает в знамениях и чудесах, которыми подтверждено Божественное посольство Иисуса Христа, особенно же в поразительнейшем и достовернейшем из чудес, именно — в воскресении Основателя нашей веры из мертвых и в воскресении, засвидетельствованном многими очевидцами Воскресшего, числом более 500 братий, из коих многие к этой поре уже и почили сном смерти, а многие оставались еще в живых, о чем апостол Павел в эту же пору писал к соседям афинян коринфянам. Одним словом, с научно-богословской точки зрения это такая, в кратких словах, многосодержательная речь, что из нее можно бы извлечь целую богословскую систему. И все это изречено в художественнейшей форме, по всем приемам ораторского искусства: сначала апостол как бы благорасполагает афинян; хвалит в них достойное похвалы, именно их набожность, кидающуюся в глаза, выражающуюся в благолепных чтилищах — в велико-

лепных храмах. А затем выражает сожаление, что их религиозность так жалко направлена. Далее, всему афинскому ареопагу, сему высшему собранию блюстителей народных обычаев, религиозных уставов и законов отечественных, прямо пред глаза выставляет всю неразумность и низость язычества и, сравнительно с ним, всю недосягаемо Божественную высоту христианства; в заключение же строго, именем Бога высочайшего, требует от этих отцов отечества не только покаяния в заблуждениях, но и отвержения исконной отечественной веры и решительного обращения к вере новой, указывая им грозного Судью вселенной в лице Иисуса Христа, Которого Божественность засвидетельствовал Сам Бог, воскресив Его из мертвых, — чудом почти неслыханным от начала мира.

Какие же плоды принесла эта возвышеннейшая речь величайшего из учителей христианства, из ораторов всего мира? По-видимому, самые незначительные.

Раздражаясь в душе зрелищем этой столицы языческих религий и образования, Павел несколько дней состязается с иудеями, их прозелитами и со многими из встречавшихся — не видно, чтобы кто из них обратился. Состязается с некоторыми из философов стоических и эпикурейских, — где же философам сознать свои заблуждения!? Многодневными своими беседами и со всем этим народом заслуживает прозвище суеслова — он, апостол Павел, суеслов!.. Умнейшие из афинян видят в нем только любопытное да и странное зрелище, потому что он, кажется, делает безнадежное дело — проповедует каких-то новых богов, кому проповедует? Афинянам, которые и в своих-то богов переставали верить. Стоит ли слушать? Однако же отчего и не послушать эту новость, не полюбопытствовать, что это за новое учение, которое проповедует этот странный человек так не похожий на афинянина ни по образованию, ни по внешней выдержке? Расскажи же нам, а мы послушаем эту новость как новость, не больше. А когда он произнес свою высокую, глубокомысленнейшую, в высшей степени смелую речь — речь, которой разумности и величайшей серьезности не могли не понять, — они, очевидно, крайне смущенные или, точнее, сконфуженные этой речью — вот накликали! Этот странный человек всему ареопагу в лицо сказал, что ваша афинская святыня, которою вы так выставляетесь, ваше исповедание, к которому вы внутренне холодны, однако же для виду принадлежите — все это, более простительное во времена неведения, теперь отжившая, явная всякому и потому преступная нелепость. Сконфуженные такой неожиданностью, не непостыдной для них, одни из них стали насмехаться, чтобы выйти из положения в высшей степени неловкого и поддержать видимость своей философской мудрости, — насмехаться по поводу того, что нашел-де где и кому рассказывать о воскресении мертвых. А другие поскорее выпроваживают его из своего священ-

ного ареопага — в другой раз зайдешь, в другой раз тебя послушаем, а теперь уходи, ты нам не нужен. *Итак, Павел изыде из среды их.*

Только и плодов было от всех этих многодневных бесед апостольских, от этой высочайшей из речей апостольских! Но только ли всего? Нет. *Некоторые мужи, пристав к нему, уверовали. Между ними был Дионисий Ареопагит* другого уверовавшего ареопагита не оказалось, да *женщина, именем Дамарь, и другие с ними.* Вероятно, эти два лица были из образованного высшего круга, Дионисий даже член ареопага (впоследствии епископ афинский) и женщина Дамарь, вероятно, известная, именитая в Афинах, и другие с ними безымянные, безвестные, которые так и остались безвестными. А все прочее, все эти философы, жрецы, мудрецы афинские — вся эта высшая языческая интеллигенция, учреждения, религия, идолы, жертвенники и художественнейшие храмы остались, по-видимому, процветать по-прежнему. Увы, нет!

Этот, по-видимому, странный еврей, этот малый Павел, странно споривший с мудрейшими афинскими философами, осмелившийся высказать свое раздражение против афинских идолов даже в ареопаге и выпровожденный оттуда как неосторожно и приглашенный туда, успевший привлечь на свою сторону только всего, что одного Дионисия ареопагита, да женщину Дамарь, да еще каких-то там безвестных, — этот Павел через одно поколение обратил к христианству чуть не всех афинян, а через два-три века низверг в прах всех этих идолов, даже самого Зевса громовержца с его престола, низверг в прах все эти гордые и славные в древнем языческом мире ученые и религиозные учреждения. И все эти эпикурейцы и стоики, все эти ареопагиты исчезли, а на месте их, на века и тысячелетия, стали ученики и последователи Павла, к которому афиняне отнеслись в свое время так пренебрежительно. И все, что писал сей пренебреженный ими Павел, как и все, что тогда писалось о нем, — все это стало светочем для мира на тысячелетия.

Апостол Павел в Афинах

А. Л-н. «Церков. вестн.», 1879, № 26

Великий апостол народов с того момента, как божественный луч христианства озарил его душу, прошел уже многие страны со знаменем креста. Во второе великое путешествие он перенес свою деятельность даже в Европу и, пройдя многие греческие города, приближался к Афинам. С одной из окрестных возвышенностей сразу открылся перед ним город со всем его блеском, и сильный поток мыслей невольно приковал к зрелищу взоры апостола. Итак, перед ним лежал тот город, слава которого гремела по всему миру и одно имя которого приводило в восторг каждого образованного человека! Еще в школе Савл, быть может, лелеял себя мечтой

побывать в этом центре мировой учености, куда стекались для довершения своего образования молодые люди из всех концов земли. Теперь эта мечта осуществилась — но в каком виде? Теперешний Павел шел сюда не учиться, а учить... Кого бы не смутила такая разительная перемена в положении? Но тот, кто облечен был силою свыше и неустрашимо шел навстречу всевозможным опасностям и даже смерти, вдохновенный проповедник креста, — смело вступил в философский город.

Проходя по улицам города, апостол с удивлением смотрел на богатство и разнообразие его исторических и художественных памятников. Все здесь напоминало величественные образы великого прошлого. На улицах и на площадях стояли статуи великих мужей и героев, но рядом с ними зоркий взгляд апостола заметил множество и таких статуй, которые изображали богов — перед ними курились жертвенники. Подобных статуй с прилежащими к ним капищами здесь было так много, что Павел возмутился духом. Но еще более возмутился дух его, когда он присмотрелся к самим афинянам: одни с благоговением преклонялись перед идолами, другие с усмешкой проходили около них — и на всех лежала печать какой-то пустоты и легкомыслия. Нет, афиняне, как бы сказал сам себе возмущенный апостол, не свет вы миру, а тьма для него! Недаром причудливый мудрец среди дня зажигал факел, чтобы с ним найти между вами хоть одного человека... Опечаленный взгляд апостола еще раз пробежал по рядам курящихся жертвенников человеческого неразумия; на одном из жертвенников взор его остановила на себе надпись, гласившая: «Неведомому Богу». Лицо апостола просветлело, и взор его блеснул чудным огнем. Еще раз с благоговением прочитав надпись, апостол, как бы почувствовав на себе новый прилив могучих сил, быстро пошел на городскую площадь.

Площадь, по обыкновению, была переполнена народом: одни собрались тут по торговым делам, другие — из любопытства услышать что-либо новое, третьи — послушать философов, которые тут же, тряся своими длинными волосами и размахивая широкими плащами, вели философские прения и излагали философские идеи. Прислушавшись к косматым мудрецам и тотчас же поняв, что у них философский разум несравненно короче их волос и уже их плащей, апостол Павел сам выступил с проповедью, и этой проповеди еще не ведал философский разум. Сразу же его проповедь обратила на себя внимание, и многие стали прислушиваться к ней. Ободренный успехом, апостол, побывав в синагогах для беседы с иудеями, стал ежедневно ходить на площадь, и день ото дня все большая группа слушателей собиралась вокруг боговдохновенного проповедника. Наконец, на него должны были обратить внимание и некоторые из философов совершенно оставшихся без слушателей. Злоба и досада кипела в их сердце на неизвестного им проповедника, но все-таки любопытство

пересилило злобу, и они стали из-за толпы прислушиваться к проповеди дерзкого незнакомца, решившегося соперничать с ними. А вдохновенная проповедь его могучим потоком разливалась по массам и какой-то чудной силой приковывала внимание народа; толпы как бы замерли, боялись пошевелиться, и мертвая тишина была лучшим одобрением проповеди апостола вместо шумных рукоплесканий, какими обыкновенно рассеянная и праздная толпа наделяла дутые речи философов; философы с затаенной завистью видели необычайное действие учения неизвестного проповедника на массы, но странно, что они, мудрецы, сами ничего не могли понять из нее. Весь запас их философского знания не давал им силы понять новое учение, подобного которому они не встречали ни у Платона, ни у Аристотеля, ни у Эпикура, ни у Зенона, ни у других столпов философии, которые, по их понятию, исчерпывали до дна все море премудрости. Бывшие в толпе стоики и эпикурейцы, дотоле враждовавшие между собой, теперь удивленно переглянулись, стараясь друг у друга найти разрешение поразившей их загадки. Но взоры тех и других выражали лишь одно тупое недоумение. Глухой ропот досады пронесся между ними. Некоторые из более смелых философов попытались вступить в спор с апостолом и остановить его речь возражениями, но возражения их, как раскаленные уголья, возвращались и падали на их головы — в речи апостола им не было соответствия. Укрывшись в толпе, возражатели, опять недоумевая, рассуждали между собой: «Что же хочет сказать этот суеслов?» Так эти «безумцы в своей мудрости» хотели позорным именем заклеймить великого проповедника евангельского учения, но не закрыли они этим своего безумия: еще яснее оно выглянуло из-под философской внешности. Другие, по-видимому, более вслушались в новое учение и говорили: «Кажется, он проповедует о чужих божествах», и злобная нота зазвучала в этих словах. Как! Этот дерзкий пришелец не думает ли возмущать народной совести? Он не чтит Минервы, священной покровительницы города, не признает прославленных богов народных, храмы и статуи которых во множестве украшают улицы и площади. Он осмеливается подрывать народную веру. Он возмутитель против религии, государства и установившегося порядка, он развратитель народа и юношества. Таким злобноковарным языком заговорили те из философов, для низкого честолюбия которых ничего не стоило прибегнуть к самому бесчестному средству, лишь бы только устранить ненавистного соперника. Один из самых великих и добродетельных философов древнего мира принужден был выпить чашу яду, обвиненный как подрыватель народной веры и развратитель юношества... Ослепленные злобой мудрецы готовы бы были тут же расправиться с неизвестным им проповедником, если бы не боялись народа, который лучше их понимал своим простым чувством истину проповеданного ему и мог страш-

но отомстить оскорбителям любимого проповедника. Ввиду этого злобствующие ненавистники, прикрыв свою злобу невинным любопытством, пригласили апостола Павла в ареопаг, чтобы он там подробнее изложил перед руководителями народа свое новое учение. Не вспоминали ли они тайно при этом, что именно в этом верховном судилище изобличавший подобных им софистов мудрец некогда испил смертоносную чашу?

На скалистом холме против Акрополя, под открытым небом, собрался верховный совет — ареопаг. На высеченных в скале скамьях восседали члены ареопага — именитые граждане города, государственные деятели, полководцы, философы, поэты. По склонам холма и в прилежащей долине толпился народ. Посредине площадки, образуемой скамьями, возвышались друг против друга два массивных камня: при формальных судебных заседаниях на одном из них становился обвиняемый, на другом — обвинитель. На один из них теперь поставлен был апостол Павел. Его взорам представилось блестящее собрание никогда не виданное им дотоле. Взглянув на безоблачное небо, откуда он некогда услышал Божественный голос, призывавший его к апостольскому служению, апостол почувствовал в своем сердце палящий огонь апостольской ревности. Окинув взглядом собрание — огненным, проницательным взглядом, перед которым невольно дрогнуло сердце коварных философов, апостол начал речь: «Афиняне!» — воскликнул он мужественным, звучным голосом. Собрание напрягло слух. «По всему вижу, — продолжал апостол, — что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая то, что вы чтите, я нашел и жертвенник, на котором написано: неведомому Богу. Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам». Лица присутствующих вытянулись от изумления. Слова неизвестного проповедника звучали такой уверенностью и такой силой, какой и тени не представляли туманные речи философов, и в то же время так близко касались слушателей, что все невольно переглянулись между собой. Не восстал ли перед ними великий Платон, который один только мог говорить с подобной силой и таким языком, что ими заговорили бы сами боги, если бы сошли на землю? Или не возродился ли перед ними мощноязычный Демосфен, от речей которого трепетали цари? Речь апостола звучала как речь этих героев греческого красноречия. Перед блестящим собранием ареопага действительно был Платон, но Платон высшей евангельской философии, действительно Демосфен, но Демосфен божественного слова... Для некоторых же слушателей, именно философов, страшным громом иронии загремели последние слова оратора. Они, эти тщеславные, высокомерные мудрецы, блиставшие праздным и никому не нужным фразерством, с тупым недоумением останавливались перед таинственной надписью на жертвеннике и не могли дать ответа на инстинктивный запрос народной мысли; и вот явился

проповедник, который со смелой уверенностью и неотразимой силой убеждения разрешает загадку. Злоба с новой яростью закипела в них, но эта злоба была теперь совершенно бессильна: апостол одним словом лишил ее юридической основы, сказав, что он проповедует не чужих богов, а только проливает свет знания о Том Боге, Которому народ уже несознательно поклонялся. Так коварно подготовленный суд над вестником божественной истины всей силой осуждения обрушился на врагов его!

Между тем вдохновенный проповедник продолжал свою речь. Как прозрачные струи живительного источника, лилась она из его уст и оживотворяла ум и сердца слушателей. Это была глубокая, неведомая им дотоле философия, но в то же время она была проста для понимания и с неотразимой силой действовала на сердце. Это была простая речь, но в то же время каждое слово ее, как молния, пронизывало душу слышавших его и явственно отпечатлевалось на лицах их. С необыкновенной ясностью изложив возвышенное понятие о Боге, до которого едва осмеливались подниматься величайшие мудрецы древнего мира, и показав на основании известных народных поэтов все неразумие поклонения сделанным руками человеческими идолам, апостол, наконец, перешел к проповеди о призвавшем его на апостольское служение Господе, Которому он посвятил весь свой гений, всю свою жизнь. «Итак, — говорил он, — оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем всюду покаяться. Ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых»... Вдруг в ареопаге произошло смятение: услышав о воскресении из мертвых, последователи эпикурейской школы не имели сил долее сохранять спокойствие — последние слова в устах вдохновенного проповедника, как огненные стрелы, вонзились в извращенные чувственной философией сердца их и открыли перед ними ужасающую картину праведного возмездия за ту бездну греха, которою была вся их жизнь, руководившаяся глубокочувственным началом: «Станем есть и пить, ибо завтра умрем». Но, чтобы скрыть от присутствовавших свою сердечную боль, они прикрыли ее насмешкой и стали насмехаться над страшным для беззакония учением. На стоиков это учение произвело более спокойное впечатление, и они не прочь были еще послушать его, но, воспользовавшись суматохой, они равнодушно, а может быть не без иронии, сказали апостолу: «Об этом послушаем тебя в другое время» — и, конечно, не старались уловить того времени.

Смятение в собрании продолжалось. Видя невозможность дальнейшей проповеди, апостол вышел из ареопага. Скоро разошлось и все собрание, и каменные сиденья членов ареопага, жестокие, как их сердца, опять опустели. Итак, неужели бесплодно осталось слово апостола? Нет, живо и

действенно Слово Божие — оно глубоко запало в сердца некоторых из присутствовавших и принесло свой плод. «Некоторые мужи, пристав к Павлу, уверовали; между ними был Дионисий Ареопагит и женщина, именем Дамарь, и другие с ними». Это был первый трофей Евангелия в центре философского язычества.

Такова была первая встреча Евангелия с языческой философией. Уже при первой встрече с ним дотоле непреоборимая владычица умов смутилась и сразу почувствовала грозную для себя силу неведомого пришельца. Но, смутившись, она не захотела сразу преклонить перед ним свое знамя. Еще целых пять веков она усиливалась поддерживать свое знамя во имя язычества и мудрости его, но червь времени неустанно точил древко этого знамени, и оно, наконец, рухнуло, склонившись к подножию креста.

Толкование на стихи 18–21

Блж. Феофилакт. «Толкование на Деяния свв. апп.»

И нецыи глаголаху: что убо хощет суесловый сей глаголати? инии же: чуждих богов мнится проповедник быти: яко Иисуса и воскресение благовествоваше им (ст. 18). *Поемше же его, ведоша на Ареопаг, глаголюще: можем ли разумети, что новое сие глаголемое тобою учение?* (ст. 19). *Странна бо некая влагаеши в ушеса наша: хощем убо разумети, что хотят сия быти* (ст. 20). *Афинеи же вси и приходящии страннии ни во что же ино и упражняхуся, разве глаголати что или слышати новое* (ст. 21).

И нецыи глаголаху: что убо хощет суесловый сей глаголати? Говорят, что название *спермолог** носила одна ничтожная птица, имевшая обыкновение собирать на перекрестках зерна. Высоко поднимавшие голову и гордившиеся своей широковещательностью философы уподобили Павла этой птице. Мудрых называют неразумными, говорится в Притчах. Итак, поелику спермолог была птица ничтожная, не пригодная ни для кушанья, ни для забавы, то пустых людей называли спермологами (суесловами). *Инии же: чуждих богов мнится проповедник быти.* Это потому, что думали, будто под воскресением** он разумеет какую-либо богиню, так как и женщин некоторых почитали за богинь. *Ведоша его на Ареопаг.* Не с тем, чтобы научиться от него, но с тем, чтобы наказать его, вели его на то место, где производился суд над убийцами. Ареопагом, или Ареевым (Марсовым) холмом называлось это место, потому что здесь Арей, или Марс, был наказан за прелюбодеяние. Пагом же называлось возвышенное место, так как судилище это находилось на холме. Следует заметить, что философы

* *Спермолог* — σπερμολόγος значит *собирающий семена,* а в переносном смысле — *болтун.*

** Ἀνάστασις — воскресение и Анастасия.

эти, хотя все время проводили в беседах и слушании других, считали, однако же, сообщаемое Павлом новостью, которой они еще не слыхали. Если бы он проповедовал, что распят человек, то слово его было бы не новостью, а так как он говорил, что был распят и восстал Бог, то говорил действительно новое.

О речи апостола Павла в афинском Ареопаге (на ст. 22–29)

Блж. Феофилакт. «Толкование на Деяния свв. апп.»

Став же Павел посреде Ареопага, рече: мужие афинейстии, по всему зрю вы аки благочестивыя (ст. 22). *Проходя бо и соглядая чествования ваша, обретох и капище, на немже бе написано: неведомому Богу: Его же убо не ведуще (благолепне) чтете, Сего аз проповедую вам* (ст. 23). *Бог, сотворивый мир и вся, яже в нем, сей небесе и земли Господь сый, не в рукотворенных храмах живет* (ст. 24). *Ни от рук человеческих угождения приемлет, требуя что, Сам дая всем и живот и дыхания и вся* (ст. 25). *Сотворил же есть от единыя крове весь язык человеч, жити по всему лицу земному, уставив предучиненая времена и пределы селения их* (ст. 26). *Взыскати Господа, да поне осяжут Его и обрящут, яко недалече от единого коегождо нас сущи* (ст. 27). *О Нем бо живем и движемся и есмы: якоже и нецыи от ваших книжник рекоша: сего бо и род есмы* (ст. 28). *Род убо суще Божий, не должны есмы непщевати подобно быти Божество злату или сребру, или каменю художне начертану и смышлению человечу* (ст. 29).

Аки благочестивые δεισιδαιμονεστέρους. Δεισιδαίμων называется тот, кто боится демонов, кто боготворит все — и дерево, и камень, и духов. Представляется, что апостол как бы хвалит их. Δεισιδαιμονεστέρους, то есть боящимися демонов, назвал их вместо того, чтобы назвать благочестивыми. А назвал их так по поводу капища. Капище же поставлено было ими по следующей причине.

Однажды у афинян вспыхнула война с неприятелями; потерпев поражение, они удалились. И так как у них было в обычае праздновать игры в честь демонов, то один из демонов явился к ним и сказал, что он не видел еще от них никакой себе почести, поэтому он осердился на них и был причиной этого их поражения. Этому демону они построили храм, и как бы из опасения, чтобы и еще когда-нибудь не случилось с ними того же, если они обойдут какого-либо неведомого ими Бога, поставили капище с надписью *неведомому Богу*, говоря этим, что если есть еще какой-либо иной Бог, которого они не знают, то пусть капище это будет посвящено в честь его; быть может, он милостив будет к нам, хотя мы не почитаем его, так как не знаем. Полная же надпись на капище была следующая: «Богам Азии и Европы и Ливии: Богу неведомому и чуждому». *Проходя бо и соглядая чествования ваша.*

Нашел в городе не книгу божественную, а стоявшее капище и, воспользовавшись надписью на капище, разрушил само капище. Да что же и оставалось ему делать? Эллины все были неверующими. Если бы он стал беседовать с ними на основании евангельского учения, они стали бы смеяться над ним; если бы — на основании пророков, не имели бы доверия к нему. Он оружие неприятеля покорил его же оружием — вот это-то и есть то, что он говорит: *бых со беззаконными, яко беззаконный.* Увидел капище — и надпись на нем обратил в свою пользу, а что еще важнее, так это то, что он изменил мнение афинян. На капище говорится *бе написано: неведомому Богу.* Кто же был этот неведомый Бог, как не Христос? Итак, афиняне написали это во имя Христа? Если бы они написали это во имя Христа, то успех Павла в их обращении не представлял бы ничего удивительного. Нет, они написали это с иной целью, а Павел сумел придать надписи совершенно новое значение. Но следует сказать, ради какого Бога они написали: *неведомому Богу.* Много было у них богов — и своих и чужих. Об одних из них они получили сведения от матерей, а о других — от соседних народов. Итак, поелику сначала не все боги сразу были приняты ими, а вводились мало-помалу, одни — их отцами, другие — дедами, иные — уже в их время, то, собравшись вместе, они сказали: как этих богов прежде мы не знали, а потом впоследствии узнали их, так, быть может, есть и еще какой-либо Бог, Которого мы не знаем, и так как мы не знаем Его, хотя Он и Бог, то делаем ошибку, пренебрегая Им и не почитая Его. Поэтому они поставили капище и сделали на нем надпись *неведомому Богу,* говоря этой надписью, что если и еще есть какой-либо иной Бог, которого мы не знаем, так и Его мы будем чтить. Обрати внимание на избыток бесобоязненности. Поэтому Павел говорит: *по всему зрю* аки *благочестивыя**, потому что почитаете не только тех демонов, которые вам известны, но и тех, которых вы не узнали, — и, пленив их умы, направил их умственные взоры на Христа. *Егоже убо не ведуще (благолепне) чтете, Сего аз проповедаю вам.* Афиняне намеревались обвинить Павла, говоря: ты вводишь новое учение, вводишь Бога, Которого мы не знаем. Поэтому, желая освободиться от подозрения и показать, что он проповедует не нового Бога, но Того, Которого они прежде него почтили уже служением, говорит: вы предупредили меня, ваше служение Емуупредило мою проповедь, потому что я возвещаю вам Того Бога, Которого вы почитаете не зная. *Бог сотворивый мир...* Сказал одно слово и подорвал все положения философов. Эпикурейцы утверждают, что все произошло само собою и из атомов, а он говорит, что мир и все что в нем — дело Божие. *Не в рукотворен-*

---

* δεισιδαιμονεστέρους — собственно, бесобоязненные. Поэтому Феофилакт прибавляет здесь: вместо *благочестивые.*

ных храмех живет. Чтобы не подумали, что проповедуется один из многих их богов, Павел поправляет сказанное, присовокупляя: *не в рукотворенных храмех живет,* но в человеческой душе. Итак, что же? Он не жил в иерусалимском храме? Да, не жил, но действовал. Как же иудеи почитали Его при содействии рук? Не при содействии рук, но мыслию, потому что Он не требовал чувственного, как бы нуждаясь в этом: *не ям,* говорит Он, *мяса юнча* и т. д. *Не требуя что, Сам дая всем живот и дыхание.* Два доказательства божественности, именно, что Бог ни в чем не нуждается и всем дарует все. Но здесь же Павел показывает и то, что, и не отыскав Господа, они обрели Его. А так как, отыскивая Его, они не находили, то он показывает также, что Господь так очевиден, как какой-нибудь предмет рассматриваемый на видном месте, потому что невозможно, чтобы небо было здесь, а в другом месте его не было; невозможно также, чтобы оно было в это время, а в другое нет. Итак, во всякое время и во всяком месте можно обрести Господа. Бог так устроил, что мы не встречаем препятствия в этом ни со стороны места, ни со стороны времени. То, что небо находится везде и установлено на все времена, особенно сильно действовало на слушателей. Господь так близок к нам, говорит апостол, что без Него невозможно жить. *О Нем бо живем и движемся и есмы.* Близость Господа доказывает посредством чувственного примера: невозможно, говорит, не знать, что воздух разлит всюду и находится близ каждого из нас, но и в нас самих. То, что мы от Бога получили жизнь, что действуем и не погибаем — все это называет промышлением и попечением Божиим о нас. *Якоже и нецыи от ваших книжник рекоша.* Один мудрец, Арат, сказал о Зевсе: *того бо и род есмы.* А апостол говорит это о Творце, не утверждая, что Творец и Зевс — одно и то же — да не будет! — но прилагая это выражение собственно к Творцу, как и жертвенник назвал жертвенником Его (Творца), а не того, кого чтили афиняне. Назвал нас родом Божиим, то есть самыми близкими родственниками, так как от нашего рода Бог благоволил на земле *родитися.* Не сказал: не должны вы *непщевати подобно быти Божество злату или сребру,* но употребил более смиренный оборот — *не должны есмы.* Заметь, как внес в свою речь предмет сверхчувственный, потому что с представлением о теле мы соединяем и представление о расстоянии.

О речи святого апостола Павла в афинском Ареопаге (17: 22–31)

Фаррар. «Жизнь и труды святого апостола Павла», т. 1

Остановимся на минуту и углубимся в смысл этой речи, прежде нежели дочитаем ее заключение, для того чтобы постичь способ ее изложения, сообразить силу и величие содержащихся в ней мыслей. Такой способ не-

обходим был при обращении к слушателям, которые приписывали прежде всего важность риторике; необходим был в продолжение всей речи, чтобы воспользоваться каждой минутой, когда ему приходилось привлечь ускользающее внимание легкомысленной, гонящейся за внешностью толпы. Начать прямо с изложения христианскогоучения или поступить с афинянами так, как поступал с невежественным фанатизмом, значило бы мгновенно потерять дело. А так как единственным желанием апостола было победить своих слушателей разумом и любовью, то с язычниками он говорил как язычник, с беззаконниками — как беззаконник, говорил, наконец, с такой широкой свободой, которая ужасала иудеев, и с такой задушевностью, которая восхищала язычников. Излагая свое слово в кратких выражениях, представляя примирительные доказательства, признавая набожность афинян по отношению к богам и подтверждая свои взгляды ссылкой на их собственных поэтов, он направляет свою речь к тому, чтобы указать основные заблуждения каждого отдела своих слушателей. Останавливаясь исключительно на пунктах соглашения, апостол практически опровергает во всех направлениях их врожденное и научное самодовольство. Не случай, а Святое Провидение, обратившее внимание апостола на безыменный алтарь, доставило ему возможность признать слушателей хотя отчасти разделяющими с ним те мнения, которые он возвещал им. Эпикурейцы веровали, что мир произошел от случайного соединения атомов, — он поведал им, что их Неведомый Бог словом Своим сотворил всю вселенную и все что в ней. Они думали, что существует множество богов, которые, не заботясь о человечестве, живут вдалеке и посылают только громы — он рассказал им, что существует только один Бог, Господь неба и земли. Вокруг него возвышалось множество храмов настолько дивных по постройке, насколько может сделать это рука человеческая, а он, среди громадного числа храмов и сотен божеств, в виду их обнесенных колоннами всходов из мрамора, удостоверял их, что Единый Бог живет не в рукотворенных храмах, но в вечном храме, Им же самим созданном. Отрицая народное многобожие, он вместе с тем отвергал и пантеизм стоиков, и полный атеизм эпикурейцев. Когда он уничтожил таким образом священное значение бесчисленных храмов, стоики стали на его стороне; когда он высказал, что Бог не нуждается в наших жертвоприношениях, эпикурейцы услыхали язык собственной школы. Но, с другой стороны, он положил секиру под самый корень их излюбленных убеждений, прибавив, что материя не имеет вечного существования, что Бог не есть безличная абстракция, что Провидение есть ток направления, действующий на нас извне и производящий то или другое. Этот неведомый им Бог есть в одно время и Творец и Охранитель, Живой Бог, Господь материального мира, Отец всего человечества, всех народов — иудея и язычника, грека и варвара. Он назначил предопределен-

ные времена и пределы их обитанию. Тем же самым окончательным приговором он доказал ложь всяких претензий по рождению в известной стране, национальных самовосхвалений на счет других и всех древних верований относительно того, что каждая местность находится под покровительством своих специальных божеств. Жалкий иудей, над которым они насмехались, принадлежал к племени настолько же дорогому для Бога, насколько и красивый эллин; варвары не лишены Его попечительной заботы. Потому что Он с небесного престола взирает на всех жителей земли. Когда же апостол высказал, что Господь дал им возможность найти Его и что они бессознательно ищут Его сами, как слепые, ощупью — когда он сослался на известные стихи Арата и Клеанфа (которые, может быть, певались на их торжественных празднествах) для убеждения их в той истине, что они близки и дороги Богу, что они народ пажити Его и овцы стада Его, то приготовил уже их к заключению, что все эти искусственные изображения, все эти отчеканенные и отлитые вымышленные образы не были и не могут быть подобиями Его и недостойны поклонения — хотя бы они были так древни, как упавшая с неба статуя διοπετὲς ἄγαλμα — богини, их покровительницы, или как знаменитая статуя из золота и слоновой кости, в которую Фидий вложил свой лучший гений, а Афины — богатейшие дары.

Таким образом, далее, с предусмотрительностью избегая всякого оскорбления и приложив всю силу рассуждения и красноречия, к которым они не были нечувствительны, св. Павел указал слушателям их заблуждения, большей частью противопоставляя этому последнему истины, возвещать которые было предметом его миссии. Но чтобы простое указание не произвело равнодушия или отчаяния, он поучал стоиков заменить апатию сочувствием, гордость— смирением, убеждение в зависимости от самих себя, исключающее всякую необходимость в Боге, — исповеданием своих слабостей, которое соединяет с Ним. Он поучал и эпикурейцев предпочесть душевный мир чувственному удовольствию, Живого Бога — отдаленным и равнодушным божествам. Таким образом, он перешел к тому, что Господь в течение многих веков видел и прощал их неведение, но теперь настало Царство Небесное, теперь Он призывает их к покаянию, теперь возвещает день суда – день, в который будет судить «праведно посредством определенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскреси в Его из мертвых».

О речи святого апостола Павла в афинском Ареопаге (17: 22–31)

В. Певницкий. «Руководство для сельского пастыря», 1874, № 46

Речь апостола Павла, сказанная в Афинах, отличается не только от речи его, сказанной в Антиохии Писидийской, но и от речей всех других апос-

толов. В ней мы можем видеть пример того, как апостол, умевший всем быть вся, беседовал с образованными язычниками. Особенный характер афинской речи зависел от особенностей тамошних слушателей апостола. Этими слушателями были здесь любознательные и образованные греки, между которыми немало было философов стоического и эпикурейского направления, и перед ними апостол искусно поставил предмет той проповеди, которая была делом его жизни.

Повод к речи дали апостолу сами афиняне. Апостол Павел, проповедуя Христа, являлся в собрания и синагоги и здесь рассуждал и вступал в споры с иудеями и прозелитами, являлся и на городской площади, на которой постоянно сновал народ, беседовал о новостях и рассуждал о разных предметах и подле которой было сборное место философов, и не опускал случая сообщать свое новое учение о спасении, принимая участие в беседах, спорах и рассуждениях. Новая проповедь Павла заинтересовала любопытных афинян, и с торжища они позвали его на возвышенность, где имел собрание ареопаг афинский, чтобы здесь, в присутствии многих, он подробнее изложил свое учение, показавшееся им новым и интересным. И вот последовала речь, записанная в XVII главе Деяний апостольских (22–31), в ответ на вызов со стороны афинян, может быть, давно желанный апостолом.

Мы не скажем, чтобы в афинской речи апостол Павел выразил новое какое-либо учение, не находящееся в других речах. Сущность ее содержания — та цель, к которой он все направляет, та же проповедь о Христе и спасении, дарованном через Него людям, какую он проносил по всем пределам греко-римской империи. Но исходная точка, от которой он ведет свои изъяснения, те пути, какими он идет к своей цели, здесь совершенно не те, какие вы видите в других речах как апостола Павла, так и других апостолов. Там книга откровения, показывающая те воспитательные средства, какими Бог приготовлял Израиль к принятию спасения, и содержащая пророчества о Мессии, служила главным источником при доказательствах истинности проповеди о Христе и давала проповеднику те пособия, при посредстве которых он старался и надеялся довести до сознания слушателей слово о новозаветном спасении. Здесь вместо этого служат другие книги — природа и история, разум и совесть — вообще, те естественные средства, какими Провидение вело к богопознанию многочисленный языческий род. Апостол, с особенной силой и рельефностью выставивший учение об универсальном, или вселенском, значении христианства, не исключает язычников из тех пределов, на которые простиралось воспитательное действие Промыслителя, и жизнь их подчиняет планам Божественного домостроительства о спасении человечества. И здесь было приготовление ко Христу посредством пробуждения чувства потребности спасения,

хотя это приготовление шло не теми путями, какими веден был к оному народ израильский. В Послании к Римлянам апостол прямо выражает ту мысль, что язычникам даны были средства богопознания и спасения, и если они не воспользовались ими к своему благу, то подлежат за это праведному гневу Божию (Рим. 1: 18–24). Эти средства, по планам домостроительства Божия долженствовавшие вести язычников к Царству Божию, выставляются на вид и в речи апостола, сказанной в Афинах, и указанием на них – указанием на факты близкие религиозному сознанию язычника – апостол хочет приготовить почву для веры во Христа и спасение через Него.

Нельзя не видеть в сей речи искусства и мудрости св. апостола, с какою он ведет к своей цели слушателей язычников. Когда ему приходилось говорить с иудеями, сила истины заставляла его упоминать перед ними о тяжелой вине их в предании на смерть Спасителя мира, и он, для примирения их со своей совестью и для смягчения жесткости намека на великий проступок, старался извинить его их неведением с одной стороны, а с другой – предопределением совершившегося свыше. На язычниках не тяготело это злодеяние, но у них много было других причин и явлений, которыми мог оскорбляться благочестивый дух апостола и которые могли вызывать резкое обличительное слово с его стороны. По словам Деяний апостольских, раздражался дух апостола при виде множества идолов, наполнявших город, которые для его веры казались оскорбительною мерзостью. Но он сдерживает свое неудовольствие, не нападает прямо на заблуждения и видимые его выражения, чтобы не оттолкнуть от себя сразу слушателей, а ищет в их сознании пункт соприкосновения между тем, во что они веруют, и тем, что он проповедует. Он воздает честь благочестию афинян, указывая на множество храмов и капищ, ими созданных, и между этими капищами особенное внимание обращает на одно капище, на котором было написано: «неведомому Богу». Похвалив афинян за благолепное почитание неведомого Бога, он берется указать Того, Кого они чтут не зная Его. Это Бог, сотворивший мир и все что в мире, всем дающий живот, дыхание и все и ничего не требующий от человека. Это Бог Промыслитель, блюдущий судьбы народов, и назначающий им времена действия и места жительства, и близкий к каждому из нас, кто только хочет видеть Его действия. Указав на Промышление Божие о мире и народах, апостол частнее говорит о нашей зависимости от Бога, Которым мы живем, движемся и существуем, и в доказательство своего положения приводит изречение книжников языческих. На основании этого положения он выводит заключение, что Бог не может быть подобен какому-либо земному материалу, золоту, или серебру, или камню, обделанному искусством человеческим. Не останавливаясь долго на этом теоретическом положении, он переходит к нравственному чувству человека и призывает к покаянию своих слушателей во имя воли Божией, ныне

открываемой, и при этом напоминает о Муже, Которого предоставил Бог для спасения людей, через Которого Он будет судить вселенную и Которого воскресил из мертвых для уверения всех в Его значении (17: 22–32).

Как ни искусна по своему составу речь апостола, сказанная в афинском ареопаге, она не произвела, однако же, на слушателей того действия, какого можно было ожидать от нее. Деяния апостольские, выражая впечатление, произведенное этой речью, замечают, что только немногие пристали к апостолу и уверовали в его учение, а большинство с недоверием и глумлением отнеслось к его слову, особенно когда он начал говорить о воскресении мертвых. Его слушали, когда он изъяснял общие истины, доступные религиозному чувству каждого, а лишь только начал он вводить своих слушателей в христианское учение об искуплении, оправдании и суде, слушатели тотчас же изменили свое внимательное отношение к новому учителю, и он, как видно, преждевременно должен был закончить речь свою (Деян. 17: 32–34). Апостол сам недоволен был тем результатом, каким закончились его ученые беседы с греческими философами и образованными жителями Афин, и потому по прибытии из Афин в Коринф решился проповедовать одного Иисуса Христа и Сего распята, оставя все препретельные слова человеческой мудрости, что для образованных эллинов казалось безумием (1 Кор. 1:17; 22–25; 2: 1–5).

О том, почему в Афинах судилище, в котором говорил народу Павел, называлось ареопагом (ст. 22)

Св. Исидор Пелусиот

В Афинах судилище, в котором говорил народу Павел, называлось ареопагом, потому что там, как говорят, понес наказание Арей, а слово *пагос* значит возвышенное место, ибо судилище это было на некотором холме, отчего у иных правители некоторых селений или местечек называются *пагархами.*

О свободе, с какою Павел говорил в народных собраниях

Св. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Крайне дивлюсь мужеству достославного Павла, с каким и подсудимый говорил к народу и, давая отчет, учил. Ибо учителю свойственно говорить со властью, а подсудимому – соразмерять слова с обстоятельствами. Но он вел себя вопреки сему, потому что имел в себе Подателя и Распределителя премудрости.

О капище в Афинах (ст. 23)

Св. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Поелику неопровержимо и неоспоримо всякое слово, признанное и противниками, то с каждым народом должно вести речь с того, что для них обычно. Так поступал Павел, этот сокровищехранитель мыслей Христовых, с иудеями начиная беседу от Писания, а с афинянами — от капища. Почему и говорил: *бых беззаконным яко беззаконен* (1 Кор. 9:21). Ибо, как бы не слыхавший закона, предложил увещание, начав с капища, не потому, что капище признавал более достойным вероятия, нежели Писание, но потому, что не верующих Писаниям покорял собственными их учениями.

Почему на капище написано было «неведомому Богу» (Деян. 17:23)?

Св. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 2

Две, говорят, были причины, почему в Афинах на капище было написано *неведомому Богу*. Одни утверждают, что когда персы ополчились на Элладу, афиняне послали гонца Филиппида к лакедемонянам просить вспоможения, почему на Парфенейской горе явившееся видение Пана хотя обвиняло афинян в небрежении к нему, однако же, обещало помочь. Потому афиняне, одержав победу, соорудили и надписали: *неведомому Богу*. Другие говорят, что Афины посетила язва и попаляла их в такой мере, что не щадила и самых тонких тканей. И как, совершая служение мнимым своим богам, не получали никакой пользы, то размыслив, что, может быть, иной какой-либо Бог, которому они не воздавали чествования, наслал язву, построили храм и капище, надписав *неведомому Богу* и принеся жертвы, немедленно были уврачеваны. Заимствовав сие из собственных афинских учений, Павел покорил себе афинян, высоко думавших о своей мудрости.

О том же

Св. Иоанн Златоуст. «Беседы на Деян. ап.», ч. 2

Афиняне в разные времена принимали разных богов, и даже иноземных, например, богиню Минерву, Пана — из других стран, боясь, чтобы не нашелся еще какой-нибудь бог, неведомый им, но почитаемый в другом каком-нибудь месте; они для большей безопасности поставили жертвенник и ему, и так как этот бог был неизвестен, то написали: неведомому Богу. Этот-то Бог, говорит Павел, и есть Иисус Христос, или лучше, Бог всех. *Его же убо неведуще чтете*, говорит, *Сего аз проповедую вам*. Смотри, как он доказывает, что они и прежде принимали Его. Ничего странного, говорит, ничего нового я не предлагаю. Они твердили ему: *что новое сие глаголе-*

мое тобою учение? Странна бо некая влагаеши во ушеса наша. Посему он немедленно уничтожает их предубеждение.

О том же

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Об особенной, сравнительно большей, набожности афинян Павел заключил особенно из того, что, проходя и осматривая их святыни (то, что они чтут) – храмы, алтари, статуи богов и т. п., он нашел и такой жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Таких жертвенников, как видно из свидетельств самих греческих светских писателей (особенно Павзания и Филострата), в Афинах было несколько, и, кажется, на иных были надписи во множественном числе – «неведомым богам», на некоторых же или, по крайней мере, на одном – в единственном: «неведомому Богу». Многобожие, в каком бы виде и развитии ни было, никогда не может уверить последователей своих, что они почитают всех богов, – и вот страх, как бы эти непочитаемые (по неизвестности их) боги не прогневались за непочтение их и не наслали бы каких-либо бедствий, заставляет прибегать к тому, чтобы умилостивлять и этих неведомых богов и воздвигать алтари, или жертвенники, «неведомым богам» или «неведомому Богу». Такие жертвенники были и в Афинах. Каким богам или какому богу воздвигались подобные жертвенники и каких богов или какого Бога чтили так афиняне, нечего и спрашивать – они не чтили при сем никаких богов и никакого бога, ибо не знали таковых или такового; это было одно отвлеченное понятие в их представлении, с которым определенного ничего не соединялось. *Сего-то, Которого вы, не зная, чтите:* по некоторым древним рукописям и чтению некоторых древних толкователей – *сие то, что вы, не зная, чтите* – неопределенное вместо определенного, безличное вместо личного соответственно незнанию (не зная); сие-то, что составляет для вас неизвестный божеский предмет почитания, есть Бог личный и живой, Творец мира, Которого я и проповедую вам. Это, очевидно, мощный ораторский оборот речи, определяющий неопределенное, влагающий в отвлеченное понятие конкретный смысл, какого в неопределенном представлении слушателей собственно не было, так как он не был сознан, но который мог быть ими сознан как единственный истинный смысл в неопределенном – «неведомому Богу». Из такой надписи апостол заключает, что афиняне, кроме своих, им известных, богов (Зевса, Афины и пр.), признают и чтят еще божественное Существо как нечто отличное от тех их богов, и так как Бог, проповедуемый Павлом, есть Существо отличное от тех их богов и им известное, то он со всем полным правом мог сказать в ораторском обороте речи, что это им неизвестное и ими чтимое боже-

ственное Существо есть Бог, им проповедуемый, хотя в мыслях их не было того, что «неведомый бог» есть именно этот Бог, проповедуемый теперь Павлом. Это – основная мысль всей речи Павла в ареопаге, смело и премудро выведенная из окружающих его обстоятельств или примененная к ним. Приметить еще надобно при сем мудрость Павла в том, что, когда афиняне надеялись слышать от него речь о чужих богах (ст. 18), о чем-то странном, чуждом для них (ст. 20), Павел полагает в основу проповеди их собственное, в глубине их души лежащее, только не сознанное ими чувство о Боге.

О начальных приемах христианского воспитания (17:27)

Амвросий, епископ Дмитровский. Проповеди (1873–1882). М., 1883

Основное начало человеческой нравственности есть вера в Бога. Орган духа нашего, которым усвояется эта вера, есть сердце. Жизнь сердца шире жизни умственной. Оно пробуждается раньше ума и не мыслями, не понятиями, а впечатлениями. Св. апостол Павел говорит о целых народах, что Бог поселил каждый из них в своем месте и окружил благами и красотами природы с целью «не ощутят ли Его и не найдут ли Его, хотя Он недалеко от каждого из нас». Если целые народы в известной стране должны сначала *ощутить* Бога как благодетеля, потом *найти* Его по следам дел Его и затем уже возвышаться умом в познании Его, то тем более этим путем богопознания должны идти дети в семействе, которое составляет для них весь мир. И как облегчен этот способ богопознания в области Божественного Откровения и в Православной Церкви! Мать-христианка, даже не получившая никакого научного образования, становится учителем богопознания для дитяти с самого его рождения. Приняв его от купели крещения с верой, что оно есть чадо Божие, возрожденное для вечной жизни, она смотрит на него не только с любовью, но и с уважением. Она наблюдает, чтоб оно не оставалось ни на минуту без св. креста, возложенного на него при крещении; она перед глазами дитяти прикрепляет к колыбели св. икону; она призывает к ней Ангела Хранителя. Едва покажутся в глазах дитяти первые признаки сознания, едва начнет язык его намекать первые слова, она подносит его к кивоту, освещенному лампадой, и, указывая на икону Спасителя, говорит ему: это Бог! И счастливо дитя, которое вместе с первыми словами, доступными для его языка, усвоит это святое и достопоклоняемое имя! От этого простого приема происходит то, что многие христиане не запомнят времени, с которого образ Спасителя стал для них любезным. И какое великое при-

обретение — полюбить Его с младенчества! Любовь направляется не к какому-нибудь вымышленному, искусственному изображению Божества, от которого впоследствии еще нужно будет отвлекать ум человека к чистому представлению о Боге, — нет, это истинный образ Божества, снисшедшего во плоти к человечеству и сделавшегося доступным даже для детского созерцания, — это Бог! Перед Ним дитя будет приносить свои первые молитвы, перед Ним, по возрасте, будет исповедовать свои грехи, перед Ним будет проливать слезы и просить помощи в скорбях жизни, на Него будет с упованием взирать на смертном одре; к Нему, Богу познанному с младенчества, оканчивая земную жизнь, будет стремиться в вечность. Это первое истинное представление о Боге, заложенное в чистое воображение дитяти, мать пополняет и поясняет изображениями Богоматери и святых Божиих с посильными изъяснениями их значения. Все это перед взором возрастающего дитяти, в храме, куда его часто носят для приобщения Св. Тайн, постепенно развертывается в полную картину священных предметов и знамений веры, производящих свойственное им впечатление на чистое детское сердце. Кто может объяснить эти впечатления? По слову Спасителя: оставьте детей идти ко Мне и не возбраняйте им (Лк. 18:16), по воспоминанию о том, что Он Сам возлагал руки на них, обнимал и благословлял их (Мк. 10:16), христианские родители верят, что в храме дети получают Божие благословение, что здесь преимущественно всеваются в их души семена веры и благочестия. Мы помним только, что в раннем детстве наши сердца проникались благоговением, когда благоговейно молились все стоящие в храме; мы помним чувство чистого умиления, наполнявшее нас в великие праздники, особенно в дни Страстной седмицы; мы помним, как радостно трепетали сердца наши в Светлый день Пасхи. Мы знаем, что с этих пор напечатлелись не в памяти только, но и в сердце нашем главнейшие события из жизни Спасителя, что с этих пор знакомы нам чистые молитвенные расположения и любезен храм Божий. А все это вместе взятое — великое приобретение, это опыты зарождающейся духовной жизни и святые ощущения общения с Богом. И кто не приобрел этих духовных сокровищ в детстве, тот едва ли когда приобретет их. Чувств сердечных втолковать нельзя, любви к Богу нельзя выучиться по учебникам. Пока просвещенные родители, чуждающиеся этих приемов первоначального христианского воспитания, ожидают в своих детях пробуждения ума и сознания, пока признают их способными слушать уроки Закона Божия — воображение детей так засорится представлениями земными, а иногда и нечистых предметов, их сердца столько приобретут разных склонностей и привязанностей, что чистые духовные представления и чувствования будут не по вкусу их одичавшим душам.

О явлениях чудодейственной силы Божией в жизни человека.
О Нем бо живем, движемся и есмы (Деян. 17:28)

Мы часто спрашиваем: отчего в наше время не совершается столько чудес, как в прежние времена? Отчего сила Божия не является ныне так явственно и разительно, как в Ветхом Завете и в первые века христианства? Но основательны ли эти вопросы с нашей стороны, когда вся наша жизнь – чудодейственное явление силы Господней, поддерживающей наше бытие, сохраняющей наши силы? Если внимательно присмотришься к своей жизни, то легко увидишь даже в обыкновенном течении ее следы Божественного Промысла, Который постоянно бдит над нами Своей Божественной силой: *О Нем бо живем, движемся и есмы.*

В самом деле, в окружающей нас природе есть разрушительные силы, которые повсюду движутся, соединяются, разделяются и борются, которые могут убивать нас тысячами, опустошать целые страны и даже весь земной шар обратить в печальную пустыню. И кто же в состоянии противодействовать им, если бы они на нас восстали? Воды, бегущие в море и снова обтекающие утробу и поверхность земли, имеют возможность разлиться над земной поверхностью и потопить ее обитателей; облака способны низринуться на землю страшным потопом; молния, воспламеняясь, производит разрушения; воздух заражается тлетворным ядом болезней, возмущается в бурях и страшных ураганах; огонь может опустошать целые города; воздвигающиеся из недр земных гор вулканические извержения показывают, что под ногами нашими, в утробе земной, действуют страшные силы, одного взрыва которых достаточно для потрясения земли, разрушения городов, погубления миллионов людей. И разве мало мы знаем примеров, что вода выходила из берегов своих и покрывала города, что облака низвергались разрушительным дождем, что тлетворные заразы губили тысячи людей, что много наших собратий погибло от бурь, смертоносной силы молнии и действия огня, что извержения огнедышащих гор погребали людей под развалинами их домов, разливали огненные потоки над цветущими полями, покрывали пеплом и камнями города? Со всех сторон мы окружены такими силами – они в непрестанном движении около нас, над нами и под нами. Не чудо ли это, что среди сих страшных сил, не раз обнаруживавших убийственное действие на людей и природу, мы до сих пор остаемся невредимы, доживаем до глубокой старости и пользуемся благами мира? Не могли ли они погубить нас и землю, если бы не были удерживаемы рукой всесильного Создателя? Правда в природе есть всеобщие и неизменные законы – но кто же управляет этими законами? Отчего поддерживается естественный порядок, несмотря

на враждебное противоборство разнородных сил и стихий, несмотря на перевороты, по-видимому, нарушающие порядок жизни мира? Не ясно ли является здесь всемогущая десница Божия, хранящая свои создания?

В обыкновенной жизни нашей мы повсюду окружены опасностями, ибо все, что мы употребляем, все, чем наслаждаемся, все, что делаем, при малейшей неосторожности, может быть для нас вредным и смертоносным. Самые невинные яства и спасительные врачевства, принятые не вовремя и не в меру, часто разрушают телесные силы. Вещи, самые обыкновенные в домашнем быту и жизни, часто причиняли вред и пагубу. Весьма нередко случается, что падающий камень, разрушающееся здание, неосмотрительное поведение других лишают нас жизни. Воздух, теплота и движение, без которых мы жить не можем, иногда производят болезни и даже внезапную смерть. Между полезным мы сами, не замечая того, употребляем много вредного, которое является нам в невинном и приятном виде. Сколько природа производит удушливых паров, смертоносных ядов и хищных зверей! Повсюду нас могут встретить беды: *беды в реках, беды от разбойник, беды во градех, беды в пустыне, беды в море, беды во лжебратии* (2 Кор. 11:26). Судя по естественному порядку вещей, мы должны удивляться не тому, что многие лишаются жизни в цветущих летах и внезапно, а — тому, что мы остаемся до сих пор живы, пользуемся здоровьем и живем спокойно среди сих повсюдных и ежедневных опасностей. Кто осмелится сказать, что собственная прозорливость и опытность всегда спасала его от опасностей? Не случается ли, что, избежав опасности, мы удивляемся своему спасению, как некоему чуду, и признаемся, что только *счастливый случай* мог спасти нашу жизнь и здоровье. Но что такое случай как не пустое имя, которое ничего не объясняет для здравого разума? То, что мы называем счастливым случаем, не есть ли явление чудодейственной силы Божией, которая спасает и хранит нас?

Справедливо, что никакая бдительность над собой, никакая сила наблюдательности за случаями и обстоятельствами жизни не может сделать нас совершенно безопасными, во-первых, потому что вследствие слабости нашего разума мы не все можем видеть в предметах наблюдения; во-вторых, обращая внимание на один предмет, мы, естественно, отвлекаем его от множества других предметов, следовательно, предусматривая одну опасность, в ту же пору можем опускать из вида множество других. Да и то невозможно, чтобы наше бодрствование и наблюдение за всеми случаями жизни продолжались беспрерывно, ибо за напряжением следует утомление и изнеможение, когда мы делаемся равнодушными ко всему нас окружающему и ищем покоя. А в таком состоянии весьма легко подвергнуться несчастью, которого нам нельзя ни предвидеть, ни отвратить. Кто же за нас предвидит и предотвращает их? Не есть ли это видимое знамение силы

Того, Который *не воздремлет, ниже уснет* (Пс. 120:4), вечно промышляет о людях и не ведает утомления? В человеческой жизни есть другого рода, и совершенно беспомощные, состояния, таковы: младенчество, болезни и сон. Спрашиваем: чьей силой мы прожили время младенчества, перенесли тяжкие болезни, здравы и невредимы восстаем от сна? Справедливо говорят, что жизнь в руках Божиих: болезни его начинаются с первых дней жизни (и их так много!); отцы и матери не могут всегда совершенно знать, что ему полезно по состоянию его телесного здоровья; есть такие болезни, в перенесении которых не поможет дитяти никакое человеческое искусство. Вспомните при этом, как еще слабы силы для перенесения болезненных состояний, и вы поймете, что если мы прожили время младенчества, то это не дело человеческих, ограниченных сил, а явно зависит от Божественного Промышления, которое хранит *младенцы* (Пс. 114:5). То же должно сказать и о наших болезнях. Всякая болезнь, как расстройство тела, есть шаг к смерти. Сколько же мы перенесли болезней и как многие из нас находились в так называемом отчаянном положении, когда самые врачи сомневались в нашем выздоровлении! Достаточно ли естественных причин для объяснения того, что мы живем доселе? Одна только невнимательность или вредная привычка (хотя как-нибудь, хотя неудовлетворительно – лишь бы объяснить все явления естественными причинами) служит основанием, почему мы здесь (как и в других случаях) не усматриваем ясно открывающейся чудодейственной десницы Всесильного. Мы полагаемся на силу лекарств, но, говорят, что лекарства не врачуют, а только помогают природе врачевать самое себя. Кто же поддерживает наши изнеможенные и расстроенные силы и дает им возможность врачевать себя? Кто как не Господь, Источник сил и жизни? Наконец, ничего не может быть сомнительнее и опаснее нашего ночного покоя, когда все чувства наши закрыты и сознание помрачается, недаром сон называют подобием смерти. Почему же до сих пор не постигла нас во время сна ни одна из бесчисленных опасностей, среди которых мы находимся? Если мы сами не чувствуем и не сознаем окружающего нас, то кто может за нас хранить нас, кроме неусыпного Промысла Божия? Оттого-то Св. Церковь заповедует смотреть на каждый новый день нашей жизни как на чудо милости Божией и благодарить Господа, что Он «человеколюбствовал обычно, и в нечаянии лежащего воздвигл, во еже утренневати и славословити державу Его».

Чему же научает нас истина, что мы действием Промысла Божия живем, *движемся и есмы!* Во-первых, упованию в жизни не на себя, не на случай, или так называемые счастливые обстоятельства, и, наконец, не на других людей, но единственно на благость Божию, потому что сохранение нашей жизни есть непосредственное дело Его бесконечной благости.

И благо нам, если мы, от полноты чувства упования на Бога, часто взываем: на Тя, Господи, уповах, да не постыжуся вовек (Пс. 30:1), яко держава моя и прибежище мое Ты еси (ст. 4). Во-вторых, непрестанному благодарению благодеющего нам Господа, Который не по заслугам нашим, но по Своей Его милости (Тит. 3:5) хранит и защищает нас в жизни для нашего же блага. Не словами только, а делами должна свидетельствоваться наша благодарность Богу, истинная благодарность Ему есть жизнь соответственная цели, которую Он имеет в виду при сохранении нашей жизни. Вот как мыслит и чувствует благодарный Богу христианин: *вменяю вся тщету быти за превосходящее разумение Иисуса Христа Господа моего. Его же ради всех отщетихся и вменяю вся уметы быти, да Христа приобрящу, и обрящуся в Нем, не имый моея правды, яже от закона, но яже верою Иисус Христовою, сущую от Бога правду в вере: яко разумети Его и силу воскресения Его и сообщение страстей Его, сообразуяся смерти Его: аще како достигну в воскресение мертвых* (Флп. 3: 8–11).

Святой священномученик Дионисий Ареопагит (ст. 34)

«Воскресное чтение», г. 22

Святой Дионисий, прозванный Ареопагитом, родился в Афинах около десятого года по Р. Х. Первоначальное образование получил в доме родителей своих, принадлежавших к сословию знатнейших граждан афинских. Оказав быстрые успехи в науках преимущественно перед всеми сверстниками своими, он для дальнейшего усовершенствования себя в познаниях философских путешествовал по разным странам, потом прибыл в Египет, издавна славившийся земною мудростью, и там, в городе Илиополе, под руководством искусных наставников занимался изучением астрономии вместе с другом своим Аполофаном. Пребывание его в этом городе особенно замечательно потому, что здесь он видел затмение солнца, случившееся в тот самый день, в который Спаситель мира был распят на кресте. Сие необыкновенное явление удивило Дионисия тем более, что по его астрономическим вычислениям оно не могло произойти в тот день от причин естественных. Пораженный таким чрезвычайным видением, он сказал: «Или Бог страждет, или видимый мир разрушается». Об этом происшествии он сам упоминает в письме своем к Поликарпу – епископу Смирнскому.

По возвращении из Египта в свое отечество Дионисий вступил в супружество и своим просвещением, знатностью рода и добродетельной жизнью приобрел столь великое уважение от своих сограждан, что они избрали его членом высшего судилища, ареопага, отчего и дано ему название Ареопагита. Когда апостол Павел прибыл в Афины и в собрании ареопага проповедовал Христа распятого и воскресшего (Деян. 17: 22–31),

тогда Дионисий, внимательно слушавший его, получил первое понятие о вере христианской, тогда же наедине вступил в словесное состязание с проповедником и на вопрос его о вероучении афинян показал ему находившиеся в городе капища языческих богов. Обозревая сии памятники идолослужения, святой Павел увидел одно капище, на котором было написано «неведомому Богу» и спросил Дионисия, какой это неведомый бог? «Он еще не явился между богами, в свое время явится и будет вечно царствовать на небе и на земле». Услышав от него слова сии, апостол благоуспешно воспользовался ими для насаждения в душе его Слова Божия и возвестил ему, что сей неведомый Бог уже пришел и родился от Пресвятой Девы Марии, что Он для спасения рода человеческого претерпел крестную смерть, во время которой померкло солнце и не издавало света в продолжение трех часов, и что потом Он Божественной силой воскрес из мертвых и вознесся на небо. Дионисий, вспоминая виденное им в Египте солнечное затмение, о котором говорил теперь Павел, тотчас убедился, что в то время Бог страдал в теле человеческом. Сердце его, освященное благодатью, разверзлось для познания неведомого Бога, Господа нашего Иисуса Христа. Он просил апостола помолиться о нем, дабы Господь милостив был к нему и сопричислил его к сонму рабов Своих.

Выходя из Афин, св. апостол исцелил одного слепорожденного и тотчас повелел ему идти к Дионисию и напомнить ему, чтобы он, по своему обещанию, пришел к нему и принял от него крещение, а с тем вместе – отпущение грехов. Дионисий, увидев знакомого слепца прозревшим, крайне удивился и, узнав о чудесном его прозрении, немедленно пошел к Павлу с женою своею Дамарью, с сыновьями и со всеми домочадцами, которым тогда же преподано было Святое Крещение. После сего, оставив дом, жену и детей, Дионисий присоединился к апостолу и три года сопровождал его во всех путешествиях, принимая деятельное участие в насаждении Слова Божия между неверующими. Получив достаточное наставление в истинах евангельских, он на 46 году своей жизни был рукоположен св. Павлом в епископа афинской Церкви и из Солуня послан к своей пастве для утверждения в ней христианской веры и благочестия. По замечанию Метафраста, устное слово сего просвещенного пастыря, подобно слову Спасителя, было *со властию* и невольно привлекало к нему души и сердца афинян, а в обращении с людьми он столько был благоразумен и так умел приспособляться к ним, что подобно великому учителю своему, апостолу Павлу, был *всем вся*.

Послужив немалое время спасению человеческому в Афинах и распространив основанную там апостолом Церковь, святой Дионисий уже в преклонных летах решился предпринять путешествие в другие страны для проповеди евангельской и пострадать за имя Христово по примеру на-

ставника своего, блаженного Павла, претерпевшего в то время мученическую смерть в Риме от Нерона. С сим намерением, поставив в Афинах вместо себя другого епископа, он отправился в Рим. Здесь святой Климент, епископ римский, принял его с радостью и по прошествии малого времени послал его для проповедания Слова Божия в Галлию вместе с епископом Лукианом, священником Рустиком, диаконом Елевферием и прочим клиром церковным. По прибытии в Париж Дионисий обратил к Истинному Богу многих идолопоклонников и устроил там, при пособии новообращенных, небольшую церковь, в которой совершал для них священнослужение и молил Господа о умножении словесного стада Его.

Но между тем, как учение евангельское благоуспешно утверждалось в этой стране, последовало второе гонение на христиан от императора Домициана. В Галлию послан был от него правителем Сисиний с повелением отыскивать умножившихся там последователей Христовых и предавать их мучительным наказаниям. Сисиний, по приезде в Париж, приказал прежде всех схватить и представить к нему на суд епископа Дионисия как более известного по своему сану и христианской деятельности. С ним вместе взяты были Рустик и Елевферий, прочая же братия разошлась в иные страны для проповеди. Дионисий, в то время уже дряхлый и утружденный подвигами апостольскими, связанный, поставлен с двумя сотрудниками своими перед игемоном. Сисиний, взглянув на него с гневом, сказал: «Ты ли тот злонравный старец Дионисий, который хулит наших богов, отвергает служение им и противится повелению царскому»? Святой епископ отвечал: «Хотя я телом уже состарился, как ты сам видишь, но вера моя процветает юностью и исповедание мое всегда рождает новых чад Христу». Когда же у него спросили о вероисповедании его, то во всеуслышание возвестил слово истины и проповедал великое имя Пресвятой Троицы, Отца и Сына и Святого Духа. Но игемон не хотел слышать спасительной проповеди и обратился с вопросом ко всем трем – Дионисию, Рустику и Елевферию – хотят ли они повиноваться царю и принести жертвы богам. На это все они единогласно отвечали: «Мы, христиане, имеем единого Бога, живущего на небеси, и Его почитаем, а царскому повелению не повинуемся». Тогда игемон приказал обнажить Дионисия и нещадно бить вервиями; он великодушно терпел жестокое биение и благодарил Господа Иисуса, дозволившего ему носить язвы Его на теле своем. Таким же образом мучили Рустика и Елевферия.

Сисиний увидел, что скорее ослабеют руки бьющих, нежели истощится терпение биемых, и потому приказал прекратить побои и заключить мучеников на тот день в темницу. На другой день утром слуги вывели оттуда святого Дионисия и по повелению мучителя распростерли его на железном одре, положив под него огонь; страдалец при этом пел стих из

псалма: *разжено слово твое зело, и раб твой возлюби е* (Пс. 118:140). Потом сняли его с одра и бросили на съедение зверям, но звери не прикоснулись к нему, ибо Бог заградил уста их. Наконец, отвели его опять в темницу к Рустику и Елевферию. Туда приходили к нему многие христиане, для которых он совершал там божественную литургию и причащал их Тела и Крови Христовой, причем достойнейшие из них видели над святым епископом являвшегося во свете Царя славы, окруженного ангельскими воинствами. После сего Дионисий и его сподвижники в последний раз были выведены из темницы и представлены к игемону который снова склонял их к жертвоприношению идолам, но они, как и прежде, не покорились ему и исповедали Иисуса Христа единым истинным Богом своим. Тогда разгневанный игемон, после жестокого телесного наказания, осудил их на смерть и повелел отсечь им головы.

Когда святых мучеников вели из города к так называемой Марсовой горе, Дионисий благодарил Господа за все милости Его, явленные ему во время земной жизни, и молил принять его в Свое Небесное Царство; потом, пришедши на место казни, преклонил главу свою и был усечен тупой секирой равно как и спутники его – Рустик и Елевферий. При этом благоволил Бог сотворить преславное чудо в память великого угодника Своего – обезглавленный и лежавший на земле Дионисий силою Божиею встал и, взявши в руки главу свою, прошел с нею два поприща до того места, где устроена была христианская церковь. Там он отдал ее одной благочестивой женщине, называвшейся Катуллою, и снова пал на землю. Многие из язычников, видевшие это чудо, уверовали во Христа и умножили собой число мучеников. Катулла, приняв главу святого страдальца, пожелала взять и тело его и для сего пригласила в свой дом приставленных к нему стражей, угощением и подарками удержала их у себя на несколько времени, а между тем христиане, по ее наставлению, взяли тело Дионисия и погребли его на том месте, где он подал главу свою Катулле. Здесь в последствии времени воздвигнута великолепная обитель, существующая и доныне в предместии Парижа под именем аббатства св. Дионисия. Священномученик сей пострадал на 90 году своей жизни, около 100 года по Р. Х.

Святой Дионисий, современник апостольский, получивший первые наставления в вере христианской от учителя языков, удостоился слышать проповеди и других апостолов Христовых, в обществе которых находился в то время, когда все они были собраны к погребению Пресвятой Богоматери. Он сам свидетельствует о себе, что был в Иерусалиме у гроба Господня, где видел и слышал Иакова, брата Божия, верховного апостола Петра, Иоанна Богослова, Тимофея и иных многих братий, проповедовавших учение евангельское. Из написанных сочинений сохранились до

наших времен следующие: 1) о небесной иерархии, 2) о церковной иерархии, 3) об именах Божиих, 4) о таинственном богословии и 5) десять писем к разным современным ему лицам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 17-й ГЛАВЕ

1) Чтения о св. ап. Павле: Фессалоники и Верия. «Воскр. чт.», 1872, 2. Афины. Ап. Павел в Афинах.

2) О том же, *Иннокентия, архиеп. Херсон.* Сочин., т. 9.

3) О том же, *Фаррара.* Жизнь и труды св. ап. Павла, 1.

4) Ст. 1. Амфиполь. Библ. п. сл. «В. чт.», 1874, 1. Аполлония.

5) Ст. 5–6. Иасон. Б. п. сл. «В. чт.», 1875, 2.

6) Ст. 10. Берия. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

7) Ст. 15. Афины. Там же.

8) Ст. 16–34. Приготовление язычников к принятию Спасителя. «Духовн. Бес.», 1859, 8.

9) Ст. 19. Ареопаг. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

10) Ст. 26–28. *Амвросий, архиеп. Харьков.* Возможно ли усовершенствование или преуспеяние народов без веры в Бога или без религии? «Вера и Разум», 1885, 1.

11) Ст. 34. Дионисий. «В. чт.», 1874, 2.

12) *Епископ Порфирий Успенский.* Св. Дионисий Ареопагит и его творения. «Чт. в общ.», 1878.

13) *Ранинский.* О речи св. ап. Павла в афинском ареопаге в ст. «Пастыреначальник Господь Иисус Христос и Его апостолы». «Стран.», 1890, 3.

14) *Прот. Михайловский.* Св. апостол Павел в Афинах.

ГЛАВА 18

Апостол Павел в Коринфе (1–22)

Иннокентий, архиепископ Херсонский, т. 9

Ст. 1–5. Ап. Павел недолго оставался в Афинах. Склонность к новостям, по коей его слушали пытливые афиняне, должна была скоро наскучить неизменяемыми истинами, кои возвещал проповедник Креста Христова, и он удалился в Коринф.

Здесь один иудеянин, по имени Акила, который незадолго перед тем пришел из Рима (вследствие Клавдиева указа об изгнании иудеев из римской столицы), принял его в дом свой. Поелику Акила занимался тем же художеством, в коем искусен был Павел, то последний разделял с ним труды его. Впрочем, главный долг, лежавший на нем, не оставался без исполнения. Каждую субботу синагога была оглашена именем Иисуса Христа. Безуспешность проповеди была некоторым образом вознаграждена утешительным известием, которое принесли Тимофей и Сила, возвратившись из Фессалоник.

Послания к Фессалоникийцам. Тамошние христиане, при всех озлоблениях со стороны иудеев и язычников, оставались верными, но колебались различными сомнениями касательно пришествия Иисуса Христа и весьма много скорбели об умерших (1 Послан. к Фессал.). Мог ли Павел оставить без ободрения и утешения возлюбленных и верных чад своих? Он написал к ним послание (первое по времени из посланий Павла), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодарив их за твердость в вере, он увещевал их не скорбеть об умерших, подобно не имеющим упования, представляя, что наступит непременно тот великий день, когда все мертвые восстанут из гробов для наслаждения жизнью вечной. Касательно времени пришествия Христова поставлял на вид одно обстоятельство – столь благотворное по своему влиянию на нравственность – его внезапность; умолял вести себя во всем неукоризненно, как надлежит святым, быть миролюбивыми и удаляться лености. Некоторые недоразумения, происшедшие за сим в уме фессалоникийцев, побудили апостола отправить к ним другое письмо. Фессалоникийцы, частью не выразумев смысла апостольского учения о будущем пришествии Иисуса Христа, частью смущаемые некоторыми подложными письмами, писанными якобы Павлом (2 Фес. 2:2), получили мысль, что Иисус Христос должен придти в непродолжительном времени. Некоторые из них, вероятно вследствие сей мысли, оставили свои работы и занимались единственно праздными суждениями. Апостол во втором послании, опровергнув первый предрассудок и показав, что явлению Спасителя должно предшествовать еще явление антихриста и отступление от веры, снова заповедует им, подражая его примеру, удаляться праздности, не вдаваться в бесполезные мечты и вести жизнь трудолюбивую. В предостережение от подложных посланий он дал им закон подлинных своих писем, который состоял в том, что он имел обыкновение приписывать в конце послания собственной рукой следующее приветствие: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми нами» (2 Посл. к Фес., последний стих).

Ст. 6–17. Поелику коринфские иудеи оставались упорными, то Павел, сказав им, «кровь ваша на главах ваших, я чист от нее и с сего времени пойду к язычникам», перешел от Акилы в дом некоего язычника Иуста. Близость нового жилища его к синагоге (ибо дом Иустов был подле нее) показывала, что он в сем случае поступил сообразно мудрому правилу своему – мнимым пристрастием к язычникам возбуждать ревность в сродникахсвоих по плоти для их спасения. Таковая заботливость его о своих единоплеменниках не осталась без успеха: вскоре крестился сам начальник синагоги Крисп со всем домом своим. Из язычников также обратилось немалое число, но еще гораздо большее готовилось обратиться. Павел был извещен о сем откровением. Кажется, угрожающие опасности возбудили

было в нем намерение оставить Коринф. Посему Господь, явясь ему, сказал: «Не бойся, говори и не умолкай, ибо Я с тобою и никто не сделает тебе зла, потому что у Меня много людей в сем городе». Вследствие сего он проповедовал коринфянам в течение восемнадцати месяцев. Сими продолжительными трудами столько была утверждена и благоустроена Церковь Коринфская, что Павел впоследствии называл оную печатью своего апостольства (1 Кор. 9:2). Не менее была деятельна и злоба врагов Павла. Улучив удобное время, они напали на него и привели к проконсулу. Обвинение было обыкновенное: «Этот человек, — говорили они, — распространяет в народе почитание не согласное с законом». Обвиняемый хотел было говорить в свое оправдание, но проконсул, приметив, что дело идет об учении, именах и законе иудейском — предметах совершенно чуждых римской политике — прогнал обвинителей от судилища.

Ст. 18–22. Пробыв еще немалое время в Коринфе, Павел в сопровождении Акилы и Прискиллы отплыл из Кенхрей (коринфской пристани на берегу Эгейского моря, что к востоку) в Сирию и остановился в Ефесе. Тамошние иудеи, услышав его проповеди, просили его помедлить у них, но он, дав обещание возвратиться к ним, спешил в Иерусалим, дабы провести там наступающий праздник (неизвестно какой). Новые спутники его (Акила и Прискилла) остались в Ефесе. В Иерусалиме, по-видимому, Павел был недолго и возвратился в Антиохию, которая, быв местом его посвящения на проповедь, была некоторым образом и местом его отдохновения. О деяниях его в Иерусалиме евангелист Лука ничего не говорит. Вероятно, впрочем, что он доставил туда милостыни, собранные в Церквах им основанных. Таким образом кончилось второе апостольское путешествие Павла.

Акила и Прискилла

«Воскресное чтение», г. 21

Св. Павел, избранный сосуд благодати, апостол языков, прошедший от Иерусалима до Иллирика, особенно много имел в разных городах духовных чад, споспешников, друзей. К ним принадлежали Акила и Прискилла. *Целуйте,* писал св. апостол к римлянам, *Прискиллу и Акилу споспешника моя о Христе Иисусе, иже по души моей своя выя положиша, ихже не аз един благодарю, но и вся церкви языческия: и домашнюю их церковь* (16: 3, 4). В этих немногих словах прекрасно изображена вся история, вся жизнь благочестивой четы христианской. Несколько других указаний дополняют это изображение частностями. Замечательно, что благочестивые супруги нигде не отделяются друг от друга. Неразрывная связь, соединявшая их в жизни, соединила их и в сердце Павла, и в памяти писателя Деяний апостольских. Нетрудно понять причину сего, когда видим, что благочести-

вые супруги представляли, так сказать, одно сердце, одно существо в служении Господу и любви к св. апостолу. Св. Павел не мог разделять в воспоминании своем двух существ, которые всегда проникнуты были единой ревностью к благу Церкви и спасению язычников и, казалось, были соединены не столько для того, чтобы разделять и взаимно облегчать заботы жизни, сколько для того, чтобы совокупно нести крест возложенный Господом на рождающуюся Церковь Его.

Акила и Прискилла были иудеи из Понта, потом жили в Риме, где уже в царствование Августа число выходцев иудейских чрезвычайно умножилось. Язычники ненавидели иудеев за суеверие (мнимое или истинное) и фанатизм; императоры еще — за частые возмущения. Вскоре к этому присоединилось заблуждение язычников, смешивавших иудейство с христианством, на которое они начали уже смотреть с подозрительностью и беспокойством. В особенности со времени Клавдия начинается для них долгий период тяжких бедствий. Этот император изгнал иудеев из Рима «за беспорядки, производимые ими (будто бы) по наущению христиан». В силу этого указа, как говорится в Деяниях апостольских, Акила и Прискилла удалились из Италии в Коринф. Здесь-то и нашел их св. Павел, совершавший тогда второе апостольское путешествие свое.

Акила и Прискилла были, как видно, из тех иудеев, которые чаяли утехи израилевы. Были ли они христианами до встречи с св. Павлом или им обращены к вере — неизвестно. Только с этой встречи они стали навсегда верными друзьями и споспешниками его. Св. Павел поселяется в их доме, и так как скинотворство, которым для пропитания себя занимались Акила и Прискилла, было знакомо и св. Павлу, то апостол языков разделяет труды своих хозяев. Трогательно и поучительно это соединение необычайного величия и знания духовного с простотою внешней жизни! И всюду видим это в первенствующей Церкви Христовой, Сам Основатель которой родился в яслях от бедной Девы Марии, делил труды мнимого отца Своего, древодела Иосифа, избрал учеников Своих из людей простых, бедных. И не нужны были им внешние богатые средства для основания среди народов всемирного Царства Христова. Учитель говорил им: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясех ваших, ни пиры в путь, ни двою ризы, ни сапог, ни жезла* (Мф. 10: 9, 10). Зато ценна была жертва верующих, предлагавших свв. благовестникам покров и пропитание в их странствиях, но еще выше самоотвержение самих свв. благовестников, которые хотели туне давать благодать Св. Духа, искали сердец и спасения духовных чад своих, а не имуществ их (2 Кор. 12:14). Если велико было усердие верующих, полагавших все свое имущество при ногах апостолов (Деян. 4:35), то еще больше отеческая любовь последних, когда они говорили: *не должна* суть чада родителем снискати имения, но родители чадом (2 Кор. 12:14),

и потому собранное от избытка одних передавали другим нуждающимся; наконец, умножали сии пособия собственными трудами. *Сребра, или злата, или риз ни единого возжелах*, говорит св. Павел ефесским пресвитерам. *Сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20:34). И теперь, живя в доме Акилы и Прискиллы, св. Павел не хочет отягощать хозяев, посвятивших ему все свои заботы, а еще помогает им в трудах, вероятно, при том что он имел вместе с ними в виду присоединить цену своих изделий к тем пособиям, которые около сего времени собирал для христиан иерусалимских. Скоро Акила и Прискилла увидели в доме своем и других споспешников Павла – Тимофея и Силу, пришедших сюда из Фессалоник с утешительной вестью о Церкви Солунской. Здесь же от лица своего и их св. Павел писал свои послания к Солунянам (Деян. 18:5; 1 Сол. 1:1; 2 Сол. 1:1). Таким образом, блаженные супруги, служа в доме своем Павлу и его споспешникам, любезным им по общей любви к Павлу, удостоились быть свидетелями и как бы участниками апостольских дел и попечений их. Из дома Акилы и Прискиллы св. Павел являлся каждую субботу в синагогу для проповедания. Но так как иудеи были невнимательны к его проповеди, то он стал проповедовать язычникам в доме язычника же Иуста. И восемнадцать месяцев трудился он в благовестии, живя у Акилы и Прискиллы; явилось много обращенных, и они были так утверждены в вере, что св. Павел называл коринфян печатью своего апостольства (1 Кор. 11:14).

Они стали навсегда памятными и любезными споспешниками Павла. *Целуют вы много о Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковию*, – писал потом св. Павел к коринфянам. Между тем иудеи, раздраженные успехами Павловой проповеди, схватили апостола и хотели, хотя тщетно, предать его суду. Это, конечно, один из случаев, когда привязанная к апостолу чета готова была жертвовать жизнью своей за жизнь апостола (Рим. 16:4).

Вскоре после того Павел оставил Коринф. Акила и Прискилла сопровождают его. Отплыв из Кенхрейской пристани, путники достигают Ефеса. Отселе Павел спешит в Иерусалим на праздник, оставляя спутников в Ефесе, куда, впрочем, обещал скоро возвратиться. Что же делают они в ожидании Павла? Продолжают его дело проповеди. Как сильно уже было слово споспешников Павла! Был в то время в Ефесе Аполлос, родом из александрийских иудеев, известных тогда своей образованностью. *Он был муж словесен, силен сый в книгах Сей бе оглашен пути Господню, и, горя духом, глаголаше и учаше известно яже о Господе, ведый токмо крещение Иоанново. Сей же начат дерзати на сонмищах. Слышавше же его Акила и Прискилла, прияша его и известнее тому сказаша путь Господень* (Деян. 18: 24–26). Чудесное явление! Скинотворцы, наученные скинотворцем, просвещают мудреца, делают послушным учеником своим человека славного своей ученостью и

красноречием! Но это явление стократно повторяется с тех пор, когда этот же скинотворец Павел, рыбарь Петр, мытарь Матфей и другие столько же простые стали через свои писания из века в век наставниками людей славных своим образованием и ученостью, учителями учителей человечества; когда их слово, часто так простое и грубое, покорило мир, дало новым народам новую жизнь, новые законы и нравы, не переставая и теперь покорять сердца простых и образованных. Пусть же решит теперь здравый разум человеческий: действуют ли здесь мудрость и сила и человеческая ли эта мудрость или Божия?

Св. Павел, точно, скоро пришел в Ефес. С ним был тут и Тимофей. Пришел и возвратившийся из Коринфа Аполлос, конечно хотевший увидеть учителя своих учителей (Деян. 19: 1, 22; 1 Кор. 16: 9, 10). Акиле и Прискилле досталось утешение видеть вместе своего учителя и его споспешника и своего ученика, который уже так ревностно трудился над проповедованием. Павел со споспешниками деятельно занимался теперь состоянием Церкви Коринфской, волнуемой распрями, и в послании своем к ней он, кроме Тимофея и Аполлоса, говорит и об Акиле и Прискилле, пересылая от них к коринфянам целование любви (1 Кор. 16:19). Можно предполагать, что в трехлетнее пребывание свое в Ефесе апостол и жил именно у Акилы и Прискиллы: поселение его у какого-либо нового споспешника было бы, по обычаю, означено св. Лукою. И как в Ефесе св. апостол был в больших опасностях, то, конечно, их разделяли делом или сочувствием и блаженные споспешники его.

Пробыв три года в Ефесе, апостол, движимый Духом Святым, посетил Македонию, Грецию, где, между прочим, остановился в Коринфе. Вслед за ним Акила и Прискилла также оставляют Ефес и отправляются в Рим, вероятно, с тем чтобы и здесь служить Церкви и здесь еще принять у себя св. Павла, который давно уже готовился быть в Риме (Деян. 19:21; Рим. 1: 11–12). Из Коринфа (Рим. 16:1) он пишет свое славное Послание к Римлянам. В Риме было уже не только много христиан, но именно близких и возлюбленных Павлу его споспешников и друзей. Он посылает им свое целование, но прежде всего Акиле и Прискилле, и притом в выражениях наиболее сильных. *Целуйте Прискиллу и Акилу, споспешники моя о Христе Иисусе, иже по души моей своя выя положиша, ихже не аз един благодарю, но и вся церкви языческая, и домашнюю их церковь.* Как живо и трогательно выражена здесь любовь и привязанность к Павлу его споспешников и его собственная любовь и признательность к ним! И во всю жизнь этих друзей не ослабевала их взаимная любовь, потому что она истекала из общей любви к Господу. Скончавая течение свое, будучи в последних узах, Павел писал Послание к Тимофею в Ефес, где жили тогда Акила и Прискилла, утешаясь по разлуке с Павлом дружеством его споспешника.

И здесь он прежде всего посылает им свое целование любви: *целую Прискиллу и Акилу* (1 Тим. 4:19).

Так вся жизнь Акилы и Прискиллы была посвящена на служение св. Павлу и вообще Церкви Христовой, которую насаждал апостол языков. Такова была жизнь и многих других христиан первенствующей Церкви. Она достойна глубокого сочувствия и подражания нашего.

Об обете святого апостола Павла. Толкование на стих 18-й

«Воскресное чтение», 1873

Павел отплыл из Коринфа, или вернее, из Кенхрей в Сирию, «остригши голову в Кенхреях по обету».

Что же это за обет? В какой форме и при каких обстоятельствах он дан? И что особенно важно, каким образом иудейский обет мог согласоваться с христианским учением св. Павла? Что касается самого обета, то объяснение происхождения его нужно искать, прежде всего, в контексте речи. Окончив благополучно свое путешествие, исполненное многих опасностей, и видя обильные плоды своих трудов, апостол приносит полное благодарение Богу, выразив его в обыкновенной иудейской форме, но устранив из нее все противоречащее духовности христианства. Он обрезывает волосы и тем исполняет обет назорейства, описанный в книге Числ (гл. 6). Принимавший на себя этот обет воздерживался в продолжение 30 дней от вина и всех крепких напитков, в 30-й день обрезал волосы во храме, сожигал их и приносил в жертву ягненка, овцу или барана. Последнее условие обета ап. Павел опускает, и потому несправедливо видеть связь между обетом и путешествием апостола в Иерусалим «на приближающийся праздник». Книга Числ нигде не говорит, чтобы конец обета совпадал с днем великого праздника. Таким образом, обрезав волосы, апостол исполняет в Коринфе только главный, существенный акт обряда; отбросив же все остальное, как несогласное с духом христианства, он сохраняет христианскую свободу и духовность зависящую от внутреннего, сердечного настроения.

О том же

Прот. Горский. «История евангельская и Церкви апостольской»

Тогда у иудеев было в обыкновении (вероятно, взято с обетов назорейства) подвергшимся какой-нибудь болезни или другому какому-нибудь важному бедствию, давать обет: если избавлюсь от этой напасти, то принесу Иегове жертву благодарения в храме, тридцать суток не буду пить вина, постригу себе волосы (Jos. de bell. 11, 15). Павел мог наложить на себя

такой обет по поводу освобождения от какой-либо опасности в последнее время его пребывания в Коринфе или случившейся при отправлении его отсюда; как много опасностей и бедствий у него было, мы знаем из 2 Кор. 11: 26, 27. Форма, в которой выражалось это благодарение, была сама в себе безразлична, и, обладая духом христианской мудрости, Павел нимало не затруднялся в отношении к форме быть для иудеев иудеем, в отношении к язычникам – язычником. Поэтому когда отправился он с Акилою из Кенхрей в Малую Азию, то и начал исполнение своего обета (Деян. 18:18). Потом спутника своего с женою оставив в Ефесе, куда и сам обещался быть, поспешил в Иерусалим, где посетил Церковь и совершил обет свой в храме (ст. 22).

О том же

Епископ Михаил

«Павел отплыл в Сирию и с ним Акила и Прискилла (точнее – Прискилла и Акила), остригши голову по обету» – и текст несколько неясен, и событие, в нем упомянутое, несколько загадочно. Неясность текста в том, к кому относить выражение «остригши голову»: состав речи позволяет относить и к Павлу, и к Акиле; к Павлу – потому что он здесь главное действующее лицо, о котором повествуется, к Акиле – потому что выражение «остригши голову» стоит рядом с его именем и, следовательно, может быть относимо прямо к нему, тем более что имя жены его поставлено здесь впереди его имени, как бы именно для того, чтобы показать, что упомянутое выражение относится прямо к нему. И надобно сказать, что из самого текста нельзя решить дела положительно в ту или другую сторону из посторонних соображений, тоже и вопрос может быть решен только так: может быть, Павел остриг голову по обету, может быть, Акила, и из толкователей одни защищают первое мнение, другие — последнее. Павел после участвовал в подобном действии в Иерусалиме по совету старейших апостолов (21:22 и дал.), следовательно, мог поступить так и теперь, нисколько не противореча своим убеждениям относительно необязательности еврейских обрядовых законов в христианстве, тем более что даже на добровольное обрезание в христианстве он смотрел как на дело безразличное (ср. 16:3 и прим.), следовательно, можно приписать ему действие острижения головы по обету, нисколько не соблазняясь подобным его действием. Потому же можно приписать его и Акиле, хотя в то время он, вероятно, был уже христианином (ср. ст. 26). Что значит самое острижение головы по обету (Числ. гл. 6)? По этому закону давший Богу обет назорейства на известное, определенное время не должен в продолжение этого времени, между прочим, стричь волосы на голове своей; по окон-

чании же времени обета назорей должен принести при скинии (а по построении храма – при храме) узаконенную жертву, остричь голову и волосы сожечь на огне своей жертвы – этим снимается с него обет назорейства. В случаях осквернения назорея (определенных в законе) он также должен остричь голову, очиститься, принести жертву и снова начать назорейство свое. Но все эти обряды по закону должны совершаться при скинии (а потом при храме), следовательно, в Иерусалиме, следовательно, не идут к рассматриваемому случаю, когда острижение головы совершилось вдали от Иерусалима и храма; предположение же, что для живших в рассеянии и для путешествующих разрешалось исполнять указанные обряды назорейства вдали от храма, не более как предположение не имеющее твердого основания, тем более что жертвы можно было приносить только во храме, а жертва при сем – главное дело. Посему надобно полагать, что упоминаемый в рассматриваемом месте обет не есть ни окончание, ни возобновление этого обета. А засим остается предполагать, что этот обет в настоящем случае есть частный обет и острижение головы есть окончание этого обета, но в чем состоял этот обет, какие были побуждения к нему, какая цель и пр. – остается неизвестным, и догадки в сем отношении не приводят ни к чему твердому да и не нужны они, так как самое действие в христиански-нравственном отношении столь незначительно, или, лучше сказать, безразлично, что дееписатель не считает даже нужным пояснить значение его.

О том же

Архим. Григорий. «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла». «Богослов. вест.», март, 1892, прилож.

Слова ст. 18 более всех других мест 18 главы книги Деяний останавливают на себе внимание и древних толкователей, и новейших комментаторов священной книги; уяснению их смысла обыкновенно отводится самое большое место. Причина этого – в особенной, свойственной св. деписателю краткости речи, которая в данном месте достигает наибольшей степени.

Прежде всего возбуждается недоумение относительно самого лица, к которому нужно относить это замечание об обете. По-гречески весь 18 стих читается так: ὁ δὲ Παῦλος ἔτι προσμείνας ἡμέρας ἱκανάς, τοῖς ἀδελφοῖς ἀποταξάμενος ἐξέπλει εἰς τὴν Συρίαν, καὶ σὺν αὐτῷ Πρίσκιλλα καὶ Ἀκύλας, κειράμενος ἐν Κεγχρεαῖς τὴν κεφαλήν, εἶχεν γὰρ εὐχήν. Мысль об обете примыкает к предыдущей речи посредством причастия κειράμενος. Но к какому из трех лиц, упомянутых ранее этого причастия, должно относиться последнее? Поэтому грамматически естественнее всего причастие κειράμενος относить к предстоящему ему Ἀκύλας. На такую именно, а не иную грам-

матическую связь этих двух понятий, по-видимому, хотел указать в данном случае и сам обычно краткий св. дееписатель; он будто намеренно удаляет всякую возможность относить мысль об обете к св. апостолу Павлу, поставляя его имя в самом наивозможно дальнем расстоянии от κειράμενος σὺν αὐτῷ (то есть Παῦλος, Πρίσκιλλα καὶ Ἀκύλας, κειράμενος). А пренебрегая и обычным в древности предпочтением мужского имени женскому, в силу чего обыкновенно при совместном употреблении их мужское ставилось ранее женского, апостол как бы намеренно поставляет в данном месте имя женщины Прискиллы ранее имени ее мужа Акилы, так чтобы это последнее имя пришлось непосредственно перед самым причастием κειράμενος, и, таким образом, сама собой определилась бы грамматическая связь этих обоих понятий. Такая будто бы преднамеренность в расположении имен св. дееписателем становится еще более заметной ввиду того, что в двух других местах этой же главы, в стихах 2 и 26, он оба эти имени ставит рядом в обычном порядке – сначала мужское, а потом женское – Акила и Прискилла. На основании таких именно соображений некоторые толкователи и полагают, что в Кенхреях остриг голову по обету Акила, а не апостол Павел. Но, вникая в дело ближе, нельзя не заметить всей натянутости такого толкования этого места. Конечно, для понимания смысла того или другого места имеет важное значение грамматическое отношение слов и понятий. Но кто станет спорить, что логическая связь гораздо важнее грамматической? Пусть κειράμενος стоит непосредственно после Ἀκύλας, но стоит только прочитать весь стих сразу – и станет очевидным, что это прилагательное по внутреннему смыслу, по логической зависимости относится к Παῦλος, хотя последнее и стоит в самом начале стиха. *Павел, пробыв еще довольно дней, простился с братиями и отплыл в Сирию, и с ним Акила и Прискилла, остригши голову в Кенхреях,* – читая даже только один этот стих, не говоря уже о всей 18 главе, невольно убеждаешься, что главное лицо этого рассказа – св. Павел, средоточие всех этих событий и фактов, что все это – рассказ о нем, и если здесь упоминается об Акиле и Прискилле, то как бы мимоходом, как о лицах второстепенных, имеющих значение единственно только постольку, поскольку они находятся возле ап. Павла. Поэтому совершенно уместно и вполне согласно с действительным смыслом этого места славянский и русский переводы выделяют замечание св. Луки об Акиле и Прискилле *(и с ним Прискилла и Акила)* из этого отдела посредством скобок как вставочное предложение. Таким образом, самый текст ясно свидетельствует, что сообщение об острижении волос относится к апостолу Павлу. Но и кроме этого, есть еще основания, по которым нельзя относить этого сообщения к Акиле. Если бы Акила принял на себя обет назорейства, то в силу вполне определенного и строгого постановления Моисеева законодательства он непре-

менно должен был бы отправиться в Иерусалим и там в храме принести положенные жертвы: остричь свои назорейские волосы и сжечь их на огне под мирной жертвой. Между тем Акила (с Прискиллой), как известно, из Кенхрей отправился вместе с св. Павлом в Ефес, где и остался в течение всего времени пребывания апостола в Иерусалиме. Наконец, допустив, что обет действительно был принят Акилой, а не апостолом Павлом, приходится недоумевать, почему св. дееписатель, обычно краткий в своем рассказе, считает нужным особо остановиться на обете Акилы, каковой факт совершенно не может иметь никакого значения по отношению к главной цели рассказа св. дееписателя: говорить о распространении Церкви Божией? Между тем сообщение об обете апостола Павла имеет большую важность для уяснения ближайшего будущего в жизни этого апостола.

Если не более, то во всяком случае и не менее, чем о лице давшем обет, существует разногласий и относительно самого объекта, какой должно разуметь в данном месте. Действительно, какой здесь разумеется обет? Для решения этого вопроса представляет вполне достаточные данные самый текст книги Деяний. Во-первых, этот обет св. Лука называет одним только греческим существительным, без всяких других определений — εἶχεν γὰρ εὐχήν. Εὐχή как по употреблению и у классиков, так и у новозаветных священных писателей обычно означает религиозный обет, который, конечно, всегда соединяется с молитвой. Но так как у евреев было несколько различных обетов, между тем как св. дееписатель употребляет одно εὐχή, без всякого определения, то само собою понятно, что он этим словом хотел обозначить такой обет, содержание и форма которого не подлежали личному усмотрению обещающихся, но были строго определены законом. Εὐχή дееписатели — это εὐχὴ κατ᾿ ἐξοχήν, а таким обетом по преимуществу был общеизвестный и распространенный у евреев обет назорейства. Во-вторых, дееписатель указывает и одну черту этого обета — κειράμενος τὴν κεφαλήν. Острижение волос — это, конечно, внешняя принадлежность обета; о ней, как подлежащей внешнему наблюдению, и говорит св. Лука, не касаясь внутреннего содержания обета, но стрижение волос было существенной внешней стороной именно обета назорейства. Наконец, в-третьих, сохраненные дееписателем слова в ответе ап. Павла ефесским иудеям: δεῖ με πάντως τὴν ἑορτὴν τὴν ἐρχομένην ποιῆσαι εἰς Ἱεροσόλυμα — всего вероятнее должны иметь непосредственную связь с замечанием о данном апостолом обете. Ни из предыдущего, ни из последующего в книге Деяний, а равно и ни из посланий самого ап. Павла ничего не известно о той неотложной надобности, которая так настойчиво (πάντως) и так поспешно отзывала его тогда в Иерусалим. А если поставить в связь эту поспешность апостола непременно к назначенному и притом очень близкому (τὴν ἑορτὴν τὴν ἐρχομένην) сроку быть в Иерусалиме с известием о недавно данном им

обете, то тогда эта поспешность получает себе надлежащее уяснение. Кажется, что св. Лука потому и не говорит о причинах этой поспешности, что они понятны сами собой из известия об обете св. апостола: данный им обет неотложно требовал прибытия его в Иерусалим к назначенному сроку. Таким же обетом мог быть только обет назорейства, который требовал при своем окончании принесения жертв и снятия волос непременно в Иерусалиме.

Какой был тот приближающийся праздник, на который поспешал святой апостол Павел в Иерусалим (стих 21)?

Архим. Григорий

Самый текст книги Деяний не дает каких-либо ясных и определенных указаний на самое наименование этого праздника. Св. апостол ефесским иудеям говорит как об известном им, уже приближающемся празднике: *мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме* (τὴν ἑορτὴν τὴν ἐρχομένην ποιῆσαι εἰς Ἱεροσόλυμα). Не подлежит сомнению, что под этим ἑορτῇ нужно разуметь какой-либо один из больших иудейских праздников, каковыми были Пасха, Пятидесятница и Кущей, на которые обычно иудеи путешествовали в Иерусалим и относительно каждого из которых можно было выразиться τὴν ἑορτὴν без добавления его собственного имени.

Таким праздником была Пятидесятница. Она праздновалась через семь недель после Пасхи, поэтому для путешествия в Иерусалим на Пятидесятницу св. Павлу приходилось употребить промежуточные недели между этими двумя праздниками; это были самые лучшие дни навигации, этим-то и объясняется попутное посещение им Ефеса и та уверенность, с которой он уже в Ефесе соразмерял свой дальнейший путь с оставшимся временем. В его словах *мне нужно непременно провести приближающийся праздник в Иерусалиме* так и слышатся недоговоренные мысли: «и я, хотя этот праздник и очень уже близок (ἐρχομένην), однако, вполне надеюсь приехать к нему вовремя». Этим-то — далее — объясняется и решительное намерение ап. Павла по миновании праздника опять, не медля, возвратиться тем же морским путем в Ефес. Наконец, Пятидесятница, будучи праздником иудейского происхождения, в новозаветной истории, однако, была ознаменована таким важным событием, которое сделало ее чисто христианским праздником. Особенно же важна она была для апостолов: с этим днем в их сознании связывалось воспоминание о первом дне открытия на земле Воскресшим и Вознесшимся Царства Божия, о первом моменте жизни Церкви Христовой на земле, о первом апостольском слове, которое прозвучало в Иерусалиме и тогда же, в тот же великий день, стяжало целые

тысячи новых членов Церкви. Этот праздник был одинаково дорог сердцу всех апостолов, но, несомненно, особенное значение он имел для св. Павла. Насколько другие апостолы чтили этот праздник как воспоминание о бывшем сошествии на них Св. Духа в первую Пятидесятницу, настолько св. Павел, не только не сподобившийся получения Св. Духа в первую Пятидесятницу, но даже тогда еще враждовавший против христианства, теперь, по своем приобщении благодати Христовой и сонму апостолов, в ежегодных воспоминаниях первой Пятидесятницы почерпал сугубую радость о явленной к нему Божией милости. Особенно же радостно было для духа Павла проводить этот праздник в самом Иерусалиме, в общении с сонмом свв. апостолов. И если апостольские труды не позволяли ему часто являться в Иерусалим на Пятидесятницу, то теперь, при представившемся случае, он тем радостнее стремился туда.

Путешествие в Иерусалим (Четвертое посещение Иерусалима) (стих 22)

Архим. Григорий. «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла». «Богослов. Вест.», 1892, март, прилож.; апр.

Вполне точного и ясного указания на посещение им Иерусалима в священном тексте нет. Деян. 18:22, где находится указание на посещение Иерусалима, читается так: καὶ κατελθὼν εἰς Καισάρειαν, ἀναβὰς καὶ ἀσπασάμενος τὴν ἐκκλησίαν κατέβη εἰς Ἀντιόχειαν. Если взять эти слова вне их связи со стихами 18 и 21 той же главы, то на первый взгляд может показаться, что здесь и речи нет о хождении апостола в Иерусалим, а сообщается только о посещении и приветствовании им кесарийской церкви и удалении отсюда в Антиохию. Так действительно и полагали некоторые толкователи: они ἀναβὰς относят к Кесарии и под τὴν ἐκκλησίαν разумеют церковь кесарийскую. А в объяснение употребленного после κατελθν εἰς Καισαρίαν – ἀναβάς, указывающее на восхождение из Кесарии куда-то выше, ἀνά, приводят то соображение, что или самый город Кесария лежал выше, чем расположенные на самом морском берегу гавань и другие портовые постройки, или если город не возвышался особенно над уровнем моря, то есть над высотою берега, то, значит, посещенное св. апостолом место общественных собраний христиан было расположено на возвышенности. Правда если бы раньше не было замечания св. Луки о намерении ап. Павла посетить Иерусалим во время приближающегося праздника и о принятии им обета назорейства, требовавшем срочного посещения св. города, то в таком случае изложенное толкование, хотя не находило бы для себя подтверждений в священном тексте, однако, не могло бы быть оспариваемо на основании его. Но так как подлинность 21-го стиха в полном его виде, а

равно принятие св. апостолом обета назорейства не подлежат сомнению, то последовательность мыслей в этом отделе (ст. 18–22) не только не дозволяет принимать изложенного толкования, но положительно требует, невзирая на краткость священного повествования в этом месте, ἀναβὰς καὶ ἀσπασάμενος τὴν ἐκκλησίαν относить к Иерусалиму. Но и помимо этого, в самом тексте этого стиха есть несомненные указания, что св. деепсатель здесь говорил именно о хождении апостола в Иерусалим. Обычно краткий в своем повествовании, св. Лука особенно сжато говорит в 22-м и 23-м стихах. Всего несколькими словами он описывает большое путешествие св. Павла от Кесарии и через верхние страны Малой Азии до Ефеса. Но если принять изложенное толкование, то как тогда согласить с этой необыкновенной краткостью Луки странную тавтологию – κατελθὼν εἰς Καισάρειαν и ἀναβάς?! Что за нужда была ему отдельно говорить не только о прибытии апостола в Кесарию, но даже и о восхождении в нее? При этом нужно знать, что κατελθὼν εἰς Καισάρειαν никак не может означать одной только гавани или берега, но по обычному употреблению самый город Кесарию, который к тому же был настолько близок к гавани и берегу, что между ними не было никакого расстояния, почему Καισάρεια одинаково означало и гавань, и город. Далее, если принять, что св. Павел, прибыв только в Кесарию, отсюда же отправился и в Антиохию, то тогда выражение св. деепсателя κατέβη εἰς Ἀντιόχειαν (то есть из Кесарии) должно страдать такой неправильностью, какую он ни в каком случае не мог допустить. Κατέβη указывает на переход с места более возвышенного на место более низменное (опускание, нисхождение), а между тем Антиохия, отстоявшая от морского берега на расстоянии 180 стадий, находилась сравнительно с приморской Кесарией на более возвышенном месте, почему о путешествии из последней в первую можно выразиться через ἀναβαίνειν, а не через καταβαίνειν. Напротив, вполне согласно и с ходом мысли в этом отделе, и с обычной краткостью деепсателя, и с употребленными здесь глаголами ἀναβάς и κατέβη, а также и словом ἐκκλησία можно усматривать здесь сообщение о путешествии апостола в Иерусалим из Кесарии. Из Кесарии в Иерусалим нужно было подниматься (ἀναβαίνειν), а из Иерусалима в Антиохию – спускаться (καταβαίνειν). На Иерусалим же указывает и употребленное св. деепсателем τὴν ἐκκλησίαν без добавления τὴν οὖσαν, как то сделано им, например, несколько выше по отношению к Антиохийской Церкви, очевидно, он говорит о церкви, которая есть ἡ ἐκκλησία κατ᾽ ἐξοχήν, каковою, конечно, была Иерусалимская Церковь.

Это посещение св. ап. Павлом Иерусалима было по счету четвертым после его обращения ко Христу. В первый раз он был здесь вскоре после чудодейственного обновления своего духа. Недавно шедший из Иерусалима с сильною яростью против иудеев, он тогда возвратился туда пол-

ный высочайшей любви ко Христу и старался пристать (κολλᾶσθαι) к ученикам Его. Но все боялись его, не веря, что он уже ученик Христов, и лишь братское участие св. Варнавы рассекло тогда опасения тамошней христианской общины, и он вскоре был приобщен к сонму проповедников веры Христовой. Во второй раз он вместе с св. Варнавой носил усердное приношение антиохийских братий христианам живущим в Иудее, когда пророк Агав предвозвестил о будущем голоде. В третий раз он с тем же св. Варнавой был отправлен антиохийскими христианами в Иерусалим для разрешения тех недоумений, которые возбудили прибывшие в Антиохию иудействующие, то есть на известный апостольский Собор. После этого он начал свое второе миссионерское путешествие, и вот, окончив его, он является в Иерусалим в четвертый раз. О тех целях, которые соединял с этим путешествием апостол, св. Лука умалчивает, но они понятны сами собою. Во время третьего посещения святого города ап. Павел получил от тамошних апостолов и пресвитеров два поручения, из которых одно состояло в том, чтобы отнести послание с соборным постановлением церквам Сирии и Киликии. Несомненно, цель этого поручения не ограничивалась только передачей самого послания церквам, но требовала и соответствующих словесных, лично св. Павлом предложенных наставлений и разъяснений по этому поводу. Вероятно, апостол уже имел случай известить Иерусалимскую Церковь о том, как он исполнил данное ему поручение, но во всяком случае его личное сообщение ей об этом важном деле никогда не было поздним. Ранее он не имел удобного случая быть в Иерусалиме, но теперь, будучи вблизи его, окончив одно путешествие и намереваясь начать продолжительную деятельность в Азии, он счел благовременным явиться в Иерусалим со своим личным сообщением. Другим завещанием, полученным им в предыдущее посещение Иерусалима, была просьба тамошних апостолов, чтобы не позабывал он иерусалимских бедняков христиан своей помощью – собирать в их пользу по тем церквам, которые проходил он и которые основывал вновь, посильные пожертвования. Эта просьба была для апостола Павла священным заветом, который он всегда памятовал и *старался исполнить в точности*. И вот теперь, пользуясь удобным временем, он присоединил к одной цели своего посещения Иерусалима другую: вручить апостолам и братьям собранные им пожертвования от усердия многих посещенных и вновь основанных им церквей. Кроме того, св. Павел закончил свое великое путешествие и, преднамерившись начать свою деятельность в новом месте, считал своим прямым долгом сообщить иерусалимским апостолам и братиям о своей проповеди.

Судя по весьма краткому сообщению св. дееписателя о рассмотренном пребывании апостола в Иерусалиме, а равно по совершенному умолчанию

о нем в послании самого св. апостола к галатам, с несомненностью можно предположить, что оно было весьма недолговременно. Те цели, ради которых он приходил сюда, требовали для своего осуществления всего только нескольких дней, а явившаяся необходимость отдалить на некоторое время обещанное возвращение в Ефес требовала ускоренного образа действий. И вот св. Павел, простившись с апостолами, пресвитерами и братиями, вместе со своими спутниками вышел из Иерусалима, чтобы прийти в Антиохию – эту первую на предлежащем ему пути, основанную его трудами церковь из язычников.

III. Третье путешествие апостола Павла (54–58 гг.) (18–21 главы)

Основание главной в Малой Азии Христианской Церкви в Ефесе (18:23–21:16)

а) *Начало третьего путешествия ап. Павла.* 18:23. Возвратившись из второго своего путешествия в Антиохию, ап. Павел в этот раз пробыл здесь немного времени, вскоре он предпринял третье великое свое путешествие. Первой задачей этого путешествия, как и второго (15:36), было посещение церквей уже основанных, с целью христианского благоустроения их и утверждения в вере новообращенных. Поэтому, выйдя из Антиохии, ап. Павел проходил сначала страну *Галатийскую и Фригию.*

б) *Аполлос Александриянин.* 18: 24–28. Начало третьего путешествия Павла ознаменовалось событием имевшим большое значение в истории апостольской деятельности его во время этого путешествия – присоединением к Церкви Христовой и выступлением на деятельность в качестве благовестника Христова *Аполлоса.* Он был родом иудей, по происхождению – александриянин. Александрия была тогда центром того особенного направления в иудейском богословии, которое развивалось под решительным влиянием греческой философии и представителем которого был в то время известный иудей Филон. Происходя из такого города, Аполлос был муж ученый и красноречивый и в то же время иудейский богослов, сведущий в писаниях. Этот-то муж пришел в Ефес в то время, как апостол Павел проходил страну Галатийскую и Фригию. Он был уже наставлен «в начатках пути Господня» — именно: он уже был крещен крещением Иоанновым и понимал его приготовительное ко Христу – и именно Иисусу Христу* –

* Что Κύριος ст. 25 именует не вообще Бога, а именно И. Христа и что Аполлос, будучи учеником Иоанновым, уже имел познание И. Христа, хотя и неполное, за это говорит то, что «ученики Иоанновы», о которых повествуется далее и от которых, быть может, Аполлос и был научен пути Господню, несомненно, веровали в И. Христа (см. 19:2).

значение. Поэтому хотя он еще не был христианином, однако же, говорил и учил о Господе правильно. Будучи же по характеру пламенным проповедником своих убеждений другим, он, прибыв в Ефес, смело и с одушевлением учил о Господе в синагоге, хотя это учение его и не было полно, так как он знал только крещение Иоанново и, следовательно, еще не знал крещения Христова. В это же время в Ефесе были Акила и Прискилла, пришедшие сюда из Коринфа вместе с ап. Павлом во время возвращения его из второго путешествия (ст. 18: 19, 21). Они, услышав Аполлоса и заметив неполноту его христианского ведения, приняли его в ближайшее общение с собою и точнее объяснили ему путь Господень. Дееписатель не говорит здесь нам о принятии Аполлосом христианского крещения. Но несомненно, что он здесь принял это крещение, так как, прибыв после того непосредственно в Ахаию, он является уже христианским благовестником, действующим с благодатью (ст. 27). Приняв крещение, Аполлос вознамерился отправиться в Ахаию, ближайшим образом в Коринф (19:1), где и действовал в то время, как ап. Павел, пройдя страну Галатийскую и Фригию, прибыл в Ефес. Так как в Ахаии у него не было знакомых среди христиан, которые ввели бы его в общение с верующими, то христиане ефесские вручили ему рекомендательное письмо, которым и расположили ахайских христиан принять его с доверием. В Ахаии Аполлос при помощи благодати Божией много содействовал уверовавшим в борьбе их с врагами веры Христовой из иудеев, ибо он сильно опровергал последних всенародно, доказывая им писаниями, что Иисус есть Христос. Дееписатель не говорит, какое отношение имела апостольская деятельность Аполлоса к истории ап. Павла. Но это мы видим из посланий Павла к Коринфянам. Особенно плодотворна была деятельность Аполлоса в Коринфе. Красноречивая речь ученого христианского проповедника возбудила здесь большое сочувствие в некоторой, именно образованной, части христианского общества, и Аполлос своей деятельностью много способствовал более совершенному раскрытию христианского смысла верующим в Коринфе; ап. Павел признает в нем продолжателя своего дела здесь и говорит, что Аполлос поливал насажденное им (1 Кор. 3:6). Но по отшествии Аполлоса из Коринфа (1 Кор. 16:12) оказалось, что апостольская деятельность его здесь, помимо его воли, не обошлась без некоторых печальных последствий. Здесь произошло в христианском обществе разделение на партии*: одни

* Виновниками этого разделения были, вероятно, иудействующие лжеучители, которые обыкновенно следовали по пятам за ап. Павлом, повсюду стараясь разрушить дело его, и которые, придя в Коринф и доказывая здесь, что Павел не есть истинный апостол, как Петр или Иаков, одних успели совсем привлечь на свою сторону, в других же успели только поколебать уважение к авторитету ап. Павла, и эти последние или признали себя последователями и почитателями мудрого и красноречивого Аполлоса, или же образовали партию «Христовых».

считали истинным апостолом только основателя Церкви Коринфской, ап. Павла, другие — только Аполлоса, третьи — только Кифу, или Петра (иудействующие), четвертые, наконец, идя против всех этих партий, в основании которых лежало исключительное уважение только к одному какому-нибудь апостольскому авторитету с презрением всех других, — отвергали вообще апостольский авторитет в деле религиозно-нравственного руководительства христианских обществ и считали себя Христовыми (1 Кор. 1:12). Это-то настроение в Церкви Коринфской, между прочим, и вызвало ап. Павла к написанию двух посланий к ней, которые оба написаны во время этого третьего его путешествия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 18-й ГЛАВЕ

1) *Прот. Михайловский.* Св. ап. Павел в Коринфе. Послание к Солунянам.
2) О том же, *Фаррара.* Жизнь и труды св. ап. Павла, 1. Первое и второе Послание к Фессалоникийцам.
3) О том же, *прот. Горского.* Еванг. история и история апостольской Церкви.
4) Чтения о св. ап. Павле: Коринф. «Воскр. чт.», 1872, 2. Аполлос. Там же.
5) Ст. 1. Коринф. В. п. сл. «В. чт.», 1876, 1.
6) Ст. 2. Акила. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.
7) Ст. 3. Ремесло. Б. п. сл. «В. чт.», 1877, 2.
8) Ст. 5. Ахаия. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.
9) Ст. 8. Крисп. Б. п. сл. «В. чт.», 1876, 2.
10) Ст. 12–17. Галлион. Б. п. сл. «В. чт.», 1871, 2.
11) Ст. 18. Кенхреи. Б. п. сл. «В. чт.», 1876, 1.
12) Ст. 19. Ефес. Б. п. сл. «В. чт.», 1875, 1.
13) Ст. 24–28. Аполлос. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.
14) Ст. 22. *Иером. Григорий.* Третье великое благовестническое путешествие св. ап. Павла. Путешествие от Иерусалима до Антиохии Сирийской. «Богослов. вестн.», 1892, прилож.; май, июнь, июль.
15) Ст. 23. а) и Гал. 2: 11–12. Пребывание св. ап. Павла в Антиохии Сирийской и его противустание ап. Петру (подробное истолкование его обличительной речи). Там же: июль, авг., сент.
16) Ст. 23. б) –28. Ефес ко времени прибытия св. ап. Павла. Там же: сент., окт.

ГЛАВА 19

Пребывание святого апостола Павла в Ефесе (19: 1–40)

Ефес, подобно Коринфу, был город многолюдный, торговый, но очень испорченный. Он, кроме того, служил центром поклонения Диане Ефесской и потому занимал весьма видное место в языческом мире. Диана

Ефесская нисколько, впрочем, не похожа на Диану греческую и римскую, сестру Аполлона, – божество гораздо низшее. Диана Ефесская – это восточная Астарта, олицетворение природы и божество высшее. Храм ее был ионической архитектуры, близкий к греческой; статуя ее, уцелевшая от пожара Эрострата, была древнего происхождения; по вероятию азийцев, она упала с неба. Это был деревянный идол грубой работы, покрытый таинственными эмблемами. Среди упадка древних языческих богов Диана Ефесская сохранила свое значение. Как богине природы ей поклонялись все пантеисты, рассеянные здесь под разными именами. Как богине таинственной, как силе страшной или поэтической, смотря по вкусу и нуждам почитателей, ей поклонялись мудрые и простые, знатные, философы, поэты, мужчины и женщины. Основанное на силе верования, значение этой богини поддерживалось еще тем, что храм ее был в таком богатом и многолюдном городе, имевшем громкое прошедшее. Прежде Ефес был в числе первых греческих городов в отношении искусств, но вследствие различных обстоятельств нравы его упали и в глазах греков он стал пользоваться дурной славой. Исключительная важность культа Дианы подавила здесь науку, развила суеверие, и Ефес – родина Гераклита и Парразия, несмотря на уцелевшие памятники искусств, сделался городом портиков, гимназий, театров, тщеславия. По торговым делам сюда стекалось множество иностранцев, приносивших с собой различные социальные взгляды и убеждения. Город изобиловал магами, колдунами, актерами, музыкантами, певцами, евнухами, ювелирами, торговцами амулетами, слагателями романов. Вследствие расслабляющего климата, серьезные занятия были в пренебрежении. Танцы и музыка были единственным развлечением; демонология и теургия увлекали всех. Суеверие господствовало здесь бесконтрольно... Около того времени, когда прибыл в Ефес ап. Павел, здесь жил известный Аполлоний Тианский.

Ст. 1–12. Прибыв в Ефес, ап. Павел нашел там «некоторых учеников» (Деян. 19:1). Что это за ученики – ап. Павел не объясняет, но следующий рассказ не дозволяет видеть в них некоторых христиан, которые были в Ефесе и к которым он писал из Коринфа. Можно думать, что апостол говорит здесь не о них, а о тех, которые по вере своей были не чужды христианству; в начале пребывания Павла в Ефесе их было около 12 человек. «Приняли ли вы Святого Духа, уверовав?» – спросил их Павел. Вопрос этот распадается на две части: уверовали ли вы и приняли ли вы Св. Духа как печать своего обращения? Принимая во внимание краткость рассказа в этом месте, можно видеть, что апостол о многом хотел говорить с ними, и настоящий вопрос кратко определяет характер дальнейшей беседы их и указывает, в каком духе велась она. «Мы даже не слыхали, есть ли Дух Святой», – отвечали они. Ответ странный и даже не совсем понят-

ный и вежливый, если мы будем понимать его буквально, но, как сокращение многих их ответов, он ясно изображает нам душевное настроение их. Они приняли, как сами говорят далее, крещение Иоанново, которое было для них началом обращения к Евангелию. Но они остановились на полдороге. Действительно ли они не знали, что есть Дух Святой? Нет. Они признавали, что Дух Божий говорит через пророков, через Иоанна и через Иисуса Христа — он был известен им — но не знали основания нового домостроительства Божия, в котором Дух Св. обещан и дан всем в Иисусе Христе как единственный деятель возрождения душ. Вот этому-то и хочет научить их апостол, как немного прежде Акила и Прискилла научили тому же Аполлоса. «Иоанн, — говорит им Павел (Деян. 19:4), — крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем». Таким образом, «крещение покаяния» есть первый шаг на путь обращения, но конец его — спасение — возможно только во Христе. Узнав это, они «крестились во имя Господа Иисуса». Но так как они должны непосредственно помочь ему в служении делу Господню, то Павел испрашивает им Св. Духа, силу и значение Которого они теперь поняли. «Когда Павел возложил на них руку, нисшел на них Дух Св. и они стали говорить иными языками и пророчествовать». Под пророчеством здесь нужно понимать проповедование, зависящее от вдохновения свыше.

В Послании к Коринфянам (из Ефеса) ап. Павел говорит: великое поле открылось ему там, он надеется на успех, хотя и многочисленны враги. Вот две причины долгого пребывания его в Ефесе. Впрочем, поле проповеднической деятельности его не ограничивалось на этот раз одним городом, но выходило далеко за пределы его, так что «все жители Азии слышали проповедь о Господе Иисусе — как иудеи, так и эллины» (Деян. 19:10). К этому-то времени нужно, кажется, отнести основание или утверждение «семи церквей Азии», о которых говорит св. Иоанн в Апокалипсисе.

В течение трех месяцев Павел каждую субботу посещал синагогу, проповедовал там, привлекая к Господу одних и возбуждая против себя других. Но когда последние ожесточились против него, он оставил синагогу и, взяв с собой своих последователей, стал учить в школе некоего философа или ритора Тиранна, вероятно, обращенного в христианство. Удаление из синагоги имело хорошие последствия: не предубежденные против Евангелия, слушатели обращались в большем числе.

Ст. 13–20. Но в Ефесе более чем где-нибудь было много скитающихся иудейских заклинателей, приписывавших себе чудесную силу. По мнению их, сила заклинания заключалась в таинственных формулах приписываемых ими Соломону. Не понимая силы истинной веры, они и чудеса Павла приписывали более могущественной формуле и, не смея спросить его о том, начали наудачу совершать заклинания над больными «во имя Иису-

са, Которого Павел проповедует». Один больной, над которым они совершали свои заклинания, находился, как кажется, в припадке беснования, не исключавшем некоторой доли ясновидения; бросившись на несчастных заклинателей, он закричал: «Иисуса я знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» Павел воспользовался впечатлением, произведенным этим случаем, чтобы уничтожить веру в волшебство, пустившее глубокие корни в Ефесе и увлекшее, как кажется, некоторых христиан. Убежденные Павлом, некоторые решились сжечь волшебные книги, приготовлявшиеся в большом количестве в Ефесе: всего сожжено было, по словам Деяний, на пятьдесят тысяч драхм*. «И таким образом, — прибавляет историк, Слово Господне возрастало и возмогло».

Ст. 21–40. Св. апостол уже готовился оставить Ефес, чтобы посетить Грецию, Иерусалим и потом плыть в Рим, как вдруг в Ефесе произошло сильное волнение под влиянием суеверия и корысти. Некто серебренник, именем Димитрий, делал серебряные модели храма Артемиды**. Он имел много рабочих. В одно время он созвал их и других подобных ремесленников и сказал: «Этот человек (Павел) не только в Ефесе, но почти во всей Азии своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что делаемые руками человеческими не суть боги» (Деян. 19:26). К этому Димитрий прибавил, что «опасность угрожает не только их ремеслу, но и самому культу Дианы, которую почитает вся Азия и вселенная». Тогда рабочие, как бы для защиты Дианы, стали неистово кричать: «Велика Артемида ефесская!» Затем они рассыпались по городу, схватили двух спутников Павла — Гаия и Аристарха, пришедших с ним из Македонии — и приве-

* Из Деяний не видно, на какие драхмы идет счет: на еврейские или греческие. Если счет идет на греческие драхмы, то пятьдесят тысяч драхм составят около 2 500 р. — сумма хотя огромная, но вероятная, так как в то время книги были рукописные и потому ценились очень дорого, а книги волшебные, по своей исключительной важности, имели еще большую ценность.

** Храм Артемиды представлял большое препятствие распространению христианской проповеди. Это огромное здание, одно из семи чудес света, по своим громадным богатствам, служило центром жизни целого города. Сюда приходило множество иностранцев, привлекаемых славою храма и города, роскошными празднествами, совершавшимися здесь. Многочисленные ремесленники посвящали свои силы этому храму. Грубые интересы их, прикрываемые религиею, поддерживались распространенным здесь суеверием. Из ремесленников ефесских наиболее славились серебренники, делавшие маленькие храмы (модели храма) Артемиды. Иностранцы раскупали эти изделия и ставили их на своих столах, в комнатах для напоминания о знаменитом святилище. Как все ремесленники, живущие на счет религиозного чувства странников, ефесские серебренники были очень фанатичны. Проповедь о ничтожестве языческих богов и падеянии обогащавшего их культа казалась им страшным святотатством. Новое учение о том, что делаемые руками человеческими не суть боги, возбудило в них сильное опасение за целость культа и довело до возмущения.

ли их в театр служивший местом сборища для народа*. Узнав об этом, Павел хотел идти к своим спутникам, но «ученики не допустили его. Также некоторые из асийских начальников, будучи друзьями его, послав к нему, просили не показываться на зрелище» (в театре). Асийские начальники имели власть религиозную. Как представители городов ионийских, они жили в Ефесе как в святом городе национального культа. Они первенствовали при церемониях великого храма, во время общественных игр; самое название их (асиархии) указывает на значительную силу власти их. Хотя дружба их с Павлом и не показывает, чтобы они были христиане, но во всяком случае мы видим из этого, до какой степени Евангелие имело успех среди язычников и каким уважением среди них пользовался Павел. Расположение к Павлу обнаружилось при дальнейшем ходе дела. Иудеи, которые в понятии толпы смешивались с христианами, воспользовались настоящим случаем, чтобы показать свое отличие от христиан – их оратор Александр хотел говорить на этот счет, но его не слушали и около двух часов кричали в один голос: «Велика Артемида ефесская!» Блюстители порядка дали успокоиться волнению; потом один из них, секретарь города, обратился к народу, сказав несколько слов о богине, почитании ее, несокрушимом величии; он прибавил, что двое приведенных сюда мужей невинны ни в оскорблении храма, ни в порицании богини; что если Димитрий имел жалобу на кого-нибудь, то в Ефесе есть проконсул, могущий справедливо рассудить это дело; что если нужно дело повести законным порядком, то должно ожидать полного собрания народа; что настоящее собрание не имеет законной силы и по своему возмутительному настроению бесчестит город; что римляне могут видеть в этом деле возмущение и что, наконец, лучше всего – разойтись. Толпа разошлась.

О том же

Архим. Григорий. «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла». «Богослов. вестн.», 1872; прилож., окт., ноябрь

Крещение 12 учеников (1–5 ст.). Личности этих, встреченных св. Павлом на первых же порах своей деятельности в Ефесе, двенадцати учеников с некоторых сторон не особенно ясно и определенно очерчены в книге Деяний. Впрочем, при внимательном изучении рассказа об этом свидании,

* Театр ефесский, огромный остов которого виден и до сих пор на склоне горы Приона, был одним из величайших в мире театров; он вмещал в себе до пятидесяти тысяч зрителей, имел множество ходов, чрез которые быстро наполнялся зрителями. Он был окружен колоннадами и портиками, куда собирались для прогулки. Рядом с ним находились площадь, базар, многие гимназии. Посему он был открыт во всякое время и никогда не бывал пуст. Театр был построен римлянами, незадолго до Нерона, и несколько раз возобновлялся.

эта неясность получает себе достаточное освещение от взаимного сопоставления различных подробностей рассказа. Представленные св. апостолу двенадцать мужей были никто иные, как ученики Иоанна Крестителя, еще не знавшие об Иисусе Христе, что Он-то именно и есть проповеданный Иоанном Мессия, и, конечно, еще не получившие христианского крещения. Но св. дееписатель в самом начале своего рассказа о встрече апостола с ними называет их μαθηταί без всякого другого определяющего слова, то есть таким именем, которым он обычно называет только известных, определенных учеников, то есть учеников Христовых, или христиан. Нет нужды предполагать, что здесь этот, так сказать, технический термин св. Лука употребляет в «обширном или несобственном смысле». Скорее надо видеть в этом, будто неточном, приложении эпитета к Иоанновым ученикам намерение св. дееписателя при краткости рассказа удержать ту черту из этого эпизода, что первоначально и сами эти Иоанновы ученики выдавали себя, и ефесские христиане и даже сам ап. Павел приняли их за действительных учеников Христовых, то есть за христиан. Что это верно на первый раз по отношению к св. Павлу, сие с несомненной ясностью показывает самый первый вопрос его к ним: *Приняли ли вы Св. Духа, уверовав?* – вопросил их св. Павел. Этот вопрос предполагает собой, с одной стороны, уведомление апостола, полученное ли непосредственно через предварительный разговор от самих Иоанновых учеников или сообщенное рекомендовавшими ему их братиями о том, что эти Иоанновы ученики уже уверовали (πιστεύσαντες), то есть уверовали в проповедуемого Господа Иисуса Христа. При таком только предположении становится понятным предложенный им апостолом вопрос: *приняли ли вы Св. Духа, уверовав?* Но этот вопрос, с другой стороны, показывает, что или сам св. апостол, или представившие ему Иоанновых учеников возымели сомнение в полной их принадлежности к христианству – сомнение, которое до св. апостола Павла еще не пришлось разрешить. Посему-то св. апостол и предлагает им такой вопрос, который клонится к уяснению: христиане они или нет, – *приняли ли вы Св. Духа, уверовав?* В чем же, собственно, сомневался апостол? Субъективную возможность истинной веры во Христа апостол не заподозривает в этих людях. Но ведь истинная, искренняя по своему началу, чистая и правая по своему существу, сильная по своей степени, живая и действенная по своему влиянию субъективная вера в соединении с истинностью своего объективного начала, возбудившего и возрастившего эту веру, дают в своей совокупности истинного христианина. Поэтому если св. апостол верил в истинность субъективной веры этих людей, однако, сомневался еще признать их за истинных христиан, то этому сомнению оставалось место простираться только на истинность того внешнего начала, которое сообщало им веру. Апостол усомнился в

полноте, точности и, может быть, истинности сообщенных им первоначально, при их обращении, сведений о Том, в Кого они уверовали, то есть об Иисусе Христе. Поэтому он и спрашивает их о самом конечном акте всякого истинного во всех отношениях обращения ко Христу, о получении даров Св. Духа, подаваемых тогда обычно после крещения через руковозложение или самих свв. апостолов, или поставленных ими лиц. Такое получение даров Св. Духа, если только оно действительно было, свидетельствовало бы самым ясным образом о правильности их научения. *Приняли ли вы Святого Духа, уверовав?*

Мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый, отвечали они вопросившему св. апостолу. Уже начальное слово их ответа — ἀλλά — предполагает отрицательную мысль. Самая форма, в которой выражен весь ответ, указывает на сильное отрицание мысли вопроса: не только не получили, но даже и не слыхали об этом. *Мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый!* Это заявление со стороны учеников Иоанновых, понимаемое в том смысле, что они даже не слыхали, существует ли, имеет ли бытие Дух Святой как Божественная ли субстанция или как просто Дух Божий, кажется странным в их устах. Если они, как сами далее заявляют, крестились во Иоанново крещение, то есть слушали проповедь Иоанна Крестителя и свою веру в проповедуемое им свидетельствовали крещением, то они непременно должны были слышать и исповедовать учение о том, что есть Дух Святой. Хотя сам Иоанн крестил только водою в покаяние, но он говорил, чтобы крещаемые им веровали во Грядущего по нем, Который уже *будет крестить Духом Святым.* Странность так понимаемого их ответа увеличится еще более, если принять во внимание, что Иоанновы ученики были из иудеев. В Священном Писании Ветхого Завета, каждую субботу читавшемся в синагогах, если не выражалась ясно истина бытия Св. Духа как третьей Божественной Ипостаси, то во всяком случае в нем истина бытия Св. Духа как Духа Божия, участвовавшего в творении, сходившего иногда на людей, имевшего излиться на Мессию и через Него на других людей и под., — находит себе ясное и определенное выражение. А что эти двенадцать учеников Иоанновых были из иудеев, а не из язычников, это подтверждается всем их разговором со св. апостолом, в котором нет никакого намека на их языческое происхождение, а равно и тем, что ниоткуда не видно, чтобы проповедь Иоанна Крестителя имела такие обширные успехи среди язычников. К тому же вся предшествовавшая этому событию и непосредственно следовавшая за ним христианская проповедническая деятельность в Ефесе преимущественно, если не исключительно, ограничивалась только одними иудеями. Итак, в таком смысле понимаемый ответ этих двенадцати Иоанновых учеников св. ап. Павлу кажется странным вдвойне — и как ответ учеников Иоанновых, и как ответ иудеев. Но хотя форма самого ответа (οὐδ᾽ εἰ Πνεῦμα Ἅγιον ἔστιν) преж-

де всего дает повод понимать под ἔστιν именно бытие, существование, а под Πνεῦμα Ἅγιον – Духа Божия в Самом Себе, однако, принимая во внимание мысль вопроса и сопоставляя с нею ответ и имея в виду, что св. апостол нашел ответ вполне соответствующим и удовлетворяющим его вопросу, нужно видеть в словах Πνεῦμα Ἅγιον ἔστιν параллель раннейшим Πνεῦμα Ἅγιον ἐλάβετε. Ученики Иоанновы на вопрос св. апостола: *приняли ли вы Св. Духа, уверовав?* – отвечают: «Мы не только не приняли Святого Духа, то есть Его благодатных даров, но даже и не слыхали, есть ли, существует ли на земле, раздается ли уже верующим обещанный и ветхозаветными пророчествами, и самим Иоанном Крестителем Дух Святой в Его благодатных дарах». Они помнят пророчество Иоиля о будущих дарах Святого Духа *и будет – излию от Духа Моего на всяку плоть, и будут пророчествовать сыновья ваши и дочери ваши, старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего и покажу знамения на небе и на земле;* знают они также и то, что Иоанн Креститель говорил об имеющем явиться после него Мессии, Который *будет крестить Духом Святым.* Но до сих пор они еще ничего не слыхали о том, чтобы этот Мессия уже явился, уже начал крестить людей Духом Святым, и благодатные дары Св. Духа, Сам Дух Святой явились и обитали среди людей на земле. В этом-то именно смысле они и ответили вопросившему их апостолу: *мы даже* (еще) *и не слыхали: есть ли* (уже) *Дух Святый* в своих дарах на земле, среди людей.

Недоумение св. апостола, его сомнения относительно этих людей еще более усилились при таком неожиданном ответе. Очевидно, обе стороны не понимали друг друга. Св. апостолу сказали наперед про этих людей, что они христиане уверовавшие и даже крестившиеся христианским крещением. Из ответов же их явствовало, что они даже и не слыхали о христианском крещении Духом Святым и об Его благодатных дарах. Недоумевающий апостол делает новый вопрос: *во что же вы крестились?* Какое и о ком учение вы приняли и запечатлели своим крещением? Простой и краткий ответ вопрошаемых – *во Иоанново крещение* – разрешает собою все недоумение и открывает глаза обеим сторонам. Вопрошаемые заявили, что они приняли крещение только Иоанна Крестителя, который проповедовал о грядущем по нем Мессии, а о совершившемся уже явлении Мессии, об открывшейся на земле сокровищнице благодатных излияний на верующих даров Святого Духа, о бытии на земле этого Духа Святого они еще не слыхали. Вот и конец всем недоумениям и всем сомнениям. Перед лицом св. ап. Павла стояли двенадцать учеников Иоанна Крестителя, знающие только его проповедь и еще не слышавшие ничего о совершенном Христом спасении людей и открывшемся благодатном царстве.

5-й стих 19 главы Деяний, который содержит в себе сообщение св. дееписателя о крещении этих двенадцати Иоанновых учеников, кажется,

более всех других мест этой главы подвергался всевозможным перетолкованиям, дававшим ему и совершенно новую мысль, и новое значение. Дело в том, что этот стих, понимаемый так, как требует того самая последовательность текста, вне всяких догматических и полемических тенденций, самым ясным образом утверждает ту мысль, что ученики Иоанновы, уже ранее получившие Иоанново крещение, при принятии их свв. апостолами в число верующих христиан, крестились снова, вторично. Не вникнув глубже в сущность и взаимоотношение крещения Иоаннова и христианского, защитники повторяемости христианского крещения, начиная со св. Киприана Карфагенского и кончая позднейшими протестантскими сектами анабаптистов и меннонитов, ложно усматривали именно в этом стихе опору для проповедуемого первыми перекрещивания еретиков, а вторыми – перекрещивания крещенных в детстве. Чтобы видеть всю ложность этой опоры, для сего достаточно только проверить истинность устанавливаемой в подобном случае аналогии. Защитники перекрещивания настаивают вообще на повторении христианского крещения, так что у них, собственно, и первое и второе крещения – оба христианские, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Но данный стих говорит о таком новом крещении Иоанновых учеников, которое существенно отлично от ранее принятого ими. Прежде они были крещены Иоанновым крещением покаяния, чтобы веровали во Грядущего по Иоанне. Крещение же христианское, полученное ими в Ефесе, было крещением во имя уже пришедшего Мессии – Иисуса Христа. Первое вообще не давало положительного содержания для духовной жизни крещаемого, а второе сообщало благодать отпущения грехов и имело значение действительного и существенного перерождения духовной природы крещаемого. «Крещение Иоанново, – говорит Аммоний в своем толковании на этот стих, – имело только побуждение к покаянию, но не имело очищения грехов. В этом различие крещения Иоанна и крещения верных, потому что крещение верных дарует и отпущение грехов. Иоанн крестя говорил: „Крещаю тебя во Грядущего за мной и требую, чтобы ты веровал в Него, потому что Он есть Агнец Божий". А крестящий истинно говорил: „Крещаю тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа, чтобы веровать в Троицу Единосущную". Крещение верных омывает и совлекает от прежнего богопочитания и облекает во Христа, ясно возвещая истинную веру». Что же касается анабаптистов и меннонитов, требовавших перекрещивания детей на основании отсутствия у них сознательного отношения к таинству совершаемому над ними, почему последнее будто бы недействительно, то построяемая ими аналогия еще более удаляется от рассматриваемого места, в котором речь – не о детях лишенных самосознания. Изобличение неосновательного приложения данного стиха к себе защитниками второкрещения, как очевидно,

очень легко. Но прежние противники их почему-то не столь легким считали таковое изобличение и даже предпочитали ему лучше перетолковать данный стих в таком смысле, чтобы он уже совсем не имел мысли о втором крещении Иоанновых учеников, чем сражаться равным оружием. И вот таким образом в истории экзегеса этого стиха получаются следующие его перетолкования.

1. Очень многие толкователи хотят видеть в 5 стихе не замечание самого деееписателя от своего лица, а продолжение речи апостола Павла, так что 4 и 5 стихи по этому объяснению будут иметь такой смысл: св. Павел так говорил Иоанновым ученикам: *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, т.е. во Иисуса Христа; услышав это, они* (т.е. слушатели Иоанна Крестителя) *крестились во имя Господа Иисуса.* А дальше – *и когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый* – это уже речь деееписателя. Единственным основанием, которое защитники такого понимания 5 стиха находят в самом тексте, для них служат противительные частицы μέν и δέ, употребленные в 4 и 5 стихах Ἰωάννης μὲν ἐβάπτισεν... ἀκούσαντες δέ, которые будто бы непререкаемо говорят за то, что в этих стихах речь одного лица и об одном и том же предмете. Но, прежде всего, одни частицы μέν и δέ сами по себе еще ничуть не обязывают к такому именно пониманию этих стихов. С одной стороны, μέν очень часто встречается без последующего δέ, с другой стороны, и δέ употребляется иногда без предшествующего μέν. В Деян. 2:37 есть совершенно такой же оборот, что и в рассматриваемом месте, и в нем δέ употреблено без предшествующего μέν. 36 стихом во II гл. Лука заканчивает речь св. Петра: *итак, твердо знай весь дом Израилев, что Бог соделал Господом и Христом сего Иисуса, Которого вы распяли,* непосредственно за этим св. Лука делает замечание от своего лица: *слышав это, они умилились сердцем и сказали Петру* и пр. После *слышав* (ἀκούσαντες) здесь стоит частица δέ. Но и помимо этого самый контекст речи не допускает такого понимания. Прежде всего, при таком понимании в 4 и 5 стихах получается странная, бесполезная и несогласная с замечаемою в этом отделе (1–7 ст.) сжатостью речи св. дееписателя тавтология. В 4 стихе говорится, что *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущаго по нем, т.е. во Христа Иисуса.* При таком толковании, далее, местоимение αὐτοῖς 6-го стиха, которое, очевидно, относится к ἀκούσαντες, приходится относить неестественно далеко – к οἱ δὲ εἶπαν 3 стиха. Наконец, подобное изъяснение этих стихов дает крещению Иоаннову такой смысл и значение, каких оно иметь не может, а именно: оно будто бы было совершаемо во имя Господа Иисуса.

2. Другие полагают, что 5 стих должен иметь такой смысл: когда св. апостол сказал ученикам Иоанновым, что *Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали во Грядущаго по нем, т.е. во Христа Иисуса,*

то они (слушатели апостола) при последних словах припомнили, что некогда они действительно были крещены Иоанном во имя Иисуса. О попытке такого понимания 5 стиха лучше всего сказать словами Semler'a, что talem locutionem et interpretationiem peccare contra omnem usum loquendi et omnes regulas narrandi.

3. Третьи, наконец, мысль о вторичном крещении Иоанновых учеников хотят устранить через предположение, что они ранее были крещены неправильным Иоанновым крещением – не во имя грядущего Мессии, а во имя самого Иоанна. Поэтому только они вторично и крещены св. апостолом, то есть не в силу общего правила, а как исключение из него. Но достаточно припомнить их краткий, но точный ответ на вопрос св. Павла: *во что же вы крестились?* – чтобы видеть всю произвольность такого предположения. Разве они сказали: «во Иоанна?» Нет, а – *во Иоанново крещение.*

Чудеса св. Павла (ст. 11–12). Безусловно истинная сама в себе проповедь св. ап. Павла, однако, для наиболее успешного усвоения ее, как таковой, слушателями нуждалась во внешних признаках своей истинности. И действительно, *Бог творил чрезвычайные чудеса руками Павла* (δυνάμεις τε οὐ τὰς τυχούσας ὁ Θεὸς ἐποίει διὰ τῶν χειρῶν Παύλου). Этими немногими словами деписатель говорит вообще о всей чудотворной деятельности св. ап. Павла в Ефесе, а дальше он передает несколько особенных случаев ее. Чудеса, совершаемые св. апостолом, были явлениями οὐ τυχοῦσαι. Русский перевод (*не мало*) неточно передает значение этого греческого слова. Греческое τυχών означает то, что часто бывает, случается, иначе – обыкновенный, обычный. Отсюда οὐ τυχών означает что-либо выдающееся, необычное, чрезвычайное. Итак, чудеса св. ап. Павла были чрезвычайными. Они стояли выше всех других чудес, которые когда-либо ранее совершались в Ефесе. Выражение деписателя διὰ τῶν χειρῶν Παύλου само по себе еще не обязывает полагать, что посредством его деписатель хотел выразить ту именно мысль, что все чудеса, совершенные собственно самим св. Павлом, совершались им именно посредством рук. Такой оборот – обычный в Св. Писании Нового Завета для обозначения совершения известным лицом чудес. Но так как и самая возможность такой метафоры проистекает из того, что большая часть человеческих действий совершается обычно руками, то можно допустить, что и св. Павел некоторые из своих чудес творил посредством рук, через руковозложение и т.п. За последнее говорит рассматриваемый ниже факт, что платки и опоясания его, конечно, в подражание его действиям, *возлагали на больных*. Судя по последнему, с несомненностью должно утверждать, что при совершении чудес св. Павел произносил краткие молитвенно-разрешительные изречения, в которых упоминал имя Господа Иисуса Христа. На основании следующего стиха можно думать, что большинство чудес св. Павла были исцелениями больных и бесноватых.

Св. деееписатель, желая далее показать собственно степень чудотворной силы св. Павла, какая проявлялась в его чудотворениях, передает, что даже *и на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались болезни и злые духи выходили из них.* Такие факты сами собой говорят за то, что чудотворной силе апостола доверяли ефесяне. Сила этой веры была так у них велика, что они в тех случаях, когда почему-либо больных не мог видеть и исцелить сам св. Павел, возлагали на них части одежды употреблявшейся св. Павлом. Поступая так, они были вполне уверены, что эти вещи, как носившие на себе следы соприкосновения с телом великого чудотворца, способны передавать его чудодейственную силу. И не напрасно. Части Павловой одежды, которые брали, были – σουδάρια и σιμικίνθια. Σουδάριον – слово чисто латинского происхождения (от sudor, пот) и означает платок, предназначенный для утирания пота с лица: сударий обыкновенно был льняной и набрасывался на голову, а иногда его просто держали в руках. Σιμικίνθιον (или σημικίνθιον) – только в этом месте, однажды, употребленное в Новом Завете слово подобно первому, тоже чисто латинского происхождения; оно – простая фонетическая передача греческими буквами латинского semicinctum (от semi – половина и cingo – опоясываю). Самая этимология слова ясно говорит о его значении – это полупрепоясание, передник, фартук, надевавшийся на нижнюю половину тела от пояса. Он был непременной принадлежностью всех ремесленников и рабочих. Ближайшее назначение его состояло в том, чтобы защищать от загрязнения платье, а затем он для неприхотливых рабочих мог служить и для отирания лица, глаз, носа, губ и т.п. Эти вещи, судя по рассказу св. Луки, брали в помещении ап. Павла, по-видимому, без его предварительного разрешения и, вероятнее всего, во время его отсутствия. Не видно, чтобы св. Павел относился к этому неодобрительно и с запрещением. Деепиcатель различает двух родов недужных, которые исцелялись возложением на них Павловых платков и предметов: первые – οἱ ἀσθενοῦντες, вторые – это те, которые имели в себе τὰ πνεύματα τὰ πονηρά. Первые – болевшие обычными болезнями, а вторые – бесноватые, одержимые злыми духами. Употребление этих платков и передников сопровождалось, по воле Божией, чудодейственными исцелениями. Конечно, целительная сила не принадлежала этим самым вещам – она подавалась через них от св. Павла; они потому только и употреблялись с такими целями, что были в соприкосновении с его телом.

Впечатление чудес св. ап. Павла (ст. 19–20). Особенно сильное и плодотворное для христианства впечатление произвел случай с иудейскими заклинателями на ту часть языческого населения Ефеса, которая вместе со жречеством составляла его верхние слои, была представительницей ее. Это были ефесские чародеи. Суеверие Ефеса создало особый класс людей, которые исключительно занимались волхвованиями, магией и т.п. Магическое ис-

кусство тут сложилось в систему, и в Ефесе уже появилась магическая литература — у занимавшихся чародейством были свои книги (τὰς βίβλους); эти книги, вероятно, содержали в себе все достояние долговременного развития магического искусства: тут были и правила для производства разных волхвований, и заклинательные чародейские формулы, различные молитвы и т.п. — словом, тут была вся магия, так что когда их владетели хотели вполне покончить со своей магией и чародейством, то для этой цели достаточно было только сжечь эти книги. Принимая во внимание то обстоятельство, что магия, как тайное искусство, собственно тем и могла существовать, чтобы не становиться достоянием массы, а быть известной только ограниченному количеству посвященных в нее людей, нужно полагать, что эти драгоценные книги, самая суть магии, находились во владении особо выдающихся представителей чародейской общины; это были или старые, или особо авторитетные чародеи. Проповедь св. Павла, его чудотворная сила, действовавшая даже и в его платках и опоясаниях, сильное внимание, возбужденное им в Ефесе, — все это уже давно обращало на себя зоркий взор этих представителей магии. Они, может быть, уже слушали несколько раз св. Павла. Но слово св. апостола еще не действовало на них. Но вот бесноватый обличил злоупотребление именем Иисуса и открыто засвидетельствовал об Его могуществе. Слух о случае с сыновьями Скевы достиг и до чародеев. Этот факт окончательно решил их сомнения о Христе и Павле, наполнил все пробелы, какие были у них по этому вопросу. Тщета язычества и чародейства, совершенное превосходство проповедуемой св. Павлом веры стали для них фактом. Хотя они были посвящены в самую глубину язычества, хотя они от него получали все средства к жизни, хотя оно окружало их почетом и уважением, однако их благоговейное преклонение перед христианством было столь сильным и действенным, что они твердо решились покончить совсем с язычеством и перейти на сторону христианства. Так как они в некотором роде были представителями язычества и были усердными служителями его упрочения в Ефесе, то свой переход в христианскую веру они хотели запечатлеть общенародным отречением от всех прежних заблуждений.

Главная ефесская площадь. В северо-восточном углу ее, прислонившись к крутому холму Приона, возвышался роскошный ефесский театр, на юг от него стояла гимназия; площадь была полна народом. Едва ли когда в другое время, кроме времени Артемизия, видела она такое многочисленное и оживленное собрание. Все ждали чего-то особенного, на лицах можно было прочитать удивление и ожидание. Над массой собравшихся стоял гул негромкого говора. В центре площади, где оставалось небольшое свободное место, возвышался сложенный из смолистых дерев и других горючих материалов большой костер. Кого же ждала эта толпа и какой жертвы ждал этот костер? Недавно по Ефесу распространилась молва, что ефесские чародеи

отказались от своей магии, совсем перешли в христианство и торжественно хотят сжечь все свои драгоценные книги. Но вот толпа притихла: на одном конце площади показалось несколько почтенных видом мужей, они несли с собою пергаментные свитки – то были чародеи со своими книгами. Толпа пропустила пришедших. Вскоре свитки положены были на костер, и зажженный факелом костер вспыхнул ярким пламенем. Долго горели драгоценные свитки, долго стояла при костре и толпа. Она глубоко задумалась над этим костром – его зажег не указ императора, а личное желание самих чародеев; что же побудило их к тому? Христос и Его вера. Этот костер для толпы был лучшей проповедью о силе Христовой. Когда потухли последние огоньки чародейского костра, то владетели сожженных книг сосчитали сумму их стоимости, *и оказалось их на пятьдесят тысяч.* Дееписатель не обозначает, какой монетой был произведен счет. Но, несомненно, в греческом торговом городе считали тогда не еврейским каким-либо сиклем, как думают Grotius и Drusius, а ходячей тогда в Малой Азии драхмой, равнявшейся шести оволам, или 20–25 копейкам. Следовательно, вся сумма на наши деньги составляла около 10000–12500 рублей. С *такою силою возрастало и возмогало Слово Господне* (οὕτως κατὰ κράτος τοῦ Κυρίου ὁ λόγος ηὔξανεν καὶ ἴσχυεν) – так заключает св. дееписатель свой рассказ о совершившихся под влиянием чудес апостола в Ефесе сильных движениях в пользу христианства.

Случай в театре (ст. 33–34). Во время бунта в театре произошел случай, описанный дееписателем в 33–34 стихах, который не особенно понятен, а именно: *по предложению иудеев из народа вызван был Александр. Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу. Когда же узнали, что он иудей, то закричали все в один голос и около двух часов кричали: велика Артемида ефесская.* Наиболее вероятное объяснение этого случая, кажется, есть такое: известно, что даже гораздо позднее описываемого времени христиан отождествляли с иудеями. Очень возможно, что многие участники мятежа, не зная хорошо, против кого он направлен, а слыша только постоянные возгласы *велика Артемида ефесская!* – свидетельствовавшие о том, что мятеж имеет религиозную подкладку, стали угрожать иудеям. Последние, с одной стороны, желая оградить себя от опасности и показать, что они чужды всякой солидарности с новой сектой и с этим Павлом, которого они так безуспешно, но озлобленно преследуют в течение всего пребывания его в Ефесе, а с другой – сильнее возбудить ненависть бунтовщиков против христиан, обратились к известному среди них Александру, чтобы он выступил перед толпой и явился их защитником. Этот Александр, вероятно, тождествен с Александром, упоминаемым апостолом во 2 Тим. 4:14, *который,* как говорит ап. Павел, *много сделал мне зла.* Видимо, он был самым яростнейшим защитником иудеев и противником христиан, и особенно св. Павла. Посему-то его вызвали – и вызывали иудеи. Притом, быть может, сход-

ство его ремесла с главнейшими руководителями мятежа – ремесленниками Димитрия – давало возможность надеяться на то, что его мятежники выслушают. По вызову Александр явился, дал знак рукою и хотел говорить. Но когда разъяренная толпа, обратившись в сторону явившегося оратора, признала в нем знакомую, ненавистную физиономию иудея, то поднятая рука оратора должна была опуститься, потому что громадное помещение театра снова наполнилось тысячеустным неистовым криком: *велика Артемида ефесская!* Очевидно, с этой буйной, сбродной толпой, не знавшей, зачем она собралась и из-за чего шумела, Димитрий не мог достичь какой-либо определенной цели. Она – бессмысленная – продолжала в течение двух часов только кричать по-прежнему: *велика Артемида ефесская!*

Послания апостола Павла к Галатам и первое к Коринфянам

«Воскресное чтение», 1873, ч. 1

Занимаясь благовествованием, Павел ревностно и с любовью следил за всеми уже прежде уверовавшими. Из Ефеса он написал Послание к Галатам, у которых два раза пред сим сам был. Галаты, как видно, внимали некоторым лжеучителям, утверждавшим, что соблюдение обрядового закона Моисеева необходимо для спасения. Павел в послании своем опровергает это мнение, напоминая, что он получил знание истины не от людей, а от Самого Бога. Он объясняет галатам, что они не могут спастись внешним соблюдением закона, но что силу имеет только *вера действующая любовию.* Вера, а не преимущество плотского происхождения, как думали иудеи, соделывает чадами Авраама и наследниками обетования. *«Вы все сыны Божии по вере во Христа Иисуса,* – говорит он, – *все вы во Христа крестившиеся, во Христа облеклись»* (3:27). Напоминая, что Христос умер, чтобы искупить нас и усыновить Богу, апостол говорит: *«Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (4:7). На этом основании Павел убеждает галатов оставаться верными духу учения Христова – иметь любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание, плоды духа; увещевать падших в духе кротости; носить бремена один другого; быть смиренными и бдительными, не унывать в добре.

Состояние Церкви Коринфской тревожило апостола Павла. Там происходили споры и раздоры, верующие разделились: одни говорили – я Павлов, другие – я Аполлосов. Павел из Ефеса написал к коринфянам длинное послание, в котором с самого же начала касается этого. «Разве разделился Христос? – говорит он. – Разве Павел распялся за вас или в Павлово имя вы крестились?» *Я насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог. Посему и насаждающий, и поливающий есть ничто; а все – Бог возращающий* (3: 6–7).

Не одни эти споры в Церкви Коринфской опечалили Павла. Дары благодатные сверхъестественные, которые Господь изливал на уверовавших, возбудили в коринфянах духовную гордость, за которую Павел укорял их, доказывая, что всякое знание ничто, если при этом любви нет, что дары Божии должны возбуждать в человеке не гордость, а желание употребить эти дары на служение Господу, ибо все должны служить Богу и ближнему теми дарами и силами, которые кто получил; и как члены одного тела, каждый должен ревностно исполнять дело свое в одном духе. В тяжбах своих коринфяне прибегали к суду язычников; Павел воспрещает это и убеждает верующих лучше уступать свое, чем иметь тяжбы с братьями. Чаще всего он упоминает о любви, мире и согласии, которые должны соединять братий. Как видно, различные ложные учения уже проникли в Коринф, некоторые утверждали, что нет воскресения мертвых. По этому поводу Павел торжественно излагает учение о воскресении мертвых, изъясняет во утешение всем нам, *что тленному надлежит облечься в нетление и смертному облечься в бессмертие*, ибо смерть поглощена победою. *Если мы в сей только жизни надеемся на Христа*, — говорит апостол, — *то мы несчастнее всех человеков* (15:19). Все Послание к Коринфянам должно быть внимательно изучено: в нем апостол излагает подробно учение христианское о воскресении мертвых, о таинстве причащения, о браке; касается разных обычаев первенствующей Церкви — молитвенных собраний, сборов для вспомоществования неимущим и пр.

На сказанное: *кто... не весть, яко ефесский град служитель есть великия... Артемиды* (Деян. 19:35)

Св. Исидор Пелусиот. Творения, ч. 3

Это – слова не Писания, а ефесского книжника. У эллинов приготовлявшие истуканов, с намерением внушить страх в зрителях, говорили, что истуканы посланы Дием или от него ниспали, и лучше всякого произведения человеческой руки. Почему и ефесский истукан назван диопетом и небесным кумиром (βρέτας), кумиром же — по сходству с человеком (βροτός). Но дело бывало и не так, напротив того, делавшего истукана, чтобы никто не мог сказать, будто бы истукан сделан человеческими руками, изгоняли или убивали, а потом распускали вслух эту молву для обольщения людей. Ею обольщен был и ефесский город. Посему и книжник ефесский сказал им это. Иные утверждают, что было это сказано о статуе Артемиды, то есть Артемиды великой. А что вправду делателей истуканов убивали или изгоняли, свидетельствует о сем вскоре потом случившееся в Александрии Египетской. Птоломей, собрав художников, чтобы изваять статую Артемиды, по окончании дела велел выкопать большую яму и, скрыв

обман, то есть сделав над ямою надстилку из листьев, приказал художникам там ужинать; во время же ужина низринувшись в эту пропасть, они умерли, справедливое, по моему мнению, понесши наказание за то, что взялись сделать истукан на обольщение всякого. А Птоломей, вознамерившись истребить художников, поступил так, чтобы истукан, именуемый богом, которого и назвал он нерукотворенным, почитался и нерукотворенным. Впрочем, дело не осталось в тайне. Когда стало оно известным, каждый год умершим так воздавалась почесть оплакиванием (Тв., ч. III).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 19-й ГЛАВЕ

1) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Св. ап. Павел. Третье апостольское путешествие ап. Павла. Пребывание его в Ефесе и послания, написанные здесь. Сочин., т. 9.

2) О том же, *прот. Горского.* Еванг. история и история апостольской Церкви.

3) О том же, *прот. Михайловского.* Св. ап. Павел.

4) О том же, *Фаррара.* Жизнь и труды св. ап. Павла (2: 1–30).

5) *Иером. Григорий.* Благовестническая деятельность св. ап. Павла в Ефесе. «Богослов. вестн.», 1892; прилож., окт., нояб.

6) Ст. 2–7. *Св. Иоанн Златоуст.* О различии крещения христианского от иудейского и Иоаннова, и какое из них принял Иисус Христос. «Воскр. чт.», 18.

7) Ст. 13. Заклинатели. Б. п. сл. «В. чт.», 1875, 1.

8) Ст. 24. Александрия. Б. п.сл. «В. чт.», 1874, 1. Диана. Там же, 2. Димитрий. Там же.

9) Ст. 27. Асия. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

10) Ст. 29. Аристарх. Там же. Гаий. Там же, 2, 3.

11) Ст. 31. Асийские начальники. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

ГЛАВА 20

Путешествие Павла в Македонию и Грецию и обратно до Милита (20: 1–16)

По прекращении мятежа Павел, простившись с ефесскими христианами, отправился и прибыл в *Македонию,* где, посетив основанные им прежде церкви, преподал верующим обильные наставления. Отсюда ап. Павлом послано было в Коринф второе послание.

Упомянув об опасности, которой подвергался в Ефесе, он благодарит Бога за спасение, говорит об апостольских трудах своих, воздавая одному Господу хвалу и честь и со смирением отзываясь о самом себе. *«Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса Господа; а мы рабы ваши для Господа. Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил и наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа. Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы сия превосходная сила приписываема была Богу,*

а не нам. Мы отвсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем» (1 Кор. 4: 5–10).

«Мы не унываем, – говорит он далее, – *но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое; ибо видимое временно, а невидимое вечно»* (4: 16–18).

С великой силой убеждает он уверовавших жить для Господа. *Христос умер за всех, чтобы живущие не для себя уже жили, но для умершаго за них и воскресшаго»* (5:15).

«Кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое. Все же от Бога, Иисусом Христом примирившаго нас с Собою и давшаго нам служение примирения; потому что Бог во Христе примирил с собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам слово примирения. Итак, мы посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает чрез нас, от имени Христова просим: примиритесь с Богом. Ибо не знавшаго греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (5: 17–21).

Из Македонии он отправился с той же целью в *Элладу,* или Ахаию, здесь пробыл апостол три месяца. В это время, вероятно в Коринфе, написано было ап. Павлом Послание к Римлянам, долженствовавшее предварить его личное пришествие в Рим, куда он намеревался отправиться во время предположенного им четвертого путешествия (19:21). В Риме было уже в то время довольно много христиан, и Павел говорит им, что вера их славится по всему миру. Христианское общество в Риме состояло частью из иудеев обращенных, частью – из уверовавших язычников. Из послания Павла можно заключить, что иудеи, храня исключительность древнего закона, гордились преимуществом своим – избранного народа Божьего, семени Авраамова – и смотрели на язычников как на неравных себе. Те же, недовольные иудеями, укоряли их за их неверность закону. Апостол доказывает, что все люди грешны перед Богом и не могут надеяться спастись делами своими, а спасаются лишь благодатью Божией, верою во Христа, умершего за них: *«Все согрешили,* –говорит он, – *и лишены славы Божией, и оправдываются даром по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе»* (Рим. 3: 23–24). Эта милость Божия должна возбудить в нас усердие к служению Богу, благодарность и любовь; мы должны стараться ходить в *обновленной жизни,* жить духом, угождать Богу делами своими. В этом послании апостол излагает подробно (гл. 12, 13, 14) правила христианской жизни, увещевает к смирению, покорности властям, взаимной братской любви, терпению и снисходительности.

Послание к Римлянам было вручено Фиве, служительнице Кенхрейской Церкви, которая ехала в Рим. В первый раз приходится нам упомянуть о служительницах Церкви. Их называли *диакониссами.* Обязанности

их были несколько сходны с обязанностями первых диаконов, которым, в особенности, поручалось служение больным и бедным. Диакониссы, избираемые преимущественно из вдовиц, не имевших семейных обязанностей и известных благочестивой жизнью, ходили за больными, служили тем, кто нуждался в помощи и утешении, приготовляли женщин к Святому Крещению. В посланиях к Тимофею и Титу Павел подробно говорит об обязанностях этих служительниц Церкви.

Произведенное против него иудеями возмущение заставило его оставить Грецию, и он направил свой путь в *Сирию*. Более удобный и близкий путь туда был морем, но апостол пожелал еще раз видеться с македонскими христианами и с этой целью отправился в Сирию сухим путем – через Македонию. Здесь в *Филиппах* апостол провел дни опресночные, после которых отправился морем в *Троаду*, куда и прибыл через пять дней. Настоящее пребывание ап. Павла в Троаде ознаменовалось одним из величайших дел благодати Божией, сопутствовавшей Павлу в его апостольской деятельности, – воскрешением одного юноши, по имени Евтих, упавшего из окна дома. Из Троады ап. Павел спешно совершал свое путешествие, направляя путь свой к Иерусалиму, где он желал быть в день Пятидесятницы. Поэтому, как ни желательно было ему на пути в Иерусалим посетить христиан в Ефесе, но, чтобы не замедлить здесь, он миновал этот город и прибыл в *Милит* (приморский город южнее Ефеса).

Празднование воскресного дня в Троаде, воскрешение Евтиха и путешествие до Милита (20: 7–16)

«Воскресное чтение», 1873, ч. 2

«В первый же день недели, – говорит историк, – когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел, намереваясь отправиться в следующий день, беседовал с ними и продолжал слово до полуночи» (Деян. 20:7). Это «слово» было, вероятно, разговор, касавшийся главным образом апостола, но не речи, говоренные им, по крайней мере, так заставляет думать греческий текст стиха. Первые слова приведенного стиха имеют большое историческое значение. Еще прежде Павел советовал коринфянам – *в каждый первый день недели* отлагать в общее хранилище кто что может. Можно полагать, что приведенные слова относятся к празднованию воскресного дня, хотя в них и нет прямого указания на то, и если оно есть, то – первое, какое встречается у апостола. Не признающие празднования воскресного дня или, по крайней мере, отвергающие идею его божественного и апостольского учреждения ссылаются на те места, в кото-

рых апостол говорит о различии дней недели как остатке иудейства. Но из них нисколько не видно, чтобы Павел говорил здесь главным образом о принципе субботы как дня, посвященного Господу: он говорит здесь о различии дней недели вообще. Если бы Павел захотел отметить принцип, то высказался бы ясно на этот предмет, так как дело это было весьма важное и иудействующие воспользовались бы им, чтобы обличить Павла, а между тем мы не видим этого. Празднование субботы не было таким постановлением, которое должно было пасть пред Евангелием: оно было определено одной из десяти заповедей. Что сделал Иисус Христос по отношению к 10 заповедям? Одно из них Он дополняет еще более строгими правилами, например, запрещение убийства Он распространяет и на запрещение ненависти; заповедь запрещает любодеяние, а Спаситель относит к ней и похотливый взгляд на женщину. О других, не требовавших изменения, Он ничего не говорит. Иные же, как заповедь касательно субботнего дня, Он освобождает от второстепенных и лишних формальностей, освященных законом и преданием. «Суббота сотворена для человека, – говорит Он, – а не человек для субботы». То же говорит об этом и ап. Павел. Он хочет освободить христианина от предписанных законом и дошедших по преданию требований, делающих его рабом субботы, но не отвергает свободного и добровольного исполнения заповеди, созданной для человека, его души и тела, нуждающегося в отдыхе, и мы видим, что в Троаде он сам принимал участие в праздновании первого дня недели. Замена *последнего* дня недели *первым* не служит ли подтверждением христианской свободы и признания принципа праздника? И если эта замена совершилась с ведома и одобрения апостолов, то непонятно, почему люди, верующие в апостольский авторитет, не признают в праздновании воскресного, как и субботнего, дня требования Закона Божественного.

Празднование первого дня недели в Троаде сопровождалось важным случаем. Празднование, по обычаю, происходило в горнице, то есть в верхней, необитаемой части дома, представляющей просторную комнату, удобную для собрания и вечери. На этот раз собрание было многочисленное, и горница, по словам историка, освещена была многими светильниками. Может быть, обилием их хотели устранить обвинение в скрытности и беспорядках, но историк говорит о них только с целью показать, что произошло от их жару и дыма. Один мальчик, по имени Евтих, сидевший на окне, уснул и «упал вниз с третьего этажа и поднят мертвым». «Павел, сошедши вниз, пал на него и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем» (Деян. 20: 9-10). Значит, апостол потому не признает мальчика умершим, что был уверен в его воскресении. Когда отрока привели живого, собрание немало утешилось. Значит ли это, что троадские христиане видели здесь обыкновенный случай и остались равнодушными к нему и что

Павел не принимал никакого участия в возвращении отрока к жизни? Нет, сила чудотворения, данная ему Богом, могла удержать душу еще не покинувшую тела мальчика. Когда же Павел, возвратившись в горницу, возобновил беседу и продолжал ее даже до рассвета, то христиане слушали его, конечно, с усиленным вниманием, чувством уважения, грусти и радости и, наконец, простились с ним. Хотя историк не упоминает о прощании, но мы можем судить о нем по трогательной сцене прощания с пресвитерами ефесскими в Милите. Впрочем, есть некоторые подробности, изображающие душевное состояние апостола в минуту прощания. «Мы пошли вперед на корабль, — говорит историк, — и поплыли в Асс»*, чтобы взять оттуда Павла, ибо он так приказал нам, намереваясь сам идти пешком» (20:13). Зачем Павел пошел пешком, правда не очень далеко, по пустынному месту? Так как историк не объясняет нам ни цели, ни причины этого, то мы, кажется, не ошибемся, если скажем, что Павел чувствовал нужду уединиться на день или на два и побыть в обществе гораздо лучшем, чем его спутники, беседовать с Богом о великих событиях, ожидавших его или, еще вернее, о том небесном отечестве, куда он должен скоро переселиться.

Итак, спутники ожидали его в Ассе, откуда отправились с ним в Митилену** на о-ве Лесбосе. Отсюда они прибыли на остров Самос, затем — в Трогиллию***, а отсюда на следующий день прибыли в Милет****. Желая еще раз поспеть в Иерусалим на праздник Пятидесятницы, Павел старался миновать те города, в которых его пребывание могло замедлиться. Но в Милете, прежде чем оставить Малую Азию, он захотел увидеться, по крайней мере, с предстоятелями церквей, основанных им в этой стране. «Из Милета же, послав в Ефес, он призвал пресвитеров Церкви».

Семь дней в Троаде и воскрешение Евтиха

Архим. Григорий. «Третье великое благовестническое путешествие св. апостола Павла». «Богослов. вестн.», 1892; прилож., ноябрь

Прибыв в Троаду и соединившись здесь с ожидавшими здесь апостола, ранее посланными его спутниками, святые благовестники *пробыли* здесь целую неделю — *семь дней*. «Троада была небольшой город, почему же они проводят в нем семь дней? Вероятно, он был велик по числу верующих»

* Асс — гавань при Троадском море в восьми милях от Троады; в настоящее время на развалинах его расположена деревня Бейрамкей.

** Ныне Кастро.

*** Находится на юг от Ефеса, на мысе при подошве горы Микаля.

**** Ныне Палатия.

(Златоуст). Апостол хотел как бы восполнить те лишения благовестия, которым подвергалась Троада в раннейшие посещения ее апостолом (Деян. 16:8; 2 Кор. 2:12). Св. деееписатель рассказывает об одном событии, случившемся в Троаде накануне отбытия оттуда св. апостола Павла. Это событие – одно из многочисленных его чудотворений. Но рассказ особенно замечателен и дорог тем, что он приподнимает завесу обыденной благовестнической жизни апостола. Посмотришь на нее и увидишь, что эта жизнь была безостановочным трудом благовестия, который не знал никакого отдыха. Апостол весь горел благовествованием: он не знает ни сна, ни утомления; его беседа с дорогими учениками длится целые ночи и исполнена великой любви. Дивная картина! Приходило к концу, заранее, конечно, ввиду поспешного путешествия, определенное время пребывания апостола в Троаде. Тяжело было ученикам-христианам расставаться с возлюбленным учителем; они все больше и больше жаждали слышать его благовестие. Еще тяжелее казалась эта разлука самому апостолу. Дух Святой уже и тогда говорил ему, что *узы и скорби ждут* его; он знал, что ему «уже более не видеть их, хотя он и не говорил этого им, как более слабым» (Златоуст). Наступил канун отбытия апостола. Им был *первый день недели* ἐν δέ τῇ μιᾷ τῶν σαββάτων, то есть первый день после субботы. Этот день – наше воскресенье, который был освящен восстанием из мертвых Господа Иисуса Христа. Хотя апостол и спешил в Иерусалим, однако, этот день он проводит в общении с братиями, а не в дороге. Этого мало. Он освящает его совершением богослужения: *ученики собрались* (в тот дом, где имел пребывание апостол) *для преломления хлеба*. Это было, несомненно, принесение евхаристической жертвы, после которого совершалась так называемая вечеря любви. Из рассматриваемого места книги Деяний, а равно и из 1 Кор. 16:2, с очевидностью следует, что первый день недели – воскресенье, этот *день Господень* (Апок. 1:10), освящался уже в то время евхаристической жертвой и был днем праздничным, по крайней мере, в церквах состоявших из христиан из язычников. Древнее церковное предание подтверждает это (Иустин Философ). Прощальное собрание верующих началось поучением самого апостола. «Так тяжело было разлучиться ему с ними и им – с ним. В то время, когда нужно было вкушать трапезу, – было еще не поздно – он начал говорить. Таким образом, хотя они собрались, собственно, не для поучения, а для преломления хлеба, но он начал речь и продолжал ее» (Златоуст). Очевидно, на священную трапезу собрались они не вечером, но так как случай был особенный – прощание с апостолом, то его беседа, начавшаяся до вкушения трапезы, отдалила совершение самого таинства. Полный горячей любви к ученикам, исполненный великого благовестнического воодушевления, апостол *продолжил слово до полуночи*. «Так он заботился о спасении учеников, что не умолкал и ночью, но тогда

в особенности и беседовал, когда было спокойно. И смотри, как долго он беседует» (Златоуст). Дивное зрелище! За стенами горницы-храма уже царил полночный мрак, а здесь, где шла беседа о Вечном Свете, не было и ночи – тут бодрствовали во свете. Храмина и ради ночного времени, и ради воскресного праздничного торжества освещалась светильниками, ручными масляными лампами λαμπάδες, которых было достаточно ἱκαναί. «Представьте этот дом, где были свечи и множество народа, а Павел посреди всех говорил речь, где многие заняли самые окна, чтоб слышать эту трубу и видеть это благолепное лицо. Каковы должны быть поучаемые и какое они получали удовольствие!» – «Но диавол возмутил, хотя и неуспешно, это празднество» (Златоуст). Один из слушателей апостола, *некоторый юноша именем Евтих*, во время беседы апостола сидел на окне, на подоконнике, и слушал его. Окно, по восточному обычаю, было велико, не имело ни стекол, ни даже решетки. Долго длилась речь апостола. Сначала юноша внимательно слушал благовестника, не пророняя ни одного слова. Наконец, усталость брала свое: очи смежались, внимание ослабевало, но «он, будучи юношею, был не ленив и, чувствуя наклонность ко сну, не ушел и, видя опасность упасть, не устрашился» (Златоуст). Наконец, усталость превозмогла силы юноши, и он *погрузился в глубокий сон*, отнюдь «не по лености, а по естественной необходимости» (Златоуст). Несколько мгновений сна – и потерянное равновесие заставило упасть уснувшего. Так как собрание верующих происходило в горнице третьего этажа дома, то падение для Евтиха было смертельным. Когда, быть может, тотчас же, благодаря достаточному свету в комнате, заметили падение Евтиха и спустились вниз, куда он упал, то подняли его *мертвым*, νεκρός. Текст ясно утверждает, что упавший Евтих действительно от падения умер – это была не кажущаяся смерть, не обморок, ибо тогда бы стояло ὡς νεκρός. Печальная весть о смерти упавшего тотчас же была передана наверх собравшимся братиям, и, конечно, все братия во главе с апостолом сошли вниз. Смерть упавшего подтвердилась теперь еще более всеми сошедшими. И вот, в минуту горького сожаления об умершем, великий чудотворец – св. *Павел пал на него* (умершего юношу) *и, обняв его, сказал: не тревожьтесь, ибо душа его в нем*. Апостол пал на умершего отнюдь не с тем, чтобы проницательным взором врача исследовать, есть ли в нем еще жизнь, но чтобы через свое прикосновение к телу усопшего возвратить его к жизни. Подобным же образом пророк Елисей воскресил умершего сына самаритянки, а пророк Илия – сына вдовы сарептской. Присутствовавшие были преданы сильной печали о несчастном умершем, но скоро сия печаль претворилась в радость – апостол *сказал* им: *не тревожьтесь, ибо душа его в нем*. «Не сказал: он воскреснет, я воскрешу его, – но что? *Не молите, не тревожьтесь*. Видишь, как он был не тщеславен, как готов доставить утешение»?

(Златоуст) Хотя апостол и «не говорит юноше: встань! — и не упоминается о совершенных Павлом молитвах, чтобы Господь повелел юноше возвратиться к жизни», однако, когда он произносил свое победное *душа его в нем*, то чудо уже совершилось: безжизненный получил снова жизнь. Восклицание апостола не имеет той мысли, что будто Евтих и не умирал; оно имеет мысль: его душа снова в нем, теперь он опять жив. Признаки жизни в умершем обнаружились тотчас же, однако, видимо, сошедшие сверху поспешили обратно, а воскрешенный с ними еще не пошел. Предъевхаристическая беседа апостола была прервана печальным случаем с Евтихом в самую полночь, но она лишь «была прервана, но не прекращена»; возвратившись, св. Павел, как предстоятель – апостол, приступил к совершению Евхаристии, *преломил хлеб и вкусил* вместе со всеми. Хотя по окончании Евхаристии было уже за полночь, однако беседа длилась и после нее. И лишь когда забрезжил свет первого рассвета, когда светильники стали меркнуть в борьбе с ранним утренним светом, тогда окончилась и беседа. Апостол должен был расстаться со своими дорогими учениками. И на рассвете он, прямо после почти целых суток, проведенных в оживленной беседе, так и вышел οὕτως ἐξῆλθεν без всякого отдыха и отправился в путь. По-видимому, воскрешенного Евтиха привели в комнату уже после того, как отбыл апостол; в таком случае, замечание св. дееписателя *между тем отрока привели живого и немало утешились* можно понимать так, что скорбь об отшедшем апостоле смягчилась, когда привели Евтиха, который утешил их в их скорби.

Происхождение христианского празднования воскресного дня (20: 7–11)

Д. Смирнов. Труды Киевской духовной академии, 1892, февраль

В век апостольский христиане из иудеев и христиане из язычников различались между собой тем, что первые строго соблюдали обрядовый закон Моисеев и субботу, в частности, тогда как для вторых этот закон и, следовательно, суббота на Соборе апостольском были объявлены необязательными. Среди каких из этих христиан началось празднование воскресного дня? Немецкий ученый Баур развил гипотезу борьбы между партиями петринистов и павлинистов – иудео-христиан и языко-христиан – во всем противоположных между собой не только в обрядах, но и в догматах. Крайности теории его были осуждены и оставлены, но все-таки в немецкой литературе существует и доселе слишком резкое различие языко-христиан от иудео-христиан, и вследствие этого поставленный нами вопрос немецкие историки обыкновенно решают в том смысле, что воскресенье появилось лишь в церквах языко-христианских, основанных

апостолом Павлом, и что оно не могло существовать среди иудео-христиан, которые строго соблюдали ветхозаветную субботу. Зато в русской литературе большей частью почти не обращают внимания на различие в обрядах между языко-христианами и иудео-христианами и высказывают мнение, что с самого дня воскресения Христова празднование субботы было перенесено на первый день недели, вероятно, непосредственно Самим Иисусом Христом, и с тех пор празднование воскресенья во вполне развитом и законченном виде существовало как у христиан иудейского происхождения, так и языческого. Такого же мнения держатся реформатские историки; последние, впрочем, потому, что иначе, при их отрицании предания и авторитета видимой Церкви, воскресенье потеряло бы свою обязательность, которую они желают отстоять.

Собственно говоря, вполне неоспоримых доказательств нет в пользу как того, так и другого мнения. Мы совершенно не имеем каких-либо вполне ясных и точных исторических свидетельств о том, когда, кем и как празднование перенесено было с субботы на воскресенье. Единственное свидетельство об этом г. Беляев* находит в словах Афанасия Великого в беседе о сеятеле: «У древнего человека в великом почтении находилась суббота, но это празднование Господь перенес на день воскресный». Но здесь, во-первых, не говорится о том, когда совершилось это перенесение; во-вторых, свидетельство это слишком позднее и притом, что самое главное, едва ли принадлежит св. Афанасию: у Migne эта беседа отнесена к неподлинным; в русском переводе творений Афанасия, изданном Моск. дух. акад., она опущена, и у Филарета в «Историческом учении об отцах Церкви» не упоминается. Но если бы даже воскресенье установлено было и апостолами, и спустя довольно долго после основания Церкви, то и тогда бы оно не было установлением чисто человеческим, но Божественным, потому что апостолы действовали не по своему личному усмотрению, а по внушению от Духа Святого. И тогда празднование воскресного дня не потеряло бы для нас своей обязательности, как не теряет своего Божественного авторитета и существование трехчинной иерархии, хотя вначале была лишь одна степень иерархии, а остальные учреждены были несколько лет спустя после основания Церкви. Для нас, таким образом, нет необходимости, подобно реформатским историкам, во что бы то ни стало настаивать на том, что воскресенье установлено Самим Иисусом Христом. Мы можем отнестись к делу беспристрастно и без предвзятых тенденций.

Мы сказали, что нет ясных и вполне определенных свидетельств о времени установления празднования воскресного дня, но все-таки есть

* О покое воскресного дня. «Вера и Разум», 1890, № 19.

некоторые данные, которые могут пролить некоторый свет на этот вопрос. Постараемся уяснить эти данные.

Субботу перед воскресением Господа нашего Иисуса Христа последователи Его соблюдали по-ветхозаветному – «остались в покое по заповеди» (Лк. 23:56). Следующий же за сим первый день недели они считали будничным; только по прошествии субботы и по наступлении следующего дня жены-мироносицы сочли возможным идти ко гробу Иисуса. Но то, что они узнали здесь, сделало этот, доселе будничный, день для них бесконечно более светлым и радостным, более праздничным, чем предыдущая суббота: им явился воскресший из мертвых Иисус и сказал: «Радуйтеся!» (Мф. 28:9).

Но не все поверили принесенной мироносицами радостной вести (Лк. 24: 2–11). В этот же день мы видим двух учеников, идущих в Эммаус – селение, отстоящее от Иерусалима на 60 стадий, то есть на расстоянии много превышающем субботний путь (5 или 6 стадий), и лица их были печальны (Лк. 24: 13–17). Но явившийся им Иисус преложил и их печаль в радость, и для них первый день недели стал праздником, но не ветхозаветной субботой, состоящей в покое, ибо они тотчас же пошли назад в Иерусалим (Лк. 24:33), но новозаветным воскресеньем, состоящим в священной радости о Бозе. Еще одну замечательную черту празднования этого торжественного первого воскресного дня можно усматривать в сказании евангелиста: когда Иисус возлежал с этими двумя учениками на вечере в Эммаусе, то «прииим хлеб, благослови, и преломив, даяше има». Точно в таких же выражениях изображается первое совершение Евхаристии на тайной вечере (Мф. 26:26; Мк. 14:22, подобно у Лк. 22:19 и 1 Кор. 11:24). Слово «преломление», употребленное в Деян. 2: 32, 46 и в других местах, считается всеми за свидетельство о совершении таинства Евхаристии. Не имеем ли основания мы поэтому и в данном месте разуметь совершение таинства Евхаристии? Если да, то в таком случае самое первое празднование воскресного дня имело уже ту существенную черту, которая и теперь считается необходимой принадлежностью всякого празднования, – совершение таинства Евхаристии. Ученики Иисуса Христа жили пока вместе и собирались на общей вечере; для такой вечери собрались они и в этот день (Мк. 16:14). В страхе перед иудеями (Ин. 20:19) и в смущении возлежали они на вечере, заперев все двери. Весть, принесенная женщинами, казалась им «пустыми словами» (Лк. 24:11), и не верили они ей (24:24). Луч надежды и сомнение, вера и неверие боролись в их сердце (Лк. 24:11; Ин. 20:8). Но вот является вдруг им Иисус и возвещает «мир» их встревоженной душе. «И возрадовашася ученицы, видевше Господа» (Ин. 20: 19–20). Тогда-то действительно этот первый день недели сделался истинным праздником для всех учеников Иисуса (кроме Фомы, впрочем); тогда-то поло-

жено было первое начало празднованию воскресного дня, но празднованию не ветхозаветному, а новозаветному, состоящему в священной радости о Бозе, а не в мертвом покое, в жертве евхаристической, а не в жертве двух овнов и двух десятых частей ефы муки. Это не было перенесение субботы на другой день; это новое празднование явилось пока не в замену субботы, но стало рядом с нею, хотя и гораздо выше ее*. Апостолы получили повеление от Иисуса идти в Галилею. Они могли сделать это тотчас же, ибо путешествие и вообще труд запрещались лишь в первый и седьмой день Пасхи. Но мы видим их остающимися в Иерусалиме. По-видимому, они хотели провести в светлой радости не только первый день недели, но и остальные пасхальные дни, «единодушно пребывая вместе», как еще при жизни Спасителя, и сходясь для общей вечери (Мк. 16:14; Ин. 20:26). Пасха кончилась в пятницу. В субботу закон требовал покоя, и ученики, очевидно, соблюдая это требование, не пошли в Галилею. Но что им мешало исполнить повеление Господа в следующий за субботой день? И однако мы видим, что они продолжают оставаться в Иерусалиме, и мы видим их в этот день опять собранными в одном доме – и Фома с ними (Ин. 20:26)**. Не показывает ли этот случай, что уже тогда этот день недели имел для учеников Иисуса Христа особенное знаменательное значение и они хотели провести его вместе, в единодушной молитве, беседе и воспоминании о случившемся в этот день. Явление Иисуса Христа, вновь повторившееся и в этот день, конечно, еще более утвердило их в этом выделении первого дня недели из ряда прочих. Мы не видим, чтобы Иисус Христос дал прямое наставление праздновать этот день, но Он учил их самыми фактами: воскресши в этот день и явившись ученикам, Он сделал первое воскресенье днем особенной священной радости общения и беседы с Собою, днем совершения таинства Евхаристии. Через неделю новым Своим явлением Он опять делает этот день днем радости для всех учеников и днем особенного тесного общения с Собою, когда Фома вложил персты свои в ребра Его (Ин. 20:27). Но у нас нет никаких данных, на основании которых мы могли бы предполагать, что этот день праздновался как ветхозаветная суббота, то есть соблюдением строгого покоя.

---

* Поэтому совершенно справедливо в катехизисе на вопрос: «С которого времени празднуется день воскресный?» – дается ответ: «С самого времени воскресения Христова».

** В Евангелии от Иоанна сказано: «и по днех осмих» после первого явления. По нашему счету через восемь дней после воскресения будет понедельник, но по древнееврейскому – воскресенье, ибо евреи в подобном случае считали и тот день, с которого начинается счет, и тот день, которым он кончается (сравн. слова Спасителя о своем воскресении из мертвых, и «по триехднех востану...» Мф. 27:63, ср. 12:40, 26:61; Мк. 14:58, 15:29; Ин. 11: 19–20, тогда как по нашему счету не выходит и $1^1/_2$ дня).

Мы не знаем, как проведены были третье и следующие воскресенья в обществе учеников Христовых, но, по аналогии с первыми двумя, мы, кажется, вправе заключать, что и они проводились в радостном воспоминании о совершившемся в сей день событии. Следующий воскресный день, о провождении которого апостолами мы имеем сведения, был день сошествия Св. Духа и вместе с тем – еврейский праздник Пятидесятницы*. В праздник этот закон запрещает работать, повелевает созывать народ на священное собрание (Лев. 23:21; Чис. 28:26) и приносить особенно многочисленные жертвы. Но апостолов в этот день мы видим единодушно вместе собравшимися в своей Сионской горнице еще до третьего часа дня (по нашему – девятого), когда именно и происходило «священное собрание». Они, конечно, не перестали исполнять закон Моисеев, но, по-видимому, этот день решили посвятить своим собственным, новозаветным, воспоминаниям о совершившемся в этот день воскресении Иисуса Христа и размышлению о его последствиях (ср. Деян. 2: 24–26). И Господь еще раз не словами, а фактами отличил этот день от прочих дней недели, ниспослав на апостолов и бывших с ними Святого Духа. И на этот раз день этот стал днем светлого торжества и блаженства, особенно тесного общения с Богом, днем сошествия на них Духа Святого, днем проповеди о Иисусе Христе, когда все провещавали на иных языках (Деян. 2:4), когда Петр своей одушевленной речью (2: 14–40) обратил около 3000 душ (2:41), днем не телесной радости и наслаждения яствами и питиями, а днем духовного торжества, священной радости пред Господом.

Как проводились воскресные дни после сего, мы совершенно не имеем каких-либо сведений вплоть до 57 и 58 гг. по Р. Х., к которым относятся два указания, свидетельствующие об обычае празднования воскресного дня богослужебными собраниями и делами благотворения в Галатии, Коринфе и Троаде, то есть в церквах языко-христианских, основанных апостолом Павлом. Какая же была судьба воскресенья в период между днем

---

* Что этот день приходился в том году в первый день недели, это ясно из следующего. Пятьдесят дней отсчитывалось со второго дня Пасхи (т.е. с 16 Нисана), в который приносился первый сноп жатвы к священникам (Лев. 23: 15, 10; ср. Втор. 16: 9–10); первый день после седьмой седмицы от 16-го Нисана и назначался для празднования Пятидесятницы (Лев. 23:16). В год Воскресения Христова первый день Пасхи – 15-е Нисана – случился в субботу (Ин. 18:28, 19:31), а 16-е Нисана приходилось в первый день недели, а потому и пятидесятый день, начиная с него, приходился тоже в первый день недели. У современных евреев праздник Пятидесятницы бывает 6-го Сивана, а посему, если 16-е Нисана приходится в первый день недели, то и 6-е Сивана приходится тоже в первый день недели. (Нисан имеет 30 дней, поэтому 30-е Нисана придется в первый день недели; следующий месяц – Яр – имеет 29 дней, и потому 1-е число следующего за ним месяца Сивана будет во вторник, а шестое число – день воскресный).

сошествия Святого Духа и 57 г. по Р. Х.? Должно ли предполагать, что описанные нами три воскресных дня представляют факты исключительные, а празднование воскресного дня сделалось обычаем лишь в церквах языко-христианских к концу 50-х годов — или же, наоборот, это празднование тотчас же по воскресении Христа вошло в обычай и утвердилось в церквах иудео-христианских и отсюда уже перешло и к христианам языческого происхождения. Немецкие историки (во главе с Неандером) большей частью стоят на стороне первого мнения. Два основания существуют в пользу этого мнения: молчание источников о том, существовало ли празднование воскресенья в период до 57 г., и, во-вторых, предполагаемая привязанность христиан иудейского происхождения к ветхозаветным обрядам и субботе. Но на основании молчания источников можно доказывать не отсутствие данного факта, а лишь неизвестность для нас, существовал он или нет. Свидетельства, относящиеся к 57 и 58 годам, говорят о воскресенье как об утвердившемся уже обычае — отсюда следует, что оно существовало раньше этих годов. Во всяком случае, представляется более вероятным, что обычай выделять первый день из среды прочих дней недели в воспоминание воскресения Иисуса Христа перешел в малоазийские и греческие церкви по преданию от предыдущего времени, чем то, что он самостоятельно возник в них из ничего, спустя долгое время после самого события воскресения Иисуса Христа, и притом в церквах удаленных от места этого события. Замечательно, что нигде мы не видим, чтобы иудействующие христиане обвиняли ап. Павла за введение нового праздника; его обвиняли лишь за отмену субботы. А что касается второго соображения, будто празднование воскресного дня не могло явиться у иудео-христиан, строго соблюдавших ветхозаветную субботу, то оно теряет силу ввиду следующего, несомненно исторического, факта, засвидетельствованного Евсевием: «Евиониты, называя апостолов отступниками закона..., хранили субботу и вообще вели образ жизни подобный иудеям; впрочем, как и мы, праздновали также дни воскресные для воспоминания о воскресении Господнем». Итак, строгое хранение обрядового закона о субботе не мешало евионитам праздновать и воскресенье. Ересь евионитов очень рано отделилась от Церкви Православной и именно по причине недовольства деятельностью ап. Павла (которого они называли отступником закона) в основанных им языко-христианских церквах. Немыслимо поэтому, чтобы они переняли что-либо от этих языко-христианских общин. Поэтому должно думать, что празднование воскресенья у них ведет начало от тех древних иудео-христианских общин, от которых они отделились. А если так, то празднование воскресенья получило свое начало в церквах иудео-христианских и ведет это начало с самого времени воскресения Спасителя.

После Пятидесятницы члены новорожденной Церкви Христианской проявили такую возвышенную ревность к религии, что они не по определенным только дням, но, по словам дееписателя, «каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца» (2:46; ср. 2:42; 5:42; 6:4). Всякий день в жизни их посвящался на служение Богу, освящался общественными собраниями для молитвы, поучения в Слове Божием и Евхаристии (Деян. 2:42); они постоянно благотворили неимущим, и никогда братская любовь и участие к нуждам ближнего не доходили до такой высоты, как в это время, когда все верующие были вместе и имели все общее, продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого (Деян. 2: 44–45), так что не было между ними никого нуждающегося (Деян. 4: 32–37). В это время необычайного подъема религиозной жизни воскресный день не мог очень заметно выделяться из числа прочих – не потому, чтобы он сравнялся с будничными днями, но потому, что все будничные дни поднялись до степени праздничных. Но недолго продолжался такой чрезвычайный порядок. Вскоре, вслед за убиением первомученика Стефана, произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме. Все верующие, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии (Деян. 8:1). Вследствие этого прекратилось и общение имуществ с постоянным пребыванием вместе и ежедневными общими вечерями. Когда с наступлением сравнительно спокойного времени верующие снова собрались в Иерусалиме, то им нужно было устроить свою жизнь так, чтобы возможно менее бросаться в глаза врагам и гонителям новой религии и, таким образом, избежать напрасного кровопролития. Прежний чрезвычайный порядок жизни с его ежедневными собраниями был неудобен и потому был оставлен. Верующие живут уже каждый в своем доме, владеют своим имуществом (Деян. 11: 19–22), являются богатые и бедные (Деян. 9:36; Иак. 2: 1–7). Прежнее воодушевление стало ослабевать, мало-помалу начали проявляться признаки упадка прежнего духа безграничной братской любви. Предстоятель иудео-христианской церкви Иаков обличает уже своих пасомых в погоне за наживой (4: 2, 13), в притеснении бедных и наемников (2:6; 5:4), в стремлении к роскоши (5:5) и пр. Требовалось поэтому назначить особые времена и места для общественных специально-христианских богослужебных собраний и для сбора пожертвований в пользу бедных. И в это именно время, думаем, воскресный день выделился из числа прочих как день общественного богослужения и благотворительности. Продолжающееся соблюдение субботы не только не могло препятствовать этому выделению, но скорее способствовало ему; выбрать субботы для целей специально-христианского богослужения было неудобно, потому что, строго соблюдая обрядовый закон Моисеев, иерусалимские христиане в этот день участво-

вали в синагогальном богослужении и вообще праздновали по-ветхозаветному (Деян. 21:20). Новое вино требовало новых мехов, новое душевное религиозно-нравственное настроение требовало иных форм для своего выражения. Если бы потребность в христианском освящении дней стала удовлетворяться в субботу, то христианскому празднованию грозила бы опасность сделаться служением «образу и сени» вместо служения Богу духом и истиной. Но у иудео-христиан существовал день, который сам собою призывал к христианскому празднованию, который напоминал о событии самом радостном для христианина, составляющем основу веры его: «Аще Христос не воста, тща же и вера наша», – как говорил апостол Павел (1 Кор. 15:14), который призывал христиан к хвалебной и благодарственной молитве Богу за ниспосланные им в этот день бесчисленные блага небесные и временные и напоминанием об этих благах побуждал и получивших их к благотворению ближним. Если воскресенье отличалось доселе от других дней только как день особенного радостного воспоминания о воскресении Христа, то теперь оно становится по преимуществу днем богослужения и благотворения. Воскресный день и прежде, с самого времени воскресения Христа, освящался делами богослужения и благотворительности, но только вместе с тем и другие дни освящались такими же делами. Потом, с ослаблением первоначальной ревности, с усилением земных забот, день воскресный получает все большее значение, все больше отличается от дней будничных как день, посвящаемый Богу, от дней, посвящаемых на дела житейские и мирские.

Когда апостол Павел в 58 г. после третьего своего миссионерского путешествия ехал в Иерусалим, где ему предстояли узы, то по пути он остановился на неделю в Троаде, и здесь «в первый день недели, когда ученики собрались для преломления хлеба, Павел... беседовал с ними и провел в беседе всю ночь» (Деян. 20: 7–11); в горнице, где они собрались, по замечанию деенисателя, «было довольно светильников» (20:8). Итак, торжественное и продолжительное общественное богослужение с возжжением большого количества светильников, совершение таинства Евхаристии (ибо в Св. Писании Нового Завета оно обыкновенно разумеется под термином «преломление хлеба») и поучение Слову Божию – вот способ празднования первенствующими христианами воскресного дня.

Около 66 г. принял мученическую смерть великий апостол языков. Наступил новый период в истории Церкви апостольской, который называют периодом деятельности апостола любви Иоанна. Иоанн поселился в Ефесе, бывшем некогда центром деятельности и апостола Павла. Под его любящим управлением церкви языко-христианские были умиротворены и устроены. Христиане иудейского происхождения или примирились со взглядами ап. Павла на их закон и на субботу, или же отделились

от Церкви в особые еретические общества. В это-то время празднование первого дня недели окончательно утвердилось и упрочилось в Церкви. Об этом свидетельствует то, что этот день имеет теперь свой технический термин, который вполне определяет его значение в жизни христианина, κυριακὴ ἡμέρα и просто κυριακή, то есть день Господень*. Доселе он носил название «едина от суббот», μιᾷ τῶν σαββάτων или σαββάτου, то есть первый день недели**, ибо суббота здесь так же, как и во многих других местах. Св. Писания, употребляется в смысле недели, точно так же, как прочие дни недели носили названия δευτέρα τοῦ σαββάτου, τρίτη, πέμπτη σαββάτων и т.п. Название доселе нисколько не выдвигало христианский праздник из ряда прочих дней недели. Теперь уже самым названием своим этот день выдвигался из ряда прочих как день посвященный Господу. Невольно здесь напрашивается сравнение названий недельных праздников у христиан и у евреев. В Ветхом Завете четвертая заповедь говорит: «День же седьмый – Господу Богу твоему», и, однако, этот день в обрядовом законе Моисея носит название «суббота», то есть покой, — название указывающее на внешнюю черту его, на средство лишь для действительного посвящения дня Господу. У христиан же день, посвящаемый Господу, самым названием своим κυριακή указывает на самую сущность празднования требуемого четвертою заповедью. Не указывают ли уже самые названия седьмого дня на то, что надлежащее и истинное исполнение 4-й заповеди имеет место лишь в христианстве и что суббота ветхозаветная была лишь односторонним и обрядовым выполнением этой заповеди?

Значение употребления светильников при богослужении (ст. 8)

«Воскресное чтение», 1875, т. 2

Употребление светильников при богослужении прежде всего было вызвано необходимостью, так как в первые времена христианства христиане, из страха нападения гонителей, совершали свое богослужение большей частью в ночное время. Но, несомненно, употребление светильников и тогда уже не считалось только следствием необходимости, а имело и символическое значение. Следы последнего можно находить в книге Деяний апостольских (20:8), где говорится, что в горнице, вмещавшей в себе собравшихся для отправления богослужения в день воскресный, было

---

* Апок. 1:10. В славянском переводе не буквально «день недельный», в русском – «день воскресный».

** Деян. 20:7 – ἐν τῇ μιᾷ τῶν σαββάτων; 1 Кор. 16:2 – κατὰ μίαν σαββάτων; а в Апок. 1:10 – κυριακὴ ἡμέρα.

зажжено много светильников – замечание указывающее на то, что этих последних было более, чем сколько нужно для одного освещения. В особенности же символическое значение употребления светильников при богослужении открывается в том, что они с самых первых времен христианства употреблялись не только при вечернем и ночном, но даже и при дневном богослужении, как это видно из свидетельства Павлина, епископа Ноланского (IV и начала V вв.). По его словам, светлые алтари и при вечернем и при дневном богослужении были уставлены стоящими близко друг к другу светильниками. На упрек еретика Вигилянция христианам в том, что они сжигают целую массу свеч и днем в храмах, Иероним говорил, что христиане в этом случае поступают не бессмысленно: светильники употребляются ими при богослужении, особенно при чтении Евангелия, как символ радости. Свечи употреблялись при крещении, когда крещаемый, а иногда восприемники и присутствовавшие при крещении держали в руках горящие свечи; возжигались при погребении, ставились при гробах и перед изображениями или останками мучеников. Были в употреблении и так называемые неугасаемые светильники. Такое многообразное и весьма распространенное употребление светильников при богослужении заставляет вглядеться попристальнее в смысл их употребления и отыскать наиболее соответствующее им значение.

Прежде всего, свет вообще является одним из важнейших элементов мира. Лучи солнечные обладают способностью сообщать теплоту и растительную силу, так что где есть умеренный солнечный свет – там теплота, жизнь, а где его нет – там холод, темнота, отсутствие жизни. Такое высокое значение света в жизни мира выражается и в повествовании Моисея о сотворении его (света) прежде устройства земли. Земные предметы созданы были Богом уже тогда, когда жизненный светлый луч солнца пролился на мировые пространства.

Далее, посредством света мы приобретаем познания о внешнем мире, на который можем направлять свою деятельность, вполне различая предметы. Таким образом, свет, с одной стороны, представляет пред нами мир со всеми его неисчислимыми достоинствами, с другой – предохраняет нас от опасности наткнуться на что-нибудь, заблудиться, повредить свое тело. Такое значение света для мира физического может быть уподоблено значению Иисуса Христа для мира духовного, нравственного.

Христос, в том отношении, чем Он был и есть для мира, называется в Евангелии светом мира, светом в просвещении языков, истинным светом, просвещающим всякого человека и т.д. Кто следует Ему, говорится в Евангелии, тот не будет ходить в тьме (заблуждений и пороков), но будет иметь свет жизни, потому что в Нем заключается жизнь, и жизнь эта – свет для людей. Наименование Христа светом вполне прилично Ему и потому, что

в Нем одном заключается истина, руководствующая человека ко спасению, способствующая ему стать на стезю правды и неуклонно идти по ней подобно тому, как свет видимый не позволяет путнику сбиться с прямого пути.

Эта-то высокая мысль об истине заключающейся во Христе, которая просвещает существо и жизнь человека, находит приличное изображение в горящих при богослужении светильниках. Свет, разливаемый ими, служит для нас символом великого света миру – Иисуса Христа – и должен напоминать нам, что Он ради освобождения нас от власти тьмы предал Себя на смерть и этим самопожертвованием ввел существо человеческое в область света, что мы, следовательно, сделались последователями религии света. Далее, свет этот напоминает нам, чтобы мы твердо стояли в вере во Христа, были верными учениками света и стремились к тому, чтобы свет веры всегда исполнял и просвещал наш дух.

Но горящее пламя не только светит, но и согревает нас, почему и может обозначать любовь Христа к человечеству и служить напоминанием того, чтобы и мы, со своей стороны, питали любовь к свету истины, которая (любовь) согревает нашу душу, возбуждали в себе благоговение, которое, подобно огню, возвышающемуся к небу, возводит наши мысли к престолу Всевышнего. А когда человек находится в жару благоговения, чувствует себя в области света, то у него радостно и светло на душе, почему светильники при богослужении могут означать и радость благоговейно настроенного христианина, как объясняет блж. Иероним. Вообще, храмовое освещение способствует возбуждению в предстоящих торжественного, молитвенного настроения духа. И при обыкновенном мирском празднестве мы ощущаем себя хорошо настроенными тогда, когда оно происходит при ярком солнечном освещении; храмовое же освещение сообщает нам еще более радости – радости духовной, и мы чувствуем себя более способными к молитве к Отцу светов, когда предстоим алтарю как бы небу усеянному звездами.

Таким образом, светильники при богослужении имеют глубокий и возвышенный смысл и приняты не только ради необходимости или красоты, хотя и увеличивают последнюю. Если мы удалим из храма светильники, то, можно сказать, в нем делается пусто и безжизненно, является отсутствие той радости и благолепия, которые свойственны богослужению со светильниками.

Прощание апостола Павла с ефесскими пресвитерами в Милите (20: 16–38)

«Воскресное чтение», г. 18

Путешествие св. апостола Павла из Македонии в Иерусалим через Милит было предпринято по тайному внушению от Духа Святого и, хотя совер-

шаемо с предчувствием тех уз и скорбей, которые ожидали апостола в Иерусалиме, несмотря на то, происходило с такой поспешностью, какая только нужна была для скорейшего окончания пути. Прибыв в Милит, прибрежный город Малой Азии, лежавший недалеко от Ефеса, и не желая медлить на пути, апостол не думал заходить в Ефес. Но с Ефесом столько сопряжено было для него скорбных и вместе радостных воспоминаний; к юной церкви, там насажденной его трехлетними трудами, было столько любви, что он не желал пройти мимо Ефеса, не видевшись, по крайней мере, с возлюбленнейшими из своих учеников — ефесскими пресвитерами. Он послал за ними в Ефес и преподал им последнее слово любви и назидания.

Мы любим вспоминать последние слова людей наиболее нами уважаемых, и в этом случае руководствуемся не одним любознанием, но и желаем воспользоваться сказанным для собственного назидания.как последним и лучшим плодом мудрой опытности. Последняя беседа апостола Павла к пастырям Ефесской Церкви может вполне удовлетворить такому желанию.

Нигде и никогда не скрывал богодухновенный проповедник истины, какая мысль руководила его действиями, к какой цели он стремился, когда предпринимал и совершал продолжительные, отдаленные и трудные путешествия, что имел в виду, когда терпел всякого рода лишения, чем утешался, когда его постигали беды, и чем был одушевлен, когда с благодушием и радостью принимал поношение, биение и раны. Перед соборищем ли озлобленных на него иудейских старцев, на суде ли перед гордыми правителями областей или пред хвалившимися своей мудростью членами ареопага св. апостол везде свидетельствует о себе истину. Как одним говорил: *о уповании и о воскресении мертвых аз суд приемлю* (Деян. 24:21), то есть за учение христианское, так и другим: *стою свидетельствуя, яко Христос имеяше пострадати, яко первый от воскресения мертвых* (Деян. 26:23). Тем более он не имел надобности умалчивать о том, что составляло существо всей его жизни, в откровенных излияниях сердца перед возлюбленными своими чадами о Христе. Потому во многих местах своих посланий св. апостол, не обинуясь, говорит о себе и о своем служении, но в последней своей беседе с ефесскими пресвитерами он прежде всего и преимущественно говорит о своих апостольских подвигах, ибо он прежде всего и преимущественно — апостол Христов, проповедующий иудеям и эллинам *еже к Богу покаяние, и веру же в Господа нашего Иисуса Христа* (Деян. 20:21). Вот та мысль, которая управляла всеми его действиями!

Другой заботы, кроме проповеди Евангелия, у него не было никакой. Было ли это служение слову средством к получению большего воздаяния

от Бога – и того нельзя сказать. В Послании к Коринфянам св. апостол упоминает о другой заботе: *да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9:27); но и эта святая забота о своем спасении была для него делом как бы второстепенным в сравнении с главной и единственной его заботой. Как важным он почитал свое спасение в сравнении с успехом проповеди – показывают его слова, исполненные непостижимого самоотвержения: *молилбыхся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей* (Рим. 9:3). То же самое он говорит и теперь: *ни едино же попечение творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия* (Деян. 20:24). Только тогда, когда мы будем иметь понятие о всецелом посвящении себя делу Божию, мы в состоянии будем понять и необычайное усердие к проповеди, и высочайшее бескорыстие в деле служения, о которых говорит св. апостол: *Три лета нощь и день не престаях уча со слезами единого когождо вас* (Деян. 20:31), *пред людми и по домом* (Деян. 20:20); дабы, с одной стороны, не опустить чего-либо полезного и непременно *сказать всю волю Божию*, а с другой – не оставить кого-либо без назидания и в каждом произвесть полное убеждение в возвещаемых истинах. Нужно вспомнить еще и то, что такое многотрудное и поистине возможное только для апостола дело назидания происходило со многими слезами, среди напастей от иудейских наветов. При таком самоотвержении и ревности к делу Божию, которые нисколько не ослабляются самыми враждебными препятствиями, почти сама собою понятна ее возвышенная чистота не только чуждая видов корыстных, но и заботливо отклоняющая всякий повод к такому неуместному подозрению. *Сребра или злата или риз ни единого возжелал. Сами весте, яко требованию моему и сущим со мною послужисте руце мои сии* (Деян. 20: 33–34). Но и здесь еще не предел самоотверженного бескорыстия апостола. Он еще не ограничивается тем высоким бескорыстием, по которому в деле многотрудном, поглощающем все его время и все заботы, *не ищет своих си;* он еще почитает своим правилом *паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20:35). Это признание человека, уже совершенно распявшегося миру, было последним словом его прощальной беседы, приложившим последнюю высокую черту к полному изображению характера его служения.

Но св. апостол говорил о себе и о своем служении с такой откровенностью не для того, чтобы поразить слушателей изображением своего духовного величия. У него везде и во всем одна мысль и одна цель – проповедание Христа. И здесь он имеет целью через изображение своей жизни перед слушателями полнее и яснее вообразить в них Христа, как бы повторяя свои слова: *подражатели мне бывате, якоже и аз Христу* (1 Кор. 11:1). Поэтому, говоря о своем служении, св. Павел тут же дает и настав-

ление. Так как перед ним были только пресвитеры — наставники Церкви, то его наставления преимущественно касаются обязанностей их служения. *Не обинухся сказати вам всю волю Божию* — будьте и вы столько же внимательны к себе и ко всему стаду. *Три лета нощь и день не престаях уча со слезами единого когождо вас* — бдите и вы. *Сребра и злата или риз ни единого возжелах* — так и вам *подобает заступати немощныя, поминати же слово Господа Иисуса, яко Сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати.* Если будете, подобно мне, внимательны к себе и ко всему стаду, то будете чисты от крове всех, то есть невиновны в погибели некоторых. Если будете бдительны, то проженете *тяжких волков, не щадящих стада,* которые *по отшествии моем внидут к вам.* Если будете бескорыстны, то получите *наследие во освященных всех.*

Таково наставление, преподанное св. апостолом преемникам своего служения, но им легко могут воспользоваться и все христиане. Пусть для каждого будет образцом апостольская ревность к делу Божию — усердие не знающее тяготы труда, не взирающее на великость препятствий и совершенно чуждое корысти — тогда каждый явится совершенным Божиим человеком вполне уготованным на всякое дело благое.

О речи святого апостола Павла пастырям ефесским в Милите (20: 18–35)

В. Певницкий

Третья речь апостола Павла, имеющая особенное значение для истории проповедничества, отличается той особенностью, что она обращена не к неверным, подобно другим апостольским речам, а к верующим и, в частности, к пресвитерам, на которых апостол смотрел как на сослужителей своих и ближайших сотрудников в деле благовествования имени Христова. Здесь мы видим первый опыт тех архипастырских бесед, с какими часто обращались к подчиненным пастырям ревностные иерархи, управлявшие местными церквами.

В этой речи господствует тон нежной любви и задушевной мягкости. Апостол здесь изливает перед слушателями всю полноту своего сердца, как отец перед детьми, которым предан всей душой. Особенные обстоятельства вынуждали у апостола этот трогательный и задушевный тон. Апостол спешил в Иерусалим к празднику Пятидесятницы, и у него было предчувствие, что его ожидают в Иерусалиме скорби и гонения и что он, может быть, в последний раз видит те страны, в которых трудами его основаны церкви. Бывши в Милите, он пожелал призвать к себе пресвитеров Ефесской Церкви, которой не удалось посетить ему в это последнее путешествие, и перед этими-то сошедшимися к нему пресвитерами он из-

ливает со всей искренностью и теплотой свое сердце и напоминает о деле, которое было задачей его жизни и которое после него должно быть поддержано и укреплено их заботами и усилиями.

Речь имеет значение завещания, где апостол дает отчет о своей деятельности и выражает свою последнюю волю перед слушателями. Призывая в свидетели собравшихся к нему пресвитеров, он говорит о той неусыпной заботливости, с какой он старался передать им учение о Христе, как он учил их всенародно и по домам, не пропуская ничего полезного, говорит о напастях, им испытанных от наветов иудейских, и многих слезах, какими растворялось его служение. Затем он высказывает перед ними свои грустные предчувствия, с какими идет в Иерусалим, которые на пути его увеличиваются предсказаниями от Духа о скорбях и узах его ожидающих. Но он твердо идет навстречу опасности и с радостью готов встретить конец свой: для него его личная безопасность не имеет значения перед службой, принятой им от Господа. Сознавая, что в последний раз они видят лицо его, он, напомнив им, что он чист перед ними, ибо все сказал им, возбуждает их к бдительности над собой и над стадом порученным их управлению Духом Святым, или над Церковью, приобретенной Кровью Христовою. Дорогое дело Церкви Божией, для которого он неустанно трудился, для которого терпел преследования, заключения и раны, занимает его душу, и он с болью сердца думает о его дальнейших судьбах, предвидя, что после его отшествия в среду верующих явятся лютые волки, расхищающие стадо, и из сонма избранных восстанут люди, которые будут говорить развращенное и раздирать Церковь Божию.

Увещание пастырям быть внимательными к себе и всему стаду составляет главную мысль речи апостола, и потому он в течение своей недлинной беседы не один раз повторяет его. Для большего усиления этого увещания апостол высказывает о явлении после его отшествия разных лжеучителей; для этого он указывает пастырям Ефесской Церкви на пример своей деятельности; для этого он представляет им, как близко их дело его сердцу, напоминая им, что он в течение трех лет день и ночь не переставал учить со слезами каждого из них. Высказав свою задушевную мысль, апостол предает собравшихся вокруг него пресвитеров Богу и слову благодати Его. Но и после этого заключения он не хочет оставить своей беседы со своими учениками и сослужителями: сердце его стремится передать как можно больше желаний присным своим. И он, по-видимому, уже заключив речь, снова обращается к воспоминанию о своем служении: он присовокупляет слово о своем бескорыстии, по которому он не искал и не требовал от них сребра, золота или риз и сам добывал себе пропитание. Этим он хочет предостеречь слушавших его

пресвитеров от излишних требований для себя со стороны их пасомых и показать им тот желанный путь, по которому должны идти продолжатели его служения, трудясь для других, а не для какой-либо внешней прибыли. Словом Господа Иисуса: *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати** апостол Павел заключил свою прощальную речь пресвитерам ефесским коленопреклонною молитвою к Богу. Речь произвела потрясающее впечатление на всех присутствующих. Лишь только апостол прекратил слово, поднялся общий плач и все с глубокой скорбью прощались с ним, соболезнуя более всего о том, что, по его словам, уже не будут более видеть лица его.

---

* Указывая на свое бескорыстие в служении вере и советуя пресвитерам ефесским подражать ему, апостол Павел высказывает тем не правило, а желание, исполнение которого не может быть для всех обязательно. В своих посланиях он не раз касался этого предмета, и всегда в этих случаях он выражал ту мысль, что трудящиеся для веры, благовестия и алтаря имеют законное право на вознаграждение для удовлетворения своих первых нужд и для более беспрепятственного чрез то совершения служения, хотя в то же время не умалчивал и о примере своей бескорыстной деятельности в видах побуждения желающих следовать этому примеру. Так, в Послании к Коринфянам он говорит: *не весте ли, яко делающии священная, от святилища ядять? и служащии алтарю, со алтарем делятся? Тако и Господь повеле проповедающим благовестие, от благовестия жити* (Мф. 10:10). *Аз жени едино отсих сотворих* (1 Кор. 9: 13–15). В послании к солунянам мы читаем: *сами бо весте, како лепо есть вам подобитися нам: яко не бесчинновахом у вас: ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвизе, нощь и день делающие, да не отягчим никогоже от вас. Не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам, во еже уподобитися нам. Ибо егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хощет делати, ниже даяст* (2 Сол. 3: 7–10). Апостол, при всем бескорыстии своем, иногда принимал дары от людей, расположенных к нему и желавших помогать ему в нуждах, и хвалит филиппийцев за попечение о нем, выраженное неоднократною присылкою даров ему. «*Я весьма возрадовался в Господе*, пишет он им, *что вы уже вновь начали заботиться о мне; вы и прежде заботились, но вам не благоприятствовали обстоятельства. Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что нуждаюсь, ибо я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем: быть в сытости и терпеть голод, быть и в обилии и в недостатке. Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе. Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби. Вы знаете, филиппийцы, что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна Церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних. Вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду. Говорю это не потому, чтобы я искал даяния; но ищу плода умножающагося в пользу вашу. Я получал все и избыточествую; я доволен, получив от Епафродита посланное вами, как благовонное курение, жертву приятную, благоугодную Богу*» (Флп. 4: 10–18). Подобно апостолу Павлу и апостол Иоанн хвалит Гаия старца за то, что он принимал братьев и странников и помогал в нуждах благовестникам Евангелия, и по этому поводу говорит, что *мы должны принимать таковых, чтобы сделаться споспешниками истине*, а некоего Диотрефа укоряет за то, что он и сам не принимал братьев и других запрещил делать это (3 Ин. 1: 5–10). Основанием всех апостольских наставлений и позднейших постановлений служат слова Самого Иисуса Христа. Он, посылая двенадцать учеников на проповедь Евангелия, не велел им брать с собою ни золота, ни серебра, ни меди, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, указав на то, что трудящийся достоин пропитания (Мф. 10: 9, 10). «Руков. для с. п.», 1874 г., № 49.

О том же

Св. Иоанн Златоуст

«Беседы на Деяния апостольские», СПб. 1857, ч. 2

От Милита же послав во Ефес, призва пресвитеры церковныя. И якоже приидоша к нему, рече к ним: вы весте, яко от перваго дне, отнелиже приидох во Асию, како с вами все время бых; работая Господеви со всяким смиренномудрием, и многими слезами и напастьми, прилучившимися мне от иудейских навет: яко ни в чесом от полезных обинухся, еже сказати вам и научити вас пред людьми и по домом, засвидетельствуя иудеем же и эллином же к Богу покаяние, и веру, яже в Господа нашего Иисуса Христа (Деян. 20: 17–21).

Достойно удивления, как он, быв поставлен в необходимость сказать о себе что-либо великое, старается сохранить смирение. Подобно этому Самуил, намереваясь предать власть Саулу, говорил пред иудеями: *еда что взях от вас, свидетели – вы и Господь* (1 Цар. 12:5); и Давид, когда ему не доверяли, сказал: на пастбище я пас овец отца своего и *егда прихождаше медведица*, руками своими *поражах ю* (1 Цар. 17:35); и сам Павел в Послании к Коринфянам говорит: *бых несмыслен хваляся: вы мя понудисте* (2 Кор. 12:11). Так же поступает и Бог: не без причины говорит о Самом Себе, но когда не веруют Ему, тогда и исчисляет Свои благодеяния (Иез. 16:6). Смотри, что и здесь делает (Павел): во-первых, он ссылается на их свидетельство, дабы ты не подумал, что он хвалит сам себя, называет слушателей свидетелями сказанного в удостоверение того, что он не лжет пред ними. Вот (истинная) добродетель учителя, когда он может представить учеников свидетелями добрых дел своих! И то удивительно, что он провел в таких делах не один день и не два, но много лет. *Вы весте*, говорит, *како с вами все время бых.* Хочет убедить их, чтобы они мужественно переносили все, – и разлучение с ним, и предстоящие опасности, подобно как было при Моисее и Иисусе (Навине). И смотри, что он далее прибавляет. *Како с вами все время бых, работая Господеви со всяким смиренномудрием.* Видишь, что особенно свойственно начальствующим, именно: воздерживаться от гордости – это особенно нужно начальствующим, потому что они легко могут предаться гордости; это есть основание (всего) доброго, как и Христос говорит: *блажени нищии духом* (Мф. 5:3). Сказав не просто *со смиренномудрием*, но *со всяким.* Ибо есть много видов смиренномудрия: смиренномудрие бывает в слове и в деле, в отношении к начальникам и в отношении к подчиненным. Хотите ли, я представлю вам образцы смиренномудрия? Иные бывают смиренны со смиренными и надменны с надменными – это не смиренномудрие. Другие с теми и другими в разное время бывают то смиренными, то важными – это преимущественно и есть смиренномудрие. Желая научить их этому, он наперед полагает основание для устранения подозрения, дабы не подумали, что он гордится. Если, говорит, я жил *со всяким смиренномудрием*, то не по гордости говорю то, что говорю.

Вместе с тем (выражает) кротость свою: *с вами,* говорит, *бых работая Господеви,* представляя их сообщниками своими в этом добром деле. Так, общение всегда есть благо. Представляет добрые дела свои общими и не приписывает себе никакого преимущества. Неужели же, скажешь, он мог гордиться пред Богом? Есть много людей, которые гордятся и пред Ним, но он не гордился даже и пред учениками своими. Вот достоинство учителя — назидать учеников собственными добродетелями! Далее говорит о своем мужестве, но также смиренно: *со многими слезами и напастьми, прилучившимися мне от иудейских навет.* Видишь ли, как он скорбит о случившемся? Здесь он, по-видимому, выражает свое сострадание, ибо он страдал за погибающих, за самих виновников (напастей), а о случившемся с ним самим радовался — он был из лика тех, которые радовались, *яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти* (Деян. 5:41). И в другом месте говорит: *ныне радуюся во страданиих моих о вас* (Кол. 1:24), и еще: *еже бо ныне легкое печали нашея, по преумножению в преспеяние тяготу вечныя славы соделывает нам* (2 Кор. 4:17). Это говорил по смирению, а здесь показывает свое мужество, и не столько мужество, сколько терпение, и как бы так говорит: я тяжко страдал, но с вами, и, что особенно тяжело, от иудеев. Заметь, какие здесь он означает свойства учителя — любовь и мужество. *Яко ни в чесом,* говорит, *обинухся.* Этим выражает, как он был чужд зависти и лености. *От полезных.* Хорошо и это сказано, ибо иному и не следовало учить. Как скрывать что-нибудь есть признак зависти, так и говорить все есть знак безумия. Посему и присовокупил *от полезных* и изъяснил, что он не говорил только, но и *научал;* я, говорит, делал это не небрежно. А что здесь именно такой смысл, послушай далее, ибо далее он говорит: *пред людьми и по домом* и этим выражает свое продолжительное старание, великое усердие и неутомимость. *Засвидетельствуя иудеем же и эллином.* Не вам только, говорит, но и язычникам. Здесь (показывает) свое дерзновение и то, что мы должны говорить, хотя бы и не видели никакой пользы; это и значит свидетельствовать, если мы говорим пред людьми не внимающими нам, ибо слово *свидетельствовать* по большей части имеет такой смысл. *Засвидетельствую,* говорит Моисей, *небесем и землею* (Втор. 4:26). Так и здесь: *засвидетельствую,* говорит, *иудеем же и эллином еже к Богу покаяние.*

Что ты свидетельствовал? Чтобы имели попечение о жизни, чтобы покаялись и обратились к Богу. Ибо и иудеи не знали Его, потому что не знали Сына и не имели (добрых) дел и веры в Господа Иисуса. Для чего же ты говоришь это? Для чего напоминаешь об этом? Не случилось ли чего-нибудь? Не находишь ли нужным в чем-нибудь упрекнуть их? Тронув наперед сердце их, он потом продолжает: *и ныне се, аз связан Духом, гряду во Иерусалим, яже в нем хотящая приключитися мне не ведый: точию яко Дух Святый по вся грады свидетельствует, глаголя, яко узы меня и скорби ждут. Но ни единоже попечение творю, ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение*

мое с радостию, и службу юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия (ст. 22–44). Для чего он говорит это? Для того, чтобы научить их быть готовыми на опасности, и явные и тайные, и во всем повиноваться Духу. Также изъясняет, что его ожидает нечто великое. *Точию,* говорит, *яко Дух Святый по вся грады свидетельствует, глаголя.* Дабы показать, что он отправляется добровольно, а не во избежание уз или по необходимости, говорит: *по грады.* Потом присовокупляет: *ниже имам душу мою честну себе, разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса.* Видишь ли, что это слова не плачущего, но смиренно рассуждающего, поучающего других и состраждущего случившемуся? Не сказал: нас гонят, нужно терпеть, но – я и не думаю о том. Этими словами опять он не превозносит себя самого, а научает их, как прежде смиренномудрию, так теперь мужеству, дерзновению и как бы так говорит: я не предпочитаю первое последнему, но более всего думаю о том, чтобы *скончати течение, засвидетельствовати.* Не сказал: проповедать или научить, но — *засвидетельствовати Евангелие благодати Божия.* Далее намеревается сказать нечто более поразительное, именно: *яко чист аз от крове всех,* потому предуготовляет их и показывает, что более ничего не остается. Намереваясь возложить на них все бремя и всю ответственность, он наперед трогает их душу словами: *и ныне се аз вем, яко ктому не узрите лица моего* (ст. 25), и потом произносит: *чист аз от крове всех* (ст. 26). Сугубая скорбь оттого, что они *лица* его уже не увидят, и оттого, что они *вси* (не увидят): *яко ктому,* говорит, *не узрите лица моего вы вси, в них же проидох проповедуя царствие.* Потому я не напрасно свидетельствую пред вами как уже навсегда удаляющийся отсюда. *Яко чист аз от крове всех. Не обинухся бо сказати вам всю волю Божию* (ст. 27). Видишь ли, как он устрашает и поражает удрученные скорбью души их? И хорошо, потому что это было необходимо. *Не обинухся бо,* говорит, *сказати вам всю волю Божию.* Следовательно, невозвещающий виновен в крови, то есть в убийстве. Ничего не может быть ужаснее. Так и они, если не делают этого, то виновны в крови. По-видимому, он защищает себя, но вместе и устрашает их. *Внимайте убо себе и всему стаду, в немже вас Дух Святый постави епископы, пасти Церковь (Господа и) Бога, юже стяжа кровию Своею* (ст. 28). Видишь ли, что Он дает две заповеди? Ибо бесполезно как исправлять только других, боюсь, говорит он же, *да не како иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9:27), так и заботиться только о самом себе. Последнее свойственно самолюбцу, который ищет только полезного для него самого и подобен человеку закопавшему талант в землю. Говорит об этом (Павел) не потому, будто наше спасение важнее (спасения) стада, но потому, что когда мы *внимаем себе,* тогда получает пользу и стадо. *В нем же вас Дух Святый постави епископы пасти Церковь Бога.* Смотри, сколько побуждений. Вы, говорит, получили рукоположение от Духа, ибо это означает слово *постави.* Вот первое по-

буждение. Потом: *пасти Церковь Бога* — вот второе. А третье заключается в том, что говорит далее: *юже стяжа кровию Своею.* Много убеждения в словах, которые показывают драгоценность предмета, и немалой мы подвергаемся опасности, если Господь для Церкви не пощадил собственной крови, а мы не имеем никакого попечения о спасении братий. Он пролил кровь Свою, чтобы примирить (с Собою) врагов, а ты не можешь поддерживать любовь даже с друзьями? *Аз бо вем сие, яко по отшествии моем внидут волцы тяжцы в вас, не щадящие стада* (ст. 29). Представляет им новое побуждение, указывая на будущее, подобно как и в другом месте говорит: *несть наша брань к крови и плоти* (Еф. 6:12). *Яко внидут,* говорит, *по отшествии моем волцы тяжцы в вас.* Двоякое бедствие: и его не будет, и другие станут нападать. Для чего же ты отходишь, если предвидишь это? Дух, говорит, влечет меня.

Смотри, не просто сказал *волцы,* но прибавил *тяжцы,* желая выразить их силу и свирепость; а что всего тяжелее, эти волки, говорит, *от вас самех востанут* — это особенно тяжко, когда бывает междоусобная брань. Хорошо сказал: *внимайте,* показав этим, что предмет заслуживает особенного внимания — ибо это есть Церковь — что угрожает великая опасность, ибо (Господь) искупил ее кровью, и что брань будет великая и сугубая. Это он выразил словами: *и от вас самех востанут мужие глаголющии развращения, еже отторгати ученики вслед себе* (ст. 30). Далее, после того как устрашил их словами *волцы тяжцы и от вас самех востанут глаголющии развращеная,* как бы отвечая на чей-нибудь вопрос: что же будет, кто станет охранять нас? — говорит: *сего ради бдите, поминающе, яко три лета нощь и день не престаях уча со слезами единого когождо вас* (ст. 31). Смотри, как чрезвычайны были дела его: *со слезами, нощь и день, единаго когождо.* Ибо он не тогда только оказывал попечение, когда видел многих, но не оставлял делать все это и для одной души. Таким образом он и соединил их. А самые слова означают следующее: довольно сделано с моей стороны; я три года оставался (с здешними верующими), довольно они наставлены, довольно утверждены. *Со слезами,* говорит. Видишь ли, что для этого (он проливал) слезы? Так будем поступать и мы. Если нечестивый не скорбит, скорби ты тогда, может быть, станет скорбеть и он. Подобно как больной, когда видит врача принимающим пищу, чувствует и сам расположение к тому же, так будет и здесь: если он увидит тебя плачущим, то смягчится, сделается человеком добрым и кротким. *Не ведый,* говорит, *хотящая приключитися мне.* Что? Не потому ли ты и отходишь? Нет, напротив, я очень знаю, *яко узы мене и скорби ждут.* Я знаю, что меня ожидают искушения, но какие, не знаю, а это еще тяжелее. Впрочем, не подумайте, что я, говоря это, плачу: *я не имам душу мою честну себе.* Говорит это для того, чтобы ободрить их и научить не только не убегать (от опасностей), но и мужественно переносить их. Потому и называет дело свое *течением и службою,* течением означая величие его, а службою — обя-

занность. Я служитель, говорит, и ничего более. Утешив их, чтобы они не скорбели о страданиях его, сказав, что он переносит их *с радостию,* и показав (происходящие оттого) плоды, он потом и высказывает мысль прискорбную. Делает это для того, чтобы не слишком отягчить душу их. Какая же это мысль? Следующая – *и от вас самех востанут мужие глаголющии развращения.* Как, скажет кто-нибудь, ты думаешь о себе так много, что если отойдешь, то и мы лишимся жизни? Нет, говорит, не то я говорю, чтобы мое отсутствие имело такие последствия, но что? *Яко в вас востанут* некоторые. Не сказал: по причине отшествия моего, но *по отшествии моем,* то есть после отправления, так как это уже и случалось; если же случалось доселе, то тем более может случиться после. Далее показывает цель их: *еже отторгати ученики вслед себе.* Так, ереси бывают не для чего иного, как для этого. Вместе с тем и утешение: *юже стяжа,* говорит, *кровию Своею.* Если Он приобрел ее кровью Своею, то, конечно, защитит ее. *Нощь и день,* говорит, *не престаях уча со слезами.* Это справедливо можно было бы сказать и нам. Слова его, по-видимому, относятся собственно к учителям, но вместе с тем они относятся и к ученикам. Ибо для чего я говорю, увещеваю, плачу день и ночь, если ученик не слушает? Посему, дабы кто не подумал в Свое оправдание, что достаточно только быть учеником, хотя и без послушания, (Павел) сказавши *свидетельствую,* присовокупил *не обинухся бо сказати вам.* Дело учителя – только возвещать, проповедовать, научать, не умолкать, увещевать день и ночь; если же при всем этом не будет никакого успеха, то сами знаете, что следует. Тогда будет другое оправдание: *яко чист аз от крове всех.*

Что значит *связан Духом* (20: 22–24)?

Филарет, митрополит Московский, т. 3

И ныне се аз связан духом, гряду в Иерусалим (Деян. 20:22).

Дабы показать еще в высшей степени священный пример ничем не ослабляемого служения Богу, вопреки мнениям людей еще не отвергшихся мира и самих себя, доказывающий, что верные рабы Божии борются с трудностями и переносят скорби не по неизбежной только необходимости, но и с добровольной готовностью, и даже с некоторым желанием страдать для Бога, происходящим от сильной любви к Богу, посмотрим на Божественного Павла, когда он идет в Иерусалим на опасность, не по догадкам и заключениям явную, но, по свидетельству Св. Духа, достоверную, и однако идет и не колеблется. Прочитаем слова, которые на сем пути своем говорил он пресвитерам ефесским, прощаясь с ними. *И ныне се аз связан духом, гряду в Иерусалим, яже в нем хотящая приключитися мне не ведый: точию яко Дух Святый по вся грады свидетельствует, глаголя, яко узы мене и скорби ждут. Но ни едино же попечение творю, ниже имам душу мою честну себе,*

разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божия (Деян. 20: 22–24).

Чудный Павле! но если ты уже знаешь, что узы и скорби ждут тебя в Иерусалиме (хотя и не ведаешь от кого и за что, так как ты ни пред кем ни в чем невинен), и если знаешь сие не по догадкам и заключениям, которые, хотя выводятся из обстоятельств, могут оказаться неверными через перемену или от неточного познания обстоятельств, но знаешь по свидетельству Духа Святого, изрекаемому Его пророками, в непогрешительности коего ты не можешь сомневаться, кто же тебя гонит в Иерусалим, когда ты еще на свободе? Никто, говорит он, кроме того, что я связан Духом. *Связан духом, гряду в Иерусалим.*

Что такое *связан духом?* Неужели подлинно Дух влечет в Иерусалим на страдания, как узника в темницу? Нет. Ибо мы видим, что когда люди, ему преданные, со слезами *молили* его *не восходити ему в Иерусалим*, он отвечал на то, что делает сие по необходимости, по неволе, но утверждает, что делает то, что хочет и к чему готов по доброй воле. *Отвещав же Павел, и рече: что творите, плачуще и сокрушающе ми сердце; аз бо не точию связан быти хощу, но и умрети в Иерусалиме готов есмь за имя Господа Иисуса* (Деян. 21: 12–13).

Каким же образом сей – не знаю, как назвать его, – свободный, может быть, невольник, *связан* был *духом*, так что шел во Иерусалим на страдание, как агнец на жертву, и был, однако же, так доволен в сем состоянии, как агнец на тучной пажити? Павел был связан и веден духом подобно тому, *как Иисус возведен бысть духом в пустыню по своем крещении.* Под сие полномощное водительство и управление духа подошел святой Павел, деятельно следуя тому же умозрению и тем же правилам, которые преподавал другим, когда говорил христианам: *Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3:16) и потому *Духа не угашайте* (1 Сол. 5:19), *аще живем духом, духом и да ходим* (Гал. 5:25); *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (ст. 16), подобно как и св. Петр учил души очищать в *послушании истины духом* (1 Пет. 1–22).

По той мере, как отказывают в удовлетворении похотям плоти, плоть умирает для греха и дух оживает для правды, или добродетели. Чем охотнее и вернее следуют добрым побуждениям оживающего духа или, по выражению св. Петра, *души очищают в послушании истины духом*, тем более священный огонь духа возгорается, свет его просиявает, он идет от силы в силу, так что иногда, в минуты восторга, не только все плотские похоти, но и всякое желание собственной воли человеческой связует, оставляет в бездействии, как бы в плену или в узах, и только чистым мудрованием духовным, только любовью Божественной, только преданностью воле Божией, едва, так сказать, прикасающегося земле человека видит и носит, куда призывает Бог и законы царствия Его, хотя бы для сего надлежало идти сквозь огонь и воду, сквозь страдание и смерть. О блаженный плен! О сладкие узы! Неограниченно свободная неволя! Высоковладычественное рабство! Ибо

что есть плен духа как не всепобеждающее убеждение истины? Что суть узы духа – разве крепко всеобъемлющая любовь? Добровольная неволя самоотвержения есть совершенная воля Божия, и глубочайшее порабощение закону духа есть высокое право гражданства в Царствии Божием, которого последняя цель есть не то, чтобы поработить свободных, но чтобы рабов соделать свободными, и даже царями и иереями Богу нашему. Посему пленник и узник духа не захочет расторгнуть свои узы или выступить из своего плена ни для какой свободы плоти, ни для какого владычества в мире, ни по какому побуждению человеческому, как бы оно ни казалось благовидным.

Сходны ли с истиной сии понятия о состоянии связанного духом, судите сами по собственным словам апостола: *ни едино*, говорит он, *попечение творю, ниже имам душу мою честну себе,* то есть не дорожу моей жизнью, *разве еже скончати течение мое с радостию, и службу, юже приях от Господа Иисуса, засвидетельствовати Евангелие благодати Божией.*

Толкование на 28-й стих 20-й главы

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

В 17 ст. сказано, что ап. Павел послал из Милита в Ефес за *пресвитерами,* а в 28 он называет их *епископами.* Но речь обращена собственно к пресвитерам, епископами же называются они по тождеству некоторых из обязанностей общих им с епископами – и обязанностей существенных, лучше выражаемых словом епископ, чем пресвитер. Это не значит, что епископы и пресвитеры не различались по своему значению, обязанностям и правам в Церкви (хотя несомненно, что не различались иногда *по названию;* ср. Феофилакта); тот же апостол строго различает их, когда присвояет только епископу власть и право рукополагать пресвитера и судить его (Тит. 1:5; 1 Тим. 5: 22–19). Слово *епископ* (надзиратель, блюститель) лучше выражает обязанности пресвитера, обозначенные образно *пасением стада* – Церкви. Под образным выражением *пасти церковь-стадо* (ср. Ин. 10:1 и дал. 21: 15–17 и парал.) и означаются обязанности пресвитеров как *учителей* веры и *управителей* вверенного им частного христианского общества (1 Тим. 5:17; 3:2; Еф. 4:11; 1 Пет. 5:2), вообще же, как надзирателей и охранителей стада от волков и всего, что вредно для стада.

Благотворные последствия и высокое значение христианской благотворительности (20:35)

Архим. Иосиф. «Духовные беседы», 1860; 9

Блаженнее есть паче даяти, нежели приимати (ст. 35).

Тяжела нищета сама по себе, с ее действительным страданием, с ее вопиющими нуждами. «Когда лишен я пищи или одежды, тогда никакая

философия не может уверить меня, что я не голоден и не наг; здесь одна вещественная помощь может облегчить мои страдания». Но не менее тяжело человеку протягивать руку для принятия подаяний. Горек чужой хлеб, — говорит народное присловие.

По одному уже этому представляется счастливой жизнь людей, которые не только избавлены от печальной необходимости обращаться к сторонней помощи в делах первых потребностей, но еще сами имеют средства оказывать вспомоществование другим. Собственное сознание их, сильнее всяких доказательств, уверяет их, что *блаженнее есть паче даяти, нежели приимати*.

Обращаясь к душе благотворителей, мы позволяем себе спросить их: что чувствовали они, когда принимали в дом свой бесприютного сироту или сами проникали в мрачное убежище нищеты; когда осушали слезы несчастной матери, не знавшей, что делать с беспомощными детьми; когда целые селения избавляли от голодной смерти; когда предлагали для сотни детей бедных классов все средства к образованию и тем заставляли их родителей благословлять их имя? Не сознавали ль вы тогда, что ваше сердце бьется как-то особенно сладостно, что все существо ваше наполняется ощущениями новыми, не имеющими ничего общего с обыденными радостями? Причины этой радости скрываются в том, что благотворительность делает вас лучшими и поставляет в лучшие отношения к ближним и к Богу.

Первое, самое понятное, влияние благотворительности состоит в том, что она делает благотворителя лучшим в нравственном отношении, благотворить ему самому, выводя его на путь благочестия христианского. Заботясь о нуждах других, жертвуя своими достатками, а иногда и необходимым, вы прежде всего приучаетесь к умеренности и самоотвержению. Отыскивая несчастных, принимая к сердцу их скорби и слезы, вы разбиваете в душе своей грубость самолюбия и размягчаете черствость сердца, делающую многих глухими к чужим воплям. Само собой разумеется, что при самоотвержении и беспристрастии к земным благам, при добродушии и мягкосердечии благотворители получают больше простора для раскрытия в себе и усиления благороднейших стремлений и возвышеннейших чувств, каковы любовь к ближнему и к Богу. Именно такой порядок действительного раскрытия в нас любви к Богу через любовь к ближним указывает опытный провозвестник любви, св. евангелист Иоанн Богослов. *Аще кто речет*, говорит он, *яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же виде Бога, Его же не виде, како может любити!* (1 Ин. 4:20). Можно усомниться даже за присутствие человеческих чувств в душе тех богачей жестоковыйных, при вратах которых могут без всякого призрения страдать и умирать несчастные бедняки, подоб-

ные евангельскому Лазарю. Какие же интересы, кроме эгоистических, какие радости, кроме животных, могут развлекать и услаждать этих бесчеловечных обладателей богатства?.. Между тем в сердце благотворителей с каждым благотворением, возвышающим их нравственное состояние, естественно открываются чувствования более и более возвышенные, более и более чистые и радостные. Доставляя внутреннее услаждение, благотворительность примиряет благотворителей с ближними, а с тем вместе возвышает их благосостояние. Кому не известно, что богатство всегда было и будет предметом зависти для людей лишенных земного счастья? Кто не знает, какими глазами смотрят бедные на высокомерных богачей, бросающих свои сокровища на удовлетворение самых ничтожных прихотей, самых пустых капризов суетного самолюбия? Итак, желалось бы, чтобы богатые поняли и всегда помнили, как глубоко пронзают они сердца бедных, думая тщеславиться своей собственностью. А между тем как немного нужно для того, чтобы успокоить недовольных и даже возбудить вместо зависти уважение, вместо скорби – радость! Благотворительность служит для богатых самым сильным оружием к поражению враждебных мыслей и расположений со стороны ближних. *Милостыня измет тя от всякого озлобления, паче щита тверда и паче копия тяжка противу врагу поборет по тебе,* сказал Премудрый (Сир. 29: 15, 16).

Подавляя нерасположение бедных и вместо него возбуждая в них искреннюю преданность и уважение, благотворители содействуют *нравственному* единению между членами общества. При таком единении никто не может опасаться за свою участь; все те, у кого есть достаток, с охотой помогают нуждающимся, надеясь вполне, что в случае несчастья им также подана будет помощь и они могут принять ее не краснея. Касательно первенствующих христиан заметил деeписатель, что у них *не бяше нищ ни един* (Деян. 4:34); отчего? оттого, что *у них бе сердце и душа едина* (ст. 32), то есть было нравственное единение. Посему-то св. апостол Павел, убеждая коринфян сделать пожертвование в пользу иерусалимских христиан, мог писать им так: *в нынешнее время ваше избыточестие восполнит их* (иерусалимских христиан) *лишение: да и онех избыток будет в ваше лишение, яко да будет равенство* (2 Кор. 8: 14, 15). Вот единственно возможное в общественном быту равенство при несходстве условий земной жизни, при различии дарований и трудов, при многочисленности и неиспытанности судеб Божиих, указывающих всякому свою дорогу и свою участь! Не отнимая законной собственности от богатых, не убивая человеческого достоинства в бедных, оно вызывает у первых участливость без надменности, у последних – благодарность без унижения; таким образом, не оскорбляя и не унижая ни одного члена общества, это христианское равенство возвышает и счастливит всех.

Как велика посему заслуга христианских благотворителей перед общим мнением человечества, перед судом истории! Недаром имена благотворителей с таким уважением передаются из рода в род. В их деятельности обнаруживается лучшая сторона человеческой природы нашей, родственно-близкая для всех, даже при несходстве племенных и религиозных отношений. Неудивительно, если высоких благотворителей история наименовала «утешением рода человеческого», «друзьями человечества». Что же должны ощущать в себе эти «друзья человечества?» Ужели их чувства должны быть менее радостны и менее чисты, нежели чувства тех, которые своей роскошью и безумной расточительностью, при совершенном невнимании к общему благу, расстраивают должные свои отношения с ближними и делаются врагами и позором человечества?...

Но самое высшее достоинство благотворительности состоит в том, что она привлекает благоволение Божие и ведет к небесному блаженству. Обыкновенным следствием пресыщения богатством бывает равнодушие ко всему, притупление всех чувств; развивается внутреннее недовольство при видимом изобилии, ощущается душевная пустота при внешнем богатстве. Наконец, приближается последний час жизни, от которого нельзя откупиться никакими сокровищами мира, и немилосердый богач слышит эти грозные слова: *безумне, в сию нощь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк. 12:20) Бедные богачи! Теперь только вы начинаете сознавать, что вы находились в заблуждении; теперь только вы можете понимать, что богатство, без милости Божией, послужило для вас источником этого тяжкого и мучительного состояния и непременно приведет вас к вечным мучениям (Иак. 5:2). Один теперь для вас исход — это благотворительность с верой в милосердие и долготерпение Божие. Воспользуйтесь остатками своей жизни и своих чувств и умоляйте Бога, чтобы Он помог вам извлечь спасение из того самого богатства, которое неминуемо вело вас к погибели. Вы потеряли спокойствие духа, когда употребляли свои сокровища на одних себя, вы найдете его, когда станете расточать их на богоугодные дела. Вы отвратили от себя лицо Божие своим отвращением от нищих, обратите теперь на них все свое внимание и возвратите четверицею тем, кого обидели своим корыстолюбием, — тогда к вам отнесутся эти утешительные слова: *днесь спасение дому сему бысть* (Лк. 19:9); тогда и к вам обратится лицо Божие. Верно и непреложно обещание Господа: *блаженимилостивии, яко тии помилованы будут* (Мф. 5:7). Но если и эта, почти вынужденная, благотворительность преклоняет Господа на милость, то что же сказать о благотворительности доброхотной, совершаемой во все продолжение жизни, взирающей на бедных, как на меньших братий Господа нашего Иисуса Христа? Она заслуживает полную любовь и благоволение Господа: *доброхотна дателя*

любит Бог (2 Кор. 9:7); мало того, она уподобляет благотворителей Самому Отцу Небесному, Который *благ* ко всем (Лк. 6:35). Подобные благотворители с дерзновением возносят свои молитвы к Богу, без смущения взирают на небо и благодушно встречают час смертный. Будущность им не страшна – туда переданы их сокровища через посредство нищих: *милуяй нища взаим дает Богови* (Притч. 19:17). В загробной жизни их ожидает полная награда за все те благотворения, которыми они на земле *благоугождали* Господу (Евр. 13:16).

Таким образом, христианская благотворительность, делая человека лучшим в нравственном отношении и поставляя его в лучшие, определенные Законом Божиим, отношения к ближним и к Богу, служит надежным средством к достижению земного счастья и небесного блаженства.

О том же

Филарет, митрополит Московский, т. 4

Господь *Сам рече: блаженнее есть паче даяти, нежели приимати* (Деян. 20:35). Когда томимому голодом дают пищу или дрожащему от холода – теплую одежду, не чувствует ли он себя на то время счастливым? Но Господь уверяет нас, что в то же время блаженнее тот, кто дает. Где можно найти сие блаженство? В боголюбивом и человеколюбивом сердце. В чем состоит сие блаженство? В чувстве делаемого и сделанного добра, в свидетельстве совести о исполнении в нас воли Божией, в радости о ближнем нами обрадованном. Человек, сохраняя в себе, хотя не в совершенстве, образ всеблагого Бога, по которому сотворен, радуется о всем добром и тогда, когда только слышит о нем, посему естественно блаженствовать ему, когда делает оное.

Сверх сего внутреннего блаженства Слово Божие усвояет человеку благотворительному еще благополучие, устрояемое особенным Провидением Божиим. *В день лют избавит его Господь. Господь сохранит его.* Мы не можем ясно видеть, какими средствами достигает сего Провидение, потому что не можем следить за ним по всем путям Его, но что достигает верно и чудно, то видим в опытах, особенно ясных в Священной истории.

Авраам сражается за бедствующих, избавляет пленников бескорыстно, человеколюбиво приемлет странников – и Провидение всегда хранит его богатым и сильным, всегда избавляет от опасностей, и он удостоивается, без сомнения, блаженного Божия посещения, по замечанию апостола, именно за свое *страннолюбие* (Евр. 13:2).

Иов, по благотворительности, был *око слепым, нога хромым, отец немощным* (Иов. 29: 15, 16). И хотя на него самого, после богатства и славы, попущен был *лютый день* нищеты, лишения детей, болезни, оскорбления, уничижения, но Господь, избавив его, *благослови последняя Иовля паче, неже*

первая (Иов. 42:12); *и даде Господь сугубая, елика бяху прежде Иову во усугубление* (Иов. 42:10).

Товит *милостыни многи творит братии* своей (Тов. 1:3), *хлебы дает алчущим и одеяние нагим, погребает* бедственно умерших (Тов. 1:17) и за сие от врагов своего народа подвергается разграблению имения и опасности жизни. Освободясь от опасности, дерзает на прежний подвиг и по нечаянному случаю, бывшему следствием сего подвига, лишается зрения и впадает в нищету. Где же обещанное благотворящему Словом Божиим *избавление в день лют*? Оно несколько медлит, для того чтобы явиться тем более чудным. Ангел Рафаил руководствует сына Товитова, доставляет ему счастливое супружество, богатство, средство для возвращения отцу зрения и событиями больше, нежели словами, учит Товита, Едну, Товию — и нас, что *благо молитва с постом и милостынею и правдою;* что *добро творити милостыню, нежели сокровищствовати злато* (Тов. 12:8).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 20-й ГЛАВЕ

1) *Иером. Григорий.* Путешествие св. ап. Павла из Ефеса в Элладу и обратно, его речь к ефесским предстоятелям и возвращение в Иерусалим. «Богослов. Вестн.», 1892; прилож., ноябр., дек.

2) *Прот. Михайловский.* Св. ап. Павел. Новое путешествие в Грецию. Второе Послание к Коринфянам. Римская Церковь и послание к Римлянам. Пятое и последнее путешествие в Иерусалим. Прощание с ефесскими пастырями.

3) О том же, *прот. Горского.* Еванг. история и история апостольской Церкви.

4) О том же, *Иннокентия, архиеп. Херсон.* Жизнь св. ап. Павла. Сочин., т. 9.

5) *Фаррар.* Последнее путешествие в Иерусалим. Жизнь и труды св. ап. Павла, 2.

6) Чтение о св. ап. Павле: последнее путешествие в Иерусалим. «В. чт.», 1873, 2.

7) Ст. 2. Греция. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 2.

8) Ст. 9. Евтихий. Там же.

9) Ст. 14. Митилена. Б. п. сл. «В. чт.», 1876, 2.

10) Ст. 15. Милет. Там же. Самос. Б. п. сл. «В. чт.», 1877, 2.

11) Ст. 16–18. 28–36 *Евсевий, архиеп. Могил.* Беседы на воскр. и праздничные чтения из Апостола, ч. 1.

12) *Свящ. И. Люцернов.* Богослужебное возжжение свечей. «В. чт.», 1872, 2.

13) Ст. 17–38. *Сольский.* Прощальная беседа ап. Павла с ефесскими пастырями. «Руков. для с. п.», 1869, 2.

14) О том же, *Ранинского* в ст. Пастыреначальник Господь И. Х. и Его апостолы. «Стран.», 1890, 3.

15) Ст. 20–25. *Еп. Христофор.* Прощание с вологодской паствою. «Дух. бес.», 1867, 1.

16) О трудности служения пастырей Церкви. «Духов. бес.», 1859, 7.

17) *Митропольский.* Начало ересей в Церкви Христовой. «Прав. об.», 1861, 6.

18) Ст. 28. Епископ. Б. п. сл. «В. чт.», 1875, 1.

19) Ст. 29–30. *Прот. Велецкий.* Исполнение слов св. ап. Павла в судьбах Церкви Христовой. «Духов. бес.», 1867, 1.

20) Ст. 35. *Прот. Бажанов.* Слова и речи. СПб., 1838.

ГЛАВА 21

Путешествие от Милита до Иерусалима (21: 1–16)

«Воскресное чтение», 20

Простившись с ефесскими пастырями, апостол Павел взошел в корабль и отправился вместе со своими спутниками, между которым и был и дееписатель, по направлению к Иерусалиму. Мимо островов *Кос и Родос* скоро прибыли они в *Патару* (большой приморский торговый город малоазийской провинции Лики) и здесь пересели на один купеческий корабль, шедший в Финикию. Этот корабль доставил их в *Тир*, где апостол, нашедши христиан, пробыл среди них семь дней и от некоторых из них получил новое откровение Духа Божия, что в Иерусалиме ждут его узы скорби. Из Тира, через *Птолемаиду* (приморский город в пределах Палестины), апостол и его спутники отплыли и прибыли в *Кесарию*, и здесь в доме благовестника Филиппа, одного из семи диаконов, пробыли они многие дни. В это время пришел в *Кесарию* из Иудеи пророк Агав (11: 28–29) и символическим действием связания себе рук и ног поясом Павловым предсказал, что так свяжут апостола в Иерусалиме иудеи и предадут в руки язычников. Это вызвало общую мольбу кесарийских христиан к апостолу, чтобы он не ходил в Иерусалим, Но Павел сказал на это, что он хочет не только быть узником, но готов умереть за имя Христово, и к празднику Пятидесятницы прибыл в *Иерусалим.*

Примечание к ст. 8–10: В означенных стихах 21 гл. кн. Деяний в числе богодухновенных пророчиц упоминаются четыре дочери Филиппа – одного из 70 апостолов. Ев. Лука говорит, что все они имели дар пророчества и оставались в состоянии девственном, посвятив себя на служение Богу. Они-то первые, после Матери Господней, показали пример девственниц в христианстве и своим непорочным поведением приобрели такое уважение, что, по свидетельству блж. Иеронима, долгое время верующие с благоговением посещали четыре храмины, в коих жили сии девственницы. Ап. Павел, на возвратном пути из Ахаии в Иерусалим, посетил также их жилище во время продолжительного пребывания своего в доме отца их Филиппа, в городе Кесарии. Об этих св. девах сообщают нам, сверх того, некоторые сведения Евсевий и Созомен. Две из них впоследствии поселились в Иераполе, а одна, по сказанию Климента Александрийского, жила в Ефесе, где совершала чудеса и отличалась святостью жизни. Сказание сие относится к старшей из четырех сестер, называемой *Ермиониею.* По сохранившемуся преданию она имела дар врачевания и подавала исцеление немощным христианам, а потом учредила в Ефесе гостини-

цу и там оказывала безмездное пособие страдавшим телесно и душевно. В царствование императора Адриана она за исповедание веры Христовой, уже в преклонных летах, подверглась разнообразным истязаниям и претерпела страшные мучения от язычников. Наконец, когда по молитве ее пали и сокрушились идолы в одном капище, мучители отсекли ей голову мечом. Благочестивые христиане взяли святые мощи ее и погребли с подобающей честью в Ефесе. Церковь вспоминает о ней в 4 день сентября.

IV. Заключение апостола Павла в узы и перенесение евангельской проповеди в Рим (21:16 – 28). Последнее пребывание апостола Павла в Иерусалиме (21:16 – 24)

Исполнение обета назорейства, возмущение народа и узы Павла (21:16 – 22:22)

«Воскресное чтение», 1873, ч. 2

Ст. 16–20. Из Кесарии ап. Павел вместе со своими спутниками и некоторыми кесарийскими христианами отправился в Иерусалим. Историк говорит (Деян. 21:16), что Павел со своими спутниками поселился в Иерусалиме у некоего Мнасона, родом кипрянина, но жившего в Иерусалиме. «По прибытии нашем в Иерусалим, – продолжает историк, — братия радушно приняли нас. На другой день Павел пришел с нами к Иакову, пришли и все пресвитеры» (21: 17, 18). Где происходило собрание, мы не знаем, потому что предание не оставило точных указаний на это. Но заметим, что рассказ свидетельствует о теснейшем братском единении между апостолом и пресвитерами иерусалимскими. «Приветствовав их, Павел рассказал им подробно, что сотворил Бог у язычников служением его, они же, выслушав, прославили Бога» (21: 19–20).

Ст. 20-29. Но этот радушный прием, радость и благодарение Богу за труды Павла наводят на довольно страшный вопрос, который и был предложен апостолу обществом. «Ты видишь, – говорили ему, — сколько тысяч уверовавших иудеев, и (между тем) все они ревнители закона» (21:20), все убеждены, что обращение к Евангелию не обязывает иудеев по рождению к отмене формальности и обрядов предписанных законом. «А о тебе наслышались они, что ты всех иудеев, живущих между язычниками, учишь отступлению от Моисея, говоря, чтобы не обрезывали детей своих и не

поступали по обычаям» (Моисеевым) (21:21). В этом выражении есть доля правды, но есть и ошибочный взгляд. С одной стороны, Павел считал царство закона кончившимся и тем из иудеев, которые были способны и склонны возвыситься до такого понятия, советовал жить вполне по Евангелию. Но с другой — снисходя к «слабым», он признавал за ними право соблюдать некоторые обряды, а «сильных» убеждал не соблазнять слабых равнодушным нарушением требований закона. Иерусалимские пресвитеры лучше всех верующих вообще знакомы были с такими воззрениями Павла. Им казалось, что лучше и скорее всего можно уничтожить недоразумение и недоверие, когда сам Павел исполнит публично один из тех обычаев, в уничтожении которых его обвиняли. «Сделай же, что мы скажем тебе: есть у нас четыре человека, имеющие на себе обет. Взяв их, очистись с ними и возьми на себя издержки на жертву за них, чтобы остригли себе голову, а равно и ты с ними в законе обета» (23–24). Итак, здесь идет речь о том же обете, который, как мы видели, Павел добровольно исполнил в Греции. Не без удивления видим, что Павел без сопротивления действует согласно с убеждениями христиан, действует, конечно, не против сознания, а по слишком расчетливому снисхождению к слабым, считая обязанностью не соблазнять их. Чтобы вернее судить об этом, нужно знать и силу убеждений, которым он, по-видимому, уступил, и тогдашнее состояние Церкви. Из немногого рассказанного нами заметно, что пресвитеры чувствовали страх при мысли, что народ напрасно соберется, узнав о прибытии Павла в Иерусалим (22). Этот народ, конечно, христиане, но проникнутые иудейскими понятиями и убежденные, что Церковь Иерусалимская есть главная хранительница древнего закона. Между ними были и настоящие иудеи, но склонные к христианству, которых не следовало отталкивать. Подобное положение не ставило ли в затруднение пресвитеров Церкви? И не должны ли они убеждать апостола сберечь готовых принять Евангелие? Да и сам он после всего, что сделал для поддержания единения церквей, после сбора милостыни, которым он надеялся сгладить разность их и который дал блистательные результаты, мог ли теперь отвергнуть желание пресвитеров без опасения уничтожить труд свой? Итак, Павел согласился с убеждениями иерусалимских пресвитеров. Обет назорейства, по закону, продолжался тридцать дней, но срок его мог быть уменьшен и до семи дней. Когда приходил к концу срок обета четырех человек указанных пресвитером, Павел начал свой обет и отправился с ними в храм, чтобы назначить время, «когда должно быть принесено за каждого из них приношение» (26). Но в один из последних дней он был узнан в храме некоторыми малоазийскими иудеями, вероятно, пришедшими на праздник Пятидесятницы и с завистью смотревшими на успехи апостола в этой стране. Они «возмутили весь народ и наложили на него руки, крича: мужи израильские! помоги-

те: этот человек всех повсюду учит против народа, и закона, и места сего; притом и эллинов ввел в храм и осквернил святое место сие» (27-28). Последнее обвинение ложно и основывалось единственно на том предположении, что Павел, приведя с собою в Иерусалим Трифона ефесского, непременно введет его и во храм, то есть во внутреннюю часть храма, куда язычникам запрещалось входить, как гласила надпись при входе. Запрещение было безусловное, и иудеи утверждали, что имеют право убить всякого язычника, даже и римлянина, нарушившего его. Кажется, и римская власть, не желая оскорблять религиозного чувства покоренных народов, готова была серьезно защищать неприкосновенность храма. Таким образом, по понятию иудеев, Павел совершил важное преступление, вводя во храм, как предполагали иудеи, христианина ефесского, обратившегося из язычества и в глазах их не переставшего быть язычником. Их особенно раздражала и оскорбляла мысль, что человек, поколебавший закон в иудейских колониях, хочет теперь осквернить святыню храма, вводя туда язычника. Понятно, что такое обвинение взволновало толпу. Будучи христианином, подобно многим иерусалимским христианам, сам Павел не подвергся бы насилию, войдя в храм: иудействующие формы прикрывали несогласие между Евангелием и законом. Прошло почти двадцать лет после волнения произведенного первым возвращением Павла в Иерусалим из Дамаска; теперь народ не знал ни его, ни его истории, ибо удивлялся, слыша его говорящим по-еврейски. Но обвинения со стороны малоазийских иудеев было более чем достаточно, чтобы произвести сильное возмущение.

Ст. 30-22:2. Из внутренней части храма, где схватили Павла, волнение быстро распространилось к наружным частям, и вновь подоспевшая толпа помогла вытащить его к внешнему преддверию храма. Был ли Павел один против всех? Историк говорит, что иудеи хотели убить его вне храма, а это показывает, что они встретили какое-нибудь препятствие или со стороны бывших с ним друзей, или от других, более сострадательных, иудеев, не допустивших исполнения замысла. Волнение усилилось, когда прибыл с несколькими воинами и сотниками тысяченачальник, заведовавший караулом подле самого храма, в крепости Антонии*. При виде воинов иудеи «перестали бить Павла», но тысяченачальник, освободив его из их рук,

* Прокуратор Иудеи, особенно после Агриппы I, жил обыкновенно в Кесарии — городе, богатом статуями, враждебном иудеям и во всем противоположном Иерусалиму. Представителем же римской власти в Иерусалиме, в отсутствие прокуратора, был тысяченачальник — трибун римской когорты, живший с гарнизоном в крепости Антонии, на северо-западной стороне храма. В то время, о котором идет речь, тысяченачальником был Лизий, грек или сириянин по происхождению, который по протекции купил за дорогую цену у имп. Клавдия звание римского гражданина и потому называвшийся Лизий Клавдий.

«велел сковать его двумя цепями» и потом «спрашивал: кто он и что сделал?» Вот следы римской политики, которая, из угождения народу, сначала сковала апостола, а потом допрашивает, сообразуясь с народным криком. То же самое было двадцать пять лет тому назад – при Пилате. Но расспрашивать в первые минуты было невозможно. «В народе одни кричали одно, другие – другое» (21:34), и, вероятно, очень немногие могли с точностью сказать, в чем обвиняли Павла. Тысяченачальник, «не могши, по причине смятения, узнать ничего верного, повелел вести его в крепость» (21:34). Но толпа могла подумать, что его хотят освободить, а потому бросилась за воинами по ступенькам крепостной лестницы. Слышался ропот и крик, требовавший смерти; воины, ведшие Павла, должны были нести его, потому ли что цепи мешали ему идти скоро или он не хотел ускорить шагов ввиду возмущения. Несмотря на волнение, Павел остался совершенно спокоен. Взойдя на лестницу, перед дверями крепости он просил у тысяченачальника позволения говорить к народу. «Горе мне, если я не благовествую», – писал он коринфянам; и вот теперь в нескольких шагах от храма, на этой лестнице, внизу которой волновалась яростная толпа, Бог устроил ему, так сказать, новую кафедру, с которой должно раздаться его слово, тем более красноречивое и свободное, что его руки были скованы.

Тысяченачальник согласился на просьбу Павла.

Он вообразил, что ему удалось захватить некоторого египетского иудея, который незадолго перед тем произвел волнение. Своими ложными пророчествами он привлек иудеев на Масличную гору, откуда обещал показать им чудесное зрелище – падение городской стены. Отсюда с четырьмя тысячами иудеев он прошел всю страну, всюду доводя свой фанатизм до разбоя. Правителю страны Феликсу удалось захватить их, но предводитель их успел убежать. Стоя наверху лестницы, Павел подал знак, что хочет говорить. Толпа смолкла. «Услышав же, что он заговорил с ними на еврейском языке (то есть на сирохалдейском), они еще более утихли» (22:2), может быть, потому, что этот язык был им более понятен, а может и потому, что они через это увидели в нем соотечественника и тем самым были уже расположены оправдать его, ибо прежде не считали его асийским иудеем.

ГЛАВА 22

Речь апостола Павла к народу (22: 3–23)

«Воскресное чтение», 1873, т. 2

Сначала Павел заявил, что он по рождению иудей, воспитался при ногах Гамалиила, проникся ревностью по Боге своих отцов, «как и все вы ныне», что, конечно, принято ими за похвалу, по крайней мере, тон слов апосто-

ла не обнаруживал скрытой в них горечи. Далее он рассказывает, как он боролся с новым обществом христиан и каким чудом обратился он из гонителя в христианина. В начале истории Павла мы уже касались этого события и теперь не будем повторять его. Заметим только, что настоящий рассказ отличается от двух других о том же предмете тем, что придает особенную важность словам Анании, известное и уважаемое имя которого могло иметь значение в глазах этого народа. К рассказу о своем обращении Павел присоединяет и рассказ о бывшем ему видении в храме спустя несколько дней после того, как он, уже обращенный, возвратился в Иерусалим. Рассказ этот был очень уместен и прямо шел к цели. Апостол хотел им показать, что подобная перемена в человеке явно указывает на перст Божий. Впрочем, он прямо не говорит этого и даже удивляется, что прошло 20 лет и люди не выводят этого заключения (19). Очевидно, что рассказ о событии, случившемся 20 лет назад и повторяющемся теперь с таким сходством, должен иметь особенное значение для тех, которые хотели возобновить прежнее неверие, но он слабо подействовал на толпу, как видел это апостол. Впрочем, его не прерывали. Но когда, продолжая рассказ, Павел прибавил, что Господь повторил приказание идти и объявил ему, что по причине ожесточения иудеев, Он пошлет его к язычникам – тогда в толпе снова раздались крики и голоса, требовавшие смерти Павла. Величайшим преступлением в их глазах была высказанная Павлом мысль, что Бог оставляет иудеев. К странному предположению иудеев, что Бог не может оставить их, присоединился в настоящую минуту другой, не менее странный факт: они обращаются к язычнику с требованием наказать Павла, сказавшего, что Бог послал его к язычникам. Они кричали: «Истреби от земли такого, ибо ему не должно жить». Крича это, они метали одежды и бросали пыль на воздух (22–23), чтобы тем усилить выражение ненависти к человеку находящемуся вне их власти.

Распоряжение о бичевании Павла и отмена его (22: 24–30). Желая положить конец неистовству толпы, тысяченачальник велел вести Павла в крепость. Но он ничего не понял из всей этой сцены, не понял и речи Павла, по незнанию языка или по трудности их, и, считая излишним спросить его об этом кротко, он приказал бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него (24). Когда Павла уже связали, чтобы исполнить приказание, он обратился к стоявшему близко сотнику и сказал: «Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?» (25). Сотник тотчас донес об этом тысяченачальнику, говоря: «Смотри, что ты хочешь делать? этот человек – римский гражданин». Тысяченачальник подошел к Павлу и спросил: «Ты римский гражданин?» «Да», – отвечал Павел. «Я за большие деньги приобрел это гражданство», – сказал тысяченачальник (28). «А я, – отвечал Павел, – и родился в нем» (28). Услыхав это, все, как и в Филиппах,

испугались, а равно и тысяченачальник, давший приказание, которого воины едва не исполнили. Вероятно, он освободил бы пленника, если бы не страшился мысли нарушить тем общественное спокойствие, и потому, принужденный уважать данные римлянами права народа иудейского, он приказал собраться на другой день Синедриону и привести туда Павла.

Распоряжение о бичевании Павла и отмена его (22: 24–30)

Фаррар. «Жизнь и труды апостола Павла», т. 2

В сильном возбуждении римский начальник велел отвести узника в крепость, «приказав бичевать его, чтобы узнать, по какой причине так кричали против него». Солдаты крепко связали ему обе руки вместе, обнажили спину, нагнули немного вперед и поставили в положение удобное для этого ужасного и нередко рокового допроса посредством пытки, которому невдалеке от этого места подвергался Господь Иисус Христос. Три раза прежде этого случая перенес св. Павел на своей страдальческой спине удары розог римских ликторов, пять раз испытал наказание еврейскими клещами; это была еще новая форма страданий – кнут, который римляне употребляли для того, чтобы пыткой добиться до истины. Но апостол, при своем постоянном самообладании, задал вопрос, который не мог не обратить внимания воинов и их начальников, потому что предложен был среди опасности с таким спокойным духом. «Разве вам позволено бичевать римского гражданина, да и без суда?» — спросил их страдалец. Вопрос этот обращен был к центуриону, который стоял тут, чтобы пытка производилась законным образом, и был поражен таким воззванием. Само собой разумеется, что это не было простым хвастовством: никто не станет выдумывать для себя привилегий для избежания наказания или опасности. Немногие решились бы при каких-нибудь обстоятельствах прибегать к присвоению себе звания римского гражданина, говоря: Civis Romanus sum (я римский гражданин), потому что наказанием за такую ложь была смертная казнь, а притом центурион видел, каков был узник, и был уверен, что от такого человека ожидать лжи для избежания пыток невозможно. Он приказал воинам остановиться, пошел к главному начальнику и сказал с некоторой свойственной римлянам грубостью: «Смотри, что ты хочешь делать? Этот человек — римский гражданин». Заявление было важно. Если узник действительно римлянин, то хилиарх (тысяченачальник) дважды нарушил закон, который должен был охранять: потому что связал его и, в явное нарушение особого Августова декрета, дал приказание начать допрос пыткой. Поспешив к узнику, он спросил его: «Скажи мне, ты — римский гражданин?» «Да», — ответствовал св. Павел.

Но Лизий, поглядев на него, не мог подавить в себе сомнений. Он сам был грек или сириец, купивший себе вольность, с присвоением имени Клавдия, в то время, когда привилегии раздавались щедрой рукой. Был ли апостол римским гражданином или нет, но ясно, что он происходил из евреев и еще яснее — что принадлежал к числу бедняков; каким же образом он мог получить вольность?

«Я за большие деньги приобрел это гражданство», — с тоном сомнения заметил Лизий.

«А я и родился в нем», — спокойно ответил св. Павел.

Против такого заявления говорить было нечего. Апостолу развязали руки, и воины унесли орудия пытки. Но Лизий не мог не опасаться последствий своего противозаконного поступка. Стараясь сбыть с рук это неловкое дело в городе, где всякие пустяки вели к страшным последствиям, он сказал главным священникам, чтобы на следующий день составили собрание Синедриона для суждения узника.

ГЛАВА 23

Апостол Павел на суде пред первосвященником и Синедрионом (23: 1–5)

«Воскресное чтение», 1873, т. 2

Хотя возмущение было делом толпы, однако Синедрион не показал в отношении его ни особенной снисходительности, ни правосудия. Лишь только Павел открыл уста, объявляя, что он «жил пред Богом всею доброю совестию», как первосвященник Анания приказал бить его по устам, что служило, как кажется, обычным наказанием богохулителям. Для апостола легче было перенесть осуждение на смерть, чем такое грубое и бесчестное насилие. «Бог будет бить тебя (самого), стена подбеленная! — сказал он. — Ты сидишь, чтобы судить по закону, и вопреки закону велишь бить меня» (23:3). При сих словах некоторые закричали на него: «Первосвященника Божия поносишь?» Павел отвечал на это: «Я не знал, братия, что он первосвященник, ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь» (5).

Читая этот рассказ и принимая его за достоверный, некоторые обвиняют Павла сначала в грубом насилии, с каким он обращается к первосвященнику, потом — в хитрости и даже во лжи, когда он объявил, что не знал первосвященника. Другие же, желая оправдать его, прибегают к доказательствам иногда очень странным. Разберем сначала, насколько основательны обвинения первых.

Во-первых, на чем основано обвинение в насилии? Единственно на том, что Иисус Христос, Которого также ударили в лицо, не говорил так, как

Павел. Но если мы захотим осуждать всякого, кто не владеет таким же терпением, как Спаситель, то кого мы оправдаем? Кроме того, и самое сравнение не вполне точно: Иисус Христос во время Своих страданий получил удары по лицу, но не по приказанию Своих судей. Если бы они даны были по приказанию Каиафы, то Спаситель, может быть, что-нибудь и сказал ему на это неприличное забвение своего первосвященнического достоинства и обязанностей судьи. Выражение «стена подбеленная» не тождественно ли с выражением Спасителя «крашеные гробы»?

Возражают, что Павел сам признал себя виновным, говоря: «Я не знал, что он первосвященник». Если Павел извиняется, значит, признает себя виновным. Но в чем? В том, что говорил так первосвященнику? Нет. Он отвечает только, что не знал, что говорит с начальствующим в народе своем. Значит, он не берет своих слов и, в сущности, усиливает вину, потому что дает понять, что он замолчал бы из уважения к достоинству первосвященника, но не изменяет своего мнения о его поведении.

Но, говорят еще, искреннее ли это извинение? Мог ли Павел не узнать первосвященника по его костюму, по месту, которое он занимал как председатель Синедриона? Ответ на это находится в самом возражении. Если Анания председательствовал в собрании в одежде первосвященника и сидел на своем обычном месте — против обвиняемого, то извинение было бы ложью, но и явной нелепостью, в чем, однако, его не обличили. Следовательно, необходимо предположить какое-нибудь не известное нам обстоятельство, объясняющее ошибку и оправдывающее извинение.

В рассказе, вероятно, опущено это обстоятельство, как и другие подробности. Автор, по обыкновению, указывает только выдающиеся черты и мало заботится о пропусках. Так, мы видим в рассказе только начало заседания, отмеченное упомянутым случаем, и затем — конец его, без всякого указания промежуточных действий.

О том же

Фаррар. «Жизнь и труды апостола Павла», т. 2

Синедрион собрался в полном числе членов. Президентом (Nasi), по обычаю, был первосвященник. После предварительных вопросов св. Павел, устремив взор на Синедрион, начал свою защиту словами: «Мужи братия! Я всею доброю совестию жил пред Богом до сего дня». Что-нибудь в этих словах в особенности неприятно было первосвященнику. Может быть, ему не нравилось употребление слова «братия», которое можно допустить только с равными, тогда как он ожидал бесчисленных выражений рабской покорности, так как эти последние шли гораздо более к положению узника перед собранием мудрецов. Но св. Павел был не человек низкого

сословия, а равви. Легко может статься, что он употребил слово «братия» вместо «отцы» намеренно, потому что сам был некогда членом Синедриона. Еще более могли раздражить первоприсутствующего смелые суждения невинного человека, ибо, хотя и с прискорбием, но первосвященник должен был сознавать в душе, что его общественную жизнь нельзя назвать добросовестной перед Богом или перед людьми. Первосвященником же в то время был Анания, сын Небедоея, возведенный в это звание Иродом халкидским. По характеру и образу жизни это был самый развращенный из саддукеев самого худшего периода иудейских иерархов. История передает об его неразумном мщении самарянам и о далеко не благородных средствах употребленных им для избежания последствий участия в произведенных при этом убийствах. Талмуд для довершения картины прибавляет, что Анания был грабитель-тиран, который своей ненасытной алчностью довел до нищеты низших священников, обсчитывая их в десятинах, и что он посылал своих любимцев с дубинами выбивать десятины силой. Но Анания держался в этом звании в течение такого периода времени, который по тем временам был необычайно продолжителен. Срок этот прерывался только временным отсутствием, когда Анания в виде узника отослан был в Рим для ответа. Но при этом случае, благодаря заступничеству какого-то актера и наложницы, по-видимому, выиграл дело, однако же, почти вслед за тем был низложен для предоставления этого звания Измаилу Бен Фаби, и немногие пожалели о нем, когда он был вытащен из водосточной трубы, в которой скрывался, и погиб под кинжалом сикариев, которым покровительствовал и которыми руководил сам в дни своего благоденства.

Поведение его в отношении св. Павла представляет образчик его характера. Едва только апостол высказал первые слова, как Анания с явным пренебрежением ко всякой законности «стоявшим пред ним приказал бить его по устам». Возмущенный таким явным оскорблением, св. Павел, несмотря на свое обычное смирение, вспыхнул сильным гневом. Нет между людьми такого совершенного характера, который бы, при всем великодушии и снисходительности, не носил в себе зародыша негодования к невыносимой неправде. Чувствуя жестокую боль от удара, св. Павел воскликнул: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная! Ты сидишь, чтобы судить по закону, и вопреки закону велишь бить меня». Приводя это выражение, блж. Иероним задается вопросом: где же то терпение Спасителя, Который, будучи ведом, как агнец, на заклание, не отверзает уст Своих и так кротко спрашивает ударившего: если Я сказал худо, покажи, что худо, а если хорошо – что ты бьешь Меня! Но кто же осмелится произнести осуждение на действие апостола, сравнивая самообладание человеческое с самообладанием Богочеловека, Который, страдая телом, стоял превыше всякой плотской неправды и человеческой слабости. Но мы считаем

необходимым привести на память читателям, что не один раз Сам Господь Иисус Христос, обличая лицемерие и дерзость, давал полную свободу Своему праведному гневу. Присутствующие были, по-видимому, поражены смелостью возражения св. Павла, потому что спросили его: «Первосвященника Божия поносишь?» «Я не знал, братия, что он первосвященник», — и прибавил, что если бы ему это было известно, то он не назвал бы его «стеной подбеленною», ибо ему ведомо Писание: «начальствующего в народе твоем не злословь».

Может показаться удивительным неведение св. Павла о том, что Анания был первосвященником, и нет повода объяснить причину произнесенного им же жесткого слова тем, что апостол не придавал никакого значения первосвященству Анании, который был первосвященником только по имени, или тем, что говорил в эту минуту, осуждая в нем человека, а не первосвященника, или не признавал первосвященником человека допустившего себе такую противозаконную дерзость. Но, принимая во внимание бесславие и ничтожество, в которые повергнуто было первосвященство людьми добивавшимися хотя на короткое время занять первосвященническое седалище; принимая во внимание, что некоторые из них носили шелковые перчатки, чтобы не замарать рук в жертвенной крови; принимая во внимание, что римляне и ироды постоянно меняли их, возводя в это звание одного и смещая другого по своему произволу, а народ признавал первосвященство как за настоящими первосвященниками, так и за смещенными, так что в одно и то же время бывало по нескольку первосвященников; принимая во внимание, что таким образом первосвященство этих беспрестанно менявшихся саддукеев стало призраком того, что понималось некогда под этим словом и что во мнении народа перенесено было на более знаменитых раввинов, становится весьма понятным, что св. Павел, после продолжительного отсутствия в Иерусалиме, в течение нескольких и притом деловых дней не принял на себя труда узнать, носил ли какой Камит, или потомок Воифы, или Канферы звание первосвященника. Ему известно было, что первосвященник был Нази Синедриона, но среди многочисленного собрания апостол мог не расслышать, кто именно произнес оскорбительное приказание.

О том же (23: 4–5)

Еп. Михаил. «Толковый Апостол»

Первосвященника Божия поносишь — оскорбление первосвященника, по мнению книжников иудейских, было оскорблением Самого Бога, или, по крайней мере, считалось тяжким преступлением, как нарушение того закона, на который далее указывает сам Павел. *Я не знал, что он первосвященник* — в

предположении, что апостол не мог не знать лично иерусалимского первосвященника, и если бы прежде не знал, то тут же, в Синедрионе, мог узнать, что это первосвященник, составлено несколько толкований на эти слова апостола, но, кажется, нет никакой настоятельной нужды отступать от буквального объяснения и должно признавать вместе со святым Златоустом (ср. Феофил), что апостол действительно не знал, что это именно первосвященник. Если бы продолжал править тот первосвященник, который правил, когда Савл брал письма от него в Дамаск для преследования христиан, то, конечно, он не мог не знать его лично; но это был другой первосвященник, который вступил в должность гораздо после обращения Савла (около 48 года по Рождестве Христовом), когда Павел совершал свои великие путешествия к язычникам. Правда Павел с того времени бывал в Иерусалиме, и не раз, но все же мог не знать лично тамошнего иудейского первосвященника; могло не быть у него ни побуждений, ни интересов узнавать его лично; он мог слышать о его характере и деятельности и не знать лично. Мог не узнать его и в самом собрании Синедриона: по одежде можно было узнать первосвященника лишь при храмовом богослужении, а здесь он был, вероятно, в обычной одежде, по которой нельзя было отличить его от других. По председательствованию в Синедрионе также можно было не узнать первосвященника, потому что в собраниях Синедриона председательство не было необходимой принадлежностью первосвященника; у Синедриона было право выбирать себе председателя, и апостол тем более мог не предполагать в председателе этого собрания первосвященника, что собрание назначено было по унизительному приказанию римского полкового начальника. Таким образом, очень может быть, что Павел не знал лично и не узнал в председателе первосвященника Ананию, а если сам он прямо говорит о сем и как бы с извинением (братия), то можно почесть за несомненное, что действительно не знал. *Ибо написано:* то есть если бы я знал, что это первосвященник, я не сказал бы того, что сказал, ибо написано, что начальствующего в народе твоем злословить не должно (Исх. 22:28; по 70). Собственно, в словах апостола к первосвященнику злословия нет, но другим они могли показаться (и показались) злословием, и потому апостол оговаривается, что он не сказал бы этих слов, если бы знал, что то был первосвященник; впрочем, сказанного слова, как справедливого, мудрый апостол не берет назад.

О том же

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Соч., т. 9. «Воскресное чтение», 1873, т. 2

«Братия! – воскликнул Павел. – Я со всею чистотою совести жил пред Богом даже до сего дня!» Сей голос искренности мог тронуть всякого, но

в собрании не было сердец способных внимать ему. Первосвященник Анания первый почел слова сии выражением дерзости и приказал Павла бить по устам. Столь явная несправедливость исторгла из сих кротких уст строгий упрек: «Бог будет бить тебя, стена подбеленная (лицемер)! Ты сидишь, дабы судить меня по закону, а вопреки закону велишь бить меня!» Предстоящие изумились: Анания был первосвященник, а Павел назвал его подбеленной стеной! «Как! – возразили некоторые. – Ты злословишь первосвященника Божия!» «Я не знал, братия, – отвечал Павел, – что он первосвященник, ибо в Писании сказано: начальствующего в народе твоем не злословь» (Исх. 22:28). Таковой ответ совсем не был хитрым оборотом, как представляют его себе*. Прежний первосвященник, известный Павлу, или уже не был в живых, или давно перестал быть первосвященником. Корыстолюбие римских правителей часто переменяло преемников Аароновых: иногда в продолжение одного года являлось их по два и более. Таковые перемены апостолу, удаленному от Иерусалима, могли быть вовсе не известны. Одежда первосвященника отличала его от прочих только в храме. А потому весьма возможно, что Павел не знал о первосвященстве Анании. Но жестокие укоризны против судьи вообще приличны ли подсудимому христианину, апостолу? Возражение сие казалось столь сильным даже некоторым отцам Церкви, что они признавали на сей случай в Павле неуместный порыв оскорбленного сердца. Напрасно! Должно думать, что Павел поступил в сем случае не как обыкновенный человек, а как посланник Божий; а известно, что пророки имели право обличать всех в преступлениях (3 Цар. 18:18; 4 Цар. 3:13; Ис. 1: 10–23; Иез. 21:25). Опыт показал, что его укоризна действительно произнесена была в пророческом духе, ибо впоследствии, когда возмутители, под предводительством Менахема, овладели Иерусалимом, Анания, скрывшийся в водопроводе, был пойман и умерщвлен вместе с братом своим Гизкиею. Иисус Христос заповедал, чтобы последователи Его готовы были подставить правую ланиту, когда ударяют их в левую (Мф. 5:39); но сим требует Он от них только удаления от мщения, а не такого молчания, коим питается дерзость людей нечестивых. Павел вернее всякого исполнял волю Иисуса Христа в сем отношении, ибо он сам говорил о себе: «Зло-

---

* Так, многие Camerarius, Thiessius, Heinrichsius полагали, что слова Павловы я *не знал, что он первосвященник,* суть ирония и заключают в себе следующую мысль: он поступает не так, как должно первосвященнику. Другие находили в них другой смысл: я не признаю первосвященником того, кто достиг первосвященства беззаконным образом. Но в том и другом случае Павлу надлежало бы сказать не οὐκ ᾔδειν, а οὐκ οἶδα τοῦτον ἀρχιερεία. Притом таковым ответом апостол еще более раздражил бы против себя своих судей, чего он, как показывают все слова его, старался избежать.

словят, а мы благословляем; нас гонят, а мы терпим; нас хулят — мы молимся» (2 Кор. 4: 12–13). Но в настоящем случае он поступил по примеру Иисуса Христа, Который также обличал несправедливость ударившего Его прежде осуждения. Но если так, то зачем Павел извиняет свой поступок? Для того, чтобы устранить подозрение, якобы он нарушил закон, повелевающий не злословить первосвященника*.

Разделение в Синедрионе. Ст. 6–9. Павел видел, что не все бывшие в собрании одинаково враждебны Евангелию и ему. Были там фарисеи, верившие в воскресение, бессмертие души, в существование духовного и невидимого мира, и саддукеи, которые, будучи безусловными материалистами, отвергали все это. Поелику ни те, ни другие не хотели стоять на почве Евангелия, то он переносит вопрос на почву обыкновенных споров. «Братия! — говорит он. — Я фарисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят» (6). Павел не ошибся в своем ожидании. Едва он произнес последние слова, как произошли споры, и фарисеи, если не все, то, по крайней мере, некоторые, готовы были защищать его. «Ничего худого мы не находим в сем человеке, — говорили они. — Если же дух или ангел говорил ему, не будем противиться Богу» (9).

Защищая его против саддукеев, фарисеи должны были отстаивать его и от тех, которые обвиняли его в том, что он свое христианство ложно прикрывает верованием в воскресение. «Если дух или ангел говорил ему», — замечают фарисеи. Следовательно, в начале заседания Павел повторил рассказ о своем обращении, открыто приписывая его явлению и словам воскресшего Иисуса. Если же он не говорил об этом в Синедрионе — значит, фарисеи и без того довольно знали, кто он и чему учил. Для чего же апостолу нужно было скрывать, ограничивать свое учение? Он не имел ни малейшего намерения уверять, что его учение ограничивается проповедью о воскресении, а хотел только показать, что между ним и фарисеями есть связь ставящая их на одну почву в этом деле.

Заключение в темницу. Ст. 10. Раздор увеличился, и произошел шум. Был ли это только спор фарисеев с саддукеями, или Павел снова сделался предметом раздора и угроз? Историк говорил только, что тысяченачальник, боясь, чтобы Павел не был растерзан на части, приказал воинам сойти, взять его из среды их и отвести в крепость (10). Синедрион обыкновенно собирался в святилище, куда, следовательно, запрещен был доступ римским воинам. Но возле крепости было другое место собрания, и там-то, вероятно, воины взяли Павла.

---

* При сем должно приметить, что Анания был человек самых дурных свойств и достиг первосвященства куплею и происками, Ioseph. Ant. 28, 8.

Видение Господа. Ст. 11. В темнице, куда отвели его, его ожидала лучшая и вернейшая защита, чем какую представляли самые стены крепости. В следующую ночь ему явился Господь и сказал: «Дерзай, Павел, ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме» (11), когда и как Господь не говорит, да и Павел не спрашивает Его. Он уже готов запечатлеть своей кровью это свидетельство где угодно — в Иерусалиме или в Риме. Но Господу угодно, чтобы это совершилось в Риме. Значит, Павлу еще остается время поработать Господу.

Заговор иудеев и открытие его (23: 12–22) Ст. 12–15. Но иудеи не знали, какой невидимой защитой Господь окружил Своего служителя: они ожидали его при выходе из крепости, скрывшей его от их ярости. Ожидание длилось, и некоторые хотели сократить его. На следующее утро около сорока человек собрались и поклялись, говорит историк, торжественно, страшной клятвой, дали обет не есть и не пить, пока не убьют апостола (12); этот обет и план исполнения его они тотчас открыли членам Синедриона. Едва ли все в собрании склонны были запятнать себя убийством, но достаточно было согласия некоторых, чтобы признать обет и убедить Синедрион потребовать Павла в собрание еще раз; достаточно было обратиться к одному первосвященнику, способному, по свидетельству Иосифа Флавия, принять участие в каком угодно преступлении, — первосвященнику, насильственная смерть которого скоро подтвердила пророческое слово Павла: «Бог побьет тебя самого!» Итак, решено было потребовать еще раз Павла из крепости в Синедрион; убийцы будут ожидать его на дороге.

Ст. 16–20. Об этом намерении, неизвестно как, узнал племянник Павла — «сын сестры Павла», он пробрался к Павлу и открыл ему заговор. Если бы Господь не сказал Павлу, что он нужен Ему в Риме, то он, вероятно, смело пошел бы навстречу опасности, предоставляя свое освобождение воле Божией. Но поелику он должен жить, то и рассудил, что, следовательно, Господь хочет его спасения. Посему он отослал этого молодого человека к тысяченачальнику; последний понял всю ответственность свою за предположенное убийство и решился отослать Павла под охраной воинов в Кесарию, где жил римский правитель.

Отправление и прибытие узника Павла в Кесарию к прокуратору Феликсу (23: 23–35)

«Воскресное чтение», 1873, ч. 2

В Кесарии, куда отправили ап. Павла из Иерусалима, жил правитель Иудеи — Феликс. Это был тип порочнейших правителей того печаль-

ного времени. Хотя Деяния апостольские не представляют очевидных данных для оценки характера этого жестокого правителя, державшего невинного Павла два года в темнице, но есть другое свидетельство – история Тацита, изображающая неизгладимыми чертами нравственную сторону его. «Император Клавдий, – говорит Тацит, – отдал разоренную Иудею в управление всадникам, или вольноотпущенникам. Одним из последних был Антоний Феликс, запятнавший свое правление жестокостию и грабежом* и соединявший в себе почти безусловную царскую власть с душою раба» (Ист. Тац. 5, 9). Он был братом другого раба – Палласа, который, по милости Агриппы, захватил в свои руки управление Римом и всей империей. Несмотря на поддержку со стороны своего всемогущего брата, Феликс хотел придать своему положению в Иудее некоторого рода национальное основание: он женился на Друзилле, дочери Ирода Агриппы и жене царя емисийского, Асиза**, бросившей своего мужа ради Феликса. Но его суровый нрав, порочная жизнь, отсутствие блестящих талантов, жадность, низость и заискивание у народа – словом, все отталкивало от него иудеев и возбуждало в них ненависть к нему. Насколько они были основательны и справедливы в этом случае, показывает то обстоятельство, что Нерон, через два года правления Феликса, должен был разобрать их несогласия и оправдать иудеев. Феликс был отозван и, не будь его сильного брата, поплатился бы головой за свой гнусный деспотизм в управлении Иудеей. Таков был правитель Иудеи, к которому привели Павла. При наступлении вечера четыреста пеших воинов и семьдесят всадников отправились из Иерусалима, посадив Павла на лошадь и ведя его в середине. Такая сильная охрана, по-видимому, свидетельствует, что существовали и другие планы, кроме плана сорока заговорщиков, и что тысяченачальник боялся народного восстания. Иерусалимский тысяченачальник написал Феликсу довольно беспристрастное письмо, в котором объявлял (Деян. 23:26 и след.), что он не нашел Павла виновным ни в каком преступлении достойном смерти или оков, что приводил его в Синедрион и увидел, что его «обвиняют в спорных мнениях, касающихся закона иудейского». Узнав потом, что его жизнь в опасности, он отправил его в Кесарию и объявил иудеям, что они могут, если хотят, обвинять его перед правителем.

* Не было преступления, на которое он был бы не способен. Его обвиняли даже в личном участии и в разбое в союзе с зилотами, доводившими свой религиозный фанатизм до убийства.

** Емеса – город в Сирии на р. Оронте.

ГЛАВА 24

Апостол Павел в Кесарии перед судом прокуратора Феликса (24 гл.)

«Воскресное чтение», 1873, ч. 2

Обвинение его иудеями. Ст. 1–9. В Кесарии Павла поместили в темнице старого дворца Ирода Великого, занимаемого в то время правителем и носившего римское название «претории». Через пять дней после прибытия в Кесарию Павла явились к Феликсу иудеи, пришел и сам первосвященник Анания в сопровождении членов Синедриона и некоторого ритора Тертулла, взятого для обвинения Павла. Начался суд. Тертулл, по правилам риторики, начал обвинительную речь льстивой похвалой Феликсу, с наглым бесстыдством хвалил распоряжения Феликса, говорил о счастье, каким наслаждались иудеи в его правление, об общественной благодарности и просил Феликса выслушать его с обыкновенной добротой. Затем он перешел к главному предмету своей речи – обвинению Павла, называл его язвою, нарушителем общественного спокойствия, основателем ереси назореев, возбудителем мятежа между единоверцами. Мы находим «сего человека язвою общества, возбудителем мятежа между иудеями, живущими по вселенной, и представителем ереси *назорейской»* (24:5), или *назаретской* – (назореи – последователи Иисуса Назаретского). Перемена буквы «а» на «о» – простая игра слов, изменяющая значение слова Назареи (Назореи – люди ничтожества). Таким образом, иудейский оратор хотел выставить на вид преступление Павла, которое мог судить сам правитель, но ему хочется также настоять, чтобы он судился, или, вернее, был осужден самими иудеями. «Он отважился, – прибавляет оратор, – осквернить храм, так что мы взяли его и хотели судить по нашему закону. Но тысяченачальник Лизий, пришедши, с великим насилием взял его из рук наших и послал к тебе» (6:7). Затем он передает о событии уже известном нам. Заключение речи, хотя и не высказанное определенно, ясно: Павел должен быть предан суду Синедриона как осквернитель храма.

Защитительная речь его. Ст. 10–21. Не будь Павел римским гражданином, Феликс, вероятно, выдал бы его иудеям, радуясь, что так дешево может купить доброе мнение их о себе. Но право римского гражданина Павла заставило его быть осторожнее и даже дозволить Павлу говорить в свою защиту. По знаку Феликса Павел начал говорить. Сначала он высказал удовольствие, что судится таким человеком, который так долго управляет страной. В этих словах нельзя видеть лести Феликсу и его правосудию, на которое Павел, конечно, мало рассчитывал: он хотел сказать этим, что Феликс должен знать иудеев, особенно их старейшин, и понимать, на что

они способны. Но он не высказывает этой мысли ясно, не желая пользоваться ненавистью Феликса, которому он отвечал на взаимную ненависть к нему иудеев, особенно Анании. Посему Павел в своей речи только защищается, говорит, что он пробыл в Иерусалиме только несколько дней и во все это время не вступал в споры ни во храме, ни в синагоге; признает, что он служит Богу отцов своих по учению отличному от иудейского, а это учение они называют ересью, но служит так по учению написанному в законе и пророках, веруя в воскресение. Чаяние воскресения руководит всей его жизнью и действиями. Давно он не был в Иерусалиме и теперь пришел туда, чтобы доставить братьям милостыню, собранную в других странах, и вошел в храм только для исполнения формальностей своего обета. Там асийские иудеи узнали его и схватили. Синедрион не может обвинить его ни в каком преступлении, и он судится за то только, что учит о воскресении мертвых.

БеседыПавла с Феликсом и Друзиллою. Ст. 22–27. Не показывая, опровергали ли иудеи Павла, историк говорит только, что Феликс отложил дело их до другого раза. Дальнейшие слова его часто были предметом превратных толкований. Их влагали в уста Феликса, заставляя его говорить, что он хочет рассмотреть их дело и обстоятельно узнать о сем учении (христианском). Но эти слова, указывающие, по-видимому, на благородные побуждения правителя, имеют совсем другой смысл. Нет ничего невероятного, что порочный правитель, понимая, что дело идет о христианском учении, отложил спор с целью извлечь материальную выгоду от служителей религии. Эту мысль подтверждают и частые беседы его с Павлом, у которого он просил денег, зная, что он принес в Иерусалим милостыню (Деян. 24:26).

Историк сообщает подробности первой из его бесед, на которой присутствовала и жена правителя, Друзилла, иудеянка по происхождению. Феликс отправился к Павлу и слушал его о «вере во Христа Иисуса» (24). Ни из чего не видно, чтобы вопрос об учении предложен был правителем по чему-либо другому, кроме любопытства. Но Павел, по обычаю, дошел в своей речи до заключений своей речи, действующих всегда очень сильно на людей даже гораздо лучших, чем Феликс и Друзилла. Феликс «слушал его о вере во Христа», но когда Павел начал говорить о правде, воздержании и о будущем суде, о справедливом воздаянии неправедному и жестокому деспоту, о воздержании в жестокости и о последнем суде над человеком искавшем в эпикурейских отрицаниях защиты против богов — тогда Феликс пришел в страх и сказал: «Теперь пойди, а когда найду время, позову тебя» (25). Вероятно, Павел не надеялся на исполнение обещания вторичной беседы. А между тем они повторялись не один раз. Неизвестно, о чем говорилось на них, но знаем, что они не сделали правителя справедливее

в управлении и не смягчили его нрава – он забыл учение о будущем суде, произведшее в его душе минутный страх. Даже в отношении к Павлу он был по-прежнему жесток, самолюбив, жаден. Зная его невинность, он, однако, продолжал держать его в темнице из угождения иудеям и для смягчения их гнева. Отправляясь через два года в Рим, куда он вызван был императором вследствие жалоб на него иудеев, он все-таки оставил Павла в темнице, чтобы хотя немного расположить тем к себе иудеев. Только деньги могли освободить Павла от таких расчетов самолюбия. «Он надеялся, – говорят Деяния ап., – что Павел даст ему денег, чтобы отпустил его» (26).

Впрочем, Феликс несколько смягчил положение апостола, приказав «не стеснять его и не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему» (23). Автор Деяний, хотя и был одним из *близких* его, не говорит, однако же, решительно ничего об отношениях к ним Павла в продолжение двухлетнего плена. Да и сам Павел в посланиях, говоря о своем плене в Кесарии, не отличает его от римского плена, так что нельзя сказать ничего достоверного об его первом периоде. А между тем мысль невольно напрашивается на вопросы касательно образа мыслей и занятий апостола в Кесарии. Для удовлетворения пытливости мысли можно заметить, что постоянный образ мысли его и без того известен нам; что же касается его занятий, то Павел, конечно, употреблял на свое дело все оставшиеся ему средства. Он мог через своих друзей получать известия из всех церквей, мог через друзей же сноситься с ними; кроме того, он пользовался здесь, как и в Риме, свободою переписываться с церквами.

Святой Павел и Феликс

Фаррар. «Жизнь и труды апостола Павла», т. 2

Римский судья, к которому узник посылался с одобрительным письмом, обязан был, если возможно, окончить следствие не далее как в три дня. Феликс послал гонца в Иерусалим, назначив срок прихода для обвинителей, и так как на прибытие надо было употребить около двух дней, то св. Павел приведен был в суд на пятый день своего приезда в Кесарию. Минутная благосклонность к св. Павлу, которой, вероятно, в это время сами фарисеи устыдились, перешла в единодушную ненависть: старейшины той и другой партии тесно сплотились между собою для его обвинения. Им сопутствовал сам Анания, желавший, вероятно, отомстить за свое оскорбление, нанесенное ему придачей названия «подбеленной стены». Надо думать, что для таких высокопоставленных личностей очень неприятно было предпринимать утомительное путешествие почти в 100 верст из религиозной в политическую столицу Иудеи с целью убедить собаку-язычника к низложению вероотступника, уклонившегося от их суда. Но члены

Синедриона, глубоко огорченные неудачей, не хотели, чтобы направленный ими против оскорбителя камень не достиг предназначенной цели.

Они хотели во что бы то ни стало добиться выдачи им их жертвы и, считая себя малоискусными как в языке греческом и латинском, так равно и в порядках римского судоговорения, выдали доверенность на ведение дела провинциальному ритору по имени Тертулл. Во всяком случае все сделано было с соблюдением должной формальности. Прежде всего изложена была их жалоба, при принесении которой узник помещен был так, чтобы мог выслушать ее, и потом, если может, представить свои опровержения. Тертулл был, по-видимому, практикующий адвокат, и св. Лука верно сохранил очерк его изворотливой обвинительной речи. Соблюдая политическую вежливость, он начал с изложения многих похвал Феликсу с целью задобривания. Указав на прежнее усмирение Феликсом разбойников и на подавление последнего восстания, поднятого лже-мессией, Тертулл стал в ловких выражениях уверять прокуратора в общей и постоянной благодарности иудеев за предоставленный им мир и за множество реформ придуманных его мудростью — тогда как на деле Феликс был постоянно всеми ненавидим, и хотя действительно ему удалось разбить разбойничьи шайки, но в первые времена своей прокуратуры он явным образом покровительствовал им и даже участвовал в дележе их добычи. В дополнение к своей лести Тертулл высказал, что, не желая много утруждать прокуратора, он будет говорить кратко и просить его выслушать «со свойственным ему снисхождением». Он представляет три обвинительных пункта: во-первых, старейшины признают апостола язвой общества, поднимающей мятежи между иудеями живущими по вселенной; во-вторых, представителем назорейской ереси и, в-третьих, осквернителем храма. На этом основании они взяли его и намеревались судить по их закону. «Но тысяченачальник Лизий, пришедши, с великим насилием взял его из рук наших и послал тебе, повелев и нам, обвинителям его, идти к тебе». Через Лизия он, прокуратор, может удостовериться в истине этих обвинений. Когда оратор кончил речь, иудеи, как свидетели-очевидцы, один за другим подтвердили обвинение, сказав, что все сказанное Тертуллом совершенная правда.

Тогда прокуратор, будучи предупрежден письмом Лизия, что тут кроются иудейские дрязги относительно исполнения законных мелочей, дал узнику знак, что он может давать возражения. В самом начале речи св. Павел кратко заметил, что он свободнее будет защищаться перед Феликсом, зная, что он многие годы справедливо судит народ иудейский. И так как ты близко знаком с обычаями этого народа, то легко можешь удостовериться, «что не более двенадцати дней тому, как я пришел в Иерусалим для поклонения, а не для возмущения. Ни в святилище, ни в синагогах, ни по городу они не находили меня с кем-либо спорящим или производящим

народное восстание и не могут доказать того, в чем меня обвиняют». Он признается, что держится иного учения, которое иудеи называют ересью, но это учение в главных основаниях совершенно одинаково с тем, которое сами обвинители исповедают. Ибо он действительно служит Богу отцов его, верит всему написанному в законе и пророках, имеет надежду, что будет воскресение мертвых, праведных и неправедных, чего и сами они ожидают, поэтому и сам подвизается всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. Пять лет не был он в Иерусалиме и пришел туда, чтобы доставить милостыню своему народу и приношения. Они нашли его в храме, когда он приносил, по закону, очистительную жертву совершенно спокойно, не с народом и не с шумом. За смуту, которая была произведена при этом случае, он не может быть ответчиком. Ее начали некоторые из «асийских иудеев», которых и надо было выставить на суд и которых отсутствие здесь служит доказательством ничтожности возводимых на него обвинений. Но если невозможно вызвать на суд этих последних, то пусть сами обвинители «скажут, какую нашли они в нем неправду, когда он стоял пред Синедрионом» — разве только то одно слово, которое громко произнес он, что за учение о воскресении мертвых он ныне судим ими.

Надо было покончить дело. Представленные апостолом факты явно противоречили обвинению. Определение разности учений, содержимых им и иудеями, не было предусмотрено римскими законами. Апостол не обязан был ни доказывать, в чем состояло христианское (назорейское) учение, ни оправдываться в том, что принадлежал к нему, ибо в это время христианство не было объявлено недозволенной религией. Феликсу известно было это гораздо больше, чем предполагали иудеи со своим адвокатом. Поэтому он не предал св. Павла на суд Синедриона, который мог быть опасен и несправедлив, но, не желая возбудить против себя ненависть высокопоставленных личностей, отложил дело за отсутствием Лизия как свидетеля, обещая тотчас же решить по прибытии последнего в Кесарию. Апостола оставил он под стражей, но дал особую инструкцию сотнику стеречь, но не стеснять Павла и «не запрещать никому из его близких служить ему или приходить к нему». Вероятно, св. Лука и Аристарх воспользовались этим дозволением, и нет никакого сомнения, что тяжелое продолжительное время заключения св. Павла сокращалось беседами со св. Филиппом и другими христианами из Кесарийской общины, глубоко чтившей великого апостола.

По возвращении в Кесарию вместе со своей женой Друзиллой, намереваясь, по-видимому, удовлетворить ее любопытство и предоставить послушать личность, странная история и чудесные силы которой получили громадную известность, Феликс еще раз призвал Павла и приказал ему изложить его верования. Св. Павел воспользовался этим случаем как ис-

тинный апостол. Феликс был язычник, и притом его судья, и св. Павел не счел своей обязанностью разъяснять этому судье то, что было вне сферы его действования. Не напоминая ничего Феликсу о его браках и почитая в нем предержащую власть, апостол говорил о вере в Христа и при этом, исчисляя добродетели, коснулся учения о правде, о воздержании и о будущем суде как таких предметах, в знании которых наиболее всего нуждались слушавшие его супруги. Распутная Друзилла должна была краснеть, слушая о воздержании; хищный и несправедливый правитель не мог не почувствовать укоров совести, внимая проповеди о правде: для обоих должно было показаться ужасающим извещение о страшном суде. Каковы бы ни были мысли Друзиллы, она скрыла их в своем сердце, а Феликс, не привыкши к подобным истинам, только встревожился. Он «пришел в страх», когда оглянулся назад на свое запятнанное и преступное прошедшее. Он услышал сзади себя какие-то шаги, ему показалось, что под ним земля из тонкого льда. Он не мог скрыть в себе чувств ужаса, ни упреков пробудившейся совести и тотчас же прекратил дальнейшие речи. «Теперь пойди, – сказал он апостолу, – а когда найду время, позову тебя». Но и эти упреки совести не заглушили в нем мысль об интересе. Св. Павел произвел на него влияние, которое не могут не производить люди великие духом, каков был апостол, и Феликс, пораженный поведением, умом и нравственной силой этого последнего, посылал за ним нередко для выслушания проповеди о христианских верованиях. Но это кажущееся внимание к религиозным предметам было похоже на то суеверие, которое делало его способным поддаваться обманам Симона волхва и исключало стремление получить взятку, в особенности когда ему стало известно, что св. Павел принес в Иерусалим значительные суммы. Поэтому он позаботился придумывать для дела постоянные задержки, не оставлявшие никакого сомнения о его истинных намерениях. Но св. Павел был невинен и не хотел ни получить свободу каким бы то ни было непозволительным способом, ни воспользоваться любовью кесарийцев, чтобы собрать с них деньги на выкуп, выплатить который сам не был в состоянии. Он не хотел примешивать к Божественным предначертаниям относительно своей судьбы сомнительные человеческие средства и решился оставить без внимания намеки Феликса. Поэтому прошло два года, а он все еще томился в заключении.

«Воскресное чтение», г. 34

О сем аз подвизаюся непорочну совесть имети всегда пред Богом же и человеки (Деян. 24:16). Непорочная совесть, то есть совесть истинная, в основании которой лежит чувство страха Божия и религии христианской, есть действительно неоцененное сокровище. Она служит самым лучшим руко-

водителем на пути добродетели и исполняет сердце праведника такими радостями, которые выше всех радостей мира.

Совсем не так рассуждает об истинной совести грешник. Он боится суда ее, потому что за этим судом непременно следует осуждение для него. И в самом деле, истинная совесть говорит прямо, что справедливо и что несправедливо. Она старается разоблачить те ложные добродетели, которыми мы хвалимся, и потому находится в непрестанной борьбе с нашим самолюбием и нашей гордостью. В тех поступках, которые свет называет великодушными, совесть видит нередко одно самолюбие; дела любви, совершаемые из тщеславия, называет она суетностью; благочестие, которым испорченное сердце лицемерно хочет прикрыть себя, на суде ее есть лицемерие. Перед лицом истинной совести часто является тот преступник, кто в глазах людей представляется добродетельным. Она не щадит никакого греха и при всяком случае напоминает нам о наших прошедших преступлениях, которые без ее напоминаний были бы, может быть, давно забыты.

Такой суд совести делается, наконец, тяжким и страшным для грешника. Он хотел бы скрыться от этого внутреннего судьи, но скрыться нельзя, потому что совесть следит за самыми сокровенными движениями сердца и не оставляет нас ни на одно мгновение. Итак, грешнику остается одно средство — прибегнуть к искусству, которым можно было бы изменить или, по крайней мере, заглушить совесть. Для этого он начинает испытывать самую истину, старается исследовать, действительно ли то истина, не предрассудок ли то, что говорит совесть? Ищет предметов для сомнений и тьмою этих сомнений старается окружить себя так, чтобы сквозь эту тьму никаким образом не мог проникнуть свет истинный. Часто спрашивает об этих предметах других людей, но непременно хочет получить ответ такой, который был бы отличен от ответа совести. Решает в уме своем множество возражений и сомнений, но всегда клонит к тому, чтобы решение их послужило в пользу страстей. Даже ищет наставлений, но только в душе требует другого наставления, нежели какое дает совесть.

Из такого исследования истины происходят все ложные правила. Когда мы придем к несчастному убеждению, что нами сделано все для испытания истины, тогда для нас нет больше ни о чем заботы. Тогда мы стараемся убегать всех тех случаев, которые могут пробудить совесть и оживить естественное чувство добра и зла. Тогда на пробуждение совести мы смотрим как на остаток неведения и совершаем преступления, не замечая того, что это преступления. Хладнокровно переходим от порока к пороку и мало-помалу так притупляем внутреннее чувство истины, наконец, что *пием неправды яко же питие* (Иов. 15:16). Словом, уподобляемся тому опасному больному, который, будучи близок к смерти, думает, что он начинает выздоравливать.

Ужели это можно назвать желанием знать истину? Не значит ли это противоречить истинному убеждению в справедливости и несправедливости? Не значит ли это ослеплять разум и попирать нравственный закон, начертанный Самим Богом в сердце человеческом? И чего можно ожидать от такого человека, для которого нет на земле ничего священного, кто хладнокровно противится действиям совести? Человеческое общество должно опасаться от его бессовестности самых чувствительных ударов для своего благосостояния, ибо к каким злодеяниям ни способен человек поправший религию и истребивший в себе чувство нравственное?

Подобные люди обыкновенно говорят в свое оправдание: чтобы убедиться в истине, надобно знать и то, что говорится против истины. Но это то же самое, как если бы кто хочет узнать добродетель, тот должен обращаться с порочными; или кто хочет избежать погибели, тот должен ближе подойти к змию готовому броситься на всякого. Не так рассуждали истинные любители мудрости: «Кто не старается избежать угрожающей опасности, — говорит блаженный Августин, — тот ищет своей погибели».

Помни же всегда, христианин, что ты самым рождением призван к свету истины, и дорожи этой незаслуженной милостью. Очищай свою совесть *от мертвых дел* изучением Слова Божия и упражнением в христианских добродетелях. И тогда она сделается для тебя *послухом на небесех и свидетелем в вышних.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 21–24 ГЛАВАМ

1) 21 гл. Ст. 1. Кос. Библ. п. сл. «В. чт.», 1876, 1. Патара. Б. п. сл. «В. чт.», 1877, 1.

2) Ст. 7. Птолемаида. Б. п. сл. «В. чт.», 1877, 1.

3) 21–23. Чтения о св. апостоле Павле. Последнее пребывание св. апостола Павла в Иерусалиме.

4) 23 гл. Ст. 1. Анания. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

5) Ст. 26. Клавдий и Лизий. «В. чт.», 1876, 1.

6) Ст. 31. Антипатрида. Там же.

7) Чтения о св. ап. Павле. Ап. Павел в Кесарии. «В. чт.», 1874, 1.

8) *А. Никитин.* Историческая вражда между саддукеями и фарисеями в отношениях к проповеди св. ап. Павла. «Чт. в общ.», 1890, 1.

9) 24 гл. Ст. 7. Салмон. Б. п.сл. «В. чт.», 1877, 2.

10) Ст. 25. Друзилла. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 2.

11) *Иннокентий, архиеп. Херсонский.* Узы Павла в Иерусалиме. Сочин., т. 9.

12) *Прот. Горский.* Последнее пребывание ап. Павла в Иерусалиме. Еванг. история и история апост. Церкви.

13) *Прот. Михайловский.* Св. ап. Павел. Темничное заключение Павлово. Ап. Павел пред Синедрионом.

14) *Фаррар.* Последнее пребывание ап. Павла в Иерусалиме. Жизнь и труды ап. Павла, 2. Феликс – римский прокуратор Иудеи. Первые дни христианства.

ГЛАВЫ 25–26

Фест, Агриппа и Вереника (гл. 25–26)

«Воскресное чтение», 1873, т. 2.

Жалоба иудеев и суд над ап. Павлом пред Фестом (25: 1–12). Мы видели, что Феликс оставил Павла в темнице. Едва прибыл в эту страну его преемник Фест*, как первосвященник и знатнейшие из иудеев явились к нему с жалобой на Павла (Деян. 25:2). Анании между ними не было: он убит был разбойниками. Итак, враги апостола два года ждали случая убить Павла, ибо они просили Феста, «чтобы он сделал им милость, вызвал (Павла) в Иерусалим», злоумышляя убить его на дороге. Прибыв в Иерусалим только на короткое время, Фест объявил, что скоро он возвратится в Кесарию и там выслушает их. Они последовали за ним, и на другой день после своего прибытия, седши на судейское место, (Фест) повелел привести Павла. Когда явился Павел, послышались прежние обвинения против него, посему и Павел повторял прежнюю защиту и в оправдание говорил, что он «не сделал никакого преступления ни против закона иудейского, ни против кесаря». Подобно Феликсу, Фест не нашел в нем никакой вины и хотя был справедливее и уважительнее Феликса, но не осмелился оскорбить иудеев освобождением апостола. Посему, желая сделать угодное иудеям, он спросил Павла: не хочет ли он отправиться в Иерусалим и там судиться иудеями, желая выразить тем, что он не оставит его на произвол Синедриона. Но Павел отказался от такого обещания косвенного покровительства. «Я стою пред судом императора», – отвечал он, и отвечал справедливо, потому что суд римского наместника почитался судом самого императора. Затем он заметил, что если Фест не нашел в нем вины, то, как официальный представитель императора, не может передать его в руки низшего суда. Но есть другой, высший верховного, суд, где он желает судиться. «Я требую суда кесарева», – говорил он. Всякий гражданин

* Феликс был сменен не за свои злодеяния, но вследствие того неловкого положения, в какое поставили себя римские правители относительно местного народонаселения. Положение римского правителя в Кесарии было весьма тяжело: иудеи и греки постоянно враждовали между собою, и самый деятельный и опытный правитель не мог бы сохранить равновесия между ними. Иудеи по своему обычаю жаловались в Риме, надеясь на сильную поддержку у двора. Брат Феликса, Палладий, в это время значительно потерял доверие, особенно после 55 года, и не мог остановить падения своего брата, хотя и успел спасти его от смерти. Вместо Феликса прислан был в Кесарию Фест, человек решительный и справедливый, который и прибыл в Кесарию в 60 г., то есть через два года после того, как сюда был приведен Павел (в августе 58 года).

имел право на такую апелляцию, и произнесение ее уничтожало силу предшествовавшего суда. «Фест, поговорив с советом, отвечал: ты потребовал суда кесарева, к кесарю и отправишься»*.

Императором (кесарем) в это время был Нерон. Жизнь ап. Павла настолько безупречна, что нет никакой надобности украшать ее, приписывая, как иногда делали, мысль отправиться в Рим для мучения. До того времени Нерон еще не сделал ничего враждебного христианам, да притом и Павел явился пред Феликсом и Фестом по обвинению не в христианстве, а в возмущении, таковым он должен явиться и пред императором. Подобно Феликсу Фест не осмелился возбудить неудовольствие со стороны иудеев, освободив его. Посему Павел требует такого суда, который чужд подобного страха. Такой суд был в Риме. Так как Нерон в это время не был еще кровожадным историческим Нероном, то Павел надеялся найти у него правосудие, тем более что тот же Нерон низложил Феликса и назначил на его место честного правителя.

Но если нет основания предполагать, что Павел добровольно отправился в Рим, зная, что его ожидает там смерть, то, с другой стороны, нельзя отвергнуть и того, что в этом решении верховная воля влияла на волю Павла и тем ускорила развязку. «Надлежит тебе свидетельствовать обо Мне и в Риме», – сказал ему Господь, и эти слова ускорили его решение отправиться туда; если он не мог отправиться в Рим свободным, то пойдет узником. Сам Бог уже решит, в чем будет состоять *его свидетельство* — в его узах и смерти, или в смелой проповеди Евангелия, или в том и другом, то есть сначала в узничестве, потом в мученической смерти.

Посещение Феста Агриппой II и Вереникою (ст. 13–27). Еще до отъезда в Рим Павлу представился прекрасный случай засвидетельствовать о Господе. Феста посетил царь Агриппа II со своей сестрой Вереникой. В поэтических рассказах Вереника является опоэтизированной, но на самом деле это была безнравственная женщина. Что касается Агриппы, он заслужил презрение не только за свой нрав, но еще более – за те низкие средства, какими он достиг власти, и за ту унизительную роль, какую он играл перед римлянами. Сын Ирода – Агриппы и внук Ирода Великого, он получил воспитание в Риме и только благодаря своим способностям царедворца достиг, после долгого ожидания, титула царя — титула, значение которого падало с каждым царствованием. Ничтожная царская власть его была в постоянной борьбе с властью первосвященнической, пользовав-

---

* Где бы ни находился римский гражданин, он имел право требовать императорского суда. Римские правители должны были отправлять таковых к императору. Иногда они отправляли к нему и виновных в делах религиозных.

шейся благоволением римского двора. Этим-то обстоятельством объясняется и то, почему царь Агриппа первый пришел поздравить нового римского правителя.

В беседе с Агриппою Фест упомянул, между прочим, о Павле, заметив, что из дела Павла он ясно увидел, что между ним и иудеями идут какие-то споры о их богопочитании и о каком-то Иисусе умершем, о котором Павел утверждал, что Он жив. Но Агриппа взглянул на это дело иначе и пожелал послушать этого человека. Фест обещал исполнить его желание на другой день. Дело отправления Павла в Рим было уже решено, и римский правитель, вероятно затрудняясь составлением донесения императору, надеялся, что Агриппа, как иудей, поможет ему разъяснить дело. На другой день Агриппа и Вереника «пришли с великою пышностию», приличной своему сану, явился и Фест. В судебную палату явились также тысяченачальники и знатнейшие из граждан иудеи и язычники; затем посередине палаты, против почетного царского места, поставлен был «этот человек» Павел. Лица всех присутствовавших выражали напряженное чувство и различные впечатления. Фест – римлянин времен упадка Рима, человек не верующий ни в какую религию, готовый назвать глупостью всякую серьезную и положительную мысль о душе и смерти. Агриппа – человек обращающий некоторое внимание на истину и отчасти знакомый с ней, но не заботящийся об усвоении ее сердцем и не решающийся изменить свою жизнь по требованию истины. Что сказать о Веренике? История не говорит, с каким чувством явилась она на суд и какое впечатление вынесла оттуда. Что касается Павла, мы уже довольно знакомы с ним и знаем, что он представитель *новой веры*, требующей права гражданства в мире, представитель новой жизни, требующей свободного течения. Когда иудеи или язычники восставали против него, то восставали не столько против выводов его учения, сколько против принципов его – веры, царства веры.

Защитительная речь Павла пред Агриппой и Фестом и другими присутствовавшими (26: 1–26). Получив от Феста позволение говорить, Павел сначала выразил удовольствие, что ему пришлось говорить перед самим царем, который, как иудей, поймет его лучше и с большим терпением выслушает; затем следует самая речь Павла, не представляющая ничего нового, чего он не говорил прежде. Исходным пунктом ее служит мысль о тесной связи Ветхого Завета с Новым. Выходя из этой мысли, он объявляет, что его вина состоит разве только в том, что он верил в исполнение обетования, непреложность которого признавали и сами иудеи, хотя и не считали его исполнившимся. Но тут, заметив в слушателях движение негодования или, может быть, желая предупредить возражения, апостол вдруг возвышает голос, говоря: «Что же? Ужели вы невероятным почитаете, что он говорит не о воскресении мертвых вообще, но и о воскресении Иису-

са Христа как ясном доказательстве исполнения пророчеств в лице Спасителя». Далее, в доказательство своей мысли, он говорит о своем обращении, и этот третий рассказ его, в сущности тождественный с двумя другими, принимает в его устах особый оттенок, применительно к обстоятельствам и слушателям. Он прибавляет только, что воскресший приказал ему делать. Так как воскресение Иисуса было видимым, живым доказательством исполнения пророчеств о Нем, то он, в сущности, не говорил ничего нового, ибо еще прежде него Моисей учил о том же: Иисус *должен* пострадать, *должен* воскреснуть.

Но для Феста подобное доказательство не имело особой силы убедительности: скептицизм не удовлетворяется верой и не терпит ее: всякая вера для него — безумство. «Безумствуешь ты, Павел, — говорит Фест. — Большая ученость доводит тебя до сумасшествия» (Деян. 26:24). Что это — насмешка? Выражением «большая ученость» он хотел, кажется, указать на многочисленные ссылки на пророчества, которыми Павел подтверждал свое учение. Кажется, в словах Феста нужно видеть не столько насмешку над Павлом, сколько презрение к той книге, на которую он ссылался. С таким толкованием согласен и ответ Павла — «я не безумствую» — и доказывает сказанное не от себя, но на основании свв. книг.

Обращение к Агриппе и его ответ (ст. 27–29). Вслед за этим ответом он обращается к царю, ссылаясь если не на Иисуса Христа, то, по крайней мере, на авторитет божественных пророчеств, доказывающих, что Иисус Христос есть Мессия. «Веришь ли, царь Агриппа, пророкам? Знаю, что веришь». Это обращение не менее предыдущего дает право предполагать, что Агриппа держал себя во время речи как человек против воли обращающий серьезное внимание на слова Павла. Мы придаем некоторую важность впечатлению, произведенному речью Павла на Агриппу, потому что иначе невозможно понять настоящий смысл ответа его. Трудность зависит здесь от особенности выражения. Обыкновенно ответ Агриппы переводят так: «Ты немного не убеждаешь меня сделаться христианином». Многие согласны с таким переводом, в интересах славы Павла, красноречие которого вырвало у царя такую похвалу. Но очень мало вероятного, чтобы Агриппа, если даже допустить, что речь апостола сильно подействовала на него, мог зайти так далеко, особенно в присутствии Феста, который едва не назвал Павла безумным. Сверх того, нельзя понимать ответа в указанном смысле и потому, что он противоречит прямому значению слов.

Греческое слово «убедить» (πίθειν) чаще означает *стараться, силиться убедить*. Слово «немного» (ἐνὀλίγῳ) принимается почти всегда в значении короткого времени. Если мы примем во внимание быстроту оборота речи, которым Павел хотел сказать: «Если ты веришь пророкам, то должен ве-

рить в Иисуса Христа», то нам понятен будет естественный смысл ответа: «Ты слишком скор на заключения», то есть Агриппа хотел сказать: «Ты спрашиваешь, верю ли я пророкам? Да, верую. Но заключать отсюда, что я необходимо должен веровать во Христа, чтобы я был уже христианином — это уже слишком поспешное заключение».

Такой смысл ответа лучше всего, по нашему мнению, мирится с глубоким и серьезным впечатлением речи Павла на Агриппу, его слабым желанием сделаться христианином и, наконец, тем затруднительным положением, в котором чувствовал себя Агриппа, находясь в присутствии, с одной стороны, Павла, называвшего его обращенным израильтянином, а с другой — Феста, не уважавшего ни иудейства, ни христианства и считавшего Павла безумцем. Кроме того, такой смысл ближе подходит к ответу Павла, который без того делается непонятным и представляется пустой игрой слов. Между ответами Агриппы и Павла есть логическая связь. Царь говорит: «Ты слишком скоро хочешь меня сделать христианином». Павел отвечает: «Молил бы я Бога, чтобы мало ли, много ли (скоро или нет) — различие времени не важно, лишь бы дело сделалось — чтобы не только ты, но и все слушающие меня сегодня сделались такими, как я». Последние слова, очевидно, намекают на слова Феста касательно безумства Павла.

Но Павел прибавляет к своему ответу несколько понятных слов, которые удивительно заканчивают целое его речи или картины. «Молил бы я Бога, чтобы вы сделались такими, как я, *кроме сих уз*», — прибавляет он. Все, видимо, показывает, что здесь не иносказание и что Павел действительно, если не обременен был цепями, по крайней мере, носил их на себе по существовавшему тогда обычаю заставлять узника носить на себе видимый знак своего узничества. Вероятно, говоря последние слова, Павел взглянул на свои цепи или поднял их и показал царю, Веренике и Фесту. Если этот взгляд или жест не были протестом со стороны Павла против суда, от несправедливости которого он страдал уже два года, то во всяком случае они представляли новый опыт веры, за которую он страдал.

Благоприятное впечатление (ст. 30–32). Дальнейший рассказ историка убеждает нас, что главные лица бывшие на суде и сидевшие с ними вынесли благоприятное впечатление. «И отошедши в сторону, они говорили между собою, что этот человек ничего достойного смерти или уз не делает. И сказал Агриппа Фесту: можно было бы освободить сего человека, если бы он не потребовал суда у Кесаря» (Деян. 26: 31, 32). Но Фест не постарался убедить Павла взять назад свою апелляцию, вероятно, он был доволен, что строго исполняет законную формальность, отсылая апостола в Рим.

Обращение к Агриппе и его ответ (стихи 27–29)

Еп. Михаил. «Толковый Апостол»

Свидетельствуясь в истине и здравомыслии своих слов предполагаемым знанием царем Агриппой того, что не в углу происходило, апостол вдруг решительным и неожиданным оборотом речи обращается к совести Агриппы и, как ловец человеков (Мф. 4:19), так искусно, что едва не уловляет его, так что только легкомысленной остротой избегает царь этого уловления, но почти тотчас же закрывает собрание. Апостол выше сказал, что все происходившее с Господом Иисусом и проповедуемое Павлом происходило соответственно пророчествам и во исполнение их, а потому, сославшись на знание царем сих событий, он ссылается и на веру царя в пророчества, но в сильной аффектации речи выражает это неожиданным, прямо обращенным к царю вопросом — верит ли он пророкам? И тотчас с уверенностью отвечает сам: *знаю, что веришь.* Дело переносится, таким образом, в область веры и совести царя, что, как видно из дальнейшего, его сильно смутило. Иудей — везде иудей, и воспитанный при дворе римского императора Агриппа, наверное, остался в душе иудеем и в глубине совести верил пророкам своим, хотя, может быть, без ясного сознания и легкомысленничания пред образованным римским чиновником и его подчиненными. Окончание постройки при нем иерусалимского храма, начатой его прадедом, не свидетельствует ли, что в душе его было, хотя, может быть, далеко зарыто, чувство иудейской религиозности? Проницательный взор апостола усмотрел его и так сильно возбудил, что царь смутился, особенно при той обстановке, в которой он находился. В другой обстановке, может, был бы другой исход этого воззвания к совести царя, но теперь он был пред лицом римского правителя области, который смотрел на него не как на иудея относительно убеждений, а как на доброго язычника, чуждого «суеверий иудейских» (см. прим. к 25:19), и перед лицом других римлян, также образованных, как же было ему сознаться, что он верит пророчествам? И возбужденное чувство иудея насильно подавляется ложным страхом и стыдом показаться таковым пред образованными римлянами, переходит в лицемерие и раздражается светской легкомысленной остротой: *ты немного* (чуть-чуть) *не убеждаешь меня сделаться христианином.* На эту остроту Павел с достоинством и особенной задушевностью и трогательностью отвечает, что он молил бы Бога, чтобы *много ли, мало ли,* но все — не только царь, а и присутствующие тут — стали христианами, как апостол, кроме этих уз, прибавляет премудрый и невинно страждущий исповедник Христов, указывая на цепь бывшую на нем.

Значение долговременных уз Павла в истории его апостольского служения

Иннокентий, архиепископ Херсонский. Сочинения, т. 9

К чему, могут спросить здесь, послужили долговременные узы (они продолжались два года) Павла в Иудее? Не лучше ли было бы, если б он провел сие время в проповедовании Евангелия язычникам? Сколько тысяч душ, ослепленных идолопоклонством, выведено было бы им из тьмы в свет? Дабы уразуметь в сем случае достопоклоняемые пути Промысла, надлежит припомнить, какая цель назначена Самим Иисусом Христом для пребывания Павла у иудеев: он должен был дать торжественное свидетельство о Божественности Иисуса Христа, ими отверженного и гонимого (Деян. 23:11). Это было последнее воззвание, коим Промысл вразумлял потомков Авраама, прежде нежели наступило время предать их конечному отвержению за убиение Богочеловека. В сем отношении нельзя было найти провозвестника покаяния лучше Павла, прежнего гонителя христиан, теперь ревностнейшего их защитника. Самые узы его, очевидно, входили в состав его свидетельства о Божественности Иисуса Христа; они обратили на него внимание всего верховного совета иудейского и, следовательно, всего Иерусалима, всей Иудеи. В лице Павла некоторым образом предстал на суд иудеев Сам Иисус Христос. Большая часть иудеев, ослепленных предрассудками, снова не узнала, отвергла Его, но были, конечно, и такие, для коих пример обращенного Савла послужил во спасение.

Размышление на слова: *вмале Мя препираеши христианина быти* (26:28)

«Христианское чтение», 1836, ч. 2

Такой дал ответ царь Агриппа по выслушании речи произнесенной перед ним апостолом Павлом. Несправедливо обвиненный иудеями в осквернении святыни, в хулении истинного Бога, учение Коего всюду проповедовал, Павел изъясняется в речи своей с такой непринужденной искренностью и непритворным спокойствием духа, что как бы невольно заставляет убедиться в доброте его поступков и истине событий им возвещаемых. Он мало думает о самом себе, не заботится о своей защите и личных выгодах, но, обращаясь к совести судей своих, наипаче старается внушить им веру в то, во что сам он верует. Как удивительны события им рассказываемые: Бог, явившийся во плоти; Спаситель мира, распятый и воскресший; чудное видение его; ослепительное сияние света; небесный голос; Божественное избрание и посольство! Притом все это рассказано так просто и вместе так величественно и увлекательно, что Агриппа не только не мог

противоречить словам апостола, но и сам почти готов был во всем согласиться с ним. Ему казалось, что он недалек от убеждения в истине, и только чего-то малого недостает еще для совершенного принятия оной. *Вмале мя препираеши христианина быти.*

По благодати милосердого Бога, мы принадлежим уже к числу чад Церкви Христовой и носим на себе бесценное имя христиан, но, к сожалению, это же *вмале,* которое воспрепятствовало Агриппе быть христианином, препятствует и нам идти путем спасительной веры. Не видим ли, сколь многие одобряют правило христианской нравственности, с охотою внимают словам Евангелия, не отвергают учения откровенных истин, сознаются втайне, что высокие добродетели христиан делают их внутренне счастливыми и что они сами желали бы верить так, как верят святые мужи, – и однако ж, несмотря на все это, не стыдятся в мире христианском жить по-язычески? Им кажется, что, приблизившись ко храму веры, они сделали чрезвычайно много и теперь остается нечто сделать *вмале,* чтобы проникнуть во внутренность ее святилища.

Что же такое *вмале,* которое вредоносно действует в самом недре христианства? И точно ли это *вмале* есть легкое и неважное препятствие, встречаемое на пути к совершенству нашей веры?

Нравы, обычаи и мысли плотских людей во все времена были противоположны здравому учению христианского благочествия. В догмате о Боге, *явившемся во плоти* (1 Тим. 3:16), ум плотского человека не видит ничего более, кроме непроницаемого мрака; обещание всеобщего благодатного спасения оскорбляет прирожденную его гордость; глубокое растление нашего сердца, так ясно и сильно раскрытое в Писании, несогласно с его мыслию о высоких достоинствах человека; вера в необходимость действий Святого Духа для произведения в нас нравственной перемены представляется ему вовсе не нужною и противоречащею опыту; христианское самоотвержение и прочие добродетели кажутся ему несносным игом, подавляющим природу нашу. Посему-то истинные христиане всегда и всюду повергались поношению, которое обнаруживалось то в жестоких гонениях и мучениях, то в порицании и презрении, то в холодности и насмешках. Пусть ты обладаешь обширными сведениями, пусть имеешь здравый ум и приобрел совершенную опытность в жизни, но, сделавшись истинным христианином, ты прослывешь невеждою. Пусть будешь сохранять в поступках своих все благородство, в поведении – всю строгость, в суждениях своих – все глубокомыслие, но, совершая дела благочестия, ты не избегнешь обыкновенных нареканий в лицемерии, в мечтательности, в лукавой хитрости или приверженности к какой-либо секте. Пусть будешь соединять с добрым от природы характером христианские свойства – кротость, смирение, бескорыстие, любовь; не думай, однако ж,

быть правым в глазах людей руководимых духом мира. Всякому позволят сделаться добродетельным на свой образец, но сделаться добродетельным по началам христианской жизни — добродетельным по силе Святого Духа, открывающейся в немощи, добродетельным из любви ко Христу, по сознанию благодати искупления, — о, заметьте, сего не простят вам никогда! Что поношение, как одежда ученика Иисусова, неразлучно с жизнью истинно христианской и верным служением Богу — это известно каждому: Писание говорит о сем многократно, история Церкви представляет на то бесчисленные примеры, и не нужно делать продолжительных наблюдений, дабы увериться, что участь истинного христианина в сем отношении более или менее сходна с участию его Учителя, Которого дерзали также называть *лъстецом* (Мф. 27:63), *ядцею и винопийцею* (Лк. 7:34), *самарянином, имеющим в себе беса* (Ин. 8:48). И не опасение ли подвергнуться презрению в глазах суетного мира удерживает многих от приверженности к святой их вере? Не страх ли быть поруганными и осмеянными в народном мнении делает их холодными ко всему, чего требуют обязанности христианской жизни? Действительно, люди, о которых мы говорим, скорее согласятся на всякое другое пожертвование, но не откажутся от мирской чести, не захотят потерять уважения и любви своих друзей, начальников или покровителей и в решительном случае не дозволят сказать себе: *и ты был еси со Иисусом Галилейским* (Мф. 26:69). Эти люди готовы посещать Спасителя ночью, но боятся исповедовать Его днем. Они, если угодно, станут защищать христианство в дружеской беседе, среди известных им людей, но не требуйте от них той жертвы, чтобы с сердцем полным любви они *исходили к Иисусу вне стана, поношение Его носяще* (Евр. 13:13). Жалкое состояние сих людей делается более несчастным от обольщения, в котором они обыкновенно находятся. По их мнению, весьма немногое нужно к тому, дабы сделаться совершенными христианами; они думают, что, соглашаясь с учением Евангелия, сим кончают почти свой подвиг и что расстояние, которое осталось им пройти, ничего не значит в сравнении с тем, которое уже пройдено ими. Слепцы! — они не видят, что им должно выполнить самое главное, ибо чего требует Христос от Своих последователей? Того, чтобы они отреклись для Него от всяких вожделений греха; чтобы взяли крест свой и пошли за Ним; чтобы служили Ему с совершенным самоотвержением; чтобы любовь к Нему предпочитали любви к миру, суд Его — суду мира, волю Его — правилам и обычаям мира. Вот необходимые обязанности христианина, исполнение коих делает его достойным своего звания! Если кто не приносит в жертву Христу сердца своего, если не старается жить согласно с Его учением, то он ничем не доказал еще своего христианства, ничего не сделал для своего спасения, для общения со Христом, для Его славы. *Како вы можете веровати*, говорит

Спаситель, *славу друг от друга приемлюще?* (Ин. 5:44). И в другом месте: *имеяй заповеди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя* (Ин. 14:21).

Нет сомнения, что весьма нетрудно познать заблуждения, переменить свой образ мыслей, оставить одно учение и принять другое — это такая истина, которую подтверждает ежедневный опыт. Позвольте только людям жить так, как они жили прежде; оставьте в своей силе их наклонности и привычки, не касайтесь любимых ими удовольствий — и вы легко достигнете того, что эти люди сами одобрят, уважат и примут ваши внушения. Но одной ли перемены мыслей требует христианство от своих читателей? Евангелие не есть простая идея или чистая система отвлеченных понятий; его не понимают, когда видят в нем одно умозрение религиозных истин. Оно не только хочет рассеять наши заблуждения и предрассудки, исправить наши погрешности, облагородить наши желания, дать лучшее направление нашей воле — оно хочет быть светом для нашего ума, жизнью для нашего сердца, правилом для всех наших действий; оно одно хочет господствовать в нас как во внутренней, так и во внешней жизни, во всякое время и во всяком месте, во всех состояниях и отношениях — во всем и для всего. Евангелие имеет целью преобразовать нас всесовершенно через обновление нравственного бытия нашего. Все это ты, двусмысленный христианин, хорошо знаешь — знаешь и, однако ж, продолжаешь коснеть в прежней греховной жизни! Ты не один уже раз слышал проповедь Евангелия, внимал святому учению о том великом деле, которое составляет основание христианства, то есть что всесвятый Бог послал в мир единородного Сына Своего и предал Его на крестную смерть, дабы грешники, уверовавшие в Него и возлюбившие Его всем сердцем, могли примириться чрез Него с вечным Правосудием и наследовать жизнь блаженную. Слыша это, ум твой без труда мог постигнуть и обнять взором те следствия, которые необходимо вытекают из такого учения. Ты, конечно, понял, что, делаясь истинным христианином, должно прервать постыдные связи с миром, отказаться от привязанности к суетным его удовольствиям, презреть все наслаждения, которыми он обольщает наше сердце; понял, что звание христианина не позволяет гордиться богатством, надмеваться почестями, кичиться знаменитостью, а напротив, велит быть снисходительным при всем блеске отличий, смиренным в самом возвышении, малым в величии, нищим среди изобилия, *требующим мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7:31); понял, говорю, что тебе нужно отречься от мира, в котором живет *похоть плотская, похоть очес и гордость житейская* (1 Ин. 2:16), дабы, примирившись во Христе с Богом, не явиться снова *врагом Божиим* (Иак. 4:4). Ах, при этой мысли ты трепещешь душой и телом! Ты находишься в состоянии подобно тому, когда готовят человека к болезненному отъятию руки или ноги. Чрезмерная любовь к миру и привя-

занность к его суетностям не допускают тебя вынести страданий, которые соединяются с внутренним, духовным рождением – и вот причина, почему ты оказываешься *ни студен ниже горящ* (Апок. 3:16) в вере Христовой! По крайней мере, сознаем ли мы опасность своего положения; видим ли ту гибель, к которой добровольно приближаемся? Сердце наше, будучи соблазненным и вместе соблазнителем, обыкновенно старается прикрыть слабость своей веры и найти предлоги к извинению. Оно внушает нам, что безрассудно отказывать себе в удовольствиях, которые так приятны для природы нашей; что служение Богу можно совместить со служением миру; что благоразумная *дружба с миром* отнюдь не ведет *ко вражде против Бога* (Иак. 4:4). Оно заставляет думать, что преувеличивают строгость христианских обязанностей, когда говорят нам: *не любите мира, ни яже в мире* (1 Ин. 2:15). Рассудите, какая же тут вера, если не подобная той, какую обнаружил в себе Агриппа? Проповедник Божественных истин! Ты уверил меня, но не совсем; я соглашаюсь, но не вполне. Еще немного убеждений, немного доводов – и твоя вера будет моею! Нет, ты обманываешься, ты гораздо далее от христианства, нежели как думаешь: холодная уверенность ума, без совершенной покорности сердца, не есть еще вера; тебе нужны теперь не доказательства, а твердая и решительная воля; ты не хочешь пожертвовать любовью к миру, дабы всецело сделаться христианином. Ибо если бы ты чувствовал важность спасения, если бы евангельское учение произвело в тебе глубокое и неизгладимое впечатление, если бы в глазах твоих вечность значила более, нежели время, небо – более, нежели земля, Бог – более нежели мир, то в душе твоей нашлось бы довольно силы, дабы, по примеру апостола, *от всего отказаться и все почитать пометом, чтобы приобресть Христа* (Флп. 3:8). Кто любит свет – идет ко свету, а кто любит тьму – тот хочет и жить в облежащей его тьме! Пагубны для нас страсти в жизни естественной, но еще и того пагубнее в жизни духовной. Справедливо называют их тиранами, которые порабощают душу, оковывают ее крепкими узами, лишают ее всякой доброй деятельности и ослабляют в ней стремление и любовь к истине и благу. Они-то суть такие враги нашей веры, что нет ничего труднее, как одержать над ними победу. Спросите сребролюбца, почему он мало верит Библии? Может быть, он скажет, что она не представляет ему довольно ясных признаков Божественного происхождения, но в самом деле причиной его маловерия есть страсть к любостяжанию, которое названо в Писании *идолослужением* (Кол. 3:5). Спросите этого притяжателя, который пользуется беззаконно усвоенным имуществом, почему он не одобряет христианского учения? Может быть, он станет отвечать вам, что оно не удовлетворяет всем потребностям его разума, а в самом деле гнусная корысть заставляет его искать в нем недостатки, потому что, убедившись в Божественном

достоинстве сего учения, он не усыпил бы своей совести и должен был бы за отъятое воздать *четверицею* (Лк. 19:8). Спросите этого хульника, почему он позволяет себе злые насмешки над евангельским словом?

Конечно, он будет оправдываться тем, что не умеет иначе смотреть на учение, которое столько противоречит началам его разума, но в самом деле его трогает и ожесточает то, что, по внушению сего учения, *идут* нечестивые в *муку вечную* (Мф. 25:46). Спросите, наконец, сих людей, из коих один гордится своими познаниями, другой величается своими добродетелями, а третий не принимает иного руководства в жизни, кроме ума своего, – спросите их, почему евангельские истины не заслужили в глазах их никакого внимания? Каждый, без сомнения, скажет что-нибудь в свое оправдание, но если бы они могли быть довольно откровенны, чтобы искренно признаться и осудить свои страсти, то первый отвечал бы, что он не хочет сделаться *нищим духом* (Мф. 5:3) и быть младенцем в училище Христовом; другой сказал бы, что он не может терпеть мысли, чтобы спасение почитать даром благодати Божией, а не мздою своей праведности; третий сказал бы, что при тусклом свете разума он свободнее может ходить в похотях растленного сердца и удобнее скрывать безобразие внутреннего человека. И что же вы думаете, ужели эти фарисеи и саддукеи, ужели этот Агриппа мало имели средств, чтобы укоренить и возрастить в себе плодоносную веру? Нет, первые слышали спасительное учение из уст Самого Иисуса Христа и не раз видели чудеса Его, а последний внимал проповеди апостола Павла, но все они равно были рабами страстей – и вот *семя* благодати, *падшее посреде терния*, было им *подавлено* и не принесло никакого плода! (Лк. 8:7).

О вы, *храмлющие на обе плесне!* (3 Цар. 18:21). Души слабые, мнящие служить и Богу и миру! Ежели вкушаете вы мясо на трапезе египетской, то не думайте, что путем веры шествуете в обетованную землю вечного спасения. Ежели в сухих костях ваших еще не проявляются движения богоугодной деятельности, то не воображайте, чтобы дух животворной веры обитал в вас: *Свидетель верный и истинный* скажет и вам: *понеже тепл еси, и ни студен еси, ниже горящ, имам тя изблевати из уст Моих!* (Апок. 3:15).

Толкование на 29-й стих 26-й главы

Блж. Феофилакт. «Толкование на Деяния свв. апостолов»

Молил убо бых Бога, и вмале и во мнозе, не токмо тебе... кроме уз сих. Хотя узы за имя Христово и достойны славы, но Павел прибавил эти слова, то есть *кроме уз сих*, приноравливаясь к пониманию присутствовавших. Что говоришь ты, блаженный Павле, *кроме уз сих*? Какое же и дерзновение у тебя, если ты стыдишься и избегаешь уз? Не везде ли в своих посланиях ты

хвалишься узами и называешь самого себя узником? И не везде ли выставляешь нам на вид кандалы вместо диадемы? Итак, что же такое случилось, что ты отстраняешь от себя узы? Сам я, говорит он, не отстраняю их от себя, не стыжусь их, но говорю так по снисхождению к немощи слушателей, потому что они не могут еще вместить похвалы моей. От Господа же узнал я, что *никтоже приложения плата небелена пришивает к ризе ветсе* (Лк. 5:36). Вот почему я так сказал.

Мученическая смерть святого Иакова, брата Господня

Фаррар. «Первые дни христианства»

Рассказывая об этом мученичестве, И. Флавий говорит, что главным виновником его был Анан, или Анна, или, как он в действительности назывался по-еврейски, Ганан младший, который в том году был первосвященником, последний из первосвященнических сыновей Анны, упоминаемого в Евангелиях. Ненависть ко Христу и христианам уже привела дом Ганана к обагрению своих преступных рук кровью Христа и первомученика св. Стефана, к одобрению убиения Иакова, сына Зеведеева, и в стараниях добиться умерщвления св. Павла. Та же неусыпная враждебность теперь вовлекла младшего Ганана, человека буйного и повелительного темперамента, в новое преступление. Он воспользовался неожиданным благоприятным случаем, для того чтобы предать смерти брата Господня и таким образом нанести еще один удар Христианской Церкви. Фест, справедливость которого спасла жизнь ап. Павлу и который был одним из самых почтенных римских прокураторов Иудеи, умер после краткого двухгодичного управления. Преемником ему был назначен Альбин, но до его прибытия прошел маленький промежуток, во время которого Иудея находилась только под отдаленным надзором легата Сирии. Агриппы II не было в Иерусалиме. В такое время смелый и жестокий саддукей, каким был этот первосвященник, легко мог побудить Синедрион превысить свой авторитет и вновь присвоить себе право совершения смертной казни, которая, строго говоря, уже не принадлежала ему. Он надеялся, что римляне или не заметят этого правонарушения, или взглянут на него сквозь пальцы, так как они были очень терпимы во всем, что делалось в интересах всякой законом дозволенной религии, и, естественно, не имели охоты вмешиваться в дело, которому не придавали политического значения. Одушевляя Синедрион своей собственной смелостью, Ганан убедил его арестовать Иакова и других главенствующих христиан и побить их камнями. Обвинением против них, несомненно, служило богохульство, так как во всяком случае Иакова нельзя было

обвинять в «преступлении закона». Если бы св. Иаков был столь же ненавидим, как ап. Павел, то, быть может, ничего бы не оставалось и говорить больше. Но Иаков в Иерусалиме, подобно Анании в Дамаске, был глубоко уважаем иудеями, не менее чем и христианами. Он также был «муж благочестивый по закону, одобряемый всеми иудеями, живущими там» (Деян. 22:12). Не только простые обращенцы христианства, но и некоторые из самых почитаемых в городе и самых тщательных в знании закона также опечалились от этого безумного убиения благочестивого назорея. Они решились защищать таких граждан от дерзости кровожадного дома и принесли жалобу Агриппе II. Этот царь слышал защиту ап. Павла перед Фестом и был способен лучше взглянуть на христианство, чем сколько считалось политичным со стороны его коварного и беспринципного отца. Они жаловались также новому прокуратору, который теперь находился на своем пути из Александрии в Иерусалим.

Егезипп дополняет рассказ И. Флавия некоторыми другими подробностями касательно смерти мученика. Он говорит, что Иаков склонил многих иудеев к христианству своим свидетельством о том, что Иисус есть дверь двора овчаго, путь жизни, так что множество обращений, как это было и двадцать пять лет раньше, возбудило особенное внимание книжников и членов Синедриона. Ввиду этого они отправили к нему депутацию от своих «семи сект» спросить его: кто есть дверь Иисусова? Он отвечал, что Иисус есть Спаситель, и своим свидетельством опять приобрел столь многих обращенцев, что произошло даже смятение из опасения, чтобы весь народ не стал ожидать пришествия Христа. Вследствие этого они еще раз отправили к нему депутацию, которая, признавая его «праведность» и то почтение, с которым они относились к нему, равно как и то влияние, которым он пользовался над народом, просила его стать на крыле храма в день Пасхи и убеждать «все колена» и язычников «не увлекаться Иисусом». Остальную часть рассказа древний писатель своим своеобразным слогом передает так: «затем книжники и фарисеи, упомянутые раньше, поставили Иакова на верхнее крыло храма и закричали ему и сказали: «Праведный, которому мы должны все повиноваться, так как народ блуждает по стопам Иисуса распятого, скажи нам: кто есть дверь Иисусова?» И он отвечал громким голосом: «Зачем вы спрашиваете меня опять об Иисусе, Сыне Человеческом? Он сидит на небесах одесную Всемогущего и опять приидет на облаках небесных». И когда многие вполне уверовали и прославляли Бога за это свидетельство Иакова и говорили: «Осанна сыну Давидову!» — тогда опять те же книжники и фарисеи начали говорить друг другу: «Мы напрасно добились такого свидетельства об Иисусе; давайте взойдем наверх и сбросим его вниз, чтобы народ устрашился и не уверовал ему». И они закричали, говоря: «Ох, ох! даже пра-

ведный заблудился!» – и они исполнили Писание, написанное у Исаии: удалим праведного, потому что он не удобен нам (Ис. 3:10). Поэтому они вкусят от плода своих собственных дел. Они пошли поэтому наверх и сбросили праведного вниз и сказали друг другу: «Побьем камнями Иакова праведного». И они начали побивать его, так как он не умер от низвержения вниз, но обернулся и стал на свои колени, говоря: «Молю тебя, о Господи Боже, Отче, прости им, ибо не знают, что творят». Но в то время, как они побивали его таким образом, один из священников из сынов Рехава, сын сынов Рехавовых, о котором свидетельствует пророк Иеремия, кричал, говоря: «Перестаньте, что вы делаете! праведник молится за вас!» Но один из валяльщиков, поднимая свою палку, которой он обыкновенно выбивал свои сукна, опустил ее на голову праведника. Так он понес свидетельство, и похоронили его на том же самом месте, вне святилища.

Это было около того самого времени, как один странный фанатик, носивший ходячее имя Иисуса, явился в Иерусалим на праздник Кущей и начал оглашать улицы печальным криком: «Горе городу! Горе храму! Голос от востока! Голос от запада! Голос от четырех ветров! Голос против Иерусалима и храма! Голос против жениха и невесты! Голос против всего народа!»

Встревоженный и раздраженный его криками народ жаловался на него. Беспомощный виновник был схвачен и приведен к прокуратору Альбину, но и там не хотел отвечать ни на один из предложенных ему вопросов; даже страшное бичевание, которому он был подвергнут до обнажения его костей, не вырвало из его уст никакого другого звука, кроме восклицания: «Горе, горе Иерусалиму!» Будучи не в состоянии добиться от него ответа, иудеи отпустили его как сумасшедшего; и каждый год в течение семи лет, по великим годичным праздникам, он ходил по городу со своим завывающим криком, не отвечая никакому человеку – ни доброму, ни худому, но всегда – били ли его или относились с лаской – постоянно твердил одно и то же: «Горе!» Наконец, во время осады он вдруг воскликнул: «Горе, горе и мне также!» И камень из римской катапульты поразил его насмерть.

Кроме св. Иакова, кровь, пролитая священниками и зилотами, обагрила храмовой двор в Иерусалиме в 63 году по Р. Х. Не прошло еще и трех лет, как мраморный пол храма залит был кровью более чем восьми тысяч зилотов, которые резали друг друга в междоусобном побоище. Ганан, первый и главный виновник этого мученичества, погиб самым жалким образом. Он был схвачен идумеянами и умерщвлен, и его тело было выброшено обнаженным на съедение собакам и диким зверям. Не прошло еще шести лет, как священники, опухшие от голода, в отчаянии бросались в жертвенное пламя. Едва прошло семь лет, как город и храм превратились в обгорелые и окровавленные груды развалин, и самое место, народ и обрядность иудейства уничтожены были навсегда.

Дополнительные статьи:

1) Память св. Иакова, брата Господня по плоти. «В. чт.».

2) *Еп. Алексий.* Некоторые черты из жизни св. ап. Иакова, брата Божия. «Чт. в общ.», 1876, 2; 1877, 1.

ГЛАВА 27

Кораблекрушение во время путешествия апостола Павла (27:1 – 28:15)

Рассказ Деяний ап. о путешествии ап. Павла из Кесарии в Рим обставлен такими подробностями, что нам остается только повторить его, дополняя его по местам географическими и техническими замечаниями.

Путешествие до Мир Ликийских (1–5). Лука, пришедший с Павлом в Иудею, совершенно исчезает из виду до времени отъезда в Рим. Его имя встречается только в приветствиях в двух посланиях, и нельзя определенно сказать, был ли он постоянно с апостолом; но образ выражения, каким снова изображается появление его на сцену, достаточно показывает, что он не оставлял Павла или, по крайней мере, не упускал его из виду. «Решено было, – говорит он, – *плыть нам* в Италию» (Деян. 27:1). Это *нам*, как увидим далее, касается и Аристарха, которого в Послании к Колоссянам Павел называет заключенным вместе с собою (4:10). Те, которые признают, что Послание к Колоссянам написано из Рима, заключают отсюда, что Аристарх действительно, по крайней мере некоторое время, был в темнице вместе с Павлом. Предание добавляет, что он даже и пострадал вместе с апостолом. Но если мы признаем, что послание написано из Кесарии, то такое объяснение теряет значение. По рассказу Деяний, Аристарх свободен и отправляется с Павлом добровольно. Если же послание написано из Рима, чего мы не допускаем, то выражение «заключенный вместе со мною» не может указывать на заключение в собственном смысле слова. Так как Павел разделяет честь своего апостольства со всеми трудившимися или содействовавшими успеху Евангелия, называя их своими «сотрудниками», то по смирению и из благодарности разделяет и честь страданий со всеми, кто был предан ему во время его страданий. Если же Аристарх назван им «заключенным вместе со мною», а Лука – только «возлюбленным врачом», то это объясняется какими-нибудь неизвестными нам обстоятельствами и не уничтожает верности заключения, выведенного из целого ряда фактов.

«Когда наступило время... то отдали Павла и некоторых других узников сотнику Августова полка, именем Юлий» (Деян. 27:1). Что такое Августов полк – мнения об этом расходятся. Обыкновенно думают, что так

назывался в каждом легионе один из десяти полков, составлявших легион. Взяв узников и несколько воинов, сотник сел на купеческий корабль, который намеревался плыть около берегов Азии (асийских). Последнее слово вводило в заблуждение многих переводчиков и толкователей, которые думали, что здесь разумеется Малая Азия. Приспособляя к такому толкованию рассказ о дальнейших обстоятельствах путешествия, они предполагали, что корабль должен был направиться на север, плывя сначала вдоль берегов Сирии, а потом — всей Малой Азии, но противные ветры заставили корабль плыть южнее острова Кипр, тогда как предполагалось плыть севернее его. Но в Деяниях ап. часть Азии, лежащая на запад от Малой Азии, всегда называется проконсульской. Потому весьма маловероятно, чтобы для отправления узников в Рим выбрали такой корабль, который не шел прямо на запад. Итак, вернее, что корабль плыл к Азии проконсульской и поднялся только до Сидона, чтобы взять там или пополнить груз. Здесь «Юлий, поступая с Павлом человеколюбиво, позволил ему сходить к друзьям и воспользоваться их усердием» (27:3). Отсюда предполагалось плыть по Средиземному морю и, оставив на севере остров Кипр, идти под парусами прямо к Ликии. Но неблагоприятные ветры, направив корабль на северо-восток, заставили его обогнуть с севера остров Кипр и вдоль берегов Малой Азии, «переплыв море Киликии и Памфилии», пристать в гавань Миры Ликийские*.

От Мир Ликийских до Крита и близ Крита (6–13). Корабль, на котором плыли, был из города Адрамита, в Мизии, и должен был возвратиться туда. Посему в Мирах сели на другой корабль, плывший из Египта в Италию. По тому времени это был очень большой корабль, потому что на нем, судя по дальнейшему рассказу, поместилось не менее 276 душ.

Противные ветры продолжались, и только через несколько дней корабль пристал к Книду, где даже не было гавани. Отсюда, вместо того чтобы идти прямо между Пелопонессом и остр. Критом, должны были спуститься на юг и плыть по южному берегу острова. С трудом удалось, наконец, прибыть к месту называемому Хорошие Пристани**, близ которого был город Ласея***. На все это потребовалось много времени. Приближалось опасное для плавания время, потому что уже прошел пост — празд-

* Ныне на том месте развалины.

** Καλεὶ λιμένες. Это небольшая, но глубокая гавань, вход в которую защищен островком.

*** Ἄλασσα или Λασαία, Λασέα на восток от Хороших Пристаней. Последнее название города Ласея простонародиое. Большой монастырь, находящийся недалеко отсюда, показывает, что с давнего времени христианские воспоминания соединялись с этим местом. Ныне этот город в развалинах.

ник очищения (Kippur), который бывает в месяце Тишри (то есть в конце сентября)*. Посему Павел советовал не пускаться далее. Но гавань была неудобна для зимовки, и потому хотели достигнуть Финикийской гавани, расположенной на южном берегу острова. Но проплыть 30–40 миль, отделявших последнюю пристань, было невозможно, потому что дул северный ветер, который гнал корабль к берегам Африки. Впрочем, скоро подул южный ветер, и корабельщики, доверившись ему, отправились на запад, держась берегов.

От Крита до Мальты (14–44). «Но немного спустя, – продолжает историк, – поднялся против него ветер бурный, называемый эвроклидон. Корабль схватило так, что он не мог противиться ветру, и мы носились отдавшись волнам. И, набежав на некоторый островок, называемый Клавдой**, мы едва могли удержать лодку (которая плыла за кораблем). Стали серьезно опасаться кораблекрушения и изыскивали средства к спасению. Чтобы укрепить корабль, его «обвязали», вероятно, веревками и, чтобы усилившийся ветер не выбросил его на мель, спустили паруса и вообще все представлявшее сопротивление ветру. Особенно боялись попасть на Великую Мель, находившуюся на запад от Египта и представлявшую большую опасность для кораблей. На следующий день буря усилилась, и потому сбросили с корабля груз, а на третий день – и все тяжелые вещи, бывшие на корабле.

Небо было так темно, что в течение нескольких дней и ночей не видно было ни солнца, ни луны, ни звезд; нельзя было даже определить, в каком направлении несло корабль, и уже после некоторого времени узнали, что корабль несло прямо на запад – к Великой Мели. Не оставалось никакой надежды на спасение, под влиянием страха забыли и о пище. Матросы, привыкшие к опасностям на море, и воины, привыкшие к бедствиям войны, доверились судьбе, за невозможностью сделать что-либо для спасения. Но был один – ни матрос, ни воин – советы которого, данные за несколько дней назад, приняты были за выражение трусости; был на корабле один, который все время сохранял спокойствие и мужество. «Мужи! – говорил он. – Надлежало послушаться меня и не отходить от Крита, чем избежали бы сих затруднений и вреда. Теперь же убеждаю вас ободриться, потому что ни одна душа из вас не погибнет, а только корабль». Так говорил Павел, и его спокойствие, независимо от его речи, имело благотворное влияние на других. «Ангел Бога, Которому принадлежу я и

* Этот пост служит для иудеев крайним пределом времени, после которого плавание по морям представляло большие опасности.

** Иначе – Clavdos, или Gavdos, в настоящее время – Gafda, Gavdo, Gavdones или Gazzo. Впрочем, последнего названия не следует смешивать с названием другого острова – Gazzo, близ Мальты.

Которому служу, явился мне в сию ночь и сказал: не бойся, Павел, тебе должно предстать пред кесаря, и вот Бог даровал тебе всех плывущих с тобою». (27: 23–24). Значит, не для спасения только узника Бог спасает и стерегущих его: Он *дает* их ему, дарит ему их жизнь. «Посему ободритесь, мужи, ибо я верю Богу, что будет так, как мне сказано» (20–26).

Наступила 14-я ночь, и корабль продолжал носиться ветром по Адриатическому морю*. Около полуночи среди мрака корабельщики догадались, что корабль приближается к какой-нибудь земле, все ждали смерти. Вымерили глубину и нашли 20 саженей, а несколько далее – только 15. Во что бы то ни стало нужно было остановиться. Бросили с кормы четыре якоря. Корабль остановился, но мог сорваться каждую минуту – и тогда гибель неизбежна. Посему все с нетерпением и со слезами ожидали дня. Желая спастись от близкой опасности, корабельщики задумали убежать и, показывая вид, будто хотят сбросить с носа еще несколько якорей, чтобы укрепиться на месте, начали спускать лодку на море. Павел угадал их хитрое намерение. «Если они оставят корабль, – сказал он сотнику, – тогда все погибнут». Погибнут! Но ведь он же объявил прежде, что никто не погибнет? Да, но хотя Бог и не нуждается в человеческой помощи для спасения людей, тем не менее Он требует и желает, чтобы и люди со своей стороны не оставались праздными зрителями Его всемогущества. Бог, например, исцеляет больного, но исцеляет при помощи лекарства. Бог спасет экипаж корабля, но под условием, чтобы все меры ко спасению употреблены были им в дело. Посему сотник, следуя совету Павла, решился задержать корабельщиков. По его приказанию воины перерубили веревки, которыми лодка была привязана, и она упала в воду. Бежать было нельзя, но лодка погибла, а с нею – и последняя надежда на спасение (27–32).

Павел снова уверяет, что на корабле никто не погибнет. «Ни у кого из вас не пропадет и волос с головы», – говорит он. В то же время он убеждает всех подкрепить пищей свои силы, чтобы не ослабеть в минуту опасности. «Сегодня четырнадцатый день, – говорит он, – как вы остаетесь без пищи, не вкушая ничего». Это не значит, впрочем, чтобы они в продолжение 14 суток ничего не ели, но воздерживались и принимали пищу в недостаточном количестве. Подкрепляя свое слово примером, Павел «взял хлеб, возблагодарил Бога пред всеми и, разломив, начал есть». Обычай благодарить Бога перед принятием пищи был в большом употреблении, и потому ошибочно думают, будто язычники, окружившие Павла, удивились такому действию. Их могло поразить не действие это, но тон, глубина веры и спокойствие, призвание неизвестного им Бога, существование

* Здесь разумеется не залив собственно, носящий ныне название Адриатического моря, а все водное пространство между Грециею, Италиею, Сицилиею и Африкою.

и присутствие Которого было, впрочем, некоторым образом очевидно для них в мужественном служителе Его. Ничто не мешало язычникам верить в Бога и, по случаю настоящего бедствия, молиться и доверяться Ему. «Тогда все, – продолжает историк, – ободрились и также приняли пищу». Затем, чтобы сколько-нибудь облегчить корабль ввиду страшного бедствия, бросили пшеницу в море. Отсюда некоторые заключают, что корабль был нагружен хлебом. Но мы уже видели, что груз корабля был сброшен еще ранее, следовательно, здесь нужно видеть не груз, а обыкновенное продовольствие, взятое на дорогу.

При наступлении дня увидели вдали какую-то неизвестную землю. Снова появилась некоторая надежда, когда увидели «залив, имеющий отлогий берег», куда корабль мог пристать без особенной опасности. Итак, подняв якоря и распустив парус, поплыли к берегу, но еще далеко не доплыв до берега, корабль попал на косу и сел на мель. Нос корабля увяз и остался недвижим, а корма разбилась силою волн. Настала решительная минута – всякий должен был заботиться только о себе самом. Но солдаты должны смотреть за узниками и не могли спасаться вплавь, без нарушения обязанностей службы и строгой римской дисциплины. Посему, колеблясь между служебными обязанностями и страхом смерти, они задумали убить узников, чтобы потом спастись самим. Но сотник, желавший спасти Павла, остановил их, взяв на себя ответственность за узников, если они убегут, и приказал всем умеющим плавать броситься в море, а неумеющим – держаться за обломки корабля, выбрасываемые волною на берег. Предсказание Павла исполнилось: все спаслись на землю.

ГЛАВА 28

От Мальты до Рима (28: 1–15)

«Воскресное чтение», 1873, т. 2

Скоро узнали, что место, на которое спаслись, был остров Мальта, а то место, где произошло кораблекрушение, и доселе называется *губою св. Павла*. Правда тщательное изучение губы возбудило некоторые сомнения в предании о том, что именно здесь произошло кораблекрушение. Предполагая, что корабль разбился на песчаной мели, тогда как берега острова везде скалисты, заподозрили достоверность предания. Но историк говорит только, что корабль направлен был в залив, имеющий отлогий берег, куда мог бы пристать безопасно. Такое место, конечно, существовало, хотя теперь его и не видно, ибо наружные очертания морей постоянно изменяют свой вид. В настоящее время вообще предание о месте кораблекрушения признают вполне достоверным.

Жители острова оказали спасшимся человеколюбие; название варваров, данное им историком, показывает только, что по происхождению своему они не были ни греки, ни римляне. Действительно, они были происхождения одинакового с карфагенянами и, вероятно, говорили их древним языком, представлявшим значительную долю примеси латинского и греческого, ибо остров находился на пути, куда приставали корабли разных народов.

По причине большого холода жители разложили огонь. Но тут произошел значительный по своим последствиям случай. Собирая хворост для костра, Павел был укушен ехидной. Спастись от кораблекрушения и умереть минуту спустя от укушения змеи для язычников, а равно для греков и римлян, — это было ясным доказательством, что человек сей совершил величайшее преступление, которого божественное правосудие не оставляет безнаказанным. Но когда увидели, что Павел спокойно стряхнул ехидну в огонь и не почувствовал никакой боли, то сказали, что «он Бог». Истинный Бог, для прославления Своего служителя, позволил ему доказать на себе действительность написанного о безвредности змей для верующего. Недалеко от того места было имение некоего римлянина Публия. Отец Публия в это время болел. «Павел вошел к нему, помолился и, возложив на него руки свои, исцелил его» (28:8). Слух об этом исцелении быстро распространился по острову: приходили и другие больные и также получали исцеление. «И оказывали нам много почестей, — говорит историк, — и при отъезде снабдили нужным» (28:10). На острове Мальта пробыли три месяца*, потом в начале весны сели на другой корабль — александрийский. Эта последняя часть путешествия не ознаменована никаким особенным случаем. На три дня останавливались в Сиракузах**, отсюда прибыли в Рим***, а через два дня — в Путеолы****. Христиане этого города удержали Павла семь дней. Как ни был сотник благосклонен к Павлу, но мы не можем допустить, чтобы он дозволил Павлу оставаться здесь столько времени, если бы не было на то уважительных, но неизвестных нам причин. Наконец, прибыли они к Риму. На площади***** в древнем городе Вольсков Павла встретили христиане пришедшие из Рима. Несколько далее, у трех гостиниц******, опять встретили его христиане.

* От 15 ноября 60 года до 16 февраля 61 года.

** На остр. Сицилии.

*** Rhegium, Reggio — на юге Италии, при Сицилийском проливе.

**** Путеолы — Pouzzoles — гавань недалеко от Неаполя, наиболее посещаемая иудеями. Здесь обыкновенно происходила выгрузка александрийских кораблей.

***** В 43 милях от Рима. Ныне — Сан-Донато (San-Donato).

****** В десяти милях от Сан-Донато. Ныне — Цистерна (Cisterna).

«Увидев их, Павел возблагодарил Бога и ободрился». Два года плена в Кесарии, долгое путешествие, трехмесячное пребывание на Мальте ввиду нового узничества в Риме – все это могло ослабить энергию и силы апостола, и потому сочувствие и любовь христиан были для него теперь необходимой поддержкой в предстоящей борьбе*.

Спасение утопающих (гл. 27)

«Воскресное чтение», т. 8

Бог, великий и дивный на суше, еще более и чаще являет неизреченные чудеса всемогущества и милосердия Своего на морях, во время страшных волнений морских, угрожающих мореплавателям неминуемой гибелью, – являет сии чудеса даже над ослушниками Своей воли, над людьми, по-видимому, недостойными Его милосердия, являет тогда, когда предприятия людей представляются вовсе несообразными с Его высочайшей премудростью и святостью. Иону посылает Он в Ниневию проповедовать покаяние грешному городу, а Иона садится на корабль и бежит в Фарсис, думая убежать от лица Божия. На море поднимается страшная буря, корабль в крайней опасности, корабельщики в отчаянии, а Иона *сниде во дно корабля, и спаше ту, и храпляше. Что ты храплеши?*– говорит ему кормчий, – *востани и моли Боги твоего, яко да спасет ны Бог, да не погибнем.* Иона видит, что ни землей, ни морем нельзя уйти от лица Господня; знает, что *его ради волнение сие великое;* ему говорят: молись, а он не молится и обрекает себя на добровольное потопление. *Возмите мя,* – отвечает корабельщикам, – *и ввергните в море, и утолится море: понеже познах аз, яко мене ради волнение сие великое на вы есть.* С корабля он брошен в неизмеримую пропасть морскую, гибель неизбежна, но здесь-то милосердный Бог и приходит на помощь к тому, который бежал от лица Его. Он приготовил для беглеца живой корабль, и во чреве кита, как в некоем чудесном храме, Иона молится ко Господу. *Внегда скончаватися от мене души моей,* – взывает он, – *Господа помянух, и да приидет к Тебе молитва моя ко храму святому Твоему.* И тогда *повеле Господь китови, и изверже Иону на сушу* (гл. 1 и 2).

Юлий, сотник Августова полка, плывший из Палестины в Италию, не послушал совета Павла остаться на зимовье в Добрых Пристанях, хотя апостол Господа Иисуса Христа ясно и пророчески предсказывал, что всем находящимся на корабле угрожает неминуемая опасность, если корабль пустится в море. «Вижу, – говорил св. Павел, – ясно вижу, что дальнейшее плавание наше сопряжено будет с затруднениями и с большим бедствием

---

* Павел прибыл в Рим в марте 61 г., в 7-й год царствования Нерона, в консульство Цезенния Лета и Петрония Турпильэна.

не только для груза и корабля, но и для самой жизни нашей» (Деян. 27:10). Полагая, что узник Павел, как не моряк, ничего не понимает ни в воде, ни в ветрах морских, Юлий более доверял начальнику корабля и кормчему, нежели словам Павла, и велел плыть к пристани Критской, называемой Фиником. От Добрых Пристаней до Финика было небольшое расстояние, потому что обе пристани принадлежали одному и тому же острову Криту, но что же вышло? Ветер, сначала попутный, вдруг превратился в бурю и увлек корабль в открытое море, ежеминутно угрожая разбить оный. Несколько дней и ночей мореплаватели не видали ни солнца, ни звезд; тринадцать суток не принимали пищи, весь груз и все вещи с корабля побросали в море, а надежды на спасение не предвидели. Сам Павел почитал это плавание одним из величайших бедствий своей жизни: *трикраты корабль опровержеся со мною,* – писал он к коринфянам, – *нощь и день в глубине* (морской) *сотворих* (1 Кор. 11:25). Но когда не оставалось уже никакой надежды к спасению (Деян. 27:20), тогда Господь начал являть чудеса милосердия Своего над бедствующими. Он послал ангела к Своему апостолу и уверил, что из всех бывших на корабле не только ни один человек не погибнет, но даже волос с головы ни у одного из них не пропадет. Так и сбылось: все двести семьдесят шесть человек остались живы и невредимы – погиб только пустой корабль (27:44).

Против воли княжеской и не с добрым намерением, Исидор – хотя митроплит русский, но чужестранец по рождению – из Руси отправился в Италию на Флорентийский Собор. 1437 года, на Преполовение, сел митрополит в Риге на немецкий корабль и пустился в море. Сначала был ветер добрый, как в плавание Павла, но скоро поднялась страшная буря. «Внезапу, полунощи, нападе на нас буря не ветреным делом, – пишет правдивый повествователь путешествия Исидора, – и корабль волнами покрывашеся, мы же вси живота своего отчаяхомся, глаголюще: увы, погибаем». За бурей наступила великая темнота и совершенное безветрие. Подобно тому, как Ионе говорили: встань и моли Бога твоего, теперь немцы приступили к русскому митрополиту, говоря: видиши ли толику беду нашу, тьме бывшей и ветру не веющу? И ту близ остров каменный, преборы и разбои великие и мы того ради приидохом к тебе, помоли Бога, а мы поюще посвоему. Устрашенный опасностью, а может быть, и нечистой совестью, Исидор обратился к молитве. «И нача молебен пети святей Богородице Одигитрии, по-гречески, со всеми греки, а владыка Аврамий – православный епископ Суздальский, сопровождавший Исидора в Италию, – по-своему, по-русски». Открылось и здесь чудо милосердия Божия: тотчас по окончании молебствия «нача тьма расходитись по ветру добру веющу, – продолжает повествователь, – и оттоле зла ничто же видевше, доидохом по здорову».

Пребывание апостола Павла в Риме (28: 15–31)

Прибытие в Рим и беседа с иудеями. (Ст. 15–28). В сопровождении христиан, вышедших навстречу, Павел направился в Рим по дороге Аппия, по которой обыкновенно въезжали в Рим триумфаторы. Но какой триумфатор одержал когда-нибудь столь блестящую победу, чтобы она по своему влиянию на мир могла сравниться с победой проповеди Павла? И никогда воин Христов не был так силен, как со времени узничества. Изможденный страдалец Христов, слабый в глазах людей и даже умерший за свое дело, одержал победу, стяжал славу на земле и вечность — на небе.

Через три дня по прибытии в Рим Павел призвал к себе знатнейших из иудеев, желая узнать их образ мыслей относительно себя и уверить их, что хотя он требовал суда императора, но не с тем чтобы обвинить их, а чтобы защититься самому. Его дело, прибавляет он, — дело целого народа, хранителя божественных обетований: «за надежду Израилеву обложен я сими узами». Иудеи отвечали, что худого о нем они не знают ни из писем, ни от приходящих из Иудеи, хотя и желали бы знать его мысли, «ибо, — говорили они, – известно нам, что о сем учении везде спорят». Назначив для этого день, очень многие пришли к нему, «и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божием». Как и всегда, иные приняли учение, а многие не верили. Видя такое разногласие, Павел заметил им, что оно предсказано было еще через пророка Исаию, который сказал, что этот народ осужден или, лучше, осудил сам себя, по своему жестокосердию, слушать не слыша, глядеть не видя. «Они ушами с трудом слышат, и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их». Таким образом, повторяя в Риме то, что Иисус сказал в Капернауме (Мф. 13:14), апостол произносит в некотором роде окончательный суд над народом иудейским и призывает язычников к наследию обетований. «Итак, да будет вам известно, что спасение Божие послано язычникам; они и услышат».

Толкование на стих 15-й

Св. Исидор Пелусиот
Творения, ч. 1

Что значат слова *даже до Аппиева торга и трех корчемниц?* Сказанное означает некоторые места перед Римом; на одном из них, как вероятно, находилось какое-то изображение Аппия, почему и называлось торгом его, как и до ныне места, на которых поставлены изображения царские, называются торг такого-то; а под корчемницами, на языке римлян называемыми tabernae, разумеются какие-либо гостиницы.

Толкование на стих 16-й

Иннокентий, архиепископ Херсонский, т. 9

Узники, по обыкновению, сданы были преторианскому начальнику, в каковой должности находился тогда Бурр — знаменитый наставник Нерона и друг Сенеки. Павлу, без сомнения, вследствие хорошего отзыва о нем Феста и Юлия, позволено жить в наемном доме под так называемой благородной или легкой стражей. Для уразумения свойства сей стражи должно знать, что у римлян она вообще была троякого рода. Одни узники содержались в темнице (в коей также было три отделения); другие, менее виновные, — при судебных местах, иные жили в наемных и даже собственных домах. Надзор за последними состоял в том, что при каждом из них находился воин, который был соединен с узником продолговатой веревочкой. У воина привязывалась она к левой, а у подсудимого — к правой руке. В таком виде они могли ходить всюду. Стража, под которой находился Павел, была последнего рода.

Толкование на стихи 17–29

Св. Иоанн Златоуст. «Беседы на Деяния», ч. 2

Беседа св. ап. Павла с иудеями (ст. 17–29). Хорошо и прилично поступает (Павел), приглашая знатнейших из иудеев для беседы. Он хотел оправдать и себя и других: себя — дабы они не обвиняли его, что могло повредить им самим; их — дабы кто не подумал, что все (случившееся) было их делом. Ибо, конечно, распространилась молва, что он предан иудеями, а это могло тронуть их. Посему он немедленно обращает на это внимание и кротко говорит в свое оправдание. И смотри, какими словами он выражает свое оправдание: *мужие братие, аз ничтоже противно сотворив людем или обычаем отеческим, узник от Иерусалимлян предан бых в руце Римляном.* После этого, так как некоторые из слушателей, вероятно, сказали бы: чем доказать, что ты предан без вины? — он присовокупляет: *иже рассудивше, яже о мне, хотяху пустити,* и как бы так говорит: свидетели тому римские начальники, которые судили и хотели освободить меня. Почему же не освободили? *Сопротив глаголющим иудеем,* говорит. Видишь ли, как он смягчает их вины? Если бы он хотел преувеличить, то мог бы сказать гораздо сильнее. Затем присовокупляет: *нужда ми бысть нарещи Кесаря;* посему все это не заслуживает обвинения. Потом, дабы кто-нибудь не сказал: что же? не для обвинения ли их ты сделал это? — он отклоняет такое предположение, прибавляя: *не яко язык мой имея в чесом оклеветати,* то есть я потребовал суда у кесаря не для того чтобы обвинять вас, но чтобы избежать опасности. Ибо для вас *я веригами сими обложен есмь.* Я так далек, говорит, от вражды к вам, что даже обложен (для вас) цепями. Что же они? Они были так увлечены его ре-

чью, что стали оправдывать не только себя, но и единоплеменников своих, как показывает (писатель), продолжая: *они же к нему реша: мы ниже писания о тебе прияхом от иудей, ниже пришед кто от братий возвести или глагола что о тебе зло. Молимся же, да слышим от тебе, яже мудрствуеши: о ереси бо сей ведомо есть нам, яко всюду сопротив глаголемо есть* (ст. 21–22). Как бы так говорят: ни через письмо, ни через людей они не сообщали нам о тебе ничего худого; впрочем, мы желали бы послушать тебя. А вместе с тем уже наперед высказывают свое мнение, прибавляя: *о ереси сей ведомо есть нам, яко всюду сопротив глаголемо есть.* Не сказали: мы противоречим, но *сопротив глаголемо есть* – дабы отклонить от себя осуждение. *Уставивше же ему день, приидоша к нему в страннолриемницу множайшии: имже сказаше свидетельствуя Царствие Божие, и уверяя их, яже о Иисусе, от закона Моисеева и пророк, от утра даже до вечера. И ови убо вероваху глаголемым, ови же не вероваху* (ст. 23, 24). Он не тотчас отвечает им, но назначает день, в который им придти и слушать, и, когда они пришли, говорит из закона Моисеева и пророков. *И ови убо вероваху, ови же не вероваху. Несогласни же суще друг ко другу, отхождаху, рекшу Павлу глагол един, яко добре Дух Святый глагола Исаием пророком ко отцем нашим, глаголя: иди к людем сим и рцы: слухом услышите, и не имате разумети, и видяще узрите, и не имате видети. Одебеле бо сердце людей сих: и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша: да не како увидят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют и обратятся и исцелю их* (ст. 25–27). Когда они уходили, не согласившись между собой, тогда он приводит слова Исаии, не для того чтобы укорить этих (неверовавших), но чтобы утвердить тех (уверовавших). Какие слова? *Слухом услышите, и не имате разумети.* Видишь ли, как он показывает, что они недостойны прощения, если, имея и пророка издревле предвозвестившего это, не обратились? А словом *добре* выражает, что они справедливо и отвергнуты; язычникам же дано познание этой тайны. Посему нисколько не удивительно, что они противоречили, ибо это предсказано издревле. Потом снова возбуждает в них соревнование, указывая на язычников, следующими словами: *ведомо убо да будет вам, яко языком послася спасение Божие, сии и услышат. И сия тому рекшу, отыдоша иудеи, многое имуще между собою состязание* (28–29).

О том же (ст. 17–22)

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Через три дня, то есть по прибытии в Рим, *Павел созвал знатнейших из иудеев,* и здесь апостол язычников следует своему обыкновению – по прибытии в языческий город обращаться прежде всего к иудеям с проповедью. Не имея возможности, как узник, посетить их синагогу, апостол приглашает *знатнейших* из них, то есть, вероятно, старейшин синагоги и с ними – имени-

тых по своему общественному положению между иудеями людей, к себе. Те принимают его приглашение, и апостол начинает с ними беседу. Эта (первая) беседа с ними носит на себе чисто личный характер и есть как бы самооправдание апостола перед иудеями. Она имеет целью устранить предубеждения римских иудеев против апостола, какие могли возникнуть в них частью из узничества апостола вообще, частью из апелляции его к суду кесареву, частью из разных наговоров на него всегдашних его врагов — неверующих иудеев, могших и письменно и устно сообщать о нем иудеям столицы мира неблагоприятные для него сведения. Вследствие сего апостол: 1) утверждает, что он в узах невинно; он *не сделал* никакого преступления *ни против народа, ни против отеческих обычаев* или против закона Моисеева. Народ он обращал к Мессии, закон Моисеев видел исполнившимся во Христе (Мф. 5:17); если говорил и учил, против закона, то собственно против мысли об оправдании одним законом Моисеевым, что неизбежно следует из правильного понятия о Царстве Мессии. Следовательно, он невинно предан в узах в руки светского языческого правительства. 2) Свою апелляцию к суду кесареву апостол объясняет не заслуженной им ненавистью к нему иерусалимских иудеев, которые добивались его осуждения, тогда как римский суд иудейского прокуратора признал его невинным и хотел освободить; следовательно, он *вынужден* был отдать себя на суд кесаря. *Впрочем*, – присовокупляет апостол, — я не с тем потребовал суда кесарева, чтобы перед кесарем *обвинять в чем-либо народ мой*, не с враждебной против народа моего целью, а единственно ради самозащиты, то есть я сделал это не для того, чтобы другим прочинить зло, но чтобы себя избавить от зла, и не по своей воле, но быв вынужден. *По сей причине*, то есть потому, что я вынужден был просить суда у кесаря, и не с враждебной для народа целью, *я и призвал вас*, чтобы объяснить недоразумение и рассеять могшие возникнуть подозрения. Не враг я народа и закона, напротив, *за надежду* народа *я и обложен сими узами.*

Мы ни писем не получали и пр. (ст. 21–22). Иудеи говорят неправду или неполную правду. Если они слышали о христианском учении споры (ст. 22), то не могли не слышать и не знать о Павле, почти главном деятеле и проповеднике этого спорного учения. Может быть, за последнее время — время суда Павлова перед Фестом, когда он потребовал суда кесарева, — они не получали о нем ни писем, ни устных известий, но о прежней деятельности апостола не могли не слышать. Цель и причину такого притворства иудеев понять трудно, точно так же как трудно понять, почему они выражаются о христианском *учении* (собственно *ереси* с их точки зрения), что они знают о нем только то, что о нем везде спорят, как будто они совсем не знают о христианской общине римской, тогда как она, по Посланию к Римлянам, в значительном числе состояла из обращенных иудеев. Может быть, это притворство объясняется высокомерным отношением их к этой ереси? Не-

смотря, однако же, на это высокомерие, они интересуются слышать это учение из уст одного из главных его проповедников именно потому, что он один из главных его проповедников, и сами вызывают его на это, вероятно, в надежде посрамить его, но, как оказалось, сами были посрамлены.

О пагубном неверии, происходящем от развращения сердца (ст. 27)

«Воскресное чтение», т. 15

Одебеле сердце людей сих, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиши. (Деян. 28:27). Читая или слушая Святое Евангелие от Иоанна и следуя благоговейной мыслью за Господом нашим Иисусом Христом, мы непрестанно встречаемся с таким упорным неверием в Него, с таким явным противлением истине со стороны просвещеннейших иудеев того времени, что не можем не удивляться такому странному и вместе страшному явлению духовного ослепления человека. Господь исцеляет расслабленного, тридцать восемь лет страдавшего недугом своим близ самой купели чудесного врачевания, и – *сего ради гоняху Иисуса Иудее, и искаху Его убити, за не сия творяше в субботу.* Господь насыщает пять тысяч человек пятью хлебами и двумя рыбами, а Его вопрошают: *кое знамение твориши, да видим и веру имем Тебе, что делаеши?* Простой народ здраво рассуждает, говоря: *Христос егда приидет, егда больша знамения сотворит, яже Сей творит;* а фарисеи и архиереи посылают слуг, *да имут Его.* Слуги чувствуют Божественную сладость и истину учения Иисуса Христа и свидетельствуют перед архиереями и фарисеями, что *николиже тако есть глаголал человек, яко сей Человек;* а начальники их проклинают народ за его веру в Господа. Господь исцеляет слепорожденного, и исцеленный, будучи сам неопровержимым доказательством Божественной силы и власти в Иисусе Христе, подтверждает то же, хотя и простым, но равно неопровержимым рассуждением своим перед фарисеями: *вем яко грешники Бог не послушает: но аще кто Богочтец есть и волю Его творит, того послушает. От века несть слышано, яко кто отверзе очи слепорождену. Аще не бы был Сей от Бога, не мог бы творити ничесоже.* А фарисеи одно говорят: *мы вемы, яко человек сей грешен есть,* и с бесчестием прогоняют от себя неподкупного свидетеля истины. Наконец, Господь торжественно воскрешает четверодневного мертвеца: что же архиереи и фарисеи? *От того дне совещаша, да убиют Его.* Кто изъяснит нам такое явление необычайное? Один Господь вполне ведает то, что происходит в человеке (Ин. 2:25), посему Он один может объяснить и – объясняет нам это, как находим во многих местах того же Св. Евангелия.

Како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единого Бога, не ищете? (Ин. 5:44) *Почто беседы Моея не разумеете? яко не може-*

те слышати словесе Моего? Вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хощете творити (гл. 8, ст. 43, 44). *Сегоради вы не послушаете* (глаголов Божиих), *яко от Бога несте* (ст. 47). *Аще кто хощет волю Божию творити, разумеет о учении, кое от Бога есть* (гл. 7, ст. 17). *На суд Аз в мир приидох, да не видящии видят, и видящии слепи будут* (гл. 9, ст. 39). Так обличал Господь неверующих иудеев, обнажая тайну неверия их. Из сих обличений Сердцеведца видим, что причиной неверия иудеев были: пристрастие к земным выгодам и преимуществам, небрежение об истинном видении и добродетели и праведное осуждение их от Господа на духовную слепоту. Иудеи питали гордость свою людскими похвалами, которые расточали им почитатели их, посему сами не хотели воздать подобающее уважение Господу и истинную славу Его сочли посягательством на собственную их славу. Иудеи любили жить по влечениям своих страстей, а не по Закону Божию, посему истина им была ненавистна, и чем яснее она сияла перед ними, тем жесточе уязвляла порочное сердце их и наполняла его преступным негодованием на великого Проповедиика истины. Иудеи свободно презрели, отвергли истину, и Господь отъял от них благодатный свет Свой и *предал их в неискусен ум творити неподобная.* Вот откуда проистекало неверие их, дошедшее до степени ужасного ожесточения против Господа.

Благочестивые читатели! Обращали ли мы надлежащее внимание на сей источник пагубного неверия? Не привыкли ли мы под именем неверия разуметь недостаток *разумного убеждения* в истине? Не случалось ли кому слышать от других или замечать даже в себе самом подобные мысли: если б я был несомненно уверен в том или другом, то не поступил бы против убеждения своего. Между тем на самом деле редко бывает так, чтобы недостаток разумного убеждения в истине производил в человеке неуважение к истине и отсюда – небрежение о святых заповедях Божиих; гораздо чаще неуважение к истине и добродетели, пристрастие к порочному образу жизни и нежелание отказаться от *временной сладости греха* возбуждают и усиливаются, так сказать, произвести сомнения в истине, и если человек попускает страстям своим восторжествовать над волей, то они не замедлят покорить под власть свою и ум его. Короче, не в уме, а в сердце, по большей части, зарождается и возрастает неверие человеческое; не сомнения развращают большую часть людей, а развращение порождает сомнения, из которых, с усилием порока, образуется неверие. Следовательно, каждому надобно быть крайне внимательным к самому себе, ибо страшное зло сие, которого мы потому, может быть, не слишком и боимся, что оно кажется нам слишком великим, угрожает каждому, неприметно зарождаясь в сердце нашем.

Так, каждый порок есть новый шаг к неверию. Христиане не могут быть вдруг неверующими – зато путем развращения могут дойти до неверия, а

это и страшно, потому что неизвинительно, потому что подвергает нас тому суду Божию, о котором сказал Сам Спаситель нам: *на суд Аз в мире приидох, да не видящии видят, и видящии слепи будут.* Если бы неверие было первой причиной нашей порочной жизни, то оно само представлялось бы некоторым оправданием беззаконий наших; но бывает совершенно напротив, то есть мы сами и рождаем, и воспитываем в себе неверие и им довершаем меру грехов наших. В самом деле, никого еще не видали, кто бы начал сперва сомневаться в истинах веры, а потом уже впал бы в распутство; обыкновенно сперва начинают действовать страсти, а сомнения рождаются уже впоследствии. Сначала попускают себя увлекаться заблуждениями возраста; потом, когда по пути сему зайдут так далеко, что возвращение кажется невозможным, тогда уже говорят сами себе, в пагубное успокоение, что после сей жизни ничего нет и не будет, или, по крайней мере, рады бывают в душе, когда найдутся люди, говорящие таким образом. А отсюда очевидно, что не недоумения в вере заставляют заключать, что бесполезно отрицаться от удовольствий и принуждать себя к тягостным подвигам добродетели, так как все умирает вместе с нами, но пристрастие к порочной жизни доводит до сомнений в рассуждени и веры.

Нечистота греховная омрачает и, наконец, ослепляет дух наш, посему *содержащие истину в неправде* теряют напоследок сию истину и на них сбывается Слово Божие, изреченное некогда к древнему Израилю и потом неоднократно прилагаемое к неверующим во Иисуса Христа: *слухом услышите, и не имате разумети: и видяще узрите, и не имате видети. Одебеле бо сердце людей сих: и ушима тяжко слышаша, и очи свои смежиша, да не како увидят очима, и ушима услышат, и сердцем уразумеют, и обратятся, и исцелю их* (Ис. 6: 9, 10; Ин. 12:40).

Конец книги Деяний святых апостолов (ст. 30–31)

Св. Иоанн Златоуст. «Беседы на Деяния», ч. 2

Пребысть же Павел два лета исполнь своею мздою, и приимаше вся приходящая к нему, проповедуя Царствие Божие, и уча яже о Иисусе Христе, со всяким дерзновением, невозбранно (30–31). Здесь (писатель) показывает, как Павел был, наконец, свободен; в Риме он проповедует невозбранно, между тем как в Иудее встречал препятствия, и, оставшись там, учит в продолжение двух лет.

Так он был умерен, или, лучше, так во всем подражал своему Учителю, что имел и жилище не на чужой счет, но на счет того, что сам вырабатывал, ибо это означают слова *своею мздою. И приимаше*, говорит, *вся приходящии к нему, проповедуя Царствие Божие.* Смотри, он не говорил ничего о настоящем, но все – о Царствии Божием. Видишь ли благоустроение (Бо-

жие)? Этим писатель оканчивает свое повествование и оставляет жаждущего слушателя, дабы остальное он дополнил собственным умозаключением. Так делают и внешние (языческие) писатели. Ибо знание всего может располагать к лености и небрежности. Так он и делает: не говорит о последующем, считая это излишним для тех, которые внимательно читают написанное и из сказанного научаются дополнять остальное. Ибо, конечно, каково было прежнее, таково же было и последующее. Впрочем, послушай, что сам (Павел) говорит о последующем в Послании к Римлянам: *яко аще пойду во Испанию, прииду к вам* (15:24).

Коринф имел его у себя два года, Азия – три, этот (Рим) – теперь два, а потом он пришел туда во второй раз, когда и скончался. *В первый мой ответ,* говорит он, *никто же бысть со мною* (2 Тим. 4:16). Таким образом, теперь он не подвергся смерти, а потом, когда наполнил проповедью всю вселенную, разрешился от жизни. Ты хотел бы знать последующее? Оно таково же, как и предыдущее: узы, страдания, борьба, темничное заключение, козни клеветы, ежедневная смерть. Ты видел малую часть (дел) его? Представь такою же и остальную. Как небо, в какой бы мере ты ни увидел одну часть неба, куда бы ты ни пошел, увидишь его таким же везде, или как по лучам солнца, хотя бы ты видел их отчасти, можешь заключить о том, каково солнце, – так и в отношении к Павлу. Ты видел дела его отчасти – все они таковы же, исполнены бедствий. Этот муж – небо, вмещавшее в себе Солнце правды, а не это солнце, посему и сам он выше неба. Разве этого мало? Не думаю. Когда ты называешь апостола, все тотчас разумеют его подобно как при имени Крестителя тотчас (разумеют) Иоанна.

О том же

Епископ Михаил. «Толковый Апостол»

Эти стихи составляют заключение книги Деяний, совершенно одинаковое по форме своей с заключением Евангелия от Луки (Лк. 24: 52–53). Эта одинаковость формы заключения первого и второго *слова* (Деян. 1:1) писателя заставляет признать за несомненное, что книга Деяний не есть незаконченная книга, но так же, как и Евангелие от Луки, вполне законченное, по намерению писателя, слово. Почему дееписатель здесь окончил свою книгу – догадки об этом неуместны, точно так же как и в отношении к вопросу, почему он не описал деяний других святых апостолов. *Целых два года,* вероятно, до освобождения от уз, а не до мученической кончины своей. *На своем иждивении* – греческое слово предполагает полное содержание, то есть наем помещения и обыденное содержание. Не имея возможности, как узник, добывать себе содержания по-прежнему собственным трудом (20:34), апостол содержался, вероятно, в Риме от

усердия верных, не только туземных, но и других основанных им и любивших его обществ христианских (ср. Флп. 4:10 и д. 18). *Проповедуя невозбранно* – тем более, что его *ответ* перед судом кесаря (2 Тим. 4:16) и дальнейшие обстоятельства послужили к большему успеху Евангелия, так что узы его о Христе сделались известными всей претории и всем прочим (Флп. 1: 12–13).

О том же

Блж. Феофилакт. «Толкование на Деяния свв. апостолов»

Павел действовал не как тот Синопец (Диоген), который одевался в лохмотья и жил в бочке, который многих удивлял тем, в чем они не имели никакой нужды, а пользы не приносил никому. Павел ничего подобного не делал, потому что обращал свои взоры не на честолюбие. Напротив, он (Павел) одевался со всевозможным приличием, жил постоянно в доме и показывал всяческое попечение о приличии, которым упомянутый циник пренебрегал, нарушая его публично, живя невоздержно и увлекаясь страстью к славе. Если кто вздумает искать причины обитания его в бочке, тот никакой другой причины не найдет кроме одного тщеславия. А Павел даже платил за помещение, какое занимал в Риме.

О том же

Иннокентий архиепископ Херсонский. Сочинения, т. 9

Поелику обвинители Павла не являлись (ожидая, вероятно, благоприятных обстоятельств и вымышляя более правдоподобные клеветы), то он провел целые два года в ожидании суда и, пользуясь свободой, возвещал имя Христово всем, кои приходили к нему (Деян. 28: 30, 31). В сие время, должно быть, сделано весьма много в пользу Евангелия, хотя мы и не имеем подробных сведений об успехах Павловой проповеди в Риме. Между тогдашними жителями Рима, несмотря на упадок нравов, еще были люди расположенные к добру. В Послании к Филиппийцам Павел утвердительно говорит, что узы его послужили в пользу Евангелия и сделались известны всей претории, то есть или всему дому кесареву или, по крайней мере, всем преторианцам (Флп. 1: 12, 13, 14). Что известность сия не ограничивалась одним слухом о Христе, Которого проповедовал апостол, видно из того же послания, где он приветствует филиппийцев от лица христиан принадлежавших к кесареву дому (Флп. 4:22).

Кто именно были сии христиане – неизвестно. Бароний упоминает о некотором Торпете, который, по свидетельству римской минеи, впоследствии сделался мучеником. Некоторые причисляют к ним Сабину Помпею, которая, по словам Флавия, была ревностной покровительницей

иудейского народа. Но в сем отношении большее вероятие заслуживает Тацит, по сказанию которого сей женщине ничего не доставало кроме доброй души. Гораздо вероятнее догадка тех, кои думают видеть христианку, обращенную Павлом, в Помпонии Грецине — жене Плавта. Подозрение ее в чужестранной ереси, ее долговременная жизнь, проведенная в постоянной набожности, заставляют думать, что она принадлежала к числу христиан. Весьма вероятно также, что известный философ Сенека, как повествует предание (древнее, хотя не совсем верное), был знаком апостолу Павлу. За сие ручается дружество Сенеки с Бурром, под главным надзором коего находился Павел; также и то, что сей философ жил при дворе, коему Павел был весьма известен. Но переписка философа с апостолом совсем не имеет исторической достоверности.

О том же

«Воскресное чтение», 1873, т. 2

Немногие строки Луки (ст. 30–31) представляют обширную рамку, которую, к сожалению, почти нечем наполнить. Что касается его замечаний о том, что Павел «жил (в Риме) целых два года, проповедуя со всяким дерзновением невозбранно», — эти выражения, нигде еще не употребленные историком, дают право думать, что Павел действительно проповедовал в Риме с большей свободой, чем где-нибудь.

Зная обыкновенную деятельность апостола и его горячее желание посетить Рим, проповедовать в Риме, мы вправе думать, что его ревность к проповедованию Евангелия воспользовалась данной ему свободой. Ограничится ли она теперь тесным кругом? Конечно, в Риме труднее привлечь к себе общее внимание, чем в Ефесе или Коринфе, но, тем не менее, Рим, как центр умственной жизни, как город философов, писателей, школ, скоро должен был узнать о присутствии в нем человека, который проповедует столько новых идей — и притом так смело, своеобразно и красноречиво. В Послании к Филиппийцам Павел посылает им приветствие от верующих в Риме, «а наипаче — из кесарева дома» (Флп. 4:22). В начале послания он выражает радость о том, что его узы способствуют успеху Евангелия, «так что, — говорит он, — узы мои о Христе сделались известными всей претории и всем прочим» (1:13). Выражение «всей претории» понималось некоторыми в тесном смысле. Думали, что здесь нужно подразумевать только стражу преторианскую, воины которой поочередно стерегли Павла и которые, быв близко к Павлу, не могли не тронуться его словом. Но так как стража преторианская в то же время была стражей императора, как верховного претора, военачальника, то посему претория означает или резиденцию, дворец императора, или свиту его, как начальника

над войском. Посему префект претории был не только начальником преторианцев, но и военным министром или, еще точнее, первым правителем, первым лицом после императора. Впрочем, разумея под преторией дворец, не исключаем отсюда и преторианцев. Они занимали за городом обширный постоянный лагерь и отсюда ежедневно, в определенном числе, отправлялись в караул — во дворец, где для них устроены были казармы. Вероятно, что при этих казармах была тюрьма. Поелику в то время, когда Павел говорил о претории, он не пользовался уже такой свободой, как в первые два года, то нет ничего невероятного предполагать, что апостол находился в то время в преторианской тюрьме. Впрочем, и без этого предположения понятна связь в словах апостола касательно успеха Евангелия в претории и между людьми из дома кесарева.

Префектом претории, которому сотник, прибыв в Рим, сдал узника и который с первого же дня предоставил Павлу почти полную свободу, — был в то время Бурр-философ.

Если Павел был знаком с Бурром, что весьма вероятно, то не мог не знать и друга его Сенеку, сочинения которого бесспорно запечатлены христианским характером. Но откуда этот характер? На этот счет возможны три предположения. Или христианство Сенеки есть не что иное, как видоизмененный стоицизм, смягченный меланхолическими, поэтическими наклонностями автора, или христианство настолько проникло всюду, что языческий писатель отчасти был уже знаком с христианскими сочинениями, или, наконец, Сенека знал Павла и до некоторой степени усвоил его учение. Впрочем, эти три гипотезы не исключают одна другой. Если Сенека, независимо от Павла, сблизил стоическое учение с христианской философией или если до знакомства с Павлом он подчинился влиянию христианства — во всяком случае это заставляло его ближе узнать Павла. Историк Дион Кассий говорит, что Сенека переделал свои сочинения в конце своей жизни. Так объясняются следы христианских понятий в сочинениях Сенеки, написанных до знакомства с Павлом. Так объясняется и то, почему христианские понятия у него иногда как бы теряются среди других. Язычник писал их, но не язычник изменял или дополнял. Предания идут даже далее этих предположений и делают Сенеку христианином пострадавшим за христианство. Но мы будем умереннее в своих предположениях. Труднее предполагать, чтобы Сенека не знал Павла, нежели думать, что знал. Знакомством с Павлом легче объяснить некоторые идеи и философские понятия в его сочинениях, нежели приписывать это странное сближение простому случаю. Этим же естественно может объясниться и довольно загадочное письмо Сенеки. В этом письме он рассказывает своему другу Луцилию, что вследствие чтения некоторых сочинений в нем произошла глубокая перемена, которой он весьма радуется. «Я пришлю к тебе эти книги, — продолжает

он, — а чтобы тебе легче было просмотреть их, я поделал заметки на тех местах, которые я уважаю и которым удивляюсь». Что это за сочинения, столь замечательные по его мнению, столь могущественные и между тем доселе неизвестные ни ему, ни Люцилию, хотя оба друга были хорошо знакомы с сочинениями философов? Заметьте, что он говорит не об одном, а о многих сочинениях, которым он приписывает одну мысль и одинаковую силу. Заметьте также, что он не называет автора их и даже совсем не упоминает о нем; странное дело, если здесь разумеется обыкновенный философ, и очень естественно, если он имеет в виду христианина иудея, вообще человека, религия которого мало располагала Люцилия к его сочинениям.

Другие указания можно извлечь из жизни того же Сенеки. Внутренняя перемена, о которой он упоминает в письме к Люцилию, обнаруживалась, по словам Тацита, и внешним образом. Спустя немного после смерти Бурра, именно в 64-м году, Сенека просит у Нерона дозволения возвратить ему полученные от него богатства; не хочет, чтобы его клиенты приходили к нему каждое утро с поздравлением и провожали его по городу, как требовал того обычай. Его стол, бывший до того времени роскошным, делается простым. Он сам не является почти никуда. Все это указывает в нем человека решившего искать мира и славы не в земных удовольствиях и отличиях. Не будь письма к Люцилию, мы увидели бы в том только выражение сурового стоицизма, но он пишет о перемене, преобразовании, а это не было бы согласно с его прежними принципами. А между тем даже хронология показывает, что существовало полное согласие.

Несмотря на это, повторяем: невозможно видеть в Сенеке христианина, даже тайного. Ни его положение, ни слабость его характера не допускают, чтобы он, будучи христианином, не высказал или не дал понять своих убеждений. Если в его сочинениях много христианских понятий, которые мог высказать только христианин Павел, то в них много и такого, чего христианин не написал бы, много пропусков, которые христианин пополнил бы. В доказательство укажем на пропуск учения об искуплении. Таким образом, Сенека остался верен стоическому принципу — совершенно противоположному принципу христианскому. Он учит, например, что сила человека — в нем самом. В этом-то учении, может быть, и заключается настоящий ключ к примирению всех данных *за* и *против* Сенеки. Итак, Сенека увидел ап. Павла, узнал христианское учение, насколько оно соответствовало его философской системе, принял его только как философскую систему, помогающую человеку извлекать силу единственно из своего внутреннего источника. Если его изображение истинного мудреца (посл. 41) содержит такие черты, по которым почти нельзя не узнать в нем Иисуса Христа, то, в целом, это портрет стоика. Хотя христианин и стоик могут иметь нечто общее, но у него их разделяет целая бездна, которой Сенеке никогда

не удалось перейти, хотя он и стремился к тому при помощи Павла.

Но если христианство того времени обратило на себя внимание даже лиц высокопоставленных в обществе, каков, например, Сенека, то почему Тацит, писавший несколько позже, говорит о христианах как о презренной секте и их учению не придает значения?

Такими странностями полна история религий. Всякая господствующая религия презирает тех, кто уклоняется от единства с нею, и органы ее, даже преданные ей, делаются посему эхом ее мысли и антипатии. Значит, нет ничего удивительного, если Тацит в своих Анналах, император в своих декретах называют христиан презренной сектой. Впрочем, Тацит противоречит сам себе. В одном месте он называет христиан ничтожной сектой, а христианское учение – суеверием, в другом, касаясь Помпония (Annal. 13:32), говорит, что это суеверие увлекло знатнейших римских патрициев. А это увлечение началось, конечно, со времен Павла.

Другой вопрос, менее интересный для нас, почему в первые два года пребывания Павла в Риме его положение не изменилось ни к лучшему, ни к худшему? Мы не имеем никаких данных, показывающих, чтобы его дело подвинулось вперед на суде, а последние слова Деяний доказывают даже противное.

На этот вопрос можно отвечать только вопросами. Не ожидали ли когонибудь из Иудеи, уполномоченного поддерживать перед императором обвинение против Павла, выраженное перед Феликсом и Фестом? На основании характера римского законодательства некоторые отвечают на этот вопрос утвердительно. Но другие возражают, что теперь процесс Павла изменился в существе своем, что в Кесарии, со времени произнесения апелляции к императору, не упоминается об иудеях отправляющихся в Рим, что ни Деяния, ни сам Павел, говоря о своем процессе, не упоминают ни об отсутствии, ни о присутствии обвинителей пришедших из Иудеи. Итак, может быть, или судопроизводство велось письменно и потому не могло идти скоро, или медленность его зависела от небрежности, свойственной римским неограниченным правителям, или оно было следствием ходатайства друзей Павла, видевших в замедлении суда пользу для него. Как бы то ни было, но деяписатель говорит, что Павел пользовался два года почти полной свободой. Был ли он освобожден? Когда умер – в первое или второе пребывание в узах в Риме?

Конец книги Деяний святых апостолов

Фаррар. «Первые дни христианства»

Когда с последним словом в книге Деяний апостольских мы лишаемся живописного и верного руководства св. Луки, факел христианской исто-

рии на время мгновенно погасает. Нам предоставляется, так сказать, ощупью бродить среди извилин катакомб. Даже окончательные труды жизни ап. Павла нам известны лишь настолько, что мы только с неясностью можем делать о ней заключение из случайных намеков в пастырских посланиях. В отношении подробностей многих лет в жизни ап. Павла мы не имеем ничего такого, на что бы можно было опереться, исключая легких и неопределенных намеков, ходячих слухов и ложных впечатлений, создаваемых произвольными измышлениями еретических сказаний.

Это молчание есть, вероятно, само по себе результат страшных сцен, в которых погибли апостолы. Для безопасности всей общины было необходимо, чтобы книги христиан, в случае выдачи их несчастной слабостью «предателей» или открытия пронырливой злобой доносчиков, не содержали в себе ничего компрометирующего их. Но как мог бы, например, писать св. Лука, не компрометируя себя и общины христиан, если бы он хотел подробно изложить ужасы Неронова гонения? Не лишено основания предположение, что внезапное окончание книги Деяний апостольских могло зависеть именно от невозможности говорить без негодования и отвращения об императоре и правительстве, которые между 64 и 68 годами подвергали невинных мужей и жен жестокостям возбуждавшим сострадание даже самих язычников. Всякий иудей и христианин, бравшиеся за такие темы, могли трактовать о них только под маской криптографа, скрывая значение своего сочинения от всех, кроме немногих, посвященных в такие символы, как символы Апокалипсиса. Только в этой одной книге мы имеем возможность слышать тот вопль ужаса, который зверские жестокости Нерона вырывали из груди христиан.

Но если мы так мало знаем хотя сколько-нибудь достоверного о св. ап. Петре, то неудивительно, что о других апостолах, за единичным исключением ап. Иоанна и (в более широком смысле слова «апостол») св. Иакова, брата Господня, мы едва ли знаем что-нибудь вообще. Апостолам Петру, Иоанну и Иакову, брату Господнюю, по верованию христиан, Христос после Своего воскресения «открыл истинный *гносис*», то есть глубочайшее разумение христианского учения. Замечательно, что так мало повествуется об остальных апостолах, и даже это малое всецело зависит от неопределенного и неудостоверенного предания. Странствовали ли они все в качестве миссионеров? Умерли ли они все как мученики? Ираклион во втором столетии свидетельствовал, что апостолы Матфий, Фома, Филипп и Матфей умерли естественною смертью, и св. Климент Александрийский приводит это свидетельство без всякого опровержения. В Новом Завете повествуется о смерти только одного апостола и повествуется лишь в двух словах — ἀνεῖλε μαχαίρᾳ — «убить мечом». Это именно мученичество св. Иакова Старшего, сына Зеведеева. Об ап. Филиппе мы с достаточной

достоверностью знаем, что он много лет был епископом и умер в великой чести в Иераполе, во Фригии. Евсевий Кесарийский делает особенное замечание о его дочерях, из которых две были девственницы и одна была замужем и погребена в Ефесе. Трудно вполне отрицать, чтобы тут не было какого-либо смешения между Филиппом апостолом и Филиппом диаконом, но нет основания к отрицанию того, чтобы оба они не имели дочерей девственниц; а Поликрат выразительно говорит, что Филипп, который считался одним из великих «светочей Азии», был одним из двенадцати. Если мы обратимся к остальным из двенадцати избранных учеников Спасителя, то во всем, что о них говорится, мы находим лишь в высшей степени скудные сведения. Прежде всего о них сообщается то, что они не разлучались между собой в течение двенадцати лет, потому что Христос в Своих прощальных словах повелел им в течение этого периода оставаться в Иерусалиме. Согласно с этим мы находим, что до этого времени ап. Павел есть единственный апостол, о миссионерских путешествиях которого вне пределов Палестины мы имеем какое-либо свидетельство, между тем как после этого времени мы находим в Иерусалиме только Иакова, брата Господня, в качестве постоянного епископа Матери Церкви.

Предание сообщает, что после вознесения апостолы разделили мир между собой жребием, с целью проповеди Евангелия, и в четвертом столетии господствовало убеждение, что все они потерпели мученичество до разрушения Иерусалима, исключая ап. Иоанна. Это, однако же, составляет лишь одно предположение, и, к сожалению, нет ни одного фактического указания, которое бы можно привести в его подтверждение.

Вообще же, все, что сообщает нам предание об этих апостолах (исключая, конечно, позднейшие вымыслы и сказания), заключается в следующем:

Св. ап. Андрей, решившись обратить к вере скифов, посетил по пути Аллинс, Трапезунт, Гераклию и Синоп. Будучи почти убит иудеями в Синопе, он чудесно был исцелен, посетил Неокесарию и Самосаты, возвратился в Иерусалим и оттуда отправился в Византию, где рукоположил Стахиса во епископа. После различных других путешествий и приключений он потерпел мученичество в Патрах от рук Эгея, проконсула Ахаии, и был распят на косом кресте, теперь известном под названием креста св. ап. Андрея.

Св. ап. Варфоломей (Нафанаил), по преданию, путешествовал в Индию и принес туда Евангелие св. Матфея. После проповеди в Ликаонии и Армении он, по преданию, или был казнен содранием с него кожи, или распят головой вниз в Албанополе, в Армении. Псевдо-Дионисий приписывает ему замечательное изречение, «что богословие в одно и то же время и велико и очень мало, и Евангелие широко и велико, а также сжато».

Св. ап. Матфей, по преданию, проповедовал в Парфии и Эфиопии и в последней потерпел мученичество в Наддабере. Согласно свидетельству

св. Климента он питался травой, ведя образ жизни по своей простоте и самоотречению приближавшийся к ессейскому.

Св. ап. Фома называется апостолом Индии и, по преданию, основал христианские общины в Индии и доселе называющие себя его именем. Но это, по-видимому, ошибка, Феодорит говорит, что Фома, учредивший эти церкви, был манихей и «деяния Фомы проникнуты манихейским духом». Ориген говорит, что этот апостол проповедовал в Парфии. В четвертом столетии его гробница показывалась в Едессе.

Св. ап. Иаков меньший, сын Алфея, которого Православная греческая Церковь отличает от Иакова, брата Господня, по преданию, был распят во время проповеди в Остракине, в Нижнем Египте.

Св. ап. Симон Зилот проповедовал и распят был, по одному преданию, в Вавилоне, по другому – на Британских островах.

Свв. апостолы Иуда Леввей и Фаддей, по преданию, отправлены были св. ап. Фомой к Авгарю, царю едесскому, и потерпели мученичество в Берите.

Скудные, противоречивые, поздние и никем не удостоверенные свидетельства, основанные большей частью на позднейших соображениях и записанные главным образом писателями вроде Григория Турского, не раньше шестого столетия, и Никифором Каллистом, в четырнадцатом столетии, очевидно, не могут иметь большого исторического значения. Все, что можно вывести из них, это убеждение, отголоски которого мы видим даже у Климента Александрийского и Оригена, что апостолы проповедовали во многих и далеких странах и многие из них потерпели мученичество. Было бы странно, если бы никто из двенадцати не потерпел такой именно кончины во время проповеди среди языческих и варварских народов, а что они действительно проповедовали там, это делается вероятным вследствие чрезвычайной древности и заметного иудейско-христианского характера церквей, которые еще существуют в Персии, Индии, Египте и Абиссинии.

Но в молчании и тумане, закрывающих, таким образом, личную историю и конечную судьбу двенадцати апостолов, которых Христос избрал Своими ближайшими последователями на земле, какое неоценимое значение для веры и в некоторой степени даже для нас имеет знакомство с мыслями и в некоторой степени даже с жизнью таких апостолов, как святые Петр, Павел и Иоанн, равно как Иуда и Иаков, брат Господень! Значение это тем богаче для нас, что проповедовавшаяся ими истина представляется нам с ее различных сторон. Каждый из этих писателей-апостолов, при всем единстве их веры, излагает надежды и обетования христианства с различной точки зрения, каждый открывает нам новый просвет на многостороннюю истину христианства.

Древнейшие сказания об освобождении апостола Павла из римских уз, о проповеднической деятельности его после этого и о мученической кончине его

Как совершил прочие подвиги земной жизни и апостольского служения св. апостол Павел, об этом повествует церковный историк *Евсевий* Памфил, епископ Кесарии Палестинской; он пишет, что после двухлетнего заключения в Риме св. Павел – признанный невинным, отпущен был на свободу и проповедовал Слово Божие то в Риме, то в других западных странах.

Святой же *Симеон Метафраст* свидетельствует, что после римского узничества св. апостол Павел еще несколько лет трудился в благовествовании Христовом; что, оставя Рим, он прошел всю Италию, Галлию, то есть нынешнюю Францию и Испанию, просвещая всюду светом святой веры и обращая народы от прелести идольской ко Господу Иисусу Христу. Когда он был в Испании, то одна благородная и богатая женщина, услышав о проповеди его о Христе, пожелала видеть самого св. апостола и уговаривала своего мужа Прова упросить св. Павла придти к ним в дом, где имела намерение угостить его. Когда же вошел к ним св. апостол, то женщина сия, взглянув на лицо его, увидела на челе Павловом златыми буквами начертанные слова: *Павел, Христов Апостол.* Узрев эти слова, которые никто другой не мог видеть, жена с радостью и страхом припала к ногам св. апостола, веруя, что Христос есть истинный Бог, и прося Святого Крещения. И прежде других была крещена эта женщина, именовавшаяся Ксанфиппою, а после нее крестились муж ее Пров со всем домом и градоначальник Филофей со многими уверовавшими во Христа. Прошедши все поименованные страны на западе и просветив их светом веры Христовой, св. апостол Павел, провидящий свою страдальческую кончину, возвратился опять в Рим и писал ученику своему, св. апостолу Тимофею: «Меня уже приносят в жертву, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный» (2 Тим. 4: 6–8).

О времени страдальческой кончины св. апостола Павла пишется в церковных историях двояко. Никифор Каллист, в 36-й главе второй книги своей истории, повествует, что св. апостол Павел пострадал в один год и день со св. апостолом Петром за Симона волхва, помогая Симону Петру победить его. Другие же историки пишут, что св. Павел принял страдальческую кончину ровно через год после крестной смерти св. апостола Петра, то есть двадцать девятого июня 68 года от Р. Х. По их словам, вина, за которую пострадал св. Павел, заключалась в том, что он Христовой проповедью увещевал женщин и дев жить целомудренно. Что св. Павел помо-

гал св. апостолу Петру против Симона волхва и пострадал за увещание жен и дев — в этом, кажется, нет никакого разногласия, потому что св. Симеон Метафраст пишет, как мы знаем, в жизни св. апостола Петра, что он пострадал не тотчас после гибели Симона волхва, но через несколько лет, и именно за двух наложниц, любимых императором Нероном, которых св. апостол Петр обратил ко Христу и научил жить целомудренно. А так как св. Павел в одно время со св. Петром жил много лет в Риме и в окрестных западных странах, то во время своего первого пребывания в Риме мог помогать св. Петру против Симона волхва, а придя вторично в Рим, мог также со св. апостолом Петром единодушно служить спасению человеческому, наставляя мужеский и женский пол целомудренной жизни, и этим восстановить против себя нечестивого и развратного императора Нерона, который при этом вспомнил о гибели своего любимца, Симона волхва, и повелел умертвить обоих святых апостолов. Св. апостола Петра, как иноплеменника, он приказал распять на кресте, а св. апостолу Павлу, как римскому гражданину, которого не следовало казнить бесчестно, велел отрубить мечом голову. Если и не в один год пострадали святые первоверховные апостолы Петр и Павел, то все же, однако, в одно и то же число — 29 июня. Когда была усечена честная глава св. апостола Павла, то из раны истекла кровь с млеком. Святое тело его взяли верующие и погребли в одном месте с телом св. апостола Петра.

Так кончил жизнь свою св. первоверховный апостол Павел, избранное орудие Христово, учитель язычников, всемирный проповедник, созерцатель высот небесных и красот рая, удивление ангелов и человеков, великий подвижник и страдалец, понесший на теле своем язвы Господа своего, и вторично, уже бестелесно, взятый до третьего неба, предстал он Тройственному свету вместе с другом и сотрудником своим, св. первоверховным апостолом Петром, при радостном гласе, прешед от Церкви воинствующей в Церковь торжествующую.

О том же

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Сочинения, т. 9

Полагали и ныне полагают некоторые, что первые узы Павловы в Риме были вместе и последними. Но сему мнению, при всей учености защитников оного, недостает основательных доказательств. За истину противного мнения, то есть что первые узы Павла окончились освобождением, ручается: а) *всеобщее предание Церкви.* Правда сие предание становится известным со времен Евсевия, но тем не менее оно важно, ибо Евсевий заимствовал его из сочинений (ныне потерянных) Дионисия Коринфского, во время коего последняя судьба Павла была еще у всех в свежей памя-

ти. Выражение ὡς λόγος ἔχει (как носится слух, как говорят) не показывает еще того, чтобы Евсевий считал сие предание недостоверным, ибо он ясно говорит, что предание сие пересказано им для того, дабы кто-нибудь не подумал, что первые узы Павловы в Риме окончились его смертью. Историки, пересказывая предание, нередко употребляют выражения обоюдные, сила коих должна быть определяема смотря по ходу повествования. Со времен Евсевия предание об освобождении Павла из римских уз становится общеупотребительным для всех писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались в сем случае на одной важности Евсевия. б) *Многие места в посланиях Павловых*, писанных из Рима (Флп. 2: 19, 24; Флм. ст. 28; Евр. 12:22). Писатель везде показывает твердую надежду на свое освобождение и обещает снова посетить учеников своих. Даже надлежит думать, что Послание к Евреям написано Павлом по окончании уз, ибо он в заключение его говорит: «Знайте, что брат наш Тимофей освобожден, и я вместе с ним (ежели он скоро придет) увижу вас». в) *Заключение Деяний апостольских*. «И жил (διέμεινε), – пишет св. Лука, – Павел целые два года в нанятом им доме и принимал (ἀπεδέχετο) всех приходящих к нему, проповедуя Царствие Божие и невозбранно уча о Господе Иисусе Христе со всею смелостию». Если бы апостол Павел, когда написаны Деяния апостольские, носил еще узы, то св. Лука не сказал бы: *жил и принимал;* равно если бы Павла в сие время не было уже в живых, он не преминул бы в конце своей книги упомянуть, хотя кратко, о кончине, тем паче, что большая часть Деяний апостольских есть не что иное, как история Павловых путешествий. Весьма вероятно, что обвинители Павла (если только они имели бесстыдство явиться на суд кесаря) не могли доказать своих клевет, между тем как в пользу обвиняемого ходатайствовали и одобрение Феста и Юлия, и собственная его беспорочная жизнь, и усердие римских христиан, особенно – принадлежавших к дому кесареву. Нерон в сие время, по замечанию Евсевия, еще не совсем забыл свою прежнюю кротость и слушал иногда своих мудрых и добродетельных наставников, а посему мог быть справедливым в деле иудейского узника, оправдания коего требовала некоторым образом самая честь римского имени.

Касательно самого образа и времени освобождения Павла нет никаких известий. Бароний догадывается, что с Павла сняты узы по случаю умерщвления Агриппины, матери Нероновой, когда в Риме торжественно праздновали сие злодеяние и когда, в память спасения императора от мнимой опасности со стороны Агриппины, многим узникам была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва ли согласная с хронологией.

Не подвергаясь упреку в историческом неверии, нельзя сомневаться, что апостол Павел, по своем освобождении, предпринимал четвертое

апостольское путешествие, продолжавшееся до его последних уз. Таковое его сомнение было бы несовместно и с посланиями Павла, писанными из Рима, в коих он дает многократные обещания снова посетить учеников своих, и с всеобщим преданием Церкви. Даже вопрос: куда предпринято было четвертое путешествие? — может быть разрешен, хотя не совершенно. Если мы не знаем всех мест, посещенных в сие время апостолом, то с достоверностью знаем некоторые из них. Из второго Послания к Тимофею, писанного во время последних уз, открывается, что писатель оного незадолго перед тем был в Коринфе, Мелите, Иконии, Листрах и Антиохии и в последних трех городах весьма много претерпел (2 Тим. 3:11; 4: 13, 20). Значит, последнее путешествие было предпринято Павлом на восток, и именно по тем церквам, кои почитали его своим учителем. Бывши на востоке, он, без сомнения, исполнил обещание свое посетить Колосс (Кол. 3:22) и Филиппы (Флп. 1:25); сопредельные с ними церкви (исключая ефесской, которой Павел, во время прощания с ней, предсказал, что она не увидит более его лица) также, конечно, имели утешение насладиться лицезрением своего основателя.

После обозрения восточных церквей Павел посетил Испанию. Выражение Климента Римского καὶ ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς δύσεως ἐλθών (доходивший до последних пределов запада) именно заставляет так думать. Ибо последним пределом запада не могут быть, как толковали некоторые, ни Италия, ни Британия — это, бесспорно, Испания, коей последний предел назывался концом земли (finis terrae). Павел еще в Послании к Римлянам изъявил желание свое побывать в Испании. «Но время, протекшее от освобождения Павла до последних уз, недостаточно для того, чтобы с востока предпринять путешествие в Испанию». Возражение не очень сильное. В четыре года можно было совершить путешествие и на восток, и на запад, тем более что последнее путешествие Павла по востоку было предпринято не столько для новой проповеди, сколько для преподания последнего утешения верующим.

Между тем как великий учитель язычников обтекал последний раз красными стопами своими восток и запад, в Риме возгорелось гонение на христиан. Нерон, зажегший в безумии сию столицу мира, дабы видеть подобие горящей Трои, во избежание ненависти за злодейство, тем охотнее сложил вину оного на христиан, что суеверный народ уже давно был расположен почитать их врагами общественного благоденствия. Мщение за мнимое произведение пожара искало всюду жертв: одних — из христиан в звериных кожах — предавали на растерзание псам; другие, с ног до головы облитые горючими материалами, должны были, сгорая постепенно, освещать собою во время ночи сады Нероновы. Для Римской Церкви потребна была вся вера и терпение, дабы не пасть под тяжестью креста. Мог

ли Павел оставаться равнодушным слушателем о кровавой борьбе христианства с язычеством? Мог ли он оставить без утешения возлюбленных чад своих в Риме? Напротив, он немедленно явился к ним, дабы разделить с ними венец мученический, в получении коего он уверен был, по словам Афанасия, предварительным откровением. Та же, вероятно, причина привела в Рим и апостола Петра. Узы немедленно соединили сих первоверховных апостолов, коих жребий служения разделял в продолжение целой жизни. Нерон в сие время был уже чудовищем, а не человеком, почему апостол, еще до решительного приговора над собой, писал к Тимофею о скором отшествии своем из сего мира и просил его придти к себе (2 Тим. 4:9). Судя по этой просьбе, должно, однако, думать, что последние узы Павла продолжались, по крайней мере, несколько месяцев.

Последним побуждением к осуждению Павла на смерть для Нерона, по сказанию Златоуста, было следующее: апостол, несмотря на опасность, продолжал возвещать имя Христово и обратил одну из наложниц тирана, им страстно любимую. Обращенная решительно отказалась разделять с ним бесчестное ложе. Матереубийца воскипел гневом и, узнав, что Павел виною сего случая, осудил его на казнь.

Предание, почти общее, говорит, что апостол Павел был замучен вместе с апостолом Петром. Но есть и другое предание, что Павел пострадал спустя год после смерти Петра, впрочем, в тот же самый день, то есть 29 июня.

Лактанций пишет, что сии апостолы перед концом своей жизни изрекали пророчество о том, что Бог вскоре воздвигнет царя в Риме, который опустошит Иерусалим, разрушит храм иудейский и рассеет иудеев по всему миру. Орудием казни Павла, как римского гражданина, был меч. Она последовала в преклонных летах апостола на месте, называемом Салвианскими источниками, в правление Гелия и Поликлета, коим Нерон во время путешествия своего в Грецию поручил верховную власть, — около 67 года по Рождестве Христовом. Священные останки Павла погребены верующими близ Рима. Св. Златоуст говорит, что их страшились демоны и уважали ангелы и что верующие со всех стран стекались для поклонения гробу Павла. Над сим гробом Константин Великий, по совету Сильвестра, римского епископа, создал малую церковь, которая потом была расширена Валентинианом.

О вторых узах апостола Павла, на основании второго Послания к Тимофею

Прот. Горский. «История евангельская и Церкви апостольской»

Во время своей деятельности на западе, по освобождении из первых уз, апостол взят был и приведен в Рим. Здесь снова заключен был, как хрис-

тианин, и отсюда писал во время гонения Нерона второе П ослание к Тимофею. Положение Павла в этом заключении много отличалось от прежнего состояния; видно, что он снова в узах (1:8; 2:9). Это состояние его отличалось от первого заключения тем, что там смотрели на него как только на нововероучителя, к которому обращались с любопытством и иудеи и язычники, — здесь он страдал как злодей (2:9). Самые христиане считались в это время людьми злонамеренными, преступниками, поэтому-то и сложена была на них вина в зажигательстве. В первое заключение апостол писал, что братия ободряются его узами (Флп. 1:14); мы видим, что с ним было тогда много братий, теперь он пишет, что все оставили его, кроме Луки (1:15; 4: 9–16). Из посланий, которые писал апостол в первое заключение, видно, что он колебался между ожиданием мучения и надеждой избавления (Флп. 1:20). Теперь он уверен в близкой мученической своей кончине (2 Тим. 4:6), рассказывает Тимофею, как Господь укрепил его в первом ответе, как избавил от челюстей львовых, но и после этого у него одно ожидание, что Господь избавит его от греха, а уже не от смерти. В виду он имеет только Иисуса Христа; чувствование спокойствия душевного, забвение себя ради дела Божия, забота о делах Евангелия, упование на Бога, Которого был служителем, нежная попечительность о Тимофее — все это показывает человека приготовляющегося к смерти. Стоит сличить его взгляд на себя во втором Послании к Тимофею, характеризующий его душевное состояние, чтобы видеть различие настоящего его состояния от того, в котором он писал Послание к Филиппийцам (3: 12, 13; 2 Тим. 4: 7, 8). Из того же Послания к Тимофею видно, что более, нежели мысль о себе, занимала его мысль о Церкви; он снова говорит о лжеучителях (4:6), упоминает об отвергавших воскресение (2:18) — и в заключение зовет Тимофея в Рим. Время кончины Павла неизвестно, но из предания церковного известно, что Павел скончался мученически в 67 или 68 г. по Рождестве Христовом.

О посланиях святого апостола Павла, написанных в Риме

Филарет, митрополит Московский

Послание к Ефесянам. Писано в Риме в узах. Намерение сего послания было то, конечно, чтобы поставить оплот против наклонности ефесян к идолослужению, волхвованию, своеволию и против мужей, глаголющих развращенная, которых явление он предсказывал, прощаясь с ефесянами. В первой части послания апостол излагает смотрение спасения и молит Бога о просвещении ефесян; во второй — увещевает сохранять единство церковное, обновляться духом, из любви к Богу исполнять все добродетели и

обязанности общественные, подвизаться во всеоружии веры и, наконец, просит молитв о себе самом.

Послание к Филиппийцам. Написано во время первого пребывания апостола в Риме, когда он отпускал Епафродита, присланного к нему от Филиппийской Церкви с милостынею и для служения. Краткое повествование об узах писателя, убеждение к единодушию и преданности в волю Божию, предостережение от лжеучителей иудействующих и, наконец, одобрение благочестивой щедрости филиппийцев составляют содержание сего послания, наполненного живыми чувствованиями любви и радости.

Послание к Колоссянам. Церкви, к которой оно написано, некоторые ищут на острове Родосе, но Златоуст и Иероним с большей достоверностью полагают ее в Колоссах, городе Фригийском, близ Лаодикии. Не видав ее, но слышав о ней от Епафраса в Риме, апостол посылает сие послание через диакона *Тихика* и *Онисима.* В нем превозносит лицо и заслуги Иисуса Христа, ветхозаветным обрядам противополагает нового духовного человека, изображает обязанности общественные и поведение христианина.

Послание к Тимофею первое. Тимофей, благочестивый сын благочестивой иудеянки и язычника, будучи представлен апостолу верными в Листре, сделался его спутником и сотрудником. Отправляясь из Ефеса в Македонию, апостол оставил его с властью епископа в Ефесской Церкви, и потом, для наставления его в сем служении и в остережение от ложного просвещения, писал к нему сие послание. Сие было или после двухлетнего пребывания Павла в Ефесе, или уже после первого путешествия его в Рим. В сей книге содержатся правила, относящиеся преимущественно до лиц посвященных в служение Церкви, с предсказанием о лжеучителях последних времен.

Послание к Тимофею второе. Писано в узах, и если сие было в последнее пребывание апостола в Риме, как думают Епифаний и Златоуст, то и послание сие было последнее. Среди гонения, будучи оставлен ближними, апостол убеждает возлюбленного сына своего к верному прохождению его служения, предсказывая разврат последних дней, обращает его внимание на Боговдохновенное Писание и, упомянув о своих последних страданиях, призывает его к себе.

Послание к Титу. Тит, родившийся в язычестве, по принятии христианства бывший в путешествиях Павла и употребленный для сбора милостыни в некоторых церквах, по насаждении апостолом церкви в Крите, оставлен был в сем месте для поставления пресвитеров. Из молчания о Критской Церкви в книге Деяний заключают, что сие было после первого путешествия апостола в Рим. На пути в Никополь или из самого Никополя, или Македонского, или Епирского, апостол сообщает Титу через сие послание правила, которым он должен следовать в избрании пресвитеров и которые должен внушать народу.

Послание к Филимону. Онисим, раб Филимона, убежавший в Рим, обратился здесь к вере. Возвращая его к господину, апостол посылает с ним сие послание, примирительное. К сему присовокупленное повеление уготовать обитель для самого Павла показывает, что сие было во время первых уз его.

Послание к Евреям. Книгу сию Ориген приписывает Луке, Тертуллиан – Варнаве, а иные – Клименту Римскому или Аполлосу, но Иустин, Климент Александрийский, Афанасий, Григорий, Иероним, Августин – апостолу Павлу. В самом деле, хотя он, по некоторой скромности или по причине предубеждения против него иудеев, скрыл свое имя, но его лицо открывается в том, что он пишет в Италии в узах в надежде освобождения, в ожидании пришествия Тимофея, что образ чувствования и многие выражения сего послания общи с прочими посланиями сего апостола и что указание апостола Петра на писания Павла точно упадает на сие послание. Мнение, что первоначальный язык сей книги был не греческий, а еврейский, происшедшее от Климента Александрийского, новейшие, судя по ее слогу и обстоятельствам писателя, находят неосновательным. Привязанность уверовавших иудеев к левитскому служению, их страдания от неверующих и, может быть, в особенности кончина апостола Иакова, епископа Иерусалимского, побудили Павла наставить и утешить их. Изобразив Божественное величие лица и служения Иисус Христова, он призывает в Его духовный покой; сравнив священства Мелхиседеково, левитское и Иисусово, научает искать оправдания в сем последнем и в духовном Богу служении, показав преимущество веры в примерах ветхозаветных праведников, возбуждает к подражанию им и Господу и заключает нравственными наставлениями.

Похвала святому апостолу Павлу

Св. Прокл, архиеп. Константинопольский. «Христианское чтение», 1840, ч. 2

Никто не изнемогает, когда Павел ратоборствует. Вместе с его платками (Деян. 19:12) и воспоминания о нем прекращают болезни. Итак, никто не изнемогает, когда Павел ратоборствует. Целительное врачевство от недугов– подвижничество скинотворца. Посему светло торжество Павла. Чудны зрелища Тарсянина. Все приходит в восторг при подвигах Павла, подвижника благочестия: рай, в котором он был восхищен; небо, которое восхитил; мир, который умудрил; бездна, которую осветил; солнце, которому был сопутником; кошница, которую осиял; тварь, которую победил; церковь, которую увлажил; темница, которую осветил; гроб, который украсил! Все взирает на подвиги Павла– на стези швеца палаток, на борьбу атлета, на язвы бойца, на трофеи воина, на груз кормчего, на виноград земледелателя, на врачебницу врача, на парение орла, на поражение демонов, на посрамление диавола, на опустошение синагог, на истребление

идолов, на державу креста, на дерзость неистовства, на обуздание гласом, на добычу молнии, на человеколюбивость призывания, на правомыслие ответа, на уврачевание слепоты, на рождение в купели, на дерзновение проповеди, на упразднение закона, на упражнение в слове благодати. Павел воинствовал и побеждал, говорил и словами гремел. Везде Павел пребыл непобедимым воином. Тварь бросала в него стрелы, а вера облекла его в броню. Тарс был его отечеством, а рай восхитил его. Дамаск отродил, а вселенная провозгласила блаженным. Рим предал погребению, а небо увенчало. Язвы покрыли его тело, а все языки прославили подвиг его. Едва воссиявают лучи празднеств – и все Павлово становится предметом удивления: послания его – сети спасения; платы – подобно серпам пожинают болезни; язык – труба Распятого; падение – восстание вселенной; слепота – прозорливость веры; кошница – мрежа Евангелия; раны – врачевание мира; путешествия – стяжания наград; кораблекрушение – кормило Церкви; узы – союз любви; кровь – залог любви к человечеству; гроб – честь римлян; память – слава православных.

Поистине в мире нет ничего такого, что могло бы сравниться с благостью апостольской. Много чудесного имел и закон, но, как скоро взошло солнце, светильник погас. Ничто в мире не может сравняться с апостолами. Они были слуги Слова; не имеющего образа осязали Воплотившегося; ходили вслед Вездесущего; слушали глас призывающего *не сущая яко сущая* (Рим. 4:17); уловили языком мир; облетели, как орлы, все пределы земли; исторгли заблуждения, как плевелы; попалили олтари, как терния; умертвили идолов, как зверей; прогнали демонов, как волков, созвали Церковь, как пастыри, собрали воедино православных, как классы; развеяли ереси, как плевы; иссушили иудейство, как сено; выжгли язычество, как лес взорали крестом мир; посеяли слово, как пшеницу; озарили все, как утренние звезды. Посему-то Господь и взывает ныне к Павлу: *«довлеет ти благодать Моя* (2 Кор. 12:9). Павел! Ты подобно солнцу озарил все проповедию; подобно луне разогнал тьму невежества; подобно орлу воспарил в небеса и, как маргарит, возблистал в глубине моря: *довлеет ти благодать Моя.* Взирай на твои победы и возвещай Мое могущество: *довлеет ти благодать Моя».* Князи дышали злобою, народы восставали, цари обвиняли, города ополчались, иудеи коварствовали, эллины разрывались от ярости, мечи изощрялись, узы ковались – но Павел стоял посреди скорбей как скала, взывая: *кто ны разлучит от любви Христовой!* (Рим. 8:35). О глава, украшенная не власами, но победами!

Ибо размыслим о подвигах Павла, и ты изумишься от победных его венцов. Римлян он привлек посланием; коринфян уловил крестом; галатян обратил укоризною; у ефесян ниспроверг Диану (Деян. гл. 19); афинян поймал, как бы сетью, жертвенником (Деян. 17:22 и след.); в Филиппах приоб-

рел добычу темничному стражу (Деян. 16:27 и след.); в Антиохии произнес поразительную проповедь (Деян. 13:14 и сл.); в Иконии забросан был камнями, как снегом (Деян. 14:19); в Листре отрыгнул словом исцеление хромому (Деян. 14:8 и сл.); в Троаде оживил Евтиха (Деян. 20:9 и сл.); на острове (Мелите) восторжествовал над ехидною (Деян. гл. 28); в Кипре ослепил волхва (Деян. 13:11); в Иерусалиме защитил крест (Деян. гл. 22). Одно поприще сменялось новым, но он не ослабевал в подвигах. Отовсюду, как из источников, лились на него беды – *беды в реках*, но стяжания добродетелей не разнесли; *беды от разбойник*, но сокровища веры его не разграбили; *беды от сродник*, но, будучи земным, он дерзает как небесный; *беды от язык*, но евангельской стены не разрушили; *беды во градех*, но не преодолели венценосца вселенной; *беды в пустыне*, но зрелище евангельское представляло торжество победное; *беды в мори*, но не потопили ладьи терпения; *беды во лжебратии* (2 Кор. 11:26), но из среды иудеев он восприял ангелов. Подлинно, у диавола истощились искушения, а Павел не потерял ни одного венца. Итак, принесем дань благоговения всем членам Павловым. О глава, замок добродетелей! О очи, созерцающие Святую Троицу! О громогласный язык Богословия! О язвы, блистательнейшие звезд! О руки – устроительницы членов! О ноги, протекшие евангельское поприще! О словеса, врачующие души! О послания, мрежа спасения! О грудь, полная, как море, забот! О пот, оросивший Церковь! О человек, *столп веры!* О сокровище, обогатившее мир! О врач, отсекший заблуждение! О мертвец, никогда не умирающий! О апостол, молчащий во гробе и вопиющий с неба: *мне еже жити, Христос: и еже умрети, приобретение есть* (Флп. 1:21). Тому слава и держава, со Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О том же

Иннокентий, архиеп. Херсонский. Сочинения, т. 9
Св. Иоанн Златоуст «Беседы на Деяния ап.», ч. 2

«Кто даст мне ныне, да обниму тело Павлово, да повергнусь на гроб его, да узрю прах того тела, в коем восполнилось лишение скорбей Христовых, которое носило на себе язвы Господа своего; да узрю прах тех уст, кои изрекли блаженные оные слова: «я желал бы сам быть отлучен от Христа за братьев моих» (Рим. 9:3), кои вещали пред царями и не стыдились... чрез коих Христос провещал величайшие тайны, большие, нежели чрез Себя Самого... Чего ни совершали сии уста? Демонов изгоняли, грехи разрешали, тиранов приводили к молчанию, связывали языки философов, вселенную обратили к Богу, варварам внушили любомудрие – все, что на земле, привели в порядок, располагали по воле всем, что на небе, связывали, разрешали по данной им власти. Желал бы видеть прах и оного сердца, кото-

рое всякий может смело назвать сердцем вселенныя... Так пространно было сие сердце, что могло вмещать целые города, области, народы. Ибо он говорит: *сердце наше расширено.* Сердце, которое жило новою жизнию, не сею нашею: *уже не я живу,* говорит, *а живет во мне Христос* (Гал. 2:20). Итак, сердце Павла было сердцем *Христовым,* скрижалями Духа Святого, книгою благодати... Желал бы видеть и прах рук, узами связанных, возложением преподававших Духа Святого, написавших сии строки: *смотрите, как много написал я вам своею рукою* (Гал. 6:11), оных, говорю, рук, кои увидев, ехидна упала в огонь. Желал бы видеть прах очей, претерпевших счастливую слепоту и снова прозревших для блага всего мира, удостоившихся видеть телесно Иисуса Христа; очей, кои, земное видя, не видели, а созерцали невидимое, кои сна не знали, в полунощи были бодры, в коих не было никакой зависти. Желал бы видеть и прах ног, кои, не утруждаясь, проходили вселенную, которые были забиты в колоду, но освобождены землетрясением.

Чему можно уподобить слова его: морю или океану? Ничто не сможет сравниться с ними! Потоки их гораздо обильнее, чище и глубже моря, так что не погрешил бы, кто назвал бы сердце Павлово и морем и небом – небом по чистоте, морем по глубине. Это море, не из города в город переселяющее плывущих по нему, но от земли на небо. Кто плывет по этому морю, тот плывет при попутном ветре. На нем не ветры, но вместо ветров Святый Дух Божий сопровождает плывущие души. Здесь нет волн, нет подводных камней, нет зверей – здесь все тихо. Это море спокойнейшее и безопаснейшее всякой пристани, не имеющее ничего горького, но заключающее в себе источник чистый и источающий сладчайшие потоки, прозрачнейший и светлейший солнца; море, содержащее в себе не драгоценные камни и не пурпур, но сокровища – гораздо лучшие этого. Кто хочет погрузиться в это море, тому не нужны ни орудия плавания, ни елей, но любомудрие, и найдет в нем все блага Царствия Небесного; тот может сделаться царем, приобресть весь мир и быть в величайшей чести. Кто плывет по этому морю, тот никогда не подвергнется кораблекрушению, но будет хорошо распознавать все. Но как неопытные утопают в обыкновенном море, так и здесь, что и случается с еретиками, покушающимися на то, что выше сил их. Посему нужно знать эту глубину или не дерзать (погружаться в нее). Если мы хотим плыть по этому морю, то должны быть крепко препоясаны. *Не могох,* говорит он, *вам глаголати яко духовным, но яко плотяным* (1 Кор. 3:1). Никто не способный к терпению пусть не плывет по этой глубине. Приготовим себе корабли, то есть усердие, ревность, молитвы, дабы безопасно пройти эту глубину, ибо эта вода есть вода живая. Как имеющий у себя закаленную сталь – так бывает силен и знающий Павла; как владеющий острым мечом – так бывает неприступен и этот. Но чтобы уразуметь Павла, для этого нужна чистая жизнь, посему он и

говорил: *быте требующе млека, понеже немощни бысти слухи* (Евр. 5: 11, 12). Бывает, подлинно, бывает и немощь слуха. Как желудок не может принимать пищи здоровой и твердой, когда он слаб, так и душа надменная и раздражительная, делаясь бессильною и расслабленною, не может принимать духовного слова. Послушай, что говорили ученики: *жестоко есть слово сие: кто может его послушати!* (Ин. 6:60). А когда она здрава и крепка, тогда все для ней легко, все удобно; делаясь возвышенною и легкою, она более и более устремляется горе и достигает высоты. Зная это, будем сохранять душу свою здравою и подражать Павлу – этой доблестной и адамантовой душе – дабы, шествуя по следам его жизни, мы могли проплыть море настоящей жизни, достигнуть безмятежной пристани и сподобиться благ обетованных живущим достойно Христа, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ К 25–28 ГЛАВАМ

1) 25 гл. Ст. 7. Миры. Б. п. сл «В. чт.», 1866, 2.

2) Ст. 13. Агриппа. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1. Вереника. Там же.

3) Чтение о св. ап. Павле. Фест, Агриппа и Вереника. «В. чт.», 1873, 2.

4) *Ранинский*. Защитительная речь пред Агриппою. «Стран.», 1890, 3.

5) 27 гл. Ст. 2. Адрамит. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

6) Ст. 5. Ликия. Б. п. сл. «В. чт.», 1876, 2.

7) Ст. 7. Крит. Там же.

8) Ст. 27. Адриатская пучина. Б. п. сл. «В. чт.», 1874, 1.

9) 28 гл. Ст. 1. Мальта. Б. п. сл. «В. чт.», 2.

10) Ст. 7. Публий. Б. п. сл. «В. чт.», 1877, 1.

11) Ст. 11. Диоскуры. *Архим. Никифор*. Библ. Слов. «Чт. в общ.». Библиогр., 1890.

12) Вопрос о вторичном пребывании ап. Павла в Риме. «В. чт.», 1873, 2.

13) Из Церков. ист. Евсевия Кесар. Об оправдании ап. Павла в Риме. О гонении Нерона и мученической кончине апп. Петра и Павла. «Хр. чт.», 1841, 2.

14) *Иннокентий, архиеп. Херсонский*. Фест, Агриппа. Сочин., т. 9.

15) О том же, *прот. Горского*. Еванг. история и история апостольской Церкви.

16) *Прот. Михайловский*. Св. ап. Павел. Св. ап. Павел в Кесарии пред Феликсом и Фестом.

17) *Фаррар*. Св. ап. Павел на суде пред Агриппой II. Жизнь и труды ап. Павла, 2.

18) *Его же*. Св. ап. Павел в Риме. Там же. Конец.

19) *Прот. Михайловский*. Св. ап. Павел. Св. ап. Павел в Риме. Предположения о вторых римских узах. Мученическая кончина ап. Павла и Нероново гонение на христиан.

20) *Иннокентий, архиеп. Херсонский*. Плавание Павлово в Рим. Соч., т. 9. Первые узы в Риме. Четвертое апостольское путешествие и последние узы в Риме.

21) О том же, *прот. Горского*. Ев. история и история ап. Церкви.

Содержание

Матвей Васильевич Барсов
**Сборник статей по истолковательному
и назидательному чтению Деяний святых апостолов**
с библиографическим указателем

Ответственный за выпуск **О. Голосова**
Корректоры **И. Плотникова, М. Харитонова (греческий)**
Обложка **О. Александрова**
Компьютерная верстка **Н. Смирнова**

Подписано в печать 20.09.2006.
Формат 70x100/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 45 п.л. Тираж 3500 экз. **Заказ № 64546**

ООО «Издательство «Лепта Книга», 125368, г. Москва, ул. Барышиха, д. 19

ООО «ТрейдСервис»
105066, г. Москва, ул.Ольховская, д. 45, стр.1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ОАО «Молодая гвардия»
127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21